

Библиотека литературы Древней Руси. Том 4 (XII век)

[Том 1](#) • [Том 2](#) • [Том 3](#) • [Том 4](#) • [Том 5](#) • [Том 6](#) • [Том 7](#) • [Том 8](#) •
[Том 9](#) • [Том 10](#) • [Том 11](#) • [Том 12](#) • [Том 13](#) • [Том 14](#) • [Том 15](#) • [Том 16](#) • [Том 17](#) • [Том 18](#) • [Том 19](#) • [Том 20](#)

[Вступление. Литература эпохи «Слова о полку Игореве»](#)

Вступление. Литература эпохи «Слова о полку Игореве»

Эпоха, которой принадлежит гениальный памятник «Слово о полку Игореве», противоречива и трагична в своей основе. С одной стороны, она отмечена высоким развитием искусств: живописи, архитектуры, прикладного искусства, литературы, а с другой – она характеризуется почти полным распадом Русского государства на самостоятельные княжества, отмечена разорявшими страну междоусобными войнами князей и чревата крайним ослаблением Руси как единого целого в военном отношении.

В свое время – в конце XI и в первой четверти XII века – [Владимир Мономах](#) вносил сильное сдерживающее начало в процесс дробления Русской земли. Ему удалось глубокими походами в степь утишить половцев. Со смертью Владимира Мономаха в 1125 году вражда между отдельными русскими князьями усиливается, а через некоторое время возобновляются и набеги половцев. Вплоть до татаро-монгольского нашествия междоусобия отдельных ветвей княжеского рода становятся все более и более частыми. Воюют в основном потомки Владимира Мономаха – «мономаховичи» – с потомками постоянного противника Мономаха Олега Святославича – «ольговичами». Но внутри каждого из этих родов возникают собственные противоречия интересов. Слабеет значение Киева как объединяющего центра Руси, особенно после тех разорений, которым подвергли его сами русские князья. Возникают новые сильные центры притяжения – Владимир-Залесский во Владимиро-Суздальской земле, Чернигов, Владимир-Волынский и Галич на юго-западе Руси, Новгород и Смоленск на севере и северо-западе. Появляется

тенденция к еще более мелкому дроблению. Политическое и военное единство Руси фактически перестает существовать. Однако не прекращается сознание исторического, языкового и культурного единства всего русского народа на огромном пространстве северо-востока Европы. Развивается трагическое противоречие между осознанием себя как единого целого и фактическим положением дел. В этих условиях особую роль суждено было сыграть литературе.

* * *

Литература народа – это не простая совокупность литературных произведений. Сами по себе отдельные произведения еще не создают литературы как единого целого. Произведения составляют литературу, когда они связаны между собой в некое органическое единство, влияют друг на друга, «общаются» друг с другом, входят в единый процесс развития и несут совместно более или менее значительную собственную функцию.

Уже в XI веке началось «взаимообогащение литературных произведений», которое в условиях Древней Руси сводилось главным образом к заимствованию из одного произведения в другое целых отрывков или отдельных фраз, к присоединению произведений друг к другу, к их включению друг в друга, к составлению их новых редакций и новых памятников на основе старых.

Вся литература XII – начала XIII века является единым реальным целым, в котором произведения объединяются, соединяются между собой, продолжают друг друга, составляются на основе переписки нескольких писателей, живущих в разных концах Русской земли. При этом она становится литературой единой темы – темы Русской истории, литературой единой идеи – идеи необходимого единения. Вся русская литература XII – начала XIII века по существу одно произведение, которое мы могли бы назвать своеобразной проповедью единства Русской земли, – проповедью, составленной в разных концах Руси и в едином стиле монументального историзма, который, возникнув в XI веке,

именно в XII и начале XIII века достигает своего особенно активного и действенного расцвета.

Академик М. Н. Сперанский писал о «нескольких типах литературы» в период раздробленности Руси. «И типы эти, – добавлял он, – будут основаны, между прочим, на различиях племенных, также и областных (государственных). Несомненно, что благодаря различной культуре отдельных племен и христианская литература распространялась далеко не равномерно, иначе сказать: перед нами этнографический принцип развития нового мирозерцания».¹

Представления о том, что литература была так же «раздроблена», как был раздроблен на отдельные феодальные княжества весь государственный строй Древней Руси, стали общим местом всех историй литературы. Однако, в отличие от М. Н. Сперанского, все последующие исследователи главное значение придавали не «этнографическому принципу», а политическому, и разделение русской литературы в XII и в начале XIII века вели главным образом по княжествам, а не по племенам.

Между тем русская литература этого периода не только развивается как единое целое, но и не обнаруживает никаких признаков стремления к самостоятельному и замкнутому развитию в отдельных областях и княжествах. Ни одно из произведений не выступает с проповедью разделения Руси, выделения того или иного княжества в самостоятельное государство, не отражает стремления к культурному отъединению. Напротив, писатели этого периода как бы устремляются друг к другу через огромные расстояния, пытаются установить между собой связи, вступают в переписку, ощущают свою общность и избегают творческого одиночества. Стремление к преодолению расстояний определяет весь характер литературы этого периода. Каждое из княжеств дорожит своею исторической общностью с другими княжествами. Монументально-исторический стиль определяет содержание, форму и самые способы ведения летописания, составления литературных произведений, отношение писателей к окружающему миру и характер литературной традиции.

Начнем с летописания, которое в силу своего местного происхождения, казалось бы, должно было более всего отразить местный характер литературы, если бы он действительно существовал. Между тем именно летописям принадлежала главная роль в деле взаимообогащения литературы в XI–XIII веках.

«Повесть временных лет», составленная в самом начале XII века, подвела своеобразный итог литературному развитию предшествующего времени. Она явилась своего рода «литературной антологией» русских и переводных произведений. Помимо предшествующих летописных сводов и византийских хроник в «Повести временных лет» были отражены идеи и отдельные выражения из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, поучение о «казнях Божиих» Феодосия Печерского, жития первых русских святых и сказания о первых насельниках Киево-Печерского монастыря, повесть об ослеплении Василька Теребовльского и многое другое.² В XII веке происходит дальнейшее развитие объединяющего значения «Повести временных лет». Она ставится в начало многих местных летописей. По-видимому, «Повесть временных лет» начинается собой Черниговское летописание князей «ольговичей» (потомков Олега Святославича). Она появляется в Переяславле-Южном, во Владимире-Волынском и во Владимире-Залесском. В последнем княжестве в один из списков «Повести временных лет» включается собрание сочинений Владимира Мономаха – его «Поучение», его автобиография и его письмо к Олегу Святославичу. И это включение сочинений Мономаха становится важнейшей символической акцией, знаменуя собой принятие политических и моральных заветов Мономаха во Владимиро-Суздальском княжестве.

Движение «Повести временных лет» по всему горизонту Русской земли не было только историко-литературным фактом. Это был факт политического самосознания.

В XII веке многие летописи, продолжающие общерусское летописание, составляются в разных городах и монастырях

Руси. Летописи ведутся не только в Киеве, но и в Чернигове, в Переяславле-Южном (летопись княжеская и летопись епископская), в Новгороде (и при владычном дворе в Святой Софии, и в небольшой уличанской церкви Якова в Неревском конце Новгорода), и во Владимире-Залесском, и в Ростове, и во Владимире-Волынском, и в Смоленске, а возможно, и во многих других городах Руси.

При этом замечательным свойством русского летописания оставалось его стремление охватить все русские события, всю Русскую землю. В Киевской летописи, начиная со второй половины XII века, мы находим черниговскую летопись и летопись Переяславля-Южного, извлечения из северо-восточного летописания. В летописи Переяславля-Южного отражается Киевская летопись. В новгородском летописании, открывавшемся Начальным летописным сводом XI века, в начале XIII века отражается рязанское летописание и постоянно делаются попытки выйти за пределы только новгородских событий.

В летописание Владимира-Залесского включаются обе летописи Переяславля-Южного – епископская и княжеская, а через них и Киевская летопись.

Выходило за пределы местных событий и летописание Владимира-Волынского.

Летописцы как бы ищут друг друга, их летописи постоянно переписываются и перевозятся из одного княжества в другое. В этом сказываются объединительные тенденции летописцев, их замечательное стремление к «преодолению пространства».

В разнообразии манер, в которых написаны дошедшие до нас летописи (из них главные рукописи – Ипатьевская XV века, Лаврентьевская XIV века и Синодальный список Новгородской первой летописи XIII века), сказываются не столько местные черты, так называемое «областническое начало», сколько разнообразие жанров вошедших в них произведений, разнообразие социальной принадлежности летописцев и разнообразие литературных «деловых» влияний, которое они испытывали.

В Киевский свод 1200 года (он читается и ныне в составе Ипатьевской летописи) вошли не только летописи других летописных центров Руси, но и особый жанр семейных хроник князей – Ростиславичей (потомков Ростислава Мстиславича), Святослава Ольговича и его сына Игоря Святославича (героя «Слова о полку Игореве»), вошли повести о княжеских преступлениях – Повесть об убийстве Игоря Ольговича и о преступлении Владимирки Галицкого. Заключался свод торжественной речью игумена Выдубецкого монастыря Моисея по случаю построения монастырской стены над Днепром. Этим обилием и жанровым разнообразием источников определилось в значительной мере литературное богатство сохранившейся до нашего времени Ипатьевской летописи за XII век.

Летопись Владимира-Залесского (она сохранилась в составе Лаврентьевской) велась при храме Успения Богородицы и поэтому отразила стремление своих церковных составителей видеть в каждом знаменательном событии заступничество Богородицы, ее особое покровительство городу Владимиру и владимирскому князю. Летопись Владимира-Залесского отразила главным образом церковную литературу: Паримийник, Житие Бориса и Глеба, слово Феодосия Печерского о «казнях Божиих», «Слово о Законе и Благодати» и прочее.

Значительно меньше литературных источников отразила Новгородская летопись. Ее язык ближе всего деловой прозе – языку берестяных грамот и «Русской Правды».

Замечательно, однако, что литературные источники летописей также свидетельствуют об их распространении по всей Русской земле. Так, например, киевское «Слово о Законе и Благодати» оказывает воздействие на летопись и на северо-востоке Руси во Владимире-Залесском, и на юго-западе – во Владимире-Волынском. Характерно также, что наиболее детальный рассказ об убиении Андрея Боголюбского попал не в летопись Владимира-Залесского, где события происходили, а в Киевскую (сейчас этот подробный рассказ читается в Ипатьевской летописи, а более сжатый – в Лаврентьевской).

Своеобразную ограниченность можно усмотреть лишь в некоторых частях новгородского летописания, но объясняется

это тем, что одна из новгородских летописей велась в небольшой церкви уличан на Яковлевой улице Неревского конца Новгорода ее попом Германом Воятой. Священники уличанских церквей в Новгороде выбирались жителями улицы, и этим, очевидно, объясняется, что Герман Воята (Воята – сокращение языческого имени Воислав) был носителем полуязыческих представлений. Записи этого священника с двойным – христианским и языческим – именем имеют отчасти личный характер. Так, например, под 1138 годом Герман Воята записывает, что 9 марта «бысть гром велий, яко слышахом чисто в исьбе сидяще». В тот же год 23 апреля «пополошишася людье: сългаша бо, яко Святопѣлк у города с пльсковичи (псковичами.– Д. Л.), и высушася весь город к Сильницю, и не бы ничто же». В стилистическом отношении очень интересна запись 1143 года, в некоторых своих частях передающая даже короткий ритм устной речи: «...стояше вся осенина дѣждева, от Господина дни до Корочюна, тепло, дѣжгъ». Обращает на себя внимание в этой записи также и замена в определенном времени христианского Филиппова заговенья языческим «Корочюном».

Общественный строй Новгорода отразился и на других новгородских летописях, вошедших в состав новгородского летописания при новгородском Софийском владычном дворе. Язык новгородских летописей простой, с малым количеством церковнославянизмов. В этой же летописи сильнее, чем в каких-либо иных, могут быть отмечены языковые диалектизмы. Элементы новгородского говора выступают в новгородских рукописях вообще довольно рано (так, например, они есть уже в новгородской Минеи 1096–1097 гг.), но и эти диалектизмы не служат еще признаком «областного этнографического» принципа в развитии литературы. Это все свидетельства только языковых различий, но не появления областного самосознания.

В идейном отношении отдельные летописи, как и отдельные повести о княжеских преступлениях, могли стоять за своего князя, за своих местных князей, высказывать различные политические убеждения (летопись была далеко не бесстрастной и равнодушной к добру и злу), но ни один

летописец никогда не высказывался за отделение своего княжества в самостоятельное государство, за сепаратистский принцип в жизни страны. Напротив, спор шел только о том, кто из князей, какая из княжеских родовых линий лучше всего служит единству Русской земли.

Та же постоянная общерусская интеграция пронизывает собой и наиболее значительный памятник историко-церковной литературы рубежа XII–XIII веков – Киево-Печерский патерик.

Он создавался постепенно в разных концах Русской земли, на основании различных предшествующих ему литературных памятников и был проникнут идеей общерусского значения Киево-Печерской обители.

Патерик возник в двух крайних концах Русской земли – из переписки киево-печерского монаха Поликарпа с владимиросуздальским епископом Симоном. В своем письме из Киева во Владимир Поликарп пожаловался Симону, что его обходят в церковных назначениях. Симон ответил Поликарпу наставительным письмом на тему о великой чести подвизаться в Киево-Печерской земле и к своему письму присоединил несколько коротких рассказов о жизни печерских монахов. Письмо, очевидно, подействовало на Поликарпа, и он дополнил рассказы Симона своими собственными в письме к печерскому игумену Акиндину. Письма Симона и Поликарпа были объединены в XIII веке со сказанием Нестора о первых черноризцах печерских, которое в свое время было включено в состав «Повести временных лет» со сведениями из не дошедшего до нас Жития Антония Печерского, а также Житием Феодосия Печерского и некоторыми другими литературными материалами. Так создалось сводное произведение, не совсем похожее по форме и жанровым признакам на византийские патерики, но тем не менее названное в поздних своих списках именно патериком, чтобы как-то ввести его в привычные церковные жанры.

В Киево-Печерском патерике сказались разнообразные влияния: и влияние эпистолярной практики своего времени, и воздействие тех же греческих патериков, отразилась летописная

форма изложения, стиль житийной литературы, стиль учительных сочинений и, наконец, содержание устных слухов, преданий и других жанров восточнославянского фольклора. В литературной истории Киево-Печерского патерика можно проследить удивительный процесс формирования оригинального по своим жанровым признакам большого памятника на основании множества самых разнообразных и порой неожиданных влияний. Однако не менее оригинальным явился Киево-Печерский патерик и в идейном отношении. Христианские представления соединились в его идейном содержании с древним культом Земли,³ который также в какой-то мере отразился на идейной стороне монументально-исторической стилистической формации.

В патерике подчеркивается, что Киево-Печерская Успенская церковь воздвигнута «от Севера» и «от Юга»: варягами, давшими материальные средства, и греками, чудесным образом посланными из константинопольского монастыря Влахерны, чтобы построить монастырскую церковь и расписать ее.

Место, на котором построена церковь, – свято. Оно указано чудесами. Чудесно указана и мера церкви. По ней, этой мере, выстроены Успенские же церкви Богоматери в Ростове и Суздале. Из Печерского монастыря выходят епископы, а иноки его строят монастыри по всей Руси – вплоть до далекой Тмутарокани на Черном море. Монастырь как бы распространяет знаки святости по всей Русской земле. Это святыня всерусская и всесветная.

Всякая местность освящается построением в ней монастыря или церкви, историческими или церковно-историческими воспоминаниями. По сути дела на этом строилось и понятие «Святой Руси»: каждое место в ней утверждалось в своей абсолютной ценности благодаря этим «отметкам» – освящению их воспоминаниями и строениями.

Характерно, что владимирский епископ Симон в своем письме в Киев к Поликарпу пишет о «Русском мире» и о той роли, которую играет в нем Киево-Печерский монастырь. Именно отсюда, из Киево-Печерской обители, вышли русские церковные иерархи – Киева, Переяславля, Ростова, Новгорода,

Владимира, Юрьева, Полоцка, Тмуторокани, Чернигова, Турова, Белгорода, Суздаля. «И аще хочещи вся уведати, почти летописца старого Ростовьскаго». В этом летописце Симон отмечает 30 имен русских иерархов, вышедших из Киево-Печерского монастыря, а всего, считая и тех, кто жил позднее, «и до нас, грешных», отмечает Симон, было их около пятидесяти.

При этом обратим внимание вот на что: чтение, и особенно чтение летописи, по словам Симона, внушает мысль о значении Печерской обители для всего «Русского мира». Такова же роль чтения и в проповеди мира, как тишины и спокойствия, братолюбия князей. «Русский мир» и «мир в Руской земле» – это по существу нечто общее. Эта идея роли чтения – по-своему замечательна и очень действенна. Ни один из писателей XII – начала XIII века не опускался до высказываний за разделение Русской земли. Летописцы и отдельные книжники могли ошибаться и могли находить именно своего князя правым в создавшихся конфликтах, считая его первым среди русских князей и наиболее достойным занять в Русской земле или в том или ином княжестве руководящее место, однако в целом русская литература на всем протяжении ее вплоть до Батыева нашествия проповедовала только одно: необходимость «блюсти Русскую землю».

Киево-Печерский патерик не только служил идее единства Руси, но и утверждал самобытность этой Руси, способствовал формированию в ней церковного идеала поведения, своих русских церковных обычаев, монашеского «этикета». Так, например, в патерике рассказывается, как родился русский обычай вкладывать в руку умершего написанную молитву с просьбой о прощении ему грехов. Авторы патерика сознавали, что этого обычая нет в других землях.

Авторы патерика стремились создавать идеал чинного образа жизни не только в монастыре, но и за его пределами. В патерике рассказывается, например, на основании Жития Феодосия, как киевский князь Изяслав, навестив однажды Феодосия, спросил у него: почему так вкусна пища в его монастыре, тогда как на его собственных пирах, где пища

различна и многоценна, она «не суть такова сладка, яко же сиа». Феодосии разъяснил князю: потому, что она готовится в монастыре благоговейно и по обрядам, описал эти обряды, а у князя пища готовится рабами, которые работают «сварящися (ссорясь. – Д. Л.) и шегающе (насмехаясь. – Д. Л.) и кленуще друг друга, и многожды же биеми суть от приставник, и тако вся служба их с грехом съвършается».

Патерик относится к тому времени, когда происходило становление феодального быта, устанавливался этикет – этикет поведения, этикет воинский, княжеский, монашеский. Каждое сословие в это время предстает в литературе как бы в своем геральдическом знаке, изображающем его в момент исполнения им его высшего сословного долга: князь выезжает на битву впереди войска и первым ломает в битве копье (т. е. начинает битву); подручные князя ездят у стремени своего главы; отроки предстоят перед князем; бояре заседают в совете («бояре думающие»); крестьяне пашут и т. д. Характерен тот образ работающего монаха, который дает Киево-Печерский патерик: «Многожды же великому Никону сидящу и строящу книги, и блаженному (Феодосию. – Д. Л.) въскрай его сидящу и прядущу вервие еже на потребу таковому делу. Таково бе того (Феодосия. – Д. Л.) смирение и простота». Сравните в патерике другую идиллическую сцену с тем же Феодосией: Ларион «беяше бо книгам хитр писати, и съй по вся дъни и ноци писаше книги в келии блаженнаго отца нашего Феодосиа, оному же (т. е. Феодосию. – Д. Л.) псалтыр поющу усты тихо и рукама прядуща вълну или ино кое дело...» «Делание» книг (их писание, переплетание и проч.) – это одно из важнейших монашеских занятий. Но есть и другие. Патерик замечателен тем, что живописует и эти занятия монахов помимо молитвы и бдения – в садоводстве, в приготовлении пищи, а иногда и в руководстве строительными работами. В последнем случае описываются в патерике и конфликты, возникающие между работниками, нанятыми со стороны, и монастырем. Не всегда идеально ведут себя и сами монахи. В них сказываются и дурные черты характера, и разные слабости. Однако конфликты

в конце концов прекращаются, и монашеская идиллия восстанавливается.

Патерик, с одной стороны, показывает нам становление на Руси нового литературного жанра, с другой же стороны, параллельно этому – становление на Руси феодального быта и феодальных идеалов поведения. Восхваляя или осуждая, авторы патерика и в том, и в другом случае пропагандировали идеальные с их точки зрения отношения внутри монастыря и с окружающим его обществом – князем, в первую очередь.

Становление литературных жанров, как и становление опять-таки быта, в целом рисует нам и другое знаменитое произведение того времени, в первой своей редакции обычно называемое «Словом Даниила Заточника», во второй – «Молением Даниила Заточника». Это произведение во многом загадочное, но и безусловно замечательное. Не ясен прежде всего главный персонаж – он же и предполагаемый автор «Моления» – Даниил Заточник: кто он по своему социальному положению, чьи интересы он выражает, какому князю служит. Не ясна и жанровая принадлежность произведения. «Загадочность» «Моления» не случайна – это результат того, что сама литература находилась в XI–XIII веках в процессе жанрообразования, а общество было обществом несформировавшимся, становящимся, находящимся в процессе классообразования. Если принять во внимание эту неустойчивость общества и всеобщее стремление обрести эту устойчивость, в частности в литературе, где шли поиски новых жанров, отвечающих задачам русской действительности, то объяснение «Молению» может быть дано такое.

В византийской и древнерусской литературе еще в XI веке существовали сборники изречений. В частности, известен был в Древней Руси «Стословец» Генадия – сочинение, возможно, и древнерусское. Но в этих сборниках изречения не располагались в каком-либо стройном порядке. Каждое изречение имело самодовлеющее значение. «Моление» – это тоже в какой-то мере сборник изречений, но нанизанных на определенный и довольно острый сюжет: бедный, зависимый, а

может быть, и сосланный человек размышляет над тем, как ему выбраться из своего тяжелого положения, прикидывает различные жизненные ситуации, которые помогли бы ему выбраться из его унижений, и обращается к князю с разными мольбами. Положение, знакомое различным эпохам, но особенно острое для эпохи совершающегося классовообразования. Мысленно примеривая себя к разным жизненным ситуациям, Даниил шутит над собой. Он вымаливает у князя милость, может быть – подачку, стремится рассмешить князя или поразить остроумием. Среди его шуток – предложение жениться на богатой, но «злообразной» жене и изображение этой жены: это как бы сценки для пирушек, на которых присутствуют только мужчины. Восхваляя силу князя и преувеличивая, может быть, свою нищету, Даниил вносит оттенок иронии и в свои похвалы князю.

И все же заканчивается «моление» вполне серьезным превознесением силы князя и мольбой к Богу дать «князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову (Александра Македонского. – Д. Л.), Иосифль разумъ, мудрость Соломону и хитрость (искусность. – Д. Л.) Давидову и умножи, Господи, вся человеки под нози его». Последняя просьба к Богу особенно характерна. В огромных пространствах Русской земли людей было немного. Обязанностью князя было привлечь в свои владения как можно больше крестьян, «блюсти смерд», то есть умерять их эксплуатацию отдельными феодалами в интересах всего класса феодалов в целом, и давать крестьянам надежную защиту от набегов половцев.

Широкое видение Русской земли, как бы «панорамное зрение», которое, с одной стороны, охватывало Русь одновременно в разных ее концах и заставляло воспринимать происходившие в ней события в глубокой исторической перспективе (основные признаки монументально-исторического стиля), с другой – заставляло писателей и читателей древнерусских произведений XII – начала XIII века интересоваться и окружающими Русь странами. Этот интерес особенно характерен для Галицко-Волынского летописания,

вошедшего в состав сохранившейся до нашего времени Ипатьевской летописи. В последней мы постоянно находим сведения об отношениях с Венгрией, Польшей, Литвой, Византией, половцами. Русская земля мыслится не только во всей ее широте, но и как часть вселенной, во всяком случае – как часть христианского мира. Этому осознанию Руси как части вселенной служил жанр «хождений» в «Святую землю» и в Царь-град. Это были два центра мировой истории и мира в его целом. Приобщение к этим центрам воспринималось как приобщение к мировому единству. Паломники и простые путешественники как бы удостоверяться в своих путешествиях, что мир как целое существует, существует и «священная» история мира.

Первым из «хождений» было «Хождение в Святую землю игумена Даниила». Путешествия в Палестину, на Афон и в Константинополь совершались и до XII века. На Афоне был, например, основатель Киево-Печерского монастыря Антоний, путешествовал туда же игумен Варлаам, но только игумен Даниил оставил об этом своем путешествии в Палестину подробные и знаменательные записки. Его записки обращены ко всем русским, кто хотел бы вслед за ним совершить паломничество в те же места. Это своего рода путеводитель: подробный и наставительный. Он свидетельствует о чувстве неразрывной связи всей Русской земли с тогдашним религиозным центром мира, и не случайно, что в Иерусалиме игумен Даниил возжигает кадило у гроба Господня «от всей Русской земли», а не только от своего монастыря или княжества. Даниил был в Палестине, когда она находилась в руках крестоносцев. Он был принят королем Балдуином как представитель Русской земли с особенным почетом. Он пишет сам о себе как об «игумене русском», а не какого-то отдельного монастыря.

В «Хождении» Даниила поражает его подготовленность к этому путешествию. Он знает историю тех мест, где он бывал, и соответственно сам выбирает свой маршрут. Такую же осведомленность он предполагает в своих читателях. В своем сочинении он как бы сверяет свои знания с виденным и

дополняет уже известные сведения сообщением о сохранности памятников, их размерах, расстояниях между памятными местами, о почитании их среди местного населения и у паломников.

По многим признакам можно считать Даниила выходцем из одного из южных княжеств, однако это никак не сказывается «идеологически». В конце XII века ходил в «Святую землю» и в Царь-град новгородец Добрыня Ядрейкович, и он также составил описание своего путешествия – как своего рода путеводитель будущим русским ходокам.

Когда в 1204 году крестоносцы захватили и разграбили Константинополь, – это событие глубоко потрясло Русь. Один из русских, находившихся в это время в Константинополе, составил о взятии Константинополя крестоносцами подробную повесть – одно из самых детальных и обстоятельных описаний этого события. Русский автор этой повести показал свою глубокую осведомленность в византийских событиях, описал мотивы тех или иных действий обеих сторон и остро почувствовал трагичность происходящего. Повесть составлена одновременно и умело, и просто. Автор не только видел некоторые из событий собственными глазами, но и слышал о них от других – от греков. Впоследствии повесть была включена не только в сочинение по всемирной истории («Еллинский и Римский летописец»), но и в Новгородскую летопись: Новгород, стремившийся к церковной самостоятельности от Киева, был особенно тесно связан с Константинополем, несмотря на свою крайнюю отдаленность от него, и новгородцев глубоко интересовало все, что там происходило.

Интерес к мировой истории отразился также в распространении переводных и компилятивных сочинений по всемирной истории – особенно по истории библейской и византийской – с захватом истории Греции и Рима. Особенно большое значение имел в это время «Еллинский и Римский летописец». Под «Еллинским летописцем» разумелось описание языческой части мировой истории, под «Римским» – история христианских государств: Рима Первого, западного, и Рима Второго, восточного, связь с которым ощущалась на Руси не

только по церковной линии, но и, в широком смысле, по культурной.

О мудрости мироустройства подробно говорил «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. Это сочинение оказывало сильное влияние на всю русскую литературу и отчасти на изобразительное искусство вплоть до XVIII века. Это было любимое произведение русских читателей, интересовавшихся смыслом не только всего преходящего, но всего «вечно устроенного». «Шестоднев» рассказывал о творении мира в шесть дней (отсюда и его название) и о целесообразности всего в нем существующего, о саморегулировке всего в природе и самоочищении мира, о круговороте воды, о целесообразности всего живущего, о красоте моря – его набегających на песчаный берег волнах, – разумности расселения в мире рыб и птиц и о многом другом. Человек был представлен в этом сочинении как центр вселенной, ради которого живет и совершается все в природе и который нравственно отвечает поэтому за все то, что его окружает и ему, в сущности, принадлежит и подчиняется.

Все переводные или перешедшие из Болгарии сочинения как нельзя лучше соответствовали стилю монументального историзма, в рамках которого воспринимался мир в Древней Руси XII–XIII веков. Большинство апокрифов, патеричных рассказов Синайского или Азбучного патериков, сборников изречений учили древнерусского читателя тому же широкому видению, умению за случайным и преходящим угадывать нечто значительное и «вечное».

В тесной связи с произведениями, перенесенными к нам из Болгарии и Византии, находились те русские оригинальные сочинения, которые были написаны в строгих рамках традиционных жанров.

Русская литература в XII и начале XIII века, как мы уже видели, постоянно пыталась создать и развивать свои собственные жанры, способные наилучшим образом ответить потребностям русской действительности. Даже многие традиционные жанры претерпевали значительные изменения – как, например, жития святых, проповеди, поучения, в которые

все сильнее и сильнее вторгались политические мотивы. Однако жанр торжественной проповеди сохранился почти без изменений, и в нем древнерусские писатели достигли большого искусства. Таковы были, например, «Слова» Кирилла, епископа Туровского, переписывавшиеся в древнерусских и южнославянских рукописях наряду с произведениями лучших древнехристианских и византийских ораторов: в первую очередь – наиболее авторитетного в Древней Руси отца церкви – Иоанна Златоуста.

«Слова» Кирилла Туровского, посвященные тем или иным церковным праздникам, составлены по самым высоким канонам византийского ораторства, отличаются удивительным изяществом языка, расчетливо учитывающего устное произнесение в церкви при большом стечении молящихся. По своему – это тоже произведение монументально-исторического стиля и монументально-исторического мышления. Кирилл в каждом из своих «Слов» напоминает слушателям о «вечном смысле» происходящего, о своеобразном священном круговороте праздничного годового цикла. Он приглашал своих слушателей воспарить умом и сердцем, взглянуть на совершающийся праздник как на своего рода вечное действо, существующее «ныне и присно» (т. е. сейчас и всегда).

Очень мало дошло до нас от писаний Климента Смолятича – митрополита из русских, поставленного в Киеве, как в свое время и Иларион, без санкции константинопольского патриарха. Сохранилось лишь его послание некоему священнику Фоме. Это – часть их переписки (а переписка была очень характерна, как уже говорилось, для этого времени), которая велась киевским митрополитом Климентом Смолятичем (он был одно время епископом в Смоленске) с князем Ростиславом Мстиславичем и его священником Фомой. Но эта часть позволяет говорить, что переписка в целом велась по общемировоззренческим вопросам и касалась литературных принципов. Фома обвиняет Климента в том, что он увлекается языческой философией и, в частности, высказываниями Гомера, Аристотеля и Платона. Это не означает, что Климент хорошо их знал. По-видимому, Климент цитировал греческих философов по сборникам

изречений, которые были широко распространены в то время, но все же отзывы летописи о Клименте как о «книжнике» и «философе» свидетельствуют о высокой культуре этого писателя, сочинения которого, к сожалению, в основном до нас не сохранились, хотя летопись и говорит о том, что он был автором «многих» произведений.

Кульминация всех идейно-стилистических особенностей литературы XII века – гениальный памятник «Слово о полку Игореве».

По своим идеям «Слово о полку Игореве» не было одиноким памятником. В сущности, вся русская литература XII века пронизана идеей необходимости единения, – особенно единения княжеского, сплочения военного и прекращения усобиц. Литература противостоит печальной действительности. Она отталкивается от нее, призывает к ее исправлению. В этом своеобразная диалектика отношений литературы и действительности. С одной стороны, она порождена действительностью и не может сказать ничего, чего бы не было в этой действительности или в существующей в это время литературной традиции («вторичной действительности» своего времени); с другой стороны – литература идет впереди своего времени. Это особенно характерно для русской литературы, которая всегда стремилась к исправлению общественных недостатков. На этом передовом характере литературы строился весь общественный авторитет русской литературы. И этот общественный авторитет она стала завоевывать с самого начала, но особенно в XII веке, в эпоху, когда литература составила большую общественную силу, – эпоху «Слова о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» посвящено походу 1185 года на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича и написано, очевидно, под свежим впечатлением от его поражения. Но, по существу, настоящим героем этого произведения является вся Русская земля, взятая в широчайших географических и исторических пределах. Вот в этом широком охвате Русской земли и заключена конкретность

призыва автора к единству всех русских княжеств: автор сознает реальное и художественное их единство, их историческую общность и, следовательно, трагичность разрыва между печальной действительностью Руси, ввергнутой в раздоры князей, и идеальным и возможным величием ее истории, ее природы, находящейся в сочувственном единении с русским народом.

Повествование в «Слове о полку Игореве» непрерывно переходит из одного географического пункта в другой. Автор «Слова» постоянно охватывает крайние географические точки своими призывами к единению, обращениями к отдельным князьям. «Золотое слово» Святослава Киевского обходит всю Русскую землю по окружности – ее самые крайние точки. Мифическое существо «Див» кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Сурожу, и Корсуню, и Тмутороканскому болвану на Черном море. Жена Игоря Ярославна плачет на самой высокой точке Путивля, в котором она скрывалась во время пленения Игоря, – на крепостной стене, над заливными лугами Сейма, обращаясь к солнцу, ветру, Днепру. Девицы после возвращения Игоря из плена поют на далеком Дунае, их голоса вьются через море⁴ до Киева. Каждое действие воспринимается как бы с огромной высоты. Благодаря этому и сама битва Игоря с половцами приобретает всесветные размеры: черные тучи, символизирующие врагов Руси, движутся от самого моря. Дождь идет стрелами с Дона великого. Ветры веют стрелами с моря. Битва как бы наполняет собой всю степь.

«Слово» постоянно говорит о «славе» князей – нынешних и умерших – и также в этих широчайших пределах. От войска Романа и Мстислава дрогнула земля и многие страны – Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, и половцы копыя свои склонили под те мечи булатные. Князю Святославу киевскому поют славу немцы и венецианцы, греки и моравы. Пространственные формы приобретают в «Слове» и такие понятия, как «тоска», «печаль», «грозы»: они текут по Русской земле, воспринимаются в широких географических пределах, почти как нечто материальное и ландшафтное.

Стиль монументального историзма сказывается в «Слове» и в попытках передать действие как столкновение сил, как передвижение больших масс. Действующие лица переносятся в «Слове» с большой быстротой: постоянно в походе Игорь, парадируют в быстрой езде «кмети» – куряне, в быстрых переездах Олег Гориславич и Всеслав Полоцкий. Последний, обернувшись волком, достигает за одну ночь Тмуторокани, слышит в Киеве колокольный звон из Полоцка и т. д.

Неподвижен великий князь Святослав Киевский, но его «золотое слово» обращено из Киева «на горах», где он сидит, ко всем русским князьям и обходит по кругу всех русских князей по границам Руси. Двигается не он, но зато движется все вокруг него. Он господствует над движением русских князей, управляет их движением. То же самое и Ярослав Осмомысл. Он неподвижен высоко на своем златокованом столе в Галиче, но его железные полки подпирают горы угорские, он мечет бремены через облака, рядит суды до Дуная, грозы его по землям текут, и он отворяет врата Киеву.

В таком же церемониальном положении изображен и Всеволод Суздальский, готовый вычерпать шлемами Дон, расплескать веслами Волгу, полететь к Киеву. Великий князь церемониально неподвижен, но он среди движения.

Вообще церемониальность играет существенную роль в стиле монументального историзма и, соответственно, – в «Слове о полку Игореве». Не случайно в «Слове» так часто говорится о таких церемониальных формах народного творчества, как слава и плач. Боян поет славу старому Ярославу и храброму Мстиславу, он свивает славы «оба полы сего времени» и исполняет славу князьям на своем струнном музыкальном инструменте. Славу поют Святославу иноземцы. Говорится в «Слове» о плаче русских жен, о пении славы девиц на Дунае, приводится плач Ярославны.

Описан и упомянут в «Слове» целый ряд церемониальных положений: обращение Игоря к войску, звон славы в Киеве: «Звенить слава въ Кыевъ... стоять стязи въ Путивлѣ». Игорь вступает в золотое стремя – момент тоже церемониальный. После первой победы Игорю подносят «чрьлень стягъ, бѣлу

хорюговъ, чрьлену чолку, сребрено стружие». В церемониальном положении изображен «на борони» Яр-Тур Всеволод. О пленении Игоря сообщается как о церемониальном пересаживании из золотого княжеского седла в седло кощеево (рабское). Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого: он добывает себе Киев, как «девицу любу», скакнув на коне и дотронувшись стружием (древком копья) до золотого киевского стола, что напоминает сватовство к невесте в русской сказке (Иванушка скачет на коне и успевает снять кольцо с руки царевны, сидящей высоко в тереме). Церемониален плач Ярославны. Она плачет открыто, при всех, на самом видном месте Путивля. Наконец, завершается «Слово» великолепной церемонией въезда Игоря в Киев и пением ему славы в разных концах Руси.

Церемониальность и монументализм XII века сочетается в «Слове» и с тем, что каждое событие воспринимается в нем в большой исторической перспективе. В «Слове» постоянно говорится о дедах и внуках, о славе дедов и прадедов, об «Ольгово гнезде» (Олег Святославич – дед Игоря). Сам автор «Слова» – внук Бояна, ветры – «Стрибожи внуци», русское войско – «силы Даждьбожа внука). Ярослав Черниговский с подвластными ему войсками ковуев звонят в «прадѣдную славу», Изяслав Василькович «притрепал» славу деду своему Всеславу Полоцкому. Внуков последнего призывают понизить свои стяги – признать себя побежденными в междо-усобных битвах и т. д. и т. д.

Для того, чтобы опозитизировать события, современные походу Игоря, автор привлекает русскую историю XI века. Свои поэтические сопоставления автор «Слова» делает с историей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и Редеди. Это все события XI века – «дедовские» по времени. Автор вспоминает певца Бояна – также XI века.

В «Слове о полку Игореве» остро ощущается воздух русской истории. Повторяем: «Слово» принадлежит

монументально-историческому стилю, который не только определял внешнюю форму произведений, но был глубоко идеологичен и лучше всего мог выразить представления о единстве Руси – в географическом и историческом осмыслении этого понятия. Впоследствии, когда «Задонщина» заимствовала из «Слова» ряд формул, образов и положений, она оказалась неспособной заимствовать от него эту самую характерную и самую важную черту художественной системы «Слова» – его монументальность и глубокий средневековый историзм, придающий «Слову» при всей его лиричности своеобразную эпичность: это как бы плач и слава всей Русской земле в ее огромных пределах и в ее глубокой исторической перспективе.

Монументально-исторический стиль возник вместе с русской литературой. На первых порах (в XI в.) он выражал собой преодоление страха перед пространством, появление широкого видения мира, возникновение исторического сознания и ощущение своей связи с окружающим Русь миром, с мировой историей. В эпоху усиленного дробления Руси на отдельные княжества монументально-исторический стиль усложнил свои «идеологические функции»: он был идеальным выражением сознания единства всей Русской земли. В «Слове о полку Игореве» он был теснейшим образом связан с его призывом к единению, к защите пространства Руси, к динамизму обороны. Благодаря тому, что монументализм выражался в эту эпоху преимущественно с помощью изображения быстроты передвижения в огромных пространствах, – очень небольшое по своим размерам «Слово» производило исключительно сильное впечатление непосредственным ощущением единства всей Русской земли как живого огромного существа. Оно сумело соединить лирическое отношение к Руси с эпическим, историю Руси с походом Игоря Святославича, рассказать о несчастных последствиях одного, казалось бы небольшого, похода для всей Руси. По точному определению академика А. С. Орлова: «Героем “Слова” является “Русская земля”, добытая и устроенная трудом великим всего Русского народа»?⁵

«Слово о полку Игореве» не было одиноким памятником своего времени. Это ясно не только потому, что оно

принадлежало к тому же стилю монументального историзма, к которому принадлежали и все другие произведения того же времени. Это ясно и не потому также, что в нем отразилось то же сознание единства Руси, которым жили все русские произведения XII – первой трети XIII веков. В «Слове о полку Игореве» есть и прямые совпадения с летописью (главным образом с Киевской в составе Ипатьевской) и с отдельными произведениями.

Стоит в этой связи остановиться на слове, которое было произнесено 2 мая 1175 года в день празднования памяти Бориса и Глеба в черниговском соборе неизвестным автором, – «Слове о князьях». Оно, очевидно, не случайно предшествует «Слову о полку Игореве» и при этом возникает в том самом родовом гнезде «ольговичей», с которым были тесно связаны герои «Слова» – Игорь Святославич Новгород-Северский, Святослав Всеволодович Киевский и брат Игоря – Всеволод Буй-Тур. В «Слове о князьях» Борисе и Глебе, погибших мученической смертью от руки подосланных их старшим братом Святополком убийц, восхваляется безропотное подчинение старшему брату и осуждаются княжеские усобицы – усобицы, возникающие иногда «за малую обиду» (ср. в «Слове о полку Игореве»: «И начяша князи про малое се великое мльвити»), В междоусобицах князья лишаются «чести славы» (ср. в «Слове...»: «...уже бо выскочисте изъ дѣдней славы»).

Даже в службе XII века Покрову, празднику русскому по своему происхождению, мы находим поэтические строки, осуждающие братоубийственные раздоры князей. В службе этой говорится о вражеских стрелах, летящих «во тьме разделения нашего».

Несомненно, что период со второй четверти XII века и по 1237 год (год нашествия Батыя) был периодом самого интенсивного становления жанровых и идейных особенностей русской литературы на всем обширном пространстве Русской земли – от Новгорода на севере и до ее границы со степью на юге, от Галича и Владимира-Волынского на юго-западе и до Минска, Турова и Витебска на северо-западе, а оттуда – до

Волги на востоке. Литература разнообразна по жанрам, по стилистическим особенностям языка и вместе с тем удивительно едина по своим идеалам и политическим устремлениям: она не имеет одного центра и вместе с тем не провинциальна, она продолжает традиции XI века и одновременно обогащает эти традиции различными новизнами. Старое и новое, чужеземное и свое – местное, возникшее в самых различных, раскинутых по всей Рус-ской земле городских и монастырских центрах, церковное и светское в самых различных сочетаниях – определяют удивительное богатство литературы этого периода.

В пору, когда между отдельными княжествами распадалась экономическая и политическая связи, в литературе возникло прямо противоположное явление – стремление к объединению, утверждались идеи объединения Руси, развивались конкретные литературные связи, стремление к переписке, к взаимополнению отдельных произведений в разных частях Русской земли. Вопреки утвердившемуся в литературоведении мнению о делении литературы на «областные кусты»,⁶ литература на самом деле сильнее всего тяготела к «перекрестному творчеству».

Литература мыслится в этот ответственный период ее истории прежде всего как общение людей между собой, как укрепление единомыслия, как проповедь идей единства. Одной из форм этого общения становится переписка, другой – устное, прочитанное слово, обращенное к многочисленным слушателям, третьей – обращение к потомкам, попытка закрепить настоящее и прошлое для будущего. Во всех этих случаях это общение коллективное или становящееся коллективным в процессе переписки – многих летописцев, многих авторов, многих переписчиков и редакторов произведений, стремившихся вложить в произведение свой личный опыт и при этом пишущих в разных концах Русской земли – «Русского мира», как его называл Киево-Печерский патерик. Коллективность (в авторстве и в чтении произведения), разнотерриториальность создания – важная черта стиля монументализма, сложившегося в своих

существенных чертах еще в XI веке, но в XII веке приобретшего особенно острое идеологическое наполнение.

Литературное самосознание, начиная со второй четверти XII по начало XIII века, не только определялось монументально-историческим стилем, но в значительной мере накладывало свой отпечаток на этот стиль, сообщало ему не только внешнюю монументальность, но и монументальность идейного воздействия на русскую действительность. Исторический монументализм согласовывался с той громадной обязанностью, которая легла на литературу, – сохранение единства Руси. Именно эта обязанность объясняет нам то, что за перо брались люди, облеченные властью и авторитетом, – киевский князь Владимир Мономах, а может быть, и его сын Мстислав Великий – новгородский, возможно – владимирский князь Андрей Боголюбский (гипотеза Н. Н. Воронина), митрополит Климент, владимирский епископ Симон и многие другие.

Если можно говорить в XII веке о Русской земле как о едином целом, то это целое было воплощено прежде всего в языке, в исторической и культурной общности, однако самосознание этого единства было выражено только в литературе – единой и зовущей к единству. Литература явилась живым воплощением единства Руси.

Краткий разрыв между единством всей русской литературы и отсутствием этого единства в политической и экономической жизни страны, военная слабость как следствие этого разъединения придали русской литературе особый трагический характер, сильнее всего выразившийся в характернейшем произведении этого периода – «Слове о полку Игореве». Однако этот же разрыв способствовал росту общественного авторитета литературы. Она становится важнейшим фактором сохранения единства, значительной исторической силой.

Все изложенное объясняет нам ту особую роль, которую отныне стала играть русская литература в русской истории, и то обстоятельство, почему так высоко был поднят ее моральный авторитет в русском обществе. Эту роль и этот авторитет русская литература сохранит и впоследствии – вплоть до нашего времени.

Период литературного развития, начавшийся непосредственно после смерти Владимира Мономаха, когда потеря единства Руси стала несомненным фактом, и закончившийся с полным разгромом Руси во время нашествия Батыя, подготовил собой ту мужественность, с которой в русской литературе были встречены эти катастрофические события разгрома Руси. Сознание своего долга, сознание единства, вера в будущее освобождение – все это оказалось как никогда важно в пору страшного иноземного владычества.

Д. С. Лихачев

Хожждение игумена Даниила

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова
«Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» – древнейшее из русских описаний паломничества в Святую землю. Для всех последующих русских хождений этот памятник начала XII века послужил образцом.

Даниил стремится быть как можно более ясным и точным в своих описаниях; чисто литературных задач он не ставит перед собой никаких; ухищрений стиля у него нет. И вместе с тем перед нами прекрасный литературный памятник, проникнутый высоким пафосом радостного узнавания, написанный рукой человека, умеющего быть внимательным и способного описать то, что он видел.

Свое путешествие Даниил начинает и оканчивает в Константинополе, ничего совершенно не говоря о пути из Руси и на Русь, каковой, очевидно, представлялся ему всем хорошо знакомым и, во всяком случае, не заслуживающим описания.

Даниил плыл по морю из Константинополя до Яффы в Палестине, посещая по пути острова и приморские города, аккуратно отмечая при этом расстояния между ними и их основные достопримечательности – святыни, промыслы, а также общее их состояние.

Из Яффы с группой паломников (с ним было и несколько русских) Даниил по суше двинулся к Иерусалиму. Описал и этот путь, небезопасный из-за нападений мусульман, которым часто подвергались путешественники; сказал о чувствах, охватывающих паломников при виде города священной истории.

Незадолго до того, в 1099 году, Иерусалимом овладели крестоносцы; побережье они завоевали чуть позже, в начале XII века. В 1100 году Иерусалим стал королевством. Когда туда прибыл Даниил, там правил первый король крестоносцев Балдуин (Балдвин) I. Даниил характеризует его как человека благочестивого, доброго, скромного, не горделивого, говорит, что тот покровительствовал ему.

В Иерусалиме Даниил поселился в подворье (метохе) палестинского монастыря Св. Саввы, где прожил шестнадцать месяцев. Там ему встретился хороший знаток этих мест, прославленных ветхозаветной и новозаветной историей. Не щадя «худого своего добыточка» на оплату проводимых, Даниил совершал путешествия по городу, его окрестностям и по стране, жадно осматривая и очень старательно описывая памятники и достопримечательности – вид, состояние, устройство, размеры, материал, из которого они сделаны, расстояние и направление движения от одного к другому.

Даниил несколько раз ходил к Иордану и Мертвому морю, посетил лавру Св. Саввы, Вифлеем, Хеврон и множество других мест. Большое путешествие на север, в Галилею, ему удалось сделать благодаря счастливой оказии – вместе с войском короля Балдуина. Войско шло к Дамаску. Даниил просил и получил позволение присоединиться к нему у самого короля, С крестоносцами Даниил дошел до верховьев Иордана, здесь оставался десять дней, пока король не возвратился, осматривал Галилею вокруг Тивериадского моря, а также Фавор, Назарет, Кану Галилейскую. Оттуда, тоже с «дружиной многой», Даниил прошел в Акру, недавно (1104) взятую христианами, далее по берегу – до Кесарии и через Самарию вернулся в Иерусалим.

Пользуясь добрым к себе отношением короля Балдуина, Даниил смог поставить на камне Гроба Господня лампаду «от всея Русьския земля» и оказался на удобном для обзора месте во время пасхальной службы у Гроба, когда зажигались стоящие на камне Гроба лампы. Эти праздничные события Даниил прекрасно описал в особом рассказе, помещенном в конце «Хождения». Морем – через Яффу, Кесарию, Акру, Вириту (Бейрут), – проплыв мимо устья Оронта, на котором стояла Антиохия, будучи напоследок ограблен в Архипелаге пиратами, Даниил возвратился в Константинополь.

«Аз же неподобно ходих путем симъ святым, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ, и вся неподобная дѣла творя», – сокрушается Даниил. Единственной своей заслугой, хотя опять-таки прося прощения за «худоеумие» и простоту,

Даниил считает основательность своего знакомства со Святой землей. Многие, пишет он, ходили в святой город Иерусалим торопливо и, «много добра не видѣвши», собираются идти опять, но опять торопливо, «а сего пути нелзѣ въскорѣ створити». Лишь прожив шестнадцать месяцев в Иерусалиме, Даниил смог хорошо «походити и испытати вся святая си мѣста». Действительно, «Хождение» Даниила выделяется среди принадлежащих той же эпохе описаний Святой земли (Зевульф, Иоанн Вирцбургский, Фока) точностью и обстоятельностью наблюдений. Будучи замечательным литературным памятником, оно является в то же время драгоценным источником исторических и археологических сведений о Палестине и Иерусалиме начала XII века.

Путешествие Даниила длилось, очевидно, больше двух лет. Этим временем прежде считали 1113–1115 годы, затем его рассчитали как 1106–1108 годы, а теперь полагают вероятным, что путешествие имело место в 1104–1106 годах.

Очевидно, что Даниил был человек незаурядный по уму, энергии, душевной основательности, и потому вполне вероятно предположение Н. М. Карамзина, что «сей путешественник мог быть Юрьевским епископом Даниилом, поставленным в 1113 году», умершим 9 сентября 1122 года (*Карамзин Н. М. История государства Российского*, т. II, примеч. 211 и 225). Карамзин имеет в виду южнорусский Юрьев. Иордан Даниил сравнивает с рекой Сновью, в которой видят реку, берущую начало в окрестностях Стародуба и впадающую в Десну. В таком случае Даниил в самом деле был жителем южной России, Черниговских земель.

Находясь в Палестине, Даниил, как он пишет, молитвенно вспоминал имена русских князей, а в лавре Св. Саввы и записал их для поминовений, – какие он смог вспомнить. Анализ перечня этих княжеских имен показывает, что Даниил вспомнил и расположил их, по всей видимости, не случайно, но имея в виду систему старшинства, разработанную как средство против усобиц по инициативе Владимира Мономаха на княжеских съездах в конце XI – начале XII века. Упомянул он – причем в порядке старшинства – лишь входивших в верховную коалицию

князей, номинально объединенных под великим князем киевским. Называя себя «Русьскыя земли игуменом», Даниил, стало быть, мыслил себя в Палестине не частным лицом и представителем не одного лишь своего монастыря или одной области, но действительно «всея Русьскыя земля» как некоего политического целого, за которое он и ставил лампаду.

«Хождение Даниила» было очень популярно в Древней Руси. Оно сохранилось в ряде редакций и во множестве (около 150) списков. Древнейшие из списков восходят, однако же, не к XII веку, но только ко второй половине XV века.

В основу настоящего издания и перевода положен текст первой редакции «Хождения» по дному из древнейших и исправнейших списков – РНБ, Q.XVII. 88, 1495 г. Л. 1–48. Вставки пропущенных в этом списке отрывков (от слов «и не впусти ея сила Святаго Духа» до слов «теми ворота исходятъ къ Гепсимании» и от слов «стаащеа на Гробъ Господни, та 3 кандила» до слов «поклонився Гробу тому Святому») сделаны по списку РГБ, Рум., № 335, XV-XVI вв.

* * *

ЖИТИЕ И ХОЖДЕНИЕ ИГУМЕНА ДАНИИЛА ИЗ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Вот я, недостойный игумен Даниил из Русской земли, худший из всех монахов, отягченный грехами многими, неспособный ни к какому делу доброму, будучи понуждаем мыслью своею и нетерпением моим, захотел видеть святой город Иерусалим и Землю обетованную. И, благодатью Божьею, дошел я до святого города Иерусалима, и видел святые места, обошел всю землю Галилейскую и около святого города Иерусалима святые места, куда Христос Бог наш ходил своими ногами и где, по местам тем святым, он показал великие чудеса. И то все видел я глазами своими грешными. Незлобивый Бог показал мне, чтобы я видел то, чего желал я много дней мыслью моею.

Братья и отцы, господа мои, простите меня, грешного, и не попрекните за скудоумие и грубость того, что написал я о святом городе Иерусалиме, о земле той благой и о пути, ведущем к святым местам. Ведь кто совершает этот путь со

страхом Божиим и смирением, никогда не погрешит против милости Божией. Я же неподобающе ходил путем тем святым, во всякой лености, слабости, пьянствуя и всякие неподобающие дела творя. Но, надеясь, однако, на милость Божию и на вашу молитву – что простит мне Христос Бог мои грехи бесчисленные, описал я этот путь и места те святые, не возносясь, не величаясь этим путем, будто что-нибудь доброе сотворил на этом пути, – да не будет того: никакого ведь добра не сотворил я на пути том, – но по любви к святым тем местам описал я все, что видел глазами своими, дабы не забыто было то, что дал Бог видеть мне, недостойному. Убоялся я осуждения раба того ленивого, скрывшего талант господина своего и не получившего на него прибыли, и написал это для верных людей. Может, кто-нибудь, слыша о местах этих святых, потянется душой и мыслью к этим святым местам и равную мзду примет от Бога с теми, кому удастся дойти до этих святых мест. Ибо многие добрые люди, находясь дома, в своих местах, мыслью своею и милостыней к убогим, добрыми своими делами, достигают святых этих мест, и большую мзду примут они от Бога Спаса нашего Иисуса Христа. Многие же, дойдя до мест этих святых и до святого города Иерусалима и вознесшись умом своим, будто нечто доброе сотворили, теряют награду за свой труд, из них же первый есть я. Многие же, сходя в святой город Иерусалим и много хорошего не увидев, опять идут, стараясь опять пройти быстро. А этим путем нельзя пройти быстро и смочь толком рассмотреть все те святые места в городе и вне города.

О ИЕРУСАЛИМЕ, О ЛАВРЕ

Я, недостойный игумен Даниил, придя в Иерусалим, пробыл шестнадцать месяцев на одном месте, в лавре святого Саввы, и потому смог обойти и рассмотреть все святые эти места. А так как невозможно без хорошего проводника и без знания языка разыскать и увидеть все святые места, то я, что имел под рукой из бедного моего добыточка, все для того подавал знающим хорошо все святые места в городе и вне города, – чтобы показали мне все хорошо; как оно и было. И помог мне Бог встретить в лавре мужа святого и старого днями,

и очень книжного; тому святому мужу вложил Бог в сердце любить меня, худого, и он показал мне хорошо все святые те места: и в Иерусалиме, и по всей земле той поводил меня, и до Тивериадского моря проводил меня, и к Фавору, и в Назарет, и до Хеврона, и до Иордана, и по всем тем местам поводил меня, и потрудился со мною, движимый любовью. И другие святые места я видел многие, о чем после скажу.

О ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ

А вот каков путь к Иерусалиму. От Царьграда надо идти по морскому берегу триста верст до Великого моря. До Петалы-острова сто верст; это первый остров на узком море; там залив хороший, и там находится город Ираклия Великая. А против того города святое миро выходит из глубины морской: тут много святых мучеников утоплено мучителями. От Петалы-острова до Калиполя сто верст, а от Калиполя до города Авида восемьдесят верст. Против того города лежит святой Евфимий Новый. А оттуда до Крита двадцать верст, и там – выход в Великое море: налево – к Иерусалиму, а направо к Святой горе, к Солуни и к Риму. А от Крита до острова Тенеда верст тридцать. Это первый остров на Великом море, и там лежит святой Навгудимос-мученик. И против того острова на берегу был город большой, названием Троада, туда Павел-апостол приходил, и научил ту страну всю, и крестил. А от Тенеда-острова до острова Метании сто верст; там лежит святой митрополит Мелетинский. А от Мелетинии до острова Ахия сто верст; и там лежит святой мученик Исидор. И рождается на том острове мастичная смола, и вино хорошее, и плоды всякие.

О ГОРОДЕ ЕФЕСЕ

А от Ахия-острова до города Ефеса верст шестьдесят. Там находится гроб Иоанна Богослова. И исходит прах святой из гроба того в день памяти его, и собирают верные люди прах тот святой на исцеление всякого недуга. И плащ Иоанна тут лежит, в котором он ходил.

И там поблизости есть пещера, где лежат тела семи отроков, что спали триста шестьдесят лет: при Декии-царе уснули, а при Феодосии-царе явились. В той же пещере триста святых отцов лежат; тут и святой Александр лежит, и гроб

Магдалины Марии, и голова ее; и святой апостол Тимофей, ученик святого апостола Павла, в древнем гробе лежит. И есть там в старой церкви икона святой Богородицы, с помощью которой святые переспорили Нестория-еретика. И есть там баня Диоскоридова, где работал Иоанн Богослов с Прохором у Романы. И видели мы ту пристань, где Иоанна Богослова море извергло; там стояли три дня; а называется та пристань Мраморная. Город же Ефес расположен на суше, в четырех верстах от моря, в горах; он изобилует всяческим добром. И мы поклонились там святому тому гробу и, хранимые благодатью Божией и молитвами святого Иоанна Богослова, шли, радуясь. А от Ефеса до Сама-острова верст сорок. На том острове много всякой рыбы, и всем изобилует этот остров. А от Сама до острова Кария двадцать верст.

ОБ ОСТРОВЕ ПАТМЕ

А от Кария до острова Патма верст шестьдесят. В стороне, далеко в море остров Патм. На том острове Иоанн Богослов написал Евангелие, когда был заточен с Прохором. Далее оттуда – остров Лерос, затем остров Калимнос, затем остров Нисера, а также и остров Кос, очень большой. Тот остров весьма всем богат: и людьми, и скотом. Далее – остров Тилос, на этом острове мука Иродова кипит горящею серою; и эту серу, сварив, продают, мы же ею огонь высекаем. Далее – Харкия-остров. И все те острова, полные людьми и скотом, стоят в ряд, близко один к другому, примерно по десять верст или больше имея между собою.

Далее – остров Род, большой и очень всем богатый. На том острове был Олег, русский князь, два лета и две зимы. А от Сама до острова Рода двести верст, а от Рода до Макрии шестьдесят верст. И в том городе, и по всей той земле до самых Мир – там рождается черный фимиам гомфит.

Вот как добывается черный фимиам гомфит: из дерева исходит как бы смола, и ее снимают острым железом. Называется то дерево зигия, а по виду оно похоже на ольху. А другое небольшое деревце похоже на осину, но название того деревца рака; в том деревце водится большой червь, по величине как поноров, за корою того деревца. И точит этот

червь то деревце, и исходит из этого деревца труха, как пшеничные отруби, и падает с деревца того, словно вишневый клей. И люди собирают его, смешивают с вышеназванным деревом и, положив в котел, так варят фимиам гомфит; и кладут в мешки, продают купцам.

А от Макрии до города Патера верст сорок. Здесь родился святой Никола; это его отчизна и родина – Патера. А от Патеры до Мир, где гроб святого Николы, сорок верст. А от Мир до Хилидония шестьдесят верст. А от Хилидония до Кипра, великого острова, верст двести.

О КИПРСКОМ ОСТРОВЕ

Кипр – очень большой остров, и множество на нем людей, и изобилует он всяческим добром. На нем двадцать четыре епископа, митрополия же одна. И святых на нем лежит без числа: там лежат святой Епифаний, и апостол Варнава, и святой Зинов, и святой епископ Трифолий, и святой Филагриос епископ, которого крестил апостол Павел.

О ГОРЕ, ГДЕ СВЯТАЯ ЕЛЕНА ПОСТАВИЛА КРЕСТ

И есть там очень высокая гора, а на той горе святая Елена крест поставила кипарисный большой для прогнания бесов и исцеления всякого недуга и вложила в крест честной гвоздь Христов. И бывают там, на том месте, у креста того, знамения великие и чудеса и доныне. Стоит же тот крест на воздухе, ничем не будучи прикреплен к земле, но так, Духом Святым носим в воздухе. И тут я, недостойный, поклонился святыне той чудной, и видел глазами своими грешными благодать Божию на месте том, и исходил весь тот остров как следует.

О ФИМИАМЕ

И там родится фимиам, ладан: он спадает с небес, и его собирают на деревьях. Много ведь в тех горах деревьев низких, с травой равных, на них и падет фимиам тот хороший. Собирают его в июле месяце и в августе; в другие же месяцы не выпадает; но только в те два родится.

А от Кипра до города Яффы верст четыреста, все по морю. От Царьграда до острова Рода восемьсот верст, и от Рода до Яффы восемьсот верст. Всего же пути по морю до Яффы тысяча шестьсот верст. Яффа же – город на берегу недалеко от

Иерусалима, оттуда посуху надо идти к Иерусалиму. По полю десять верст ходу до святого Георгия: тут была большая церковь, построенная во имя святого Георгия, там же и гроб его был в алтаре, тут ведь и замучен был святой Георгий. И воды там много; и там отдыхают странники, у той воды, но – с большим страхом, ибо место это пустое и близок город Аскалон, а оттуда выходят сарацины и избивают странников на тех путях, так что очень боязно от места того входить в горы. От святого Георгия до Иерусалима двадцать больших верст, но все в горах каменных. Путь тут и тяжел, и очень страшен.

О ГОРЕ АРМАФЕМ

И есть там гора высокая около Иерусалима, с правой стороны, если идешь от Яффы; название той горы Армафем. На той горе Армафем находится гроб святого пророка Самуила, и отца Елкана, и Марьи Египтянки, ибо тут святых было село, и дом. И обнесено то место оградой, и это огороженное место тоже называется Армафем.

О ИЕРУСАЛИМЕ

Святой город Иерусалим расположен в теснине, вплотную около него – высокие каменные горы. Подходя уже к самому городу, видишь сначала столп Давидов, а потом, пройдя немного, видишь Елеонскую гору, и Святая Святых, и церковь Воскресения, где находится Гроб Господен, и потом видишь весь город. И есть там пологая гора вблизи от дороги, на расстоянии примерно версты до Иерусалима, – на той горе ссаживаются с коней все люди, и кладут там крестные поклоны, и поклоняются святому Воскресению на виду у города. И испытывает тогда всякий христианин огромную радость, видя святой город Иерусалим, и слезы льются тут у верных людей. Никто ведь не может не прослезиться, увидев эту желанную землю и видя святые места, где Христос Бог наш претерпел страсти нас ради, грешных. И идут все пешком с радостью великою к городу Иерусалиму.

И стоит здесь, по левую руку от дороги, когда там проходишь, церковь святого Стефана Первомученика: на том месте Стефан Первомученик был побит иудеями, там находится и гроб его. И тут есть гора каменная плоская – она просела во

время распятия Христова; то место зовется Ад; оно находится около городской стены, на расстоянии примерно броска.

И потом все люди с великой радостью входят в святой город Иерусалим через ворота, находящиеся около столпа Давидова. Те ворота – со стороны Вифлеема; это ворота Вениаминовы. Войдя в город, видишь по правую руку дорогу через город в Святая Святых, а по левую – к святому Воскресению, где находится Гроб Господен.

О ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Церковь Воскресения Господня такова: по форме она круглая; в ней двенадцать круглых цельных столпов, а шесть сложенных; она красиво вымощена мраморными плитами; дверей у нее шесть; а на хорах у нее шестнадцать столпов. А над хорами на потолке мозаичное изображение святых пророков – как живые стоят. А над алтарем мозаикой изображен Христос. В алтаре же великом мозаика изображает воздвижение Адама, дальше кверху – мозаичное изображение вознесения Господня; на обоих столпах по сторонам алтаря изображено мозаикою Благовещение. Верх же церкви не до конца сведен камнем, но расперт каркасом из тесаного дерева, так что она без верха, ничем не покрыта. Под самым же тем непокрытым верхом – Гроб Господен.

Гроб же Господен собою таков: это как бы маленькая пещерка, высеченная в камне, с небольшими дверцами, через которые может, став на колени, войти человек. В высоту она мала, а в длину и в ширину одинаково четыре локтя. И когдаходишь в эту пещерку через маленькие дверцы, по правую руку – как бы скамья, высеченная в том же пещерном камне: на той скамье лежало тело Господа нашего Иисуса Христа. Сейчас та святая скамья покрыта мраморными плитами. Сбоку проделаны три круглых оконца, и через эти оконца виден этот святой камень, и туда целуют все христиане. Пять больших лампад с маслом висят в Гробе Господнем, и горят беспрестанно лампы святые день и ночь. Скамья ж та святая, где лежало тело Христова, в длину четыре локтя, в ширину два локтя, а по высоте пол-локтя. Перед дверьми пещеры лежит камень – на расстоянии трех стоп от тех пещерных дверей: на

том камне, сидя, ангел явился женам и благовествовал им о воскресении Христовом.

Пещерка же та святая отделана снаружи красным мрамором наподобие амвона, и столбики из красного мрамора стоят вокруг числом двенадцать. Сверху же над пещеркой построен как бы теремец красивый на столбах, сверху он круглый и окован позолоченными чешуями; а наверху того теремца стоит Христос, изваянный из серебра, выше человеческого роста; это фряги сделали; и ныне он стоит под самым верхом тем непокрытым. Есть три двери у теремца того, устроенных хитро – как решетка из крестов; через те двери люди входят к Гробу Господню. А что Гробом Господним была та пещерка, как я сказал, я хорошо разузнал от живущих здесь издавна и по-настоящему знающих все те святые места.

Церковь же Воскресения по форме круглая, а в длину и в ширину равно имеет тридцать сажений. В ней устроены просторные помещения, и там наверху живет патриарх. Расстояние же от дверей Гроба до стены великого алтаря двенадцать сажений. Здесь же, за стеной, вне алтаря, находится Пуп земли; над ним сделан свод, и сверху мозаикой изображен Христос, и надпись гласит: «Вот пядью моею я измерил небо и землю».

О МЕСТЕ СРЕДИ ЗЕМЛИ, ГДЕ БЫЛ РАСПЯТ ХРИСТОС

А от Пупа земного до Распятия Господня и до Края двенадцать сажений. Распятие Господне находится с восточной стороны на камне, оно было высоко, выше копья. Камень же тот был круглый, вроде маленькой горки. А посреди того камня, на самом верху, высечена скважина локтя два глубиной, в ширину меньше пяди, круглая, тут был водружен крест Господен. В земле же под этим камнем лежит голова первозданного Адама. А во время распятия Господня, когда Господь наш Иисус Христос предал свой дух на кресте, тогда разорвалась церковная завеса, и камень тогда же распался; и разошелся тот камень над головой Адама; и через ту расселину кровь и вода из ребер Владыки сошли на голову Адама и омыли все грехи рода человеческого. И есть расселина эта на камне том и до

сегодняшнего дня. С правой стороны Распятия Господня можно видеть знамение то честное.

О ЛОБНОМ МЕСТЕ

Распятие Господне и тот святой камень кругом обнесены стеной. Сверху над Распятием создан замысловатый свод, чудесно украшенный мозаикой. И с восточной стороны на стене мозаикой изображен Христос, на кресте распятый, искусно и удивительно, прямо как живой, и по величине и в высоту – каким был тогда. А с южной стороны написано снятие со креста, так же чудесно. Дверей же две. Входить надо вверх по ступенькам: до дверей семь ступеней, и в двери войдя семь ступеней. Пол вымощен красными мраморными плитами.

Снизу под Распятием, где лежит голова Адама, тоже пристроена как бы церковка маленькая, красиво украшенная мозаикой и вымощенная красным мрамором. Это и называется Краниево место, что значит Лобное место. А выше, где Распятие, – то зовется Голгофой. А от Распятия Господня до Снятия Господня расстояние пять сажень. И есть там, близко от Распятия Господня, место с северной стороны, где разделили ризы его. Там и другое место, где возложили венец терновый на голову Господа и в багряницу поругания облекли его.

О ЖЕРТВЕННИКЕ АВРААМА

И там поблизости находится жертвенник Авраамов, где Авраам положил жертву Богу и заклал барана вместо Исаака. Ведь Исаак был возведен на то самое место, куда возведен был Христос закланным быть нас ради, грешных. А оттуда близко место – примерно на две сажени дальше – где заушен был Христос Бог наш. А дальше через десять сажень – святая Темница, куда был посажен Христос и где посидел немного, пока иудеи успеют поставить крест, чтобы его распять. Все же эти святые места находятся под одним покрытием, все стоят в ряд по направлению к югу. И от Темницы Христовой до места, где святая Елена нашла честной крест, гвозди, венец, копье, губку и трость, сажень двадцать пять. Гроб Господен, Распятие и все эти святые места расположены на ровном месте; взгорье же подымается над Гробом и над Распятием с западной стороны.

И есть там на склоне место, на которое прибежала святая Богородица. Она торопилась следом за Христом и говорила в болезни сердца своего сквозь слезы: «Куда идешь ты, дитя мое? Чего ради движение твое так быстро? Или снова брак в Кане Галилейской, и туда торопишься, сын и Бог мой? Молча не уходи от меня, родившей тебя, промолви мне слово, рабе своей». И придя на то место, святая Богородица увидела с горы той сына своего, распинаемого на кресте, и, видев, ужаснулась, и согнулась, и села, одержимая печалью и рыданием. И здесь сбылось пророчество Симеона, как он прежде сказал святой Богородице: «Этот лежит на востание и на падение многим в Израиле. И тебе же самой оружие душу пронзит, когда увидишь сына своего, убиваемого». Тут же стояли многие, на месте том, друзья и знавшие его, издали смотря: Мария Магдалина, и Мария Иаковля, и Саломия, – где стояли все из Галилеи пришедшие с Иоанном и с матерью Иисусовой. Стояли же все знакомые и друзья Иисуса, смотря издали, как пророк говорит о том: «Друзья же мои и близкие мои вдали от меня стали». И расположено то место поодаль от Распятia Христова; примерно полтора саженей на запад это место от Распятia Христова. Называется то место Спудий, что переводится как «Поспешание Богородицы». А ныне на том месте стоит монастырь и церковь Святой Богородицы с поднятым клетью верхом.

О СТОЛПЕ ДАВИДА

А оттуда до столпа Давидова и до дома двести саженей. Столп этот святого пророка Давида; тут же и дом его был. В том столпе пророк Давид составил и написал Псалтырь. Чудесен этот столп, из больших камней сложен, очень высок, сделан о четырех углах, и весь крепок и прочен, и камень отборный. Внутри в нем воды много. Дверей же у него пять железных, а ступеней двести, по которым поднимаются наверх. И зерна в нем бесчисленное множество лежит. Очень он труден для взятия и главенствует над всем тем городом, и охраняют его очень, и не дают никому войти в него просто так. Мне же, дурному и недостойному, дал Бог возможность войти в тот святой столп; с собой я смог ввести одного только Изяслава.

О ДОМЕ УРИИ

А от столпа того близко был дом Урии – того Урии, которого убил Давид и взял жену его, увидев ее моющейся в бане. Там сейчас метох монастыря святого Саввы; близко он от столпа, можно до него добросить. А где баня та была, известно доньше: от того места, где святая Елена нашла честной крест – вблизи Распятия Господня – двенадцать сажений на восток. Здесь, на том месте, была построена клетская церковь очень большая, а теперь – маленькая церковка. Там стоят большие двери, обращенные на восток: к тем дверям пришла святая Мария Египетская, и хотела войти в церковь, и хотела поцеловать крест, но не впустила ее сила Святого Духа. И тогда она помолилась святой Богородице, ибо здесь, в притворе у этих дверей, стояла икона святой Богородицы, и после этого смогла войти и целовать честной крест. Этими же дверьми вышла она потом в пустыню Иорданскую.

А от тех дверей близко место, где святая Елена проверяла крест Господен честной: тотчас встала мертвая дева. А если оттуда пойти немного к востоку – Претория, куда воины привели Христа к Пилату. И здесь, руки свои умыв, Пилат и сказал: «Чист я от крови этого праведника». И, бив Иисуса, передал его иудеям. Тут находится темница иудейская; из этой темницы ангел вывел святого апостола Петра среди ночи. И тут же был двор Иуды, предателя Христова. Стоит пустым и ныне дворище то проклятое: никто не смеет на месте том поселиться из-за проклятия. А если оттуда немного пойти к востоку, будет место, где Христос кровоточивую исцелил. И тут поблизости ров, куда брошен был Иеремия-пророк; там и дом его был. Там же и Павла-апостола двор был прежде, когда он был в иудействе. А если оттуда немного пойти к востоку и чуть сойти с той дороги, то там есть дом, который принадлежал святому Иоакиму и Анне.

Там есть пещера немного ниже алтаря, в камне: в той пещере родилась святая Богородица; в той же пещере находится гроб святого Акима и Анны.

ОБ ОВЧЕЙ КУПЕЛИ

А оттуда близок притвор Соломонов, где Овчая купель, где Христос расслабленного исцелил. Место то к западу от Акима и

Анны, – ближе, чем может бросить человек. Оттуда на восток близко ворота городские; теми воротами выходят, идя к Гефсимании.

О ЦЕРКВИ СВЯТАЯ СВЯТЫХ

А от Воскресения Христова до Святая Святых расстояние подальше, чем можно два раза дострелить. Церковь Святая Святых чудесно и искусно построена, украшена изнутри мозаикой, и красота ее непередаваема словами. Построена она круглой по форме, снаружи расписана изображениями искусно и несказанно, стены ее облицованы мраморными плитами другого мрамора; и вымощена она красиво мраморными плитами. Столпов же в ней под крышей, кругом стоящих, круглых цельных двенадцать, а квадратных сложенных столпов восемь. Дверей же у нее четыре; окованы позолоченной медью те двери. И купол покрыт изнутри мозаикой искусно и непередаваемо в словах, а снаружи, сверху, был обит позолоченной медью. Под самым же куполом тем – высеченная в камне пещера, а в пещере той был убит Захария-пророк, тут же был он и погребен, и кровь его тут была, теперь же ее здесь нет. И есть там вне той пещеры под куполом же камень, на котором Иаков видел сон: лестница, достигающая неба, а ангелы Божий восходят по ней и нисходят. Здесь же боролся Иаков с ангелом; встал от сна Иаков и сказал: «Это место – дом Божий, и это – врата небесные». На том же месте и пророк Давид видел ангела, стоящего с обнаженным оружием и поражающего людей Израилевых, и он вошел в ту пещеру с плачем, молясь Богу, и сказал: «Господи, не овцы согрешили, но я согрешил». Церковь же та тридцать сажений равно вдоль и поперек; входов же у нее четыре. Старая же церковь Святая Святых разрушена, и ничего не осталось от первого здания Соломонова, что можно видеть, и только видна насыпь под церковь, что начал делать пророк Давид. И пещера та теперь в церкви, и камень тот; это теперь под крышей, и это все, что осталось от старого здания. А эта нынешняя церковь построена старейшиной сарацинским по имени Амор.

О ДОМЕ СОЛОМОНА

Там же был дом Соломона. Крепким было это здание, велико весьма и очень красиво. Весь он был вымощен мраморными плитами, утвержден на сводах, и весь дом был снабжен водой. Были сделаны прекрасные помещения и искусно украшены мозаикой, и мраморные столпы из дорогого мрамора были красиво поставлены в ряд, а на тех столпах искусно возведены своды, и весь дом был покрыт оловом. Там есть ворота того дома, очень красиво и искусно облицованные оловом, покрытые мозаикой и окованные позолоченной медью. А называются те ворота Красные, где Петр и Иоанн исцелили одного хромого. И доныне известно место это у тех ворот.

И трое других ворот есть, кроме тех, а пятые ворота – Апостольские. Те ворота построил пророк Давид. Крепко и удивительно искусно сделаны ворота: они были окованы изнутри позолоченной медью и искусно расписаны по меди, а снаружи крепко окованы железом. Четверо дверей у тех ворот. Только те ворота и остались от древних строений – они и столп Давидов, а иные постройки все новые. Ведь древний город Иерусалим неоднократно был razoren. Теми воротами и вошел Христос в Иерусалим с Лазарем со стороны Вифании, когда воскресил Христос Лазаря. Вифания с восточной стороны от города, напротив Елеонской горы. Расстояние же от тех ворот до церкви Святая Святых сто пятьдесят саженьей.

О СЕЛЕ ВИФАНИЯ

Вифания же находится от города Иерусалима на расстоянии двух верст за горою на ровном месте. Вифания – это городок небольшой к югу от Иерусалима. Когдаходишь в ворота того городка, то по правую руку пещера, а в той пещере гроб святого Лазаря. В той самой келье Лазарь болел, тут же и умер. Посреди того городка большая церковь, вытянутая вверх и вся хорошо расписанная. От той церкви до гроба Лазаря двенадцать саженьей; Лазарев гроб от церкви – по направлению к западу, а церковь от гроба – к востоку. И есть с запада перед городом очень хорошая вода глубоко в земле; спускаются к ней по ступенькам. А по направлению оттуда к Иерусалиму – от Вифании побольше версты – стоит столп; на том месте Марфа

встретила Иисуса, и тут снова сел Христос на осла по воскрешении Лазаря.

О СЕЛЕ ГЕФСИМАНИЯ

Гефсимания же, село, где находится гроб святой Богородицы, близко от Иерусалима, на потоке Кедронском, в Долине плача, и расположено от Иерусалима в среднем направлении между юго- и северо-востоком.

О ГОРОДСКИХ ВОРОТАХ

От городских ворот восемь саженей до места, где Охония-еврей хотел стащить с постели тело святой Богородицы, когда несли ее погребать апостолы в Гефсиманию. И отсек ему ангел обе руки мечом, и положил их на нем. Был на том месте монастырь женский, а теперь оно разорено погаными.

О МЕСТЕ ПОГРЕБЕНИЯ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

И оттуда до гроба святой Богородицы саженей сто. Расположен гроб святой Богородицы на ровном месте: была высечена в камне небольшая пещерка с маленькими дверьми, чтобы мог, наклонясь, войти человек; а в глубине той пещеры, напротив дверец, как бы скамья высечена в том же пещерном камне, – на той скамье и было положено тело Пречистой Владычицы нашей Богородицы, и оттуда же взято было в рай, оставаясь нетленным. По высоте пещерка та повыше человеческого роста, а в ширину четыре локтя и так и так; снаружи она, как терем, красиво отделана мраморными плитами. А сверху над гробом святой Богородицы была выстроена очень большая клетская церковь во имя святой Богородицы Успения; ныне же разорено погаными то место. Расположен гроб святой Богородицы внизу под великим алтарем этой церкви.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ БЫЛ ПРЕДАН ХРИСТОС

А от гроба святой Богородицы десять саженей до пещеры, где предан был Христос Иудой евреям за тридцать сребреников. Находится же та пещера по другую сторону потока Кедронского при горе Елеонской.

И есть здесь место близ той пещеры – человек может добросить небольшим камнем, в южном направлении то место, – где помолился Христос отцу своему той ночью, когда предан

был на распятие иудеям, и сказал: «Отец, если возможно, пусть минует меня чаша сия». Теперь на том месте построена церковка маленькая. А оттуда перестрел расстояние до гроба Асафата, – это был царь иудейский, и потому зовется та теснина Асафатова. И тут же поблизости, в той же теснине, гроб святого Иакова, брата Господня.

Елеонская же гора расположена от Иерусалима в направлении на юго-восток. От Гефсимании лезть на гору Елеонскую очень высоко: едва ли возможно за три раза дострелить на ее верх; но только до Отче наш можно дострелить из Гефсимании.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ ХРИСТОС НАЧАЛ УЧИТЬ СВОИХ УЧЕНИКОВ

И там возведена большая церковь, и есть под алтарем изнутри пещера: в той пещере Христос научил своих учеников петь «Отче наш». А оттуда до самого верха Елеонской горы, где Вознесение Господне, девяносто саженьей.

О ГОРЕ ЕЛЕОНСКОЙ

Вознесение же Господне находится на верху Елеонской горы, прямо к востоку, и выглядит как небольшая горка. На той горке был круглый камень повыше колен: с того камня вознесся Христос Бог наш на небеса. И все то место обнесено вокруг сводами, и сверху на тех сводах сделан как бы двор каменный круглый, и вымощен весь тот двор мраморными плитами. А посреди того двора сделан как бы теремок круглый, без верха; такое же отверстие и в дне теремка. А в том теремке под самым верхом тем непокрытым лежит камень святой, на котором и стояли пречистые ноги Владыки нашего и Господа. И сделана над камнем тем трапеза из мраморных плит, и на той трапезе служат теперь литургии. Камень же тот находится внизу, под святой трапезой, вокруг он весь обложен мраморными плитами, только верх его виден немного, и его целуют все христиане. Дверей же двое у того теремка. Подходить надо по ступеням к Вознесению Господню, а тех ступеней всего двадцать две. Гора Елеонская возвышается высоко над городом Иерусалимом, и видно с нее все в городе Иерусалиме; и Святая Святых, и до Содомского моря, и до Иордана с нее можно доглядеть; и всю

ту землю, даже и по ту сторону Иордана – все с нее видно: ибо Елеонская гора выше всех гор, что у Иерусалима.

О ГОРОДЕ ИЕРУСАЛИМЕ

Иерусалим же большой город с крепкими стенами; стены его равны друг другу; построен он о четырех углах в форме креста. Ущелья во множестве вокруг него и горы каменные. Безводно то место: ни реки, ни колодца, ни источника нет вблизи Иерусалима, но только одна купель Силоамская. Но дождевой водой живут все люди и скоты в городе том. И хлеба хорошие рождаются около Иерусалима в камнях тех без дождя, но так, Божиим повелением и благоволением. Рождаются изрядно пшеница и ячмень: ведь одну кадь посеяв, берут девяносто кадей, а другой раз сто кадей за одну кадь. Это ли не благословение Божие земле той святой! Много виноградников около Иерусалима и деревьев фруктовых многоплодных, смоков, шелковиц, маслин, рожков; и другие все различные деревья без числа по всей земле той растут. И на той же горе Елеонской есть пещера глубокая близко от Вознесения Господня с южной стороны, и в той пещере – гроб святой Пелагии-блудницы. И там есть столпник поблизости, муж духовный весьма.

О ПУТИ К ИОРДАНУ

Путь от Иерусалима к Иордану лежит через Елеонскую гору на юго-восток, и путь этот очень тяжел, страшен и безводен. Ибо горы здесь высокие каменные и разбойников много, и они разбойничают в тех горах и ущельях страшных. Расстояние от Иерусалима до Иордана двадцать шесть больших верст. Пятнадцать верст до Кузивы, где постился святой Иоаким из-за своего неплодства, – есть здесь это место в глубоком ущелье близко у дороги, по левую руку, когда там идешь. И от Кузивы до Иерихона пять верст, а от Иерихона до Иордана шесть верст больших, все равно по песку; путь очень тяжелый. Тут многие люди задыхаются от зноя и гибнут – от жажды без воды умирают. Там ведь море Содомское близко от той дороги: исходит дух знойный и смердящий – жжет и пополяет всю землю ту. И здесь, не доходя до Иордана, близко от дороги, находится монастырь святого Иоанна Предтечи, устроен в горе.

О ЕРМОНСКОЙ ГОРЕ

И есть там гора Ермон, вблизи от того монастыря, на расстоянии примерно двадцати саженой. Она по левую руку, когда там идешь, близко от дороги. И горка эта песчаная не велика, но мала.

А от Ермона до старого монастыря Иоаннова два хороших перестрела. Там была возведена большая церковь во имя Предтечи Иоанна.

О МЕСТЕ, ГДЕ МОРЕ, УВИДЕВ ХРИСТА, ПОБЕЖАЛО И ИОРДАН ВОЗВРАТИЛСЯ ВСПЯТЬ

А близко за алтарем той церкви, с восточной стороны на пригорке, построен как бы алтарик и свод небольшой: на том месте Иоанн Предтеча крестил Господа нашего Иисуса Христа. До того ведь места дошел Иордан, выйдя из своего ложа, когда повернул при виде Творца своего, пришедшего креститься: убоявшись, обратился он вспять и дошел до этого места. И тут близко от той купели было Содомское море, а ныне оно далеко от Крещения – на четыре версты отбежало. Ибо узрело тогда море нагое Божество, стоящее в водах Иорданских, и убоялось, и побежало; Иордан обратился вспять, как пророк говорит о том: «Что же ты, море, побежало, и ты, Иордан, обратился вспять?»

О МЕСТЕ, ГДЕ КРЕСТИЛСЯ ХРИСТОС

От того места, где крестился Христос, до берега реки Иордан расстояние – как может докинуть муж маленьким камнем.

О КУПЕЛИ

И есть здесь купель на Иордане, и там окунаются христиане приходящие. Там же брод через Иордан в Аравию. На том месте Иордан расступился в древности перед сынами Израилевыми, и прошли люди посуху. Тут же и Елисей ударил милостью Илии по воде, и перешли Иордан посуху. У той же купели и Мария Египетская прошла по воде к отцу Зосиме и, приняв тело Христово, обратно по воде же ушла в пустыню.

О ИОРДАНЕ

Иордан-река течет быстро, берега же ее с той стороны круты, а с этой пологи. Вода очень мутная и вкусная для питья; не насытиться, когда пьешь воду ту святую; от нее – ни болезни,

ни расстройства желудка у человека. Во всем похож Иордан на реку Сновь – и шириной, и глубиной, и тем, что петляет и очень быстро течет, как и Сновь-река. Глубина же четыре сажени посреди самой купели, как я измерил и проверил сам, ибо я перебродил на ту сторону Иордана и много походил по его берегу. Шириной же Иордан – как Сновь в устье. На этой стороне Иордана около купели той – вроде леса; деревья невысокие, похожие на вербу, а выше той купели по берегу Иордана стоит во множестве своего рода лоза, но она не такая, как наша лоза, несколько похожа на кизил; много и тростника, затоны есть, как у Снови-реки. Зверей много тут; и свиней диких без числа много, и барсов тут много, и львов.

По ту сторону Иордана горы высокие каменные; они поодаль от Иордана. А под теми горами другие горы близко, белые, и те горы вблизи от Иордана. То земля Завулонова и Неффалимова по ту сторону Иордана.

О ПЕЩЕРЕ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

И поблизости там есть место к востоку, примерно в двух перестрелах от реки, где Илья-пророк восхищен был на колеснице огненной. Там же и пещера святого Иоанна Крестителя. И полноводный ручей красиво течет там по камням в Иордан. Вода та весьма холодна и очень вкусна. Эту воду пил Иоанн Предтеча Христов, когда жил в той святой пещере.

О ПЕЩЕРЕ ИЛЬИ-ПРОРОКА

И тут же находится другая удивительная пещера, где жил святой Илья-пророк с Елисеем, учеником его. И то все, благодатию Божиею, мы видели глазами своими, грешными и недостойными. И сподобил меня Бог трижды быть на святом Иордане. Даже в самый праздник водоосвящения мы были на Иордане: видели благодать Божию, приходящую на воды Иорданские, и множество людей, без числа тогда пришедших к воде. Всю ночь пение бывает изрядное, и свечи без числа горят, а в полночи бывает крещение воды. Тогда Дух Святой и приходит на воды Иорданские; и видят достойные люди добрые, а все народы не видят ничего, но только радость и веселие бывает тогда на сердце у всякого христианина. И когда произнесут: «Во Иордане крещающуся тебе, Господи», – тогда

все люди идут в воду и крестятся в полуночи в Иордане-реке, как и Христос в полуночи крестился здесь. И есть тут гора весьма высокая, по ту сторону Иордана, ее отовсюду издалека видно: на той горе Моисей-пророк преставился, увидев Землю обетованную. А от монастыря святого Иоанна до Герасимова монастыря одна верста, и от Герасимова монастыря до Каламонии, до монастыря Святой Богородицы, одна верста.

На том месте святая Богородица с Иисусом Христом, с Иосифом, и с Иаковом, когда они бежали в Египет, – на том месте ночлег устроили. Тогда святая Богородица дала название месту тому – Каламония, что переводится как «Добрая обитель». Туда ныне сходит Дух Святой к иконе святой Богородицы. И стоит монастырь тот на устье, где Иордан впадает в море Содомское; и оградой обнесен весь вокруг монастырь тот; черноризцев же в нем двадцать. А оттуда до монастыря Иоанна Златоуста версты две, а тот монастырь также оградой обнесен весь; и он очень богат.

О ГОРОДЕ ИЕРИХОНЕ

А оттуда до Иерихона одна верста. Иерихон же тот был прежде городом большим и весьма крепким, Иисус Навин взял тот Иерихон и разрушил до основания, теперь тут находится сарацинское село. И есть там дом Закхея; и пень того дерева доныне стоит, на которое он залез, чтобы видеть Христа. Тут же был и дом известной сонамитянки, в котором Елисей воскресил отрока. Земля же вокруг Иерихона хорошая и плодоносная, и поле красивое и ровное, а около него фиников много стоит высоких и всяких деревьев многоплодных; и воды во множестве текут, разведенные по всей земле той. Это Елисеевы воды, которые опреснил Елисей-пророк.

И есть тут место вблизи Иерихона, верста одна на юго-восток: на том месте явился святой Михаил-архистратиг Иисусу Навину перед войском Израилевым; и поднял глаза свои Иисус, и увидел перед собой мужа страшного вооруженного, и сказал Иисус: «Наш ли ты, или из врагов наших?» И сказал ему архистратиг: «Я – Михаил, воевода Божий, послан на помощь тебе. Будь смел и побеждай врагов твоих». И сказал ему: «Разуй сапог с ноги твоей, ибо место, на котором стоишь,

свято». И упал Иисус на лицо свое, и поклонился. И стоит на месте том теперь монастырь, и церковь построена во имя святого Михаила. В церкви той лежат двенадцать камней; а камни те были взяты со дна Иордана, когда расступился Иордан перед людьми Израилевыми; и взяли камни те священники, носящие кивот завета Господня, по числу колен Израилевых на память роду их. Называется место то Галганий, ибо на том месте стали сыны Израилевы, перейдя Иордан.

О ГОРЕ ГАВАОНСКОЙ

И от того места на запад есть гора высокая и большая очень; имя горе той Гаваон; над той самой горой Гаваонской солнце остановилось и ждало примерно полдня, пока Иисус Навин не победил врагов своих, когда бился с ним Ог, царь Васанский, и все царства Хананейские. И победил Иисус до конца, и тогда солнце зашло.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ ХРИСТОС ПОСТИЛСЯ СОРОК ДНЕЙ

В той же горе Гаваонской есть очень высокая пещера, в которой постился Христос Бог наш сорок дней, после же взалкал. И туда пришел дьявол, искусить желая, и сказал ему: «Если ты Сын Божий, скажи, пусть камни эти хлебами будут».

Там поблизости был дом Елисея-пророка и пещера его, и колодец есть на восток от Гаваона на расстоянии примерно полверсты.

А от Иерусалима до Феодосиева монастыря верст шесть. Тот монастырь на горе обнесен оградой и виден от Иерусалима. И там есть пещера большая посреди монастыря, в которой волхвы ночевали, когда избегали Ирода. И там ныне лежит святой Феодосии, и многие святые отцы там лежат; мать святого Саввы в той пещере лежит, и Феодосия мать тут лежит.

О ЛАВРЕ СВЯТОГО САВВЫ

А от того монастыря до лавры святого Саввы верст шесть. Оба же те монастыря к югу от Иерусалима. Лавра святого Саввы находится в долине Иосафата, в Юдоли плача, которая начинается от Иерусалима: идя от Гефсимании, эта долина проходит сквозь лавру и доходит до Содомского моря. Лавра же святого Саввы устроена Богом чудесно и непередаваемо словами. Тек некогда поток страшный и очень глубокий и

обезводил, берега у него были высокие, на тех обрывах и лепятся келий – прилеплены и утверждены от Бога каким-то чудесным и страшным образом. На высоте ведь той стоят келий по обоим берегам потока того страшного и лепятся на скалах, будто звезды на небе утверждены. Церквей же три. Среди же келий тех западнее есть пещера чудесная под скалой каменной, а в той пещере церковь святой Богородицы. Пещеру ту Бог показал святому Савве столпом огненным, когда он сначала жил один на месте того потока. Первая же келья святого Саввы, где он жил один, находится поодаль от нынешней лавры, примерно на расстоянии полверсты. Оттуда он увидел показанный ему Богом столп огненный над местом тем святым, где есть ныне лавра святого Саввы. Чудесно это место и совершенно непередаваемо словами. Находится там и гроб святого Саввы между тех трех церквей, от большой на расстоянии саженей четырех. И есть теремок над гробом святого Саввы; сделано красиво. Там же лежат многие святые отцы, как живые телами: святой Иоанн епископ Исихаст тут лежит, святой Иоанн Дамаскин тут лежит, и святой Феодор Едесский тут лежит, и Михаил племянник его; Афродитиан святой тут лежит, и иные многие святые тут лежат, телами как живые, и благоухание от них исходит непередаваемое. И видел я колодец святого Саввы, который ему ночью показал дикий осел в потоке том против его кельи; пили мы из колодца того очень вкусную и холодную воду. В месте же том нигде нет ни реки, ни ручья, ни колодца, но только один колодец святого Саввы. Место ведь то безводное, в горах каменных, и вся пустыня та суха и безводна, только дождевой водой и живы отцы, находящиеся в пустыне той.

И есть там вблизи лавры место, с южной стороны от лавры, под названием Рува; оно расположено вблизи моря Содомского. И горы там каменные высоки, и пещер много в горах тех. И тут, в этих горах, в пустыне той страшной безводной жили святые отцы. И там находятся жилища барсов, и ослов диких много.

Море же Содомское мертво, не содержит в себе ничего живого: ни рыбы, ни рака, ни устрицы. И если течение Иорданское выносит рыбу в то море, то она не может быть

живой даже небольшое время, но вскоре умирает: ибо исходит из дна того моря смола красная на поверхность воды, и лежит по берегу тому смола та во множестве; и смрад исходит из моря того, как от серы горящей: тут ведь находится место мучений, под морем тем.

О МОНАСТЫРЕ СВЯТОГО ЕВФИМИЯ

А от лавры святого Саввы на восток за горою монастырь святого Евфимия, три версты расстояние от лавры. И там лежит святой Евфимий, и иные многие святые отцы там лежат, телами как живые. И стоит тот монастырь на ровном месте, и горы вокруг него каменные поодаль. Монастырь же был оградой обнесен, и церковь была хорошая, высокая. А поблизости тут был монастырь святого Феоктиста, под горою, на юг от монастыря Евфимия. И все то ныне разорено погаными.

О ГОРЕ СИОНСКОЙ

Гора Сион высокая и большая, если смотришь с юга; а со стороны Иерусалима пологая и ровная. На той горе Сионской и был первоначально древний город Иерусалим, тот древний город разорил Навуходоносор, царь Вавилонский, при Иеремии-пророке. А ныне гора Сион вне городской стены, на юг от Иерусалима Сион. Здесь, на горе Сионской, был дом Иоанна Богослова; на этом месте была создана большая клетская церковь. А расстояние от городской стены до церкви святого Сиона – как может добросить мужчина небольшим камнем.

И в той церкви Сионской есть, за алтарем той церкви, комната, где Христос умыл ноги ученикам своим.

О ДОМЕ ИОАННА БОГОСЛОВА, ГДЕ ХРИСТОС ВЕЧЕРЯЛ

Пойдя из той комнаты на юг, поднимаешься по ступенькам в своего рода горницу. Там находится комната, красиво сделанная, как бы на столбах, и с покрытием, украшенная мозаикой и вымощенная красиво, и алтарь есть, как в церкви, с восточной стороны: это бывшая келия Иоанна Богослова, и в той келии Христос вечерял с учениками своими; тут же Иоанн возлежал на груди его и сказал: «Господи, кто – предающий тебя?» На том же месте сошествие Святого Духа было на апостолов в Пятидесятницу.

В той же церкви есть другая комната, внизу, на земле; и низко помещение то, с южной стороны: в эту комнату и пришел Христос к ученикам своим, когда были двери закрыты, и стал посреди них, и сказал: «Мир вам»; тут же и Фому уверил в восьмой день. Тут же хранится святой камень, принесенный ангелом с Синайской горы.

А на другой стороне той же церкви, с западной стороны, есть на земле другая комната низкая, такая же по виду: в том помещении преставилась святая Богородица. Все то происходило в доме Иоанна Богослова.

И тут же был дом Каиафин. Там Петр отрекся от Христа трижды, прежде чем петух пропел. И есть место то в восточном направлении от Сиона.

ГДЕ ПЕТР, ТРИЖДЫ ОТРЕКШИСЬ ОТ ХРИСТА, ГОРЬКО ПЛАКАЛ

И оттуда, к востоку, опять же близко есть место на склоне горы, где находится очень глубокая пещера: спуск в нее – тридцать две ступени. В этой пещере Петр горько оплакивал свое отречение. Над этой пещерой создана церковь во имя святого апостола Петра.

О КУПЕЛИ СИЛОАМСКОЙ

А оттуда на юг, внизу под горой, находится купель Силоамская, где Христос слепцу глаза открыл.

О СЕЛЕ СКУДЕЛЬНИЧЕМ

И тут, под той же горой Сионской, находится село Скудельничье, которое купили на полученные за Христа деньги для погребения странников. Оно по ту сторону ущелья, под Сионской горой, на юг от Сиона. И много пещер высечено на склоне горы в камне, и в тех пещерах теперь гробы устроены, в камне высечены удивительно и чудесно: тут погребаются пришлые странники бесплатно, так; ничего ведь не дают за то святое место, ибо оно выкуплено кровью Христа.

О ВИФЛЕЕМЕ

Вифлеем же святой на юге от святого Иерусалима, в шести верстах. По полю – две версты до спешения Авраама, где Авраам оставил слугу своего с ослом, и взял сына своего Исаака для жертвы, и дал ему понести дрова и огонь. И тот

сказал ему: «Отец, вот дрова и огонь, а где же овца?» И сказал ему Авраам: «Бог покажет нам овцу, чадо». И Исаак шел, радуясь, путем тем по направлению к Иерусалиму. Ведь на то самое место приведен был Исаак, где Христос был распят.

И оттуда верста одна расстояния до места, где святая Богородица видела два рода людей: одних смеющихся, а других плачущих. И тут была церковь создана, монастырь был Святой Богородицы. Ныне же разорено все от поганных.

А оттуда до гроба Рахили, матери Иосифа, две версты.

О ВЕРТЕПЕ, ГДЕ ХРИСТА РОДИЛА СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

И оттуда верста одна до места, где святая Богородица сошла с осла, когда находящееся во чреве ее, желая выйти, принудило ее. И там есть камень большой, на котором отдыхала святая Богородица тогда, сойдя с осла; от того камня, встав, шла она пешком до вертепа святого, и там, в том вертепе, родила Христа святая Богородица. И тут, близко от камня того, Рождество Христово, так что может дострелить хороший стрелок.

О ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

И там, над вертепом тем святым Рождества Христова, выстроена большая церковь в форме креста с прямоугольным, высоко поднятым верхом. Покрыта же оловом вся та церковь Рождества Христова, вся украшена мозаикой, столпов же у нее восемь цельных мраморных; вымощена плитами белого мрамора; дверей же у нее трое; в длину она пятьдесят саженей до великого алтаря, а в ширину двадцать саженей. Вертеп же и ясли, где было Рождество Христово, находятся под великим алтарем, – как бы пещера большая, сделана красиво, и семь ступеней у нее, по которым сходят к дверям вертепа святого. Дверей у нее двое; ко вторым дверям – тоже семь ступеней. И если восточными дверьми вступишь в вертеп, по левую руку есть место на земле внизу, на котором и родился Христос Бог наш. Над местом тем святым возведена трапеза святая, и тут, на той трапезе, служат литургию.

О ЯСЛЯХ ХРИСТОВЫХ

И там, к востоку, есть место, напротив которого справа – Ясли Христовы. С западной стороны под каменной скалой

находятся Ясли Христовы святыя, в которые положен был Христос Бог, в рубища повит. Нашего ради спасения все претерпел. Близко друг от друга находятся места те – Рождество и Ясли: примерно три сажени расстояние между ними; в одной пещере оба места эти. Украшена же пещера та мозаикой и вымощена красиво. Под церковью же все выдолблено, и мощи святых тут лежат.

И если пойти, выйдя из церкви, на правую руку, то там есть пещера глубокая, уходящая под церковь: в той пещере лежали мощи святых младенцев, и оттуда взяты были святыя младенцы в Царьград. И построена ограда высокая вокруг всей той церкви. И находится место то, где было рождество Христово, на горе, в стороне от людей, в пустыне. Теперь это место, где сейчас Рождество Христово, и городок тот называется Вифлеем, а древний Вифлеем был за пределами этого места, впереди, не доходя до Рождества Христова. Там сейчас обретается Столпник и находится камень святой Богородицы; на той-то горе и был первый Вифлеем. И вся та земля около Вифлеема называется Ефрант, земля Иудина, и о ней пророк говорит: «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше среди тысяч Иудиных, ибо из тебя выйдет вождь, который упасет людей моих Израилевых». И земля та около Вифлеема очень красива среди гор, и деревья многоплодные фруктовые стоят по пригорьям тем красиво: маслины, и смоквы, и рожки – много, без числа; виноградников много вокруг Вифлеема; и нив по долинам много.

А близ церкви Рождества Христова, за стеной городской к югу, на расстоянии выстрела, есть в горе большая пещера: в той пещере жила святая Богородица с Христом и с Иосифом.

О ДОМЕ ИЕСЕЯ, ОТЦА ДАВИДА

И тут есть место с восточной стороны города; от города на расстоянии примерно выстрела; название места того Вифиль. Там был дом Иесея, отца Давида; в этот дом пришел Самуил-пророк и там помазал Давида на царство в Израиле вместо Саула.

О КОЛОДЦЕ ДАВИДА

Там колодец Давидов, из которого в древности Давид возжаждал пить.

О МЕСТЕ, ГДЕ БЛАГОВЕСТИЛИ АНГЕЛЫ ПАСТУХАМ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

А на восток оттуда есть место под горою на поле, на расстоянии версты от Рождества Христова: на том месте святые ангелы благовестили пастухам рождество Христово. И была там пещера; над тою пещерою была создана хорошая церковь во имя святого Иосифа, и был там монастырь хороший. Ныне же разорено погаными место то. И около того места поле очень красивое, и нивы многоплодные, и масличных деревьев много. А называется то место Агия пимины, что переводится «Святая паства». И там находится село святого Саввы, в направлении к Вифлеему под горою.

О ПЕЩЕРЕ И О ДУБЕ МАМВРИЙСКОМ

А от Вифлеема на юг – Хеврон, пещера Сугубая и дуб Мамврийский. Расстояние от Иерусалима до Хеврона двадцать восемь верст, путь идет мимо Вифлеема к Хеврону; ходу до Вифлеема шесть верст, от Вифлеема до реки Ифамской три версты. О той реке Ифамской пророк Давид говорит в Псалтыри: «Ты иссушил реки Ифамские. Твой есть день, и твоя есть ночь», И ныне река та суха, под землею течет та река, выходит у моря Содомского, ибо там она впадает в море Содомское. А по другую сторону той реки очень высокая каменная гора; лес на горе той большой и густой; и дорога идет через ту страшную гору. Идти плохо, ибо там есть большая крепость и сарацины разбойничают на той горе. Если кто в небольшом числе хочет пройти, то не может пройти. Мне же Бог дал хороших попутчиков, и очень много, и потому смогли мы пройти без ущерба то страшное место. Там ведь недалеко лежит город Аскалон, вот оттуда-то и выходят поганые и многих избивают на той дороге нещадно. На той же горе, в том самом лесу, убит был Авессалом, сын Давидов, ибо он бежал туда после победы отца своего, и туда внес его мул – в чащу того леса; и зацепилась голова его волосами, и сняло его с мула, и он повис на дереве высоко, и застрелен был в сердце тремя стрелами; и так и умер на том дереве.

А оттуда до клятвенного колодца Авраама десять верст, а от колодца того до дуба Мамврийского шесть верст.

О ТОМ ЖЕ

Дуб же тот святой рядом с дорогой; когда там идешь, по правую руку; и стоит, красив, на высокой горе. А вокруг корней его внизу Бог вымостил мрамором белым как пол церковный. Вымощено около всего дуба того хорошего; посреди этого помоста вырос дуб святой из камня этого, удивительный! На верху той горы около этого дуба получились как бы двориче – ровно и чисто, без камней; тут и стоял шатер Авраамов, близ того дуба к востоку. Дуб этот не очень высок, раскидист очень и густ ветвями, и плодов на нем много. Ветки же его низко к земле склонились, так что муж может, на земле стоя, достать его ветки. Окружность его в самом толстом месте две сажени, а высота его ствола до ветвей – полторы сажени. Удивительно и чудесно, что столько много лет стоит дерево то на такой высокой горе и не повреждено, не искрошилось! Стоит утвержденный Богом, словно теперь посажен. Под тот дуб и пришла Святая Троица к патриарху Аврааму и тут обедала у него, под тем дубом святым. И тут благословила Святая Троица Авраама и Сарру, жену его, и дала им родить Исаака на старость. Тут и воду показала Святая Троица Аврааму, и есть колодец тот и доньше под той горой, близко у дороги. И вся та земля около дуба того называется Мамврия; потому и дуб тот зовется Мамврийским. А от дуба того до Хеврона две версты.

О ГОРЕ ХЕВРОН

Хеврон – гора большая, и город был на горе той большой и крепкий весьма, а теперь строения его очень ветхи. Множество людей жило прежде по горе той, а ныне все пусто.

Первым на той горе Хевронской поселился внук Ноев, сын Хамов, Ханаан, придя после потопа со строительства вавилонского столпа; и населил он землю ту всю около Хеврона, и так и зовется земля та: Хананейская. И ту землю обещал Бог Аврааму, когда он еще жил в Месопотамии и в Харране, ибо там был дом отца Авраамова. И сказал Бог Аврааму: «Выйди из земли твоей, из дома отца твоего, и иди в землю Хананейскую, и дам тебе землю ту и семени твоему до

века, и я буду с тобою». И ныне поистине земля та Богом обетованна, и благословенна от Бога всем добром: пшеницей, и вином, и маслом, и всяким плодом обильна весьма, и множеством скота богата, и овцы и скот дважды родятся летом, и пчел много в камнях по горам тем красивым, также и виноградников много по тем пригориям, и деревьев много плодовых стоит – без числа: маслины, смоковницы, и рожки, и яблони, и черешни, и прочие. И всякий плод тут есть, и плод тот лучше и больше всех плодов, сущих на земле под небом, нет таких плодов нигде больше. И вода хороша в месте том и всячески полезна. И само то место превосходит все красотой и всяческим добром. Несказанна земля та около Хеврона! И там был дом Давидов – на этой горе Хевронской; и жил там Давид восемь лет, когда выгнал его сын Авессалом.

А от Хеврона до Сугубой пещеры Авраама близко, ближе чем полверсты. Сугубая пещера находится в каменной горе, а в той пещере – гроб Авраама, Исаака и Иакова. Эту ведь пещеру Сугубую Авраам купил у Ефрона Хеттеянина для погребения всего рода своего, когда пришел из Месопотамии в землю Хананейскую. И сначала ничего не купил, кроме пещеры Сугубой для погребения себе и всему роду своему. И ныне вокруг той пещеры построена крепость небольшая, но весьма прочная. Сложена крепостица из больших камней чудесно и с непередаваемым искусством, а стены ее очень высоки. Находясь посреди той крепостицы, пещера теперь хорошо защищена. И вымощена вся та крепостица плитами мраморными, белого мрамора. Пещера же та, где лежат Авраам, Исаак, Иаков и все сыновья Израилевы, находится внизу под вымосткой, хорошо укреплена; и жены их тут лежат, Сарра, Ревекка. А Рахиль отдельно лежит у дороги около Вифлеема. И сделаны теперь над пещерою в крепостице той гробы отдельные; над гробами теми выстроены церковки маленькие круглые. И близки между собой гроб Авраама и жены его Сарры; и гроб Исаака и жены его Ревекки близко друг от друга; гроб Иакова и жены его Лии близко друг к другу стоят.

О ГРОБЕ ИОСИФА

Иосифа Прекрасного гроб вне крепостицы той, за пределами Сугубой пещеры; расстояние как камень добросить до крепостицы той. Называется теперь это место «Святой Авраам». Поблизости тут есть гора высокая, на юг от Сугубой пещеры, расстояние одна верста; на ту гору взошла Святая Троица с Авраамом, ибо до той горы Авраам проводил Святую Троицу от дуба Мамврийского. И там есть место на верху той горы, красивое и высокое очень, на каковом месте Авраам, пав на лицо свое, поклонился Святой Троице, молился и говорил:

О МОЛИТВЕ АВРААМА

«Господи! Да не погубишь праведного при погибели нечестивых! Но если, Господи, найдешь пятьдесят праведников в Содоме, не помилуешь ли, Господи, всего города того, пятидесяти ради праведников?» И сказал Господь Аврааму: «Если найду среди содомлян пятьдесят праведников, не погублю всего города того, пятидесяти ради праведников». И снова поклонился Авраам Богу и сказал: «Если найдется среди содомлян тридцать праведников, не помилуешь ли всего города того?» И сказал Господь Бог Аврааму: «Если найдется тридцать праведников среди содомлян, не погублю всего города того». И поклонился Авраам Господу и сказал: «Многомилостивый и терпеливый к беззакониям нашим Господи! Не прогневайся на меня, раба твоего, и скажу еще раз: если найдется среди содомлян пятнадцать праведников, не помилуешь ли, Господи, всего города того, пятнадцати ради праведников?» И сказал Господь Бог Аврааму: «Если найдется среди содомлян пятнадцать праведников, не погублю всего города того пятнадцати ради праведников, ни пяти ради праведников не погублю всего города того». И замолчал Авраам, и не прибавил к сказанному ничего. С этой горы послала Святая Троица двух ангелов в Содом, чтобы они вывели Лота, племянника Авраама. Там, на том месте, тогда Авраам жертву принес Богу, пшеницу посыпав на огонь, и потому называется то место «Жертва Авраама». И место то высоко весьма, и видна оттуда вся земля Хананейская.

А от Жертвы Авраама до теснины Грезновой одна верста, и от теснины Грезновой до гумна Атанатова одна верста.

О ГРОБЕ ЛОТА, НАХОДЯЩЕМСЯ В СИГОРЕ

А оттуда до Сигора две версты. И там находится гроб Лота и обеих его дочерей два гроба. В той ведь горе большая пещера, в которую вбежал Лот со своими дочерьми. И там поблизости есть городище первых людей; был на горе той город высокий, он и называется Сигор.

А на расстоянии версты оттуда, на взгорий, к югу от Сигора, стоит жена Лота столпом каменным. А от Жены Лота до Содома две версты. И все то мы видели глазами своими, а ногами своими не могли мы дойти до места, где был Содом, так как боялись поганных. Не дали нам идти туда правоверные люди, сказали нам так: «Ничего вы там не увидите, но только серу, и смрад исходит оттуда. И болеть ты будешь, – сказали нам, – от смрада того злого». Так что оттуда мы возвратились опять к Святому Аврааму и, благодатью Божией соблюдаемы, прошли поздорову в Сугубую пещеру, в крепостицу. И там поклонились всем святым местам и отдохнули там два дня. Благодатью Божией там мы обрели множество хороших попутчиков, идущих в Иерусалим, и мы присоединились к ним, и шли с радостью с ними без боязни, и дошли поздорову до святого города Иерусалима, и похвалили Бога, сподобившего нас, недостойных, видеть святые те места, неизреченные и несказанные.

Есть к югу от Вифлеема монастырь святого Харитона на той же реке Афамской, вблизи от моря Содомского в горах каменных, и пустыня вокруг него. Грозно и безводно место то и сухо. Под ним находится каменное очень страшное ущелье. Вокруг он был весь обнесен оградой; посреди же огороженного места две церкви; в большей церкви находится гроб святого Харитона. А вне ограды есть усыпальница, сделанная умело, в той усыпальнице лежат святые отцы, телами – как живые, и лежит их там более семисот. Тут лежит святой Кириак Исповедник, телом весь цел; тут лежат сыновья Ксенофонта Иоанн и Аркадий, и благоухание чудное от них исходит. И мы поклонились там, на месте том святом, и пошли на гору, к югу от монастыря того, верста одна расстояние.

И там есть место ровное в поле, на котором восхищен был пророк Аввакум, когда он шел на поле к жнецам с едой и водой. И принес его ангел в Вавилон к Даниилу-пророку в ров, и оттуда, накормив Даниила и напоив, он вновь был восхищен ангелом и в тот же час, в тот же день вновь, опять был на том же месте у жнецов и дал им обед. И ныне стоит на месте том как бы теремок, построенный в честь знамения. До Вавилона же оттуда расстояние сорок дней.

И от того места близко церковь большая, построенная клетью, во имя святых пророков. И там внизу, под церковью той, есть пещера большая, в которой лежат двенадцать пророков в трех раках: Аввакум, Наум, Михей, Иезекий, Авдий, Захария, Иезекииль, Измаил, Савеил, Варух, Амос и Осий.

И близко там на горе есть село большое весьма; и живет в нем сарацин много; и христиан тут же, в селе том, много. А село это – родина святых пророков: там рождались святые пророки, и это отчина их – то село. И там мы спали одну ночь, в селе том, Божьею благодатию хранимые. И приняли нас христиане в том селе хорошо. И оттуда, хорошо опочив ту ночь и наутро рано встав, пошли мы к Вифлеему. Старейшина же сарацинский сам с оружием проводил нас до самого Вифлеема; и тамошними местами всеми тоже нас проводил. А без охраны не дойти до тех мест из-за поганых, ибо туда многие сарацины ходят разбойничать, в горах тех. И мы дошли поздорову до святого города Вифлеема, и там поклонились Рождеству Христову, и, переночевав там, пошли с радостью в святой город Иерусалим.

ГДЕ УБИЛ ДАВИД ГОЛИАФА

И есть там место близ Иерусалима, на восток от столпа Давида, можно дострелить: на том месте убил Давид Голиафа. Место это вблизи цистерны, там сейчас хорошая нива.

И оттуда расстояние выстрел до пещеры, в которой лежат мощи многих святых мучеников, избитых в Иерусалиме в царствование Ираклия; а называется место то «Агия Мамила».

ГДЕ ВЫРОСЛО ЧЕСТНОЕ ДРЕВО

А от того места до Честного Креста одна верста. И есть за горою, на запад от Иерусалима, место, где было высечено

подножие Христово, к которому пригвоздили пречистые ноги Господа нашего Иисуса Христа. Место то огорожено стеной, и внутри выстроена церковь большой высоты, во имя Честного Креста; исписана красиво вся. А под великим алтарем, глубоко под трапезой, и находится пень дерева того честного. И хорошо укреплено и облицовано над пнем тем плитами белого мрамора. И оконце сделано против дерева того, по форме круглое. Это Иверский монастырь.

О ДОМЕ ЗАХАРИИ

И от того монастыря до дома Захарии версты четыре, а место дома – под горой, к западу от Иерусалима. В тот дом Захарьин к Елизавете пришла под гору святая Богородица и поцеловала Елизавету. И случилось, что, едва почувствовала Елизавета целование Марии, разыграл младенец, радуясь в утробе ее, и сказала Елизавета: «Откуда это пришла ко мне мать Господа моего? Благословенна ты в женах, и благословен плод утробы твоей». В том же доме Иоанн Предтеча родился. И теперь на месте том возведена церковь высокая. Когда идешь в ту церковь, по левую руку, под малым алтарем, есть пещерка маленькая, в той-то пещере и родился Иоанн Предтеча. И место то все обнесено оградой каменной.

О ГОРЕ, КУДА БЕЖАЛА ЕЛИЗАВЕТА С ПРЕДТЕЧЕЙ

А оттуда – полверсты через ущелье до той горы, к которой прибежала Елизавета и сказала: «Гора, прими мать с ребенком!» И тотчас расступилась гора и приняла ее. Слуги же Иродовы, гнавшие по следу ее, придя до места того, не нашли ничего и возвратились усталые. И известно место то на том камне и до нынешнего дня. И есть над местом тем ныне церковка небольшая; внизу под церковкой той пещерка маленькая; и церковка другая перед пещеркой той пристроена. Из той пещеры вытекает очень хорошая вода; эту воду пила святая Елизавета, с Иоанном тут будучи в горе той, ведь тут она жила до смерти Ирода, ибо ангел ее хранил в той горе. Гора же та велика весьма, и лесу на ней много, и вокруг нее ущелий много. А находится она на запад от Иерусалима; называется то место «Орини». На ту же гору бежал Давид-пророк из Иерусалима от Саула-царя.

О РАМЕ

А от той горы к западу две версты до Рамы, о которой пророк Иеремия говорит: «Голос в Раме слышен был, плач и рыдание во ушах ее: Рахиль оплакивает детей своих и не хочет утешиться, ибо их нет». Рама та представляет собой большое ущелье, по которому разбросано много сел. И вся та земля около того ущелья теперь называется Рама и принадлежит к Вифлеемской области. Сюда-то, в Раму, Ирод-царь и послал своих воинов избить святых младенцев.

О ЕЛЬМАУСЕ

А от Рамы к западу четыре версты до Ельмауса, где Христос в третий день по воскресении явился Луке и Клеопе, когда они шли из Иерусалима в село, и где ими узнан был Христос по преломлению хлеба. Здесь находилось то большое село. На том месте была построена церковь. Ныне же разорено все погаными, и село то Ельмаус пусто. А место, где оно было, в стороне от проходящей там дороги за горою; по правую руку, когда идешь от Иерусалима к Яффе.

О ЛИДДЕ

А от Ельмауса до Лидды четыре версты. По полю надо идти до Лидды, На этом месте был очень большой город под названием Лидда, а теперь называется Рамблий. В этой Лидде Петр исцелил Ению, лежащего на постели.

ОБ ОПИИ

А от Лидды до Опии верст десять, все по полю. В этом городе Опии святой Петр-апостол Тавифу воскресил. В этом же городе, постясь на крыше в девятый час, Петр увидел плащаницу, с небес сходящую, за четыре конца повешенную, и когда она дошла до него, взглянул Петр и увидел, что плащаница та полна четвероногих и всякого гада. И сказал ему голос с небес: «Петр, встав, заколи и ешь!» И сказал Петр: «Господи, никогда скверное и нечистое не входило в рот мой». И сказал ему голос с небес: «Что Бог очистил, ты не почитай нечистым». И на том месте ныне церковь создана во имя святого Петра. Стоит же город Опий у моря близко, и приходит море к стенам его. И называется ныне тот город Яффа фряжским языком. А от Яффы до Тарсуфа шесть верст.

О КЕСАРИИ ФИЛИППОВОЙ

А от Тарсуфа до Кесарии Филипповой версты двадцать четыре, все вдоль моря. В той Кесарии святой Петр-апостол крестил Корнилия. Тут же близко гора, в двух верстах от города того на юг, где жил отец Маркиан, к которому пришла женщина-блудница искусить его.

О КАПЕРНАУМЕ

А от Кесарии Филипповой до города Капернаума верст восемь. Капернаум был город очень большой, и людей множество в нем было, ныне же пуст тот город. А расположен вблизи моря Великого. Об этом Капернауме говорит пророк: «О, горе тебе, Капернаум! Ты вознесся до небес, и до ада сойдешь». Ибо из этого города должен выйти антихрист. Вот из-за этого фряги и опустошили ныне весь этот город Капернаум.

О ГОРЕ КАРМИЛЬСКОЙ

А от Капернаума до Кармильской горы шесть верст. В этой горе святой пророк Илья жил в пещере; и там вороном был питаем тот Илья-пророк. На той же горе жрецов Вааловых исколот ножом Илия и сказал: «Ревнуя, поревновал по Господе Боге моем». Гора же та Кармильская весьма высока, и море Великое близ горы той, примерно в версте. От горы Кармильской до города, до Кифы, одна верста.

ОБ АКРЕ-ГРАДЕ

А от Кифы до Акры пятнадцать верст. Город же тот, Акра, весьма велик и крепок строением, и залив хороший есть под тем городом. Это сарацинский город, ныне же им владеют фряги. А от Акиры до Тира-города верст десять, и от Тира до Сидона верст десять. И есть тут близко село Сарефта Сидонская: в том селе Илья-пророк воскресил сына вдовицы.

О ГРАДЕ ВИРИТЕ

И от Сидона до Вирита-города верст пятнадцать. В том городе евреи проткнули образ Христов копьем: изошла кровь и вода, и тогда многие уверовали и крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа. И в тот же город Вирит Ксенофоновы сыновья Иоанн и Аркадий пошли учиться философии. А от Вирита до Зевала двадцать верст, а от Зевала до Триполя сорок верст, а от Триполя до реки Судии шестьдесят верст.

О ВЕЛИКОЙ АНТИОХИИ

На той-то реке стоит Антиохия Великая. А от моря Антиохиев город подальше восьми верст расстоянием. До Адекия сто верст, затем Малая Антиохия, затем Канинорос, затем Мавронорос, затем Сатилия-городок, затем Хидония – островок небольшой. И те все города стоят около моря; и все те города мы минули по морю, не приставая, хотя и подходили близко к тем городам; боясь ратных, не пристали в Хидонии. И оттуда мы шли до Мира, затем – к Патаре-городу, а у того города встретили нас корсары на четырех галерах, захватили нас и ограбили всех. А оттуда мы пришли к Царьграду и поздорову дошли до Царьграда.

О ГАЛИЛЕЕ И О МОРЕ ТИВЕРИАДСКОМ

И есть путь от Иерусалима в Галилею, к Тивериадскому морю, и к Фаворской горе, и к Назарету. Вся ведь эта земля около Тивериадского моря называется Галилеей, и лежит та земля по направлению от Иерусалима на юго-восток. И находится город Тивериада в четырех днях пути от Иерусалима, если пешком идти. И путь этот весьма страшен и очень тяжел: в горах каменных идти три дня, а четвертый день вдоль Иордана по полю идти, все на восток вплоть до верховий Иордана, откуда берет начало Иордан-река.

И дал мне Бог пройти путь тот так: пошел князь иерусалимский Балдуин на войну к Дамаску путем тем, к Тивериадскому морю, ибо там проходит дорога к Дамаску, мимо Тивериадского моря. Я узнал, что хочет князь идти путем тем к Тивериаде, пошел к тому князю, поклонился ему и сказал: «И я бы хотел пойти с тобою к Тивериадскому морю, чтобы походить по тем всем святым местам около Тивериадского моря. Бога ради, возьми меня, князь!» Тогда этот князь с радостью повелел мне пойти с собою и пристроил меня к своим слугам. Тогда я с радостью великою нанял под себя на чем ехать. И таким образом прошли мы места те страшные с воинами царскими без страха и без ущерба. А без воинов той дорогой никто не может пройти; одна только святая Елена путем тем ходила, а другой никто.

И вот каков путь к Тивериаде: от Иерусалима до колодца святой Богородицы верст десять, а от колодца того до Гельвунских гор версты четыре. И на тех горах Гельвунских убит был Саул – царь иудейский, и сын его Анафан тут же убит был. Горы же эти велики, каменны, сухи, безводны, ибо нет росы на них никогда. А от гор тех до колодца Давида две версты, а от колодца того до пещеры Давида версты четыре. В той пещере дал Бог Саула-царя в руки Давида, и он не убил его, когда тот спал, но отрезал лоскут одеяла его и взял меч его и полотенце. А от тех гор до Сихемских гор и до рва Иосифова версты четыре. На тех горах сыновья Иаковлевы пасли стада отца своего Иакова; на те горы пришел Иосиф Прекрасный к братьям своим, отцом своим будучи послан к ним, неся им мир и благословение от отца своего Иакова. Они же, видя брата своего Иосифа, встали и схватили его, и бросили его в ров, каковой ров и до сего дня существует, – как стена углубленная, сложенная из больших камней, и крепок весьма. И там пришлось нам на ночлег ложиться, на месте том. Ибо находится это место вблизи пути людского, на правую руку, когда там идешь.

О КОЛОДЦЕ ИАКОВА

И оттуда до жилища Иосифова, что называется Сихарь, верст десять. И там есть колодец Иаковлев, глубокий и большой, и вода очень холодна и вкусна. У того колодца Христос и беседовал с женщиной-самарянкой. И мы там лежали ночь.

О САМАРИИ

И оттуда недалек город Самария – примерно полверсты расстояние от того колодца. Город же Самария большой весьма и изобилует всем добром. Тот город Самария стоит между двумя высокими горами; много источников вод холодных красиво течет посреди того города. И деревья плодовые всяческие там без числа: смоквы, орешник, рожки и маслины, – как дубравы, как леса по всей земле той около Самарии. По краям тех полей плодородные нивы. И земля та около Самарии прекрасна и весьма удивительна. И изобильно место то всем добром: маслом и вином, пшеницей и плодами. И проще

говоря, оттуда получает Иерусалим все то добро, которым он жив. И ныне город тот Самарийский называется Неаполи. А оттуда в двух верстах к западу от города Самарии есть место, которое называется Севастополи; и выстроено тут укрепление небольшое, это и есть темница святого Иоанна Крестителя Христова: в этой темнице усечен был Иоанн Предтеча Христов Иродом-царем. И там гроб святого Иоанна Предтечи, и создана на том месте хорошая церковь во имя Предтечи Иоанна. И ныне там фряжский монастырь, очень богатый.

ОБ АРИМАФЕЕ-ГРАДЕ

А оттуда четыре версты до Аримафея. Там находится гроб святого Иосифа и святого Малелеила. Находится это место к западу от Самарии, в горах. Ограда небольшая построена над местом; церковь хорошая клетью построена над гробом святого Иосифа. То место и зовется Аримафей. А от Самарии путь к Тивериадскому морю на юго-восток.

О ГРАДЕ ВАСАНСКОМ

От Самарии до города Васана тридцать верст. В том городе Васанском Ог, царь Васанский, был, которого убил Иисус Навин у Иерихона. Выглядит место то страшно и весьма грозно. Вытекает из городища того Васанского семь рек; и стоит тростник большой по рекам тем, и фиников много стоит высоких по тому городищу, как лес густой. И место это страшное и негодное для прохода, ибо там живут сильные сарацины поганые и разбойничают на тех реках, на бродах. И много львов тут водится. И находится это место вблизи реки Иордан, и большое болото прилегает со стороны Иордана к градищу тому Васанскому. А те реки текут от Васана в Иордан, оттого много львов в месте том.

И есть там, под тем городом на восток, пещера удивительная: она получилась в форме креста. Из той пещеры вытекает источник, и есть там чудесный водоем, сам образовавшийся и как бы созданный Богом. В том водоеме сам Христос купался с учениками своими. И известно до сего дня место то, где Христос сидел на камне. Там купались и мы, недостойные. В городе же том Васанском евреи испытывали Христа: показывали ему динарий и спрашивали: «Следует ли

дань давать или нет?» Он же им: «Чей здесь образ и надпись? Воздайте кесарево кесарю, а Божие Богу!» И сказал Христос, обратясь к Петру: «Иди, забрось удочку в море, и той рыбе, которую первой поймашь, открой рот, вынь статир и отдай за меня и за себя!» У того же города Васана Христос исцелил двух слепцов, которые взывали, идя за ним следом.

О ИОРДАНЕ-РЕКЕ

А от Васана до верховий Иордана и до Мытницы Матфеевой двадцать верст; и весь путь тот все по полю идешь около Иордана, пия воду из Иордана, очень вкусную и чистую, все к востоку идешь до самого верховья Иордана. Иордан же берет начало из моря Тивериадского, из двух истоков; кипит чудесно весьма. Название одного источника Иор, а другого источника название Дан. Оттуда и выходит Иордан двумя реками из моря Тивериадского. Они вдали друг от друга, примерно три перестрела между ними. И текут те реки порознь немного, примерно полверсты, а потом сливаются обе реки в одну реку, и она называется Иордан – по названиям двух источников. Течет же Иордан быстро, чистою водою, и очень извилисто. Всем похож он на Сновь-реку: по ширине, и по глубине, и заводями подобен Иордан Снови-реке. И очень много рыбы в его верховьях. А в самом верховье Иордана есть два моста каменные через оба потока, выстроенные на сводах крепко, и под теми мостами течет Иордан, сквозь пролеты тех мостов.

О МЫТНИЦЕ МАТФЕЕВОЙ

От тех мостов близко была мытница Матфея, апостола Христова, ибо тут сходятся все пути, ведущие через Иордан к Дамаску и в Месопотамию, И там, в том месте, остановился на обед князь Балдуин с воинами своими. Тут же и мы остановились с ним у самого верховья Иордана, купались мы у самого верховья Иордана в море Тивериадском. И походили тогда около моря Тивериадского без страха и без боязни по всем тем святым местам. Где Христос Бог наш походил своими ногами, там же и меня, худого и грешного, сподобил Бог походить и дал видеть всю ту страну Галилейскую. Чего не надеялся я никогда видеть, то показал мне Бог, чтобы я видел,

обходя ногами своими грешными всю ту землю святую и желанную. Не ложно, по истине, как видел, так я и написал о местах святых. Многие другие, доходившие до этих мест и не смогшие разузнать хорошо, обманываются относительно этих мест, а иные, не доходившие до этих мест, лгут много и выдумывают. Мне же, дурному, Бог показал мужа святого и старого днями, и книжного весьма, и духовного, жившего в Галилее лет тридцать, а у святого Саввы в лавре жившего лет двадцать; и тот муж показал мне все поистине, по святым книгам разузнав основательно. И за что это мне, грешному, столько хорошего видеть?

И там стояли у моста того весь тот день, а к вечеру князь Балдуин пошел за Иорданом к Дамаску с воинами своими. Мы же пошли в город Тивериадский и там пробыли десять дней, в городе том, пока не пришел князь Балдуин с той войны от Дамаска. Мы же за то время обошли все места те святые около Тивериадского моря.

О МОРЕ ТИВЕРИАДСКОМ

Тивериадское море можно обойти, как озеро; и вода его так вкусна, что никак не насытится пьющий ту воду. В длину же оно пятьдесят верст, а поперек двадцать верст. Рыбы в нем очень много; и есть там одна рыба весьма удивительная и чудесная, которую Христос любил есть; и вкусна для еды рыба та больше всякой другой рыбы, по виду же она как карп. И ел я рыбу ту многократно, находясь там, в городе. Ту же рыбу и по воскресении Христос ел, когда пришел к ученикам своим во время ловли, и сказал: «Дети! Есть ли что поесть?» Они же сказали: «Нет». И сказал он им: «Бросьте с правой стороны сети».

О ВЕРХОВЬЕ ИОРДАНА

Расстояние от верховья Иордана и от мостов тех до бани Христа, и до бани Святой Богородицы, и до бани Апостолов верст шесть; а от бани святых до города Тивериады одна верста.

Был прежде город Тивериада очень большим: две версты в длину, а в ширину верста. А несколько дальше – море Тивериадское. В том городе многие чудеса сотворил Христос

Бог наш: там ведь находится место, посреди города того, где Христос прокаженного очистил; там был дом тещи Петра-апостола, и там Христос вошел в дом тот и исцелил от болезни огненной тещу Петрову. И здесь, на том месте, церковь создана во имя апостола Петра, круглая по форме. Там и дом Симона-прокаженного был, где блудница на вечере омочила слезами ноги пречистые Господа нашего Иисуса Христа, и волосами своими отерла, и приняла отпущение бесчисленных грехов. В том же городе он и согбенную женщину исцелил. Тут же было чудо с сотником. Тут же постель свесили с больным юношей, крышу разобрав. Тут же он Хананеянку помиловал. Есть там пещера с очень вкусной и холодной водой, куда Христос убежал, когда хотели его царем поставить в Галилее. И другие многие чудеса Христос сотворил в городе том. В том городе находится гроб Елисея-пророка, сына Асафата. Здесь же близко при дороге гроб Иисуса Навина. И есть там камень большой вблизи моря, к востоку от города, на расстоянии выстрела: на том камне стоял Христос и учил здесь народы, что пришли к нему из поморья Тирского и Сидонского, из Декаполя и со всей Галилеи; и отсюда отпустил он народы и учеников своих, и они поплыли на ту сторону моря в кораблях, а сам Иисус здесь остался, а затем отсюда перешел по морю, словно посуху ходив ногами своими, и оказался по другую сторону моря перед народом. Они же, приплыв, обнаружили Иисуса, там ходящего, и говорили: «Учитель, когда ты сюда приплыл?» Он же сказал им: «У Бога все возможно, а у людей невозможно». Десять верст от Тивериады до того места по морю; и находится то место на склоне горы на расстоянии одной версты от моря.

ГДЕ ХРИСТОС НАПИТАЛ ПЯТЬ ТЫСЯЧ МУЖЕЙ

Место это ровное и травянистое; на этом месте Христос наплатил народу пять тысяч пятью хлебами, не считая жен и детей; и осталось двенадцать корзин ломтей.

ГДЕ ХРИСТОС В ТРЕТИЙ РАЗ ЯВИЛСЯ УЧЕНИКАМ СВОИМ, ВОССТАВ ИЗ МЕРТВЫХ

И там вблизи от моря Тивериадского есть место под горой, где явился Христос ученикам своим по воскресении в третий раз: пришел Христос и, став около озера, сказал: «Дети, есть ли

у вас что поесть?» Они же ответили: «Нет». И сказал им Иисус: «Забросьте с правой стороны сети, как я вам говорю, и поймаете». Они забросили, и оказалось, что не могут ее подтащить из-за множества рыбы; вытащили на сушу сеть, полную больших рыб – сто пятьдесят три всего; и увидели у сети огонь, и хлеб, и рыбу печеную, и тут, поев, Христос дал и им. Там создана церковь во имя Святых Апостолов. А близко оттуда был дом Марии Магдалины, там исцелил ее Христос от семи бесов; и зовется то место Магдалия.

О ГРАДЕ ВИФСАИДЕ

А оттуда близко, на горе, Вифсаида, городок Андреев и Петров. И есть там место, куда Филипп привел Нафанаила к Петру и к Андрею.

ГДЕ ХРИСТОС ПРИШЕЛ К УЧЕНИКАМ, КОГДА ОНИ ЛОВИЛИ РЫБУ

И есть там место на море, где Христос пришел к братьям Зеведеевым и к Андрею с Петром, когда они тащили и чинили сети. И тут узнали Христа Андрей и Петр, и оставили там лодку и сети, и пошли вослед Христа. Там вблизи моря и село было Зеведея, отца Иоанна, и был там дом Богослова Иоанна. И Христос изгнал там из человека легион бесов и повелел им войти в свиней; тут и утонули свиньи в море. А поблизости там село Капернаум.

А оттуда близко река большая, которая течет из озера Генисаритского, а впадает в море Тивериадское. Озеро же Генисаритское очень велико, сорок верст в ширину, по форме круглое, рыбы в нем множество. И там, поблизости от озера того, есть город по имени Генисира; потому-то оно так и называется – Генисаритское.

О ГРАДЕ ДЕКАПОЛИИ

И есть там другой город очень большой под названием Декаполией. И есть там ровное место вблизи того озера: на том месте Иисус стоял, уча народы, пришедшие из Декаполя и с поморья Тирского и Сидонского; о том ведь месте в Евангелии говорится. И иные многие чудеса сотворил Иисус вблизи того озера.

О ГОРЕ ЛИВАНСКОЙ

И там есть, на другой стороне, на юго-восток от того озера, очень высокая и весьма большая гора; снег на ней лежит все лето; название горы той Ливан. На горе той родится ливан и фимиам белый. И текут с той горы Ливанской двенадцать рек больших: шесть рек текут к востоку, а шесть рек на юг. И втекают реки те в озеро Генисаритское. А шесть рек идут к Великой Антиохии. Потому то место называется Месопотамия, что значит Средоречие. И там, между теми реками, находится Харран, откуда вышел Авраам. Те реки наполняют озеро Генисаритское множеством вод. А из того озера течет большая река в море Тивериадское, и восстанавливается тою водою вода в море Тивериадском. А из моря того вытекает Иордан. Как прежде сказал я об Иордане, так оно поистине и есть.

До горы же той Ливанской я не смог дойти ногами своими из-за боязни поганных, но мне хорошо рассказали о горе той живущие там христиане, которые нас водили; они и не дали нам туда идти, к горе той Ливанской, ибо много поганных живет на горе той. Так что только глазами своими мы видели гору ту и те места около озера того Генисаритского. А до озера того от Тивериадского моря близко, примерно две версты расстояние; на юго-восток от Тивериады озеро Генисаритское.

О ФАВОРСКОЙ ГОРЕ

Фаворская же гора и Назарет от Тивериадского моря на запад; восемь верст больших ходу до Фаворской горы: на одну только гору подняться, на другую небольшую гору забраться, а остальное все по полям идти – до самой до Фаворской горы. Фаворская же гора чудесно и удивительно и невыразимо словами прекрасно получилась: Богом поставлена она красиво, и высока очень, и велика, и стоит среди поля того красивого, как стог круглый; получилась гора та красивой. И стоит в стороне от всех гор. И течет река около горы той по полю внизу. И выросли по всей горе Фаворской деревья всякие: смоковницы, рожки и маслины – очень много. Фаворская гора выше всего, что вокруг нее, одна стоит, в стороне от всех гор, и стоит среди поля очень красиво, как искусно сделанный стог – круглый, очень высокий и большой в окружности. Высота ее такова, что можно с нее четыре раза выстрелить; а если вверх на нее, то даже за восемь

раз невозможно до ее верха дострелить. Вся эта гора каменная, залезать на нее трудно и весьма неудобно по камням, петлями приходится на нее лезть. Путь весьма тяжел, так что я с трудом на нее взобрался: с третьего до девятого часа, быстро идя, мы едва взойшли на самый верх горы той святой. А на самом верху той горы, к северо-востоку, есть место высокое, как маленькая каменная островерхая горка: на том месте и преобразился Христос Бог наш. И там церковь хорошая построена, на том месте, во имя Преображения, а другая церковь, во имя святых пророков Моисея и Илии, выстроена поодаль от того места, на север от Преображения.

О МЕСТЕ, ГДЕ ХРИСТОС ПРЕОБРАЗИЛСЯ

Место же то святого Преображения крепко ограждено вокруг каменной оградой, а ворота железные у той ограды. Раньше здесь была епископия, ныне же латинский монастырь. А перед оградой той польце красивое получилось на верху той горы. Чудесно и удивительно устроено Богом, что на такой высоте имеется здесь вода; ибо много воды на той горе на самом ее верху. Потому по той горе есть и нивы, и виноградники хорошие, и деревьев плодовых много. И видно с нее очень далеко.

В ПЕЩЕРЕ МЕЛХИСЕДЕКА

Тут же, на той же горе Фаворской, есть весьма чудесная пещера на ровном месте. Она похожа на небольшой погреб, высеченный в камне. И окошко маленькое было на верху пещеры той святой. Трапеза сделана на дне той пещеры с восточной стороны, дверцы у нее маленькие, вход в эту пещеру по ступеням с запада. А перед дверьми пещерки той стоят маленькие смоковницы; вокруг нее стоят всякие маленькие деревца. Прежде же был там лес большой, около той пещеры, а ныне там маленькие и слабые деревца. В той пещере жил святой Мелхиседек, и сюда пришел к нему Авраам и воззвал трижды, сказав: «Человек Божий!» Вышел Мелхиседек и вынес хлеб и вино, сделал здесь, в пещере той, жертвенник, и принес жертву хлебом и вином; и тут же была взята жертва на небеса к Богу. И там благословил Мелхиседек Авраама, а Авраам его постриг и обрезал ему ногти, ибо космат был Мелхиседек. И это было начало литургиям хлебом и вином, а не опресноками. О

том пророк говорит: «Ты архиерей вовеки по чину Мелхиседекову». Расположена пещерка та на расстоянии примерно с хороший выстрел от Преображения; в западном направлении оно, место то святое.

Хорошо приняли нас там, в монастыре том у святого Преображения, и мы там обедали. А поспав хорошо и встав, пошли в церковь святого Преображения, и поклонились на месте святом, где преобразился Христос Бог наш, и поцеловали место то святое с любовью и радостью великою, и, взяв благословение от игумена и от всей братии, вышли из монастыря того святого и обошли все святые места по всей горе той святой. Ибо там, мимо той пещеры Мелхиседека, идет путь к Назарету. Назарет же лежит на запад от Фавора. И опять, во второй раз, вошли мы с любовью в ту святую пещеру и поклонились святой той трапезе, которую создал Мелхиседек, будучи с Авраамом. И стоит до сего дня трапеза та в пещере. И ныне приходит туда часто святой Мелхиседек и служит литургию в пещере той святой, и почивают все верные, что живут на горе той святой. Они мне и поведали о том поистине. И мы похвалили Бога, сподобившего нас, худых и недостойных, видеть те святые места и целовать их устами недостойными.

А затем сошли мы с горы Фаворской вниз на поля и шли по полю две версты к Назарету, на запад. И от Фаворской горы до Назарета пятнадцать верст больших: по полю две версты, а три в горах; путь весьма тяжел и узок, очень трудно проходим, ибо много поганых сарацин сидит в горах тех, а по полю тому сел много сарацинских, и они убивают, выходя из сел тех, на той страшной горе. И боязно мне было идти с малым числом спутников тем путем. Вот с большим отрядом можно было бы пройти путем тем без страха, у нас же не оказалось отряда, и мы сами, одни – а всего-то нас восемь, и те слабые и без оружия – на Бога надеясь, прошли. Божиею благодатию хранимые и молитвами святой Владычицы нашей Богородицы соблюдаемые, без пакости поздорову дошли до святого города Назарета, где было святое благовещение святой госпоже Богородице от ангела Гавриила. Тут же и Христос вскормлен был.

О ГОРОДЕ НАЗАРЕТЕ

Назарет же представляет собой маленький городок в горах на низком месте, так что, только оказавшись над ним, можно его увидеть. Посреди городка того церковь выстроена большая и высокая о трех алтарях. И когдаходишь в ту церковь, по левую руку как бы пещерка маленькая глубокая перед малым алтарем. Две двери маленькие у пещеры той: одни двери с запада, а другие – с востока. Вход в ту пещеру по ступенькам в обе те двери. Когдаходишь в пещеру ту западными дверями, по правую руку – келия, выстроенная с маленькими дверьми: в той келейке жила святая Богородица со Христом, здесь вскормлен был Христос, в святом том помещенье; тут и ложе его, на котором лежал Иисус, – тут, в келейке той. Ложице его сделано так низко на земле.

О ГРОБЕ ИОСИФА ОБРУЧНИКА

В той же пещере – когда западными дверьмиходишь в нее, по левую руку – есть гроб святого Иосифа, обручника Марии. Тут Христос сам погреб его своими руками пречистыми. Исходит около гроба его от стены как бы миро, вода святая белая, и берут ее для исцеления недужных.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ СИДЕЛА СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

Есть там место в той пещере – близко от западных дверей: на том месте сидела святая Богородица, близко у дверей, и сучила кокнит, что значит багрянцу. Сюда и пришел архангел Гавриил, посланный от Бога к деве Марии.

ГДЕ БЛАГОВЕСТИЛ АРХАНГЕЛ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

И стал перед нею, сделавшись виден очам, чуть поодаль от места, где сидела Пречистая Дева. Примерно три столпа расстояние от дверей пещерных до того места, где стоял Гавриил. Тут поставлена маленькая круглая мраморная трапеза на одном столпце, и на той трапезе служат литургию.

О ДОМЕ ИОСИФА ОБРУЧНИКА

Был дом Иосифов там, где находится пещера та святая: все то происходило в доме Иосифа, обручника Марии. И тут церковь создана над пещерою тою святою во имя святого Благовещения. Это место святое опустело было прежде, ныне же фряги обновили и устроили хорошо то место. И там

пребывает епископ латинский, богатый весьма, и владеет местом тем святым. И почтили нас там хорошо питием, и едой, и всем. И спали мы там одну ночь, в городке том. И, поспав хорошо и наутро встав, пошли в ту церковь и поклонились всем тем святым местам. И выйдя из города того, пошли мы немного на юго-восток и нашли колодец чудесный, и глубокий, и очень холодный; и надо спускаться к той воде глубоко, по ступенькам. А над колодцем тем создана церковь во имя архангела Гавриила, и она круглая по форме.

О КОЛОДЦЕ, ГДЕ АНГЕЛ В ПЕРВЫЙ РАЗ БЛАГОВЕСТИЛ

От города Назарета расстояние приблизительно в хороший выстрел до колодца того святого: у того колодца ведь было первое благовещение святой Богородице от архангела. Ибо пришла она по воду, и, когда зачерпнула водонос свой, возгласил ей ангел невидимый, сказав: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» Оглядевшись туда и сюда, Мария никого не увидела, но только голос слышала и, взяв водонос свой, пошла, удивляясь и говоря в уме своем: «Что это за голос, который я слышала, никого не видя?» И вошла в Назарет, и вошла в дом свой, и села на вышеназванном месте, и начала сучить кокнит; и тогда явился архангел Гавриил явно, стоя на вышеназванном месте. Тогда он ей благовестил рождество Христово.

От Назарета же до села Исавова пять верст.

О КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ

А от того села до Каны Галилейской полторы версты. Кана Галилейская стоит на людном пути, и там Христос воду в вино превратил. И там обнаружили мы отряд большой, идущий в Акру, и пристали к ним с радостью великою, и пошли с ними в Акру.

Акра же был город сарацинский, а ныне владеют им фряги. Расположен городок этот Акра на Великом море, и залив под ним очень хорош. Всем изобилует городок. А от Назарета до Акры двадцать восемь больших верст; Акра находится к югу от Назарета. И мы пробыли там, в Акре, четыре дня и, отдохнув там хорошо и найдя отряд большой, идущий в святой город Иерусалим, пристали к отряду тому и пошли, с радостью,

веселясь, и пришли в Кайфу. А оттуда шли к горе Кармилской, – и туда пошли. И есть там, в горе той, пещера святого Ильи-пророка. И мы поклонились там, а оттуда пошли в Капернаум. А от Капернаума пришли в Кесарию Филиппову. А путь туда идет все подле моря Великого по полю, а иначе – по пескам до самой Кесарии. Пробыли мы там три дня, в городе том Кесарийском. Там и жил Корнилий, которого крестил апостол Петр. А от Кесарии пошли в Самарию: налево от Кесарии дорога в Самарию, через горы; верст двадцать от Кесарии до Самарии. И были на другой день в полдень в Самарии. Но из-за зноя медленно шли: не могли люди идти пешком в зной. А ту ночь мы провели перед городом тем Самариею у колодца Иакова, где Христос беседовал с женщиной самарянкой.

О ИЕРУСАЛИМЕ

И оттуда, встав, пошли мы путем своим, которым прежде пришли из Иерусалима. И дошли до святого города Иерусалима с радостью великою поздорову.

Никакого зла не видели мы на пути этом, но все хорошо показал нам Бог, чтобы мы видели глазами своими все те святые места. Где Христос Бог наш ходил нашего ради спасения, туда же и нас, грешных, сподобил сходить и дал нам видеть те святые места. И чудную ту землю Галилейскую видели мы очами своими; всю землю Палестину Бог сподобил меня обойти. И, Божию благодатию хранимые, исходили без пакости, молитвами святой Богородицы соблюдаемые, и обошли всю Палестинскую землю. Ведь та земля вся вокруг Иерусалима называется Палестина.

Божиею помощью укрепляем, обошел я места те святые, не встретив нигде ни поганных, ни лютого зверя, не пришлось мне увидеть и иного зла никакого, ни немощи малой не почувствовал я в теле моем, но всегда был, как орел, легок, Божию благодатию соблюдаем и силою Вышнего укрепляем. Хотя и надо бы мне похвалиться, но только силой Христа моего похваюсь: ибо «сила моя в немощи совершается», как говорит апостол Павел. И что воздам Господу за все, что он мне, плохому, грешному и недостойному, дал столькую благодать видеть и походить по святым этим местам и исполнить мне

желание сердца моего? Ведь то, что я сподобился видеть, это же мне показал Бог, чтобы я видел, недостойный раб и дурной.

И простите меня, братья, отцы и господа мои, и не попрекните худоумие мое, что написал не хитро, но просто, о местах этих святых, и о Иерусалиме, и о Земле этой обетованной. Однако же хоть и не мудро написал, но и не ложно: как видел глазами своими, так и написал.

О СВЕТЕ НЕБЕСНОМ: КАК СХОДИТ КО ГРОБУ ГОСПОДНЮ

А это – о свете святом: как сходит ко гробу Господню. Это мне Господь дал видеть, худому и недостойному рабу. И видел очами своими грешными поистине, как сходит святой свет ко Гробу животворящему Господа нашего Иисуса Христа. Многие ведь странники неправду говорят о схождении света святого: ведь один говорит, что Святой Дух голубем сходит ко Гробу Господню, а другие говорят: молния сходит с небес, и там зажигаются лампы над Гробом Господним. И то ложь и неправда, ибо ничего не видно тогда – ни голубя, ни молнии. Но так, невидимо, сходит с небес благодать Божию и зажигает лампы в Гробе Господнем. Да и о том скажу, как видел, поистине.

В Великую пятницу после вечерни протирают Гроб Господен, и вымывают лампы те все, и вливают масла чистого без воды – одного только масла того. И, воткнув светильники в оловцы, не зажигают светильников тех, но так оставляют лампы те незажженными. И запечатывают Гроб в два часа ночи. И тогда гасят все лампы и свечи по всем церквам в Иерусалиме.

Тогда я, дурной и недостойный, в ту пятницу в час дня, пошел ко князю тому Балдуину и поклонился ему до земли. Он же, видя меня, дурного, подозвал меня к себе с любовью и сказал мне: «Чего хочешь, русский игумен?» Он меня хорошо узнал и полюбил меня очень, поскольку муж он добродетельный, и смиренный весьма, и ничуть не гордый. Я же сказал ему: «Князь мой, господин мой! Молю тебя Бога ради и князей ради русских: повели мне, чтобы и я поставил свою лампаду на Гробе Святом от всей Русской земли!» Тогда он

серьезно и с любовью повелел мне поставить лампаду на Гроб Господен, и послал со мной мужа, своего лучшего слугу, к эконому церкви Святого Воскресения и к тому, кто держит ключ от Гроба. И повелели мне эконому и ключнику Святого Гроба, чтобы я принес лампаду свою с маслом. Я же, поклонившись им, пошел с радостью великой и купил лампаду стеклянную, очень большую, и, налив полную масла чистого, принес ко Гробу Господню, когда уже наступил вечер. Упросил я ключника того, одного тогда внутри Гроба бывшего, и кое-что обещал ему, и он открыл мне двери святыя, велел мне снять сапоги, и так босого ввел меня одного в святой Гроб Господен с лампадой, которую я нес с собой, и повелел мне самому поставить лампаду на Гроб Господен. И я ее поставил своими руками грешными в ногах – где лежали пречистые ноги Господа нашего Иисуса Христа. Ибо в головах стояла лампада греческая, на груди же поставлена была лампада святого Саввы и всех монастырей. Ведь такой здесь обычай: каждый год ставят греческую лампаду и святого Саввы. И благодатию Божиею те три лампы загорелись тогда; а фряжская лампада повешена была сверху, а из тех ни одна не загорелась.

Я же тогда, поставив лампаду на Гробе Святом, и поклонившись честному Гробу тому, и облобызав с любовью и со слезами место то святое, где лежало тело Господа нашего Иисуса Христа, вышел из Гроба Святого с радостью великою и пошел в свою келью.

Назавтра же, в Великую субботу в шестой час дня собираются все люди перед церковью Святого Воскресения – бесчисленное множество народа, жители той земли и пришельцы из всех стран: и из Вавилона, и из Египта, и со всех концов земли. Собирается там в тот день несказанное множество. И наполняются людьми все те места около церкви и около Распятія Христова; и великая теснота и давка жестокая среди людей там бывает, так что многие люди тогда задыхаются от тесноты народа бесчисленного. И те люди все стоят со свечами незажженными и ждут открытия церковных дверей. Внутри же церкви тогда одни только попы находятся. И ждут попы и все люди, пока придет князь с дружиной; и тогда бывает

открытие дверей церковных, и входят люди в церковь в тесноте великой и в давке, и наполняют церковь ту и хоры. Всюду делается полно, ибо не могут поместиться все люди в ту церковь, но остается очень много людей вне церкви около Голгофы и около Крайнева места, и вплоть до того места, где были найдены кресты, и все то делается полно бесчисленно многим множеством людей. И те люди все в церкви и вне церкви ничего другого не говорят, только: «Господи, помилуй!» зывают неослабно и кричат громко, так что гудит и гремит все то место от вопля тех людей. И тут ручьями проливаются слезы у верных людей. Даже с каменным сердцем человек может тогда прослезиться. Ибо каждый заглядывает тогда в себя, и вспоминает свои грехи, и говорит каждый в себе: «Неужели из-за моих грехов не сойдет святой свет?» И так стоят все верные люди в слезах с сокрушенным сердцем. И сам тот князь Балдуин стоит со страхом и смирением великим, и ручьи чудесно текут из очей его. Также и дружина его стоит около него напротив Гроба, вблизи алтаря большого; и все они стоят со смирением.

И когда наступил седьмой час дня субботнего, тогда пошел князь Балдуин ко Гробу Господню с дружиной своею из дома своего; пешком ведь все пошли. И послал князь в метох Святого Саввы, и позвал игумена того Святого Саввы с чернецами его. И пошел игумен с братией ко Гробу Господню, и я, худой, тут же пошел с игуменом тем и с братиею. И подошли мы к князю тому, и поклонились ему все. Тогда и он поклонился игумену и всей братии, и повелел игумену Святого Саввы и мне, худому, пойти рядом с ним, и иным игуменам и чернецам всем повелел перед собой пойти, а дружине своей повелел сзади пойти.

И пришли мы к церкви Воскресения Христова, к западным дверям. И вот множество людей закрыло собой двери церкви, и не смогли мы тогда войти в церковь. Тогда князь Балдуин отдал приказ воинам, и они силой разогнали людей и сделали как бы улицу до самого Гроба, и тогда мы смогли пройти между людьми прямо до Гроба. И подошли к восточным дверям Святого Гроба Господня, и князь за нами подошел и стал на

месте своем с правой стороны у преграды великого алтаря против восточных дверей и дверей Гроба, ибо тут место княжее, построенное высоко.

И повелел князь игумену Святого Саввы стать над гробом со своими чернецами и с православными попами. Меня же, дурного, приказал поставить высоко над самыми дверьми Гроба против великого алтаря, чтобы мне возможно было заглядывать в двери Гроба. Двери же Гроба все три запечатаны были, и запечатаны царскою печатью. Латинские же попы в великом алтаре стояли. И когда наступил восьмой час дня, начали вечерню петь на Гробе вверху попы православные, и черноризцы, и все духовные мужи; и пустынники многие тут были; латиняне же в великом алтаре начали верещать по-своему. И так пели они все, а я тут стоял, прилежно глядя на двери Гроба. И когда начали читать паремии той Великой субботы, во время первой паремии вышел епископ с дьяконом из великого алтаря, подошел к дверям Гроба, и заглянул в Гроб сквозь крестец дверей тех, и не увидел света в Гробе, и возвратился на место. И когда начали читать шестую паремию, тот же епископ подошел к дверям Гроба и опять ничего не увидел. И тогда все люди возопили со слезами «Кирие, елейсон!», что значит «Господи, помилуй!» И когда минул девятый час и начали петь проходную песнь «Господу поем», тогда внезапно пришла небольшая туча с востока и стала над непокрытым верхом той церкви, и пошел дождь небольшой над Гробом Святым, и смочил нас хорошо, стоящих на Гробе. И тогда внезапно воссиял свет святой в Гробе святом: вышло блистание страшное и светлое из Гроба Господня Святого. И подойдя, епископ с четырьмя дьяконами открыл двери Гроба, и взял свечу у князя того, у Балдуина, и с нею вошел в Гроб, и первым делом зажег свечу князя от того святого света. Вынеся же из Гроба ту свечу, дал самому князю тому в его руки. И стал князь на месте своем, держа свечу с великой радостью. И от него мы все зажгли свои свечи, а от наших свечей все люди зажгли свои свечи по всей церкви, друг от друга зажигая свечи.

Свет же святой не так, как огонь земной, но чудесно, иначе светится, необычно; и пламя его красно, как киноварь; и

совершенно несказанно светится.

И так все люди стоят со свечами горящими, и вопиют громогласно все люди «Господи, помилуй!» с радостью великою и веселием. Такая радость не может быть у человека в другом случае, какая радость бывает тогда у всякого христианина, видевшего свет Божий святой. А кто не испытал той радости в тот день, не верит говорящим о всем том виденном. Однако мудрые и верные люди охотно верят и с радостью слушают рассказ об этом истинном событии и об этих святых местах. Верный в малом и во многом верен, а злому человеку, неверному, истинное представляется кривым. Мне же, дурному, Бог свидетель, и святой Гроб Господен, и все спутники, русские сыны, случившиеся тогда в тот день там, новгородцы и киевляне: Изяслав Иванович, Городислав Михайлович Кашкича и другие многие, которые знают обо мне, дурном, и об этом рассказе. Но возвратимся к прерванному повествованию.

Когда же свет воссиял в Святом Гробе, тогда пение прекратилось, и все воскликнули: «Кирие, елейсон!», и пошли из церкви с горящими свечами и с радостью великою, храня свои свечи, чтобы не погасил их ветер, и шли каждый из них восвояси. И от того святого света зажигают лампы в своих церквях и пение вечернее кончают у себя дома. А в великой церкви у Гроба Господня сами попы одни без людей кончают вечернее пение. Тогда и мы с игуменом и с братиею пошли в свой монастырь, неся горящие свечи, и там окончили вечернее пение, и пошли в свои кельи, хваля Бога, давшего нам, недостойным, видеть эту благодать Божию.

И на утрне в Святое воскресенье, отпев заутреню, и после целования с игуменом и с братиею, по отпущении, бывшем в час дня, взяв крест, игумен и вся братия, пошли мы к Гробу Господню, поя этот кондак: «Хотя и в гроб сошел, бессмертный!» И войдя в Святой Гроб животворящий, поцеловали Святой Гроб Господен с любовью и со слезами теплыми и насладились тут благоуханным ароматом тем Святого Духа пришествия; а лампы те еще горели светло и чудесно. Три ведь те лампы зажглись тогда, как сказали нам эконоом и ключник Гроба Господня. К игумену обращаясь,

говорили они оба: «Внизу стоящие на Гробе Господнем, те три лампы загорелись». А иных пять лампад висит над Гробом; но они горели тогда, хотя свет их и был иным, не таким, какой у тех трех лампад, необычно и чудесно светящихся.

А потом мы вышли из Гроба восточными дверьми и, войдя в великий алтарь, сотворили там целование с православными, и, по отпущении, игумен и братия, вышли мы из церкви Святого Воскресения, и пошли в свой монастырь, и там отдохнули до литургии.

И через три дня после Воскресения Господня, по литургии, пошли мы к ключнику Гроба Господня, и я сказал ему: «Я хотел бы взять свою лампаду». Он же с любовью принял меня, ввел в Гроб одного только. И войдя в Гроб, я увидел свою лампаду, стоящую на Святом Гробе и еще горящую светом тем святым. И я поклонился тому Святому Гробу и облобызал с любовью и слезами то святое место, где лежало пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа. И тогда я сам измерил Гроб в длину, ширину и высоту, каков он; при людях ведь невозможно измерить его никому. И я почтил Гроб Господен по силе моей, как мог, и тому ключнику подал кое-что небольшое, а также худое благословение свое. Он же, видя мою любовь ко Гробу Господню, отодвинул тогда дощечку, находящуюся в головах Гроба Господня Святого, и отделил мне от того святого камня небольшое благословение, запретив мне с клятвой кому-либо говорить об этом в Иерусалиме. Я же поклонился Гробу Господню и ключнику и, взяв лампаду свою с маслом святым, вышел из Гроба Святого с радостью великою, обогатясь благодатью Божиею, неся в руке моей дар святого места и знамение Святого Гроба Господня, и шел, радуясь, как некое сокровище богатства неся. Шел в келью свою, радуясь великой радостью.

И Бог тому свидетель, и Святой Гроб Господен, что, находясь во всех местах святых, я не забыл имен князей русских, и княгинь, и детей их, епископов, игуменов и бояр, и детей моих духовных; и всех христиан никогда не забывал; но во всех святых местах поминал. В первую очередь я кланялся за князей за всех, а потом о своих грехах молился. И за то

хвалю благого Бога, что сподобил меня, худого, имена князей русских написать в лавре Святого Саввы; и ныне поминаются имена их в ектенье, с женами и с детьми их. Вот имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давид Святославич, Михаил-Олег, Панкратий Святославич, Глеб Минский. Только их имена я и помнил, их и вписал. Помимо всех князей русских, и о боярах я молился у Гроба Господня и во всех местах святых. И отпели мы литургии за князей русских и за всех христиан – всего пятьдесят литургий, а за усопших сорок литургий отпели.

Да будет же всем, читающим писание это с верою и с любовью, благословение от Бога, и от Святого Гроба Господня, и от всех мест этих святых: примут они награду от Бога наравне с ходившими по местам этим святым. Блаженны, увидев, поверившие, втройне же блаженны, не видя, верующие. Веруя, пришел ведь Авраам в Землю обетованную. Поистине ведь вера равна добрым делам.

Бога ради, братья и господа мои, не попрекните меня за скудоумие мое и грубость мою. Да не поругано будет писание это ради меня, и Гроба Господня, и ради святых этих мест. Кто с любовью прочтет, да примет награду от Бога Спаса нашего Иисуса Христа. И Бог мира со всеми вами вовеки – аминь.

* * *

ЖИТЬЕ И ХОЖЕНЬЕ ДАНИЛА РУСЬСКОЯ ЗЕМЛИ ИГУМЕНА

Се азъ недостойный игумень Данил Руския земля, хужши во всѣх мнѣхъ, съмѣренный грѣхъ многими, недоволенъ сый во всяком дѣлѣ блазѣ, понужен мыслию своею и нетръпѣнием моимъ, похотѣхъ видѣти святой градъ Иерусалимъ и Землю обѣтованную. И благодатию Божиею доходяхъ святого града Иерусалима и видѣхъ святаа мѣста, обиходихъ всю землю Галилѣйскую и около святого града Иерусалима по святымъ мѣстомъ, куда же Христосъ Богъ нашъ походи своимъ ногама и велика чюдеса показа по мѣстомъ тѣмъ святымъ. И то все видѣхъ очима своимъ грѣшнымъ. Безлюбивый показа ми Богъ видѣти, его же жадахъ много дний мыслию моею.

Братия и отци, господие мои, простите мя грѣшнаго и не зазрите худоумью моему и грубости, еже писахъ о святѣмъ

градъ Иерусалимъ, и о земли той блазѣй, и о пути еже к святымъ мѣстомъ. Иже бо кто путемъ симъ ходилъ съ страхомъ Божиимъ и смѣренъемъ, не погрѣшитъ милости Божия николи же. Азъ же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ и вся неподобная дѣла творя. Но обаче надѣяся на милость Божию и на вашу молитву, да ми проститъ Христосъ Богъ моихъ грѣховъ бесчисленныхъ, да си исписахъ путь си и мѣста сии святаа, не возносяся ни величаяся путемъ симъ, яко что добро створивъ на пути семъ, не буди то: ничтоже бо добра створихъ на пути семъ; но любви ради святыхъ мѣстъ сихъ исписахъ все, еже видѣхъ очима своими, дабы не в забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному. Убояхся оного раба лѣниваго, скрывшаго талантъ господина своего и не створившаго прикупа имъ,⁷ да сие написахъ вѣрныхъ ради челоуѣкъ. Да кто убо, слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, поскорбѣлъ бы ся душею и мыслию къ святымъ симъ мѣстомъ, и равну мзду примутъ отъ Бога съ тѣми, иже будутъ доходили святыхъ сихъ мѣстъ. Мнози бо, дома суще въ мѣстѣхъ своихъ, добрии челоуѣци мыслию своею и милостынею убогихъ, добрыми своими дѣлы, достигаютъ мѣстъ сихъ святыхъ, иже болшую мзду примутъ отъ Бога Спаса нашего Иисуса Христа. Мнози бо, доходивше святыхъ сихъ мѣстъ и святой градъ Иерусалимъ и възнесшеся умомъ своимъ, яко нѣчто добро створивше, и погубляютъ мзду труда своего, отъ нихъ же пръвѣй есмь азъ. Мнози бо, ходивше святаго града Иерусалима, поидутъ опять, многа добра не видѣвши, тщаше опять вскорѣ. А сего пути нелзѣ въскорѣ створити ни истокомъ тог... щ... и вся святаа та мѣста и въ градъ и внѣ града.

О ЕРУСАЛИМѢ, О ЛАВРѢ

Азъ недостойнъ игуменъ Даниилъ, пришедъ въ Иерусалимъ, пребыхъ мѣсяць 16 въ мѣстѣ въ лаврѣ святаго Савы, и тако могохъ походить и испытати вся святая сии мѣста. Невозможно бо безъ вожа добра и безъ языка испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣстъ, и что имѣя въ руку моею худаго мого добыточка, то отъ того все подавахъ вѣдущимъ добрѣ вся святаа мѣста въ градъ и внѣ града, да быша ми указали все добрѣ; яко же и бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти въ лаврѣ мужа свята и стара деньми, и

книжна вельми; тому святому мужевѣ вложи Богъ въ сердце любити мя худаго, и тѣи указа ми добрѣ вся святаа та мѣста: и въ Иерусалимѣ и по всей земли той поводи мя, и до Тивириадъскаго моря поводи мя, и до Фаворы, и до Назарефа, и до Хеврона, и до Иордана, и по всѣмъ тѣмъ мѣстом поводи мя, и потрудися со мною любви ради. И ина святаа мѣста видѣх многа, яже послѣди скажу.

О ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ

А се есть путь къ Иерусалиму. От Царяграда по лукоморию ити 300 верстѣ до Великаго моря.⁸ До Петалы острова⁹ 100 верстѣ; то есть 1 островъ на узыцѣм мори,¹⁰ и ту есть лимен добрѣ, и ту есть град Ираклия Великаа.¹¹ И противу тому граду святое миро выходит из глубины морьскыа: ту святѣи мученици погружены суть мнози от мучителей.¹² От Петалы острова до Калиполя¹³ 100 верстѣ, а от Калиполя до Авида града¹⁴ 80 верстѣ. Противу тому граду лежитъ святой Еуфиміе Новый.¹⁵ А оттудѣ до Крита 20 верстѣ, и ту есть на Великое море внити: на шюе въ Иерусалимѣ, а на десно к Святой Горѣ,¹⁶ и к Селуню,¹⁷ и к Риму. А от Крита до Тенеда острова¹⁸ верстѣ 30. То есть 1 островъ на Велицѣм мори, и ту лежитъ святой Навгудимос мученикъ.¹⁹ И противу тому острову на брезѣ град великъ был именем Троада, и ту есть Павелъ апостоль приходил²⁰ и научил ту страну всю и крестил. А от Тенеда острова до Метании острова верстѣ 100; и ту лежитъ святой митрополит Мелетиньскы.²¹ А от Мелетинии²² до Ахия острова²³ верстѣ 100; и ту лежитъ святой мученикъ Исидоръ.²⁴ И в том островѣ ражается мастика, и вино доброе, и овощъ всякий.

О ЕФЕСѢ ГРАДѢ

А от Ахия острова до Ефеса града²⁵ верстѣ 60. И ту есть гроб Иоанна Богословца.²⁶ И исходит перстѣ святаа из гроба того на паять его, и взямают вѣрнии чловѣци перстѣ ту святую на исцѣление всякаго недуга. И свита Иоаннова ту лежит, в ней же ходил.

И ту есть близъ пещера, идѣ же лежать тѣлеса 7-ми отрок, иже спали 300 и 60 лѣт:²⁷ при Декии цари²⁸ успоша, а при Феодосии цари²⁹ явишася. В той же пещерѣ 300 святых отецъ лежит; и святой Александръ³⁰ лежит ту, и гроб Магдалыни

Марьи и глава ея; и святой апостолъ Тимофѣй, ученикъ святаго апостола Павла, в ветсѣмъ гробѣ лежитъ. И ту есть в ветсѣй церкви икона святая Богородица, ея же святии препрѣша Несториа еретика.³¹ И ту есть баня Диоскорова, идеже работалъ Иоаннъ Богословъ с Прохоромъ у Романы. И видѣхомъ пристанище то, идеже Иоанна Богословца море изверже;³² ту стояхомъ три дни; и зоветься пристанище то Мореморное. Ефесъ же градъ есть на сусѣ, от моря вдале 4 верст, в горах; обиленъ же есть всѣмъ добромъ. И ту *поклонихомся* святому гробу тому и, благодатию Божиею храними и молитвами святаго Иоанна Богословца, идехомъ, радуящеся. А от Ефеса до Сама острова³³ верстъ 40. И в том островѣ рыбы многы всякы и обиленъ есть всѣмъ остров-от. А от Сама до Кария острова верстъ 20.

О ПАТМѢ ОСТРОВѢ

А отъ Кария до Патма острова верстъ 60. На странѣ далече в мори Патмѣ остров. В томъ островѣ Иоаннъ Богословецъ Еуангелие написал, егда заточенъ бысть с Прохоромъ. Также оттуда Леросъ островъ, также Калимнос островъ, также Нисера островъ, таж и Кос островъ, великъ зѣло. Тот островъ богатъ велми всѣмъ, и людми, и скотомъ. Также Тилос островъ, и въ сѣмъ островѣ мука Иродова кипитъ сѣрою горящею; и ту сѣру, варяче, продають, мы же огонь вытинаемъ. Также Харкия островъ. И ти острови вси с людми и скотомъ близъ себе суть по ряду, яко по десяти верстъ или болши межи собою.

Также Род островъ,³⁴ великъ и богатъ всѣмъ велми. И в томъ островѣ былъ Олегъ князь русскый 2 лѣтъ и 2 зимѣ.³⁵ А от Сама до Рода острова 200 верстъ, а от Рода до Макрии³⁶ 60 верстъ. И въ томъ градѣ и по земли той по всей, нолны до Миръ, ту ражается темьянъ черный игоифит.³⁷

И тако ражается темьянъ черный игофит: из древа исходитъ аки мезга, и снимаютъ желѣзомъ острымъ. Имя древу тому зигия,³⁸ и есть яко ольха образомъ древо то. А другое древце есть мало, образомъ яко осина, но есть имя древцю тому рака;³⁹ и есть въ древци томъ червь великъ, яко поноворъ⁴⁰ вболѣ есть, за корою древца того. И точитъ древце то червь-етъ, и исходитъ из древца того червоточина та, яко отруби пшеничны, и падаютъ от древца

того, яко клей вышневый. И то собирают людие и смѣшивают с первореченным древом и, вложивше в котел, и тако варят темианъ гоифит; и кидаютъ в мѣхи, продаютъ купцем.

А от Макрии до Патера града⁴¹ версть 40. И ту есть рожество святого Николы, то его есть и отчина и род – Петера. А от Патеры до Миръ,⁴² идѣже гробъ святого Николы, есть версть 40. А от Миръ до Хилидония⁴³ версть 60. А от Хилидония до Кипра великаго острова версть 200.

О КИПРЬСТѢМ ОСТРОВѢ

Кипръ есть островъ великъ зѣло, и множество в нем людий, и обиленъ есть всѣм добром. И суть в нем епископи 24, митрополия же едина. А святыхъ въ нем безчисла лежит: и ту лежит святой Епифание,⁴⁴ и апостолъ Варнава,⁴⁵ и святой Зиновъ,⁴⁶ и святой Трифолие епископъ,⁴⁷ и *святой Филагриос епископ*⁴⁸ егоже крестилъ апостолъ Павелъ.

О ГОРѢ, ИДѢЖЕ СВЯТАА ЕЛЕНА КРЕСТ ПОСТАВИЛА

И ту есть гора высока зѣло, и на той горѣ святаа Елена крестъ поставила⁴⁹ кипарисенъ велик на прогнание бѣсомъ и всякому недугу на исцѣление и вложила въ крестъ честный гвоздь Христовъ. И бывають ту, на мѣстѣ том у креста того, знаменія велика и чюдеса и донынѣ. Стоит же на въздушѣ крест-отъ, ничим же не придержится к земли, но тако Духомъ Святымъ носимъ есть на въздушѣ. И ту недостойный азъ поклонихся святыни той чюдной, и видѣхъ очима своима грѣшныма благодать Божию на мѣстѣ том, и походих островъ тѣи весь добрѣ.

О ФИНИЯНѢ

И ту ражается темианъ, ладан: спадает с небесе, и тако взимают на древцех. Суть бо по горамъ тѣмъ древца многа и низка, с травою равна, и на том падаетъ темианъ тѣ добрый. И емлють его июля мѣсяца и августа; въ иныя же мѣсяци не спадывает, но токмо в та два ражается.

А Кипра до Яфа града версть 400, все по морю ити. От Царяграда до Рода острова 8 сот версть; а от Рода до Афа 8 сот версть. То ти всего пути по морю до Афа есть версть 1000 и 600. Яфъ же есть град на брезѣ близъ Иерусалима, и оттоли поити по суху къ Иерусалиму. И есть от Афа до Иерусалима

версть 30, по полю 10 версть или до святаго Георгия:⁵⁰ ту была церковь велика создана во имя святаго Георгия, ту бо и гроб его во олтари был, ту же есть мученикъ святой Георгие. И воды многи суть ту; и ту опочиваютъ странници у воды тоя, но съ страхом великим: есть бо пусто мѣсто то, и близь есть Асколонъ град,⁵¹ выходятъ бо оттуду срацини и избиваютъ странныя на путѣхъ тѣх, да ту есть боязнь велика, от мѣста того входя в горы. И есть от святаго Георгия до Иерусалима версть 20 великих, но все въ горахъ каменных. И тий путь тяжекъ и страшень зѣло.

О ГОРѢ АРМАФЕМ

И ту есть гора высока, близь Иерусалима, на десной руцѣ тамо идуще от Афа, имя горѣ той Армафемъ. На той горѣ той Армафемъ – на той горѣ есть гробъ святаго пророка Самоиля, и отца Елъкана, и Марьи Египтяныни,⁵² ту бо святых было село и домъ. И есть мѣсто то градом одѣлано, да тако зовется град-от Армафемъ.

О ЕРУСАЛИМѢ

Есть же святой град Иеросалим в дербех, около его горы каменны высоки. Да нолны пришедше близь ко граду тоже видѣти прѣвое столпъ Давидовъ⁵³ и потом, дошедше мало, увидѣти Елеонскую гору,⁵⁴ и Святаа Святых,⁵⁵ и Въскресение церковь, идѣже есть Гробъ Господень, и узрѣти потом весь град. И ту есть гора равъна о пути близь града Иерусалима яко версты вдале; на той горѣ сѣдаютъ с конь вси людие и поставляютъ крестыци ту и покланяются святому Въскресению на дозорѣ граду. И бываетъ тогда радость велика всякому христианину, видѣвше святой град Иерусалимъ; и ту слезамъ пролитье бываетъ от вѣрныхъ чловѣкъ. Никтоже бо можетъ не прослезитися, узрѣвъ желанную ту землю и мѣста святаа вида, идѣже Христосъ Богъ нашъ претръпѣ страсти нас ради грѣшных. И идуть вси пѣши с радостию великою къ граду Иерусалиму.

И ту есть на левой руцѣ у пути, тамо идучи, церкви святаго Стефана Первомученика:⁵⁶ на том мѣстѣ побиень бысть камениемъ Стефанъ Прѣвомученикъ от иудѣй, и ту есть гроб его. И ту есть гора камена плоска просѣлася в распятие

Христово; то зоветься Адъ; есть близъ стѣны градныя, яко доверъжет.

И потомъ входятъ въ святой градъ Иерусалимъ вси людие с радостию великою враты, сущими близъ сына Давыдова. И та суть врата от Вифлеома⁵⁷ лицъ, и ту суть врата Вениаминова.⁵⁸ Яко воидуче въ градъ, путь есть сквозъ градъ въ Святаа Святыхъ на правую руку, а на левую къ Святому Въскресению,⁵⁹ идеже есть Гробъ Господень.⁶⁰

О ЦЕРКВИ ВЪСКРЕСЕНЬЯ ГОСПОДНЯ

Есть церкви Въскресения Господня всяка образомъ: кругло создана, столповъ иматъ 12 обьлыхъ, а 6 зданыхъ; мощена же есть дѣсками мраморяными красно; двери же иматъ шестеры; а на полатехъ столповъ иматъ 16. А надъ полатями подъ верхомъ исписани суть пророци святии мусиею, яко живи стоятъ. А надъ олтаремъ написанъ есть Христосъ мусиею. Въ олтари же велицѣмъ написано есть Адамово воздвижение⁶¹ мусиею; горѣ верху написано есть мусиею възнесение Господне,⁶² обаполы олтаря на обою столпу написано есть мусиею Благовѣщение.⁶³ Врѣхъ же церковный не до конца сведенъ каменемъ, но тако сперенъ есть древомъ тесанымъ, яко польстичнымъ образомъ; и тако есть безъ верха, не покрыта ничимже. Подъ тымъ самымъ врѣхомъ непокрытымъ Гробъ Господень.

Есть же сице Гробъ Господень: яко печерка мала у камени сѣчена, дерци имущи малы, яко можетъ человекъ влѣсти на колѣну поклонься. Възвыше же есть мала, всямокачна 4 лакоть и в длину и в ширину. И яко влѣзуче в пещерку ту дверцами малыми, и на деснѣй руцѣ есть яко лавица засѣчена въ томже камени пещернѣмъ, и на той лавицѣ лежало тѣло Господа нашего Иисуса Христа. Есть нынѣ лавица та святая покрыта дѣсками мраморяными. Суть на странѣ продѣлана оконца 3 круга, и тѣми оконци видѣтся святой тѣ камень, и тудѣ цѣлуютъ вси христьяне. Виситъ же в Гробѣ Господни 5 кандилъ великихъ с масломъ, и горятъ непрестани кандила свята день и ночь. Лавица же та святаа, идѣже лежало тѣло Христово, есть в длину 4 лакотъ, а в ширину 2 локти, а възвыше полулакти. И предъ дверми пещерными предлежитъ камень, треи стопѣ вдале

от дворець тѣх пещерных: на том камени аггелъ, сѣдя, явился женамъ и благовѣсти има въскресение Христова.

Есть пещерка та святаа одѣлана около красным мрамором, яко имѣнь, и столпъци около мрамором красным стоят числом 12. Верху же над пещеркою сдѣланъ яко теремець красенъ на столпѣх, верху круголъ и сребреными чешюями позлащенными покован; и на врѣхъ того теремца стоит Христос, сдѣланъ сребром яко в мужа болѣе, и то суть фрязи сдѣлали, и нынѣ есть под самым врѣхом тѣмъ непокрытымъ. Суть двери 3-и у теремца того учинени хитро, яко и решето крестъци; и тѣми дверми влазят люде къ Гробу Господню. Да то есть Гробъ Господень был пещерка та, якоже то сказах: испытах добръ от сущих ту издавна и вѣдущих поистиннѣ вся та святаа мѣста.

Есть же церковь та Въскресение образомъ круга, всямокачна: и в длѣ и въ преки имать же сажень 30. Суть же в ней полати пространны, и тамо горѣ живет патриархъ. И есть же отъ дверей Гробных до стены великого олтаря сажень 12. Ту есть внѣ стѣны за олтаремъ Пупъ земли,⁶⁴ и создана над нимъ комарка, и горѣ написан Христос мусию, и глаголетъ грамота: «Се пядию моею измѣрих небо и землю».

О МѢСТѢ СРЕДИ ЗЕМЛЯ, ИДѢЖѢ РАСПЯТЬСЯ ХРИСТОС

А отъ Пупа земнаго до Распятия Господня⁶⁵ и до Края⁶⁶ есть сажень 12. Есть же Распятie Господне къ востоку лицъ, есть же на камени, высоко было, яко стружия выше. Камень же тый был круголъ, яко горка мала. А посреди камени того, на самом врѣху, высѣчена есть скважня лакти воглубле, а вширѣ мний пяди кругъ; и ту был вѣдруженъ крестъ Господень. Исподи же под тѣмъ каменемъ лежить пръвозданаго Адама глава.⁶⁷ И в распятие Господне, егда на крестѣ Господь нашъ Исус Христос предасть духъ свой, и тогда раздрася церковная катапетазма, и камене распадется; тогда же и тѣ камень просѣдется над главою Адамлею, и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ Владыченъ на главу Адамову и омы вся грѣхы рода человѣча. И есть разсѣлина та на камени том и до днешняго дне. Знати есть на деснѣй странѣ Распятия Господня знамение то честное.

О МѢСТѢ ЛОБНѢМ

Есть Распятие Господне и камен-ет святыи оуданъ стѣною все. Горѣ над распятиемъ создана комара хитро, исписана мусиею дивно. И от востока лицъ на стѣнѣ написано есть мусиею – Христос на крестѣ распят – хитро и дивно, прямъ яко живъ, и вболѣ и възвыше, якоже былъ тогда. А полудне лицъ написано есть снятие такоже дивно. Двери же иматъ двои. Възлѣсти же есть горѣ по степенемъ: до дверей 7 степеней, а въ двери вшедъ 7 степеней. Помощено же есть мраморными дѣсками красными.

Споди же подъ Распятиемъ, идѣже есть глава, такоже приздано есть яко церквица мала, и красно исписана есть мусиею и помощена есть краснымъ мраморомъ. Да то зовется Крайниевое мѣсто, еже есть Лобное мѣсто. А горѣ, идѣже есть Распятие, – то зоветъ Голгофа. А отъ Распятия Господня до Снятия есть сажень 5. И ту есть у Распятия Господня близъ мѣсто къ полунощю лицъ, идѣже раздѣлиша ризы его.⁶⁸ И ту другое мѣсто, идеже възложиша вѣнецъ трновъ на главу Господню и в багряницу поругания облекоша.⁶⁹

О ЖЕРТВЕНИЦѢ АВРАМОВѢ

И ту есть близъ жрътвенникъ Авраамовъ, идеже положи жрътву Богови Авраамъ и закла овенъ въ Исаака мѣсто.⁷⁰ На то же бо мѣсто възведенъ бысть Исаакъ, идеже Христосъ възведенъ бысть на жрътву и закланъ бысть нас ради грѣшныхъ.⁷¹ А оттолѣ есть близъ мѣсто, яко двою сажень далѣе, идеже заушенъ бысть Христосъ Богъ нашъ. А оттолѣ есть далѣе 10 сажень святая Темница, идеже всажень бысть Христосъ, и ту посидѣлъ мало, Дѣндеже приспѣють иудѣи и поставятъ крестъ, да распнуть и. И та святая мѣста вся подъ однимъ покровомъ суть, по ряду вся къ полунощю лицъ. А отъ Темницы Христовы до мѣста, идеже святая Елена налѣзла честный крестъ, гвоздя, и вѣнецъ, и копие, и губу, и трость, есть сажень 20 и 5. Есть же Гробъ Господень, и Распятие, и та святая мѣста вся на удовольствіи мѣстъ суть; и есть вгори отъ западъ лицъ надъ Гробомъ и надъ Распятиемъ.

И ту есть мѣсто на пригории; на то мѣсто притече скоро святая Богородица. Тѣшаше бо ся, текущи вслѣдъ Христа, и глаголаше, в болѣзни сердца своего слезящи: «Камо идеши, чадо мое? Что ради течение се скорое твориши? Еда другой

бракъ в Кана Галилеи,⁷² да тамо тщишися, сыну и Боже мой? Не молча отъиди мене, рожшаа тя, дажь ми слово, рабѣ своей». ⁷³ И пришедше на мѣсто то святаа Богородица, и узрѣ с горы тоя сына своего распинаема на крестѣ, и видѣвши, ужасеся, и согнуса, и сѣде, печалию и рыданиемъ одръжима бѣаше. И zde събысться пророчество Симеоне, яко прежь рече святѣй Богородици: «И се лежит на встание и на падение многимъ въ Израили, и тебѣ же самой оружие душу проидет, егда же узриши сына своего закалаема». ⁷⁴ Ту же стояху мнози на мѣстѣ томъ, друзи и знания его, издалеча зряще. Мария Магдалыни и Мария Ияковля и Саломии,— идѣже стояху вси, иже от Галилея пришедше и съ Ианномъ и съ матерію Исусовою. Стояху же вси знаемии друзи Исусови, зряще издалеча, якоже пророкъ глаголетъ о томъ: «Друзи же мои и ближники моя издалеча мене сташа». ⁷⁵ И то мѣсто есть подаль от Распятія Христова, яко полутораста сажень есть на западъ лицъ мѣсто то от Распятія Христова. Имя мѣсту тому Спудий, ⁷⁶ иже ся протолкуеть Тщание Богородично. И есть на мѣстѣ томъ нынѣ манастирь, церкви Святаа Богородица клѣтски верхъ въсперень.

О СТОЛПѢ ДАВЫДОВѢ

А оттуда есть до столпа Давыдова и до дому 200 сажень. Столпъ же то есть святаго пророка Давыда; ту есть и домъ его былъ. В томъ столпѣ Давыдъ пророкъ и Псалтырю сставилъ и написалъ. Дивенъ есть столпъ тѣмъ, великимъ камениемъ сдѣланъ высоко вельми, на 4 углы созданъ, и весь есть черствъ и днероденъ; и камень уродился. Посредѣ его воды въ немъ многи. Двери же имать 5-ры желѣзны и степеней имать 200, по нима же взити горѣ. И жита въ немъ бес числа лежить. И есть много твердѣ ко взятию, и то есть глава всему граду тому; и блюдутъ его вельми и не дадять влѣсти никомуже во нь лапъ. Мнѣ же, худому, недостойному, пригоди Богъ въ столп-отъ святѣй, одвамогахъ ввести съ собою единого Издеслава. ⁷⁷

О ДОМУ УРИЕВѢ

А отъ столпа того близъ былъ домъ Уриевъ, егоже Урию уби Давыдъ и поя жену его, видѣвъ ю мыющуюся въ бани. ⁷⁸ И ту есть новѣ метохія Святаго Савы, ⁷⁹ и есть же близъ отъ столпа, яко

можетъ доверечи. Есть знати, гдѣ же была баня та до днесѣ: есть же, идеже святаа Елена крестъ честный налѣзла, близъ Распятія Господня къ востоку лицъ сажень 20 вдалѣе. И ту есть была на мѣстѣ томъ церкви создана клѣтски велика велми, нынѣ же мала церковица. Ту суть двери великия къ востоку лицъ: к тѣмъ дверемъ прииде святаа Мария Египтянына, и хотѣ влѣсти; и цѣловати хотѣ, и не впусти ея сила Святаго Духа в церковь. И потомъ помолися святѣй Богородицѣ, то бо стоаше икона Святая Богородица въ притворѣ томъ, близъ дверей тѣхъ, и потомъ возможе ити въ церковь и цѣловати честный крестъ.⁸⁰ Тѣми же паки дверми изыдохъ въ пустыню Иорданскую.

А отъ тѣхъ дверей близъ мѣсто, идѣже искуси святаа Елена крестъ Господень честный, абие вста мертваа дѣвица.⁸¹ А оттуду есть, поидучи мало ко востоку лицъ, Притории, идѣже воины приведоша Христа къ Пилату. И ту руцѣ свои умывъ Пилатъ и рече: «Чистъ есть отъ крове сего праведника». И бивъ Исуса и предасть иудеомъ.⁸² Тужъ есть темница иудейска; ис тоя темници изведе ангелъ святаго апостола Петра в нощи.⁸³ И то есть былъ дворъ Иудинъ, предателя Христова. Есть пусто и нынѣ дворище то проклятое: никтоже не смѣетъ на мѣстѣ томъ сѣсти клятвы ради. А оттуда мало придучи ко востоку лицъ, есть мѣсто, идѣже Христось кровоточивую исцѣли.⁸⁴ И ту есть ровъ близъ, идѣже вверженъ бысть Еремиа пророкъ,⁸⁵ ту и домъ его былъ. Тужъ и Павла апостола дворъ былъ прежь, егда бѣше въ жидовствѣ. А оттуду мало поидучи ко востоку лицъ, уступитъ мало съ того пути: ту есть домъ былъ святаго Иоакима и Анны.⁸⁶

Ту есть пещера мало исподи подъ олтаремъ въ камени: въ той пещерѣ родилася святаа Богородица, въ тойже пещерѣ есть гробъ святаго Акима и Анны.

О ОВЧИИ КУПѢЛИ

А оттуду есть близъ приторъ Соломонъ, идѣже есть Овча купѣль, идѣже Христось разслабленнаго исцѣли.⁸⁷ И есть мѣсто то къ западу лицъ о Акима и Анны, близъ яко довержетъ человекъ. Оттуду на востокъ лицъ близъ суть ворота городнаа, теми вороты исходятъ къ Гепсимании.⁸⁸

О ЦЕРКВИ СВЯТАА СВЯТЫХ

А отъ Въскресения Христова до Святаа Святыхъ есть вдалѣе яко дважди дострѣлити можетъ. Есть церкви Святаа Святыхъ дивно и хитро создана моисиею издну, и красота ея несказанна есть. Кругла образомъ создана; извну написана хитро и несказанна; стѣны ей избѣены дѣсками мраморными другаго мрамора; и помещена есть красно мраморными дѣсками. Столповъ же имать подъ верхомъ, кругомъ стоящихъ, облыхъ 12, а зданыхъ столповъ 8, двери же иматъ 4-рь; мѣдию позлащеною покованы суть двери ты. И врѣхъ исписанъ издну мусиею хитро и несказанно, а звну врѣхъ побиевъ есть былъ мѣдию позлащеною. Подъ верхомъ же тѣмъ самѣмъ есть пещера, в каменѣ изсѣчена, и в той пещерѣ убиенъ есть Захарія пророкъ;⁸⁹ ту же и гробъ его былъ, и кровь его ту же есть была, нынѣ же нѣсть ту. И есть ту камень внѣ пещеры тоя подъ верхомъ же, и на томъ каменѣ Ияковъ сонъ видѣлъ: и се лѣствица бѣше до небеси и ангели Божии всхожаху и низхожаху по ней. И ту брался съ ангеломъ Ияковъ, и встѣ от сна Ияковъ, и рече: «Се мѣсто домъ Божій, и се врата небеснаа суть».⁹⁰ И на томъ же каменѣ пророкъ Давидъ видѣлъ ангела, стояща съ оружиемъ нагимъ и сѣкуща люди Израилевы, и влѣзъ в ту же пещеру плакаше, моляся Богу, и рече: «Господи, не овца согрѣшиша, но азъ согрѣшихъ».⁹¹ Есть же церкви та всямокачна, сажень 30 и в преки, и в длѣ; всходы же 4-ри. Вѣтхая же церкви Святаа Святыхъ рена есть, и нѣсть ничтоже отъ прѣваго зданія Соломоня знати, и токмо знати насопъ церковный, еже Давидъ пророкъ началъ здати. И пещера та днѣ въ церкви и камен-еть, иже то есть подъ врѣхомъ, то есть вѣтхаго зданія толко. А сѣа церкви нынѣшняа создана есть отъ старѣйшины страцинскаго именемъ Аморъ.⁹²

О ДОМУ СОЛОМОНѢ

Туже былъ домъ Соломонъ, и силно было зданіе его, и велико велми, и зѣло красно. Мощенъ былъ весь мраморными дѣсками и есть на комарахъ утвержденъ, и воды исполненъ весь домъ-отъ былъ. Храмы же создани были красны зѣло, и хитро мусиею украшено изрядно и столпы мраморяны драгаго мрамора и красно поставлени стоятъ по ряду; и комары на столпѣхъ тѣхъ создани суть хитро, и покрыты оловомъ весь. И ту

суть врата дому того, красно зѣло и хитро покрыта оловом, мусею исписана и покована мѣдию позлащеною. И та врата зовутся Красная, идеже Петрѣ и Иоаннѣ исцѣлиста хромца одного,⁹³ и есть мѣсто то у врат тѣхъ и донынѣ.

А иныя врата суть троя кромѣ тѣхъ, а 5-я врата суть Апостольская. Та бо врата Давыдѣ пророкѣ създалъ есть. Твердо и дивно хитростию врата суть сдѣлана: мѣдию позлащеною покована была издну, исписана хитро была по мѣди, а извну желѣзы поковна была твордо. И суть 4-ры двери у вратъ тѣхъ. И та бо суть врата осталася толко ветхаго зданія, ти и столпъ Давыдовъ, а ино зданіе все ново есть. Ветхий бо град Иерусалимъ разоренъ есть весь не единою. И тѣми враты вшелъ есть Христосъ в Иерусалимъ от Вифанія с Лазаремъ, егда възкресилъ Лазаря Христос.⁹⁴ Вифанія на востокъ лицъ противу Елеоньстѣй горѣ. И есть отъ тѣхъ вратъ до церкви Святаа Святыхъ сажень 100 и 50.

О ВЕСИ ВИФАИНѢ

Вифанія же от града Иерусалима вдалѣе двою версту, за горою во удалнѣ мѣстѣ. И есть Вифанія градокъ малъ к полуденью лицъ от Иерусалима. И влѣзучи есть во врата градка того, на деснѣй руцѣ есть пещера, и в той пещерѣ есть гробъ святаго Лазаря. И в той келии Лазарь болѣлъ, ту же и умерлъ былъ. И есть посрѣдѣ градка того церкви велика, создана вверхъ и исписана добрѣ была вся. И есть от церкви тоя до гроба Лазарева сажень 12; и есть гробъ Лазаревъ от церкви к западу лицъ, а церковъ къ востоку лицъ. И предъ градомъ к западу лицъ есть вода добра зѣло, и есть глубоко в земли, по степенемъ влѣсти къ ней. А оттуда есть къ Иерусалиму лицъ столпъ от Вифанія вдалѣ версты; и на том мѣстѣ усрѣла Марфа Исуса; ту паки на ося всѣл Христосъ, егда Лазаря възкресивъ.

О ВЕСИ ГЕПСИМАИНѢ

Фепсиманія же есть село, идѣже есть гробъ святыя Богородица, близъ града Иерусалима на потоцѣ Кидардѣстѣмъ въ Удолѣ плачевнѣмъ, и есть отъ Иерусалима межѣ востока лицъ лѣтнимъ и зимнымъ.

О ВРАТѢХЪ ГРАДНЫХЪ

И есть от врат градных сажень 8 до мѣста, идеже Охония жидовинъ хотѣ сврещи тѣло со одра святыя Богородица, егда несяхуть е погребать апостоли в Гепсиманию. И утя ему аггель обѣ руцѣ мечем, и положи я на нем.⁹⁵ И есть на мѣстѣ том был монастырь женъскый, и нынѣ же разорено есть от поганых.

О МѢСТѢ ГРОБА СВЯТЫА БОГОРОДИЦА

И оттуда до гроба святыя Богородица есть сажень 100. И есть гробъ Святыя Богородица въ удолнѣ мѣстѣ: пещерка была мала в камени изсѣчена, дверци имущи малы, яко можетъ человекъ влѣсти наклонься; и во днѣ в пещерѣ той противу дверцам яко лавица засѣчена в томже камени пещернѣмъ, и на той лавици положено бысть тѣло честное Пречистыя Владычица нашеа Богородица, и оттуда же взято бысть въ рай, нетлѣнно суще. И есть пещерка та днѣ мужа възвыше, а вширѣ 4 лакоть всямокачна, а около теремцем одѣлана красно мраморными дѣсками. А врьху, над гробом святыя Богородица, создана была церкви велика велми клѣтъски, во имя святыя Богородица Успения; нынѣ же разорено есть от поганых мѣсто то. И есть гробъ святыя Богородица исподи под великим олтаремъ тоа церкви.

О ПЕЩЕРѢ, ИДѢЖЕ ПРЕДАН БЫСТЬ ХРИСТОС

А от гроба святыя Богородица есть сажень 10 до пещеры, идеже преданъ бысть от Иуды жидом на 30 сребреницѣх.⁹⁶ И есть пещера та об онъ пол потока Кѣдарьскаго при горѣ Елеоньстѣй.

И ту есть мѣсто близъ пещеры тоя, яко довержетъ человекъ каменемъ малымъ, и есть къ полуденью лицъ мѣсто то, идѣже помолися Христос Отцу своему в нощи, в нюже преданъ бысть на распятие иудѣем, и рече: «Отче, аще возможно есть, да минеть чаша си от мене».⁹⁷ И есть на мѣстѣ томъ нынѣ создана церквица мала. А оттуда есть дострѣла вдалѣе до гроба Асафатова; и то есть былъ царь иудѣйскъ и потому зоветься та дебрь Асафатова.⁹⁸ И ту есть близъ в той же дебри гробъ святаго Иякова, брата Господня.⁹⁹

Елеоньскаа же гора есть от Иерусалима на лѣтний востокъ лицъ. От Гепсимании полѣсти есть на гору Елеоньскую высоко

велми, яко может на ню 3-жды встрѣлити едва, но до Отце нашъ толко можетъ встрѣлити от Гепсимании.

О ПЕЩЕРѢ, ИДЕЖЕ НАЧА ХРИСТОС УЧЕНИКЫ СВОЯ УЧИТИ

И ту есть создана церкви велика, и пещера подо олтаремъ есть исподи; в той пещерѢ Христос научи ученики своя пѣти «Отче нашъ».¹⁰⁰ А оттуда до връха самого Елеоньския горы, идеже есть Възнесение Господне, есть сажень 90.

О ГОРѢ ЕЛЕОНЬСТѢЙ

Възнесение же Господне есть на връхъ Елеоньския горы прямо къ стоку, и есть яко горка мала. И на той горцѢ был камень круголь, выше колѢ: с того камени възнеслѣся Христос Богъ нашъ на небеса. И есть мѣсто то оздано все комарами около, и верхъ на комарахъ техъ созданъ есть, яко дворъ камень кругомъ, и помощень есть весь двор-от мраморнымыи дѣсками. И посрѣди того двора есть созданъ аки теремецъ кругло, и есть без верха; тако и во днѢ теремца. И в том теремци под самымъ връхомъ тѣмъ непокрытымъ лежитъ камен-етъ святой, идѣже стоястѢ и нозѢ пречистѢи Владыки нашего и Господа. И есть под каменемъ тѣмъ трапеза сдѣлана дѣсками мраморными, и на той трапезѢ литургисають нынѢ.¹⁰¹ Есть исподи под святою трапезою камен-етъ, оделан весь около дѣсками мраморными, толико връхъ его видѣти мало, и ту цѣлуютъ вси християне. Двери же иматъ 2-и термец-етъ. Възлѣсти же есть по степенемъ къ Възнесению Господню, и есть же степеней тѣхъ 22. И есть гора Елеоньскаа высока над градомъ Иерусалимомъ и видѣти с неа все въ градѢ ИерусалимѢ, и Святаа Святыхъ, и до Содомскаго моря¹⁰² и до Иордана с неа дзрѣти, и всю ту землю, и об онѢ пол Иордана, все с неа видѣти: вышыши бо есть всѣхъ Еленьскаа гора сущихъ горъ около Иерусалима.

О ГРАДѢ ЕРУСАЛИМѢ

Иерусалимъ же градъ есть велик и твердъ стѣнами, всямокаченъ: на 4 углы крестнымъ образомъ созданъ есть. Дебри суть многи около его и горы каменныя. Безводно мѣсто то есть: ни рѣки, ни кладязя, ни источника нѣсть близъ Иерусалима, но токмо едина купѣль Силоамля. Но дѣждевою водою живутъ вси людие и скоти въ градѢ томъ. И жита добра ражаются около

Иерусалима в камении том без дожда, но тако, Божиимъ повелѣниемъ и благоволениемъ. Родиться пшеница и ячмень изрядно: едину бо кадь¹⁰³ всѣявъ и взяти 90 кадей, а другици 100 кадей по единой кади. То нѣсть ли то благословение Божие на земли той Святѣй! Суть винограда мнози около Иерусалима и овощнаа дрѣвеса многоплодовита, смокви и агодичия, и масличие, и рожци; и ина вся различнаа дрѣвеса бес числа по всей зели той суть. И на той же горѣ Елеоньстѣй есть пещера глубока близъ Възнесения Господня на полудне лицъ, и в той пещерѣ и гроб святыя Пелагии блудницы.¹⁰⁴ И ту есть столпникъ близъ, муж духовенъ велми.¹⁰⁵

О ПУТИ КЪ ЕРДАНУ

И есть путь от Иерусалима къ Иордану чресъ Елеоньскую гору на лѣтний восток лицъ, и есть пут-ет тяжек велми и страшенъ и безводенъ. Суть бо горы высокы камены, и суть разбои мнози, и разбиваютъ въ горахъ тѣх и въ дербех страшных. И есть от Иерусалима до Иордана 26 верстъ великих. 15 верстъ до Кузивы, идеже постился святой Иоакимъ неплодства ради своего,¹⁰⁶ и есть мѣсто то въ потоцѣ глубоко у пути близъ на лѣвой руцѣ, тамо идуче. А отъ Кюзивы до Иерихона 5 верстъ, а от Иерихона до Иордана 6 верстъ великих, все поравну въ пѣсцѣ; путь тяжекъ велми. Ту мнози челоуѣци задыхаются отъ зноя и ищезаютъ, от жажи водныя умирають. Ту бо море Седомское близъ от пути того: изходит духъ зноенъ смердящъ, зноит и поपालаетъ всю землю ту. И ту есть, недошедше Иордана, близъ на пути, монастырь святаго Иоанна Предтечи; и есть горѣ въздѣлан.

О ГОРѢ ЕРМОНЪСТѢЙ

И ту есть гора Ермонъ близъ у монастыря того вдалѣе яко 20 сажежнь. И есть на лѣвѣй руцѣ, тамо идучи, у пути близъ. И есть песочна горка та не велика, но мала.

А отъ Ермона до ветхаго монастыря Иоаннова вдалѣе дващи дострѣлители гораздо. И ту есть была церкви велика создана во имя Предтечи Иоанна.

О МѢСТѢ, ИДЕЖЕ МОРЕ ВИДѢ, ПОБѢЖЕ, И ЕРДАН ВЗРАТИСЯ ВСПЯТЬ

А за олтаремъ тоя церкви близъ востоку лицъ на пригории есть созданъ яко олтарецъ и комара мала, и на томъ мѣстѣ есть крестилъ Предтеча Иоаннъ Господа нашего Иисуса Христа. До того бо мѣста изиде Иордан отъ ложа своего, возвратився, видѣвъ Творца своего, пришедша крестится, и убоявся, възвратися вспять и прииде до того мѣста. И ту есть море Содомское близъ купѣли тоя было, нынѣ же есть дале отъ Крещения, яко 4 версты вдалеѣе отбѣгло. Тогда убо узрѣвъ море наго Божество, стоаще в водахъ Иорданскихъ, и убоявся, и побѣже; Иордан възвратися вспять, якоже пророкъ глаголетъ о томъ: «Что ти есть, море, да побѣже, и ты, Иордане, възвратися вспять?»¹⁰⁷

О МѢСТѢ, ИДѢЖЕ КРЕСТИСЯ ХРИСТОС

Отъ того, идеже ся крестилъ есть Христосъ, есть до самыя рѣки Иордановы вдале, яко можетъ доверечи мужъ каменемъ малымъ.

О КУПѢЛИ

И ту есть купѣль на Иорданѣ, и ту ся куплють христиане приходяще. Ту же есть бродъ чресъ Иорданъ во Аравию. На томъ же мѣстѣ Иорданъ раступися древле сыномъ Израилевымъ, и проидоша людие по суху.¹⁰⁸ Ту же и Елѣсей удари милотию Илииною в воду, и проидоша Иорданъ по суху.¹⁰⁹ На той же купѣли и Марія Египтяныни преиде по водамъ къ отцю Зосимѣ, и приять тѣло Христово, и пакы по водамъ же преиде в пустыню.¹¹⁰

О ИОРДАНѢ

Иорданъ же рѣка течетъ быстро, бреги же имать об онъ полъ прикрутъ, а отсуду пологы. Вода же мутна велми и сладка пити, и нѣсть сыти пьюще воду ту святую; ни с нея болѣтъ, ни пакости во чревѣ чловѣку. Всѣмъ же есть подобенъ Иорданъ къ рѣцѣ Сновъсѣй – и вширѣ, и въглубле, и луково течетъ и быстро велми, якоже Сновъ рѣка.¹¹¹ Въглубле же есть 4 сажень среди самое купѣли, якоже измѣрихъ и искусихъ самъ собою, ибо пребродихъ на ону страну Иордана, много походихомъ по берегу его. Вширѣ же есть Иорданъ якоже есть Сновъ на устии. Есть же по сей странѣ Иордана на купѣли той яко лѣси древо не высоко, аки вербѣ подобно есть, и выше купѣли тоя по берегу Иорданову стоитъ яко лозие много, но нѣсть якоже наша лоза, но нѣкако аки силяжи подобно есть; есть же и тростие много; болоние

имать, яко Сновъ рѣка. Звѣрь многъ ту, и свинии дикии безчисла много, и пардуси мнози ту суть, лвовѣ же.

Объ онъ полъ Иордана горы высоки каменныя; и суть подалѣ отъ Иордана. А подъ тѣми горами другыя горы близъ суть бѣлы; и ты суть близъ Иордана. И то есть земля Заулоня и Неффалимья¹¹² объ онъ полъ Иордана.

О ПЕЩЕРѢ ИОАНА КРЕСТИТЕЛЯ

И ту есть близъ мѣсто къ востоку лицъ яко двою дострѣлу вдалѣ отъ рѣки, идеже Иліа пророкъ всхищенъ бысть на колесници огньнѣй.¹¹³ Ту же и пещера святаго Іоанна Крестителя. И ту есть потокъ, воды исполненъ, и течетъ красно по камению во Иорданъ. Вода та студена зѣло и сладка велми. И ту воду пилъ Іоаннъ Предтеча Христовъ, егда жилъ въ пещерѣ той святѣй.

О ПЕЩЕРѢ ИЛІИ ПРОРОКА

И ту же есть другая пещера дивна, идеже жилъ святый Іліа пророкъ съ Елисѣемъ, учеловѣкомъ его. И то все благодѣтию Божіею видѣхомъ очима своима грѣшныма и недостойныма. И сподоби мя Богъ трижды быти на святѣмъ Иорданѣ, и въ самыя водокрещенныя праздники¹¹⁴ быхомъ на Иорданѣ, видѣхомъ благодать Божію, приходящую на воды Іорданскыя, и множество народа безчисла тогда пришедшихъ къ водѣ. Всю ночь ту пѣние бываетъ изрядно и свѣщъ безчисла горящихъ, и въ полунощи бываетъ крещение водѣ. Тогда бо и Духъ Святый приходитъ на воды Іорданскыя, и видятъ достойныя чловѣци добрии, а вси народи не видятъ ничтоже, но токмо радость и веселіе бываетъ тогда въ сердци всякому христіанину. И егда рекутъ: «Во Иорданѣ крещашутися, Господи»,— тогда все людіе въ воду и крестятся въ полунощи въ Іорданскѣй рѣцѣ, якоже и Христосъ въ полунощи крестился есть. И ту есть гора, высока зѣло, объ онъ полъ Иордана; видѣти ю есть отъсюду издалеча; и на той горѣ пророкъ Моисей преставился есть, видѣвъ Землю обѣтованую.¹¹⁵ А отъ монастыря святаго Іоанна до Гарасимова монастыря есть верста едина, а отъ Гарасимова монастыря до Каламоніи, до монастыря Святыя Богородицы, есть верста едина.

И на том мѣстѣ святая Богородица съ Исусом Христомъ, и съ Иосифом, и съ Ияковом, егда бѣжаху въ Египеть,¹¹⁶ то на том мѣстѣ ношлѣг створиша. Тогда святая Богородица нарече имя мѣсту тому Каламонии, еже ея протолкует «Доброе обителище». Ту нынѣ сходит Духъ Святый ко иконѣ святыя Богородица. И есть монастырь-еть на устьи, идеже входитъ Иорданъ в море Содомское, и есть градом одѣлан весь около монастырь-ет; черноризецъ же в нем 20. А оттуда до монастыря Иоанна Златоустаго врьстѣ двѣ, а тый монастырь такоже градом одѣлан весь и есть богатъ велми.

О ГРАДѢ ИЕРИХОНѢ

А оттуда до Иерихона есть верста едина. Иерихонъ же тый былъ пръвѣе градъ велик и твердъ велми; того Иерихона Исус Навгинъ взял и разорил до конца,¹¹⁷ нынѣ же ту есть село срацинъское. И ту есть дом Затхѣевъ, и пень древа того и донынѣ стоитъ, на нь же бѣше възлѣзлъ, хотя видѣти Христа.¹¹⁸ Ту же есть былъ и домъ оная сумантяныни, идѣже Иелѣсѣй отрочища възкресилъ.¹¹⁹ Есть же около Иерихона земля добра и многоплодна, и поле красно и равно, и около его финици мнози стоятъ висоци, и всякаа древеса многоплодовита суть; и воды многы текут, разведены по всей земли той. Ти суть воды Иелисѣевы, ихже ослади Иелисѣй пророкъ.¹²⁰

И ту есть мѣсто близъ Иерихона, врьста едина вдалѣе на лѣтний всток лицъ, и на том мѣстѣ явися святый Михаил архистратиг Исусу Навгину пред полком Израилевым; и възвед очи свои Исус, видѣ пред собою мужа страшна въоружена, и рече Исус: «Наш ли еси, или от супостат наших?» И рече ему архистратиг: «Азъ есмь Михаил, воевода Божьи, послан есмь на помощь тебѣ. Дерзай и побѣжай супостаты твоя». И рече ему: «Изуй сапогъ от ногу твоею; мѣсто бо, на немже стоиши, свято есть». И паде Исус на лица своемъ, и поклонися.¹²¹ И есть на мѣстѣ том нынѣ монастырь, и церкви создана во имя святого Михаила. Въ церкви той лежита 12 камени, и то камение тогда есть взято на днѣ Иордановѣ, егда раступися Иордан людем Израилевым; и взяша камение то иерѣи, носящеи кивот завѣта Господня, по числу колѣнъ сыновъ Израилевъ на помять роду

их. Имя мѣсту тому Галганий, на том бо мѣстѣ сташа сынове Израилевы, прешедше Иордан.¹²²

О ГОРѢ ГАВАОНСТѢЙ

И от того мѣста есть гора висока и велика велми к западу лицъ, имя горѣ той Гаваонъ, и над тою горою Гаваонскою солнце ста и пожда, яко полудне, Дѡндеже Исус Навгинъ побѣди враги своя, егда биашеся с ним Огъ, царь Васанескъ, и вся царьствиа Хананѣйска. И побѣди Исус до конца, и тогда солнце заиде.¹²³

О ПЕЩЕРѢ, ИДЕЖЕ ХРИСТОС ПОСТИСЯ 40 ДНИ

В той же горѣ Гаваонстѣй есть пещера висока зѣло, и в той пещерѣ постился есть Христос Богъ наш 40 дний, послѣди же взалка. И ту прииде дияволъ, искусити хотя, и рече ему: «Аще еси Сынъ Божий, рци да камение се хлѣби будут». ¹²⁴

Ту есть близъ был домъ Елисѣя пророка, и пещера его, и кладязь есть къ востоку лицъ отъ Гаваона, а вдалье яко полверсты.

И есть отъ Иерусалима верстъ 6 до Феодосиева монастыря. Монастырь-ет на горѣ градом одѣланъ был, и видѣти от Иерусалима. И ту есть пещера велика посреди монастыря, и в той пещерѣ волсви ношълѣгъ сътвориша, егда уклонишася от Ирода. И ту нынѣ лежитъ святой Феодосие,¹²⁵ и мнози святии отци ту лежать, в той пещерѣ лежитъ мати святаго Савы,¹²⁶ и Феодосиева мати ту лежитъ.

О ЛАВРѢ СВЯТАГО САВЫ

И от того монастыря до лавры святаго Савы есть врѣсть 6. Монастыря же та оба на полуденъе лицъ. Лавра же святаго Савы есть на дебри Асафатовѣ, во Удоли плачевнѣй, яже дебрь отъ Иерусалима поидет; от Гепсимании бо дебрь поидеть сквозѣ лавру и приходитъ к Содомьскому морю. Лавра же святаго Савы есть уставлена от Бога дивно и несказанно: поток бѣ нѣкако страшень и глубокъ зѣло и безъводень, стѣны имя бѣ высоки, и на тѣх стѣнахъ лпять кѣлии прилѣплены и утвержены от Бога нѣкако дивно и страшно. На высотѣ бо той стоятъ келии по обѣма странама потока того страшнаго и лпят на скалах, яко звѣзды на небеси утвержены. Суть же 3 церкви. Посредѣ же кѣлей техъ к западу лицъ, ту пещера дивна под скалою

каменою, и в той пещерѣ церкви святыя Богородица. И ту пещеру показа Богъ святому Савѣ столпом огненным, прежде живущу ему единому в потоцѣ том. И есть же первая келиа святого Савы, идеже жилъ един, подалъ отъ лавры нынѣшняя, яко полверсты вдалѣе. И оттуда показа ему Богъ столпом огненным над мѣстом тѣмъ святым, идѣже есть нынѣ лавра святого Савы. И есть дивно мѣсто и несказанно отнудъ. И ту есть гробъ святого Савы посредиѣ церквий тѣх трий, вдалее отъ великия сажень 4. И есть теремецъ над гробомъ святого Савы; учинено красно. Ту же лежат мнози святии отци, телесы яко живи: святой Иоаннъ епископъ Исихастъ¹²⁷ ту лежить, святой Иоаннъ Дамаскинъ¹²⁸ ту лежит, и святой Феодоръ Едесский ту лежить и Михаилъ сыновецъ его,¹²⁹ Афродитианъ святой¹³⁰ ту бежит, и инии мнози святии ту лежат, телесы яко живи; и благоухание от них исходитъ несказанно. И видѣх кладязь святого Савы, егоже показа ему в нощи осли дикое в потоцѣ том, противу келии его; пихом от кладязя того воду сладку и студену зѣло. В мѣстѣ бо том нигдеже нѣсть рѣки, ни потока, ни кладязя, но токмо един кладязь святого Савы. Есть бо мѣсто то безводно в горах каменных, и есть путыни та вся суха и безводна, но токмо дѣждевою водою живи суть сущии отцы въ пустыни той.

И ту есть близъ лавры мѣсто на полудне лицъ от лавры, имя мѣсту тому Рува, и есть близъ моря Содомьскаго. И суть горы высоки каменная, и пещеры многы ту суть в горах тѣх. И ту суть жили святии отцы в горах тѣхъ, в пустыни той страшнѣй безводнѣй. И ту суть жилища пардусом, и осли дивии мнози суть.

Море же Содомское мртво есть, не имать в себѣ никакоже животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии. Но обаче внесеть быстрость Иорданская рыбу в море то, то не можетъ жива быти ни мала часа, но скорѣ умираетъ: изходитъ бо из дна моря того смола чермная¹³¹ верху выды тоя, и лежит по берегу тому смола та много; и смрад исходит из моря того, яко от сѣры горяща; ту бо есть мука под морем тѣмъ.¹³²

О МАНАСТЫРѢ СВЯТОГО ЕВФИМЬЯ

А лавры святого Савы на восток лицъ за горою манастирь святого Еуфимья,¹³³ 3 версты вдалеѣ отъ лавры. И ту лежитъ святой Еуфиміе, и ини мнози святіи отци ту лежатъ, телесы яко живи. И есть же манастирь-ет на удоу мѣстѣ, и горы суть около его каменныя подалѣ. Манастирь же былъ градомъ одѣланъ и церкви же была добра вверху. И ту есть близъ былъ манастирь святого Феоктиста¹³⁴ подъ горою на полудни лицъ отъ манастиря Еуфиміева. И то все нынѣ разорено отъ поганыхъ.

О ГОРѢ СИОНЬСТѢЙ

Сионъ же гора есть велика и высока есть, отъ юга лицъ, а отъ Ерусалима полого и равна. И на той горѣ Сионьстѣй первое былъ градъ Иерусалимъ ветхій, и того града ветхаго разорилъ Навходносоръ, царь Вавилонескъ, при Еремїи пророцѣ,¹³⁵ А нынѣ Сионъ гора внѣ стѣны градныя есть, на югъ лицъ отъ Иерусалима Сионъ. И ту есть былъ домъ Иоанна Богословца на горѣ Сионьстѣй, и на томъ мѣстѣ создана была церкви велика кѣтски. И есть отъ стѣны градныя яко довержетъ мужъ каменемъ малымъ до церкви Святого Сиона.

И въ той церкви Сионьстѣй ту есть храмина, за олтаремъ тоа церкви, и въ той храминѣ Христосъ умы ноги ученикомъ своимъ.¹³⁶

О ДОМУ ІОАНА БОГОСЛОВА, ІДѢЖЕ ХРИСТОСЪ ВЕЧЕРЯЛЪ

Ис тоа храмины на югъ лицъ поидучи, възлѣсти есть по степенемъ яко на горницу. Ту есть храмина создана красно, яко на столпи и съ верхомъ, исписана муисіею и помощена красно, и олтарь имать яко церкви на востокъ лицъ: и то есть келіа была Иоанна Богословца, и въ той кѣліи Христосъ вечерялъ со ученики своими: ту же Иоаннъ възлеже на перси его и рече: «Господи, кто естъ предаѣтъ тя?»¹³⁷ На томъ же мѣстѣ сшествіе Святого Духа быстъ на апостолы въ Пентикостію.¹³⁸

Въ той же церкви есть другая храмина долѣ на земли, и низка есть храмина та, на югъ лицъ: и въ ту храмину прииде Христосъ къ ученикомъ своимъ, дверемъ затворенымъ, и ста посреде ихъ, и рече: «Миръ вамъ»; ту же и Фому увѣрилъ есть въ 8-й день.¹³⁹ Ту же есть святой камень, принесенъ аггеломъ съ Синайскихъ горъ.¹⁴⁰

А на друзѣй странѣ тоа же церкви, к западу лицѣ, есть другая храмина на земли низка, тлѣм же образом; и ту в той храминѣ преставилася святаа Богородица. И то все ся дѣяло в дому Иоанна Богословца.

И ту есть былъ домъ Каиафинъ. И ту ся Петръ отвыргль Христа трижды, Дѣндеже куръ възгласит.¹⁴¹ И есть мѣсто на восток лицѣ отъ Сиона.

ИДѢЖЕ ПЕТРЪ, ОТВРЪЖЕСЯ ХРИСТА ТРИЖДЫ, ПЛАКАСЯ ГОРКО

И оттуда есть близъ паки мѣсто на странѣ горы, къ востоку лицѣ, и ту есть пещера глубока велми, слѣсти в ню степеней 30 и 2. И в той пещерѣ плакася Петръ горко отвыржения своего. И над тою пещерою церковь есть создана во имя святаго апостола Петра.

О КУПѢЛИ СИЛОАМСТѢЙ

А оттуда на полудне лицѣ долѣ под горою есть купѣль Силоамля, идеже Христос слѣпцю очи отверзе.¹⁴²

О СЕЛѢ СКУДЕЛЬНИЧИ

И ту есть под тою же горою Сионьское село Скудельниче, еже его купиша цѣною Христова на погребание странным.¹⁴³ И есть об он пол дебри под горою Сионьскою, на югъ лицѣ от Сиона. И суть пещеры многи на странѣ горы у камени изсѣчены, и в тѣх пещерах днѣ суть гроби устроены, у камени изсѣчены дивно и чудно; ту ся погребають страньни пришельци туне, так; ничтоже не дають отъ мѣста того святаго, искуплено бо есть кровию Христовою.

О ВИФЛЕОМѢ

Вифлеем же святой есть на югъ лицѣ отъ Иерусалима святаго, 6 верстѣ вдале. По полю 2 верстѣ до ссѣдания Авраамля, идѣже отрока своего остави съ ослятѣмъ Авраамъ, и поя сына своего Исаака на жертву, и задѣ ему дрова понести и огонь. И рече ему: «Отче, се дрова и огонь, а кое овча?» И рече ему Авраам: «Богъ покажет, чадо, намъ овча». И идяше Исаакъ, радуяся, путемъ темъ къ Иерусалиму лицѣ. На том же бо мѣстѣ приведенъ бысть Исаакъ, идеже Христос распятъ бысть.

И оттуда есть верста едина вдале до мѣста, идѣже святаа Богородица видѣ двои люди: едины смѣющася, а другиа

плачущася.¹⁴⁴ И ту есть была церкви создана, манатырь был Святыя Богородица, нынѣ же разорено есть от поганых.

А оттудѣ до гроба Рахилина, матери Иосифовы,¹⁴⁵ еста верстѣ 2.

О ВЕРТЕПѢ, ИДѢЖЕ ХРИСТА РОДИ СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

И оттуда верста едина есть до мѣста, идѣже ссѣла святаа Богородица съ осяти, егда понуди сущее въ чревѣ ея, хотя изыти. И ту есть камень великъ, и на том камени почивала святая Богородица, тогда ссѣдши со осяти; и от того камени, вставши,¹⁴⁶ шла есть пѣша до вертѣпа святаго, и ту родила есть Христа в том вертѣпѣ святая Богородица. И ту есть близъ Рождество Христово от камени того, яко можетъ дострѣлити добръ стрѣлецъ.

О ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

И есть ту над вертепом тѣмъ святым Рождества Христова создана есть церкви велика крестом, и верхъ ея клѣтски въсперенъ. Покрыта же есть вся оловом церкви та Рождества Христова, исписана есть мусею вся, столповъ же имать 8 облых мраморныхъ; помощена же есть дѣсками мрамора бѣлаго; двери же имат трои; есть же вдалѣе 50 сажен до великаго олтаря, а вширѣ 20 сажен. Есть же вертепъ и асли, идеже было Рождество Христово, под великим олтарем, яко пещера велика, создана красно, и степеней имать 7, куда же слѣсти есть къ дверемъ святаго вертѣпа святаго. Имаѣт двери двои, въ другихъ дверей 7 же степеней. И есть, всточными дверми влѣзучи въ вертепъ, на левѣй руцѣ есть мѣсто на земли долѣ, и на том мѣстѣ родился Христос Богъ нашъ. И есть надъ мѣстомъ тѣмъ въздѣлана трапеза святаа, и ту на той трапезѣ литургисають.

О ЯСЛѢХ ХРИСТОВЫХЪ

И ту есть мѣсто къ востоку лицъ, а противу тому мѣсту на правѣ руцѣ Ясли Христовы. Къ западу лицъ под скалою каменою суть Ясли Христовы святыя; и в тѣх яслех положенъ бысть Христос Богъ, в рубища повит. Нашего ради спасения все претрѣпѣ. Близъ же себе еста мѣста та, и Рождество и Ясли, яко три сажени вдалѣе межи има еста; въ единой пещерѣ оба мѣста та. Исписана же есть пещера та мусиею и помощена же красно.

Церкви же исподи дупляста есть вся; и мощи святыхъ ту лежать.

И поидучи изъ церкви, на правую руку вылъзучи, и есть пещера глубока под церковь лицъ, и в той пещерѣ лежали мощи святыхъ младенецъ,¹⁴⁷ и оттуда взяты суть святии младенци въ Царырад. Созданъ же есть градок высокъ около всея церкви тоя. И есть мѣсто то было рождества Христова на горѣ, кромѣ людей, в пустыни. Да то ся зоветъ нынѣ Вифлеем, кдѣ то есть нынѣ Рождество Христово и градок-от, а ветхий Вифлеем кромѣ того мѣста был напреди, не дошедше Рождества Христова. И ту есть столпник нынѣ, и камень святая Богородица; то на той горѣ есть был первый Вифлеемъ. И та земля вся около Вифлеема зовется Ефрантъ, земля Июдина, и о том пророкъ глаголетъ: «И ты, Вифлееме, земле Июдова, ничимже менши еси в тысящахъ Июдовах, ис тебе бо изыдетъ вожь, иже упасеть люди моя Израиля».¹⁴⁸ И есть земля та около Вифлеема красна зѣло въ горах, и дрeвеса многоплодовита овощнаа стоятъ по пригорию тѣмъ красно: масличие, и смоквие, и рожцие много бес числа, виногради мнози суть около Вифлеема и нивы по удолию многи суть.

И близъ церкви Рождества Христова, внѣ стѣны градныя, к полудню лицъ дострѣла вдалѣе на горѣ есть велика пещера, в той пещерѣ жила святая Богородица съ Христосомъ и со Иосифомъ.

О ДОМУ ИЕСЕОВЪ, ОТЦА ДАВЫДОВА

И ту есть мѣсто на странѣ града къ востоку лицъ, от града вдалѣе, яко дострѣлить; имя мѣсту тому Вифиль. И ту был домъ Иесѣевъ, отца Давыдова; и в тот домъ прииде Самоиль пророкъ и ту помаза Давыда на царство во Израили, в Саула мѣсто.¹⁴⁹

О КЛАДЯЗЪ ДАВЫДОВЪ

Ту кладязъ Давыдовъ, егоже пити древле Давыд вжадася.

О МѢСТѢ, ИДЕЖЕ БЛАГОВѢСТИША АГГЕЛИ ПАСТУХОМЪ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

А оттуда есть мѣсто подъ горою на поли, версты вдалѣе от Рождества Христова, на востокъ лицъ, на том мѣстѣ святии аггели благовѣстиша пастухомъ рождество Христово. И есть ту была

пещера; над тою пещерою создана была церкви добра во имя святаго Иосифа, и ту былъ монастырь добръ. Нынѣ же разорено есть от поганных¹⁵⁰ мѣсто то. И есть около мѣста того поле красно велми и нивы многоплодны, и масличья много. И то ся мѣсто зоветъ Агиа пимина, еже протолкуется «Святаа паства». И ту есть село святаго Савы к Вифлеему лицъ под горою.

О ПЕЩЕРѢ И О ДУБѢ МАМРИЙСТѢ

А от Вифлеема есть на югъ лицъ Хевронъ, пещера Сугубаа и дубъ Мамбрийский.¹⁵¹ И есть отъ Иерусалима до Хеврона верст 28, и есть путь мимо Вифлеема к Хеврону, ити до Вифлеома 6 верстъ, от Вифлеема до рѣки Афамьския суть версты 3. В той рѣце Афамьстѣй пророкъ глаголетъ Давыдъ въ Псалтири:¹⁵² «Ты исуши рѣки Афамля. Твой есть день и твоя есть ночь».¹⁵³ И есть рѣка та нынѣ суха: под землею течеть рѣка та, и явится у моря Содомьскаго, ту бо входитъ в море Содомьское. И ту есть об онъ полъ рѣки тоя гора камена высока велми, лѣсъ на горѣ той велик и часть; и есть путь сквозѣ гору ту страшную. Неудобьпроходно есть, есть бо ту твердь велика, и биятъ срацины в горѣ той. Иже кто в малѣ хочетъ пройти, то не можетъ пройти. Мнѣ же Богъ добру дружину и многу зѣло, и тако могохомъ прейти бес пакости мѣсто то страшное. Ту бо прилежить Асколонъ градъ, да оттуда выходятъ погании и мнози и биятъ на пути том злѣ. В той же горѣ, в том же лѣсѣ, убиень бысть Авесаломъ, сынъ Давыдовъ; туда бо бѣжаше отъ бѣды отца своего, и ту внесе его мска в чащу лѣса того, и я главу его за власы, и съя съ мщате, и повисе на древѣ высоко, и ту устрѣленъ бысть въ сердце 3-ми стрѣлами, и тако умре на древѣ томъ.¹⁵⁴

А оттуда до клятвенаго кладязя Авраамова¹⁵⁵ есть верстъ 10, а от кладязя того дуба Мамъбрийскаго есть верст 6.

О ТОМ ЖЕ

Есть же дуб-от святой у пути на близу, тамо идучи на правой руцѣ; и стоит красенъ на горѣ висоцѣ. И есть около корения его долѣ от Бога помощено мраморомъ бѣлым, якоже помость церковный. Помощено есть около дуба того всего добраго, и есть посредѣ помоста того вырослъ дуб-от святой, ис камени того, дивенъ есть. На връху горы тоя около дуба того

уродилося яко дворище, равно и чисто бес камня, и ту стоялъ шатеръ Авраамовъ близъ дуба того къ востоку лицъ. И есть дубъ от не велми высокъ, кроковат велми, и часть вѣтви, и многъ плод на нем есть. Вѣтви же его близ земли приклонилися суть, яко мужъ можетъ, на земли стоя, досячи вѣтви его. Втолще же есть двою сажень моих около его, а голомя възвыше до вѣтвѣй его полторы сажени. Дивно же и чюдно есть толь много лѣтъ стоящу древу тому на толь висоцѣ горѣ, не вредися, ни испорохнѣти! Но тоить утвержень от Бога, яко то перво насажень. И под тый дубъ прииде Святаа Троица к патриарху Аврааму и ту обѣда у него под тѣмъ дубомъ святым. И ту благослови Святаа Троица Авраама и Сарру, жену его, и вда има родити Исаака на старость. Ту и воду показа Святаа Троица Авраамови, и есть кладязъ-еть и доднесъ под горою тою у пути близъ. И та земля вся около дуба того зовется Мамбрія; да потому зовется дуб-отъ Мамбрійский. А от дуба того до Хеврона есть двѣ верьстѣ.

О ГОРѢ ХЕВРОНѢ

Хеврон же гора есть велика, и град был на горѣ той велик и твердъ велми, и зданиа его суть ветхаа силно. Множество людей сѣдѣло прьво по горѣ той, и нынѣ же есть пусто.

На той бо горѣ Хевроньстѣй и первое сѣлъ внук Ноевъ, сын Хамовъ, Ханаонъ, по потопѣ пришед отъ столпотворения; и населил был землю ту всю около Хеврона; да тако земля та зовется Хананѣя.¹⁵⁶ И ту землю обѣща Богъ Аврааму, и еще ему сушу въ Месопотамии и в Хараонѣ; ту бо есть был домъ отца Авраамля. И рече Богъ Авраамови: «Изиди от земля твоя, и от дому отца твоего, и иди в землю Хананѣйскую, и тобѣ дам землю ту и сѣмени твоему до вѣка и азъ буду с тобою».¹⁵⁷ И нынѣ поистиннѣ есть земля та Богомъ обѣтованна и благословена есть от Бога всѣм добром: пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощом обилна есть зѣло, и скотом умножена есть; и овци бо и скоти дважды ражаются лѣтом; и пчелами увязло ту есть в камении по горамъ тѣмъ красным; суть же и виногради мнози по пригорию тѣмъ, и дрeвеса много овощнаа стоятъ бес числа, масличие, смокви, и рожцы, и яблони, и черешни, инородия. И всякий овощъ ту есть; и есть овощетъ

лучи и болий всѣхъ овощей, сущих на земли под небесемъ, нѣсть такого овоща нигдеже. И воды добры суть в мѣстѣ том и всѣмъ здрави. И есть мѣсто то и красотою и всѣмъ добром. Неисказанна есть земля та около Феврона! И ту есть был домъ Давыдовъ на той горѣ Февроньстѣй; и ту бо есть был Давыдъ 8 лѣтъ, егда бѣше выгнал сынъ его Авесалом.¹⁵⁸

А от Феврона до Сугубыя пещеры Авраамовы близъ яко полъ врьсты ближе. Сугубаа пещера в каменѣй горѣ есть и в той пещерѣ есть гроб Авраамовъ, Исааковъ и Яковль. Ту бо пещеру Сугубую Авраамъ купил у Ефронъ Хетфѣянина на погребение всему роду своему,¹⁵⁹ егда прииде от Месопотамии в землю Хананѣскую. И ино не притяжа ничтоже прѣвѣе, но токмо пещеру Сугубую на погребение себѣ и всему роду своему. И есть нынѣ созданъ градокъ малъ около пещеры тоя, но твердъ зѣло. И есть градок созданъ есть великим каменем, чюдно и несказанно хитростию, и стѣны его высокы суть велми. Посредѣ градка того днѣ утвержена есть пещера твердо. И помощенъ есть градокъ тѣ весь дсками мраморными, бѣлаго мрамора. И есть пещера та под мостом исподи утвержена велми, идеже лежит Авраам, Исаакъ, Иаковъ, и вси сынове Ияковли; и жены их ту лежат, Сарра, Ревѣка. А Рахиль кромѣ лежитъ на пути у Вифлеема. Суть же въ градцѣ том днѣ над пещерею создани гроби разнѣ себѣ; над гробы тѣми созданы церковци малы круглы. И есть близъ себе гробъ Авраамовъ и жены его, Сарринъ; и гробъ Исааковъ и жены его, Ревекинъ, близъ себе; гробъ Ияковль и жены его, Ревекинъ, близъ себе; гробъ Ияковль и жены его, Илиинъ, близъ себе еста.

О ГРОБѢ ИОСИФОВѢ

Иосифа Прекраснаго гробъ¹⁶⁰ внѣ градка того, кромѣ пещеры Сугубыя вдалѣе, яко довержетъ до градка того. И то мѣсто нынѣ – Святый Авраамъ. И ту есть близъ гора висока, на полуде лицъ, отъ Сугубыя пещеры вдалѣе верста едина; и на ту гору взиде Святаа Троица со Авраамом; до тоя бо горы проводи Авраамъ Святую Троицу от дуба Мамбрийскаго. И ту есть мѣсто на верху горы тоя, красно и высоко зѣло, и на том мѣстѣ Авраамъ, пад на лица своемъ, поклонися Святѣй Троици, моляшеся и глаголаше:

О МОЛИТВѢ АВРААМЛѢ

«Господи! Да не погубиши праведнаго с нечестивыми в пагубу! Но аще, Господи, обрящеши 50 праведник в Содомѣ, не помилуеши ли, Господи, всего града того 50 ради праведникъ?» И рече Господь Авраамови: «Аще обрящу в содомлянех 50 правеникъ, не погублю всего града того, 50 дѣля праведникъ». И паки поклонився Авраамъ Богови и рече: «Аще обрящется в содомѣхъ 30 праведникъ, не помилуеши ли всего града того?» И рече Господь Богъ Аврааму: «Аще обрящется 30 праведникъ в содомѣх, не погублю всего града того». И поклонився Авраамъ Господеви, и рече: «Многомилостиве и тръпеливе о беззаконіих наших Господи! Да не прогнѣваеши на мя, раба твоего, и възглаголю еще единою: аще обрящется в содомѣх 15 праведник, не помилуеши ли, Господи, всего града того, 15 ради праведникъ?» И рече Господь Богъ къ Авраамови: «Аще обрящется в содомѣх 15 праведник, не погублю всего града того 15 дѣля праведник, ни 5 ради праведник, не погублю всего града того». И умолче Авраам, и не приложи к тому глаголати ничтоже. С тоя же горы посла Святаа Троица два аггела в Содом, да изведутъ Лота сыновьца Авраамова.¹⁶¹ Ту, на томъ мѣстѣ, тогда Авраамъ жертву принесе Богови пшеницею, всыпавъ на огонь; и тѣмъ зоветься мѣсто Жертва Авраамова. И есть мѣсто то высоко велми, и видѣти есть оттуда всю ту Хананѣйскую.

И отъ Жертвы Авраамовы до дебри Грезновы верста едина, а от дебри Грезновы до гумна Анататова верьста 1.

О ГРОБѢ ЛОТОВѢ, ИЖЕ ВЪ СИГОРѢ

А оттуда до Сигора есть двѣ верстѣ. И ту есть гробъ Лотовъ и обою дщерю его 2 гроба еста. И в той же горѣ пещера велика, и в ту пещеру въбѣгль Лоть со дщерма своима. Ту есть градищо близъ первых людий, и был на горѣ той высокъ, и то зоветься Сигоръ.

А оттуда есть верьсты вдальѣ мѣсто на възгории, к полуднию лицъ от Сигора, и ту стоитъ жена Лотова столпом каменым. А от Жены Лотовы до Содома есть двѣ верстѣ.¹⁶² И то все видѣхом очима своима, а ногама своима не могохомъ дойти до Содомскаго мѣста, боязни ради поганных. И не даша ны

ити тамо правовѣрнии чловѣци, рекоша ны тако: «Ничтоже вы тамо видѣти добра, но токмо муку, и смрад исходитъ оттуду. И болѣти ти будет, рѣша ны, от смрада того злаго». Да ту ся възвратихомъ опять къ Святому Аврааму и, благодатию Божию съблюдаеми, проидохомъ по здраву в Сугубую пещеру, в градок, и ту поклонихся святымъ мѣстомъ всѣмъ, и почихом ту два дни. Благодатию Божию обрѣтохомъ добру дружину многу, идущу въ Иерусалимъ; и ту пристахом мы к нимъ, и идохомъ с радостию с ними безъ боязни, и доиддохомъ по здраву святаго града Иерусалима, и похвалихомъ Бога, сподобившаго нас недостойных видети святаа та мѣста, и неизреченнаа, и не сказаннаа.

И есть на полудне лицъ отъ Вифлеема монастырь святаго Харитона, на той же рецѣ Афамьстѣй; и есть близъ моря Содомьскаго в горах каменных, и пустыни около его. Гроздно и безводно есть мѣсто то, и сухо. Есть под ним дебрь камена и страшна зѣло. Около был весь градом одѣланъ, посрѣдѣ же града того есть 2 церкви, в велицѣй есть церкви гробъ святаго Харитона.¹⁶³ Внѣ же есть града усыпальница, создана гораздо, и в той усыпальници лежат святии отци, телесы яко живи; и лежит ихъ ту болѣ 7-сот. Ту лежит святой Кириякъ Исповѣдник¹⁶⁴ тѣломъ весь цѣль; ту лежита Ксенофонтова сына, Иоаннъ и Аркадие,¹⁶⁵ и благоухание чюдно от них исходит. И ту поклонихомся на мѣстѣ томъ святомъ, и взидохомъ я на гору на угъ лицъ, от монастыря того верста едина вдаль.

И ту мѣсто есть равно на нивѣ, и на томъ мѣстѣ всхищенъ бысть пророкъ Аввакум, идущу ему на поле к женцемъ съ брашномъ и с водою. И несе его аггелъ в Вавилон к Данилову пророку в ровъ; и ту накормивъ Данила и напоивъ, и паки всхищенъ бысть аггеломъ; в то же часъ в томъ же дни паки опять бысть на томъ же мѣстѣ у жнецъ и дасть имъ обѣд.¹⁶⁶ И нынѣ есть на мѣстѣ томъ аки теремецъ созданъ, знаменія ради. Есть же Вавилон оттуду вдале 40 дний.

И от того мѣста близъ церкви велика, клѣтски создана, во имя святыхъ пророкъ. И ту есть исподи подъ церковью тою пещера велика, и в той пещерѣ лежита 12 пророка въ трехъ

раках: Аввакум, Наумъ, Михей, Иезекий, Авдий, Захария, Иезекия, Измаил, Савеиль, Варухъ, Амос и Осий.¹⁶⁷

И ту есть близъ на горѣ село велико велми, и сѣдят в немъ срацини мнози, и христиане суть же ту, въ селѣ томъ, мнози. И то село есть святыхъ пророкъ: ту ся суть родили святии пророци, и то их есть отчина село то. И ту лежахом ночь едину в селѣ томъ, Божию благодатию храними. И почестиша ны добрѣ в селѣ томъ христиане. И ту опочивше добрѣ ночь ту и заутра вставше рано, идохом к Вифлеему. Старѣйшина бо срациньский сам со оружиемъ проводи ны оне до Вифлеема, и та мѣста вся тоже ны проводил. А лапъ не дойти до тѣхъ мѣстъ поганыхъ ради: туда бо ходять мнози срацини и разбиваютъ в горахъ тѣхъ. И доидохом по здраву о святаго града Вифлеема, и ту поклонихомся Рождеству Христову и, ту почише, идохомъ с радостию въ святыи град Иерусалимъ.

ИДѢЖЕ УБИ ДАВЫДЪ ГОЛИАФА

И есть ту мѣсто близъ Иерусалима, на востокъ лицъ отъ столпа Давыдова яко дострѣлить, и на томъ мѣстѣ уби Давыдъ Голияда.¹⁶⁸ И есть мѣсто подобно близъ истерны, и ту есть нынѣ нива добра.

И оттуда дострѣла есть вдалеке до пещеры, и в той пещерѣ лежатъ мощи многихъ святыхъ мученик, избивенныхъ въ Иерусалимѣ во царство Ираклиево; и зовется мѣсто то Агаиа Мамила.¹⁶⁹

ИДѢЖЕ ВЗРАСТЕ ЧЕСТНОЕ ДРЕВО

И от того мѣста до Честнаго Креста есть врьста едина; и есть мѣсто за горою, на западъ лицъ отъ Иерусалима, и на томъ мѣстѣ посѣченъ есть подножекъ Христовъ, на немъ же пригвоздиша пречистиѣ нозѣ Господа нашего Иуса Христа. И есть мѣсто то градомъ одѣлано, и посреде града того создана есть церкви велика вверхъ во имя Честнаго Креста, исписана есть добрѣ вся. И подъ великимъ олтаремъ, подъ трапезою глубоко, и есть пень древа того честнаго. И утвержено есть велми, и покрыто есть надъ пнемъ тѣмъ дѣсками мрамора бѣлаго. И оконце продѣлано противу древу тому, и есть кругло. И то есть монастырь Ивѣрьскый.

О ДОМУ ЗАРЬИНѢ

И от того монастыря до дому Захариина суть версты 4, и есть мѣсто то под горою, к западу лицъ от Иерусалима. В тот домъ Захариинъ прииде Святаа Богородица в подгорие къ Иелисавефи и цѣлова Иелисавефъ. И бысть, яко услыша Иелисавефъ цѣлованье Марьино, и възграся младенецъ, радущами въ утробѣ ея, и рече Иелисавефъ: «Откуда се прииде ко мнѣ мати Господа моего? Благословена еси в женах, и благословенъ плод утробы твоея».¹⁷⁰ В том же дому Иоаннъ Предтеча родился есть. И есть нынѣ на мѣстѣ том создана была церквы вверху. Идуще въ церковь ту, на лѣвѣй руцѣ под малым олтарем есть пещерка мала, и в той пещерѣ родился Иоаннъ Предтеча. И есть мѣсто то было одѣлано градом каменым все.

О ГОРѢ, ИДЕЖЕ БѢЖА ЕЛИСАВЕФЪ СЪ ПРЕДТЕЧЕЮ

А оттуда есть полъверсты чресъ дебрь горы, въ нюже гору прибѣже Иелисавефъ и рече: «Горо, прими матеръ с чадомъ!» И абие разступися гора и пріяте ю. Слуги же Иродовы, иже гна вслѣд ея, пришедшие до мѣста того, не обрѣтоша ничтоже и возвратишася томлены. И есть мѣсто то знати на камени томъ и до нынѣшняго дне. И есть над мѣстом тѣм нынѣ создана церквыца мала; исподи под церквыцею тою пещерка мала, и церквыца другая пред пещеркою тою приздана. Ис тоя пещеры исходитъ вода добра зѣло, и ту воду пила святаа Иелисавефъ, съ Иоанномъ ту сущи, в горѣ той; ту бо есть была до умертвия Иродова, аггель бо ю набдяше в горѣ той. И есть же гора та велика велми и лѣсъ по ней есть многъ, и около ея дебри суть многи. И есть на запад от Иерусалима; имя мѣсту тому – Орини.¹⁷¹ В ту же гору вбѣгль Давыдъ пророкъ изъ Иерусалима, от Саула царя.¹⁷²

О РАМѢ

А от тоя горы къ западу лицъ есть двѣ верьстѣ до Рама, и о той Рамѣ пророкъ Иеремѣя глаголетъ: «Глас в Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыдание во ушю ею, Рахиль плачущюся чад своих и не хотяше утѣшиться, яко не суть».¹⁷³ И есть Рама та дебрь велика, и по дебри той сѣдѣла села многа. И та земля вся около дебри тоа нынѣ зовется Рама, и то есть область

Вифлеемская. И ту Ирод царь посла воя своа в Раму избить святых младенецъ.¹⁷⁴

А ЕЛЬМАУСЪ

А от Рамы к западу лицъ суть версты 4 до Ельмауса, и ту Христос въ 3-тий день по въскресении явися Луцѣ и Клеопѣ, идущима има от Иерусалима на село, и ту познася има Христос в преломлении хлѣба.¹⁷⁵ И есть ту было село то велико. На мѣстѣ же томъ была церкви создана. Нынѣ же есть разорено все от поганых, и село то есть Ельмаусъ пустъ. И есть сторонъ пути того за горою было то, на правой руцѣ, тамо идуще от Иерусалима къ Яфу.

О ЛИДДѢ

А от Елмауса до Лидды суть 4 версты. По полю все дойти Лидды. И ту есть был град великъ велми, имя ему Лидда, нынѣ же зовется Рамбилий. И в той Лиддѣ Петръ исцѣлилъ есть Ению, на одрѣ лежаща.¹⁷⁶

О ОПИИ

А от Лидды до Опии есть версть 10, все по полю ити. В том градѣ во Опии святой Петръ апостоль Тавифу въскресиль.¹⁷⁷ В том же градѣ постившю Петру на горници въ 9 час, видѣ плащаницю с небеси сходящу, на 4 краи повръжено; и пришедшю до него, и възрѣвъ Петръ, и видѣвъ плащаницю ту исполнь сущу четвероногих и всякого гада. И рече ему гласъ с небеси: «Петре, вставъ, заколи и яжь!» И рече Петръ: «Господи, николиже скверно и нечисто вниде въ уста моя». — И рече ему глас с небеси: «Еже Богъ очистилъ, ты не оскверняй». ¹⁷⁸ И на том мѣстѣ нынѣ церкви создана во имя святого Петра. Есть же гряд-от Опия у моря близъ, и приходит море к стѣнам его. И тако нынѣ зовется град-от Яфѣ фряжьскиинѣм языкомъ. А от Яфа до Тарсуфа есть версть 6.

О КЕСАРИИ ФИЛИПОВЪ

А от Тарсуфа до Кесария Филиповы суть версты 24, все подлѣ море ити. В той же Кесарии святой Петръ апостоль крестиль Корнилия.¹⁷⁹ Ту же есть близъ гора, двою версту вдалье от града того на полудне лицъ, и в той горѣ жилъ отецъ Маркиянъ,¹⁸⁰ к нему же прииде жена блудница искусить его.

О КАПЕРНАУМѢ

А от Кесариа Филиповы до Капернаума града есть версть 8. И есть Капернаумъ был град велик велми, и людий множество в немъ было, нынѣ же есть пустъ град-от. И есть близъ моря Великаго. И о том Капернаумѣ глаголет пророкъ: «О, горе тебѣ Капернаумѣ! Възнеслѣся еси до небесъ и до ада снидеши». ¹⁸¹ Ис того бо града изити хотяшетъ антихристъ. ¹⁸² Да того ради нынѣ фрязи отпустили суть весь град-от Капернаумъ.

О ГОРѢ КАРЛИНЬСТѢЙ

А от Капернаума до Кармилъския горы есть верст 6. И в той горѣ святой пророкъ Илиа жилъ есть в пещерѣ, и той враном бысть прекормленъ Илиа пророкъ. На той же горѣ жеръци Вавиловы исклалъ ножом и рече Илиа: «Ревнуя, поревновах по Господи Бозѣ моем». ¹⁸³ И есть гора та Кармилъскаа высока велми, и море Великое близъ горы тоя, яко версты вдаль. От горы Кармилъския до града до Кифы есть верста едина.

О АКРѢ ГРАДѢ

А отъ Кифы до Акры есть версть 15. И есть градъ тѣ Акра великъ велми и твердъ зданиемъ, и лимень добръ под градом тѣмъ есть. И то градъ есть срацинъскій, нынѣ же фрязи держат. А от Акры до Тирова града есть версть 10, а от Тира до Сидона есть версть 10. И ту есть близъ село Сареффа Сидонъскаа; в том селѣ Илиа пророкъ въскресилъ сына вдовича. ¹⁸⁴

О ВИРИТѢ ГРАДѢ

И от Сидона до Вирита града ¹⁸⁵ есть верст 15. В том градѣ жидове прободоша образъ Христовъ копиемъ, изиде кровь и вода; и тогда мнози вѣроваша и крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И в от же градъ Вирит Ксенофонта сына Иоаннъ и Аркадіе пошѣла бяста учить философии. ¹⁸⁶ А отъ Рита до Зевеля 20 версть; а от Зевеля до Триполя 40 версть; а от Триполя до рѣки Судии 60 версть.

О ВЕЛИЦѢ АНТИОХИИ

На той бо рѣцѣ есть Антиохія Великаа. И есть от моря подале Антиохіев градъ 8 версть. Вдаль Адекия ¹⁸⁷ 100 версть, таже Малаа Антиохія, таже Каниноросъ, таже Мавроноросъ, таже Сатилия градок, таже Хидонія островецъ малъ. И ти вси гради суть подлѣ море, да тѣ грады вси минухомъ по морю, не

приставающе, и приидохомъ близъ къ градомъ тѣмъ; боязни ради ратных не пристахомъ в Хилидонии. И оттуда идохомъ в Мира, таже к Патеру граду; и у того града срътоша нъ хусареве въ 4-хъ галиахъ, и яша ны, и излупиша всѣх. А оттуда дидохомъ къ Царюграду, и доидохом по здраву Царяграда.

О ГАЛИЛЕИ И О МОРИ ТИВИРИАДЬСТѢМ

И есть путь от Иерусалима в Галилею к Тивериадскому морю, и к Фаорьстѣй горѣ, и к Назарефу. Та бо земля около Тивериадскаго моря вся зовется Галилея, и есть земля та от Иерусалима на лѣтний вѣстокъ лицъ. И есть Тивериада град 4 дний вдаль от Иерусалима пѣшему человѣку ити, и есть путь страшен сельми и тяжекъ зѣло; в горах каменных ити 3 дни, а четвертый день подлѣ Иорданъ по полю ити все къ всходу лицъ, оне до верха Иорданова, отнюдуже поиде Иордан рѣка.

И пригоди ми Богъ пут-ет исходити тако: поиде бо князь Иерусалимский Балдвинъ¹⁸⁸ на войну к Дамаску путем тѣм к Тивирьядскому морю, туда бо есть путь к Дамаску мимо Тивериадское море. То азъ увѣдах, оже хоцетъ князь путем тѣмъ к Тивериадѣ, идохъ ко князю тому, и поклонихся ему, и рекох: «И азъ бых хотѣл поити с тобою к Тивериадскому морю, да бых походил святаа та мѣста вся около Тивериадскаго моря. Да Бога дѣля поими мя, княже!» Тогда князь-етъ с радостию повелѣ ми поити с собою и приряди мя къ отрокомъ своим. Тогда азъ с радостию великою наях под ся. И тако проидоходомъ мѣста та страшная с вои царьскими бе-страха и без пакости. А без вои путемъ тѣмъ никтоже может проити, но токмо святаа Елена путем тѣм ходила, а инъ никтоже.

Да се есть путь к Тивериадѣ: а от Иерусалима до кладязя святаа Богородица верстъ 10; а от кладязя того до Гельвуньских горъ суть версты 4. И на тѣх горах Гелвуньских убиенъ бысть Саулъ, царь иудѣйский, и сынъ его Анафанъ ту же убиенъ бысть.¹⁸⁹ И суть же горы велики, камены сухи, безводны, нѣсть бо росы на них никогдаже.¹⁹⁰ А горъ тѣх до кладязя Давыдова есть верстъ двѣ; а от кладязя того до пещеры Давыдовы суть версты 4. В той пещерѣ дал бѣше Богъ Саула царя в руцѣ Давыдови, и не уби его, оному спящу, но урѣза скуть окройница его и взя мечъ его и покровъ ручной.¹⁹¹ А

от тѣх горъ до Сихемских горъ и до рова Иосифова суть версты 4. И на тѣх горах сынове Ияковли пасяху стада отца своего Иякова; та тѣ горы прииде Иосифъ Прекрасный къ брати своей, от отца своего посланъ к ним, нося им миръ и благословение от отца своего Иякова. Они же, видѣвше брата своего Иосифа, вставше и яша и, и ввергоша ѿ в ровъ,¹⁹² иже и до днешняго дне есть ров-отъ, яко и стѣна глубока создана камением великим, и твердъ велми. И ту угоди ны ся ночьлѣгъ лежати на мѣстѣ том. Есть бо мѣсто то близъ пути людскаго, на правой руцѣ, тамо идучи.

О КЛАДЯЗИ ИАКОВЛИ

И оттуда до вси Иосифовы, иже нарицаются Сихарь, есть версть 10. И ту есть кладязь Ияковль, глубока и велика, и вода студена зѣло и сладка. И у того кладязя Христос бесѣдовал с женою самарянынею.¹⁹³ И ту лежахом ночьлѣгъ.

О САМАРИИ

И ту есть близъ град Самариа яко полверсты вдале от кладязя того. Град же Самариа велика есть велми и обилена есть всѣм добром. Град-от Самариа стоитъ межи двѣма горама высокими, источници воднии мнози студени посреде града того текуть красно. И дресва овощная безчисла ту суть всяка: смокви, орѣшии и рожци, масличие, яко дубравы, яко лѣси суть по всей земли той окоо Самариа. По краемъ нивы многоплодовиты суть по полем тѣмъ. И есть земля та около Самариа красна и чюдна зѣло. И есть мѣсто то обилно всѣм добром: маслом и вином, пшеницею и овощемъ. И просто рещ, оттуда есть живъ Иерусалимъ всѣмъ добром. И тѣ нынѣ град Самарийский зовется Неаполи. А оттуда есть мѣсто, двою версту к западу лицъ от града Самариа, имя мѣсто тому Севатополи; и есть ту градокъ малъ созданъ, и то есть темница святаго Иоанна Крестителя Христова; и в той темници усѣченъ Иоаннъ Предтеча Христовъ от Ирода царя.¹⁹⁴ И ту есть гробъ святаго Иоанна Предтеча, и есть на мѣстѣ том церковь создана добра во имя Предтеча Иоанна. И есть нынѣ ту монастырь фряжский, богат зѣло.

О АРИМАФЕИ ГРАДЪ

А оттуда есть 4 версты до Аримафѣя. И ту есть гробъ святаго Иосифа и святаго Малелеиля.¹⁹⁵ И есть мѣсто к западу лицъ от Самариа в горах. Есть градок мал созданъ над мѣстом; церкви добра клѣтски создана над гробом святаго Иосифа. И то ся мѣсто зоветъ Аримафѣй. А от Самариа путь есть к Тивириадьскому морю на востокъ лицъ на лѣтний.

О ГРАДѢ ВАСАНЬСТѢ

И есть от Самариа до Васана града версть 30. В том градѣ Васаньстѣ Огъ, царь Васаньский, был, егоже уби Исус Навгинъ у Иерихона.¹⁹⁶ И есть мѣсто то страшно и гроздно велми. Исходит из градища того Васаньскаго 7 рѣкъ, и стоитъ тростие велико по рѣкам тѣм, и финици мнози стоятъ висоци по градшу тому, яко лѣсъ частый. И есть мѣсто то страшно и неудобъ проходно: ту бо живутъ срацини силнии погании и биятъ на рѣках тѣхъ на бродѣхъ. И лвовѣ мнози ту ся ражаютъ. И есть бо мѣсто то близъ Иордана рѣки и болоние велико прилежить от Иордана къ градищу тому Васаньскому. И ты рѣки текутъ от Васана въ Иорданъ; да тѣм лвовѣ мнози суть въ мѣстѣ том.

И ту есть близъ под градомъ тѣм къ востоку лицъ пещера дивна крестным образом уродилася. Ис тоя пещеры исходит источник; и есть ту купѣль чюдна, сама уродилася и яко создана от Бога. В той купѣли самъ Христос купался съ ученики своими. И есть знати до днешняго дне мѣсто то, идеже Христос сѣдѣл на камени. Ту купахомся и мы грѣшнии недостойнии. Въ том же градѣ Васаньстѣмъ жидове искаху Христа, показаша ему кинись, и рекоша: «Достит ли данъ дати или ни?» Рече же имъ: «Чий есть образ и написание? Въздадите кесарева кесареви, а Божиа Богови». И рече Христос, обращъся къ Петру: «Иди верзи удицу в море; юже преже имеши рыбу, разверзи уста ея, изми статиръ и вдай за мя и за ся».¹⁹⁷ У того же града Васана Христос ицѣли два слѣпца, иже зваста въслѣд его идуща.¹⁹⁸

О ИОРДАНѢ РѢЦѢ

А от Васана до врѣха Иорданова и до Мытници Матфѣевы¹⁹⁹ есть версть 20; и есть пу-тет все по полю ити подлѣ Иордан, пиюще Иорданову воду,— сладка зѣло и чиста,— все къ восходу лицъ ити отли до верха Иорданова. Иордан же поиде из моря Тивириадьскаго,²⁰⁰ от двою источнику кипит зѣло

чюдно. Имя источнику единому Иоръ, а другому имя источнику Данъ. И оттуда поиде Иордан двѣма рѣками из моря Тивириадьскаго. И еста подалѣ себе, яко трижды перестрѣлить межи има. И поидета рѣцѣ тѣ разнѣ себѣ мало яко полверсты вдалѣе, и потомъ сонметася обѣ рѣцѣ въ едину рѣку, и то ся зоветъ Иордан – по имени двою источнику. Течеть же Иорданъ быстро и чисто водою, и лукаряво велми. И есть всѣм подобенъ Сновѣ рецѣ, в ширѣ и в глубину, и болонием подобенъ есть Иорданъ Сновѣ рѣцѣ. И рыбы многи суть на верху его зѣло. И есть на самомъ верху Иордановѣ, на обою потоку, еста 2 моста камена, создана на комарах твердо велми, и под та моста течеть Иорданъ сквозѣ комары мосту тою.

О МЫТНИ МАТФЕОВѢ

От тою мосту близъ была мытница Матѣфиева, апостола Христова; ту бо ся сходятъ путѣе вси черсъ Иорданъ к Дамаску и в Месопотамию. И ту, в тою мѣсту, ста обѣдати князь Балдвинъ с вои своими. Ту же и мы стахом с нимъ у самова верха Иорданова, купахомся на самом версѣ Иордановѣ в мори Тивириадѣстѣмъ. И походихомъ тогда около Тивириадьскаго моря бе-страха и без боязни вся та святаа мѣста. Кудаже Христос Богъ нашъ походил своимъ ногама, ту же и мене худаго и грѣшнаго сподоби Бог походить и видѣти всю ту землю Галилѣйскую. Его же не надѣяхомся николиже видѣти, то же ми показа Богъ видѣти и обиходити ногама своимъ недостойнымъ. И видѣхъ очима своимъ грѣшнымъ всю ту землю святую и желанную. Не ложно, по истинѣ, яко видѣхъ, тако и написах о мѣстѣхъ святыхъ. Мнози друзии, доходивше мѣстѣ сих, не могоша испытати добрѣ, блзняются о мѣстѣхъ сих, а инии, не доходивше мѣстѣ сих, лжють много и блядуть. Мнѣ же худому Богъ показа мужа свята и стара деньми, и книжна велми, и духовна, живша в Галилеи лѣтъ 30, а у святаго Савы въ лаврѣ живша лѣтъ 20, и тый ми мужъ указа все по истинѣ, от святыхъ книгъ испытавъ добрѣ. Да что въздасть мнѣ грѣшному толико добра видѣти?

И ту стояхом у мосту тою весь день тѣ, и к вечеру князь Балдвинъ поиде за Иордан к Дамаску с вои своими. Мы же идехомъ в град Тивириадьскый и ту пребыхом 10 дний въ градѣ

том, Дѡндеже прииде князь Балѣдвинъ с войны тоа от Дамаска. Мы же дотолѣ походихом во вся мѣста та святаа около Тивериадскаго моря.

О МОРИ ТИВИРИАДСТѢМ

Тивериадское есть море обиходичаво яко озеро, и вода его сладка зѣло, и нѣсть сыти, пьюще воду ту. По длѣ же есть 50 верстѣ, а въ преки 20 верстѣ. Рыбы же в нем много зѣло, и ту есть рыба едина, дивна и чюдна зѣло, и ту рыбу Христос любил ясти; и есть сладка въ ядь рыба та паче всякая рыбы, образом же есть яко коропичь. И яхъ сам рыбу ту многажды, ту буда въ градѣ. Ту же рыбу по въскресении Христос ялъ есть, егда прииде къ, учеником своим, лвъщим имъ; и рече: «Дѣти, имате ли что снѣдно?» Они же рекоша: «Ни». И рече имъ: «Верзите одесную страну мрежа».²⁰¹

О ВЕРСѢ ИОРДАНОВѢ

И есть от верха Иорданова и от мосту тою до бани Христовы и до бани Святыя Богородица, и до бани Апостольския²⁰² верстѣ 6, а от бани святыхъ до града Тивериады есть верста едина.

И есть был град Тивериада великъ велми: двѣ верстѣ вдалѣе, а вширѣ версты. И есть подале море Тивериадское. В том градѣ многа чюдеса створих Христос Богъ нашъ: ту бо есть мѣсто посреде града того, идѣже Христос прокаженаго очисти;²⁰³ ту есть был домъ тещи Петровы, апостола; и ту Христос вниде в дом тый и цѣли от болѣзни огньныя тещу Петрову.²⁰⁴ И ту на том мѣстѣ церкви создана во имя апостола Петра, круга образом. Ту есть и домъ Симона прокаженаго был, идеже блудница на вечери омочи слезами нозѣ пречистѣи Господа нашего Исуса Христа и власы своими отре и прия отпущение бе-щисленных грѣх.²⁰⁵ И в том же градѣ и слую жену ицѣли.²⁰⁶ Ту же есть было сотниче чюдо. Ту же одръ свѣсиша с больным отроком, покровъ прокопавше.²⁰⁷ Ту же Ханаоныю помилова.²⁰⁸ Ту есть пещера, и вода в ней сладка зѣло, и студена, в ту же пещеру Христос вбѣглъ, егда хотѣша и царя поставити в Галилеи.²⁰⁹ И ина чюдеса многа Христос створи въ градѣ том. В том градѣ есть гробъ Елиѣя пророка, сына Асафатова.²¹⁰ Ту же есть близъ при пути гробъ Исуса

Навгина.²¹¹ И есть ту камень великъ у моря близъ, къ стоку лицъ, от града вдалье дострѣла; и на том камени стоялъ Христос, и ту учил народы, иже бѣше пришли к нему от помория Тирьскаго и Сидоньскаго, и Декаполя, и от всея Галилея; и оттуда отпусти народы и ученики своя, идоша на ону страну моря в коряблих; и сам Исус ту оста и послѣди оттуда предие по морю, яко по суху ходивъ ногама своима, и бысть об онъ полъ моря пред народом. Они же, пришедше, обрѣтоша Исуса, тамо ходяща, и глаголаша: «Учителю, когда сѣмо прииде?» Он же рече им: «От Бога вся возможна суть, а от чловѣкъ невозможна».²¹² Есть версть 10 от Тивириады до того мѣста по морю. И есть мѣсто на пригории вдалье от моря версты единой.

ИДЕЖЕ ХРИСТОС НАПИТА ПЯТЬ ТЫСЯЩЪ МУЖ

И есть мѣсто то равно и травно, и на том мѣстѣ Христос питал народы 5 тысящъ 5-ю хлѣбъ, кромѣ женъ и дѣтий, и остася кроховъ 12 коша.²¹³

ИДЕЖЕ ХРИСТОС ТРЕТЬЕЕ ЯВИСЯ УЧЕНИКОМ СВОИМ, ВСТА ОТ МЕРТВЫХ

И ту есть близъ мѣсто под горою моря того Тивириадскаго, и на том мѣстѣ явился Христос учеником своим по въскресении третее: и прииде Христос, и ста при езерѣ, рече: «Дѣти, имате ли что снѣдно?» Они же рекоша: «Ни». И рече имъ Исусъ: «Възверзите одесную страны мрежа, по глаголу моему, и обрящете». Они же въвергоша и ктому не можаху ея привлещи отъ множества рыбъ; извлекоша на сухо мрежу, полную великих рыбъ 100 и 50 и 3; и видѣша у мрежи огонь и хлѣбъ, и рыбу печену, и ту ядъ Христос, прочее дасть им. Ту создана есть церкви во имя Святыхъ Апостолъ. А оттуда есть близъ был домъ Марии Магдалины, ту ицѣли ю Христос от 7-ми бѣсовъ; и то ся мѣсто зоветъ Магдалия.²¹⁴

О ВИВСАИДѢ ГРАДА

А оттуда есть близъ в горѣ Вифсаида градок Андрѣев и Петров. И ту есть мѣсто, идеже приведе Нафанаила к Петрови и къ Андрѣю.²¹⁵

ИДЕЖЕ ХРИСТОС ПРИДЕ КО УЧЕНИКОМ, ЛОВЯЩИМ ИМЪ РЫБ

И ту есть мѣсто на мори, идеже прииде Христос к Зеведѣви и къ Андрѣви и к Петрови, они же влечаху мрежа и завязываху. И ту познаста Христа Андрей и Петръ, и ту остависта лодию и мрежа, идоста вслѣд Христа.²¹⁶ И ту сѣлъ был близъ моря Зеведѣва отца Иоаннова, и ту есть был домъ Богословца Иоанна. И ту Христосъ изгна чловѣка легион бѣсов, и повелѣ им влѣсти въ свиния, и ту истопаша свиния в мори.²¹⁷ И ту есть близъ село Капернаумъ.

А оттуда есть близъ рѣка велика, и та рѣка поиде изъ езера Генисаритскаго, и входитъ рѣка та в море Тивериадское. Езеро же Генесаритское велико вельми, 40 верстъ вширѣ, всямокачно кругло, рыбы в немъ множество есть. И ту есть близъ езера того градъ, имя ему Генисира; да потому ся тако зовет Генисаритское.

О ГРАДѢ ДЕКАПОЛИИ

И ту есть другой град велик зѣло, имя ему Декаполиий. И ту есть мѣсто равно близъ езера того, и на том мѣстѣ Исус стояше, уча народы, пришедша от Декаполя и помория Тирьскаго и Сидоньскаго, о томъ бо мѣстѣ въ Еуангелии глаголет. И ина многа чюдеса створи Исус около езера того.

О ГОРѢ ЛИВАНСТѢЙ

И ту есть об онъ пол езера того, на лѣтний встокъ лицъ, гора висока велми и велика зѣло, и снѣзи на ней лежат чрес лѣто; имя горѣ той Ливан. На той горѣ ражается ливанъ и темианъ былый.²¹⁸ И с тоя бо горы Ливаньскыя идета 12 рѣцѣ велицѣ; и идетъ 6 рѣкъ къ востоку лицъ, а 6 рѣкъ на угъ лицъ. И входят рѣкы ты въ езеро Генисаритское. А 6 рѣкъ идут к Велицѣй Антиохии. Да то ся мѣсто зоветъ Месопотамия, еже есть Сердорѣчие. И ту есть межю тѣми рѣками Харъранъ, отнюдуже изиде Авраамъ.²¹⁹ От тѣх рекъ наполняется езеро Генисаритское вод многъ. А ис того езера идетъ рѣка велика в море Тивериадское, и умножается вода тою водою в мори Тивериадстѣмъ. А из моря того идетъ Иордан. Якоже и прежде сказахъ о Иорданѣ, то тако постинѣ есть.

Горы же тоя Ливаньскыя не могох дойти ногами своими страха ради поганных, но сказаша ны добрѣ о горѣ той иже водяху ны християне, живущии тамо; и не даша ны тамо ити к

горѣ той Ливаньстѣй, много бо поганыхъ ту живутъ в горѣ той. Но токмо очима своима видѣли есмы гору ту и та мѣста около езера того Генисаритскаго. И есть же близъ езера того от Тивириадскаго моря, яко двою версту межи вдалѣе, есть на лѣтний встокъ лицъ отъ Тивириады езеро Генисаритское.

О ФАВОРСТѢЙ ГОРѢ

Фаворская же гора и Назаретъ от Тивириадскаго моря на западъ лицъ, 8 верстъ великихъ до Фаворския горы ити: токмо едину гору взити, а другую малу гору възлѣсти, а ино все по полю ити, оли до Фаворския горы ити. Фаворская же гора чудно и дивно, и несказанно, и красно уродилася есть; от Бога поставлено есть красно и высоко велми и велика; и есть посреди поля того красного, якоже стогъ круголъ; гора та уродилася есть красно. И есть кромѣ всѣхъ горъ подале. И течетъ рѣка подлѣ гору ту по полю долѣ. И есть по всей горѣ Фаворстѣ росло древо всякое: смоковь, рожьци и масличие много зѣло. Вышши же есть Фаворская гора всѣхъ, сущи окрестъ ея, и есть уединена кромѣ всѣхъ горъ, и стоитъ посреди поля красно зѣло, яко стогъ будетъ гораздо здѣлан, кругло и высоко велми и великъ ободомъ. Възвыше есть якоже можетъ 4-жды с нея стрѣлити; а еже горѣ на ню, то ни осмижды не можетъ на ню въстрѣлити. Есть гора та вся камена, лѣсти же на ню трудно и бѣдно велми по камению, луками на ню лѣсти. Путь тяжекъ велми; едва бо на ню възлѣзохомъ: от 3-го часа до 9-го часа, борзо идуще, едва взидохомъ на самый връхъ горы тоя святыа. И есть же на самомъ връхѣ горы тоя мѣсто высоко ко востоку лицъ къ зимнему, аки горка камена мала островерха; и на томъ мѣстѣ преобразилъ есть Христосъ²²⁰ Богъ нашъ. И ту есть церкви добра создана на мѣстѣ томъ во имя Преображения, а другаа, во имя святыхъ пророкъ Моисия и Илии,²²¹ подалъ того мѣста есть создана церкви на сѣверѣ лицъ отъ Преображения.

О МѢСТѢ, ИДѢЖЕ ХРИСТОСЪ ПРЕОБРАЗИЛСЯ

Мѣсто же то святаго Преображения одѣлано есть около градомъ каменымъ твердо, врата же иматъ желѣзна градъ-отъ. И то есть прѣвѣе было епископия, нынѣ же есть монастырь латыньскій. И есть предъ градомъ тѣмъ полце красно уродилося на верхѣ горы тоя. То есть чудно и дивно Божие устройство, еже

есть на толь висоцѣ, иже водѣ быти ту; много бо воды есть на горѣ той на самом врьсѣ. То и нивы суть, и виногради добри, и дрeвеса овощнаа многа суть по горѣ той. И видѣти с нея далече вельми.

В ПЕЩЕРѢ МЕЛХИСЕДЕКОВѢ

Ту есть на той же горѣ Фаворстѣй пещера чюдна зѣло на равнѣ. Тако есть, яко погребецъ малъ въ камени иссѣченъ. И оконце мало было на версѣ пещеры тоя святыя. Трапеза создана днѣ в пещерѣ той на востокъ лицѣ; дверци имат малы, слѣсти же в пещеру ту по степенемъ от запада лицѣ. И предверми же пещеркы тоя стоятъ смоковици малы; около ея стоятъ дрeвца мала всякаа. Пръвое же был лѣсъ велик ту около пещеры тоя, нынѣ же мала и худа дрeвца суть ту. И в той пещерици жилъ святыи Мелхиседекъ, и ту прииде к нему Авраам и возва 3-жды, и рече: «Человѣче Божий!» Изиде Милхиседек, и изнесе хлѣбъ и вино, и созда жрътовник ту въ пещерѣ той, створи жертву хлѣбом и вином, и абие взятся жертва на небеса к Богу. И ту благослови Мелхиседекъ Авраама, и остриже и Авраам, и обрѣза нокти его, и бѣ бо космать Мелхиседек. И то бысть начатокъ литургиам хлѣбом и вином,²²² а не опрѣсноком.²²³ О том пророкъ глаголетъ: «Ты еси иерѣй в вѣкы по чину Мелхиседекову».²²⁴ И есть пещерка та вдалѣ от Преображения, яко дострѣлить добрѣ, и есть къ западу лицѣ мѣсто то святое.

И ту почѣстиша ны добрѣ в монастыри том у святого Преображенья, и ту обѣдахом. И опочивше добрѣ, и вставше, идохомъ въ церковь святаго Преображения, и поклонихомся на мѣстѣ святѣмъ, идеже преобразися Христос Богъ нашъ, и облобызавше мѣсто то святое с любовию и радостию великою, и взявше благословение от игумена и от всее братии, изидохом из монастыря того святого, и обиходивше вся мѣста святаа по всей горѣ той святѣй. Туда бо путь есть мимо пещеру ту Мелхиседекову к Назарeфу. Назарeфъ есть на запад лицѣ от Фавора. И второе паки любовию влѣзохом в пещеру ту святую и поклонихомся святѣй той трапезѣ, юже создалъ Мелхиседекъ со Авраамом. И есть до дняшняго дне трапеза та в пещерѣ той. И нынѣ приходитъ ту святыи Мелхиседекъ часто и литургисает в

пещерѣ той святѣй, и почиваютъ вси вѣрнии, иже ту живутъ, в горѣ той святѣ. Ти же ми повѣдаша о томъ поистинѣ. И похвалихомъ Бога, сподоблешаго насъ, худыхъ и недостойныхъ, видѣти та святаа мѣста и облобызати устнами недостойными.

И прочее снидохомъ с горы Фаворски долъ на поля и идохомъ по полю двѣ верстѣ к Назарету на западъ лицъ. И есть от Фарскихъ горы до Назарета 15 верстѣ великихъ; по полю двѣ верстѣ, а 3 в горахъ; путь тяжекъ велми и тѣсенъ, зѣло непроходенъ: туды бо погании срацини мнози сѣдятъ в горахъ тѣхъ, и по полю тому села суть многа срациньскаа, и ти бьютъ, выходяще из селъ тѣхъ, в горѣ той страшной. И бѣдно ми ити в малѣ путемъ тѣмъ. Но ли со мною дружиною, то тако можетъ проити путемъ тѣмъ безъ страха; намъ же не пригодишася дружина, но сами едины тако, толко 8 насъ, и то же худа и безъ оружия, на Бога надѣющеся, проидохомъ. Божию благодѣтию храними и молитвами святыми Владычица наша Богородица сблюдаема, безъ пакости по здраву доидохомъ святаго града Назрета, идѣже бысть святое благовѣщение святѣй госпожи Богородици отъ ангела Гавриила.²²⁵ Ту же и Христосъ вскормленъ бысть.

О ГРАДѢ НАЗАРЕТѢ

Назаретъ же градокъ малъ есть в горахъ на удаленѣ мѣстѣ, да оны надшедъ надъ оны то же узрѣти. И посреде градка того церкви создана велика вверху о трехъ олтарехъ. И, влѣзучи в церковь ту, на лѣвѣй руцѣ есть яко пещерка мала глубока предъ малымъ олтарцемъ. Имать же двери малы двои пещера та: едины дверцы отъ запада, а други дверцы къ востоку лицъ. Слѣсти по степенемъ въ пещеру ту и во обоихъ дверцахъ тѣхъ. Влѣзучи в пещеру ту западными дверми, на правой руцѣ есть келія создана, дверцы малы имущи; и в той келии жила святаа Богородица со Христомъ, ту вскормленъ бысть Христосъ, в святой той храмини; и ту ложица его, идеже лежалъ Исусъ, ту в келии той. Ложицею тако низко на земли создано.

О ГРОБѢ ИОСИФА ОБРУЧНИКА

В той же пещерѣ, западными дверми влѣзучи, на лѣвѣй руцѣ есть гробъ святаго Иосифа, обручника Мариина. Ту его Христосъ самъ погребъ своими руками пречистыми. Исходитъ у

гроба его от стѣны яко миро, вода святаа бѣла, и взимають на ицѣление недужнымъ.

О ПЕЩЕРѢ, ИДѢЖЕ СЪДЯШЕ СВЯТАА БОГОРОДИЦА

Ту есть мѣсто в той же пещерѣ у дверей западныхъ близъ, на томъ мѣстѣ съдяше святаа Богородица при дверехъ тѣхъ близъ и скаше кокнит, еже есть червленица. И ту прииде Гаврил архаггелъ, посланъ от Бога къ дѣвици Марии.

ИДѢЖЕ БЛАГОВѢСТИ АРХАГГЕЛЪ СВЯТЪЙ БОГОРОДИЦИ

И ста предъ нею, яви очи вѣсть, подалъ мало от мѣста, идѣже съдяше Пречистая Девица. Яко 3-и столпъ вдаль есть мѣсто то от дверей пещерныхъ, идеже стояше Гаврииль.²²⁶ Ту поставлена трепезка мала, круга, мраморяна, обѣ едином столпци; и на той трапезѣ литургисають.

О ДОМУ ИОСИФА ОБРУЧЕНИКА

И ту есть былъ домъ Иосифовъ, и где то есть пещера та святаа: все ся то дѣяло в дому Иосифовѣ, обручника Мариина. И ту есть церкви создана над пещерою тою святою во имя святаго Благовѣщения. То было мѣсто святое опустѣло прѣвѣ, нынѣ же фрязи обновили мѣсто то суть и устроили добрѣ. И есть ту епископъ латиньскій, богатъ зѣло, и то владѣеть мѣстомъ тѣмъ святымъ. И почѣстиша нас добрѣ питиемъ и ядениемъ, и всѣмъ. И лежахом ту ночь едину в градцѣ томъ. И почивше добрѣ, и завтра вставше, идехомъ въ церковь ту и поклонихомся святому тому мѣсту. И, вшедше въ святую ту пещеру, и ту поклонимся святымъ тѣмъ мѣстомъ всѣмъ. И изидоходомъ из града того, и поидоходомъ мало на лѣтний востокъ лицъ, и обрѣтохомъ кладязь чюдень, и глубок, и студен зѣло; и слѣсти есть по степенемъ к водѣ той глубоко. И есть надъ кладяземъ тѣмъ создана церкви во имя архаггела Гавриила, и есть круга образомъ.

О КЛАДЯЗИ, ИДЕЖЕ АГНЕЛЪ ПРѢВОЕ БЛАГОВѢСТИ

Есть же отъ града Назарефа вдаль яко дострѣлити добрѣ до кладязя того святаго: у того бо кладязя бысть прѣвѣ благовѣщение святѣй Богородици отъ архаггела. Пришедши бо ей по воду, и яко почерпе водоносъ свой, възгласи ей аггелъ невидимо и рече: «Радуйся, обрадованнаа, Господь с тобою!». Озрѣвся Мария сюду и сюду, ни видѣ никогоже, но токмо гласъ

слыша, и взявше водоносъ свой, идяше, дѣвѣиши во умѣ своем, рекущи: «Что се будетъ гласъ, еже слышахъ, никогоже не видѣхъ?» И вниде в Назарѣфъ, и вниде в домъ свой, и сѣде на прежереченномъ мѣстѣ, и начатъ скати кокнѣти; и тогда явился архателъ Гавриилъ явѣ, стоя на прежереченномъ мѣстѣ. Тогда ей благовѣсти рождество Христово.

И есть же от Назарѣфа до села Исавова 5 верстъ.

О КАНИ ГАЛЕЛѢЙСТѢЙ

А от села того до Кана Галилеи полторы версты. Кана Галия же есть на людскомъ пути, и ту Христосъ воду в вино преложи. И ту обрѣтохомъ дружину многу, идущу въ Акру, и пристахомъ к нимъ съ радостию великою, и доидомъ с ними въ Акру.

Акра же градъ²²⁷ есть былъ срацинскій, нынѣже фрязи²²⁸ держать. Есть же градокъ-отъ Акра на Велицемъ мори, и лимень под нимъ добръ великъ. Всѣмъ обилень есть градокъ. А от Назарѣфа до Акры есть верстъ 28 великихъ, есть же Акра к полудню лицъ от Назарѣфа. И ту пребыхомъ во Акрѣ 4 дни, и опочивше ту добръ, и обрѣтохомъ дружину многу, идущу въ святой градъ Иерусалимъ, и пристахомъ къ дружинѣ той и поидомъ с ними съ радостию, веселящесѣ, и приидомъ в Каифу. А оттуда идохомъ къ горѣ Кармилѣстѣй, и туда идохомъ. И ту есть в горѣ той пещера святого Илии пророка. И ту поклонихомся, а оттуда идохомъ в Капернаумъ. А от Капернаума приидомъ в Кесарию Филипову. И туда есть путь все ити подлѣ Великое море по полю, а другое по пѣскомъ оли до Кесария. Ту пребыхомъ 3 дни въ градѣ томъ Кесарійстѣмъ. И ту есть былъ Корнилие, егже Петръ апостолъ крестилъ.²²⁹ А от Кесария идохомъ в Самарию: налево от Кесария в Самарию путь есть в горы; есть верстъ 20 от Кесария до Самарии. И быхомъ другаго дне полудне в Самарии. Но по тиху идуще и зноа ради, и не можаху людие пѣши ходити въ зной. И ту нощь прележахомъ предъ градомъ тѣмъ Самариею у кладязя Иаковля, идеже Христосъ бесѣдова съ женою самарянынею.

О ЕРУСАЛИМѢ

И оттуда, вставше, поидомъ путемъ своимъ, имже бяхомъ пришли изъ Ерусалима. И доидомъ святого града Иерусалима съ радостию великою по здраву.

Ничтоже зла не видѣхом на пути сем, но все добро показа намъ Богъ видѣти очима своима, вся святаа та мѣста. Куда Христос Богъ нашъ походил нашего дѣля спасения, туда же и нас грѣшных сподоби походити и видѣти святаа та мѣста. И чюдную ту землю Галилейскую видѣхом очима своима, всю землю Палестину Богъ сподоби мя обиходити. И Божиею благодатию храними, и походихом бес пакости, молитвами святыя Богородица съблюдаеми; и походихом всю Палестиньскую землю. Та бо земля вся зовется около Иерусалима Палестина.

Божиею помощию укрѣпляем, походих мѣста та святаа, не видѣх нигдеже поганных, ни лютаго звѣри, ни пригоди ми ся видѣти иного зла ничтоже, ни немощи малы не почютих в тѣлѣ моем; но всегда, яко орелъ облегчаем, Божиею благодатию съблюдаем и силою Вышняго укрѣпляемъ. Аще и похвалити ми ся подобает, но силою Христа своего похваляюся; о немощи же моей похваляюся: «Сила бо моя в немощи свершается»,— апостоль глаголетъ Павел.²³⁰ Да что въздамъ Господеви за вся, яже въздасть мнѣ, худому и грѣшному и недостойному, толику благодѣть видѣти, и походити по святым симъ мѣстом, и исполнити ми желание сердца моего? егоже есмь сподобился видѣти, то же ми показа Богъ видѣти недостойному рабу и худому.

Да простите мя, братие и отци и господие мои, и не зазрите худоумию моему, еже написах се не хитро, но просто, о мѣстѣх сих святых, и о Иерусалимѣ, и о Земли сей обѣтованнѣй. Обаче аще и не мудро написах, но не ложно: якоже видѣх очима своима, тако и написах.

О СВѢТѢ НЕБЕСНѢМ: КАКО СХОДИТ КО ГРОБУ ГОСПОДНЮ

А се о свѣтѣ святѣмъ, како сходит къ Гробу Господню. Се ми Господь показа видѣти худому и недостойному рабу. И видѣх очима своима грѣшныма поистинѣ, како сходит святой свѣтъ къ Гробу животворящему Господа нашего Исуса Христа. Мнози бо странници неправо глаголють о схождении свѣта святаго; инъ бо глаголетъ, яко Святой Духъ голубем сходит къ Гробу Господню, а друзии глаголють: молнии сходить с небесе, и тако вжигаются

кандила над Гробом Господнимъ. И то есть лжа и неправда: ничтоже бо есть не видѣти тогда, ни голубя, ни молнии. Но тако, невидимо сходит с небеси благодатию Божиею и вжижгает кандила в Гробъ Господни. Да и о том скажу, яко видѣх по истинѣ.

В Великую пятницу по вечерни потирають Гробъ Господень, и помывають кандила та вся, и вливають масла честнаго без воды, единого масла того токмо. И воткнувше свѣтилна во оловца, и не вжигаютъ свѣтилен тѣх, но тако оставляють кандила та невожжена. И запечатають Гробъ въ 2 час ночи. И тогда изгасятъ вся кандила и свѣщи по всѣм церквамъ въ Иерусалимѣ.

Тогда азъ худый, недостойный, в ту пятницу, въ 1 час дни, идохъ къ князю тому Балдвину и поклонихся ему до земли. Он же, видѣвъ мя худаго, и призва мя к себѣ с любовию, и рече ми: «Что хочещи, игумене русьскій?» Познал мя бѣше добрѣ и любил мя велми, якоже есть мужъ благодѣтель и смѣрен велми и не гордить ни мала. Аз же рекохъ ему: «Княже мой, господине мой! Молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля русских: повели ми, да бых и азъ поставил свое кандило на Гробъ Святѣмъ от всея Русьскыя земля!» Тогда же онъ со тщанием и с любовию повѣле ми поставити кандило на Гробъ Господни и посла со мною мужа, своего слугу лучшаго, къ иконому Святаго Въскресения и к тому, иже держитъ ключъ гробный. И повѣлѣста ми икономъ и ключарь Святаго Гроба принести ми кандило свое с маслом. Аз же поклонився има, идохъ с радостию великою, и купих кандило стѣкляно, велико велми, и налиавъ масла честнаго все, принесохъ ко Гробу Господню, уже вечеру сущу. Упросихъ ключаря того, единого внутрь Гроба суща, и обѣстихся ему; он же отворзе ми двери святыя, и повелѣ ми выступити ис калиговъ, и тако босого введе мя единого въ святыи Гробъ Господень и с кандиломъ, еже нося с собою, и повелѣ ми поставити кандило на Гробъ Господни. И поставих своимъ руками грѣшнымъ в ногахъ, идеже лежаша пречистѣи нозѣ Господа нашего Иисуса Христа. В главахъ бо стояше кандило греческое, на персехъ поставлено бѣше кандило Святаго Савы и всѣхъ монастырей. Тако бо обычай имут: по вся лѣта

поставляютъ кандило гречьское и Святаго Савы. И благодѣтью Божию та ся 3 кандила возгоша тогда; а фряжьскаа канѣдила повѣшена бяху горѣ, а от тѣхъ ниединоже възгорѣся.

Аз же тогда, поставивъ кандило на Гробѣ Святѣмъ, и поклонився честному Гробу тому, и облобызавъ мѣсто то святое с любовью и съ слезами, идеже лежало тѣло Господа нашего Исуса Христа, изидох из Гроба Святаго с радостию великою и идохъ в келию свою.

Заутра же в Великую субботу въ 6 час дне собираются вси людие пред церковь Святаго Въскресения – бесчисленное множество народа, от всѣхъ странъ пришелци и тоземци: и от Вавилона, и от Египта, и от всѣхъ конецъ земли. Ту ся собирають во тѣ день несказанно множество. И наполняются вся та мѣста людий около церкви и около Распятia Христова; и велика тѣснота и томление лютѣ людемъ ту бываетъ; мнози бо человекѣ ту задыхаются от тѣсноты людий бесчисленныхъ. И ти людие вси стоятъ съ свѣщами не возженими и ждуть отвръзения дверей церковныхъ. Внутрь же церкви тогда токмо попове едины суть. И ждуть попове и вси людие, Дѣндеже прииде князь съ дружиною; и тогда бываетъ отвръзение дверемъ церковнымъ, и входятъ людие въ церковь в тѣснотѣ велицѣ и въ гнетении, и наполняютъ церковь ту. И полати вси полны будутъ, не могутъ бо ся вмѣстити вси людие въ церковь ту, но ту стоятъ внѣ церкви людие мнози зѣло около Голгофы и около Краниева мѣста и дотуда, идеже кресты налѣзени; и все то полно будетъ людий бе-щисла много множество. И ти людие вси въ церкви и внѣ церкви иного не глаголють ничтоже, но токмо «Господи, помилуй!» зовут неослабно и вопиють силно, яко тутнати и гремѣти всему мѣсту тому от вопля людий тѣхъ. И ту источники слезамъ проливаются от вѣрныхъ людий. Аще бо кто окаменено сердце иматъ, но тогда можетъ прослезити. Всякъ бо человекъ зазрит в себѣ тогда, и поминаетъ грѣхи своя, и глаголетъ в собѣ всякъ человекъ: «Еда моихъ дѣля грѣховъ не снидетъ свѣтъ святой?» И тако стоать вси вѣрнии людие слезни и скрушеннымъ сердцемъ. И тѣ самъ князь Балѣдвинъ стоитъ съ страхомъ и смирениемъ великимъ, источники проливаются чудно от очию

его. Также и дружина его около его стоятъ прямо Гробу, близъ олтаря великаго, вси бо сии стоятъ съ смѣреніемъ.

И яко бысть 7 часъ дне суботнаго, тогда поиде Балѣдвинъ князь ко Гробу Господню и зъ дружиною своею изъ дому своего, и вси бо сии пѣши. И присла въ метохію Святаго Савы²³¹ и позва игумена того Святаго Савы и съ черници его. И поиде игумень съ братіею къ Гробу Господню, и азъ худый ту же поидохъ съ игуменомъ тѣмъ и зъ братіею. И приидохомъ ко князю тому и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонися игумену и всей братіи и повелѣ игумену Святаго Савы и мнѣ худому близъ себе поити повелѣ, а инымъ игуменомъ и чернцемъ всѣмъ повелѣ предъ собою поити, а дружинѣ своей повелѣ позаду поити.

И приидохомъ къ церкви Вѣскресения Христова къ западнымъ дверемъ. И се множество людей заступили двери церковныя, и не могохомъ тогда въ церковь внити. Тогда князь Балѣдвинъ повелѣ воиномъ, и разгнаша люди насилие, и створиша яко улицу олене до Гроба, и тако могохомъ проити сквозѣ люди олене до Гроба. И приидохомъ къ восточнымъ дверемъ Святаго Гроба Господня, и князь по часъ прииде и ста на мѣстѣ своемъ на деснѣй странѣ у преграды великаго олтаря, противу восточнымъ дверемъ и Гробнымъ; ту бо есть мѣсто княже, создано высоко.

И повелѣ князь игумену Святаго Савы стати надъ Гробомъ съ своими чернцами и съ правовѣрными попы. Мене же худаго повелѣ поставити высоко надъ самыми дверми Гробными, противу великому олтарю, яко дозрѣти ми лѣзѣ бѣше въ двери Гробныя. Двери же та Гробныя всѣ трои запечатаны бѣху, и запечатаны печатію царскою. Латиньстии же попове въ велицѣмъ олтари стояху. И яко бысть 8 часъ дне, и начаша вечернюю пѣти на Гробѣ горѣ попове правовѣрнии, и черноризци, и вси духовнии мужи; пустынници мнози ту бѣху; латина же въ велицѣмъ олтари начаша верещати свойскы. И тако поющимъ имъ всѣмъ, азъ ту стояъ, прилѣжно зряхъ ко дверемъ Гробнымъ. И яко начаша чести паремии тоя суботы великия,²³² на первыхъ пареміи изиде епископъ съ дьякономъ изъ великаго олтаря, и приде къ дверемъ Гробнымъ, и позрѣ въ Гробъ сквозѣ крестецъ дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта въ Гробѣ, и възвратися опять. И яко начаша чести 6-ю паремію, тотъ же епископъ прииде къ дверемъ Гробнымъ и не видѣ

ничтоже. И тогда вси людие възпиша съ слезами «Кирие, елеисонъ», еже есть «Господи, помилуй!». И яко бысть 9-му часу минувшую и начаша пѣти пѣснь проходную «Господеви поим», тогда внезапу прииде туча мала от востока лицъ и ста над верхом непокрытым тоа церкви, и дождь малъ над Гробом Святымъ, и смочи ны добрѣ стоящих на Гробѣ. И тогда внезапу восиа свѣтъ святой во Гробѣ Святѣмъ: изиде блистание страшно и свѣтло из Гроба Господня Святаго. И пришед епископъ съ 4-рми дияконы, отверзе двери Гробныя, и взяша свѣщу у князя того у Балдвина, и тако вниде въ Гробъ, и воже свѣщу князю первѣе от свѣта того святаго. Изнесше же из Гроба свѣщу ту и даша самому князю тому в руцѣ его. И ста князь-ет на мѣстѣ своемъ, свѣщю держа с радостию великою. И от того вси свои свѣщи възгохомъ, а от наших свѣщъ вси людие вожегоша свои свѣщи, по всей церкви друг отъ друга вожегоша свѣщи.

Свѣтъ же святой не тако, яко огонь землени, но чудно, инако свѣтитъ изрядно, и пламянь его червлено есть, яко киноварь, и отнудъ несказанно свѣтитъ.

И тако вси людие стоятъ съ свѣщами горящими, и вопиють вси людие велегласно «Господи, помилуй!» съ радостию великою и с веселием. Така бо радость не можетъ быти чловеку, ака же радость бываетъ тогда всякому христианину, видѣвши свѣтъ Божий святой. Иже бо не видѣвъ тоа радости въ тѣ день, то не иметъ вѣры сказующим о всемъ томъ видѣнии. Обаче мудрии и вѣрнии чловеци велми вѣрують и въсласть послушаютъ сказания сего и истины сеа и о мѣстѣхъ сихъ святыхъ. Вѣрный в малѣ и во мнозѣ вѣренъ есть, а злему чловеку невѣрну истина крива стваряються. Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и Святой Гробъ Господень и вся дружина, русьстии сынове, приключьшиися тогда во тѣ день ногородци и кияне: Изяславъ Иванович, Городиславъ Михайловичъ Кашкича и инии мнози, еже то свѣдають о мнѣ худомъ и о сказании семъ.²³³ Но възвратимся на прежереченную повѣсть.

Егда же свѣтъ восиа въ Гробѣ Святѣмъ, тогда же и пѣние преста, и вся възпиша «Кирие, елеисонъ» и поидоша въ церковь съ свѣщами горящими и с радостию великою,

сблюдаючи свѣщи свои от угашения вѣтреняго, и идоша каждо их въ свояси. И от того святаго свѣта вжигают кандила въ своих церквахъ и канчивають пѣние вечернее дома. А в велицѣй церкви, у Гроба Господня, сами попове едины, безъ людей, канчивають пѣние вечернее. Тогда и мы съ игуменом и съ братиею въ свой монастырь идохом, несуще свѣщи горящи, и ту кончахом пѣние вечернее, и идохом в келии свои, хваляще Бога, показавша недостойным нам ту благодѣть Божию видѣти.

И на утрени въ Святую недѣлю, отпѣвше заутреню и бывшую цѣлованию съ игуменом и съ братиею, и отпущению бывшую въ 1 час дне, и взявше крестъ, игумень и вся братия, идодхом къ Гробу Господню, поюще кондакъ²³⁴ сий: «Аще и въ гробъ сниде, безмертне». И вшедше в Святой Гробъ животворящий, и облобызавше Святой Гробъ Господень с любовью и со слезами теплыми, и насладившеся ту благоуханныя воня тоя Святаго Духа пришествиемъ; и кандилом тѣмъ еще горящим свѣтло и чудно. Та бо 3 кандила бяху вожгылися тогда, якоже повѣда ны иконом и ключарь Гроба Господня. Ко игумену глаголаста оба: «Долѣ стаащеа на Гробѣ Господни, та 3 кандила възгорѣстася». А иных 5 кадилъ висить над Гробомъ; но горяху тогда; свѣтъ ихъ инакъ быше, не якоже онѣхъ 3-хъ кадилъ, изрядно и чудно свѣтится.

И потомъ изыдохомъ из Гроба вѣсточными дверми, и вшедше въ великий олтарь, и ту створивше цѣлование съ правовѣрными, и бывшу отпущению, игумень же и братия, изыдохомъ изъ церкви Святаго Въскресения и идохомъ во свой монастырь, и ту опочивше до литургии.

И по 3-емъ дни Въскресения Господня, по литургии, идохомъ къ ключареви Гроба Господня и глаголахъ ему: «Хотѣлъ быхъ взяти кадило свое». Онъ же съ любовью поимъ мя, введе въ Гробъ одного токмо. Азъ же вшедъ въ Гробъ и видѣхъ кадило свое, стояща на Гробѣ Святѣмъ и еще горяще свѣтомъ тѣмъ святымъ. И поклонився Гробу тому Святому, и облобызавъ с любовью и слезами мѣсто то святое, идѣже лежало тѣло Господа нашего Иуса Христа пречистое. И тогда измѣрих собою Гробъ вѣдлѣ и вширѣ и выше же, колико есть; при людех бо невозможно есть измѣрити его никомуже. И

почьстих Гроба Господня по силѣ моей, яко мога, и тому ключареви подах нѣчто мало и худое благословение свое. Он же видѣ любовь мою сущую к Гробу Господню, и ктому ми удвигнувъ дощѣку, сущую во главах Гроба Господня Святаго, и уять ми того святаго камени мало благословение, и запрѣтивъ ми с клятвою никому не повѣдати въ Иерусалимѣ. Азъ же, поклонився Гробу Господню и ключареви, и возьмъ кандло свое съ масломъ святымъ, изидох из Гроба Святаго с радостию великою, обогатився благодатию Божиею и нося в руку мою даръ святаго мѣста и знамение Святаго Гроба Господня, и идох, радуясь, яко нѣкако скровище богатства нося. Идох в келию свою, радуясь великою радостию.

И Богъ тому послух и Святыи Гробъ Господень, яко во всѣх мѣстѣх святых не забых именъ князь русских, и княгинь, и дѣтей ихъ, епископъ, игумень, и боляръ, и дѣтей моих духовных, и всѣх христианъ николиже не забыл есмь; но во всѣх святыхъ мѣстѣх поминалъ есмь. Первѣе поклонялся есмь за князей за всѣх, и потомъ о своих грѣсѣх помолился есмь. И о сем похвалю благаго Бога, яко сподоби мя худаго имена князей русских написати в лаврѣ у Святаго Савы; и нынѣ поминаются имена их во октении, с женами и с дѣтьми их. Се же имена их: Михаил Святополкъ, Василие Владимиръ, Давидъ Святославич, Михаилъ Олегъ, Панькратие Святославич, Глѣбъ Менский.²³⁵ Толко есмь ихъ помнѣл имѣнь, да тѣх вписах. Опрочѣ всѣхъ князь русских,— и о боярех у Гроба Господня и во всѣх мѣстѣх святых. И отпѣхом литургии за князи русскыя и за вся христианы, 50 литургий; а за усопшаа 40 литургий отпѣхом.

Буди же всѣмъ, почитающим писание се с вѣрою и с любовию, благословение от Бога и от Святаго Гроба Господня и от всѣх мѣстъ сих святыхъ: примут мзду от Бога равно с ходившими мѣста си святаа. Блажени же видѣвше вѣроваша, треблажени не видѣвšie вѣровавше. Вѣрою бо прииде Авраамъ в Землю обѣтованную. Поистинѣ бо есть вѣра равна добрымъ дѣломъ.

Бога ради, братие и господѣе мои, не зазрите худоумию моему и грубости моей. Да не будет в похуление написание се,

мене ради и Гроба Господня и святыхъ ради мѣсть сих. Кто
любовию почтеть, да мзду прииметь от Бога Спаса нашего
Исуса Христа. И Богъ мира со всѣми вами в вѣки, аминь.

Послание Климента Смолятича

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Понырко

Киевский митрополит Климент Смолятич был вторым на Руси (после Илариона) митрополитом из русских, возведенным на первосвятительский престол без благословения константинопольского патриарха собором русских епископов. Это произошло в 1147 г. при великом киевском княжении внука Владимира Мономаха князя Изяслава Мстиславича, — как сообщает Ипатьевская летопись, «постави Изяслав митрополитом Клина Смолятича, вывед из Заруба, бе бо черноризец, скымник, и бысть книжник и философ так, якоже в Русской земле не бяшеть». Противники Изяслава Мстиславича в междукняжеской борьбе (а это было время особенно обострившихся княжеских уسوبец) были противниками и митрополита Климента, и когда в 1149 г. князь Изяслав был изгнан с киевского стола Юрием Долгоруким, с ним вместе принужден был покинуть Киев и митрополит Климент. Но уже в 1150 г. Изяславу Мстиславичу удалось вернуть себе киевское княжение, вместе с ним вернулся в Киев и митрополит Климент. После смерти Изяслава Мстиславича, когда Киев вновь занял Юрий Долгорукий, Клименту опять пришлось оставить митрополию: князь Юрий с честью принял присланного из Царьграда митрополита Константина. Новый митрополит провозгласил «испровержение» «Климовой службы и ставлений», так что попы и дьяконы, поставленные Климентом, получили от митрополита-трека разрешение вновь священнодействовать только после того, как подали какое-то «рукописание на Клина». Несмотря на такое развитие событий, Климент Смолятич еще дважды после этого имел шанс занять митрополичий престол. После смерти Юрия Долгорукого (1158 г.), когда дети князя Изяслава Мстиславича позвали на киевское княжение своего дядю князя Ростислава Мстиславича Смоленского, между племянниками и дядей произошел спор, кому быть при Ростиславе митрополитом в Киеве. Дети Изяслава настаивали на кандидатуре Климента, а Ростислав

Мстиславич хотел оставить Константина. Чтобы никому не было обидно, решено было пригласить третье лицо (тем более, что к концу спора между князьями митрополит Константин скончался), в результате чего в 1161 г. в Киев прибыл из Константинополя митрополит Федор.

В 1163 г. митрополит Федор умер. И снова сделана была попытка вернуть Климента Смолятича на митрополию. На этот раз его поддержал сам великий киевский князь Ростислав Мстиславич, решившийся просить Византию о поставлении Климента и пославший, как сообщает летопись, в Константинополь своего посла, «хотя оправити Клима в митрополию». Но княжеского посла опередил новый митрополит Иоанн, присланный в Киев от константинопольского патриарха. Князь Ростислав поначалу не хотел принимать этого митрополита, но византийский император поднес ему «дары многи», уговаривая признать их ставленника, и Ростислав Мстиславич согласился. Право поставлять на Русь митрополитов осталось за константинопольским патриархом.

С этого момента русские летописи перестают упоминать о Клименте Смолятиче; дальнейшая судьба его неизвестна.

Послание пресвитеру Фоме – единственное дошедшее до нас сочинение митрополита Климента, хотя из летописи известно, что он «многа писаниа, написав, предаде». Летописи сохранили характеристику Климента Смолятича как книжника и философа, какого прежде не бывало в Русской земле, и его Послание подтверждает неслучайность такой характеристики. Пресвитер Фома, как видно из контекста Послания, укорил Климента Смолятича в том, что он тщеславится своей ученостью. В ответ на это Климент обрушил на своего адресата целый поток аллегорических толкований текста Священного писания, доказывая ему необходимость их постижения для духовного воспитания христианина. Письмо Климента – это настоящий трактат в защиту аллегорического способа понимания Писания, из которого видно, что автор его прошел хорошую школу византийской образованности.

Со времен возникновения в Византии на заре христианства Александрийской школы богословия христианская культура

разрабатывала аллегорический метод понимания библейской священной истории, заключающийся в том, что совершившееся во времени событие понимается как иносказание о смысле, пребывающем вне времени. При таком подходе к тексту Священного Писания всякий библейский рассказ подлежит толкованию в трех значениях: буквальном (или историческом), моральном (или душевном) и мистическом (или духовном). По Посланию Климента Смолятича видно, что аллегорическим методом толкования библейских текстов он владел вполне.

Философами на Руси называли людей образованных, ученых. В Византии это слово имело и более конкретный оттенок, там оно употреблялось в значении звания для лиц, окончивших высшую школу, и было равноценно званию учителя. Современники называли Климента Смолятича философом, из его Послания к пресвитеру Фоме видно, что на это у них были основания.

О пресвитере Фоме нам известно только то, что можно извлечь из содержания Послания. Климент Смолятич послал «философское» «писание» некоему князю (очень вероятно, что Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, так как Фома назван в заглавии пресвитером Смоленским), приближенным которого был священник Фома; содержание этого сочинения стало известно Фоме, и он со своей стороны направил послание Клименту, укорив его в философском кичении; возможно, Климент задел каким-то образом в своем сочинении, направленном князю, Фому; возможно, это был давний его оппонент. Дошедший до нас фрагмент переписки между князем, Климентом Смолятичем и пресвитером Фомой дает нам представление о существовании на Руси открытой литературно-богословской полемики между княжескими дворами, в которой участвовали целые общественные круги во главе с князьями: недаром Климент читал полученное им от Фомы послание «предмногими послухи и пред князем Изяславом»; возможно, таким же образом и Фома ознакомился с «писанием» Климента к его князю.

Время создания Послания определяется периодом между 1147 г., годом возведения Климента в митрополиты, и 1154 г.,

годом смерти князя Изяслава Мстиславича, упоминаемого в Послании как здравствующего.

Послание митрополита Климента известно нам не в первоначальном своем виде, а, как видно из заглавия, с наслоением толкований некоего монаха Афанасия, внесенных в текст в виде вкраплений. Попытку выделить толкования Афанасия из текста Климента см. в книге: *Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы.* СПб., 1992, с. 116–123.

Послание дошло в испорченном виде: многие фрагменты в нем перепутаны местами; очевидно, что в том протографе, с которого делались дошедшие до нас списки (их известно два), были перепутаны листы. В настоящем издании оторвавшиеся фрагменты возвращены на свои места, за счет чего восстановлена смысловая последовательность текста, в комментариях даны соответствующие пояснения. Обоснование перестановок см. в книге: *Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси...* с. 97–123, 137–139.

Мы публикуем Послание Климента Смолятича по рукописи нач. XVI в. – *РНБ*, Кирилло-Белозерское собр., № 134/1211, л. 214 об. – 231; исправления, сделанные по другому списку (*РНБ*, собр. *ОЛДП*, Ф. № 91, л. 186 об. – 194, нач. XVI в.), другим рукописям и по смыслу, выделены курсивом.

* * *

ПОСЛАНИЕ КЛИМЕНТА, МИТРОПОЛИТА РУССКОГО,
НАПИСАННОЕ К СМОЛЕНСКОМУ ПРЕСВИТЕРУ ФОМЕ,
ИСТОЛКОВАННОЕ МОНАХОМ АФАНАСИЕМ

Господи, благослови, отче!

Прочел я, хоть и с промедлением, писание твоей милости и, восхитившись и вникнув в смысл излагаемого, сильно подивился благоразумию твоему, возлюбленный о Господе брат мой Фома. Содержит твое писание дружеское наставление нашему тщеславию, так что я с радостью прочел присланное ко мне от тебя писание пред многими свидетелями и перед князем Изяславом, Но после того, как поведал ты мне, чего ради пишешь, и сам ты, любимый мой, не пообидься на мою, написанную к тебе, хартию.

Ты говоришь мне: «Тщеславишься, пишучи, строишь из себя философа», и сам первый себя обличаешь: разве я что к тебе писал; не писал и не собираюсь писать. Говоришь мне: «По-философски пишешь»; и весьма несправедливо говоришь, будто бы я, оставив почитаемые писания, стал писать из Гомера, и Аристотеля, и Платона, прославившихся эллинскими хитростями. Если я и писал, то не к тебе, а ко князю, да и к тому не скоро. А если ты огорчился, что я чем-то тебя задел, то Бог свидетель, что я просто писал, не искушая твоего благоразумия. Если не смог ты этого уразуметь, то всуе указываешь мне на учителя своего Григория. Говоришь мне: «С Григорием беседовал я о спасении душевном». А разве я когда-нибудь похулил или укорил Григория? Я даже считаю его не только праведным, но и преподобным, и, хоть и дерзко сказать, святым. Однако, если он не учил тебя тому, то не знаю, как станешь руководить врученными тебе душами, если ни Григорию, ни тебе это неведомо.

Дивно, что говоришь мне: «Тщеславишься!» Надобно мне сказать тебе, кто ищет славы, – тот, кто присовокупляет дом к дому, к селу села, холопов и крестьян, и борти и пожни, поля и пустоши. От всего этого окаянный Клим вовсе свободен; вместо домов, сел, и бортей, и пожень, крестьян и холопов владеет он четырьмя локтями земли под могилу; и этой могиле многие очевидцы. И если свою могилу вижу я всякий день семикратно, то не знаю, чем мне тщеславиться. Ибо нельзя, сказано, иметь иного пути до церкви, как не мимо могилы своей. Если бы восхотел я славы, что по великому Златоусту не дивно, ибо богатством пренебрегали многие, славой же – ни один, то, первое, – стал бы искать я власти себе по силе. Но тот, кто прозревает сердца и утробы, тот знает, как много я молился, чтоб быть избавлену от власти. Если же снова случилось со мной по его усмотрению, то не подобает мне противиться ему.

С этого места, любимый мой, не стану больше давать тебе ответа, но прошу твое благоразумие ответить на вопрос. Не подобает ли до тонкости испытывать смысл Божественных Писаний? Приблизимся к блаженному Соломону, изрекшему в Притчах: «Если устремишь на него глаза твои, никак тебе не

дастся». Ужели и Соломон, славы ища, так пишет? Или: «Премудрость создала себе храм и утвердила семь столпов». Может быть, и это он пишет, славы ища? Вот о чем глаголет Соломон, говоря, что «премудрость создала себе храм»: премудрость – это Божество, а храм – человечество, ибо Христос, истинный Бог наш, как во храм, вселился во плоть, принявши ее от пречистой владычицы нашей Богородицы. А «утвердив семь столпов» – это значит семь соборов святых и богоносных наших отцов.

Или вот еще у родителя сего Соломона: «Ибо возлюбил рабы твои камни и прах его жалеют». О камнях или о прахе говорит Бог Отец, как прикажешь, любимый мой, разуместь те камни и прах? Это же Бог Отец говорит об апостолах.

Или стану читать книги Бытия, написанные боговидцем Моисеем, – «И сказал Господь Бог: “Вот Адам стал как мы и как один из нас, и ныне да не возьмет он от древа жизни, протянув к нему руку”». Или и это читают ради тщеславия? И вот дьявол, искони лукавый враг и ненавистник человеку, не могущий никак обольстить почтенного Богом умного и словесного человека, избрал себе сосудом и ходатаем единого из земных скотов – змею, и устами ее нашептал свою живую речь в Евины уши, соблазняя ее на простертие рук к древу познания добра и зла и на пагубное то вкушение. И посмотри, какими словами льстивыми подуцает ее и подвигает, и быстро сотворяет на дело вкушения. Говорит ей: «Если вкусите от древа, будете как Бог разумеющими зло и добро». Жена же как создание слабое и происшедшее уже после мужа, желая возвыситься в равенство с Богом, тотчас приблизилась к древу и быстро вкусила и мужу дала. Увы мне, немощному, праотцы мои съели плод и стали наги!

И посмотри, как сразу же отскочил от них лукавый, заполучив свою победу и одоление, увидав их обнаженными от Богом тканой одежды. Потом снова пришел Господь, говоря Адаму: «Вот Адам стал как один из нас», стыдя его и как бы говоря: «Где же совет льстивого дьявола, сказавшего тебе: “Будете как Бог”, вот ты не только не стал как я, но теперь и

честь моей лишился, и смертную язву и суд примешь, ибо земля ты, и в землю пойдешь», и далее.

Или что мне, брат, до Иакова и двух жен его, Лии и Рахили, если о них просто так читать, а не доискиваться духовного смысла! Прообразует собой во всем благой Иаков, что как у Бога было два народа, израильский и тот, что из язычников, и израильские люди имели покров на сердце, то есть уклонялись в неверие, а те, что из язычников, облакались красотой правоверия, так и у Иакова две жены было, Лия – прообраз израильского народа, потому и была она больна глазами, что израильский народ имел покров на сердце, и Рахиль – прообраз языческого народа, потому и называет ее Священное Писание прекрасной, что народ из язычников преуспевал в добродетели веры и, уверовав истинно в Спасителя, с корнем исторг дьявольскую лесть, образ же этому была Рахиль, потому и украдала она отеческих идолов.

Что мне до хромоты Иакова – может быть, жалко мне, что он хромает! Иаков боялся Исава, брата своего. И Бог, чтобы сделать Иакова смелым, боролся с ним, как с Богом чтобы уверить его: «На Бога ты укрепился, а на человека разве не можешь». Еще же прообразом был Иаков воплощения Божьего Слова. Потому и бедро повредил ему Бог, что Божье естество было сильнее человеческого естества.

Что мне до Зары и Фареса! Но стремлюсь я понять о них иносказательно. Разве это тщеславие? Ведь в образах Зары и Фареса дано провозвещение о двух народах: в Фаресе – об израильских, в Заре же – о тех, кто из язычников. Потому Зара и высунул первым руку, что он еще до Закона доброе житие показал. Ведь и до Закона были некоторые люди, что украшались благочестием, не по Закону, а по вере живя. Красная же нить – то было провозвещение о бывших до Закона жертвоприношениях, которые сотворяли Авель, Енох, Ной, Авраам. И когда он убрал назад свою руку, что значит отшествие от благочестия, тогда появился на свет Фарес. Закон – это середина, потому он и был до Закона. Если станем говорить, что Лия по Закону была несовершенной в благочестии, то как же тогда писатель, ясно пиша, мог сказать:

«И был муж удачливый»? Прочти стоящее перед тем изречение и поймешь истинный смысл, ибо сказано там: «и был Господь с ним».

О Заре и Фаресе. Об этом сказано в Божественном Писании, в первых книгах Моисеевых написано, в которых об Аврааме и о прочих; повествуется там и об Иуде, от которого по плоти Христос Бог наш, как прельстила его Фамара, украсивши себя подобно блуднице. Но да не будет осужден за это Иуда, ибо не был он блудником; говорю, что не ведая он это совершил, и Фамара тоже, хотя она и ведаючи соединилась с ним, но не для прелюбодеяния пожелала соединиться, а ради деторождения. Ибо взял Иуда, – рассказывает Писание, – жену ханаанеянку, имя ей Висуя, и вошел к ней, и зачав, родила она сына, и дала имя ему Ир, и потом еще родила сына и нарекла имя ему Онан, и продолжив, еще родила сына и дала имя ему Силом. И стал Ир, первенец Иудин, нехорош перед Богом, и убил его Бог. И сказал Иуда Оиану, сыну своему: «Войди к жене брата своего и обладай ею и восстанови потомство брату своему». Онан же, уразумев, что это будет не его потомство, когда был с женою брата своего, пролил семя на землю, чтобы не было потомства у брата его. Разумевши, явил себя неугодным Богу, ибо сотворил такое, и убил его Бог. И сказал Иуда Фамаре, невестке своей: «Иди и поселись в доме своем, пока не станет взрослым Силом, сын мой». И, уйдя, поселилась Фамара в доме отца своего. Прошло время, и умерла Висуя, жена Иудина, и, утешившись, пошел Иуда сам к стерегущим овец его.

И Ирас, пастух его, поведal Фамаре, невестке его, сказавши: «Вот свекор твой грядет посмотреть овец своих». И сбросив с себя вдовьи свои одежды, облеклась она в одежды украшенные и села ждать пред вратами, пока не придет Иуда. И увидал ее Иуда и принял за блудницу, ибо закрыла она тогда лицо свое, не узнал, что это невестка его, и, соблазнившись, сказал ей: «Дай мне войти к тебе». Она же сказала: «Что дашь мне, если войдешь ко мне?» И он сказал: «Я дам тебе козленка из стад своих». Она же сказала: «Не дашь ли мне залог, пока не приведешь его». И он сказал: «Дам залог»; она же сказала:

«Дай мне перстень твой и гривну и жезл, что в руке твоей». И дал ей, и вошел к ней. И зачала она от него. И он, вставши, ушел. И она, повергнув с себя одежды украшенные, облеклась снова в ризы вдовства своего. И отпустил Иуда козленка от стад своих с Дамаситом, пастухом своим, чтобы взять залог у жены. И не нашел ее Дамасит, и спрашивал он у тамошних мужей, где находится любодеица. Они же отвечали: «Здесь нет любодеицы». По прошествии же трех месяцев сообщили Иуде: «Соблудила Фамара, невестка твоя, и носит во чреве своем зачатое от блуда». И сказал Иуда: «Отведите ее, пусть сожгут ее». И когда вели ее, послала она к свекру своему залог, сказав: «Которому человеку это принадлежит, от того и ношу я во чреве; узнай, чей перстень, и гривна, и жезл сей». И узнал его Иуда и сказал: «Оправдалась Фамара, ибо не дал я ее Силому, сыну моему, и не позаботился сочетать ее с ним браком».

Смотри же, как требует Фамара у Иуды залог, не платы желая, но надеясь, что тотчас же украдет от совокупления с ним чадородие. Если бы не взяла она этого залога, то умерла бы, будучи осуждена Иудой, ибо не поверил бы Иуда словам ее, что понесла от него. Но смотри, как посылает она к нему, говоря: «Чей это залог». И Иуда, узнав свой перстень, и гривну, и жезл, сказал: «Оправдалась Фамара», и, осудивши ее прежде на смерть, ибо слышал, что согрешила она, узнав, что это от совокупления с ним, уже оправдывает ее и обеляет, ибо не дал ее Силому, сыну своему.

За грехом и осуждением следует смерть, за правдой и оправданием – жизнь. Потому оправдалась Фамара. И так зачав, породила она плод, Зару и Фареса, прообраз Закону и Благодати. И было так, когда настало время их рождения, Зара первым высунул руку. И та, что ждала их появления из материнской утробы, повязала ему красную нить на руку, после этого появился на свет Фарес, ибо Фарес есть середина между бывшим благочестием и будущей Благодатью. Почему же Зара высунул руку раньше, чем появился на свет Фарес? Не было ли здесь прообраза благочестия и Благодати? Тем, что высунул он руку, показано благочестие, которое творили и Авель, и Сиф, и Енох, и Ной, и Авраам. А красная нить была прообразом крови

тех жертв, что приносили они Богу. И так показавши рукою, предоставляет он первым появиться Закону, то есть Фаресу; потом появился Зара. Этими двумя был дан прообраз, они провозвестили о двух народах: Фарес – об израильском, Зара же – о тех, кто из язычников.

И посмотри, как оказались оправданными Иуда и Фамара, ибо не ради прелюбодейства сотворила она это и не потому, что захотела поддаться разожжению похоти. Если бы этого она захотела, не стала бы искать Иуды при том, что многие проходили мимо нее. Но именно его потомством захотела она разрешить узы своего бесчадия. Если бы был ее плод от той мнимой скверной и нечистой похоти и от беззакония, помимо Божьего усмотрения, то не стал бы Бог ее плодом прообразовывать грядущую тайну великого своего промысла о человеке: им будет сотворено богоявление, и отбежавшее и отползшее от него человеческое естество, уклонившееся в беззаконные наслаждения, Христос, придя, исцелит, возьмет убегающего и отпадшего от Бога и к себе, приблизив, приведет.

Пишет евангелист: «Иуда родил Фареса и Зару от Фамары, Фарес же родил Эсрома, Эсром же родил Арама, Арам родил Аминодава, а Аминодав родил Насона, Насон родил Салмона, Салмон родил Вооза от Рахавы, Вооз родил Овида от Руфи, Овид родил Иессея, Иессей родил царя Давыда». Матфей и Лука, чистые евангелисты, явственно показали, что от рода Давыдова единокровное Слово Божие, Христос, Бог наш, родился, от чистой Девицы. Матфей от Давыда через Соломона выводит Иосифа, Мариина обручника. Лука же – через Нафу. Иосиф же, исходя из рода Давыдова и будучи праведным, как свидетельствует о том святое Евангелие, не привел бы себе не по закону святую Деву, если бы не было на то знамений.

Следует нам знать, что существовал закон: когда умирал мужчина, то брату его полагалось взять себе в жены жену умершего, чтобы восстановить потомство брату своему; так что следует понимать: тот, кто по естеству принадлежал второму родителю, по закону был сыном умершего. И так из колена Нафова, сына Давыдова, Левгия родил Мелхию и Панфира, а Панфир родил Варпаифира, так называвшегося, Варпаифир

родил Иоакима, Иоаким родил святую Богородицу. А из колена Соломонова, сына Давыдова, Матфан имел жену, от которой родил Иакова; когда же умер Матфан, Мелхий, из колена Нафова, сын Левгиин, брат Панфилов, взял за себя жену Матфанову, мать Иакова. И родила она Илия, и были Иаков и Илий единоутробными братьями, Иаков от колена Соломонова, Илий от колена Нафова. Илий же умер без чада, и взял Иаков, брат его, что был из колена Соломонова, жену его, чтобы восстановить потомство брату своему, и родил Иосифа; так что Иосиф по естеству сын Иакова, по закону же – Илия, который от Нафы. Иоаким же взял в жены чистую и хвалы достойную Анну, от которой и родилась пречистая девица, владычица наша Богородица и приснодева Мария, происходящая из рода Давыдова, от которой родился истинный Христос Бог наш. Если же Мария от Давыда, то ясно, что и Христос от Давыдова племени, если же от Давыдова племени, то и от Фареса, если же от Фареса, то воистину от Иудина колена воссиял Господь наш, как и глаголет святое Евангелие. Аполинариево безумство стыдится говорить о совершенном его воплощении, как бы стыдясь видеть в человеческом истинное наше спасение и мня, что грешно относить это ко Христу Спасителю. Но если тот, в ком нет греха, пришел на это, и принял рабий образ, и вочеловечился ради угашения греховной силы, ибо всегда, где Бог, там нет греха, то чем может осквернить скверный того, кто без греха. Потому многие, будучи свидетелями и служителями Христовыми, поведали о нем со всем дерзновением, ни о чем плотском, хульно помышляемом, не доискиваясь и тем поучая и нас.

Другие же об этом с хулой помышляют, поминают Зару и Фареса и говорят, что они родились от прелюбодеяства. Нет, не от прелюбодеяства родились они, а по Божьему промыслу. Разве без плотского совокупления оставалась Фамара, когда была за первым сыном Иудиным и потом за вторым? Ведь легче ей было тогда понести во чреве, чем от единственного того совокупления с Иудой. Но тогда она узы бесплодия носила во чреве своем вместо чадородия. И вот от единственного совокупления разрешились узы бесплодия, и так зачав, родила

она богознаменитый тот плод, ибо Бог – это огонь, поедающий и очищающий грехи. В те времена действовал Бог через завет, данный Аврааму, прообразовал через тех будущее.

Если же мы собираемся осудить все подзаконное, тогда и некоторых из двенадцати патриархов осудить собираемся, ибо не все из их матерей сочетались с Иаковом законным браком, только Лия и Рахиль, по отеческому преданию. И если всех тех укорим и осудим, то значит, мы сами хотим быть другими богами. Ибо если «Господь оправдывает, то кто осуждает». Затем, спустя многие годы и многие поколения пришел Моисей и сподобился видеть Бога на Синайской горе, и дал ему Бог Закон, написанный на скрижалях каменных, повелевая людям израильским быть под властью Закона. С наступлением же Закона прекратилось бывшее в Завете многоженство и возвелось в закон сочетаться с одной женой. Ибо Законом был упразднен Завет, а Благодать упразднила и то, и другое, заветное и законное, когда воссияло солнце. Нужда есть всему миру пребывать под мраком, но подобает ему осветиться пресветлыми лучами.

Так и, когда Христос Бог наш, солнце праведное, озарил нас божественным светом и осветил нас святым крещением, тогда «все древнее прошло, и все стало новое». И уже не теснится в Законе человечество, но в Благодати свободно ходит. Ибо все ветхозаветное – это тень и прообраз будущего, а не сама та истина.

Несмотря на обилие словес не премину я все же сказать о блаженной Руфи, ибо и та подвергается осуждению. Та, которую Божественное Писание не осуждает, но даже и похваляет, ибо не прежде законного брака сочеталась она с Воозом, но по закону, будучи вдовой, моавитянкой, и так, зачав, родила Овида, деда славному царю Давыду. И да заградятся уста глаголющим на Бога неправду. Славный тот богоотец и пророк говорит, что «не от востока, не от запада, не от пустыни возвышение, но Бог есть судия, и одного он смиряет, а другого возносит. Ибо чаша, – говорит, – со смешанным вином в руке Господней исполнена разделения». «Ибо кто, – гласит Писание, – познает ум Господень, или кто был советником ему». «Ибо он

взял грехи наши и беззакония наши понес; раною его мы все исцелились», но при этом он не обременился нашими прегрешениями, как говорят некоторые, конец которых – крайняя пагуба, а только сам облегчил от тяжких бремен хребет наш. Ревнив Бог, не даст он славы своей тому, кто уклоняется от него, покарает его с творящими беззаконие. Ибо нет неправды у Бога, и скажу, что не будет. Провидит сердца и утробы, ибо он Бог праведный.

Если хочешь узнать о том, зачем священнослужители получают груди.

Зачем повелено брать груди священникам. То зримо сжигалось на жертвеннике, в знак того, что Бог заповедал им никогда не возвращаться на лукавые их деяния: тук – это знак Закона, его приносили за грехи их, тук приносим был за чревоугодие, почки же – за похотное сластолюбие, селезенка – за ярость, ибо она на желчном месте лежит. Священнику же как часть его отдавались груди и плечи. Грудь – ради ведения, ибо испытывает Бог святителя, плечи – ради действия, чтобы и деятелен, и умудрен ведением был святитель.

Или то, что говорится в книге Левит об отрывании жвачки. Может быть, и об этом знать – тоже тщеславие? Учит нас этим, как подобает быть чистым. Животными, имеющими раздвоенное копыто, учит нас отделять благие деяния от супротивных им. Жующими жвачку – быть боголюбивыми. Ибо как жующие жвачку отрывают пищу, так и нам подобает день и ночь помышлять о Божиих заповедях. Водными же животными, имеющими перья и чешую, учит нас: как одни пребывают вознесенными горе, а другие держатся дольного, так подобает и нам возвышаться со благими и разумными деяниями, а не оставаться приземленными. Птицами же учит нас воздерживаться от лихоимства, не ходить во тьме – не во тьме, но в свете, что значит: в правде.

Или знать о том, что лишь на пятый год заповедано есть от древа плод, это тоже значит тщеславиться? Из-за множества словес минуя книги Второзаконие, и Судей, и Руфь. Укажу на Экклезиаста, сказавшего: «Плеть треременносплетенная не скоро перервется». Ведь не о плети говорит Соломон, а о

замыслах напоминает, ибо всякая дума и замысел, если они утвердятся и не поколеблются, то достигнут желаемого. Ради этого и сотворил Соломон притчу о плети.

Но вспоминаю о моем писании ко князю твоему, а моему присному господину: «Ибо и пиявицы той не уберегся». Пиявицей называет Писание сластолюбие и славолубие, что прекрасно прилепляются не только к египтянам, но и к иерусалимлянам. А египтяне – это миряне, иерусалимляне же – монахи. Славы же и сласти не только миряне желают, но и монахи; желание это преследует всякого из нас до самого гроба; даже если кто из нас и до глубокой старости дойдет, то и здесь от славолубия отстать не может. «Ибо диктатор мой изнемог от чувственных и невещественных разбойников на пути из Иерусалима в Иерихон». Диктатором ум называется, так что здесь сказано: «Ибо и ум мой изнемог»; чувственными же и невещественными разбойниками называет бесов; Иерихоном же мир называется. На это в Евангелии указывает Господь наш Иисус Христос, говоря: «Человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, и, раздевши его, изранили его». Иерусалимом называется Эдем, Иерихоном же – мир, исходящий же человек – Адам, разбойники же – бесы, ибо их прельщением обнажился он от Богом тканой одежды, ранами же называет грехи.

Что я по-философски писал, не пойму! Христос сказал апостолам, святым ученикам: «Вам дано знать тайны царствия Божьего, а остальным – в притчах». Это ли, дорогой мой, философия, с помощью которой я славы ищу пред людьми?

Когда описывают евангелисты чудеса Христовы, хочу я это понимать иносказательно и духовно. «Что мне в дочери князя Иаира?», – вопрошаю духовно, и отвечает мне: «То и то». Что мне в дочери ханаанеянки, но я хочу понять о ней духовно. Что мне в кровоточивой, – ищу смысла слова! Что мне в пяти хлебах и двух рыбах, – спрашиваю евангелиста! Что мне в усохшей смокве, – вопрошаю о смысле слова! Что мне в той старице, подавшей две медных монеты в сокровищницу! Но молюсь, чтоб омраченная моя душа стала вдовицей и подала две лепты в сокровищницу: от плоти – целомудрие, от души же

– смирение. Что мне в ловлении рыбы, – вопрошаю евангелиста! Что мне в страждущем водяной болезнью, когда хочу я понимать о нем духовно! Обо всех этих божественных Господа нашего Иисуса Христа знамениях и чудотворениях, упоминаемых в святом Евангелии, умышленно я помянул, что так же нашли подобающим применить и святые и блаженные отцы наши к Господьским словам и истолковать и то, и это весьма полезно, и хорошо, и похвально.

Все это не так чудно и славно, как сама та истина, которую Господь наш делом показал, сотворив чудо и знамение, воскресив дочь князя Иаира, уже умершую и испустившую дух. Если и ханаанеянку помянем, и кровоточивую, и пять хлебов, и две рыбы, и усохшую смокву, или ту старицу, подавшую две лепты в сокровищницу, и ловление рыб, и страждущего водяной болезнью, исцелившегося, о котором у Луки, все это именно так воистину было, как рассказывает евангелист, и Господь наш не притчею, но делом показал божественные свои знамения и чудеса.

Что мне в самарянке, даже если она и свята, и в пяти мужах ее, и в шестом, или в колодце Иакова, и в сыновьях Иакова, и стадах их! Но говорит мне отец ираклийский епископ, хочешь ли узнать о чем: самарянка – это душа, а пять ее мужей – пять чувств, а шестой ее муж – ум, колодец Иакова – запинатель по Иакове, сыновья Иакова – добрые деяния, стада же – благие помыслы.

Это ли, брат, в поисках славы пишу?! Сильно ошибся ты! Исцеляет Иисус расслабленного, страдавшего тридцать восемь лет, у Овчей купели, которая имеет пять притворов. Что значит тридцать и восемь лет? И говорит мне авва: купель – это крещение, где искупался агнец Христос, пять притворов – четыре чувства, пятое – разумение; тридцать лет расслабленный есть всякий, кто не верует в Троицу; о восьми годах поведает тебе Соломон, сказавший: «Дай часть семи, также и восьмому». Доискивающийся до всего этого в тонкости должен ли, дорогой мой, по-твоему, тщеславиться?!

И снова вспоминаю упомянутого тобой учителя Григория, которого не стыжусь и святым назвать. И не осуждая его, хочу

сказать, но ради истины: Григорий знал альфу так же, как ты, и виту подобным же образом, и всю на двадцать четыре буквы грамоту. А слышишь ли ты, есть у меня мужи, я сам тому свидетель, каждый из которых может сказать альфу, не лгу, на сто, или двести, или триста, или четыреста раз, и виту – так же. Вникай, мой дорогой, велено вникать и уразумевать, что все происходит, и содевается, и укрепляется силой Божией. Не дается ни единая помощь без помощи Божией, ни единая крепость без укрепления Божьего, ибо сказано – «все, елико восхотел Господь, то и сотворил на небесах, и на земле, и в море, и во всех безднах» и прочее.

Подобает нам, возлюбленные, вникать и уразумевать. Посмотри на огонь, из камня высекаемый и трением из дерева исходящий, что создается и возгнетается человеческими вещественными руками. Когда огонь разгорится, смотри, как ухищрением человеческим очищается самая чистая вещь, влагаемая в него. Например, если окажется золото или серебро наполненным какой-либо скверной или примесью, и если вложить их в огонь и жечь огненным пламенем, то очищается это золото и серебро и возвращается давшему его чистым и невредимым, а подмешавшаяся к нему грязь без помехи уничтожается. Так если вещественный огонь, сотворенный Богом на службу наделенному умом, мыслящему и разумному человеку...

И посмотри на силу пламени.

Человек, почтённый Богом, очищает вещь вещь. Так если мы, будучи творением Божиим, действуем как хотим с помощью твари, им же сотворенной, то, тем более и более, что следует помышлять нам о Боге, разума которого и премудрости не может наш ум и в малой степени постигнуть; и не только наш ум, но и святые ангелы и архангелы и все ангельские чины. Не подобает ли Ему действовать через им самим сотворенную тварь, как он хочет, управлять великославным своим кораблем. Промыслу же его не подобает нам противиться, только славить и благодарить. И как приняли мы законное и благодатное Святое Писание от общего владыки, Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя и правителя наших душ, от святых и

божественных его апостолов по дару, благодати и силе Духа, так да будем держаться, возлюбленные, за эту поданную нам надежду, не уклоняясь ни влево, ни вправо, да не ввергнемся на самое дно пагубы, но, приближаясь к истинным и честным церковным святителям, достигнем вышней светлости в грядущем царствии Господа нашего Иисуса Христа, которому слава вместе со Отцом и пресвятым и благим и животворящим Духом всегда, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Ибо не ехион морской преградил путь кораблю, внутри которого спал тревечерний странник! А ехион – это такое есть в море малое и неприметное животное, многожды бывает оно учителем плавающих. Ибо когда собирается быть буря и бывает затишье перед ней, тогда, предвидя смятение, которое предстоит поднять ветру, влезает оно на твердый камень и сильно качается, так что волнам морским невозможно его оторвать; и когда это знамение видят корабельные гребцы, то уразумевают, что приближается ветреная буря. Никто из астрологов или халдеев, следящих за ходом звезд и предсказывающих воздушные бури, не учил этого ехиона, но морю и ветрам Господь худую эту животину наставил на истинное последование великой своей мудрости. Ничто не преобидено Господом, все видит бессонное его око, за всем смотрит, надо всем стоит, подавая всякому спасение. И раз уж того ехиона не оставил Бог без своего места, то сколь более изобилуют его щедроты и человеколюбие для нас, уповающих на имя его святое. Устраивает премудро своим промыслом наше спасение и повелевает всякому так, как желает.

Когда был послан Богом пророк Иона в великий град Ниневию, да проречет ему тридневное разорение, и сверх силы своей воздвиг пророк гнев на Бога и восхотел бежать от лица Божия в Таре, тогда не ехион морской остановил плавание того корабля, в недрах которого спал Иона, тревечерний тот странник, тревечерний – потому что столько времени в ките оставался, странник же – потому что бежал. Ибо не было тогда ни времени, ни дней алкионских, но всемогущая сила Божия сделала так, что разбился корабль. Пророк, гневаясь, бежал, чудодеев же Владыка запретил кораблю. Ибо множество можно

было видеть тогда кораблей, без помехи плывущих туда и сюда, только один из них из-за Ионы терпел жестокое крушение. И до тех пор не успокоился, покуда не заполучил гневливого того бегуна, препоручив морю его спасение. Море же, приняв его, пустило в пучины свои, пучины же, принявши его, отдали в чрево бессолнечному зверю, глубинному льву, или киту. Чрево же китово, пророка приняв, хотя того или не хотя, скоро принесло доброго проповедника к Ниневийскому граду; сладкоядный, принявши в утробу, снова выпустил на свет того, кто провидел слово Господне, и научил спасению, и даровал от Бога жизнь тем, кто покался. Кто же это все сотворил, не Христос ли Бог, дивный в славе, творящий один чудеса!

Ибо не семидневный срок, охранявший рождение и возрастание птицы алкиона, утишил девственную пучину, но юноши рыдание, удивившее с ним плывших. Алкион есть морская птица, гнездо себе вьет на морском берегу, на песке, и яйца рождает на песке среди зимы, когда со многими бурями устремляются ветры на землю. Но прекращаются в то время ветры и утишаются волны морские, когда алкион семь дней сидит на яйцах, ибо только в те дни высиживает он птенца. И так как на вскармливание птенцов и возрастание их требуются другие семь дней, то великощедрый Бог даровал малой сей животине такую тишину на время ее рождения и возрастания. Об этом и мореходы знают, называют они те дни алкионитскими. Это и нам наука, как просить у Бога себе добра и пользы, чтобы некогда получить и сподобиться спасения, которым Бог и бессловесных наделяет по своему промыслу. Ради же нас что ни сотворит он преславное, по образу и по подобию Божию сущих, если даже ради малой птицы удерживается такое великое гордое море, посреди зимы тихо стать повелеваемое.

Когда великий Григорий Богослов в юности плыл в Афины, желая выучиться их наукам, и внезапно поднялся бурный ветер и взволновалось море так, что корабль стал терпеть крушение и все уже отчаялись остаться в живых, тогда юноша так рыдал и стонал, что заставил дивиться этому всех находившихся на корабле людей, и внезапно от ярости Посейдоновой, то есть

морской, они освободились и очутились в кротости Деметры-земли, то есть в кротости земли и покое. Деметрой земля называется.

В глубокой старости глубокое возвещал. Ибо в крайней и глубокой старости написал шестнадцать чудных и хвалы достойных Слов, которые установлено читать в церкви за великий разум и глубину сокровенных в них дивных словес.

Не прованская саламандра погасила ту, что была разожжена сорокадевятикратно для составивших тогда в Багдаде всемирный хор. Саламандра – это зверек, живет во внутренней Индии, а внутренняя Индия – это Средиземлие, в тех местах, в горах и живет этот зверек, что зовется саламандрой. И так он устроен от Бога естеством: если бросят его в огненную печь, то пламень от него угасает, а сам он остается невредим. А под 49-кратно разожженной подразумевает писатель вавилонскую печь, которую растопил незаконный царь, самый злохитрый на земле, когда сотворил он и поставил тело золотое, которому не поклонились богоносные дети. Тогда нечестивый тот цесарь повелел разжечь печь на семижды семь крат. Сочтя семью семь, получаем 49. И так те юноши в столь сильном огне не сварились, потому что осиял их прохладный дух и превратил пламень в росу. И это не саламандра погасила багдадскую, или вавилонскую, печь, но всемогущий ангел Божий, Христос Бог, единородный Сын Отчий, среди пламени спас трех верных юношей, прохладив промыслом Божиим. Нечестивый же тот царь как будто дару пророческого сподобился, ибо, увидав его в печи, провещал предстоящим: «Не трех ли человек ввергли в печь?»; и все как в один голос сказали: «О цесарь, во веки живи, трех». «А как же, – сказал он, – вижу четырех, и образ четвертого подобен Сыну Божию?» О, как велик твой промысел, человеколюбче Христе, не только отроков спас и чудо сотворил, но и предуказал на будущую тайну рождества своего от Девицы. Сперва своему боговидцу Моисею в купине явил девическую тайну, так же и в печи дал прообраз неопалимой девической утробы твоей матери, желая своею волею принять земнородный образ, человеколюбче.

Не гульные слова остановили ассирийских зверей перед тем скопцом, что сподобился боговедения. Гульные слова – значит волшебные, ведь многократно могут разные чародеи укрощать лютых псов и зверей кознями чародейства. Когда Даниил был во рве, вверженный туда вместе со зверьми, то не волшебные ухищрения, не чародейства заградили уста ассирийским зверям, не таков был пророк, но вседержительная и всемогущая сила Божия, словно овец, тех пророку показала. Не грифон из Александрова хождения по поднебесной высоте скоро перенес от египетской нивы в халдейскую яму одного пророка, чтобы накормить другого пророка; а грифоном зовется птица ног, о которой рассказывается в эллинских писаниях об Александровой путешествии по поднебесной высоте. Когда Аввакум из Египта шел ко жнецам и нес им брашно, тогда не грифон, или ног, поднял его, но посланная свыше сила Божия. Скоро ангел перенес того пророка, чтобы увидел он беду другого пророка, и место то, и душу его, изможденную и алчашую брашна, и насытил его, послав ему изобильно через тезоименника.

Но если я стану писать обо всем до единого, то понадобится мне целое лето, чтобы повествовать.

Что мне в Пентефрии скопце, который купил Иосифа! Если скопцом был, почему имел он жену, этого, что ли, ищущ? Имел он ее для попечения над каждодневными делами домашними, потому она, оставшаяся без мужа, и воспылала похотью к тому. Или что мне в коростелях, сгнивших до утра при исходе из Египта, или и здесь мне скажешь, чтоб я не тщеславился! Ведь было преступление закона: Бог повелел им, уча жить свободным житием, чтобы брали они себе пищи столько, сколько требуется на день, они же не веровали и собрали больше, чем требовалось для дневной пищи; потому и протухли коростели. И что «не следует варить ягненка в молоке его матери», может быть, по-твоему, и в это вникают ради тщеславия? По некоему обычаю принято считать, что тот, кто варит ягненка в молоке его матери, варит и мать. А закон это отвергает – приносить Богу вместе с потомством мать его.

Премного я, брат, дивлюсь, как же учил тебя Григорий, если всего этого не дал тебе постигнуть. Вот уж дивлюсь!

* * *

ПОСЛАНИЕ, НАПИСАНО КЛИМЕНТОМ, МИТРОПОЛИТОМ
РУСКИМ, ФОМЪ, ПРОЗВИТЕРУ СМОЛЕНСКОМУ,
ИСТОЛКОВАНО АФОНАСИЕМЪ МНИХОМЪ

Господи, благослови, отче!

Почет писание твоея любви, яже еще и медлено бысть, почюдихся и в чинъ въспомановения приникъ, зѣло дивихся благоразумию твоему, возлюбленный ми о Господе брате Фома. Имати писание твое наказание с любовью к нашему тщеславию, и тако с радостию прочет пред многими послухи и пред княземъ Изяславом тобою *присланое* къ мнѣ писание. И вину ми исповѣдавшу, егоже ради пишеши, ты же, любимиче, не тяжко мни мною восписаную ти хартиєю.

Речеши ми: «Славишися, пиша, философ ся творя», а первые сам ся обличаеши: егда к тебѣ что писах, нѣ ни писах, ни писати имам. А речеши ми: «Философьею пишеши», а то велми криво пишеши, а да оставль аз почитаемаа Писания, аз писах от Омира, и от Аристотеля, и от Платона, иже во елиньскихъ нырѣхъ славнѣ бѣша. Еще и писах, но не к тебѣ, но ко князю, и к тому же не скоро. А еже сожалил еси, оже ты есмь вмѣнилъ, а Богъ свѣдѣтель, яко не искушаа твоего благоумия, но яко просто писавъ. Да еще того не могль еси разумѣти, то всуе приводиши на мя *учителя* своего Григоря.²³⁶ Речеши бо: «У Григоря бесѣдовал есмь о спасении душевнѣмъ». Да еда коли порекох ли укорих Григоря? Но еще исповѣдаю, яко не токмо праведенъ, но и преподобенъ, нѣ еще дерзо рещи, святъ есть. Но обаче того еще не училъ ты, то не вѣдѣ, откуда хочещи поручившаяся тебѣ душа руководити, Григорю бо и тебѣ того не вѣдати.

Но чудо речеши мнѣ: «Славишися!» Да скажу ти сущих славы хотящих, иже прилагают домъ к дому, и села к селомъ, изгои же и сябры, и бѣрти, и пожни, ляда же, и старины, от нихже окаанный Клима зѣло свободен. Нѣ за дома, и села, и борти, и пожни, сябрь же и изгои – землю 4 локти, идѣже гроб копати, емуже гробу самовидци мнози. Да еще гроб свой вижду

по вся дни седмь краты, не вѣмъ откуда славити ми ся. Не бо ми, рече, мощно иного пути имѣти до церкви, кромѣ гроба. Аще похотѣлъ бых славы, по велику Златоязычнику, то не чудо, мнози бо богатство прѣзрѣша, славы же – ни единъ, а первое искалъ бых власти по своей силѣ. Но съвѣдый сердца и обистья тѣ единъ съвѣсть, но елико молихся, да бых избавился власти. Паки ли по его смотрению а случить ми ся – супротивити ми ся ему нѣсть лѣпо.

Отселѣ, любимиче, отвѣта да не сотворюю ти, но на въпрос твое благоумие понужаю. Нѣсть ли лѣпо пытати потонку Божественных Писаний? Торчивѣ блаженному Соломону, рекущу въ Притчах: «Аще утвердиши к нему око свое, никакоже сравнить ти ся».²³⁷ Уже и Соломон, славы ища тако пишет? Или: «Премудрость созда себѣ храм и утверди седмь столпов».²³⁸ А то, славы же ли ища, пишет? Се бо глаголетъ Соломон «премудрость созда себѣ храм»: премудрость есть Божество, а храм – человечество, аки во храм бо вселися въ плоть, юже приять от пречистыа владычица нашеа Богородица истинный нашъ Христос Богъ. А еже «утвердивъ 7 столпов» – сирѣч 7 соборов святых и богоносных наших отецъ.²³⁹

Что же паки сего Соломона родивый: «яко благоволиша раби твои камене и персть его ущедрят».²⁴⁰ Да о каменьи ли Бог Отецъ или о персти глаголетъ, то коли ми велиши, любимиче, разумѣти камене ти персть? Се бо Богъ Отецъ о апостолѣхъ глаголет.

Аще ли почитаю Бытийских книгъ боговидца Моисия: «Рече бо Господь Богъ: Се бысть Адам яко и мы и яко един от нас, и нынѣ да не простеръ руку возмет от дрѣва жизни».²⁴¹ Ни ли того почитати тщеславиа ради? Се исперва лукавый враг диавол и человеконенавѣстникъ, не могый никакоже прельстити умна и словесна человека, Богомъ почъщена, но едину от скотъ земных обрѣте себѣ змию съсуд и ходатаицю и тою испустилъ живый глас въ уши Еввы, поушая ю на пространие руки ко *дрѣву* разумному добру и злу и на вредное то вкушение. И виждь, кацѣми ти глаголы лстивыи поущает ю, и подвижет ю, и быстру творит на дѣло вкушения. Глаголет бо к ней: «Аще снѣста от дрѣва, будета, яко Богъ, разумѣюща злу и добру».²⁴² Жена же,

сущи акы немощна, послѣ жь мужьжа бывши, въ равенство возвыситися хотящи Божеско, абие притече къ древу и вкуси скоро и мужеви дасть.²⁴³ Нъ, увы и моей немощи, моя бо прадѣдняя ми снѣста ми бо и нага быста!²⁴⁴

И вижь, како ти лукавый уже отскочи, яко побѣду и натрыжненные уллучивъ, видя обнажены боготканья одежда. По семь же паки Господь, глагола къ Адаму: «Се Адам бысть яко единъ от нас»,²⁴⁵ поругания ему образ дая, рекше: «Гдѣ ти бѣ съвѣтъ лъстиваго диавола, рекшая ти: “Будета акы Богъ”, се уже не токмо нѣси яко аз, нѣ и чѣсти моя обнажился еси и смертную язву и суд приимеши, яко земля еси и в землю поидеши», и прочіе.²⁴⁶

Что же ли мнѣ, брате, Иаковъ и двѣ женѣ его, Лия и Рахаль,²⁴⁷ иже тако почитати, а не искати по духу! Яко образ имѣа Иаков, въ всѣхъ благъ, якоже бо Богъ двоя люди имѣ, израильтескыя и иже от языкъ, да убо израильтестии людие покров имѣаху на сердци, се же есть, о невѣрѣ прилѣжаху, а еже от языкъ вѣрною облежаху добротою, тако Иаков двѣ женѣ имѣ, Лию убо въ образ израильтескыхъ людей, тѣмъ и очима болна бѣ, понеже израильтестии людие покров имѣаху на сердци, и Рахиль, – иже от языкъ людие, того и красну блаженое Писание его глаголет, яко тѣмъ иже от языкъ людие вѣрною добротою приспѣваху и, Спасу вѣровавше правдою, искорене исторгоша лѣсть, образ же сему бѣше Рахиль, того ради и отча идолы окраде.²⁴⁸

Что ми хромота Иаковля, еда печаль ми, аще храмлет! Иаков бояшеся Исава, брата своего. Дерза убо творя Богъ Иакова, брася с нимъ, яко «съ Богомъ укрѣпился еси, а съ человеком не можеши». Паки же образ бѣше Иаков Божіа Слова воплощению. Сего ради и стегну ему утерпѣ,²⁴⁹ понеже Божіе естество крѣпчаи челоуеча естества бѣше.

Что же ми Зарю и Фаресом! Но нуждюся и увѣдѣти прѣводнѣ. Егда тщеславие и тои есть? Провозвѣщениа бо яже о Зарѣ и Фаресѣ, двоихъ людий: Форесъ убо – израильскихъ, Зара же – тѣхъ, иже от языкъ. Того ради убо Зара прежде выложи руку, иже прежде Закона житіе показа. Прежде бо Закона бѣаху нѣции богочестіемъ облежаще, не по Закону, но по вѣрѣ живуще.

Червленаа же вервь – възвѣщение то бѣаше преже Закона бывших жертвъ, яже сотвори Авель, Енох, Ной, Аврам. Тако оному руку вѣвлекшу, се же есть – оному отшедшу благочестиа, изыде Фаресъ.²⁵⁰ Среда бо есть Закон тѣм же и бѣаше преже Закона. Иже по Законѣ положим Лию, яко несовершену по благочестии рещи, и да како писатель, ясно пиша, рече: «Бѣ мужъ вазнив»?²⁵¹ Почти подлежащее речение и обрящеши истинну, рече бо: «и бѣ Господь с нимъ».²⁵²

О Озарѣ и Фаресѣ. Ибо о семь Божественное Писание сказа, въ первых книгах Моисиевых пишет, еже о Авраамѣ и о прочих, поминаетъ же Иуду, от негоже по плоти Христос Богъ нашъ, како Фамара, сноха его, и того прелести, блудническимъ образом украсившеся. Но да не потязаетъ же ся о семь Иуда, не бо бѣаше блудникъ тѣ, ни вѣдый сего сътвори, глаголю же, ни Фамара, аще и вѣдущи съвокопися, не бо прелюбодѣйства ради та изволи совокупитися, но дѣтотворения ради. Поятъ убо Иуда, – глаголетъ Писание, – жену от хананѣй, ейже имя Висуя, и влѣзе к ней, и заченши роди сынъ и прозва имя ему Ирѣ, и потом пакы роди сынъ и нарече имя ему Аунанъ, и приложивши еще роди сынъ и прозва имя ему Силомъ. Приведе же Иуда жену сыну своему Иру, первенцу, ейже имя Фамара. Бысть же Ирѣ, первенецъ Иудинъ, золь пред Богомъ, и уби и Богъ. Рече же Иуда Аунану, сыну своему: «Влѣзи к женѣ брата своего и поими ю и вѣстави племя брату своему». Разумѣвъ же Аунанъ, яко не себѣ ему племя, и бысть егда влѣзе къ женѣ брата своего, пролий сѣмя на землю, да не будетъ племени брату своему. Разумѣвъ же, золь ся явися пред Богомъ, понеже сотвори се, и уби сего Богъ. И рече Иуда Фамарѣ, невѣстѣ своей: «Иди и сѣди в дому своему, Дѣндеже великъ будетъ Силомъ, сынъ мой». И шедшии же Фамара сѣдѣ в дому отца своего. Минуша же днии ей, умре Висуя, жена Иудина, и утѣшився Иуда, и възиде ко стрегущимъ овецъ его сам.

И Ирасъ, пастухъ его, повѣдаше Фамарѣ, невѣстѣ его, глаголющи: «Се свекоръ твой восходитъ навидѣти овецъ своихъ». И свергши ризы вдовѣства своего съ себе и облечеся в ризы утворенныя и сѣде предъ враты удаже минуетъ Иуда. Видя ю Иуда и мняше ю любодѣицу сущю, покрыла бо бѣаше лице свое, и не

знааше ея, яко неѡста ему есть, съвратив же ся, рече к ней: «Попусти ми внити к себѣ». Си же рече: «Что ми вдаси, аще влѣзеши ко мнѣ?» Се же рече: «Аз тобѣ дамъ козлище от стадъ своих». Она же рече: «Аще даси ми залог *дондеже пустиши*». Сѣ же рече: «*Дамъ залогъ*»; она же рече: «Перьстенъ твой, и гривну, и жезлъ, иже въ руцѣ твоей, дай ми». И да ей, и влѣзѣ к ней. И зача от него. И вѣстав отиде. И свергши же она ризы своя утворенныя и облечеса в ризы вдовѣства своего. Пусти же Иуда козлище от козъ своих рукою Дамасита, пастуха своего, и взяти залог от жены. И не обрѣте ея Дамасит, и вопроша муж населникъ, гдѣ есть любодѣавшия. Они же рѣша: «Нѣсть здѣ любодѣи». Бысть же по третьемъ месяци, повѣдаша Иудѣ: «Сѣблуди Фамара, неѡста твоя, и се имать въ чрѣвѣ от блуда». И рече Иуда: «Изведите ю, да ю уждегутъ». Ведомѣ же ей, посла къ свекру залог, глаголющи: «От негоже человека есть се, и от того же и азъ имѣю въ чрѣвѣ, познай, чий есть перстнѣ, и гривна, и жезлъ сий». И позна и Иуда и рече: «Очистися Фамара, зане не дах ея Силому, сыну моему, и не приложи по томъ прилѣпитися ей».²⁵³

Смотри же, како ти въземлетъ Фамара от Иуды залог, не мѣзды хотящи, но мнящи, яко ту абие от совокупления и дѣтородиа украдет. Ти аще бы сего залога не взяла, то *смертию бы* от Иуды осуждена бывши умерла, не бы бо вѣровал Иуда словесем ея, яко от него зача въ чрѣвѣ. Но вижѣ, како ти посылаетъ к нему глаголющи: «Чий есть залог си». И познавъ Иуда перьстенъ свой, и гривну, и жезлъ, рече: «Очистися Фамара» и, осудивый ю прежде смертию, слыша, яко согрѣши, увидѣвъ же пакы свое совокупление, уже оправдаетъ ю и очищаетъ, зане не да ея Силому своему.

Грѣху бо и осуждению послѣдуетъ смерть,²⁵⁴ правдѣ же и очищению послѣдуетъ живот. Того ради Фамара оправдася. И тако, заченши, роди плод, образ Закону и Благодати, Зару и Фареса. И бысть егда приближися время рождению ея, Зара прежде выложи руку. Ждющаа исхождения ея повяза тому червлѣну вервь на руку, таче оному руку вовлекши, таче изыде Фаресъ,²⁵⁵ среда бо есть Фарес прежде бывших благочестию и хотящих быти Благодати. Почто же Зара вложи ру[ку], прежде да

же не изыде Фарес? Не якоже ли образ бяше благочестию и Благодати? Тѣм же, руку извлек, *показа* благочестие, иже сотвори Авель, и Сифъ, и Енофъ, Ной же, и Авраамъ. Червленная же вервь образ бяше кровий приносимых жертвъ тѣми яже к Богу. И тако рукою показавъ: прѣжня отдавает Закону изыти преже, рекше, Фаресу; таче изыде Зара. Сию образ бяше, та провозвѣстила двоихъ люди, Фарес убо – израильскихъ, Зара же – иже от языкъ.

И виждь, како ти оправдается Иуда и Фамара яко не прелюбодѣйства ради се створи или уставити хотяще разгорѣние похоти. Аще бы сего похотѣла, не бы поискала Иуды, многим мимоходящим. Но от того племени похотѣ разрѣшити узы своего бещадия. Аще ли бы тоа плод от мнимыа скверненыя тоя нечистыа похоти и безакония былъ, кромѣ смотрения Божиа, то не бы и Богъ тоя плодом прообразовал великаго своего смотрения тайну хотящую быти, но да сотворить обавление, якоже отбѣгшее и отползъшее естество и отвалившееся въ безаконныа сласти, приде его исцѣлить Христос, и тому бѣжащу, ять и, отдалившуся от Бога, и к себѣ, приближивъ, его приведе.

Пишет бо евангелистъ: «Иуда роди Фареса и Зару от Фамары, Фаресъ же роди Есрома, Есром же роди Арама, Арамъ роди Аминодава, и Аминодавъ роди Насона, Насон роди Салмона, Салмон роди Вооза от Рахавы, Воозъ роди Овида от Руфы, Овидъ роди Иессеа, Иессеа роди Давыда царя».²⁵⁶ Матфѣй и Лука, чистаа евангелиста, явѣ показаста, яко от Давыдова племени единачадое Слово Божие родися, от чистыа Девица, Христос Богъ нашъ. Матфѣй убо от Давыда Соломоном сводить Иосифа, обручника Мариина, Лука же – Нафою.²⁵⁷ Иосифъ же от Давыдова исходя племени, правдивъ сый, яко ему свѣдѣтельствуеть святое Евангелие, да не бы чресъ закон святую Деву обрѣт, привел, аще не бы от сего знамениа исходила.

Подобаеть же ны и се вѣдѣти, яко бяше закон: мужу умершу, сего брату умершаго жену его пояти себѣ женѣ и воставити племя брату своему; да убо видим: еже по естеству втораго рожешаго бяше, по закону же – умершаго. И от пленица

убо Нафовы, сына Давыдова, Левгия роди Мелхию и Панфира, а Панфиръ роди Варпаифира, сице ся зовуще, Варпаифиръ роди Акима, Аким роди святую Богородицю. А от пленица Соломоновы, сына Давыдова, Матфанъ имѣ жену, от неаже роди Иакова; умершую же Матфану, Мелхий, от колѣна Нафова, сынъ Левгиинъ, братъ Панфиров, поять жену Матфаню, а мать Ияковлю. И роди Ильа и быста единоматерьца *Иаков же и Илиа*, Иаковъ от колѣна Соломонова, и Ильа от колѣна Нафова. Умре же Илий без дѣтища, и поять Иаков, братъ его, иже от колѣна Соломонова, жену его, ти въставит сѣмя брату своему, и роди Иосифа, да Иосифъ есть естеством сынъ Ияковль, по закону же – Ильинъ, иже от Нафы. Иаким же чистую и хвалы достойну Анну поять женѣ, от неяже родися пречистаа девица, владычице наша Богородица и присно деваа *Мариа*, от Давыда племени *сводима*, от неяже родися истинный Христос Богъ наш. То аще *Мариа* от Давыда, явѣ и Христос от Давыда племени есть; то аще от Давыдова племени есть, то аще от Давыдова, то и от Фареса; аще ли же от Фареса, то воистинну от Июдина колѣна восия Господъ нашъ, якоже и святое Евангелие глаголетъ. Аполинариево безумство²⁵⁸ стыдится глаголати о совершенѣмъ и воплощеніи и въ человечьнѣмъ истоваго нашего спасения якоже видѣти стыдящася и мняща: грѣхъ есть прилагати къ Спасу Христу. И сему без грѣха на се пришедшу,²⁵⁹ и приимышу рабий образ,²⁶⁰ и на угашение грѣховныа силы въчеловечишася, всяко бо: идѣже Богъ, то нѣсть грѣха, то чим может осквернити скверныи бо ино развий грѣха. Сего ради самовидьци мнози и работники Христови бывше съ всѣм дерзновением повѣдаша, плотнаго ради ничтоже мнимаго хулна не пытающе, и тѣми наказующе.

Друзии же се хулно мнят, поминають же Зару и Фареса и глаголют, яко от прелюбодѣiania рождешися. Не бо от прелюбодѣйства родистася, но по смотрению Божию. Егда без совокупления бѣше *Фамара*, посягши за перваго сына Иудина, таче – за втораго? Уне бо ей тогда зачати въ чревѣ, нежели от единого того съвокупления Иудина. Но тогда узу бесчадіа носящии во чревѣ въ ча[до]родѣя мѣсто. Се же от единого смѣса уза бесчадіа ради разрѣшися, и тако, заченши, роди

богознаменитый тѣ плод, Богъ бо – огонь, поядая²⁶¹ и очищаа грѣхы.²⁶² Тогда бо в завѣтѣ, еже къ Аврааму, дѣйствоваше Богъ, тѣми прообразова хотящаа быти.

Аще ли же вся законнаа потязати хошем, то убо от обоюнадесяте патреарху нѣкыа осудити хошем, яко и тѣхъ матери не вся законным браком съ Иаковом съмѣсишася, точию Лия и Рахаль по преданию отчю. То аще та вся потязаем и судим, то и сами прочіе бози хошем быти. Аще бо «Господь оправдая, то кто осуждаа».²⁶³ Паки иже по лѣтѣхъ и по родѣ мнозѣ възниче Моисий, иже и боговидѣнія на Синаистѣй горѣ сподобися, емуже прѣдлагает Богъ Закон написанъ на скрижалѣх каменных, людем израилевомъ под Законом повелѣваа быти. Преспѣвшу же Закону, уже преста завѣтное *многоженство* и единая жены сочетание узаконися. Закон бо упраздни Завѣта. Благодать бо упраздни обое, завѣтное и законное, солнцу въсиявшу. Нужа есть всему миру пребывати под мраком, но освѣтитися подобает прѣсвѣтлами лучами.

Тако и Христу, Богу нашему, солнцу праведному и озарившу нас божественными зарями и освѣтившу нас святым крещениемъ, и «се вся ветхаа низпадоша, и быша вся нова».²⁶⁴ И уже не тѣснитъ в Законѣ человечество, нѣ въ Благодати пространно ходит. Законнаа бо вся стѣнь подаша и образ бяху будущихъ, а не сама та истинна.

За умножение же словесъ не оставлю сказати о блаженнѣй Руфѣ, яко и та потязана есть. Яже не потязает Божествѣное Писание, *но* и блажить, яко не прежде законнаго брака сочтася съ Вузом, но посагши законнѣ, вдова сущи, моявитяныни, и тако, заченши, породила Овида, дѣда славьному царю Давыду.²⁶⁵ Но да заградятся уста глаголющимъ на Бога неправду. Тѣй бо славный богоотецъ и пророкъ глаголетъ, «яко ни от възхода, ни от запада, ни от пустѣ горѣ, яко Богъ судии есть и сего смѣряет, а сего возъносит. Чаша бо, – рече, – в руцѣ Господни вина неразтворена исполнена есть растворениа».²⁶⁶ «И кто бо, – рече Писание, – ислѣдитъ умъ Господень или кто бысть съвѣтникъ ему».²⁶⁷ «Тѣ бо взят грѣхи наша и безаконія наша тѣ бо понесе; сего раною мы вси ицѣлѣхом»,²⁶⁸ но обаче не обрѣменися прегрѣшениі нашими, яко глаголют нѣции, ихже конецъ –

сѣтнаа пагуба, но паче сам облегчи от бремен тяжьких хребетъ нашъ. Богъ бо ревнивъ сый, не дасть славы своея иному, укланяющаяся от него въ разньствие, поженеть съ творящими безаконие. Нѣсть бо неправды у Бога, реку же, ни будет. Испытает сердца и утробы,²⁶⁹ яко Богъ есть праведень.²⁷⁰

Коли того увидѣти хочещи, почто *грудѣ* взимают попове.²⁷¹

*Почто грудѣ повелѣно възимати попомъ. Яко се уже Богу съвѣдѣтельствующею на отинудное възвращение лукавыхъ имъ дѣний та сожегаема явѣ бяху на жертовницѣ: лой же есть, се Закона, си же даема бѣаху за грѣхи их, лой бо даем бѣаше за чревное ласкосердѣство, исти же – си же за чресленныя сласти, селезена – яростнаго ради, на золчѣнѣм бо мѣстѣ лежит. Святителю бо даемо бѣаше во участие собѣ ему грудѣ и рама. Грудѣ убо ради – вѣдѣнное, и истязана Богъ святителя, рама же ради – дѣанное, да и дѣаненъ и вѣдѣненъ бысть святитель.*²⁷²

Или яже въ Леугитскихъ книгахъ о отрыгании ѣчь. Еда и то увѣдѣти тщеславие есть? Уча нас тѣхъ ради, како подобаетъ быти чистымъ. Надвое дѣлящаго ради живота учить нас, да творимъ рассуждение благыхъ дѣний отъ супротивнаго. Жюющаго ради – яко да будемъ боголюбиви. Якоже бо жюущи пищу отыгають, тако подобаетъ и намъ день и ночь помышляти Божіа проповѣди. Вѣднѣхъ же ради, имущихъ пера и чешюя, учи[т] ны: да якоже она суть горѣ вознесена, другаа же долняя вещи держится, тако подобаетъ и намъ со благими дѣнїи и съ разумными совозвышати, а не земными остаати. Птица же ради учить насъ лихоимства воздержатися, еже не во тмѣ ходити; иже не во тмѣ, но въ свѣтѣ, се – еже въ правдѣ.²⁷³

Или на пятое лѣто отъ дрѣва ясти плодъ,²⁷⁴ а и то славится? Но множества ради словесъ *прѣмину число словесъ* и Второй Законъ, и Судыи, и Руфѣ. Реку же и Еклисиаста, рекша: «Уже, треременноплете, не скоро ся преторгнетъ».²⁷⁵ Не бо о ужї глаголетъ Соломонъ, но съвѣты удержаетъ, всякъ бо совѣтъ и дума, аще утвердится, не подвижется, и въ чаанїе приходитъ. Того ради и ужемъ притчу Соломонъ сотвори.

Но о писанїи моемъ воспоминаю, иже къ князю твоему, к моему же напрѣсну господину: «Понеже и пиавица она не

устрегохся». Пиавицю убо глаголетъ Писание и власть и славу, якоже не токмо египтяном, но и еросалимляном послѣдуетъ добро. А египтяне суть мирьстии, иеросалимляне же – мниси. Славы же и сласти не токмо мирьстии желаютъ, но и мниси, еяже хотѣние комуждо нас послѣдуетъ и до гроба, аще бо и кто нас во глубокоу старость доидеть, то и ту никакого же славолюбиа остатися не может. «Ибо и диктатору моему отнемогшу чювьственными и вещественными расбойники иерихонска прехода еже от Иеросалима». И диктаторъ – умъ скажется, тѣм же глаголет: «и убо уму моему отнемогшу»; чювьственнии же и безвещественныа расбойники глаголет бѣсы; Ерихон же – миръ скажется Се бо и въ Евангелии указываетъ Господь нашъ Исус Христос, глаголя: «Человекъ схожааше от Иеросалима на Ерихонъ и в расбойники впаде и съвлекше и язвы возложиша на нь».²⁷⁶ Едемъ убо Иеросалимъ скажется. Иерихон же – миръ, человекъ же исходяй – Адамъ, расбойници же – бѣси, прелщением бо тѣхъ боготканныа одежда обнажися, раны же глаголет – грѣхи.

Что философыю писах, не свѣмъ! Христос реклъ святымъ учеником и апостоломъ: «Вамъ есть дано вѣдати тайны царствия, а прочим въ притчах».²⁷⁷ То ли, любимиче, философыа, еяже славы ишу от человекъ?

Списающим евангелистом чюдеса Христова, хощу разумѣвати *прѣводнѣ* и духовнѣ. «Что мнѣ дщерию Аира князя?»²⁷⁸ – прашаю *прѣводнѣ*, и речеть ми: «То и то есть». Что ми дщерию ханаоныня,²⁷⁹ нѣ хошу увѣдати духовнѣ. Что ми кровоточивою,²⁸⁰ но ишу силы слову! Что ми пятью хлѣбъ и двѣма рыбама,²⁸¹ прашаю евангелиста! Что ми о усшей смокви,²⁸² прашаю силы слову! Что ми старицею оною, въвергъшею двѣ мѣдници въ святилище!²⁸³ Но молюся, да темнаа ми душа будет вдовица и въвержет двѣ мѣдницы во святилище: плоть – цѣломудриемъ, душу же – смирением. Что ми о ловитвѣ рыб,²⁸⁴ но прашаю евангелиста! Что ми воднотрудоватым ицѣлѣвшим,²⁸⁵ хотящю вѣдѣти и *прѣводнѣ*! Си же вся божественнаа Господа нашего Исуса Христа знамениа же и чюдотворения, иже въ святѣмъ Евангелии поминает, волею помянухъ, иже святии и *блажении* отци наши подобнаа ко

Господьским словесем приложиша сказати и истолковати то и то зѣло полезно и добро и похвално.

То не толма чюдна и славна, елма же та сама истинна, иже Господь нашъ дѣлом, чюдо и знамение сотворивъ, показа, възкресив Аира князя дщер, мертву суцу оттинудъ и издѣхшу. Аще ли и ханаоныню помянем, и кровоточивую, и 5 хлѣб, и двѣ рыбѣ, и о усшей смокви или ону старицю, вѣвергшую двѣ мѣдници въ святилище, и о ловитвѣ рыбѣ, иже от Лукы и о воднотрудоватѣм ицѣлѣвшем, си бо вся поистиннѣ тако суть была, якоже и евангелист говоритъ, еже Господь нашъ не притчею, но дѣлом божественаа своа знаменна и чюдеса показа.

Что ми самарянынею, яко аще свята есть, или 5-ю мужи ея или 6-мъ, или кладязем Иаковлим и сынѣми Ияковли и скоты их!²⁸⁶ Но речеть ми Ираклѣйскый епископъ, авва,²⁸⁷ того ли хочещи увѣдати: самаряныни есть душа, а 5-ть мужъ ея – 5 чювьствъ, а шесты мужъ ея – умъ, кладязь Ияковль – запинатель²⁸⁸ по Иаковѣ, сынове Иаковли – добрыа дѣтели, скотии же – блазии помыслы.

То ли, брате, славы ища, пишу?! Повелику соблазнился еси! Ицѣляетъ Исус расслабленаго, имуща 30 и 8 лѣтъ, на Овчии купѣли, яже имать пять притворъ.²⁸⁹ Что ли 30 и 8 лѣтъ? И речеть ми авва: купѣль – крещение есть, идѣ покупася овца Христос, 5 притворъ: 4 – дѣтели, пятии – видѣнии; 30 лѣтъ расслабленный – есть всякъ иже въ Троицю не вѣруеть; осмь же лѣтъ повѣсть ти Соломон, рекъ: «Да же часть седми, таче и осмому».²⁹⁰ Ища сего потонку, тщеславити ли ся велиши, любимиче?!

Поминаю же паки реченаго тобою учителя Григориа, егоже и свята рекъ, не стыжуся. Но не судя его хошу рещи, но истиньствуа: Григорей зналъ алфу, якоже и ты, и виту подобно, и всю 20 и 4 словесъ грамоту. А слышиш ты, ю у мене мужи, имже есмь самовидецъ, иже может единъ рещи алфу, не реку, на сто, или двѣстѣ, или триста, или 4-ста, а виту – також.²⁹¹ Расматрай, любимиче, расматряти велит и разумѣти, яко вся состоятся, и съдержатся, и поспѣваются силою Божию. Ни едина бо помощь развѣ помощи Божиа, ни едина же сила развѣ

силы Божиа, «вся бо, рече, елико восхотѣ, и сътвори на небеси, и на земли, и в мори, и въ всѣхъ безднахъ»²⁹² и прочее.

Расмотряти ны есть лѣпо, возлюблении, и разу[ме]ти. Виждь бо, яко же се огонь о[т] камня исѣкаем и от дрѣва исходяй, иже составляемъ есть и съгнѣщаемъ челоувѣчьскими вещественными руками; егда же силу изгорѣнія прииметъ огонь, смотри, како ти челоувѣчьскими хытростями чистѣйшаа вещь, влагаема въ нь, очищается. Рекше, злато и сребро аще наполнено будетъ каа любо скверны, рекше мѣса, ти влагаемо будетъ къзньнившу огонь, и изжигается огненымъ разгорѣниемъ, и очищается въложное то злато и сребро, и отдавается вложившему е и чисто и безъ врѣда, а вмѣшенаа та в не чернота безъ врѣда погибнетъ. Да ели то огонь вещественъ сый, иже Богомъ сотворенъ на службу умну и смыслу и словесу челоуку...²⁹³

И виждь како ти силу пламене.²⁹⁴

Челоувѣкъ же, почтенъ Богомъ, вещью вещь очищаетъ. Да аще мы убо, тварь суще Божиа, от него сотвореною тварию дѣйствуемъ, якоже хощемъ, то что ны есть, возлюблении, паче наипаче помышляти о Бозѣ, егоже совѣта и премудрости нашъ умъ ни худѣ достигнути не можетъ, не токмо же нашъ умъ, но и ти святии ангели и архангели и вся чиноначалиа. То нѣсть ли ему лѣпо дѣйствовати от него сътворе[но]ю тварию, якоже хощеть, управляти великоимениты свой корабль. Смотрению же его нѣсть ны ся лѣпо супротивити, токмо славити и благодарити. Якоже прияхомъ законная и благодатная Святыхъ Писаний от общего владыки, Господа нашего Исуса Христа, Спаса и правителя нашихъ душъ, от святыхъ и божественныхъ его апостолъ по дару и благодати и силѣ Духа, да держимся убо, возлюблении, за ту подлежащую надежду, не укланяющася ни на шую, ни на десно, да не в самое то дно падемся пагубы впадемся, но ко церковнымъ истиннымъ и честнымъ святителемъ грядущу и тако доидемъ вышняя свѣтлости въ приходящемъ царствии Господа нашего Исуса Христа, емуже слава купно съ безначальнымъ Отцемъ и пресвятымъ и благымъ и животворящимъ Духомъ всегда и нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.²⁹⁵

Яко не ехион морьскый ставляет шествиа кораблю, в немже храпяше тревечерний странен. А ехионъ есть в мори и малъ и худообиден живот, учитель бывает многажды плавающимъ.²⁹⁶ Егда бо хочет быти буря и утишение, тогда же преже разумѣти муть, будущъ от вѣтра, и, возлѣзъ на камыкъ твердъ, велми ся зыблетъ, якоже волнам морьским неудобъ отвлѣщи, да егда видят се знамение гребци кораблени, и разумѣють, яко приити имать буря вѣтрянаа. Никый же бо ястролог, ни халдѣй, на восход звѣздный зря, въздушных муть знаменуа, сего научи ехиона, но иже есть морю и вѣтром господъ худый сей живот вѣлицѣй своей мудрости на истинное послѣдование вложи. Ничто же бо преобидно от Господа, все видитъ безсонное его око, то все смотреть, у всего стоять, даа комуждо спасение. Да елико то ехиона не остави кромѣ своего мѣста Богъ, то колыми паче изобилуютъ щедроты его и человеколюбие до нас, уповающих на имя святое его. Устраааетъ и промышляетъ прѣмудрено спасение наше и повелѣвает комуждо, якоже хочетъ.

Егда же послан бысть Иона пророк въ Ниневгии, град великий, от Бога, да проповѣсть ему тридневное разорение, и выше силы своя пророку гнѣвъ воздвигшу на Бога, и от лица Божиа в Тарсъ бѣжати восхотѣ,²⁹⁷ то же не ехион морьскый стави шествие того корабля, в немже Иона храпяше во днѣ корабля, тревечерний он странникъ, тревечерний – яко толико въ китѣ пребысть, странникъ же – бѣжания ради. Не бо бяше время, ни днии алкиотистии тогда, но всемогущаа сила Божиа расбиватися кораблю створи. Пророкъ бо гнѣваяся бѣжаше, кораблю же възбрани чюдодѣа Владыка. Множество бо видѣти бяше корабль плывущих сѣмо и онамо без врѣда, един же расбивашеся лютѣ Ионы ради. И дотуда не препочи, донеле же гнѣвливаго того бѣгуна, морю прѣдав спасение, получи. Море же, его приим, *препусти в пучины* своя, пучины же, и приимше, прѣдаша и въ чрево безсолнечному звѣрю, глубинному лву, рекше, киту. Чрево же китово, пророка приим, любо хотя, любо не хотя, Ниневгитьску граду скоро добра проповѣдника принесе; сладкоядный того во утробу приим, паки же того на живот испусти, иже провѣда слово Господне и спасению научи, и

живот тѣмъ покааніа ради от Бога дарова. То кто се сотвори, не единъ ли Христос Богъ дивный въ славахъ, творяй чюдеса единъ!

Ибо *ни* время алкионитскаго раждания и возраста потворяя, седмореченый годъ парфагенъскую утиши пучину, уноши рыданиемъ, удивльшему съ нимъ пловущему.²⁹⁸ Алкионъ есть морскаа птица, гнѣздо же си творить на морьстѣмъ брезѣ, на пѣсцѣ, а яйца ражаетъ на пѣсцѣ средѣ зимы и егда многими бурями вѣтри земли прираждаются.²⁹⁹ Но обаче престануть в той год вѣтри и утишатся волны морьскыя, и егда алкион насѣдит 7 дни, в ты бо точию дни изляжет птичища. Но понеже кормля имъ требѣ другую 7 дний и на возрастание птичищемъ, великыдаровитый бо Богъ и малому сему животу такому тишину даровал есть во время рождения его и възраста. Но и ходцы морьстии вѣдят се, алкионытыя зовуть дни ты. Се бо есть и намъ на поучение, иже просити что от Бога добрых дѣлъ и полезных и спасение когда улучити и снабдѣти, имже Богъ о бесловесных промышляетъ и уставляетъ. Нас же дѣля что не имать сътворити прѣславно, яко по образу Божию и по подобію быхом, елма же птица дѣля мала тако велико гордое море дрѣжаться, посрѣдѣ зимы тихо стати повелѣно.

Егда великій Григорій Богословецъ пловяше во Афины, ун сый, навькнути хотя тѣх писаний, и ввнезаапу възвѣавшу духу бурну и возмутившуся морю, яко разбиватися кораблю, и всѣмъ живота отчаавшимъся, юноши же рыдаючи и вопиючи, яко дивитися всѣмъ сущим в корабли человекомъ,³⁰⁰ яко и абие суровства Посидонска свободишися, рекше, морьскаго; и тако во кроткое земли, Димитры, обитати сотвори, рекше, въ кроткое и тихое земли.³⁰¹ Димитра бо земля ся нарицает.

Иже въ глубоку старость глубокаа извѣща. На послѣднюю бо и глубокою старость написал есть 16 словесъ,³⁰² яже чюдна и хвалы достойна, яже *суть* прѣдана церковному прочитанию за величество разума и глубину съкровенных ради и дивных словесъ.³⁰³

Ни саламандръ прованьскый³⁰⁴ раждеженую на 49³⁰⁵ всемирный ликъ составльшим³⁰⁶ в Багдатѣ угаси. Саламандръ есть звѣрекъ, живет же в нутрений Индии, внутреняя же

индийскаа, рекше, Срѣдѣземлие, в тѣх мѣстѣх и в горах живет звѣрекъ той, егоже зовутъ саламанръ. Да той тако устроень есть от Бога естествомъ: аще въвергнуть и в пещь огнену, то пламен от его угасаетъ, самъ же без врѣда прѣбывает. И мѣнит же писатель на 49 раждеженую, то убо вавилонскаа есть пещь, юже раждѣже незаконный царь, лукавы паче всеа земли, егда сотвори и постави тѣло златое, емуже богоносныа дѣти не поклонишася. Тогда нечестивый тѣ цесарь повелѣ ражѣещи пещь семь седмицею. Семь бо седмиць сочешь, обрѣтаемъ 40 и 9. И тако уноши ты в толицѣ не изваришася огни, хладному убо духу тѣх ославшу и пламень в росу претворшу. То ти ни саламандрѣ угаси багдацьскую пущь, рекше, вавилонскую, но ангелъ Божий всемоуцный, еже есть Христос Богъ, единачадый Сынъ Отчѣ, посрѣдѣ пламене вѣрныа тѣ уноши спасе, прохладив смотрением Божиим. Нечестивый той цесарь акы пророчьску дару сподобися, в пещи того видѣвъ, вѣща бо предстоящимъ: «*Не 3 ли бяхом мужа въвергли в пещь?*»; вси же яко единѣми усты рѣша: «Цесарю, въ вѣкы живи, яко трие суть». «То како, – рече, – азъ вижу четири, четвертаго же образ бѣше подобень Сыну Божию?»³⁰⁷ Но о великое твое смотрение, челоуѣколюбче Христе, не токмо отроки спасе и чудо сотвори, халдѣа ты опали, но и дѣвичьскую ту показа тайну хотящую быти своего родства. Прежде бо своему боговидцю Моисиови в купинѣ явил еси девичьскую тайну,³⁰⁸ в пещи же прообразовал еси неопалиму твоея матере девичьскую утробу, на земен образ преложитися хотящу манием ти, челоуѣколюбче.

Ни гулнаа словеса устыдѣтися сътвориша асурийскимъ звѣремъ оногo каженика, иже боговидѣния сподобися. Гулнаа словеса, рекше, волшебнаа, многажды бо нѣцѣи чародеи псы лютыа и звѣри могут укротити кознию чародѣаня. Данилу суцу въ рвѣ, со звѣри единаче суцу въвержену,³⁰⁹ то же не волшебная хитрость, ни чародѣаня затѣкоша уста асурийскимъ звѣремъ, не бо бѣше тако пророкъ, но вседержащя и всемоуцаа сила Божия акы овцѣ тѣх пророку показа. Ни грипъ Александра въздухоходения³¹⁰ от египетьскыа жатвы в халдѣйскую яму скоростию принесе пророка питать; а грипъ зовется ног, иже Александра

въздухохождения елиньскаа писаниа сказаютъ.³¹¹ Аввакуму же от Египта къ жателемъ грядущу, брашно тѣмъ несшу, то же не грипъ восхити его, рекше, ног, но свыше посланая сила Божия. Ангелъ бо скоростью принесе пророка того, да и пророчю бѣду и мѣсто видит и душу его тщу и алчющу брашна насытит, послав ему до обилия съ тезоименитцемъ.³¹²

И аще по единому писана будутъ, то постигнет мя, повѣсти дѣюща, лѣто.

Что мнѣ Пентефриемъ скопцемъ иже купи Иосифа!³¹³ Аще скопецъ сы како жену имѣ, или того ищу? Дневными имащи ю пещися вещьми домовными, тѣм же тщеты ради мужня оному похотѣ. Что ли въ исходѣ от Египта о крастелѣх согнивающих до утрия,³¹⁴ но да тако ми речеши, почто но да не славлюся! Понеже закона преступление бѣ; уча бо их Богъ свободномъ житиемъ жити, повелѣ: на всякъ день да потребную пищу приемлют; они же не вѣровавше, боле собравше дневныя их пища; того ради и въсмѣрдѣша. И еже, «не свариши агняте въ молоцѣ матере его»,³¹⁵ ни ли того навикнути велиши славы ради? Нрав нѣкакъ назнаменуеть, иже варит агнецъ въ молоцѣ матере его, и мать сварят. Отмещет же то закон, вкупѣ приносить Богу с рождѣвшимся матеръ.

Повелику, брате, дивлюся, аще тако улучиль тя Григоръ, аще бо о всемъ томъ не дал ти выникнути. От дивлюся!

...«и бѣ Господь с нимъ».— Быт. 39, 3.

Слова и поучения Кирилла Туровского

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова и Н. В. Поньрко

Кирилл Туровский (1130 – после 1182), родом из знатной семьи, рано увлекся «почитанием книжным» и получил высокое по тому времени образование, учась у отечественных и иноземных книжников, знал языки, в том числе и греческий, изучал средневековые науки, превосходно владел словом, был блестящим проповедником и писателем, снискав славу русского Златоуста. Уйдя от светской жизни в монастырь, посвятил себя аскезе, но со временем включился в идеологическую и политическую борьбу своего времени на стороне Киева и туровского князя Юрия Ярославича, по желанию последнего был поставлен в епископы (ок. 1169–1182 гг.) г. Турова, в котором Кирилл родился, прожил всю жизнь и умер. Сохранилось много произведений, принадлежащих Кириллу и приписываемых ему. Здесь публикуются образцы основных жанров, в которых работал писатель и которые прославили его имя: публицистическая «беседа» и торжественное «слово» (ораторская проза); последних достоверно сохранилось восемь. Известны его послания к современным ему политическим и церковным деятелям, а также службы святым и молитвы.

За религиозной формой средневековых произведений и фактами, обильно черпаемыми средневековыми писателями из Писания, за религиозной оболочкой стоят реальные факты жизни современного писателю общества, жестокая борьба социальных и культурных тенденций, удивительным образом преломлявших идущие из древности цитаты из Писания. В известном смысле обращение к традиционным сюжетам при изложении злободневных вопросов позволяло внести элемент обобщения, подчеркнуть типичность происходящего, обосновать актуальность поднятой темы и, пользуясь традиционными художественными средствами, доступными для понимания многих, создать оригинальное художественное произведение. Свое значение имеет и личность художника. Большинство

средневековых авторов и компиляторов ограничивалось комбинациями известных мотивов и композиций, создавая свой труд. Кирилл – оригинальный мыслитель и художник. Пожалуй, вплоть до Державина в русской литературе не появлялся писатель такой силы, значительности и высоты нравственного чувства, как Кирилл – совесть своего нелегкого и бурного времени. Он тонко использует богатство традиционных поэтических средств для создания полифоничного по смыслу и ощущению текста. Здесь высокий и житейский планы как бы сосуществуют, знаменуя бесконечную борьбу добра со злом.

«Притча о человеческой душе и теле» имеет и другое название – «Повесть о слепце и хромце». Эта апокрифическая притча использована автором как образное *основание* художественной ткани произведения, на котором рассматривается философская проблема соотношения духовного и телесного, небесного (высокого) и земного (низкого) в человеке и в человеческой жизни, размышлении и деятельности, как необходимых, хотя и противоположных друг другу сфер человеческого существования. Этот сквозной диалектический спор составляет идейный *смысл* повести. Однако для писателя XII века, как уже сказано, *аргументом* в споре могли быть (и потому стали) богословские проблемы, связанные с указанным смыслом повествования. Как настоящий художник, Кирилл не ограничивается схоластическими аналогиями из священных книг, а апеллирует к человеческой психологии, тонко варьируя оттенки поведения действующих лиц, которых, как в романе, оказывается немало: это и слепец с хромцом, и бесы, и сам Кирилл со всеми авторскими отступлениями, и многие не названные по именам, но известные современникам личности, в их числе князь Андрей Боголюбский («хромец») и его епископ Феодор («слепец»). *Целью* повествования является публицистическое рассуждение о взаимоотношении церковной и светской власти, актуальном в те времена. Кирилл выступает сторонником идеи «нового господина» – непосредственно перед монголо-татарским нашествием призыв к единению Руси был патриотическим, эту мысль вместе с Кириллом разделяли все его прогрессивные

современники. Таким образом, злободневные для своего времени действия владимирского князя и ростовского епископа стали *поводом* для размышлений Кирилла, обращенных ко всем русским людям; текст имел сразу несколько адресатов – отсюда ненавязчивая вариация на одну и ту же тему: так Кирилл пишет для Феодора, совсем другим образом – для князя Андрея, для широкого круга мирян – совсем иначе; это туго свитая пружина с вариациями темы, разработанной до предела, до логического и художественного конца. Народный жанр притчи способствует раскрытию темы, поскольку позволил создать подтекст, свободный от прямолинейных толкований (кстати, сами слова «толкование», «сравнение» и др., донесенные до нас древнейшими списками повести, вряд ли принадлежат самому Кириллу). Да и в своей богословской части повествование содержит тот минимум церковных знаний, который был известен каждому начинающему христианину, и со временем вошел в общераспространенный народный миф: Бог насылает дождь, он карает неправедных, душа покидает тело умершего, и т. д. Это не теоретический спор богословов, а художественная попытка связать воедино несколько самостоятельных мифологических систем: народное язычество, первоначальное христианство, интеллектуальный уровень средневекового художника. Ценность повести, таким образом, заключается и в массе косвенных сведений о быте, морали и чаяниях людей XII века. Это исключительно «авторское» произведение – большая редкость для XII века: Кирилл проявляет себя не только подбором мифологических и исторических аналогий, характерными для него толкованиями и сравнениями, но также и прямыми обращениями к читателю, в которых откровенно высказывается о смысле своей повести и при этом (из осторожности ссылаясь на Писание) проводит вполне еретическую мысль о необходимости творчески, «с разумением» вчитываться в священные книги, видя в них прецеденты злободневным поступкам людей и событиям.

И в других произведениях Кирилла изложение ведется сразу в нескольких планах: конкретно-реалистическом (эпическая основа сюжета), нравоучительном или полемическом

– и в символическом, отражающем общечеловеческие и вневременные ценности мира и человеческой жизни. Текст и подтекст объединены у автора общностью темы и композицией, но противопоставлены стилистически и по языку. Исследователь творчества Кирилла профессор И. П. Еремин основным принципом стиля Слов Кирилла, подчиняющим себе все изложение, считал риторическую амплификацию: тема непрестанно словесно варьируется, распространяется включением все новых персонажей и цитат, привлекаются все новые обоснования темы, – до тех пор, пока содержание темы не будет полностью исчерпано; она разворачивается во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках – необычайно картинно, с использованием точной реалистической детали, в многозначности слова, которым Кирилл владел как никакой другой писатель домонгольского периода. Хотя многие сюжеты Кирилл по традиции заимствовал из известных источников (их перечень показывает осведомленность Кирилла в литературе, истории и науке того времени), обработка их является оригинальной, это художник, который может вдохнуть новую жизнь и в вечный сюжет мировой литературы – об умирающем и воскрешающем Боге (как в четвертом Слове), о преступлении и наказании (как в «Повести о слепце и хромце»). Из числа риторических произведений Кирилла публикуется Слово, наиболее полно отразившее связь с некоторыми жанрами народного творчества, формы которого Кирилл искусно использовал; народный плач, философская речь на диспуте, вдохновенное пророчество умело вплетены в эпически последовательный ряд событий. Передать всю тонкость и красочность древнерусского языка Кирилла и нервный, сбивчивый ритм его прозы на современный язык почти невозможно, поэтому при чтении необходимо следить за оригинальным текстом.

Текст Притчи о человеческой душе и о теле (Повесть о слепце и хромце) дается по изданию: *И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. – ТОДРЛ, т. XII. М. – Л., 1956, с. 340–347; Слово о снятии тела Христа с креста – по изданию: И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла*

Туровского. – *ТОДРЛ*, т. XIII. М.–Л., 1957, с. 419–426; Слово о бельцах и монашестве публикуется по рукописи XVI в., *РНБ*, собр. Титова, № 2074 (522), л. 304–320 (изд.: *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского: *ТОДРЛ*, т. XII, М.–Л., 1956, с. 348–354); Слово о расслабленном – по рукописи XIII в., *РНБ*, собр. Толстого, Ф. н. I. 39, л. 16–23 (изд.: *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского. – *ТОДРЛ*, т. XV. М.–Л., 1958, с. 331–335); Слово на Вербное воскресенье – по рук. XIV в., *ГИМ*, Чудовское собр., № 20, л. 178–181 (изд.: *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского.– *ТОДРЛ*, т. XIII, М.–Л., 1957, с. 409–411); Послание к игумену Василию о схиме – по рукописи XVI в., *ГИМ*, Синодальское собр., № 935, л. 11–14 об.

* * *

ПРИТЧА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ И ТЕЛЕ

КИРИЛЛА-МОНАХА ПРИТЧА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ, И О ТЕЛЕ, И О НАРУШЕНИИ БОЖЬЕЙ ЗАПОВЕДИ, И О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО, И О СТРАШНОМ СУДЕ, И О МУЧЕНИИ

Господи, благослови, отче!

Хорошо же, братья, и очень полезно понимать нам Святого писания смысл: это и душу делает целомудренной, и к смирению направляет ум, и сердце на стремление к добродетели изостряет, и самого человека делает благодарным, и на небеса к Божьим заветам мысль устремляет, и к духовным трудам тело укрепляет, и пренебрежение к этой земной жизни, и богатству, и славе дает, и все житейского мира печали отводит. Потому и прошу вас, постарайтесь прилежно читать святые книги, чтобы, Божьим насытись словом, вечной жизни несказанного блаженства достичь: если она и невидима, зато вечна и конца не имеет, прочна и недвижима. Давайте не просто проговорим, языком написанное произнося, но, с рассуждением вчитавшись, постараемся делом исполнить это. Ибо сладко – медвяный сот, и хорошо – сахар, обоих же лучше книжное знание: потому что оно – сокровище вечной жизни. Если бы здесь кто нашел земное сокровище, то на все и не посягнул бы, но лишь один драгоценный камень взял бы – и вот уже без

печали питается, как до самой смерти богатство имеющий. Так и нашедший сокровище священных книг, а также пророческих, и псаломских, и апостольских, и самого спасителя Христа сохраненных речей, ум истинный, размышляющий, – уже не себе одному на спасение, но и многим другим, внимающим ему. Сюда и подходит евангельская притча, говорящая: «Всякий книжник, познавший царство небесное, подобен мужу домовитому, который из сокровищ своих раздает и старое, и новое»; если же от тщеславия, большим угождая, малыми пренебрегает, дерзко скрывает серебро господина, не пустив его в оборот при жизни, чтобы удвоить царское серебро – человеческие души, то, узря горделивый его ум, возьмет Господь от него свой талант; ибо сам Он гордым противится, смиренным же дает благодать. Если же мира сего властелины и в житейских делах погрязшие люди усердно требуют книжного знания, то насколько больше следует нам учиться у них и всем сердцем в него погрузиться, познавая речи Господни, о спасении душ наших писанные! Но затрудняется мой неясный ум, слабый разум имея, не может нужных слов изложить по порядку и подобен слепому стрелку, над которым смеются, ибо не может попасть в свою цель. Пусть же не от себя изложу я необученным языком, но из священных извлекая писаний; с великой боязнью евангельских решаюсь коснуться речей, для начала Господню притчу сказав так, как Матфей ее церкви донес.

Начало. Сказал Господь. Был один домовитый человек; он насадил виноградник, и оградил стеной, и выкопал яму для отжимки вина, оставил вход – устроил и ворота, но не затворил входа. И возвращаясь домой, сказал он: «Кого оставляю я сторожем моего виноградника? Если оставляю кого-то из служащих мне рабов, то, зная мою снисходительность, расточат они мое добро. Но вот что сделаю: приставлю к воротам хромца и слепца. Если кто из врагов моих захочет обокрасть мой виноградник, то хROMEЦ увидит, а слепец услышит. Если же кто-нибудь из них двоих захочет войти в виноградник, то хROMEЦ, не имея ног, не сможет проникнуть внутрь; слепец же, если и войдет, то, заплутав, в пропасти расшибется». И, посадив их у

ворот, дал им власть надо всем, что вокруг виноградника, и пищу и одежду приготовил легкую. «Только, – сказал, – того, что внутри виноградника, не касайтесь без моего повеления». И потом ушел, сказав, что вернется со временем, тогда и плату им за работу с собой принесет, но пригрозил им наказанием, если те запрет его преступят. Оставив их здесь, снова обратимся к словам Евангелия, словесный плод на умственном пиршестве вашим очам предлагающего.

Истолкование. Домовитый человек – Бог Всевидец и Вседержитель, сотворивший все словом, видимое и невидимое. Домовитым он называется, ибо имеет не только дом, согласно Писанию. Говорит ведь пророк: «Твои небеса и твоя земля: вселенную и пределы ее ты основал», и еще: «Небо мне – престол, а земля – подножие ногам моим». Моисей же под твердью понимает дно вод, а Давид ставит воду превыше небес. Но посмотри в Писание и вдумайся: везде дома Божьи, и не только в твари, но и в людях. «Ибо вселюся я, – сказал, – в них». Так же и было: сошел он, и вошел в плоть человеческую, и вознес ее от земли до небес, и престолом Божиим стала плоть человеческая; на вышнем небе престол тот стоит. А что насадил виноградник – так это рай: ибо это и есть его труд. Пишется же: «И насадил Бог рай в эдеме». А что оградил его, – говорит, – стеной – своим устрашением. «Устрашением его, – говорит пророк, – движется земля, рассыпаются камни, звери трепещут, горы дымятся, светила раболепно служат, облака и воздушные твари предначертанное исполняют». Стена же – значит закон. Закон – всем Божий завет. «Предел же, – сказал, – положил, которого не перейдут и не передвинут». Но оставил вход, то есть знание разуму: никакая тварь не нарушит Божьего повеления. «Все ведь, – сказал, – от тебя ожидают: ты дашь им пищу, и вовремя». Пищей же не еда называется, но слово Божие, которым всякая тварь питается. Ибо говорит Моисей: «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из Божьих уст». Незапертые же ворота – чудесных Божьих созданий порядок, и чрез это – познание сущности Бога. «Через создание же, – сказал, – творца познай: не свойство, но величие, и силу, и славу, и благодать, которую творит

самовластно, угождая всем вышним и нижним, видимым и невидимым. Если же и зовется Христос человеком, то не по виду, а иносказательно: никакого подобия Божьего не может иметь человек. Решается же Писание и ангелов людьми называть – но словом, а не подобьем. Если же соблазняются некие, слушая Моисея, говорившего: «Сказал Бог: сотворим человека по образу нашему и подобию», – и прикладывают к бесплотному телу без пригодного разума, то есть это ересь и доныне у тех, кто считает Бога подобным человеку, который никак не описывается и пределов свойств не имеет. Однако, это оставив, о прежнем скажу.

И возвращаясь домой, «кого, – сказал он, – оставлю я сторожем дома моего?» Эти вопросы – Отца и Сына и Святого Духа – не о созданиях, но о владельце созданий, то есть о господине, которому пожелал передать землю и все живое покорить; не ангелам же предназначил он вселенную, и так далее. «Приставлю, – сказал, – к воротам хромца и с ним слепца». Кто это – хромец и слепец? Хромец – это тело человеческое, слепец же – душа. Сначала Бог создал тело Адама бездушным, потом же – душу. Создав же тело, говорит Писание: «И вдунул в лицо его жизненный Дух». Оттого-то тело без души хромо и не зовется человеком, но трупом. Вникни здесь и пойми Книгу Бытие. Сотворил Бог тело вне рая и внес его в эдем, а не в рай. Эдем же и значит пища. Как и всякий, зовущий на пир, прежде приготовит обильную пищу и потом лишь приведет званого, – так же и Бог сначала приготовил ему для жилья эдем, а не рай. Рай ведь – место святое, как и в церкви алтарь. Церковь же для всех открыта. Она всем нам мать, порождающая всех крещением и легко питающая всех в ней живущих, одевающая и радующая всех, вошедших в нее. Ибо говорит пророк: «Вот служащие церкви поедят и насытятся». И снова: «О чада церковные, сосущие из сосцов ее жир и масло, окропите радостью ваши головы», и Давид: «Напьются, – сказал, – от обилия дома твоего, и потоком пищи твоей напоишь их». И еще: об облачении священников и одежде монахов: «Служители твои, Господи, облекутся в правду», и прочее. Монаху же: «Снял с меня тягостные и уродливые

одежды, и одел меня в спасение, и препоясал меня радостью». Воспойте же, сказано, Господу новую песнь – хвалите в церквах его добродетельными. И вот действительно так: из священников – епископ, и из монастыря – монах. Видишь теперь, что епископия и монастырь – эдем, то есть беспечальная жизнь; алтарь же свят как эдемский рай, в который трудно войти, хотя и ворота незамкнутые имеет. Так был посажен хромец со слепцом у ворот стеречь то, что внутри, как приставлены и патриархи, архиепископы, архимандриты меж церковью и алтарем стеречь святые тайны от врагов Христовых, то есть от еретиков и зловерных искусителей, нечестивых грехолюбцев и неверных осквернителей. Послушайте же со вниманием, мы по порядку речь нашу скажем, а вы со вниманием следите. Хотя беспорядочный ум у меня и язык грубоват, но, надеясь на ваши молитвы, прошу дара слова. Хотя и недостойн я об этом говорить, но для пользы слушающих напишу. Если же кто с пристрастием слушает, тот не ищет, что бы на пользу ему отыскать, но обдумывает, в чем бы нас обвинить и за что укорить.

После того, как они сидели некоторое время, сказал слепец хрому: «Что это за благоухание из ворот виноградника овеивает меня?» Отвечал хромец: «Много доброго внутри виноградника есть у господина нашего, а на вкус – несказанно приятного. Но так как господин наш мудр, посадил тебя здесь слепого и меня хромого, и не можем никак насытиться добрыми плодами». Отвечал слепец, говоря: «Что же ты давно не сказал мне этого, мы бы так не терпели, но это, данное нам во владенье, давно бы забрали! Хоть я и слеп, но имею ноги и силен, могу носить и тебя, и груз». (Понимай, что грех есть духовный груз; потому и пророк говорит: «Бремя тяжкое отяготило меня».) И сказал слепец: «Бери корзину и садись на меня; я тебя понесу, ты же указывай путь, и все добро господина нашего мы оберем; не думаю я, что придет сюда наш господин». Вот представления не Бога ищущих, но о мирских чинах и о теле только пекущихся, не жаждущих воздать ответ за дела свои, но как будто суетный пар свою душу на ветер пускающих! Потому говорит Исайя: «Зависть воспримут люди неученые», завидуем мы, грешные,

честь и славу праведных вместо того, чтобы подражать их делам. «Если же, – добавил слепец, – придет сюда наш господин, укроется от него наше дело. Коли он меня спросит о покаянии, я скажу: “Ты знаешь, господин, что я слеп”. Если же спросит тебя, ты скажи: “Хром я и не могу войти внутрь”, – и так переиграем мы нашего господина и сами получим плату за свою работу». И сел хромец на слепца, и, войдя внутрь виноградника, обокрали все бывшее там добро господина своего.

Однако не негодуйте, братья, на мое невежество, из-за которого и повесть моя недостойный вид принимает. Ибо как и по ногам повязанной птице невозможно в воздушную взмыть высоту, так и мне, в телесных погрязшему желаньях, нельзя о духовном беседовать: не достигнут цели слова грешника, лишены благодати Святого Духа. Все же к прежде сказанному вернемся, разъясняя сей притчи смысл.

Толкование. Сидели они, как сказано, долгое время. Что это – долгое время? – презрение к Божьей заповеди и о теле забота, безразличие же к своей душе. Ибо никто, страх Божий имея, плотским не прельстится, никто из искренне верующих незаконно не пытается получить сана – никто, ожидая смерти и после смерти опять воскресенья; другие же в злых погрязают делах. И снова то же скажу поучения ради. Сказал слепец хрому: «Что это за благоухание из ворот овеивает меня?» – и так далее. Вот раздувание Адамова высокоумия, который, владея всем земным, животными, морем и в нем находящейся тварью, в эдеме насыщаясь благодатию, до повеления Бога на святое дерзнув, из эдема прошел в рай. Потому Писание говорит: «Изгнал Бог Адама из рая и осудил его обрабатывать землю, из которой и взят был». Вдумайся: не там было повелено ему жить, оттуда его изгнал. Но так же вошел, как и этот церковник, недостойный священства и утаивший грех свой, пренебрег Божьим заветом, но ради высокого сана и славы земной вошел на епископский стол. Сравнение. За то Адама смертью осудил, что тот прикоснулся древа познания добра и зла. Древо же познания добра и зла – это познанный грех и добровольное действие в угождение Богу. Ибо пишется: «Горе сознательно согрешающим!» Этим погубляет духовение

животворного Духа, который вдохнул в него Бог, что есть несвершенная благодать освящения. Ибо пишется: «И вдунул в него животворный дух». Так же и Христос, дунув на лица апостолам: «Примите, – сказал, – Духа Святого», – несовершенную благодать, всего лишь залог посвящения; ибо ждать повелел им самого Святого Духа: «Который, прийдя, – сказал, – до конца освятит вас». Так и святители освящают иподьяконов, чтецов и дьяконов, – несвершенный дар, но залог посвящения, чтоб могли себя приготовить на окончательное святительство. Ничто так не любо Богу, как не возноситься в чинах, и ничто столь не омерзительно ему, как высокомерная заносчивая хвастливость в захвате сана не по-Божьи. Посмотри на того же слепца с хромцом, как пренебрегли господина своего приказом и запрещеньем: взяв же хромца и груз, понес и, зайдя внутрь, приблизился к дереву, вкусил плод, а он весьма хорош, и так обокрали то, что велено было стеречь им. Сопоставление. От того дерева вкусил Каин; не будучи посвящен, на святительский посягнул сан, позавидовав священному Авелю, которого по зависти и убил. Того дерева вкусили сыновья Корея, бывшие с Дафаном и Авироном: взяв же кадиланицы, пошли в скинию, будучи непосвященными, – и поглотила их земля. Того же дерева вкусил жрец Илий, который, зная, что его сыновья нарушили закон иереев, не отлучил их от священного сана. Того дерева вкусили еретики, которые в обмане, будто зная духовный путь, заблуждались и, не раскаявшись, погибли. Но это все сокращая, к прежнему возвратимся рассказу.

Хотя изнемог язык мой, но пророк вдохновляет меня, так же говоря: «Изнемог я от вопля, охрипла моя гортань!»

Обличение грехов. Услышал же господин, что обокраден его виноградник, повелел отбросить от ворот хромца и изгнать из сторожей слепца.

Понимайте же теперь, безрассуднейшие из сановников, глупейшие из священников! Когда поумнеете? Давший ухо не слышит ли? Создавший око не смотрит ли? Повелевающий народами не обличит ли? Поучающий человека разуму не уразумеет ли нашего заблуждения? Господь ведь постигнет обманные помыслы, как лживые, и извергнет неправедных от

власти, отгонит нечестивых от жертвенника. Ибо никакой сан в этом мире не избавит от мучений, нарушающих Божий заповеди. Но прошу вашей милости, внимательно всмотритесь в написанное и все, что слышите, обдумайте.

Повелел Бог изгнать из рая Адама, потому что запретного коснулся, то есть до разрешения вошел в освященное место. И поселил его рядом с райской пищей. «Лишь только, – сказал, – протянет руку и вкусит с райского дерева, и жить будет вечно», – если, конечно, опомнится и, смирившись, покается в том, что согрешил. Но велико человеколюбие Бога! И казнит нас, и милует, за грехи порицает и – вновь в покаяние принимает; не желает он смерти грешника, но повелевает исправиться и в жизни пребыть.

Что такое древо жизни? Смиренномудрие, начало которому покаяние. «Признаюсь же, – сказал, – в беззаконье моем, и ты простил мне нечестье сердца моего». Ствол того корня – благоверие. «Вера же твоя, – сказал, – спасет тебя», все же верующему дастся. От того ствола много различных ветвей, много ведь, сказано, видов покаяния: слезы, пост, чистая молитва, милостыни, смирение, воздыхание и прочее. Тех ветвей доброжелательный плод: любовь, послушание, покорение, нищелюбие, – много путей спасения. Видишь: не в раю было древо жизни, не в эдеме, но в изгнание, то есть в отлучении от сана. Изринул он также и Каина, узнавши об убийстве им брата, и, обличив, показал ему древо жизни, сказав так: «Стенай и содрогайся!», то есть покайся во злобе, в зависти, в обмане, в убийстве, во лжи, смиришь, постись, бодрствуй, лежи на земле. Но так как ты этого не совершил, то отошел от лица Божьего – не отдаленностью земли, но отсутствием страха Божья в душе. Если благих дел нет в нас и нет покаяния в грехах, то в каком бы мы ни были чине, далеко от Бога мы. Только близ сокрушенных сердцем Господь; смиренных духом – спасет, желанья страшщихся его – исполнит. Лицом же Господь обращен на злодеев, чтоб истребить на земле и память о них. Так и Павел отогнал от священного жертвенника Именея и Филита и наблудивших в Коринфе священников, и поместил их рядом со святым

алтарем, то есть поставил их средь освященных, сказав: «Стыдите их, но возлюбите, чтобы не погибли в злой доле, пусть покаются – и живы будут!» Не захотел этого древа жизни вкусить кузнец Александр, о котором сказал Павел: «Да воздаст ему Господь в день Судный по греху его!» Не вкусил того древа и Трефис из Эфеса, и Николай, один из семи дьяконов, которые отреклись от Христа, ставший жрецом в селунской кумирне, который предавал христиан мучителям; о них же обоих пишет Иоанн, говоря: «Из нас вышли и встали на нас». Того райского древа не приняли и еретики, прокляты были и умерли духовной смертью, не постигнув пророка, сказавшего: «Вкусите и признайте, что – благ Господь!» Ибо нет греха, который преодолел бы Божьи милости. Но только не отчаемся, подобно Иуде; не усомнимся в воскресении плоти, подобно саддукеям, – но покаяньем постучимся в Божьи врата, пока не откроет нам райские двери. Не ложно сказал Господь: «Постучитесь – и откроется вам! ищите – и обрящете просите – и дастся вам!» Но не буду умножать повесть изложением речей, что затянет беседу; давайте к сказанному уже возвратимся.

Увидел же тот человек, что обокраден его виноградник, и пожелал разлучить слепца и хромца; и велел сначала привести слепца, чтобы его допросить, кто нарушил его приказание и посягнул на запретное без его повеленья. Ибо ничто не сможет утаиться от Божьего ока, и никто из нас так не знает себя, как Бог всех нас знает.

Толкование. Повелел разлучить Бог душу с телом. Словом же Божьим исходит из тела душа: «И отнимешь, – сказал, – Дух их, и исчезнут они, и в персть возвратятся». Когда же видишь тело, в земле погребенное, не думай, что здесь же и душа, ибо не от земли душа и не в землю входит. Но если же и святых видишь чудотворные мощи, не тут их осталась душа, но Божию разумей благодать, столь восславившую своих угодников: «Славящих меня, – сказал, – прославлю». Повелел привести слепца: отойдя от тела, душа всякого человека пред Богом является с приставленным к ней ангелом, человека верующего и неверующего, живущего праведно и неправедно. «Господь же, – сказано, – допросит праведного и нечестивого», ибо все

племена народов от одной были крови рождены и распространились жить по лицу всей земли, и Бог им назначил благодетельствовать его тем, что давал дождь с небес и счастливую пору урожая. «Направляет же, – сказано, – солнце свое на добрых и на злых», и прочее. Пусть никто за слова эти не осуждает меня, – но взгляните в Писание и найдете, что я из святых черпаю книг. Пишет же Моисей: «Поставил пределы народам по числу ангелов Божьих». Иеремия же: «Один лишь Господь, – сказал, – у всех поднебесных народов», хотя и оставил их каждого в его заблуждение, но души их перед ним предстанут, и он рассудит по делам их. Павел: «Зачем же мне, – говорит, – внешних судить, ведь внутренних вы сами судите, а внешних судит Бог». Внутренними называет он тех, кто в вере, а внешними – языческие народы. Слышать же подобает Божье имя теперь расстающимся с телами душам, чтоб в Судный день, воскреснув в теле, негреховно поклониться Богу, – и не подобает душам, прельщенным дьяволом, плоти своей служить, ибо говорит апостол: «И тогда увидит любое око, и всякий народ поклонится, признавая, что Господь Иисус Христос в славе Бога Отца – един». Но это всякий учивший знает, – я же о слепце начатую беседу по силе моего разумения вкратце истолкую, хотя и предвижу попреки, ко мне обращенные; знаю ведь, что не от мудрости, но от невежества это мое повествование. Однако тут на основе пророческой и апостольской строим, за краеугольный камень полагая самого Христа.

Когда же приведен был слепец, начался допрос. «Не поставил ли я тебя, – сказал господин, – как доброго сторожа моему винограднику? Зачем же ты его обокрал?» Отвечал ему слепец: «Господин! ты знаешь, что я слеп и без поводыря не вижу, куда идти, и не знаю ни одного места, если бы и хотел пойти. Не слыхал я, чтобы кто-нибудь шел мимо меня в ворота, иначе вслед ему я начал бы громко кричать. Но вот что я думаю, господин, что хромец своровал». Узнай в этом лживый разговор души перед Богом и клевету на тело.

Толкование. Так же есть духовное слово: «Господи, я – Дух. И ни есть и ни пить не желал я, ни чести, ни славы земной

не искал я, и плотских устремлений не понимал, и дьявольской воле не потворствовал, – все это делало тело!»

Тогда повелел господин постеречь слепца в тайном месте, о котором сам знал, пока не вернется в виноградник и не призовет хромца – и тогда будет судить обоих.

Потому до второго пришествия Христа нет ни суда, ни мучения никакого человеческой душе, верующей и неверующей. Веруйте же в истину воскресения человеческой плоти. «Пошлешь же, – сказано, – Дух свой, и соединятся, и обновишь лицо земли». На примере Иезекииля показал нам надежду воскресением. «Предреки, – сказал, – сын человеческий, мертвым этим костям, чтоб выросла на них плоть и натянулась кожа, чтоб явился Дух от четырех ветров и вошел в этих мертвых – пусть оживут!» Это все сам Творец совершает, не изменяя порядка, но все же первоначальный свой труд обновляя. Сначала он создал тело Адама и только потом вдохнул ему душу. Так и в утробе женской: сперва из семени образуется тело, через пять месяцев создаст он душу. В крещении же сначала порождает водою, потом – возрождает Духом от тленья греховного. Так же и в Судный день: сначала возродит землю, и соберет прах человеческий, и создаст все наши тела во мгновение ока, потом и души наши – каждая войдет в свое вместилище, – согласно Павлу, говорящему, что сам Господь в архангельских кликах, под Божьи трубы сошел с небес, и мертвые во Христе воскреснут раньше, потом же и мы, живые. Кто эти мертвые? Все народы, не принявшие Божьего закона, не познавшие крещения. «Кто же, – говорится, – беззаконно согрешил, тот беззаконно погибнет». Живыми же христиан называет он. Смотри же: плотью все люди воскреснут, и верим мы показанию Павла, сказавшего по Божьему слову: «Кто не постигнет от начала Богом созданного человека, тот не поймет и порожденного в жизнь крещением; потому и не верит он в последующее во плоти воскрешение встающих на вечную жизнь всех людей: тех – в честь и славу, этих – в поругание и мучение». Но скажем же и об остальном.

Когда пришел господин взять плоды в винограднике и увидел его обокраденным, призвал хромца и соединил его со

слепцом, и начали они обличать друг друга. Хромец говорил слепцу: «Если бы ты меня не понес, никак бы я не мог туда добраться, так как я хром». Слепец же говорил: «Если бы ты не показывал мне дорогу, то никак бы я не мог добраться туда». Тогда господин, сев на судейское кресло, начал судить их обоих. И сказал: «Как вы крали, так и теперь – пусть сядет хромец на слепца». И когда хромец воссел, приказал перед всеми рабами нещадно наказывать в кромешной темнице мученья.

Познайте же, братья, толкование этой притчи. Человек домовитый – Бог Отец, творец всех. Его же сын доброго рода – Господь наш Иисус Христос. А виноградник – это земля и мир. А ограда виноградника – закон Божий и заповеди. Слуги же, бывшие с ним, – ангелы. Хромец – это тело человека. А слепец – душа его. А что их посадил у ворот – это значит, что Он отдал во власть человека всю землю, дав ему закон и заповеди. Когда же человек преступил заповедь Божью и за это осужден на смерть, то сначала душа его к Богу приводится и оправдывается, говоря: «Не я, но плоть согрешила». Потому и нет мучения душам до второго пришествия, но они сохраняются, – Бог знает где. Когда же он придет обновить землю и воскресить всех умерших, как сам нам предрек, тогда: «Все сущие в гробах услышат голос Сына Божия, и оживут, и выйдут сотворившие благо в воскрешение жизни, а сотворившие зло – в воскрешение суда». Тогда же души наши войдут в тела и каждый получит воздаяние по делам своим: праведники – вечную жизнь, а грешники – бесконечную смертную муку. «Чем же кто согрешит, тем же и муку примет».

Все это я истолковал не по своему замыслению, но по святым книгам. И это не слово мое, но только беседа, ибо я не такой учитель, как те церковные и священные мужи.

СЛОВО О СНЯТИИ ТЕЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА

СВЯТОГО КИРИЛЛА-МОНАХА СЛОВО О СНЯТИИ ТЕЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА И О МИРОНОСИЦАХ НА ТЕМУ ЕВАНГЕЛЬСКУЮ, И ПОХВАЛА ИОСИФУ АРИМАФЕЙСКОМУ В НЕДЕЛЮ ТРЕТЬЮ ПО ПАСХЕ

После прошедшего праздника достойней приспел, доставляя Божью благодать святой церкви. Ибо если и цепи

златые, унизанные жемчугом, с драгоценным камнем, радуют очи глядящих на них, – тем выше духовная нам красота, праздники святые, что радуют сердца верующих и освящают души. Так сначала воскресеньем Христовым очистился мир и настала Пасха, освящая всех в вере; затем Фоминым опознанием ребер Христа возродилось творенье: как только коснулся рукою он ран, всем подтвердилось Христа воскресение во плоти.

Ныне же Иосифа благообразного с мироносицами восславим, послужившего после распятия телу Христову; его евангелист называет богатым, родом из Аримафеи. Был, говорит, и он ученик Иисусов, ожидавший царства Божия. Пока длились добровольные страдания Спасителя, он увидел ужасные перемены в творенье: померкшее солнце, сотрясенную землю, – и страха исполнясь и удивляясь, пришел в Иерусалим. И нашел он тело Христово уже на кресте, нагим и побитым, а пред ним, с единственным учеником Иисуса, Марию, мать его, которая с болью сердца горько рыдая, так говорила: «Мир соболезнует мне, Сын мой, видя неправду казни твоей. Увы мне, чадо мое, свет и Создатель творенья! Как же оплачу я ныне тебя? Закланье ли, или удар по щекам, и битье по плечам, цепи твои и темницу, или плевки в святое лицо, что от хулителей принял за доброе дело? Увы мне, мой сын! Неповинный, ты поруган и принял смерть на кресте. Как тебя терньем венчали, напоили желчью с уксусом, а еще и пречистые ребра твои копьем прокололи! Содрогнулось небо и земля трепещет, иудейской не перенеся дерзости; солнце померкло и камни распались, еврейское окаменение являя. Вижу тебя, милое чадо мое, на кресте: наг ты висишь, бездыханен, незряч, не имея ни облика, ни красоты, и, горькая, я уязвляюсь душою. Как хотела бы я с тобой умереть – не могу бездыханным видеть тебя. Никакая больше меня не коснется радость, ибо свет мой, надежда и жизнь, Сын и Бог, на кресте угас. Где же, чадо, та весть, что некогда мне предрек Гавриил: «Радуйся, благодатная, с тобою Господь!» – царем тебя называя и Сыном всевышнего, Спасителем мира, и всего животворцем, и грехов победителем! Ныне же вижу тебя, как злодея, распятого меж

двух разбойников и копьем пробитого в ребра – мертвого, и вот почему я в горести силы теряю. Не хочу я жить, но – встретить тебя в подземном царстве. Теперь моей надежды, радости и веселья, Сына и Бога я лишена. Увы мне! При чудесном твоём рождении так не страдала, как теперь, Владыка, разрываюсь я чревом, видя тело твоё пригвожденным к кресту. Преславно было твоё рождение, Иисусе, умерщвление же ныне – ужасно: единственный ты от бессеменной утробы родился, не нарушив печати моего девства, и, избрав меня матерью в своём воплощении, все-таки девою сохранил. Знаю твоё за Адама страдание, но, душевною горестью объята, рыдаю, дивясь твоего таинства глубинам. Слушайте, небеса и море с землею, внимайте слезному моему рыданию: ибо это Творец ваш от жрецов страдание приемлет, одинокий праведник за грешников и беззаконников убит. Сейчас, Симеон, я постигла твоё предсказанье: копье ведь мою теперь пробивает душу, видя твоё поруганье воинами. Увы мне! Кого призову я к стенанию? Или с кем моих слез изолью я потоки? Ибо все оставили тебя – родные, друзья, твоих, о Христос, насладившись чудес. Где ныне сонм семидесяти учеников? И где властительные апостолы? Тот обманом тебя фарисеям предал, другой же в страхе пред жрецами отрекся, под присягой сказав, что не знает тебя. И вот одна я, Боже мой, раба твоя, рыдая, стою перед тобой с хранителем твоего учения и с любимым твоим сподвижником. Увы мне, Иисусе мой, милое имя! Как стоит земля, на водах вначале тобой утверждённая, если на себе ощущает тебя на кресте пригвожденным, тебя, божества мановеньем многих слепых осветившего и мертвых словом воскресившего? Приходите и взирайте на таинство Божьего промысла: как все оживляющий – сам умерщвлен был проклятой смертью!»

И услышав, Иосиф приблизился к горько рыдающей Матери, – а та его увидела и обратилась с мольбой: «Устремись, благоподобный, к Пилату, преступному судье, и попроси с креста снять тело Учителя твоего, моего же сына – и Бога. Потрудись и устрой, причастник Христову учению, тайный апостол, ожидающий Божьего царства, испроси бездушное уже

тело, пригвожденное к кресту и пробитое в ребра. Спострадай, благоверный, ради двойного венца, который по воскресении Христа ты получишь: от всех концов земли честную славу и поклонение, а на небесах – вечную жизнь». Иосиф, умилившись столь слезным прошением, не сказал: «Жрецы на меня поднимутся и озлобятся, иудеи вознегодуют и побьют меня, фарисеи разграбят мое имущество, и буду я отлучен от их общества». Нет, ничего подобного он не сказал, но всем пренебрег и, о жизни своей не заботясь, решил Христа отыскать. Дерзко вошел он к Пилату и попросил, говоря: «Дай мне, наместник, тело странника Иисуса, распятого меж двух разбойников, оклеветанного жрецами по зависти и поруганного воинами несправедливо. Дай мне тело Иисуса, которого Сыном Божиим называют книжники, а фарисеи объявляли царем; над его головою ты велел прибить доску с надписью: “Вот Сын Божий и царь Израиля”. Дай мне тело того, которого собственный ученик жрецам обманом за серебро предал, и о ком, предрекая, Захария так написал: “Дадите цену мою – или не давайте”; и назначил цену в тридцать сребреников, цену ценнейшему из сынов Израиля. О том прошу я тебя теле, о котором пророчил Каиафа, что ему одному умереть предстоит за весь мир; а не простое то было пророчество, ибо был он в тот год жрецом, о которых сказал Иеремия: “Князья мирские сошлись на Господа и на Христа его”. Они, как Соломон, “задумали – и обманулись, ибо ослепила их злоба”, и сказали: “Схватим праведника, глумленьем и ранами измучим его, и смерти бессмысленной осудим его”. Того прошу Иисуса тело, который на твой отвечал вопрос: “Я – Жизнь и Правда”. И еще: “Не возмешь надо мною власти больше данной тебе свыше”; за него же молила тебя и жена твоя, говоря: “Ничего не делай праведнику тому, ибо много претерпела я за него в сновиденье”. Дай мне того распятого, которого, когда он входил в Иерусалим, ветвями младенцы встречали, восклицая: “Осанна, сын Давидов!”; которого голос услышав, ад отпустил душу Лазаря, уже четыре дня как умершего; о котором в Завете писал Моисей: “Увидите Жизнь вашу, пред глазами вашими висящую”; то хочу мертвое тело, которое Мать, не познавшая мужа,

родила, оставаясь Девой; о котором Исайя Азаху пророчил: “Вот Дева, в чреве зачнет и Сына родит, которому имя – Эммануил”; о котором Давид предрек, говоря: “Пригвоздили руки мои и ноги мои, и все кости мои пересчитали”; дай мне того уже умершего на кресте, о ком сказал ты евреям, просящим у тебя его смерти: “Не повинен я в крови праведника этого”, – а, руки умыв, предал его на убийство; о котором говорит пророк: “Я же не возражаю и не противоречу; плечи мои дал я на раны и щеки мои – на удары, лица своего не отвергнул от постыдных плевков”. Того прошу назарянина тело, которому, извергаясь из иступленных, кричали бесы: “Что ты нам и мы – тебе, Иисусе, сыне Божий? Знаем мы, кто ты, святой Боже: пришел раньше времени мучить нас”; о котором сам Бог Отец с небес, когда в Иордане крестился он, свидетельствовал, говоря: “Вот Сын мой возлюбленный, которому Я благоволил”; о котором Дух святой устами Исайи говорит: “Как агнец на заклание приведен”, беззаконниками предан смерти. Дай мне тело снять с креста, потому что хочу его в своей положить гробнице. Ибо уже все о нем исполнились пророчества: ведь и боль нашу он перенес и за нас пострадал; раной его мы все исцелились, потому что предана смерти душа его и к беззаконным причислен он был; истребим же, сказали, его в памяти на земле живущих, и имя его никогда не помянется; поэтому изымет Бог из души его боль и даст ему твердых силу, ибо пишется о нем: “И ты в крови Завета твоего освободил узников из рва, не имеющего воды”».

И услышав все это от Иосифа, Пилат удивился, и призвал сотника, и спросил его: «Умер ли уже распятый Иисус?» И, удостоверившись в этом, отдал тело Иосифу, дабы его схоронил, как пожелает.

Купив полотна, снял он тело Иисуса с креста. Пришел и Никодим, принесший состав из мирры и алоэ, ценою в сто гривен; вдвоем обвили тело Христа пеленами и помазали миррой. И воскликнул Иосиф, говоря так: «Солнце незаходящее, Христос, творец всех и повелитель творения! Как святого смел я коснуться тела твоего, если не могут тебя коснуться небесные силы, что со страхом служат тебе? Какими пеленами обовью тебя, обвивающего землю мглою и небо

облаками покрывающего? Или какие благовония возолью на твое святое тело, которому, дары с благовониями принеши, персидские цари как Богу поклонялись, предвидя твое за весь мир умерщвление? Какие погребальные песни исходу твоему воспою, если в вышних немолчным гласом поют уже серафимы? Как понесу я на тленных моих руках несущего все творение незримого Господа? Как в моей жалкой положу я гробнице тебя, небесный круг утвердившего словом своим и на херувимах с Отцом и Святым возлежащего Духом? Но все по предначертанию делаешь ты, и все претерпел ты по воле своей: ибо идешь ты в ад, чтобы Адама из ада и Еву, падших в грехе, снова в рай возвести, и прочих с ними умерших воскресить силой твоего божества. Поэтому, так возглашая, я тебя погребу, наученный Духом Святым: «Святой Боже, святой сильный, снятый бессмертный – помилуй нас!»

И положили его в гробницу, и привалили камень огромный к дверям гробницы. Мария же Магдалина и Мария Яковлева обе смотрели, где его полагали.

И когда минула суббота, и солнце уже воссияло, все вместе женщины с благовониями, и это уже в четвертый раз, пришли. Ибо в первый раз, как говорит Матфей: «Вечером в субботу пришли две женщины взглянуть на гробницу; при них же тогда произошло землетрясение, когда ангел отвалил камень от входа, и, этого устрашась, омертвели стражники». К ним же тогда явившись, сам Иисус сказал: «Радуйтесь, обе ступайте к братье моей, пусть идут в Галилею и там увидят меня». И снова, около полуночи, другие пришли увериться в случившемся, потому что от Магдалины о воскресении Христовом прослышали; об этих Лука написал так: «Очень рано пришли женщины к гробнице и нашли камень уже отваленным», и два ангела, став перед ними, сказали: «Зачем ищите живого среди мертвых? Нет его здесь, но воскрес».

Потом, пред зарею, и другие пришли женщины, и они увидели внутри гробницы двух ангелов, где лежало прежде тело Иисуса; об этом Иоанн Богослов сказал: «От тех услышав, Петр с другим учеником поспешил к гробнице, когда еще тьма была». Марк же обо всех повествует мироносицах, которые с

благовониями в субботу пришли; и, войдя в гробницу, увидели юношу, сидящего справа, и ужаснулись. Он же сказал им: «Не ужасайтесь! Ибо не вам теперь страх, но беззаконным жрецам со стерегущими здесь воинами. Вы же осмотрите пустую гробницу и передайте апостолам: “Христос воскрес!” Видите, без тела уже пелена, возносите хвалу о воскресении Иисуса во плоти, будьте благовестницами человеческого спасения, скажите апостолам: “Сегодня спасение миру!”» Уже не скорбите, не сетуйте как будто по мертвом, но радуйтесь и веселитесь о Боге живом. Вам сообщу я тайны Божьего человеколюбья, ради которого за Адама, в тление падшего, он пострадал; ибо для того с небес он сошел, и воплотился, и был человеком, дабы истлевшее обновить и на небеса возвести. Адам, послушав вражьих советов, захотел стать Богом – и проклят был; этот же, послушав Отца, из Бога стал человеком, чтобы змия погубить и человека приблизить к Богу. Тот, простерши руки к древу запретному, смертоносный сорвал с него плод и, став рабом греха, сошел от эдема в ад; Христос же руки простер на кресте, от греховного осуждения и от смерти людей освободив. Неповинный, он предан был, чтобы избавить от рабства преданных дьяволу за грехи. На трости с губки, пропитанной уксусом, желчи вкусил, чтоб уменьшить список грехов человеческих. Пробиты ребра его копьем, чтобы отстранить огненные мечи, возбраняющие людям вступление в рай. Кровь с водой из ребер источил, чтобы, телесную грязь очистив, освятить души людские. Связан был и терновником венчан, чтоб разорвать дьявольские узы на людях и вражьих обманов шипы уничтожить. Солнце погасил и землю потряс, и все живое ввел он в плач, чтобы адские разрушить хранилища и души там сущих вывести к свету, рыдание Евы обратив в радость. В гробнице как мертвый положен был – и обреченным на смерть жизнь даровал. Камнем с печатями был укреплен, чтобы адские ворота и запоры до основания разрушить. Всем видимо стражники его стерегли – но невидимо, сошедши в ад, он связал сатану. Ангельское же воинство, за ним поспешая, взывало: «Возьмите, врата, ваших князей, пусть внидет царь славы!» И одни, освобождая связанные души, из темниц

выпускали; другие, связавши враждебные силы, говорили: «Где твое, смерть, жало? Где твоя, ад, победа?» К ним оцепеневшие бесы взывали: «Кто этот царь славы, с такою на нас наступивший властью?» Погубил князя тьмы и, все похитив его сокровища, разгромил смертоносный град, утробу ада, отвоевал пленников, с Адамом здесь бывших, грешников души. Воскрес он, не тронув печати гробницы, как и родился, не повредив своей матери печати девства. Да не будет вам страха – но помертвевшим стражникам! Ибо уже, все совершив, Иисус воскрес боголепно и показался прежде вас приходившим женам, взывая величаво: «Радуйтесь обе!» И апостолам своим в Галилею идти повелел, чтобы там, вас всех освятив, взойти на небеса во плоти, в которой он снова придет судить мир.

Вот и все, ангелом сказанное мироносицам о Христе, передали мы.

Восхвалим теперь Иосифа вечнотимого, благовидного и досточудного. Блажен ты воистину, преславный и досточудный Иосиф, такого блаженства и великого счастья на земле и на небе сподобившись! Достоин послужил, как и херувим, Божьему телу; но те невидимо, на своих держа плечах, от страха свои прикрывают лица, ты же, Иосиф, более патриархов Авраама, Исаака и Иакова! Ибо они только голос его слышали – и в чести и славе над всеми возвысились, ты же обвинил пеленами Божие тело. Восславлю руки твои, Иосиф, на которых Божьего Сына и Творца всей вселенной держал ты тело; лик его не осмелившись видеть, в Хориве Моисей, под камнем укрывшись, услышал: «Сзади меня ты увидишь», потому и на Фаворе с Илиею увидев Христа, свидетельствовал, что тот Бог – и человек. Блажен ты более царя Давида, великий Иосиф! Ибо Давид от Силома киот с Божьим словом принес, но в своем убоялся поставить его доме; ты ж не шатер с Заветом, но самого Бога, приняв от креста, в гробнице своей, радуясь, положил. Блажен и благословен тобою, Иосиф, приготовленный склеп, в нем ведь пребыл и Спаситель Христос наш! И это уже не гробница, но Божий престол, небесный алтарь, покоище Духа Святого и ложе небесного царя, и окрест же, сказал Соломон, стоят могучие воины, искушенные в брани, имея мечи

обоюдоостры; так говорил он, объявляя лики святых, борющихся с еретиками и с иудеями за Христа. Блажен ты, Иосиф, совершитель Божьего таинства, исполнитель пророческих предсказаний! Ибо кого Завет и пророки притчами живописали, того ты въявь миррой по святым мазал ранам. Блажен ты, Иосиф, ибо того, кто дал жизнь словом и водами покрыл твердь небесную, Его, как мертвеца, камнем прикрыл ты в гробнице, веря в трехдневное воскресение! Блажен же и город твой, Аримафей, из которого ты пришел послужить Сыну божьему! Какую похвалу воздадим, достойную твоего блаженства, и с кем сравним праведника? Как начну и как я продолжу? Небом ли тебя назову? Но неба светлее ты благочестьем, ибо во время страданий Христа небо померкло и свет свой закрыло, ты же тогда торжественно на своих руках Бога носил. Землею ли благоцветущей тебя назову? но и той ты честнее себя показал, ибо тогда и она от страха тряслась, ты же торжественно божие тело, с Никодимом пеленами благовонными обвив, положил. Апостолом ли тебя и старейшиной назову? Ты ведь пример своей службы передал им, обходя и кадя, и с молитвами кланяясь пречистому телу Христа со словами: «Воскресни, Господи, помоги нам, избавь нас именем твоим!» Священномучеником ли тебя я назову, такую показал ты любовь к Христу? Хотя и не пронзена оружием грудь твоя, не пролилась от меча твоя кровь, но предпочтением и верою за Христа положил ты душу. И тебя поразили бы и на части рассекли, но сохранил тебя от этого Иисус, ибо, погребая тело его, не побоялся ты ни гнева иудейского, ни угроз жрецов, ни жестоко убивающих воинов не устранился, не сожалел о большом богатстве своем, не берег своей жизни, веря в трехдневное воскресенье. Но более всех имеешь ты веры в Христа, ему же молился ты и за нас, славящих тебя, и чтущих твою с мироносицами память, и твой празднующих праздник!

Поддай, святой, всем нам твою помощь, будь защитой городу нашему от всякого зла, подавая князю победу над противником и охраняя его от всех видимых и невидимых врагов; мир же и здоровье телу, а с тем вместе и душе испроси спасения. И нас избавь от всякой нужды, и печали, и бед, и всех

злых напастей, и многих грехов отпущение испроси своею молитвой у Бога, чтобы избавил он нас от вечных мучений и сделал сопричастниками будущих благ вечной жизни, благодатью и человеколюбием Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, которому слава с Отцом, и с пресвятым, и благим, и животворящим Духом, и теперь, и всегда, и во веки веков.

СЛОВО О БЕЛЬЦАХ И МОНАШЕСТВЕ
РАССКАЗ МНОГОГРЕШНОГО ИНОКА КИРИЛЛА
ПЕЧЕРСКОМУ ИГУМЕНУ ВАСИЛИЮ О ЧЕЛОВЕКЕ БЕЛЬЦЕ И
ЧЕРНЕЧЕСТВЕ, И О ДУШЕ, И О ПОКАЯНИИ

В некотором граде был царь, очень кроткий, хороший и милостивый, хорошо заботился о своих людях; только лишь одним он не был разумен, – тем, что не боялся нападения, не держал ратного оружия, не предполагая, что кто-то придет на него войной. Имел при себе тот царь много друзей и советников и одну, по-мужски умную, дочь. Был среди тех советников один мудрый и благоразумный, что всегда печалился о царском легкомыслии и искал благоприятное время, когда б сказать царю, чтобы готовился он к битве.

Внезапно одной ночью сделался в городе большой шум. И сказал царь своим советникам: «Давайте выйдем и пойдем по городу, может быть, мы найдем и схватим того, кто поднимает в нашем городе сумятицу, очень сильно мне нынче страшно». Но выйдя и обойдя все, ничего они не нашли, лишь одно смятение в граде.

И в то время, как все советники пребывали в растерянности и недоумевали, в чем дело, тот благоразумный советник взял царя с его дочкой и привел их к огромной горе со множеством разного оружия, внутри которой увидели они яркий свет, льющийся оконцем из пещеры.

И прикинув к тому оконцу, увидали они внутри пещеры жилище, где сидел в последней нищете человек, облаченный в бедное рубище, а с ним рядом сидела его жена, слаще брашен поющая ему песнь. Перед ним же на твердом камне стоял некто красен и высок, поднося ему пищу и черпля вино. И в тот миг,

как принял человек чашу, так с великой радостью стали они венчать его хвалою.

Увидавши все это, царь призвал своих друзей и сказал им: «Что за чудо, друзья мои! Посмотрите, как эта нищая и безвестная жизнь честнее нашего величества веселится, как сияет внутреннее ярче внешнего!».

Остановившись на этих словах, вернемся к прежде сказанному, чтобы открыть смысл притчи разумению простецов, – быстрые же умом и без объяснения все знают. Конец же Слова станем излагать подробно.

Град, братья, – это состав человеческого тела, коему творец и зиждитель Бог. А находящимися в нем людьми органы чувств называем: слух, зрение, обоняние, вкус, осязание и низменный жар похоти. Царь – это ум, тот, что владеет всем телом. Сильно же он хорош, кроток и милостив – ибо о теле своем больше всего печется, ища ему потребное и украшая одеждой. А хорошо заботится о своих людях – значит, узнав о добром, возносится, а от злого расстраивается, очам позволяет хотение, обонянию исполняет желание, устам дает объедение, и руками ненасытно берет и присваивает богатства, вместе с тем и низменной чувственности совершает похоть.

Чем же одним он неразумен? – Тем, что не печется о душе, как о теле: не вспоминает о нескончаемых муках живущим здесь во зле, не готовится себя для жизни будущего века, уготованной праведникам, не слушает сказанного Соломоном: «Блаженны обретшие мудрость и мудры познавшие смысл этой жизни».

Советники же и друзья – житейские мысли, не дающие нам подумать о смерти. Ибо бегством Писание смерть именует, Христос ведь сказал иудеям: «Да не будет бегство ваше зимой или в субботу», что значит – да не постигнет смерть тебя в грехах или без покаяния в праздник.

Ратным оружием называет апостол пост, молитву, воздержание и телесную чистоту, – «ибо возьмите, – сказал он, – все Божие оружие, дабы смогли вы противиться в день лютый», – но не любят этого соблюдать мирские люди.

А ночь – это сумятица сего мира, в котором мы как во тьме мятемся и друг друга сами в погибель вреваем или, словно объятые сном, не удерживаемся от греха.

А что однажды сделался в городе большой шум – это неожиданная напасть на человека: недуг, или потоп, или моровая язва, или на властей горькая обида. Тогда отходят все житейские мысли и происходит исступление ума, что означает царский страх, и поход по городу, и необретение производящего шум. И никакие ухищрения не переменят Божьего попущения, только святых мужей молитва, это истина. Петра ведь церковная за него молитва избавила от темницы и вериг. И Павел, знаем мы, говорил римлянам: «Сверх меры изнемогли мы в Азии, так что и не надеялись быть живы, но Бог избавил нас вашими молитвами». Если же недостойны будут живые умоливать Бога о нужном, тогда станем призывать почивших святых. Свидетель, тому Исайя, что принес Езекии смерть от Бога, и снова тому же Езекии не только принес от Бога жизнь, но и избавление городу. – «Это тебе, – сказал он, – даровал Бог ради Давыда, отрока твоего». Так же и три отрока молились и говорили: «Авраама ради, возлюбленного тобою, и Исаака, раба твоего, и Израиля, святого твоего», – потому они и не сгорели и вышли из огня.

А благоприятное время благоразумного того советника, это когда не ищут волшебства и колдовства, но с верою говорят: «Благо мне, что смирил ты меня, да научусь я наставлением твоим»; и еще: «Как Господу было угодно, так и стало». Господь животворит и мертвит, делает богатым и нищим, смиряет и возносит, и исцеляет от болезни немощных.

Гора же суть монастырь, в котором духовное оружие на супостата дьявола вот что: пост, молитва, слезы, воздержание, чистота, любовь, смирение, послушание, трудолюбие и бдение. К той горе приводит благоразумный советник царя, то есть, печаль ума – в монастырь, ибо он – гора Божия, гора плодородная, гора, напитанная влагой, гора, в которой благоволил жить Бог. Приход же к горе – обетное к Богу слово («Обещайтесь, – сказано, – и воздадите»); и еще: «Вознесу к

тебе обеты мои, те, что произнесли уста мои и изрек язык мой в печали моей»).

Приникновение же к концу – это слушание душеполезного учения. «Слова твои, – сказано, – просвещают и вразумляют младенцев». Писано: «Возвел я очи мои горе, откуда пришло спасение мое». Надобно тут сказать с Давыдом: «Господь сохранит вхождение мое и исхождение, отныне и до века». Ибо никого не влечет Христос к покаянию насильно, но посылает вразумление делами, чтобы того, кто через них познал его, ввести в небесное царство.

Глубокая же пещера – это монастырская церковь, провиденная пророками, устроенная апостолами, украшенная евангелистами. А сияющая из нее светлая заря – это служба Богу со славословием, немолчная аллилуйя псаломскими стихами: «Ночами, – сказано, – воздевайте руки свои в святилищах и благословляйте Господа»; и еще: «В полуночи встал я исповедаться тебе»; «Так, – сказано, – пусть просияет свет ваш пред людьми, чтоб увидели они ваши добрые дела и прославили вашего Отца небесного».

Внутренней же пещерой называю я устав, апостольские заветы келейной жизни, где никому нет своеволия, но всем все общее, ибо все под игуменом, как члены тела под одной головой, связаны духовными жилами. А сидящий там в последней нищете муж – это весь чернеческий чин. Сидение же означает безмолвное отшельничество. «Изрек я, – сказано, – сберегу пути свои, чтобы не согрешить языком моим, смирился я и онемел, и отказался от благ»; и еще: «Я же, будто глухой, не слышал и, как немой, не отверзал уст своих», и другое, подобное этому. А житье в последней нищете – это от бельцов осуждение, досаждения и укоры, поношения, и насмешки, и любопытствование, ибо они принимают монахов не за людей, работающих Богу, но за притворщиков и погубителей своей души. Об этом говорил Павел: «Нас, последних апостолов, явил Бог словно смертников, ибо мы выставлены были на обозрение всему миру»; и еще: «Юроды мы Христа ради, вы же мудры о Христе».

А что в худое одет рубище – тут речь без иносказания, ибо здесь рядом и власяница, и суконные одежды, и облачения из козьих шкур. Ибо всякие богатые ризы и плотские украшения чужды игуменам и всему монашескому укладу, – «Те, кто носят мягкую одежду, – сказал Христос, – те в домах царских», – эти же облечены целомудрием, опоясаны правдою, украшены смирением.

Сидящая же с ним его жена – это непреходящая смертная память, поющая такую сладкую песнь: «Глас радости и веселия в селениях праведных»; «Вечно праведники живут и мзда им от Господа»; «Смерть праведнику покой есть»; «Если богатство мимо идет, – не прилагайте сердца»; «Не помилую никого из творящих беззаконие»; «Поэтому, – сказано, – забыл я съесть хлеб свой от плача моего».

А предстоящий перед ним тот прекрасный – это Христос, ибо «рядом Господь со всеми боящимися его, желание их исполнит и молитву услышит»; «прекраснее он всех сынов человеческих»; «щедр и милостив Господь»; «не пришел я, – сказано, – чтобы служили мне, но сам я стану служить и положу свою душу во избавление за многих». Высок же он очень потому, что сын Божий, сшедший с небес, нашего ради спасения воплотился и стал он человеком, чтоб обожить человека.

А стоит он на твердом камне нашей веры. Об этом свидетельствуют Амос и Иеремия: один из них глаголет: «Вот человек высок стоял на твердом камне, призывая к себе все концы земли и питая своих»; Иеремия же сказал: «Он человек, и кто познает его. Но да уразумеют все концы земли, что он Бог».

Подносит же он пищу и черпает вино – это верным всем подает он честное свое тело во оставление грехов и кровь свою святую ради вечной жизни.

Запрещающие же друзья – это собственная совесть каждого. Ибо взывает Павел: «Тот, кто ест сей хлеб и пьет Господню чашу, будучи недостоин, на грех себе ест и пьет, виновен он пред телом и кровью Господними».

А как примет человек чашу и станут венчать его хвалою – тут разумеи очистившихся покаянием и принявших животворную

чашу на освящение души и очищение тела. Тогда возносит Бог Отец хвалу пророческими словами: «Блаженны те, кому отпущены беззакония, кому покрыты грехи, кому Господь не вменит греха»; и еще: «Веселитесь о Господе и радуйтесь, праведники!» Венчает же Святой Дух, ибо он покоится на честных причастниках, обрел он их достойными себе сосудами и поселился в них, ибо они омыли храм его слезами, выстлали его усердными молитвами, украсили добродетелью, окурили жертвенными воздыханьями. И великой радостью веселится Христос со святыми ангелами, ибо сказано: «Радость бывает на небесах об одном единственном кающемся грешнике», «радуйтесь, – сказано, – со мною, ибо я обрел погибшую драхму».

Все это рассмотрев, призвал царь своих друзей. Рассмотрение – это благое решение отстать от грешных привычек и научиться благим, собрать все помыслы этой суетной жизни и осудить все блага этого соблазняющего мира и, как Соломон, сказать: «О, суета, останься суетой!» Всякий человек, понуждающий ради этого себя трудом, спасающий себя от гибели, восхищается соблюдаемым Богом ангельским житием и оставляет все, и самую ту житейскую печаль, и стремится всякий человек, пройдя через плотские искушения, полечись о своей душе.

Разъяснив все это таким образом, не оставим и прочее без рассмотрения. Ибо притче этой мы не творцы, но, заимствовав ее из богодухновенных писаний, словно взявши из поставца, плетем мы это плетение, как дитя, немотствуя пред вашей отеческой любовью, и веселим вас.

И вот по пророческим писаниям скажем похвалу монахам, и о познании Христовой благодати, и о вступлении в пещеру, то есть о пострижении.

Сказал царь: «О, как эта нищая и безвестная жизнь честнее нашего величества веселится, как ярче внешнего внутреннее сияет!» Это умные люди вспомнили о душе. Ибо сказано, что «не спасет царя многая сила»; и любая власть причастна греху; и когда между торгующими совершается сделка, и тут грех случается и все прочие житейские вещи. В нищете и богатстве

помехой спасению служат семья и дом, потому говорит апостол: «Женившийся печется о жене, как угодить жене, а неженитыйся печется о том, как угодить Богу», та забота ведет в муку, а эта забота – к вечной жизни.

Нищая же и безвестная жизнь означает монашество. Каждый туда идет на смирение и на покорение, одному лишь Богу радуется, принимая честь по своим трудам от Бога и людей. Ведь деревья хвалят не за высоту и листву, а за их плоды; так же и монахам не монастырь приносит славу, а иноческие добродетели. И это видно по игумену Феодосию Печерскому, по тому, как он без лицемерия иночествовал, возлюбивши Бога и свою братию как самого себя; потому и Бог его возлюбил и ради него прославил сие место больше всех монастырей на Руси. Эти внутренние добродетели жизни святых монахов сияют чудесами больше мирской власти, и потому светские вельможи склоняют перед иноками свои головы как перед Божьими угодниками, воздавая им подобающую честь по словам Господа: «Кто примет праведника ради праведника, награду праведника примет» и так далее; и еще: «Кто приемлет вас, тот меня приемлет»; и еще в добавок: «Не бойся, малое стадо, ибо изволил Отец мой дать вам царство небесное»; «тот, кто оставит, – сказано, – отца и мать и все, что имеет, имени моего ради, тому сторицею воздается, и вечную жизнь он наследует». Ради таких обещаний понуждает себя всякий христианин нести Господне бремя, то есть взять на себя иноческий чин.

Скажем же, наконец, о том царском входе. Ибо входит он, взяв свою единородную дочь, внутрь пещеры. Подразумевай под дочерью ума душу, ведь она рождается от ума и имеет общее с ангельским чином, ибо сказано: «Творит ангелами своими духов и слугами своими огонь палящий».

Ибо дух бодр на всякое доброе дело и скор к шествию на богоугодный подвиг, а плоть немощна. Ангельское же и иноческое служение едины: ибо те и другие, оставивши всю свою волю, повинуются Божиим и игуменским повелениям, сам Господь воздает за труды им награду. Сказано: «Кто душу свою погубит за мои слова, тот обретет ее в вечной жизни».

Вот уже сам он говорит стоящему внутри: «Открой мне врата правды, и я войду в них и исповедаюсь Господу, ибо “взыскующие его не лишатся ни коего блага”».

Отвечает предстоящий: «Это врата Господни, и праведники войдут в них, Господь не лишит добра живущих здесь в кротости. Кто ж ты таков, дерзающий на это?»

И говорит: «Я – царская дочь, “и приведутся к царю вслед за нею девы”».

Отвечает предстоящий: «Слушай, дочь, и виждь, и приклони слух твой, и забудь народ свой и дом отца твоего, – тогда возжелает царь красоты твоей, несмотря на то, что черна ты». – То есть, пока не отойдет человек от телесных желаний и житейской заботы, душа его с Богом не примирится, ибо нельзя работать Богу и мамоне. А чернота – это грех. «Смугла, – сказано, – да хороша». Смугла из-за сотворенных прежде прегрешений и из-за мирских житейских забот. А хороша из-за скорого покаяния. Черна властью, которую имеют над ней узы сего мира, хороша – иноческим пострижением. – «Вся слава царевой дочери внутри суть».

– «А ты кто?»

– «Я, – говорит, – овчий пастырь, оставил вас, девяносто девять овец, – говорит, – в горах и сюда спустился, ища погибшую; если меня послушаешь, тогда “лицу твоему поклонятся богатые мира”».

Отвечает: «Дала я тебе обет, ибо овца я словесного твоего стада и пришла к тебе, доброму пастырю, прими меня, заблудшую, и целуй лобзанием уст твоих».

Пойми, тому, что дальше я скажу, я сам служитель, и не думайте, что я это взял не из Святого писания. Когда б мы данный при нашем постриге обет сдержали, тогда б не только прощение грехов получили, но и земную честь восприяли (подобно вашим святым отцам и чудотворцам, перед которыми склонились цари и князи) и в царствии небесном лицезрели бы Бога; иначе говоря: чего в молитвах бы просили, то скоро и сугубой мерой получили бы.

И снова стоящего вопрошает и говорит: «Если ты пастырь, то “не оставь меня, не отступишь от меня”, ведь близится

скорбное время, а я знаю, что Исайя о тебе говорит: “Этот, как пастырь, упасет свое стадо, и соберет под рукою своею агнцев, и утешит зачавших в утробе”». Таковы у новопосвященных иноков если не слова, так мысли. Держа свой обет, но не одолев слабости, просят они даровать им святость; чтя Писание, велят Богу спасти их без подвигов. Ибо не понимаем мы слов Павла: «Без подвига никого не венчают». Не в состоянии ведь прийти к победе спящий и не может спасти себя ленившийся.

Но не раскаивается Бог в своих дарах; верный тому свидетель на небесах Господь наш Иисус Христос, который ни за что спасает иноческий чин, ибо он сам молится за нас и глаголет: «Отче святой, не о мире молю, но о сих, что ты дал мне, сохрани их имени твоего ради, чтобы там, где буду я, и они со мной были, чтоб никто из них не погиб, только сын погибели».

Имея такие обеты, монахи, подвизайтесь! Положено и среди нынешних апостолов быть Иуде, но пусть каждый блюдет себя; не предадим во лжи Бога-Слово, крадя, грабя, нанося обиды, помышляя злое об игумене, оправдывая себя клятвой; не распнем Христа, недостойными приступая к причастию Святых Тайн, но во всем, по апостолу, делая себя Божьими слугами, будем многотерпеливо строить свое спасение. И как кони в табунах, друг с другом соревнуясь, меряются силою, так и вы ревнуйте к подвигам святых отцов и состязайтесь друг с другом в посте, бдении, и молитвах, и в богослужебных трудах, чтобы не ослабеть в объедении, и пьянстве, и плотских желаниях и не оказаться в адской пустыни, и не быть растерзанными там геенскими зверьми, чтоб не растрескались наши тела, как кора земная, мучимые огнем, чтобы не «рассыпались наши кости при аде». Нет, оперившись крыльями своего разума, взмоем от губящего нас греха! Возьмем пищу из святых Книг и скажем с Давыдом: «Сколь сладостны гортани моей слова твои, лучше меда они устам моим».

Все это говоря, я не величаюсь, лишь себя теша, в неразумии рассуждаю, ибо человек я грешник, и язык мой – смрадный мой член. Хоть я и вошел в глубину Божьих книг, но неловким языком своего ума издаю грубые звуки. Бог же мира,

отцы мои, многою милостию своею сделает вам приемлемым это повествование и сохранит ваши души в чистоте, тела неоскверненными, жизнь непорочной, девственность нерасхищенной, любовь к братии нелицемерной, и украсит покой ваш знамениями, и раскроет небесные двери, и уберет огненное оружие, и введет в горний Иерусалим, и увенчает своей десницей, и позовет к трапезе, и подаст чашу радости и веселия.

Мною же, как псом, молю вас, не пренебрегите, и здесь в святых молитвах помяните, и там от святой трапезы бросьте крохи, – от той, которой дай Бог сподобиться всем христианам, от вечной жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне, и присно, и во веки веком.

СЛОВО НА ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ В ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ О ЕВАНГЕЛЬСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ СВЯТОГО КИРИЛЛА

Велики и древни сокровища, дивно и радостно откровение, чудны и несметны богатства, неоскудеваемы подаваемые ближним дары, славны и честны искусные строители дома, обильны и велики остатки царской трапезы, которыми окормляются нищие, – не тленной пищей, но пребывающей в вечной жизни! Ибо евангельские словесаде, что многообразно говорил Христос ради спасения людей, – пища для наших душ. Славный же и честной его дом, Церковь, искусными строителями имеет патриархов и епископов, иереев и игуменов, и всех церковных учителей, которые верой и чистотой приблизились к Богу и приняли по благодати Святого Духа различные дары учительства и целительства, по мере, дарованной им Христом. Тем же и мы, убогие, берущие крохи, оставшиеся от той трапезы, насыщаемся, ибо всякий раб хвалит своего хозяина.

Ныне нам радость и миру всему веселие, братия, из-за наставшего праздника, в котором сбылись пророческие писания через свершаемое Христом в этот день знамение. Ныне Христос входит в Иерусалим из Вифании, сев на молодого осла, чтобы сбылось пророчество Захарии, сказавшего о нем: «Радуйся и

ликуй, дочь Сиона, вот царь твой грядет кроткий, севший на молодого жеребца!» Это пророчество разумея, веселимся.

Дщерями вышнего Иерусалима названы души святых; а молодой жеребец – уверовавшие в Него народы из язычников, которых Он освободил, послав к ним апостолов, от дьявольского прельщения.

Ныне народы вышли навстречу Иисусу, держа в руках вайи и воздавая тем ему почести, после того как он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых. Прекрасно людское свидетельство, поверив которому, народы познали в нем Сына Божия. Он чудеса сотворил среди иудеев, а спасение и благодать даровал язычникам. Те не узнали его, а язычники приняли его. Израиль отрекся от позвавшего их к вечной жизни, а уверовавших язычников привел он в небесное царство. Для тех – падение и соблазн, а концам земли – восстание и вера.

Ныне апостолы положили ризы свои на молодого жеребца, и Христос сидит поверх них. О, явление великой тайны! Ибо добродетели христиан – это апостольские ризы, ведь своим восприятием Христова учения сотворили благоверные люди престол Богу и вместилище Святому Духу: «Вселюсь в них, – сказано, – и стану жить в них, и буду им Богом, и станут людьми моими».

Ныне народы устилают путь его своими одеждами; а иные срезали с деревьев ветви и их постилали. Праведным и благим путем стал Христос для мирских владык и для всех вельмож; устилая этот путь милостыней и кротостью, без труда входят они в небесное царство. А ломающие с деревьев ветви – это простолюдины и грешники, кто приходит к Богу, выравнивая свой путь сокрушением сердца и умилением души, постом и молитвами, ибо сказано: «Я – путь, истина и жизнь».

Ныне впереди идущие и идущие позади восклицают: «Осанна сыну Давыдову! Благословен грядущий во имя Господне!» Идущие же впереди – это пророки и апостолы: те заранее пророчествовали о Христовом пришествии, а эти миру всему провозвестили о пришедшем Боге и во имя его крестили народы. А идущие позади – святители и мученики: одни крепко боролись с еретиками и отринули их как врагов от святой

церкви, другие до крови пострадали за Христово имя и, оставив все, последовали за ним, чтобы стать причастниками его страданий. Все они «осанну» восклицали и взывали: «Ты – Сын Божий, принявший плоть на земле, чтобы поднять падшего из-за нарушения заповеди Адама; благословенья ради и мы потщимся творить добрые дела во имя Господне».

Ныне пришел в движение весь Иерусалим из-за Господня прихода: спешат старцы, чтоб поклониться Иисусу как Богу; торопятся отроки, чтобы прославить его за чудо Лазарева воскрешения; кричат младенцы, будто на крыльях паря вокруг Иисуса: «Осанна сыну Давыдову! Благословен грядущий во имя Господне! Бог – Господь и явил себя нам!» О, откровение тайны и разрешение пророчеств! Ведь старцами названы язычники: ибо и прежде Авраама и Израиля были народы; тогда, прельщенные, удалились они от Бога, сейчас же – с верою Сыну Божию поклоняются. Образом же отроков назван честной, возлюбивший девство, отеческий чин, ибо непрестанно славит он Христа и творит чудеса по Божьей благодати. А в младенцах преображены все те христиане, что никак не мудрствуют о Христе, но для него живут и за него умирают, и приносят ему обеты и молитвы.

Ныне Анна и Каиафа негодуют: Всем веселие, а им – скорбь и недоумение. Подобало бы иерейскому чину быть мудру и испытывать по пророкам, не это ли Христос, о котором заповедал сынам своим Иаков, сказав им: «Из потомства твоего, Иуда, выйдет владыка неба и земли, он – упование народов, привязавший к лозе своего молодого жеребца». Не вспомнили они и Давыда, пророчествовавшего о нем и сказавшего: «Устами грудных младенцев свершил ты хвалу», и не уразумели Софонию, так писавшего: «Радуйся, Иерусалим, и уготовь путь твоему Богу, ибо придет он в свою церковь, творя чудеса и подавая знамения», но составили заговор на подателя всех благих, чтобы погубить не только Иисуса, но и Лазаря, и не захотели вместе с народом говорить так: «Велик ты, Господи! Глас твой потряс адовы глубины и исторг из них душу умершего, и, спасенный, снова вернулся к жизни Лазарь!»

Ныне всякая тварь веселится, освобождаемая от вражьего порабощения, ныне сотряслись адские врата и путы и ужаснулись бесовские силы. Ныне холмы и горы сладость источают, нивы и поля Богу плоды приносят, горние поют, а преисподние рыдают, и дивятся ангелы, видя идущим по земле невидимого на небесах, сидящим на жеребенке, сущего на херувимском престоле, окруженным народами того, кто неприступен для небесных сил. Ныне младенцы радостно восхваляют того, кого со страхом славят и серафимы. Ныне шествует на пути в Иерусалим тот, кто измерил небо пядью и землю дланью, ныне вступает в церковь непопещаемый на небесах.

Ныне старейшина жрецов исполняется гневом на творца великих чудес, ныне книжники и фарисеи завидуют детям, бегущим с ветками навстречу Христу и взывающим: «Осанна сыну Давыдову!» Чудное дело! Как забыли они пророков, каждый по-своему писавших о Христе ради нашего, языческого, спасения! «Уже, – сказано, – нет стремления ко мне среди сынов Израилевых, явился я к не ищущим меня и скажу я людям не моим: “Мои вы люди”».

Потому, братия, подобает нам, Божьим людям, прославить возлюбившего нас Христа. Придите, поклонимся ему и припадем, как блудница, лобызая мысленно его пречистые ноги, и отстанем, как она, от злых дел; прольем, как миро на главу его, веру и любовь нашу; с любовью выйдем, как народы, ему навстречу и, как ветви, слоим свою злопамятливость; постелем ему, как ризы, добрые дела; вскричим молитвами и незлобивою, как младенцы, предшествуем милостыней к нищим, последуем бдением и постом – и не погубим труд сорокадневного поста, в котором мы подвизались, очищаясь от всяческой скверны, чтоб вступил ныне в наш Иерусалим Христос. Ибо весь состав нашего тела наречен Иерусалимом, как говорит Исайя: «На своих руках, Иерусалим, написал я твои стены и поселюсь в тебе».

Приготовим же смирением, будто горницу, наши души, чтобы с причастием вошел в нас Сын Божий и сотворил с учениками своими Пасху. Пойдем вместе с пошедшим

добровольно на страдания, понесем свой крест в претерпении любой обиды, распнем себя сопротивлением греху, умертвим телесные желания, воскликнем: «Осанна в вышних! Благословен ты, пришедший на добровольную муку, которой поправил ты ад и победил смерть!» и, прекративши на этом речи, венчаем песнями, как цветами, святую церковь и украсим праздник, воздадим Богу славословие и Христа, Спасителя нашего, возвеличим, осеняемы благодатью Святого Духа, чтобы, отметив в радости праздник, достигнуть в мире тридневного воскресения Господа нашего Иисуса Христа, которому подобает всякая слава, честь и держава и поклонение, со Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом, всегда, и ныне, и присно, и во веки.

СЛОВО О РАССЛАБЛЕННОМ

СЛОВО ТОГО ЖЕ ГРЕШНОГО МОНАХА О РАССЛАБЛЕННОМ, ПО БЫТИЮ И ПО ЕВАНГЕЛЬСКОМУ ПОВЕСТВОВАНИЮ, – В ЧЕТВЕРТУЮ НЕДЕЛЮ ПО ПАСХЕ

Неизмерима небесная высота, неисследима преисподняя глубина, непостижима и тайна Божьего промысла, ибо велика и несказанна милость его к человеческому роду, та, которой были мы помилованы. Потому должны мы, братья, славословить, петь и восхвалять Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, возвещая о великих его чудесах, сколько он их ни сотворил, ибо непостижимы они и ангелам, не то что людям.

Ныне вот побеседуем о расслабленном, о ком сегодня помянул сам Господь, кого призрел он и помиловал, – того, кем пренебрегли врачи, кого забыли погружавшие больных в купель служители; все они, когда вскипала вода, печась о здравии богатых, отталкивали того, кого ныне благой человеколюбец Христос исцелил словом, – ибо врач он нашим душам и телам, и слово его было делом.

Глаголет евангелист: пришел Иисус в Иерусалим в преполовление еврейского праздника, когда множество народа со всех городов собирается по обычаю в Иерусалим. Тогда и Господь пришел, помогая всячески своим рабам и обличая безумие непокорных иудеев; поистине, пришел, чтобы найти заблудших и спасти погибших. Много сотворил он чудес по всей

Палестине, но не веруют ему и в ответ на благодать хулят его, называя соблазнителем и лжецом. Потому пришел он при стечении множества народа к Силуамскому водоему, что зовется Вифезда, или Овчая купель (ибо там внутренности жертвенных овец полоскали). Над ней был храм с пятью притворами, и там лежало множество больных, хромых и слепых, и страждущих другими недугами, чающих движения воды; ибо ангел Господень приходил и возмущал воду, и первый, кто входил в нее после возмущения, исцелялся.

И был это прообраз святого крещения. Ибо не всегда вода та исцеляла, но лишь когда возмущал ее ангел. А теперь к крестильной купели сам владыка ангелов, Святой Дух, приходит и ее освящает и подает здравие душам и телам и грехам очищение; если кто ослеп разумом, или охромел неверием, или иссох от отчаяния за многие преступления, или расслаблен еретическим учением – всех крещальная вода делает здоровыми. Та купель многих принимала, но одного исцеляла, да и то не всегда, а единожды в лето, – а крещальная купель всякий день многих оживляет и делает здоровыми. Ведь даже если люди со всей земли придут к крещению, не уменьшится Божья благодать, подающая всем исцеление от недугов греха.

Скажем же про Господню благодать, как пришел он к Овчей купели и увидел расслабленного человека, много времени лежащего на одре в недуге, и, воззвавши к нему, сказал: «Хочешь ли быть здоров?» «Да, Господи! – отвечал тот, – давно хочу, но нет человека, кто бы после возмущения ангелом воды погрузил меня в купель. А коли спросил ты меня, Владыка, о здоровьи, то кротко выслушай мой ответ, да поведаю тебе про свою напасть и болезнь. Тридцать восемь лет лежу я, пригвожден недугом, на этом одре; грехи мои расслабили все члены моего тела, и душа моя прежде смертного суда поношеньями истерзана. Молюсь Богу, и не слышит меня, “ибо преступления мои превзошли меру выше головы моей”. Врачам раздал я все, что имел, но не смог получить помощи, ибо нет лекарства, могущего отменить Божье наказание. Знакомые мои гнушаются мной, ведь смрад мой лишил меня всякого покоя; и близкие мои стыдятся меня, так что стал из-за болезни чужим я

братии своей. Все люди клянут меня, того же, кто б утешил, не нашлось. Назвать ли себя мне мертвецом? Но чрево мое просит пищи, и язык сохнет от жажды! Считать ли себя живым? Так не в силах я не только встать с одра, но и подвинуться! Ноги у меня не ходят, руки же не только не способны к работе, но и ощупать себя не могу я ими. Непогребенным мертвецом считаю я себя, и одр сей – гроб мой. Мертвый я посреди живых и живой среди мертвых, ибо как живой принимаю пищу, и как мертвый ничего не делаю. Мучит меня, как в аду, бесстыдство поносящих меня; посмешище я для юных, издевающихся надо мной, и перед старцами лежу я как пример для наставления. Все надо мной смеются, я же вдвойне страдаю: изнутри когтит меня болезнь, а снаружи обидами укоряющих истерзан. Плевками ото всех покрыт я. И другое сетование владеет мной; голод, больше недуга, одолевает меня; если и найду я пищу, так не могу положить ее рукою в рот; всех молю, чтоб хоть кто-нибудь накормил меня, и, бывает, делим мой бедный кусок с кормящими меня. Стону в слезах, мучимый своим недугом, и никто не придет посетить меня; один мучусь, и никто не видит меня. А когда принесут сюда остатки от трапез богобоязненных людей, так немедленно прибегают служители Овчей купели, и не так жадно псы слизывали Лазаревы струпы, как они пожирают поданную мне милостыню. Нет у меня ничего, чтобы заплатить единственному человеку, который попечется обо мне, ибо скверно расточил я данное мне в рае богатство; украдено змеем в Эдеме одеяние моей чистоты, и лежу я здесь обнажен от Божьего покрова. Нет человека, кто бы, не гнушаясь, послужил мне! Еноха и Ильи нет на земле, взяты они на огненной колеснице и пребывают там, где Богу ведомо; Авраам с Иовом, недолго послужившие таким, как я, преставились к бесконечной жизни. Господи, нет человека, верного пред Богом! Боговидец и законодатель Моисей потом согрешил пред Богом и не вошел в обетованную землю; премудрый Соломон, три раза беседовавший с Богом, на старости лет воспротивился Богу и, прельстившись женщинами, погиб. Господи, нет человека, который бы положил меня в купель! Все удалились и не

помогли, и никого нет, кто бы сотворил добро, нет ни единого; и не понимает этого никто из совершающих беззакония!»

И услышав все это из уст расслабленного, добрый наш врач Господь Иисус Христос отвечал расслабленному; «Как можешь ты говорить, что нет человека! Я ради тебя стал человеком, – щедрый и милостивый, – не разорив обманом свой обет вочеловечения. Слышал ведь ты пророка, глаголющего, – что дитя родится, сын Вышнего, что дан он нам, что он болезни и недуги наши понесет. Ради тебя, оставив скипетры горнего царства, обхожу я дольних, служа им, – ибо пришел я не для того, чтобы мне служили, но – чтобы самому служить. Ради тебя, будучи бесплотным, облекся я плотию, чтобы исцелить душевные и телесные недуги каждого. Ради тебя, невидимый никому из ангельских сил, явился я людям, ибо не хочу оставить сотворенного по моему образу лежать во прахе, но хочу спасти его и привести в истинный разум. И ты говоришь; “Нет человека!” Я сделался человеком, чтоб человека сделать Богом! Ведь я сказал: “Богамы станут все и сынами Всевышнего”. И кто другой верней меня служит тебе? Тебе всю тварь на работу я создал; и небо, и земля тебе служат, – одно влагой, другое плодами. Тебе служит солнце светом и теплом, и луна со звездами ночь освещает. Для тебя облака напояют землю дождем, и земля взращивает всякую семеносную траву и плодоносные деревья тебе на службу. Для тебя реки носят рыбу и пустынные дебри вскармливают зверей. И ты говоришь: “Нет человека!” Кто ж вернее, чем я, человек! Ведь не нарушил я обета о своем вочеловечении: клялся я Аврааму и говорил: “Семенем твоим благословенны будут народы, от Исаака будет тебе потомство, и, воплотившись в нем, отменю я обрезание и сотворю живую воду, многих чад порождающую крещением”, о которой глаголет Исайя, что “пробилась вода в пустыни”. Жаждущие, на воду живую идите! Я – озеро жизни! И вот изливаю я на тебя из своих уст живой источник, а ты жаждешь Овчей купели, которая скоро пересохнет. Встань, возьми свой одр, пусть слышит меня Адам и обновится теперь вместе с тобой от тления, ибо в тебе исцеляю я ныне проклятие первого Евиного преступления! Я словом оживил Лазаря, раскисшего

уже в гробу и бывшего четыре дня мертвым, и тебе говорю теперь: “Встань, возьми свой одр и иди в свой дом!”»

И быстро вскочил расслабленный с одра, полный сил и здоровый всеми членами, и взявши одр, на котором лежал, стал ходить среди народа.

А в тот день была суббота; и иудеи, завидев его, не порадовались выздоровлению немощного, не вознесли хвалу Богу, поднявшему расслабленного с одра его немощи, не спросили: «Как у тебя, брат, жилы и члены укрепились?» – а, как звери на вооруженного, набросились и отбежали вспять и, пуская, как стрелы о камень, богохульные речи, стали ломаться. Ведь предпочли они говорить неправду, нежели правду, и стали угрожать носившему одр: «Сейчас суббота, и не положено тебе брать одр! Зачем поднялся ты из немощи? Зачем исцелился от недуга? Зачем перестал болеть? Нехорошо сейчас носить тебе свой одр!»

И сказал им исцеленный от недуга: «Что говорите вы, фарисеи! Будучи мудрыми, обезумели вы от злобы! Не насытились ли вы за тридцать восемь лет зрелищем того, как, полумертвый, лежу я на одре? А теперь, когда я встал по Божьему слову, ослепли вы умом и, хромя, спотыкаетесь о свою неправду. Если уж не было добром, то и не зло мое востание. Если вы не радуетесь великому чуду, так хотя бы не завидуйте данному мне здоровью. Не уподобляйтесь лошакам, у которых нет разума! Господь помог мне на одре моей болезни и весь недуг мой обратил в здоровье. Скажите мне, старейшины и судьи Израилевы, у кого из вас украдено было данное мне здоровье, что вы так жалеете и грозите мне? Ведь никто из вас не обижен и ни у кого из вас не отнято, чтобы быть дарованным мне; тот, кто исцелил меня, сказал мне: “Встань, возьми свой одр и ходи!” И вот я весь здоров».

Отвечали книжники: «Кто он, тот, что исцелил тебя?» Носящий одр этого не знал, – ибо Иисус удалился из толпы, – но сказал: «Не волхв он и не чародей, ни посланник, ни ангел, а сам Господь Бог Израилев. Ибо не прикасался он ко мне руками, не прикладывал снадобья к язвам моих членов, но слово его было делом. Сказал мне: “Встань и иди!” – и

последовало за словом дело и телесное здравие. Поэтому не доискивайтесь лица, не хулите Божьей благодати, а справедливо рассудите: скажите Богу, что “величают дела твои в Израиле” и почтите субботу Господним чудом, и прославьте Бога, и украсьте праздник!»

Но иудеи не унимались и говорили: «Кто исцелил тебя в субботу? Покажи, кто повелел тебе носить одр в праздник!»

Нашел же его Иисус снова в церкви и сказал ему: «Вот исцелен ты, больше не греши, чтобы не стало тебе горше прежнего!»

И не будем мы думать, что одному ему сказал это Христос, нет, – всем нам, принявшим благодать крещения, которым мы очищены от прародительской скверны и исцелены от растлевающего нас греха; вот что как бы сказал Господь тому исцеленному: «Вот исцелил я в тебе болячки всего Адама, и поднял того, кто пал из-за нарушения заповеди, и упразднил ныне проклятие, лежащее из-за него на всем человеческом роде, омыл крещением скверну всякого прегрешения, поискав, нашел шедшего недобрым путем идолослужения, перевязал раны израненного бесовскими разбойниками, возлил на язвы его вино и елей своей крови и, положив на скотину своего тела, принес в гостиницу – в святую церковь, дал два серебряника хозяину гостиницы, то есть Ветхий и Новый Завет святителям, чтобы с прилежанием учили людей; обещал и вознаграждение по возвращении своем тем, кто спасает грешников. Вот исцелен ты и больше не греши, ибо горе, – сказал он, – тому, кто грешит сознательно!»

Уразумейте же все смысл сказанного, – то, что не разрешает Господь грешить нам по крещении, чтоб снова не растлить обновленного Богом человека. По восприятию же любого священнослужительского сана – горе согрешающим; и по восприятии монашества, скажу, и иерейства, и в самом епископстве – горе не боящимся Бога!

А тот человек был верен, ибо после исцеления не погрузился в телесные скверны и не похулил Иисуса перед иудеями, но пребывал в церкви, где и нашел его Христос. И узнав того, кто исцелил его, он сказал: «Праведен ты, Господи,

и слово твое – истина! Отныне приобщаюсь я ко всем тем, кто боится тебя и сохраняет заповеди твои»; и пошел по всей стране, разнося весть, что «он Иисус, тот, кто сделал меня здоровым».

Так прославим, братья, и мы Иисуса Христа, Бога нашего, исцелившего нас от греховных недугов, и, припавши с верою к нему, скажем: «Не попомни прежних наших преступлений и очисти нынешние прегрешения, – ибо ты Бог всех, небесных и земных. Помилуй нас, уповающих на тебя, создатель человека, творец ангелов, царь всего мира, владыка архангелов, создатель херувимов, украшатель серафимов, чтобы, спасенные тобою, славил мы тебя с Отцом и Пресвятым Духом, ныне, и присно, и во веки!»

ПОСЛАНИЕ К ИГУМЕНУ ВАСИЛИЮ О СХИМЕ

ПОСЛАНИЕ НЕКОЕГО СТАРЦА К БЛАЖЕННОМУ В БОГЕ АРХИМАНДРИТУ ВАСИЛИЮ О СХИМЕ

Шлю поклон от моего недостойнства твоему преподобию, милый мой господин, всечестной богоблаженный Василий, воистину, великий и славный во всем мире архимандрит, отец отцам, наставник вышнего пути, мудрая душа, проникающая умом все богодухновенные книги, второй игумен Феодосии Печерский, не именем, но делами и верою равный его святости! И больше даже него прославил тебя Христос как верного своего раба и слугу своей матери: ибо он, начав строить церковь, позван был Богом и к нему отошел, тобою же Бог не церковь только создал, но создал и стены каменные около святой лавры, где жилища святых и дворы преподобных, непрестанно хвалящих в Троице славимого Бога, славящих воплотившегося в двух сущностях от Духа Святого и от Марии девы вочеловечившегося, принявшего за наши грехи распятие и смерть.

А о чем, господин мой, прислал ко мне грамоту, вопрошая как бы о великом и святом схимническом образе, в который издавна облечься желаешь, об этом ты не как несведущий спрашиваешь, но испытываешь мое убожество, как подобает испытывать учителю ученика и господину раба. И я не от себя скажу тебе о святой схиме, но от святых книг, больше – от

самого Христа, напомним притчу о том человеке, что создал на камне дом свой и хлев свой.

Не о песке помышляй, не о создании храмины, не о реках и дожде или лютых ветрах, ударяющих в здание, пусть слышит господин мой Василий о святой схиме, что хочет принять.

Ты создал на твердом основании стены каменные около всего Печерского монастыря, высокие и прекрасные; и прежде всего собрал для этого свое богатство, затем и кирпич огнем обжег, водою же и раствором довершил дело. Но не таково то святое строительство, когда создают в себе самом храм Божий, чтоб можно было поселиться в нем Святому Духу.

Если такую святую сотворить хочешь обитель, решаешься в себе самом положить основание Святой Троице, иначе, обновиться святою схимою, как говорится, «рассчесться с именем», то прежде всего, помолясь Богу, сядь и напиши свой обет, собравшись с мыслями, что станешь ты до смерти хранить: день или два в неделю либо в месяц станешь ли поститься от еды или от питья, или проводить ночь в молитве, или не разговаривать с людьми, и не выходить из монастыря в обетный день, или милостыню творить от своего рукоделия, или исполнять любое людское прошение, или гнев прощать. И если ты дашь свое обещание, то Бог отдаст тебе свое. Если же хочешь взять аналав и куколь без рассуждения, глядя на тех, кто только величается схимою, то ведь если они и труждаются в посте и молитвах, все равно, не имея твердого основания, падает их храмина – не от дождя, не от ветра, но от собственного их неразумия; иногда от всего воздерживаются, иногда же слабо живут, говорят: «Праздник сейчас», или: «Ради приятеля стану есть и пить», или: «Христиане звали, снова потом заговую» – все это подобно тому, как если бы один созидал, а другой разорял, или же как если бы, омываясь после мертвеца, снова к нему прикасаться. Многие, сказано, иссушили тело свое постом и воздержанием, но уста их воссмердели, затем, что без рассуждения это творили, потому и далеко оказались от Бога. И Лот не соблазнился в Содоме с незаконными, а вот в Сигоре с дочерьми осквернился.

И ты, в бельцах и в иночестве Богу угодивши и душеполезно поживши, беря на себя схимническое бремя, все прошлое, подобно апостолам, забудь и к предстоящему устремляйся. Земную печаль вмени за безделицу и о небесной жизни всегда пекись по правилу твоего обета. Не так, как Лот, позабыть в пьянстве стремись печали, но Христову житию со вниманием подражай. Господь ведь, давши обет о себе всем апостолам, исполнил его, а ты всей братии обещался, выполни же это, общий будет тогда тебе с ними Бог, общая любовь, общее воздаяние, общие венцы, и сотворишь во многих телах едину душу, и ради всех награду примешь.

Вот я в твою борозду сею семена, слова о богоугодном труде. Сам смотри, если плевелы здесь будут, ты злое семя с корнем исторгни, а меня накажи. Если же это пшеница, то чтобы не при дороге, не на камне, не в тернии сеял. Даже если три части погибнут, то надеюсь, что от единой ты сможешь сторицей собрать с Божией помощью, если с ним о схиме посоветоваться рассудишь.

Знаешь ведь все о житии святых отцов, как, подвизаясь с обетом, достигли они венцов. Ничто их храмины не смогло порушить: ни почести, ни звания, ни слава, ни скорбь, ни нужда, ни гонения, ни леность; ни сам дьявол, всячески на них устремляясь, не смог с обетного свести их дела. Но подобно тому как медная секира сухим деревом сама себе вредит, так и дьявол сам себе содевает зло, а те, кто тверд многою верою, чрез искушение венцы себе приобретают. Слабый же падает не через дьявола, но через свое неразумие, разрушая злыми мыслями, словно зыбким песком, добрые начинания.

И коли желаешь ты строить духовную храмину, положи веру в ее основание и кирпичами пусть будут надежда и любовь; свяжи целомудрием, как водою, грязь плоти твоей, чтобы возвысилась, словно храм, душа твоя. Подопри ее, как столпом, Божьей помощью, чтоб, если обрушатся каким-либо образом дождь и водные потоки, пребывала бы она как скала для добрых и злых людей. Введи во храмину мать и жену, то есть кротость и смирение. Кротость ведь угождает Богу, а смирение возводит на небеса. Оградитесь со всех сторон, как

от татей, страхом Божиим и молитвою, и стражем поставь мудрый ум, чтоб, если случится тебе во граде быть, или в народе, или в веси, или на торгу, не дал бы ты сердцу своему там рассеяться мыслями, а оставался бы посреди всего, как внутри кельи, размышляя о разлучении души с телом, внемля себе, словно в пустыню ушедши.

Если все это с Божьей помощью устроишь и не станешь возноситься в гордости, осуждая других, тогда, свободным оком к мысленному возрев свету, узришь Отца свету, как Иов скажешь: «Прежде лишь слухом слышали, ныне же око мое видит тебя», не телесное, но духовное; «В свете лица твоего, Господи, пойдем и о имени твоём возрадуемся во веки». Бог же, господин мой, утвердит твою душу не преступать обета. Ибо «Обещайте, – сказал, – и воздадите». И больше: «Лучше не обещаться, нежели, обещавшись, не воздать». Так же и апостол осуждает нас, говоря: «Зачем не до крови сражались, подвизаясь против греха».

За все же это, мой милый господин и благодетель, не прогневайся, не возненавидь меня, не от ума, а от неразумия все это написавшего, но, разодравши, брось это наземь. Мои ведь слова, как паутина, сами распадаются, ибо не могут к пользе прилепиться, не имея влаги Святого Духа. И не как учитель, отечески и стройно, наставляю я тебя, но со всей своей простотой беседую с тобой только потому, что твоя любовь и мои отверзает уста. Ты же избери из написанного, что хочешь, что тебе будет лучше, обо всем ведь ведаешь благоразумно, милый мой господин, честной Василий.

Я же, грешный, молю у Господа быть тебе здраву, мирно долгоденствовать, строить дом святой Богородицы и достойно служить Богу; и непременно получишь воздаяние со всеми святыми праотцами и отцами, с апостолами и патриархами и преподобными игуменами молитвами пресвятой Богородицы и святого Феодосия, чей ты сын и преемник о Христе Иисусе, Господе нашем.

* * *

КИРИЛА МНИХА ПРИТЧА О ЧЕЛОВѢЧЬСТѢИ ДУШИ И О ТЕЛЕСИ, И О ПРЕСТУПЛЕНИИ БОЖИЯ ЗАПОВѢДИ, И О

ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛЕСЕ ЧЕЛОВѢЧА, И О БУДУЩЕМЪ СУДѢ, И О МУЦѢ

Господи, благослови, отче!

Добро убо, братье, и зѣло полезно, еже разумѣвати нам божественных писаний учение: се и душу цѣломудрену стваряетъ, и к смирению прилагает ум, и сердце на рет добродѣтели извоостряет, и всего благодарствена человѣка стваряетъ, и на небеса ко Владычнимъ общаниемъ мысль приводитъ, и к духовнымъ трудомъ тѣло укрѣпляетъ, и приобидѣние сего настоящаго жития, и славы и богатства творить, и всея житиския свѣта сего печали отводить. Того ради молю вы, потщитесь прилѣжно почитати святыя книги, да ся Божиихъ насытивше словес и будущаго вѣка неизреченныхъ благъ жадание стяжите: она бо аще и невидима суть, но вѣчна и конца неимуща, тверда же и недвижима. Да не просто претецѣмъ языкомъ пишемая глаголюще, но съ рассмотрениемъ внемлюще, потщимся дѣломъ створити я. Сладко бо медвеный сотъ и добро сахаръ, обою же добрѣе книгий разумъ: сия убо суть сокровища вѣчныя жизни. Аще бо сде кто обрѣлъ бы земное сокровище, то не бы на се дерзнулъ, но единъ точью честный камень взял бы,— уже бесъ печали питается, яко до конца богатство имый. Тако обрѣтый божественныхъ книгъ сокровище, пророческихъ же и псаломскихъ и апостольскихъ и самого спаса Христа спасенныхъ словесъ истинный съ расужениемъ разумъ, — уже не собѣ единому бысть на спасение, но и инѣмъ многимъ слушающимъ его. Сему случается еуагельская притча глаголющи: «Всякъ нижникъ, научися царствию небесному, подобенъ есть мужу домовиту, иже износить отъ сокровищъ своихъ ветхая и новая»: аще ли тщеславиемъ скажетъ болшимъ угажая, а многи меншая презритъ, буестью крыя господню мнасу,³¹⁶ неадаый жизненнымъ торжникомъ, да удвоитъ царское сребро, еже суть человѣчскыя душа, и видѣвъ Господь горды его умъ, возметъ свой отъ него талантъ;³¹⁷ самъ бо прозоривымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. Аще бо мира сего всластели учатся в нихъ и всѣмъ сердцемъ взискати ихъ, свидѣнія и в житискихъ тружющеися вещехъ человѣци прилѣжно требуютъ книжнаго поучения, колма паче намъ

подобаетъ словес Божиих, о спасени душъ нашихъ писаныхъ. Но тружается мо мутной ум, худ разумъ имѣя, немогий порядних словесъ по чину глаголати, но яки слѣпъ стрѣлецъ смѣху бываетъ, немоги намѣренаго улучити. Но не буди намъ особъ подвигнути ненаказанъ языкъ, но от божественныхъ вземлюще писаний; со многою боязнью еуаггельскихъ касаемся бесѣдовати словес, поводнѣ Господню притчю сказующе,³¹⁸ юже Матфѣй церкви предасть.

Зачало. Рече Господь: «Человѣкъ нѣкто домовит бѣаше, иже насади виноградъ, и остѣни его оплотом, и ископа точило, и остави входъ, створи врата, но не затвори входа. И отходя в домъ свои, «Кого, – рече, – оставлю стража моему винограду? Аще оставлю отъ служащихъ ми рабъ, то свѣдуше мою кротость, истеряють благая моя. Но сице створю: приставлю ко вратомъ хромца и с нимъ слѣпца. Да аще кто от врагъ моихъ въсхощетъ окрасти мой виноград, то хромецъ убо видитъ, слѣпецъ же чуетъ. Аще ли от сею въсхощетъ внити кто в виноград, хромецъ убо не имать ногу доити внутреннихъ; слѣпецъ же аще поидеть, то заблудивъ в пропаstechъ убѣетсяя». И посадивъ я у врат, дасть има власть на всѣхъ внѣшнихъ;³¹⁹ пищу же и одѣнья нетрудну съготова. «Точью, – рече, – внутрениихъ без моего не коснитесь повелѣнья». И тако отиде, повѣдѣвъ има свой по времени приходъ и тогда мзду стражбы ради обѣщав има взяти, попрѣти же и мучениемъ, аще его преступита заповѣдь. Си же до zde оставлеше, паки въсприимем еуаггельское слово, плодъ устенъ на умнѣй тряпезъ вашего ока предлагающе.

Отвѣтъ. Человѣкъ домовит – Бог Всевидец и Вседержитель, створивы вся словомъ, видимая же и невидимая. Домовит же ся именуеть, – яко не един домъ имать, по писанию. Глаголетъ бо пророк: «Твоя суть небеса и твоя земля; вселеная и конецъ ея ты основа».³²⁰ И паки: «Небо ми – престол, а земля – подножие ногама моима». Моисий же пол вод под твердию сказуетъ, а Давыдъ превыши небес воду повѣдуеть. Но смотри в писания, разумѣи: вездѣ сы домы Божиа, не токмо в твари, но и в человѣцѣхъ. «Вселю бо ся, – рече, – в ня». Яко же и быст: сниде бо и вселися в плоть

человѣчю и взнесе ю от земля на небеса, – да престол есть Божий человекъча плоть; на вышнемъ же небеси престол его стоять. А еже насади виноград – рай глаголетъ: того бо то есть дѣло. Пишетъ бо ся: «И насади Бог рай в едемъ». А иже остѣни его, рече, оплотомъ – своимъ страхомъ. «Страхом бо его, – рече пророк, – движется земля, рассѣдается камене, животная трепещють, горы курятся, свѣтила раболѣпно служить, облаци и вся въздушная тварь повелѣная творять». Стѣна бо – законъ речется. Закон же всему заповѣдь Божия ест. «Предѣлъ бо, – рече, – положи и, его же не преидуть, ни обратятся». Остави же вход – сирѣчь свидѣния разум: вся бо тварь не преступаетъ Божия повелѣния: «Вся бо, – рече, – от тебе чають: даси имъ пищу въ время». Пища же не брашно речется, но слово Божие, имъ же питается тварь. Глаголетъ бо Моисѣй: «Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящимъ из уст Божии». Незатвореная же врата – дивныя Божия твари устройство и над тѣми божия существа познание. «От твари бо, – рече, – творца разумѣй: не качество, но величество и силу, славу же и благодать, юже творить угажая всѣмъ вышним и нижнимъ, видимымъ и невидимым. Аще бо и нарицается Христос человекомъ, то не образом, но притчею, ни единого бо подобья имѣетъ человекъ Божья. Не сумнить бо ся писание и ангелы человекы нарицати, – но словомъ, а не подобиемъ. Аще бо блазнятся етери, слышаще Моисѣя глаголюща: «Рече Бог: створим человекъ по образу нашему и подобию», – и прилагають к бесплотному тѣло, не имуще стройна разума, и есть си ересь и донынѣ человекобразно глаголющим Бога, иже никако не описается, ни мѣры качеству имать. Но си оставль, о первѣмъ възглаголю.

И отходя в свой домъ, «Кого, – рече, – оставлю стрещи труда моего?» Сия совпрашания – Отца и Сына и Святого Духа не о твари, но о владущемъ тварью, сирѣчь о владыцѣ, ему же възхотѣ предати землю и всяко дыхание поработити; не ангеломъ бо покори вселеную, и прокая. «Оставлю, – рече, – у врат хромца и с нимъ слѣпца». Что же есть хромецъ и что слѣпецъ? Хромецъ есть тѣло человекъ, а слѣпецъ есть душа. Преже Бог созда тѣло Адамле безъдушно, потом же душу. По

создании бо тѣла, глаголетъ писание: «И дуну на лице его дух животнѣ». Тѣм же тѣло без душа хромо ест и не наричетъся чловѣкъ, но труп. Смотри сдѣ и разумей от бытійских книг. Створи Бог тѣло внѣ рая и внесе е в едемъ, а не в рай. Едемъ же речетъся – пища. Яко се кто бы на пир зовый преже уготоваетъ обилну пищу, ти потом приведетъ званаго – тако и Бог преже уготоваетъ ему жилище едемъ, а не рай. Рай бо мѣсто есть свято, яко же жилище едемъ, а не рай. Рай бо мѣсто есть свято, яко же церкви олтарь. Церкви бо всѣмъ входна. Та бо ны есть мати, поражающи вся крещениемъ и питающи живущая в ней нетрудно, одѣвающи же и веселящи вся вселшася в ню. Глаголетъ бо пророкъ: «Се работающи церкви ясти имуть и насытятся». И паки: «О, чада церковная, съсущи от сесцю ея тукъ и масть, помажете веселиемъ главы своя». И Давыдъ: «Упуются, рече, от обилья дому твоего и потокомъ пищи твоея напоиши я». И паки, о одежи священникъ и оболчении мнихъ: «Иерѣи твои, Господи, облекутся в правду», и прочая. Мниху же: «Соодѣлъ мя еси нужныя и нелѣпыя одежда и оболкъ мя в спасение и препоясал мя еси веселиемъ». Въспойте же, рече, Господеви пѣснь нову, хваления в церквахъ преподобными его. И се явѣ есть: от клиросникъ – епископа и от монастыря – мнихъ. Вижь, яко³²¹ епископия и монастырь – едемъ есть, сирѣчь едемскы рай, – неудобъ въходим, аще и врата незаключена имать. Тако бѣ посажен хромецъ слѣпцемъ у вратъ стрещи внутренихъ, яко же приставлени суть патриарси, архиепископи, архимандрити межю церковью и олтаремъ стрещи святыхъ тайнъ от врагъ Христовъ, сирѣчь от еретикъ и зловѣрныхъ искусникъ, нечестивыхъ грѣхолобецъ, иновѣрныхъ скверникъ. Послушайте же со вниманиемъ, да по ряду бесѣду скажемъ, и вы со вниманиемъ смотрите. Аще бо и мутен имею умъ и языкъ грубъ, но вашихъ недѣяйся молитвахъ прошю дара слову. Аще и недостойнъ есмь о сихъ глаголати, но ползы ради слушающихъ пишемъ. Аще ли кто зла слуха имать, то не ищетъ что бы ему на ползу обрѣсти, но зазираетъ, чимъ же бы насъ потяжалъ и укарялъ.

Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпецъ к хромцю: «Что убо благоухание се изнутри вратъ помѣтаетъ мя?» Отвѣща хромецъ: «Многа благая наю господина внутри суть, ихъ же

вкушения – неизречена сладость. Но понеже премудр есть наю господин, – посади тебе здѣ слѣпа, мене же хромого и не можевѣ никакоже тѣх насытитися благынь». Отвѣща глагола слѣпецъ: «То почто сего давно нѣси ми повѣдал, да быховѣ не ждали, но к сим даным нам в область и она особѣ въсхытивѣ! Аще бо аз слѣпъ есмь, но имамъ нози и силенъ есмь, моги носити тебе и бремя». (Вижь душевное бремя грѣхъ; того ради глаголетъ пророкъ: «Яко бремя тяжко отягтѣся на мнѣ»). Рече же слѣпецъ: «Возми убо кошъ и всяди на мя, и аз тя ношю, ты же покажы ми путь, и вся благая господина наю объемлевѣ; не мню бо, яко придетъ сѣмо наю господин». Се помышления суть ищущихъ не о Бозѣ свѣта сего санов³²² и о телеси токмо пекущихся, не чающихъ отвѣта о дѣлѣхъ въздати, но акы суетну пару свою свою душу в вѣтръ полагающемъ. Того ради глаголетъ Исая: «Завистъ примутъ люди ненаказаныя», завидим мы, грѣшнии, чести и славѣ праведныхъ, а не преже творим дѣлесе ихъ. «Аще ли, – рече, – придетъ наю господин сѣмо укрыеться от него наю дѣло. Аще бо мене въспроситъ о тѣдбѣ, аз рку: “Ты вѣси, господине, яко слѣпъ есмь”. Аще ли тебе въспроситъ, ты рцы: “Хромъ есмь и не могу дойти”, и тако премудруевѣ наю господина и приимевѣ мзду наю стражбы». Въсѣдъ же хромецъ на слѣпца и дошедша окрадоуста вся внутренняя господина своего благая.

То не воюйте, братье, на мою грубость, нелѣп образ писания поставляющы ми. Яко же бо и по ногу вязяшы птицѣ нѣстъ мощно на аиерскую възлетѣти высоту, тако и мнѣ в телесныхъ вязящю похотехъ, невозможно о духовныхъ бесѣдовати: не сольнуть бо ся грѣшника словеса, не имуща благодати Святаго Духа. Обаче на предѣречена възвратимся, разрѣшающе притча соузъ.

Т. Сѣдящема же има, рече, долго время. Что есть долго время? – бестрашие Божия заповѣди и о телеси печение нерожение же о своей души. Никто же бо страх Божий имѣя, в плотскихъ прельститься; никто же правовѣренъ, чрес закон священскаго ищеть взяти сана³²³ – никто же смерти чая и по смерти паки възкресения; тѣ в злыхъ пребываютъ дѣлѣхъ. Но паки то же реку разума дѣля. Рече слѣпецъ к хромцю: «Что убо

благоухание изутрь помѣтает мя?» – и прочая. Се надмение Адамова высокомысля, яко всѣми обладая земными, животными, морем же и в немъ сущею тварью, в едемѣ благыхъ насыщаяся, преже освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай. Сего ради Писание глаголетъ: «Изгна Бог Адама из рая и осуди его дѣлати землю, от нея же взят быст». Вижь, яко не тамо повелѣно ему бѣ жити, отнелѣже его изгна. Тако бо вниде, яко же се церковникъ, недостойнъ ерѣиства и утаив грѣхъ свой, не брег же о Божии законѣ, но имене дѣля высока и славна житья на епископскыи взиде санъ. Слогы подобны. Того ради смертию Адама осуди, понеже коснуса древа разумѣния добра и зла. Древо бо разумѣния добра и зла – ест разумны грѣх и волное богоугоды дѣлатель. Пишетъ бо ся: «Горе в разумѣ согрѣшающим!» Сего ради погубив дуновениемъ Духа животнаго, его же въдхну Бог на лице его, еже есть несвершен дар священия. Пишетъ бо ся: «И дуну на лице его Дух животен». Тако бо и Христос дунув на лице апостоломъ: «Приимѣте, – рече, – Дух Святы» – несвершен дар, точю обѣт священия; ждати бо им повелѣ самого Святаго Духа: «Иже пришед, – рече, – до конца освятить вы». Сице и святители святятъ падьяки и чтеции и дьяконы – несвершен даръ, но обѣт священия, да ся приготавливаютъ на свершеное святительство. Ничто же бо Богови тако любо, яко же не възноситися в санѣхъ, ничто же тако не мерзитъ ему, яко же самомнимая величава гордость о взятии сана не о Бозѣ. Смотри же оногo слѣпца с хромцемъ, како преобидѣста господина своего заповѣдь и прещение: возьм бо хромца и бремя понесе, и дошед внутренихъ, приближися к древу, вкуси плода, и се добро зѣло, и тако окрадоша, их же повелено има стрещи. Привод. Того древа вкуси Каин;³²⁴ не сый священный на священъскый дерзну чинъ, поревнова священному Авелю, его же уби завистью. Того древа вкусиша сынове Корѣови, иже с Дафаномъ и Авирономъ; возьм бо кадилницу и поидоша в скинию неосвященнии суще, – и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрецъ, иже вѣдый своя сына безаконъствующа во иерѣйствѣ, не отлучи ею священства. Того древа вкусиша еретици, иже злохитрьемъ аки вѣдуще душевный

путь заблудиша и не приимше покаяния погибоша. Но сия сократив, на первое взвратимся сказание.

Аще и отнемогл есть моего глагола уд, но пророк взущаетъ мя, такоже глаголя: «Утрудихся вопия, измолче ми гортань».³²⁵

Обличение грѣхъ. Слышавъ же господин, яко окраден есть виноград его, повелѣ изринуть от врат хромца и изгнати от стражбы слѣпца.

Разумѣйте же нынѣ, безумнии в людех сановници, буии во иерѣехъ!³²⁶ Когда умудритесь? Навсажи ухо не слышит ли? И создавы око не смотрит ли? Наказая языки не обличит ли? Учай челоуѣка разуму не уразумѣет ли нашего грѣхопадения? Господь бо свѣсть злохытрыхъ помышления, яко суть лестна, и тѣ изъмѣтаеть неправедныя изъ власти и изгонитъ нечестивыя от жертвеника. Никий же бо санъ мира сего от муки избавить преступающихъ Божия заповѣди. Но молю вашу любовь, со вниманием пишемых смотрите и яже слышите разумѣйте.

Повелѣ Бог изринуть из рая Адама, понеже неповелѣнаго ему коснуса, сирѣчь преже велѣния вниде в мѣсто святое. И сели противу райстѣй пищи, – «Еда како, – рече, – простре руку и возмет от древа породнаго и жив будетъ в вѣки», – сирѣчь некли помянеться и смиривъся покаеться о них же согрѣши. Оле многое Владычне челоуѣколюбие! И казнить ны и милуетъ, грѣха ради озлобляетъ ны – и паки покаянья ради приемлетъ; не хочеть бо смерти грѣшника, но обратитися велитъ и живу ему быти.

Что есть древо животное? – Смиреномудрие, ему же корень исповѣданье. «Исповѣмъ бо, – рече, – на мя безаконье мое, и ты отпустил еси нечестье сердца моего». Того корене стебло – благовѣрье. «Вѣра бо твоя, – рече, – спасеть тя»; все бо вѣрующему дается. Того стебла многи и различны вѣтви – мнози бо, рече, образи покаяния: слезы, пост, молитва чиста, милостыни, смирение, вздыхания и прокая. Тѣх вѣтвий добродѣтелей плод: любы, послушанье, покорение, нищелюбие – мнози бо суть путье спасения. Вижь, яко не в раи бѣ животное древо, ни в едемѣ, но во оземьствии, рекше отлучении сана. Изрину паки и Каина, въпросивъ его убийства братия, и по обличении показа ему животное древо, рек сие: «Будий стоя и

трясайся», сирѣчь покайся о злобѣ, о зависти, о лъсти, о убийствѣ, о лжи, смирися, постися, бди, на земле лежи. Но понеже сего створи, но изыде от лица Божия – не дальствомъ земля, но неимѣнемъ страха Божия при свои души. Благымъ дѣлом не сущимъ в насъ, ни покаянию о грѣсѣхъ, в коемъ си сану будемъ, далече Бога есмы. Близъ бо Господь скрушенныхъ сердцемъ; смиренныя духомъ спасетъ, волю боящихся его створит. Лице же господне на творящая злая: потребити отъ земля память ихъ. Сице и Павелъ изринулъ отъ святаго жертвеника Уменья и Филита³²⁷ и съблудившая в Коринфи священники и оземьствова я противу святу олтарю, сирѣчь постави я с клирики, рекъ: «Имѣйте таковыя на студ, но утвердите к нимъ любовь, да не погрязнуть злою печалью, но да ся покаютъ – и живи будутъ!» Не всхотѣ сего древа животнаго вкусити Александро ковачь, о немъ же рече Павелъ: «Да вздасть ему Господь в день Судный по злобѣ его». Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае,³²⁸ бывъ отъ семи дьяконъ, иже отвергся Христа и бывъ кумирожрецъ в Селуни, а онъ предаваше мучителемъ крестьяны; о нею же пишеть Иоанъ, глаголя: «Отъ насъ изидоша и быша на ны». Того породнаго не приимше еретици; прокляти быша и умроша душевною смертью, не разумѣша бо пророка глаголюща: «Вкусите и видите, яко благъ Господь!» Нѣсть бо грѣха, иже сдолѣеть Божии милости. Точию не отчаимъ себе, яко Иуда,³²⁹ ни невѣруимъ телесному въскресению, аки садукѣи, – но покаянемъ толцѣмъ в Божия двери, дондѣже отверзеть намъ раиская врата. Не ложъ бо рекы Господь: «Толцѣте, отверзется вамъ; ищѣте и обрящете, просите и дасться вамъ». Но да не предложениемъ словесъ умножу писане и зѣло предолжю бесѣду, но на предѣ реченая възвратимъся.

Видѣвъ же онъ челоуѣкъ свой украденъ виноградъ, въсхотѣ отлучити слѣпца отъ хромца, – повелѣ первое привести слѣпца, да его опитаеть, кто есть преслушалъ заповѣдь его и присягнулъ невходнымъ бесъ повелѣния его. Ничто же бо възможетъ Божия таитися ока, и никто же насъ тако свѣсть себе, яко же Богъ всѣхъ насъ свѣсть.

Т. Повелѣ разлучити Богъ душу отъ тѣла. Словомъ бо Божиимъ исходитъ отъ тѣла душа: «И отимеши бо, – рече, – Духъ ихъ и

ищезнуть и в персть свою възвратятся». Да егда видиши тѣло погребено в земли, не мни ту суща и душа: не от земля бо есть душа, ни в землю входить. Но аще и святыхъ видиши чудотворныя мощи, не ту ихъ твори душа, но Божию разумѣвъ благодать, тако прославляющую своя угодники: «Славящая бо мя, – рече, – прославлю». Повелѣ привести слѣпца: по ищезновении от тѣла душа всякаго чловѣка пред Богъ приходит с приставленным к ней ангелом, вѣрнаго же и невѣрнаго, сущаго в законѣ и всякаго беззаконника. «Господь бо, – рече, – испытаетъ праведнаго и нечестиваго»; вси бо роди языкъ от единого быша крове рожении и расшѣяшася жити по лицу всея земля, им же Бог створи себе благодотворити, дая дождь с небеси и времена обильная. «Сияетъ бо, – рече, – солнце свое на добрыя и злыя», и прокая. Но никто же о глаголѣхъ сих да не зазритъ ми, – но испытайте Писания и обрящете мя от божиихъ вземлюща книг. Пишитъ бо Моисей: «Постави предѣлы языком по числу ангел Божиихъ».³³⁰ Иеремѣя же: «Единъ есть, – рече, – Господь всѣх, иже под небесемъ языкъ», аще бо остави я в своей кождо прельсти, но душа ихъ пред нимъ явиться, и тѣ судить по дѣломъ их. Павел же: «Что бо мнѣ, – рече, – внѣшним судити, но утреним и вы судите, а внѣшним Бог судить». Утрени глаголетъ в законѣ, а внѣшныя – беззаконнии языки. Слышати бо подобаетъ Божие имя нынѣ разлучающимся от телес душам, да и в Послѣдни день възкресше с телесы неблазненно поклоняться Богови, а не им же нынѣ работаша прельщени бѣсом, по апостолу глаголюща: «И тогда увидитъ всяко око, и всякъ поклониться, исповѣдая, яко Господь Исус Христос в славѣ Бога Отца един». Но си вси учившеися вѣдять, – аз же о слѣпцѣ початую бесѣду противу силѣ по вмѣщению ума въкратцѣ скажу, аще и поимы творящих ми дозрю; вѣдѣ бо, яко не суть от премудрости, но от грубости сия сказанія. Но обаче на основани пророчествъ и апостольствъ зижем, имуще угольника самого Христа.

Приведену же бывъшу слѣпцю, быст испытание. «Не добра ли ты, – рече, – стража створи хъ моему винограду? То почто его еси окрал?» Отвѣща ему слѣпецъ: «Господи, ты вѣси, яко аз слѣпъ есмь и не вижду без водящаго мя камо ити, и не вѣдѣ ни

единого мѣста, аще и хотѣлъ бых. Ни чюх же никого же минующа мене враты, да быхъ крѣпко въ слѣд его въпил. Но мню, господи, яко хронецъ есть крал». Виждь ложное нынѣ спирание души пред Богом и клеветание на тѣло.

Т. Сице же есть душевѣны глагол: «Господи, аз Духъ есмь. Да ни ясти ни пити хотѣл есмь, ни чѣсти ни славы земныи искалъ есмь, ни телесное не разумѣх похоти, ни дѣяволи створих воли, – но та вся тѣло есть створило!»

Тогда повелѣ господин блюсти слѣпца во укромнѣ мѣстѣ, идеже сам вѣсть, дондѣже придетъ сам к винограду и призоветъ хромца, и тогда судить обѣма.

Того ради до второго пришествия Христова нѣст суда ни мучения всякой души человѣчи, вѣрнаго же и невѣрнаго. Вѣруите же в правду въскресению человѣчьскихъ телес. «Послеши бо, – рече, – Дух свой, и съзижются, и обновиши лице земли». В Иезекиили бо нам въскресения надежду показалъ есть.³³¹ «Прорци, – рекъ, – сыне человѣчьскъ, на мертвыя сия кости, да будутъ на нихъ телеса и опнется на нихъ кожа, да придетъ Дух от четырь вѣтръ и внидетъ в мертвыя си, да оживутъ!» Се же все самъ Творецъ дѣйствуетъ,³³² не инако чина превращая, но инако исконное дѣло свое понавляя. Преже бо созда тѣло Адамле, ти потомъ вдуну душу. Тако во утробѣ женьстѣй: перво от сѣмени зижетъ тѣло, по пяти мѣсяцъ творить душу. Во крещении же первое поражаетъ водою, потомъ же обнавляеть духомъ от тлѣнья грѣховнаго. Тако и в Послѣднии день: первое обновить землю и сбереть персть человѣчью и съзижеть всѣхъ насъ телеса в мегновеньи ока, потомъ душа наша в свою кождо внидуть храмину, – по Павлю глаголющую, яко сам Господь в гласѣ архангеловъ, в трубѣ Божии сниде с небеси, и мертви о Христѣ воскреснутъ преже, потомъ же и мы живии. Кто суть мертвии? Все языци, не бывше под Божиимъ закономъ, ни приимше крещенья. «Елико, бо, – рече, – незаконно съгрѣшиша, незаконно погибнуть». Живыя же крестьяны нарицаеть. Виждь всѣхъ человѣкъ телесемъ въскреснути и вѣруимъ Павлову послушеству, словесемъ Господнимъ глаголющемъ: «Иже ли не створить искони Богомъ создана человѣка, то не разумѣеть и крещениемъ в живот порожена; тѣмъ же и не чаеть послѣдняго

с телесы въскре-сения встающим всѣмъ челоуѣкомъ в бесконечны живот – овѣмъ в честь и славу, овѣмъ в студ и в муку». Но да и прокое речем.

Егда приде господин взяти плод от винограда и видѣвъ его окрадена и призва хромца и совѣкупи с слѣпцемъ, и начаста сама ся обличати. Хромецъ глаголаше слѣпцю: «Аще не бы ти мене носил, никако же аз могл быхъ тамо дойти, понеже хромъ есмь». Слѣпецъ же глаголаше: «Аще не бы ты мнѣ пути казал, не быхъ тамо аз дойти могл». Тогда господин сѣд на суднѣмъ столѣ и начатъ има судити. И рече: «Яко же еста крада, тако да сядтъ хромецъ на слѣпца». Въсѣдшю же хромцю, повелѣ пред всѣми своими рабы немилостиво казнити в кромѣшней мученья темницѣ.³³³

Разумѣйте же, братья, сея притча сказание. Челоуѣкъ есть домовит – Бог Отец, всячѣских творецъ. Его же сын добра рода – Господь наш Исус Христос. А виноград – землю и миръ нарицаеть. Оплоть же – закон Божий и заповѣди. Слугы же сущая с нимъ – ангели глаголетъ. Хромецъ же есть – тѣло челоуѣче. Слѣпца же душу его мѣнить. А иже я посади у врат – челоуѣку бо предаеть Бог в область всю землю, дав ему закон заповѣди. Преступившю же челоуѣку повелѣние Божие и того ради смертию осужену бывшю, первое душа к Богу приводится и спирается глаголющи: «Не аз, но тѣло есть створило». И того ради нѣсть мучения душам до второго пришествия, но блюдомы суть, иже Богъ вѣсть. Егда же придетъ обновити землю и въскресити вся умершая, яко же самъ Бог преже глагола, тогда «вси сущи в гробѣхъ услышатъ глас Сына Божия и оживутъ, изидутъ створше благая воскресение живота, а створши злая – въскрешение суда». Тогда бо души наши в телеса внидутъ и приимутъ въздание кождо по своимъ дѣломъ – праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную муку. Ими же согрѣшитъ кто, тѣмъ и мучень будетъ.

Сице и мнѣ о сихъ сказавшю не от умышленья, но от святыхъ книг. Да нѣсть се мое слово, но бесѣда; нѣсмь бо учитель, яко же они церковни и священнии мужи.

СВЯТОГО КИРИЛА МНИХА СЛОВО О СЪНЯТИИ ТѢЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА И О МИРОНОСИЦАХ, ОТ СКАЗАНИЯ

ЕВАНГЕЛЬСКААГО, И ПОХВАЛА ИОСИФУ ВЪ НЕДѢЛЮ ТРЕТЬЮЮ ПО ПАСЦѢ

Праздникъ от праздника четьнѣй приспѣлъ есть,³³⁴ подавая благодать Божию святѣй церкви. Яко же бо и пленица златы, растворены жьньчюгомъ, съ многоцѣннымъ каменьемъ, веселять зрящих на ня очи, – нѣ паче духовная нам красота, празднѣици святѣи, веселяще вѣрных сердца и душа освящающе. Първое бо въскръсениемъ Христовомъ просвѣтися мир и Пасъка бысть, вся вѣрная освящающи; таче Фоминомъ испытаниемъ³³⁵ ребр господень обновися тварь: коснувшю бо ся ему рукою язвах, всѣм извѣсто бысть телесное вѣстание.

Ныня же Иосифа благообразнааго с мюроносицами похвалим,³³⁶ послужившааго по распятии тѣлу Христову, его же евангелист богата нарицаетъ, пришьдѣша от Аримафѣя. Бѣ бо, рече, и тѣ ученикъ Исусов и чая царствия божия. И въ время страсти вольныя Спасовы видѣ страшная в твари чюдеса: солнце помъркъше и землю трясущюся, страха исполнивѣся и дивяся приде въ Иерусалим. И обрѣте тѣло Христово на крестѣ наго и прободено висяще и Марию мать его съ единѣмъ ученикомъ тому прѣдстоящю, яже от болѣзни сердца горцѣ рыдающи сице глаголаше: «Тварь съболѣзнуеть ми, Сыну, твоего зрящи бес правды умърщвения. Увы мнѣ, чадо мое, свѣте и творче тваремъ! Что Ти ныня въсплачу? Заушения ли, ци ли за ланиту ударения и по плещема биения, уз же, и тѣмницѣ, и заплевания святаго Ти лица, яже от безаконѣник за благая приять? Увы мнѣ, сыне! Не повинѣнъ ты поруган бысть и на крестѣ смерти въкуси. Како тя трниемъ вѣнчаша, и зѣлчи с оцтомъ напоиша, и еще и пречистая ти ребра копиемъ прободоша! Ужаснуса небо и земля трепещеть, иудѣйска не тѣрпяше дерзновения; солнце помърче и камене распадется, жидовское окаменение являюще. Вижу тя, милое мое чадо, на крестѣ: нага висяща, бездушна, безречна, не имуща видѣния, ни доброты, и горько уязвлюся душою. И хотѣла быхъ с тобою умрети, – не терплю бо бездушна тебе зрѣти. Радость мнѣ отселѣ никако не прикоснется, – свѣтъ бо мой и надежда и живот, Сын и Бог, на древѣ угасе. Кде ми, чадо, благовѣствованіе, еже ми древле Гаврилъ глаголаше:

«Радуйся, обрадованная, с тобою Господь!» – цесаря ты и Сына вышняго нарицая, Спаса миру, и животворца всѣмъ, и грѣхомъ потребителя! Ныня же зрю тебе, акы злодѣя,³³⁷ межю двѣма повѣшъна разбойникомъ и копиемъ прободена въ ребра мъртвѣца, и сего ради горко измемагаю. Не хоцю бо жити, нѣ варити ты въ адѣ. Ныня моего чаяния, радости же и веселия, Сына и Бога лишена быхъ. Увы мнѣ! О страннѣмъ ти рожествѣ тако не болѣхъ,³³⁸ яко же ныня, Владыко, растързаюся утробою, твое видящи тѣло пригвождено къ дрѣву. Твое бѣ преславно рождество, Иисусе, и ныня страшно умерщвление: – единъ отъ несѣяныя проиде утробы, цѣлы печати моего съблюду дѣвства и матеръ мя своего въплъщения показавъ, и пакы дѣвою схрани. Знаю твое за Адама пострадавие, нѣ душевною рыдаю объята горестию, дивящися твоего таинства глубинѣ. Слышите, небеса и море съ землею, внушайте моихъ слезъ рыдание: се бо творецъ вашъ отъ священникъ страсть приемлетъ, единъ праведнѣ за грѣшники и безаконники убиенъ бысть. Днесъ, Симеоне, постиже мя проречение:³³⁹ копие бо мою ныня проходить душу, Твоего отъ воинъ зрящи поругания. Увы мнѣ! Кого къ рыданию призову? Или съ кымъ моихъ слезъ излѣю потоки! Вси бо ты оставиша,³⁴⁰ ужикы же и друзи, Твоихъ Христе, насладивъшеся чудесъ. Кде нынѣ ликъ седмьдесятныхъ ученикъ? Кдѣ ли верховнии апостоли? Овъ бо ты лъстию фарисѣомъ предастъ, другъ же страха ради предъ архиерѣи съ клятвою отвержеся, не зная тебе челоука. И едина, Боже мой, раба твоя, рыдающи предъстою съ хранителемъ твоихъ словесъ и възлюбленнымъ ти наперсникомъ. Увы мнѣ, Иисусе мой, драгое имя! Како стоитъ земля, чюючи ты на себе на крестѣ висѣща, иже на водахъ ту въ начатыцѣ основалъ еси, иже многыя слѣпыца просвѣтивъ, и мъртвыя словомъ въскрѣсивъша твоего божества мановениемъ? Придѣте, видете Божия смотрения таинство, како оживлий вся проклятою умерщвенъ бысть смертию».

И си слышавъ Иосифъ приближися къ горко рыдающей Матери, – его же видѣвъши мольбьными тому оплѣташеся глаголы: «Потѣшися, благообразне, къ Пилату незаконному судии, и испроси съ креста съняти тѣло Учителя своего, моего же Сына и Бога. Подвигнися и прѣдѣвари, причастниче

Христову учению, тайный апостол, обещающе Божию царствию, и испроси уже бездушное тѣло, пригвожденое к дрѣву и прободеное в ребра. Спостражи, благовѣрне, сугубаго ти ради вѣнца, его же по възкресении Христовѣ възприимеши: от всѣхъ конецъ земля чѣстную славу и поклонение и на небеси бесконѣчную жизнь». Умилив же ся Иосифъ плачевными тоя глаголы, не рече: «Жърци на мя възстануть и озлоблять, иудѣи възскрамолятъ и побияють мя, фарисѣи разграбятъ мое богатство, буду же и сборища отлучен». Ничто же сих не рече, нѣ вся уметы створи и о своемъ бо не родив животѣ, да Христа приобрящетъ. Дерзнувъ вѣниде къ Пилату и въпроси глаголя: «Дажь ми, о гѣмоне, тѣло страннаго оного Исуса, распятаго межю двѣма разбойникомъ, оклеветанаго отъ архиерѣи завистию и поруганаго отъ воинъ бесъ правды. Дажь ми тѣло оного Исуса, его же Сыномъ Божиимъ нарицахуть книжъници³⁴¹ и цесарьмъ повѣдаху фарисѣи; ему же ты повелѣ надъ главою дѣску прибити, имущю писание: “Се стъ Сынъ Божий и цесарь Израилевъ”. Дажь ми тѣло, его же свой ученикъ жърцемъ лъстию на сребрѣ прѣдасть, о немъ же, провидя, Захария тако написа:³⁴² “Дадите ми цѣну мою, – ли отрецѣтесе”; и поставиша 30 сребръникъ, цѣну цѣннаго отъ сыновъ Израилевъ. О томъ молю ти ся телеси, о немъ же пророче Каияфа,³⁴³ тому единому за весь миръ умрети; не просто сего прорече, нѣ жрьць бѣ сего лѣта, о нихъ же рече Иеремия.³⁴⁴ “Пастуси просмрадиша виноградъ мой”. И пакы псаломъ глаголетъ о нихъ:³⁴⁵ “Князи людстии събѣрашася на Господа и на Христа его”. Си бо рече Соломон:³⁴⁶ “Промыслиша – и прѣлстишася, ослѣпи бо я злоба ихъ”; рекоша бо: “Уловимъ правѣдника, руганиемъ и ранами истяжемъ его и смертию безлѣпотною осудимъ его”. Сего прошю Исусова телесе, иже противу твоему отвѣща въпросу: “Азъ есмь Животъ и Истина”.³⁴⁷ И: “Не имаши на мнѣ власти никоея же, аще не быти дано съвыше”, его же ради и тебе моляше своя жена, глаголющи:³⁴⁸ “Ничто же не створи правѣднику тому; много бо пострадахъ его ради въ снѣ”. Дажь ми сего распятаго, ему же въходящю въ Иерусалимъ,³⁴⁹ съ вѣтвymi младенци сѣрѣтахути и глаголющи: “Осана, сыну Давыдовъ!”; его же гласъ слышавъ, адъ отпусти душу Лазаря,³⁵⁰ уже четвъродневна умрша; о семь же

писа в законѣ Моиси:³⁵¹ “Узрите Живот вашъ прямо очима вашима висящъ”. Сего хоцю мъртваго телесе, его же Мати не позънавши мужьска ложа Дѣвицею породѣ; о немъ же Исаия къ Азаху глаголаше: “Се Дѣвица зачнетъ в чревѣ и родит сына, ему имя: С нами Богъ”;³⁵² о немъ же Давыд прорече,³⁵³ глаголя: “Пригвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои и вся кости моя ищѣтоша”. Дажь ми сего уже умършаго на крестѣ, о немъ же ты рече къ просящимъ его у тебе на смерть жидомъ: “Чист есмь отъ крѣви праведника сего”, – умывъ же руцѣ и бивъ прѣдасть его; о немъ же глаголетъ пророк:³⁵⁴ “Азъ же не противлюся, ни прѣкы глаголю; плещи моихъ дахъ на раны и ланитѣ на ударение, лица же моего не отварихъ отъ студа заплывания”. Сего прошу назарянина телесе, ему же отъ изумѣвшихъся избѣгающе въпияху бѣси:³⁵⁵ “Что есть намъ и тобѣ, Иисусе Сыне Божий? Вѣмы тя, кто еси святыи Божий: пришьлъ еси преже време́не мучитъ насъ; о немъ же и самъ Богъ Отецъ съ небесе, на Иерданѣ крестящюся ему,³⁵⁶ послушествоваше, глаголя: “Се есть Сынъ мой възлюбленый, о немъ же благоизволихъ”; о немъ же Духъ Святыи Исаиёмъ глаголетъ: “Яко овца на заколение веденъ бысть”,³⁵⁷ отъ беззаконныхъ людей прѣданъ бысть на смърть. Дажь ми тѣло съняти съ креста, хоцю бо его въ своемъ положити гробѣ. Уже бо вся о немъ испѣлнишася пророчества: съ бо наша болѣзни понесе и за ны пострада; раною Его вси ицѣлѣхомъ, зане прѣдана бысть на смърть душа Его и съ беззаконники вѣмѣненъ бысть; истрѣбимъ бо, рѣша, память Его отъ земли живущихъ, и имя Его не помянется къ тому; сего ради хоцетъ Богъ отяти болѣзни отъ души Его и дати Ему крѣпкихъ користи, пишеть бо ся о немъ: “И ты въ крѣви завета своего испусти еси ужники своя отъ роуа, не имуща воды”». ³⁵⁸

И си вся слышавъ отъ Иосифа Пилата дивися, и призва сътъника въпроси и: «Аще уже умреть пропятый Иисусъ?» И увѣдавъ, дасть тѣло Иосифу, да его погребеть, яко же хоцетъ.

И купивъ плащаницю съняти тѣло Иисусово съ креста. Приде же и Никодимъ, несъ исмѣшение изъмюрно и алойно, достойно цѣны литръ ста; обиста тѣло Христово, помазавше е мюромъ. Въпияше же Иосифъ, глаголя сѣце: «Солнце незаходяй, Христе, творче всѣхъ и тваремъ Господи! Како пречистѣмъ прикоснуся

тѣлѣ твоємъ, неприкосновѣнну ти сущю небесным силам, служащим ти страшно? Каѣми же плащаницами обию тя, повивающаго мглою землю и небо облакы покрывающаго? Или какы воня възлѣю на твое святое тѣло, ему же дары съ вонями пѣрстыи принесѣше цесари,³⁵⁹ яко Богу поклоняхуся, преобразующе твое за вѣсь миръ умѣрщвление? Кыя ли надгробныя пѣсни исходу твоему възпою, Ему же въ вышних немолчными гласы серафимы поють? Како ли понесу тя на моею пѣрстною руку, носящаго тварь всю, невидимаго Господа? Како ли въ моемъ худѣмъ положю тя гробѣ, небесный круг утвердившаго словомъ и на хѣровимѣхъ с Отцомъ и съ Святымъ почивающаго Духомъ? Обаче си вся смотрениемъ твориши и вся си своею волею претерпѣлъ еси; идеши бо в адъ, да Адама от ада с Евгою, падѣша преступлениемъ, пакы въведеши в рай и прочая с нима възкрѣсиши мѣртвѣца, своего божества силою. Тѣмъ же сице възглашая погребу тя, милостиве, якоже святымъ наученъ быхъ Духомъ: «Святый Боже, святый крѣпкый, святый бесмѣртне, помилуй нас!»

И положиша ѿ въ гробѣ, и привалиша камень великъ къ дверемъ гробу.³⁶⁰ Марія же Магдалини и Марія Ияковля зраста, кде и полагаху.³⁶¹

И минувѣши суботѣ и солнцю уже вѣсиявѣшю, вся възкупѣ жены с мюромъ,³⁶² се уже чѣтвертое, придоша. Пѣрвое бо, яко же глаголетъ Матфѣи:³⁶³ «Вечеръ в субботу придоша двѣ женѣ видѣтъ гроба; при нею же трус бысть, егда ангелъ отвали камень от двѣрий, и от страха его омѣртѣша стрѣгущеи». Тѣма тѣгда и самъ Исусъ явлься рече: «Радуйтася, идѣта к братии моей, да идутъ в Галилѣю, и тамо видятъ мя». И пакы полунощи ины придоша испытать бывшаго, яко же от Магдалинѣ о възкрѣсении Христовѣ слышаша; о тѣхъ бо Лука написа тако: «Зѣло рано придоша жены к гробу и обрѣтоша камень уже отваленъ», и два ангела в нихъ ставѣша глаголаста: «Что ищите живаго с мѣртвыми? Нѣсть сде, нѣ възкрѣсе».

По семь прѣдѣ зорями друзѣи придоста женѣ, и тѣ видѣста утрѣ в гробѣ два ангела, идеже бѣ лежало тѣло Исусово; тѣмъ же Иоанъ Фелогъ рече:³⁶⁴ «От тою слышавъ, Петръ съ другимъ ученикомъ тече к гробу, и еще сущи тѣмъ». Марко же о всѣхъ

повѣдаеть мюроносицах яже с вонями въ субботу придоша: и вѣлѣзъше въ гроб, видѣша уношю одесную сѣдяща, и ужасошася. Он же рече имъ: «Не ужасайтесь! Не вам бо есть страхъ, нѣ незаконнымъ жърцѣмъ, съ стрѣгущи сѣде войны. Вы же видите тѣщъ гроб и рѣцѣте апостоломъ: “Христосъ въскресе!” Видите, – безъ телесе есть плащаница, и о плотьномъ Иисусовѣ хвалителя въстании; будѣте благовѣстыцѣ челоуѣчьскому спасению, рѣцѣте апостоломъ: “Днесъ спасение миру!”» Уже не скърбите, ни сѣтуйте, яко мъртвъца, нѣ радуйтеся и веселитесь о Бозѣ живѣ. Вамъ хошю тайны повѣдати Божия челоуѣколюбия, яже за Адама въ тѣлю падша пострада;³⁶⁵ того бо ради съ небесе сниде и вѣплѣтивъся бысть челоуѣкъ, да истлѣвъшаго обновить и на небеса възведеть. Онъ послушавъ свѣта вражия, въсхотѣ быти Богъ – и проклятъ бысть; съ же послушавъ Отца, Богъ сы бысть челоуѣкъ, да змия погубить и челоуѣка обожить. Онъ, простеръ руцѣ; къ древу възбраньному, смертельное утрѣже ядро, и бывъ рабъ грѣху, съниде отъ едема въ адъ; Христосъ же, на крестѣ простеръ, осужения грѣховнаго и отъ смерти челоуѣкы свободи. Неповинънъ сы проданъ бысть, да проданыя грѣхомъ отъ дѣволя работы да избавить. На трѣсти губою оцѣта съ золчию вѣкуси,³⁶⁶ да загладитъ рукописание челоуѣчьскихъ съгрѣшений. Копиємъ въ ребра прободенъ бысть, да пламенное оружие отложить, бранящее челоуѣкомъ вѣхода въ рай. Крѣвь съ водою изъ ребръ источи, има же телесную всю скверну очистивъ и душа челоуѣча освятилъ есть. Съвязанъ бысть и тѣрниемъ вѣнчанъ бысть, да раздрѣшить отъ узъ дѣволя челоуѣкы и тѣрние прѣлести вражия искоренить. Солнце помрачи и землю потрясе, и твари всей плакати сѣтвори, да адская раздрюшить скрѣвища, и тамо сущихъ душа свѣтъ видѣша, и Евжинъ плачь на радость прѣложи. Въ гробѣ яко мртвъ положенъ бысть – и отъ вѣка умършимъ гробнымъ животъ дарова. Камнемъ съ печатями утврѣженъ бысть, да адова врата и вѣрѣя отъ основания скрушить. Стражыми стрѣгомъ бѣ всѣми видимо, нѣ невидимо съшѣдъ въ адъ съвязати сотону. Ангельская бо воинства съ нимъ текуще зѣваху: «Възмѣте, врата, князи ваши, да вънидетъ цесарь славы!» И ови съвязаныя душа рѣшаче отъ тѣмницъ пуцаху; друзии же противныя силы вяжуще глаголаху: «Кде ти, смерти, жало? Кде

ти, аде, побѣда?» Къ ним же оцѣпѣвъше бѣси впияху: «Кто се есть цесарь славы, с толикою на ны пришел властью?» Погубил есть князя тмы и вся его въсхытил скровища, разби смертный град адово чрѣво, извоева плѣнники, иже съ Адамомъ съде, сущая грѣшныхъ душа. Въскресе цѣлом печатемъ у гроба, тако бо и рожься неврѣди матерня дѣвства печати. Да нѣст вам страха, – нѣ омыртвѣвшимъ войномъ. Уже бо вся съвършивъ Исус, въскресе боголѣпнѣ, и показася прѣже вас приходившимъ женамъ, възывая красно: «Радуйтася!» И апостоломъ своимъ в Галилѣю ити повелѣ, да вся тамо с вами освятитъ с плѣтию на небеса възидеть, с нею же и паки придетъ судить мирови.

Си же вся от ангела реченая к мюроносицамъ о Христѣ съказахомъ.

Похвалимъ нынѣ Иосифа приснопамятнаго, благообразнаго же и досточюднаго. Блаженъ еси поистинѣ, преславный и досточудный Иосифе, толика блага и велика богатства на земли и на небеси сподоблься! Достойно послуживъ, яко и херовими, Божию телеси; нѣ они невидимо на своею държаше раму, страхомъ своя покрываютъ лица, ты же радуяся на своею руку Христа Бога носилъ еси. Блаженъ еси, Иосифе, паче патриарха Аврама, Исака и Якова!³⁶⁷ Его же бо они гласъ точию слышавъше, чѣстїи и славѣи паче всѣхъ явишася, того же ты в плащаницю обилъ еси тѣло. Блаженъ руцѣ твои, Иосифе, на нею же Сына Божия и всѣхъ творца държалъ еси тѣло; его же образа не тѣрпя зрѣти въ Хоривѣ Моиси;³⁶⁸ под каменемъ скрывъся слыша: «Задня моя узриши»; тѣма и на Фаворѣ с Илиею видѣвъ Христа,³⁶⁹ послушествоваста того суца Бога – и чловека. Блаженъ еси паче Давыда цесаря, великий Иосифе! Давыдъ бо от Силома кивотъ съ Божиимъ словомъ принесе,³⁷⁰ нѣ въ своемъ убояся поставити его дому; ты же не скинию с Закономъ, нѣ самого Бога приемъ от крѣста, въ своемъ гробѣ радуясь положилъ еси. Блаженъ и преблагословенъ тобою, Иосифе, ископанный гробъ, въ немъ же лежа Христосъ Спасъ нашъ! Уже бо нѣсть гробъ, нѣ прѣстолъ Божий, олтарь небесный, покоище Святаго Духа и одр небеснаго цесаря, о немъ же рече Соломонъ: «Стоять сильнии ратоборьци, изучени брани, имуще

оружия обоюдоостра»; си глагола назнаменуя святых чины, борющихся съ еретики и съ жида по Христѣ. Блажен еси, Иосифе, съвершителю Божию таинству и пророчьскихъ гаданий раздрѣшителю! О немъ же бо заклон и пророци притчами написаша, сего ты явьствено измюрною по святым мазаше язвам. Блажен еси, Иосифе, иже вся ожививѣшаго словомъ и водами покрывѣшаго твердь небесную, Сего, яко мъртвѣца, каменемъ покрывъ еси въ гробѣ, чая тридневнаго въскресения! Блажен убо и град твой Аримафѣй, из него же ты приде послужит Сыну божию! Кую похвалу створим достойну твоего блаженства, ли кому уподоблю сего праведника? Какъ начну или како разложу? Небомъ ли тя прозову? Нѣ того свѣтълѣй бысть благочѣстьемъ, ибо въ врѣмя страсти Христовы небо помрачися и свой свѣтъ скры, ты же тогда радуяся на своею руку Бога носяше. Землю ли тя благоцвѣтушую нареку? Но тоя честнѣй ся показа; тѣгда бо и та страхомъ трясашеся, ты же с веселиемъ божие тѣло съ Никодимомъ въ плащаницу съ вонями обив положил еси. Апостоломъ ли тя именую? Нѣ и тѣхъ вѣрнѣе и крѣпчею обрѣтеша; еда бо они страха ради жидовска разбѣгошася, тѣгда ты без боязни и бесумнѣния послужил еси Христови. Святителя ли ты и старѣйшину прозову? Тѣмъ бо образ своея службы предал еси, обиходя и кадя и кланяся съ молитвами пречистому тѣлу Христову глаголя: «Въскресни, Господи, помози нам, избави нас имени Твоего рали!» Священномученикомъ ли ты нареку, яко толику показал еси любовь къ Христови? Аще бо и не въгрузися в твоя пѣрси оружие, ни пролься твоя от меча крѣвь, нѣ изволением и вѣрою по Христѣ положил еси душу. Поразили бо ты быша и на удеса расѣкли, нѣ съхрани ты от тѣхъ Исус, его же ты храняше тѣло, не убоявѣся гнѣва жидовска, ни прещения жреческа, ни напрасно убивающихъ войн не устрашися, не пожали си по мнозѣмъ богатствѣ, не родив ни о своемъ животѣ, чая тридневнаго въскресения. Нѣ паче всѣхъ святыхъ подвизалъся еси, богоблаженный Иосифе, и паче всѣхъ имаши дерзновение къ Христу, къ нему же молися и о нас, хвалящихъ тя, и чтущихъ твою с мюроносицами память, и твой украшающихъ праздникъ.

Подаждь, святе, всѣмъ нам твою помощь,³⁷¹ буди покрѣвъ граду нашему от всякого зла, подавая князю на противныя побѣду и заступая его от всѣхъ видимых и невидимых врагъ мир же глубокъ, и съдравие телеси, купно же и души его проси спасения. И нас избави от всякоя нужда, и печали, и бѣды, всѣхъ лютыхъ напастей и многымъ грѣхомъ отпуста испроси своими къ Богу молитвами, да избавит ны от бесконьчныя муки и причастники створит ны будущихъ благъ вѣчныя жизни, благодатию и челоуѣколюбиемъ Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, ему же слава с Отцем и съ пресвятымъ и благымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ.

ПОВЕСТЬ КИРИЛА МНОГОГРѢШНАГО МНИХА К ВАСИЛИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРЬСКОМУ,³⁷² О БѢЛОРИЗЦѢ ЧЕЛОВѢЦѢ И О МНИШЬСТВѢ, И О ДУШИ, И О ПОКАЯНИИ

В нѣкоем градѣ бѣаше царь, зѣло кроток, благ же и милостив, добрѣ смотряше о своих людех. Сим же точию единѣм не бѣ разумен, – понеже не бояшеся бѣства, ни ратнаго держаше оружия, не мнѣвше иному нанѣ вѣстати. Имѣаше при собѣ царь тѣмъ многы другы и свѣтныи и едину дщерь мужеумну. В тѣх же свѣтницѣхъ един бѣ мудр и благоразумен, иже скорбяше присно о небоязньствѣ царевѣ, обаче искаше време не потребна, како бы ему глаголати к царю, да бы ся готовил на рать.

В един же час ноци внезапно бысть молва по граду велика. И рече царь к своимъ свѣтникомъ: «Изидемъ и походимъ по граду, некли обрѣтше имемъ творящаго в нашем градѣ мятежъ, зѣло бо в велицѣхъ есмь нынѣ страсть». И шедше же и всюдѣ походивше, ничто же обрѣтоша, но точию движение граду.

Всѣмъ же свѣтникомъ в унынии бывшимъ и о семъ недомыслящимся, онъ благоразумный свѣтникъ, поемъ царя и с дщерью его, к велицѣхъ приведе горѣ, имущи много различная оружия, в нейже узрѣста свѣтлую зарю, оконцемъ от пещеры исходяща.

И к тому приникнув оконцю, видѣста внутрь вертепа жилище, в немже сѣдѣаше мужъ, в послѣдней нищетѣ жива, худыми оболченъ рубы, емуже присѣдѣюще искръ своя жена,

слажьша брашна *поющи* пѣсь. Предстояшетъ же ему нѣкто красен и высок на твердѣмъ камени, питая и вино черпля. И мужю чашю приемшю, тогда похвалами вѣнчаху многою радостию мужа.

Сии же вся соглядав царь, призва своя другы и рече к нимъ: «Оле чудо, мои друзи! Видите, како худое се и потаеное житие честнѣе нашае державы веселится и свѣтлѣе внешнихъ внутренняя сияють!»

Сде бо слово поставлеше и на предреченаа възвратимся, разрѣшаючи притчѣ съузъ успѣха ради простѣйшихъ, а быстрии умомъ преже сказаниа си вѣдять. Последокъ же Слова подробну речемъ.

Град убо есть, братье, – съставление челоувѣческаго телесе, емуже творецъ и зиждитель Бог. А иже в немъ людие – чювъственныя уды нарицаем: слухъ, *видѣние*, обоняние, вкушение, осязание и нижняя теплоты сверѣпство. Царь же есть умъ, обладааи всѣмъ тѣломъ. Зѣло же есть благъ, и кротокъ, и милостивъ – о своемъ бо телеси паче всего печется, тому ища потребныхъ и крася его одежами. Добрѣ же смотритъ своимъ людемъ – отъ слышаниа бо добра высится, а отъ зла мятется, очима же похоть створитъ, а обонянию желание исполнить, устомъ же объядение даетъ, а рукама несытъство бранья богатству створитъ, с тѣми и нижняго сверѣпства свершаетъ похоть.

Чимъ же единѣмъ не бѣ разуменъ? – Понеже не тако печашеся о души, якоже о телеси: ни помышляетъ бо бесконечныя злѣ сде живущимъ муки, ни готовится на будущаго вѣка праведникомъ уготованую жизнь, не слышитъ бо Соломона, глаголюща: «Блажены, иже обрѣте мудрость, и смысленъ, иже увѣда разумъ житѣя сего».³⁷³

Свѣтници же суть и друзи – житийския мысли, не дадуще ны о смерти помыслити. Бѣгство бо Книги смерть нарицають, ибо и Христосъ жидомъ глаголаше: «Да не будетъ бѣгство ваше зимѣ, ни в субботу»,³⁷⁴ сиречь – да не достигнетъ тебе смерть в гресѣхъ, ни в праздникъ безъ покаяния.

Ратная оружия постъ, молитва, въздержание и телесную чистоту апостолъ нарицаеть, – «Възмѣте бо, рече, вся оружия

Божиа, да възможете противитися в день лют»,³⁷⁵ – но сего мирьстии чловѣци не любят держати.

Нощъ же есть свѣта сего мятежь, в немже акы в тмѣ мятутся, друг чрес друга в погибель сами себе порѣваемъ, ли яко сном одержыми, не въздержимся от грѣха.

А еже в един час бысть велика по граду молва – то есть нечаемая на чловѣка напасть: ли недуг, ли потоп, ли язва, ли к власти обида зла. Тогда всѣ житийскыя остануть мысли и иступление бываетъ уму, – еже есть царев страх, и шествие по граду, и необрѣтение творящаго плищъ. Никоторая же бо хитрость премѣнити възможет Божия попущения, точию святых мужъ молитва, истина же се есть. Петра бо от церкви за нь бывающия молитва от темницы и вериг избави.³⁷⁶ Слышим же и Павла к римляном глаголюща: «Паче силы оскорбѣша ны в Асии, яко не надѣялися нам и живота, но Бог избави ны вашими молитвами». ³⁷⁷ Аще ли не будут достойни живии о вещи Бога умолити, призываемъ препочившая святыя. Свѣдѣтель же сему Исаия, иже смерть Иезекии от Бога подав, и паки не токмо сдравие тому же Иезекии принесе от Бога, нь и граду избавление – «Но се ти, – рече, – дарова Бог Давыда ради отрока твоего». ³⁷⁸ Тако же и трие отроци моляхуся, глаголюще: «Авраама ради възлюбленаго, и Исака, раба ти, и Израиля святаго твоего», – того ради и в пламени не изгорѣвше изидоша. ³⁷⁹

Да се есть подобно врея оного благоразумнаго свѣтника, еже не искати чаров, ни волхвов но вѣроу глаголати: «Благо мнѣ, яко смирил мя еси, да научюся оправданием твоим»,³⁸⁰ и паки: «Яко годѣ бысть Господеви, тако и бысть». Господь живить и мертвит, богатить и убожить, смиряеть и высить, и от болѣзни устрабляеть немощна.

Гора же есть монастырь, в немже духовнаа оружия на противнаго дьявола си суть: пост, молитва, слезы, въздержание, чистота, любви, смѣрение, покорение, *люботрудие* и несъние. К той горѣ благоразумный свѣтник приводит царя, сиречь: печаль ума – к монастырю, то бо есть гора Божиа, гора тучна гора усырена, гора, юже благоволи Бог жити в ней. Приход же к горѣ – се есть обѣтное к Богу слово

(«Объщайте бо ся, – рече, – и въздадите»;³⁸¹ и паки: «Въздам тобѣ обѣты моя, иже изрекосте устнѣ мои и глаголаша уста моя в печали моей»³⁸²).

Приничение же к окончю – еже слышати душеполезное учение. «Сказание бо, – рече, – словес твоих просвѣщает и разум даеть младенцем».³⁸³ Пишет бо ся: «Възведохъ очи мои в горы твоя, отнуду же приде помощь мнѣ».³⁸⁴ Яко ту рещи с Давыдом: «Господь съхранить вхождение мое и исхождение отсель и до вѣка».³⁸⁵ Никого же бо Христос к покаянию нужею влечет, но вещми разум дает, да от тѣх познавшим его и в небесное вводит царство.

Пещера же глубокаа – церкы есть монастырска, пророкы дозрима, апостолы устроена, евангелисты украшена. А иже от нея свѣтлая сиящи заря – богохваленаа жертва, немолчѣная алилугия псаломьстими гласи: «В нощех бо, – рече, – въздежете руки ваша в святая и благословите Господа»;³⁸⁶ и паки – «Полунощи вѣстах исповѣдаться тебѣ»;³⁸⁷ «Тако, – рече, – да просвѣтитсѣ свѣт вашъ предъ челоуѣкы, яко да узрѣть дѣла добрая ваша и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесех».³⁸⁸

Внутренний же вертеп устав глаголю, апостольская предания келейнаго житѣя, в немже никтоже своевольство имать, но всѣм вся обща суть, суть бо вси под игуменом, акы уди телеснии под единою главою, съдрѣжыми духовными жилами. А иже в нем сѣдѣй мужъ, в послѣдний жива нищетѣ, – се есть весь чернечьскый чин. Сѣдѣние же безмолвие являетъ: «Рѣх бо, – рече, – схраню пути моя, да не съгрѣшу языком моим, онемѣх и смирихся, и умолчах от благ»;³⁸⁹ и паки: «Аз же яко глух, и не слышах, и акы нѣм, не отверзох уст своих»;³⁹⁰ и прочаа подобна сим. А послѣдняя нищеты житѣе – сирѣчь от бѣлоризецъ осуженье, досады и укоризны, хулы и посмѣси, испытанія, не бо тако мнѣть, яко Богу работающа мнихы, но акы прелестники и свою погублеша душу. Того ради Павел глаголаше: «Бог ны апостолы послѣдняя яви акы насмертники, яко позору быхом всему миру»;³⁹¹ и паки: «Уроди мы Христа ради, вы же мудри о Христѣ».³⁹²

А иже худыми оболчен рубы – се бес притчи слово: ту бо яриг, и власяница, сукняныя одежда, и от козьих кож оболченья. Всяка бо добра риза и плотское украшенье чюжь есть игумена и всего мнишьскаго уставленья, – «Иже бо, – рече, – Христос, – мякъкая носять, си в домѣх царских суть»,³⁹³ – но суть цѣломудриемь оболчени и правдою поясани, смѣрением украшени.

Присѣдящия же искрь своя ему жена – се есть неотлучающаая смертная память, сию сладкую поющи пѣснь: «Глас радости и веселиа в селѣх праведник»;³⁹⁴ «Праведници в вѣкы живут, и мзда им от Господа»;³⁹⁵ «Смерть праведнику покой»; «Богатство иже мимотечеть, не прилагайте сердца»;³⁹⁶ «Не помилую бо всѣх творящих беззаконие»;³⁹⁷ «Того ради, – рече, – забых снѣсти хлѣб мой от гласа въздыхания моего». ³⁹⁸

Предстояй же ему он красный – Христос есть: «близ бо Господь всѣх боящихся его, хотѣние их исполнить и молитву их услышит»;³⁹⁹ «се красен добротою паче сын челоѡческ»;⁴⁰⁰ «щедр бо есть и милостив Господь»;⁴⁰¹ «не приидох бо, – рече, – да ми послужать, но да послужу и положу душу свою избавление за многы». ⁴⁰² Зѣло же высок есть – понеже Сын сый Божий, съшедый с небесе, и воплотися нашего ради спасения и бысть челоѡк, да челоѡка обожить.

Стоить же на твердѣм наша вѣры камени. О сем бо Амос и Иеремѣя послушствуеа: он глаголетъ: «И се челоѡк высок стояше на твердѣм камени, призывая страны и питаа своя»;⁴⁰³ Иеремия же рече: «Челоѡк есть, и кто увѣсть ѱ. Но да *явится* странам, яко Бог есть».

Питай же и черплай вино – всѣм вѣрным подавая честное свое тѣло в оставление грѣхов и святую свою кровь в живот вѣчный.

Възбраняющия же другы – своя комуждо свѣсть. Въпиеть бо Павел: «Иже кто ясть хлѣб ось и пиеть чашю Господню, недостоин сый, грѣх собѣ ясть и пиеть, повинен есть тѣлу и крови Господни». ⁴⁰⁴

А егда примѣтъ мужь чашю, похвалами вѣнчаютъ его – се разумѣй очистившихся покаянiемь и примивших животворную

чашю в освящение души и в очищение телеси. Тогда бо *богоотец* Давыд хвалить пророческими гласы: «Блажени, имже отпущена суть безакония, имже прикрываша грѣси, имже не вѣнхитъ Господь грѣха»;⁴⁰⁵ и пакы: «Веселитесь о Господѣ и радуйтесь, праведники!». ⁴⁰⁶ Вѣнчаесть же Святыи Дух, яко почиваетъ на честныхъ причастныцѣхъ, уже бо я обрѣте достойны собѣ ссуды и вселися в ня, измыша бо храм его слезами постлаша люботрудными *молитвами*, украсиша добродѣтелию, *накадиша бо жертвѣнными* въздыхании. Многою же радостию Христосъ с святыми ангелы веселится, «радость бо, – рече, – бываетъ на небеси о единомъ грѣшници кающимся»,⁴⁰⁷ «радуйте бо ся, – рече, – со мною, яко обрѣтохъ погыбшую драхму». ⁴⁰⁸

Се же вся соглядава, царь призва своя другы. Съгляданье – помышление есть благо, еже остатися отъ грѣховныхъ обычаи и научитися благоугодныхъ, собрати же сего суетного жития помыслы и окаяти сего *свѣта лестнаго* красная и речи соломоньскы: «О, суетие, суетою буди!»⁴⁰⁹ Всякъ бо человекъ сихъ ради нудяи себе трудомъ, изножай себе в погыбель, и чюдится ангельскому богонабдимому иночьскому житию, и вся оставляетъ, и ту саму телесную печаль, и тѣшитъ всякъ человекъ по искушении телесныхъ вещей о души попещися.

Сим же сице сказаномъ, и прочее безъ разума да не останеть. Не бо мы сей повѣсти творци есмы, но *отъ* богодухновенныхъ вземлюще писаний, акы отъ постава *уимше*, и сия прѣзвѣкъ плетемъ; акы дѣтищѣ предъ вашимъ отчѣствомъ нѣмлюще вашу веселимъ любовь.

А се похвала мнихомъ, и познание Христовы благодати, и вшествие в вертепъ, сирѣчь пострижися, – отъ пророческихъ писаний скажемъ.

Рече царь: «Како худое се и потаенное житие честнѣе нашея державы веселится и свѣтлѣе внутренняя внѣшнихъ сияють!» Се же есть умныхъ человекъ помяновение души. «Не спасетъ бо ся, – рече, – царь многою силою»,⁴¹⁰ и всяка власть къ грѣху причтена есть; а торгующимъ егда купля сдѣется, ту и грѣхъ свершится и ины вся житийскыя вещи. В нищетѣ же и в богатствѣ спону имуть къ спасению семью и домъ, того ради глаголетъ апостолъ: «Оженивыйся печется женою, како угоудити женѣ, а неженевыйся

печется, како угодити Богови»;⁴¹¹ она печаль ведеть в муку, а си печаль – в вѣчную жизнь.

Худое же и потаенное житѣе мнишство являеть. На смирение бо и на покорение кождо в не грядеть, токмо о Бозѣ веселится, честь по своим трудомъ от Бога и человекъ въсприемля. И древо бо не възраста дѣля высока, ни листвѣа, но плода дѣля хвалимо бываетъ; тако и мнихы не монастырь славныи творить, но добрая дѣтель мнишская. И се явѣ есть от Феодоса игумена Печерьскаго, иже в Киевѣ,⁴¹² понеже нелицемѣрно мнишствова възлюбив Бога и братью свою акы своя уды; тѣмже и Бог възлюби и и мѣсто его ради прослави паче всѣх, иже монастырь в Руси. Сѣа внутреняя добродѣтели святых калугер житѣа паче мирскоѣ власти сияють чудесы, и тѣх ради мирьскыа велможи свою покланяють мнихом главу, яко Божиим угодником достойную въздающе честь, по Господню словеси, глаголющую: «Приемляй праведника во имя праведниче мзду праведничу приемлеть»⁴¹³ и прочая; и пакы: «Приемляй, – рече, – вас мене приемлеть»,⁴¹⁴ и прирече: «Не бойся малое стадо, яко благоволи Отець мой дати вамъ царствие небесное»,⁴¹⁵ «иже бо оставить, – рече, – отца и мать и имѣние имени моего ради, стократцею примет и жизнь наслѣдить».⁴¹⁶ Сих ради обѣщаний всяк крестьянин нудится понести ярем Господень, рекше иночскый чин на ся взяти.

Да речем уже оного царя вход. Поем бо свою единородную дщерь, внутр вертѣпа входить. Дщерь же уму разумѣй душу, умородителна бо есть и обьщена ангельским чином: «Творяй, – рече, – ангелы своя духы и слугы своя огнь полящъ».⁴¹⁷

Дух бо на всю добродѣтель бодр и скор на теченье богоугоднаго подвига, но плоть немощна. Обаче вся служба ангельская и мнишская едино есть: они бо и си, всю свою оставльше волю, Божию и игумену повинуются повелѣнию, имже самъ Господь мздовъздатель противу трудом бысть. «Иже бо, – рече, – душу свою погубит моих ради словес, обрящет бо ю в вѣчном животѣ».⁴¹⁸

То уже сам глаголет к внутр стоящему: «Отверзи мнѣ врата правды, и, вшед в ня, исповѣмся Господеви, яко “взискающии его не лишатся от всякого блага”⁴¹⁹».

Отвѣща предстояй он: «Си врата Господня, праведнии внидут в ня, и Господь не лишитъ добра ходящих не злобою zde. Ты же кто еси, тако дрѣзаящій?»

И та рече: «Дщи убо есмь царева, “и приведутся царю дѣвы по ней”». ⁴²⁰

Отвѣща стояй: «Слыши, дщи, и вижь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего, и въсхощетъ царь добротѣ твоей, аще и черна еси». ⁴²¹ – Сиречь, Дѣндеже бо человек не останет ся телесных похоти и житийских печали, душа его с Богом не смирится, не может бо Богу работати и мамонѣ. Чернота же есть грѣх. «Смагла, – рече, – есмь, но добра». ⁴²² Смагла убо первых дѣла съгрѣшений и яже в миру житийских вещи. Добра же бых – скорого ради покаяния. «Черна есть миродержителнаго сана властью, добра есть мнишьскаго ради пострижения. – «Вся слава дщерѣ царевѣ внутрюду». ⁴²³

– «Ты же кто еси?»

– «Аз есмь, – рече, – пастух овцам, остави вы, – рече, – на горах 90 и 9 и сндох погыбшиѣ сде ища, ⁴²⁴ но аще мене послушаеши, “лицу твоему помолятся богатии людстии”». ⁴²⁵

Отвѣща: «Обѣщах, ти ся, овца бо есмь словеснаго ти стада и к тобѣ прибѣгох, доброму пастырю, взиди мене заблужшаго и цѣлуй мя от лобзания уст его».

Вижь порядних словес слугу и не мните мене кромѣ Святых Книг сих вземлюща. Аще быхом обѣт постризания нашего схранили, то не токмо грѣхов оцѣщение, но и земную честь приали быхом, якоже святии ваши отци и чюдотворци, имже цари и князи падше поклонишася, но и в небеснѣм царствии видѣли быхом Божие лице; сирѣчь, елико быхом в молитвѣ просили и скоро сугубо приали.

Обаче и еще стоящаго въпрашает, глаголющи: «Аще пастух еси, «не остави мене, ни отступи от мене», ⁴²⁶ яко скорбь близ, слышах бо Исаию о тебе глаголюща: «И тѣ яко пастух, упасетъ стадо свое и в руцѣ свои сберетъ агньца и в утробѣ имущая утѣшитъ» ⁴²⁷». Се новоосвященных мних аще не словеса, то мысли. Держаще бо ся обѣта и слабости не одолѣвше, святынѣ просят, Писания почитающе, бес подвига велеть Богови спасти я. Не бо разумѣемъ Павла глаголюща: «Бес подвига никтоже

вѣнчается». ⁴²⁸ Никто же бо спя побѣдит, ни лѣний ся спасти можетъ.

Обаче нераскаянни суть Божии дарове; послух бо сих на небесех вѣрен Господь наш Исус Христос, иже туне спасаетъ мнишьскый чин, сам бо за ны молится, глаголя: «Отче святой, не о мирѣ молю, но о сих, яже дал еси мнѣ, съблуди а во имя твое; да идеже буду и аз, ту и си будутъ съ мною, никтоже от них погибнетъ, токмо сын погыбелный!» ⁴²⁹

Си же имущи обѣщаня, о, мниси, подвизайтесь! Подобаает же и в нынѣшних апостолѣх Иудѣ быти, но каждо вас съблюдетъ себе; не продадим Божия Слова на лъжи, крадуще, грабяще, обидяще, на игумена злое мыслящи, клятвою ся оправдающе; ниже распнѣм Христа, недостойнѣ приступающе к причастию Святых Таин, нѣ о всѣх себе съставляюще, по апостолу, яко Божия слугы, въ трѣпѣнии мнозѣ свое сдевающе спасение. ⁴³⁰ Яко же бо кони, текуще в стадѣ, друг другу ретящися, приспѣвають, тако и вы ревнуйте святых отецъ подвигу и друг друга приспѣвайте в алкании, и в бдѣнии, и в молитвах, в служебных трудѣх, да не раслабѣвше обьядениемъ, и пьянством, и плотскими похотми да не в адѣстѣй устанемъ пустыни и тамо геоньскими растерзани будем звѣрми и яко толща земная телеса наша *просядутся*, огнем мучима, и расыплются кости наша при адѣ. ⁴³¹ Но вперите си разумнѣи крилѣ и възлетим от губящаго ны грѣха! Възмѣм от Книг пищу и рыцѣм с Давыдом: «Коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меду устомъ моим». ⁴³²

Си же глаголя, не величаюся, но себе тѣша, от неразумиа глаголю, человекъ бо есмь грѣшен, кален уд имея мой язык. Аще бо в глубину Божиих книг внидох, но грубом языком ума просты изношю глас. Бог же мира многою милостию да створит вашему отчѣству сему прияту быти сказанию; и тѣй ваша съблюдетъ душа чиста, и телеса бескверньна, и житие непорочно, дѣвѣство неокрадомо, непретыкающееся чернечество, несъблазньну вѣру, непремѣнно о души попеченье, братолюбье нелицемѣрно, и вашъ покой *украсить знаменми*, и небесныя отверзеть двери, и огненное отложить оружие, и в горний ведеть в Иеросалимъ, и

десницею вѣнчають, и трапезу представить, и чашу веселиа и радости подасть.

Мене же, акы пса, молю вы, не презрите, но и сде в святых помянѣте молитвах и тоя святыя трапезы крупицѣ поверзѣте, еяже буди всѣм крестыаном сподобитися, – жизни о Христе Исусѣ, Господѣ нашем емуже слава с Отцем и с Святым Духом и нынѣ и *присно и во веки веком*.

В НЕДѢЛЮ ЦВѢТНУЮ⁴³³ О СКАЗАНИИ ЕВАНГЕЛЬСТѢМЪ СВЯТАГО КИРИЛА

Велика и ветха скровища, дивно и радостно откровение, добра и силна богатства, нескудно ближним даемии дарове, славна и зѣло честна дому искуснии строители, обилны и преполнены царское трапезы мнози отстатци, от нихже нищии препитаеми бывають, – не гиблющею ядью, но пребывающею в живот вѣчный! Словеса бо евангельская пища суть душам нашим, яже Христос многообразно глагола челоувѣческаго ради спасения. Его же славный и честный дом – Церкви имѣеть искусны строителя: патриархы и епископы, ерѣя же и игумены, и вся церковныя учителя, иже вѣрою и чистотою ближнии Богу створишася и приемлють Святаго Духа благодатью различныя дары ученью и цѣлению по мѣрѣ дара Христова. Тѣм же и мы, убозии, тоя же трапезы останков крупицѣ въземлющеи, насыщаемся, киждо бо раб своего господина хвалить.

Радость же нам, братье, днесь и веселье всему миру пришедшаго ради праздника, о немже пророческая писанья сбытье прияша, творимаго ради в онь Христомъ знаменья. Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, всѣд на жребя ося,⁴³⁴ да пророчество Захарьино свершиться, иже *рече о нем*: «Радуйся зѣло, дщи Сионова: се бо цесарь твой грядеть кроток, всѣд на жребецъ ун!». ⁴³⁵ Се убо пророчество разумѣюще, веселимся.

Душа бо святых дщери горняго Ерусалима нарицаются; жребя же – иже от язык вѣровавше в Онъ людье, ихже, послав апостолы, и отрѣши от лъсти дьяволя.

Днесь народи противу Исусу изидоша вайя в руках держаща и тѣмъ почестъ творяще, егда «Лазоря из гроба возва и от мертвых възкреси ѱ». ⁴³⁶ Предобро народа послушьство,

ему же языци и вѣровавъше, Сына Божия познаша и. В жидѣх бо чюдеса створи, а языком спасение и благодать дарова. Они его не познаша, а языци прияша и. Израиль отречеся позвавшего его в вѣчную жизнь, а языци вѣровавшая в небесное царство въведе. Овѣм паденье, соблазн, а странам вѣра, въстанье.

Днесъ апостоли на жребя своя ризы възложиша,⁴³⁷ и Христос верху их сѣдя. Оле преславныя тайны явленье! Хръстьяньския бо добродѣтели апостольския суть ризы, иже своим ученьем благовѣрныя люди престол Божии и вмѣстилище Святому Духу створиша: «Вселю бо ся, – рече, – в ня и похожу, и буду им Бог, и ти будутъ мнѣ люди».⁴³⁸

Днесъ народи постилають по пути ризы своя, друзии же от древа рѣзаху вѣтви постилаша.⁴³⁹ Добр убо и прав миродержителем и всѣм вельможам Христос бысть, егоже милостиною и безлобьем постлавше, нетрудно входятъ в небесное царство. Ломящеи же от древа вѣтви рядници суть и грѣшници, иже скрушенным сердцемъ и умилениемъ душа, постом же и молитвами свой путь равняюще, к Божии приходятъ: «Аз бо, – рече, – есмь путь, истина и живот».⁴⁴⁰

Днесъ предъидущии и въслѣдующеи възклицають, глаголюще: «Осана сыну Давыдову! Благословен грядый во имя Господне!»⁴⁴¹ Предъидущеи же суть пророци и апостоли: они же прежде прорицавшие о Христовѣ пришествии, а си *проповѣдавшие во всем мирѣ* Бога пришедша и во имя его крестящеи народы. А въслѣдующеи святители суть с мученики: ови с еретики крѣпко по Христѣ борющиеся и тѣх яко враги от церкви издрѣюще, си же до крове за имя Христово пострадавши и вся уметы створиша, въслѣд его текоша, да причастници будутъ страсти его. Все же «осана» възываху, рекуще: «Ты еси Сын Божий, въплотивыйся на земли, да Адама преступлениемъ падша въздвигнеши; благословенъ дѣля и мы потщимся добрая творити дѣла во имя Господне».

Днесъ весь Иеросалим подвижеся въшествия ради Господня: старци быстро шествоваху, да Исусу яко Богу поклоняются; отроки скоро течаху, да и прославятъ о чюдеси Лазарева възкресения; младенци, яко крилати окрест Исуса паряще, вопияху: «Осана сыну Давыдову! Благословен грядый

во имя Господне! Бог Господь и явился нам!»⁴⁴² Оле тайн *откровение* и пророческих писаний раздрѣшение! Старца бо язычскія *намѣнуе*ть люди: преже бо Аврама и Израиля языци суть; тогда, прельщени, от Бога уклонивъшеся, нынѣ же Сыну Божию вѣроу покланяются. Образ же отрок всѣчестный, дѣвство любящий, отческый чин нарече, беспрестани славящим Христа и чюдеса Божиею благодатию сътворяющим. Младенци же вся хрестяны прообрази, иже ничтоже пытаются о Христе, но о томъ живуще и за того умирающе, и тому обѣты и молитвы въздающе.

Днесь Аньна и Каияфа⁴⁴³ негодуеъ. Всѣм радость и вселье, сима же – скорбь и смущенье. Подобаше иерѣйску чину расудну быти и пророки пытати, егда се естъ Христос, о немже заповѣда Ияков сыном своим, глаголя: «От племени твоего, Июдо, изидеть владыка небеси и земли, и тѣ *упование* языком, привязая лозѣ жребя свое»,⁴⁴⁴ ни помянуша Давыда, о немже пророчествова, глаголя: «Из уст младенецъ съсущих свершил еси хвалу»,⁴⁴⁵ ни разумѣша Софонья чуща, писавша тако: «Веселися, Еросалиме, и уравниай путь Богу твоему, яко придетъ в церковь свою, творяй чюдеса и дая знаменія»,⁴⁴⁶ нѣ свѣтъ творяху на благодателя, да не токмо Исуса, но и Лазоря погубять, и не хотѣша с народы глаголати тако: «Велий еси, Господи! Глас твой потрясе адова скровища и исторже от внутренних душу умершаго, и изиде Лазарь паки на бытѣе спасен!»

Днесь тварь веселиться, свобожается от работы вражья, и адская врата и веревя потрясошася и бѣсовскія силы ужасошася. Днесь горы и холми точать сладость, удоля и поля плоды Богови приносятъ, горнии възпѣвають и преисподняя рыдають, ангели ивятъся, видящи на земли невидимаго на небесѣх и на жребяти сѣдяща сущаго на престолѣ хѣрувимостьѣ, обиступаема народы неприступнаго небесным силам. Ныня младенци радостно хвалим бываетъ егоже серафими в вышних страхом славять. Ныне путь съшествуетъ в Еросалим измѣривый пядью небо и землю дланью, в церковь входитъ невѣмѣстимый в небеса.

Днесь старѣйшина жречьскій гнѣвается на творящаго великая чюдеса, книжници и фарисии дѣтем завидять, с вѣтми на срѣтенѣе Христу текущим и зовущим: «Осана сыну Давыдову!» Чудны вещи! Како забыша пророк, писавъших о Христѣ всяко нашего ради язычнаго спасения! «Уже бо, – рече, – нѣсть ми хотѣнья в сынѣх Израилевых, явѣ бых не ищущим мене и рку не людем моим: “Людѣе мои вы есте”». ⁴⁴⁷

Тѣмъже, братѣе, подобаетъ нам, яко Божиим сущим людем, възлюбившаго нас Христа прославити. Придѣте, поклонимся ему и припадем, яко блудница, мыслено того пречистѣи лобызающе нозѣ; ⁴⁴⁸ останем же ся, яко она, от злых дѣл; излѣем, якоже мюро на главу его, вѣру и любовь нашу; изыдем любовью, яко народи, в срѣтение ему и сломим гнѣводержание, яко и вѣтви; постелем ему, яко и ризы, добрыя дѣтели; възкликнем молитвами и безлобьем, яко младенъци, предъидем милостынями к нищим, вслѣдуем смирением, постом и бѣдѣньем – и не погубим труда четьрьдесятьднѣвняго поста, в няже подвизахомся, очищающесе от всякоя скверны, да в нашъ Иеросалим внидетъ ныня Христос. Нашего бо телесе ставленѣе Иеросалим речеться, якоже Исая глаголетъ: «На руку своею написах стѣны твоя, Иеросалиме, и вселюся посреде тебе». ⁴⁴⁹

Уготоваем, яко и *горъницу*, смѣрением душа наша, да причастием внидетъ в ны Сын Божий и Пасху с ученики своими створить. Поидем с идущим на страсть волную, възмем крест свой претерпѣнием всякоя обиды, распънѣмся *браньми* к грѣху, умертвим похоти телесныя, възкликнем: «Осана в вышних! Благословен еси пришедый на муку волную, еюже ада попра и смѣрть побѣди!», доздѣ же слово окративше, *пѣсньми*, яко цвѣты, святую церковь вѣнчаем и праздник украсим; Богови хвалословление възслѣм и Христа, Спасителя нашего, възвъеличим, благодатью Святаго Духа осяняеми, да радостно праздновавше, в мирѣ достигнем тридневнаго възкресения Господа нашего Исуса Христа, емуже подобаетъ всяка слава, честь, держава и поклоняние с Отцемъ и с пресвятымъ и благымъ и живоворящим Духомъ всегда и ныня и присно и *вѣки*.

ТОГО ЖЕ ГРѢШНАГО МНИХА СЛОВО О РАСЛАБЛЕНѢМЪ,
ОТ БЫТІЯ И ОТ СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКАГО, – В НЕДЕЛЮ 4
ПО ПАСЦѢ

Неизмѣрна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина, ниже свѣдомо Божия смотра тѣи тайнство, велика бо и неиздреченна милость его на родѣ чловѣчѣстѣмъ, еуже помиловани быхом. Того ради должны есмы, братіе, хвалити и пѣти и прославляти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, исповѣдающе великая его чюдеса, елико же их створи, неисповѣдима бо суть ни ангеломъ, али нѣ чловекомъ.

Ныня же о раслабленѣмъ побесѣдуимъ, егоже днесъ сам Бог въспоманул⁴⁵⁰ и призрѣл и помиловал, егоже и врачеве небрѣгома створиша, егоже презряху вѣмѣтающеи в купѣль, егда бо възмутяшеться вода, вси, о богатыхъ пекущесѣ сдрави, сего отрѣяху, егоже ныня Христосъ, благой чловеколѣбецъ, словомъ ицѣли, врачъ бо естъ душамъ нашимъ и тѣломъ, и слово его дѣломъ быстъ.

Глаголетъ бо евангелистъ: възиде Иисусъ в Иеросалимъ в преполовление жидовскаго праздника,⁴⁵¹ егда же множество народа отъ всѣхъ градъ по обычаю събирахуться в Иеросалимъ. Тѣгда и Господь приде, всячѣски угажая своимъ рабомъ и неистовство противныхъ обличая иудѣй, поистинѣ бо приде, ища заблуждѣшихъ и спасти погыбѣвшихъ. Многа бо по всей Палестинѣ створи чюдеса, и не вѣроваху ему, нѣ противу благодати хулять, лестѣца его и блзнителя нарицающе.⁴⁵² Того ради при мнозѣхъ приде народѣ къ *Силуамстей* вододѣрьжи, иже нарицается Вифезда, сиречь Овѣча купѣль⁴⁵³ (понеже ту *полоскаху* жртвѣныхъ овецъ утробы). Надъ симъ бѣ храмъ, пять притворъ имѣя, и ту лежаше множество болящихъ, хромыхъ же и слѣпыхъ, и инѣми недугы болящеи, чающе движения водѣ; ангелъ бо Господень приходя възмущаше воду, и по возмущении первое вѣлѣзый цѣлъ бываше.⁴⁵⁴

Си же бѣ образъ святаго крещения. Понеже не всегда вода та ицѣляше, нѣ егда ю ангелъ възмутяше. Ныня же къ крещению купѣли самъ ангельскій владыка, Святыи Духъ, приходя освящаетъ ю и даетъ сдравіе душамъ и тѣломъ, и грѣхомъ очищение; аще кто слѣпъ естъ разумомъ, ли хромъ невѣриемъ, ли сухъ мнозѣхъ

безаконий отчаяниемъ, ли раслаблен еретичьскимъ учениемъ, – всѣх вода крещения съдравы творить. Она купѣль многы приимающи, а единого ицѣляше, и то же не всегда, нѣ единою лѣта, – а крещения купѣль по вся дѣни многы оживляющи *съдравы створить*. К крещению бо еще и всея земля придуть человеѣци, не умалиться Божия благодать, всѣм дающи ицѣление от грѣховных недугов.

Рыцѣм же о Господни благодати, како приде к Овчи купѣли и видѣ человеѣка раслаблена, долго врѣмя на одрѣ в недужѣ лежаща, и въпроси его, глаголя: «Хощеши ли сдрав быти?» «Ей, – рече, – Господи! Хотѣл бых, нѣ не имѣю человеѣка, да бы по възмущении ангеловѣ въвергл мя бы в купѣль.⁴⁵⁵ Нѣ еще мя еси о сдрави, Владыко, въпросил, то крѣтъцѣ послушай моего отвѣта, да ти своя болѣзни напасть исповѣдѣ. 30 и 8 лѣт на одрѣ семь, недугомъ пригвожден, слежю; грѣси мои вся уды телесе моего раслабиша, а душа моя преже страсти поношении бодома бысть. Богови ся молю, и не послушает мене, зане превъзидоша безакония моя главу мою.⁴⁵⁶ Врачем издаях все мое имѣние и помощи уллучити не възмогах, нѣсть бо зелия, могуща Божию казнь прѣмѣнити. Знаемии мои гнушаются мене, смрад бо мой всякоя утѣхы лиши мя; и ближнии мои стыдятся мною, яко чюжѣ бых страсти ради братии моей. Вси человеѣци мною кльнутьсѣ, а утѣшающаго не обрѣтох. Мъртва ли себе нареку? Нѣ чрево ми пища желаетъ, и язык от жажа исыхаетъ! Жива ли себе помышлю? Нѣ не тѣкмо вѣстати с одра, нѣ ни подвигнути себе не могу. Нозѣ имѣю непоступнѣ, руцѣ же не тѣчию бездѣлнѣ, нѣ ни осязати себе тѣма съвладѣю. Непогребенѣ мъртвецѣ разумѣю ся, и одр съ гроб ми есть. Мъртв есмь в живых и жив есмь в мъртвых: ибо яко жив питаю ся и якоже мъртв не дѣлаю. Мучим же есмь, акы в адѣ, бестудиемъ поносящих ми; смѣх бо есмь унотам, укаряющимъся мною, и старцем же лежю притѣча к наказанию. Мною вси глумятся, аз же сугубо страждю: утрьуду болѣзнь клѣщитъ мя, вѣнѣуду досадами укориэньник стужаю си. От всѣх бо плывание слин покрываетъ мя. Двое сѣтование объдержитъ мя: глад паче недуга прѣодалаетъ ми; еще бо и брашно обрящю, нѣ в уста рукою вѣложити его не могу; всѣм молюся, дабы мя кто

накърмил, и бываетъ дѣлим мой бѣдный укрух с питающими мя. Стою съ слзами, томим болѣзнию недуга моего, и никтоже придетъ посѣтитъ мене; един злостражу, никымъже видим. Егда же останѣци трапез богобойныхъ людей принесени будутъ сде, скоро притекутъ приставници Овчая купѣли, и не тако пси Лазоревы облизаху струпы,⁴⁵⁷ якоже си моя помилования пржирають. Не имѣю же ни имѣния, да быхъ си единого умѣздил о мнѣ пекущася челоуѣка, яко злѣ расточихъ даное ми в рай богатство, и змѣемъ в Едемѣ украдена ми бысть чистоты одежда,⁴⁵⁸ и сде лежю нагъ Божия покрова. Не имамъ челоуѣка, иже бы не гнушася послужилъ мене! Енохъ и Илия не обрѣтостася на земли, възята бо быста на колесници огньнѣ и прѣбываеа идеже Богъ вѣсть;⁴⁵⁹ Аврамъ съ Иовомъ мало послуживша мнѣ подобнымъ, прѣставистася в бесконѣчную жизнь. Господи, челоуѣка не имамъ вѣрна къ Богу! Моиси, боговидецъ и законодавецъ, послѣ же съгрѣши къ Богу и не въниде в землю обѣтованную;⁴⁶⁰ Соломонъ премудрый, три краты с Богомъ бесѣдовавъ, на старость прирази къ Богу и, женами прѣльстивъся, погыбе.⁴⁶¹ Господи, челоуѣка не имамъ, въложаша мя в купѣль! Вси бо уклонишася и неключими быша, и нѣсть творящаго блага, нѣсть ни единого, и не разумѣють вси творящии безаконие!»

И сия вся отъ устъ раслабленаго слышавъ, благый нашъ врачъ Господь Исусъ Христосъ отвѣщавъ къ раслабленому: «Что глаголеши: «Челоуѣка не имамъ!» Азъ тебе ради челоуѣкъ быхъ, – щедръ и милостивъ, – не сългавъ обѣта моего въчелоуѣчения. Слышалъ бо еси пророка, глаголюща, яко отроча родиться, сынъ Вышняго, и данъ бысть намъ, и тѣ болѣзни и недуги наша понесетъ.⁴⁶² Тебе ради, горьняго царства скипетры оставль, нижнимъ служа объхожю, – не придохъ бо, да ми послужать, нѣ да послужю.⁴⁶³ Тебе ради, бесплѣтенъ сы, плѣтию обложихъся, да всѣхъ душевныя и телесныя недуги ицѣлю. Тебе ради, невидимъ сы ангельскимъ силамъ всѣмъ, челоуѣкомъ явихъся, не хошю бо моего образа в тлѣнии презрѣти лежаща, нѣ хошю и спасти и в разумъ истинный привести. И глаголеши: “Челоуѣка не имамъ!” Азъ быхъ челоуѣкъ, да Богомъ челоуѣка сътворю! Рехъ бо: “Бози будутъ и сынове Вышняго вси”.⁴⁶⁴ И кто инъ мене вѣрнѣй

служи тобѣ? Тобѣ всю тваѣ, на работу створи; небо и земля тобѣ служита, – оно влагою, а си плодомъ. Тебе ради солнце свѣтомъ и теплотою служить, и луна съ звѣздами ношѣ обѣляетъ. Тебе дѣля облаци дѣждьмъ землю напаяють, и земля всяку траву, сѣмениту и дрѣва плодовая на твою службу въздращаетъ. Тебе ради рѣки *рыбы* носятъ и пустыни звѣри питають. И глаголеши: “Человѣка не имам!” И кто есть мене вѣрнѣй человѣкъ! Яко ие сългахъ обѣта въчеловѣчения моего; кляхъся Аврамови, глаголя: “О сѣмени твоємъ благословятся языци, в Исаѣ же будетъ ти племя, и в томъ въплътивъся, отложю обрѣзание, створю же брѣжю воду, многа чада поражающе крещениемъ”,⁴⁶⁵ о нейже глаголетъ Исаия, “яко протѣржеся вода в пустыни”.⁴⁶⁶ Жажуще, на воду живу идѣте! Аз есмь животное озеро! И се породный источник от уст моих на тя изливаю, а ты Овчая купѣли жадаеши, помалѣ прѣсѣхнути хотяща! Въстани, възми одр свой; да слышитъ мя Адам и обновиться нынѣ с тобою от истлѣния, в тобѣ бо пѣрваго прѣступления Евѣжину клятву исцѣляю! Лазоря, уже раскысѣвъша в гробѣ и чѣтыри дни имуща в мѣртвых, словомъ жива створи,⁴⁶⁷ и тобѣ нынѣ глаголю: «Въстани, и възми одр свой, и иди в дом свой!»⁴⁶⁸

И скоро въскочи расслабленный с одра, съдравъ всѣми уды телесе и силою мощнъ, и въземъ носивъшаго и одра, посредѣ народа хожаше.

Бѣ же в тѣ день субота; и видѣвъше его жидове не порадовашася о съдравии немощнаго, ни въздаша хвалы Богови, въздвигнувъшоому расслабленаго от одра немощи, ни рѣша: «Како ти ся, брате, жилы укрѣпиша и телесныя уди утвѣрдиша?» – нѣ акы звѣрие, на оружьника нападѣше, отбѣгоша и богохульная словеса, акы стрѣлы к камени пуцающе, съламахуся. Изволиша бо неправду паче, нежели глаголати правду, и начаша прѣтити носящему одр: «Субота есть, и недостойтъ ти взяти одра!»⁴⁶⁹ Почто възстал еси от немощи? Почто ицѣлѣл еси от недуга? Почто прѣмѣнилъся еси от болѣзни? Не лѣпо ли бѣ нынѣ одра своего носити!»

И рече имъ ицѣлѣвый от недуга: «Что се глаголете, о фарисѣи! Мудри суще, злобою обуродѣсте! Не насытитесь ли ся

в 30 и 8 лѣтъ, зряще мене на одрѣ и исполумъртва лежаща? Нынѣ же, въставъшу ми Божиємъ словомъ, ослѣпосте умомъ и о своей, храмлюще, прѣтыкаетесь неправдѣ. Аще не бысть добро, а зло не есть мое въстание. Аще не радуетесь преславному чудеси, понѣ не завидите даному мнѣ съдравію. Не будѣте яко имѣск конь, имже нѣсть разума! Господь поможетъ мнѣ на одрѣ болезни моя и весь недуг мой обратилъ есть въ съдравіе. Рцѣте же ми, старци и судіе Израилевы, въ чьей вас клѣти украдено бысть даное мнѣ съдравіе, да тако жаляще си прѣтите ми? Никто же вас прѣобидѣн, *ни у кого* же вас уем мнѣ дарова; нѣ иже мя есть створилъ цѣла, тѣ мнѣ рече: «Въстани, възми одр свой и ходи!»⁴⁷⁰ И се есмь весь сдравъ».

Отвѣщаша книжници: «Кто есть он, иже ты створи цѣла?» Носѣй же одр не вѣдаше, – Исусу уклоньшюся отъ народа, – обаче глаголаше: «Нѣсть вѣлхв, ни чародѣй, ни есть ходатай, ни ангелъ, нѣ самъ Господь Богъ Израилевъ. Понеже не осяза мене руками, ни приложи былія къ вѣдомъ удовъ моихъ, нѣ слово его дѣломъ бысть. Рече бо ми: «Въстани и ходи!» – и вѣслѣдова слову дѣло и сдравіе телеси. Тѣмже не судите на лица, ни хулите Божію благодати, нѣ праведный судъ судите: рцѣте Богу, яко «възвеличишася дѣла твоя въ Израили», и Господнемъ чудесемъ субботу почѣстите, и Бога прославите, праздникъ украсите!»

Нѣ жидове не умѣлѣкняху, глаголюще: «Кто есть ицѣпливый ты въ субботу? Покажи повелѣвъшаго ти носити одр въ праздникъ!»

Обрѣте же его паки Исусъ въ церкви и глагола ему: «Се цѣлеси, къ тому не съгрѣшай, да не горе ти что будетъ!»⁴⁷¹

Нѣ да не мнимъ, яко тому единому се глагола Христосъ, нѣ всѣмъ намъ, приемъшимъ крещенія благодать, имже праотечѣскыя очистихомъся сквърны и ицѣлени быхомъ отъ растѣлѣвающаго ны грѣха; нѣ яко се бы реклъ къ ицѣлѣвъшему тому Господь: «Се въ тебѣ Адама мозоли исцѣлихъ, и падѣша преступленіемъ възведохъ, и всеродѣную того клятву нынѣ отяхъ, омыхъ сквърну всякого прѣгрѣшенія крещеніемъ, възискавъ, обрѣтохъ шѣдѣшаго въ пути неблагоу кумиролужения, обязахъ раны уязвнаго бѣсовскими разбойники, възлѣхъ на язвы его моя крѣвѣ вино и масло, и, възымъ на тѣла моего скотъ, вѣнесохъ

в гостиньницу – святую церковь, дах два сръбрьника гостиньнику⁴⁷² – Новый и Втъхый Закон святителем, да прилежать учениемъ людем, обѣцах и мзду по възвращении моемъ спасѣшим грѣшныи. Се цѣл еси и к тому не съгрѣшай, горе бо, – рече, – в разумѣ съгрѣшающему!»

Разумѣйте же вси слова силу, – яко по крещении не велить нам Господь съгрѣшати, да не паки и истѣлим обновленаго Богомъ челоуѣка. По възприятии же всякого священнаго сана – горе съгрѣшающему; реку же, – по мѣнишествѣ, и по иерѣйствѣ, и в самомъ епискупствѣ не боящимся Бога!

А челоуѣк тѣ вѣрн бѣ, ибо по исцѣлѣнии не вѣдасть себе в телесныя сквърны, ни похули же Исуca прѣд иудѣи, но в церкви прѣбываше, идеже и обрѣте его Христос. И тѣ познав ицѣливѣшаго и глагола: «Праведѣн еси, Господи, и слово твое истина! Отныня причастник есмь всѣм боящимся тебе и хранящим заповѣди твоя»; и иде по всей странѣ повѣдая, яко «Исус есть, иже мя створи цѣла».⁴⁷³

Да и мы, братие, Исуca Христа, Бога нашего, прославим, ицѣливѣшаго нас от недуг грѣховных, и к нему вѣроу припадѣм, глаголюще: «Не помяни пѣрвых безаконий наших и нынѣшня очисти съгрѣшения, – ты бо еси всѣх Бог, небесных и земных. Челоуѣчъскый зижителю, ангельскый творче, цесарю мира всего, архангельскый владыко, хѣровимъскый сдѣтелю, серафимъскый украсителю, помилуй нас, на тя уповающих, да, спасени тобою, славим тя съ Отцемъ и съ Пресвятымъ Духомъ, и нынѣ, и присно, и в вѣкы!»

ПОСЛАНИЕ НѢКОЕГО СТАРЦА КЪ БОГОБЛАЖЕННОМУ ВАСИЛИЮ АРХИМАНДРИТУ О СКИМѢ

Поклоняние отъ моего недостоинства къ твоему преподобьству, милый мой господине, всечестный богоблаженный Василие, воистинну славный, великий въ всем мирѣ архимандрите, отче отцемъ, велики во всем мире, вож вышняго пути, тонкоразумноя душе, умом вся богодухновенныя книги пронорящи, вторый печерьскый игумене Феодосие, аще не именем, но, дѣлы и вѣроу, равенъ сый оноу святости! Но и паче того провозвеличил тя есть Христос, яко угоднаго своего раба и своеа матери слугу: он бо, наченъ церковь, *позван* бысть

Богомъ и к нему отъидеть,⁴⁷⁴ тобою же не точию церковь бо содѣла, но и стѣны каменныя около святыя лавры созда,⁴⁷⁵ идѣже святыхъ жилища и преподобныхъ дворы, беспрестанно поющихъ Бога въ Троици, славящихъ во двою существу воплощъшася отъ Духа Свята и Мариа девица вочеловечьшася, за грѣхы наша *пострадавѣша* распятие и смерть.

А о немже, господине, прислалъ ми еси грамоту, аки прошая великаго и святаго скимнаго образа, въ н же издавна облещися желаеши, но не яко невѣды ищещи, но пытаеши моя нищеты, аки достоитъ учителю ученика и господину раба. Аз же не о собѣ скажу ти о святѣй скимѣ, но отъ святыхъ книгъ, паче же – отъ самага Христа притчу извѣщую оного челоуѣка, о создавшемъ на камени храмъ свой и создавшемъ на камени свою хлевину.⁴⁷⁶

Не пѣска же разумѣй, ни създание храмины, ни рекъ, ни дождя, ни лютыхъ вѣтръ преражающихъ създания, да слышитъ мой господинъ Василие о святѣй скимѣ, юже хоцещи приати.

Ты создалъ стѣны каменныя около всего Печерскаго монастыря на твердѣ основѣ, высокы и красны, и первое же изъобрѣлъ еси свое богатство, тако же огнемъ и плиту устроилъ еси, водою же и каломъ свершилъ еси. Но оно святое создание не тако, еже съдѣлатися въ храмъ Богу, вселитися въ ню Святому Духу.

Но оно святое хоцещи ли створити обитѣль, Святѣй Троици мыслиши положити основу, сирѣчъ обновитися святую скимою, «разсчеисти си имѣние»,⁴⁷⁷ рѣкши, прежъ помолися Богу и, сѣдъ, напиши свой обѣтъ смыслене, что хоцещи до смерти хранити: в недели или в месяци день или два хоцещи поститися от брашна или от пития, или обнощевати въ молитвѣ, или не бесѣдовати съ челоуеки, или изъ монастыря въ обѣтный день не исходити, или милостыню ручную творити, или всяко прошение к челоуекомъ подати, или гнѣвъъ отдати. Да аще ты створиши свое первое, а Богъ готовъ отдати свое. Аще ли хоцещи взяти безъ рассмотрения аналаву и куколь,⁴⁷⁸ зря инѣхъ, оже точию величаются скимою – аще бо и тружуются въ постѣ и въ молитвахъ, но понеже не имуть твердаго основание, да ни дождемъ, ни ветромъ, но своимъ злоумиемъ тѣхъ падаетъ храмина; овогда же

от всякого же въздержатся, овогда же слабо живут, глаголють: «Праздникъ бо есть», или «Дружца деля ясти хочу или пити», или: «Крестьяне звали, а паки заговѣю» – се есть единъ зижя, а другый разоряа, или омывая от мертвеца и паки прикасаяся ему. Мнози бо, рече, усушиша тѣло от поста и отъ воздержанія, а уста ихъ въсмердѣша, но понеже безъ рассмотрения си творяху, тѣмъ далече быша отъ Бога. И Лотъ бо не соблазнися въ Содомѣхъ со безаконники, а в Сигорѣ съ дщерми осквернися.⁴⁷⁹

А ты в бѣлцѣхъ и во иночествѣ Богу угодивъ и душеполезно поживъ, а в калугерское иго иды, апостольскы вся задняя забуди, а на предняя простирайся.⁴⁸⁰ Земную печаль акы подѣлие имѣй, а о небеснѣй жизни всегда печися по правилу твоего обѣта. Не яко Лотъ пианьствомъ печали уставити повосхощи, но Христово житие со опытаніемъ подражай. Господь бо, обѣща себѣ всѣмъ апостоломъ, подастъ; а ты всей братіи обѣща, сътвори, обще ти будетъ Богъ, и обще любви, обще дание, обще вѣнцы, да во многѣхъ телесѣхъ едину створи душу, всѣхъ ради мзду приимеши.

Се азъ во твой раль сѣю семѣна, еже суть о боготруды словеса. Ты смотри, да и плевелы здѣ будутъ, злое же семя искорени исторгни, а мене накажи. Аще ли есть пшеница, а бы не при пути, ни на камяни, ни в тернии сѣялъ.⁴⁸¹ Обаче аще *три* части погибнуть, но надѣюся отъ единого ты можеши во сто приплодити, Богу ти помогающе, аще съ нимъ о скимѣ общенути съвѣщаеши.

Все бо веси святыхъ отецъ житие, яко съ обѣтомъ подвизавши, вечашася. Ничто же бо тѣхъ храмины не возможесть ихъ порушити, ни честь, ни санъ, ни богатство, ни слава, ни скорѣбь, ни нужда, ни гонение, ни лѣность; ни самъ диаволъ, всяческыи тѣхъ приразуа, ни возможна обѣтнаго свѣсти дѣла. Но акы мѣдяна секира отъ суха древа сама ся кажитъ, диаволъ бо собѣ золь, а твердии вѣрою мною вѣнца искушения собѣ приобрѣтають. А слабый ни диаволомъ падаетъ, но своимъ зломысльствомъ, подвершая добраго начатка дѣло, акы пѣсокъ, злыми мыслями.

Тебѣ же хотящу здати духовную храмину, на вѣрѣ оснуй и зежди надежду, любовь, акы плиту; смѣси цѣломудріемъ, акы

водою, тѣлесе твоего калъ, да возвысится, акы храмъ, душа твоя. Подпри ю, акы столпом, Божию помощю, да еще снидетъ различными вещми дождь и рѣкы, пребудут, акы наковална, противу добрым же и злым человеком. Введи въ храмину мать и жену, еже есть кротость и смирение. Кротость бо ужождаетъ Богу, а смирение на небеса возводитъ. Оградите же ся отвсюду татей ради, рекше, страхом Божиим и молитвою, и стража пристави, любомудра ума, да аще случить ти ся во градѣ быти, или в народѣ, или в веси, или на торгу, не дай же сердцу в тѣх поплевати мыслями, но акы внутрьду келиа, поучаяся о разлучении душа от тѣла, се пребудеши, внемля себѣ, акы въ пустыню отшед.

Аще си съ Божиею помощю управиши да не надмешися величаниемъ, инѣх оглаголивая, и тогда свободным окомъ къ умному възрѣвъ свѣту, и узриши Отца свѣтом, яко Иовъ възглаголеши: «Преж убо слухом слышахом, нынѣ же око мое видитъ тя»;⁴⁸² не телѣсное, но духовное; «Въ свѣте лица твоего, Господи, пойдём и о имени твоёмъ възрадуемся в вѣкы».⁴⁸³ Богъ же, господинѣ, утвердит твою душу не соступити обѣта. «Обещайте бо, – рече, – и воздадите».⁴⁸⁴ И паче: «Луче не обѣщатися, нежели, обѣщавшися, не воздати».⁴⁸⁵ Также апостолъ осуждает ны, глаголя: «Почто единаче не до кровѣхъ противистеся, къ грѣху подвизающися».⁴⁸⁶

О всем же семь, мой милый господине и благодетелю, не прогнѣвайся, ни возненавиди мене, не *от ума*, но от безумия сиа написавшу, но, раздравъ, поверзи. Моа бо словеса, акы паучина, сама ся деруть, не бо могутъ к ползѣ сълнути, не имущи *влаги* Святаго Духа. Не бо, яко учитель, отческы и стройно заповѣдаю, но всею простотою бѣседую с тобою, твоей любви и моа отвѣрзающи уста. Ты же избери что хоцещи писания, еже ти будетъ лутче, *вѣси* бо о всем богоразумно, милый мой господине, честный Василий.

Аз же аще грѣшенъ есмь, молю Господеву здраву ти быти, мирно долгодѣнствующу, строящу дом святых Богородица⁴⁸⁷ и служащу Богу достойно, и всегда достигнеши мзду съ всеми святыми, съ праотцы и отцы, съ апостолы и патриархы и преподобными игумѣны молитвами пресвятыя Богородица и

святаго Феодосиа, егоже бысть сынъ и на столникъ о Христе
Исусѣ о Господѣ нашемъ.

Повесть об убиении Андрея Боголюбского

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

Андрей Боголюбский (ок. 1110–1174 гг.), второй сын Юрия Долгорукого от половецкой княжны, с 1158 года великий князь владимирский и суздальский, в истории известен деятельностью по перенесению центра русской государственности на северо-восток, стремлением объединить Русь под главенством владимирских князей. Погиб в результате дворцового заговора в своей резиденции недалеко от Владимира. Повествование об этом событии содержит множество конкретных подробностей (подтвержденных впоследствии и раскопками могилы князя), которые выдают в авторе очевидца описываемых событий. Возможным автором поэтому и называют одного из действующих лиц повести, изображенного здесь сторонником князя и его политической линии: игумена Феодула, что наименее вероятно (хотя под его руководством составлялся в 1177 году летописный свод, включивший в себя повесть); киевлянина Кузьму, слугу князя или одного из мастеровых («златокузнец»), приглашенных Андреем на строительство Боголюбова; выходца из Вышгорода, главу капитула Успенского собора во Владимире Микулу (который был автором и других произведений, в том числе, возможно, и широко известного «Сказания о чудесах Владимирской иконы Богородицы»); особенно вероятен в качестве автора Микула – противник усобиц и боярской знати, повинной в убийстве князя, сторонник владимирских горожан. Автор составил текст в духе южнорусских биографических повестей XI–XII веков, с подражаниями или прямыми цитатами из житий Владимира, Бориса и Глеба, но в интересах нового политического центра Руси. Например, здесь четко и последовательно проведено противопоставление Киева – Владимиру, Боголюбова – Вышгороду, Золотых и Серебряных ворот одного города – таким же воротам другого, мученической смерти Андрея – такой же кончине Бориса и Глеба, и т. д.,

вплоть до смешения Владимира и Киева в тексте народной притчи, входящей в повесть.

Полный текст «Повести...» сохранился в Ипатьевской летописи под 1175 годом, тогда как во Владимирском летописном своде 1177 года помещен сокращенный и переработанный вариант ее (см. Лаврентьевскую летопись в списке 1377 г.); по некоторым соображениям, она могла быть написана между 1174 и 1177 годом.

В «Повести...» умело и тонко сплетены две линии: мирская и земная, поданная в действии (в событиях), – и церковная, духовная, поданная в размышлениях князя и комментариях автора. Психологические детали повествования и образная народная речь реалистически видоизменяют намеренно идеализированный образ князя, навеянный традицией житий. Действия живого князя не совпадают с авторскими разъяснениями в отношении этих действий; впечатление такое, будто повесть в ее полном варианте писали два автора.

Текст публикуется по Ипатьевской летописи в издании: *ПСРЛ*, том второй. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 580–595.

* * *

В год 6683 (1175). Убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха июня месяца в 28-й день, в канун праздника святых апостолов. И была тогда суббота.

Создал же он себе городок каменный, под названием Боголюбове, столь же далеко Боголюбове от Владимира, как и Вышгород от Киева. Благоверный и христолюбивый князь Андрей с юных лет Христа возлюбил и пречистую его Мать; знанье же отринув и рассужденья и, как хоромы чудесные, душу украсив всеми благими желаньями, уподобился царю Соломону, когда, храм Господу Богу и церковь преславную Рождества святой Богородицы посреди Боголюбова в камне создав, разукрасил ее больше всех церквей: подобна она той Святой Святых, которую царь Соломон премудрый создал; так и этот князь, благоверный Андрей, создал церковь такую на память о себе, и украсил ее драгоценными иконами, золотом и дорогими камнями, и жемчугом крупным бесценным, и снабдил

украшениями разными, и украсил плитами из яшмы и всяким узорным литьем, – блеском осыпав ее так, что больно смотреть, ибо вся она в золоте стала. И украсил ее, и осыпал утварью золотой, драгоценной, всем входящим на удивление, так, что всякий, видевший это, не может выразить словом невероятной ее красоты; золотом и эмалью, и всякими драгоценностями, и церковным имуществом украшена, и всякой церковной утварью – золотая дарохранительница с дорогими камнями, с опахалами ценными и кадилами разными, и снаружи от верха до пола по стенам и столбам тоже золотом крыто, и двери, и своды у церкви также золотом крыты, и купол златом украшен от верха до Деисуса, и разным церковным добром переполнена, украшена всяким художеством!

Князь Андрей и город Владимир неприступным сделал, к нему он ворота золотые соорудил, а другие – серебром отделал, и создал соборную каменную церковь в честь святой Богородицы, весьма прекрасную, и разными украшениями осыпал ее из золота и серебра, и пять куполов ее вызолотил, а все три церковные двери золотом выложил и дорогими камнями, и жемчугом украсил ее драгоценным, и всяким узорным литьем расцветил, и обильем светильников золотых и серебряных ее осветил, и амвон из золота и серебра поставил, а служебные сосуды и опахала и другие украшения церковные – все золотом и драгоценным камнем, и жемчугом крупным в изобилии осыпал. Три же дарохранительницы, очень большие, из чистого золота, из камней драгоценных поставил: и видом своим, и работой до удивленья подобны они Святая Святых Соломона. И в Боголюбове, и в городе Владимире купола золотые поставил, и своды позолотил, и стены внутри камнем по злату осыпал, столбы позлатил, и снаружи ее и по сводам птиц золотых, и кубки, и паруса, литые из золота, поставил по церкви по всей и по сводам кругом.

Но, кроме того, и другие он многие церкви поставил различные в камне, и монастыри он создал, почему на весь церковный синклит и на церковников всех и обратил Бог свой взор; и не отягчил своей памяти пьянством, и кормильцем был для монахов и монахинь, и нищих, и всякого звания людям он

был как любимый отец, – но больше всего он милостив был подаянием, слыша голос Господень: «Все, что творите вы малым сим, то мне вы творите». А также Давид говорит: «Блажен помогающий нищим, дающий всегда – от Господа он не отступится», сила и разум в нем жили, и верная правда ходила с ним рядом. И прочих достоинств много в нем было, любую привычку он делал достойной: ночами входил он в церковь и свечи запаливал сам, и, видя образ Божий, на иконах написанный, вглядывался как в самого Творца, и, изображенья святых на иконах встречая, смирял свой вид, сокрушенный сердцем, испуская вздохи из глубины и слезы из глаз испуская, в раскаянье Давиду подражал, оплакивая множество грехов своих, возлюбив бессмертное выше тленного и небесное более, чем кратковременное, и жизнь со святыми у вседержителя Бога больше этого царства земного, он всяким достоинством, точно мудрый второй Соломон, был украшен.

И такое достоинство имел: велел каждый день возить по городу еду и питье различное больным и нищим на пользу, и, видя всякого нищего, к нему приходящего с просьбой, подавал им по прошению их, говоря, будто «это Христос, пришедший испытать меня», – и так принимал он любого, к нему приходящего, как Христос завещал, сказавший: «Если малым сим сотворите – то мне сотворите!» И держал то слово в сердце всегда, потому и достойно от Бога смертный венец восприял ты, княже Андрей, мужеством равный именитым братьям, благоразумным святым страстотерпцам последовал ты, кровью омыв все страданья свои. Ибо если бы не беда – не было б венца, если б не мука – не было бы благодати: всякий, живущий добродетельно, не может остаться без многих врагов. Князь же Андрей, о готовящемся злодейском убийстве своем узнав заранее, духом воспламенился священным и ни на что не рассчитывал, говоря: «Господа Бога моего, Вседержителя и Творца своего, избранный народ на кресте пригвоздил, сказав: “Пусть кровь его будет на нас и на детях наших”», а также и слово, сказанное устами святых евангелистов: «Если кто положит душу свою за други своя – может учеником моим быть». Этот же боголюбивый князь не за друга, но за самого

Творца, возведшего все из небытия в бытие, душу свою положил. Потому-то, узнав об убийстве твоём, страстотерпец княже Андрей, изумились небесные силы, глядя на кровь, за Христа проливаемую; рыдает народ православный, видя отца сирот и кормильца, омраченную тьмою звезду светоносную; а убийцы проклятые огнем окрещаются вечным, что пожигает тернье любого греха, то есть любое деяние. Ты ж, страстотерпец, проси всемогущего Бога за потомство свое, и за родичей, и за Русскую землю – миру мир даровать.

Мы ж к прежнему возвратимся.

Итак, состоялся в пятницу на обедне коварный совет злодеев преступных. И был у князя Яким, слуга, которому он доверял. Узнав от кого-то, что брата его велел князь казнить, возбудился он по дьявольскому наущению и примчался с криками к друзьям своим, злым сообщникам, как когда-то Иуда к евреям, стремясь угодить отцу своему, Сатане, и стал говорить: «Сегодня его казнил, а завтра – нас, так промыслим о князе этом!» И задумали убийство в ночь, как Иуда на Господа.

Лишь настала ночь, прибежав и схвативши оружие, пошли на князя, как дикие звери, но, пока они шли к его спальне, пронзил их и страх, и трепет. И бежали с крыльца, спустясь в погреба, упились вином. Сатана возбуждал их в погребе и, служа им незримо, помогал укрепиться в том, что они обещали ему. И так, упившись вином, взошли они на крыльцо. Главарем же убийц был Петр, зять Кучки, Анбал, яс родом, ключник, да Яким, да Кучковичи – всего числом двадцать зловерных убийц, вошедших в греховный сговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла.

Когда, схватив оружие, как звери свирепые, приблизились они к спальне, где блаженный князь Андрей возлежал, позвал один, став у дверей: «Господин мой! Господин мой...» И князь отозвался: «Кто здесь?» – тот же сказал: «Прокопий...», но в сомненье князь произнес: «О, малый, ты не Прокопий!» Те же, подскочив к дверям и поняв, что здесь князь, начали бить в двери и силой выломали их. Блаженный же вскочил, хотел схватить меч, но не было тут меча, ибо в тот день взял его

Анбал-ключник, а был его меч мечом святого Бориса. И ворвались двое убийц, и набросились на него, и князь швырнул одного под себя, а другие, решив, что повержен князь, впотьмах поразили своего; но после, разглядев князя, схватились с ним, ибо он был силен. И рубили его мечами и саблями, и раны копьем ему нанесли, и воскликнул он: «О, горе вам, бесчестные, зачем уподобились вы Горясеру? Какое вам зло я нанес? Если кровь мою прольете на земле, пусть Бог отомстит вам за мой хлеб!» Бесчестные же эти, решив, что убили его окончательно, взяв раненого своего, понесли его вон и дрожа ушли. Князь же, внезапно выйдя за ними, начал рыгать и стонать от внутренней боли, пробираясь к крыльцу. Те же, услышав голос, воротились снова к нему. И пока они были там, сказал один: «Стоя там, я видел в окно князя, как шел он с крыльца вниз». И воскликнули все: «Ищите его!» – и бросились все взглянуть, нет ли князя там, где, убив его, бросили. И сказали: «Теперь мы погибли! Скорее ищите его!» И так, запалив свечи, отыскиали его по кровавому следу.

Князь же, увидев, что идут к нему, воздев руки к небу, обратился к Богу, говоря: «Если, Боже, в этом сужден мне конец – принимаю его. Хоть и много я согрешил, Господи, заповедей твоих не соблюдая, знаю, что милостив ты, когда видишь плачущего, и навстречу спешишь, направляя заблудшего». И, вздохнув от самого сердца, прослезился, и припомнил все беды Иова, и вникнул в душу свою, и сказал: «Господи, хоть при жизни и сотворил я много грехов и недобрых дел, но прости мне их все, удостой меня, грешного, Боже, конец мой принять, как святые его принимали, ибо такие страдания и различные смерти выпадали праведникам; и как святые пророки и апостолы с мучениками получили награду, за Господа кровь свою проливая; как и святые мученики и преподобные отцы горькие муки и разные смерти приняли, и сломлены были дьяволом, и очистились, как золото в горниле. Их же молитвами, Господи, к избранному тобой стаду с праведными овцами причти меня, ведь и святые благоверные властители пролили кровь, пострадав за народ свой, как и Господь наш Иисус Христос спас мир от соблазна дьявольского священной кровью своею». И,

так говоря, ободрялся, и вновь говорил: «Господи! взгляни на слабость мою и смотри на смирение мое, и злую мою печаль, и скорбь мою, охватившую ныне меня! Пусть, уповая, стерплю я все это. Благодарю тебя, Господи, что смирил ты душу мою и в царстве твоём сонаследником сделал меня! Вот и ныне, Господи, если кровь мою и прольют, то причти меня к лику святых твоих мучеников, Господи!»

И пока он так говорил и молился о грехах своих Богу, сидя за лестничным столбом, заговорщики долго искали его – и увидели сидящим подобно непорочному агнцу. И тут проклятые подскочили и прикончили его. Петр же отсек ему правую руку. А князь, на небо взглянув, сказал: «Господи, в руки тебе предаю душу мою» – и умер. Убит был с субботы в ночь, на рассвете, под утро уже воскресенья – день памяти двенадцати апостолов.

Проклятые же, возвращаясь оттуда, убили Прокопия, любимца его, оттуда прошли в палаты и забрали золото, дорогие камни и жемчуг, и всякие украшения, – все, что дорого было князю. И погрузив на лучших его лошадей, до света еще отослали себе по домам. А сами, схватив заветное княжье оружие, стали собирать воинов, говоря: «Ждать ли, пока пойдет на нас из Владимира дружина?» – и собрали отряд, и послали к Владимиру весть: «Не замышляете ли чего против нас? Хотим мы с вами уладить: ведь не только одни мы задумали так, и среди вас есть наши сообщники». И ответили владимирцы: «Кто ваш сообщник – тот пусть будет с вами, а нам без нужды» – и разошлись, и ринулись грабить: страшно глядеть!

Прибежал на княжий двор Кузьма-киевлянин: «Уже нету князя: убит!» И стал расспрашивать Кузьма: «Где убит господин?» – и ответили ему: «Вон лежит, выволочен в сад! Но не смей его брать, все мы решили бросить его собакам! Если же кто приступит к нему – тот враг нам, уьем и его!» И начал оплакивать князя Кузьма: «Господин мой! Как ты не распознал мерзких и бесчестных врагов своих, идущих тебя убить? И как это ты не сумел победить их, некогда побеждавший полки неверных болгар?» – и так оплакивал он князя. И подошел ключник Анбал, родом яс, управитель всего княжьего дома,

надо всеми власть ему дал князь. И сказал, взглянув на него, Кузьма: «Анбал, вражий сын! Дай хоть ковер или что-нибудь, чтобы постлать или чем накрыть господина нашего». И ответил Анбал: «Ступай прочь! Мы хотим бросить его собакам». И сказал Кузьма: «Ах, еретик! уже и собакам бросить! Да помнишь ли, жид, в каком ты платье пришел сюда? Теперь стоишь ты в бархате, а князь лежит наг, но прошу тебя честью: сбрось мне что-нибудь!» И сбросил тот ковер и плащ. И, обернув ими тело, понес Кузьма в церковь и сказал: «Отоприте мне церковь!» – и ответили: «Брось его тут, в притворе, что тебе за печаль!» – ибо все уже были пьяны. И подумал Кузьма: «Уже, господин, и холопы твои знать тебя не хотят; бывало, купец приходил из Царьграда иль из иной стороны, из Русской земли, и католик, и христианин, и язычник любой, и ты говорил: “Введите в церковь его и в палаты, пусть видят истинное христианство!” – и принимали крещение и болгары, и евреи, и любые язычники, увидев славу Божию и украшение церковное! И те скорее оплачут тебя, а эти и в церковь не дают положить!»

И так положил его в притворе, накрыв плащом, и лежало тут тело два дня и две ночи. На третий день пришел козьмодемьянский игумен Арсений и сказал: «Хотя мы и долго ждали старших игуменов, но долго ли этому князю лежать так? Отоприте мне церковь, отпою его и положим в гроб. А когда уляжется эта смута, то, придя из Владимира, перенесут туда князя». И пришли клирошане боголюбские, взявши тело его, в церковь внесли и вложили в каменный гроб, отпев над ним погребальные песни с игуменом Арсением вместе.

Жители же Боголюбова разграбили княжеский дом и строителей, которые сошлись на строительство зданий, – золото, и серебро, и одежды, и ткани, и добро, которому нет числа. И много случилось бед в его области: дома посадников и управителей пограбили, а самих их, и слуг, и стражей убили, дома их пограбили, не ведая сказанного: «Где закон – тут и обид много». Грабители приходили грабить и из деревень. Грабежи начались и в самом Владимире, пока не стал ходить Микула с образом святой Богородицы в ризах по городу – тогда пресеклись грабежи. Пишет апостол Павел: «Всякая душа

властям повинуются», ибо власти Богом поставлены; природой земной царь подобен любому человеку, но властью сана он выше – как Бог. Сказал великий Иоанн Златоуст: «Если кто противится власти – противится закону Божьему. Князь не напрасно носит меч – он ведь Божий слуга».

Мы же вернемся к прежнему.

На шестой день, в пятницу, сказали владимирцы игумену Феодулу и Луке, начальнику хора в храме святой Богородицы: «Приготовьте носилки, давайте поедem – возьмем князя и господина своего Андрея». А Микуле сказали: «Собери священников, все, облачась в ризы, выходите за Серебряные ворота с иконой святой Богородицы – тут князя дождешься». И сделал так Феодул, игумен храма святой Богородицы Владимирской, с клирошанами и с владимирцами поехали за князем в Боголюбovo и, взяв тело его, привезли во Владимир с честью и с плачем великим.

И так, через некое время, как только стало двигаться шествие из Боголюбова, народ не мог удержаться, но все вскричали, от слез же не могли и смотреть, а вопли их издалека было слышно. И начали все люди, рыдая, говорить: «Уже ведь не к Киеву, господин наш, ты поехал! В ту церковь Владимирскую над Золотыми воротами, которую сделать велел подобною той, что стоит на великом дворе Ярослава, сказав: «Построю церковь такой золотой же, как и ворота – пусть будет во славу всей моей родине!» И так плакал по нем весь город, и, тело его убрав, с почетом и пением, хвалящим Бога, положили его в дивной, достойной похвал, церкви святой Богородицы златоверхой, которую сам он создал.

Так вот князь Андрей при жизни не дал телу своему покоя и глазам своим сна – пока не обрел настоящего дома, прибежища всех христиан: Царица небесных собраний и Госпожа всей вселенной всякого человека разными путями ко спасенью приводит. Как учит апостол: «Кого любит Бог – того и наказывает, и наказывает всякого сына, какого приемлет; ибо коль наказанья претерпите – точно сыном становитесь Богу». Ибо Бог не поставил прекрасного солнца на месте одном, чтоб оттуда могло освещать всю вселенную, но устроил ему

восхожденье, зенит и заход. Точно так и слугу своего, князя Андрея,— не взял к себе напрасно, а дал ему подвигом душу спасти, кровью омыв прегрешенья свои, и с братьей своей, с Романом и с Давыдом, согласно к Богу пришел. И, в блаженство рая вселяясь безмолвно с ними, которых око не видит и ухо не слышит (сердцем нельзя осознать, что Бог приготовил для верных своих), те блага сподобившись видеть, вечно радуйся ты, Андрей, князь великий. Дерзай всемогущего, из богатейших богатого, на высоких престолах сидящего Бога просить, чтоб простил он братии твоих, победу им дал над врагами и мирное царство, правление почетное и многолетнее, во веки веков. Аминь.

* * *

В лѣто 6683. Убьень бысть великий князь Андрѣи Суждальский, сына Дюрдева, внукъ Володимеря Мономаха месяца июня въ 28-й день на канунъ святыхъ апостолъ. День бѣ тогда субота.

Создалъ же башеть собѣ городъ камень, именемъ Боголюбый, толь далече, якоже Вышегородъ от Киева, тако же и Боголюбый от Володимѣря.⁴⁸⁸ Сы благовѣрныи и христолюбивый князь Анѣдрѣи от млады верьсты Христа возлюбивъ и прѣчистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну душу украсивъ всими добрыми нравы, уподобися царю Соломану, яко домъ Господу Богу и церковь преславу святая Богородица Рождества⁴⁸⁹ посредѣ города камену создавъ Боголюбомъ и удиви ю паче всехъ церкви; подобна тоѣ Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ, тако и сии князь благовѣрныи Андрѣи и створи церковь сию и память собѣ и украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и камнемъ драгымъ, и жемчюгомъ великимъ безцѣннымъ, и устрои ѣ различными цятами и аспидными цатами украси и всякими узорочьи, удиви ю свѣтлостью же, нѣкако зрѣти, зане вся церкви баше золота. И украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣнными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея, и златомъ и финиптомъ, и всякою добродѣтелью, и церковнымъ строеньемъ украшена и

всякими сосуды церковными, и ерусалимъ златъ с каменъи драгими и рѣпидии многоцѣнными, канѣдѣлы различными *извну* церкви от верха и до долу, и по стѣнамъ, и по столпомъ ковано золотомъ, и двѣри же и ободвѣрье церкви златомъ же ковано. Бяшетъ же и сѣнь златом украшена от вѣрха и до Дѣисиса⁴⁹⁰ и всею добродѣтелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью!

Князь же Андрѣи бѣ городъ Володимѣрь *силно устроилъ*, к нему же ворота золотая доспѣ, а другая серебромъ учини, и доспѣ церковь камену сборъную святая Богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю от злата и сребра, и 5 вѣрховъ ея позолоти, двѣри же церковныя троѣ золотомъ устрои. Каменьемъ дорогымъ и жемчюгомъ украси ю многоцѣннымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и многими поникадѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь, а онѣбонѣ от злата и сребра устрои, а служебныхъ сѣсудѣ и рипиды и всего строенъя церковнаго златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ велми много, а трие ерусалимъ велми велиции, иже от злата чиста, от каменъя многоцѣнна устрои: и всими виды и устроеньемъ подобна быста удивлению Соломоновѣ Святая Святыхъ. И въ Боголюбомъ, и въ Володимѣрьѣ городѣ вѣрхъ бо златомъ устрои и комары позолоти и поясъ златомъ устрои, каменьемъ усвѣти, и столпъ позлати, и изовну церкви и по комаромъ же поткы золоты и кубъкы, и вѣтрила золотомъ устроена постави, и по всеи церкви и по комаромъ около.

Посемъ же иныи церкви многы камены постави различныѣ и монастырьѣ многи созда, на весь бо церковныи чинъ и на церковники отвѣръзлъ бяше Богъ сердечнѣ очи. Не помрачи ума своего пьянствомъ, и кормитель бяшетъ чернцемъ и черницамъ, и убогимъ, и всякому чину яко възлюбленый отецъ бяшетъ, паче же милостынею бяше милостивъ, слыша Господа глаголюща: «Аще створите братьи меньшии моѣи, то мнѣ створисте»,⁴⁹¹ и пакы Давидъ глаголетъ: «Блаженъ мужъ милуя и дая весь день, о Господѣ не поткнется». Мужество и умъ в нѣмъ живяше, правда же истина с нимъ ходяста. И иного добродѣянна много в нем бяше, и всякъ обычаи добронравенъ

имѣяшеть: в нощь въходяшеть в церковь и свищи въжигивашеть сам и, *видя* образъ Божии, на иконахъ написанъ, взирая, яко на самага творця; и вси святѣѣ написаны на иконахъ видя, смиряя образъ свои скрушеномъ сердцемъ и уздыханье от сердца износя, и слезы от очю испущая, покаянье Давидово приимая, плачася о грисѣхъ своихъ, възлюбивъ нетлѣнная паче тлѣнныхъ и небесная паче врѣмѣнныхъ и царство съ святыми у вседержителя Бога паче притекущаго сего царства земльного, и всею добродѣтелью бѣ украшенъ, вторыи мудрыи Соломонъ бяшеть же.

И сю добродѣтель имѣя: веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питие разнoличное болнымъ и нищимъ на потребу, и, видя всякого нища приходящаго к собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако, ѣда «се есть Христосъ пришедъ испытать мене», и тако приимаше всякого приходящаго к нему, яко же Христосъ заповѣда, рече: «Аще симъ меньшимъ створисте брати моеи, то мнѣ створисте», и то помняше слово в сердци всегда. Тѣмъ достойно от Бога побѣдныи вѣнѣць приялъ еси, княже Андрѣю, мужеству тѣзоимените братама благоумныма, святыма страсотерпцема⁴⁹² вѣслѣдовалъ еси, кровью умы вся страдания ти. Аще бо не напасть, то не вѣнѣць, аще ли не мука, то ни дарове: всякыи бо держася добродѣтели, не можетъ бо безо многихъ врагъ быти. Князь же Андрѣи, вражное убиство слышавъ напередъ до себе, духомъ разгореся божественнымъ, и ни во что же вмѣни, глаголя: «Господа Бога моего Вседержителя и Творца своего возлюблении людье на крестѣ пригвоздиша, глаголяще: “кровь его буди на насъ и на чадѣхъ нашихъ”; и пакы глаголющее слово усты святыхъ еуангелистъ: «Аще кто положить душу свою за другъ свои, можетъ мои ученикъ быти».⁴⁹³ Сеи же боголюбивии князь не за друга, но за самага Творца, создавшаго всячкая от небытия въ бытѣе, душу свою положи, тѣмъ в память убьенья твоего, страсотерпче княже Андрѣю, удивишася небеснии вои, видяще кровь, проливаему за Христа, рыдаетъ же множество правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя, омрачнымъ звѣзду свѣтоносну помрачаему; оканеныѣ же убицѣ огнемъ

крѣстятъся конѣчнымъ, и сожигаетъ всякого грѣха купину, рекъше дѣянъ. Ты же, страсотерпче, молися ко всемогущему Богу о племени своемъ, и о сродницѣхъ, и о землѣ Руськои дати миру миръ.

Мы же на преднее възвратимся.

Се же бысть въ пятницу на *обѣдни съвѣтъ* лукавыи пагубоубиистъвенныи. И бѣ у него Якимъ, слуга, възлюбленъ имъ. И слыша от некого, аже брата его князь велѣлъ казнить, и устрѣмися дѣяволимъ научениемъ и тече, вопия къ брати своеи, къ злымъ свѣтникомъ, якоже Июда къ жидомъ, тѣсняся угодити отцю своему Сотонѣ, и почаша молвити: «Днесъ того казнилъ, а насъ завтра, а промыслимы о князѣ семь». И свѣщаша убиство на ночь, якоже Июда на Господа.

И пришедъши нощи, они же устрѣмивъшеся, поймавъше оружья, поидоша на нь, яко звѣрье свѣрьпии, и идущимъ имъ к ложници его, и прия ѣ страхъ и трепеть. И бѣжаша съ сѣнии, шедше в медушу и пиша вино. Сотона же веселяшеть ѣ в медуши и, служа имъ невидимо, поспѣвая и крѣпя ѣ, яко же ся ему обѣщали бяхуть. И тако упившеся виномъ, поидоша на сѣни. Началникъ же убицамъ бысть Петръ, Кучьковъ зять, Анбалъ, ясинъ ключникъ,⁴⁹⁴ Якимъ, *Кучьковичи*, а всихъ невѣрныхъ убиць 20 числомъ, иже ся бяху спали на оканьныи съвѣтъ томъ дни у Петра у Кучкова зятя, постигъши бо ночи суботнии на память святую апостолу Петра и Павла.

Вземъше оружье, яко звѣрье дивии, пришедъшимъ имъ к ложници, идеже блаженныи князь Андрѣи лежить, и рече одинъ стоя у двѣри: «Господине, господине...» – и князь рече: «Кто есть?», и онъ же рече: «Прокопья», и рече князь: «О, паробъче, не Прокопья!» Они же, прискочивше къ двѣремъ, слышавше слово княже, и почаша бити въ двѣри и силою выломиша двѣри. Блаженныи же вскочи, хотѣ взяти мечъ, и не бѣ ту меча, бѣ бо томъ дни вынялы Амбалъ ключникъ, его то бо мечъ бѣшетъ святого Бориса. И вскочиша два оканья и ястася с нимъ, и князь повѣрже одного подъ ся и, мневше князя повѣржена и уязвиша и свои другъ, и по семь, познавша князя, и боряхуся с нимъ велми, бѣшетъ бо силенъ. И сѣкоша и мечи и саблями, и копиинья язвы даша ему, и рече имъ: «О, горе вамъ,

нечестивии, что уподобистесь Горясѣру?⁴⁹⁵ что вы зло учинихъ? Аще кровь мою прольете на землѣ, да Богъ отомститъ вы и мои хлѣбъ!» Си же нечестивии, мнѣвша его убиена до конца, и въземше друга своего и несоша вонъ, трепещущи отидоша. Онъ же в оторопѣ выскочивъ по нихъ, и начатъ ригати и глаголати, и въ болѣзни сердца иде подѣ сѣни. Они же, слышавше гласъ, возвратишася опять на нь. И стоящимъ имъ, и рече одинъ: «Стоя, видихъ *окномъ* князя идуща съ сѣнии доловъ». И рекоша: «Глядаите его!» – и текоша позоровати его, оже нетуть, идеже его отошли, убивше. И рекоша тотъ: «Есме погибохомъ! Вборзѣ ищите его!» И тако въжегъше свѣщи, налѣзоша и по крови.

Князь же, узрѣвъ я, идуща к собѣ, и въздѣвъ руцѣ на небо, помолися Богу, глаголя: «Аще, Господи, и в семь осужень конѣцъ, приимаю. Аще и много согрѣшихъ, Господи, заповѣди твоя не схранивъ, но вѣдѣвъ, яко милостивъ еси плачуща видиши и противу течеши, обращая блуднаго». И въздохнувъ из глубины сердечныя и прослѣзися, и помяну вся Иовова,⁴⁹⁶ и размышляше въ сердце своемъ, и рече: «Господи, аще во время живота моего мало и полно труда и злыхъ дѣлъ, но отпущение ми даруй и сподоби мя, Господи, недостойнаго прияти конѣцъ сѣи, якоже вси святии, тако и толики страсти и различныя смерти на правѣдники находилы суть и яко святии пророци и апостоли с мученики вѣнчашася, по Господѣ крови своя прольяха и яко и святии священномученици и приподобнии отци и горькыя муки различныя смерти прияша и съкрушени быша от дьявола, яко злато в горнилѣ, ихъ же молитвами, Господи, избраномъ твоємъ стадѣ съ десными овцами причти мя, и яко святии правовѣрнии цари прольяха крови, стражюще за люди своя, и ѣще же и Господь нашъ Иисусъ Христосъ искупи мира от прельсти дьяволя чѣстною кровью своею». И тако глаголя тѣшашеся, паки же глаголаше: «Господи, призри на немощь мою и вижь смиренье мое, и злую мою печаль, и скорбь мою, одержающую мя нынѣ! Да уповая терплю о всихъ сихъ. Благодарю тя, Господи, яко смирилъ еси душу мою, и в царствии твоємъ причастника мя створи! И се ныне, Господи,

аще и кровь и мою прольютъ, и причти мя въ лики святыхъ мученикъ твоихъ, Господи!»

И то ему глаголавшю и моливъшюся о грѣсѣхъ своихъ к Богу и сѣдящю ему за столпомъ вѣсходнымъ, и на долзѣ ищущимъ его, и узрѣша и сѣдяша, яко агня непорочно. И ту оканьни прискочиша и *прикончаша* его, Петрѣ же оття ему руку десную. Князь же възрѣвъ на небо и рече: «Господи, в руцѣ твои предаю тобѣ духъ мой» – и тако успе. Убьенъ же бысть в субботу на нощь, и о свѣте заутра в недѣлю, на память 12 апостолу.

Оканьнии же оттуда шедше, убиша Прокопья, милостьника его, и оттуда идоша на сѣни и выимаша золото и каменье дорогое, и жемчугъ, и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣния, и вѣскадаше на милостьныѣ конѣ, послаша до свѣта прочь. А сами, возьмѣше на ся оружья княже милостное, почаша совокупити дружину къ собѣ, рече: «Ци жда на насъ приѣдутъ дружина Володимирия?» – и скупѣша полкъ, и послаша къ Володимѣрю: «Ти что помышляете на насъ? А хотимъ ся с вами коньчати, не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же в тои же думѣ!» И рѣкоша володимѣрьци: «Да кто с вами в думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ» – и разиидошася, и вѣлегоша грабить, страшно зрѣти.

И тече на мѣсто Кузмище киянинъ: «Оли нѣтуть князя, убиенъ!» И почаша прошати Кузмище: «Кдѣ есть убить господинъ?» – и рекоша: «Лежить ти выволоченъ в огородъ, но не мози имати его! Тако ти молвять, вси хотимъ и выверечи псомъ! Оже ся кто приметъ по нь, тотъ нашъ есть ворожьбитъ и того убьемъ!» И нача плакати надъ нимъ Кузмище: «Господине мой! Како еси не очютилъ сквѣрныхъ и нечестивыхъ, пагубоубииственныхъ ворожьбитъ своихъ, идущихъ к тобѣ? Или како ся еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжая полкы поганыхъ болгаръ?»⁴⁹⁷ – и тако плакася и. И прииде Амбалъ ключникъ, ясинъ родомъ, тотъ бо ключъ держашеть у всего дому княжа и надо всими волю ему дал бѣшеть. И рече, възрѣвъ на нь, Кузмище: «Амбале, вороже! Сверзи коверъ ли, что ли, что постылати или чимъ покрыти господина нашего». И рече Амбалъ: «Иди прочь! Мы хотимъ выверечи псомъ». И рече Кузмище: «О еретиче! уже псомъ выверечи! Помнишь ли,

жидовине, въ которыхъ порътѣхъ пришелъ бѣшетъ? Ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ, но молю ти ся: свѣрзи ми что любо!» – и сверже коверъ и корзно. И, обѣртѣвъ и, и несе и в церковь, и рече: «Отмѣкнете ми церковь!» – и рекоша: «Порини и ту въ притворѣ, печаль ти имѣ!» – уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: «Уже тебе, господине, поробыци твои тебе не знаютъ; иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и от *иныхъ* странъ, изъ Русской земли, аче латининъ, и до всего христьянства, и до всеѣ погани, и рече: “*Въведѣте* и въ церковь и на *полаты*, да видятъ истинное христьянство!” – и крѣстятся и болгарѣ, и жидове, и вся погань, видивше славу Божию, и украшение церковное! И тѣ болма плачють по тобѣ, а сии ни въ церковь не велятъ въложити!»

И тако положивы и въ притворѣ у церкви, прикрывы и корзьномъ, и лежа ту 2 дни и ночи. На третій день приде Арьсѣнии, игуменъ⁴⁹⁸ святую Кузмы и Демьяна, и рече и: «Долго намъ зрѣвшимъ на старѣишиѣ игумени, и долго сему князю лежати? Отомѣкните ми церковь, да отпою надъ нимъ, вложимы и любо си буди в гробъ. Да коли престанетъ злоба си, да тогда, пришедъ из Володимеря, и понесуть и тамо». И пришедше клирошани боголюбьскыи, взявше и, внесоша и въ церковь и вложиша и въ гробъ камень, отпѣвше надъ нимъ погребальное со игуменомъ Арсеньемъ.

Горожанѣ же боголюбьци разграбиша домъ княжъ и дѣлатели, иже бяху пришли к дѣлу, – золото и серебро, порты и паволоки, имѣние, емуже не бѣ числа. И много зла створися въ волости его: посадниковъ и тивуновъ дома пограбиша, а самѣхъ и дѣтскиѣ его, и мечники избиша, а дома ихъ пограбиша, не вѣдуще глаголемаго: «Идежде законъ, ту и обидѣ много.»⁴⁹⁹ Грабители же и исъ селѣ приходяче грабяху. Тако же и Володимири, оли же почѣ ходити Микулица со святою Богородицею в ризахъ по городу, тожъ почаша не грабити. Пишетъ апостолъ Павелъ: «Всяка душа влаstemъ повинуется»,⁵⁰⁰ власти бо от Бога учинены суть; естествомъ бо царь земнымъ подобенъ есть всякому чловеку, властью же сана вышши, яко Богъ. Рече великий Златоустецъ: «Иже кто

противится власти, противится закону Божью. Князь же не туне носить мечъ, Божии и бо слуга есть».⁵⁰¹

Мы же на преднее възвратимся.

Въ 6 день, въ пятницу, рекоша володимѣрцѣ игумену Феодулови и Луцѣ дѣмествъянику святоѣ Богородицѣ: «Нарядита носилицѣ, ать поѣдомъ возмемъ князя, а господина своего Андрѣя». А Микулицѣ рекоша: «Събери попы, вси, оболоче в ризы, выидѣте жь передъ Серебрѣная ворота⁵⁰² съ святою Богородицею – ту князя дождеши». И створи тако Феодулъ, игумень святоѣ Богородицѣ Володимерьскои, съ крилошаны и с володимѣрцѣ ѣхаша по князь во Боголюбое и, взявше тѣло его, привезоша Володимѣрю со честию съ плачемъ великимъ.

И бысть по малѣ времени, поча выступати стягъ от Боголюбого, и людѣе не могоша ся ни мало удержати, но вси вопяхуть, от слезъ же не можаху прозрити, и вопль далече бѣше слышати. И поча весь народъ плача молвити: «Уже ли Киеву поѣха, господине! В ту церковь, тѣми Золотыми ворота, ихже дѣлатъ послалъ бѣше тои церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославлѣ, а река: «Хочю создати церковь таку же, ака же ворота си золота – да будетъ память всему отечеству моему!» И тако плакася по нѣмъ весь градъ и, спрятавше тѣло его, съ честию и с писньми благохвальными положиша его у чюдноѣ, хвалы *достойнои*, у святоѣ Богородицѣ златоверхой, юже бѣ самъ создалъ.

Се бо князь Андрѣи нѣ вда въ животѣ своѣмъ тѣлу своему покоя и очима своимъ дрѣманья – донелѣ же обрете домъ *истинныи*, прибежище всимъ христьяномъ: Царици небесныхъ чиновъ и Госпожи всея вселенныя всякого челоука и многими путями ко спасенью приводящи. Яко же апостолъ учить: «Его же любить Господь, того же и казнить, и бѣть же всякого сына, егоже приемлетъ; аще бо наказанья терпите, яко сыновъ вамъ обрѣтается Богъ».⁵⁰³ Не постави бо Богъ прѣкраснаго солнца на единомъ мѣстѣ, и доволѣюща и *оттуда* и всю вселеную освѣтѣща, но створи ему устокъ и полдне, и западъ. Тако и угодника своего, Андрѣя князя, не привелъ его к собѣ туне, а могущаго таковымъ жьтиемъ и тако душу спасти, но кровью

мученьскою умывся пригрѣшени своихъ, и со братама своима с Романомъ и съ Давидомъ⁵⁰⁴ единодушно ко Христу Богу притече. И въ раистии пищи водворяся неизреченью с нима, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце чловѣку възыиде, яже уготова Богъ любящимъ его, тѣхъ благъ сподобився видѣти, въ вѣки радуешися, Андрѣю княже великыи. Дерзновенье имѣя ко всемогущему и богатыхъ богатѣшему на высокихъ сѣдѣющему Богу молися помиловати братью свою, подасть имъ побѣду на противныѣ и мирную державу и царство честию и многолѣтно во вся вѣки вѣкомъ. Аминъ.

Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы

Подготовка текста, перевод и комментарии В. П. Гребенюка

Сказание «О чудесах пречистая Богородица Володимирьской иконы» – одно из произведений Владимиро-Суздальской Руси XII в., которое следует рассматривать в контексте начинаний Андрея Боголюбского, предпринятых для установления почитания Богоматери во Владимире: постройки соборов – Успенского, Рождества Богородицы, Покрова на Нерли, установление праздника Покрова пресвятой Богородицы. В рукописях указанному произведению предшествует, как правило, «Сказание о победе над волжскими болгарами» 1164 г., которое некоторые исследователи приписывают самому Андрею Боголюбскому, а другие рассматривают эти два произведения как одно целое. По стилю они существенно отличаются: «Сказание о победе над волжскими болгарами» более тесно связано с литературной традицией, книжным каноном, в нем присутствуют библейские параллели и реминисценции, тогда как «Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы» выделяется простым разговорным языком, диалоги героев выразительны, текст наполнен бытовыми реалиями XII века, а в описании чудес не наблюдается зависимости от литературного канона.

Создавалось «Сказание», несомненно, на основе записей клира Успенского собора (здесь не один раз упоминаются поп Микула, поп Нестор, поп Лазарь).

Инициатива создания «Сказания» исходила, вероятнее всего, от самого князя Андрея Боголюбского, видевшего в иконе Богоматери державную заступницу создаваемой им новой столицы Северо-Восточной Руси. Сам Андрей был свидетелем более половины чудес, записанных в сказании, а одно из них, носящее глубоко интимный характер (о переживаниях, связанных с болезнью его жены), несомненно, могло быть услышано и записано только от него самого. Трудно предположить, чтобы к моменту создания «Сказания» было уже

известно о победе над болгарами в 1164 г., происшедшей также при покровительстве Богоматери через ее икону, иначе это чудо, несомненно, попало бы в «Сказание». Однако «Сказание» заканчивается чудом о Золотых воротах, когда пали только что построенные Золотые ворота и придавили жителей Владимира, собравшихся посмотреть на их красоту. Постройкой Золотых ворот (1163 г.) и походом на болгар (1164 г.) определяется время создания «Сказания».

Начинается «Сказание» со сравнения иконы Богоматери с солнцем, обходящим и обогревающим всю Вселенную. Сравнение должно было показать, что милость Богоматери вместе с ее иконой переходит на новые земли, к новым людям. Замыслив идти на Север, Андрей начинает расспрашивать об иконах, потому что на новом месте ему нужна будет чтимая Заступница. Рассказ об иконе Вышеградского женского монастыря, которая трижды сходила с места, привлек его внимание. В православной традиции известно немало случаев, когда икона сама выбирала себе место, чудесно переносясь из Палестины в Константинополь, из Константинополя в Рим, а затем обратно в Константинополь. Сказания об этом получили особое распространение в период упрочения иконопочитания, особенно это коснулось икон Богоматери в Константинополе и на Афоне. В качестве примера можно привести историю Иверской иконы Богоматери на Афоне, которая, как гласит легенда, неоднократно сходила с места, пока монахи не догадались, что Богородица желает, чтобы ее икона стала Вратарницей, то есть была помещена в башню над воротами монастыря и служила ему защитой.

Андрей, по «Сказанию», не уносит икону из своего удельного княжества, а смиренно, на коленях перед иконой, просит Богородицу посетить «новопросвѣщенные люди» и быть ему заступницей в Ростовской земле. Совершившиеся во время пути чудеса: спасение завязшего в речном дне проводника, избавление попадьи от сбесившегося коня – должны показать читателю, что дело, предпринятое Андреем Боголюбским «безъ отнѣ волѣ», находится под покровительством Богоматери. Интерес представляют не только легендарно-политические

мотивы предпринятого пути на Север, но и сам реальный путь следования, о чем мы можем догадываться по тем реалиям, какие представлены в «Сказании». Князь Андрей, его сподвижники и клир Вышегородского храма, который нарочито выделен в «Сказании», направились во Владимир из Киева по Днепру, поднялись почти до его истоков, а отсюда направились к реке Вазузе и далее к верховью Москва-реки, чтобы мимо Москвы достигнуть реки Клязьмы, текущей к Владимиру. Этот довольно длинный путь, избранный князем, вероятно, из-за опасений погони отца, подтверждается реалиями, почерпнутыми из второго чуда, рассказывающего о спасении Микулиной попадьи. Здесь упоминаются Рогожские поля, которые находились на берегу Москва-реки у села Рогож. Любопытно и географическое распределение чудес, помещенных в «Сказании»: здесь описываются чудеса исцеления, происходившие не только с жителями Владимира и Владимиро-Суздальской земли, но и с жителями Муром, Твери (первое упоминание в письменности) и даже далекого Переяславля Русского. Совсем не случайным является то, что вместо традиционного абстрактного без времени и места начала рассказа здесь дается точная географическая привязка. Андрею Боголюбскому, стремившемуся превратить Владимир в политический, хозяйственный и духовный центр Северо-Восточной Руси, важно было зафиксировать тот факт, что слава о чудотворной иконе прошла по всей русской земле.

Икону не только славят все концы русской земли, но иконе шлют подарки. Эти благодарственные приношения иконе имеют под собой также древнюю православную традицию, идущую еще от Иоанна Дамаскина, преподнесшего в память чудесного исцеления своей обрубленной руки серебряный слепок кисти руки, прикрепленный к иконе Богородицы, получившей название Треручица. Этот обычай до сих пор широко распространен в Греции и на Афоне. На Руси он большого развития не получил. Уже в XVI в. в распространенной редакции «Сказания об иконе Владимирской Богородицы», которая включила в свой состав все чудеса из сказания XII в., эти эпизоды с приношением подарков иконе исключены.

Текст «Сказания» издается по рукописи последней четверти XV в. из собрания Егорова, *РНБ*, ф. 98, № 637, лл. 385 об.–390. Исправления внесены по рукописи XVI в. из собрания Егорова, *РНБ*, ф. 98, № 921, лл. 594–601, и рукописи XVI в. из собрания Московской Духовной Академии, *РНБ*, ф. 173, № 96, лл. 13–19.

* * *

О ЧУДЕСАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Как Бог сотворил солнце, не на одном месте поставил его сиять; в своем движении оно всю Вселенную лучами освещает, – так и этот образ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии не на одном месте чудеса и дары исцеления источает, но, обходя все страны, весь мир просвещает и от недугов различных избавляет.

Когда князь Андрей захотел княжить в Ростовской земле, то начал расспрашивать об иконах. Рассказали ему об иконе в Вышеграде в женском монастыре Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, которая трижды сходила с места. Впервые, когда вошли в церковь и увидели ее посреди церкви стоящую отдельно, то поставили ее на другое место; во второй раз видели ее, обратившуюся ликом к алтарю, и сказали, что в алтаре хочет стоять. Поставили ее за престолом. В третий раз видели ее отдельно стоявшую вне престола. И других чудес множество.

Услышав об этом, князь рад был, и пришел в церковь, и начал осматривать иконы. Увидев же сию икону, которая превзошла все образы, припал к земле, молился и говорил: «О Пресвятая Богородица, мать Христа Бога нашего, если хочешь мне заступницей быть в Ростовской земле, посети новопросвещенных людей, да будут все в твоей воле».

И тогда взял икону и поехал в Ростовскую землю, взял и причт с собою. На время пути прихватил с собой проводника и приехал к реке Вазузе, и, увидев, что она полноводна, приказал послать человека искать броду в реке. Когда тот въехал на коне в реку, то погрузился на дно. Князь же начал молиться иконе Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии: «Виноват буду в смерти его, Госпожа, если ты не спасешь!»

Горячо взмолился он, и случилось так, что тотчас появился посреди реки этот человек на коне с палкой в руке и выбрался на берег. Князь же, увидев его, обрадовался. И, одарив его, отпустил восвояси. И это было первое чудо Пресвятой Богородицы.

Чудо 2-е.

Когда князь был на Рогожских полях, жена попа Микулы ехала на повозке со своею снохою. Доехав до истока, сошли с повозки. А попадья Микулина была непраздна. Хотела она пройти мимо коня, и напал на коня бес. И сбросил повозника с себя и ногу ему сломал. И ударил попадью Микулину передними копытами. И запутались копыта в ее одежде, и он ее сильно покусал. Подумали даже, что она умерла, и сказали попу Микуле: «Попадья твоя умерла». Он же, обратившись к иконе Пресвятой Богородицы, сказал: «Госпожа Пречистая Владычица, если ты не избавишь ее от смерти, то будет она мертва». А конь выдернул копыта из одежды, убежал в лес, и запутался, и стал. Спросили ее об укусах коня, и ответила попадья, что: «По молитве Пресвятой Богородицы жива и здорова. Жаль мне только бахромы на накидке, изжеванной конем».

По приезде во Владимир, благородный князь Андрей создал церковь во имя Пресвятой Богородицы, украсив ее с подобающею честью. И поместил в ней чудотворную икону Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

Чудо 3-е.

Через некоторое время человек некий заболел горячкою. От болезни этой он онемел и рука его усохла. Оправившись от болезни, начал делать он знаки здоровой рукой. И подумали, что хочет ко святому Николе, потому что близко находилась церковь святого Николы. И привезли его ко святому Николе. И он дал знак рукой, чтобы ехали мимо церкви; и не поняли его. Он же сам направил лошадей в город ко святой Богородице. И прибыл в церковь святой Богородицы к заутрене. И стал в церкви святой Богородицы напротив алтаря, и в конце заутрени упал. И подумали, что упал он от тяжелой болезни; вынесли его в притвор, и лежал он здесь до обедни. Придя в себя, он

рассказал, что видел святую Богородицу, сошедшую с места к нему, и сказал: «Видел ее вблизи и упал, а больше не видел». А человек тот не был именит. И начали петь святую литургию. Он же вошел в церковь и начал молиться перед иконой Пречистой Богородицы и хотел поцеловать икону Пресвятой Госпожи Владычицы нашей Богородицы. И приложил к иконе больную руку. Владычица Святая Богородица своею рукою взяла его за руку. И это видели бывшие в церкви князь Андрей и поп Нестор и множество людей. И продолжалось сие от начала и до конца литургии. Поп Нестор созвал причт и повелел облачиться в ризы. Взяли кресты и трижды обошли церковь. Он же один сидел в церкви. Поп же сотворил праздник, позвал к себе князя и бояр, а исцелившегося одарили и отпустили. И была в тот день в городе Владимире великая радость.

Чудо 4-е.

Через некоторое время подоспел праздник Госпожин день. Князь же Андрей стоял в церкви на утрени и пел со всеми, а сердце у него болело, потому что княгиня его не могла разрешиться ребенком: дня два тяжело мучилась. По окончании службы он омыл водою икону Пресвятой Богородицы и ту воду послал княгине. Она же выпила этой воды и родила здоровое дитя, и сама стала сразу здоровою по молитвам святой Богородицы.

Чудо 5-е.

Некто по наущению дьявола сотворил волшебство с яйцом. А отрок, взяв его, съел. И был ему большой ячмень на глаза: изошло вроде облака из глаза его и вытекло на лицо. И сказали, что умрет отрок. Другие же сказали, что лишится глаза. И омыли водою икону Пресвятой Богородицы и принесли ему воду, помазали водою – и опал ячмень, и ушла болезнь, и стал здоров, и глаз его не повредился.

Чудо 6-е.

Некая жена в Муроме болела сердечною болезнью. И услышала об иконе святой Богородицы, от которой происходят чудеса. И послала причту к святой Богородице во Владимир украшения свои и попросила воды от иконы святой Богородицы.

И когда принесли воду, то выпила, и сразу выздоровела, и перестала чувствовать сердечную болезнь.

Чудо 7-е.

В Русском Переяславле в Славянине монастыре постриглась Мария, дочь Жидяслава. За добродетельную жизнь дали ей игуменство в монастыре, основанном ее дедом. И заболели у нее глаза, и она ослепла, и прислала попа к брату своему Борису. Борис же спросил его о своей сестре. И он отвечал: «Разболелись глаза ее, и она ослепла, и уже третье лето как водят ее». Борис же позвал попа по имени Лазарь и попросил его, чтобы принес ему воду от омовения иконы святой Богородицы. И поп пошел и принес воду. Борис же ту воду святую влил в сосудец, крепко закрыл его и послал в Русский Переяславль к своей сестре. Поп же, приехав, поведал ей о чудесах, происходящих от воды, взятой от святой иконы. Она же возрадовалась душою и сказала попу: «Когда принесешь мне той воды?» Поп же сказал, что у него есть вода. И она выпила воды и помазала глаза, и тот час прозрела, как бы и не болели у нее глаза. Вот такое было чудо великое от иконы святой Богородицы Владимирской.

Чудо 8-е.

А это было новое чудо святой Богородицы о женщине по имени Евфимия. Она семь лет болела сердечной болезнью и у многих искала исцеления и не обрела. И призвала попа Лазаря и говорит: «Чем бы помочь от сей болезни?» Поп же отвечал: «Если тебя не избавит святая Богородица, то не избавишься от сей болезни». Она же, услышав от него о чудесах, происходящих от воды, взятой от иконы пресвятой Богородицы, послала с попом к святой Богородице во Владимир серьги и золотые подвески, прося, чтобы принес ей пресвятой той воды. И когда принес он воду, то испила ее, и в тот же день исцелилась от болезни, начала есть и пить в сладость.

Чудо 9-е.

А это случилось в Твери. Некая жена не могла разрешиться ребенком три дня. Приехал поп Лазарь с еще одним попом и остановились у них. И спросили они священника о здоровье. Он же отвечал: «Здоровы, но не очень, боярыня наша при смерти».

Когда они разговаривали, то пришла просьба от нее: «Отцы придите». И сказала им: «Не стыжусь, потому что при смерти». Поп же Лазарь говорит ей: «Если не дашь обет святой Богородице Владимирской, то и не выздоровеешь». Она же обещала и говорит попам: «Выйдете отсюда». Повелела дать им есть и пить. И пришла от нее весть, что уже родила сына и сама здорова. И послала, как и обещала, золотые украшения и серьги свои иконе святой Богородицы во Владимир.

Чудо 10-е.

Благородный князь Андрей построил Золотые ворота к празднику святой Богородицы и сказал боярам: «Когда сойдутся люди на праздник, то врата увидят». Когда наступил праздник и сошелся народ к воротам, то тогда еще не высохла известь во вратах. И внезапно отвалились ворота от стен и упали на людей и завалило двенадцать человек. Когда об этом услышал князь Андрей, то начал с воздыханием молиться пред иконой пресвятой Богородицы: «Госпожа Пречистая Владычица, если ты не спасешь их, то я, грешный, буду повинен в их смерти». И послал боярина своего дать все потребное на погребение мертвых. Когда же боярин приехал и подняли ворота, то увидели всех, бывших под вратами, живыми и здоровыми. И это услышав, князь Андрей был рад. И, видевши сие чудо, народ дивился.

* * *

О ЧУДЕСЕХ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦА ВОЛОДИМИРЬСКОЙ ИКОНЫ

Яко бо солнце створи Богъ, не на едином мѣстѣ постави, егда свѣтитъ, обиходя всю вселеную, лучами освѣщаетъ, тако же и сии образ образ Пресвятыя Владычица наша Богородица Приснодевы Марія не на едином мѣстѣ чюдеса и дары исцеления истачаетъ, но обьходящи вся страны и мира просвѣщаетъ и от недугъ различныхъ избавляетъ.

Князю же Андрѣю хотящу княжити на Ростовскую землю,⁵⁰⁵ и нача бесѣдовати о иконахъ. Повѣдоша ему икону Вышѣгорода въ женскомъ монастыри Пресвятыя Владычица наша Богородица,⁵⁰⁶ яко 3-жды ступила с мѣста. 1-е внидоша въ церковь и видѣша ю средѣ церкви особѣ стоящую, и

поставиша ю на ином мѣстѣ. 2-е видиша ю, обратившюся къ олтаревѣ лицемъ, и ркоша, яко въ олтари хоцетъ стояти. Поставиша ю за трапезою.⁵⁰⁷ 3-е видѣша ю кромѣ трапезы особѣ стоящю. И иныхъ чудесъ множество.

Се слышавъ, князь радъ быть, и приде въ церковь и начать смотрити по иконамъ. Си же икона, яко прешла бѣ всѣхъ образовъ, видѣвъ ю, припаде на земли, моляся и глаголя: «О Пресвятая Богородице Мати Христа Бога нашего, аще хоцещи ми заступница быти на Ростовскую землю посѣти новопросвѣщенные люди, да въ твоей вся си воли будутъ».

И тогда вземъ икону поѣха на Ростовскую землю, поимъ и крилось со собою. Ёдущю же ему путемъ, поя собѣ проводника, и приѣха к рѣцѣ Возузѣ,⁵⁰⁸ и видѣвъ ю, наводнившюся, нужею посла человека въ рѣку пытать броду. И яко вниде в рѣку на кони и погрязе во дно. Князь же начать молитися ко иконѣ Пресвятыя Владычица нашеа Богородица и Приснодевици Марии, яко повиненъ есмь смерти его: «Госпоже, аще не ты избавиши». И се бысть намного молящюся ему, абие изиде среди рѣкѣ члѣкъ онъ⁵⁰⁹ на кони, и батог в руцѣ, и приѣха на брегъ. Князь же радъ бысть видѣвый. И одаривъ, отпусти восвояси. Се же бысть первое чудо Пресвятѣй Богородици.

Чудо 2-е.

Князю же сушу на Рогожскихъ поляхъ,⁵¹⁰ се же Микулиная попадья ѣха на колѣхъ съ снохою своею. Бывшими же има на истоцѣ, и соидоста с колѣ. Бѣ бо попадья Микулиная нетуня. Яко хотѣша минути конь, и нападе бѣсъ на конь. И зби повозника съ себе, и ногу ему изломи. И порази попадью Микулину передними ногами. И завертышася ему копыта в корѣтлѣ,⁵¹¹ и се на многъ часъ ядѣшеть ю. Мнѣша бо ю мертву сущю и възвѣстиша попу Микули, яко: «Попадья твоя мертва есть». Он же, възрѣвъ на икону Пресвятыя Богородица, и рече: «Госпоже Пречистая Владычице, аще ты не избавиши ея от смерти, се уже мертва есть». Конь же истеръ нозѣ ис корѣтля и бѣжа в лѣсъ и завивъся и ста. Въспросиша ю о яденѣи коня, и рече, яко сдрава есмь молитвами Пресвятыя Богородица, жал ми увисла же отлогъ,⁵¹² еже изѣде конь.

Приѣхав Володимеръ благородный князь Андрѣй и созда церковь во имя Пресвятыя Богородица,⁵¹³ украсивъ ю всякимъ благочестиемъ. И постави в ней чудотворную икону Пресвятѣй Владичици нашей Богородици.

Чюдо третье.

По преходи же нѣколика времени человек нѣкто болѣ огненою болезнию. В той же болѣзни онѣми, и рука ему уше. Въстав же от болезни, начать помавати рукою здоровою. Мняхуть, бо яко хочеть ко святому Николѣ, бѣ бо близъ ту святѣй Никола церковь.⁵¹⁴ И привезоша ко святому Николи. И помаваше мимо церковь, и не уразумѣша. Онъ же самъ правяше собѣ въ градъ къ Святѣй Богородици. И приде въ церковь Святыя Богородица на завѣтренюю. И ставъ въ церкви Святыя Богородица противъ олтаря и на конецъ завѣтренни паде. И мнѣша, яко лихою болестью палъся естъ, извлекоша и въ притворъ,⁵¹⁵ и ту лежащю ему до обѣдни. И въставъ начать сказывати, како видѣ Святую Богородицю, идущю къ собѣ со мѣста, и рече: «видих ю близ себе и падохъ, и пакы не видѣхъ». А бѣ бо не знакомить человекъ той. И начаша литургию святую пѣти. Он же вниде въ церковь и нача молитися ко иконѣ Пресвятыи Богородица и яко хотѣ целовати икону Пресвятѣй Госпожи Владычици нашей Богородици. И стяжа ко иконѣ руку болную. Госпожа же Богородица Святая рукою своею яты и за руку его. Князю сущю Андрѣю и попу Нестеру и множеству людемъ видящимъ въ церкви. Се же бысть от начала и до конца литургия. Нестеръ же попъ съзва клирос и повелѣ облачитися в ризы имъ. Вземше же кресты обоидоша трижды церковь. Он же сѣдѣше въ церкви простъ. Попъ же сътвори праздникъ позва к себѣ князя и бояре и исцелившаго одаривше и пустиша. И бысть радость велика въ градѣ Володимерѣ того дни.

Чюдо 4-е.

По нѣколицѣх же временехъ пришедшу празднику Госпожину дѣни,⁵¹⁶ князь же Андрѣй на канонѣ стояше въ церквѣ пѣнья лики сътворяя, а срдцемъ боляше, бѣ бо княгини его боляши дѣтиною болѣзнию: два дни напрасно болящи. Яко по канонѣ бысть омывше водою икону Пресвятыя Богородица,⁵¹⁷

посла къ княгинѣ. Она же вкуси воды тоя и роди дѣтя здорово, и сама бысть здрава томъ часѣ молитвами Святыа Богородица.

Чюдо 5-е.

Нѣкий диаволимъ научениемъ створше чародѣйства въ яйцѣ. И отроча, вземъ, изъѣде. И бысть ему изметъ золь на очеси его: изиде яко облакъ изъ ока его и леже на лицѣ, и глаголахуть же, яко умрет отроча. Овии глаголаху, яко око не будет. И омывше водою икону Пресвятѣй Богородици, принесоша ему, якоже помазаша и водою, и провалися изиде от него болѣзнь, и бысть здоровъ, и око его цѣло бысть.

Чюдо 6-е.

Боляшеть нѣкая жена в Муромѣ срдчною болѣзнию, и слышавши от Святѣй Богородици бываемая чюдеса. И посла въ Володимир кузнь свою къ Святѣй Богородици въ клиросъ и воды взяти отъ Святыа Богородица иконы. И яко принесоша воду, вѣкусивши, и бысть здрава, и нача нечюти сердечныя болѣзни.

Чюдо 7-е.

В Рускомъ Переяславлѣ въ Славятинѣ манастири Жидяславля дщи именемъ Мариа⁵¹⁸ пострижесе. За добродѣтельное ея житие даша ей игуменьство въ своего ея дѣда манастири. И разболѣвшись очною болѣзнию и ослѣпе, и присла попа къ брату своему Борису. Борисъ же въпроси и о сестре своей. И онъ рече: «Разболѣвшись очною болѣзнию и ослѣпе, и тако водять ю се третее лѣто». Борисъ же, призвавъ попа именемъ Лазаря, моли и, да ми принесеши воду, омыв икону Святыа Богородица. И попъ шедъ, и принесе воду. Борисъ же, воду ту святую вливъ въ вощаницю⁵¹⁹ и запечатавъ, посла и в Рускый Переяславль къ сестрѣ своей. Попъ же, приѣхавъ, повѣдаше ей бываемая чюдеса отъ святыа иконы водою. Она же радовашесе душею и рече попови: «Кое ми принесеши воды тоя». Попъ же повѣда ей у себе воду. Она же вкуси воды тоя и очи помаза, томъ часѣ прозрѣ, яко неболѣвши очима. Се же бысть Святѣй Богородици велие чюдо Володимерской.

Чюдо 8-е.

Се же бысть ново чюдо Святѣй Богородици о женѣ именемъ Еуфимии. Болѣвши ей срдчною болѣзнию 7 летъ и отъ многъ

искавши ей исцѣления и не обрѣте. И призва попа Лазаря и рече: «Имъ бы помощи болѣзни сей». Попъ рече: «аще ты не избавить Святая Богородица, то не избудешь болѣзни сея». Она же, слышавши от него бываемая чюдеса водою от иконы Пресвятыя Богородица, и посла усирязи же и рясы златыя къ святѣй Богородици въ Володимирь⁵²⁰ с попомъ, глаголя, да ми принесетъ пресвятыя воды тоа. И яко принесе и воду и пит ю, того дни исцѣли от болѣзни, начать ясти и пити въ сладость.

Чюдо 9-е.

А се бысть въ Тфѣри. Нѣкаа жена боляшетъ дѣтятем три дни. И приѣха поп Лазарь и навита у них. Она же въспроси попа о здравьи.⁵²¹ Он же рече: «Здравы есме нъ не велми, боярыни наша в концинѣ есть». Се же глаголющима, прииде вѣсть от нея: «О, отца, поидита». И рече има: «Не при срамѣ есть, понеже смертна есмь». Попъ же Лазарь рече ей: «Аще не обѣщаешися Святѣй Богородици Володимерьской, и не избудеши». Она же обѣщася и рече попомъ: «Идите отсюду». Повелѣ дати има ясти и пити. Прииде де вѣсть от нея, яко уже родила бѣ сына и сама здрава. И посла златыя косы⁵²² и усерязи свои къ иконѣ Святыя Богородица в Володимирь, имиже обѣщалася бѣ.

Чюдо 10-е.

Князь благородный Андрѣй създа Златая врата къ празднику Святыя Богородица,⁵²³ глаголя къ бояром: «Егда снидутся людие на праздникъ и врата узрятъ». Бывшу же празднику, и снидеся народъ къ вратом, бѣ бо еще не суха извистъ въ вратѣх. Абие же вънезапу истрѣгшися от стѣнъ врата, и падоша на люди, и покрыша 12 мужа. Се же слышавъ, князь Андрѣй начать съ въздыханием молитися къ иконѣ Пресвятѣй Богородици: «Госпоже Пречистыя Владычице, аще сих ты не избавиши, азъ бо грѣшный повиненъ быхъ смерти сихъ». И посла боярина своего дати все на потребу мертвымъ. Он же приѣхавъ, и взяша врата, и видиша всѣх сущих под враты живых и здоровыхъ. И, се слышавъ, князь Андрѣй рад бысть. И, се чюдо видѣвше, народъ чюдишася.

Слово о князьях

Подготовка текста Т. В. Рождественской, перевод и комментарии И. П. Еремина

Комментарии составлены И. П. Ереминым. См.: Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., ГИХЛ, 1957, с. 330–333. В комментарии внесены отдельные изменения в соответствии с принципами данного издания.

«Слово о князьях» – литературный памятник второй половины XII века. В рукописях «Слово» иногда называется и так: «Похвала и мучение святых мученик Бориса и Глеба», «Слово похвальное на пренесение мощей святых страстотерпец Бориса и Глеба, да и прочии не враждуют на братию свою».

«Слово» действительно приурочено ко дню церковной памяти князей Бориса и Глеба (2 мая) и представляет собою «торжественную» проповедь в честь и похвалу этих очень почитаемых на Руси святых.

В центре внимания автора, однако, не Борис и Глеб, вероломно убитые родным братом Святополком Окаянным, не прошлое, а современность. Церковный праздник явился для автора только поводом, чтобы начать речь о злобе дня.

Основная тема «Слова» – современные княжеские усобицы, княжеские братоубийственные войны, раздирающие единство Русской земли. Автора глубоко печалит тот факт, что князья постоянно нарушают ими же установленный порядок, по которому младшие князья подчиняются старшим в роде, а старшие строго выполняют свои обязанности по отношению к своим вассалам – младшим князьям. В нарушении этого порядка, освященного именами Бориса и Глеба (О политическом содержании культа Бориса и Глеба в Древней Руси см.: *Лихачев Д. С.* Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI–XIII вв. – ТОДРЛ, т. X. М. – Л., 1954, с. 87–90), автор усматривает основную причину всех современных ему неурядиц на Руси. Он обращается к князьям с горькими упреками. Младшие князья даже малой обиды не хотят стерпеть от старшего: тотчас же начинают войну

«смертоносную» и даже накликают на Русь половцев, рассчитывая с их помощью расправиться с «братией».

Автор «Слова» призывает князей одуматься, не враждовать между собою, не пользоваться услугами иноземцев в своих корыстных расчетах, вспомнить свое «величество» и свою «честь» – славное прошлое своего рода и то высокое место, какое занимают они как самим Богом поставленные правители Русской земли.

Желая указать князьям на пример, достойный всяческого подражания, он рассказывает «притчу» о покойном князе черниговском Давыде Святославиче. В изображении автора «Слова» Давыд Святославич (ум. в 1123 г.) – высокий образец идеального князя-правителя. В «великой тишине» княжил он в Чернигове. Старший в роде, он никогда не обижал младших князей, ни с кем не враждовал, всегда крепко держал раз данное слово. За его праведность и миролюбие Бог его и наградил, как не награждал и святых. В доказательство этого последнего утверждения автор напоминает князьям чудесные обстоятельства кончины Давыда Святославича – не лишенную поэзии легенду о его смерти.

Для тех, кому нарисованный им высокий идеал показался бы хорошим, но не осуществимым в практике повседневной жизни, автор «Слова» счел полезным дать особое разъяснение: чтобы творить добрые дела, жить в мире и любви, совсем не обязательно от всего отрешиться; «заповедь Господню» исполнить можно и в миру, владея «домом», с женою и детьми. Только невежи могут думать, что добро – удел отшельников. Зло ничем не может быть оправдано.

Небольшое по объему «Слово» написано в лучших традициях избранного автором жанра. В композиционном отношении оно построено очень четко; обрамляется вступлением и заключением, «высокая» риторика которых подчеркивает важность и серьезность темы. Большое место в «Слове» занимают повествовательные эпизоды, обнаруживающие руку искусного мастера краткого рассказа.

В научной литературе высказывалось предположение, что «Слово» было написано в 1175 году по поводу конфликта между

черниговским князем Святославом Всеволодичем и его двоюродным братом князем новгород-северским Олегом Святославичем (Голубовский П. Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате. – Древности. Труды Археографической комиссии имп. Московского Археологического общества, т. I, вып. 3. М., 1899, стлб. 491–510). Так это или не так, сказать трудно: в тексте «Слова» нет указания на конкретные имена. Не исключена возможность, что «Слово» обобщает факты – имеет в виду не какой-либо один определенный эпизод из истории феодальных войн XII века, а многие.

В той своей части, где автором сурово осуждаются княжеские усобицы, «Слово о князьях» перекликается по содержанию со «Словом о полку Игореве».

Перевод «Слова о князьях» сделан по тексту, изданному Х. М. Лопаревым по рукописи XV в., РНБ, собр. Погодина, № 1024 («Слово похвальное на пренесение мощей святых Бориса и Глеба»). Неизданный памятник литературы XII века. Сообщение Х. Лопарева. – Памятники древней письменности, т. ХCVIII, 1894, с. 15–18). Отсутствующее в этом списке вступление, восполненное И. П. Ереминым по другим спискам «Слова», изданным Х. М. Лопаревым, опускается. В перевод, сделанный И. П. Ереминым, внесены некоторые уточнения.

* * *

НЕДЕЛЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ ПОСЛЕ ДНЯ ВСЕХ СВЯТЫХ СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

Одумайтесь, князья, вы, что старшей братии своей противитесь, рать воздвигаете и поганых на братью свою призываете, – пока не обличил вас Бог на Страшном своем суде! Как святые Борис и Глеб претерпели от брата своего старшего не только лишение власти, но и смерть. Вы же и слова единого от брата старшего стерпеть не можете, за малую обиду вражду смертоносную воздвигаете, помощь от поганых принимаете на свою братию. Некогда израильтяне, рати ожидая халдейской на Иерусалим, послали в Египет к фараону просить помощи, чтобы халдеи не попленили Иерусалима. Тогда Бог послал пророка к израильтянам и велел сказать им: «За то, что

вы не уповали на Бога, создавшего вас, но всю надежду возложили на египтян, – халдеев я от вас отведу, но в плен будете взяты египтянами: от тех, на кого уповаете, и погибнете». Так и было. Павел-апостол спрашивает: «Разве нет среди вас, братья, ни одного верного, кто мог бы рассудить вас, что идете вы на суд перед неверными?» А евангелист Иоанн говорит: «Кто скажет, что Бога любит, а брата своего ненавидит, – лжец тот». И сам Господь сказал: «О том, что вы мои ученики, узнают все, если любовь иметь между собою будете». Познайте, князья, свое величество и честь свою. Князя деда имеете святого Владимира, который к Богу привел тысячи тысяч и тьмы тем душ праведных! Вспомните и о том, каких братьев имеете – великих чудотворцев Бориса и Глеба! Им подражайте и следуйте, их примером научитесь! Когда Сатана посеет вражду между братьями, помяните этих святых, – как предпочли они лучше смерть принять, чем держать вражду против брата. Кто из вас обиду стерпит и первый мира будет искать, тот равную с ними награду от Бога получит. Еще скажу вам притчу о том, что не в чужой земле приключилось. Давыд Святославич, сын Святослава Ярославича, брат святых Бориса и Глеба, – Давыд этот ни к кому не имел вражды. Когда кто рать на него воздвигал, он рать ту покорностью своей умирал. Княжил в Чернигове он, в большом княжении, ибо старший был меж братии своей. Если кто кривду какую ему чинил из братьев, он вину на себя перелагал. Когда крест кому целовал, крепко держал слово. Когда кто нарушал целованье крестное, он и тогда клятвы не преступал, никого не обижал и зла не творил. Братья, видя такое его беззлобие, слушались его, как отца, и покорялись ему, как господину своему. В великой тишине княжил он. Когда же порешил Бог взять душу его от тела, епископ Феоктист, видя, что князь – недолго он болел – уже преставиться хочет, повелел петь канон кресту, – и вдруг верх терема расселся, и ужаснулись все. Влетел в терем голубь белый, сел князю на грудь. И князь испустил душу, голубь невидим стал. А терем наполнился благоуханием. И после вечерни понесли князя в святой Спас. Появилась звезда и стала над крестом. Когда перенесли князя в построенную им

церковь Бориса и Глеба, – звезда перешла от Спаса к церкви мучеников святых. Отпел епископ князя, а гроб ему еще не был готов. Сказал тогда епископ: «Уже солнце заходит, – завтра похороним его». Услышав эти слова, сидящие у князя вышли и, назад вернувшись в церковь, поведали епископу: «Солнце не заходит, но во одном месте стоит». Подивился епископ и восхвалил Бога. Когда камень сровняли и положили князя в гроб, – тогда солнце зашло.

Видите, дети мои, как Бог и здесь, на земле, прославляет угодников своих, исполняющих повеления его. Такие чудеса творил он: ангел Божий в образе голубином явился, терем благоуханием от тела наполнился, явилась звезда, с небес пришедшая, и над телом стала, солнце повелением Владыки нашего зайти не посмело, пока не положено было тело святое во гроб. Какую славу получит он на небесах!

Может, кто скажет, что князь Давыд жены не имел? Но он и детей имел. Блаженный Никола Святоша был сын его, и еще два сына было у него. Или скажет кто, что дома не имел он, потому заповедь Господню и исполнил? Не раз слышал я, как невежи некие говорят: «С женою-де и с детьми своими спастись невозможно». Этот князь не один дом имел, а много – всей земли Черниговской был он князем. А заповедь Господню исполнил, в своей жизни земной ни с кем никогда не враждовал он. Постыдитесь же вы, враждующие с братией своей, с единоверцами своими! Вострепещите, восплачьте пред Богом, – Бог отымет славу за единое злопамятство! Да поможет вам Бог и да не отпадете вы, все это слышавшие, от славы, уготованной тем святым братьям, день убиения которых мы нынче поминаем и чудеса которых явны очам нашим. Прославим же их, возвеличим и воспоем хвалу им. Приди, Давид песнотворец, и воспой: «Радуйтесь, праведные, о Господе!» Скажи, Соломон: «Праведные живут вечно, и в Господе награда их». А вот и сам Господь прославляет святых этих, говоря: «Праведники просветятся, как солнце, во славе отца своего. Где же я буду, там и они будут со мною». Где Христос с Отцом на престоле, там и эти святые с архангелами непрестанно поют у престола

песнь ангельскую: «Свят Отец, свят Сын и пресвятой Дух во едином Божестве, всегда и во веки бесконечные!»

* * *

НЕДЕЛЯ 18 ПО ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ СЛОВО О КНЯЗЬЯХЪ

Слышите князи противящися старѣишей братьи и рать въздвижуще и поганя на свою братию возводяще, не обличилъ ти есть Богъ на Страшнѣмъ Судищи. Како святыи Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятие власти но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь приемлете от поганыхъ на свою братию. Нѣколи чающимъ израильтяномъ рати халдѣискыя на Иерусалимъ, послаша къ фараону Егупеть, помощи просяще, да быша халдѣи не плѣнили Иерусалима. Богъ посла пророка к ызраильтяномъ глаголя: «Понеже не уповасте на Бога създавшего вы, но надежу всю возложивше на егуптяны, халдѣя же отвожду от васъ но от егуптянъ плѣнени будете, на них же уповасте, от тѣхъ погыбнути вы велю», якоже и бысть. Апостолу Павлу глаголющу: «Братия, тако ли не имате вѣры межю собою, и могуща вы родити яко пред невѣрныя грядете на судъ собѣ». И еуангелисту Иоанну глаголющу: «Аще кто глаголитъ, яко Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть». Сам же Господь рече: «О семъ знаютъ вси яко мои есте ученици, аще любовь имате междю собою», познаите князи свое величество и свою честь. Князя дѣда имать святаго Володимера, приведѣше къ Богу тысяща тысящами и тьмы тьмами душъ праведных. Каку братию имате сиа великыя чудотворца Бориса и Глѣба. Сима поревнуите, сею образ имѣите, сима накажетесь. Аще ли Сотона коли вражду ввержетъ между братьею, да помянетъ сею святою како смерть улюбита паче прияти, нежели вражду удержати. И то кто претерѣпитъ и миръ преже начнетъ, то сима от Бога равну мѣзду прииметь. Скажу же вы притчу о семъ, не в чюже странѣ бывшую. Давидъ Святославичъ а Святославъ Ярославичъ святаго Бориса и Глѣба братъ, тотъ Давидъ ни с кѣмъ не имѣаше вражды. Аще кто на нь рать въздвигнетъ, он же покорениемъ своимъ рать уставляше, княжаше в Черниговѣ въ

большемъ княженъи, понеже бо старии братьи своеи.⁵²⁴ Аще кто кривду створяше к нему от братьи, он же все на собѣ притираше. Кому ли крѣсть цѣловаше, въ весь животъ свои не ступаше. Аще кто къ нему не исправляше цѣлованиа, он же одинако исправляше, никого приобидѣ ни зла створи. Братья же его видяще тако суца, вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину. Въ велицѣ тишинѣ бысть княжение его. Егда же изволи Богъ пояти душу его от тѣла и болѣвшу ему недолго, позна епископъ Фектистъ,⁵²⁵ яко уже князь преставитися хочеть, повѣлѣ пѣти канунъ⁵²⁶ крѣсту, единою рассѣдися верхъ теремцю, и вси ужасошася. И влетѣ голубъ бѣлѣ, и сѣде ему на грудехъ. И князь душу испусти, голубъ же невидимъ бысть. И наполнися храмъ благыа воня. И несоша князя въ Спасъ святыи⁵²⁷ долго по вечернѣ. Пришедши звѣзда ста над крѣстомъ. Оттолѣ несоша и въ церковь Бориса и Глѣба⁵²⁸ сзданую от него, звѣзда же от Спаса преступи над мученическую церковь. Пѣвшу епископу над княземъ гробъ недокончянъ бысть. Епископу рекшу: «Се уже солнце заходитъ, завтра похоронимъ и». Всѣмъ сѣдящимъ над княземъ, шедъше въ церковь повѣдаша епископу: «Солнце не заходитъ но во единомъ мѣстѣ стоитъ». Епископъ же удивився и похвали Бога. Дѣндеже камень сровнаша и князя вложиша въ грабъ, тогда солнце заидеть.

Разумѣите чядо, како Богъ прославялетъ своа угодники и ходящая в повелѣннихъ его и сдѣ таковыми чудесы: аггелъ явися въ голубинѣ образѣ, благоухание от тѣла, явися звѣзда с небеси пришедши, над тѣломъ ста, солнце зайти не смѣаше повелѣниемъ Владычнимъ, Дѣндеже въ гробъ тѣло святое вложено бысть. Каку славу приемлетъ на небеси!

Речеть ли кто, яко жены нѣ имѣ, но и дѣти имѣаше. Преподобный Никола Святоша⁵²⁹ его сынъ бѣ и ина два сына.⁵³⁰ Или речеть кто, яко дому не имѣ, того ради заповѣдь Господню исправити возможе? Многажды бо слышахъ нѣкыя невѣгласы глаголюща: «Съ женою и съ чяды своими не можемъ спастися». Се бо князь не единъ домъ имѣаше но многи, князь всеи земли Черниговьской. Завовѣдь Владычню исправи в семъ животѣ своемъ, ни с кѣмъ вражды имѣ. Постыдитесь

враждующи на братию свою и на единовѣрники своя. Въстрепещете, въсплачете пред Богом паки славы отпадаете за едино злопомнение. Но не даи же вы Господь, се слышавшимъ отпасти славы с сима страстотерпцема, ею же днесъ убиения празднуемъ, ею же чюдеса предъ очима вашима предлежитъ. Сею прославимъ и сею възвеличимъ, сима въспоимъ. Приди, Давиде, и рци: «Радуитесь, праведнии о Господѣ». Воспой, Соломане: «Праведници въ вѣкы живутъ и от Гсопода мѣзда ихъ». Се бо сам Богъ прославляетъ сею святою, глаголя: «Праведници просвѣтятся яко солнце въ славѣ отца ихъ. Идѣ же буду азъ, и ти будутъ съ мною». Гдѣ Христосъ съ Отцемъ на престолѣ и си святая у престола съ архагелы безъ престани поють пѣснь аггельскую: «Святъ Отец, святъ Сынъ и пресвятой Духъ въ единомъ Божествѣ въ бесконечныя вѣкы».

Летописные повести о походе князя Игоря

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова
ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Публикуемый фрагмент из южнорусского летописного свода конца XII века повествует о событиях, предшествовавших походу на половцев князя Игоря Святославича в 1185 году, и о самом походе. Летописный рассказ отличается особой обстоятельностью и чертами несомненной литературной обработки. Исследователи обратили внимание на сходство летописной повести о походе Игоря со «Словом о полку Игореве» – на сюжетные и текстуальные параллели.

Текст публикуется по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, по рукописи БАН № 16.4.4, первой четверти XV века. Слова, исправленные по другим спискам этой летописи (а в двух случаях по смыслу: в летописи написано «половци» вместо «полци»), выделены курсивом.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Из Лаврентьевской летописи публикуется фрагмент, в котором повествуется о походе русских князей на половцев в 1184 году и о походе Игоря Святославича в 1185 году (в этой летописи годовая сетка ошибочно сдвинута на год и о событиях рассказано соответственно в статьях 1185 и 1186 годов). Изложение здесь не только значительно короче, чем в Киевском летописном своде (в составе Ипатьевской летописи), но в ряде случаев, видимо, не точно фактически: едва ли достоверны упоминание о встрече Игоря с другими участниками похода у Переяславля-Южного, сведения о том, что Игорь взял с собой в поход двух сыновей – Владимира и малолетнего Олега, рассказ о том, как после победы над половцами Игорь три дня «веселился» на захваченных вежах, и т. д. Тем не менее этот рассказ интересен, так как отражает ту версию событий, которая вошла в большинство русских летописей последующего времени.

Текст публикуется по Лаврентьевскому списку 1377 года (РНБ, шифр F. п., № 2). Рукопись была изготовлена по заказу

суздальского и нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича; один из переписчиков и, вероятно, организатор этой работы – монах Лаврентий – завершил текст своей припиской. По его имени летопись и именуется Лаврентьевской. Оригинал для переписки послужил Тверской летописный свод 1305 года.

Исправленные слова в публикуемом тексте выделены курсивом. Ошибочно повторенные или излишние (то есть искажающие строй фразы) слова опущены; такие пропуски обозначены многоточием.

* * *

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В год 6691 (1183). Месяца февраля в двадцать третий день, в первую неделю поста, измаилтяне, безбожные половцы, пришли войной на Русь, к Дмитрову, с окаянным Колчаком и с Глебом Тириевичем, но по Божьему заступничеству не принесли они беды. Князь же Святослав Всеволодич посоветовался со сватом своим Рюриком, и пошли они против половцев и остановились у Олжич, поджидая Ярослава из Чернигова. Встретил их Ярослав и сказал им: «Сейчас, братья, не ходите, но, сговорившись о времени, если Бог даст, пойдем на них летом». Святослав же и Рюрик, послушавшись его, возвратились. Святослав послал сыновей своих с полками своими степью к Игорю, велев ему ехать вместо себя, Рюрик же послал со своими полками Владимира Глебовича. А Владимир Глебович послал к Игорю, испрашивая у него разрешения выйти вперед со своим полком, ибо князья русские поручали ему передовые полки в Русской земле. Но Игорь не разрешил ему этого. Разгневался Владимир и возвратился. И идя оттуда, напал на города северские и захватил в них большую добычу. Игорь же повернул назад киевские полки и поставил над ними Олега и племянника своего Святослава, чтобы довели они войско без потерь, а сам поехал, взяв с собой брата своего Всеволода и Всеволода Святославича, и Андрея с Романом, и некоторое число воинов из черных клобуков с Кулдюрем и с Кунтувдеем, и пришли они к реке Хоролу. И было в ту ночь тепло, шел сильный дождь, и поднялась вода, и не удалось им

найти брода, а половцы, которые успели переправиться со своими шатрами – те спаслись, а какие не успели – тех взяли в плен; говорили, что во время этого похода и бегства их от русских немало шатров, и коней, и скота утонуло в реке Хороле.

...

В том же году побудил Бог Святослава, князя киевского, и великого князя Рюрика Ростиславича пойти войной на половцев. И послали они к соседним князьям, и собрались к ним Мстислав и Глеб Святославичи, и Владимир Глебович из Переяславля, Всеволод Ярославич из Лучьска с братом Мстиславом, Мстислав Романович, Изяслав Давидович и Мстислав Городенский, Ярослав, князь пинский с братом Глебом, и из Галича пришла помощь от Ярослава, а свои братья не пришли, говоря: «Далеко нам идти к низовьям Днепра, не можем свою землю оставить без защиты, но если пойдешь через Переяславль, то встретимся с тобой на Суле». Святослав же, рассердившись на братьев своих, поспешно отправился в путь, побуждаемый Божественным промыслом; потому-то старшие сыновья его и не успели из Черниговщины. Двинулся он вдоль Днепра и достиг того места, которое называется Инжир-бродом, и тут перешел на вражеский берег Днепра и пять дней искал половцев. Тогда отправил младших князей перед своими полками: послал Владимира Переяславского, и Глеба, и Мстислава, сына своего, и Мстислава Романовича, и Глеба Юрьевича, князя дубровицкого, и Мстислава Владимировича, и берендеев было с ним две тысячи сто. А половцы, увидев отряд Владимира, смело идущий им навстречу, побежали, гонимые гневом Божиим и святой Богородицы. Русские, погнавшись за ними, не догнали, возвратились и остановились на месте, называемом Орель, которое на Руси зовется Угол.

Половецкий же князь Кобяк, решив, что это и есть все русское войско, возвратился и стал преследовать его. Когда половцы, преследуя, увидели полки русские, то начали перестреливаться через реку и старались обойти друг друга, и так продолжалось немалое время. Узнав об этом, Святослав и Рюрик отправили им на помощь основные силы, а сами спешно двинулись следом. Когда же половцы увидели полки,

пришедшие на помощь, то решили, что с ними и Святослав и Рюрик, и тотчас же повернули назад. Русские же, укрепившись Божьей помощью, прорвали их строй и начали их сечь и пленить. И так проявил Господь милость свою христианам, в тот день возвеличил Бог Святослава и Рюрика за благочестие их.

И взяли в плен тогда Кобяка Карлыевича с двумя сыновьями, Билюковича Изая, и Товлыя с сыном, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Содвака Кулобичского также пленили, и Корязя Калотановича тут убили и Тарсука, а прочих – без счета. Даровал Бог победу эту месяца июля в тридцатый день, в понедельник, в день памяти святого Ивана Воиника. А великий князь Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич, получив от Бога победу над погаными, возвратились по домам со славой и с честью великой.

В это же время Игорь Святославич, услышав, что Святослав отправился на половцев, призвал к себе брата своего Всеволода, и племянника Святослава, и сына своего Владимира и обратился к братии своей и ко всей дружине: «Половцы выступили против русских князей, и мы без них попытаемся напасть на их вежи». И когда переправились за Мерлу, встретились с половцами – ехал Обовлы Костукович с четырехстами воинами воевать на Русь, и тут помчались им навстречу на конях. Половцы же, по повелению Божьему, обратились в бегство, и русские погнались за ними, и победили их тут, и возвратились восвояси.

В это же время Владимир Ярославич Галицкий, шурин Игорев, находился у Игоря, так как был изгнан отцом своим из Галича. Тот Владимир прежде всего отправился во Владимир к Роману, но Роман, боясь его отца, не разрешил ему поселиться у себя. Оттуда направился к Ингварю в Дорогобуж, и тот, из страха перед отцом его, не принял Владимира. И он оттуда поехал в Туров, к Святополку, и тот также не пустил его, к Давиду в Смоленск – и Давыд его не пустил, в Суздаль к Всеволоду, дяде своему, но и там Владимир Галицкий не обрел покоя и пришел в Путивль, к зятю своему Игорю Святославичу. Тот же встретил его радушно и с честью великою и два года

держал у себя, а на третий год примирил его с отцом и послал с ним сына своего, зятя Рюрикова, Святослава. ...

В год 6692 (1184). Двинулся окаянный и безбожный и трижды проклятый Кончак с бесчисленными полками половецкими на Русь, надеясь захватить и пожечь огнем города русские, ибо нашел он некоего мужа басурманина, который стрелял живым огнем. Были у них и луки-самострелы, едва пятьдесят человек могли натянуть у них тетиву. Но всемилостивый Господь Бог противится гордецам и козни их разрушает. Кончак же, придя, стал на Хороле и послал с хитростью к Ярославу Всеволодичу, предлагая ему мир. Ярослав же, не подозревая обмана, направил к половцам мужа своего Ольстина Олексича. А Святослав Всеволодич послал к Ярославу, говоря ему: «Брат мой, не верь им и своего мужа не посылай, я на них войной иду». Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич со всеми полками своими без промедления двинулись на половцев. Рюрик и Святослав отрядили Владимира Глебовича в передовой полк и Мстислава Романовича с ним, а сами Рюрик и Святослав двинулись следом за ними. Когда они были в пути, встретились им купцы, шедшие навстречу из Половецкой земли, и сказали, что половцы стоят на Хороле. Святослав и Рюрик, услышав об этом, обрадовались и направились туда. А Владимир и Мстислав, узнав об этом, пришли на место, указанное купцами. Но когда пришли туда, где стояли половцы, то не увидели никого, ибо те перешли на другое место на берегу Хорола. Передовой же полк, переправившись через Хорол, поднялся на холм, чтобы оттуда заметить врага. А Кончак стоял в долине. И ехавшие по холмам миновали его, а другие полки половецкие – увидели и напали на них. Кончак же за их спиной бежал на ту сторону дороги, и лишь наложницу его захватили и того басурманина, у которого был живой огонь. И привели его к Святославу со всем устройством, а прочих воинов их кого перебили, а кого взяли в плен, с конями и со множеством всякого оружия.

В год 6693 (1185). Даровал Господь избавление – дал победу русским князьям, Святославу Всеволодичу и великому

князю Рюрику Ростиславичу, месяца марта в первый день. Узнав о бегстве Кончака, послали за ним следом Кунтугдыя с шестью тысячами воинов. Но тот, преследуя, не смог его догнать, ибо помешала распутица за Хоролом. Святослав же и великий князь Рюрик одержали победу по молитвам святых мучеников Бориса и Глеба и пошли каждый восвояси, славя Бога в Троице – Отца и Сына и Святого Духа.

А князь Ярослав Черниговский не пошел с братом своим Святославом, говоря так: «Я послал к половцам мужа своего Ольстина Олексича и не могу пойти войной на своего мужа»; этим и оправдался перед братом своим Святославом. Игорь же отвечал Святославу мужу: «Не дай Бог отказаться от похода на поганых: поганые всем нам общий враг!» Потом стал совещаться Игорь с дружиной: каким путем поехать, чтобы соединиться с полками Святослава. Отвечала ему дружина: «Князь наш, не сможешь ты перелететь, как птица: вот приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам он идет из Киева в воскресенье, то как же ты сможешь, князь, догнать его?» Игорю не по душе пришлись эти слова дружины, хотел он ехать по степи напрямик, по берегу Сулы. Но была распутица, так что войско за целый день не смогло бы преодолеть и поля от края и до края, поэтому Игорь и не мог выступить со Святославом.

А на ту же весну князь Святослав послал Романа Нездиловича с берендеями на поганых половцев. С Божьей помощью захватили вежи половецкие, много пленных и коней, двадцать первого апреля, на самый Великий день. В ту пору князь Святослав отправился по своим делам в землю вятичей, к Корачеву.

А в это время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил на помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими. И так двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подходили они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо,

увидел, что солнце стоит словно месяц. И сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли? Что значит знамение это?» Они же все посмотрели, и увидели, и понурили головы, и сказали мужи: «Князь наш! Не сулит нам добра это знамение!» Игорь же отвечал: «Братья и дружина! Тайны Божественной никто не ведает, а знамение творит Бог, как и весь мир свой. А что нам дарует Бог – на благо или на горе нам, – это мы увидим».

И, сказав так, переправился через Донец, и пришел к Осколу, и ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел другой дорогой из Курска. И оттуда пришли к Сальнице. Здесь приехали к ним разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали, приехав: «Видели врагов, враги наши во всем вооружении ездят, так что либо поезжайте без промедления, либо возвратимся домой: не удачное сейчас для нас время». Игорь же обратился к братии своей: «Если нам придется без битвы вернуться, то позор нам будет хуже смерти; так будет же так, как нам Бог даст». И, так порешив, ехали всю ночь.

Наутро же, в пятницу, в обеденное время, встретились с полками половецкими; успели подготовиться половцы: вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, стали на противоположном берегу реки Сюурлий. А наши построились в шесть полков: Игорев полк посередине, а по правую руку – полк брата его Всеволода, по левую – Святослава, племянника его, перед этими полками – полк сына его Владимира и другой полк, Ярославов, – ковуи с Ольстином, а третий полк впереди – стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои. И обратился Игорь к братии своей: «Братья! Этого мы искали, так дерзнем же!» И двинулись на половцев, возложив на Бога надежды свои. И когда приблизились к реке Сюурлию, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успели русские переправиться через реку Сюурлий, как обратились в бегство и те половецкие полки, которые стояли поодаль за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями-стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков.

Передовые полки русских избивали половцев и хватали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили там большой полон. Некоторые с захваченными пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрались все полки, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Вот Бог силой своей обрек врагов наших на поражение, а нам даровал честь и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие – чуть ли не все половцы тут собрались. Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится преследовать нас, то разве все смогут: лишь лучшие из половецких конников переправятся, а нам самим – уж как Бог даст». Но сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». Согласился с ним Всеволод и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Не удивительно, братья, все обдумав, нам и смерть будет принять». И заночевали на том месте.

Когда же занялся рассвет субботнего дня, то начали подходить полки половецкие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать – так много было половцев. И сказал Игорь: «Вот думаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую – Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посоветовавшись, все сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если поскачем – спасемся сами, а простых людей оставим, а это будет нам перед Богом грех: предав их, уйдем. Но либо умрем, либо все вместе живы останемся». И сказав так, сошли с коней и двинулись с боем. Тогда по Божьей воле ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И опечалились все в полку его: был у них воевода, и ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Когда же настала ночь субботняя, все еще шли они сражаясь. На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения ковуи и обратились в бегство. Игорь же в это время был на коне, так как был ранен, и поспешил к ним, пытаясь вернуть

их к остальным полкам. Но заметив, что слишком отделился он от своих, сняв шлем, поскакал назад к своему полку, ибо уже узнали бежавшие князя и должны были вернуться. Но так никто и не возвратился, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями не бежал никто из бояр, только небольшое число простых воинов да кое-кто из дружинников боярских, а все бояре сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, половцы, помчавшись ему наперерез, захватили его на расстоянии одного перестрела от воинов его. И уже схваченный, Игорь видел брата своего Всеволода, ожесточенно бьющегося, и молил он у Бога смерти, чтобы не увидеть гибели брата своего. Всеволод же так яростно бился, что и оружия ему не хватало. И сражались, обходя вокруг озеро.

И так в день Святого Воскресения низвел на нас Господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач и вместо веселья – на горе на реке Каялы. Воскликнул тогда, говорят, Игорь: «Вспомнил я о грехах своих перед Господом Богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей. И все были в смятении: тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, – воскликнул Игорь, – и не достоин я остаться жить! И вот теперь вижу отмщение от Господа Бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо, мною рожденное? где бояре, советники мои? где мужи-воители? где строй полков? где кони и оружие драгоценное? Не всего ли этого лишен я теперь! И связанного передал меня Бог в руки беззаконникам. Это все

воздал мне Господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились содеянные мною грехи на мою же голову. Неподкупен Господь, и всегда справедлив суд его. И я не должен разделить участи живых. Но ныне вижу, что другие принимают венец мученичества, так почему же я – один виноватый – не претерпел страданий за все это? Но, владыка Господи Боже мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, Господи, такова и милость нам, рабам твоим».

И тогда окончилась битва, и разлучены были пленники, и пошли половцы каждый к своим вежам. Игоря же взял в плен муж именем Чилбук из Тарголовцев, а Всеволода, брата его, захватил Роман Кзич, а Святослава Ольговича – Елдечук из Вобурцевичей, а Владимира – Копти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен. И из стольких людей мало кто смог по счастливой случайности спастись, невозможно было скрыться беглецам – словно крепкими стенами окружены были полками половецкими. Но наших русских мужей пятнадцать убежало, а ковуев и того меньше, а остальные в море утонули.

В это время великий князь Святослав Всеволодич отправился в Карачев и собирал в Верхних землях воинов, намереваясь на все лето идти на половцев к Дону. Когда уже на обратном пути оказался Святослав у Новгорода-Северского, то услышал о братьях своих, что пошли они втайне от него на половцев, и был он этим очень раздосадован. Святослав в то время плыл в ладьях; когда же прибыл он в Чернигов, прибежал туда Беловолод Просович и поведал Святославу о случившемся в Половецкой земле. Святослав, узнав об этом, вздохнул тяжело и сказал, утирая слезы: «О дорогая моя братия, и сыновья, и мужи земли Русской! Даровал мне Бог победу над погаными, а вы, не сдержав пыла молодости, отворили ворота на Русскую землю. Воля Господня да будет во всем! И как я только что досадовал на Игоря, так теперь оплакиваю его, брата своего».

После этого послал Святослав сына своего Олега и Владимира в Посемье. Узнав о случившемся, пришли в смятение города посемские, и охватила их скорбь и печаль

великая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и во всей земле Черниговской: князя в плену, и дружина пленена или перебита. И метались люди в смятении, в городах брожение началось, и не милы были тогда никому свои близкие, но многие забывали и о душе своей, печалась о своих князьях. Затем послал Святослав к Давыду в Смоленск, со словами: «Сговаривались мы пойти на половцев и лето провести на берегах Дона, а теперь половцы победили Игоря, и брата его, и сына; так приезжай же, брат, охранять землю Русскую». Давыд же приплыл по Днепру, пришли и другие на помощь, и расположились у Треполя, а Ярослав с полками своими стоял в Чернигове.

Поганые же половцы, победив Игоря с братией, немало возгордились и собрали всех людей своих, чтобы пойти на Русскую землю. И начался у них спор; говорил Кончак: «Пойдем к Киеву, где была перебита братия наша и великий князь наш Боняк»; а Гза говорил: «Пойдем на Сейм, где остались их жены и дети: там для нас готовый полон собран, будем города забирать, никого не опасаясь». И так разделились надвое: Кончак пошел к Переяславлю, и окружил город, и бился там весь день. Владимир же Глебович, князь Переяславля, был храбр и силен в бою, выехал он из города и напал на врагов. И лишь немногие из дружины решились ехать за ним. Жестоко бился он и окружен был множеством половцев. Тогда остальные переяславцы, видя, как мужественно бьется их князь, выскочили из города и выручили князя своего, раненного тремя копьями. А славный воин тот, Владимир, тяжело раненный, въехал в город свой и утер мужественный пот за отчину свою. И послал Владимир к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду, с просьбой: «Половцы у меня, так помогите же мне». Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смоленцами. Смоленцы же начали совещаться и сказали так: «Мы пришли к Киеву, если бы была там сеча – сражались бы, но зачем нам другой битвы искать, не можем – устали уже». А Святослав с Рюриком и с другими, пришедшими на помощь, пошли по Днепру против половцев, Давыд же возвратился назад со своими смоленцами. Половцы, услышав об этом, отступили от

Переяславля. И, проходя мимо Римова, осадили его. Римовичи затворились в городе и заполнили все заборы, и, по воле Божьей, рухнули две городницы с людьми на сторону осаждавших. На остальных же горожан напал страх, кто из них выбежал из города и бился в болотах подле Римова, те и спаслись от плена, а кто остался в городе – тех всех пленили. Владимир же посылал к Святославу Всеволодичу и к Рюрику Ростиславичу, призывая их к себе на помощь. Но Святослав задержался, ожидая Давыда со смоленцами. И так опоздали князья русские и не догнали половцев. Половцы же, взяв город Римов, с полоном отправились восвояси, а князья вернулись по своим домам, печалась о сыне своем Владимире Глебовиче, получившем тяжелые смертельные раны, и о христианах, взятых в полон погаными.

Вот так Бог, казня нас за грехи наши, привел на нас поганных не для того, чтобы порадовать их, а нас наказывая и призывая к покаянию, чтобы мы отрешились от своих дурных деяний. И наказывает нас набегами поганных, чтобы мы, смирившись, опомнились и сошли с пагубного своего пути.

А иные половцы двинулись по другой стороне Сулы к Путивлю. Гза с большим войском разорил окрестности его и села пожег. Сожгли половцы и острог у Путивля и вернулись восвояси.

Игорь же Святославич в то время находился у половцев, и говорил он постоянно: «Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка Господь мой, а не доблесть поганных сломила силу рабов твоих. Не стою я жалости, ибо за злодеяния свои обрек себя на несчастья, которые я и испытал». Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил и с ястребом охотился, а своих слуг пять или шесть также ездило с ним. Те стражи его слушались и почитали, а если посылал он кого-либо куда-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И попа привел из Руси к себе для святой службы, не зная еще Божественного промысла, но

рассчитывая, что еще долго там пробудет. Однако избавил его Господь по молитвам христиан, ибо многие печалились о нем и проливали слезы.

Когда же был он у половцев, то нашелся там некий муж, родом половец, по имени Лавр. И пришла тому мысль благая, и сказал он Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь же сначала не поверил ему, к тому же лелеял он дерзкую надежду, как это свойственно юности, замышляя бежать в Русь вместе со своими мужами, и говорил: «Я, страшась бесчестия, не бросил тогда дружину свою, и теперь не могу бежать бесславным путем». С Игорем же были сын тысяцкого и конюший его, и те убеждали князя, говоря: «Беги, князь, в землю Русскую, если будет на то Божья воля – спасешься». Но все не находилось удобного времени, какого он ждал. Однако, как говорили мы прежде, возвратились половцы из-под Переяславля, и сказали Игорю советчики его: «Не угоден Богу твой дерзкий замысел: ты ищешь случая бежать вместе с мужами своими, а что же об этом не подумашь: вот приедут половцы из похода, и, как слышали мы, собираются они перебить и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет тебе ни славы, ни самой жизни». Запал князю Игорю в сердце совет их; испугавшись возвращения половцев, решил он бежать.

Но нельзя ему было бежать ни днем, ни ночью, потому что стерегли его стражи, но показалось ему самым удобным время на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, веля передать: «Переезжай на тот берег Тора с конем поводным», ибо решился он бежать с Лавром в Русь. Половцы же в это время напились кумыса. Когда стало смеркаться, пришел конюший и доложил князю своему Игорю, что ждет его Лавр. Встал Игорь в страхе и в смятении, поклонился образу Божьему и кресту честному, говоря: «Господи, в сердцах читающий! О, если бы ты спас меня, Владыка, недостойного!» И, взяв с собой крест и икону, поднял стену шатра и вылез из него, а стражи тем временем забавлялись и веселились, думая, что князь спит. Он же, подойдя к реке, перебрался на другой берег, сел на коня, и так поехали они с Лавром через вежи.

Принес ему Господь избавление это в пятницу вечером. И шел Игорь пешком до города Донца одиннадцать дней, а оттуда – в свой Новгород, и все обрадовались ему. Из Новгорода отправился он к брату своему Ярославу в Чернигов, прося помочь ему в обороне Посемья. Обрадовался Игорю Ярослав и обещал помощь. Оттуда направился Игорь в Киев, к великому князю Святославу, и рад был Игорю Святослав, а также и Рюрик, сват его.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В то лето Бог вложил в сердце русским князьям мысль – ходили все князья русские на половцев: Святослав Всеволодич, Рюрик Ростиславич, Владимир Глебович, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович, Всеволод Мстиславич и помощь из Галича, Владимира и Лучьска. И пошли все вместе на половцев, и перешли реку Угол, и пять дней искали их. Владимир же Глебович, внук Юрия, ездил впереди в сторожевом полку с переяславцами, и берендеев было с ним две тысячи сто.

Половцы же, услышав, что русские пришли на них, обрадовались, надеясь на силу свою, и сказали: «Вот Бог отдал князей русских и полки их в руки наши». Бросились в битву, не ведая, что говорится: «Тщетно мужество и умысел, если Бог противится». Пошли они против Владимира, с кликами, словно пожрать его хотели. А Владимир, с помощью Божьей и святой Богородицы и укрепляем молитвой деда своего и отца своего, пошел им навстречу. Он упросил Святослава, говоря: «Волость моя опустошена половцами, пусти меня, отец мой Святослав, с передовым сторожевым полком». А князья русские не успели за Владимиром. Половцы же, увидев полк Владимира, храбро на них идущий, побежали, гонимые гневом Божиим и святой Богородицы.

Наши же погнали их, и рубили их, и семь тысяч взяли в полон, одних князей половецких было чetyреста семнадцать, и Кобяка схватили, Осолука, Барака, Тарга, Данилу, Башкорта, Тарсука, Изу, Глеба Тириевича, Ексна, Алака и Толгыя, тестя Давыдова, с сыном, Тетия с сыном, Кобякова тестя Турундая. И помог Бог и святая Богородица Владимиру месяца июля в

тридцать первый день, в понедельник, в день памяти святого Евдокима Нового.

Даровал Господь победу великую нашим князьям и воинам их над врагами нашими, побеждены были иноплеменники куманы, или половцы. И сказал Владимир: «В этот день, дарованный нам Господом, возрадуемся и возвеселимся, ибо Господь избавил нас от врагов наших и поверг врагов наших под ноги наши, и сокрушил головы змиевы». И была радость великая: дружина обогатилась пленниками, и колодников повели, оружие добыли и коней, и возвратились домой, славя Бога и святую Богородицу, скорую на помощь роду христианскому.

В год 6694 (1186). Месяца мая в первый день, в день памяти святого пророка Иеремии, в среду, под вечер было знамение на солнце, и так сильно потемнело, что можно было людям увидеть звезды, и в глазах все позеленело, а солнце превратилось как бы в месяц, а в рогах его словно горящие угли. Страшно было видеть людям знамение Божие.

В тот же год, того же месяца в восемнадцатый день, в день памяти святого мученика Потапия, в субботу, родился сын у великого князя Всеволода, и нарекли имя ему в святом крещении Константин.

В том же году надумали внуки Ольговы пойти на половцев, так как не ходили в прошлом году со всеми князьями, но сами по себе пошли, говоря: «А что, мы разве не князья? Таковую же себе славу добудем!» И встретились у Переяславля Игорь с двумя сыновьями из Новгорода-Северского, брат его Всеволод из Трубчевска, Святослав Ольгович из Рыльска и пришедшие на помощь к ним из Чернигова. И вошли в землю половцев. Те же, услышав, пошли навстречу, говоря: «Братия наша перебита и отцы наши, а другие в плену, а теперь вот на нас идут». Послали весть по всей земле своей, а сами пошли навстречу и поджидали войска свои, а наши к ним идут, к вежам их. Половцы встретили их, не подпустив к вежам, и, не дожидаясь остальных войск, сошлись в битве. И побеждены были половцы, и гнали их до веж, и взяли русские полон – жен и детей, и стояли три дня в вежах их, веселясь и говоря: «Братия наша

ходила со Святославом, великим князем, и бились с половцами на виду у Переяславля, те сами к ним пришли, а в землю Половецкую не посмели за ними пойти. А мы в земле их, и самих перебили, и жены их полонены, и дети их у нас. А теперь пойдем следом за ними за Дон и перебьем их всех без остатка. Если же и тут одержим победу, то пойдем вслед за ними и до лукоморья, куда не ходили и деды наши, а славу и честь свою всю возьмем до конца». Но не знали о предначертании Божьем.

А остатки разбитых половцев бежали к войску своему, куда прежде весть посылали, и рассказали им о своем поражении. Те же, услышав, пришли к ним на помощь и за другими послали. И сошлись с русскими стрельцы, и бились три дня стрельцы, а в копийном бою не сходились, ожидая свою дружину, а к воде не дали им подойти.

А подошло к ним войско все, бесчисленное множество. Наши же, увидев их, ужаснулись и забыли о похвальбе своей, ибо не ведали сказанного пророком: «Тщетны человеку и мудрость, и мужество, и замысел, если Бог противится». Изнемогли от безводия и кони и сами, в жаре и в муках, и наконец пробились к воде, а то три дня не подпускали их к воде. Видев это, враги устремились на них, и прижали их к воде, и яростно бились с ними, и лютая была битва. Сменили половцы коней своих, а у наших кони изнемогли, и были побеждены наши гневом Божьим. Князей всех в плен взяли, а из бояр и вельмож и дружины всей, – кто убит, другие в плен взяты или ранены. И возвратились с победой великой половцы, а о наших не ведомо кто и весть принес, а все за грехи наши.

Где же радость наша – теперь вздохи и плач повсюду! Исая же пророк говорит: «Господи, в печали вспомнил тебя», и прочее.

Шел своей дорогой купец, и половцы приказали ему передать: «Идите за своей братией, или мы идем за своей братией к вам». Князя же все, услышав о таком несчастье с братией своей и с боярами, застенали все, и повсюду был плач и рыдания: у одних братья погибли или в плен попали, у других отцы или близкие. А князь Святослав послал за сыновьями своими и за всеми князьями. И собрались к нему в Киев, и

выступили к Каневу. Половцы же, услышав, что вся земля Русская идет против них, бежали за Дон. Святослав же, узнав, что они бежали, возвратился со всеми князьями к Киеву, и разошлись все по своим землям.

А половцы, услышав, что они отошли, внезапно напали на Переяславль, и взяли все города по Суле, и у Переяславля бились весь день. Владимир же Глебович, видя, что они сейчас захватят острог, выехал из города с небольшой дружиной, и напал на них, и смело сразился с ними, они же, на беду, окружили князя. Но горожане, видя, что свои изнемогают в бою, выскочили из города и в бою едва отняли князя, раненного тремя копьями. А из дружины его многие погибли. И поспешили в город, и затворились в нем. А половцы возвратились с большим полоном в вежи.

Вскоре бежал Игорь от половцев – ибо Господь не оставит праведника в руках грешников: взирает Господь на тех, кто боится его, и прислушивается к молитвам их! Гнались за ним и не догнали; как Саул преследовал Давида, но Бог избавил того, так и Игоря Бог избавил от рук поганых половцев. А остальных держали строго и сторожили, угрожая цепями и муками.

Все это свершилось из-за грехов наших, так как умножились грехи наши и преступления. Бог ведь казнит рабов своих различными напастями, и огнем, и водой, и войной, и иными различными бедами; христианам, многое перенесшим, суждено будет войти в царство небесное. Согрешили и казимы, как поступали, за то и получили, но наказывает нас справедливо Господь наш, и пусть никто не посмеет сказать, что ненавидит нас Бог – не будет этого! Так любит, как возлюбил нас, когда муки принял нас ради, чтобы избавить нас от дьявола.

* * *

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Въ лѣто 6691. Мѣсяца февраля въ 23 въ 1-ю недѣлю поста придоша измалтяне⁵³¹ безбожнѣи половци на Русь воевать ко Дмитрову⁵³² съ оканьным Кончакомъ⁵³³ и съ Глѣбомъ Тириевичемъ, и Божьемъ заступлениемъ и не бысть пакости от нихъ. Князь же Святославъ Всеволодичъ, сгадавъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ,⁵³⁴ поидоша на половцѣ и стаха у Олжичъ,⁵³⁵

ожидающе Ярослава⁵³⁶ и-Щернигова. И устрѣте я Ярославъ и рече имъ: «Нынѣ, братья, не ходите, но срекше веремя, оже дасть Богъ, на лѣто поидемъ». Святослав же и Рюрикъ, послушавша его, возвратишася. Святославъ же посла сыны своя с полкы своими *по*лем ко Игореву, веля ему ѣхати в себе мѣсто, а Рюрикъ посла Володимѣра Глѣбовича⁵³⁷ с полкы своими. Володимѣръ же Глѣбовичъ посла ко Игореву,⁵³⁸ прося у него ѣздити напередѣ полкомъ своимъ: князи бо русции *дали* бяхуть напередѣ ѣздити в Руской земли. Игорь же не да ему того. Володимеръ же розгнѣвався и возъвратися. И оттолѣ идя, иде на севѣрьскіѣ города,⁵³⁹ и взя в них много добытокъ. Игорь же возвороти киевскіи полки и пристави к нимъ Олга, сыновца своего Святослава,⁵⁴⁰ абы како довести полкъ цѣль, а самъ ѣха, поима со собою брата своего Всеволода,⁵⁴¹ и Святославича Всеволода, и Андрѣя с Романомъ, и нѣколко от черного клобука,⁵⁴² с Кулдюремъ и с Кунѣтувдѣмъ, и придоша к рѣцѣ к Хырии.⁵⁴³ И бысть тоиѣ ночи тепло и дождь рамянъ, и умножися вода, и не бысть имъ куда переѣхати, а половцѣ, которіи утягли переити вежами,⁵⁴⁴ спасошася, а которѣи не утягли, а тѣхъ взяша; рекоша же, ако в ту рать вежѣ *и* кони и скоти мнози потопли суть в Хирии, бѣгающе передъ русью⁵⁴⁵ ...

Того же лѣта Богъ вложи въ сердце Святославу, князю киевському и великому князю Рюрикови Ростиславичю ... поити на половцѣ. И посласта по околнѣ князи, и совкупишася к нима Святославича Мьстиславъ и Глѣбъ, и Володимѣръ Глѣбовичъ ис Переяславля, Всеволодъ Ярославичъ из Лучьска с братомъ Мьстиславомъ, Романовичъ Мьстиславъ, Изяславъ Давыдовичъ и Городеньскій Мьстиславъ, Ярославъ, князь пиньскій с братомъ Глѣбомъ, из Галича от Ярослава⁵⁴⁶ помочь, а своя братья⁵⁴⁷ не идоша, рекуще: «Далече ны есть ити в низъ Днѣпра, не можемъ своѣе землѣ пусты оставити: но еже поидеши на Переяславль, то совокупимся с тобою на Сулѣ». ⁵⁴⁸ Святослав же, не любуя на свою братью, поиде, поспѣшая путь свой и поущаемъ Божиимъ промысломъ, тѣмъ старѣйшии его сынове не утягоша от Черниговьской сторонѣ. Идущю же ему по Днепру, и ста ту, идеже нарѣцается Инжирь бродъ,⁵⁴⁹ и ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра и 5 *дней* искаша ихъ.

Ту же отряди моложьшеѣ князѣ передѣ своими полки: отряди же Володимера Переяславьского, и Глѣба, и Мьстислава, сына своего, и Романовича Мьстислава и Глѣба Гюрговича, князя дубровицьского, и Мьстислава Володимерича и берендѣевъ⁵⁵⁰ с нимъ было 2100. Половци же, узрѣвше Володимерь полкъ, крѣпко идущѣ на нихъ, и побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божиимъ и святѣй Богородицѣ. Оним же, ѣхавшимъ по нихъ, не постигъше, возворотишася русь, и стояша на мѣстѣ, нарѣцаемемъ Ерель, егоже русь зоветъ Уголь.⁵⁵¹

Половецкий же князь Кобякъ⁵⁵², мнѣвъ толко руси, возвратися и погна во слѣдѣ ихъ. Идущим же имъ по нихъ, узрѣша полци рустѣи, начаша ся стрѣляти о рѣку и начаша межи собою перегонити, и бысть имъ того надолзѣ. Слышав же Святославъ и Рюрикъ и пустиста имъ болшиѣ полкы на помочь, а сама поидоста за ними поспѣвающа. Якоже узрѣша половци помочныя полкы и мнѣша ту Святослава и *Рюрика*, абѣе поскочиша. Русь же, приимше помощь Божию и вѣвѣртѣшася в нѣ, и начаша ѣ сѣчи и имати. И тако створи Господь милость хрестьяномъ, в тѣй же день возвеличи Богъ князя Святослава и Рюрика за вѣру ею.

И ту яша Кобяка Карлыевича со двѣима сынома, Билюковича Изая и Товлыя съ сыномъ, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Съдвака Кулобичкого яша жъ, и Корязя Калотановича ту убиша и Тарсука, а инѣхъ бе-щисла. Створи же Богъ побѣду сю мѣсяца июля въ 30 в понедѣльникъ, в память святаго Ивана Воиника. Великий же князь Святославъ Всеволодичъ и Рюрикъ Ростиславичъ приемше от Бога на поганыя побѣду и возвратишася восвояси съ славою и честью великою.

Того же лѣта слышавъ Игорь Святославличъ, оже шель Святославъ на половцѣ, призва к собѣ брата своего Всеволода и сыновця Святослава и сына своего Володимѣра, молвяшетъ бо ко братѣи⁵⁵³ и ко всѣй дружинѣ: «Половци оборотилися противу рускимъ княземъ, и мы без них кушаимся на вежах ихъ ударити». Да яко бысть за Мѣрломъ,⁵⁵⁴ и срѣтеся с половци, поѣхалъ бо бѣше Обовлы Костуковичъ в четьрѣхъстѣхъ воевать к Руси, и ту абѣе пустиша к нимъ кони. Половци же

побѣгоша Божьимъ повеленьемъ, и русь погнаша ѣ, и ту побѣдиша ѣ, и возвратишася восвояси.

В то же время Володимѣрь Ярославичъ Галичкый, шюринъ Игоревъ,⁵⁵⁵ бѣшетъ у Игоря, зане выгнанъ бѣшетъ отцемъ своимъ изъ Галича. То же Володимѣрь приде преже ко Володимѣру к Романови. Романъ, блюдяся отца его, не да ему опочити у себе. Оттолѣ же иде ко Инѣгварови Дорогобужю, и тотъ, блюдяся отца его, и не прия его. И онъ оттолѣ ѣха ко Святополку Турову, и тый такоже отпусти его; ко Давыдови Смоленску – Давыдъ же отпусти, в Суждаль ко Всеволоду, уеви своему⁵⁵⁶. Володимѣрь же Галичкый ни тамо обрѣте собѣ покоя, приде к зяти своему Путивлю, ко Игореву Святославичю. Той же прия с любовью и положи на немъ честь велику, и за двѣ лѣтъ держа ѣ у себе, и на третье лѣто введе ѣ в любовь со отцемъ его и посла с нимъ сына своего, зятя Рюрикова, Святослава⁵⁵⁷

Въ лѣто 6692.⁵⁵⁸ Пошелъ бѣше оканьный и безбожный и треклятый Кончакъ со множествомъ половець на Русь, похупаяся, яко плѣнити хотя грады рускыѣ и пожещи огньмъ, бѣше бо обрѣлъ мужа такового бесурменина, иже стрѣляше живымъ огньмъ⁵⁵⁹. Бяху же и у нихъ луци тузи самострѣлнии, одва 50 мужъ можашеть напращи. Но всемилостивый Господь Богъ гордымъ противиться и свѣты ихъ раздруши. Пришедъ бо, ста на Хоролѣ, послалъ же бѣшетъ с лестью ко Ярославу Всеволодичю, мира прося. Ярославъ же, не вѣды лѣсти ихъ, посла к нимъ мужъ свой Ольстина Олексича. Святославъ же Всеволодичъ слашеть къ Ярославу, река: «Брате, не ими имъ вѣры, ни своего мужа шли, яз на ны поиду». Святославъ же Всеволодичъ и Рюрикъ Ростиславичъ со всеми своими полкы, не стрѣпя, поиде противу имъ. Рюрикъ же и Святославъ отрядиста Володимѣра Глѣбовича, вѣрядиша в *наворопъ*,⁵⁶⁰ и Мьстислава Романовича, а самъ Рюрикъ и Святославъ поидоста задѣ ихъ. Ёдущимъ же имъ, и устрѣтоста гости, идущъ противу себе ис Половецъ, и повѣдаша имъ, яко половци стоятъ на Хоролѣ. Святославъ же и Рюрикъ то слышавша и рада быста, и поидоста к нимъ. Володимѣрь же и Мьстиславъ, слышавше, придоша к мѣсту тому, идеже указаша гостѣе. Пришедши же на мѣсто то, идѣже *стояли*, и не видиша никогоже, шли бо бяхуть

на ино мѣсто възлѣ Хоролѣ. Наворопници же, перешедше Хоролѣ, взиидоша на шоломя, глядающе, кдѣ узрять ѣ. Коньчакъ же стоялѣ у лузѣ. Его же, ѣдуще по шоломени, оминуша, иныѣ же *ватагы*⁵⁶¹ узрѣвше, удариша на нихъ. Кончакъ же то видивъ, за нѣ утече чересъ дорогу, и мьншицю его яша и оного бесурменина яша, у негоже бѣшетъ живыи огонь. То и того ко Святославу приведоша со устроенымъ, прочая же воя ихъ – онихъ избиша, а конѣ и оружья многое множество и ополонишася.

Въ лѣто 6693.⁵⁶² Съдѣя Господь спасение свое – дасть побѣду князема рускыма – Святославу Всеволодичю и великому князю Рюрикови Ростиславичю мѣсяца марта в 1 день. Увѣдавъша же Кончака бѣжавша, посласта по немъ Кунътудыя въ 6000. Тот же, гнавъ, самого не обрѣте, бѣшетъ бо тала стопа за Хороломъ. Святослав же и великий князь Рюрикъ побѣду приемша молитвами *святою* мученику Бориса и Глѣба и поидоша кождо восвояси, славяще Бога во Троицѣ – Отца и Сына и Святаго Духа.

Князь же Ярославъ Черниговский не шель бѣше с братомъ, со Святославомъ, молвѣшетъ бо тако: «Азъ есмь послалъ к нимъ мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой мужъ поѣхати», тѣмъ отречѣся брату своему Святославу. Игорь же молвѣшетъ Святославу мужевѣ: «Не дай Богъ, на поганыѣ ѣздя, ся отрещи: поганы естъ всимъ намъ обѣчий ворогъ!». Потом же гада Игорь с дружиною, куды бы переѣхати полкы Святославлѣ. Рекоша ему дружина: «Княже, потьскы не можешь перелетѣти: се приѣхалъ к тобѣ мужъ от Святослава в четвергъ, а самъ идетъ в недѣлю ис Кыева, то како *можешу*, княже, постигнути?». Игоревѣ же бѣшетъ нелюбо, оже ему тако молвѣтъ дружина, хотѣ же ѣхати полемъ перекъ, возлѣ Сулу. И бѣшетъ серенъ великъ, якоже вои не можахуть зрѣима переити днемъ до вечера,⁵⁶³ тѣмъ никуда же не може пути собѣ налѣсти ѣхати по Святославѣ.

Тоѣ же веснѣ князь Святославъ посла Романа Нездиловича с берендичи на поганѣѣ половцѣ. Божию помощю взяша вежѣ половецкѣѣ, много полона и коний, мѣсяца априля въ 21, на

самый Великъ день⁵⁶⁴. Тогда же Святославъ князь иде въ вятичѣ хъ Корачеву⁵⁶⁵ орудѣи дѣля своихъ.

В то же время Святославичъ Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода⁵⁶⁶ мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поимяи со собою брата Всеволода ис Трубечка,⁵⁶⁷ и Святослава Олговича, сыновця своего изъ Рыльска⁵⁶⁸ и Володимѣра, сына своего, ис Путивля. И у Ярослава испроси помочь – Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи⁵⁶⁹ черниговьскими. И тако идяхуть тихо, собирающе дружину свою, бяхуть бо и у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ к Донцю рѣкы в годъ вечерний, Игорь жь възрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць.⁵⁷⁰ И рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «Видите ли? Что есть знамение се?». Они же узрѣвше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «Княже! Се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «Братья и дружино! Тайны Божия никтоже не вѣсть, а знаменію творѣць Богъ и всему миру своему. А намъ что створить Богъ или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити».

И то рекъ, перебрѣде Донѣць и тако приида ко Осколу,⁵⁷¹ и жда два дни брата своего Всеволода: тотъ *бѣше* шель инемъ путем ис Курьска. И оттуда поидоша к Салницѣ.⁵⁷² Ту же к нимъ и сторожеви приѣхаша, ихже бяхуть послалѣ языка ловить, и рекоша, приѣхавше: «Видихомся с ратными, ратници ваши со... dospѣхомъ ѣздять, да или поѣдете борзо, или *возворотимся* домовъ, яко не наше есть веремья». Игорь же рече с братьею своею: «Оже ны будетъ не бившися возворотитися, то соромъ ны будетъ пуще и смерти; но како ны Богъ дастъ». И тако угадавше, и ѣхаша чересь ночь.

Заутра же, пятъку наставшу, во обѣднее веремья, усрѣтоша полкы половѣцькиѣ, бяхуть бо до нихъ dospѣлѣ – вежѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюрля.⁵⁷³ И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его – Всеволожь, а по лѣву – Святославль, сыновця его, на передѣ ему, сынъ Володимѣръ и другой полкъ Ярославль, иже бяху с Ольстиномъ коуеве, а третий полкъ напередѣ же – стрѣлци, иже бяхуть от всихъ князий выведени. И тако изрядиша полкы своя. И рече

Игорь ко братьи своей: «Братья! Сего есмы искалъ, а потягнемь!». И тако поидоша к нимъ, положаче на Бозѣ упование свое. И яко быша к рѣцѣ ко Сюрлию, и выѣхаша ис половѣцкихъ полковъ стрѣлци и пустивше по стрѣлѣ на русь, и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлия, поскочиша же и ти *полци* силы половѣцкии, коториѣ же далече рѣкы стояхуть.

Святослав же Олговичъ, и Володимѣрь Игоревичъ, и Ольстинъ с коуи стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не распустяста полку своего. Переднии же ти русь биша ѣ, имаша. Половцѣ же пробѣгоша вежѣ, и русь же дошедше вежѣ и ополонишася. Друзии же ночь приѣхаша к полкомъ с полономъ. И яко собращася *полци* вси, и рече Игорь ко братома и к мужемъ своимъ: «Се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на нас честь и слава. Се же видихомъ полки половѣцкии, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили. Нынѣ же поѣдемы чересъ ночь, а кто поѣдѣтъ завтра по насъ, то ци вси поѣдутъ, но лучшии коньници переберуться, а самѣми как ны Богъ дастъ».⁵⁷⁴ И рече Святославъ Олговичъ строема своима: «Далече есмь гонилъ по половцехъ, а кони мои не могутъ, аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то толико ми будетъ на дорожѣ остати». И поможе ему Всеволодъ, якоже облечи ту. И рече Игорь: «Да не дивно есть разумѣющи, братья, умерети». И облекоша ту.

Свѣтаючи же суботѣ, начаша выступати *полци* половецкии, акъ боровѣ. Изумѣшася князи рускии, кому ихъ которому поѣхати: бысть бо ихъ бе-щисленное множество. И рече Игорь: «Се вѣдающе, собрахомъ на ся землю всю – Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича и Терьтробича».⁵⁷⁵ И тако угадавше, вси сосѣдоша с коний, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо, оже побѣгнемъ – утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то от Бога ны будетъ грѣхъ: сихъ выдавше, поидемъ. Но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ». И та рекше, вси сосѣдоша с конѣй и поидоша бьючеся. И тако Божиимъ попущениемъ уязвиша Игоря в руку и умрѣвиша шюицю его. И бысть печаль велика в полку его. И воеводу имяхуть – тотъ напередѣ язвенъ бысть. И тако бишася

крѣпко ту днину до *вечера*, и мнози ранени и мертви быша в полкохъ русскихъ.

Наставши же нощи суботнии, и поидоша бѣючися. Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася ковуеве в полку, побѣгоша. Игорь же бѣшетъ в то время на конѣ, зане раненъ бѣше, поиде к полку ихъ, хотя возвратити к полкомъ. Уразумѣвъ же, яко далече шель естъ от людей, и, соимя шоломъ, погнаше опять к полкомъ, того *дѣля*, что быша познали князя и возвратилися быша. И тако не *возвортися* никтоже, но токмо... Михалко Гюрговичъ, познавъ князя, возвратися. Не бяхуть бо добръ смялися с ковуи, но мало от простыхъ, или кто от отрокъ боярьскихъ, добри бо вся бѣхуться, идуще пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужество *показа*. И яко приближися Игорь к полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одале от полку своего. Держим же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко дабы не видилъ падения брата своего. Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста. И бѣяху бо ся, идуще в кругъ при езерѣ.

И тако во день Святаго Воскресения наведе на ня Господь гнѣвъ свой, в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во *веселиа* мѣсто желю на рѣцѣ Каялы⁵⁷⁶. Рече бо дѣи Игорь: «Помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господомъ Богомъ моимъ, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьяньстѣй, якоже бо азъ не пощаждѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля.⁵⁷⁷ Тогда бо не мало зло подѣяша безвиннии хрестьяни: отлучаемы – отецъ от рожений своихъ, братъ от брата, другъ от друга своего, и жены от подружий своихъ, и дщери от материй своихъ, и подруга от подруги своея. И все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшую, живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святѣи, огнемъ от жизни сея искушение приемши. Старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и *не милостивыя* раны подѣяша, мужи же пресѣкаемы и расѣкаемы бывають, жены же осквѣрняемы. И та вся створивъ азъ, – рече Игорь, – не достойно ми бѣшетъ жити! И се нынѣ вижду отмѣстье от Господа Бога моего: гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата

моего сынъ? гдѣ чадѣ роженія моего? гдѣ бояре думаютъ? гдѣ мужи храбрѣе? гдѣ рядъ полъчнѣй? гдѣ кони и оружья многоцѣннѣе? Не ото всего ли того обнажился! И связана преда мя в руки беззаконнымъ тѣмъ. Се возда ми Господь по беззаконию моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. Истиненъ Господь, и прави суди его зѣло. Азъ же убо не имамъ со живыми части. Се нынѣ вижу другая мучения вѣнча приемлюще; почто азъ единъ повинный не прияхъ страсти за вся си? Но, владыко Господи Боже мой, не *отрини* мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ, рабомъ твоимъ».

И тогда *кончавшюся* полку, розведены быша, и поиде каждо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужъ именемъ Чилбукъ, а Всеволода, брата его, ялъ Романъ Кзичъ, а Святослава Олговича – Елдечюкъ въ Вобурцевичехъ, а Володимера – Копти в Улашевичихъ. Тогда же на полъчищи Кончакъ поручися по свата Игоря,⁵⁷⁸ зане бышетъ раненъ. От толикихъ же людей мало ихъ избысть нѣкакѣмъ получениемъ, не башетъ бо лзѣ ни бѣгающимъ утечи, зане, яко стѣнами силнами, огорожени бяху полкы половѣцскими. *Но нашихъ руси* съ 15 мужъ утекши, а ковуемъ мнѣе, а прочии в морѣ истопоша.⁵⁷⁹

В то же время великѣй князь Всеволодичъ Святославъ шелъ башетъ в Корачевъ и сбирашетъ от Вѣрхънихъ земель⁵⁸⁰ вои, хотя ити на половци к Донови на все лѣто. Яко возвратися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьскаго, и слыша о братѣ своей, оже шли суть на половци, утаившеся его, и не любо бысть ему. Святославъ же идяше в лодьяхъ, и яко приде к Чернигову, и во тѣ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичъ, и повѣда Святославу бывшее о половцѣхъ. Святославъ же, то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: «О, любя моя братья, и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! Дал ми Богъ притомити поганья, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русскую землю. Воля Господня да будетъ о всемъ! Да како жаль ми башетъ на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ, братѣ моемъ».

Посем же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера в Посемье⁵⁸¹. То бо слышавше, возмятошася города посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверьскомъ и по всей волости Черниговьской: князи изымани и дружина изымана и избита. И мятяхуться, акы в мутви, города воставахуть, и не мило бяшетъ тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душъ своих, жалующе по князихъ своихъ. Посем же посла Святославъ ко Давыдови Смоленску, река: «Рекли бяхомъ поити на половци и лѣтовати на Донѣ, нынѣ же половци се побѣдилѣ Игоря и брата его и съ сыномъ, а поеди, брате, постережи землѣ Рускоиѣ». Давыдъ же приде по Днепру, придоша же ины помочи, и сташа у Треполя,⁵⁸² а Ярославъ в Черниговѣ, совокупивъ вои свои, стояшетъ.

Поганыи же половци, побѣдивъше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и скупisha всь языкъ свой на Рускую землю. И бысть у нихъ котора; молвяшетъ бо Кончакъ: «Поидемъ на Киевскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великий князь нашъ Бонякъ»,⁵⁸³ а Кза молвяшетъ: «Поидем на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и... дѣти: готовъ намъ полонъ собранъ, емлем же города без опаса». И тако раздѣлишася надвое: Кончакъ поиде к Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту всь день. Володимеръ же Глѣбовичъ бяхе князь в Переяславлѣ, бяхе же дерзъ и крѣпокъ к рати, выеха из города и потче к нимъ. И по немъ мало дерзнувъ дружинѣ. И бися с ними крѣпко, и обступisha мнозии половцѣ. Тогда прочии, видивше князя своего крѣпко бьющася, выринушася из города и тако отьяша князя своего, язвена сущи трети копы. Сий же добрый Володимеръ язвень, трудень вѣха во городъ свой, и утре мужественаго поту своего за очину свою... Володимеръ же слашетъ ко Святославу и ко Рюрикови и ко Давыдови и рече имъ: «Се половци у мене, а помозите ми». Святослав же слашетъ ко Давыдови, а Давыдъ стояшетъ у Треполя со смолняны. Смолнянѣ же почаша вѣчѣ дѣяти рекуще: «Мы пошли до Киева, даже бы была рать, билися быхом, намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ». Святослав же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во

Днѣпръ противу половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со смолняны. То слышавше половци и возвратишася от Переяславя. Идущи же мимо, приступиша к Римови⁵⁸⁴. Римовичи же затворишася в городѣ и възлѣзше на заборолѣ, и тако Божиимъ судомъ летѣста двѣ городници⁵⁸⁵ с людьми тако к ратнымъ. И на прочая гражаны наиде страх, да которѣи же гражанѣ выидоша изъ града и бяхуться, ходяще по Римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ в городѣ, а тѣ вси взяти быша. Володимеръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ к собѣ, да быша ему помоглѣ. Он же опоздися, сжидающе Давыда с смолняны. И тако князѣ рускиѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же, взявше городъ Римовъ, и ополонишася полона и поидоша восвояси, князи же возворотишася в дома своя, бяхуть бо печални и со сыномъ своимъ Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане башеть *ранень* велми язвами смертными, и хрестьянъ плененыхъ от поганыхъ.⁵⁸⁶

И се Богъ, казня ны грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганья, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны к покаянью, да быхом ся востягнули от злыхъ своихъ дѣлъ. И симъ казнить ны нахождениемъ поганыхъ, да некли *смирившеся* воспомянемъся от злаго пути.

А друзии половцѣ идоша по оной сторонѣ к Путивлю. Кза у... силахъ тяжкихъ и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша. Пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася восвояси.

Игорь же Святославличъ тотъ годъ башеть в Половцехъ, и глаголаше: «Азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду от повеления твоего, владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ. Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужная вся, ихже есмь приялъ азъ». Половци же, аки стыдящеся воевѣдства его, и не творяхуть ему, но приставиша к нему сторожовъ 15 от сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20, но волю ему даяхуть: гдѣ хочеть, ту ѣздяшеть и ястрябомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 с нимъ ѣздяшеть. Сторожевѣ же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ

послашетъ кого – бесъ пря творяхуть повелѣное им. Попа же бяшетъ привелъ из Руси к собѣ со святою службою,⁵⁸⁷ не вѣдѣшетъ бо Божия промысла, но творяшеться тамо и долъго быти. Но избави ѿ Господь за молитву хрестьяньску, имже мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него.

Будущю же ему в половцехъ, тамо... налѣзеса мужъ, родомъ половчинъ, именемъ Лаворъ.⁵⁸⁸ И тотъ приимъ мысль благу и рече: «Поиду с тобою в Русь». Игорь же исперва не имяшетъ ему вѣры, но держаше мысль високу своея уности, мышляшетъ бо, емше мужъ, и бѣжати в Русь,⁵⁸⁹ молвяшетъ бо: «Азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда от дружины, и нынѣ неславнымъ путемъ не имамъ поити». С нимъ бо бяшетъ тысячского сынъ и конюший его, и *та* нудѣста и глаголюща: «Поиди, княже, в *землю* Рускую, аще *восхощет* Богъ – избавить тя». И не угодися ему время таково, какого же искашетъ. Но якоже преже рекохомъ, возвратишася от Переяславля половци, и рекоша Игореву думци его: «Мысль високу и не угодну Господеву имѣешь в собѣ: ты ищещи няти мужа и бѣжати с нимъ, а о семъ чему не разгадаешь, оже приедуть половци с войны, а се слышахомъ, оже избити им князя и васъ и всю русь. Да не будетъ славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь приимъ во сердцѣ свѣтъ ихъ, уполошася приѣзда ихъ, и возиска бѣжати.

Не бяшетъ бо ему лѣзъ бежати в день и в ночь, имѣже сторожевѣ стражахуть его, но токмо и веремѣ таково обрѣтъ в заходѣ солнца. И посла Игорь к Лаврову конюшого своего, река ему: «Перееди на ону сторону Тора⁵⁹⁰ с конемъ поводнымъ», бяшетъ бо свѣчалъ с Лавромъ бѣжати в Русь. В то же время половци напилися бяхуть кумыза. А и бы при вечерѣ пришедъ конюший повѣда князю своему Игореву, яко ждетъ его Лаворъ. Се же вставъ, ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! Аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго!» И возмѣ на ся крестъ и икону, и подоима стѣну, и лѣзе вонъ, сторожем же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спѣща. Сий же пришедъ ко рѣцѣ, и перебрѣдъ, и всѣде на конь, и тако поидоста сквозѣ вежа.

Се же избавление створи Господь в пятокъ в вечерѣ. И иде пѣшь 11 день до города Донця,⁵⁹¹ и оттолѣ иде во свой Новѣгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовася ему и помощь ему... обѣща. Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву, к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, такъже и Рюрикъ, свать его.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В то же лѣто⁵⁹² Богъ вложи... в сердце княземъ русскимъ; ходиша бо князи русстии вси на половци: Святославъ Всеволодиць, Рюрикъ Ростиславичъ,⁵⁹³ Володимеръ Глѣбовичъ,⁵⁹⁴ Святославичъ Глѣбъ, Гюргевичъ Глѣбъ Туровскый, Романовичъ Мстиславъ, Давыдовичъ Изяславъ, Всеволодъ Мстиславичъ и галичская помочъ и володимерьская и лучьская.⁵⁹⁵ И поидоша к ним вкупѣ вси, и, перешедше Уголь рѣку,⁵⁹⁶ 5 дний искаша ихъ. Володимеръ же Глѣбовичъ, внукъ Юргевъ,⁵⁹⁷ ѣздяше напереду в сторожих с переяславци, и берендѣевъ было съ нимъ 2000 и 100.

Половци же услышавше русь, оже пришли на них, ради быша, надѣющеся на силу, рекоша: «Се Богъ вдалъ есть князи рускиѣ и полкы ихъ в руцѣ наши». Устремишася на бой, не вѣдуще глаголемаго, яко: «Нѣсть мужьства, ни есть думы противу Богови». Поидоша противу Володимеру, кличючи, яко пожрети хотяще. Володимеръ же Божьею помочью и святое Богородици и дѣда своего *святою* молитвою укрѣпляем и отца своего, поиде противу им. Испросилъся бѣше у Святослава, рекъ: «Моя волость пуста от половець; пусти мя, отче Святославе, напередъ с сторожи». Князи же русстии не утягли бяху с Володимеромъ. Половци же, узрѣвше полкъ Володимеръ крѣпко идущъ на них, побѣгоша гоними гнѣвомъ Божьимъ и святое Богородици.

Наши же погнаша, сѣкуше я, 7 тысячъ руками изымаша ихъ, князий одинѣхъ было *половецкихъ* 400 и 17: Кобяка руками яша, Осолука, Барака, Тарга, Данила, Башкѣрта, Тарсука, Изу, Глѣба Тирьевича, Ексна, Алака и Толгыя, Давыдовича тести, с сыном, Тѣтия с сыном, Кобякова тѣсти Турундая. И поможе Богъ

и святая Богородица Володимеру мѣсяца *иуля* въ 31 день в понедѣльник, на память святаго Евдокима Новаго.

Сдѣя Господь спасенье велико нашим князем и воемъ ихъ надъ врагы нашими, побѣжени быша иноплеменьници... кумани, рекше половци. И рече Володимеръ: «Съ день, иже створи Господь, възрадуемся и възвеселимся в онъ, яко Господь избавил ны есть от врагъ наших и покори врагы наша под нозѣ наши, и скруши главы змиевыя». И бысть радость велика: дружина ополонишася и колодники поведоша, оружья добыша и конь, и възвратишася домовъ, славяще Бога и святую Богородицу, скорую помощницу роду хрестьяньску.

В лѣто 6694. Мѣсяца мая въ 1 день на память святаго пророка Иеремия, в среду на вечерни бы знаменье въ солнцѣ⁵⁹⁸, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти челоуѣкомъ, въ очю, яко зелено бяше, и въ солнцѣ учинися яко мѣсяць, из рогъ его яко угль жаровъ исхожаше. Страшно бѣ видѣти челоуѣкомъ знаменье Божье.

В то же лѣто, того же мѣсяца мая въ 18 день на память святаго мученика Потапья в субботу родися сынъ у великаго князя Всеволода⁵⁹⁹ и нарекоша имя ему в святѣмъ крещении Костянтинъ.

Того же лѣта здумаша Олгови внуци на половци, занеже бяху не ходили томъ лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о собѣ, рекуще: «Мы есмы ци не князи же? Такыже собѣ хвалы добудем!». И сняшася у Переяславля Игорь съ двѣма сынома⁶⁰⁰ из Новагорода Сѣверьскаго, ис Трубѣча Всеволодъ, *братъ* его, Олговичъ Святославъ из Рыльска⁶⁰¹ и черниговская помочь. И внидоша в землю ихъ. Половци же, услышавше, поидоша, рекуще: «Братья наша избита и отци наши, а друзии изымани, а се нонѣ на нас идут». Послашася по всей земли своей, а сами поидоша к симъ, и ждаша дружины своя, а си к ним идуть, к вежамъ ихъ. Они же не пустячи в вежѣ, срѣтоша ихъ, а дружины не дождавъше и сступишася. И побѣжени бывше половци, и биша и до вежъ, множество полона взяша, жены и дѣти, и стояша на вежах 3 дни веселяся, а рекуще: «Братья наша ходили с Святославомъ, великим князем, и билися с ними, зря на Переяславль⁶⁰², а они сами к ним

пришли, а в землю ихъ не смѣли по них ити. А мы в земли их есмы, и самѣхъ избили, а жены их полонены, и дѣти у насъ. А нонѣ поидемъ по них за Донъ⁶⁰³ и до конца избьемъ ихъ. Оже ны будет ту побѣда, идем по них и луку моря, гдѣже не ходили ни дѣди наши, а возмем до конца свою славу и честь». А не вѣдуще Божья строенья.

А остатокъ бьеных тѣх бѣжаша дружинѣ своей, гдѣ бяху переже вѣсть послали, и сказаша имъ свою погыбель. Они же, слышавше, поидоша к ним, а по друзи *послаша*. И сняшася с ними стрѣлци, и бишася 3 дни стрѣлци, а копьи ся не снимали, а дружины ожидаючи, а к водѣ не дадуче имъ ити.

И приспѣ к ним дружина вся, многое множество. Наши же, видѣвше ихъ, ужасошася, и величанья своего отпадоша, не вѣдуще глаголемаго пророкомъ: «Нѣсть челоуку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу Господеви». Изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони и сами, в знои и в тузѣ, и поступиша мало к водѣ, по 3 дни бо не пустили бяху ихъ к водѣ. Видѣвше ратнии, устремишася на нь, и притиснуша и к водѣ, и бишася с ними крѣпко и бысть сѣча зла велми. Друзии конѣ пустиша к нимъ съсѣдше, и кони бо бяху под ними изнемогли, и побѣжени быша наши гнѣвом Божиимъ. Князи вси изымани быша, а боляре и велможа и вся дружина избита, а другая изымана и та язвена. И възвратишася с побѣдою великою половци, а о наших не бысть кто и вѣсть принеса за наше согрѣшенъе.

Гдѣ бо бяхе в нас радость – нонѣ же въздыханье и плачь распространися! Исаяя бо пророкъ глаголетъ: «Господи, в печали помянухом тя», и прочая.

И *поиде* путем гость, они же казаша, рекуще: «Поидѣте по свою братью, али мы идем по свою братью к вам». Князем же всѣм слышавше таку погыбель о братьѣ своей и до боярѣ, возпиша вси, и бысть плачь и стенанье: овѣмъ бо братья избита и изымана, а другимъ отци и ближикы. А князь Святославъ посла по сыны своѣ и по всѣ князи. И собрашася к нему г Киеву и выступиша г Каневу.⁶⁰⁴ Половци же, услышавше всю землю Русскую идуще, бѣжаша за Донѣ. Святослав же, слышавъ ихъ бѣжавших, възвратися г Киеву со всею князьею, и разидошася в страны своя.

Половци же, услышавше ихъ отшедших, гнаша отай к Переяславлю, и взяша всѣ города по Сулѣ, и у Переяславля бишася весь день. Володимеръ же Глѣбовичъ, видѣ острогъ взимаем, выѣха из города к ним в малѣ дружинѣ, и потче к ним, и бишася с ними крѣпко, и обиступиша князя злѣ. И видѣвше горожане *изнемагающа* своих и выринушася из города и бишася, одва изотяша князя, боденаго тремя копыи. А дружины много избъено. И вбѣгоша в городъ и затворишася. А они възвратишася со многым полоном в вежѣ.

И по малых днѣхъ ускочи Игорь князь у половець – не оставить бо Господь праведнаго в руку грѣшничю: очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ! Гониша бо по нем и не обрѣтоша, якоже и Саулъ гони Давыда⁶⁰⁵, но Богъ избави ѱ, тако и сего Богъ избави из руку поганых. А они вси держими бяху твердо, и стрегоми, и подтверждаеми многими желѣзы и казньми.

Се же... здѣяся грѣх ради наших, зане умножишася грѣси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы своя напастьми различьными, огнемъ и водою и ратью, и иными различными казньми, *хрестьяномъ* бо многими напастьми внити въ царство небесное. Согрешихом – казньми есмы, яко створихом, тако и прияхом, но кажет ны добрѣ Господь нашъ, но да никтоже можетъ рещи, яко ненавидит нас Богъ – не буди такого! Тако любить, якоже ны възлюбилъ е, и страсть приять, нас ради, да ны избавить от неприязни.

Слово о полку Игореве

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова «Слово о полку Игореве» было написано в конце XII века. Поводом для создания произведения явился неудачный поход на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича в 1185 году: русское войско потерпело поражение, а возглавлявшие его князья и оставшиеся в живых воины оказались в плену. Об этом походе рассказывается также в современных событиям летописях (см. отрывки из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, публикуемые в наст. т.).

Однако автор «Слова» создал не воинскую повесть, а произведение совершенно особого жанра. Злосчастный поход Игоря Святославича явился поводом для глубоких раздумий о судьбах Русской земли, о пагубности феодальных междоусобиц, вызвал воспоминания о прошлом – о славных и о трагических периодах русской истории.

В «Слове» сочетаются как бы две художественные стихии – книжная, близкая по системе образов и поэтическим приемам к ораторскому слову, и фольклорная, причем эта последняя объединяет в себе элементы разных жанров – «плачей» и «слав». Яркий язык «Слова», его образная система, ритмический строй, сочетание тонкого лиризма и гражданского пафоса – все эти черты памятника выделяют его среди других произведений русской литературы XII века и в то же время роднят с ними, поскольку те же художественные приемы и те же образы, хотя и не в такой концентрации и не в столь же совершенной форме, мы встречаем и в русских летописях, и в «Словах» Кирилла Туровского, и в таких произведениях XII–XIII веков, как «Слово Даниила Заточника» или «Слово о гибели Русской земли».

Рукописная судьба «Слова» сложилась крайне неблагоприятно. До нового времени сохранился лишь один список памятника. Он входил в состав сборника, принадлежавшего известному ценителю русских древностей, графу А. И. Мусину-Пушкину. Но в 1812 году вся коллекция

рукописей графа погибла в пожаре Москвы. Сгорел и сборник, содержащий «Слово о полку Игореве». Мы располагаем сейчас только изданием памятника, осуществленным в 1800 году А. И. Мусиным-Пушкиным, А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским, а также копией с текста «Слова», изготовленной не позднее 1793 года для Екатерины II. Сравнение первого издания (оно обозначается в дальнейшем буквой П) и Екатерининской копии (Е), а также сравнение языка «Слова» с языком других древнерусских памятников позволило исследователям установить, что издатели в ряде случаев не только недостаточно точно передали текст, подновив его орфографию и допустив немало опечаток, но и не поняли смысла отдельных слов и фраз, не сумели разобраться в написаниях рукописи. Поэтому, положив в основу текст первого издания «Слова», мы устраняем некоторые явные опечатки, иначе, чем в издании 1800 года, делим текст на слова, а также исправляем ошибки рукописи и восстанавливаем написания, неверно прочтенные издателями. В перевод внесен ряд изменений, сравнительно с прежними изданиями. Более подробные комментарии к тексту см. в издании «Слова» в серии «Литературные памятники» (1950 г.) и в изданиях серии «Библиотека поэта» 1952, 1967 и 1985 гг.

* * *

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревом, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову!

Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен уобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол – та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но

свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой с полей на горы!

Так бы петь песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие – стаи галок несутся к Дону великому». Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Белеса: «Кони ржут за Сулой – звенит слава в Киеве!»

Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле, Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый – ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю – славы».

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрыто. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, – сказал, – копьё преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, вострепнулся Див, кличет на вершине дерева, велит

прислушаться земле неведомой: Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутараканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки беду будят по яругам, орлы клетком зверей на кости зовут, лисицы брешут на червлёные щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длится. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щеко́т соловьиный затих, галичий говор пробудился. Русичи широкие поля червлёными щитами перегородили, ища себе чести, а князю – славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и одеждами, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко – храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону великому.

На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают, чёрные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям иступить о шлемы половецкие, на реке на Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вещают: «Половцы идут!», – от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлёными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, – там лежат головы поганных половцев, расщеплены саблями калеными шлемы аварские от твоей руки, Яр-Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна, минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмутаракани, звон же тот слышал давний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеславича жажда славы на смерть привела и на Канине зеленую паполому постлала ему за обиду Олега, храброму и молодому князю. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии, к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и прорастало усобицами, гибло достояние Дажь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили, собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шелома, трещат копыта булатные в поле чужом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костью посеяна, а кровью полита; бедами взошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир dokonчили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю

Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась Обида в силах Даждь-Божьего внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском вспугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, – к морю. А Игорева храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога. Жены русские восплакались, причитая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами не увидеть, а золота и серебра и в руках не поддержать!» И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль потоками потекла по земле Русской. А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора.

Ведь те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством зло пробудили, которое усыпил было отец их, – Святослав грозный великий киевский, – грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю Половецкую, протоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который потопил благоденствие в Каяле, реке половецкой, – русское золото рассыпали. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Уныли городские стены, и веселие поникло.

А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, – говорил, – черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем

смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, и из дебри Кисановой понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе разум нам застигает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмутаракани, либо испить шелоном Дону. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великую радость пробудили в хинове. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана. А мы, дружина, лишились веселия».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в дерзости закалены. Что же учинили вы моим серебряным сединам!

А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой. Но сказали вы: “Помужествуем сами: мы и прежнюю славу поддержим, а нынешнюю меж собой разделим”. Но не диво ли, братия, старику помолодеть! Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот мне беда – княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у

Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол побережь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злаченными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремяна за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

А ты, храбрый Роман, и Мстислав! Храбрые помыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в дерзости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. Потому и дрогнула земля, и многие народы – хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы – копья свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича – не худого гнезда шестокрыльци! Не по праву побед расхитили себе

владения! Где же ваши золотые шлемы, и сулицы польские, и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет у тех грозных полочан под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен... И сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями придели, а звери кровь полизади». Не было тут ни брата Брячислава, ни другого – Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо потеряли уже дедовскую славу. В своих распрах начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова. Из-за уوبيц ведь началось насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна бросил Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью поднялся... достиг града Киева и коснулся копьем своим золотого престола киевского. А от них бежал, словно лютый зверь, в полночь из Белгорода, окутанный синей мглой, трижды добыл победы: отворил ворота Новгороду, разбил славу Ярославову, скакнул волком на Немигу с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добрым засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета дорыскивал до Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще

давно припевку молвил, мудрый: «Ни хитрому, ни удачливому ...суда Божьего не избежать!».

О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне одни стяги Рюриковы, а другие – Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются. Копья поют...

На Дунае Ярославнин голос слышится, одна-одинешенька спозаранку как чайка кличет. «Полечу, – говорит, – чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе лады Святославовы до стана Кобякова. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море».

Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыка, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло».

Вспенилось море в полуночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой – велит князю разуместь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем – на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него босым волком, и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под

облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая с себя студеную росу: загнали они своих быстрых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец! Разве не мало тебе славы, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядьми в ветрах» Не такая, говорят, река Стугна: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а дерево в тоске к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали – по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, – расстреляем соколенка своими злаченными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: «Олега кагана жена! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе – Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае – вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом – молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй-Тур Всеволоду, Владимиру Игоревичу!

Здравы будьте, князья и дружина, выступая за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

* * *

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА⁶⁰⁶

Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣмъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ⁶⁰⁷ бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы, помняшетъ бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашетъ 10 соколовъ на стадо лебедѣй, которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу⁶⁰⁸ храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю⁶⁰⁹ предъ плъкы касожьскими, красному Романови Святъславличю.⁶¹⁰ Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимирѣ⁶¹¹ до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцкую за землю Рускую,

О Бояне, соловию стараго времени!⁶¹² А бы ты сиа плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу,⁶¹³ летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню⁶¹⁴ чресъ поля на горы!

Пѣти было пѣснь Игоревѣ, того внуку:⁶¹⁵ «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая – галици стады бѣжать къ Дону Великому». Чи ли вѣспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуке:⁶¹⁶ «Комони ржутъ за Сулою⁶¹⁷ – звенить слава въ Киевѣ!»

Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ,⁶¹⁸ Игорь ждетъ мила брата Всеволода.⁶¹⁹ И рече ему Буй Туръ⁶²⁰ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый – ты, Игорю!

Оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои брѣзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напередѣ. А мои ти куряни свѣдоми кѣмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени; пути имѣ вѣдоми, яругы имѣ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени. Сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю – славѣ».

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты,⁶²¹ И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце жѣ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои брѣзья комони да позримъ синего Дону». Спала князю умѣ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо, – рече, – копие приломити⁶²² конецъ поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

Тогда вѣступи Игорь князь въ златѣ стремянѣ и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, ношѣ стонуши ему грозою птичѣ убуди, свистѣ звѣринѣ вѣста, збисѣ Дивъ,⁶²³ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влѣзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню,⁶²⁴ и тебѣ, *Тьмутороканьскый* блѣванъ.⁶²⁵ А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому: крычатъ *тельгы* полунощѣ, рци, лебеди распущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птичѣ по дубию, влѣци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чрѣленые щиты.⁶²⁶

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длѣго ночь *мръкнетъ*. Заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекотѣ славий успе, говорѣ галичѣ *убудисѣ*. Русичи великая поля чрѣлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю – славы.

Съ зарания въ *пятѣкъ* потопташа поганые плѣкы половецкыя и, рассушѣсь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты,⁶²⁷ Орьтѣмами, и япончицами, и кожухы⁶²⁸ начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими

узорочьи половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрьлена чолка, сребрено стружие – храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьный воронъ, поганый половчине! Гзакъ бѣжить сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ⁶²⁹ ему слѣдъ править къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чрьныя туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мълнии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламатъ, ту ся саблямъ потручатъ о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ,⁶³⁰ у Дону Великаго.

О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци,⁶³¹ вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ: «Половци идуть»; отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы *оступиша*. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрьлеными щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеси на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными.⁶³² Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,⁶³³ – тамо лежатъ поганыя головы половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя⁶³⁴ отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая *рана* дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрьнигова отня злата стола,⁶³⁵ и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны,⁶³⁶ свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя.⁶³⁷ Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тьмутороканѣ, *той* же звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ *Всеволодъ*, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.⁶³⁸ Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы⁶³⁹ Святоплѣкъ *полелѣя* отца своего междю угорьскими иноходьцы

ко святѣй Софии къ Киеву.⁶⁴⁰ Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци челоукомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати, и въ ты плѣкы, а сицей рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чрѣна земля подѣ копыты костыми была посяна, а кровию поляна; тугою въздоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предѣ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода.⁶⁴¹ Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи⁶⁴² Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста, ту пирѣ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша,⁶⁴³ а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилося.

Уже бо, братие, невеселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, *вступила* дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебедиными крылы⁶⁴⁴ на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганя погыбе, рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мѣлвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече заиде соколъ, птицѣ бѣя, – къ морю. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити! За нимъ кликну Карна, и Жля⁶⁴⁵ поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.⁶⁴⁶ Жены руския вѣсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима сѣглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою, а Черниговѣ напастыми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средѣ земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами,

побѣдами нарищуе на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.⁶⁴⁷

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу *убудиста* *которою*; *ту* бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ⁶⁴⁸ грозный великий Киевскый грозою, бѣшетъ *притрепаль* своими сильными плѣкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую,⁶⁴⁹ притопта хлѣми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота. А поганого Кобяка изъ луку моря,⁶⁵⁰ отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже. И падесе Кобякъ въ градъ Киевъ, въ гриднищѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы,⁶⁵¹ а веселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. «*Синочи* съ вечера *одѣвахуть* мя, – рече – чръною паполомою на *кровати* тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дѣскы безъ кнѣса⁶⁵² в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ночь съ вечера *бусови* врани възграяху у Плѣсньска на *болоньи*, бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю».⁶⁵³

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а *самою опуташа* въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркаста, оба багряная стлѣпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ *нима* молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци,⁶⁵⁴ аки пардуже гнѣздо,⁶⁵⁵ и великое буйство подасть Хинови.⁶⁵⁶ Уже снесесе хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса Дивъ на землю. Се бо готскія красныя дѣвы⁶⁵⁷ въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово,

лелѣють мѣсть Шароканю.⁶⁵⁸ А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий *Святъславъ* изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и *многовая* брата моего Ярослава, съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ реугы, и съ ольберы.⁶⁵⁹ Тии бо бес щитовъ, съ засапожники, кликомъ плѣкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: “Мужаемъся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю *си* сами подѣлимъ”. А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,⁶⁶⁰ высоко птацъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло – княже ми непособие; наниче ся години обратиша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,⁶⁶¹ а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!»⁶⁶²

Великий княже Всеволоде!⁶⁶³ Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити⁶⁶⁴, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ.⁶⁶⁵ Ты бо можеши посуху живыми шерешеры стрѣляти – удалыми сыны Глѣбовы.⁶⁶⁶

Ты, буй Рюриче, и Давыде!⁶⁶⁷ Не ваю ли *вои* злаченными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемъ? Вступита, господина, въ злата *стремена* за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!⁶⁶⁸ Высоко сѣдиши на своемъ златоконанѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи⁶⁶⁹ своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча *бремены*⁶⁷⁰ чрезъ облаки, суды рядя до

Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, *отворяеши* Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями.⁶⁷¹ Стрѣлай, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!⁶⁷² Храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи *паворзи* подѣ шеломи латинскими.⁶⁷³ Тѣмъ и тресну земля, и многи страны – Хинова, Литва, Ятвязи,⁶⁷⁴ Деремела⁶⁷⁵ и Половци – сулицы⁶⁷⁶ своя *повръгоша*, а главы своя *подклониша* подѣ тьи мечи харалужныи. Нѣ уже, княже, Игорю *утрѣплѣ* солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по *Роси* и по Сули⁶⁷⁷ гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити! Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи,⁶⁷⁸ не худа гнѣзда шестокрилци!⁶⁷⁹ Не побѣдными жребии собѣ власти расхытите! Кое ваши златыи шеломи и сулицы ляцкии и щиты? Загородите Полю ворота⁶⁸⁰ своими острыми стрѣлами, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подѣ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,⁶⁸¹ позвони своими острыми мечи о шеломи литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подѣ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи. *Исхыти* юна кров, а тьи рекъ:⁶⁸² «Дружину твою, княже, птицъ крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не *бысть* ту брата Брячеслава, ни другаго – Всеволода,⁶⁸³ единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. *Уныли* голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ городеньскіи.⁶⁸⁴

Ярославе и вси внуце Всеславли!⁶⁸⁵ Уже *понизите* стязи свои, *вонзите* свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславу: *которою* бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ⁶⁸⁶ жребий о дѣвицю себѣ любу. Тѣй клюками подпрѣся о кони,⁶⁸⁷ и скочи къ граду Киеву, и дотчеса стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мыглѣ, утрѣже *вазни* с три кусы: *отвори* врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влѣкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костыми русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови⁶⁸⁸ влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи⁶⁸⁹ въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ *дрѣзѣ* тѣлѣ,⁶⁹⁰ нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду⁶⁹¹ суда Божиа не минути!»

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей! Того стараго Владимира⁶⁹² нелѣзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии – Давидовы, нѣ *розно* ся имъ хоботы пашуть.⁶⁹³ Копиа поють.⁶⁹⁴

На Дунаи⁶⁹⁵ Ярославнынъ гласъ⁶⁹⁶ слышитъ, зегзицею *незнаема* рано кычетъ.⁶⁹⁷ «Полечю, – рече, – зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ⁶⁹⁸ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «О *вѣтре* вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновъскыя стрѣлки на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бѣшетъ *горѣ* подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ

Святослави носады до плъку Кобякова.⁶⁹⁹ Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпря-же, тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи; идуть сморци мъглами. Игореву князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца.⁷⁰⁰ Комонъ въ полуночи Овлуръ⁷⁰¹ свисну за рѣкою – велить князю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкии *подвизаша*. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, *възврѣжеса* на брѣзъ комонъ, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнию зелену древу. Стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ». Не тако ли, рече, рѣка Стugna: худу струя имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, роstrена к усту, уношу князя *Ростислава* затвори днѣ *при* темнѣ березѣ.⁷⁰² Плачется мати *Ростиславля* по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли *прѣклонилося*.

А не сорокы втрискоташа – на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не трискоташа, *полозие*⁷⁰³ ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми *пѣсньми*

свѣтъ повѣдаютъ. Млѣвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летить, – соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею».⁷⁰⁴ И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити вѣ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына⁷⁰⁵ Святъславля, *пѣснотворца* стараго времени Ярославля: «Ольгова коганя хоти! Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло и тѣлу кромѣ головы», – Руской земли безъ Игоря!

Солнце свѣтитъ на небесѣ – Игорь князь вѣ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи – вѣются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей.⁷⁰⁶ Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти! Слава Игорю *Святъславличю*, Буй Туру *Всеволоду*, Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за христѣяны на поганѣя плѣки! Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

Слово Даниила Заточника

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. В. Соколовой

Произведение Даниила Заточника принадлежит к числу наиболее интересных литературных памятников Древней Руси. Оно известно в нескольких редакциях, которые настолько отличаются друг от друга, что правильнее говорить не о разных редакциях одного произведения, а о разных произведениях, подписываемых именем Даниила, или анонимных. Один из двух основных памятников называется «Словом Даниила Заточника», другой – «Молением Даниила Заточника». Едва ли не все основные вопросы литературной истории этого произведения до сих пор не решены окончательно. Спорным является прежде всего вопрос о личности автора и характере его сочинения. Одни исследователи считают, что Даниил Заточник – чисто литературный образ, от лица которого анонимный автор создал сугубо литературное произведение, другие полагают, что Даниил Заточник – историческая личность, а его произведение – реальное послание князю. Сторонники последней точки зрения по-разному определяют социальный статус Даниила (дворянин, дружинник, ремесленник, холоп, летописец и т. п.) и адресатом послания считают разных князей.

Спорным также является вопрос о взаимоотношении и датировке «Слова» и «Моления». Одни ученые считают первичным «Слово», датируя его XII в., другие – «Моление», датируя его XIII в.

Автор данной публикации считает, что «Моление» – это литературный отклик на «Слово», своеобразная пародия на него. Однако и публикуемое в настоящем издании «Слово» не является первоначальным авторским текстом. Оно дошло до нас в списках XVI–XVII вв., отражающих, по всей вероятности, поздний этап литературной истории памятника.

Первоначальный, авторский текст «Слова» представлял собой, вероятно, послание опального княжеского дружинника своему князю, Ярославу Владимировичу, с перерывами

княжившему в Новгороде в 80-е – 90-е гг. XII в.; в это время и было, очевидно, написано послание.

Оказавшись в опале за свою дерзость, излишнюю прямоту и испытав в изгнании все тяготы нищенской жизни, Даниил обращается к князю с просьбой помиловать его и вернуть в княжескую дружину, указывая на свои достоинства (ум, мудрость, дар художественного слова) и претендуя на роль княжеского советника, посла и ратора.

Авторский текст «Слова» Даниила Заточника был написан по всем правилам эпистолярного жанра. В нем, в частности, содержатся все необходимые композиционные части послания, в средневековых латинских риториках носящие названия *salutatio*, *exordium*, *captatio benevolentiae*, *narratio*, *petitio*, *argumentatio*, *conclusio*.

Соблюдено Даниилом и такое правило эпистолярного жанра, как афористичность. Даниил использует афоризмы, фразеологию и образность Библии и различных древнерусских памятников, создавая из «чужих слов» глубоко личное, цельное и органичное произведение.

«Слово» Даниила Заточника было написано книжным языком, в высоком стиле, для которого характерна, в частности, абстрагированность, «деконкретизация».

Характеризуя стиль «Слова» и «Моления», Д. С. Лихачев отметил в них скоморошье балагурство автора (см.: *Лихачев Д. С. Моление Даниила Заточника. – Великое наследие. М., 1975. С. 205–221; 2-е изд., доп. М., 1980. С. 241–258; см. также в предисловии к наст. т. с. 13–14*). Соглашаясь с этим, можно, однако, предположить, что первоначальному авторскому тексту «Слова» скоморошье балагурство не было присуще, а привнесено в «Слово» позднейшими вставками.

Высоким стилем послания продиктована и ритмико-строфическая организация авторского текста, что графически отражено в данном издании. «Слово» написано псалтырным, или молитвословным стихом. По словам Д. С. Лихачева, Даниил широко использует характерный для псалмов прием стилистической симметрии, а также другие парные сочетания: сравнение, противопоставление, риторическое «качание» (см.:

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979, с. 174–175). Эти парные сочетания и являются основой ритмической организации текста «Слова».

В дошедшем до нас виде «Слова» первоначальный текст, как это часто бывало в рукописной традиции, значительно расширен позднейшими вставками (обоснование этого см. в статье: Соколова Л. В. К характеристике «Слова Даниила Заточника»: Реконструкция и интерпретация первоначального текста. – ТОДРЛ, т. 46, с. 229–255. Там же см. публикацию текста с выделением вставок). Добавленные цитаты, пословицы, «мирские притчи» развивают затронутые автором популярные в древнерусской литературе темы о бедных и богатых, о щедром и скупом господине, о мудрых и глупых, о «злых» женах и т. п. В результате вставок была утрачена композиционная стройность и стилистическая однородность текста, нарушена его ритмико-строфическая организация, наряду с книжной лексикой появилась бытовая лексика «мирских притч», скоморошин. Текст перестал быть посланием, превратившись в произведение другого жанра.

«Слово» печатается по списку XVII в., «Академическому» (название дано по бывшему месту хранения: библиотека СПб. Духовной академии), лучше других сохранившему первоначальный текст. Шифр рукописи: РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 43/1120.

При переводе и комментировании «Слова» использованы перевод и комментарий Д. С. Лихачева, опубликованные в кн.: ПЛДР, 2, с. 388–399, 688–690.

* * *

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, КОТОРОЕ ОН НАПИСАЛ
СВОЕМУ КНЯЗЮ, ЯРОСЛАВУ ВСЕВОЛОДОВИЧУ

Вострубим, как в златокованные трубы, в разум ума своего
И начнем бить в серебряные органы плетения мудрых
словес своих.

Восстань, слава моя, восстань в псалтири и в гусях!

Встану рано, исповедуюсь тебе;

Да раскрою в притчах раздумья мои

И возведу народам славу мою.

Ведь сердце разумного укрепляется в теле его красотой и мудростью.

Был язык мой – словно трость книжника-скарипта,
И сладкоречивы уста, как быстрые струи речные.

Поэтому вознамерился я написать о всех оковах сердца моего

И разбил их с ожесточением, как древние – младенцев о камень.

Но боюсь, господине, осуждения твоего,

Ибо я – как та смоковница проклятая:

Не имею плода покаяния.

Ведь сердце мое – как лицо без очей,

И был ум мой – как филин на развалинах.

Радел я о твоём благе –

И дерзостью погубил свою жизнь, как хананейские цари;

И покрыла меня нищета, как Красное море фараона.

Сие же написал тебе, спасаясь от лица убожества своего,

Как рабыня Агарь от Сарры, госпожи своей.

Ведал я, господине, твою благосклонность

И прибегаю к дружеской твоей любви.

Ибо говорится в Писании:

Просящему у тебя дай, стучащему открой,

Да не будешь лишен царствия небесного.

Ибо написано:

Возложи на Господа печаль свою,

И он напаяет тебя вовеки.

Ведь я, княже мой, господине,

Как чахлая трава, растущая в застении,

На которую ни солнце не светит, ни дождь не попадает;

Так и я всего лишен,

Ибо огражден страхом гнева твоего,

Как оградой прочной.

Но не взирай на меня, господине, как волк на ягненка,

А зри на меня, как мать на младенца.

Взгляни на птиц небесных:

Не пашут они, не сеют, но уповают на милость Божию;

Так и мы, господине, жаждем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне – горе лютое;
Кому Белое озеро, а мне – черней смолы;
Кому Лаче озеро, а мне, на нем в ссылке живущему, плач
горький;
И кому Новгород, а по мне – и углы развалились,
Ибо не процвела там моя судьба.
Друзья же мои и близкие мои – и те отвергли меня,
Ибо не предложил им трапезы с многоразличными яствами.
Многие ведь дружат со мной, опуская руку со мною в
блюдо,
А в несчастье ведут себя как враги,
Помогая даже сбить меня с ног;
Очами плачут со мной, а в душе смеются надо мною.
Поэтому не верь другу и не надейся на брата.
Правду ведь сказал князь Ростислав:
«Лучше бы мне смерть, чем Курское княжение»;
Так же и для мужей:
Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете.
Как и Соломон сказал:
«Ни богатства, ни бедности, Господи, не дай мне.
Если буду богат – возгоржусь,
Если же буду беден – задумаю воровство и разбой,
Как женщины распутство».
Потому-то я и взываю к тебе, плененный нищетою:
Помилуй меня, потомок великого царя Владимира,
Да не восплачу, рыдая, как Адам о рае;
Пошли тучу на землю убожества моего.
Ибо, господине, богатый муж везде известен,
Он и на чужой стороне друзей имеет,
А убогий и в своей презренным ходит.
Богатый заговорит – все умолкнут
И вознесут речь его до небес,
А убогий заговорит – все на него крикнут.
Чьи одежды светлы, тех и речь честна.
Княже мой, господине!
Избавь меня от нищеты этой,
Как серну от сетей,

Как птенца от силков,
Как утенка от когтей ястреба,
Как овцу от львиной пасти.
Я ведь, княже, как дерево при дороге:
Многие обрубают его и бросают в огонь;
Так вот и я обижаем всеми,
Ибо не огражден страхом наказания твоего.
Как олово гибнет, часто переплавляемое,
Так и человек, претерпевающий много бед.
Ведь никто не может ни солью питаться, ни в печали
размышлять.

Всякий человек находчив и мудр, когда судит о чужой беде,
А к своей ума не приложит.
Злато испытывается огнем, а человек бедами.
Пшеница, долго мучимая, становится чистым хлебом,
А человек, будучи в печали, обретает зрелый ум.
Моль, княже, одежду ест, а печаль – человека;
У горящего человека сохнут кости.
И если кто человека в печали призрит,
То как студеной водой его в жаркий день напоит.
Птица ведь радуется весне, а младенец матери;
Весна украшает цветами землю,
А ты оживляешь всех людей своей милостью,
Сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.
Княже мой, господине! Дай же мне лицезреть тебя,
Ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен;
Мед источают уста твои, и послание твое – как сад с
плодами.

Когда увеселяешься многими яствами –
Вспомни меня, сухой хлеб жующего;
Или когда пьешь вкусные напитки –
Вспомни меня, теплую воду пьющего на ветру;
Когда лежишь на мягкой постели под собольими одеялами

—

Вспомни меня, под единой тряпицей лежащего и от холода
умирающего,

И каплями дождевыми, словно стрелами, до сердца пронзаемого.

Да не будет, княже мой, господине,
Рука твоя согнута на подаяние неимущим,
Ибо ни чашею моря не расчерпать,
Ни милостыней дома твоего не истощить.
Как невод не удерживает воду, а одних лишь рыб,
Так и ты, княже, не удерживай злата и серебра,
А раздавай людям.

Паволока красива, расшитая множеством шелков,
А князь честен и славен по всем странам множеством слуг.
Некогда ведь похвалялся царь Иезекииль перед послами
царя вавилонского,

Показывая им множество злата и серебра, –
Они же сказали ему:

«Наш царь богаче тебя не множеством злата, а множеством
воинов,

Ибо воины злато добудут, а воинов златом не добыть».

Как сказал князь Святослав, сын Ольги,
Идя на Царьград с небольшой дружиной:
«Братия! Нам ли от этого града погибнуть
Или граду пленену быть?

Как Бог повелит, так и будет:

Погонит один сто, а от ста побегут тысячи.

Уповающий на Господа как гора Сион:

Не дрогнет вовеки».

Славно со смельчаком коней пасти;

Так и с хорошим князем в бой идти.

Часто из-за беспорядка полки погибают.

Видел я: огромен зверь, а головы нет;

Так же и множество полков без мудрого князя.

Гусли ведь настраиваются перстами,

А тело скрепляется жилами,

А дуб удерживается множеством корней;

Так же и град наш – твоею властью.

Ведь щедрый князь – отец всем слугам своим;

Многие оставляют отца и мать и к нему приходят.

Ибо кто доброму господину служит – дослужится до свободы,

А кто злему господину служит – дослужится до большей неволи.

Ведь щедрый князь – как равнинная река с пологими берегами,

Насыщающая не только людей, но и зверей,

А скупой князь – как река в каменных берегах:

Нельзя ни самому напиться, ни коня напоить.

А боярин щедрый – как источник с пресной водой при дороге:

Насыщает мимо идущих.

А боярин скупой – как источник с соленой водой.

Не имей двора близь царского двора

И не держи села близь княжьего села.

Ибо тиун господский – как огонь, на осине разложенный,

А рядовичи его – как искры.

Если от огня убережешься,

То от искр не сможешь уберечься –

И прожжешь одежду.

Господине мой! Не лиши хлеба нищего мудреца

И не вознеси до небес богатого глупца.

Ибо нищий мудрец – как золото в грязном сосуде,

А богатый – разодетый, но глупый –

Как шелковая наволочка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою,

Но взглядишь в сущность мою.

Ибо одеждой я оскудел, но разумом богат;

Юный возраст у меня, но зрелый ум во мне.

Парил бы я мыслию, как орел по воздуху.

Поставь сосуд глиняный под капель с языка моего,

Да накаплет тебе слова уст моих, – слаще меда они.

Как Давид сказал:

«Сладки слова твои, лучше меда они устам моим».

Ибо Соломон сказал:

«Слова добрые сладостью питают душу,

Сердце же неразумного наполняет печаль».

Мудрого мужа посылая – мало ему объясняй,
А неразумного посылая – и сам не ленись вслед идти.
Ибо очи мудрых устремлены к благим делам,
А очи неразумных – к дому пирующих.

Лучше слышать спор умных, чем наставление глупых.
Наставь премудрого – станет еще мудрее. Не сей на бороздах
жито, а мудрость – в сердце глупых. Глупых не сеют, не
выращивают, и в житницу не собирают, – сами родятся. Как в
дырявый сосуд лить, так и безумного учить. Псам и свиньям не
нужно золото и серебро, а глупому – дорогие слова. Мертвеца не
рассмешить, а глупого не научить. Когда пожрет синица орла,
когда камень поплывет по воде, и когда будет свинья на белку
лаять, – тогда глупый уму научится.

Быть может, скажешь: «По глупости мне это наговорил». –
Но не видел я неба войлочного, ни звезд из лыка, ни глупого,
мудрость изрекающего. Быть может, скажешь: «Солгал ты, как
пес». – Но хорошего пса князь и бояре любят. Быть может,
скажешь: «Солгал, как вор». – Но если бы я умел украсть, то не
молил бы тебя с такой скорбью. Ведь девица губит свою красоту
распутством, а муж свое мужество – воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, а ветры;
Не огонь раскаляет железо, а нагнетающие воздух мехи;
Так же и князь не сам впадает в грех, а советники вводят.

С мудрым советником совещаюсь, князь высокий престол
займет,

А с плохим советником совещаюсь – меньшего лишен будет.

Говорится ведь в народных присловьях:

Не скот меж скота козы,

Не зверь меж зверей еж,

Не рыба меж рыб рак,

Не птица меж птиц летучая мышь,

Не муж среди мужей, над которым жена властвует,

Не жена среди жен, которая от своего мужа блудит,

Не работа среди работ – под началом женок повоз возить.

Дивней дивного, если кто возьмет в жены уродину ради
богатства. Видел я жену некрасивую, приникнувшую к зеркалу и
мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотришь в зеркало,

ибо, увидевши безобразие лица своего, сильно опечалишься из-за этого».

Быть может, скажешь мне:

«Женись на богатой ради чести великой;
У богатого тестя в доме пей и ешь».

Но лучше мне бурого вола ввести в свой дом, чем злую жену взять.

Вол ведь не говорит и зла не замышляет,
А злая жена наказуема – бесится, а укрощаема – заносится;
В богатстве тщеславной становится, а в бедности других осуждает.

Что такое злая жена? Приют ненадежный, бесчинница бесовская. Что такое злая жена? В миру – мятеж, ослепление уму, источник всякой злобы; в церкви – таможня бесовская: греху – пособница, спасению – преграда.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не испытает, то дай Бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят. Вот как, братья, распознайте злую жену: говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя не в силах смотреть: когда ты говоришь со мной, тогда лишь гляну – и обмираю, и содрогаюсь всем телом, и падаю на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла:

«Крест – глава церкви, а муж – жене своей».

Жены, стойте же в церкви и молитесь Богу и святой Богородице;

А чему хотите учиться – учитесь дома у своих мужей.

А вы, мужья, по закону наставляйте жен своих,

Ибо нелегко найти добрую жену.

Добрая жена – украшение мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое, разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом мужа своего истощает. Лучше в утлой ладье плавать, нежели злой жене тайну поведать: утлая ладья одежду намочит, а злая жена всю жизнь своего мужа погубит. Лучше камень долбить, чем злую жену учить. Железо переплавишь, а злой жены не научишь, ибо злая жена ни учения не слушает, ни

священника не чтит, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Кто свирепее льва среди четвероногих,
И кто ядовитее змеи среди ползущих по земле?
Всех тех злее злая жена.

Нет на земле ничего лютее женской злобы.
Сперва из-за жены предок наш Адам из рая изгнан был;
Из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу заточен был;
Из-за жены пророка Даниила в ров ввергли,
Где львы ему ноги лизали.

О злое, острое оружие дьявола
И стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена. Он же вскоре начал детей продавать. И люди спросили его: «Почему детей продаешь?» Он же ответил: «Если уродились они в мать, то, выросши, меня продадут».

Но вернемся к прежнему.

Я, княже, за море не ходил, у философов не учился,
Но был как пчела, припадающая к разным цветам
И собирающая их нектар в соты;

Так и я, из многих книг выбирая сладость словесную и мудрость,

Собрал их, как в сосуд воды морские.

Но не стану много говорить.

Не обличай в споре с глупцом глупость его,
Дабы не уподобиться ему.

Перестану с ним много говорить.

Да не буду как худой мешок,
Роняя свое богатство в руки неимущим;

Да не уподоблюсь жерновам,
Которые многих людей насыщают,

А сами себя не могут насытить житом.

Да не буду ненавистен миру долгою беседою,
Как птица, что поет без умолку и скоро ненавистной становится.

Говорится ведь в народных присловьях:

Длинная речь – не благо, благо – длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему
Самсонову силу, храбрость Александрову,
Разум Иосифа, мудрость Соломона, хитрость Давида.
И умножь, Господи, людей, подвластных ему.
Богу нашему слава и ныне, и присно, и в век.

* * *

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА СВОЕМУ
КНЯЗЮ, ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ

Въструбимъ, яко во златокотаныя трубы, в разумъ ума
своего

И начнемъ бити в серебряныя органы⁷⁰⁷ *возвѣстия* мудрости
своеа.

Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех!

Востану рано, исповѣмъ ти ся;⁷⁰⁸

Да разверзу въ притчахъ гадания моя

И повѣщаю въ языцѣхъ славу мою.⁷⁰⁹

Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою
и мудростию.

Бысть языкъ мой – трость книжника-сорописца,⁷¹⁰

И увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость.

Сего ради покушахся написати всякъ съюзъ сердца моего

И разбихъ злѣ, аки древняя – младенца о камень.⁷¹¹

Но боюся, господине, похуления твоего на мя.

Азъ бо есмь аки она смоковница проклятая:⁷¹²

Не имѣю плода покаянію.⁷¹³

Имѣю бо сердце – аки лице безъ очию,

И бысть умъ мой – аки ночный вранъ на нырищи.⁷¹⁴

Забдѣхъ – и расыпаса животъ мой, аки ханаонскыи царь,
буестию;⁷¹⁵

И *покры* мя нищета, аки Чермное море фараона.⁷¹⁶

Се же бѣ написахъ, бѣжа от лица художества моего,

Аки Агарь рабыни от Сарры,⁷¹⁷ госпожа своеа.

Но видихъ, господине, твое добросердіе к собѣ

И притекохъ къ обычной твоей любви.

Глаголетъ бо въ Писании:

Просящему у тебе дай, толкущему отверзи,⁷¹⁸

Да не лишенъ будеши царствія небеснаго.

Писано бо есть:
Возверзи на Господа печаль свою,
И той тя препитаеть въ вѣки.⁷¹⁹
Азъ бо есмь, княже господине,
Аки трава блещена, растяще на застѣнии,⁷²⁰
На нюже ни солнце сияеть, ни дождь идет;
Тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь,
Зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа,
Яко *плотомъ* твердым.
Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня,
Но зри на мя, аки мати на младенецъ.
Возри на птица небесныа,
Яко тии не орють, ни сѣють,⁷²¹ но уповають на милость
Божию;
Тако и мы, господине, *желаем* милости твоеа.
Зане, господине, кому Боголюбиво,⁷²² а мнѣ горе лютое;
Кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣй смолы;
Кому Лаче озеро,⁷²³ а мнѣ, на нем сѣдя, плачь горкий;
И кому ти есть Новъгород,⁷²⁴ а мнѣ и углы опадали,
Зане не процвите часть моя.
Друзи же мои и ближнии мои и тии отврѣгошася мене,
Зане не поставих пред ними трепезы многоразличных
брашенъ.
Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в
солило,
А при напасти аки врази обрѣтаются
И паки помагающе подразити нози мои;
Очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся.
Тѣмъже не ими другу вѣры, ни надѣйся на брата.
Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь:
«Лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение»;⁷²⁵
Такоже и мужеви:
Лѣпше смерть, ниже продолжень животъ в нищети.
Якоже бо Соломонъ рече:
Ни богатства ..., ни убожества, Господи, не дай же ми.
Аще ли буду богатъ – гордость восприиму,
Аще ли буду убогъ – помышляю на татбу и на разбой,⁷²⁶

А жены на блядню.
Тѣмъже вопию к тебѣ, одержимъ нищетою:
Помилуй мя, сыне великаго царя Владимира,⁷²⁷
Да не восплачюся, рыдая, аки Адамъ рая;
Пусти тучю на землю художества моего.
Зане, господине, богат мужъ везде знаем есть,
И на чюжей странѣ друзи держить,
А убогъ во своей ненавидим ходить.
Богат возглаголетъ – вси молчат
И вознесут слово его до облакъ,
А убогий возглаголетъ – вси на нь кликнуть.⁷²⁸
ихже ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна.
Княже мой, господине!
Избави мя от нищеты сея,
Яко серну от тенета,
Аки птенца от кляпци,⁷²⁹
Яко утя от ногти носимаго ястреба,
Яко овца от устъ лвовъ.
Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути:
Мнозии бо посѣкають его и на огонь мечють;
Тако и азъ всѣм обидимъ есмь,
Зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа.⁷³⁰
Якоже бо олово гинеть, часто разливаемо,
Тако и человѣкъ, приемля многия бѣды.
Никтоже может соли зобати, ни у печали смыслити.
Всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣди,
А о своей не можетъ смыслити.
Злато *искушается* огнемъ, а человѣкъ напастьми.
Пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ являетъ,
А в печали человѣкъ обрѣтаетъ умъ свръшенъ.
Молеве, княже, ризы ѣдятъ, а печаль – человѣка;
Печалну бо мужу засышють кости.⁷³¹
Аще кто в печали человѣка призрит,
Какъ студеною водою напоить во знойный день.
Птица бо радуется весни, а младенецъ матери;
Весна украшаетъ цвѣты землю,
А ты оживляеши вся человѣкы милостию своею,

Сироты и вдовици, от велможь погружаемы.
Княже мой, господине! Яви ми зракъ лица своего,
Яко гласъ твой сладокъ, и образ твой красенъ;
Мед истачають устнѣ твои,⁷³² и послание твое – аки рай с
плодом.

Но егда веселишися многими брашны –
А мене помяни, сух хлѣбъ ядуща;
Или пиеши сладкое питье –
А мене помяни, теплу воду пьюща от мѣста незавѣтрена;⁷³³
Егда лежиши на мягких постелях под собольими одѣялы –
А мене помяни, под единым платом лежаща и зимою
умирающа,

И каплями дождевыми, аки стрѣлами, сердце пронизающе.
Да не будет, княже мой, господине,
Рука твоя согбена на подание убогих:⁷³⁴
Ни чашею бо моря расчерпати,
Ни нашим иманиемъ твоего дому истощити.
Якоже бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы,
Тако и ты, княже, не въздержи злата, ни серебра,
Но раздавай людем.

Паволока⁷³⁵ бо испестрена многими шолкы и красно лице
являетъ;

Тако и князь многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ
странам.

Якоже бо похвалися Езекий царь посломъ царя
Вавилонскаго⁷³⁶

И показа им множество злата и серебра, –
Они же рѣша:
Нашъ царь богатѣй тебе не множеством злата, но
множеством воя,

Зане мужи злата добудуть, а златом мужей не добыти.

Якоже рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ,⁷³⁷

Ида на Царьград с малою дружиною, и рече:

Братиа! Намъ ли от града погинути

Или граду от нас пленену быти?

Якоже Богъ повелитъ, тако будетъ:

Поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма.⁷³⁸

Надѣяся на Господа яко гора Сионъ:
Не подвижится въ вѣки.⁷³⁹
Дивиа за буяном кони паствити;⁷⁴⁰
Тако и за добрымъ князем воевати.
Многажды безнарядиемъ полци погибають.
Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть;
Тако и многи полки без добра князя.
Гусли бо страются персты,
А тѣло основается жилами,
А дубъ *крѣпится* множеством корения;
Тако и градъ нашъ – твоею дрѣжавою.
Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многиим;
Мнозии бо оставляють отца и мать, к нему прибѣгают.
Доброму бо господину служа, дослужится слободы,
А злу господину служа, дослужится болшей работы.
Зане князь щедръ – аки рѣка, текуща без береговъ сквози
дубравы,
Напаяюще не токмо челоуѣки, но и звѣри,
А князь скупъ – аки рѣка въ брезѣх, а брезии камены:
Нѣлзи пити, ни коня напоити.
А бояринъ щедръ – аки кладязъ сладокъ при пути:
Напаяетъ мимоходящих.
А бояринъ скупъ – аки кладязъ сланъ.
Не имѣй собѣ двора близъ царева двора
И не дрѣжи села близъ княжа села:
Тивунъ бо его – аки огонь, трепетицею накладенъ,
И рядовичи его – аки искры.⁷⁴¹
Аще от огня устережешися,
Но от искоръ не можеша устеречися
И сожжения портъ.
Господине мой! Не лиши хлѣба нища мудра,
Ни вознесе до облакъ богата несмыслена.
Нищъ бо мудръ – аки злато в кални судни,
А богат красенъ и не смыслить –
То аки паволочито изголовие, соломы наткано.
Господине мой! Не зри внѣшняя моя,
Но возри внутренняя моа.

Азъ бо одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумомъ обилень;
Унь възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ.
Быхъ мыслию паря, аки орелъ по воздуху.
Но постави сосудъ скуделничъ⁷⁴² подъ *потокъ* капля языка
моего,

Да *накаплеть* ти слажше меду словеса устъ моихъ.
Якоже Давидъ рече:
Сладка *суть* словеса твоя, паче меда устомъ моимъ.⁷⁴³
Ибо Соломонъ рече:
Словеса добра сладостью напаяютъ душу,
Покрываетъ же печаль сердце безумному.⁷⁴⁴
Мужа бо мудра посылай – и мало ему кажи,
А безумнаго посылай – и самъ не лѣнися по немъ ити.
Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ,
А безумнаго – дому пира.⁷⁴⁵

Лѣпше слышати прѣние умныхъ, нижели наказания
безумныхъ.⁷⁴⁶ Дай бо премудрому вину – премудрие будетъ.⁷⁴⁷
Не сей бо на бразнахъ жита, ни мудрости на сердци безумныхъ.⁷⁴⁸
Безумныхъ бо ни сѣютъ, ни орютъ, ни в житницу собираютъ, но
сами ся родятъ. Какъ в утель мѣхъ⁷⁴⁹ лити, такъ безумнаго учить.
Псомъ бо и свиниамъ не надобѣ злато, ни сребро, ни
безумному – драгии словеса. Ни мертвеца росмѣшити, ни
безумнаго наказати. Коли пожреть синиця орла, коли камение
въсплавлетъ по водѣ, и коли иметь свиния на бѣлку лаяти, –
тогда безумный уму научится.

Или ми речеши: «От безумия ми еси молвилъ». – То не
видалъ есмь неба полъстяна, ни звиздъ лутовяныхъ, ни
безумнаго, мудрость глаголющъ. Или ми речеши: «Сългалъ еси,
аки песъ». – Добра бо пса князи и бояре любятъ. Или ми речеши:
«Сългалъ еси, аки тать». – Аще быхъ украсти умѣлъ, то толко
быхъ к тобѣ не скорбилъ. Дѣвица бо погубляетъ красу свою
блуднею, а мужъ свое мужество татбою.

Господине мой! То не море топить корабли, но вѣтри;
Не огонь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное;
Такоже и князь не самъ впадаетъ въ вещь, но думци
вводятъ.

З добрымъ бо думцею думая, князь висока стола добудеть,

А с лихимъ думцею думая – меншего лишенъ будеть.

Глаголетъ бо в мирскихъ притчах:

Не скоть въ скотѣхъ коза,

Ни зверь въ звѣрехъ ожь,

Ни рыба въ рыбахъ ракъ,

ни потка въ поткахъ нетопырь,

не мужъ в мужехъ, иже кимъ своя жена владѣть,

не жена в женахъ, иже от своего мужа блядеть,

не работа в работахъ – под жонками повозъ возити.⁷⁵⁰

Дивнѣй дива, иже кто жену поимаетъ злообразну прибытка дѣля. Видѣхъ жену злообразну, приничюще к зеркалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: «Не зри в зеркало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль приимеши».

Или ми речеши:

«Женися у богата тѣстя чти великиа ради; ту пий и яжь».

Ту лѣпше ми волѣ бурѣ вести в дом свой, нѣже зла жена поняти.

Волѣ бо ни молвить, ни зла мыслить,

А зла жена бѣема бѣсѣтъся, а кротима высится;

Въ богатествѣ гордость приемлетъ, а в убожествѣ иныхъ осужаеъ.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская.

Что есть жена зла? Мирский мятежъ, ослѣпление уму, начальница

всякой злобѣ; въ церкви – бѣсовская мытница: поборница грѣху,

засада от спасения.

Аще который мужъ смотреть на красоту жены своеа и на ея ласковая словеса и льстива, а дѣлъ ея не испытаетъ, то дай Богъ ему тряскею болѣти, да будетъ проклят. Но по сему, братиа, рассмотрите злу жену: и рече мужу своему: «Господине мой и свѣте очию моею! Азъ на тя не могу зрѣти. Егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю».

Послушъ, жены, слова Павла апостола, глаголюща:

«Крестъ есть глава церкви, а мужъ – женѣ своей».⁷⁵¹

Жены же – у церкви стойте, молящися Богу и святѣй Богородици;

А чему ся хотите учить, да учитесь дома у своих мужей.

А вы, мужи, по закону водите жены свои,

Понеже не борзо обрѣсти добры жены.

Добра жена – вѣнецъ мужу своему и безпечалие, а зла жена – лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлить, а зла жена домъ мужа своего теряетъ. Лутче есть утли лодии ездѣти, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лѣпше есть камень долоти, нежели зла жена учить. Железо уваришь, а злы жены не научишь: зла бо жена ни учения слушаетъ, ни церковника чтить, ни Бога ся боить, ни людей ся стыдить, но всѣх укоряет и всѣх осужаетъ.

Что лва злѣй в четвероногих,

И что змии лютѣй в ползущихъ по земли?

Всего того злѣй зла жена.

Нѣсть на земли лютѣй женской злобы.

Женою сперва прадѣдъ нашъ Адамъ из рая изгнанъ бысть;

Жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворенъ бысть;⁷⁵²

Жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша,⁷⁵³

И лви ему нози лизаху.

О злое, острое оружие диаволе

И стрѣла, лѣтяща с чемеремъ!

Нѣ у когоже умрѣ жена. Онъ же по *малых* днех нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: «Чему дѣти продаешь?» Он же рече: «Аще будутъ родилися в мать, то, возрошыши, мене продадутъ».

Еще возвратимся на предняя словеса.

Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся,

Но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвеный сотъ;

Тако и азъ, по многим книгамъ исьбирая сладость словесную и разум,

И съвокупих, аки в мѣх воды морския.⁷⁵⁴

Да уже не много глаголю.
Не отмѣтай безумному прямо безумию его,
Да не подобенъ ему будеши.⁷⁵⁵
Уже бо престану с нимъ много глаголати.
Да не буду аки мѣх утѣлъ,
Роня богатство в руци неимущим;
Да не уподоблюся жорновом,
Яко тии многи люди насыщают,
А сами себе не могут насытитися жита.
Да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою,
Якоже бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима
бывается.
Глаголетъ бо в мирскихъ притчах:
Рѣчь продолжена – не добро, добро – продолжена
паволока.
Господи! Дай же князю нашему
Самсонову силу, храбрость Александрову,⁷⁵⁶
Иосифль разумъ,⁷⁵⁷ мудрость Соломоню и хитрость
Давидову.⁷⁵⁸
И умножи, Господи, вся челоуѣкы под руку его.
Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

Поучения о простой чади

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

Среди древнерусских поучений, адресованных простому люду, не искушенному в книжной премудрости, особое место занимают краткие увещательные «Слова», направленные против языческих пороков в среде ранних славянских христиан. Произнесенные на понятном разговорном языке своего времени, русскими по рождению людьми, в своеобразной поэтической форме, лаконично и в народном ритме, они затрагивают нравственные проблемы общего значения и до сих пор сохраняют свою художественную ценность. Их особенность – почти в полном отсутствии цитат из Священного писания, что так характерно для торжественного красноречия, и в той системе эмоциональных доказательств, которые диктуются простой и понятной житейской мудростью умудренного опытом человека.

Слова об излишествах и об языческих клятвах приписываются новгородскому игумену Моисею, умершему в 1187 году; они публикуются по пергаменному сборнику XIV века – ГИМ, Хлудовское собрание, 30-д, в издании: *Соболевский А. И.* Материалы и заметки по древнерусской литературе. – Известия ОРЯС, т. XVII, кн. 3, с. 77–80 (СПб., 1912).

Слово против пьянства приписывается Григорию, жившему в конце XII века, которого рукописи называют философом (мудрецом). Согласно традиции, его считают епископом Белгорода – городка под Киевом; в домонгольской Руси такой епископ считался вторым в церковной иерархии лицом и обычно заменял митрополита в его отсутствие – это случалось довольно часто и подолгу. В Слове содержится несколько мест, показывающих, что Григорий воспользовался таким случаем и произнес свое непротивительное слово перед прихожанами знаменитой Софии киевской. Издается оно по публикации: *Соболевский А. И.* Два русских поучения с именем Григория. – Известия ОРЯС, т. XII, кн. 1, с. 254–258 (СПб., 1907).

* * *

ПОУЧЕНИЕ МОИСЕЯ О ЧРЕЗМЕРНОМ ИЗЛИШЕСТВЕ

Бог вложил человеку любое желанье духовных и плотских поступков: сну свое время и мера, желанию пищи и время, и мера, и питью свой срок и умеренность, потребности в женщине время и мера, – стоит ли дальше слова продолжать? Любому желанию время и мера назначены живущему в вере одной, в христианстве. Но если же все те желанья исполнить кто хочет без меры и времени – грех будет в душе, а в теле недуг. Рождается всякий недуг в человеческом теле из желчи. Желчь же свернется от чрезмерной еды и питья, и лежанья, и от женской ласки без меры и срока. Желчи же три в человеке: желта, зелена и черна; от желтой – горячка, зеленая даст лихорадку, от черной же – смерть, то есть кончина души; дьявол тогда возликует о гибели человека. Такого недуга Бог не создал, но сам в себе человек создает тот недуг непотребным поступком без меры и сам осуждает себя на мученье; и коль не покается, то не удержится он от того. А делал бы в нужное время и в меру, и был бы спасен. Пусть каждый, веры достойный, обычая держится так: желанию – время, а на избыток желанья узду налагать воздержания; если же будет желание впору, то делай что хочешь – но в меру, а не безмерно. Насколько больше нас кони, насколько быстрее нас пес, а каждый из этих животных, как видим, в еде и в питье пренебрегает обжорством: хоть не раз понуждаемы будут, не захочет сверх меры принять, – неужели коней тех мы хуже? Если видим: скотина завязла – не отвергаем ее; если же видим друга в постоянном шатанье – лишь посмеемся. Так не поступим же, братья, мы так, дабы не быть осужденным на муку: жизнь коротка, а мучение – долго и бесконечно для грешных.

СЛОВО МОИСЕЯ О ПРИСЯГАХ И КЛЯТВАХ

Пророк говорит: оттого закрылись небеса, не пуская дождь на землю, что люди клянутся Богом и его святыми, и друг друга понуждают на клятвы, и Церковь святую, невесту Христову, оскверняют присягой. Приведя, приносят в жертву сына на глазах матери. Слуги той матери и брата своего по крещенью святому и духу пьют кровь закланного сына той матери. И вот

почему все силы небесные объаты ужасом, ведь Бог запрещает понуждать человека на присягу и клятву. Похожа на то и другая причина: жертву приносят языческим богам и болезни лечат колдовством и заклятьем; бессильного демона, называемого трясцей, изгоняют какими-то лживыми знаками; отверженных бесов языческих, на шарах их рисуя, помещают на священном столе во время святой литургии. И тогда содрогается в ужасе множество ангелов, и Бог потому, прогневаясь, не пускает на землю дождь, что не велит Бог болезни лечить колдовством и заклятьем, ни бесов просить – на охоту идя, или торгуя, или на царскую милость надеясь. Беда христианам, так поступающим, и мученье страшнее языческого, если того не оставят и не покаются! Ибо век этот короток, а мука долга и бесконечна.

СЛОВО МУДРОГО ЕПИСКОПА БЕЛГОРОДСКОГО

Приблизьтесь все вместе, мужи и жены, церковные и светские, монахи и попы, богатые и бедные, местные и чужеземцы, соберитесь и послушайте меня, хоть я и не пастырь ваш и не знаю, как начать. Ибо всего лишь я нахожусь рядом с пастырем и вместо пастыря оставлен вам я, но ничего для вас вредного не совершу, хоть вижу всех убиваемых и на землю несчастную падающих – и спешу на помощь. Ибо если оберегает милосердие Божье – воскреснут и мертвые, и Бог в них восславится, но если раб действительно любит своего господина, то, видя его в позоре, в пренебрежении, не сочувствует ли он сердцем? И, если другого ничего не может сделать, не выкажет ли он свою поспешность в том, что не сможет видеть столько унижений и бесславья своего господина? Вы же все, сколько вас есть, душу имеете человеческую и еще не совсем звероподобны: если видит, чей дом огнем занимается и когда он совсем уже гибнет, не со рвением ли обеими руками поднимется и спешит, стараясь загасить огонь и пламя? Как же я, не один лишь дом видя, но весь город, не только город, но и окрестности его горящими, полностью сожженными, и не как от огня дерево, но от пламени погибающих, – то не восскорблю ли душою и, насколько есть силы во мне, не попытаюсь ли загасить пламя? Что же это за пламень? Скажите вы мне: не тот ли, которым вы наполняетесь, когда пьете вино и мед или иные

напитки безмерно, так что будто от злого огня выгораєте? Таков по рождению хмель: согревает и разжигает нутро, как будто душу уничтожающее пламя. Пьяницы ведь царства Божьего не получают – и не так ли уж ясно, что всякий пьяница погибает: и от Бога они отгоняются, и в негасимый вечный огонь посылаемы. Я же, поверьте мне, ужасаюсь, раздумывая, как в вас бесы ликуют и Сатана торжествует в вас и радуется пьянству, чтимому вами; все будто богом неким захвачены им, и детям своим вы велите поклоняться пьянству. И тот лишь считает праздник славным, когда все лежат, будто мертвые спяну, как идола, – с разверстыми ртами, но языками безгласными, с очами открытыми, но не видящими, с ногами, которые не могут ходить. Кто по достоинству вас оплачет, столь горестно от пьянства гибнущих? Нет человека несчастнее пьяницы: пьяница жизни своей лишается – для загробной жизни он больше чем умер, но жизни и там не сподобится! О вас хотел бы услышать, как Бог говорит, что «не пребудет Дух мой в людях таких», – так как плоть лишь у пьяниц там, где должен быть дух; дым отгоняет пчел, а пьянство Духа Святого прогонит; пьяница – весь из плоти, весь пороков исполнен и нечистот, пьяница ни о каком благе не помышляет. Боюсь я, верьте мне, что крещение угнетается вашим пьянством, ибо крещение святое на святыне основано, в пьянице же святыни нет никакой. Я рыдаю и плачу оттого, что больше Христа вам угоден дьявол, ибо ему доставляете радость. Когда вы упьетесь, тогда вы блудите и скачете, кричите, поете и пляшете, и в дудки дудите, завидуете, пьете чуть свет, объедаетесь и упиваетесь, блюете и льстите, злопамятствуете, гневитесь, бранитесь, хулите и сердитесь, лжете, возносите, срамословите и кощунствуете, вопите и ссоритесь, море вам по колено, смеетесь, крадете, бьете, деретесь и празднословите, о смерти не помните, спите много, обвиняете и порицаете, божитесь и укоряете, поносите, – ну как же святому крещению не тужить из-за вашего пьянства? Да и плясунья женщина – сатанина невеста, супруга дьяволу: когда любой мужчина глядит на такую жену, для мужа ее непристойно то и бесстыдно; образ Божий нося на груди, с женою своею в пляске сойтись! – и вы еще входите в церковь! Так скажите же

мне, как вы Бога восславите? Ведь ясно, что пьяного, смрадом рыгающего, Бог так же не любит, как сами гнушаемся мертвого пса мы смердящего. Горе мне! горе мне! как допустил все это Господь Бог в дни, в какие не ждал я, что увижу людей, чтящих деяния беса – и совсем того не стыдящихся, но даже гордящихся! Прекратите, братья, проклятое пьянство, ибо на радость нам дал Бог напитки, а также в удобное время, а не на пьянство. Горе мне! горе мне! зачем Бога, создавшего вас, покидаете и предаетесь пьянству, которое идолов хуже? Скажите мне: чем отличаетесь вы от неверных, когда напиваетесь до опьянения? Они ведь служат созданию, а мед – что такое, не есть ли создание Божье? И говорите: «Тогда только праздник хорош, если на несколько дней мы упьемся!» Подумайте сами, что говорите: ведь, отвлекаясь от праздника, дьяволу вы угождаете! Как очерствил Сатана вашу душу! Но зачем так много я говорю? Покайтесь! откажитесь от такого веселья, что велит напиваться по праздникам, и восплачьте, каясь в ваших излишествах, не то затворится небесное царство. Если, покаясь, не оставите подобных поступков, то будут вас мучить бесконечное время в негасимом огне! Богу нашему слава и власть с Отцом и с Духом Святым и теперь, и всегда, и во веки веков. Аминь.

* * *

ПОУЧЕНИЕ МОИСЬЯ О БЕЗЪВРЕМЕНЬНѢМЪ ПИЯНСТВѢ

Богъ вложилъ есть всякое похотѣние челоуѣку духовнымъ и телеснымъ дѣломъ: спанию время и мѣра, похотѣнию ѣдению время и мѣра, питию врѣмя и мѣра, женоложью похотѣнию врѣмя и мѣра, – что ли боле въ имена писати? Всему есть похотѣнию время и мѣра уречено, живущему въ вѣрѣ честнѣй, въ крестьянствѣ. Да аще вся та похотѣния дѣяти будетъ безъ времеи и безъ мѣры, то грѣхъ будетъ въ души, а недугъ в телеси. Недугъ всь ражается въ телеси челоуѣчи, въ кручинѣ. Кручина же съсядетъся от излишнаго пития и ѣдения, и спания, и женоложья, иже без времеи и без мѣры. Кручины же три въ челоуѣцѣ: желта, зелена, черна; да от желтое огньная болѣзнь, а от зеленое зимная болѣзнь, а от черное смерть, рекши души

исходъ; дьяволъ же тогда радуется о погыбели чловѣчи. Того же недуга Богъ не створи, нъ самъ в себе стваряетъ недугъ безвременнымъ дѣяниемъ и безмѣрнымъ, и самъ ся осужаетъ на муку; аще ся не покаеть, ни въстягнется от того. И творилъ бы в подобно время и въ мѣру, и спасенъ бѣ былъ. Да всякому вѣрному чловѣку держати той норovy: похотѣнию время, а на излишное похотѣние мѣру налагати узду въздержания; аще будетъ похотѣние будетъ, то твори, его же хочещи, нъ въ мѣру, а не без мѣры. Колико больше суть кони, колико ны вышии есть песь, и коеждо бо от тѣхъ животныхъ видимъ, ѣдѣша или пивша, чересь сытъ не брегуть: аще и тмами нудящей будутъ, не хочеть излише мѣры прияти – не убо ли сихъ и конь хужьши мы? Аще видимъ и скота грязяща, тѣ не презримъ, егда ли видимъ друга, всегда погружаема, то посмѣемъся. Нъ мы, братье, не створимъ тако, да не будемъ осужени в муку: вѣкъ бо сий коротокъ, а мука долга и бес конца грѣшному.

СЛОВО ОТЦА МОИСѢЯ О РОТАХЪ И О КЛЯТВАХЪ

Пророкъ глаголетъ: того ради завяза небо, не пустить дѣждя на землю, зане чловѣци кленуться Богомъ и его святыми, и другъ друга догонять до клятвы, и Церковь святую невѣсту Христову ротою скверняще. Приводяще, закалають сына предъ матерью. Слугы же тоя матери своего брата, рожьшагося по духу святымъ крещениемъ, пють кровь заколенаго сына матери тоя. И того ради вся силы небесныя трепещуть страхомъ, занеже Господь Богъ не велить догонити чловѣка до клятвы и до роты. Тому же подобна и другая вина: жертву приносятъ бѣсомъ, и недугы лѣчатъ чарами и наузы; немощнаго бѣса, глаголемато Трясцю, прогонять нѣкими писмены лживыми; проклятыхъ бѣсовъ елиньскихъ, пишюще на яблоцѣхъ и покладаютъ на святѣй трапезѣ в годъ святыхъ литургия. И тогда ужаснуться страхомъ ангельская воинства, и того ради Богъ гнѣваяся не пускаетъ дѣждя на землю, занеже не велить Богъ недугъ лѣчить чарами и наузы, ни бѣсъ искати – или на ловы идуще, или куплю дѣюще, или милости от царя хотяще. Горе крестьяномъ тако дѣючи, и мука горши поганныхъ,

аще ся не остануть того и придуть на покаяние, то вѣкъ съ коротокъ, а мука долга и бес конца.

ПОУЧЕНИЕ ФИЛОСОФА, ЕПИСКОПА БѢЛГОРОДСКАГО

Придете, вси мужи вкупѣ и жены, попови и людѣе, и мниси, и бѣлци, богати и убозни, домашнии и пришельци, сберитесь и послушайте мене, аще бо нѣсмь пастырь вашъ, но не вѣдь откуда рещи. Пастыри бо утробы прилежю, в пастыря бо мѣсто оставленъ есмь вамъ, да ничтоже чюжего творю, аще вся вижю закалаема и на земли оканьни падающа – и теку на помощь: да бы когда варило милосердие Божие и мертви въскреснуть, и Богъ въ тѣхъ прославится, но который рабъ в истину любить свой господинъ, видя и бе-ществуема, ни во что же мѣнима, не болѣзнуеть ли сердцемъ? И аще иного ничтоже не можеть творити, но обаче покажетъ свой успѣхъ, яко не терпѣть зрѣти только приобидѣния и беславья своего господина? И вы же вси, елико васъ душу имуть челвѣчскую и нѣсть отинудъ звѣрообразни: егда видить коего домъ от пожара оступаемъ, ти яко хотящую ему уже погибнути, не успѣшно ли обѣма рукама востанеть и течеть, тщашеся угасити огня и пламени? Како убо видя азъ ни едины храмины, но весь градъ, не точью градъ, но и кромѣ града погарающа, вся ижъжена, не яко же огня древо, но от пламени изгыбающе, то не болю ли душею, елико ми сила есть потѣщатися угасити пламень? Кый ли то есть пламянь? Вы рцѣте ми, не то ли, егда пиете вино и медъ, или иное питие чрезъ сытость и наполняетеся и, то како мните внутри себе имѣти, не яко от огня нѣкоего изгараеть? Тако бо родомъ хмель: съгрѣвая и распаляя вьнутрьняя, то бо есть убо душа погубляяй пламени. Пьяницѣ бо царьствия Божия не приемлють, то не тако ли явѣ есть, яко всякъ пьяница погыбаетъ, и от Бога отлучаются, и в негасимый вѣчный огонь посылаеми бывають, Азъ же, убо вѣру имете ми, ужасаюся, помышляя, како васъ бѣси ликуютъ и Сотона во васъ играетъ и красуется пьянству, во васъ чему, яко нѣкоторого бога, всимъ имущимъ его; яко и дѣти ваша нудити покланятися пьянству. И то мните праздникъ великъ, егда вси лежать, яко мертви от пьянства, яко идоли уста имуше и не ходяще. Кто достойно васъ оплачетъ, тако умильно от пьянства гыбнущимъ? Нѣсть чловѣка оканьнее

пьяницѣ: пьяница живота своего лишается, и тамъ сущаго здѣ живота паче умерлъ есть, и тамо живота не сподобится! А васъ мноу услышати Господу глаголющую, яко «не пребудить Духъ мой въ человѣцѣхъ сихъ», зане плоть суть, гдѣ бо суть духъ во пьяницахъ: дымъ прогонитъ пчелы, а пьянство Святаго Духа прогонитъ, пьяница всѣ плоть есть и всѣ страстехъ исполненъ; пьяница ничто же блага не помышляетъ. Устрашаюся, вѣру имѣти ми, како святое крещение стужаетъ си пиянствомъ вашимъ, крещение бо на святыни почиваетъ, а во пьяницѣхъ святыни отинудъ нѣсть. Стужаю си, како паче Христа изволисте дьявола, праздники бо его творите дьяволя. Егда бо упивается, тогда блудите, и играете, плищете, поете, пляшете, в сопѣли сопете, завидите, рано пьете, объѣдаетеся, упиваетеся, блюете, льстите, злопоминаете, гнѣваетеся, лааетеся, хулите, осержаетеся, лжете, горьдите, кощуняете, срамословите, кличете, сваритесь, море вамъ до колѣна, смѣтаетеся, крадете, бьетеся, деретесь, праздновловите, смерти не поминаете, спите много, осуждаете, вадите, божитесь, укаряете, клеплете, – не по истиннѣ ли святое крещение стужитъ си пиянствомъ вашимъ? А и плясавица есть сатанина невѣста, супружница дьявола, всѣмъ мужемъ тѣмъ зрящимъ ее, жена скверно же и скаречно и своему мужу; образъ Божий нося, съ женою своею совокупитися во плясании, – аще и въ церковь въходите! Повѣдите ми, како убо вы Бога прославите? Повѣдите ми, яко пьяного смрадомъ отрыгающа, Богъ толма ненавидитъ, яко же мы пса мертва смердяща гнушаемся! Увы мнѣ! увy мнѣ! како сотвори Господь Богъ тако до дни, в няже не чаяхъ, яко вижу человѣки, чтуща дѣла сатанина – и не стыдящася о томъ, но и паче хвалящеся? Останите, братие, окаяннаго пиянства, яко на веселие намъ Богъ питие далъ есть, и тожде в подобно время, а не пиянство. Увы мнѣ! увy мнѣ! яко оставляете Бога сотворившаго васъ и прилѣпляетесь пиянству горше идолъ. Рцете ми, чимъ есте отложени от невѣрныхъ, аще до пиянства упиваетеся? Они убо служатъ зданию, а медъ что есть, не здание ли Божие? И глаголете, яко тогда имамъ праздникъ честенъ, егда по многи дни упиваемся. Разумѣйте сами, что глаголите, яко оставльше праздникъ, а дьяволу угождаете! Окамени бо душу вашу

Сатана! Иже что много глаголю? Покайтесь, и лишитесь такового празднования, еже упиватися по праздникомъ, и плачитесь, кающесе о пьянствѣ вашемъ, яко бо затворяетесе от небеснаго царства пьянства ради, аще же не покаетесе, ни останетесе такового творения, то мучими будете в бесконечныя вѣки в негасимомъ огни. Богу нашем слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Слово Моисея Выдубицкого

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова
10 июля 1198 года была заложена, а 24 сентября того же года завершена и освящена подпорная стена, удерживавшая древний (заложенный еще отцом Владимира Мономаха) Михайловский собор на осыпающемся берегу Днепра. Строил стену известный мастер Милонег (Петр) на средства киевского князя Рюрика Ростиславича. В день открытия величественного сооружения игумен Выдубицкого монастыря (которому принадлежал собор) Моисей произнес торжественную речь, «Слово» (некоторые ученые считают, что это была кантата, составленная Моисеем, но исполненная монашеским хором), восхваляя щедрость князя и отмечая важность постройки. Этой торжественной и красочной речью завершается Киевский летописный свод 1198 года, составителем которого считают того же Моисея. Ему же приписывают и некоторые другие древнерусские произведения, но публикуемое Слово, несомненно, является самым ярким образцом его творчества и вместе с тем выдающимся произведением этого жанра вообще.

Слово игумена Моисея печатается по тексту Ипатьевской летописи под 1199 годом в издании: ПСРЛ, т. 2. СПб., 1908, с. 712–715.

* * *

СЛОВО ИГУМЕНА О ПОСТРОЕНИИ СТЕНЫ В ВЫДУБИЦАХ

Дивное сегодня увидели очи наши; столь многие, прежде нас жившие, желали бы видеть то, что увидели мы, – и не видели, и даже слышать не пришлось им о том, что нам Бог даровал княженьем твоим! Ибо не только не отринул ты ничтожества наши, но и со славой нас принял, по свободной стезе направив рабов твоих. Мы же, смиренные, чем воздадим тебе в ответ на благодеянье твое, которое ты творишь и уже сотворил нам? Ибо сам ничего не требуешь ты, – но лишь воздыханья и молитвы о здравье и о спасенье твоём. Бог тебе милость воздаст по заботам твоим, и архистратиг Михаил, которому ты послужил непритворно, о Христе державно

заботясь и обо всех. По благому обычаю и невежества нашего слово прими как словесный подарок – на похвалу добродетели, ибо в сокровищницу твоего правленья любовь и желание вложим, как та вдовица – две медных монеты, в остальном надеясь на снисхождение твое!

Словом коснуться Бога дерзаем – не от скудости нищего нашего разума, но делами твоими себе пример получив. И с преподобным Мефодием скажем (ибо сейчас – исполнение святых его слов, что начертал он, в своих предписаньях вещая): «Малое небо, душа богомудрого, величие Бога всегда раскрывает достоинством веры, истинным словом и добрым деяньем. Небеса бессловесны по сути своей, не ощутимы, свободны – но только сиянием солнца, измененьем луны, красотой звезд и незыблемой точностью времени по Божьему слову раскрывают величье его». Как всем, глубоко познающим Творца, хочется славить чудесное то устроенье, так и здесь о тебе нам больше того является: потому что достойное слово, и боголюбивое дело, и свободная сила, устремленные к Богу, величием выше небесных звезд, не только в русских пределах известны, но и тем, кто в море далече! По всем сторонам разошлись, по пророку, мирные в Боге слова твои и дела благочестья, которыми всюду Владыка твой славится, ибо увидев, возвестил евангелист: «Дела ваши добрые прославят Отца вашего, который на небесах». Отныне все христолюбцы познаются в том, что ревностно устремятся вслед за тобой, вождя признавая в тебе, как Моисея, новый народ Израиль изводящего из рабства, жестокости и из мрака скупости. Ибо теперь, не на берег став, но на стену, тобою построенную, пою тебе славу победную, как некогда Мариам. Ныне, по слову Исайи, «острова создаются», а праведных души ликуют, видя обновление священного храма Господня твоим укрепленьем о Господе! Как и при Зоровавели освобожденные от вавилонского плена, так и сегодня многие из киевлян благоверных и жителей местных сильнее стремление и любовь к архистратигу Господню нести начинают – не только ради спасенья души, но и из-за чуда, что в правление твое совершилось: твердо ноги свои утверждая на укрепленной тобою подпоре и очами с весельем

взирая, душой насыщаются миром окрест, и кажется им, будто неба достигли, и так, в умиление, уходят, восславляя твое богомыслие. А блаженные, даже не видев, но, веруя, радуются, как сказал о том Соломон: «Радуются люди, когда хвалят праведного!» Сегодня отъяты из многих сердец помышления суетные и слова маловерия – ведь те говорили, что золотым волоском привязан наш храм к небесам и на то опирается, а другие – что вдвигается он в монастырь, и по-разному многие, – но ни от кого действительно не было помощи, пока не пришел тот, кому уже приготовлены милость и благодать среди, как и он, добродетельных, и проявление благодати среди избранных, как и он. Мы также в долгу пред тобой, богомольцы, к нам наш господин подоспевший! Единой душой уповая на это священное место, всегда ожидали всех благ от тебя, как олени – источников водных. И милостивый Бог, наш щедрый Отец, и любовь единокровного Сына его, и причастие Духа Святого – да будут в правление твое вместе с твоими близкими! Архистратиг Михаил да охранит тебя, покрывая крылами своими – ныне, и присно, и во веки веков! Аминь.

* * *

СЛОВО ИГУМЕНА О ПОСТРОЕНИИ СТЕНЫ В ВЫДУБИЧАХЪ

Дивна днесь видиста очи наши, мнози бо, прежде насъ бывшеи, желаше видити, яже мы видихомъ – и не вѣдѣша и слышати не сподобишася, яже Богъ намъ дарова твоимъ княжениемъ! Не токмо ибо отялъ еси уничижения наша, но и со славою приять ны, поставивъ на пространѣ нозѣ рабѣ твоихъ. Мы же, смиреннии, что воздамъ ти противу благодарѣнию ти, яже твориши и створилъ еси к намъ? И самъ бо имъ не трѣбуеши, но точию воздыхания и молитвы о здравьи и о спасеньи твоємъ. Богъ же милости воздасть ти противу *трудоу* твоимъ, и архистратигъ Михаилъ,⁷⁵⁹ емуже еси послужилъ нелестно, но о Христѣ державно милосердуя и о всѣхъ. По обычаю благому и нашея грубости писание приими, акы даръ словесень – на похваление добродѣтели: во газѣфулакию бо княжения твоего любовь и хотѣнье ввергъше, акы вдовица она двѣ мѣдницѣ, прочее на милость твою надѣющеся.

Слову ятися о Господѣ дерзаемъ, то же не от скудости нашего нищетоумья, но от дѣлъ твоихъ причту приобрѣтше. И со преподобнымъ Мефедьемъ⁷⁶⁰ глаголемъ, днесъ бо събытье божественныхъ словесъ его, яже положи въ своихъ ему написаниихъ вѣщая: «Малое небо, богомудрого душа, воистину повѣдаючи славу Божию правостю вѣры, и словесы истѣнными, и дѣлы добрыми. Небеса бесловесное естество суще, и сочювьствено, и самовластно, но точю свѣтлостю солнца, и растѣниемъ луны, украшениемъ звѣздъ, и непременно храняще уставы временемъ Владычня повеления, повѣдаютъ славу его». Яко же всимъ, добрѣ смотрящимъ Творца, о томъ похвалити добраго ради уряжения, здѣ же преболе *намъ* того о тобѣ является: словеса бо честна, и дѣла благолюбна, и держава самовластна, ко Богу изваяная, славою паче звѣздъ небесныхъ, не токмо в рускыхъ концехъ вѣдома, но и сущимъ в морѣ далече. Во всю бо землю изиидоша, по пророку, богомирная словеса твоя, христоролюбная дѣла, ими же о всихъ Владыка твои славятся, да видѣвше бо вѣща еуаггелистъ: «Дѣла ваша добрая прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ»⁷⁶¹. От днесъ бо мнози боголюбци познаются, без лѣности тещи во слѣдъ тебе ревнующе, обрѣтше тя проводника, яко Моисѣа⁷⁶², новии сии Израиль изводящаго из работы немилосердья и от мрака скупости. Отселѣ бо не на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего создания, пою ти пѣснь побѣдную, аки Мариамъ древле⁷⁶³. Днесъ, по Исаи⁷⁶⁴, «понавляются острови», а рекуть праведныхъ душа, видяще поновление честнаго храма Господня утверждениемъ твоимъ о Господѣ. Яко и при *Зороавели*⁷⁶⁵ свобожьшеися от вавилоньска нечаяния, днесъ и множество вѣрныхъ кыянъ, и населники ихъ болше потщание и любовь ко архистратигу Господню имѣти начинаютъ и не токмо ради спасения своего, но и новаго ради чюдеси, иже во дня царства твоего свѣршися. Утверждающе бо *неподвижно* нозѣ свои на удобренемъ ти зданьи и очима си любезно смотряши, отвсюду веселие души привлекающе, и мнятся яко аера достигше, а тако любовью отходятъ, похваляюще богомудрество твое. Блажении же, не видивше, но вѣрующе, радуются, якоже вѣща Соломонъ:

«Похваляему правѣдному веселяться людье»⁷⁶⁶. Днесь *отъяшася* от многъ сердцеъ помышления суетьная и глаголи маловѣрнии – овии бо глаголаху, яко златомъ власомъ поверзена есть церкви от небесе, и тѣмъ же утверждена, а ови, яко поступаетъ церкви в монастырь, инако же мнози, – и ни от единѣхъ же бѣ помощи истѣнны утѣшению, Дѣндеже *придетъ*, ему же щадено бысть благодать и милость во преподобныхъ его и посѣщение во избранныхъ его. Еще же и мы долъжнии ти милостивници, нашъ присный господине, единомыслъно суще ко избраньному сему мѣсту надѣмься, не *забытно* жажюще от тебе милости, якоже елень на источники водныя. И Богъ милости и Отець щедротамъ, и любы единочадаго Сына его, и причастье Святаго Духа да будетъ съ царствомъ твоимъ, купъ съ любыми тобою. Архистратигъ Михаилъ, покрываи храня кропомъ крилу твоею, нынѣ и присно, и въ будущия вѣкы, аминъ.

Киево-печерский патерик

Подготовка текста Л. А. Ольшевской, перевод Л. А. Дмитриева, комментарии Л. А. Дмитриева и Л. А. Ольшевской

Киево-Печерский патерик – первый и самый известный из оригинальных русских патериков. Это сборник рассказов о Киево-Печерском монастыре, основанном в середине XI века, и его подвижниках.

История формирования памятника относится к первой трети XIII века, когда возникла «переписка» между владимиро-суздальским епископом Симоном и печерским монахом Поликарпом. Поводом послужило неиноческое поведение Поликарпа, добивавшегося высокой церковной должности. К посланию, где Симон обличал Поликарпа в честолюбии, он приложил девять рассказов о жизни печерских святых, чтобы дать наглядные примеры истинного монашества и доказать мысль о богоизбранности Киево-Печерского монастыря. Собираение и литературную обработку монастырского эпоса Симон вел давно. До послания к Поликарпу им, постриженником Киево-Печерского монастыря, была описана история создания печерского Успенского собора. Поликарп продолжает дело, начатое Симоном, его духовным учителем и, возможно, родственником. Он пишет послание игумену Печерского монастыря Акиндину, сопровождая его одиннадцатью рассказами о святых. В XIII же веке к произведениям Симона и Поликарпа было присоединено Слово о первых черноризцах печерских, имеющее летописное происхождение и патериковую форму. Объединение всех этих текстов создало древнее ядро Киево-Печерского патерика. Структура Патерика отличалась незамкнутостью и подвижностью, с течением времени границы монастырской «агиографической летописи» были значительно раздвинуты путем введения текстов, родственных в тематическом и жанровом отношении первооснове памятника. В первоначальном виде Патерик до нас не дошел, его состав был реконструирован А. А. Шахматовым и Д. И. Абрамовичем.

Древнейшая из дошедших до нас датированных редакций Патерика была создана по инициативе тверского епископа Арсения в 1406 году и включала в свой состав тексты, сначала существовавшие как литературный «конвой» Патерика, – Житие Феодосия Печерского и похвалу святому, летописное сказание об основании монастыря.

Как литературный сборник особого состава, имеющий свою «программу» изложения материала (оглавление), определенный принцип организации произведения, традиционную концовку, Патерик сложился к 60-м годам XV века, когда в стенах Киево-Печерского монастыря были созданы первая и вторая Кассиановские редакции памятника. Вторая Кассиановская редакция Патерика, выполненная печерским монахом Кассианом в 1462 году, получила наибольшее распространение в письменности Древней Руси и легла в основу всех дальнейших переработок этого памятника.

В XVII веке центром редакторской работы над Патериком стал Киев, что объясняется обострением борьбы между православием и католичеством, движением за национальную независимость Украины. В это время были канонизированы печерские святые, рассказы о которых читаются в Патерике. Самая известная из многочисленных рукописных и печатных редакций памятника, созданных в XVII веке, была выполнена по «повелению и благословению» Иннокентия Гизеля, архимандрита Киево-Печерского монастыря, и опубликована в 1661 году. В ней патериковый материал делится на три авторских цикла и сопровождается биографиями Нестора, Поликарпа и Симона.

Количество списков Патерика (к настоящему времени их известно около 200), пометы на полях сборников, принадлежащие читателям и переписчикам, говорят о том, что произведение являлось популярной четьей книгой Древней Руси. Повествуя о славном прошлом монастыря, Патерик в страшные годы монголо-татарского ига, феодальных «катор» и государственных «нестроений» будил патриотический дух русского народа.

Некоторые сюжеты и мотивы Киево-Печерского патерика восходят к произведениям переводной житийной литературы, к библейско-евангельской традиции, однако это не лишает памятник яркой самобытности. Все рассказы Патерика остросюжетны, элемент чудесного в них носит сказочный характер. Они не только иллюстрируют ту или иную христианскую добродетель, показывают подвиги монахов во славу христианской веры, но и воссоздают картины реальной жизни монастыря и Киева той эпохи, реальных взаимоотношений между монахами, между монастырем и миром. Из патериковых рассказов мы узнаем, как монастырь рос, богател, влиял на политику князей, какой трудной была для монаха, отрекшегося от мира и посвятившего себя служению Богу, борьба с живыми человеческими страстями. Основной конфликт в патериковых рассказах определяется не только столкновениями печерских монахов с иноверцами, но и их выступлениями против отрицательных явлений монастырского быта, самоуправства и корыстолюбия князей.

Киево-Печерский патерик оказал определяющее влияние на развитие жанра «патерика» в древнерусской литературе: под его воздействием складываются Волоколамский, Псково-Печерский, Соловецкий патерики.

Текст Киево-Печерского патерика публикуется по списку конца XV – начала XVI века второй Кассиановской редакции (ркп. РГБ, собр. Румянцева, № 305). Утраченные части текста восстановлены по списку, близкому к первому по времени создания и одной с ним редакции (ркп. РГАДА, собр. Оболенского, № 69). Внесены исправления в основной текст по данным других списков и редакций (приведены в изданиях Патерика Д. И. Абрамовича 1911 и 1931 года). В тексте настоящего издания Киево-Печерского патерика опущено 8-е «слово» – Житие Феодосия Печерского, написанное Нестором, так как оно включено в первый том «Библиотеки литературы Древней Руси».

* * *

ПАТЕРИК ПЕЧЕРСКИЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ СОЗДАНИЮ
ЦЕРКВИ, ЧТОБЫ ЗНАЛИ ВСЕ, КАК САМОГО ГОСПОДА БОГА

ПРОМЫСЛОМ И ВОЛЕЮ И ЕГО ПРЕЧИСТОЙ МАТЕРИ
МОЛИТВОЙ И БЛАГОВОЛЕНЬЕМ СОЗДАЛАСЬ И СВЕРШИЛАСЬ
БОГОЛЕПНАЯ, НЕБУ ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАЯ ПЕЧЕРСКАЯ
ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ, АРХИМАНДРИТИЯ ВСЕЙ РУССКОЙ
ЗЕМЛИ, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛАВРОЙ СЯТОГО И ВЕЛИКОГО
ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ

СЛОВО 1

Благослови, отче.

Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, который потерял свой золотой плащ, сражаясь на стороне Ярослава с лютым Мстиславом. У этого Африкана было два сына – Фриад и Шимон. Когда умер их отец, Якун изгнал обоих братьев из их владений. И пришел Шимон к благоверному князю нашему Ярославу; тот принял его, держал в чести и отослал его к сыну своему Всеволоду, чтобы был он у него старшим, и принял Шимон великую власть от Всеволода. Причина же любви Шимона такова к святому тому месту.

Во время княжения благоверного и великого князя Изяслава в Киеве, когда пришли в 6576 (1068) году половцы на Русскую землю и пошли трое Ярославичей – Изяслав, Святослав и Всеволод – навстречу им, с ними был и этот Шимон. Когда же пришли они к великому и святому Антонию для молитвы и благословения, старец отверз неложные свои уста и ожидающую их погибель без утайки предсказал. Варяг же этот пал в ноги старцу и молил, чтобы уберечься ему от такой беды. Блаженный же сказал ему: «О чадо! Многие падут от острия меча, и, когда побежите вы от врагов ваших, будут вас топтать, наносить вам раны, будете тонуть в воде; ты же, спасенный там, будешь положен в церкви, которую здесь создадут».

И вот, когда они были на Альте, сошлись оба войска, и по Божию гневу побеждены были христиане, и, когда обратились в бегство, были убиты воеводы и множество воинов в этом сражении. Тут же и раненый Шимон среди них лежал. Взглянул он вверх на небо и увидел церковь превеликую – такую, какую уже прежде видел на море, и вспомнил он слова Спасителя и сказал: «Господи! Избавь меня от горькой этой смерти молитвами пречистой твоей Матери и преподобных отцов

Антония и Феодосия!» И тут вдруг некая сила исторгла его из среды мертвецов, он тотчас исцелился от ран и всех своих нашел целыми и здоровыми.

И возвратился он к великому Антонию, и поведал ему историю дивную, так говоря: «Отец мой Африкан сделал крест и на нем изобразил красками богомужное подобие Христа, образ новой работы, как чтут латиняне, большой величины – в десять локтей. И воздавая честь ему, отец мой украсил чресла его поясом, весом в пятьдесят гривен золота, и на голову возложил венец золотой. Когда же дядя мой Якун изгнал меня из владений моих, я взял пояс с Иисуса и венец с головы его и услышал глас от образа; обратившись ко мне, он сказал: “Никогда не возлагай этого венца, человече, на свою голову, неси его на уготовленное ему место, где создается церковь Матери моей преподобным Феодосием, и тому в руки передай, чтобы он повесил над жертвенником моим”. Я же упал от страха и, оцепенев, лежал как мертвый; затем, встав, я поспешно вошел на корабль.

И когда мы плыли, поднялась буря великая, так что все мы отчаялись в спасении, и начал я взывать: “Господи, прости меня, ибо ради этого пояса погибаю за то, что взял его от честного твоего и человекоподобного образа!” И вот увидел я церковь наверху и подумал: “Что это за церковь?” И был свыше к нам голос, говорящий: “Которая будет создана преподобным во имя Божией Матери, в ней же и ты положен будешь”. И видели мы ее величину и высоту, если измерить ее тем золотым поясом, то двадцать локтей – в ширину, тридцать – в длину, тридцать – в высоту стены, а с верхом – пятьдесят. Мы же все прославили Бога и утешились радостью великой, что избавились от горькой смерти. И вот доныне не знал я, где создастся церковь, показанная мне на море и на Альте, когда я уже находился при смерти, пока не услышал я из твоих честных уст, что здесь меня положат в церкви, которая будет создана». И, вынув золотой пояс, он отдал его, говоря: «Вот мера и основа, этот же венец пусть будет повешен над святым жертвенником».

Старец же восхвалил Бога за это и сказал варягу: «Чадо! С этих пор не будешь ты называться Шимоном, но Симон будет имя твое». Призвав же блаженного Феодосия, Антоний сказал: «Симон, вот он хочет такую церковь построить», и отдал Феодосию пояс и венец. С тех пор великую любовь имел Симон к святому Феодосию и давал ему много денег на устройство монастыря.

Однажды этот Симон пришел к блаженному и после обычной беседы сказал святому: «Отче, прошу у тебя дара одного». Феодосии же спросил его: «О чадо, что просит твое величие от нашего смирения?» Симон же сказал: «Великого, выше силы моей, прошу я от тебя дара». Феодосии же ответил: «Ты знаешь, чадо, убожество наше: часто и хлеба недостает в дневную пищу, а другого не знаю, что имею». Симон же сказал: «Если захочешь одарить меня, то сможешь по данной тебе благодати от Бога, который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисуса, он мне сказал: “Неси на приготовленное место и отдай в руки преподобному, который строит церковь Матери моей”. Вот чего прошу я у тебя: дай мне слово, что благословит меня душа твоя как при жизни, так и по смерти твоей и моей». И отвечал святой: «О Симон, выше силы прошение твое, но если ты увидишь меня, отходящего отсюда, из мира этого, и если по моем отшествии церковь эта устроится и данные ей уставы будут соблюдаться в ней, то, да будет тебе известно, что имею я дерзновение у Бога, теперь же не знаю, доходит ли моя молитва».

Симон же сказал: «От Господа было мне свидетельство, я сам слышал о тебе это из пречистых уст святого его образа, потому и молю тебя – как о своих черноризцах, так и обо мне, грешном, помолись, и о сыне моем Георгии, и до последних рода моего». Святой же, обещавши ему это, сказал: «Не о них единых молюсь я, но и обо всех, любящих это святое место ради меня». Тогда Симон поклонился до земли и сказал: «Не уйду, отче, от тебя, если писанием своим не удостоверишь меня».

Преподобный же, побуждаемый любовью к нему, написал так: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», что и доньше

вкладывают умершему в руку такую молитву. И с тех пор утвердился обычай класть такое письмо с умершим, прежде же никто не делал этого на Руси. Написано же было и это в молитве: «Помяни меня, Господи, когда придешь во царствие твое, чтобы воздать каждому по делам его, тогда, Владыка, и рабов своих, Симона и Георгия, сподоби справа от тебя стать, в славе твоей, и слышать благой твой глас: “Придите, благословенные Отцом моим, наследуйте уготованное вам царство от создания мира”».

И попросил Симон: «Прибавь к этому, отче, чтобы отпустились грехи родителям моим и ближним моим». Феодосии же, воздев руки к небу, сказал: «Да благословит тебя Господь от Сиона, и да узрите вы благодать Иерусалима во все дни жизни вашей и до последнего в роду вашем!» Симон же принял молитву и благословение от святого как некую драгоценность и дар великий. Тот, кто прежде был варягом, теперь же благодатью Христовой стал христианином, просвещенный святым отцом нашим Феодосием, оставил он латинское заблуждение и истинно уверовал в Господа нашего Иисуса Христа со всем домом своим, около трех тысяч душ, и со всеми священниками своими, ради чудес святых Антония и Феодосия. Этот Симон был первым погребен в той церкви.

С тех пор сын его Георгий великую любовь имел к святому тому месту. Этого Георгия послал Владимир Мономах в Суздальскую землю и поручил ему сына своего Георгия. Спустя много лет сел Георгий Владимирович в Киеве, тысяцкому же своему Георгию, как отцу родному, поручил землю Суздальскую.

О ПРИХОДЕ МАСТЕРОВ ЦЕРКОВНЫХ ИЗ ЦАРЬГРАДА К АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ. СЛОВО 2

И это вам, братья, расскажу другое дивное и преславное чудо о той богоизбранной церкви Богородичной.

Пришли из Царьграда четыре мастера церковных, люди очень богатые, в пещеру к великому Антонию и Феодосию, говоря: «Где хотите ставить церковь?» Те же им ответили: «Там, где Господь место обозначит». Пришедшие же сказали: «Как же так, – свою собственную смерть предвидя, – места еще не назначили, столько золота вручив нам?» Тогда Антоний и

Феодосии, призвав всю братию, стали расспрашивать греков, говоря: «Скажите истину: как это было?»

Мастера же эти рассказали: «Однажды, когда мы еще спали в домах своих, рано, на восходе солнца, пришли к каждому из нас благообразные скопцы, говоря: “Зовет вас царица во Влахерну”. Когда же мы пошли, взяв с собою друзей и ближних своих, то пришли все в одно время к царице и рассудили, что одно и то же повеление царицы слышал каждый из нас и одни и те же посланцы были у нас. И вот увидели мы царицу и множество воинов при ней, мы поклонились ей, и она сказала нам: “Хочу церковь построить себе на Руси, в Киеве, повелеваю же это вам, возьмите золота себе на три года”. Мы же, поклонившись, сказали: “О госпожа царица! В чужую страну посылаешь ты нас, – к кому мы там придем?” Она же сказала: “К ним посылаю, к Антонию и Феодосию”. Мы же сказали: “Зачем же, госпожа, на три года золота даешь нам? Им и прикажи о нас, чтобы на пропитание от них нам было потребное, а одаришь нас, чем сама захочешь”. Царица же сказала: “Сей Антоний, только благословив, отойдет из этого мира на вечный покой, а сей Феодосии через два года после него отойдет к Богу. Вы же возьмите золота с избытком, а что до того, чтобы почтить вас, то не может так никто, как я: дам вам, чего и ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило. Я и сама приду посмотреть церковь и в ней буду жить”. Дала она нам и мощи святых мучеников: Артемия и Полиевкта, Леонтия и Акакия, Арефы, Якова, Феодора, сказав нам: “Это положите в основание”. Мы же взяли золота с избытком. И сказала она нам: “Выйдите наружу, посмотрите церковь”. И увидели мы церковь на небе, и, вернувшись, поклонились ей, и спросили: “О госпожа царица, каково имя церкви?” Она же сказала: “Хочу ее своим именем назвать”. Мы же не посмели ее спросить: “Как твое имя?” Она же сказала: “Богородицына будет церковь”, и дала нам эту икону, говоря: “Она будет наместной”. Мы же, поклонившись ей, пошли в дома свои, неся эту икону, полученную из рук Царицы».

И тогда все прославили Бога и ту, которая его родила. Антоний же ответил: «О чада, мы никогда не выходили из места

сего». Греки же клятвенно заверили: «Из ваших рук взяли мы золото перед многими свидетелями, и до корабля с ними вас проводили, и через месяц после вашего ухода отправились в путь; и вот сейчас десятый день, как мы вышли из Царьграда. Спрашивали мы Царицу о величине церкви, и она сказала нам: “Я меру послала – пояс Сына моего, – по его повелению”».

И отвечал Антоний: «О чада, великой благодати Христос удостоил вас, ибо вы его воли вершители. Звавшие же вас, те благообразные скопцы – пресвятые ангелы, а царица во Влахене – сама, зримо явившаяся вам, пресвятая, чистая и непорочная владычица наша, Богородица и приснодева Мария, стоявшие же при ней воины – бесплотные ангельские силы. Подобные же нам, и данное вам золото – то Бог ведает, так как он сам сотворил и свершил это со своими рабами. Благословен приход ваш, и добрую спутницу имеете вы, эту честную икону Госпожи, и она даст вам, как обещала, чего ухо не слышало и что на сердце человеку не всходило: этого никто не может дать, кроме нее и сына ее, Господа Бога и спасителя нашего Иисуса Христа, пояс которого и венец, принесенные сюда варягами, и являются мерой ширины, и длины, и высоты той пречестной церкви, – голос с неба известил это от великой славы».

Греки же со страхом поклонились святым и сказали: «Где то место? Покажите». Антоний же сказал: «Три дня будем молиться, и Господь обозначит нам». И в первую ночь, когда он молился, явился ему Господь и сказал: «Обрел ты благодать передо мной». Антоний же сказал: «Господи, если я обрел благодать перед тобой, пусть будет по всей земле роса, а место, которое тебе угодно освятить, пусть будет сухо». Наутро нашли сухим то место, где ныне церковь стоит, а по всей земле была роса. На другую же ночь, также помолившись, Антоний сказал: «Пусть будет по всей земле сухо, а на месте святом роса». Пошли и нашли так. В третий же день, ставши на месте том, помолившись и благословив место это, измерили золотым поясом ширину и длину. И воздел руки к небу, и сказал Антоний громким голосом: «Услышь меня, Господи, ныне отметь место огнем, пусть разумеют все, что тебе оно угодно». И тотчас пал огонь с неба и пожег все деревья и терновник, росу полизал и

долину выжег, рву подобную. И все бывшие со святыми от страха упали как мертвые. Так положено было начало той Божественной церкви.

О ТОМ, КОГДА ОСНОВАНА БЫЛА ЦЕРКОВЬ ПЕЧЕРСКАЯ. СЛОВО 3

Основана же была сия божественная церковь Богородицы в 6581 (1073) году. В дни княжения благоверного князя Святослава, сына Ярославова, была заложена церковь эта, и сам он своими руками начал ров копать. Христоролюбивый князь Святослав дал сто гривен золота в помощь блаженному и размеры определил золотым поясом, как повелел голос, услышанный с небес на море. В Житии святого Антония найдешь об этом подробнее. Из Жития же Феодосия всем известно, как явился столп огненный от земли до неба, иногда же облако или же радуга сходили с верха старой церкви на это место, много раз и икона переходила, – ангелы переносили ее в то место, где ей надлежало быть.

Что, братия, чудеснее этого? Перелистав все книги Ветхого и Нового заветов, нигде не найдешь таких чудес о святых церквях, как об этой: от варягов, и от самого Господа нашего Иисуса Христа, и честного его и божественного и человекообразного изображения – святой головы Христовой венец, и божественный голос слышали от Христова изображения, повелевший венец нести на уготованное место, и небесный голос велел поясом этим измерить церковь, которую видели еще до ее созидания. А из Греции икона пришла с мастерами, и мощи святых мучеников положены были подо всеми стенами, и были изображены эти святые над мощами по стенам.

Должно же нам похвалить прежде отшедших благоверных князей, и христоролюбивых бояр, и честных иноков, и всех христиан православных. Блажен и преблажен, сподобившийся погребенным быть здесь, великой благодати и милости Господней удостоится он молитвами святой Богородицы и всех святых. Блажен и преблажен, тут в помяновение записанный, ибо примет он отпущение грехов и награда небесная его не минует. Ведь сказано: «Радуйтесь и веселитесь, ибо имена ваши

написаны на небесах» – церковь эта любима Богом паче небесной. Родившая его пожелала ее создать, как обещала во Влахерне мастерам, так сказав: «Приду, чтобы видеть эту церковь, хочу в ней жить». Доброе и предоброе это дело – находиться в ее святой и божественной церкви, и какую славу и похвалу обретет положенный здесь и записанный в ней в поминальные книги – перед ее очами будет он поминаться всегда.

И это, возлюбленные мои, добавлю вам слово, чтобы укрепить вас. Нет того злее, чем от такого света отречься, и возлюбить тьму, и отвергнуть богонареченную церковь, оставить Богом построенную и искать людьми сотворенную за мзду от насилий и грабежей, что сама вызывает к Богу на строителя своего. Этой же церкви создатель, и устроитель, и художник, и творец – сам Бог, который своим божественным огнем спалил вещи тленные, деревья же и горы сражнял на благо дома Матери своей для пристанища рабам своим. Разумейте, братья, основание и начало ее: Отец свыше благословил росой, и столпом огненным, и облаком светлым; Сын меру дал своим поясом: хотя и деревянный был крест, но Божию силою облечен; Святой же Дух огнем невестственным ров ископал, где положить основание, и на таком камне создал Господь церковь эту, что и врата адовы не одолеют ее. Так же и Богородица: на три года золота дала строителям, и своего пречистого образа икону даровала и ее наместной поставила, – от иконы этой чудеса многие свершаются.

О ПРИХОДЕ ИКОНОПИСЦЕВ К ИГУМЕНУ НИКОНУ ИЗ ЦАРЬГРАДА. СЛОВО 4

И вот еще дивное чудо, о котором расскажу вам. Пришли из того же богохранимого града Константинополя к игумену Никону иконописцы и стали говорить: «Поставь перед нами тех, с которыми мы рядились, хотим с ними тяжбу вести: нам они показали церковь малую, так мы и урядились с ними перед многими свидетелями, эта же церковь очень уж велика; вот возьмите ваше золото, а мы вернемся в Царьград». В ответ на это игумен спросил: «А кто рядился с вами?» Иконописцы же описали их внешность, сходную с обликом игумена Феодосия и

Антония. И сказал им игумен: «О чада, не в силах мы показать их: десять лет тому как отошли они из этого мира, и теперь непрестанно молятся за нас, и неотступно хранят эту церковь, и заботятся о своем монастыре, и пекутся о живущих в нем».

Услышав такой ответ, греки, ужаснувшись, привели и других многих купцов, греков и кавказцев, которые пришли вместе с ними из тех земель. И сказали они: «Вот перед ними рядились мы, золото взяли из рук тех старцев, а ты не хочешь позвать их сюда. Если же они умерли, то покажи нам изображение их: пусть все увидят, те ли это?» Тогда игумен вынес перед всеми иконы их. Увидев лики святых, греки и кавказцы поклонились, говоря: «Воистину, это они, и мы веруем, что они живы и по смерти, и могут помогать, и спасать, и охранять прибегающих к ним». И они отдали в монастырь мозаику, которую принесли было на продажу, ею теперь святой алтарь украшен.

Иконописцы же начали каяться в своем согрешении. «Когда, – говорили, – пришли мы в Канев на ладьях, то увидели в высоте эту великую церковь. И спросили мы бывших с нами: “Какая это церковь?” И нам ответили: “Печерская, которую вы должны расписывать”. Мы же, рассердившись, хотели плыть назад. И той же ночью поднялась буря сильная на реке. Утром же, когда мы проснулись, то оказались у Треполя, и ладья сама шла вверх по течению, как будто сила некая влекла ее. Мы же с трудом удержали ее и простояли весь день, размышляя, что бы это значило, что прошли мы за одну ночь, не гребя, такой путь, какой другие в три дня с трудом проходят? На другую же ночь снова увидели мы эту церковь и чудную икону наместную, говорившую нам: “Люди, зачем напрасно мечетесь, не покоряясь воле Сына моего и моей; если не послушаетесь меня и захотите бежать, – я возьму всех вас и прямо в ладье поставлю в церкви моей. И то знайте, что вы оттуда не выйдете, но, в монастыре моем постригшись, там и скончаетесь, и я вам дарую милость в будущем веке ради строителей этой церкви, Антония и Феодосия”. Мы же, на другой день вставши, хотели плыть вниз и гребли изо всей силы, а лодка шла вверх, против течения. Тогда мы, повинувшись воле и силе Божьей, покорились, и вскоре ладья под монастырем сама пристала».

Тогда все черноризцы и греки, мастера и иконописцы, прославили великого Бога и чудотворную икону его пречистой Матери, и святых отцов Антония и Феодосия. И со временем те и другие, мастера и иконописцы, окончили жизнь свою монахами в Печерском монастыре и положены в своем притворе; свитки их и ныне лежат на полатах, и книги их греческие хранятся в память чуда.

Когда игумен Стефан, демественник, который был изгнан из монастыря, увидал преславные чудеса – как пришли мастера, и принесли икону, и рассказали о видении Царицы во Влахерне, то сам создал на Клове церковь по подобию Влахернской. Благоверный же князь Владимир Всеволодович Мономах, тогда еще юный, самовидцем был того дивного чуда, когда пая с неба огонь и выгорела яма, где потом заложено было основание церкви по размерам пояса. Слух об этом разошелся по всей земле Русской. Поэтому-то Всеволод с сыном своим Владимиром приехал из Переяславля, чтобы видеть то великое чудо. Тогда Владимир был болен, и тем золотым поясом опоясали его, и он тотчас же выздоровел молитвами святых отцов наших Антония и Феодосия.

И во время своего княжения христолюбец Владимир, взяв размеры той божественной церкви Печерской, создал во всем подобную церковь в городе Ростове: такой же вышины, ширины и длины. И он на хартии записал, где и в каком месте церкви какой праздник изображен, и все это было повторено по образцу той великой, Богом ознаменованной церкви. Сын же его, Георгий-князь, слышавший от своего отца Владимира о всем, что было с этой церковью, и сам в своем княжении построил в городе Суздале церковь в ту же меру. И все те церкви со временем разрушились; эта же, Богородицына, одна пребывает вовеки.

ОБ ИОАННЕ И СЕРГИИ ЧУДО НЕОБЫЧНОЕ В БОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧЕРСКОЙ ЦЕРКВИ, СВЕРШИВШЕЕСЯ ПЕРЕД ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ БОГОРОДИЦЫ. СЛОВО 5

Были два неких человека именитых из города того, друзья между собой, Иоанн и Сергей. Однажды пришли они в церковь

богонареченную и увидели свет, ярче солнечного, на чудной иконе Богородицы, и в духовное братство вступили.

Спустя много лет Иоанн разболелся, а у него оставался пятилетний сын Захария. И вот больной призвал игумена Никона и раздал все свое имущество нищим, а сыновнюю часть, тысячу гривен серебра и сто гривен золота, дал Сергию. Малолетнего же сына своего Захарию отдал на попечение другу своему, как брату верному, завещав ему: «Когда возмужает сын мой, отдай ему золото и серебро».

Когда исполнилось Захарии пятнадцать лет, захотел он взять у Сергия золото и серебро отца своего. Тот же, подстрекаемый дьяволом, задумал приобрести богатство, решившись ради этого жизнь с душою погубить, и сказал он юноше: «Отец твой все богатство свое Богу отдал, у того и проси золото и серебро: он тебе должен, может быть и помилует тебя. Я же ни твоему отцу, ни тебе не должен ни одной златницы. Вот что сделал с тобой отец твой по безумию своему, раздав все свое имущество в милостыню, он тебя нищим и убогим оставил».

Выслушав это, юноша стал тужить о своем лишении. Обратился он с мольбой к Сергию, говоря: «Дай мне хоть половину, а половину оставь себе». Сергей же жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария же стал просить третью часть и даже десятую. Наконец, видя, что он лишился всего, сказал Сергию: «Приди и поклянись мне в церкви Печерской, перед чудотворной иконой Богородицы, где ты вступил в братство с отцом моим».

Тот же пошел в церковь и, став перед иконой Богородицы, сказал, клянясь, что не брал ни тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота; и хотел поцеловать икону, но не мог приблизиться к ней. И когда выходил он из дверей, то стал вопить: «О святые Антоний и Феодосии, не велите погубить меня этому ангелу немилостивому, помолитесь святой Богородице, чтобы отогнала она от меня бесчисленных бесов, которым я предан. Возьмите золото и серебро: оно спрятано в доме моем». И страх охватил всех. С тех пор никому не давали клясться той иконой святой Богородицы.

Послали в дом к Сергию, взяли сосуд запечатанный и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота: так вот удвоил Господь богатство, вознаграждая творящих милостыню. Захария же все деньги отдал игумену Иоанну, чтобы тот употребил их, как хочет. Сам же постригся и жизнь окончил здесь. На это золото и серебро построена была церковь Святого Иоанна Предтечи, где всход на полати, в память Иоанна-боярина и сына его Захарии, чьих было золото и серебро.

СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ ЖЕРТВЕННИКЕ И ОБ ОСВЯЩЕНИИ ТОЙ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. СЛОВО 6

Освящена была церковь Печерская в 6597 (1089) году, в первый год игуменства Иоанна. И не было плиты каменной для сооружения жертвенника. И долго разыскивали, кто бы мог сделать жертвенник каменный, и не нашли ни одного мастера; тогда сделали деревянную доску и положили ее. Но митрополит Иоанн не хотел, чтобы в столь великой церкви был деревянный жертвенник, и из-за этого игумен пребывал в большой печали. Прошло несколько дней, а освящения все не было. В тринадцатый день августа вошли иноки в церковь петь, по обычаю, вечерню, и увидели, что у алтарной ограды лежит каменная плита и подпоры для устройства жертвенника. Тотчас дали знать об этом митрополиту. Он же восхвалил Бога и повелел свершить освящение и вечерню.

Долго разыскивали, откуда и кем принесена была эта плита и как в церковь внесена, когда она заперта была? И всюду расспрашивали, откуда она привезена была, водой ли или по суше, и нигде не нашлось никаких следов тех, кто привез ее. Послали туда, где делаются такие вещи, три гривны серебра, чтобы мастер взял деньги за свой труд. Посланные обошли все места и не нашли мастера. Мудрый создатель и помощник всех, Бог, сотворивший это чудо, жертвенник сделал, и положил, и утвердил его руками святительскими на приношение своего пречистого тела и святой крови, возжелав, чтобы его за весь мир во все дни приносили в жертву на том жертвеннике, который сам даровал.

На другой день пришли с митрополитом Иоанном епископы: Иоанн Черниговский и Исая Ростовский, Лука Белгородский и Антоний Юрьевский, никем не званные, пришли они на чин освящения. И спросил их блаженный митрополит: «Почему пришли вы, когда вас не звали?» И отвечали епископы: «Владыка, посланец от тебя сказал нам, что четырнадцатого августа будет освящение церкви Печерской, и мы все должны быть с тобой на литургии. Мы не смели ослушаться твоего слова, и вот мы здесь». Антоний же, епископ Юрьевский, сказал: «Я был болен, и вот этой ночью вошел чернец ко мне и сказал мне: “Завтра освящается церковь Печерская, будь там”. И только что услышал я это, как сразу выздоровел, и вот я здесь по повелению твоему». И все удивились приходу епископов.

Святитель хотел разыскать тех людей, которые звали их, и вдруг раздался голос: «Да исчезнет испытывающий предначертанное!» Тогда митрополит воздел руки к небу и сказал: «Пресвятая Богородица! Как на успение свое ты со всех концов вселенной собрала апостолов, в честь своего погребения, так и ныне, на освящение своей церкви, созвала ты их заместников, наших сослужебников!»

И все в ужасе были от великих чудес. Обошли вокруг церкви трижды и начали петь: «Поднимите, врата, верхи ваши», – и не было никого в церкви, кто бы мог отпеть: «Кто есть сей царь славы?», потому что все до одного вышли из церкви. После долгого молчания вдруг из церкви раздался голос, похожий на ангельский: «Кто есть сей царь славы?» Стали искать, что это за голоса, откуда они и чьи. Когда же вошли в церковь, то двери были затворены, и ни одного человека не нашлось в ней. И стало ясно всем, что все свершается Божьим промыслом о той святой и божественной церкви.

После этого и мы скажем: «О бездна богатства и премудрости! Кто познает ум Господен или кто может быть советником ему?» Господь да сохранит вас и будет блюсти вас во все дни жизни вашей молитвами пресвятой Богородицы, и преподобных и блаженных отцов наших печерских Антония и Феодосия, и святых черноризцев монастыря того. С ними же да

удостоимся и мы получить милость в этом веке и в будущем о Христе Иисусе Господе нашем, ему же слава с Отцом и со Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

НЕСТОРА, ИНОКА ОБИТЕЛИ МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, СКАЗАНИЕ О ТОМ, ПОЧЕМУ МОНАСТЫРЬ БЫЛ ПРОЗВАН ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 7

Во время княжения самодержца Русской земли, благоверного великого князя Владимира Святославича, соблаговолил Бог, чтобы появился просветитель Русской земли и наставник иноков, о котором и будет это сказание.

Жил в городе Любече некий благочестивый муж, в которого смолоду вселился страх Божий, и захотел он стать иноком. Человеколюбивый же Господь вложил в его душу желание идти в страну Греческую и там постричься в монахи. Немедля устремился он в путь, странствуя за странствовавшего и трудившегося ради нашего спасения Господа, и достиг Царьграда. И пришел он на Святую Гору, и обошел афонские святые монастыри, и, увидев эти монастыри на Святой Горе и жизнь тех святых отцов, превосходящую человеческие возможности, – оставаясь во плоти, они подражали ангельскому житию, – еще сильнее воспылал он любовью ко Христу и захотел повторить подвиги этих монахов. Пришел он в один из тамошних монастырей и умолил игумена, чтобы тот возложил на него ангельский образ иноческого чина. Игумен же, прозревая, что он свершит великие добрые дела, послушал его, постриг под именем Антония, наставив и обучив иноческому житию. Антоний же, угождая во всем Богу, в остальном подвизался в покорности и послушании, так что все радовались за него. И сказал ему игумен: «Антоний, иди снова на Русь, да будешь там и другим примером их успеха и утверждения в вере, и будет с тобой благословение Святой Горы».

Антоний же ушел на Русскую землю, и пришел в город Киев, и стал думать, где бы ему жить. Походил он по монастырям и не пожелал ни в одном из них поселиться: Бог не соблаговолил. И стал он ходить по лесам, и по горам, и по разным местам. Придя в Берестово, нашел пещеру, которую когда-то выкопали варяги, и поселился в ней, и жил в ней в

великом воздержании. Через некоторое время после этого умер князь Владимир, и захватил власть безбожный и окаянный Святополк, и, сев в Киеве, стал избивать братьев своих: убил святого Бориса и Глеба. Антоний же, увидев такое кровопролитие, содеянное окаянным Святополком, снова удалился на Святую Гору.

Когда благочестивый князь Ярослав победил Святополка, то сел он в Киеве. И так как полюбил боголюбивый князь Ярослав Берестово и тамошнюю церковь Святых Апостолов, то многих священников содержал при ней. Был в ней пресвитер, именем Иларион, муж благочестивый, знаток божественного Писания и постник. И ходил он с Берестова к Днепру, на холм, где ныне старый монастырь Печерский, и здесь молился, ибо был тогда там лес дремучий. И выкопал он тут маленькую двусаженную пещерку, и, приходя из Берестова, пел псалмы, и молился Богу втайне.

И, по прошествии некоторого времени, Бог вложил в сердце благоверному великому князю Ярославу благую мысль: собрал он в 6559 (1051) году епископов и поставил Илариона митрополитом в Святой Софии, а пещерка его сохранилась.

Когда Антоний находился на Святой Горе, в монастыре, где свершилось его пострижение, то было от Бога возвешение игумену. «Отпусти, – сказал он, – Антония на Русь, нужен он там». Призвал его игумен и сказал: «Антоний! Иди снова на Русь, такова воля Бога, и будет с тобой благословение от Святой Горы, и многие от тебя черноризцами станут». И, благословив, отпустил он его, и сказал ему: «Иди с миром!»

Когда же Антоний вернулся в Киев и пришел на холм, где Иларион вырыл малую пещерку, полюбилось ему место это, и поселился он здесь. И начал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи, утверди меня на месте этом, и да будет благословение на нем Святой Горы и молитва отца моего, который постриг меня». И стал он жить тут, молясь Богу. Пищей же его был хлеб сухой, и воды пил в меру; и копал он пещеру, и, не давая себе покоя ни днем, ни ночью, так жил в постоянных трудах, пребывая в бдении и молитвах. Потом узнали о нем люди, стали приходить к нему, принося, что было нужно. И

прошла о нем слава, как о Великом Антонии, и начали приходить к нему, прося от него благословения.

Потом же, когда умер князь Ярослав, принял власть сын его Изяслав и сел на киевский стол. Антоний к тому времени уже прославился по Русской земле. Князь же Изяслав, прослышав о житии его, пришел к нему с дружиной своей, прося у него благословения и молитвы. И сделался известен всем великий Антоний, и почитали его все. И начали приходить к нему боголюбивые люди, чтобы постричься, и он принимал их и постригал. И собралась у него братия около двенадцати человек. И Феодосии, к нему придя, постригся. Выкопали они пещеру большую, и церковь, и келий, которые целы и теперь в пещере, под старым монастырем.

Когда собралась братия, сказал им великий Антоний: «Это, братия, Бог объединил вас, и благословение на вас Святой Горы, с которым меня постриг игумен Святой Горы, я же вас постриг; и да будет же на вас благословение: во-первых, от Бога и пресвятой Богородицы, во-вторых, от Святой Горы!» И сказал он им еще: «Живите теперь сами по себе, и я поставлю вам игумена, а сам пойду на другую гору и там останусь один». Как я уже сказал – привык он к уединению. И поставил он игуменом Варлаама, а сам пошел на гору и выкопал себе другую пещеру, которая теперь под новым монастырем; в ней он и умер, живши в добродетели сорок лет, никогда и никуда не выходя из пещеры. В ней же лежат честные мощи его, творящие чудеса и доныне.

Игумен же и братия продолжали жить в пещере. И умножилось их число, и не могли они уже в пещере вместиться, и задумали они рядом с пещерой поставить монастырь. И пришли игумен и братия к святому Антонию, и сказали ему: «Отче! Братии стало так много, что не можем поместиться в пещере, да благословит Бог и пречистая Богородица, и твоя молитва, чтобы нам поставить маленькую церковь вне пещеры». И разрешил им преподобный. Они же поклонились ему до земли и вышли. И поставили церковку маленькую над пещерой во имя Успения святой Богородицы.

И стал Бог, молитвами пречистой Богородицы и преподобного Антония, умножать черноризцев, и братия, посоветовавшись с игуменом, решили построить монастырь. И пошли опять они к Антонию, и сказали ему: «Отче, братия умножается, и хотим мы построить монастырь». Антоний же возрадовался и сказал: «Благословен Бог за все, молитва святой Богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами!» И сказав это, послал одного из братии к князю Изяславу, говоря так: «Княже благочестивый, Бог умножает братию, а местечко маленькое, просим у тебя, чтобы дал ты нам гору ту, что над пещерой». Князь же Изяслав, услышав это, обрадовался и послал к ним боярина своего, чтобы передать им гору ту.

Игумен же и братия заложили церковь большую и монастырь, обнесли оградой, и много келий поставили, и, поставив церковь, украсили ее иконами. И с тех пор прозвался монастырь Печерским, потому что черноризцы прежде жили в пещере. И с тех пор называется он Печерским монастырем, и на нем благословение Святой Горы.

Когда монастырь уже был основан, а игуменствовал в нем Варлаам, князь Изяслав поставил монастырь Святого Дмитрия и перевел Варлаама на игуменство в монастырь Святого Дмитрия; надеясь на богатство, он хотел сделать свой монастырь выше Печерского. Многие монастыри поставлены царями, боярами и богатством; но не таковы они, как поставленные слезами и лощением, молитвою и бдением. Антоний вот не имел ни золота, ни серебра, а все приобрел слезами и постом, как я уже рассказал.

Когда Варлаам ушел в монастырь Святого Дмитрия, то братия, посоветовавшись, пошли к старцу Антонию и сказали ему: «Отче, поставь нам игумена». Он же спросил: «Кого хотите?» Они же ответили ему: «Кого хочет Бог, и пречистая Богородица, и ты, честной отче». И сказал им великий Антоний: «Кто еще есть среди вас столь послушлив, кроток и смирен, как блаженный Феодосий? Пусть он и будет вам игуменом». Все братья рады были, поклонились ему до земли, и поставили Феодосия игуменом. Было тогда братии двадцать человек.

Принявши монастырь, Феодосии ввел в нем воздержание строгое, пощение и молитвы со слезами. И стал принимать он многих черноризцев, и собрал братии сто человек. И начал он разыскивать устав монастырский, а в это время оказался тут честной инок Михаил из монастыря Студийского, который пришел из Греции с митрополитом Георгием. И начал Феодосии расспрашивать его об уставе иноков студийских, и, найдя у него устав, списал его. И установил в монастыре своем, как пение монастырское, как поклоны держать и чтение читать, как стоять в церкви, и весь порядок церковный, и как за трапезой сидеть, и что есть в какие дни. Все это по уставу Феодосии определил и ввел в своем монастыре, а от того монастыря переняли все русские монастыри этот устав. Потому и честь Печерскому монастырю, так как древнее он всех и честью выше всех.

И так жил Феодосии в монастыре, ведя добродетельную жизнь, соблюдая иноческое правило и принимая всякого, приходящего к нему.

Пришел к нему и я, грешный и недостойный раб Нестор, и он принял меня, а было мне тогда семнадцать лет от роду. И вот я написал это и изложил, в каком году возник монастырь и почему называется Печерским. А о житии Феодосия ниже расскажем. ...

НЕСТОРА, ИНОКА, МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. АВГУСТА 14. СЛОВО 9

«Когда умножаются праведники, веселится народ», – сказал премудрый Соломон. Обычай ведь есть в божественный праздник торжества духовного ликования предаваться богоименным людям, по словам мудрого Соломона: «Праведник, если и умрет, – жив будет, и души праведных в руке Божьей». Прославляет Господь славящих его, как воистину этого блаженного и доблестного мужа, высокого житием, чудного добродетелями, неутомимого в чудесах, блаженного Феодосия. Соболаговолит Бог явить своего угодника, что воистину и свершилось по воле Божьей через восемнадцать лет после преставления преподобного.

В 6599 (1091) году все иноки пречистой Печерской лавры, собравшись вместе со своим наставником игуменом, единодушно порешили перенести мощи преподобного Феодосия.

Подобает за это хвалу принести им: воистину блаженны отцы, и мудро решение ваше. О Богом собранный совет! О постнический великий собор! О пречестное воинство! О благое объединение, ведь сбылось на вас изречение Отца, сказавшего: «Что может быть лучше и прекраснее, чем единение братии». Воистину добр замысел ваш, отцы, громогласнее трубы слова решений ваших. С истинным своим пастырем пожелали быть всегда вместе, – нельзя было не восклицать: «Лишены мы отца и учителя!» И все, как едиными устами, сказали: «Возьмем честные мощи любимого отца нашего Феодосия, не подобает нам быть без пастыря, а пастырю не подобает Богом порученных ему своих овец оставлять, чтобы страшный зверь не пришел и не разогнал стадо Христово словесных овец; пусть придет пастырь в свою ограду и цевницею духовной вострубит, пусть пастырская свирель оградит нас от нападения коварного зверя и блюстителя жизни нашей и ангелов-хранителей призовет». Все единогласно друг другу говорили: «Подобает нам, братья, всегда пред очами своими честную гробницу отца нашего Феодосия видеть и достойное поклонение всегда ему творить, как истинному отцу и учителю. Негоже лежать преподобному отцу нашему Феодосию вне монастыря и церкви своей, потому что он основал ее и черноризцев собрал».

И совет сотворив, не медля повелели устроить место, где положить мощи святого, и гробницу каменную поставили. В это время приспел праздник пречестного Успения святой владычицы Богородицы; и за три дня до праздника Божьей Матери повелел игумен в пещеру идти, чтобы то место отметить, где лежат мощи святого отца нашего Феодосия. По его же благому изволению и по повелению игумена и я, грешный Нестор, сподобился быть первым, кто увидел святые мощи Феодосия. Да будет вам известно, что истинную правду поведаю я, так как не от кого-то другого это слышал, но сам был начинщиком этого дела.

Пришел игумен и сказал: «Пойдем, чадо, в пещеру к преподобному отцу нашему Феодосию». И пришли мы в пещеру втайне от всех. Когда рассмотрели мы, куда копать, и обозначили место, где раскапывать, – в стороне от входа, – то сказал мне игумен: «Никому не сообщай об этом, кроме того, кого по своему желанию возьмешь в помощники, и пусть не знает об этом ни единый из братии, пока не вынесем мощи святого из пещеры». Я же приготовил в тот день лопаты, чтобы копать. Был вторник. Поздно вечером взял я с собою двух монахов, мужей особо добродетельных, никто другой об этом не знал. И как только пришли мы в пещеру, то, сотворивши с поклонами молитвы и отпев псалмы, принялись за дело. Начал копать я и, потрудившись много, поручил продолжать другому брату; и так раскапывали мы до полуночи и не могли обнаружить мощей святого. И начали мы тужить, и, плача, решили, что не хочет объявить себя святой; и тут пришла мне на ум другая мысль, что не в ту сторону копаем. И я, взяв лопату, начал снова усердно копать. Монах же, который был со мной, стоял перед пещерой, и, когда услышал он, как ударили к заутрене в било, сказал мне брат: «Ударили в церковное било!» Я же в это время докопался до мощей святого, и, когда он мне говорил о том, что бьют в било, я сказал ему: «Докопался я, брат!» И когда раскопал я мощи святого, то великий страх охватил меня, и стал я взывать: «Преподобного ради Феодосия, Господи, помилуй меня!»

В это самое время два монаха в монастыре не спали, и стерегли, когда игумен, утаившийся с кем-то, будет тайно переносить мощи преподобного, и прилежно наблюдали за пещерой. И как ударили в церковное било к заутрене, то увидели они три столпа, как радуга сияющие, которые, постояв, перешли на верх церкви Пречистой, где потом положен был преподобный Феодосии. И это увидели все монахи, которые шли к заутрене, а также многие благочестивые люди в городе. Было им до этого извещение о перенесении мощей святого, и сказали они: «Это переносят мощи честные преподобного Феодосия из пещеры». Когда наступило утро и уже занялся

день, то слух об этом распространился по всему городу, и множество людей пришло со свечами и фимиамом.

Великий же и преславный Стефан, о котором уже говорилось в Житии блаженного, бывший игуменом после Феодосия, а по отшествии из монастыря поставивший на Клове свой монастырь, и потом по благословению Божьему ставший епископом города Владимира, в это самое время находился в своем монастыре, и увидел он ночью за полем зарево великое над пещерой. Подумал он, что это переносят честные мощи святого Феодосия, а его накануне известили об этом; и, сильно огорчившись, что без него переносят мощи святого, он в тот же час сел на коня и быстро поскакал к пещере вместе с Климентом, которого он поставил игуменом на свое место. И пока они ехали, то видели яркое сияние над пещерой, а когда подъехали к пещере и не стало ничего видно, то догадались, что то был ангельский свет.

Когда подошли они к дверям пещеры, мы сидели у мощей святого. Я же, когда докопался до мощей, послал к игумену, говоря: «Приди, отче, да вынесем мощи преподобного». Пришел игумен с двумя иноками. И когда раскопали как следует и наклонились, то увидели, что лежат его мощи достойно его святости, и все части тела целы, и тление не тронуло их, волосы присохли к голове его, а лицо преподобного светло, а очи закрыты, и добро-гласные уста его сомкнуты. И так, возложив на одр святые его и честные мощи, вынесли их из пещеры. На другой же день, изволением Божиим, собрались вместе епископы и пришли к пещере, имена же их: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Марин Юрьевский, Иоанн Черниговский, Антоний Поросский. И игумены из всех монастырей с множеством черноризцев пришли, и люди благочестивые. И взяли пречестные мощи святого Феодосия из пещеры с множеством свечей и фимиамным каждением; как уже говорилось, множество народа со свечами в руках пришло из города встречать святого; и принесли его в богосозданную пречистую церковь, и возрадовалась пречистая церковь, восприяв своего служителя. И было видно в церкви, как свет свечей сиял ярче дневного света; прикасаясь к святому,

святители лобызали мощи его, иереи, припадая к нему, с любовью целовали, пришедшие же с народом иноки прикасались к остаткам одежды святого, песни духовные к Богу воссылая и благодарственные хваления святому принося. И так положили его в его церкви Божьей Матери в притворе на правой стороне в четырнадцатый день месяца августа, в четверг, в час дня; и светло отпраздновали день тот.

В 6616 (1108) году игумен Феоктист начал с мольбою просить благоверного великого князя Святополка, чтобы стали поминать имя святого преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, в Синодике, ибо Бог так соизволил. Святополк с радостью обещался сделать так; зная житие его, Святополк сам начал всем рассказывать о житии преподобного Феодосия. И свершил это митрополит, повелев включить святого в Синодик. Повелел митрополит всем епископам вписать имя святого Феодосия в Синодик. И все епископы с радостью вписали имя святого и преподобного отца нашего Феодосия и поминают его на всех соборах и донине.

О проречении святого. И этого нельзя молчанию предать, но поведаю вам вкратце о сбывшемся пророчестве святого отца нашего Феодосия.

Еще при жизни блаженного Феодосия, когда он игуменствовал и управлял порученным ему Богом стадом, то пекся он не только о единых черноризцах, но и о мирянах заботился, о душах их, как бы им спастись; особенно же о детях своих духовных, утешая и поучая приходящих к нему, а иногда и сам домой к ним приходил, чтобы дать благословение. И был некий благочестивый вельможа, духовный сын святого, по имени Ян. И вот однажды пришел Феодосии в дом к Яну и жене его Марии, а оба они были благочестивы и, по заветам божественного Павла, жили целомудренно, сохраняя супружескую верность. Потому-то и любил их блаженный Феодосии, что жили они по заповедям Господним и в любви меж собой пребывали.

И когда пришел он к ним, то стал учить их о милостыни к убогим, и о небесном царствии, ожидающем праведников, и о муках грешников, и о смертном часе. И о многом говорил он

еще от божественного Писания, в конце концов дойдя и до слов о том, когда положены будут тела их во гроб. Благочестивая жена Яна, выслушав поучения преподобного, спросила его: «Отче, честной Феодосии, кто знает, где меня похоронят?» Боговдохновенный же Феодосии, даром пророческим исполненный, ответил: «Поистине возвещаю тебе – где мое тело положено будет, там и тебя через некоторое время погребут». И сбылось это через восемнадцать лет после преставления святого. Преподобный Феодосии умер за восемнадцать лет до перенесения из пещеры тела его, а когда перенесли мощи святого, то тогда же, в этот же год и месяц, преставилась жена Яна Мария, в шестнадцатый день месяца августа. И пришли черноризцы, отпели обычные песнопения, и принесли, и положили тело ее в церкви Святой Богородицы Печерской напротив гробницы Феодосия, на левой стороне. Преподобный положен был четырнадцатого августа, а она – шестнадцатого.

Вот каков был досточудный этот муж – сбылось пророчество преподобного Феодосия, истинного пастыря, пасшего словесных овец нелицемерно, с кротостью и со вниманием наблюдая за ними и оберегая их, молясь за порученное ему стадо, и за всех православных христиан, и за землю Русскую. И по отшествии своем из сего света молится он за людей верных и за своих учеников, которые, взирая на его гробницу и вспоминая поучение его и воздержание, прославляют Бога.

Я же, грешный и недостойный раб его и ученик Нестор, недоумеваю, как восхвалить доброе его житие и воздержание, но скажу хотя бы немного. Радуйся, отче наш и наставник, мирскую суету отвергнув и молчание возлюбив! Радуйся, послуживший Богу в тишине и в монашеском житии, преисполнившись божественным даром! Радуйся, отче, лощением вознесшийся, и плотские страсти возненавидевший, и мирские наслаждения и желания света сего отринувший! Радуйся, идущий по стопам высокомысленным вослед отцов, молчанием возвышаясь и смирением украшаясь, в словах книжных находя веселие! Радуйся, укрепившийся надеждой

вечных благ, которые и восприял! Радуйся, преподобный, умертвивший плотское мудрствование и источник беззакония и мятежа усмиривший! Радуйся, козней и сетей бесовских избегший! Радуйся, что с праведными, отче, почил, восприяв за труды свои награду! Радуйся, будучи наставником отцов печерских, ты сам следовал святых отцов учению, и нраву, и воздержанию, и божественному их молитве предстоянию, более же всего подражал Великому Антонию, основателю монашества, обычаем и житием уподобившись житию его и следуя его привычкам, стремясь от одного дела к другому, лучшему, обычные молитвы к Богу вознося как благоуханный аромат, как ладан благовонный, кадилом молитвенным! Радуйся, победивший мирские похоти и миродержца-князя тьмы века сего! Радуйся, поправший сопротивника дьявола и козни его победивший, твердым помыслом оградившись от вражеских его стрел! Радуйся, укрепившийся оружием крестным и непобедимой верой, помощью Божьей!

О честный пастырь Христова стада, богомудрый Феодосии, молись за нас и за меня, раба твоего Нестора, чтобы избавились мы от сети вражеской, и от дьявола охрани нас своими молитвами о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему же подобает слава, честь и поклонение с безначальным его Отцом, и с пресвятым, и благим, и животворящим его Духом ныне, и присно.

О ТОМ, КАК БЫЛА ОКОВАНА РАКА ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. СЛОВО 10

Через некоторое время захотел Георгий, сын Симона и внук Африкана, оковать гробницу преподобного отца Феодосия, что и сделал.

Послал он одного из подручных бояр своих, именем Василия, из города Суздаля в богоименный город Киев, в Печерский монастырь, чтобы оковать гробницу преподобного Феодосия, и дал ему Георгий пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота на окование гробницы преподобного. Василий взял деньги и нехотя отправился в путь; проклиная жизнь свою и день рождения своего, так говорил он в уме своем: «Что это задумал князь столько богатства погубить? И

какая награда ожидает его за то, что он окует гроб мертвеца? Но что даром получено, то даром и брошено! Хуже всех же мне одному, не смеющему послушаться господина своего! Чего ради я дом свой оставил, для кого в этот горький путь иду? И от кого честь приму: не к князю я послан и не к иному вельможе. Что я скажу, или разговаривать, что ли, стану я с этим гробом каменным, и кто ответит мне? Кто не посмеется моему безумному приходу?» Это говорил он своим спутникам, и многое другое.

Святой же явился ему во сне и кротко сказал: «О чадо, я хотел тебя вознаградить за труд твой; но если не покаешься, тяжкие ждут тебя испытания». Однако Василий не переставал роптать, и великую беду навел на него Господь за грехи его: кони все у них пали и все, что у них было, украли воры, кроме посланного с Василием сокровища. Василий же открыл сокровище, посланное на окование раки святого, и взял оттуда пятую часть золота и серебра, и истратил на себя и на коней; и не уразумел он, что гнев претерпел за хулу свою.

И когда приехал он в Чернигов, то упал с коня и так разбился, что не мог и рукой пошевелить. Бывшие с ним положили его в ладью и привезли его под Киев, когда наступил уже вечер. И в ту же ночь явился ему святой, говоря: «Василий, не слышал разве ты Господа, говорящего: “Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители”. Хорошо уразумел сын мой Георгий слова Господа, сказавшего: “Кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника”. Ты же за труд свой увенчан был бы, и такой славы никто еще не удостаивался, какую принял бы ты вместе с Георгием; ныне же всего этого лишился ты, однако не отчаивайся за жизнь свою. Но не иначе ты исцелишься, как покайся в согрешении своем: прикажи, чтобы отнесли тебя в Печерский монастырь, в церковь Святой Богородицы, и пусть положат тебя на гробницу мою, и ты будешь здоров, а истраченное тобой золото и серебро найдешь целым». И все это наяву произошло с Василием в ту ночь, а не во сне, когда являлся ему преподобный Феодосий.

Утром же пришел к нему князь Георгий со всеми боярами, и, видя его в столь горестном состоянии, опечалился за него и ушел.

Василий же поверил видению святого и велел свезти себя в Печерский монастырь. Когда они были уже на берегу, вошел некто неизвестный к игумену, говоря: «Скорее иди на берег, приведи Василия и положи его на гроб преподобного Феодосия, и, когда он отдаст сокровище, обличи его перед всеми, сказав, что он взял себе пятую часть из него, если же он покается, то верни ему». И сказав это, сделался невидим. Игумен стал искать, что за человек являлся ему, и никто не видал, ни как он входил, ни как вышел. Тогда игумен пошел к Днепру, ввел Василия на гору и положил его на гробницу святого, – и встал Василий цел и здоров всем телом, и подал он игумену четыреста гривен серебра и сорок гривен золота. Игумен же сказал ему: «Чадо, а где еще сто гривен серебра и десять – золота?» Василий же начал каяться, говоря: «Я взял и растратил; подожди, отче, все тебе отдам; я хотел скрыть это, думая утаить от всевидящего Бога». Тогда высыпали деньги из сосуда, в котором они были запечатаны, сосчитали перед всеми, и оказалось все сполна: пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота, – и все прославили Бога и святого Феодосия. И тогда начал Василий рассказывать все по порядку: явление святого и деяния его.

На другой день князь, взявши с собой лекарей, пришел в то место, где был прежде Василий, чтобы лечить больного, и не застал его. Узнавши же, что Василия отвезли в Печерский монастырь, и подумав, что он уже умер, князь поспешно отправился в монастырь и нашел его здоровым, как будто он никогда не болел. И, услышав от него о дивных чудесах, князь поразился, и, радостью духовной преисполнясь, поклонился чудотворному гробу великого Феодосия, и ушел.

Узнав о случившемся, Георгий Симонович, тысяцкий, приложился еще больше душой к святой Богородице и святому Феодосию, и к обильному своему подаянию прибавил гривну, которую носил, весом в сто гривен золота, и написал так: «Я, Георгий, сын Симонов, раб пресвятой владычицы Богородицы и

святого Феодосия, благословен был святою рукой его: некогда болел я три года глазами, так что и луча солнечного не видел, и по его слову исцелился, услышал из уст его: “Прозри!” – и прозрел. И вот поэтому пишу грамоту сию до последнего в роду моем, чтобы никто не был отлучен от дома пресвятой владычицы Богородицы и преподобных Антония и Феодосия. Если же кто и в крайнее убожество впадет и не сможет ничего дать, пусть будет положен хотя бы в селениях церкви той: везде ведь молитва Антониева и Феодосиева помогает. Когда мы приходили с половцами на Изяслава Мстиславовича, увидали мы издали ограду высокую и быстро пошли туда, а никто не знал, какой это город. Половцы же бились под ним и многие ранены были, и побежали мы от города того. После уже узнали мы, что это было село обители святой Богородицы Печерской, а города тут никогда и не бывало, и сами, живущие в селе том, не знали о случившемся, и, лишь на другой день вышедши, увидали, что произошло кровопролитие, и подивились бывшему. Я пишу вам об этом потому, что все вы вписаны в молитву святого Феодосия; он обещал отцу моему Симону как о своих черноризцах, так и о нас молиться. Молитву эту велел отец мой, веря в обет святого, вложить в руку его, когда будет в гроб положен, и открыто явился он одному из тех богоносных отцов, и сказал ему так: “Передай сыну моему Георгию, что я получил все блага по молитве святого, постарайся и ты, сын мой, идти по моим следам добрыми делами”. Если же кто не захочет благословения и молитвы святого отца Феодосия и уклонится от него, возлюбя проклятие, да получит возмездие». И вот поэтому правнуки Симона любовь имеют к храму Святого Дмитрия, – у них в нем место свое есть, и если кто-нибудь из них лишится его, тот проклят своими прародителями и отцами, ибо своей волей такой отрекается от молитвы святого, и благословения, и обещания преподобного отца Феодосия.

ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ ФЕОДОСИЮ,
ИГУМЕНУ ПЕЧЕРСКОМУ, МОНАСТЫРЬ КОТОРОГО В
БОГОСПАСАЕМОМ ГОРОДЕ КИЕВЕ. СЛОВО 11

Когда воздается похвала праведнику, то веселится народ. Радостью и веселием наполнен день, когда муж праведный и

преподобный оканчивает свой жизненный путь, когда успокоение трудам своим видит, когда, печаль оставив, к радости стремится, когда, землю оставив и земное все, на небеса идет, когда людей оставляет и с ангелами водворяется, и Бога зреть сподобляется. В сей день преставился в жизнь вечную учитель наш, наставник и пастырь, великий среди отцов отец Феодосии, первый светильник, защитник и чудотворец земли Русской.

Где еще есть сей радости большая, чем то, что сподобились мы видеть отшествие к Богу отца и учителя нашего, принявшего венец нетления и близ престола Владыки предстоящего всегда и дерзновение имеющего молить о нас Владыку? Ведь радуется сын, и не только сын, но и рабы, видя господина своего в милости у земного царя за многие рати и победы над врагами царя. Мы же, сыновья и рабы господина своего, ликуем и радостно празднуем, восхваляя его подвиги и победу над духами нечистыми, и то, что он великую честь получил у Господа Вседержителя и для многих исходатайствовал жизнь вечную. И кто сможет достойно восхвалить или прославить земного ангела и небесного человека?

Люди, пребывающие во тьме и в глубокой тени, увидели свет веры через апостола нашего, посланного Богом, – князя Владимира: сам Бога познав святым крещением, он и нам его открыл, покров неведения с душ наших сорвав, и светлостью в Троице славимого Божества просвещены мы были. Другой же путь Христос своим ученикам указал, сказавши: «Всякий, кто оставит отца и мать, город и села свои ради меня, получит во сто крат, а в будущей жизни наследует царство небесное». От кого же мы узнали сей путь и бремя легкое Иисусово и кто показал нам, как взять на себя крест и последовать за Христом? Только этот преподобный отец наш Феодосии! Были и прежде Феодосия уходящие от мирской жизни и шедшие трудным путем к спасению, но от него порядок и устройство всех в Руси монастырей происходят. Нет ведь никого другого, кто бы раньше него смог такое самоотречение проявить, как он с учителем своим, блаженным Антонием, ибо исполнил он притчу Господа,

который сказал: «Если зерно пшеничное, падши в землю, не умрет, то одно останется; а если умрет, то много плода принесет». Умертвившись для всего мирского, ожил он во Христе и обильный плод принес, породив его духом и сохранив добродетелью своею и правдой, и умножил он талант, данный ему Богом, и сбылось над ним сказанное Богом: «Добрый и верный раб, в малом ты был верен, над многими тебя поставлю». О таких, как он, сказал Христос: «Многие последние будут первыми, а первые последними».

Сей, хотя и в нынешние времена явился, но крепость и любовь к Богу, которые в нем сияли, многих, прежде него бывших подвижников, превзошли. Уже в юном возрасте он земных благ гнушался и о небесном помышлял, от чрева матери был чистым сосудом для Святого Духа, невзлюбил он славу мира сего, нищету добровольно воспринял и во всем уподобился Господу своему. Красоты мимотекущие ни во что вменив, об одном только помышлял, – как бы прийти, предстать пред лицом Бога, наедине с ним общаться в молитве. И от матери многие и жестокие истязания принял он, ибо этим хотел отвратить злой враг святого отрока от доброго помысла; предвидя, окаянный льстец, что от него побежден он будет, многие беды обрушил он на него. Благодать же Божия вела его туда, где, как солнце, воссиял он на тверди небесной, лучами своими просветив весь мир, и, видения не лишенный, предначертанное свыше принял, разумом восходя ежедневно на высшее, по апостолу, – «забывая заднее и вперед простираясь». Был он послушлив безмерно родившей его, но более того стремился исполнить Божественные повеления; уразумев мудростью Духа Святого, что препятствуют заботы о мирском заповеди Божественные исполнить, все отверг он и помыслил Господу посвятить себя, говоря: «Лучше мать огорчить на малое время, пока наконец не даст ей Господь разум суетным пренебречь, нежели царства Господнего лишиться».

Пришел он в город Киев, наставника ища и учителя, который ясно открыл бы ему путь божественный; и, долго искав, нашел, – не оставляет Господь без наград стремящихся к

доброму. Мужа чудного встретил он, совершенного в рассуждении, и многоразумного, и пророческим даром обладающего, которого звали Антоний. К нему пришел блаженный Феодосий, юный возрастом, разумом же старый. Все повеленное ему учителем усердно исполнял он и больше того, и был, если сказать по Иову, – «око слепым и нога хромым»; апостольское слово, в котором сказано: «Носите бремена друг друга и так исполните закон Христов», всегда в сердце держал. Сей же блаженный не за одного или за двух понес бремя, но всей братии служил и всем помощь оказывал. Многие из них покой обретали служением его. С помощью Бога, который даровал ему силу телесную, творил он это во все дни, и никогда службы церковной не пропускал и правила келейного никогда не нарушал, и к уставу монастырскому, который написал для доброго труда и благого послушания, с великим прилежанием относился. За это Господь и возвеличил его.

Тот, кто работал как самый последний из всех и всем слугой служил, над всеми ними пастырем, и отцом, и учителем поставлен был. Когда князь перевел Варлаама-игумена из Печерского монастыря в другой, Феодосий, хотя он очень и не хотел этого, но не смея ослушаться своего учителя Антония и убедившись, что это Божье произволение, принял на себя игуменство неволею и еще большему труду предался, помышляя печься по мере сил своих о нуждах монастыря, а еще более того о духовном деле заботиться. И говорил себе святой Феодосий: «Приложу к трудам труды и к подвигам подвиги, а то как предстанешь перед своим Владыкой, если стада его в целости не сохранишь? Или как скажешь: “Вот я и дети, которых ты мне дал, Боже”?» После того все ночи без сна пребывал он: то на молитве стоя, то по келиям ходя и братию на молитву поднимая. И, в старейшинстве пребывая, не оставил он своих благих привычек: иногда воду носил, иногда же дрова колот, подавая собой пример всей братии. А когда приспевал Великий пост, тогда воин Христов Феодосий от всех земных дел отстранялся: уходил от братии, и в пещере один затворялся, и, пребывая там все сорок дней Великого поста наедине, с Единым через молитву беседовал. Кто сможет

поведать его подвиги, и страдания, и рыдания слезные, и пост жестокий, и борьбу с лукавыми духами? А когда приближался светлый день Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, тогда преподобный приходил как Моисей с горы Синайской, душою сияя ярче лица Моисеева, и во все годы жизни своей этого обычая он не нарушил.

Тогда и откровения Божьего сподобился он: о дне исхода своего узнал, в который из сего света в жизнь бесконечную повелено ему уйти. Не утаил от друзей и учеников своих, что к Богу идет, и обещался молиться Богу о доме пречистой Матери и о стаде чад своих до самого пришествия Господа Бога нашего. И как обещался, так и сделал.

И каких великих сподобился наград от Бога, такую и милость Господню подает нам во все времена и годы, приходя и посещая, обороняя и сохраняя и оберегая стадо свое от врагов душ наших. Кто, молив о спасении у гробницы святого, не получил надежды? Или кто, призвав с верою имя его святое, не избавился от горести душевной и не исцелился от болезни телесной? Это нам апостол и проповедник, сей нам пастырь и учитель, сей нам вождь и руководитель, сей нам стена и ограда, похвала наша великая и дерзновение наше к Богу.

Сегодня нам, братья, радоваться и веселиться духовно подобает, и благоукрашаться, и праздновать радостно, имея пред очами нашими гробницу преподобного отца нашего Феодосия, в которую ныне положено многострадальное и святое тело, излучающее чудеса во все концы Русской земли. Эта гробница приняла сокровище бесценное, сосуд Святого Духа, орудие божественное, честное тело отца нашего и учителя. На нее смотря, как на самого взираем, ибо если и в гробе лежит святой, но духом с нами всегда и нас видит. Если по заповеди его живем и повеления его сохраняем, то радуется он и милостиво приближается к нам, хранит и блюдет нас, как детей возлюбленных. Если же перестанем радеть о своем спасении и наставления его не сохраним, то и сами помощи его лишимся.

О святой отче Феодосии! Сам восполни недостатки наши своими добродетелями, без твоей ведь помощи не сможем мы

ничего благого свершить, и в день преставления твоего с любовью, вместе собравшись, взываем к тебе. Радуйся, просвещение Русской земли, ибо как утренняя звезда, на западе появившаяся и с востока воссиявшая, всю Русскую землю просветил ты! Радуйся, учитель и образец пути истинного, вождь, и путеводитель, и наставник иноческого жития! Радуйся, начальник и поборник, помощник и пособник хотящим спастись! Радуйся, умноживший стадо словесных овец в доме Божьей Матери, какого ни одного ни до тебя, ни после тебя в земле нашей не было! Радуйся, насадитель виноградника Христова, побеги которого протянулись до моря и до рек разрослись ветви его: нет ведь стороны такой, ни места такого, где бы не было лозы виноградника твоего! Радуйся, откровения Божьего вместилище и строитель дома пречистой Матери Божьей, который ты создал и великолепием украсил и в дар Богородице принес! Радуйся, умноживший талант господину своему, от которого десять талантов получил и тысячу на них приобрел! Радуйся, на духовном пастбище сада Христова вскормивший множество словесных овец, с него же вкушивши, и иных земель овцы в доме Божьей Матери остались, и вместе с верными твоими детьми духовными соединились! Радуйся, источник сладкий, испив из которого, целые полки иноков божественную жажду утолили, и без труда путь жестокий прошли, и вселились при истоках вод превысочайших! Радуйся, пастырь и учитель, сберегший стадо от волка мысленного непорочным и невредимым, и начальнику пастырей, Христу, приведший его! Радуйся, столп огненный, светлее, чем явившийся при Моисее: тот освещал как свет обычный, ты же духовно просветил новых израильтян, через пустыню соблазна житейского провел их, и амалекитян мысленных духовными лучами устранил, и в землю обетованную вывел, скажу точнее, – в райские пределы, где ученики твои ликуют! Радуйся, земной ангел и небесный человек, раб и слуга пречистой Божьей Матери, которая не нашла другого, кроме тебя, строителя дома своего, его же она возлюбила и обещалась оказывать милость ему благодатию даров своих, что и сбылось! Радуйся, отче Феодосии, наша слава и великолепие!

Лавра твоя славится тобою, и во всех концах вселенной почитается имя ее. Народы дивятся отцам, бывшим в ней, которые воссияли, как звезды, на тверди небесной: исполнителями заповедей Божиих явились они, чудотворцами стали, и даром пророчества Бог сподобил их, дар прозрения от Святого Духа восприняли и слова Божественного были учителями. Приходили в нее цари, и поклонялись князья, и покорялись вельможи, и трепетали сильные мира сего, ужасались иноязычники, видя людей небесных, по земле шествующих. Как к престолу Господню, в дом Божьей Матери собирались иноки, воспевая песнь ангельскую беспрестанно; и с ангелами вместе сходились они у жертвенника Господня, одних ясно видя ангельский образ, с другими же мысленно и духовно беседовали и узнавали душой, когда приходили Божий ангелы; и многие из них въяве духов лукавых изгоняли и страшны были для них.

Таковы вот отрасли твоего виноградника, таковы ветви корня твоего, таковы столпы твоего храма, таковы дети, тобой порожденные, таковы отцы твоей лавры! Ибо, отче, подобает таким ученикам от такого учителя быть; ибо воистину истекла из уст твоих река Святого Духа, которую указал сам Христос, сын Божий, когда сказал, уча иудеев: «Кто верует в меня, у того из чрева потекут реки воды живой». Это же сказал он о Духе, который хотели принять верующие в него. Та река, нигде не останавливаясь, беспрестанно утоляет жажду чад своих до скончания лет. Ту реку изливая, апостолы привели все народы к Богу; из той реки пия, мученики пренебрегли плотью своей и предали тела свои на истязание и на муки различные; из той реки пия, святые отцы оставили города и села, богатство и дома свои, и стали жить в горах, и в дебрях, и в пещерах земных; из той реки пия, ученики твои пренебрегли всем земным, и устремились к небесному, и получили то, к чему стремились, – вселились в селения Бога, где пребывают сонмы бесплотных. И вот мы, им последуя, пришли в дом Божьей Матери под твое покровительство и твою защиту, возложив все упование наше на пречистую деву Богородицу и на тебя, преблаженный отче Феодосии!

Если мы и не сподобимся идти путем первых твоих учеников, но помня, что сказали святые твои уста: «Если кто окончит жизнь свою в доме пречистой Божьей Матери, уповая на мою помощь, хотя и не свершит подвигов, я это возмещу и Бога умолю о них», – на эти слова надеясь, с мольбою призываем тебя. Сам знаешь, преподобный, хотя мы и молчим, что дни наши пропали в суетности мира этого, и, лишь образумившись, возложили мы на себя иго Христова, и пришли в дом пречистой владычицы нашей Богородицы, в ограду святую твою. Не предай же нас врагам душ наших, ибо ополчились они на нас, и пленяют нас беспрестанно, и различными помыслами поражают сердца наши, и совращают нас с пути Божьего разума, и побуждают нас стремиться к мимотекущему и тленному, и вконец низвергают нас в глубину греховную. Но тебя, кормчий, обрели мы: направь нас к пристани тихой, и бурю душевную успокой, и помолись за нас общему Владыке, чтобы подал он нам голос и слово, мысль и деяние на свершение всех заповедей его. Если мы от заповедей Господних отклонились и по лености своей нарушаем устав монастырский, тобою составленный, то за нашу веру к пречистой Деве и к тебе, отче святой Феодосии, да причтет нас Господь к сонму чад твоих, которые шествовали безупречно по стезям правды, и не отлучит нас от лицезрения сияющего лика своего, когда возьмет нас отсюда.

И еще при жизни нашей будь с нами и сохрани от множества козней и дел вражеских, которые отвлекают от Бога, молитвою своей помоги нам жить беспорочно и богоугодно, подними души наши, погрязшие из-за лености в земном, подай бодрость и крепость духовную и старые грехи отпусти. Хотя нерадение духа нашего пересилило нас, но, имея тебя пособником и помощником и в лавре твоей находясь, надеемся с твоей помощью чистыми перед Богом предстать и не попасть во власть врагов, видимых и невидимых. Сам ведь ты своим ученикам сказал, когда Богом повелено тебе было покинуть мир этот: «Да будет вам известно, чада, если по отшествии моем к Богу начнет в месте сем число иноков увеличиваться и монастырские достатки станут умножаться, то

пусть это будет вам свидетельством, что угоден я Богу и молитва моя принята им». Мы же, отче, достоверно знаем по равноангельскому житию твоему и по страстотерпческому твоему подвигу, что еще до исхода своего из сей жизни угоден ты был Вседержителю Богу. Еще сильнее по исходе своем ты подтвердил пророчество, что должно место это пречистой Богородицы и твоя святая лавра процвести славою и величием. Ты сказал, что беспрестанно будешь молиться о святой обители своей, и свершилось истинное и неложное обещание твое, ибо после преставления твоего никем не захвачено и не разрушено было место твое, но с каждым годом росло и расширялось.

Когда же умножились грехи наши, и свершились беззакония наши, и злоба наша Бога прогневала, то тогда Божиим попущением, из-за грехов наших, разрушены были храмы, и монастыри разорены были, и города пленены, и села опустошены народом неизвестным, народом немилостивым, народом бесстыдным, который Бога не боится, ничего человеческого в себе не имеет. И до сих пор мы в рабстве у них, и в обиде злой, и в муке лютой, и припадаем мы к тебе, с мольбой взывая: прости руки свои с молитвой к владычице деве и пречистой Богородице, да вспомнит она милости свои прежние об обители сей, которые она даровала ей, и освободит нас от печали горькой, и отгонит врагов лукавых и хулителей нашей православной веры, и сделает неодолимой церковь свою святую, которую она сама пожелала воздвигнуть в жилище себе; пусть умножит она стадо обители твоей и оказывает ей милость, как и раньше, соблюдая и укрепляя, заступаясь и храня от врагов, видимых и невидимых, чтобы свободными мы стали духом и телом, чтобы в свете сем временном могли мы жить богоугодно, не обладаемые никем, кроме как пречистой Богородицей и тобою, преподобный Феодосии, как и прежде отцы наши.

Зная о твоём милосердии, дерзнул я составить тебе похвалу: не потому, что я в силах достойную тебе похвалу написать, но надеясь награду от тебя получить, отче, и прощение грехов своих заслужить. Ибо прославили тебя

небесные силы, приняли апостолы, приблизили к себе пророки, заключили в объятия мученики, вместе с тобой возрадовались святители, встретили сонмы черноризцев, возвеличила тебя и сама Царица пречистая Мать Господа, и прославила, и сделала известным от одного конца вселенной до другого, верный раб Господен!

Как же я смогу достойно восхвалить тебя, греховные уста имея и порочный язык? Но не имея ничего, что бы мог я принести тебе в день преставления твоего, приношу эту скромную похвалу, которая, как жалкий и зловонный ручей, вливаясь в просторы морские, не столько море наполняет, но от своего зловония очищается. Поэтому, о честной и святой отче Феодосии, не прогневайся на меня, грешного, но помолись обо мне, рабе твоём, чтобы не осудил меня в день пришествия своего Господь Иисус Христос, ему же подобает слава с безначальным его Отцом и с пресвятым, и благим, и животворящим Духом ныне и присно.

О ПЕРВЫХ СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, КОТОРЫЕ В ДОМЕ ПРЕЧИСТОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ, В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, ПРОСИЯЛИ БОЖЕСТВЕННЫМИ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ, ПОСТОМ, БДЕНИЕМ И ДАРОМ ПРОРИЦАНИЙ. СЛОВО 12

Поистине предивное чудо, братия, проявилось в том, что собрал Господь воедино таких черноризцев в обители Матери своей. Как пресветлые светила сияли они в Русской земле: одни были постниками, другие подвизались в бдении, иные в земных поклонах, некоторые постились через день или через два, иные питались лишь хлебом и водой, а другие только вареными или сырыми овощами; и все в любви жили: меньшие покорялись старшим и не смели при них говорить, и все это делали с покорностью и с великим послушанием; также и старшие имели любовь к младшим, наставляя и утешая их, как детей своих возлюбленных. И если какой брат впадал в какое-нибудь прегрешение, другие утешали его, и по великой любви своей епитимию, наложенную на одного, разделяли трое или четверо. Такова-то была божественная любовь меж той святой братии, такое воздержание и смирение. И если какой-нибудь

брат уходил из монастыря, вся братия сильно печалилась о том, и посылали за ним, призывая в монастырь этого брата, чтобы он возвратился. И если возвращался такой брат, то шли к игумену, все кланялись и просили за брата игумена, и принимали брата этого в монастырь с радостью. Вот какие были тогда черноризцы, постники, подвижники! Из них же вспомяну о некоторых чудных мужах.

Вот первый из них – Дамиан-пресвитер. Был он такой постник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до самой смерти. И если когда кто-нибудь приносил больного ребенка, одержимого каким-либо недугом, в монастырь к преподобному Феодосию, то тот повелевал Дамиану сотворить молитву над больным. И тотчас, как он помолится и помажет елеем больного, то сразу выздоравливали приходящие к нему.

Когда разболелся блаженный Дамиан и, ожидая своей кончины, лежал в немощи, пришел к нему ангел в обличий Феодосия и обещал ему царство небесное за труды его. Вскоре затем пришел к нему и сам великий Феодосии с братией, и сели у постели его, изнемогающего от болезни. Он же, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь, отче, что ты мне обещал нынче ночью». И уразумел великий Феодосии, что тот видение видел, и сказал ему: «Брат Дамиан! Что я тебе обещал, то и сбудется». Он же закрыл очи и предал дух свой в руки Божий. Игумен же и вся братия похоронили его честно.

Был также и другой брат, Иеремия именем, который еще помнил крещение Русской земли; и был ему дан от Бога дар предсказывать будущее. Когда он прозревал в ком-нибудь дурные помыслы, то обличал его втайне и наставлял, как уберечься от дьявола. И если какой-нибудь брат задумывал уйти из монастыря, он, сразу же прийдя к нему, обличал замысел его и утешал брата. И если кому-нибудь предсказывал он – хорошее ли или дурное, – всегда сбывалось слово старца.

И еще другой брат, именем Матфей, был прозорлив. Однажды, стоя в церкви на месте своем, поднял он глаза и оглядел братию, стоящую по обеим сторонам клироса и поющую, и увидал, как по церкви ходит бес в образе ляха, держа под полый цветы, которые называются лепками, и бес

вынимал из-под полы цветок и бросал на кого хотел. Если к кому-либо из стоявших иноков прилипал цветок, тот, немного постояв, начинал дремать, придумывал какую-нибудь причину и уходил из церкви, чтобы поспать, и уже не возвращался до конца службы. Если же бросал на кого-либо другого из стоящих и к тому не прилипал цветок, то тот крепко оставался стоять на службе, пока не отпоют заутреню, и уже только после этого уходил в келью свою.

Был обычай у этого старца: отстоявши заутреню, когда уже братия расходилась по кельям своим, этот блаженный старец последним выходил из церкви. Однажды вышел он так и присел отдохнуть под билом, ибо келья его была далеко от церкви, – и вот видит он, как большая толпа идет от ворот. Поднял он глаза и увидел беса, сидящего, подбоченясь, верхом на свинье, а множество других идущих около него. И спросил старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тобольковичем». Старец же осенил себя крестным знамением и пошел в келию свою. А так как уже наступало утро, то уразумел старец видение и сказал ученику своему: «Пойди и спроси – в келий ли Михаль?» И сказали ему: «Он давеча, после заутрени, ушел за ограду монастырскую». И поведал старец о видении этом игумену и старейшей братии, и призвал игумен инока, и строго поучил его.

При этом блаженном Матфее преставился блаженный игумен Феодосии, и его место занял игумен Стефан, а после того – Никон, а старец все еще жил, и другие многие видения были ему. И почил старец о Господе в добром исповедании в Печерском святом монастыре.

О БЛАЖЕННОМ НИФОНТЕ, ЕПИСКОПЕ НОВГОРОДСКОМ, КАК В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, В БОЖЕСТВЕННОМ ОТКРОВЕНИИ, ВИДЕЛ СВЯТОГО ФЕОДОСИЯ. СЛОВО 13

Блаженный Нифонт был черноризцем Печерского монастыря, подражал житию святых отцов, и за свои многие добродетели поставлен был епископом Новгорода. Безграничную веру и любовь имел он к пресвятой Богородице и к преподобным отцам печерским Антонию и Феодосию.

Однажды услышал он, что от вселенского патриарха идет на Русь митрополит Константин, и, духовной радости исполнившись, помыслил в душе, что сразу сможет два благих дела свершить: в доме Пречистой побывать и преподобным поклониться и благословение от святителя принять; и вот по этой причине пошел он в 6664 (1156) году в Киев. И пока оставался он там, ожидая прихода митрополита, стало ему известно, что митрополит уже вышел из Царьграда.

В то время Клим-митрополит стол святительский занял без благословения царьградского патриарха. А принуждал Клим блаженного епископа Нифонта совершать службу вместе с ним. Нифонт же сказал ему: «Раз ты не принял благословения от святого вселенского царьградского патриарха, то не буду ни служить с тобой, ни поминать тебя на святой службе, так как поминаю святого царьградского патриарха». И хотя Клим сильно гневался на Нифонта, подбивал князя Изяслава и своих сторонников осудить его, но не смог зла ему сотворить никакого.

Патриарх же Царьграда, узнав о нем, прислал к нему послание, в котором восхвалял его за величие разума и непреклонность и приравнивал его к древним святым, которые твердо стояли за православную веру. Он же, прочитав патриаршее послание, с еще большей крепостью утвердился, был же он в великой дружбе с князем Святославом Ольговичем, ибо прежде того Святослав княжил в Новгороде.

И вот, когда пребывал этот блаженный епископ Нифонт в святом Печерском монастыре, безграничную веру имея к преподобным, о чем уже говорилось выше, вскоре постигла его болезнь. И рассказал он о дивном видении. «Когда за три дня до своей болезни пришел я, – рассказывал он, – с заутрени, прилег ненадолго, то сразу же уснул чутким сном. И очутился я в Печерской церкви стоящим на месте Святоши, и стал я горячо со слезами молиться пречистой Богородице, чтобы увидеть мне святого и преподобного отца Феодосия. И когда собралось много братии в церковь, один из братии подошел ко мне и сказал мне: “Хочешь увидеть святого отца нашего Феодосия?” Я же ответил: “Очень хочу, если можешь сделать это, покажи мне его”. И он, взяв меня за руку, ввел в алтарь и там показал мне

святого отца Феодосия. Я же, увидев преподобного, от радости бросился к нему, пал ему в ноги и поклонился ему до земли. Он же поднял меня, благословил и, обняв меня руками своими, поцеловал меня и сказал: «Хорошо, что пришел, брат и сын Нифонт, теперь будешь с нами неразлучно». А в руке своей преподобный держал свиток, и я попросил его, и как он дал мне, я развернул и прочел. И было в нем в начале написано так: «Это я и дети, которых мне дал Бог». И проснулся я и теперь понимаю, что болезнь эта от Бога».

Болезнь же он тринадцать дней и почил с миром восемнадцатого апреля, в Светлую неделю. И был положен честно в пещере Феодосиевой, прийдя к любимому, как и обещал ему Феодосии преподобный; вкупе они перед Владыкой Христом предстоят, наслаждаясь неизречимыми небесными красотами, и о нас, о своих чадах, молятся.

Таковы-то вот чудные мужи в том в святом Печерском монастыре были, так что многие из них апостолам уподобились и престолов их наместниками явились, о чем следующее слово в послании этом наглядно покажет нам.

ПОСЛАНИЕ СМЕРЕННОГО ЕПИСКОПА СИМОНА
ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ,
ЧЕРНОРИЗЦУ ПЕЧЕРСКОМУ. СЛОВО 14

Брат! Сидя в безмолвии, соберись с мыслями и скажи себе: «О, инок убогий, не ради ли Господа оставил ты мир и родителей своих?» Если же ты сюда пришел для спасения, а сам не духовное творишь, то ради чего облекся во иноческие ризы? От мук тебя не избавят черные ризы. Знай, что почитают тебя здесь князь, и бояре, и все друзья твои, которые говорят о тебе: «Блажен он, что возненавидел мир сей и славу его, и поэтому уже не печется он о земном, помышляя только о небесном». Ты же не по-иночески живешь. Великий стыд за тебя охватывает меня! Что, если те, которые почитают нас здесь, предварят нас в царствии небесном и будут они упокоены, а мы в горьких муках возопием? И кто помилует тебя, самого себя погубившего?

Воспрянь, брат, и позаботься мысленно о своей душе! Служи Господу со страхом и полным смиренномудрием! Не будь

таким, что нынче кроток, а завтра яр и зол; немного помолчишь, а потом снова ропщешь на игумена и его служителей. Не будь лжив – под предлогом телесной немощи от церковного собрания не отлучайся: как дождь растит семя, так и церковь влечет душу на добрые дела. Все, что творишь ты в келий, маловажно: Псалтирь ли читаешь, двенадцать ли псалмов поешь, – все это не может сравняться с одним соборным: «Господи, помилуй!» Вот что пойми, брат: верховный апостол Петр сам был церковь Бога живого, а когда был схвачен Иродом и посажен в темницу, не молитва ли церкви избавила его от руки Ирода? И Давид молился, говоря: «Одного прошу я у Господа и того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святой храм его». Сам Господь сказал: «Дом мой домом молитвы наречется». «Где, – говорит он, – двое или трое собраны во имя мое, там и я посреди них». Если же соберется такой собор, в котором будет более ста братии, такому еще больше веруй, что тут Бог наш. И его божественным огнем готовится пища их, я бы единую крупицу пищи этой предпочел всей моей нынешней трапезе. Свидетель мне в том Господь, что не вкусил бы я никакой еды, если б только был у меня ломоть хлеба и чечевица, приготовленные на святую ту братию.

Не делай же ты так, брат, чтобы ныне хвалить сидящих за трапезой, а завтра на повара и на служащего брата роптать, – этим ведь ты старейшему пакость делаешь и окажешься сам нечистоты вкушающим, как об этом в Отчнике написано. Ибо дано было увидеть одному старцу, как различалась одна и та же еда: хулящие пищу – ели нечистоты, а хвалящие – мед. Ты же, когда ешь или пьешь, славь Бога, потому что себе же вредит хулящий, как сказал апостол: «Едите ли, пьете ли – все во славу Божию делайте». Терпи, брат, и досаждения: претерпевший до конца – такой и без труда спасется. Если случится, что кто-нибудь похулит тебя, а другой придет и расскажет, что такой-то зло порицал тебя, – ответь сказавшему тебе: «Хотя он и укорял меня, но он мне брат, видно, я достоин того: он же не от себя делает так, а враг-дьявол подстрекнул его на это, чтобы посеять вражду между нами. Да прогонит

Господь лукавого, а брата да помилует!» Говоришь, что он хулил тебя перед всеми: не скорби о том, чадо, и не поддавайся скорому гневу, но, падши, поклонись брату до земли и скажи: «Прости меня, брат!»

Исправь свои прегрешения и победишь тем всю силу вражью. Если же на укоризны будешь возражать, то только себе досадишь. Или ты больше Давида-царя, которого Семей поносил при всех? И один из слуг царя, не стерпев обиды царю своему, сказал: «Пойду, сниму с него голову: за что он, пес смердящий, проклинает господина моего, царя!» И что же Давид сказал ему? «О сын Саруш! Оставь его проклинать Давида, да увидит Господь смирение мое и воздаст мне добром за его проклятия». И больше того: подумай, чадо, как Господь наш смирил себя, быв послушным до самой смерти своему Отцу: злословили на него, и он не противился; когда говорили, что он одержим бесом, били его по лицу, и заушали, и оплевывали, – он не гневался, но даже за распинавших его молился. Тому же и нас научил он: «Молитесь, – сказал, – за врагов ваших, и добро творите ненавидящим вас, и благословляйте клянущих вас».

Довольно, брат, и того, что ты по своему малодушию сделал. Тебе теперь следует оплакивать то, что ты оставил было святой честной монастырь Печерский, и святых отцов Антония и Феодосия, и святых черноризцев, которые с ними, и взялся игуменствовать у Святых бессребреников Козьмы и Дамиана. Но ныне хорошо ты сделал, отказавшись от такого суетного начинания, и не поддался врагу своему, ибо это было вражие желание, которое погубило бы тебя. Или ты не знаешь, что дерево, если не поливать его часто, особенно пересаженное, скоро засыхает? И ты, отлучившись от послушания отца и братии и оставивши свое место, вскоре погиб бы. Овца, пребывая в стаде, в безопасности, а отбившись от него, быстро погибает, и волк съедает ее. Следовало бы тебе сначала рассудить, чего ради хотел ты уйти из святого, и честного, и спасенного того места Печерского, в котором так благодатно всякому желающему спастись. Думаю, брат, что сам Бог устроил так, не терпя гордости твоей: он извергнул тебя, как прежде Сатану с отступниками, потому что не захотел ты

служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту печерскому Акиндину. Печерский монастырь – это море, не держит оно ничего гнилого, но извергает вон.

А что писал ты ко мне про свою обиду, – горе тебе: погубил ты душу свою! Спрашиваю я тебя, чем ты хочешь спастись? Если и постник ты, и рассудлив во всем, и нищ, и сну не предаешься, а упреков не терпишь, то не узришь спасения. Но ныне радуется за тебя игумен и вся братия, и мы, слышав о тебе, все возрадовались о тебе и обретении твоём: ты пропал и нашелся. И еще раз поступил ты своевольно, а не по благословению игумена: снова захотел игуменствовать – у Святого Дмитрия, и не принуждал тебя к этому ни игумен, ни князь, ни я, – и вот ты вновь впал в искушение. Пойми же, брат, что не угодно Богу твое старейшинство, для того и послал тебе Господь слабость зрения. Но ты не содрогнулся и не сказал, как бы следовало: «Благо мне, что смирил ты меня, да научусь я уставам твоим!» Убедился я, что ты санолубец и славы ищешь от людей, а не от Бога. Или не веруешь ты, окаянный, написанному: «Никто сам собой не приемлет чести, но призываемый Богом». Если же ты апостолу не веруешь, то и Христу не поверишь. Зачем ищешь ты сана от людей, а не от Бога, поставленным от Бога повиноваться не хочешь и думаешь о себе так высоко? Таковые в первые времена свержены были с небес. «Разве я, – говоришь ты, – не достоин такого сана, что не могу принять его, или хуже я эконома этого, или его брата, который тоже начальствует?» Сам же, не получив желаемого, смуту сеешь, часто ходишь из келий в келию и ссоришь брата с братом, говоря бесполезное: «Или, – говоришь, – этот игумен и эконом этот думают, что только здесь и можно угодить Богу, а в другом месте и спастись нельзя? А мы, что же, ничего уж и не разумеем?» Все это дьявольские начинания, скудоумные твои измышления. Если же и сам ты получишь какую-нибудь почесть и займешь высокое место, не забывай смиренномудрия, и тогда, если случится тебе лишиться этого места, ты снова пойдешь по смиренному пути своему и не впадешь в различные скорби.

Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верхуслава, что она хотела бы поставить тебя епископом или в Новгород, на место

Антония, или в Смоленск, на место Лазаря, или в Юрьев, на место Алексея. «Я, – говорит, – готова до тысячи серебра издержать для тебя и для Поликарпа». И я сказал ей: «Дочь моя, Анастасия! Дело не богоугодное хочешь ты сотворить: если бы пребывал он в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании игумена и всей братии, в совершенном воздержании, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и высшего царства достоин бы был».

А ты, брат, не епископства ли захотел? Доброе дело! Но послушай, что апостол Павел говорит Тимофею, и, прочитавши, ты поймешь, исполняешь ли ты сколько-нибудь то, что следует епископу. Да если бы ты был достоин такого сана, я не отпустил бы тебя от себя, но своими руками поставил бы сопрестольником себе в обе епископии – во Владимир и в Суздаль, – как и князь Георгий хотел; но я воспрепятствовал ему в этом, видя твое малодушие. И если ты ослушаешься меня, захочешь какой-либо власти, сделаешься епископом или игуменом, – проклятие, а не благословение будет на тебе! И после того не войдешь ты в святое и честное место, в котором постригся. Как сосуд непотребный будешь, и извержен будешь вон, и после станешь горько плакать, но безуспешно.

Не в том совершенство, брат, чтобы славили нас все, но чтобы правильно вести житие свое и чистым себя соблюсти. Поэтому-то, брат, из Печерского монастыря пречистой Богоматери многие епископы поставлены были, как от Христа, Бога нашего, во всю вселенную посланы были апостолы, и, как светила светлые, осветили они всю Русскую землю святым крещением. Первый из них – Леонтий, епископ Ростовский, великий святитель, которого Бог прославил нетлением, он был первопрестольник; его, после многих мучений, убили неверные, – это третий гражданин Русского мира, с теми двумя варягами увенчанный от Христа, ради которого пострадал. Про Илариона же, митрополита, ты и сам читал в Житии святого Антония, что им он пострижен был и святительства сподобился. Потом были епископами: Николай и Ефрем – в Переяславле, Исайя – в Ростове, Герман – в Новгороде, Стефан – во Владимире, Нифонт – в Новгороде, Марин – в Юрьеве, Мина – в Полоцке,

Николай – в Тмутаракани, Феоктист – в Чернигове, Лаврентий – в Турове, Лука – в Белгороде, Ефрем – в Суздале. Да если хочешь узнать всех, читай старую Ростовскую летопись: там их всех более тридцати; а после них и до нас, грешных, будет, я думаю, около пятидесяти.

Разумей же, брат, какова слава и честь монастыря того! И, устыдившись, покайся и возлюби тихое и безмятежное житие, к которому Господь призвал тебя. Я бы с радостью оставил свою епископию и стал бы служить игумену в том святом Печерском монастыре. И говорю я это тебе, брат, не для того, чтобы возвеличить самого себя, а чтобы только возвестить тебе об этом. Святительства нашего власть ты сам знаешь. И кто не знает меня, грешного, епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой, Суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел, и десятину собирают с них по всей земле той, – и этим всем владеет наше ничтожество. И все бы это оставил я, но ты знаешь, сколь великое дело духовное лежит на мне, и молю Господа, да подаст он мне благое время исполнить его.

Но ведает тайное Господь: истинно говорю тебе – всю эту славу и честь сейчас же за ничто посчитал бы, лишь бы валяться сором, попираемым людьми, в Печерском монастыре, или быть одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной той лавры, – все это лучше было бы для меня временной сей чести. Один день пребывания в доме Божьей Матери лучше, чем тысяча лет обычной жизни, и в нем хотел бы я находиться, а не жить в селениях грешников. Поистине говорю тебе, брат Поликарп: где слышал ты о более дивных чудесах, чем те, какие свершались в святом Печерском монастыре? Где еще встречались столь божественные отцы, озарившие все концы вселенной подобно лучам солнечным? О них же достоверно поведаю тебе этим писанием, в добавление к тем, о которых тебе уже рассказывали. И о том тебе, брат, расскажу, почему я имею такое усердие и веру к святым Антонию и Феодосию.

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ И О

ТОМ, ПОЧЕМУ ДОЛЖНО ИМЕТЬ УСЕРДИЕ И ЛЮБОВЬ К ПРЕПОДОБНЫМ ОТЦАМ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 15

Слышал я предивную вещь от блаженных старцев печерских; они же говорили, что слышали от очевидцев этого чуда, случившегося во времена игуменства Пимена в Печерском святом монастыре.

Был в Печерском том монастыре муж, совершенный во всякой добродетели, именем Онисифор, пресвитер саном. И сподобился он от Бога дара прозорливости, так что видел согрешения человека всякого. Рассказывают и о других его подвигах, но я об одном расскажу.

Был у этого блаженного Онисифора сын духовный и любимый друг, некто из черноризцев, который лицемерно подражал житию этого святого: притворялся постником и целомудренником, втайне же ел и пил и, живя распутно, так проводил лета свои. И утаилось это от духовного того мужа, и никто из братии сего не знал.

В один день, совсем здоровый, внезапно он умер. И никто не мог приблизиться к его телу из-за смрада, исходящего от него. И напал страх на всех, и насилу вытащили его, но отпевания из-за смрада не могли над ним свершить. Положили тело в стороне и, ставши поодаль, творили обычное пение, иные же затыкали ноздри свои. И, внесши его внутрь пещеры, положили там, и пошел такой смрад, что и бессловесные твари бегали от той пещеры. Много раз слышался и вопль горький, словно кто-то мучил его.

И явился святой Антоний пресвитеру Онисифору, с гневом говоря ему: «Что это ты сделал? Такого скверного, и порочного, и лживого, и многогрешного здесь положил, какого еще никогда не было положено, так что осквернил он святое место сие». Очнувшись от видения и пав ниц, Онисифор взмолился Богу, говоря: «Господи, зачем скрыл ты от меня дела человека этого?» И приступил к нему ангел, и сказал: «В назидание всем согрешающим и не покаявшимся было это, чтобы, видевши, покаялись». И сказав сие, сделался невидим. Тогда пресвитер пошел и возвестил все это игумену Пимену. Потом в другую

ночь то же увидел Онисифор: «Выбрось его скорее вон на съедение псам, – сказал Антоний, – недостойн он пребывать здесь». Пресвитер же снова стал молиться, и был к нему голос: «Если хочешь, – помоги ему».

Посоветовавшись с игуменом, решили насильно привести кого-нибудь, чтобы вытащить вон это тело и бросить его в воду, так как добровольно никто не мог приблизиться к той горе, где была пещера. И снова явился святой Антоний, говоря: «Смиловался я над душой брата этого, потому что не могу нарушить обета моего, данного вам, что всякий, положенный здесь, помилован будет, хотя бы и грешен он. Ведь не хуже отцы, положенные со мною в пещере, тех, что были прежде закона и после закона, но угодили Господу Богу моему и пречистой его Матери, и потому никто из монастыря этого не будет осужден на муку. Господь говорил ко мне, и я слышал голос его: “Я тот, который сказал Аврааму: ради двадцати праведников я не погублю города сего”, – тем более тебя ради и тех, которые с тобою, помилую и спасу грешника; если здесь постигнет его смерть, – спасен будет». Услышав это от святого, Онисифор возвестил все виденное и слышанное игумену и всей братии. Одного из них встретил и я, и он рассказал мне историю эту от тех первых черноризцев.

Игумен же Пимен в великом недоумении был из-за такого страшного события и со слезами молил Бога о спасении души брата. И было ему видение от Бога, сказавшего: «Так как уже здесь многие грешные положены были, и все прощены были ради угодивших мне святых, лежащих в пещере сей, и этого окаянного душу помиловал я ради Антония и Феодосия, рабов моих, и молитвою спасшихся с ними святых черноризцев. И вот тебе знамение перемены: смрад в благовоние превратился». Услышав это, игумен исполнился радости, созвал всю братию и, рассказав им о явлении, пошел с ними к пещере, чтобы увидеть случившееся; и обоняли все благоухание от тела умершего, а злосмрадия и вопля никакого не было слышно. И все насладились благоуханием и прославили Бога и святых его угодников, Антония и Феодосия, за спасение брата.

Оттого-то и я, грешный, епископ Симон, тужу, скорблю и плачу, и желаю там умереть, чтобы положенным быть только в божественной той земле, и принять малую отраду от многих грехов моих, молитв ради святых отцов о Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков.

О БЛАЖЕННОМ ЕВСТРАТИИ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 16

Некий человек пришел из Киева в пещеру, желая стать черноризцем. И повелел игумен его постричь, и дал имя ему Евстратий. Он же раздал все имение убогим, оставив немного ближним своим, чтобы они за него раздавали. Был же этот черноризец Евстратий постник и послушлив всем.

Этот блаженный, поучая и умоляя всех христиан, наставлял их, говоря: «Братия, вы, которые крестились и в Бога веруете, не будьте отступниками от обета, данного при святом крещении. Христос нас искупил от проклятия и освятил водою и духом, сынами и наследниками нас сотворил: так что, если умрем, – в Господе умрем; если же жить будем, – исполним службу нашу; если за людей умрем – то смертью жизнь купим и Христос жизнь вечную даст нам».

Этот Евстратий был взят в плен безбожными кочевниками и продан иудею. Через несколько дней все пленники умерли, мучимые голодом и жаждой: иные через три дня, другие через семь, крепкие же – через десять дней. И так все скончались от голода и жажды. Было же их числом пятьдесят: из монастырских работников тридцать, из Киева двадцать.

По прошествии же четырнадцати дней остался в живых один только монах, потому что был он постником с самых юных лет. Иудей же, видя, что монах этот был виновником гибели золота его, которое он уплатил за пленных, решил принести его в жертву на Пасху свою. Когда наступил день Воскресения Христова, надругался он над святым Евстратием так, как, по писаному в Евангелии, надругались иудеи над Господом нашим, Иисусом Христом: пригвоздил этого блаженного к кресту. А тот славил Бога на кресте и оставался жив и в пятнадцатый день.

Иудеи же говорили ему: «Безумец, прими наш закон и будешь жив: ведь Моисей от Бога принял закон, который дал нам, и вот в книгах сказано: “Проклят всякий, висящий на

древе”». Инок же сказал: «Великой благодати сподобил меня Бог в нынешний день пострадать. И скажет он мне, как и разбойнику: “Ныне же будешь со мною в раю”. Он сам уничтожил закон и ввел благодать. Это о нем сказал Моисей: “Увидите жизнь вашу, висящую пред очами вашими”; Давид же: “Пригвоздили руки мои и ноги мои”, и еще: “Разделили ризы мои между собой и об одежде моей метали жребий”. О нынешнем же дне говорит: “Вот день, который сотворил Господь! Возрадуемся и возвеселимся в день этот!” Ты же и другие иудеи с тобой заплачете ныне и зарыдаете: пришло вам время дать ответ Богу за кровь мою и кровь всех христиан, потому что субботы ваши ненавидит Господь и преложил праздники ваши в сетование, ибо убит начальник вашего беззакония».

Иудей же, слыша, как распятый поносит его, взяв копье, пронзил его, и тот предал душу свою Господу. И видели, как в огненной колеснице несли душу преподобного огненные кони, и раздался голос, говоривший по-гречески: «Вот добрый гражданин небесного града!» И потому протостратором зовется он в поминании вашем.

И вдруг в тот же день пришло об иудеях повеление от царя, чтобы изгнать всех иудеев, отнявши у них имение, а старейшин казнить. Случилось же вот что. Некий иудей, богатый и очень отважный, крестился, и ради этого приблизил его к себе царь и вскоре назначил его епархом. Он же, получив сан, втайне оставался отступником от Христа и его веры и дал свободу иудеям по всему царству Греческому покупать себе христиан в рабство. И обличен был этот нечестивый епарх и убит, как предсказал блаженный Евстратий, и с ним все иудеи, которые зимовали в Корсун; а у того иудея, который замучил блаженного, отняли имение и самого повесили. «Обратилась злоба его на главу его, и на его темя злодейство его пало».

Тело же святого было брошено в море, где множество чудес свершается им. Верные искали его святые мощи, но не нашли, не от людей, а от Бога желал славы святой. Окаянные же иудеи, видев страшное чудо, крестились.

О СМИРЕННОМ И МНОГОТЕРПЕЛИВОМ НИКОНЕ-
ЧЕРНОРИЗЦЕ. СЛОВО 17

Другой инок, именем Никон, был также взят в плен, и держали его в оковах. И пришел некто из Киева выкупить его. Но он не радел о том, хотя и был из знатных людей города. Христолюбец же тот, выкупив многих других пленников, возвратился. Услышав об этом, родственники Никона со многим богатством пошли выкупать его. Инок же сказал им: «Не тратьте всеу богатства вашего. Если бы хотел Господь, чтобы я был свободным, то не предал бы он меня в руки этих людей незаконных и самых коварных во всей земле. Господь сказал: “Я предаю в плен и священников”. Благое приняв от руки Господней, – неужели не стерпим зла?» Родственники же, укоряя его, ушли, унося с собой большое богатство.

Половцы же, видя, что не осуществилось их желание, начали мучить инока без всякой милости. Три года каждый день издевались над ним и связывали его, бросали в огонь, резали ножами, с закованными руками и ногами оставляли под палящим солнцем, голодом и жаждой морили, так что он иногда день, иногда два и три оставался без всякой пищи. И за все это благодарил он Бога и молился. Зимой же на снег и на мороз выбрасывали его. Все это делали окаянные половцы, чтобы он дал за себя большой выкуп. Он же сказал им: «Христос даром избавит меня от рук ваших; я уже получил извещение об этом: являлся мне брат мой, которого вы продали иудеям на распятие. Осудятся они со сказавшими: “Возьми, возьми, распни его, кровь его на нас и на детях наших!” – вы же, окаянные, вечно будете мучиться с Иудою, как предатели нечестивые и незаконники. И вот что сказал мне святой Герасим: “Через три дня ты будешь в монастыре по молитвам святых Антония и Феодосия и святых черноризцев, которые с ними”». Услышав же это, половчанин подумал, что тот бежать хочет, и подрезал ему голени, чтобы он не убежал, и крепко стерегли его. В третий же день все с оружием сидели около него, – вдруг в шестом часу он сделался невидим, и услышали голос, произнесший с небес: «Хвалите Господа!»

И так перенесен был он невидимо в Печерскую церковь пресвятой Богородицы в то время, когда начали петь кенаник. И стеклась к нему вся братия, и спрашивали его, как он сюда

пришел? Он же сперва хотел утаить преславное то чудо. Но все видели на нем железа тяжкие, и раны неисцелимые, и все тело, гноившееся от ран, и сам он был в оковах, и кровь еще капала из перерезанных голеней, – и не поверили ему.

Наконец поведал он им истину и не давал снять оков с рук и ног. Игумен же сказал: «Брат, если бы хотел Господь в беде тебя оставить, то не вывел бы он тебя оттуда; теперь же подчинись воле нашей». И, снявши с него оковы, перековали их на вещи, нужные для алтаря.

Спустя долгое время половчанин, державший в плену этого блаженного, пришел в Киев для переговоров о мире, и зашел он в монастырь Печерский. И увидел этого старца, и рассказал о нем игумену и всей братии, и после того уже не вернулся назад, но вместе с родом своим принял крещение и сделался иноком; и здесь, в монастыре, окончили они жизнь свою в покаянии, служа пленнику своему, и положены в своем притворе.

И о многих других деяниях того блаженного Никона рассказывают; о них нет времени теперь писать, но об одном я все же тебе расскажу. Когда был в плену этот блаженный, заболели однажды пленники от голода и жажды. И велел им блаженный ничего не принимать в пищу от поганных, сам же, в узах, молитвою всех исцелил, и сделал так, что они невидимо бежали.

Однажды, когда тот половчанин стал умирать, велел он женам своим и детям, чтобы распяли над ним этого монаха. Тогда блаженный помолился и исцелил его: он провидел его будущее покаяние и себя избавил от горькой смерти. Этот Никон «Сухим» именуется в поминании вашем: истек он кровью, сгнил от ран и иссох.

К Поликарпу. Как смогу я, брат, достойно прославить святых мужей, бывших в честном том и блаженном монастыре Печерском?! Ради добродетельного жития их и поганные крестились, и монахами становились, – так, ради того блаженного Христова мученика Герасима -Евстратия иудеи крестились, а ради этого страстотерпца Никона половцы сделались иноками. Многое же, и больше этого, слышал ты от меня, грешного епископа Симона, худшего из епископов,

недостойного быть подножием тех святых черноризцев; да их, думаю, и весь мир недостойн, и нет такого книжника, который бы мог описать все чудеса их. Это им сказал Господь: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего, который на небесах». Что же может нарушить наш обет и переменить жизнь нашу, с такой высоты в глубину житейскую павших? Ведь мы начальников и наставников имеем, равных бесплотным, первых молитвенников и ходатаев пред Творцом, подобных ангелам, мученическими венцами увенчанных!

О СЯТОМ СЯЩЕНОМУЧЕНИКЕ КУКШЕ И О ПИМЕНЕ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 18

Как добровольно можно умолчать об этом блаженном черноризце того же Печерского монастыря, священномученике Кукше, о котором всем известно, как он бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь с неба свел, и озеро иссушил, и много других чудес сотворил, и после многих мучений убит был с учеником своим. В один день с ними скончался и блаженный Пимен Постник, который предсказал за два года свое отшествие к Господу, и о многом другом пророчествовал, и недужных исцелял. И вот посреди церкви, во всеуслышание, сказал он: «Брат наш Кукша нынче на рассвете убит». И сказавши это, умер в одно время с теми двумя святыми.

К Поликарпу. Не стану я много говорить о святых. Если не довольно тебе моей беседы, того, что ты слышал из уст моих, то и мое писание не убедит тебя; если этому не веруешь, то и тому, что человек из мертвых воскрес, – не поверишь.

О СЯТОМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ УМЕР, А НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СНОВА ОЖИЛ И ПРОЖИЛ ПОТОМ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ. СЛОВО 19

Вот что еще случилось в том святом монастыре. Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святую и богоугодную, после долгой болезни умер. Два брата омыли тело мертвое и ушли, спеленав его, как подобает покойника. Случайно пришли к нему другие иноки и, увидя, что он умер, также ушли. И оставался покойник весь день без погребения: был он очень беден, и никаких сбережений не имел, и потому был в

небрежении; богатым-то всякий старается послужить как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство.

Ночью же явился некто игумену, говоря: «Человек Божий этот второй день лежит непогребенным, а ты веселишься». Узнавши об этом, игумен утром со всею братнею пришел к умершему, и увидели его сидящим и плачущим. И ужаснулись они, видя, что он ожил, и стали спрашивать его, говоря: «Как ты ожил и что видел?» Он же не отвечал ничего, только: «Спасайтесь!» Они же умоляли его рассказать о случившемся, говоря, что и им это будет на пользу. Он же сказал им: «Если я вам расскажу, не поверите мне». Братия же поклялась ему: «Соблюдаем все, что бы ты ни сказал нам». Тогда он сказал им: «Во всем слушайте игумена, во всякое время кайтесь, молитесь Господу Иисусу Христу, и пречистой его Матери, и преподобным Антонию и Феодосию, чтобы окончить вам жизнь здесь и сподобиться погребения в пещере, со святыми отцами. Вот три самые важные вещи из всего, если только исполнять все это по чину, не возносясь. Более не спрашивайте меня ни о чем, и молю вас простить меня».

После этого ушел он в пещеру, заложил за собой двери и пробыл в ней, никогда и ни с кем не говоря, двенадцать лет. Когда же пришло время преставления его, он, призвав всю братию, повторил сказанное прежде о послушании и о покаянии, добавив: «Блажен, кто здесь сподобится положенным быть». И, сказав это, почил с миром о Господе.

Был же между братией некто, уже много лет страдавший болью в ногах; и принесли его к умершему; он же обнял тело блаженного и исцелился с того часа, и до самой смерти своей никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое. Имя этому исцелившемуся – Вавила. И вот что он рассказал братии: «Лежал я, – рассказывал он, – и стenal от боли, и вдруг вошел этот блаженный и сказал мне: “Приди, я исцелю тебя”. Я же хотел его спросить, когда и как он сюда пришел, но он мгновенно сделался невидим». И уразумели все после этого, что угодил он Господу: никогда не выходил он из пещеры и не видел солнца двенадцать лет, плакал беспрестанно день и

ночь, ел немного хлеба и чуть-чуть пил воды, и то через день. И это слышал я от самого Вавилы, исцеленного им.

Если кому невероятным покажется то, о чем я пишу, пусть прочтет жития святых отцов наших Антония и Феодосия, зачинателей русских монахов, – и тогда уверует. Если же и тогда не переубедится, не его вина: должно сбыться притче, сказанной Господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, и иное упало при пути, другое в терние» – в сердца тех, кто лишь заботами житейскими поглощен, о них же пророк сказал: «Окаменело сердце людей сих, и им трудно слышать ушами»; другой же: «Господи, кто поверит слышанному о нас?»

К Поликарпу. Ты же, брат и сын, не следуй их примеру; не для них пишу я это, но чтобы тебя приобрести. Совет же даю тебе: благочестием утвердись в святом том монастыре Печерском, не желай власти, ни игуменства, ни епископства: довольно тебе для спасения окончить жизнь свою в нем. Ты сам знаешь, что много подобного могу я рассказать тебе из разных книг; но лучше, и для тебя будет полезнее, если я расскажу малое из того многого, что слышал о содевавшемся в том божественном и святом монастыре Печерском.

О ПРЕПОДОБНОМ СВЯТОШЕ, КНЯЗЕ ЧЕРНИГОВСКОМ. СЛОВО 20

Этот блаженный и благоверный князь Святоша, по имени Николай, сын Давыда, внук Святослава, уразумев обманчивость этой суетной жизни, и что все, что здесь, протекает и проходит мимо, будущие же блага непреходящи и вечны, и бесконечно царство небесное, уготованное Богом, любящим его, – оставил княжение, и честь, и славу, и власть и, все то ни во что вменив, пришел в Печерский монастырь и сделался иноком в 6614 (1106) году, февраля 17.

Все здешние черноризцы знают о его добродетельном житии и послушании. Три года пробыл он в поварне, работая на братию; своими руками колот дрова для приготовления пищи, часто с берега на своих плечах носил дрова; и с трудом братья его, Изяслав и Владимир, отговорили его от такого дела. Однако этот истинный послушник с мольбою упросил, чтобы ему еще один год поработать в поварне на братию. После же

этого, так как во всем был он искусен и совершенен, приставили его к монастырским воротам, и пробыл он тут три года, не отходя никуда, кроме церкви. После этого велено ему было служить в трапезной. Наконец волею игумена и всей братии принудили его завести свою келию, которую он сам и построил, и доныне эта келия зовется «Святошиной», как и сад, который он своими руками насадил.

Говорят также о нем и то, что во все годы монашества никто никогда не видал его праздным: всегда в руках у него было рукоделье, чем он и зарабатывал себе на одежду. На устах же его постоянно была молитва Иисусова, беспрестанно повторяемая: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня!» Никогда не вкушал он ничего иного, кроме монастырской пищи; хотя он и много имел, но все то на нужды странников и нищих отдавал и на церковное строение. Книги же его многие сохранились и доныне.

Еще во время княжения имел этот блаженный князь Святоша лекаря весьма искусного, именем Петра, родом сирийца, который пришел с ним в монастырь. Но этот Петр, видя его добровольную нищету, службу в поварне и у ворот, ушел от него и стал жить в Киеве, врачую многих. Он часто приходил к блаженному и, видя его во многом злострадании и безмерном пощении, увещевал его, говоря: «Княже, следовало бы тебе подумать о своем здоровье, чтобы не погубить плоть свою безмерным трудом и воздержанием: ты когда-нибудь изнеможешь так, что не в силах будешь нести лежащее на тебе бремя, которое сам принял на себя Бога ради. Не угоден ведь Богу сверх силы пост или труд, а только от сердца чистого и раскаявшегося; ты же не привык к такой нужде, какую переносишь теперь, работая как подневольный раб. И благочестивым твоим братьям, Изяславу и Владимиру, в великую укоризну нищета твоя. Как ты от такой славы и чести мог дойти до последнего убожества, ведь ты изнуришь тело свое и в болезнь вступишь из-за такой пищи. Дивлюсь я твоему чреву, которое раньше отягощалось сладкой пищей, а теперь, сырые овощи и сухой хлеб принимая, терпит. Берегись! Когда-нибудь недуг охватит тебя всего, и ты, не имея крепости, скоро

жизни лишишься, и нельзя уже мне будет помочь тебе, и повергнешь ты в плач неутешный братьев своих. Вот и бояре твои, служившие тебе, думали когда-нибудь сделаться чрез тебя великими и славными; ныне же лишены твоей любви и пеняют на тебя: поставили себе дома большие, а теперь сидят в них в великом унынии. Ты же не имеешь куда голову приклонить, сидя на этой куче мусора, и многие считают, что ты лишился ума. Какой князь поступал так? Блаженный ли отец твой, Давыд, или дед твой, Святослав, или кто из бояр делал это, или хотя желание имел идти по этому пути, кроме Варлаама, бывшего здесь игуменом? И если ты меня не слушаешь, то прежде Божьего суда осужден будешь».

Так вот, и неоднократно, говорил он ему, иногда в поварне с ним сидя, иногда у ворот, подученный на это братьями его. Блаженный же отвечал ему: «Брат Петр! Много размышлял я и решил не щадить плоти своей, чтобы снова не поднялась во мне борьба: пусть под гнетом многого труда смирится. Ведь сказано, брат Петр, что силе совершаться подобает в немощи. Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас. Я же благодарю Господа, что освободил он меня от мирских забот и сделал меня слугой рабам своим, этим блаженным черноризцам. Братья же мои пусть о себе подумают: каждый свое бремя должен нести и довольно с них и моей волости. Все же это: и жену, и детей, и дом, и власть, и братьев, и друзей, и рабов, и села, – оставил я ради Христа, чтобы чрез то сделаться наследником жизни вечной. Я обнищал ради Бога, чтобы его приобрести. Да и ты, когда врачуешь, не воздерживаться ли велишь в пище? Для меня же умереть за Христа – приобретение, а на мусорной куче сидеть, подобно Иову, – царствование. А то, что ни один князь не делал так прежде меня, то пусть я послужу примером им: может быть, кто-нибудь из них поревнует этому и последует за мной. До прочего же тебе и научившим тебя дела нет».

Когда бывал болен этот блаженный, лекарь, видя то, начинал готовить лекарственное зелье против той болезни, которая тогда случалась – огненного ли жжения или болезненного жара, но прежде чем он приходил, князь уже

выздоровливал и не давал лечить себя. И много раз так бывало. Однажды разболелся сам Петр, и Святоша послал к нему, говоря: «Если не будешь пить лекарства, – быстро поправишься; если же не послушаешься меня, – много страдать будешь». Но тот, рассчитывая на свое искусство и думая избавиться от болезни, выпил лекарство и едва жизни не лишился. Только молитва святого исцелила его.

Снова разболелся он, и святой послал объявить ему: «В третий день ты выздоровеешь, если не будешь лечиться». Послушался его сириец и в третий день исцелился по слову блаженного. Призвав же его, святой велел ему постричься, говоря: «Через три месяца я отойду из этого мира». Говорил же он это, предсказывая смерть ему. Сириец, не уразумев же, что это с ним должно случиться, пал к ногам князя и со слезами стал говорить: «Увы мне, господин мой и благодетель мой, тот, кто дороже мне самой жизни! Кто посмотрит на меня, чужеземца, кто наплатит многих людей, нуждающихся в пище, и кто будет заступником обиженных, кто помилует нищих? Не говорил ли я тебе, о княже, что оставишь ты по себе плач неутешный братьям своим? Не говорил ли я тебе, о княже, что ты меня не только словом Божиим и силою его исцелил, но и молитвою своею? Куда же теперь отходишь, пастырь добрый? Открой мне, рабу своему, язву смертную, и, если я не вылечу тебя, пусть будет голова моя за голову твою и душа моя за душу твою! Не отходи от меня молча, открой мне, господин мой: откуда тебе такая весть, да отдам я жизнь мою за тебя. Если же известил тебя Господь о том, моли его, чтобы я умер за тебя. Если оставляешь ты меня, то где сесть мне, чтобы оплакать свою утрату: на этой мусорной куче, или в воротах этих, где ты живешь? Что достанется мне в наследство из твоего богатства? Ты сам почти наг, и когда умрешь, то положат тебя в этих заплатанных рубищах. Подари же мне твою молитву, как в древности Илия Елисею милость, чтобы проникла она в сердце мое и дошел я до райских мест крова дивного дома Божия. Знает и зверь, где скрыться, когда взойдет солнце, и ложится в логовище свое, и птица находит себе дом, и горлица гнездо

себе, в котором кладет птенцов своих, – ты же шесть лет живешь в монастыре, и места своего нет у тебя».

Блаженный же сказал ему: «Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека: ведает Господь, как пропитать всю тварь, и может защищать и спасать бедных. Братья же мои пусть не обо мне плачут, а о себе и о детях своих. Во врачевании же я и при жизни не нуждался, а мертвые не оживают, и врачи их воскресить не могут». И пошел он с ним в пещеру, вырыл могилу себе и сказал сириянину: «Кто из нас сильнее возжелает могилу сию?» И сказал сириец: «Пусть будет, как кто хочет, но ты живи еще, а меня здесь положи». Тогда блаженный сказал ему: «Пусть будет, как ты хочешь». И так постригся сириец, и три месяца день и ночь пребывал в постоянном плаче. Блаженный же утешал его, говоря: «Брат Петр! Хочешь ли, я возьму тебя с собою?» Он же со слезами отвечал ему: «Хочу, чтобы ты отпустил меня, и я за тебя умру, ты же молись за меня». И сказал ему блаженный: «Дерзай, чадо, и будь готов: через три дня отойдешь к Господу». И по пророчеству святого через три дня причастился тот божественных и животворящих, бессмертных тайн, лег на одр свой, оправил одежды свои и, вытянув ноги, предал душу в руки Господа.

Блаженный же князь Святоша жил после того тридцать лет, не выходя из монастыря до самого преставления в вечную жизнь. И в день преставления его чуть ли не весь город пришел.

И когда узнал об этом брат Святоши, то прислал с мольбой к игумену, прося себе на благословение крест от парамана его, подушку и кладку его, на которой он преклонял колена. Игумен дал это ему, сказав: «По вере твоей да будет тебе!» Князь же, приняв дар, бережно хранил его и дал игумену три гривны золота, чтобы не безвозмездно взять знамение братнее. Этот Изяслав однажды так разболелся, что все уже отчаялись за него и считали, что он при смерти, и сидели возле умирающего жена его, и дети его, и все бояре. Он же, приподнявшись немного, попросил воды из печерского колодца и онемел. Послали и набрали воды; игумен же, взяв власяницу Святошину, отер ею гроб святого Феодосия и велел облечь в нее князя, брата

Святоши. И еще прежде чем вошел несший воду и власяницу, князь вдруг проговорил: «Выходите скорей за город встречать преподобных Феодосия и Николу». Когда же вошел посланный с водой и власяницей, князь воскликнул: «Никола, Никола Святоша!» И дали ему пить, и облекли его во власяницу, и он тотчас выздоровел. И все прославили Бога и угодников его. И всякий раз, как Изяслав заболел, то облачался он в эту власяницу и так выздоравливал. И хотел сразу же поехать к брату, но удержали его находившиеся тут епископы. Во всех битвах надевал он эту власяницу на себя и оставался невредим. Однажды же, согрешивши, не посмел надеть ее и был убит в битве; и завещал он в той власянице похоронить себя.

И о многих других деяниях этого мужа рассказывают. И доныне еще знают черноризцы печерские о блаженном князе Святоше.

К Поликарпу. И опять к тебе обращаю слово. Свершил ли ты что-нибудь подобное? Богатство ли оставил? – но ты не имел его. Славу ли? – но ты не достиг ее, а от убожества можно к славе прийти и ко всему доброму. Подумай об этом князе – такого ни один князь на Руси не сделал: по своей воле никто не вступил в иночество. Воистину он выше всех князей русских! Что же значит твоя обида перед его власяницей? Ты вот к нищете призван, а нарядными одеждами украшаешься, и за то лишен будешь нетленной одежды и, как не имеющий брачной ризы, то есть смирения, – осудишься. Вот что пишет блаженный Иоанн в Лестнице: «Иудей радуется субботе, чтобы по закону отпраздновать ее едой». И ты, подобясь ему, заботишься о питье и о еде, и в том полагаешь свою славу. Послушай блаженного Евагрия: «Монах если согрешит – не имеет праздника на земле». Не насыщай тела своего, чтобы не стало оно твоим супостатом, не начинай подвига выше меры: если не осилишь – только укоризну себе примешь. Подражай святым отцам и не лишишься божественной славы. Если не удостоишься быть увенчанным с совершенными, то хотя бы с угодившими Богу старайся удостоиться похвалы. Вчера вступил в монашество, а уже даешь обеты и, не привыкнув к иноческой

жизни, хочешь епископства, и законодавцем строгим показываешь себя; сам не выучившись покорности, всех смирить хочешь; мудрствуешь о высоком, с гордынею повелевая и с дерзостью возражая. Все это привык я слышать из уст твоих, потому что помышляешь ты о земном, а не о небесном; о плотском, а не о духовном; о страстях, а не о воздержании; о богатстве, а не о нищете. От света отступил ты и во тьму впал; блаженство отверг, и муку вечную себе уготовил, и, вооружившись на врага, то оружие в свое сердце вонзил. Воспрянь, брат, и поразмысли внимательно о своей жизни, чтобы мысль твоя и ум твой были твердо обращены к этому святому месту.

Но вот, брат, расскажу я тебе историю, которая подобна твоему благому деянию.

О ЕРАЗМЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ РАСТРАТИЛ ИМЕНИЕ СВОЕ НА СВЯТЫЕ ИКОНЫ И ЗА НИХ СПАСЕНЬЕ ПОЛУЧИЛ. СЛОВО 21

Был в том же монастыре Печерском черноризец, по имени Еразм; он был очень богат, и все, что имел, на церковную утварь истратил и оковал много икон, которые и доныне стоят у вас над алтарем. И дошел он до последней нищеты, и все стали пренебрегать им, и стал он отчаиваться, что не получит награды за истраченное богатство, потому что в церковь, а не на милостыню раздал его. И так как дьявол вложил это ему в сердце, перестал он радеть о житии своем и во всяком небрежении и бесчинстве проводил дни свои.

Разболелся он сильно, вконец онемел и ослеп и лежал так восемь дней едва дыша. На восьмой же день пришла к нему вся братия и, видя страшное его мучение, удивлялась и говорила: «Горе, горе душе брата сего! В лени и во всяком грехе пребывала она и теперь видит что-то, мятется и не может выйти».

Еразм же этот встал, будто никогда и болен не был, сел и рассказал им: «Братия и отцы, послушайте, истинно все так. Как вы все сами знаете, грешен я и доныне не покался. И вот сегодня явились мне святые Антоний и Феодосии и сказали мне: “Мы молились Богу, и даровал тебе Господь время

покаяться”. И вот увидал я святую Богородицу, держащую на руках Сына своего, Христа, Бога нашего, и все святые были с ней. И сказала она мне: “Еразм! За то, что ты украсил церковь мою и иконами возвеличил ее, и я тебя прослаблю в царствии Сына моего, убогих же всегда беру с собой. Только, вставши от болезни, покайся и прими великий ангельский образ: в третий день я возьму тебя, чистого, к себе, возлюбившего благолепие дома моего”».

И, сказав это братии, Еразм начал перед всеми исповедоваться в грехах своих, которые совершил, не стыдясь, а радуясь о Господе. И встал, и пошел в церковь, и пострижен был в схиму, и в третий день отошел к Господу в добром исповедании. Об этом слышал я от святых и блаженных старцев, бывших тому свидетелями и очевидцами.

К Поликарпу. Ведая это, брат, не думай: «Напрасно истратил, что имел», так как перед Богом сочтено все и до последнего медяка. Надейся же на милость Божию за труд свой. Твоими стараниями сооружено двое дверей в той святой, великой Печерской церкви святой Богородицы, и та отворит тебе двери милости своей, ибо иереи за таких всегда молятся в той церкви: «Господи, освяти любящих благолепие дома твоего и прославь их божественною твоею силою!» Вспомни также и того вельможу, который велел сковать крест из чистого золота. Один юноша, возревновав ему, приложил немного и своего золота, и за то сделался наследником всего имения его. И ты, если истратишь добро свое на славу Бога и пречистой его Матери, не лишишься награды своей, но говори с Давидом: «Буду умножать всякую хвалу тебе», – и скажет тебе Господь: «Прославляющих меня прослаблю». Ты сам мне говорил: «Лучше мне все, что имею, на церковные нужды истратить, чтобы не пропало понапрасну от рати, от воров или от огня». И я похвалил доброе желание твое. Сказано: «Если обещали Господу – исполняйте». Лучше не давать обещания, чем, обещавшись, не исполнить.

Если же случится, что пропадет что-нибудь от рати или ворами украдено будет, отнюдь не хули и не смущайся, но

хвали Бога за это и с Иовом говори: «Господь дал, Господь и взял».

И еще расскажу я тебе об Арефе-черноризце.

ОБ АРЕФЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КАК УКРАДЕННОЕ У НЕГО ВОРАМИ БОГАТСТВО В МИЛОСТЫНЮ ВМЕНИЛОСЬ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ ОН ПОЛУЧИЛ СПАСЕНИЕ. СЛОВО 22

Был черноризец в том же Печерском монастыре, именем Арефа, родом полочанин. Много богатства имел он в келий своей, и никогда ни одной цаты, ни даже хлеба не подал убогому, и так был скуп и немилосерд, что и сам себя едва голодом не уморил.

И вот однажды ночью пришли воры и украли все богатство его. Арефа же этот так сильно жалел о потере золота, что хотел сам себя погубить, тяжкие обвинения возвел на неповинных и многих ни за что мучил. Мы все молили его прекратить розыск, но он и слушать не хотел. Блаженные же старцы, утешая его, говорили: «Брат! Возложи на Господа печаль свою, и он поддержит тебя». Он же досаждал всем жестокими словами.

Через несколько дней впал он в недуг лютый и уже при смерти был, но и тут не унялся от роптания и хулы. Но Господь, который всех хочет спасти, показал ему пришествие ангелов и полки бесов, и начал он взывать: «Господи, помилуй! Господи, согрешил – все твое, и я не жалуюсь». Избавившись же от болезни, рассказал он нам, какое было ему явление. «Когда, – говорил он, – пришли ангелы, то пришли также и бесы, и начали они спорить об украденном золоте, и сказали бесы: “Так как не обрадовался он, но возроптал, то теперь он наш и нам предан”. Ангелы же говорили мне: “О окаянный человек! Если бы ты благодарил Бога о своей потере, то вменилось бы тебе это, как Иову. Если кто милостыню творит, – великое это дело пред Богом, но творят по своей воле; если же кто за взятое насилием благодарит Бога, то это больше милостыни: дьявол, делая это, хочет довести до хулы человека, а он все с благодарением предает Богу, так вот это более милостыни”. И вот, когда ангелы сказали мне это, я воскликнул: “Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, согрешил я! Господи, все твое, а я не

жалуюсь” И тотчас бесы исчезли, и ангелы, возрадовавшись, вписали в милостыню пропавшее серебро».

Мы же, услышав это, прославили Бога, давшего нам знать о сем. Блаженные же те старцы, рассудивши, сказали: «Воистину достойно и праведно за все благодарить Бога». Мы же, видевши, что Арефа во все дни славил и хвалил Бога, удивлялись изменению его ума и нрава: тот, кого прежде никто не мог отговорить от хулы, ныне же все время с Иовом взывает: «Господь дал, Господь и взял; как Господу угодно, так и будет. Будь благословенно имя Господне вовеки!» Если бы не видел он явления ангелов и не слышал их речей, никак не перестал бы он роптать, и мы веровали, что истинно было так. И если бы было не так, то не было бы и старца, о котором сказано в Патерике, что он молился Богу, чтоб пришли к нему разбойники и взяли бы у него все, и услышал его Бог, и пришли к нему разбойники, и отдал старец все, что у него было.

К Поликарпу. И вот уже, брат, всевозможные наставления дал я тебе. Проси у Бога, чтобы в этом монастыре жизнь свою окончить в покаянии и в послушании игумену своему Акиндину. Эти три вещи больше всех добродетелей, как свидетельствовал Афанасий Затворник.

И еще расскажу тебе об ином дивном чуде, которое я сам видел. Вот что случилось в том же святом монастыре Печерском.

О ДВУХ БРАТЬЯХ, О ТИТЕ-ПОПЕ И О ЕВАГРИИ-ДИАКОНЕ, ВРАЖДОВАВШИХ МЕЖДУ СОБОЙ. СЛОВО 23

Были два брата по духу, Евагрий-диакон и Тит-поп. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда рыкает, как лев, ища кого поглотить, посеял между ними вражду, и такую ненависть вложил он в них, что они и в лицо не хотели видеть друг друга, и избегали друг друга. Много раз братья молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели.

Когда Тит шел с кадилом, то Евагрий отбегал от фимиама; если же не отбегал, то Тит проходил мимо него, не показав. И так пробыли они много времени во мраке греховном: Тит, не

прося прощения, а Евагрий, гневаясь при причастии. На это вооружил их враг.

Однажды этот Тит сильно разболелся и, лежа уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении, и послал с мольбой к диакону, говоря: «Прости меня, брат, ради Бога, что я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы же те, видя, что Тит умирает, привели Евагрия насильно, чтобы помирился он с братом. Больной же, увидев брата, приподнялся немного, пав ниц ему в ноги, говоря: «Прости меня, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, сказав: «Никогда не захочу примириться с ним: ни в этой жизни, ни в будущей», – и вырвался из рук старцев, и вдруг упал. Хотели мы поднять его, но увидали, что он уже мертв, и не могли мы ему ни рук расправить, ни рта закрыть, как будто он уже давно умер. Больной же вскоре встал, как будто никогда и болен не был.

И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого, и со многим плачем погребли мы Евагрия, рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «Что случилось?» Тит же рассказал нам так: «Видел я, – говорил он, – ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся гневу моему, и тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копье, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым, мне же он подал руку и поднял меня». Мы же, услышавши это, убоялись Бога, сказавшего: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Ефрем же говорит: «Если кому случится во вражде умереть, то неумолимый суд ждет таких».

И если этот Евагрий, ради святых Антония и Феодосия, прощения не получит – горе лютое ему, побежденному такою страстью!

К Поликарпу. Берегись ее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто подчинится ему, тот и поработен им. Но скорее

пойди и поклонись вражду имеющему на тебя, да не будешь предан ангелу немилостивому, пусть и тебя Господь сохранит от всякого гнева. Он ведь сказал: «Да не зайдет солнце во гневе вашем». Слава ему с Отцом и со Святым Духом ныне и присно!

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ АКИНДИНУ О СВЯТЫХ БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, НАПИСАНО ПОЛИКАРПОМ, ЧЕРНОРИЗЦЕМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. СЛОВО 24

С помощью Господа, утверждающего слово, к твоему благоумию обращаю его, пречестный архимандрит всея Руси, отец и господин мой, Акиндин. Приклони же ко мне благосклонный твой слух, и я стану говорить тебе о жизни, деяниях и знамениях дивных и блаженных мужей, живших в этом святом монастыре Печерском, как слышал я о них от брата твоего Симона, епископа Владимирского и Суздальского, бывшего раньше черноризцем того же Печерского монастыря; он рассказывал мне, грешному, о святом и великом Антонии, положившем начало русским монахам, и святом Феодосии, и о житии и подвигах бывших после них святых и преподобных отцов, почивших в дому пречистой Божией Матери. Да послушает твое благоразумие моего младоумия и несовершенного разума.

Вопросил ты меня некогда, велев рассказать о деяниях тех черноризцев; но ты знаешь мою простоту и невежество: ибо всегда со страхом, о чем бы ни шла речь, говорю с тобою, поэтому как же могу я внятно рассказать тебе о сотворенных ими знамениях и преславных чудесах? Кое-что из тех преславных чудес я поведал тебе, но гораздо больше забыл от страха и, стыдясь твоего благочестия, рассказывал невразумительно. И понудил я себя писанием изложить тебе о святых и блаженных отцах печерских, чтобы и будущие после нас черноризцы узнали о благодати Божьей, бывшей в святом этом месте, и прославили Отца небесного, показавшего таких светильников в Русской земле, в Печерском святом монастыре.

О НИКИТЕ-ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ ПОТОМ БЫЛ ЕПИСКОПОМ НОВГОРОДА. СЛОВО 25

Был во дни преподобного игумена Никона брат один, Никита именем. Этот инок, желая, чтобы славили его люди, дело великое не Бога ради замыслив, начал проситься у игумена войти в затвор. Игумен же не разрешил ему, говоря: «О чадо! Нет тебе пользы праздно сидеть, потому что ты еще молод, лучше тебе оставаться среди братии, и, работая на нее, ты не лишишься награды своей. Сам ты видел брата нашего, святого Исакия Пещерника, как прельщен он был от бесов. Только и спасла его великая благодать Божия и молитвы преподобных отцов Антония и Феодосия, которые и доныне чудеса многие творят». Никита же сказал: «Никогда не прельщусь я, как он. Прошу же у Господа Бога, чтобы и мне подал он дар чудотворения». Никон в ответ ему сказал: «Выше силы чудес прошение твое; берегись, брат, вознесешься и упадешь. Велит тебе наше смирение служить святой братии, ради нее и будешь увенчан за послушание твое». Никита же никак не хотел внять словам игумена, но, как захотел, так и сделал: заложил за собой двери и неисходно пребывал в келье.

Прошло несколько дней, и прельстил его дьявол. Во время пения своего услышал Никита голос молящегося с ним, и почуял благоухание неизреченное, и, прельстившись этим, говорил сам себе: «Если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь благоухания Духа Святого». И стал он прилежно молиться, говоря: «Господи, явись мне сам воочию, чтобы я мог видеть тебя». Тогда был голос к нему: «Не явлюсь тебе, ибо ты еще юн и, вознесшись, падешь». Затворник же со слезами ответил: «Нет, Господи, не прельщусь я, ведь игумен мой научил меня не внимать обольщениям дьявола, все же, что ты повелишь, я исполню». И тогда душепагубный змей, приняв власть над ним, сказал: «Невозможно человеку видеть меня и остаться в живых, поэтому посылаю я ангела моего: он пребудет с тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчас стал перед ним бес в образе ангела. Пав ниц, поклонился ему инок, как ангелу. И сказал ему бес: «Ты не молишь, а только читай книги, и таким путем будешь беседовать с Богом, и из книг станешь подавать полезное слово приходящим к тебе. Я же постоянно буду молить о спасении твоём Творца своего».

Прельстившись, монах перестал молиться, а прилежно занимался чтением и книжной премудростью; видя же беса, постоянно молящегося о нем, радовался ему, как ангелу, творящему молитву за него. С приходившими же к нему Никита беседовал о пользе души и начал пророчествовать; и пошла о нем слава великая, и дивились все, что сбываются предсказания его.

Послал однажды Никита к князю Изяславу, говоря: «Нынче убит Глеб Святославич в Заволочье, скорее пошли сына своего Святополка на княжеский стол в Новгород». Как он сказал, так и было: через несколько дней пришла весть о смерти Глеба. И с тех пор прослыл затворник пророком, и охотно слушались его князь и бояре.

Но бес будущего не знал, а то, что сам делал или на что подбивал злых людей, – убить ли, украсть ли, – то и возвещал. Когда приходили к затворнику, чтобы услышать от него слово утешения, – бес, мнимый ангел, рассказывал, что случилось его деяниями, а Никита об этом пророчествовал, – поэтому сбывалось.

Не мог никто также померяться с ним в знании книг Ветхого завета, он его весь наизусть знал: Бытие, Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и все Пророчества по порядку, и все книги иудейские знал хорошо. Евангелия же и Апостола, этих святых книг, Господом в благодати переданных нам на наше утверждение и исправление, он не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать и другим не разрешал беседовать с собою о них. И из этого все поняли, что прельщен он врагом.

Не могли стерпеть этого преподобные те отцы: Никон-игумен, Пимен Постник, Исая, что был епископом в Ростове, Матфей Прозорливец, Исакий святой Пещерник, Агапит Целитель, Григорий Чудотворец, Никола, бывший после епископом Тмутаракани, Нестор, который написал Летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Черниговским, Онисифор Прозорливец. И все эти богоносцы пришли к прельщенному и, помолившись Богу, отогнали беса от него, и после того он не видал его более. Потом вывели его из пещеры и спрашивали о Ветхом завете, чтобы услышать от него

что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читал книг; и тот, кто прежде наизусть знал иудейские книги, теперь не ведал ни одного слова из них, да, попросту сказать, вообще ни одного письменного слова не знал, те блаженные отцы едва его научили грамоте.

После этого предался Никита воздержанию, и послушанию, и чистому и смиренному житию, так что всех превзошел в добродетели; и впоследствии был поставлен епископом Новгорода за премногую его добродетель. И много чудес сотворил он: однажды во время бездождия, помолившись Богу, дождь с неба свел, потом пожар в городе загасил. И ныне со святыми чтут его, святого и блаженного Никиту.

О ЛАВРЕНТИИ-ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 26

Потом и другой брат, именем Лаврентий, захотел также в затвор войти. Святые те отцы никак не позволяли ему делать этого. Тогда Лаврентий ушел к Святому Дмитрию, в монастырь Изяславов, и затворился там. И за твердое житие его даровал ему Бог благодать исцеления.

Однажды привели к нему одного бесноватого из Киева; и не мог затворник изгнать из него беса, – очень лют был: бревно, которое десять человек снести не могли, он один, подняв, забрасывал. После того, как он оставался долгое время неисцеленным, велел затворник вести его в Печерский монастырь. Тогда бесноватый начал вопить: «К кому посылаешь меня? Я не смею приблизиться к пещере ради святых, положенных в ней, в монастыре же только тридцати иноков боюсь, а с прочими могу бороться». Ведшим же его было известно, что он никогда в Печерском монастыре не был и никого там не знает, и спросили его: «Кто же те, которых ты боишься?» Бесноватый же назвал их всех по именам: «Эти тридцать, – сказал он, – одним словом могут изгнать меня». Всех же черноризцев в Печерском монастыре было тогда сто восемьдесят.

И сказали бесноватому: «Мы хотим в пещере затворить тебя». Бесноватый же отвечал: «Что мне за польза с мертвецами бороться? Они теперь имеют у Бога большее дерзновение молиться за своих черноризцев и за приходящих к

ним. Но если хотите борьбу мою видеть, ведите меня в монастырь». Начал он говорить по-еврейски, потом по-латински, потом по-гречески и, попросту сказать, на всех языках, а прежде никогда и не слышал их, так что испугались ведшие бесноватого, удивляясь такому изменению языка его и тому, что заговорил он на разных наречиях. И не успел он еще подойти к монастырю, как сразу исцелился и стал все хорошо понимать. Когда они вошли в церковь, пришел игумен со братией, исцелившийся же не знал ни игумена и ни одного из тех тридцати, имена которых назвал во время беснования. Тогда спросили его приведшие: «Кто исцелил тебя?» Он же, смотря на чудотворную икону Богородицы, сказал им: «С нею встретили нас святые отцы, – и назвал по имени тридцать числом, – и я исцелился». И знал он имена всех их, а самих старцев тех не знал ни одного. И так все вместе воздали славу Богу, и пречистой его Матери, и блаженным угодникам его.

Для того и я написал тебе, господин мой Акиндин, чтобы не покрыть тьмою неведения дивные чудеса блаженных и преподобных отцов наших, их знамения, и чудеса, и подвиги. Пусть и другие узнают святое житие преподобных отцов печерских и то, что в одно время было в монастыре том до тридцати таких мужей, которые одним словом могли изгонять бесов. К пещере же, сказал бесноватый, он не смел приблизиться из-за положенных в ней святых отцов Антония и Феодосия и прочих святых черноризцев, имена которых вписаны в книгу жизни.

Блажен сподобившийся быть положен с ними, блажен и спасен сподобившийся быть написан с ними, с ними и меня Господь да сподобит милости в день Судный молитвами твоими. Аминь.

СЛОВО 27. И О СВЯТОМ И БЛАЖЕННОМ АГАПИТЕ, БЕСКОРЫСТНОМ ВРАЧЕ

Некто из Киева, именем Агапит, постригся при блаженном отце нашем Антонии и последовал житию его ангельскому, будучи самовидцем подвигов его. Как тот, великий, скрывая свою святость, исцелял больных пищей своей, а они думали, что получают от него лечебное зелье, и выздоравливали его

молитвою, так и этот блаженный Агапит, подражая святому тому старцу, помогал больным. И когда кто-нибудь из братии заболел, он, оставив келию свою, – а в ней не было ничего, что можно было бы украсть, – приходил к болящему брату и служил ему: подымал и укладывал его, на своих руках выносил, давал ему еду, которую варил для себя, и так выздоравливал больной молитвою его. Если же продолжался недуг болящего, что бывало по изволению Бога, дабы умножить веру и молитву раба его, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, моля за него Бога беспрестанно, пока Господь не возвращал здоровье болящему ради молитвы его. И ради этого прозван он был «Целителем», потому что Господь дал ему дар исцеления. И услышали в городе, что в монастыре есть некто целитель, и многие больные приходили к нему и выздоравливали.

Был же, во времена этого блаженного, человек некий, армянин родом и верою, столь искусный во врачевании, как еще никто не бывал прежде него: только увидит он больного, сразу узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, – и не было случая, чтобы не исполнилось слово его, – и такого уже он не лечил. И один из таких больных, первый у князя Всеволода, принесен был в Печерский монастырь: армянин привел его в отчаяние, предсказав ему через восемь дней смерть. Блаженный же Агапит дал ему еды, которой сам питался, и тот выздоровел. И промчалась о нем слава по всей земле той.

Армянин же, уязвленный стрелой зависти, стал укорять блаженного и некоего осужденного на смерть послал в монастырь, повелев дать ему смертного зелья, чтобы тот, принявши яд перед монахами, пал мертвым. Блаженный же, видя, как тот умирает, дал ему монастырской пищи, и он стал здоров молитвою его, и так избавил от смерти осужденного на смерть. После этого ополчился на него иноверный тот армянин и напустил на святого Агапита единоверцев своих, чтобы они дали ему выпить смертного зелья, желая его тем зельем уморить. Блаженный же испил без вреда и никакого зла не претерпел, ибо ведает Господь, как благочестивых от смерти избавлять: «Если что смертоносное выпьют они, не повредит им; возложат они руки на больных, и те здоровы будут».

В те же дни разболелся князь Владимир Всеволодович Мономах, и усердно лечил его армянин, но безуспешно, и только усиливался недуг. Будучи уже при конце жизни, посылает князь молить игумена Печерского Ивана, чтобы он понудил Агапита прийти к нему, – он княжил тогда в Чернигове. Игумен же, призвав Агапита, велит идти в Чернигов. И сказал блаженный: «Если мне к князю идти, то и ко всем идти; нельзя мне ради людской славы за монастырские ворота выйти и нарушить свой обет, который я дал перед Богом, чтобы быть мне в монастыре до последнего вздоха. Если же ты изгонишь меня, я пойду в другое место и возвращусь после того, как минет эта беда». Никогда еще блаженный не выходил из монастыря. Посланный же князя, видя, что не хочет идти инок, стал молить его, чтобы он хотя зелья дал. И тот, будучи принужден игуменом, дал ему зелья от своей еды, чтобы дали болящему. И как только князь принял это зелье, тотчас выздоровел.

После этого, будучи в Киеве, Владимир пришел в Печерский монастырь, желая почтить инок и увидеть того, кто дал ему зелья и возвратил здоровье с помощью Божьей, – никогда он его не видал, – и хотел одарить его. Агапит же, избегая славы, скрылся. И принесенное для него золото князь отдал игумену. Потом послал Владимир к блаженному Агапиту одного из бояр своих со многими дарами. Посланный боярин нашел его в келий, и принес, и положил перед ним принесенные дары. И сказал инок: «О чадо! Никогда и ни от кого ничего не брал я, – неужели теперь губить мне дар свой ради золота, которого ни от кого не требую?» И отвечал боярин: «Отче! Знает пославший меня, что не требуешь ты награды, но, для меня, утешь сына своего, которому ты даровал, о Боге, здоровье, возьми это и раздай нищим». И отвечал ему старец: «С радостью приму ради тебя, как будто бы мне требуется. Пославшему же тебя скажи: “Все, что ты имел, было чужое, и, отходя из этого мира, ты ничего не можешь взять с собой, – раздай же теперь нуждающимся все, что имеешь, ибо ради этого избавил тебя Бог от смерти, а я ничего бы не смог сделать; и не думай послушаться меня, чтобы, как прежде, не пострадать”». И взял

Агапит принесенное золото, вынес вон из келий, бросил его, а сам скрылся. И боярин, вышедши, увидал брошенным у ворот принесенное им золото и дары, взял и отдал все игумену Иоанну, и рассказал князю о старце. И поняли все, что то истинный раб Божий. Князь же не посмел послушаться старца и все имение свое раздал нищим по слову блаженного.

После этого разболелся Агапит, и пришел посетить его армянин, о котором мы говорили прежде. И начал он беседовать с иноком о врачебном искусстве, спрашивая его, каким зельем какой недуг лечится. И отвечал блаженный: «Каким Господь подаст здоровье». Армянин понял, что он нисколько не сведущ в этом, и сказал своим: «Ничего он не знает». Потом взял его руку и сказал, что через три дня он умрет. «И это истинно, – прибавил врач, – и не изменится слово мое; если же будет не так, то я сам стану монахом».

Блаженный же с негодованием сказал ему: «Так вот в чем суть твоего врачевания: смерть мне предсказываешь, а помочь не можешь! Если ты искусен, то дай мне жизнь, а если этим не владеешь, – за что же укоряешь меня, осуждая на смерть через три дня? А меня Господь известил, что я через три месяца умру». И сказал ему армянин: «Раз сам ты уже понял, что умрешь, то никак не переживешь третьего дня», а блаженный изболел уже весь так, что сам и двинуться не мог.

В это время принесли одного больного из Киева, и Агапит встал, как будто вовсе и не болел, взял зелье, которое сам ел, и показал лекарю, говоря: «Вот целебное зелье, смотри и разумеи». Лекарь посмотрел и сказал инок: «Это не из наших зелий, думаю, что его из Александрии приносят». Посмеялся блаженный невежеству его, дал зелье больному, и тот стал здоров. Потом сказал лекарю: «Сын мой, не погневайся: убоги мы, и нечем нам угостить тебя». Армянин же сказал ему: «Теперь, отче, четыре дня этого месяца мы постимся». Блаженный же спросил его: «Кто же ты и какой веры?» Лекарь же ответил ему: «Разве ты не слыхал, что я армянин?» И сказал ему блаженный: «Как же смел ты войти, и осквернить мою келью, и держать мою грешную руку? Иди прочь от меня, иноверный и нечестивый!» Армянин, посрамленный, ушел.

Блаженный же Агапит прожил три месяца, потом, немного поболевши, отошел к Господу.

После смерти его пришел армянин в монастырь и сказал игумену: «С этих пор и я буду черноризцем, и отрекаюсь от армянской веры, и истинно верую в Господа Иисуса Христа. Явился мне блаженный Агапит, говоря: “Ты обещался принять иноческий образ, и если солжешь, то с жизнью и душой погубишь”. И так я уверовал. Но если бы этот блаженный захотел долгое время жить здесь, то Бог не взял бы его к себе из этого мира, но, принявши его, Господь даровал ему жизнь вечную, и думаю я, что отошел он от нас по своей воле, желая небесного царства, а мог бы и еще жить с нами. Так как я узнал, что жить ему не больше трех дней, – он прибавил себе три месяца; а если бы я сказал: три месяца, – он три года бы прожил. Хотя и умер он, но вселился в обители пребывающих в жизни вечной и там жив». И постригся этот армянин в Печерском монастыре, и тут кончил жизнь свою в добром исповедании.

Вот такие дела, – и больше этих, – делались теми святыми черноризцами. Вспоминая же их добродетельное житие, дивлюсь я, почему остались замолчаны великие дела святых отцов наших Антония и Феодосия? Если такое светило угасло из-за нашего небрежения, то как же воссияют от него лучи? – разумею преподобных отцов и братьев наших. Поистине, как сказал Господь: «Никакой пророк не признается в отечестве своем».

Я бы написал тебе, честной архимандрит, господин Акиндин, о прежде упомянутых святых и преподобных отцах: одних – чудотворения, иных – подвиги, других – твердое воздержание, тех – послушание, иных – прозорливость, – и все эти знамения и чудеса засвидетельствованы верою твоего черноризца, а моего господина, епископа Симона. Но иные не признают истины моих сказаний из-за величия описанных в них дел, и причина этого недоверия та, что они как грешника знают меня, Поликарпа. Но, если повелит твое преподобие написать это, я исполню, как мой ум постигнет и память припомнит. Если не пригодится тебе, то пусть останется написанное на пользу

тем, которые будут после нас, как сделал блаженный Нестор – написал в Летописи о блаженных отцах – о Дамиане, Иеремии, и Матфее, и Исакии. И в Житии святого Антония все их жития вписаны, хотя и вкратце.

Постараюсь я подробнее, чем об упомянутых черноризцах, поведать, ничего не утаивая, как и до этого делал: ведь если я умолчу и предам их забвению, то и совсем не вспомнятся имена их, как было и до сего дня. Это говорится в пятнадцатый год твоего игуменства, а за сто шестьдесят лет не вспоминали о них, и только теперь, твоей ради любви, утаенное услышалось, и память любящих Бога постоянно почитаема и хвалима, так как угодившие ему, они им и увенчаны. Для меня же величие – украшать труд их именами – это, надеюсь, оправдывает недостатки труда моего, я же только вспомнил слышанное и пересказал разысканные мною чудеса их.

Если, как сказал Господь, «радость бывает на небесах и об одном грешнике кающемся», то сколь радостнее веселие ангелов о таких праведниках, житию и славе которых достойны наследниками быть живущие на земле. Здесь о плоти не радели они, и, как бесплотные, земным пренебрегали, и все житейское за ничто вменяли, чтобы единого Христа приобрести; его одного возлюбили они, и к любви его привязались, и ему волю свою предали, чтобы чрез него приблизиться к Богу; и он здесь, на земле, в возмездие за труды их, дал им дар чудотворения, а в будущем прославит их неизреченною славою. Без Духа Святого ничто не дается человеку на земле, если не дано это свыше.

Потому и я, грешный Поликарп, покоряясь воле твоей, державный отец Акиндин, это и написал тебе. И еще расскажу тебе нечто – о блаженном и преподобном отце нашем Григории Чудотворце.

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ. СЛОВО 28

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелям. Особенное прилежание имел он к молитве, и за то получил власть над бесами, так что, находясь даже вдали от него, они вопили: «О Григорий, изгоняешь ты нас молитвою своею!» У

блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Не желая более терпеть гонений от инока, древний враг, не в силах ничем навредить ему, научил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и подстерегали старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. Но почуял Григорий приход их, – обычно он целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя посреди келий своей. Помолился он и о пришедших обокрасть его: «Боже! Дай сон рабам твоим, ибо утрудились они всею, врагу угождая». И спали они пять дней и пять ночей, до тех пор, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня? Идите теперь по домам своим». Они встали, но не могли идти, так как изнемогли от голода. Блаженный же дал им поесть и отпустилих.

Об этом узнал властитель города и велел наказать воров. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они; он пошел, отдал свои книги властителю, а воров отпустил. Остальные же книги продал, а деньги раздал убогим, говоря так: «Да не впадет кто-нибудь в беду, думая украсть их». Ведь сказал Господь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль не истребляет, ни воры не крадут. Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Воры же те, ради чуда, бывшего с ними, покаяться и более не возвращались к прежним делам своим, но, пришедши в Печерский монастырь, стали работать на братию.

Имел этот блаженный Григорий маленький палисадник, где выращивал овощи и плодовые деревья. И на это опять позарились воры, и когда, взвалив на себя ношу, хотели идти, то не смогли. И стояли они два дня неподвижно, под гнетом своей ноши, и начали они вопить: «Господин наш Григорий,пусти нас, мы покаемся в грехах своих и не сделаем больше такого!» Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они их: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Два дня и две ночи стоим мы

здесь». Монахи же сказали: «Мы все время тут ходим, но вас здесь не видали». Воры же сказали: «Если бы и мы вас видели тут, то со слезами молили бы вас, чтобы он нас отпустил. Но вот, уже изнемогши, начали мы кричать. Попросите теперь старца, чтобы он отпустил нас».

И пришел Григорий, и сказал им: «Так как вы всю жизнь свою пребывали праздными, расхищая чужие труды, а сами не хотите трудиться, то теперь стойте здесь праздно и дальше, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что больше не совершат такого греха. Старец же смиростивился и сказал: «Если хотите работать и трудом своим других кормить, то я отпущу вас». Воры клятвенно обещались: «Ни за что не ослушаемся тебя». Тогда Григорий сказал: «Благословен Бог! Отныне будете вы работать на святую братию: приносить от труда своего на нужды ее». И так отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, занимаясь огородом; потомки их, думаю я, живут еще и доньше.

В другой раз снова пришли трое неизвестных, надеясь обмануть этого блаженного. Двое из них стали молить святого, ложно говоря: «Вот это друг наш, и осужден он на смерть. Молим тебя, помоги спасти его: дай ему, чем откупиться от смерти». Заплакал Григорий от жалости, провидя, что на самом деле приспел конец жизни того, и сказал: «Горе человеку этому, ибо приспел день гибели его!» Они же сказали: «Но если ты, отче, дашь что-нибудь, то он не умрет». Говорили же они это, чтобы получить от него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказал: «Я дам, но он все равно умрет». И спросил он их: «На какую смерть осужден он?» Они отвечали: «Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Точно присудили вы ему, завтра он повесится». После этого сошел он в пещеру, где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного, и, вынеся оттуда оставшиеся книги, отдал им, сказав: «Если это вам не пригодится, то возвратите мне». Они же, взяв книги, стали смеяться, говоря: «Продадим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья, и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его».

Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инока в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его на дереве повесят, влез на верхушку дерева и начал обрывать яблоки, и ухватился он за одну ветку, а она обломилась; те двое испугались и побежали, а он, падая вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, оставленный без помощи, задушился воротом.

Григорий же был заперт и не смог прийти в церковь, на молитву со всей братией. Когда стали выходить из церкви, то все увидали висящего на дереве мертвого человека, и ужас напал на них. Стали искать Григория и нашли его в пещере запертым. Вышедши же оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль! „Бога обмануть нельзя“. Если бы вы не заперли меня, я пришел бы и снял его с дерева и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то Бог и не помиловал вас». Обманщики же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему в ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь, трудясь, свой хлеб ели они, и достанет им, чтобы и других питать от своих трудов. И так они и окончили жизнь свою, с детьми своими работая в Печерском монастыре на рабов пресвятой Богородицы и учеников святого отца нашего Феодосия.

Подобает же рассказать и о том, как претерпел блаженный муку смертную. Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю преподобный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодович, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения: он, с братом своим Владимиром, шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидали княжеские слуги старца и стали издеваться над ним, выкрикивая срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, стал говорить им: «О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите, – не угодно Богу это. Плачьте о своей гибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь

вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха Божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи – пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею?» И, рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так был он потоплен. Братия же два дня искала его и не находила; на третий же день пришли в келью его, чтобы взять оставшееся после него, и мертвый оказался в келье, связанный, с камнем на шее, одежды же его были еще мокры, лицо же светло и сам как живой. И не нашли того, кто принес его, а келья была заперта. Слава Господу Богу, творящему дивные чудеса ради угодников своих! Братья же, вынеся тело преподобного, честно положили его в пещере, и многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же не счел за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение, и побежали князья наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословию святых, переехал реку; Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском. «Каким, – сказано, – судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такую будут мерить и вам».

Подумайте как следует, обидчики, над притчей, сказанной Господом в святом Евангелии о судье немилостивом и вдове обиженной, как она часто приходила к нему и докучала ему, говоря: «Защити меня от противника моего». Говорю вам, что вскоре сотворит Господь отмщение рабам своим, ибо он сказал: «Мне отмщение, и я воздам». Говорит Господь: «Не обижайте ни одного из малых сих, ибо ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца моего небесного». Ибо праведен Господь и правду возлюбил, и праведники увидят лицо его. Что человек посеет, то и пожнет. Таково гордым отмщение, которым Господь противится, а смиренным дает благодать. Слава ему с Отцом и Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

О МНОГОТЕРПЕЛИВОМ ИОАННЕ ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 29

Все рожденные на земле первому человеку подобны образом и все равную с ним страсть приняли, ибо, увидев красоту запрещенного плода, не удержался он, и ослушался Бога, и был поработен страстями. Когда создан он был, то не имел на себе порока, как Божие создание: Господь Бог наш, взяв прах земной своими руками пречистыми и непорочными, создал человека благого и исполненного добром, но он, из грязи созданный, возлюбил земное, за наслаждениями земными погнался, и наслаждения эти овладели им, и с тех пор страсти владеют родом человеческим, и к новым наслаждениям стремятся люди, и побеждаются ими всегда.

И я один из них – побеждают меня страсти, и поработен я ими, смущают помыслы душу мою, и покоряюсь я им и неодолимое желание влечет ко греху, и нет мне подобного на земле по множеству грехов моих, в которых я и до сего часа пребываю.

Но тот один из всех обрел истину, предав себя Божьей воле и заповеди его сохранивши непорочно, в чистоте сохранил он свое тело и душу, чуждый всякой скверны плотской и духовной. Я разумею Иоанна преподобного, затворившегося в тесном месте пещеры. Там пребывал он в великом воздержании тридцать лет, многим постом обуздывая и терзая тело свое и нося на всем теле своем тяжкие вериги.

Часто приходил к нему один из братии, томимый, по действию дьявола, вожделением плотским, и просил он блаженного Иоанна молить Бога за него, чтобы избавил его от страстей и утолил похоть плотскую. И много раз приходил он с этой просьбой. Блаженный Иоанн говорил ему: «Брат, мужайся и крепись, потерпи Господа ради и старайся сохранить пути его, и он не оставит тебя в руках врагов и не предаст нас на растерзание зубов их». И отвечал брат затворнику: «Поверь мне, отче, если не облегчишь муку мою, то я покоя не найду и стану переходить с места на место». Тогда блаженный Иоанн сказал ему: «Зачем хочешь ты предать себя на съедение врагу? Уподобись ты человеку, стоящему на краю пропасти, и когда враг подойдет и внезапно толкнет его вниз, люто будет

падение его, так что не сможет он уже встать. Если же здесь останешься, в святом и блаженном монастыре сем, – подобен будешь мужу, стоящему далеко от пропасти, и враг будет стараться спихнуть тебя в нее и не сможет, пока Господь не извлечет тебя терпением твоим из рва страстей, грязной тины и утвердит на камне ноги твои. Но выслушай меня, чадо: я расскажу тебе все, что случилось со мной в юности моей.

Много страдал я, томимый нечистым желанием, и не знаю, чего только не делал я для своего спасения: по два, по три дня оставался без пищи, и так три года провел, часто и по целой неделе ничего не ел, и без сна проводил все ночи, и жаждою многою морил себя, и тяжкие вериги на себе носил, и провел я в таком злострадании года три, но и тут покоя не нашел. И пошел я в пещеру, где лежит святой отец наш Антоний, стал на молитву и молился день и ночь у гроба его. И услышал я голос его ко мне: “Иоанн, Иоанн! Нужно тебе здесь затвориться, и невидением и молчанием борьба прекратится, и Господь поможет тебе молитвами преподобных своих”. С того часа, брат, поселился я здесь, в этом тесном и скорбном месте, и вот уже тридцатый год, как я живу здесь, и только немного лет назад нашел успокоение.

Всю жизнь свою неустойчиво боролся я с помыслами плотскими. И сначала жестокой я сделал жизнь свою воздержанием в пище. И потом, не зная, что еще сделать, не в силах терпеть борьбы с плотью, задумал я жить нагим, и надел на себя вериги тяжкие, которые с тех пор и доныне остаются на теле моем, и сушат меня холод и железо. Наконец прибег я к тому, в чем и нашел пользу. Вырыл я яму, глубиною до плеч, и, когда пришли дни святого поста, вошел я в яму и своими руками засыпал себя землей, так что свободны были только руки и голова, и так, под этим тяжким гнетом, пробыл я весь пост, не в силах шевельнуть ни одним суставом, но и тут не утихли желания плоти моей. К тому же враг-дьявол страхи разные наводил на меня, чтобы выгнать меня из пещеры, и ощутил я его злодейство. Ноги мои, засыпанные землей, начали снизу гореть, так что жилы скорчились и кости затрещали, потом пламень достиг до утробы, и загорелись члены мои, я же забыл

лютую ту боль и порадовался душою, что она очистит меня от такой скверны, и желал лучше весь сгореть в огне том, Господа ради, нежели выйти из ямы той. И вот увидел я змея, страшного и свирепого, который хотел всего меня пожрать, дыша пламенем и обжигая меня искрами. И так много дней мучил он меня, чтобы прогнать из пещеры. Когда же наступила ночь Воскресения Христова, вдруг напал на меня лютый тот змей и пастью своей ухватил голову и руки мои, и опалились у меня волосы на голове и бороде, как ты можешь видеть и теперь. Я же в пасти змея того уже был и возопил из глубины сердца своего: “Господи Боже, Спаситель мой! Зачем ты меня оставил? Сжался надо мной, Владыка, так как ты единственный человеколюбец. Спаси меня, грешного, единый Боже безгрешный! Избавь меня от скверного беззакония моего, да не увязну в сети вражеской во веки веков! Избавь меня от зубов врага сего! Вот он, рыкая как лев, ходит, желая меня поглотить. Воздвигни силу свою и прийди, чтобы спасти меня! Блесни молнией своей и прогони его: пусть исчезнет он от лица твоего!” И когда я окончил молитву, вдруг блеснула молния, и лютый тот змей исчез от меня, и после того я не видел его и доныне.

Тогда свет божественный, как солнце, осиял меня, и услышал я голос, говоривший мне: “Иоанн, Иоанн! Вот тебе помощь, прочее же от тебя зависит: следи за собой, чтобы не было с тобой чего-нибудь горше, и не пострадать бы тебе в будущем веке”. Я же поклонился и сказал: “Господи! Зачем же оставил ты меня в такой злой муке?” И отвечал мне, говоря: “По мере силы терпения твоего я навел на тебя искушение, чтобы ты очистился чрез него, как золото в огне. Господь не посылает человеку испытания выше силы, чтобы он не изнемог, но, как хозяин, рабам крепким и сильным тяжкие и большие дела поручает, немощным же и слабым определяет малые и легкие. Знай же вот что: при борьбе с плотской страстью, о которой ты молишься, молись лежащему против тебя мертвецу, чтобы он облегчил тебя от блудной брани; сей более Иосифа сделал и может помогать сильно страждущим такую страстью”. Я же, не зная имени, начал взывать: “Господи, помилуй меня!” Уже потом узнал я, что это Моисей, венгр родом.

И пришел на меня свет неизреченный, в котором и ныне пребываю, и не имею нужды в свече ни ночью, ни днем, да и все достойные, приходя ко мне, наслаждаются этим светом и ясно видят утешение его, осветившего мне ночь, ради надежды на свет будущий. Мы погубили ум свой плотолюбием, и творящий праведное Христос посылает страсть на нас, погрязших в грехе, чтобы нас испытать. Но, брат мой, я говорю тебе: «Помолись этому преподобному Моисею, и он поможет тебе»».

И взявши одну кость от мощей его, Иоанн подал ее брату и сказал: «Приложи ее к телу своему». Тот сделал так. И тотчас утихла страсть, и омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения. И возблагодарили они вместе Бога, прославляющего святых своих, угодивших ему при жизни, и по смерти наградил он их даром исцеления и венцами нетления украсил, и царства своего сподобил. Слава ему с Отцом и Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков.

О ПРЕПОДОБНОМ МОИСЕЕ УГРИНЕ. СЛОВО 30

Вот что известно об этом блаженном Моисее Угине, которого любил святой Борис. Был он родом венгр, брат того Георгия, на которого святой Борис надел гривну золотую и которого убили со святым Борисом на Альте и отрубили голову из-за золотой гривны. Этот же Моисей один избавился тогда от гибели, избежав горькой смерти, и пришел он к Предславе, сестре Ярославовой, и оставался там. И так как в то время нельзя было никуда пойти, он, крепкий душою, оставался здесь и пребывал в молитве к Богу до тех пор, пока благочестивый князь наш Ярослав, побуждаемый горячей любовью к убитым братьям, не пошел на их убийцу и не победил безбожного, и жестокого, и окаянного Святополка. Но тот бежал в Польшу, и пришел опять с Болеславом, и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве. Болеслав же, возвращаясь в Польшу, захватил с собой обеих сестер Ярославовых и многих бояр его; с ними же вели и этого блаженного Моисея, закованного по рукам и по ногам в железа тяжкие, и крепко стерегли его, потому что он был крепок телом и прекрасен лицом.

И увидела его одна знатная женщина, красивая и молодая, имевшая богатство большое и власть. И поразились она красоте этого юноши, и уязвилось сердце ее вожделением, и захотела она склонить к тому же преподобного. И стала она увещевать его лъстивыми словами, говоря: «Юноша, зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий». Моисей же отвечал ей: «Богу так угодно». Она же сказала ему: «Если мне покоришься, я избавлю тебя и сделаю великим во всей Польской земле и будешь ты владеть мною и всеми поместьями моими».

Уразумел блаженный вожделение ее нечистое и сказал ей: «Когда какой муж, взявши женщину и покоровшись ей, спасся? Адам первозданный покорился женщине и из рая изгнан был. Самсон, превзойдя всех силою и всех врагов одолев, после женщиной предан был иноплеменникам, И Соломон постиг глубину премудрости, а, повинувшись женщине, идолам поклонился. И Ирод многие победы одержал, поработившись же женщине, Иоанна Предтечу обезглавил. Как же я, свободный, сделаюсь рабом женщины, если я со дня рождения своего с женщинами не сближался?» Она же сказала: «Я тебя выкуплю, сделаю знатным, господином над всем домом моим поставлю, и будешь ты мужем моим, только исполни мою волю: утоли вожделение души моей и дай мне красотой твоей насладиться. Для меня довольно твоего согласия, не могу я перенести, что гибнет даром твоя красота, и сердечный пламень, сжигающий меня, утихнет. И перестанут мучить меня помыслы, и успокоится страсть моя, а ты насладишься моей красотой и будешь господином всему богатству моему, наследником моей власти, старшим между боярами». Блаженный же Моисей сказал ей: «Твердо знай, что не исполню я воли твоей; я не хочу ни власти твоей, ни богатства, ибо для меня лучше всего этого душевная чистота, а более того – телесная. Не пропадут для меня втуне те пять лет, которые Господь даровал мне претерпеть в оковах этих. Не заслужил я таких мук и потому надеюсь, что за них избавлен буду мук вечных».

Когда женщина эта увидела, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушению, пришла к такой мысли: «Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне». И послала она к владельцу юноши, чтобы тот взял у нее денег, сколько хочет, только продал бы ей Моисея. Он же, видя подходящий случай для приобретения богатства, взял у нее около тысячи от имения и уступил Моисея ей. И насильно без всякого стыда повлекли его на дело нечестивое. Получив власть над ним, эта женщина велит ему сочетаться с собой, она освобождает его от оков, в многоценные одежды одевает, сладкими кушаньями кормит, объятиями и любовными обольщениями понуждает его утолить ее страсть.

Преподобный же, видя неистовство женщины этой, стал еще прилежнее молиться и изнурять себя постом, предпочитая лучше, Бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистотою, нежели многоценное кушанье и вино со скверною. И не только одну сорочку, как Иосиф, совок он с себя, но и всю одежду сбросил, избегая греха, и ни во что вменил жизнь здешнего мира; и в такую ярость привел он эту женщину, что хотела она голодом уморить его.

Но Бог не оставляет рабов своих, надеющихся на него. Он преклонил на милость одного из слуг женщины той, и тот тайно давал Моисею пищу. Другие же увещевали преподобного, говоря: «Брат Моисей! Что мешает тебе жениться? Ты еще молод, а эта вдова, прожившая с мужем только один год, прекраснее многих других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Польше; если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы ею не погнушался; а ты, пленник и невольник женщины этой, господином ее стать не хочешь! Если же скажешь: «Не могу преступить заповеди Христовой», то не говорит ли Христос в Евангелии: «Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут оба единой плотью, так что они уже не двое, а одна плоть». И апостол говорит: «Лучше вступить в брак, нежели разпалиться»; вдовам же велит вступать во второй брак. Зачем же ты, когда ты не инок и свободен, предаешь себя на злые и горькие муки, чего ради страдаешь? Если придется тебе

умереть в беде этой, какая тебе похвала будет? Да и кто же от первых людей доныне гнушался женщины, кроме монахов? Авраам, Исаак, Иаков? И Иосиф сначала победил женскую любовь, а потом и он женщине покорился. И ты, если теперь жив останешься, все равно же потом женишься, и кто тогда не посмеется твоему безумию? Лучше тебе покориться женщине этой и стать свободным, и господином быть всему».

Он же отвечал им: «Ей, братья и добрые друзья мои, добрые вы мне советы даете! Понимаю я, что слова ваши лучше тех, что нашептывал змей в раю Еве. Вы убеждаете меня покориться этой женщине, но я никак не приму вашего совета. Если и придется умереть мне в этих оковах и страшных муках – знаю я, что за это от Бога милость приму. Пусть все праведники спаслись с женами, я один грешен и не могу спастись с женой. Ведь если бы Иосиф покорился жене Потифара, то не царствовал бы он после: Бог, видя стойкость его, даровал ему царство; за то и прошла слава о нем в поколениях, что остался целомудренным, хотя и детей прижил. Я же не Египетского царства хочу и не власти, не хочу быть великим между поляками и почитаемым во всей Русской земле сделаться, – ради вышнего царства я всем этим пренебрег. Если же я живой избавлюсь от руки женщины этой, то монахом стану. А что в Евангелии Христос говорит? “Всякий, кто оставит отца своего, и мать, и жену, и детей, и дом, тот есть мой ученик”. Христа ли мне больше слушаться или вас? Апостол же говорит: “Женатый печется о том, как угодить жене, а неженатый думает, как угодить Богу”. Спрошу я вас: кому больше следует служить – Христу или жене? “Рабы должны повиноваться господам своим на благое, а не на злое”. Пусть же будет известно вам, заботящимся обо мне, что никогда не прельстит меня красота женщины, никогда не отлучит от любви Христовой».

Услыхала об этом вдова и, затаив в сердце лукавый помысел, повелела предоставить Моисею коней и в сопровождении многочисленных слуг возить его по городам и селам, принадлежащим ей, сказав ему: «Тут все, что тебе угодно, – твое; делай со всем этим что хочешь». Людям же говорила: «Это господин ваш, а мой муж, встречая его,

кланяйтесь ему». А в услужении у ней было множество рабов и рабынь. Посмеялся блаженный безумию этой женщины и сказал ей: «Всуче трудишься: не можешь ты прельстить меня тленными вещами мира сего, ни отнять у меня духовного богатства. Пойми это, не трудись всуче».

Она же сказала ему: «Или ты не знаешь, что ты мне продан, кто избавит тебя от рук моих? Я ни за что тебя живого не отпущу; после многих мук смерти тебя предам». Он же без страха отвечал ей: «Не боюсь я того, что ты говоришь; но на предавшем меня тебе больше греха. Я же отныне, если Богу угодно, стану иноком».

В те дни пришел один инок со Святой Горы, саном иерей; по наставлению Божию, пришел он к блаженному, и облек его в иноческий образ, и, много поучив его о чистоте, о том, как избавиться от этой скверной женщины, чтобы не предать себя во власть врага, он ушел от него. Стали искать его и нигде не нашли.

Тогда женщина эта, потеряв всякую надежду, подвергла Моисея тяжким истязаниям: распластав его, повелела бить палками, так что и земля напилалась кровью. Избивая его, говорили ему: «Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если не послушаешься, то на куски раздробим тело твое; не думай, что избежишь этих мучений; нет, после многих мук горькой смертью умрешь. Помилуй сам себя, сбрось эти измочаленные рубища и надень многоценные одежды, избавь себя от ожидающих тебя мук, пока мы еще не начали терзать тело твое». И отвечал Моисей: «Братья, повеленное вам исполнять – исполняйте, не медлите. А мне уже никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви Божией. Никакие истязания, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить меня от Бога и от великого ангельского образа. А эта бесстыдная и безумная женщина показала свое бесстыдство, не только не побоявшись Бога, но и человеческий срам презревши, без стыда принуждая меня к осквернению и прелюбодеянию. Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной!»

Много думая о том, как отомстить за свой позор, женщина эта посылает к князю Болеславу, так говоря: «Ты сам знаешь,

что муж мой убит в походе с тобою, и ты дал мне волю выйти замуж за кого захочу. Я же полюбила одного прекрасного юношу из твоих пленников, и, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла его в свой дом, и все, что было у меня, – золото, серебро и всю власть свою, – даровала ему. Он же все это ни во что вменил. Много раз и ранами и голодом томила я его, но ему и того мало. Пять лет пробыл он в оковах у пленившего его, у которого я его выкупила; и вот шестой год находится у меня и за свое непослушание много мук принял от меня, которые сам на себя навлек из-за непреклонности сердца своего; а теперь какой-то черноризец постриг его в монахи. Что повелишь ты мне сделать с ним, то я и сделаю».

Князь велел ей приехать к себе и Моисея привезти с собою. Она же пришла к Болеславу и Моисея привела с собою. Увидав преподобного, Болеслав долго принуждал его взять за себя эту вдову, не уговорил и сказал ему: «Можно ли быть таким бесчувственным, как ты; стольких ты благ и какой чести лишаешь себя и отдаешься на горькие муки! Отныне да будет тебе ведомо, что жизнь или смерть ожидают тебя: если волю госпожи своей исполнишь, то от нас в чести будешь и великую власть примешь, если ослушаешься, то после многих мук смерть примешь». Ей же сказал: «Пусть никто из купленных тобою пленных не будет свободен, но делай с ними, что хочешь, как госпожа с рабами, чтобы и прочие не дерзали ослушаться господ своих».

И ответил Моисей: «А что говорит Бог: “Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит, или какой выкуп даст человек за душу свою?” Что ты мне обещаешь славу и честь, которых сам ты скоро лишишься, и гроб примет тебя, ничего не имеющего! И эта скверная женщина жестоко убита будет». Так потом и было, как предсказал преподобный.

Женщина же эта, приобретя над ним еще большую власть, бесстыдно влекла его на грех. Однажды велела она насильно положить его на постель с собою, целовала и обнимала его; но и этим соблазном не смогла привлечь его к себе. Блаженный же сказал ей: «Напрасен труд твой, не думай, что я безумный или

что не могу этого дела сделать: я, ради страха Божия, тебя гнушаюсь, как нечистой». Услышав это, вдова приказала давать ему по сто ударов каждый день, а потом велела обрезать тайные члены, говоря: «Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие». И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеслав же, из-за прежней любви к этой женщине, потакая ей, воздвиг великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из земли своей. Но Бог скоро отомстил за рабов своих. Однажды ночью Болеслав внезапно умер, и поднялся великий мятеж во всей Польской земле: восставший народ побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда и эту вдову убили.

Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к святой Богородице, в святой Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и воин Христов. И Господь даровал ему силу против страстей.

Некто из братии, одержимый плотской страстью, пришел к этому преподобному и молил его помочь ему, говоря: «Даю обет сохранить до смерти все, что ты велишь мне». Блаженный же сказал ему: «Никогда за всю свою жизнь ни с одной женщиной не говори ни слова». Он же с любовью обещался исполнить это. У святого же в руке был посох, без которого он не мог ходить от тех ран, ударил он им в лоно пришедшего к нему брата, и тотчас омертвели члены его, и с тех пор не было искушения этому брату.

О том, что случилось с Моисеем, записано и в Житии святого отца нашего Антония, так как во времена святого Антония пришел блаженный; и скончался он о Господе в добром исповедании, пробыв в монастыре десять лет, а в плену страдал пять лет в оковах, шестой же год за чистоту.

Я упомянул и об изгнании чернецов из Польши за пострижение преподобного, предавшегося Богу, которого он возлюбил. Об этом рассказано в Житии святого отца нашего Феодосия. Когда святой отец наш Антоний был изгнан князем Изяславом из-за Варлаама и Ефрема, жена князя, полячка, удерживала его от этого, говоря: «И не думай поступать так. То же было некогда в нашей земле: некоей ради вины изгнаны

были черноризцы из пределов земли нашей, и великое зло тогда сделалось в Польше!» Из-за Моисея это произошло, как уже прежде написали о Моисее Угрии и Иоанне Затворнике, о том, что сделал чрез них Господь во славу свою, прославляя их за терпение, и дарами чудотворения наделил их. Слава ему ныне, и присно, и во веки веков.

О ПРОХОРЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ ИЗ ТРАВЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ЛЕБЕДА, МОЛИТВОЮ ДЕЛАЛ ХЛЕБЫ, А ИЗ ПЕПЛА СОЛЬ. СЛОВО 31

Такова воля человеколюбца Бога о своем творении: во все времена и лета заботится он о роде человеческом и дарует ему полезное. Ожидая нашего покаяния, наводит он на нас иногда голод, иногда рати за междоусобные распри властелина. Этим Владыка наш направляет человеческое нерадение к добродетели, напоминая суть неподобных дел, ибо делающие злые и неподобные дела преданы будут злым и немилостивым властелинам за грехи свои, но и те не избегнут суда: суд бывает без милости тому, кто сам не творит милости.

Произошло это во дни княжения Святополка в Киеве. Много насилий делал людям Святополк, без вины искоренил до основания семьи многих знатных людей и имение у них отнял. И за то попустил Господь взять поганым силу над ним: и много тогда было войн с половцами. К тому же были в те времена убоицы и голод сильный, и во всем была скудость великая в Русской земле.

В те дни пришел некий человек из Смоленска к игумену Иоанну, желая стать иноком; игумен постриг его и назвал Прохором. Этот черноризец Прохор предал себя на послушание и такое безмерное воздержание, что отказался даже от хлеба. Он собирал лебеду, растирал ее своими руками, делал из нее хлеб и этим питался. И заготавливал он себе ее на год, а на следующее лето собирал новую, и так довольствовался он лебедой вместо хлеба всю жизнь свою.

И Господь, видя терпение его и великое воздержание, превратил ему горечь ту в сладость, и была ему радость после печали, по сказанному: «Вечером водворяется плач, а наутро радость». И ради этого прозвали его Лебедником, потому что,

как сказано выше, никогда он не вкушал ни хлеба, кроме просфоры, ни овощей никаких, ни напитков, но только лебеду. И не роптал он никогда, но всегда служил Господу с радостью. И не страшился он никогда никаких бед, потому что жил как птица: не приобретал ни сел, ни амбаров, где бы хранить добро свое. Он не говорил, как тот богач: «Душа, много добра лежит у тебя на многие годы: ешь, пей, веселись!» Не имел он ничего, кроме лебеды, да и ту приготавливал только на один год, говоря себе: «Человече! В эту ночь возьмут от тебя душу твою ангелы, так кому же останется приготовленная тобой лебеда?» Он на деле исполнил слово Господа, который сказал: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их». Подражая им, преподобный Прохор легко проходил путь до того места, где росла лебеда, и оттуда на своих плечах, как на крыльях, приносил ее в монастырь и приготавливал себе в пищу: на непаханой земле несеяный хлеб был ему.

Настал великий голод, и смерть из-за голода нависла над всеми людьми; блаженный же продолжал дело свое, собирая лебеду. Увидев его, собирающим лебеду, один человек и сам стал собирать лебеду для себя и для домашних своих, чтобы пропитаться ею в голодное время. Блаженному же тогда пришлось гораздо больше собирать лебеды на пищу, и принял он на себя в те дни еще больший труд: собирая это зелье и, как я уже говорил, растирая его своими руками, делал из него хлебы и раздавал их неимущим и от голода изнемогающим. Многие приходили к нему в это голодное время, и он всех оделял этими хлебами, и сладкими, как с медом, казались они всем; и никому так настоящего хлеба не хотелось, как руками этого блаженного приготовленного из дикого зелья. И если он сам давал с благословением, то светел, и чист, и сладок бывал его хлеб; если же кто брал тайком, то оказывался хлеб горек, как полынь.

Некто из братии потихоньку украл хлеб и не мог его есть, потому что в его руках он сделался как полынь и без меры горьким. И так повторялось не раз. Но стыдился брат, от срама не мог открыть блаженному своего согрешения. Однако будучи

голоден, не стерпев естественной нужды и видя смерть пред глазами своими, пришел он к Иоанну-игумену и, прося прощения за свое согрешение, рассказал ему о случившемся. Игумен не поверил рассказанному и, чтобы узнать, подлинно ли это так, велел другому брату сделать то же: взять хлеб тайно. Принесли хлеб, и оказалось то же, что говорил укравший брат: никто не мог есть его от горечи. Держа этот хлеб в руках, игумен послал попросить хлеб у блаженного. «Один хлеб, – сказал он, – возьмите из рук его, а другой хлеб, уходя от него, украдите». Когда принесли эти хлебы, украденный изменился пред всеми и сделался как сухая земля, и был горек, как и первый, а хлеб, взятый из рук блаженного, – светел и сладок, как мед. После такого чуда повсюду прошла слава об этом муже, и многих голодных прокормил он, и многим был полезен.

Когда Святополк, в союзе с Владимиром и самим Васильком, пошел ратью на Давыда Игоревича в отместку за Василька, которого ослепил он, подстрекаемый Давыдом Игоревичем, не стали пускать ни купцов из Галича, ни людей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле. Наступило трудное время, начались незаконные грабежи, как сказал пророк: «Съедающие народ мой, как едят хлеб не призывающие Господа». И были все люди в великой печали, изнемогли от голода и от войны, не имели ни пшеницы, ни даже соли, чем бы преодолеть скудость свою.

Блаженный Прохор тогда имел уже келью свою; и собрал он к себе из всех келий множество пепла, но так, что никто не знал, и раздавал его приходящим к нему, и для всех, по молитве его, делался он чистой солью. И чем больше он раздавал, тем больше у него становилось. И ничего не брал за это, а всем даром давал, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мирские люди приходили к нему и обильно брали, сколько кому требовалось для дома своего. Торжище опустело, а монастырь был полон приходящими за солью. И пробудило это зависть у продавцов соли, потому что не получили они, чего желали. Они думали приобрести в это время большой барыш от соли, и впали они в великую печаль: то, что они прежде продавали по дорогой цене,

за куну – две меры, теперь же, за ту же цену, и десяти мер никто не брал.

И собрались все, продававшие соль, пришли к Святополку и стали наущать его против инок, говоря: «Прохор, чернец Печерского монастыря, отнял у нас богатства много: дает соль всем приходящим к нему безотказно, и мы от того обнищали». Князь же, хотя им угодить, и о другом про себя подумал: между ними прекратить ропот, а себе богатство приобрести. Обдумав это, решил он со своими советниками, что цена на соль будет высокая и, отнявши у инок, сам будет продавать ее. Крамольников этих он успокоил, сказав: «Ради вас пограблю чернеца», а сам таил мысль о приобретении богатства себе. Он хотел хотя бы немного угодить им и только больше вреда сделал: ибо зависть никакой пользы принести не может.

Послал князь взять всю соль у инок. Когда привезли соль, князь с теми крамольниками, которые наущивали его против блаженного, пошел посмотреть ее, и увидели все, что перед глазами их пепел. Сильно удивились все, – что бы это значило? – и недоумевали. Желая узнать доподлинно, в чем дело, князь велел хранить ее три дня. И повелел он одному человеку отведать, и оказался пепел в устах у того.

Как обычно, множество народа продолжало приходить к блаженному, желая получить соль, и, узнав, что старец ограблен, возвращалось с пустыми руками, проклиная сделавшего это. Блаженный же им сказал: «Когда выбросят ее, тогда идите и заберите себе». Князь продержал ее три дня, потом велел ночью выбросить ее. Высыпали пепел, и он сразу же превратился в соль. Горожане же, узнавши об этом, пришли и разобрали соль.

От такого дивного чуда пришел в ужас сделавший насилие: не мог он скрыть происшедшего, потому что свершилось это на глазах всего города, и стал князь выпытывать, что бы это значило. Тогда рассказали князю и о другом чуде, которое сотворил блаженный, кормя лебедой множество народа, и в устах их она становилась хлебом сладким; когда же некоторые брали хлеб без его благословения, то оказывался он как сухая земля и на вкус горек, как полынь. Услышавши это, устыдился

князь содеянного им, пошел в монастырь к игумену Иоанну и покался перед ним. Прежде же он питал к нему ненависть из-за того, что игумен обличал его за ненасытную жадность к богатству и за чинимые насилия. Святополк тогда схватил его и заточил в Туров; но поднялся на него Владимир Мономах, и Святополк, испугавшись гнева его, скоро с честью возвратил игумена в Печерский монастырь.

Теперь же, ради такого чуда, воспылал князь великой любовью к обители святой Богородицы и к святым отцам Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора он с этих пор сильно почитал и восхвалял, так как убедился, что он воистину раб Божий. И дал он слово Богу не делать более никому насилия. И старцу князь дал крепкое слово, сказав: «Если по изволению Божию я прежде тебя отойду из света сего, то ты своими руками в гроб положи меня, и да явится в этом твое беззлобие ко мне; если же ты прежде меня представишься и пойдешь к неподкупному Судии, то я на плечах своих в пещеру внесу тебя, чтобы Господь подал мне прощение в великом грехе моем перед тобой». Сказав это, князь пошел от него.

Блаженный же Прохор еще много лет прожил в добром исповедании, богоугодным, чистым и непорочным житием. И вот разболелся святой, а князь в это время на войне был. Тогда святой извещение послал к нему, говоря: «Приблизился час исхода моего из тела; прийди, если хочешь, да простимся с тобой, и исполнишь обещание свое – своими руками положишь меня в гроб и прощение примешь от Бога. Я только ожидаю твоего прихода, и если помедлишь, я отойду; и не опасайся – война окажется для тебя успешной, если ты придешь ко мне». Услышав это, Святополк тотчас же воинов распустил и пришел без промедления к блаженному. Преподобный же долго наставлял князя о милостыне, и о будущем суде, и о вечной жизни, и о бесконечной муке, потом дал ему благословение и прощение, простился со всеми, бывшими с князем и, подняв руки к небу, испустил дух. Тогда князь, взяв святого старца, отнес его в пещеру и своими руками в гроб положил.

После погребения блаженного он пошел на войну, и великую победу одержал над противными агарянами, и покорил

всю землю их. Это была Богом дарованная победа в Русской земле, предсказанная преподобным.

С тех пор Святополк, шел ли на войну или на охоту, всегда приходил в монастырь с благодарением, поклонялся святой Богородице и гробу Феодосиеву, потом входил в пещеру к святому Антонию и блаженному Прохору и, всем преподобным отцам поклонившись, шел в путь свой. И процветало оберегаемое Богом княжение его. Сам будучи свидетелем, он открыто возвещал о чудесах и знамениях преславного Прохора и других преподобных, да получим и мы все с ними милость о Христе Иисусе, Господе нашем, слава ему с Отцом и со Святым Духом ныне и присно.

О ПРЕПОДОБНОМ МАРКЕ ПЕЩЕРНИКЕ, ПОВЕЛЕНИЙ
КОТОРОГО МЕРТВЫЕ СЛУШАЛИСЬ. СЛОВО 32

Мы, грешные, подражаем писаниям древних святых, где они нам изъяснили то, что с великим трудом обрели в пустынях, и в горах, и в ущельях; одних сами видели жития, и чудеса, и деяния, о других, до них бывших, лишь слышали и поведали отцы, сложив Патерик Печерский, а мы, читая его, наслаждаемся теми духовными словами.

Я же, недостойный, и разума истины не постиг и ничего такого не видел, а последую слышанному мной; то, что мне рассказал преподобный епископ Симон, то я и написал твоему преподобию. И никогда не обходил я святых мест, не видел ни Иерусалима, ни Синайской горы и не могу приложить чего-нибудь к повести для прикрасы, как это в обычае у хитрословесников. Я не буду хвалиться ничем, кроме этого святого монастыря Печерского и бывшими в нем черноризцами, их житием и чудесами, которые поминаю, радуясь, и уповаю я, грешный, на молитву тех святых отцов. Отсюда положу начало повести о преподобном Марке Пещернике.

Этот святой Марко жил в пещере, при нем перенесен был святой отец наш Феодосий из пещеры во святую и великую церковь. Этот преподобный Марко много могил в пещере своими руками выкопал, вынося землю на своих плечах, и так трудился он днем и ночью для дела Божия. Выкопал он много

могил на погребение братии и ничего не брал за это, а если же кто сам что-нибудь давал ему, он принимал и раздавал убогим.

Однажды копал он, по обычаю, и, много трудившись, изнемог, и оставил могилу узкой и не расширенной. Случилось же, что один больной брат отошел к Господу в этот день, и не было другой могилы, кроме той – тесной. Принесли мертвого в пещеру и от тесноты едва уложили его. И стала братия роптать на Марка, потому что нельзя было ни одежд поправить на мертвом, ни даже елея на него возлить, так узка была могила. Пещерник же со смирением кланялся всем, говоря: «Простите меня, отцы, за немощью не dokonчил». Они же еще больше стали укорять его. Тогда Марко сказал мертвому: «Так как тесна могила эта, брат, соберись с силами и сам возьми елей и возлей на себя». Мертвый же, приподнявшись немного, протянул руку, взял елей и возлил себе крестообразно на грудь и на лицо, потом отдал сосуд и перед всеми сам оправил на себе одежды, лег и снова умер. И когда произошло это чудо, охватил всех страх и трепет от свершившегося.

Потом другой брат, после долгой болезни, умер. Некто из друзей его отер тело губкой и пошел в пещеру посмотреть могилу, где будет лежать тело друга его, и спросил он о ней блаженного. Преподобный же Марко ответил ему: «Брат, пойди, скажи брату: “Подожди до завтра, я выкопаю тебе могилу, тогда и отойдешь от жизни на покой”». Пришедший же брат сказал ему: «Отче Марко, я уже губкой отер мертвое тело его, кому мне велишь говорить?» Марко же опять сказал: «Видишь, могила не dokonчена. И как велю тебе, иди и скажи умершему: “Говорит тебе грешный Марко: брат, поживи еще этот день, а завтра отойдешь к возлюбленному Господу нашему. Когда я приготовлю место, куда положить тебя, то пришлю за тобой”».

Послушался пришедший брат преподобного, и когда пришел в монастырь, то нашел братию совершающей обычное пение над умершим. Он же, став пред мертвым, сказал: «Говорит тебе Марко, что не приготовлена еще для тебя могила, брат, подожди до завтра». Удивились все словам таким. Но только что произнес их пред всеми пришедший брат, тотчас мертвый открыл глаза и душа его возвратилась в него, весь тот

день и всю ночь пробыл он с открытыми глазами, но никому ничего не говорил.

На другой день тот брат, который ходил к Марку, пошел в пещеру, чтобы узнать, готово ли место. Блаженный же сказал ему: «Пойди и скажи умершему: “Говорит тебе Марко – оставь эту временную жизнь и перейди в вечную, вот уже место готово для принятия тела твоего, предай Богу дух свой, а тело твое положено будет здесь, в пещере, со святыми отцами”». Когда пришла вся братия, сказали это ожившему, и тот пред всеми, пришедшими посетить его, тотчас сомкнул глаза и испустил дух. И положили его честно, в предназначенном ему месте в пещере. И дивились все такому чуду: как по одному слову блаженного ожил мертвец и по повелению его снова преставился.

Были еще два брата в том же великом монастыре Печерском, с юности связанные сердечной любовью, имели одни мысли и одни желания, обращенные к Богу. И умолили они блаженного Марка, чтобы сделал он им общую могилу, где бы лечь вместе, когда Господь повелит.

Спустя долгое время Феофил, старший брат, отлучился куда-то по надобности; меньшой же разболелся и отошел на покой, в иную жизнь, и его положили в приготовленном месте. Через несколько дней возвратился Феофил. Узнавши о брате, он сильно горевал и, взяв с собой некоторых из иноков, пошел в пещеру посмотреть, где и на каком месте положен умерший. Увидав же, что его положили на верхнем месте, вознегодовал и роптал много на Марка, говоря: «Зачем ты положил его здесь? Я старше его, а ты положил его на моем месте». Пещерник же, человек смиренный, кланяясь ему, говорил: «Прости меня, брат, согрешил я перед тобой». И, промолвив это, сказал умершему: «Брат, встань и дай место неумершему брату, а сам ляг на нижнем месте». И вдруг по слову преподобного встал мертвец и лег на нижнем месте на глазах у всех пришедших. И видели все чудо страшное и полное ужаса.

Тогда брат, роптавший и сердившийся на блаженного за то, как он положил умершего брата, припал к ногам Марка, говоря ему: «Отче Марко, согрешил я, подняв брата с места. Молю

тебя: вели ему опять лечь на своем месте». Блаженный же сказал ему: «Господь пресек вражду между нами. Он сделал это из-за твоего роптания, чтобы ты не враждовал вечно и не хранил злобу на меня. Вот и бездушное тело показывает любовь к тебе, почитая и по смерти твое старшинство. Я хотел, чтобы ты, не выходя отсюда, воспользовался своим старшинством, и теперь же положен был бы здесь, но так как ты еще не готов к исходу, то иди, позаботься о своей душе, и через несколько дней сюда принесен будешь. Воскрешать же мертвых есть дело Божие, а я человек грешный. И этот мертвец, боясь твоей обиды и укоров мне, которые он не стерпел бы от тебя, оставил тебе половину места, приготовленного для вас обоих. Бог может поднять его, а я не могу сказать умершему: “Встань”, а потом: “Опять ляг на верхнем месте”. Вели ему ты и скажи – может быть, тебя послушается, как теперь». Услышав это, Феофил стал сильно скорбеть от таких страшных слов Марковых и думал, что тут и упадет мертвым, не зная, дойдет ли до монастыря.

И когда пришел он в свою келью, то охватил его плач неутешный. Раздал все до последней рубашки, оставив себе только одну свитку да мантию, и стал ожидать часа смертного. И никто не мог его остановить от горького плача, и никто никогда не мог принудить его принять сладкой пищи. Когда наступал день, говорил он сам себе: «Не знаю, доживу ли до вечера»; приходила ночь, и он плакал и говорил: «Что мне делать, если доживу я до утра? Многие ведь, встав утром, не доживали до вечера, ложились на ложах своих и уже не вставали с них; как же быть мне, получившему извещение от преподобного, что скоро кончится жизнь моя?» И он молил Бога со слезами дать ему время на покаяние.

Так проводил он каждый день, изнуряя себя голодом, и молясь, и плача, все время ожидая дня и часа смертного. В этом ожидании разлучения с телом до того истомил он плоть свою, что можно было счесть все его кости. Многие хотели утешить его, но только доводили до большего рыдания. Наконец от многих слез ослепли очи его; и так проводил он все

дни жизни своей в великом воздержании, угождая Богу добрым житием.

Преподобный же Марко, узнав о часе отшествия своего к Господу, призвал Феофила и сказал ему: «Брат Феофил, прости меня, что я огорчил тебя на много лет! Вот я отхожу из мира этого, молись обо мне; если же я получу милость у Бога, то не забуду тебя, да сподобит нас Господь свидеться там и быть вместе с отцами нашими Антонием и Феодосией». С плачем отвечал ему Феофил, говоря: «Отче Марко, зачем ты меня оставляешь? Или возьми меня с собой, или дай мне прозрение». Марко же сказал ему: «Брат, не скорби, потому что Бога ради ослеп ты очами телесными, но духовными на разумение его прозрел. Я, брат, был виною твоей слепоты: предсказав тебе смерть, хотел я сделать душе твоей пользу и высокоумие твое на смирение обратить, ибо сердца сокрушенного и смиренного Бог не отвергнет». Феофил же сказал ему: «Я знаю, отче, что за грехи мои я пал бы мертвый перед тобой в пещере, когда ты мертвеца поднял, но Господь, ради святых твоих молитв, даровал мне жизнь, покаяния моего ожидая. Теперь же вот чего прошу у тебя: или с тобой отоюду к Господу, или даруй мне прозрение». Марко же сказал: «Нет тебе нужды видеть маловременный свет этот, проси у Господа, чтобы там увидеть славу его; и смерти не желай: придет, хотя бы ты и не хотел. Но вот тебе знамение твоего отшествия: за три дня до преставления своего ты прозришь, и так отойдешь к Господу, и увидишь там свет нескончаемый и славу неизреченную». Сказав это, блаженный Марко преставился о Господе, и был положен в пещере, где сам себе вырыл могилу.

Разлука с отцом Марком уязвила сердце Феофила и удвоила его рыдания; целые источники слез проливал он, и слезы его все умножались. Он имел сосуд, и, когда становился на молитву и приходили ему слезы, он ставил сосуд и над ним плакал; и за много лет наполнил его слезами, потому что всякий день ожидал исполнения пророчества преподобного.

Когда же почувствовал он свою кончину, то стал прилежно молиться Богу, чтобы угодны были слезы его пред ним, и, воздев руки к небу, стал молиться, так говоря: «Владыко

человеколюбец, Господи Иисусе Христе, Царь мой пресвятой, ты не хочешь смерти грешников, но ожидаешь их обращения, ведая немощь нашу, утешитель благой, больным здравие, грешникам спасение, изнемогающим укрепитель, падающим восстание! Молю тебя, Господи, в час сей покажи мне, недостойному, милость свою и излей неисчерпаемую пучину милосердия твоего, избавь меня от искушений врагов на мытарствах и не дай им овладеть мной, по молитвам угодников твоих, великих отцов наших Антония и Феодосия, и всех святых, от века угодивших тебе. Аминь».

Тут вдруг некто, прекрасный видом, стал перед ним и сказал ему: «Ты хорошо помолился, но зачем хвалишься тщетой слез?» И, взяв сосуд гораздо больше Феофилова, благоухания исполненный, как мирра благовонного, он сказал: «Это часть твоих же слез, которые в молитве к Богу излил ты от сердца, – те, которые ты отер рукою, или платком, или одеждою, или которые на землю упали из глаз твоих. Все их, по повелению Творца нашего, я собрал и сохранил в этом сосуде, и ныне я послан поведать тебе радость: с веселием отойдешь к тому, который сказал: “Блаженны плачущие, ибо они утешатся”». И сказав это, сделался невидим.

Тогда блаженный Феофил призвал игумена и поведал ему явление ангела и речи его, и показал ему оба сосуда: один был полон слез, другой же благовония, не сравнимого ни с какими ароматами, и попросил он вылить их ему на тело. Через три дня он отошел к Господу. И положили его достолепно в пещере, около Марка Пещерника; когда тело его помазали из ангелова сосуда, вся пещера наполнилась благоуханием; вылили и сосуд слез на него, чтобы сеявший слезами в радости пожал плод дела рук своих: сказано – сеющие со слезами о Христе утешены будут, – ему же слава с Отцом и со Святым Духом!

О СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦАХ ФЕОДОРЕ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

Сказано: как мать всему благому есть нестяжание, так корень и мать всему злomu – сребролюбие. Лествичник говорит: «Любящий собирать имение до смерти ради иглы трудится, а тот, кто не любит богатства, Господа возлюбит и заповеди его

сохранит». Такой сберечь имущества не может, но растрчивает его благопристойно, всем нуждающимся подавая; так и Господь сказал в Евангелии: «Если человек не отрешится от всего, что имеет, не может быть моим учеником».

Последуя этому слову, Феодор оставил все мирское, богатство раздал нищим, и стал иноком, и крепко подвизался в добродетели. По повелению игумена стал он жить в пещере, называемой Варяжской, и провел в ней много лет в великом воздержании.

И вот, по вражьему наваждению, стал он тужить и сильно печалиться о богатстве, которое раздал нищим: приходило ему на мысль, что если он долго проживет и изнеможет телом, то не сможет довольствоваться монастырской пищей. В такое искушение его враг вводил, он же не поразмыслил, не помянул Господа, сказавшего: «Не заботьтесь о завтрашнем дне и не говорите: “Что нам есть?” или “Что пить?”, или “Во что одеться?” Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, и Отец ваш небесный питает их». И много раз смущал его враг, желая привести его в отчаяние тем, что обнищал он, раздав богатство свое убогим. И многие дни проводил он в таких мыслях, помраченный врагом из-за своей бедности, и открыто высказывал скорбь свою перед друзьями.

И вот однажды некто Василий, один из совершеннейших иноков того же монастыря, сказал ему: «Брат Феодор, молю тебя, не погуби мзды своей. Если ты хочешь богатства, то все, что у меня есть, я отдам тебе, только скажи перед Богом: “Пусть все, что я раздал, твоей будет милостыней”, – и живи тогда без печали, получив снова богатство свое; но берегись: простит ли тебе это Господь?» Услышав это, убоялся Феодор страхом великим гнева Божия. Услышал он также от этого Василия о том, что сделалось в Константинополе с пожалевшим розданное в милостыню золото: упав посреди церкви, умер он и лишился того и другого – с золотом и жизнь свою погубил. Поразмыслив об этом, Феодор стал оплакивать свое согрешение и брата благодарить, избавившего его от такого недуга. О таких сказал Господь: «Если кто извлечет драгоценное из ничтожного, то будет как мои уста». И с тех пор

зародилась великая любовь между ними. И преуспевал Феодор в заповедях Господних, и творил угодное Господу, и это было великим огорчением для дьявола, что он не смог прельстить Феодора богатством, – и вот опять вооружается супостат и иную кознь восставляет ему на погибель.

Игумен послал Василия по некоторому делу из монастыря, тогда, найдя удобное время для своего злого замысла, враг принял облик Василия и вошел к пещернику; сначала он говорил ему доброе: «Как живешь теперь, Феодор? Отступила ли от тебя сила бесовская или еще смущают они тебя любовью к богатству, напоминая о розданном имении?» Не понял Феодор, что то был бес, думая, что брат говорит ему это, и отвечал ему блаженный: «Твоими, отче, молитвами хорошо мне теперь; ты утвердил меня, и я не буду больше слушать бесовского нашептывания. И теперь, если ты велишь мне что-нибудь, я с радостью исполню, не ослушаюсь тебя, потому что великую пользу для души нашел я от твоего наставления». Бес, мнимый брат, взял силу над ним, так как Феодор не помянул Господа Бога, и сказал ему: «Даю тебе теперь другой совет, благодаря которому обретешь покой и скоро воздаяние получишь; только попроси у Бога, и он даст тебе золота и серебра множество; и не разрешай никому входить к себе и сам не выходи из пещеры своей». Пещерник обещался сделать так. И отошел от него бес.

И вот невидимо стал внушать ему помышления пронырливый о сокровище так, что подвиг блаженного на молитву просить у Бога золота и, получив его, раздать в милостыню. И вот увидел он во сне беса, как ангела светлого и прекрасного, показывающего ему сокровище в пещере, – и много раз виделось это Феодору. Наконец, спустя много времени, пришел он на указанное место, стал копать и нашел сокровище – множество золота и серебра и сосуды многоценные.

Тогда опять пришел к нему бес в образе брата и стал говорить пещернику: «Где сокровище, данное тебе? Являвшийся к тебе мне сказал, что дано тебе множество золота и серебра по молитве твоей». Феодор же не хотел показывать

ему сокровища. Бес явно говорил с пещерником, а втайне влагал ему мысль, взявши золото, уйти далеко в иную страну. И говорит он: «Брат Феодор! Не говорил ли я тебе, что скоро ты примешь воздаяние? Господь сказал: “Всякий, кто оставит дом и земли или имение ради меня, получит во сто крат и жизнь вечную наследует”. И вот уже в руках твоих богатство, делай с ним что хочешь». Пещерник же сказал: «Я просил у Бога для того, что, если мне даст, то все в милостыню раздать; для этого он и даровал мне». Супостат же сказал ему: «Брат Феодор! Берегись, чтобы тебе опять по действию бесовскому не затужить, как прежде, о розданном, – это дано тебе взамен того, что ты раздал убогим. Я велю тебе: возьми это, иди в иную страну и там купи себе села и все, что будет тебе нужно, и там ты можешь спастись и избавиться от бесовских козней; после же смерти ты отдашь свое богатство, куда захочешь, и это будет в память по тебе». Феодор же сказал ему: «Не стыдно ли мне будет, что я, оставив мир и все, что в нем, и обещавшись Богу здесь жизнь свою кончить, в пещере этой, сделаюсь беглецом и мирским жителем? Все, что тебе угодно, то и будет, и все, что ты скажешь мне, сделаю, но живя в монастыре». Бес же, мнимый брат, сказал: «Утаить сокровища ты не можешь, – узнают о нем и возьмут, но прими мой совет, который я тебе даю. Если бы это не угодно было Богу, то не даровал бы тебе богатства и меня не известил бы».

Тогда пещерник поверил ему, как брату, и стал готовиться выйти из пещеры: приготовил возы и ящики, чтобы, собрав в них сокровище, уйти, куда захочет, повелением бесовским; хотел бес причинить ему какое-нибудь зло своим кознодейством, отлучивши его от Бога и святого места, и от дома Пречистой и преподобных отцов наших Антония и Феодосия. Но Бог, не хотящий погибели ни одного человека из сего святого места, спас и этого молитвами святых своих.

В это время возвратился посланный игуменом Василий, который прежде уже спас пещерника от помышления злого. Пришел он в пещеру, желая увидеть живущего в ней брата, и сказал ему: «Феодор, брат, как в Боге живешь ныне?» Удивился Феодор вопросу, что говорит так, как будто долгое время не

виделись, – и сказал ему: «Вчера и третьего дня ты постоянно был со мною и поучал меня, и вот я иду, куда ты велишь мне». Василий же сказал ему: «Скажи мне, Феодор, что значат эти слова, которые ты говоришь: “Вчера и третьего дня все время был со мною и поучал меня?” Уж не бесовское ли это мечтание? Не утаи от меня Бога ради». Феодор же с гневом сказал ему: «Что искушаешь меня и зачем смущаешь душу мою: то так мне говоришь, то иначе, и какому же слову верить?» И так прогнал его от себя с жестокими словами.

Василий же, все это выслушав, пошел в монастырь. Бес же опять пришел к Феодору в образе Василия и сказал ему: «Потерял ты, брат, из-за сомнений свой разум. Но не попомнив обиды твоей, которую принял от тебя сегодня ночью, снова тебе говорю: уходи скорее, в эту ночь, взяв найденное». И, сказав это, бес ушел от него.

Когда же настал день, снова пришел Василий к нему, взяв с собой некоторых из старцев, и сказал пещернику: «Их привел я в свидетели, что три месяца прошло с тех пор, как я виделся с тобой, и в монастыре я третий день, ты же говоришь: “Вчера и третьего дня”. Здесь какое-то бесовское действо. Когда тот придет к тебе, не дай ему беседовать с тобой, прежде чем не сотворит он молитву, и тогда уразумеешь, что это бес». И, сотворив запрещающую молитву, призвав святых в помощь, он ушел в свою келью, утвердив пещерника.

Бес же после этого не смел явиться к пещернику, и уразумел Феодор, что то была лесь дьявола. И с тех пор всякого, кто приходил к нему, он заставлял сначала помолиться и тогда уже беседовал с ним, И после этого укрепился он на врагов и узнал пронырство их, и Господь избавил его от воображаемых чудищ и не допустил его быть рабом их, что случается со многими, пребывающими в пустыне, или в пещерах, или в затворе, живущими уединенно. Великая твердость нужна, чтобы не погибнуть от бесов, как хотели они этого погубить, но избавил Господь его.

Для найденного же сокровища Феодор вырыл глубокую яму и, положив его туда, закопал; и с того времени и доныне никто не знает, где скрыто оно.

Сам же он предал себя на работу тяжкую, чтобы не облениться, пребывая в праздности, ибо из-за этого пропадает страх Божий, а бесы обретают власть. Поставил он в своей пещере жернова и с тех пор начал работать на святую братию: брал из сусека пшеницу и своими руками молот ее, всю ночь проводя без сна, трудясь на работе и на молитве; на другой день в сусек муку высыпал и опять брал жито. И так много лет делал, работая на святую братию, и облегчение было рабам монастырским, и не стыдился такой работы и молил Бога беспрестанно, чтобы отнял у него память сребролюбия. И Господь освободил его от такого недуга, так что он и не думал о богатстве. Золото и серебро стали для него подобны грязи.

Прошло много времени, и он в такой работе и злострадании подвизался неустанно. Келарь же, видев, как он трудится, однажды, когда привезли жито из сел, послал к нему в пещеру пять возов, чтобы не утруждался он, постоянно приходя за житом. Он же, ссыпав жито в сосуды, начал молоть, распевая наизусть Псалтирь; наконец, устав, лег, желая поспать немного. И вот внезапно раздался гром, и начали жернова молоть. И поняв, что это бесовское действо, встал блаженный и начал молиться Богу прилежно, и сказал громким голосом: «Господь велит тебе перестать, вселукавый дьявол!» Бес же не переставал молоть жерновами. Феодор снова сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, свергшего вас с небес и предавшего на попроение своим угодникам, велит тебе, чрез меня, грешного, не переставать работать до тех пор, пока не измелешь все жито, да и ты поработаешь на святую братию». И, сказав это, стал на молитву. Бес же не посмел послушаться и до рассвета измолот все пять возов жита. Феодор же известил келаря, чтобы тот прислал за мукой. И удивился келарь дивному чуду, что пять возов измолото за одну ночь, и вывез пять возов муки из пещеры, и к ним еще пять возов прибавилось муки.

И это чудо удивительно было и тогда, и для ныне слышащих, — сбылось сказанное в Евангелии: «И бесы повинуются вам именем моим». Ведь сказано: «Дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всякую силу вражью».

Хотели бесы устрашить блаженного, но сами были наказаны тяжелой работой так, что стали они взывать к нему: «Больше здесь не появимся!»

Феодор же и Василий по богоугодному совету между собой решили, чтобы никогда помыслов своих не таить друг от друга, но вместе обсуждать и решать по Божьему совету. И вот Василий вошел в пещеру, Феодор же, по старости, вышел из пещеры, захотев келью себе поставить на старом дворе.

Монастырь был тогда выжжен, и к берегу пригнали плоты для постройки церкви и келий, и наняты были возчики возить лес на гору. Феодор же, не желая быть в тягость другим, сам на себе начал носить лесины; и что приносил Феодор для постройки кельи своей, то бесы, пакость ему делая, сбрасывали с горы, хотели этим прогнать блаженного. Феодор же сказал: «Во имя Господа Бога нашего, повелевшего вам в свиней войти, повелевает он вам через меня, раба своего, чтобы каждое бревно, которое на берегу, подняли вы на гору, дабы облегчился труд работающих Богу, пусть так устроится молитвенный дом святой владычицы нашей Богородицы, и иноки кельи себе поставят. И прекратите вы пакости им творить и узнайте, что Господь находится в месте этом». В ту же ночь, не переставая, бесы носили бревна от Днепра на гору, пока ни одного не осталось внизу, и все это пошло на постройку церкви, и келий, и кровли, и помоста, и хватило на все, что требовалось монастырю.

Утром же встали возчики и поехали на берег, чтобы возить бревна, и ни одного не нашли на берегу, но все были на горе, и оказались сложенными не в одном месте, а все разобраны по порядку: особо – для кровли, и особо – для помоста, и особо – большие бревна, неудобноносимые из-за длины, – и все в целости оказалось на горе. И дивились все, видевшие и слышавшие, тому, что сделалось выше человеческой силы. Иноверным многим это невероятным покажется из-за величия чуда, но свидетели его прославили Бога, творящего предивные чудеса ради угодников своих. Ведь сказал же Господь: «Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь больше тому, что имена ваши написаны на небесах». Это сделал Господь во

славу свою, молитв ради святых отцов наших Антония и Феодосия.

Бесы же, не стерпев обиды, что, некогда почитаемые и ублажаемые неверными и признаваемые за богов, оказались они ныне у угодников Христовых в небрежении, и унижении, и бесчестье, и, как рабы купленные, работают – бревна носят на гору и от людей должны отступаться, боясь угрозы преподобных, – ведь все козни их Василием и Феодором обличены были. И, видя себе укоризну от людей, возопил бес: «О злые и лютые мои супостаты, не отступлюсь, не отдохну, до смерти вашей борясь с вами!» Не ведал дьявол, что этим только еще большую славу доставит им. И наустил на них злых людей, чтобы погубить их, и те натянули лук свой, орудие зла, но стрела их в их же сердце вонзилась, о чем после расскажем.

И нанятые работники и возчики воздвигли крамолу на блаженного, требуя своей платы и говоря так: «Не ведаем, какими кознями велел ты этим бревнам на горе оказаться». Неправедный же судья, мзду взявши с них, велел им получить плату с преподобного, так говоря: «Пусть помогут тебе бесы заплатить, которые тебе служат», – не вспомнил он о Божьем суде, о том, что неправедно судящий сам осужден будет.

И снова враг дьявол воздвиг бурю на преподобных: нашел он между княжескими советниками лютого, и свирепого, и непотребного нравом, и делом, и всякой злобой. Пришел к этому боярину бес в образе Василия, потому что был знаком боярину Василий, и сказал боярину: «Феодор, что был до меня в пещере, нашел сокровище, – золота и серебра множество и сосуды многоценные, – и со всем этим хотел бежать в иную страну, я же удержал его. И теперь он юродствует: бесам приказывает молоть и с берега бревна носить на гору, – и свершается это, а сокровище скрывает до времени, чтобы тайно от меня уйти с ним, куда задумает. Вы же ничего не получите».

И боярин, услышав это от беса и считая его Василием, привел его к князю Мстиславу Святополчичу. Бес то же самое рассказал князю, и даже больше того, и сказал: «Скорее его схватите и возьмите сокровище. Если же не отдаст, то устрашите его побоями и пытками; если же и тогда не даст, то

пытайте его муками многими; а если и после этого не отдаст, то призовите меня и я обличу его перед всеми вами и место покажу, где скрыто сокровище». И, давши им такой злой совет, бес ушел с глаз их.

Князь же рано утром, словно на охоту или на какого-нибудь воина грозного, поехал сам со множеством воинов и, схватив блаженного Феодора, привел его в дом свой. И сначала ласково спрашивал его, говоря: «Отче, поведай мне, правда ли ты нашел сокровище? Я, – говорил он, – разделю его с тобою, и будешь ты отец отцу моему и мне». А Святополк был тогда в Турове. Феодор же сказал: «Да, нашел, и теперь оно зарыто в пещере». Князь же сказал: «Много ли, отче, золота, и серебра, и сосудов, и кем, по слухам, сокрыто все это?» Феодор же сказал: «В Житии святого Антония говорится, что это варяжский клад, и действительно там сосуды латинские, из-за этого Варяжской пещера называется и доньне. Золота же и серебра бесчисленное множество». Князь же сказал: «Почему же ты не дашь мне, сыну своему? Себе же возьми сколько хочешь». Феодор же сказал: «Мне из этого не нужно ничего, даже если ты повелишь мне взять, ибо мне это не на пользу, не требуется мне богатства, так как освободился я от него. Не помню ничего, а то о всем бы вам поведал, потому что вы богатству служите, я же свободен от этого».

И тогда князь с гневом сказал слугам: «Этого монаха, отвергшего милость мою, повелеваю сковать по рукам и по ногам и три дня не давать хлеба и воды». И снова спросил: «Открой мне, где сокровище?» Феодор же сказал: «Не помню, где спрятал его». Князь же велел жестоко мучить его, так что и власяница омочилась кровью; затем велел подвесить его в большом очаге, связав руки назад, и огонь раздуть. Многие удивились тогда терпению этого мужа, который пребывал в пламени, как в росе, а огонь даже власяницы его не коснулся. И некто из стоявших тут рассказал о чуде, сотворенном Феодором. И ужаснулся князь, и сказал старцу: «Зачем ты губишь себя и не отдаешь сокровище, которое нам достойно?» Феодор же сказал: «Истину тебе говорю, что молитва брата моего Василия спасла меня тогда, когда я нашел сокровище, и

ныне отнял Господь от меня память сребролюбия, и я не помню, где спрятал его».

Князь же тотчас послал в пещеру за святым Василием. Тот не хотел идти, но его насильно привели из пещеры. Князь же сказал ему: «Все, что ты мне велел сделать с этим злодеем, я сделал и хочу, чтобы ты был мне как отец». Василий же сказал: «Что я тебе велел сделать?» Князь же сказал: «О сокровище, про которое ты мне рассказал, он ничего не поведал, – и я пытал его». И ответил Василий: «Вижу козни злого беса, прельстившего тебя, а на меня возведшего ложь и на этого преподобного: меня никто и никогда не видел выходившим из пещеры своей пятнадцать лет». Тогда все, бывшие тут, сказали: «При нас ты говорил князю». Василий же сказал: «Всех вас бес прельстил, а я не видел ни князя, ни вас».

Разгневался князь и повелел бить его без милости. Не стерпев обличения, и захмелев от вина, и разъярившись, взял он стрелу и вонзил ее в Василия. И когда он проткнул его, Василий вытащил стрелу из тела своего, бросил ее князю и сказал: «Этой стрелой сам убит будешь». Как и сбылось по предсказанию его.

И повелел князь порознь заключить обоих иноков, чтобы утром предать их злым мукам, но в ту же ночь оба они скончались о Господе. И, узнав это, иноки пришли, взяли тела их и погребли их честно в пещере Варяжской. Где они подвизались, там и положены были в кровавых одеждах и власяницах, целы они и доныне: тех, кого постыдился огонь, как тление коснется?

По прошествии немногих дней сам Мстислав, воюя с Давыдом Игоревичем, по предсказанию Василия убит был на городской стене, во Владимире. И тогда признал он свою стрелу, которой пронзил Василия, и сказал: «Это я умираю за преподобных Василия и Феодора».

Так сбывается сказанное Господом: «Всякий, взявший нож, от ножа погибнет». Как он незаконно убил, так и сам незаконно убит был. Блаженные же приняли мученический венец о Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава с Отцом и Святым Духом.

О ПРЕПОДОБНОМ СПИРИДОНЕ ПРОСВИРНИКЕ И ОБ АЛИМПИИ ИКОНОПИСЦЕ. СЛОВО 34

Всякая душа простая свята, не имея лукавства в себе, ни лести в сердце своем. Такой человек праведен пред Богом и людьми, и не может согрешить Богу, и еще больше, – не хочет, потому что он сосуд Божий и жилище Святого Духа, которым освящается его душа, и тело, и ум, как сказал Господь: «Я и Отец к нему придем и обитель у него сотворим. Вселюсь, – сказал, – в них и буду ходить в них, и буду их Богом, и они будут моим народом». Апостол же сказал: «Братья, вы церковь Бога живого, и Дух Святой живет в вас». Такие на земле живут как ангелы, и на небесах с ними вовеки радуются: ибо как в жизни не отлучались от них, так и по смерти с ними веселятся, о чем мы скажем еще в конце этого слова.

Этот преподобный Спиридон был простец словом, но не разумом; не из города пришел он в чернечество, а из некоего села. И имел он страх Божий в сердце своем, и начал учиться книгам, и выучил всю Псалтирь наизусть. Повелением же игумена Пимена Постника он пек просфоры, а с ним другой брат, именем Никодим, такой же, как и он, умом и нравом. Добросовестно трудились они в пекарне много лет, честно и непорочно совершая свою службу. Блаженный же Спиридон, с тех пор как пришел в пекарню, не нарушал своего обета и труда духовного, но исполнял свою работу с особым благочестием и страхом Божиим, жертву чистую от своего труда принося Богу. Плод же уст его, – живая словесная жертва, – приносилась от него всемогущему Богу обо всем и за всех: беспрестанно пел он Псалтирь, и, в каждый день до конца, дрова ли колол, тесто ли месил, постоянно была она у него на устах.

Однажды сей блаженный, совершая с особым благочестием свою обычную работу, затопил, как всегда, печь для печенья просфор, и вдруг от пламени загорелась кровля пекарни. Тогда он взял мантию свою и закрыл ею устье печи; потом, завязавши рукава у своей рубахи, взял ее и побежал с нею к колодцу, налил там в нее воды и быстро устремился назад, призывая братию гасить печь и пекарню. Иноки прибежали и увидели

дивное явление: мантия не сгорела и вода не вытекла из рубахи, ими же Спиридон погасил разгоревшееся пламя.

Большое усердие требуется, чтобы достойно помянуть, и восхвалить, и воздать всем должное о Господе скончавшимся здесь, в этом блаженном монастыре Печерском. Скажем словами Давида: «Торжествуйте, праведники, о Господе, праведным подобает похвала! Стройно пойте ему с восклицанием на десятиструнной псалтири». Не от одиннадцатого часа они Господу молились и творили ему угодное, но от юности предали себя Богу, много лет прожили и в глубокой старости к Господу отошли, ни на один день и час не изменивши своему правилу. Насажденные в доме Божьей Матери, процветут они в чертогах Бога нашего и еще умножатся в старости маститой, как и этот блаженный.

Преподобный же Алимпий отдан был родителями своими учиться иконописи. Это было, когда греческие иконописцы из Царьграда волею Божиею и пречистой его Матери приведены были, против своего желания, расписывать церковь Печерскую, во дни благоверного князя Всеволода Ярославича, при преподобном игумене Никоне, это о них рассказано в Послании Симона, когда Бог явил и сотворил чудо страшное в церкви своей.

Когда мастера украшали мозаикой алтарь, вдруг образ пречистой владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии, изобразился сам, а они все были заняты укладкой мозаики внутри алтаря, Алимпий же помогал им и учился у них, – и увидели все дивное и страшное чудо: смотрят они на образ, и вот внезапно засиял образ владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии, ярче солнца, так что невозможно было смотреть, и все в ужасе пали ниц. Приподнялись они немного, чтобы видеть свершившееся чудо, и вот из уст пречистой Богоматери вылетел голубь белый, полетел вверх к образу Спасову и там скрылся. Они все стали смотреть, не вылетел ли он из церкви, и на глазах у всех снова голубь вылетел из уст Спасовых и стал летать по всей церкви. И прилетая к каждому святому, садился, – одному на руку, другому на голову, слетев же вниз, сел за наместной чудной Богородичной иконой.

Стоявшие внизу хотели поймать голубя и приставили лестницу, но не нашли его ни за иконой, ни за завесой. Осмотрели всюду, но не нашли, куда скрылся голубь, и стояли все, взирая на икону, и вот снова перед ними вылетел голубь из уст Богородицы и поднялся вверх к Спасову образу. И закричали стоявшим вверх: «Хватайте его!» Те же, простерши руки, хотели поймать его, а голубь вновь влетел в уста Спасовы, откуда вылетел. И вот опять свет, ярче солнечного, озарил всех, ослепляя глаза человеческие. Они же, павши ниц, поклонились Господу. С ними был и этот блаженный Алимпий, воочию видевший Святого Духа, пребывающего в той святой и честной церкви Печерской.

Когда же окончили расписывать эту церковь, тогда блаженный Алимпий принял пострижение при игумене Никоне. Хорошо выучился он иконописному искусству, иконы писать был он большой мастер. Этому же мастерству он захотел научиться не богатства ради, но Бога ради это делал. Работал же он так, что хватало их всем, – игумену и всей братии писал иконы, и за это ничего не брал. Если же когда у этого преподобного не было работы, то он брал займы золото и серебро, что нужно для икон, делал икону тому, кому был должен, и отдавал икону заимодавцу. Часто также просил друзей своих: если увидят где в церкви обветшалые иконы, то приносили бы их к нему, и, обновив их, ставил на свои места.

Все это делал он, чтобы не быть праздным, потому что святые отцы велели инокам всегда трудиться и считали это великим делом перед Богом, ибо, как сказал апостол Павел: «Мне и бывшим со мною послужили руки мои, и ни у кого я задаром хлеба не ел». Так и этот блаженный Алимпий. Он делил заработанное на три части: одну часть на святые иконы, вторую часть на милостыню нищим, а третью часть на нужды тела своего. И так делал он всегда, не давая себе покоя ни в один из дней: ночь проводил в пении и молитве, а когда наступал день, он принимался за работу, праздным же никогда не видали его, но и от собрания церковного из-за работы не уклонялся никогда. Игумен же за многую его добродетель и

чистое житие поставил его священником, и в таком чину священства он добросовестно и богоугодно пребывал.

Некто из богатых киевлян был прокаженным. И много лечился он у волхвов и у врачей, и у иноверных людей искал помощи и не получил, но лишь сильнее разболелся. И один из его друзей уговорил его пойти в Печерский монастырь и упросить кого-нибудь из отцов, да помолятся о нем. Когда привели его в монастырь, игумен повелел напоить его губкой из колодца святого Феодосия и помочить ему голову и лицо. И вдруг покрывшись он весь гноем за неверие свое, так что все стали избегать его из-за исходящего от него смрада. Он же возвратился в дом свой, плача и сетуя, и не выходил оттуда много дней, стыдясь смрада. И говорил он друзьям своим: «Покрыв стыд лицо мое. Чужим стал я для братьев моих и незнакомым для сынов матери моей, потому что без веры пришел к святым Антонию и Феодосию». И каждый день ожидал он смерти.

Наконец, со временем, образумился он, размыслил о своих согрешениях и, придя к преподобному Алимпию, покался ему. Блаженный же сказал ему: «Чадю, хорошо сделал, исповедав Богу грехи свои пред моим недостойнством, ведь пророк Давид сказал: “Исповедаюсь в преступлениях моих пред Господом, и он простит нечестие сердца моего”». И много поучив его о спасении души, взял преподобный вапницу и разноцветными красками, которыми писал иконы, раскрасил лицо больного и гнойные струпья замазал, придав прокаженному прежний вид и благообразие. Потом привел его в божественную церковь Печерскую, дал ему причаститься святых тайн и велел ему умыться водой, которой умываются священники, и тотчас спали с него струпья, и он исцелился.

Зри, каков разум блаженного! Христу уподобился он: как Господь, прокаженного исцелив, велел ему показаться священникам и принести дар за очищение свое, так ведь и этот святой избегал славословия; как Христос, слепого исцелив, не тотчас дал ему прозрение, но повелел ему идти к Силоамской купели умыться, так же и этот блаженный сначала разрисовал красками образ, смердящий за неверие, честь же исцеления

уступил служителям Божиим, чтобы и они были с ним участниками чуда. Водю же больного омыв, не только очистил его от телесной, но и от душевной проказы. За это очищение правнук исцеленного оковал киот золотом над святым престолом. Все удивились такому скорому исцелению. Преподобный же Алимпий сказал им: «Братья! Внимайте сказавшему: “Не может раб служить двум господам”. Вот этот прежде служил врагу, пытаясь исцелиться чарованием, а потом пришел к Богу, не веря в душе о спасении своем, и сильнее проказа напала на него за его неверие. “Просите, – сказал Господь, – и не просто просите, но с верою просите, и получите”. Когда же он покался перед Богом, поставив меня свидетелем, тот, скорый на милость, его исцелил». И отошел исцелившийся в дом свой, славя Бога и родившую его пречистую Матерь, и преподобных отцов наших Антония и Феодосия, и блаженного Алимпия. Это нам новый Елисей, который Неемана Сириянина от проказы исцелил.

Другой муж, некий христолюбец из того же города Киева, церковь себе поставил и хотел сделать на украшение церкви большие иконы: пять деисусных и две наместные. И этот христолюбец дал двум инокам Печерского монастыря серебро и доски иконные, чтобы они урядились с Алимпием и заплатили бы ему за иконы, сколько он захочет. Монахи же эти ничего не сказали Алимпию, а от киевлянина взяли сколько захотели. Через некоторое время христолюбец послал к монахам, чтобы узнать, готовы ли его иконы. Те же сказали, что Алимпий еще золота требует, и снова взяли они у христолюбца золото и растратили. И опять послали объявить киевлянину, говоря, что святой еще просит столько же, сколько взял. Христолюбец же этот дал с радостью. Спустя немного времени черноризцы опять сказали: «Алимпий еще столько же требует». Христолюбец же сказал: «Хотя бы он и десять раз просил, то я дам, только благословения его хочу, и молитвы, и дела рук его». Алимпий же ничего не знал о том, что эти монахи сотворили.

Наконец, когда этот человек прислал, чтобы посмотреть, написаны ли его иконы, черноризцы те велели передать ему, так говоря: «Алимпий, взяв золото и серебро с избытком, не хочет

писать икон твоих». Тогда христолюбец тот пришел в монастырь с многочисленной дружиной и вошел к игумену Никону, чтобы пожаловаться на преподобного Алимпия. Игумен призвал Алимпия и сказал ему: «Брат, как это такую неправду сделал ты сыну нашему? Много раз он молил тебя: возьми за работу, сколько хочешь, а ведь ты иногда и даром пишешь». Блаженный же сказал: «Честной отче, известно твоему преподобию, что я никогда не ленился в этом деле. Не понимаю, о чем теперь ты говоришь». Игумен же сказал: «Три цены взял ты за семь икон, а икон не пишешь». И вот, для обличения его, повелел принести доски иконные и призвать монахов, которые брали плату, чтобы они в споре с ним изобличили его.

Посланные же увидели иконы, написанные с великим искусством, и принесли их к игумену. И, видя это, все удивились, в ужасе и трепете пали ниц на землю и поклонились нерукотворному изображению Господа нашего Иисуса Христа, и пречистой его Матери, и святых его. И разнеслась громкая слава об этом по всему городу Киеву. Когда же пришли монахи, оговорившие блаженного, то, не зная ничего о случившемся, стали они спорить с Алимпием, говоря так: «Взял тройную плату, а икон не пишешь». И все в ответ сказали им: «А вот теперь иконы эти Богом написаны». И ужаснулись они, видя совершившееся чудо.

Черноризцы же эти, обкрадывавшие монастырь, будучи обличены, лишились всего и изгнаны были из монастыря Печерского. Но и тут они своей злобы не оставили, возводили хулу на блаженного и всем говорили: «Мы написали иконы, а владелец их, не желая платить нам, вот что замыслил, чтобы лишить нас заработанного нами, – сказал неправду, что иконы, мол, Богом написаны, а не нами изображены». И так убеждали они народ, приходивший посмотреть на тех иноков, а тем, кто хотел поклониться им, они запрещали это, и оттого люди поверили монахам, оболгавшим блаженного Алимпия.

Но Бог прославляет святых своих, как сказал Господь в Евангелии: «Не может город укрыться, на верху горы стоящий; и зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, да светит всем проходящим». Так не утаилось и этого

преподобного Алимпия добродетельное житие. Даже до князя Владимира дошла весть о чуде, бывшем с иконами. И вот что случилось некогда. По воле Божьей от пожара выгорело Подолье все, и та церковь сгорела, в которой были эти иконы. После пожара эти семь икон оказались целы, а церковь вся сгорела. И, услышав об этом, князь пошел посмотреть на чудо, свершившееся с иконами, написанными по Божьему мановению за одну ночь, и прославил он Творца всех, совершающего преславные чудеса молитвами угодников своих Антония и Феодосия. И взял Владимир одну из икон, святую Богородицу, и послал в город Ростов, в тамошнюю церковь, которую он сам создал; икона эта и доныне цела, я сам видел ее. И вот что при мне произошло в Ростове: церковь рухнула, а та икона осталась неповрежденной и перенесена была в деревянную церковь, которая сгорела от пожара, а икона опять осталась невредима, и признаков огня нет на ней.

Перейдем теперь еще к одному сказанию о блаженном Алимпии. Другой христолюбец дал этому блаженному написать икону наместную. Через несколько дней разболелся блаженный Алимпий, и икона осталась ненаписанной. Боголюбец же стал докучать блаженному. Блаженный сказал ему: «Чадо, не приходи ко мне, не понукай меня, но положишься в своей печали об иконе на Господа, и он сделает, как ему угодно; икона твоя в свой праздник на своем месте станет». И обрадовался этот человек, что икона до праздника напишется, и поверил он слову блаженного, и отошел в дом свой радуясь. И вот снова пришел этот боголюбец накануне Успения, чтобы взять икону, и увидел, что икона не написана, а блаженный Алимпий сильно болен. И стал он укорять его, говоря: «Почему же не известил ты меня о своей немощи, я бы дал писать икону другому, чтобы праздник светел и честен был, а теперь, задержав икону, ты посрамил меня». Блаженный же кротко отвечал ему: «О чадо! Разве я по лености сделал это? Неужели Бог не сможет икону своей Матери словом написать? Я, как открыл мне Господь, отхожу из этого мира, и по моем отшествии всячески утешит тебя Бог». И в печали ушел от него муж тот в дом свой.

После же ухода его явился некий юноша светлый и, взяв вапницу, начал писать икону. Алимпий подумал, что заказчик иконы разгневался на него и прислал другого иконописца, потому что тот выглядел как обычный человек, но быстрота, с какой он работал, показала, что это бесплотный. То он золотом покрывал икону, то на камне краски растирал и писал ими, и за три часа написал он икону и сказал: «О калугер! Не хватает ли чего-нибудь или в чем-нибудь я ошибся?» Преподобный же сказал: «Ты хорошо поработал. Бог помог тебе столь искусно написать эту икону, и это тобою сделал он ее». Настал вечер, и юноша стал невидим вместе с иконою.

Владелец же иконы провел без сна всю ночь от печали, что нет иконы на праздник, называл себя грешным и недостойным такой благодати. И, встав, он пошел в церковь, чтобы там оплакать свои согрешения, и когда отворил двери церковные, то увидел икону, сияющую на месте своем, и упал он от страха, думая, что это привиделось ему. Но, оправившись немного от испуга и поняв, что это действительно икона, в великий ужас и трепет пришел он, вспомнил слова преподобного и пошел разбудить домашних своих. Они же с радостью пошли в церковь со свечами и кадилами и, видя икону, сияющую светлее солнца, пали ниц на землю, поклонились иконе и приложились к ней в веселии душевном.

Боголюбец же тот пришел к игумену и рассказал о сотворившемся чуде с иконою, и все вместе пошли к преподобному Алимпию и увидели, что он уже отходит из этого мира. И спросил его игумен: «Отче, как и кем написана была икона?» Он же рассказал им все, что видел, говоря: «Ангел написал ее, и вот он стоит возле меня, и хочет меня взять с собою». И, сказав это, испустил дух. Тело его приготовили к погребению, отнесли в церковь, сотворили над ним обычное пение и положили в пещере с преподобными отцами о Христе Иисусе, о Господе нашем.

О ПРЕПОДОБНОМ И МНОГОСТРАДАЛЬНОМ ОТЦЕ ПИМЕНЕ И О ЖЕЛАЮЩИХ ОБЛЕЧЬСЯ В ИНОЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ. СЛОВО 35

Начиная слово о Пимене, приступим к повествованию о тяжком его страдании, и как со смирением и мужеством переносил он болезнь.

Этот блаженный Пимен больным родился и вырос, и из-за этого недуга оставался чистым от всякой скверны, и от утробы матери не познал греха. Много раз просил он у родителей своих позволения постричься в иноки. Они же, любя своего сына, надеясь и желая, чтобы он стал наследником их богатства, запрещали ему это.

Когда же он изнемог так, что отчаялись за его жизнь, – принесли его в Печерский монастырь, чтобы исцелился он молитвами тех святых отцов или от их рук принял святой иноческий образ. Родители же Пимена, сердечно любя его, не оставляли детища своего и всех просили молиться за их сына, чтобы он исцелился от недуга. И много потрудились те преподобные отцы, но ничто не приносило пользы ему, ибо его молитвы превозмогали все другие, а он просил себе не здоровья, а усиления болезней, так как боялся, что если он выздоровеет, то родители увезут его из монастыря и не осуществится мечта его. Отец же и мать все время были с ним и не давали его постричь, и блаженный, опечалившись, стал прилежно молиться Богу, чтобы он исполнил желание его.

И вот однажды ночью, когда все вокруг спали, вошли со свечами туда, где лежал Пимен, похожие на скопцов светлых и несли они Евангелие, и рубаху, и мантию, и куколь, и все, что требуется для пострижения, и сказали ему: «Хочешь, чтобы мы постригли тебя?» Он же с радостью согласился, говоря: «Господь вас послал, повелители мои, исполнить желание сердца моего». И тотчас начали они спрашивать: «Зачем пришел, брат, припадая к этому святому жертвеннику и к святому братству этому? Желаешь ли сподобиться иноческого великого ангельского образа?» И все прочее исполнили по чину, как написано в уставе, потом в великий образ постригли его, и надели на него мантию и куколь, и все, что следует, отпевши, великого ангельского образа сподобили его, и, целовав его, дали ему имя Пимен, и, возжегши свечу, сказали: «Сорок дней и ночей эта свеча не угаснет». Свершив все это, они пошли в

церковь, волосы же постриженного взяли с собой в платке и положили на гроб святого Феодосия.

Иноки же, бывшие в кельях, слыша звуки пения, разбудили спавших вокруг, думая, что игумен с кем-то постригает Пимена или что тот уже скончался, и вошли все вместе в келью, где больной лежал, и нашли всех спящими: и отца, и мать, и рабов. И вместе с ними подошли к блаженному, и все ощутили благоухание, и увидели его веселым и радостным и облаченным в иноческую одежду. И спросили его: «Кто тебя постриг, и что за пение мы слышали? Вот родители твои были с тобой и ничего этого не слыхали». И сказал им больной: «Я думаю, что это игумен, придя с братиею, постриг меня и дал мне имя – Пимен. Их пение и было то, что вы слышали, и про свечу они сказали, что она будет сорок дней и ночей гореть, взявши же мои волосы, они пошли в церковь».

Услышав это от него, пошли в церковь, и увидели, что церковь закрыта, и разбудили пономарей, и спросили их, не входил ли кто в церковь после вечерней молитвы? Они же отвечали, говоря, что никто не входил в нее и что ключи у эконома. Взяв ключи, пошли в церковь и увидели на гробе Феодосия в платке волосы Пимена, и рассказали обо всем игумену, и стали искать, кто постригал Пимена, и не нашли. И поняли все, что то был промысел свыше, от Бога.

И стали раздумывать о бывшем чуде, говоря: «Может ли оно засчитаться Пимену за уставное пострижение?» Но так как свидетельство имелось: церковь была заперта, а волосы оказались на гробе святого Феодосия, и свеча, которой хватило бы только на день, сорок дней и ночей непрерывно горела и не сгорала, то и не стали совершать над Пименом пострижения, сказав ему: «Достаточен для тебя, брат Пимен, от Бога данный тебе дар и нареченное тебе имя».

И спросил его игумен: «Как выглядели постригавшие тебя?» И показал ему книги, по которым свершается постриг, чтобы убедиться – может быть, что-то было сделано не по ним. Пимен же сказал: «Зачем искушаешь меня, отче! Ты сам со всей братией приходил, и совершил надо мной по написанному в этих книгах, и сказал мне: “Подобает тебе пострадать в болезни,

а когда приблизится твоя кончина, тогда обретешь здоровье и своими руками понесешь постель свою”. Моли только за меня, честной отец, чтобы Господь подал мне терпение».

И пробыл блаженный Пимен в той тяжелой болезни много лет, так что и служившие ему гнушались им, и много раз без пищи и без питья оставляли его по два и по три дня. Он же все с радостью терпел и Бога за все благодарил.

Некто другой, больной таким же недугом, принесен был в Печерский монастырь и пострижен. Иноки же, приставленные служить больным, взяли его и принесли к Пимену, чтобы служить обоим одновременно. Но, относясь с небрежением к такой службе, они забыли про них, и больные изнемогали от жажды. Наконец Пимен сказал этому больному: «Брат, так как гнушаются нами прислуживающие нам из-за исходящего от нас смрада, то если исцелит тебя Господь, сможешь ли ты на себя возложить службу эту?» Больной же обещался блаженному до смерти своей с усердием служить больным. Тогда Пимен сказал ему: «Вот Господь снимает с тебя болезнь твою, и как только станешь здоров, исполни обет свой и служи мне и подобным мне. На тех же, которые не радеют об этой службе, наведет Господь болезнь лютую, чтобы могли, приняв такое наказание, спастись». И тотчас встал больной и начал служить ему, а на всех нерадивых и не хотевших служить больным напал недуг, по слову блаженного.

Исцелившийся же от недуга брат, спустя немного времени, стал втайне гнушаться Пименом из-за его смрада, пренебрег им и оставил его без пищи и без питья. Брат этот лежал в отдельной горнице, и вдруг огнем стало жечь его, так что он не мог встать три дня, и, не стерпев жажды, начал кричать: «Помогите мне, Господа ради, умираю от жажды!» Услыхали в другой келье, пришли к нему и, видя его в таком недуге, рассказали о нем Пимену: «Брат, прислуживающий тебе, умирает». Блаженный же сказал: «Что человек посеет, то и пожнет: так как он оставил меня голодным и жаждущим, то и сам получил это, солгав Богу и мою немощь презрев. Но так как нас учили не воздавать злом за зло, то подите и скажите ему: “Зовет тебя Пимен, встань и приди сюда”».

Когда пришли и передали эти слова ему, то больной выздоровел и тотчас пришел к блаженному, никем не поддерживаемый. Преподобный же обличил его, говоря: «Маловерный! Вот ты здоров; больше не греши. Разве ты не знаешь, что одинаковую награду получают и больной, и тот, кто за ним ходит? Ведь терпение убогих не пропадает бесследно: здесь, на земле, и скорбь, и горе, и недуг на малое время, а там радость и веселие, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Ради того-то, брат, я и терплю все. Бог же, тебя через меня исцеливший от недуга твоего, может и меня поднять с постели этой и немощь мою исцелить, но я не хочу: “Кто претерпит до конца, – сказал Господь, – тот спасется”. Лучше мне всему изгнись в этой жизни, чтобы там плоть моя была нетленной и смрадный дух обратился бы там в благоухание неизреченное. Хорошо, брат, стоять в церкви, в светлом и чистом пресвятом месте, и с ангельскими силами невидимо воссылать пресвятую песнь – очень это богоугодно и благоприятно: церковь называется небом земным, и стоящие в ней стоят будто на небе. А что же, брат, это темное смрадное жилище: не суд ли прежде суда и не мука ли прежде вечной муки? Ведь больной может по справедливости сказать: “Терпя, обрел я сострадание Господа, и он внял мне”. Вот почему апостол говорит к страждущим телесными болезнями: “Если вы наказание терпите, то как с сынами поступает с вами Бог; если же остаетесь без наказания, то вы рабы, а не сыновья”. О них сказал Господь: “Терпением вашим спасайте души ваши”».

И в таком страдании пролежал преподобный Пимен двадцать лет. Во время же преставления его явились три столпа над алтарем и оттуда на верх церкви перешли. О них сказано и в Летописце. Господь же ведает – ради ли этого блаженного было такое знамение или иное что хотел он означить этим.

В тот же день, когда должен был преставиться, выздоровел преподобный Пимен и обошел все кельи, и, кланяясь всем до земли, прощенья просил, объявляя о своем исходе из этой жизни. И говорил он болевшим монахам: «Друзья и братья мои!

Встаньте и проводите меня». И тотчас, по слову его, отступала болезнь от них, они делались здоровы и шли с ним. Сам же он, войдя в церковь, причастился животворящих Христовых тайн, и потом, взяв свою постель, понес ее к пещере, хотя никогда в ней не бывал и никогда отроду не видал ее, и, войдя, поклонился он святому Антонию и место показал, где хотел, чтобы положили его.

И сказал он: «Здесь вы положили в нынешнем году двух иноков, и того инока, которого вы без схимы положили, теперь в схиме найдете. Много раз хотел он постричься, но пренебрегала им братия из-за нищеты его, и им вменилось это в грех; он же жил достойно этого образа, и потому даровал ему Господь схиму: ибо творящему добрые дела – воздается, от того же, кто не творит их, но мнит себя добродетельным, – отыметсЯ; творящему добро – всегда воздается. Другого же инока вы в схиме положили, а она взята у него, потому что при жизни он не захотел ее, но лишь, умирая, сказал: “Если увидите, что я уже отхожу, то постригите меня”. И потому отнялась от него благодать, ибо не уразумел он сказавшего: “Не мертвые восхвалят тебя, Господи, но мы, живые, благословим Господа”. “Ибо, – сказано, – во тлении кто исповедается тебе?” Таким схима не принесет никакой пользы, если добрые дела от муки их не избавят. Третий же здесь с давних лет положен. Его схима нетленна и хранится ему на обличение и на осуждение, потому что дела его были недостойны монашеского образа – жизнь свою проводил он в лени и грехах, не ведая сказанного: “Кому много дается, с того много и спросится”. Если такого Антониева и Феодосиева молитва не спасет, то повинен он суду». И, проговорив все это, сказал он братии: «Вот пришли постригшие меня, которые хотят взять меня». И, сказав это, лег и почил о Господе. И с великой честью положили его в пещере. Откопавши же место, о котором он говорил, нашли, по слову блаженного, трех черноризцев: один весь истлел, только куколь цел был; из двух же иноков, недавно умерших, с положенного в схиме она была снята и воздета на другого, который не был пострижен. И много дивились неизреченному суду Божию, и говорили: «Ты, Господи, воздаешь каждому поделай его».

Из этого, братья, следует, кажется мне, вот что разуметь: если кто в болезни пострижется с верою, прося у Бога жизни, тот, как в монашеском подвиге, послужит ему; владеющий же жизнью и смертью Господь, если и отведет его от мира, то, подобно работникам, нанятым в одиннадцатый час, признает его равным праведникам. Кто же говорит так: «Когда увидите меня умирающим, то постригите меня», – суетна того вера и пострижение.

О ПРЕПОДОБНОМ ИСАКИИ ПЕЩЕРНИКЕ. СЛОВО 36

Как в огне очищается золото, так люди в горниле смирения. Если к самому Господу искуситель не постыдился приступить в пустыне, то насколько же больше искушений приносит он человеку! Так было и с этим блаженным.

Этот преподобный отец наш Исакий, когда он еще жил в миру, был богатым купцом, родом торопчанин. И вот он, решив стать монахом, раздал все имущество свое бедным и монастырям и пришел к великому Антонию в пещеру, умоляя постричь его в монахи. И принял его Антоний, и постриг в монахи, и дал ему имя Исакий, мирское же имя его было Чернь.

И стал этот Исакий вести жизнь строгую, облекся во власяницу, велел купить себе козла и содрать с него шкуру, и надел ее на власяницу, и обсохла на нем сырая шкура. И затворился в пещере, в одном из проходов, в небольшой келий, в четыре локтя, и тут молил Бога со слезами. Пищей же ему была одна просфора, и то через день, и воды в меру пил. Приносил же это ему великий Антоний и подавал в оконце, куда рука едва проходила, и так принимал он пищу. И в таком житии провел семь лет Исакий, не выходя наружу, не ложился на бок, но сидя спал понемногу.

Однажды, как обычно, когда наступил вечер, он стал класть поклоны и петь псалмы, и так до полуночи, и, утомившись, сел на сиденье свое. И когда он сидел так, как всегда свечу погасив, внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы – ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами». Исакий встал и увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди

них светился ярче всех, и от лица его лучи исходили. И сказали ему: «Исакий, это Христос, пав, поклонись ему». Исакий же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келий и поклонился, как Христу, бесовскому действию. Тогда бесы воскликнули и сказали: «Теперь ты наш, Исакий!»

Ввели они его в келию, посадили и сами стали садиться вокруг него. И вся келия и проход пещерный наполнились бесами. И сказал один из бесов, тот, что назывался Христом: «Возьмите сопели, и бубны, и гусли и играйте, а Исакий нам спляшет». И грянули они в сопели, и в гусли, и в бубны, и начали им забавляться. И, измучив его, оставили его еле живого, и ушли, надругавшись над ним.

Назавтра же, когда настал день и пришла пора вкушения хлеба, пришел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Благослови, отче Исакий!» И не было никакого ответа. И несколько раз говорил так Антоний, и никто не отвечал, и тогда подумал про себя: «Наверное, преставился он». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. Пришла братия, и откопали, где был засыпан вход, и взяли Исакия, думая, что он мертв; и когда вынесли его и положили перед пещерой, то увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосии, что это случилось с ним из-за бесовского действия. Положили его на постель, и стал прислуживать ему святой Антоний.

Случилось, что в это время пришел Изяслав из Польши и стал он гневаться на Антония из-за князя Всеслава. И прислал Святослав за святым Антонием, чтобы увезти его ночью в Чернигов. Антоний же, придя к Чернигову, полюбил место, называемое Болдины горы; он вырыл пещеру и поселился тут. И доныне стоит тут на Болдыных горах, близ Чернигова, монастырь Святой Богородицы.

Феодосии же, узнав, что Антоний ушел в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и перенес его в келью свою, и ухаживал за ним. Был тот так расслаблен умом и телом, что не мог ни повернуться с боку на бок, ни встать, ни сесть, лишь лежал на одном боку, так что у него много завелось червей под бедрами из-за того, что он мочился и ходил под себя. Феодосии же сам

своими руками обмывал и переодевал его; и тот лежал так целых два года, и святой служил ему.

И это было дивное чудо, что в течение двух лет не брал он в рот ни хлеба, ни воды, ни овощей и никакой пищи не ел, ничего не говорил и лежал нем и глух два года.

Феодосии же молился Богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока больной на третий год не заговорил, и попросил поднять его на ноги, как младенец, и начал ходить. Но не стремился он в церковь пойти, и его насильно водили в церковь, и так мало-помалу стал он ходить в церковь. После этого начал он ходить в трапезную, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, но он не брал его, они же вкладывали его ему в руку. Феодосии же сказал: «Положите перед ним хлеб, а в руку не вкладывайте: пусть сам ест». Он же не ел целую неделю, а потом понемногу огляделся и стал пробовать хлеб, и так выучился есть. И так избавил его великий Феодосии от козней дьявола и от прельщений его. И снова предался Исакий жестокому воздержанию.

Когда же преставился Феодосии и игуменом стал Стефан, Исакий сказал: «Ты, дьявол, прельстил меня, когда я сидел на одном месте, поэтому теперь не затворюсь я в пещере, а буду побеждать тебя благодатью Божиею, ходя по монастырю». И снова облекся он во власяницу, а на власяницу надел рубаху грубую и стал юродствовать. Он начал помогать поварам и трудиться на братию, и на заутреню приходил он раньше всех, и стоял твердо и непоколебимо. Когда же приспевала зима и наступали морозы лютые, то и тогда стоял он в протоптанных башмаках, так что часто ноги его примерзали к каменному полу, но он не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел он в поварню, разводил огонь, приносил дрова и воду, после чего приходили прочие повара из братии.

Один из поваров, также по имени Исакий, как-то сказал, насмехаясь: «Исакий, вот сидит ворон черный, – поди, возьми его». Он же поклонился до земли, пошел, взял ворона и принес его на глазах у всех поваров. И ужаснулись все они, видя это, и поведали игумену и всей братии, и после этого братия стала почитать его. Он же, отвергая славу человеческую, стал

юродствовать и начал глумиться то над игуменом, то над кем-нибудь из братии, то над мирянами так, что иные даже били его. И стал ходить по миру, также юродствуя.

И поселился он снова в пещере, в которой жил прежде, – Антоний к этому времени уже умер, – и начал собирать к себе юных мирян и одевал их в монашеские одежды. И его били за это, – то игумен Никон, то родители детей этих. Блаженный же все это терпел, перенося побои, и наготу, и холод днем и ночью.

Однажды ночью затопил он печь в келье, в пещере, и, когда печь разгорелась, – а она была ветхая, – пламя стало вырываться вверх через щели, а заложить их ему было нечем, и встал босыми ногами на огонь, и простоял так, пока не прогорела печь, и сошел, не причинив себе вреда. И многое другое рассказывали о нем, а иное я и сам видел.

И такую силу взял он над бесами, что как мухи были они ему, ни во что не ставил он их страдания и наваждения. Он говорил им: «Если вы и прельстили меня в первый раз, потому что не ведал я козней ваших и лукавства, то ныне со мною Господь Иисус Христос, Бог мой, и на молитвы отца моего Феодосия надеюсь, и одержу победу над вами». Много раз пакостили ему бесы и говорили: «Наш ты, Исакий, потому что старейшине нашему поклонился». Он же говорил: «Ваш старейшина – Антихрист, а вы – бесы»; и осенял лицо свое крестным знамением – и исчезали бесы.

Иногда же снова приходили они к нему, пугая его видением, как будто пришло много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыпем его здесь»; иные же говорили: «Выходи, Исакий: хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если бы вы были люди, то днем пришли бы, а вы – тьма и во тьме ходите»; и когда осенял себя крестным знамением, то они исчезали. Иногда же стращали его то в образе медведя, то лютого зверя, то льва, то вползали к нему змеями, или жабами, и мышами, и всякими гадами, и ничего не могли сделать ему.

И сказали: «О Исакий, победил ты нас!» Он же отвечал: «Когда-то вы прельстили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но не достойны вы были такового сана, а теперь вы

являетесь в своем истинном образе, зверином и скотском, и змеями, и разными гадами, какие вы и есть на самом деле». И с тех пор не было ему никакой пакости от бесов, о чем он сам и поведал, говоря: «Три года была у меня с ними эта борьба».

Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. И так жил он, и пришел конец жизни его. Разболелся он в пещере, и перенесли его, больного, в монастырь, и проболел так до восьмого дня, и путем праведным отошел к Господу в добром исповедании. Игумен же Иоанн и вся братия убрали тело его, похоронив честно со святыми отцами в пещере.

Таковы были монахи Феодосиева монастыря, которые сияют и по смерти, как светила, и молят Бога за всех православных царей и князей, и за здесь живущую братию, и за всех работающих в доме Божьей Матери, и за мирскую братию, и за приходящих и жертвующих в монастырь, в котором и доныне добродетельной жизнью живут сообща, все вместе, в пении и молитвах, и в послушании, на славу всемогущему Богу и пречистой его Матери, соблюдаемые молитвами святых отцов Антония и Феодосия и всех преподобных отцов печерских.

Да сподобит и нас Господь молитвами их избежать сетей ловящего нас дьявола и оказаться в том месте, где обретаются отцы Антоний и Феодосии. И призовем, братья, блаженных тех отцов и чудотворцев быть помощниками и молитвенниками к Господу Богу, чтобы не быть нам отлученными от преподобных тех черноризцев и отторженными от блаженного и святого того места, и не лишиться того, чтобы оно оставалось жилищем пренепорочной и пречистой Девы, как она сама обещала; да будем стремиться и остальные дни жизни своей проводить в покаянии и угождении Богу. Да будет же всем нам милость получить жизнь вечную о Христе Иисусе, о Господе нашем, ему же слава и держава с Отцом.

ВОПРОС БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА О
ЛАТИНЯНАХ. СЛОВО 37

Пришел однажды благоверный великий князь Изяслав, сын Ярослава, внук Владимира, к святому отцу нашему Феодосию,

игумену Печерскому, и сказал ему: «Разъясни мне, отче, какова суть веры варяжской?»

Преподобный же отец наш Феодосии сказал: «Послушай, благочестивый князь, про то, о чем хочет узнать твое благородство, от нашего смирения.

Вера их вредная и уставления ее несправедливы: в Савелиеву веру и в другие многие ереси впали они и всю землю тем осквернили. Ты же, благоверный самодержец, остерегайся их. Ереси же их таковы: во-первых – икон не целуют; во-вторых – мощи святых не целуют; в-третьих – крест, на земле изобразив, целуют, а встав, попирают ногами; в-четвертых – в пост мясо едят; в-пятых – служат с опресноками; в-шестых – попы их крестят одним погружением в воду, а мы – тремя, мы мажем елеем окрещаемого и маслом, а они сыплют соль в уста, во имя же святых не нарекают, но как назовут родители детей, таким именем и крестят. Поэтому латинской веры следует остерегаться, обычаев их не держаться, причастия у них не принимать и не слушать сказанного ими, потому что неистинно веруют они и говорят и нечисто живут. Едят с собаками и кошками, пьют свою собственную мочу, – зло это и проклятию подлежит, – едят черепах, и диких коней, и ослов, и удавленину, и мясо медвежье и бобровое. В первую же неделю Великого поста и во вторник разрешают есть мясо, и монахи едят сало, в субботу же постятся. Христианам же своих дочерей нельзя выдавать замуж за них, ни их дочерей брать себе в жены, нельзя с ними брататься, ни кумиться, ни целоваться с ними, и нельзя есть с ними и пить из одной посуды. Если же они попросят у вас, то дайте им, Бога ради, поесть, но в их посуде; если же не будет у них посуды, то можно дать в своей и потом, вымывши посуду, молитву сотворите. А о согрешениях своих они не у Бога просят прощения, а попы их прощают за мзду. Попы же их не женятся законным браком, но с рабынями блудят и церковную службу творят, не видя в этом греха. Епископы же их держат наложниц, и на войну ходят, и перстень на руке носят. Мертвецов кладут на запад ногами, а головою на восток и руки вдоль тела укладывают, очи же, уши и нос заклепывают воском. И в жены берут сестер. И мертвому телу Господню служат, считая

его мертвецом; мы же службу творим живому телу Господню, самого Господа видя сидящим справа от Отца, который судить придет живых и мертвых. Они ведь, латиняне, мертвые, потому что мертвую службу творят; мы же, живому Богу жертву чистую и непорочную принося, вечную жизнь обретаем. Ведь так написано: “Каждому воздается по делам его”. Пищи же их нельзя вкушать, ибо много в них злого и несправедливого. Развращена и гибельна вера их, ибо даже иудеи не делают того, что они творят. Многие же в Савелиеву ересь впали, которая сквернее и злее, чем вера любых других народов, потому что спастись от нее нельзя, а от языческих ересей можно. Латиняне и Евангелие, и Апостол имеют, и иконы святые, и в церковь ходят, но и вера их и закон ложные. Множество ересей всю их землю осквернили, потому что во всей земле только варяги. Великая беда из-за них правоверным христианам, которые с ними живут в одном месте. Тот же из христиан, который устоит перед ними, сохраняя веру в чистоте, станет перед Богом справа, радуясь; если же по доброй воле перейдет в их веру, то будет стоять вместе с ними слева, плача горько. Нет жизни вечной живущим в вере латинской или мусульманской, или армянской, не будут они вместе со святыми в будущем веке. Веру же их хвалить нельзя: если кто хвалит их веру, то оказывается он хулителем своей; тот, кто начинает непрестанно хвалить чужие веры, отреченные от православного христианства, такой оказывается двоеверцем и близок он к ереси. Ты же, чадо, храни себя от таких деяний и не придерживайся их, но избегай их, свою веру всегда хвали и, по силе своей, подвизайся в ней добрыми делами. Милостив же будь, христородец, не только со своими домочадцами, но и с чужими, и если видишь нагого, одень его, а если голодного или находящегося в беде, помоги такому. И если такой будет иной веры, еретик и латинянин, любому помоги и от бед избавь, тогда воздаяния от Бога не лишишься; Бог ведь сам всех питает, и поганых так же, как и христиан. О всех, и о язычниках, и о иноверных, заботится Бог, в будущем же веке лишены они будут воздаяния блаженных; мы же, живущие в правоверной вере, и здесь охраняемы Богом и в будущем веке спасены будем

Господом нашим Иисусом Христом. Если кому-либо по вере сей святой придется Бога ради умереть, то не лишится он истинной веры, но умрет за Христа, ибо святые, сказано, за веру умершие, да оживут о Христе. Ты же, сын мой, если встретишь иноверных, с правоверными спорящих и обманом стремящихся отворотить от православной веры правоверных, ты же, истинно ведающий православие, не скрывай этого в себе, но помоги правоверным в их споре с зловерными. И если поможешь, то, как добрый пастырь, спасешь овец от пасти львиной; если же промолчишь, то все равно что отнимешь у Христа и предашь Сатане, и должен будешь о них ответ держать в день Судный. И если тебе скажет кто-либо: “И эту и ту веру Бог дал”, то ты ответь ему: “Кто ты такой, кривоверный? Считаешь Бога двоеверцем? Не слышал разве, окаянный и развращенный злою верой, что написано: “Так говорит Господь: един Бог, едина вера, едино крещение”. И так сказал Господь: “Подобает нам исполнить всякую правду”, и, все это исполнив, он снова взошел на небеса и учеников своих послал проповедовать во все концы вселенной. Как же ты, зловерный, столько лет держался православной веры, а ныне совратился на зловерие и учение сатанинское. Не слышал разве ты апостола Павла, говорящего, что если некие станут совращать вас и перетолковывать благовествование Христово, даже если ангел, сошедший с небес, начнет поучать вас иначе, не так, как мы известили вам, да будет проклят. Вы же отвергли проповедь апостольскую и святых отцов наставления, приняли неправую веру и учение, развращенное и исполненное погибели. Ради этого от нас изгнаны и отлучены, потому что нам с вами не годится ни жить, ни вместе причащаться, а вам присутствовать на нашей божественной службе, так как много у вас ересей».

О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ПОЛИКАРПА, АРХИМАНДРИТА ПЕЧЕРСКОГО, И О ВАСИЛИИ-ПОПЕ. СЛОВО 38

Преставился блаженный и преподобный отец наш Поликарп, архимандрит Печерский в 6690 (1182) году, в двадцать четвертый день месяца июля, в день святых мучеников Бориса и Глеба. И убрали тело его, и погребли

честно с заупокойным пением, как он сам заповедал. После смерти же его начались раздоры в монастыре. После этого старца не могли иноки избрать себе игумена, и охватили братию скорбь, и горе, и печаль – ведь не подобает такому большому стаду ни единого часа без пастыря оставаться.

Во вторник же ударили в било, и вся братия собралась в церкви, и стали молиться святой Богородице. И вот что было удивительным – как едиными устами многие сказали: «Пошлем к Василию-попу на Щековицу, чтобы был он нам игуменом и правителем иноческого стада Феодосиева монастыря Печерского». И, придя, все поклонились Василию-попу и сказали: «Мы, вся братия, иноки, кланяемся тебе и хотим, чтобы ты был нам отцом и игуменом».

Поп же Василий в великом изумлении, пав, поклонился и сказал им: «Отцы и братья, я о чернечестве только в сердце своем помышлял, ради чего же задумали вы меня, недостойного, поставить игуменом?» После долгих споров согласился он. Они же, взяв его, пошли с ним в монастырь, было это в пятницу. И приехал на пострижение его митрополит Никифор, и Лаврентий, туровский епископ, и Никола, полоцкий епископ, и все игумены. И постриг его митрополит Никифор своей рукой, и стал он игуменом и пастырем иноков Феодосиева монастыря.

Написана была сия книга, называемая Патерик Печерский, жития и чудеса святых и преподобных отцов печерских Антония и Феодосия и всех преподобных отцов печерских, повелением смиренного инока Кассиана, уставщика печерского, в 6970 (1462) году, индикта 10, в десятый день месяца апреля, в субботу святого и праведного Лазаря, друга Христа, на память святых мучеников Терентия и Помпия и других, пострадавших вместе с ними, в богоспасаемом городе Киеве, в царствующей обители пречистой Богоматери и преподобных наших отцов Антония и Феодосия, в Печерском монастыре, в пустыни святого и великого святителя и чудотворца Христова Николы Мирликийского, при княжении благоверного и христолюбивого князя Семена Александровича, при печерском архимандрите Николе, молитвами святых преподобных отцов печерских

Антония и Феодосия и святых всех чудотворцев печерских. Богу нашему слава во веки. Аминь.

* * *

ПАТОРИК⁷⁶⁷ ПЕЧЕРЬСКИЙ, ИЖЕ О СЪЗДАНИИ ЦЕРКИ, ДА РАЗУМѢЮТЬ ВСИ, ЯКО САМОГО ГОСПОДА БОГА ПРОМЫСЛОМЪ И ВОЛЕЮ И ЕГО ПРЕЧИСТЫ МАТЕРЕ МОЛИТВОЮ И ХОТѢНИЕМЪ СЪЗДАСЯ И СЪВРЪШИСЯ БОГОЛѢПНАА И НЕБЕСНОПОДОБНАА ВЕЛИКАА ЦЕРЬКИ БОГОРОДИЦИНА ПЕЧЕРЬСКАА,⁷⁶⁸ АРХІМАНДРИТИА⁷⁶⁹ ВСЕА РУСКЫА ЗЕМЛЯ, ЕЖЕ ЕСТЬ ЛАВРА⁷⁷⁰ СВЯТОГО И ВЕЛИКОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ⁷⁷¹

ПАТЕРИК ПЕЧЕРСКИЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ СОЗДАНИЮ ЦЕРКВИ, ЧТОБЫ ЗНАЛИ ВСЕ, КАК САМОГО ГОСПОДА БОГА ПРОМЫСЛОМ И ВОЛЕЮ И ЕГО ПРЕЧИСТОЙ МАТЕРИ МОЛИТВОЙ И БЛАГОВОЛЕНЬЕМ СОЗДАЛАСЬ И СВЕРШИЛАСЬ БОГОЛЕПНАЯ, НЕБУ ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАЯ ПЕЧЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ, АРХІМАНДРИТИА ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛАВРОЙ СВЯТОГО И ВЕЛИКОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ

СЛОВО 1

Благослови, *отче*.

Бысть в земли Варяжской княз Африканъ, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златы *луды*, биася плѣком по Ярославѣ с лютымъ Мьстиславом. И сему Африкану бяху два сына – Фриадъ и Шимон.⁷⁷² По смерти же отцю ею изгна Якунъ обою брату от области ею. Прииде же Шимонъ къ благовѣрному князю нашему Ярославу;⁷⁷³ его же приимъ, въ чести имяше и дасть его сынови своему Всеволоду, да будет старей у него; приа же велику власть от Всеволода. Вина же бысть такова любвии его къ святому тому мѣсту.

При благовѣрномъ и великом князи Изяславѣ в Киевѣ половцем ратию пришедшимъ на Рускую землю в лѣто 6576, и изыдоша сие трие Ярославичи въ сретение им: Изяславъ, Святославъ и Всеволод,⁷⁷⁴ имый съ собою и сего Шимона. Пришедшим же им к великому и святому Антонию⁷⁷⁵ молитвы ради и благословения, старецъ же отвръзъ неложнаа своа уста и хотящую имъ быти погыбель ясно исповедаше. Сий же варягъ

пад на ногу старцу и моляшеся съхранену ему быти от таковыа бѣды. Блаженны же рече тому: «О чадо, яко мнози падут *острием* меча, и бежащимъ вамъ от супостат ваших, попрани и язвени будете и в *водѣ* истопитесь; ты же, спасень бывъ, zde имаеши *положень* быти в хотящей *сздатися* церкви».

Бывшим же имъ на-Лѣтъ, съступишася плъци обои, и Божиимъ гнѣвом побѣжени бысть христiane, и бѣжащимъ имъ, *убьени* быша и воеводы съ множествомъ вои, егдаже съступишася. Ту же и Шимонъ лежаще язвен посрѣдѣ их. Възрѣвъ же горѣ на небо, и видѣ церковь превелику, якоже прежде видѣ на мори, и въспомяну глаголы Спасовы, и рече: «Господи! Избави мя от горкиа сиа смерти молитвами пречистыа твоеа Матере и преподобную отцу Антониа и Феодосиа!» И ту абие нѣкаа сила изъят его из среды мертвых, и абие исцѣлѣ от ранъ и вся своа обрѣтѣ цѣлы и здравы.

Паки възвратися к великому Антонию, сказа ему вещь дивну, тако глаголя: «Отець мой Африканъ съдѣла крестъ и на немъ изобрази богомужное подобие Христова написаниемъ вапным, новъ дѣло, якоже латина чтут, велик дѣломъ, яко 10 лакот.⁷⁷⁶ И сему честь творя, отецъ мой възложи поясъ о чреслѣхъ его, имущъ *вѣса* 50 гривень⁷⁷⁷ злата, и венець злат на главу его. Егда же изгна мя Якунъ, стрый мой, от области моеа, азъ же взях поясъ съ Иисуса и венець съ главы его и слышах глас от образа; обратився ко мнѣ и рече ми: “Никакоже, человекѣ, сего възложи на главу свою, неси же на уготованное мѣсто, идѣже зиждется церковь Матере моя от преподобнаго Феодосиа, и тому в руцѣ вдаждь, да обѣсит над жрътовникомъ моим”. Аз же от страха *падохся*, оцепнѣвъ, лежах акы мертвъ; и въстав, скоро внидох в корабль.

И плывущимъ намъ, бысть буря велиа, яко всѣмъ намъ отчяятись живота своего, и начях въпити: “Господи, прости мя, яко сего ради пояса днесь погыбаю, понеже изъяхъ от честнаго твоего и *человѣкоподобнаго* образа!” И се видѣх церковь горѣ и помышляхомъ, каа си есть церковь? И бых свыше глас к намъ, глаголяй: “Еже хочетъ сздатися от преподобнаго въ имя Божиа Матере, в нейже и ты имаши *положень* быти”. И якоже видѣхомъ величествомъ и высотой, размѣривъ поясомъ тѣмъ

златымъ, 20 лактей в ширину и 30 – в долину и 30 – в высоту стѣны, с верхомъ – 50. Мы же вси прославихомъ Бога и утѣшихомся радостию великою зѣло, избывше грѣхъа смерти. Се же и донинѣ не свѣдя, гдѣ хочетъ създатися показаннаа ми церкви на *мори* и на-Лтѣ, и уже ми при смерти сущу, Дѣндеже слышах от твоихъ честныхъ устенъ, яко здѣ ми положену быти, в хотящей създати церкви». И иземъ, дасть пояс съ златы и глаголя: «Се мѣра и основание, сий же вѣнецъ да обѣшенъ будет надъ святою трапезою».

Старець же похвали Бога о семь, рекъ варягови: «Чадѣ, отселе не наречетъ имя твое Симонъ, но Симонъ будетъ имя твое». Призвавъ же Антоній блаженнаго Феодосіа, рече: «Симоне, сий хочетъ въздвигнути таковую церковь», и дасть ему поясъ и венець. И оттоле великую любовь имаше къ святому Феодосію, подавъ ему имѣнія многа на възграждение монастырю.

Нѣкогда же сему Симонови пришедшу къ блаженному и по обычней бесѣде рече ко святому: «Отче, прошу у тебе дара единого». Феодосій же рече к нему: «О чадѣ, что проситъ твое величество от нашего смирения?» Симонъ же рече: «Велика же паче и выше моеа силы требую азъ от тебе дара». Феодосій же рече: «Съвеси, чадѣ, убожество наше, иже иногда многажды и хлѣбу не обрѣстися въ дневную пищу, иного же не свѣмъ, что имѣю». Симонъ же глаголя: «Аще хоцещи подаси ми, можещи бо по даннѣй ти благодати от Бога, еже именова ты преподобнымъ. Егда бо снимахъ вѣнецъ с главы Иисусовы, той ми рече: “Неси на уготованное мѣсто и вдаждь в руцѣ преподобному, иже зижетъ церковь Матере моеа”. И се убо прошу у тебе: да ми даси слово, яко да благословитъ мя душа твоя якоже в животѣ, тако и по смерти твоей и моей». И отвѣща святый: «О Симоне, выше силы прошение, но аще узриши мя, отходяща отсуду, свѣта сего, и по моемъ отшествіи сию церковь устроенну, и уставы преданныя съврѣшатся в той, извѣстно ти буди, яко имамъ дрѣзновение къ Богу; нынѣ же не свѣмъ, аще приата ми есть молитва».

Симонъ же рече: «От Господа свѣдѣтельствованъ еси, самъ бо от пречистыхъ устъ святого его образа слышахъ о тебѣ, и

сего ради молю ти ся, якоже о чръноризцѣх, тако и о мнѣ, грѣшнемъ, помолися, и о сыну моемъ Георгии, и до послѣднихъ рода моего». Святый же яко обещася и рече: «Не о сихъ единехъ молю, но и о любящихъ мѣсто сие святое мене ради». Тогда Симонъ поклонися до земля и рече: «Не изыду отъ тебе, отче, аще написаниемъ не извѣстиши ми».

Принуженъ же бывъ любви его ради преподобный, и пишетъ тако, глаголя: «Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа», иже и донынѣ влагаются умершему въ руку таковую молитву. И оттоле утвердися таковое написание полагати умершимъ, прѣжде бо сего инѣ не сотвори сицевыя вещи въ Руси. Пишетъ же и сие въ молитвѣ: «Помяни мя, Господи, егда приидеши въ царствии си и въздати хотя комуждо по дѣломъ его, тогда убо, Владыко, и раба своего Симона и Георгия сподоби одесную тебе стати въ славе твоей и слышати благи твоей глас: “Приидѣте, благословении Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царство искони мира”». ⁷⁷⁸

И рече Симонъ: «Рцы же и къ симъ, отче, и да отпустятся грѣси родителю моимъ и ближнимъ моимъ». Феодосий же въздвижъ руки свои и рече: «Да благословитъ тя Господь отъ Сиона, и узрите блага Иерусалиму вся дни живота вашего и до послѣднихъ рода вашего!» ⁷⁷⁹ Симонъ же приимъ молитву и благословение отъ святого, яко нѣкъ бисеръ многоценный и даръ. Иже преже бывъ варягъ, и нынѣ же благодатию Христовою христианъ, наученъ бывъ святымъ отцемъ нашимъ Феодосиемъ; оставивъ латинскую буюсть и истиннѣ вѣровавъ въ Господа нашего Иисуса Христа и со всѣмъ домомъ своимъ, яко до 3000 душъ, и со ерѣи своими, чюдесъ ради бывающихъ отъ святою Антоніа и Феодосіа. И сий убо Симонъ пръвѣй положенъ бысть въ той церкви.

Оттоле сынъ его Георгій велику любовь имѣаше ко святому тому мѣсту. И бысть посланъ отъ Володимера Мономаха въ Суждальскую землю сий Георгій, дасть же ему и сына своего Георгіа. По лѣтахъ же многѣхъ сѣдѣ Георгій Владимировичъ въ Киевѣ; ⁷⁸⁰ тысяцькому же своему Георгіеву, яко отцу, предасть землю Суждальскую.

О ПРИШЕСТВИИ МАСТЕРОВЪ ЦЕРЬКОВЬНЫХЪ ОТ ЦАРЯГРАДА КЪ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ. СЛОВО 2

И се вы, братие, скажу ино дивно и преславно чюдо о той богоизбраннѣй церкви Богородичинѣ.

Приидоша от Царяграда мастера церковнии, четыре мужие богати велми, въ печеру к великому Антонию и Феодосию, глаголяще: «Гдѣ хочета начати церковь?» Она же къ нимъ рѣста: «Идѣже Господь мѣсто наречет». Сии же рѣста: «Аще смерть себѣ проповѣдасте, мѣста ли не назнаменавше, толикое злато вдавше намъ?» Антоний же и Феодосие призвавше всю братию и въспросиста грек, глаголюще: «Скажите истинну, что се бысть?»

Сии же мастера рѣста: «Намъ спящимъ в домѣхъ наших, рано въсходящу солнцю, приидоша къ комуждо нас *благообразнии* скопци, глаголюще: “Зовет вы царица Влахерну”.⁷⁸¹ И нам же идущим, пояхомъ съ собою другыи и южикы своа, и обретохомся равно вси пришедше къ царици, и стяжавшеся, едину рѣчь царицину слышавше, и едини зватаеве быша у нас. И видѣхомъ царицю и множество вои от ней, поклонихомся ей, и та рече к намъ: “Хочу церковь възградити себѣ в Руси, в Киевѣ, велю же вамъ, да возмѣта злата собѣ на 3 лѣта”. Мы же, поклонившеся, рѣхомъ: “О госпоже царице! В чюжу страну отсылаеши нас, къ кому тамо приидемъ?” Она же рече: «Сию посылаю ко *Антонию и Феодосию*». Мы же рехомъ: “Почто, госпоже, на 3 лѣта злата даеши намъ? Сима прикажи о нас, что есть намъ на пищу вся потребнаа, сама же веси, чимъ насъ дарѣствовати”. Царица же рече: «Сий Антоний, точию благословивъ, отходит свѣта сего на вѣчный, а сий Феодосий въ 2 лѣто по нем идет къ Богу. Вы же возмѣте до избытка вашего злата, а еже почтити васъ, тако не может никтоже: дамъ вамъ, еже ухо не слыша и на сердце чловѣку не взыде. Прииду же и сама видѣти церкви и в ней хочу жити». Вда же намъ и мощи святыхъ мученикъ: Артемиа и Полиекта, Леонтия и Акакиа, Арефы, Иакова, Феодора, рекши нам: “Сиа положите во основании”.⁷⁸² Взяхомъ же злато и лише потребы. И рече к намъ: “Изыдете наясно и видите величество”. И видѣхомъ церковь на въздусе, и, вышедше, поклонихомся ей, и

въспросихомъ: “О госпоже царице, какво имя церкви?” Она же рече яко: “Имя себѣ хочу нареци”. Мы же не смѣхом ея воспросити: “Како ти есть имя?” Сии же рече: “Богородичина будетъ церьки”, и дасть ти намъ сию икону. “Та намѣстнаа, – рече, – да будетъ”.⁷⁸³ Ей же поклонившися, изыдохомъ в домы своа, носяще и сию икону, юже приахомъ от руку Царицину».

И тогда вси прославиша Бога и того рождѣшую. И отвѣща Антоний: «О чада, мы николиже исходихомъ от мѣста сего». Грѣци же съ клятвою рѣша яко: «От вашею руку злато взяхомъ пред многими свидетели, но и до корабля с теми ваю проводихомъ, и по ваю отшествии мѣсяць единъ пребывше, пути ся яхомъ; и се есть деньдесяты, отнележе изыдохомъ от Цариграда. Въспросихомъ же Царица величества церкви, и та рече намъ: “Мѣру убо послахъ пояс Сына моего, по повелѣнию того”».

И отвѣща Антоний: «О чада, велики благодати Христос сподобилъ васъ, яко того воли съврѣшители есте. Суть же вас звавшие они благообразнии скопци – пресвятии аггели, а еже Влахернѣ царици – сама чювьствѣннѣ явившися вамъ пресвятаа, чистаа и непорочнаа владычице нашеи Богородице и приснодевице *Мариа*, еже о той вои предстояще суть бесплотнии аггельскыа силы. Наю подобии, дание вамъ злата – Бог вѣсть, якоже самъ сътвори и изволи о своею рабу. Благословенъ приходъ вашъ, и добру спутницу имѣете, сию честную икону Госпожину, и та отдасть вамъ, якоже обѣщася, еже ни ухо не слыша и на сердце чловѣку не възиде: тогоже *никтоже* может дати, развии тоа и сына еа, Господа Бога и спаса нашего Иисуса Христа, егоже поясъ и венець от варягъ принесенъ бысть, и мѣра сказася широты и долготы и высота тоа пречестныа церкви, гласу таковому съ небеси пришедшу от велелѣпныа славы».

Грѣци же поклонишася съ страхомъ святымъ и рѣша: «Гдѣ мѣсто таковое, да видимъ?» Антоний же рече: «3 дни прѣбудемъ молящися, и Господь явить намъ». И в ту ноць, молящуся ему, явися ему Господь, глаголя: «Обрѣл еси благодать предо мною». Антони же рече: «Господи, аще обретохъ благодать прѣд тобою, да будетъ по всей земли роса, а на мѣсте, идѣже волиши

освятити, да будет суша». Заутра же обрѣтоша сухо мѣсто, идѣже нынѣ церьки есть, а по всей земли роса. Въ другую же ночь, тако помолящися, рече: «Да будет по всей земли суша, а на мѣсте святѣмъ роса». И шедше, обретоша тако. Въ 3-й же день, ставше на мѣсте том, помолящися и благословивъ мѣсто, и измѣриша златымъ поясомъ широту и долготу. И въздвигъ руцѣ на небо Антоний, и рече великимъ гласомъ: «Послушай мене, Господи, днесъ послушай мене огнемъ, да разумѣютъ вси, яко ты еси хотяй сему». И абие спаде огонь съ небеси и пожже вся древа и трѣние, и росу полиза, долину сътвори, якоже рвомъ подобно. Сущии же съ святыма от страха падоша яко мертвии. И оттуду начатокъ тоа Божественныа церкви.

О ЕЖЕ КОГДА ОСНОВАНА БЫСТЬ ЦЕРКВИ ПЕЧЕРСКАА. СЛОВО 3

Основана же бысть Божественаа сиа церьки Богородичина в лѣте 6581. В дни благовѣрного князя *Святослава*, сына Ярославля,⁷⁸⁴ начя здатися церкви сиа, иже своима руками начя ровъ копати. Христоролюбивы князь Святославъ вдажь 100 гривень злата в помощь блаженному и мѣру положше златымъ поасомъ по оному гласу, еже от небесъ слышанный на мори. Въ Житии бо святого Антониа⁷⁸⁵ се пространнѣе обрящеши. В Феодосиевѣ Житии⁷⁸⁶ всемъ явлена суть, како столпъ огненъ явися от земля до небесъ, овогда же облакъ, иногда же яко дуга от врѣха оноа церьки на сие мѣсто, многажды же и иконѣ прѣходити, аггеломъ ту носящимъ, на хотящее быти мѣсто.

Что сего, братие, чюднѣе? Прошед убо книги Ветхаго и Новаго закона, нигдѣже убо таковыхъ чюдесъ обращаеши о святыхъ церквахъ, якоже о сей: от варягъ и от самого Господа нашего Иисуса Христа и честнаго его и божественнаго и челоукообразнаго подобиа – и святыа главы Христовы вѣнецъ, и богозвучный гласъ слышахом от Христова подобиа, нести велящъ на уготованное мѣсто и того поасомъ измѣрити по небесному гласу, иже видена бысть прежде начатиа. Такожде и от Грекъ иконѣ пришедши с мастерами, и мощи святыхъ мученикъ подо всѣми стенами положены быша, идѣже и сами написаны суть над мощми по стѣнамъ.

Должно же есть похвалити прежде отшедших благовѣрных князей, и христолюбивых бояръ, и честных мнихъ, и всѣх христианъ православных. Блаженъ и треблажен сподобивыся в той положен быти, велики благодати и милости от Господа достоинъ бысть молитвами святыа Богородица и всѣх святых. Блаженъ и треблаженъ сподобивыйся в той написанъ быти, яко оставление грѣховъ приимет и мздыи небесныа не погрѣшит. «Радуйтеся бо, – рече, – и веселитесь, яко имена ваша суть написана на небесѣх»⁷⁸⁷ – церкви бо си Богови люблещи небеси. И того рождшиа изволи сию съдѣлати, якоже обѣщася Влахернѣ мастером, си рекши: «Иду видѣти церьки, в ней хощу жити». Добро убо, зѣло добростою въдворитися во святѣй еа и въ божественѣй церьки, и какоа славы и похвалы улучшить положеный в той и написанный в ней въ животныа книги,⁷⁸⁸ еже прѣд тоа очима поминаему быти всегда.

И се вы, възлюбленнии, приложу слово на утверждение ваше. Что сего злѣе, еже такового свѣта отпасти и тму любити, и себе измѣтати богонареченныа церкви, еже оставити Богомъ созданную и искати челоуѣки сотворенныа от насилия и граблениа, еже та сама въпиеть на создавшаго ю. Сея же зижитель, и хитрецъ, и художникъ, и творецъ – Богъ, иже огнемъ Божества своего попали вещи тлѣнныа, древеса же и горы путь равнаа дому Матере своеа на преселение рабомъ своим. Разумѣйте, братиа, основание, начало еа: и Отецъ свыше благословиль росю, и столпомъ огненымъ, и облакомъ свѣтлым; Сынъ мѣру даровалъ своего поаса, аще бо и древо бяше существомъ видимо, но Божиею силою одѣано есть; Святыи же Духъ огнемъ невестственнымъ яму ископа на въдружение корениа, и на семь камени съгради Господь церковь сию, и врата адова не удолѣют еи.⁷⁸⁹ Что же и Богородице: на 3 лѣта злата даетъ мастеромъ и своего пречестнаго образа икону даровавши и ту намѣстницу постави, от неа же чюдеса многа сотворяются и донынѣ.

О ПРИШЕСТВИ ПИСЦЕВЪ ЦЕРКОВНЫХЪ КО ИГУМЕНУ НИКОНУ⁷⁹⁰ ОТ ЦАРЯГРАДА. СЛОВО 4

И се дивное чюдо, еже сказаю вамъ. Приидоша того же богохранимаго Константина-града къ игумену Никону писци

иконнии, глаголюще сице: «Постави рядца наша, хощеве ся истязати: намъ показаша церковь малу, и тако урядихомся предо многими свѣдетели, сиа же церковь *велика* велми; и се ваше злато възмѣте, а мы идемъ ко Цариграду». И отвѣща игумень: «Какови бѣше деавшей ряд с вами?» Писци же рѣша подобие и образъ игумена Феодосия и Антониа. И рече имъ игумень: «О чада, намъ не мощно вамъ явити тѣх, прежде бо 10 лѣт отъидоша свѣта сего, и суть непрестанно молящеся за ны, и неотступно хранят сию церковь, и соблюдают свой монастырь, и промышляют о живущих в нем».

И сиа слышавша грѣци, ужасни быша о отвѣте, приведоша же и инѣхъ купецъ много, иже бѣша оттуду путешествовавшие с тѣми, грѣци и обези. И глаголаху: «Пред сими ряд сотворихом, злато взяхомъ от руку ею, и ты не хощеши намъ явити ею. Аще ли преставилася еста, яви намъ образъ ею, да и сии видят, аще та еста». Тогда игумень изнесе пред всѣми икона ея. Вѣдѣвши же грѣци и обези образъ ею, и поклонишася, глаголюще, яко: «Сии еста воистинну, и вѣруемъ, яко жива еста и по смерти, и можета помогати, и спасати, и заступати прибѣгающих к нима». Вдаша же и мусию, иже бе принесли на продание, еюже святой олтарь устроиша.

Писци же начаша каатися своего съгрѣшения. «Егда, – рече, – приидохомъ в Каневъ⁷⁹¹ в лодиах, и се видѣхомъ церковь сию велику на высотѣ. Въпросихом же сущих с нами: “Каа си естъ церкви?” И рѣша: “Печерьскаа, ей же вы есте писци”. Разгнѣвавши же съ, хотѣхом бежати внизъ. В ту же ноцъ бысть буря велика на рецѣ. Заутра же воставше, обрѣтохомся близъ Треполя,⁷⁹² и лодиа сама идяше горѣ, аки нѣкаа сила влечаше. Мы же нуждею удрѣжахомъ ю, и стоавше весь день, размышляюще, что се будет, яко толикъ путь преидохомъ единою ноцию, не гребуще, еже съ трудомъ едва тремя деньми доходят друзии. Въ другую же ноцъ видѣхомъ сию церковь и чудную икону намѣстную, глаголюще нам: “Человѣци, что всуе мятетеся, не покоряющеся воли Сына моего и моей; и аще мене преслушаетеся и бежати восхощете, вся вы воземъши и с лодиею поставлю в церьки моей. И се же да вѣсте, яко оттуду не изыдете, но ту в монастыри моемъ, остригшися, живот свой

скончяета, и азъ вам дамъ милость в будущемъ вѣцѣ строителю сею ради Антониа и Феодосиа”. Мы же, заутра въставше, хотѣхомъ бѣжати внизъ, и много трудившеся, гребуще, а лодиа горѣ идяше противу. Мы же, повинувшеся воли и силѣ Божии, дахомся, и скоро под монастыремъ сама лодиа приста».

Тогда купно вси черноризци и грѣкы, мастера же и писци, прославиша великого Бога, и того пречистыа Матере чюдную икону, и святаа отца Антониа и Феодосиа. И тако обои живот свой скончаша в Печерьскомъ монастырѣ, мастера же и писци, во мнишескомъ житии, и суть положени въ своемъ притворѣ; суть же и нынѣ свиты ихъ на полатахъ и книги ихъ грѣческыа блюдомы в память чюдеси.

Егда же Стефанъ-игумень, демественникъ, из монастыря изгнанъ бысть и видѣвъ преславнаа чюдеса, како мастера приидоша, и икону носяще, и Царицино видѣние, еже Влахернѣ, повѣдаша, и сего ради самъ Влахернскую церковь на Кловѣ създа.⁷⁹³ Благовѣрный же князь Владимиръ Всеволодичъ Монамахъ,⁷⁹⁴ юнъ сый, и самовидецъ бывъ тому дивному чюдеси, егда огонь съ небеси спаде и выгори яма, идѣже основание церковное положиша поасомъ. И се слышаша по всѣй земли Руской. Сего же ради Всеволодъ съ сыномъ своимъ Володимеромъ ис Переяслава приеха видѣти таковаго великого чюдеси. Тогда Владимиръ боленъ сый, и тѣмъ поасомъ златымъ обложенъ бысть, и ту абие здрав бысть молитвами святую отцю нашу Антониа и Феодосиа.

И во своемъ княжении христолюбецъ Владимиръ, вземъ мѣру божественныа тоа церкви Печерьскыа, всѣмъ подобиемъ създа церковь въ градѣ Ростовѣ: в высоту, и в ширину, и в долготу. И он писмя на хартии написавъ, идѣже кииждо праздникъ в коемъ мѣсте написанъ есть, сиа вся в чинѣ и в подобие сотвори по образу великоа тоа церьки богоназнаменаныа. Сынъ же того, Георгий-князь, слыша от отца Владимира еже о той церкви сътворися, и той во своемъ княжении създа церковь в градѣ Суждалѣ в ту же мѣру, яже по лѣтехъ вся та распадошася,⁷⁹⁵ сиа же едина Богородичина прѣбывает в вѣкы.

О ИОАННЪ И СЕРГИИ ЧЮДО ИЗРЯДНО В БОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧЕРЬСКОЙ ЦЕРЬКИ БЫСТЬ ПРЕД ЧЮДНОЮ ИКОНОЮ БОГОРОДИЧИНОЮ. СЛОВО 5

Быста два мужа нѣкаа от великих града того, друга себѣ, Иоаннъ и Сергей. Сиа приидоста во церковь богонареченную и видѣста свѣтъ, паче сѣлнца, на иконѣ чюдней Богородичинѣй, и въ духовное братство приидоста.

По мнозѣх же лѣтах Иоанъ, разболѣвся, остави сына своего Захарию, 5 лѣтъ суща. И призва игумена Никона и раздаа все имѣние свое нищимъ, и часть сыновну дасть Сергию: 1000 гривень сребра и 100 гривень злата. Предасть же и сына своего Захарию, юна суща, на съблюденіе другу своему, яко брату вѣрну, заповѣдавъ тому, яко: «Егда возмужаетъ сынъ мой, дайде ему злато и сребро».

Бывшу же Захарии 15 лѣтъ, въсхотѣ взяти злато и сребро отца своего у Сергия. Сий же, уязвенъ бывъ от диавола, и мнѣвъ приобрѣсти богатество, и хоте живот съ душою погубити, глаголетъ юноши: «Отецъ твой все имѣние Богови издалъ, у того проси злата и сребра: тѣ ти длѣженъ есть, аще ты помилуешь. Азъ же не повиненъ есмь твоему отцу, ни тебѣ ни въ единомъ златницѣ. Се ты сътворилъ отецъ твой своимъ безумиемъ, раздаа все свое в милостыню, тебе же нища и убога оставилъ».

Сиа же слыша, юноша нача плакаться своего лишения. Посылает же юноша с молбою к Сергию, глаголя: «Дай же ми половину, а тебѣ половина». Сергей же жестокими словесы укаряше отца его и того самого. Захария же третия части проси, таче десятиа. Видѣвъ же себе лишена всего, глаголетъ Сергию: «Прииди и клени ми ся въ церьквии Печерьской прѣд чюдною иконою Богородичиною, идѣже и братство взя съ отцемъ моимъ».

Сей же иде въ церковь и ста пред иконою Богородичиною, отвѣща и кленыйся, яко не взях 1000 гривень сребра, ни 100 гривень злата; и хотѣ цѣловати икону, и не възможе приблизитися ко иконѣ. И исходящу ему из двѣрий, нача въпити: «О святаа Антоніе и Феодосіе, не велита мене погубити аггелу сему немилостивому, молита же ся святей Богородици, да отженет от мене многа бѣсы, имже есмь

предан. Възмѣте же злато и сребро, запечатлѣнно в клити моей». И бысть страх на всѣх. И оттоле не дадяху клятися святою Богородицею никомуже.

Пославше же, взяша сосуд *запечатанъ* и обрѣтоша в немъ 2000 гривенъ сребра и 200 гривенъ злата: та бо *усугуби*. Господь, отдатель милостивымъ. Захариа же дасть все игумену Иоану,⁷⁹⁶ да растрошит, якоже хочет. Сам же постригся, скончя живот свой ту. *Симъ же златом и сребром поставлена бысть* церьки Святого Иоана Предтеча, удуже на полата въсходятъ, въ имя Иоанну болярину и сыновѣ его Захарии, еюже бысть злато и сребро.

СКАЗАНИЕ О СВЯТѢЙ ТРАПЕЗѢ⁷⁹⁷ И ОСВЯЩЕНИИ ТОА ВЕЛИКЫА ЦЕРЬКИ БОЖИА МАТЕРЕ. СЛОВО 6

Священа бысть церкви Печерская в лѣто 6597, въ прѣвое лѣто игуменьства Иоаннова. Не бысть же дѣскыи каменныи на положение трапезѣ. И много убо поискавше, да будетъ съдѣлана трапеза камена, и не обретесе мастер ни единъ; *древянь же досцѣ съдѣланъ положиша*. Иоан же митрополит⁷⁹⁸ не въсхотѣ дрѣвянѣй трапезѣ быти в таковѣй велицѣ церкви, и сего ради игумень в велицѣй печяли бысть. И преиде нѣколикo дней, не бывшу священию. В 13 же день августу внидоша иноци въ церковь, по обычаю, пѣти вечерню, и видѣша у олтарныа ограды дѣску каменну положену и стлѣпци на устроение трапезѣ. И скоро въвъзвѣстиша митрополиту такую вещь. Он же похвали Бога и повѣлѣ быти священию вечернии.

Много же поискавше, откуду и ким принесена бысть таковаа дѣска и како въ церковь внесена бысть, заключенѣ ей сущи. И всюду пытавше, по водѣ же и по суху, откуду привезена бысть, и никакоже обрѣтесе слѣд тѣх стопъ, възивших ю. Пославше же убо тамо, идѣже дѣлаются таковыа вещи, 3 гривны сребра, да тоа мастеръ възмет за свой труд. Заповѣди же всюду прошевши, и не бысть дѣлатель. Но хитрецъ и промышленикъ всѣх, Богъ, сътворивый и ту: дѣлавъ, и положивъ, и утвердивъ рукама святительскыма на предложение своему пречистому телу и святѣй крови, изволив на той святѣй трапезѣ, юже самъ дарова, за весь миръ по вся дни заклатися.

Въ утрий же день и приидоша с митрополитомъ Иоанномъ епископи: Иоанъ Черниговскый и Исая Ростовской, Лука Белоградскый, Антоний Юрьевскый,⁷⁹⁹ никимже звании бывше, и обрѣтошася в чинъ священна. И въпроси тѣх блаженный митрополит: «Что ради приидосте, не звани бывше?» И отвѣщаша епископи: «От тебе, владыко, присланний, пришед, глагола намъ, яко 14 августа освящается *церьки* Печерьскаа, готови вси будите со мною въ врѣмя литургия. Мы же не смѣвшеся прѣслушати твоего словеси, и се есмы». И отвѣща Антоний, епископъ Юрьевскый: «Азъ бѣх боля, сеа же нощи вниде чернец къ мнѣ и глагола ми: “Заутра свящается *церьки* Печерьскаа, да будеши тамо”. Якоже точию слышах – и тако здрав бых, и се есмь по повелению вашему». И вси дивляхуся епископску приходу.

Святитель же хотѣ изыскати такихъ чловѣкъ, кто суть звавшие тѣх, и ту абие глас таковъ: «Изчезоша испытующей испытанна!»⁸⁰⁰ Он же паки простеръ руцѣ на небо и рече: «Пресвятаа Богородице! Якоже во свое преставление апостолы от конецъ вселенныа собравши въ честь своему погрѣбению,⁸⁰¹ тако и нынѣ въ освящение своеа церкве събравыше тѣх намѣстники, наши сослужебники!»

И вси въ ужасты быша от великихъ чудесъ. Обышедше же церковь 3-жды и начаша пѣти: «Възмѣте, врата, князи ваша»,⁸⁰² – и не бысть никогже въ церьки, иже бы отпѣлъ: «Кто есть царь славы?»,⁸⁰³ бѣ бо ни единаго же въ церкви оставиша. Многу же млѣчанию бывшу, и бысть глас изутрь, яко аггелескъ: «Кто сей есть царь славы?» Възыскани же бывше таковыи гласи, кто суть и чии суть. Внидоша же въ церковь, дверемъ затворенымъ сущимъ, и ни единъ чловѣкъ обретесе въ церкви. Разумно бысть всемъ, яко все строится Божиимъ промысломъ, еже о той святѣй и божественей церкви.

Тѣмже и мы речемъ: «О глубина богатства и сило разума! Кто ислѣдитъ умъ Господень или кто съвѣтникъ бысть ему?»⁸⁰⁴ И Господь да съхранитъ вы и съблюдетъ въ вся дѣни живота вашего и молитвами пресвятыа Богородица, и преподобныхъ и блаженныхъ отецъ нашихъ печерскихъ Антониа и Феодосиа, и святыхъ черноризецъ монастыря того. С ними же буди и намъ

милость получить в сей вѣк и в будущей о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, ему же слава съ Отцем и съ Святымъ Духомъ нынѣ, *и присно, и в вѣкы вѣком. Аминь.*

НЕСТЕРА, МНИХА ОБИТЕЛИ МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРЬСКАГО,⁸⁰⁵ СКАЗАНИЕ, ЧТО РАДИ ПРОЗВАСЯ ПЕЧЕРЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ. СЛОВО 7

В княжение самодръжца Рускыа земля, благовѣрного великого князя Володимира Святославича,⁸⁰⁶ благоволи Богъ явити свѣтилника Рустей земли и наставника иночествующимъ, яже о нем намъ сказание.

Бысть убо нѣкы благочестивый мужъ *от града Любича,*⁸⁰⁷ яже во нѣ измлада вселися страхъ Божий, и желаше въ иноческий облещися образъ. Человѣколюбивый же Господь възложи ему на сердце въ страну ити Грѣческую и тамо острищися. Абие путному шествию *устремився*, страньствуа за страньствовавшего Господа и труждышагося нашего ради спасения, и достиже царствующаго града. И въ Святую Гору доиде,⁸⁰⁸ и обшед святаа монастыря, яже на *Офонѣ*, и видѣ *монастыря*, сущаа ту на Святой Горѣ, и пребывание *святыхъ тѣх*, отецъ выше человѣческаго естества, въ плоти аггельское житие подражающе, паче ражжеся Христовою любовию, желаа тѣх житию отецъ поревновати. И прииде въ единъ монастырь от сущих тамо монастыревъ, и моли игумена, дабы на нѣ възложилъ агглескъ образъ иноческаго чина. Игумень же, прозря яже в нѣмъ хотящаа быти добродѣтели, послушавъ, постриже его и нарече имя ему Антоние,⁸⁰⁹ *наказав и научи* его иноческому житию. Антоний же въ всѣмъ Богу угаждаа, *на* прочаа подвизаяся в покорении же и в послушании, яко всѣмъ радоватися о нѣм. Рече же ему игумень: «Антоние, паки иди в Русию, да тамо прочим на *успѣхъ* и утверждение будеши, и буди ти благословение Святыа Горы».

И Антоние же отъиде в Русию, и прииде въ град Киевъ, и мысляше, гдѣ пребыти. И походи по манастиремъ, и не възлюби ни въ единомъ же, гдѣ бы жительствовати: Богу не *волящю*. И нача ходити по дебремъ, и по горамъ, и по *всемъ* мѣстомъ. На *Брестовое*⁸¹⁰ прииде, и обрете пещеру, и вселися в ню, юже бѣ ископали варязи, и в нѣй пребысть в велицемъ въздержании. По

сих же преставлѣшуся князю Володимеру, и приа власть безбожный и оканный Святополкъ, и съдѣ в Киевѣ, и нача избивати братию свою: уби святаго Бориса и *Глѣба*⁸¹¹ Антоний же, *видѣ* таковое кровопролитие, иже съдѣа окаанный Святоплѣкъ, паки бѣжа въ Святую Гору.

Егда же благочестивый князь Ярославъ побѣди Святоплѣка, и *сѣдѣ* в Киевѣ. Боголюбивому же князю Ярославу любящу Берестово и церковь Святых Апостолъ, и священники многы набдящу. В ней же бѣ презвитерь, именемъ *Ларионъ*⁸¹² муж благочестивъ, божественым Писаниемъ разуменъ и постник. И хождаше съ *Брестова* на Днѣпръ, на холмъ, гдѣ нынѣ вѣтхый монастырь Печерскый, и ту молитву творяше, бѣ бо тамо лѣс велик. И ископа ту печерьку малу дву сажень⁸¹³ и, приходя съ Берестова, псалмопѣние пояше, моляшеся Богу втайнѣ.

Посем же благоволи Богъ възложить на сердце благовѣрному великому князю Ярославу, и, събрав епископы, в лѣто 6559 поставиша его митрополитом въ Святѣй Софии,⁸¹⁴ а *сии* его печерька оста.

Антонию же сущу въ Святѣй Горѣ, в монастыри, идѣже острижеся, и бысть от Бога извещение игумену. Рече: «*Пусти* Антониа в Русию, яко трѣбуют его». Призвавъ же его игуменъ и рече: «Антоние! Иди паки в Русию, Богу тако хотящу, и буди благословение имѣа Свѣтаа Горы, яко мнози имут быти от тебѣ черноризци». И, благословивъ его, отпусти и, и рек ему: «Иди с миром!»

Антонию же пришедшу к *Киеву*, и прииде на холмъ, идѣже бѣ Иларионъ печерьку *ископа* малу, и възлюби мѣсто то, и вселися в нем. И нача молитися Богу съ слезами, глаголя: «Господи, утверди мя в мѣстѣ сем, и да будет на мѣсте сем благословение Свѣтаа Горы и молитва моего отца, иже мя постриглъ». И нача жити ту, моля Бога. Ядѣ же его бѣ хлѣбъ сух, и воды в мѣру вкушаа; и копаше печеру, и не дааше себѣ покоа *въ дѣне и нощи*, въ трудѣ же *пребываа*, въ бдѣнних и молитвахъ. Посем же увѣдавши его людие, приходяху к нему, приносяще яже на потрѣбу. И прослу якоже и Великий Антоние;⁸¹⁵ и приходяще к нему, *просяще* от него благословения.

Посем же, *преставльшуся*, князю Ярославу, и приа власть сынъ его Изяславъ и седѣ в Киевѣ. Антоний же прославленъ бысть в Рустей земли. Князь же Изяслав, увѣдавъ житие его, прииде къ нѣму съ дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великий Антоние, и почитаемъ всѣми. И начаша к нему приходити пострищися боголюбии нѣции, онъ же приимаше их и постризаше. И събрася братии к нему яко числом 12. К нему же и Феодосий пришед, пострижеся. *Ископаша* пещеру велику, и церковь, и кѣлиа, яже суть и до сего дъни в пещере под вѣтхим монастырем.

Съвъкупленей же *братии* сущи, рече имъ великий Антоние: «Се Богъ вас, братие, съвъкупилъ, и от благословения есте Святыа Горы, имже мене пострыже игумень Святыа Горы, азъ же вас постригох; и буди благословение на вас: пръвие от Бога и пресвятыа Богородица, второе от Святыа Горы!» И рече имъ сице: «Живете собѣ, и азъ поставлю вам игумена, а сам хочу въ ону гору ити и тамо сѣсти единъ». Якоже и прежде рѣх – обыклъ уединився. И постави им игумена именем Варлама,⁸¹⁶ а сам идѣ в гору, ископа пещеру, яже под новым *монастырем*; в ней же сконча живот свой, живѣ в добродѣтели лѣт 40, не исходя ис пещеры никогдаже нигдѣ. В ней же лежат честныа мощи его, чюдеса творяще и до сего дъни.

Игумень же и братиа живяху в пещере. И умножившимся братии и не могущим в пещеру вместитися, помыслиша внѣ пещеры поставити монастырь. И прииде игумень и братиа къ святому Антонию, и рекоша ему: «Отче! Умножилось есть братии и не можем вместитися в пещеру, дабы Богъ повелѣлъ и пресвятаа Богородица и твоа молитва, да быхомъ поставили *церквицю* внѣ пещеры». И повелѣ имъ преподобный. Они же поклонишася ему до земля и отъидоша. И поставиша *церквицю* малу над пещерою въ имя святыа Богородица Успение.

И нача Богъ умножити *черноризцевъ* молитвами пресвятыа Богородица и преподобнаго Антониа, и съвѣт сътвориша братиа съ игуменом поставити монастырь. И идоша паки къ Антонию, и рѣша ему: «Отче, братии умножается, и хотѣли быхомъ поставити монастырь». Антоний же, рад бывъ, рече:

«Благословенъ Богъ о всемъ, и *молитва* святыя Богородица и сущихъ отецъ, иже въ Святѣй Горѣ, да будетъ с вами!» И сиа рекъ, посла единого отъ братиа къ князю Изяславу, рекъ тако: «Княже благочестивый, Богъ умножаетъ братию, и мѣсце мало, просимъ у тебѣ, дабы еси намъ далъ гору ту, иже надъ печерою». Князь же Изяславъ, сиа слышавъ, зѣло радостень бысть, и посла к нимъ болярина своего, *дать* имъ гору ту.

Игумень же и братиа заложиша церковь велику и монастырь, *оградиша* столпиемъ, и кѣлиа поставиша многы, и церковь поставиша, и украсиша иконами. И *оттоле* нача зватися Печерскый монастырь, понеже бѣаху жили черноризци преже в печере. И оттоле прозвася Печерскый монастырь, иже есть отъ благословения Святыя Горы.

Монастырю же свершену, и игуменьство держащу Варламу, князь же Изяславъ постави монастырь Святаго Дмитрея⁸¹⁷ и выведе Варлаама на игуменьство къ Святому Дмитрию, хотя сътворити свой монастырь выше Печерскаго монастыря, надѣся на богатство. Мнози бо монастыреве отъ царя, и отъ боярь, и отъ богатства поставлени; но не суть таковыи, *якови* суть поставлени слезами и пощениемъ, молитвою и бдѣниемъ. Антоние бо не имѣ злата ни сребра, но стяжа слезами и пощениемъ, якоже глаголахъ.

Варлааму отшедшу къ Святому Дмитрию, и съвѣтъ сътворивше, братие идоша къ старцю Антонию и глаголаста ему: «Отче, постави *намъ* игумена». Онъ же *рече*: «Кого хотите?» Они же глаголаста ему: «Кого хочетъ Богъ, и пречистаа Богородице, и ты, честный отче». И рече имъ великий Антоние: «Кто таковъ есть в васъ, якоже блаженный Феодосие, послушливый, кроткый и смиренный *сый*? Да будетъ вамъ игумень». Братиа же вси, ради бывше, поклонишася ему до земли, и поставиша Феодосиа игуменомъ. *Сущи* братии тогда числомъ 20.

Феодосию же, приимшу монастырь, нача имѣти въздержание велико, пощение и молитвы съ слезами. И съвъкупляти нача многы чернорисца, и съвъкупи всѣхъ братии числомъ 100. И нача взыскати *правила* чернечскаго; и обретеся тогда честныинокъ Михаилъ, монастыря Студийскаго,⁸¹⁸ иже бѣ

пришелъ из Грѣкъ с митрополитом Георгиемъ.⁸¹⁹ И нача его въпрашати о уставѣ отецъ студийских, и обрете у него, и исписа. И устави в монастыри своем, како пѣти пѣнія монастырскаяа и *поклони* како дрѣжати, и чтения почитати, и стоание въ церкви, и все уряждение церковное, и на трапезѣ седание, и что ядение в кѣа дѣни. Все съ уставлениемъ Феодосий сие то изобрѣтъ, предасть монастырю своему; от *того* монастыря приаша вси *монастыре* русии уставъ. *Тѣмже* почтенъ есть монастырь Печерскый, иже прѣвие всѣх и *честию выше всѣх*.

Феодосию же живящу в монастыри и правящи добродѣтельное житие и иночское правило, и принимающаго всякого приходящаго к нему.

Приидох же азъ к нему, худый и *недостойный* рабъ Нестеръ, и приат мя, тогда ми лѣтъ сушу 17 от рожения моего. Се же написахъ и положих, иже в кое лѣто началъ быти монастырь и что ради зовется Печерскый. А о Феодосиевѣ житии паки скажем⁸²⁰ ...

НЕСТЕРА, МНИХА МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКАГО, О ПРИНЕСЕНИИ МОЩЕМЪ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИА ПЕЧЕРСКАГО. АВГУСТА 14. СЛОВО 9

«С похвалами бывающаи памяти праведныхъ възвеселятся людие»,⁸²¹ – рече премудрый Соломонъ. Обычай бо есть въ божественемъ праздника трѣжествѣ духовнѣ ликоствовати богоименитымъ людемъ, по речению мудраго Соломона: «Праведникъ, аще умреть, – живъ будетъ, и душа праведныхъ в руцѣ Божии суть». ⁸²² Прославляетъ бо Господь славящаа его, якоже въистинну сего *блаженнаго* и добляго мужа, високаго житиемъ, чюднаго в добродѣтеляхъ, изряднаго в чюдесехъ, *блаженнаго* Феодосиа. Благоволи Богъ явити своего угодника, иже истинно сътворивый Богъ сице по 18 лѣтъ преставление преподобнаго.

В лѣто 6599 събрашася пречистыя Печерскыя лавры множество иночествующихъ с наставникомъ игуменомъ ихъ вкупѣ, единомравнѣ совѣтъ сътвориша еже принести мощи Феодосиа преподобнаго.

Тѣмже лѣпо есть приглашати васъ: въистинну *блаженнии* есте, отци, добро съвѣщание ваше! О богосѣбранный личе! О

постнический великий съборе! О пречестный полче! О благое съвокупление, еже бо Отца пѣсеное вѣщание събывше есть на вас, реченное: «Се коль добро и что красно, еже быти братии вкупѣ». ⁸²³ Въистинну добръ съвѣтъ вашъ, отци, велегласнѣйши трубы глас вѣщаний ваших. Истиннаго своего пастыря желающе, яко ту не глаголаху: «Лишаеми есмы отца и учителя!» И вси, яко *единеми* усты, рекше: «Возмем честныа мощи любимаго отца нашего Феодосиа, нѣсть бо нам лѣпо пастыря лишеным быти, ни пастырю подобно есть своих Богомъ порученых овецъ оставляти, да не дивий зверь, пришед, распудит стадо Христовых словесных овецъ; но да прииде пастырь во свою ограду и духовною цевницею вѣструбит, да пастырьскаа сопль отгонить звѣря мысленаго нападение и съблустителя живота нашего и хранители аггели призовите». Вси единогласно друг другу вѣщающе: «Лѣпо есть нам, братие, всегда пред очима нашими честную раку отца нашего Феодосиа имѣти и достойно поклонение всегда тому приносить, яко поистенѣ отцу и учителю. Неудобно есть пребывати преподобному отцу нашему Феодосию кромѣ монастыря и церкви своеа, понеже той основал ю есть и черноризца съвѣкупил».

И съвѣтъ сътворше, абие же повелѣша устроити мѣсто на положение мощемъ святаго, и раку каменну поставиша. Бѣ же приспѣ праздникъ, пречестное Успение святаа владычица Богородица; и прежде триехъ дѣний праздника Божии Матере повелѣ игуменъ в пещеру ити, да мѣсто назнаменуют, идѣже суть мощи святаго отца нашего Феодосиа. Его же благому изволению и азъ, грѣшный Нестеръ, сподобленъ быхъ и прѣвие самовидецъ святых его мощей, по повелѣнию игуменову. Еже исвѣстинно извѣстно вам повѣм, не от инех слышах, но сам начальник бых тому.

Пришед бо игуменъ и рече: «Грядивѣ, чадо, в пещеру къ преподобному отцу нашему Феодосию». И приидохом же в пещеру, не съвѣдушу никомуже. Разсмотривше, кудѣ раскоповати, и *назнаменоваши мѣсто, гдѣ раскоповати*, кромѣ устиа, таже рече ко мнѣ игуменъ: «Да не повѣси никомуже, развѣ поими, егоже волиши, да поможет ти, и развѣе того да не

увѣсть ни единъ от братии, Дѣндеже святаго мощи вынесем пред пещеру». Аз же пристроихъ въ семь дний рогалиа, имже копати. Бяше же день вторник. Въ вечеръ глубокъ поахъ съ собою два мниха, чюдна мужа в добродѣтелях, иному же не ведущу никомуже. И яко приидохом в пещеру, молитвы и моления сътворше с поклонениемъ и псаломское пѣние пѣвше, таже приахомся дѣлу. Начах копати, и тружашеся много, и вручих другому брату; и раскопываяще до полунощи, и не могохом обрести мощи святаго. Начахом зѣло скорбѣти и слезы от очию испущаховѣ, помыслих, егда святой не волит себѣ явити; и другаа мысль прииде ми, егда како на страну копаем. Аз же взях рогалиа, начах прилѣжно копати. И иже со мною сущему мниху, предстоящу пред пещерою, и, якоже услыша било церковное заутрении,⁸²⁴ възгласи ко мнѣ братъ, яко удариша въ церковное било. Азъ же прокопахъ над мощьми святаго, и оному, ко мнѣ рекшу о билномъ ударении, мнѣ же к нему отвѣщающую: *«Прокопах, брате!»* Егда же прокопах над мощьми святаго, и абие велий страхъ обиах мя, начах звати: *«Преподобнаго ради Феодосиа, Господи, помилуй мя!»*

В то же время бѣста два мниха в монастырѣ бдяща и стрегуща, егда игумень утаився нѣ с кыми и принесет мощи преподобнаго отай, и зряста прилѣжно к пещерѣ. Егда же удариша въ церковное било заутрении, и видѣша 3 столпы, яко дуги свѣтозарнии, и, стоявше, приидоша на връх церьки Пречистыа, идѣже положен бысть преподобный Феодосие. И се видѣвше вси мниси, иже ко утрени идуще, тако и мнози благочестивии въ градѣ. Бѣаше бо имъ прежде и *възвѣщенно бысть* о пренесении мощей святаго, и рѣша: *«Се есть преносят честныа мощи преподобнаго Феодосиа от пещеры»*. Утру же бывшу и дъни освѣтающе, и слышано бо бысть по всему граду, и множество людей приидоша съ свѣщами и фимианом.

Досточудный же и именный Стефанъ, яже преже реченный въ Житии блаженнаго, иже бысть въ него мѣсто игуменом, паки по отшествии из монастыря състави на *Кловѣ* свой монастырь и по семь, благоволениемъ Божиимъ, бысть епископъ града Владимера, и в то время бывъ въ своемъ монастырѣ, виде в нощи чресъ поле зарю велику надъ пещерою. Мнѣвъ: преносят

честныа мощи святаго Феодосиа, бѣ бо ему преж възвещенно пред едином дньемъ; и съжаливси зѣло, яко без него преносят мощи святаго, в той час вседе на конь, вборзе *женый* к печерѣ, поимъ съ собою Климента, егоже постави игуменом в себѣ мѣсто.⁸²⁵ Грядущима же има, зряще зарю велику над печерою, и приближишася к печерѣ и не видѣста ничтоже, разумѣвше, яко аггельскаа свѣтлость бѣ.

И яко приидоша ко двѣрем пещеры, нам же сидящим у мощей святаго. Азъ же, егда прокопах, послах ко игумену, глаголя: «Прииди, отче, да изнесем мощи преподобнаго». Прииде игумень съ двема братома. И якоже прокопах велми и преклоншеся, видѣх его лежаща мощи святолѣпно, и състави его цели бяху вси и тлѣнию непричастнии, власи же главнии присхли бяхе къ главѣ его, и лице преподобнаго свѣтлостно, и очи съмжанѣ, и устнѣ доброглаголивыйа съединенѣ. И тако, възложивше на одрѣ святаго и честныа его мощи, и изнесохом пред пещеру. И въ другой же день, изволениемъ Божиимъ, съвъкуплешеся епископи вси вкупѣ, приидоша в пещеру, им же суть имена: Ефрѣмъ Переаславскій, Стефанъ Владимерскій, Маринъ Юрьевскій, Иоанъ Черниговскій, Антоней Порьскій.⁸²⁶ И игумени вси от всех монастырей съ множествомъ черноризецъ приидоша, и людие благовѣрнии. И взяша пречестныа мощи святаго Феодосиа от пещеры съ множествомъ свѣщъ и фимианом; якоже предъ речено, изыдоша же от града народи въ срѣтение святому, свѣщи в рукахъ дрѣжаше; и принесше его въ богосъзданную пречистую церковь, въздравася и пречистаа церкви, възприимши своего служителя. И бѣ видѣти въ церкви, покрываему днѣвному свѣту свѣщнымъ свѣтом; прикасающеся святителие, облобызающе мощи святаго, припадающе же иерѣи, любезне целующе, притечущи же с народи иноци, прикасающеся ометы одѣжди святаго, пѣсни духовныа Богу възсылающе и благодарственнаа хваления святому приносяще. И тако положиша въ своей ему церьки Божиа Матере на деснѣй странѣ мѣсяца августа въ 14 день, в *четвергъ*, въ 1 часъ дъни; и тако праздноваша свѣтло в той день.

В лѣто же 6616 Фектисть игумень⁸²⁷ нача понужати благовѣрнаго великого князя Святоплѣка⁸²⁸ с молбою, да поминають имя святаго преподобнаго отца нашего Феодосиа, игумена Печерскаго, в Синодикѣ⁸²⁹ – Богу тако изволшу. Святоплѣкъ же рад бывъ, обѣщася сѣтворити; съвѣдый житие его, и нача Святоплѣкъ повѣдати всѣмъ житие преподобнаго Феодосиа. Еже и сѣтвори митрополит, повелѣ въписати святаго в Синодик. Митрополитъ же повелѣ всѣмъ епископиамъ въписати имя святаго Феодосиа в Синодик. Все же епископи с радостью въписаха имя святаго и преподобнаго отца нашего Феодосиа; и поминають его на всѣхъ съборехъ и донынѣ.

О проречении святаго. И се же достоить не молчаниемъ преити, но повѣмъ вамъ мало нѣчто, еже събысться проречение святаго отца нашего Феодосиа.

Еще бо в жизни сей сущу блаженному Феодосию, игуменство сѣдръжащу и правящу еже Богомъ порученое ему стадо, иже не точию черноризци единеми, но и мирскими, печашеся о душахъ ихъ, како бы спаслися; паче же о сыновехъ своихъ духовныхъ, утѣшаа и наказаа приходящаа к нему, иногда же и в дома ихъ приходяще и благословение имъ подаваа. Нѣкий же благочестивый велможа, духовный сынъ святому, именемъ Янъ тако нарицаемъ. Единоу пришедшу ему в дом к Янови и ко подружю его Марии; оба благочестива суща, *в цѣломудрии живуща*, по божественному Павлу, бракъ честенъ храняще.⁸³⁰ Сего ради любяше ихъ блаженный Феодосие, понеже живяста в заповѣдехъ Господнихъ и в любви межу собою пребывааста.

Абие пришедшу ему к нимъ, учаща ихъ о милостыни къ убогимъ и о небеснемъ царствии, еже приати праведнымъ, а грѣшнымъ муку, и о смертнѣмъ часѣ. Еще же ему глаголющу има и ина множайшаа божественнаа Писания, Дѣндеже к сему дойде словеси, еже глаголаше има о положении тѣла въ гробъ има. Благочестиваа же жена, въсприимши речъ от преподобнаго, рече к тому Яневаа: «Отче, честный Феодосие, кто вѣсть, гдѣ мое тѣло положено будет?» Богодуховный же Феодосие, пророческаго дара исполнь сый, рече: «Вѣистиннѣ глаголю ти, идѣже тѣло мое положено будет, тамо и ты, по пришедшихъ

временех, почиши». Еже и събысться по въ 18 лѣтъ по преставлении святаго. Преподобному Феодосию преставлещуся прежде 18 лѣтъ пренесения телеси его; егдаже принесоша мощи святаго, и тогда, того же лѣта и мѣсяца, преставися Яневаа, именемъ Мариа, мѣсяца августа въ 16. И пришедши черноризци, пѣвьше обычныя пѣсни, и принесоша, положиша ю въ церьки Святыа Богородица *Печерьскиа* противу гробу Феодосиеву, на шуей странѣ. Преподобный бо положенъ бысть въ 14 августа, и сиа въ 16.

Вижете ми досточюднаго мужа сего, еже събысть проречение преподобнаго Феодосиа, добляго пастыря, иже пасяше словесныа овца нелицимѣрно, съ кротостию и съ рассмотрѣниемъ, съблюдаа их и бдя за ня, и моляся за порученное ему стадо, и за вся православныа христианы, и за землю Рускую. Иже по отшествии своемъ от сиа жизни молится за люди вѣрныа и за своа ученикы, иже взирающе на честную его раку и поминающе учения его и въздержание, и прославляют Бога.

Аз же, грѣшный и недостойный рабъ его и ученикъ Несторъ, недоумѣю, како похвалити добраго его житиа и въздержанія, но сиа реку мало нѣчто. Радуйся, отче нашъ и наставниче, иже мирьскія плища отринувъ и млѣчание възлюбивъ! Радуйся, Богу послуживый и в тишинѣ, и въ мнишеском житии, всяко себѣ принесениемъ божественое принеслъ еси! Радуйся, отче, пощениемъ провозвышъся, и плотьскія страсти възненавидѣ, и мирьскую красоту и желание вѣка сего отринувъ! Радуйся, послѣдовавый стопамъ высокомыслынымъ, отцемъ ревнуа, млѣчаниемъ възвышаяся *и смирениемъ украшааяся*, въ словесехъ книжныхъ веселуаяся! Радуйся, укрѣпивыйся надѣждею вѣчныхъ благъ, ихже приялъ еси! Радуйся, умертвивый плотское мудрование и источникъ безаконія и мятѣжа, преподобне! Радуйся, иже бесовъскихъ козней избѣгъ и сътей его! Радуйся, иже съ праведными, отче, почилъ еси, въсприимъ трудовъ своихъ възмѣздіе! Радуйся, отцемъ наслѣдникъ бывъ, ихже последова учению, и нраву, и въздержанию, и божественому въ молитвѣ предстоянію, паче же ревновавшу Великому Антонию, общему житію началнику, обычаемъ и житіемъ подобаяся

житию его и послѣдствуа пребыванию его, преходя от дѣла въ труды уншаа, обычныа молбы Богу въздаа в воню благоуханія, принося кандило молитвенное, фимианъ благовонны! Радуйся, победивы мирскія похоти и *миродержца* же, князя тмы вѣка сего! Радуйся, сопротивника поправый диавола и козни его побѣдникъ, явлься противным его стрѣлам, иже крѣпким помыслом ста супротивно! Радуйся, укрѣпивыйся оружіемъ крестнымъ и вѣрою *непобѣдимою*, Божию помощію!

Тѣмже, о честный отче, пастырю Христова стада, Феодосіе богомудре, молися за ны и за мя, раба твоего Нестора, избавленнымъ намъ быти от сѣти неприазненный, и от противнаго врага съблуди ны твоими молитвами о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему же подобаеѣ слава, честь и поклоняніе съ безначальнымъ его Отцемъ и с пресвятымъ и благымъ животворящимъ ти Духомъ нынѣ и присно.

ОБ ОКОВАНИИ РАЦѢ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИА ПЕЧЕРЬСКАГО. СЛОВО 10

По времени нѣколицѣ възхотѣ Георгій, сынъ Симоновъ, внукъ Африкановъ, оковати раку преподобнаго отца нашего Феодосіа, еже и сътвори.

Посла убо от боярь своихъ, сущихъ под ним, именемъ Васи́ліа, от града Суждаля въ богоименитый градъ Киевъ, в Печерський монастырь, оковати раку преподобнаго Феодосіа, и сему дасть Георгій 500 гривень сребра и злата 50 гривень на окованіе рацѣ преподобнаго. Приимъ же убо сие Васи́ліе и неволю емлется пути, проклиная живот свой и день рождения своего, и глаголаше въ умѣ си: «Что се смыслилъ князь нашъ толико богатество погубити? И каа мзда сего ради будетъ ему, еже мертваго гробъ оковати? Но яко туне добыто и туне же и повержено! *Лютъ* же мнѣ единому, не смѣвшу преслушати господина своего! Что ради домъ мой оставихъ и кого ради путь сій горкій шествую? И отъ кого ли честь прииму: къ князю есмь не посланъ, ни ко иному *вельможи*. Что реку или что възглаголю къ оной *корстѣ* каменной, и кто ми дасть отвѣтъ? Кто ли не посмеетъ моему безумному приходу?» Сіа глаголаше къ сущимъ с нимъ, и иная множашаа сихъ.

Святый же явился ему въ снѣ, кротцѣ глаголя: «О чадо, хотѣх ти въздати мзду труда ради твоего; но аще не покаешия, многа злаа имаши подъяти». Василий же не преста же ропща, и многу бѣду наведе на нь *Господь* грѣха ради его: кони бо вси изомроша, и прочаа суть у них покрадоша, и вся взяша у нихъ татие, развѣ посланнаго у него съкровища. Отврѣзъ же Василий посланнаго у него съкровище на окование рацѣ святаго, и взят оттуду пятую часть злата и сребра, и исторши сие на потрѣбу себѣ и конем, и не разумѣ бывшаго гнѣва хулы ради его.

Бывшу же ему в Черниговѣ, спаде с коня и разбися, якоже не мощи ему ни рукой двигнути. Сущии же с нимъ вложивше его в насад, привезоша его под Киевъ, вечеру же бывшу. В ту ночь явился ему святой, глаголя: «Василие, не слышалъ ли еси Господа, глаголюща: “Сътворите себѣ другы от мамоны неправедныя, да егда оскудѣете, примут вы в вѣчныя кровы”». ⁸³¹ Добрѣ убо помысли сынъ мой Георгий рекша Господа: “Приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу примить”. ⁸³² Ты же труда ради твоего вѣнчанъ хотяше быти, якоже такыя славы никтоже получи, еяже ты хотяще съобщник быти с нимъ; нынѣ же всего обнаженъ еси, но обаче не отчай живота своего. Инако бо не можеша исцѣлети, аще ся не покаеши о съгрѣшении том: повели убо, да тя внесут в Печерський монастырь, въ церковь Святыа Богородица, и да положат тя на раку моею – и здравъ будеши, и растрошенное тобою злато и сребро цело обрящеши». Се же явѣ бысть Василию тоа ноци, а не во снѣ, въ нь не вечеръ явился ему преподобный Феодосие.

На утрий же прииде к нѣму Георгий-князь ⁸³³ съ всеми боляри, и, видѣвъ его съкрушенна велми, печалень бывъ его ради, и отъиде.

Василий же вѣрова видѣнию святаго, повелѣ своимъ вести ся в Печерський монастырь. Бывшим же им на брезѣ, вниде нѣкто ко игумину, глаголя: «Скоро шед на брег, възведи Василиа и сего положи на гробѣ преподобнаго Феодосиа, и, еже дасть съкровище, *обличи* его пред всеми, яко взялъ еси пятую часть от него, и аще ся покает, отдаждь ему». Сиа рекъ, невидим бысть. Игумень же поискавъ таковаго чловѣка, являшагося

ему, и никтоже виде его, входяща или исходяща. Шед же ко Днепру, възведе на гору Василиа, и положиша его на рацѣ святаго – и тако въставъ, цѣль и здравъ бысть всѣмъ тѣлом, вдасть же игумену 400 гривенъ сребра и 40 гривенъ злата. Игумень же рече ему: «Чадѣ, гдѣ еще 100 гривенъ сребра и 10 злата?» Василей же начатъ каатися, глаголя: «Азъ взях и истощих; *пожди*, отче, и все ти отдам; хотѣхъ убо утаити сего, мнях сие укрыти от всевидящаго Бога». Тогда изсыпаше от сѣсуда, в немже бѣ запечатлѣно, и предъ всѣми изчетъше, обретоша все полно: 500 гривенъ сребра и 50 гривенъ злата, – и вси прославиша Бога и святаго Феодосиа. И тогда нача вся по ряду Василей исповѣдывати: явление святаго и деание.

Заутра же князь поимъ съ собою лечици, прииде въ предиреченное мѣсто, хотяше врачевати Василиа, и не обреть. Увѣдавъ же, яко в Печерскій монастырь отвезенъ бысть и мнѣвъ его, яко уже умерша, и скоро еха в монастырь, обрѣте его здрава, яко *николиже* болѣвша. И слышавъ от него князь дивнаа чюдеса и ужасеся, радости же духовныа исполнився, пришед, поклонися чюдотворному гробу великаго Феодосиа, и отъиде.

И сиа слышавъ Георгий Симоновичъ, тысяцький, приложися весь душею къ святѣй Богородици и ко святому Феодосию, и ко многому подаянию вдасть и гривну, юже ношаше сий,⁸³⁴ в ней же *въса* 100 гривенъ злата, и тако написа сице: «Се азъ, Георгий, сынъ Симоновъ, рабъ пресвятыа владычица Богородица и святаго Феодосиа, благословенъ бывъ святою его рукою: нѣкогда болѣхъ 3 лѣта очима, не видѣ ни луча солнечнаго, словом же его исцелѣхъ, слышах бо от устъ его: “Прозри!” – и прозрѣхъ. И сего ради пишу епистолѣю сию послѣднему роду своему, да никтоже отлученъ буди дому пресвятыа владычица Богородица и преподобныхъ отецъ Антониа и Феодосиа. Аще ли кто въ послѣднее убожество приидеть, не могый что дати, да поне в селехъ церьки тоа положенъ будет: везде бо молитва Антониева и Феодосиева заступаеть. Егда бо приидохом на Изяслава Мстиславича с половци,⁸³⁵ и видихомъ град высок издалеча, и абие идохомъ на нь, и никтоже знааше, кий то есть град. Половци же бишася у

него, и мнози язвени быша, и бежахом от града того. Послѣди же увидихом, яко село есть свята Богородица обители Печерьския, града же николи ту нѣсть бывало, ниже тии сами сущеи в селѣ том разумѣвше бывшаго, но ишедше заутра, видѣша крови пролитие и почюдишася бывшему. И сего ради пишу вам, яко вси вы вписании в молитву святаго Феодосиа; той бѣ обещахъ отцу моему Симонови, якоже о своихъ черноризцехъ, тако и о нас молитися. Сию же молитву повелѣ отецъ мой вложить в *руку* свою, когда хотяше въ гробъ положенъ быти, чаа обѣта святаго, иже и извѣстно явися нѣкому от богоносныхъ отецъ, глаголя ему тако: “Рци сынови моему Георгию, яко вся въсприяхъ благаа молитвъ ради святаго, подщися и ты, чадо, приити въ слѣд менѣ добрыми дѣлы”. Кто же ли не въсхощетъ благословения и молитвы святаго отца Феодосиа и от него уклонится, възлюбить же клятву, и да приидеть ему». И сего ради правнуци его любовь имѣють къ Святому Дмитрею,⁸³⁶ – ту бо имѣютъ мѣсто свое в нем, и иже кто их лишится, сии под клятвою суть своихъ прародителей и отецъ, иже своею волею отместься молитвы святаго, и благословения, и обѣта преподобнаго отца нашего Феодосиа.

ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦЮ НАШЕМУ ФЕОДОСИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРЬСКОМУ, ИЖЕ ЕСТЬ ВЪ БОГОСПАСАЕМЪМЪ ГРАДѢ КИЕВѢ. СЛОВО 11

Похваляему праведнику възвеселятся людие.⁸³⁷ Радости бо есть день и веселиа, егда мужъ праведенъ и преподобенъ конецъ житиа въсприимет, егда покой трудовъ своихъ узрит, егда, печаль оставль, на веселие грядет, егда, землю оставивъ и земнаа вся, на небеса идет, егда человекъ оставль, и съ аггелы въдворяется, и Бога зрѣти сподобляется. В сий бо день учитель нашъ, наставникъ же и пастырь, преставися въ вѣчный живот, великий въ отцѣхъ отецъ Феодосие, и прежний светилникъ, *трудоположникъ* и чудотворецъ в земли Русей.

Гдѣ *радости* сии болшии, еже сподобихомся видѣти отца и учителя нашего отшествие къ Богу, приимша венецъ нетлѣнна и нѣгде близъ престола Владычня *предстояща* всегда и дерзновения *имуще* молити о нас Владыку? Ибо радуется сынъ, и не точию сынъ, но и раби, видяще господина своего,

предстоание имуща у земнаго царя по многихъ трудех и побѣдах на врагы *царевы*. Мы же, сынове и раби господина своего, ликуимъ, весело празнуемъ, хваляще его подвиги и побѣду на-духы нечистыа, и честь многу приимша у Господа Вседръжителя, и многим исходатайствующа жизнь некончаемую. И убо кто достойно хвалит или възвеличит земнаго аггела и небеснаго челоуѣка?

Ибо людие, сѣдяще въ тьмѣ и в сѣни далече, видѣхомъ свѣт вѣры апостоломъ нашим, посланным от Бога, княземъ Владимиром:⁸³⁸ сам Бога познавъ святымъ крещениемъ и нам того показавъ, покровъ невѣдения от душъ наших отъятъ, и свѣтлостію трисъставнаго Божества озарении быхом. Другыхъ путь, иже Христосъ ученикомъ *показа*, рекъ: «Аще кто остави отца и мать, град и села, стократіцею приимет мзду и въ будущий вѣкъ царство небесно».⁸³⁹ От кого же увидихом сий путь и бремя легкое Иисусово и кто ны есть показавый взяти крестъ и послѣдовати Христу? *Точію сій преподобный* отецъ нашъ Феодосіе! Бѣша бо прежде сего отходяще от мира, узкимъ грядуще *путьемъ*, но от сего чинъ и устроение всѣмъ в Руси монастыремъ предасться. Ни бо инъ никтоже съвършеннаго умершвенія прежде его *показа*, якоже се съ учителемъ своимъ, блаженнымъ Антониемъ, ибо исполни притчу Господню, юже рече: «Аще зерно пшенично впадет в землю, не умереть, то едино пребываетъ; аще ли умереть, то многъ плодъ сътворит».⁸⁴⁰ Умертви бо ся всему миру, оживе же Христу и плодъ многъ принесе, егоже породѣ духомъ и упасе преподобиемъ и правдою, и умножи талантъ, данный ему от Бога,⁸⁴¹ и слышитъ реченое от Бога: «Благый рабе, вѣрный, в мале бѣ вѣренъ, над многими тя поставлю».⁸⁴² О семъ бо рече Христосъ: «Мнози будутъ послѣднии прѣвии и прѣвии послѣднии».⁸⁴³

Сѣй, аще в послѣдняя роды обретесе, но крѣпость и любовь Божіа многихъ прежде его премину, яже в немъ сѣаша. Еще бо въ уностнѣмъ възрастѣ сѣй, и земныхъ гнушашесе и небеснаа мудроствоваше, младъ, ис чрева матерня чистъ бысть сосудъ Святому Духу, не възлюби славы мира сего, и нищету же волную приимъ, и въ всемъ подобяся Господу своему. Доброта мимотекущихъ ни въ что же вменивъ, единого точію желаа, –

когда приити и явитися лицу Божию, и единому съ единѣмъ бесѣдовати молитвою. Иже от матере многы и люты раны приемля, и сим хотя отвратити его злый врагъ *от добра* помысла святаго отрока; вѣдѣше бо окаанный лстець, яко от сего хотяше побеженъ быти, тѣмже и многы бѣды наведе на нь. Благодать же Божиа вѣдѣше его тамо, идѣже, яко солнце, восиа на тверди небѣснѣй, лучами просвѣти весь миръ, и дѣанное приимъ и видѣнїа не лишенъ бысть, умомъ въсходя на лучшее елико дѣний, по апостолу, – «задняя забываа, на прѣдняя простираася».⁸⁴⁴ В послушании искусенъ рождѣшей, но паче ведѣшеся на Божественаа повеления; разумѣвъ мудростию Духа Святаго, яко спона есть миръскими пекущеся заповѣди Божественна исправити, вся отвергъ бѣ, Господу вдасть помысли, в себѣ глаголя: «Лучши есть мать оскорбити на мало врѣмя, егда ей Господь дастъ разум *суетных* отлучитися, нежели царства Господня лишenu быти».

Въ градъ Киевъ прииде, вожда искаше и правителя, дабы сказалъ ему незаблудно путь божественый; и много искавъ, и обрѣтъ, – не лишит бо Господь желающих полѣзнаа. Мужа бо чюдна обрете, съврѣшена смыслом, и зѣло многоразумна, и пророчества даръ имуща, нарицаемаго Антонїа. К сему прииде блаженный Феодосїе, млад сый възрастом, разумомъ же старъ. Вся повелѣннаа ему учителемъ усердно творѣше, к повеленным прилагаше, и бысть, по Иеву рещи, – «око слепым и нога хромым»;⁸⁴⁵ апостолское слово присно въ сердци дрѣжа, еже рече: «Друг другу тяготы *носите*, и тако скончаєте закон Христовъ».⁸⁴⁶ Сей же блаженный не единого или двою понесе тяготу, но всеа братїа служение приимъ и всем лготу творѣше собою. И мнози от *нихъ* покой приимаху подвигом его. Богу помогающе ему и крѣпость телесную подавающе, се же творѣше по вся дѣни, и николиже събора церковнаго лишися и правила кѣлейнаго никогдаже преступи, къ уставу отечьскому, еже написаше къ доброму труду и благому послушанию, велико прилежание творя. Тѣмже и Господь превознесе его.

Имже работаше, яко послѣдний хуждѣшей всѣх, и всѣм слуга вменяшеся, и тѣмже и пастырь, и отецъ, и учитель поставленъ бысть. Варлааму бо игумену княземъ изведену и

инде устроену, Феодосий же много не хотѣвъ, не могый иже въ послушании быти своему учителю Антонию, и познавъ, яко Божий съвѣтъ се, приася и неволею игуменити, и в болши труд вдасть себѣ, помышляа, аще и телесною *потрѣбою* много печакся, боле паче душевне прележати. И глаголаше святой к себѣ Феодосие: «Приложу ко трудом труды и къ подвигомъ подвигы. Како явитися своему Владыцѣ, стада его добре не упася? Како ли речеши: “Се азъ и дѣти, яже ми дал, Боже”?» Тѣмже по вся нощи без сна пребываше: ово въ молитвѣ предстоя, овогда же по кѣлиамъ ходя и братию на молитву възбужаше. Иже въ старешинствѣ сый, добраго начинания не лишился: иногда бо воду нося, иногда же дрова секый, и тако всей братии собою образъ подаваше. И егда приспѣаше Великий постъ, тогда храборъ Христовъ Феодосие всѣхъ земныхъ *вещей* гнушашеся: изхожаше от братиа, и в пещерѣ единъ затворяшеся, и тамо всю Четыредесятницу пребываше, и единъ ко Единому *молитвою* *бесѣдоваше*. Кто же исповѣсть труды, и болѣзни, и рыдания слезнаа, и постъ крѣпкый, и брани с лукавыми духы? И егда приближашеся свѣтлый день Воскресения Господа нашего *Иисуса Христа*, тогда преподобный приходяше, яко Моисий съ горы Синайския, душою сиаа паче лица Моисиева,⁸⁴⁷ и въ вся лѣта устава своего не преступи.

Тогда и откровения Божиа сподобися: исход свой увѣде, яко от сего свѣта на бесконечный повелѣно быть ему приити. Не утаи сего от друзей и от ученикъ своих, яко къ Богу идет, и Бога умолити обещевается о дому пречистыа Матере и о стадѣ чадъ своихъ и до пришествиа Господа Бога нашего. И яко общася, тако и сътвори.

Елико болших сподоблься дарований от Бога, толику и милость Господню подасть намъ на всяко врѣмя и лѣто, приходя и посѣщаа, заступаа и съхраняа, съблюдаа стадо свое от врагъ душъ наших. Кто бо *коли*, полѣзныхъ просив еже къ спасению у раки святого, и погрѣшивъ надѣжду? Или кто, призвавъ с вѣрою имя его святое, и не избавлен бысть язвы душевныа и болѣзни телесныа? Се нам апостоль и проповѣдникъ, сый нам пастырь и *учитель*, сый нам вождь и

правитель, сый нам стѣна и ограждение, похвала наша великаа, дръзновение наше къ Богу.

Днѣсь нам, братие, радоватися и веселитися духовно подобает, и благоукрашатися, и празновати радостно, имуще всегда пред очима нашими раку преподобнаго отца нашего Феодосиа, в нейже днѣсь положено бысть многострадалное и святое тѣло, испущающа луча чудесъ въ вся конца Руския земля. Сиа рака приатъ съкровище некрадомо, сосуд Святаго Духа, органъ божественый, честное тѣло отца нашего и учителя. Сию сматряюще, яко на самого возирающим, ибо аще и въ гробѣ положенъ бысть святой, но духомъ с нами есть всегда и видит. Аще по заповѣдем его живем и повелѣния его храним, то радуется и милостивно приближается к нам, хранит и блюдет, яко чада възлюбленаа. Аще ли нерадiti начнем о своемъ спасении и наказании словесъ его не храним, то сами помощи его лишаемся.

Но, о святой отче Феодосие! Сам наплѣни недостатки наша своими добродѣтелми! Бес твоеа помощи нѣсьми мощни благо что сътвориши, но въ день преставления твоего любовию ликъ съставлеше, възываем тя. Радуйся, просвѣщение Руския земля, ибо яко деньница на западѣ явлься, от востока просиа, и всю землю Рускую просвѣти! Радуйся, прописателю и образе пути истинному вождю, и правителю, и наставниче иноческому житию! Радуйся, началниче и поборниче, поспешителю и пособниче хотящим спастися! Радуйся, умноживъ стадо словесных овецъ в дому Божиа Матере, яко ни единъ преж тебѣ, ни по тобѣ в земли нашей обретешя! Радуйся, насадителю винограда Христова, яко прострошася розги его до моря и до рекъ отрасли его: нѣсть бо страны тоа, ни мѣста, идѣже не бысть лоза винограда твоего! Радуйся, откровения Божиа приателище и дому пречистыа Матере Божиа строителю, юже създа, и величествомъ украси, и в даръ Богородици принесе! Радуйся, умноживый талантъ господину своему, иже десять талантъ приимъ и тысящу ими приобрѣте!⁸⁴⁸ Радуйся, пажити винограда Христова напитавы до избытка словесныа овца, еяже вкусивше и чюждестраньнии овци в дому Божиа Матере затворишася и вкупѣ с вѣрными твоими чады съвъкупишася!

Радуйся, источниче сладкый, от негоже пивше, плъци мнишестии хлад божественый приаша, и бес труда путь тесный преидоша, и вселишася при исходящих водъ превысърпених! Радуйся, пастырю и учителю, иже съблюд стадо от влъка разумнаго непорочно и неклосно, началнику пастыремъ Христу приведе! Радуйся, столпе огненный, свѣтлѣ паче при Моисии бывшаго: онъ бо просвѣщаше телеснѣ, ты же духовно просвѣти новаго израиля, пустыню проведе съблазнѣ житиа пустошнаго, и амалика мысленаго лучами духа устраши,⁸⁴⁹ и в землю обетованную введе, паче реку, – райския пища, идѣже ученици твои ликуют! Радуйся, земный аггеле и небесный человекѣ, рабе и слуго пречистыа Божиа Матере, иного бо не обрете строителя дому своему, развѣ тебе, егоже възлюби и обѣщася присѣщати благодатью даровъ, якоже и бысть! Радуйся, отче Феодосие, наша похвала и великолѣпѣ!

Лавра твоа хвалится о тобѣ, и в концех вселенныа славно бысть наречение еа. Страны дивятся отцемъ, бывшим в ней, како просиаше, яко звѣзды на тверди небеснѣй: дѣлатели заповѣдем Божиимъ явишася, и чюдотворци показашася, и пророчеству от Бога сподобишася, и прозрѣнию от Святаго Духа даръ приаша, и словеси Божественому быша учителя. Притекоша царие, и поклонишася князи, и покоришася велможа, и въстрепеташа силнии, ужасошася иноязычници, видяще человекѣ небесныа, по земли ходяща. Яко престолу Господню, в дом Божиа Матере събирающеся, пѣснь аггельскую поаху беспрестани; и съ аггелы вкупѣ въдворяющеся къ жрътовнику Господню, овѣх убо извѣстно *видяще* аггельский зракъ, инѣх же мысленѣ и душевне с ними бесѣдуающе и знающеа духомъ, егда Божиих аггелъ приход бываше; инии же чювъственѣ духы лукавыа прогоняста и страшнии имъ показашася.

И таковии суть отрасли твоего винограда, тации суть вѣтви твоего корене, таковии суть столпи твоеа храмины, такова суть чада твоего порождения, таци суть отци твоеа лавры! Ибо, отче, подоба бѣ таким ученикомъ от такаваго учителя быти; ибо въистинну река Святаго Духа, истекшиа изъ устъ твоих, юже намени сам Христосъ, сынъ Божий, егда глаголаша, уча иудѣа: «Вѣруай в мя – реки истекутъ изъ чрева его воды живы».⁸⁵⁰ Се

же глаголаше о Дуѣ, егоже хотящу приимати вѣрующаа в него. Таже река, нѣгде ставящися, беспрестани *напаяетъ* чада твоа и до вѣка лѣтом. Ту реку испустивше, апостоли приведоша вся языки къ Богу; ту реку пивше, мученици небрегоша телесъ своих, но преда а на раны и на муки различныа; сию реку пивше, отци оставиша грады и села, богатество и дома и вселишася в горы, и в врьтпы, и в пещеры земныа; сию реку пивше, ученици твои небрегоша земныхъ, но всь имуще ум къ небеси, и въсприаша ихъже желааху, – и вселишася въ свѣт божественый, идѣже лица бесплотных. Имъ же мы послѣдующе, прибегохом в дом Божиа Матере, въ твою надѣжду и въ твое ограждение, възложше все упование наше на пречистую деу Богородицу и на тя, преблаженне отче Феодосие!

Аще и не достигнем грясти путем прежних твоихъ ученикъ, но поминающе рекшаа святаа уста: «Аще кто скончает живот свой в дому пречистыа Божиа Матере и в моей надѣжди и аще чим не достигнут на подвиги, азъ сие наплъню и Бога умолю о нихъ», – тѣмже тому словеси надѣющеся, молебнo призываем тя. Сам вѣси, преподобне, аще и нам млъчащим, яко дъние наши исчезоша в пустошных мира сего, и, мало въсклоншеся, приахом иго Христово и прибегохом в дом пречистыа владычица нашеа Богородица и въ ограду святую твою. Не предай же нас врагом душъ наших, ибо въоружашася на нас, и пленяют ны на всякъ час, и различными *помыслы стрѣляют* сердца наша, отводят ны Божиа разумѣния, и любити нудят ны мимотекущаа и тлѣннаа, и до конца погружают ны въ глубинѣ грѣховней. Но тебѣ, кормъчию, обретохом: направи нас къ пристанищу тихому, и бурю мысленую утиши, и умоли о насъ общаго Владыку, да подасть нам глаголѣ и слово, мысль и дѣяние вся заповѣди его творити. Аще бо *и* заповѣдей Господнихъ уклонихомъся и устава, тобою преданнаго, лѣностию не исполнихом, но единыа ради вѣры нашиа, еже къ пречистей Дѣвѣ и к тебѣ, отче святыи Феодосие, да причте ны к лику чад твоих, еже ходиша бес порока по стезям правды, и *неразлучныи* сътворит ны зрѣния свѣтообразнаго своего лица, егда отсюду поимет ны.

Еще же в житии семъ нам сущим, да посѣщаеши нас и съблюдаеши от всякыа козни неприазненыа и дѣл, яже отводят

от Бога, но молитвою ти подаждь нам житие чисто и богоугодно, и въздвигнеши умъ наш, падший лѣнностію на землю, бодрость подаси и страждю внутреннюю и дрѣвним грѣхом отдание. Аще бо и небрежение ума нашего преможе ны, но тебѣ имуще пособника и помощника лавре твоей пребывающе, надѣемъ тобою свободни пред Богомъ явитися и не обладании врагы, видимы и невидимыми. Сам бо своим учеником реклъ еси, егда отъити отсюду Богом повелѣно ти бысть: «Извѣстно вы буди, чада, аще по отшествии моемъ къ Богу начнет мѣсто сие умножати мнихъ и потрѣбными изобилувати, и от сего разумно буди вам, яко дрѣзновение имѣю у Бога и молитва моя приатна есть от него». Мы же, *отче*, извѣстно вѣмы по равноаггельному житию и по страстопѣческому подвигу, яко прежде исхода своего дрѣзновение имѣаше къ Вседрѣжителю Богу. Кольми паче *по исходъ* пророчество показуа, яко хочет мѣсто сие пресвята Богородица и твоя святаа лавра възвеличиться и възрастити славою и величеством. И се назнаменуа, яко беспрестани хощеши молитися о оградѣ святей своей, якоже и съврѣшися истинное твое и неложное обѣщание, ибо по преставлении твоємъ *не* обладано бысть, не разрушено от кого мѣсто твое, но от лѣта расташе и превосхождаше.

Егда умножишася грѣси наша,⁸⁵¹ и съврѣшишася безаконіа наша, и злоба наша Бога прогнѣва, тогда Божиимъ попущением, грѣх ради наших, раздрушишася домове Божии, и монастыреве разорени быша, и грады пленени *суть*, и села опустѣша от языка незнаема, от языка немилостива, от языка, студа исполнена, ни Бога боащеся, ни утробы челоуколюбивы дрѣжаще. Тѣмже и еще от них в работѣ сущеи, и въ озлоблении злѣ, и в томлении лютѣ, припадаем ти, молбу приносяще: въздвигни руцѣ твои о нас къ владычицѣ дѣвѣ пречистей Богородици, да помянет милости своа дрѣвняя о *оградѣ* сий, еже дасть ей в достоаніе, и ослабу подасть нам от *сокрушения* горкаго и *от* врагы лукавыа и хулники нашей православней вѣре, и сътворит необоримую церковь свою святую, юже сама изволи въздвигнути в жилище себѣ; и умножит стадо ограды твоеа и присѣщает, якоже и прежде, съблюдающе и утвержающе, заступающе и храняще от врагъ, видимых и

невидимых, да свободни обретьшеся душами и телесы, и въ свѣте сем временем богоугодно проживем, не обладани никимже, развѣ пречистою Богородицею, якоже и прежде отци наши, и тобою, преподобне Феодосие.

Вѣдаа твое легкосердие, дрѣзнух прострети языкъ свой на твое хваление: не яко по достоанию хвалу ти принося, но себѣ чаах успѣхъ приобрѣсти, отче, от тебѣ, и ослабу грѣхом своимъ, и на прочиа съблюденія и неподобнаа обучения. Ибо прославиша тя небесныя *силы*, приаша тя апостоли, и присвоиша ты пророци, обиаха ты мученици, срадуют ти ся святители, сretoша ты *лицы* черноризецъ, и възвеличи ты и сама Царица пречистаа, Мати Господня, и зѣло *превознесе* и знаема показа от конецъ вселенныа до конецъ земли, вѣрный рабъ Господень!

Азъ же како по достоанию възмогу похвалити ты, сквѣрнаа уста имѣа и нечистъ языкъ? Но, не имый что принести тобѣ в день преставления твоего, сие малое похваление, яко мал и смердящъ потокъ к ширинѣ морьстей приливаася, не да море наплънити, но да смрада очистится. Тѣмже, о честнаа главо, святыи отче *Феодосие*, не прогнѣвайся на мя, грѣшнаго, но моли о мнѣ, рабѣ твоём, да не осудит менѣ въ день пришествія своего Господь Иисус Христосъ, ему же слава подобаеъ съ безначалным его Отцемъ и съ пресвятым, *и благым, и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно.*

О СВЯТЫХЪ БЛАЖЕННЫХЪ ПРѢВЫХЪ ЧЕРНОРИЗЦЕХЪ ПЕЧЕРЬСКИХЪ, ИЖЕ В ДОМУ ПРЕЧИСТЫА БОЖІА МАТЕРЕ И ВЪ БОЖЕСТВЕННЫХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕХЪ ПРОСИАВШИХЪ, В ПОЩЕНИИ ЖЕ И ВЪ БДѢНИИ, И ВЪ ПРОРИЦАНИИ ДАРА, ВЪ СВЯТЕМЪ МОНАСТЫРИ ПЕЧЕРЬСКОМ. СЛОВО 12⁸⁵²

Бѣ въистинну предивно чудо видѣте, братие, съвъкупи бо Господь такихъ черноризецъ въ обители Матере своеа. Яко пресвѣтлаа свѣтила в Руской земли сиаху: ови бо биаху постници, друзии же – на бдѣние, инии же – на колѣнопоклонение, овии же – на пощение чрезъ день или чрес два дѣни, инии же ядуще хлѣбъ с водою, инии же зѣлие варено, друзии же – сурово; и вси в любви пребывающе: мѣншии покоряющиеся *старѣйшимъ*, не смѣючи предъ ними глаголати, но

все съ покорением и послушанием великимъ; такоже и старѣйшии имѣаху любовь к меншимъ, наказующе их и утѣшающе, яко чада своа възлюбленнеа. И аще который брат впадале нѣ в кое съгрѣшение, утѣшаху его и того единого епитимью раздѣляху любо трие или четыре, за великую любовь. Такова бяше божественнаа любовь в той святей братии, въздержание и смирение. И аще нѣкий братъ отхождаше от монастыря, вся братиа о том имѣаху печаль и посылаху по нь, призывающе в монастырь брата, дабы възвратился. И егда приходяше брат, и шедше ко игумену, вси поклоняхуся за брата и умоляху игумена, абие же приимаху брата с радостью въ монастырь. Таковии бо тогда черноризци, *постници, въздержьници!* От нихъ же *намѣню* нѣколико муж чюдных.

Яко се убо бысть прѣвый Дамианъ прозвитель. Бяше таковъ постник, яко, развѣ хлѣба и воды, ничтоже ядыше до дѣне *смерти* своеа. И аще убо когда приношаше кто *дѣтищъ* боленъ, каковѣмъ убо недугомъ одрѣжим бяше, приношаху в монастырь къ преподобному Феодосию, той же повелеваше сему Дамиану молитву сътворити над болящимъ. И абие творяше, и маслом святымъ помазываше, и приимаху исцѣления *приходящии* к нѣму.

Единою же разболѣвшуся сему блаженному Дамиану и конецъ житию приати хотящу, и лежащу ему в немощи, прииде к нему аггелъ въ образѣ Феодосиевѣ, обѣщеваа ему царство небесное за труд его. Посемъ же прииде к нему великий Феодосие съ братиею, и присѣдѣаще у него, оному же изнемогающу. И възрѣвъ на игумена, рече: «Не забывай, отче, еже ся еси обѣщаль в сию ночь». Разумѣвъ же великий Феодосие, яко видѣние видѣ, и рече ему: «Брате Дамиане! Еже ти есмь обѣщаль, то ти будет». Онъ же смеживъ очи свои и предасть душу в руцѣ Божии. Игумень же и вся братиа погрѣбоша его честно.

Таковъ же бѣ другой брат, Иермиа именем, иже помняше крещение Рускиа земля; и сему даръ от Бога данъ: провѣдѣаще бо хотящаа быти. И аще кого видѣаще в помышлении, то обличаше его в тайнѣ и *наказоваше* блюстися от диавола. И аще который брат умышляше ити из монастыря, он же пакы,

пришед к нему, обличаше его мысль и утѣшаше брата. И аще кому глаголаше, что добро или что зло, то збывашеся слово старче.

Бѣ же инѣ старецъ, именемъ Матфѣй, бѣ бо прозорливъ. Единою же, стоаще ему въ церьки на мѣсте своемъ, възвед очи свои и позрѣвъ по братии, иже стоать по обѣма странама поющимъ, виде бѣса, обходяща въ образѣ ляха и въ приполцѣ носяща *цвѣткы*, иже глаголются лѣпки, и взимаше и нѣкакѡ з лона *цвѣтокъ*, и врѣзаше на кого любо. И аще кому прилепняше цвѣтокъ стоащихъ отъ братиа, то мало постоавъ, и раслабѣвъ умомъ, и вину себѣ притворивъ какову убо, исхождаше изъ церькви, и шед спаше, и не възвращашеся на пѣние. Аще ли же врѣзаше на другого отъ стоащихъ и не прилепняше ему цвѣтокъ, то тѣмъ крѣпко стоаше в пѣнии своемъ, Дѡндеже отпоаху утренюю, и тогда идяху кождо в кѣлія своа.

Обычай же бѣ сему старцю: по отпѣнии утрѣняа братии отходящимъ по кѣліамъ своимъ, сий же блаженный старецъ послѣ же всѣхъ исхождаше изъ церькви. Единою же идущу ему и седе подъ клепаломъ, хотя опочинути, – бѣ бо кѣліа его подале отъ церькви, – и виде се, яко толпа велика идяше отъ вратъ. И възвед очи свои, и видѣ единаго бѣса, сѣдяща на свинии и величающиса, и другыа около его множество текуще. И рече старецъ: «Камо идете?» И рече имъ бѣсъ, сѣдя на свинии: «По Михалѣ по Тоболѣковича». Старецъ же знаменася крестомъ и иде в кѣлію свою. Якоже бысть освѣтающу дню, разумѣ старецъ видѣние, и рече старецъ ученику своему: «Иди, въпрошай – есть ли Михалъ в кѣліи?» И рече ему: «*Давѣ* изыде по заутреніи за ограду монастырьскую». Старецъ же повѣда видение игумену и старейшей братии, еже вѣдѣ, призвавъ же игуменъ брата и утверди его.

При семъ же блаженнѣмъ Матфѣи блаженный игуменъ Феодосій представися, и бысть Стефанъ-игуменъ въ его мѣсто, и по семъ – Никонъ, и сему же старцю въ житии сущу, и ина многа видѣнія провидяше. И почи старецъ о Господѣ и в добре исповѣдании в Печерскомъ святемъ монастырѣ.

О БЛАЖЕННЕМЪ НИФОНТѢ, БЫВШУ ЕПИСКОПУ НОВАГОРОДА⁸⁵³, КАКО ВЪ СВЯТѢМЪ МОНАСТЫРѢ

ПЕЧЕРЬСКОМ, ВЪ БОЖЕСТВЕННОМ ОТКРОВЕНИИ, ВИДѢ СВЯТАГО ФЕОДОСИЯ. СЛОВО 13

Блаженный Нифонтъ бысть убо черноризецъ Печерьскаго монастыря, тѣхъ святыхъ отецъ поревнуа житию, и за многую его добродѣтель поставленъ бысть епископъ Новугороду. И бѣ велию вѣру и любовь имѣа къ пресвятей Богородици и къ преподобнымъ отцемъ печерьскимъ Антонию и Феодосию. Абие же слыша, яко от вселенъскаго патриарха в Русию идетъ *Константин-митрополит*⁸⁵⁴ радости же духовныа исполнився, помысли в себѣ, яко да обое съврѣшитъ: в дому *Пречистыа* будетъ и преподобнымъ поклонится и от святителя благословения приметъ; и таковыа ради вины прииде Киеву в лѣто 6664. И пребывающу ему, ожидающи митрополита пришествия, биаше бо ему вѣдомо, яко извѣстно от царствующаго града выйде митрополит.

Тогда же Клим-митрополит столъ святительскій примѣ не патриаршимъ благословениемъ Цариграда. Сего блаженнаго епископа Нифонта принужаше Климъ служити со събою. Онъ же глаголяше ему: «Понеже не приаль еси благословения от святаго вселенъскаго патриарха Царяграда, за сие не хочу служити с тобою, ни въспоминати тебѣ въ святей службѣ, но поминаю святаго Царяграда патриарха». Климу же велми принужающу его, научающу на нь князя Изяслава и своа поборники, и не възможе ему зла сътворити ничтоже.

Патриархъ же Цариграда, слышавъ яже о немъ, присла к нему послание, сицѣ блажа его о величествѣ разума и крѣпости и причитаа его ко прѣжнимъ святымъ, иже твердѣ о православии ставшихъ. Онъ же патриарше послание прочет и зѣло велми крѣпостию себѣ утвержаше, любовь же имаа съ княземъ *Святославомъ съ Олговичемъ*,⁸⁵⁵ бѣ бо прежде того Святославъ сѣде в Новѣгородѣ.

Бывшу же сему блаженному епископу Нифонту въ святѣмъ Печерьскомъ монастырѣ, велию же вѣру имѣа ко преподобнымъ, якоже прежде реченно бысть, не по мнозе же времени постиже его болѣзнь. И дивно же видение повѣда. «Прежде болѣзни своеа трети деньми пришедшу ми, – рече, – съ заутрени и мало опочивающу, и абие в тонок сонъ сведенъ быхъ. И се

обретохся въ церьки Печерьской на Святошинѣ мѣсте, и молящу ми ся много съ слезами святѣй Богородици, да бых видель святаго и преподобнаго отца Феодосиа. И събирающимся многимъ братиамъ въ церковь, и приступи ко мнѣ единъ брат и рече ми: “Хощеши ли видети святаго отца *нашего* Феодосиа?” Мнѣ же отвѣщавшу: “Зѣло желаю, аще възможно ти есть, покажи ми его”. И поимъ мя, введе въ олтарь и тамо показа ми святаго отца Феодосиа. Азъ же, видѣхъ преподобнаго, от радости притекъ, пад на нозѣ его и поклонися ему до земля. Онъ же въстави мя, нача благословляти, и, обиаъ рукама своима, нача любѣзнѣ лобызати мя, и рече ми: “Добрѣ прииде, брате и сыну Нифонте, *отсель* будеши с нами неразлучно”. И дрѣжашу преподобному в руцѣ своей свитокъ, мнѣ же просящу его, и яко да вда ми, и разгнувъ, прочтох. И бяше в нем написано в началѣ сицѣ: “Си азъ и дѣти, яже ми дал Богъ”. И оттоле възбнухъ, и нынѣ вѣмъ, яко сиа болѣзнъ посещение ми от Бога».

Болѣвшу же ему 13 дъни, и тако успѣ с миромъ мѣсяца апрѣля въ 18, Свѣтлыа недѣли.⁸⁵⁶ И положенъ бысть честно в печерѣ Феодосиевѣ, к *любимому* прииде, якоже общася ему Феодосие преподобный; вкупѣ Владыцѣ Христу предстояща, наслажаася неизреченныхъ онѣхъ небесныхъ красот и о нас молящеся, своихъ чадѣхъ.

Сицевы чюднии мужи в томъ въ святѣмъ Печерьскомъ монастырѣ быша, иже мнози от нихъ апостоломъ съпричастници быша и престоломъ ихъ намѣстници, якоже настоящее слово в послании семь извѣстно явит намъ.

ПОСЛАНИЕ СМирЕННАГО ЕПИСКОПА СИМОНА ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЗДАЛЬСКАГО К ПОЛИКАРПУ, ЧЕРНОРИЗЦЮ ПЕЧЕРЬСКОМУ⁸⁵⁷ СЛОВО 14

Брате! Сѣд в безмолвии, събери си умъ свой и рци к себѣ: «О, убозей иноче, неси ли мира оставил и по плоти родитель Господа ради?» Аще же и здѣ, пришед на спасение, не духовнаа твориши, и что ради в чернеческое имя облѣкься еси? Не избавятъ бо тебѣ муки черныа ризы, аще не иночески живеши. Се же вѣждь, яко блажимъ еси здѣ от князь, и от боляръ, и от всѣхъ другъ своихъ, глаголють бо: «Блаженъ есть,

якоже *възненавидѣ* мира сего и славы сеа, и к тому не печется земными, но небесных желаетъ». Ты же не чернически живеши. Велика срамота обдержит мя тебѣ ради! Аще же блажаще нас здѣ предваряють ны въ царствии небеснѣмъ, и тии в покой обрящутся, мы же, горко мучими, възопием? И кто помилует тя, самому себѣ погубившу?

Въспряни, брате, и попецися мыслено о своей души! Работай Господеви съ страхом и съ всякою смиренною мудростию! Да днѣсь кроток – и утро ярѣ и золѣ; въмалѣ молчание – и пакы роптание на игумена и на того служебники. Не буди лживѣ – виною телесною събора церковнаго не отлучайся: якоже бо дождь растит сѣмя, и тако церкви влечет душу на добрыа дѣтели. Все бо, елико твориши в кѣлии, ничтоже суть: аще и *Псалтырь* чтеши или обанадесять псалма поеши,⁸⁵⁸ ни единому «Господи, помилуй!» – и уподобистся съборному. О сем, брате, разумѣй, яко и врѣховѣный апостолѣ Петрѣ сам церкы сый Бога жива, и егда аѣ бысть от Ирода и всаженѣ в темницю, не от церкы ли бывающиа молитвы избавиша его от руку Иродову?⁸⁵⁹ И Давидѣ бо молится и глаголя: «Единоу прошу у Господа, того взыщю, да живу в дому Господни вся дни живота моего, и да зру красоту Господню и посѣщаю *церковь* святу его».⁸⁶⁰ Сам бо Господѣ рече: «Дом мой – дом молитвы наречется».⁸⁶¹ «Идѣже бо, – рече, – два или трие събрании въ имя мое, ту есмь посреди ихъ».⁸⁶² Аще ли же толикѣ съборѣ, боли ста братий съберутся, то кѣль паче вѣруй, яко ту есть Богѣ наш. И того божественаго огня тѣх обѣд сътворяется, его же азѣ желаю единоа крупица паче всего сущаго иже предо мною обѣда. Свѣдатель ми есть о том Господѣ, яко ничему же бы причастился иному брашну, развѣ укруха хлѣба и съчива, устроеннаго на святую братию.

Ты же, брате, не днесѣ похваляа лежащих на трапезѣ, и утро на варящаго и на служащаго брата ропщеши, – и симѣ старейшинѣ пакость твориши, и обряшися мотылу ядый, и якоже въ Отечьницѣ писано.⁸⁶³ Егда бо видѣ онѣ старецѣ хулящих брашно – мотылу ядущихъ, а хвалящих – медѣ ядуща, якоже бо провидѣ *тоже* старецѣ различиа брашном. Ты же, егда яси или пиеши, благохвали Бога, ибо исчезновение себѣ творит

хуляй, по апостолу. «Аще убо ясте и пиете – все въ славу Божию творите».⁸⁶⁴ Тръпи же, брате, и досаждение: претерпѣвый до конца – бес труда спасется бо таковой. Аще бо ключится озлоблену быти, и пришед нѣкто възвѣстити ти, яко онѣсица потяза тя злѣ, – рци же възвистившему ти: «Аще и укори мя, но брат ми есть, и *достойнъ* есмь того: не о себѣ же се творить, но враг-диаволь поустил есть его на се, да вражду сътворить между нами. Господь же да проженеть лукаваго, брата же да помилуеть!» Речеши же, яко в лице ми досади пред всѣми: не скорбенъ о томъ буди, чадо, ни скоро подвигнися на гнѣвъ, но, пад, поклонися брату до земля, глаголя: «Прости мя, брате!»

Исправи в себѣ прегрѣшения, и тако побѣди всю силу вражию. Аще ли потязанъ съпротивишися, се убо себѣ досадиши. Ты ли еси болши Давида царя, емуже Семей досаждаше в лице?⁸⁶⁵ Единъ же от слуг царевъ не трѣпя укоризны царевы и рече: «Иду, отъиму главу его: почто, песъ мерътвый, проклинаетъ господа моего, царя!» Но что Давидъ к нему рече? «О сыну Сарушъ! Не дѣй его проклинати Давида, да видит Господь смирение мое и воздасть ми благаа клятвы его ради». Помысли, чадо, и болша сих, како Господь нашъ смири себѣ, бывъ послушливъ до смерти своему Отцю: досаждаем – не прещаше, слышася «бѣсѣ имаши», по лицу биемъ и заушаемъ, оплеваемъ – не гнѣвашася, но и о распинающих его моляшеся.⁸⁶⁶ Тако и нас научилъ есть: «Молите бо, – рече, – за врагы ваша и добро творите ненавидящим васъ, и благословите кленущаа вы».⁸⁶⁷

Доволно же ти буди, брате, твоего круподушья и сътворенное дѣло. Тѣмъже ти плакаться подобаетъ, яко оставилъ былъ еси святой и честный монастырь Печерьский, и святых отецъ Антониа и Феодосиа, и святых черноризецъ, иже с ними, и ялся еси игуменити у Святую безмѣзнику Козмы и Дамиана. Но нынѣ добро еси сътворилъ, *лишився* таковаго начинания пустошнаго, и не далъ еси плещу врагу своему, ибо вражие желание – погубити тя хотяше. Не веси ли, яко древо, часто не напааемо, паче же пресаждаемо, скоро исхнеть? И ты, от послушания отча отлучися и братий своих, оставь свое мѣсто и въскоре хотяше погыбнути. Овча бо, пребываа въ

стадѣ, невреждено *пребывает*, и отлучившееся – въскорѣ погыбаеть и волком изъядено бывает. Подобаше бо ти прежде рассудити, что ради въсхотѣлъ еси изыти от святаго, и честнаго, и спасенаго того мѣста Печерьскаго, в немже дивно есть всякому хотящему спастися. Мню, брате, яко Богъ сътвори се, не трѣпя гордости твоеа: *низверже* тя, якоже прежде Сатану съ отступными силами,⁸⁶⁸ зане не въсхотѣлъ еси послужити святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандрыту Акиндину Печерьскому.⁸⁶⁹ Печерьский бо монастырь море есть и не дрѣжит в собѣ гнилого ничегоже, но измѣщеть вонь.⁸⁷⁰

А еже въписалъ ми еси досаду свою, – люте тебѣ: погубил еси душу свою! Въпрошаю же тя, чимъ хочещи спастися? Аще и постник еси или трезвитель о всемъ, и нищъ, и без сна пребываа, а досажения не трѣпя, не узриши спасения. Но радуются нынѣ о тебѣ игуменъ и вся братия, и мы же, слышавше яже о тебѣ, и вси утѣшихомся о тебѣ и обретении твоём, яко погыбе и обретесе. Попустих же и еще *своей* воли быти, а не *игумени*: въсхотѣлъ еси пакы игуменити у Святаго Дмитриа, а не бы тебѣ принудилъ игуменъ, ни князь и азъ, и се яко искусился еси. Разумѣй, брате, яко не угодно Богу твое старейшинство, и сего ради дарова ти Господь оскудѣние очию. Но ты никакъ съдрогнуся, идѣже бѣ *подобало* рещи: «Благо мнѣ, яко смирил мя еси, да научюся оправданиемъ твоимъ».⁸⁷¹ Разумѣхъ бо тя санолюбца, и славы ищещи от чловѣкъ, а не от Бога. Не вѣруеши ли, окаанне, написанному: «Никтоже възметъ *чести* о собѣ, но званый от Бога».⁸⁷² Аще ли апостолу не вѣруеши, ни Христу имещи вѣры. Что от чловѣкъ сану *ищещи*, а не от Бога, сущимъ же от Бога не хочещи повинутися и мыслиши високаа? Иже древле таковии съ *небесъ* съврѣжени быша. «Азъ бо, – рече, – несмъ ли достоинъ увѣритися таковому *начинанию* сана, или *хуждѣши* есмъ иконома⁸⁷³ сего или его брата спѣюще?» Сам, не получивъ желаниа, мятешися, хочещи же часто исходити от кѣлиа в кѣлию и *сважати* брата съ братом, глаголя неполѣзнаа: «Или мнить себѣ, – рече, – сиа игуменъ и сий икономъ, яко здѣ точию Богу угодити, индеже невѣзможно спастися? А нами что ми не разумѣють?» Сиа диавольскаа начинаниа, сии тощных тебѣ изыщѣства. Аще же и

сам кое предспѣание получиши, яко стати ти на вышнемъ степени, то не забывай смиренныя мудрости, да егда прилучить ти ся съступи степени, и то обрящеши путь свой смиренный и не впадеши в различныя скорби.

Пишет бо ми княгини Ростиславля, Врѣхуславля,⁸⁷⁴ хотящи тя поставлена быти епискупом или Новугороду, на Антониево мѣсто, или Смоленску, на Лазарево мѣсто, или Юрьеву, на Олексѣево мѣсто.⁸⁷⁵ «И аще ми, – рече, – и до 1000 сребра расточити тебѣ ради и Поликарпа». И рѣхъ ей: «Дѣщи моа, Анастасие! Дѣло не богоугодно хочеши сътворити: но аще бы пребылъ в *монастырѣ* неисходно, съ чистою съвѣстію, в послушании игумении и всей братии, трѣзвися о всѣх, то не токмо бы въ святительскую одѣжю оболченъ, но и вышняго царствиа достоинъ былъ».

Ты же, брате, епископѣству ли похотѣлъ еси? Добру дѣлу хочеши! Но послушай Павла, глаголюща к Тимофѣю,⁸⁷⁶ и, почетъ, разумѣши, аще еси что от того исправилъ, какову епископу подобаетъ быти. Но аще бы ты былъ *достойнъ* таковаго сана, то не бых тебѣ пустилъ от себѣ, но своимъ руками съпрестолника тя себѣ поставил бых въ обѣ епископии, Владимерю и Суждалю, якоже князь Георгий хотѣлъ,⁸⁷⁷ но азъ ему въсбраних, видя твое малодушие. И аще мене преслушаеши, каковѣй любо власти въсхощеши, или епископѣству, или игуменьству повинешися, – буди клятва, а не благословение! И к тому не внидеши въ святое и честное мѣсто, в немже еси остриглься. Яко съсуд непотрѣбенъ будеши, и изверженъ будеши вонъ, и плакатися имаши послѣжде много безъ успѣха.

Не токмо бо есть съврѣшение, брате, еже славиму быти от всѣх, но еже исправити житие свое и чиста себѣ съблюсти, От того, брате, Печерскаго монастыря пречистыа Богоматере мнози епископи поставлени быша, якоже от самого Христа, Бога нашего, апостоли въ всю *вселенную* послани быша, и, яко свѣтила свѣтлаа, освѣтиша всю Рускую землю святымъ крещениемъ. Пръвый – Леонтий, епископъ Ростовскый,⁸⁷⁸ великий святитель, егоже Богъ прослави нетлѣниемъ, и се бысть пръвый престолникъ, егоже невѣрнии много мучивше и бивше,

– и се третий гражданинъ бысть Рускаго мира, съ онема варягома вѣнчася от Христа,⁸⁷⁹ егоже ради пострада. Илариона же, митрополита, и самъ челъ еси в Житии святаго Антониа, яко от того постриженъ бысть, тако священства сподобленъ. Посем же: Николае и Ефреъмъ – Переяславлю, Исая – Ростову, Германъ – Новуграду, Стефанъ – Владимирю, Нифонтъ – Новуграду, Маринъ – Юрьеву, Мина – Полотску, Никола – Тмутороканю, Феоктистъ – Чернигову, Лаврѣнтѣй – Турову, Лука – Белуграду, Ефрѣмъ – Суждалю.⁸⁸⁰ И аще хочещи вся увѣдати, почти Лѣтописца старого Ростовскаго:⁸⁸¹ есть бо всѣхъ болий 30; а еже потом и до нас, грѣшных, мною, близъ 50.

Разумѣй же, брате, колика слава и честь монастыря того! И постидѣвсѣя, покайся и извол и си тихое и безмятѣжное житие, к немуже Господь призвал тя есть. Азъ бы рад оставилъ свою епископию и работалъ в томъ святемъ Печерьскомъ монастырѣ. И се же глаголю ти, брате, не сам себѣ величаа, но тебѣ възвѣщаа. Святительства нашего власть самъ вѣси. Кто не вѣсть мене, грѣшнаго, епископа Симона, и сиа съборныя церкви, красоты Владимирьския, и другиа, Суждальския церкви, юже сам създахъ?⁸⁸² Колико имѣета градовъ и сель, и десятину⁸⁸³ събирають по всей земли той, – и тѣмъ всѣмъ владѣеть наша худость. И сиа вся бых оставилъ, но вѣси, какова велиа вещь духовнаа и нынѣ обдержитъ мя, и молюся. Господеви, да подасть ми благо врѣмя на правление.

И съвѣсть тайнаа Господь: и истинно глаголю ти – яко всю сию славу и честь въскорѣ яко калъ вменилъ бых, и аще бы ми ся смѣтиемъ пометнути в Печерьскомъ монастырѣ и попираему челоуѣки, или единому быти от убогихъ пред враты честныя лавры и сътворитися просителю, – то лучши бы ми врѣменныя сиа *чести*. Единъ день въ дому Божиа Матере паче 1000 лѣт, и в немъ изволилъ бых пребывати паче, нежели жити ми в селехъ грѣшничихъ. И въистину глаголю ти, брате Поликарпе: гдѣ слыша сихъ дивнѣйши, в томъ въ святемъ монастырѣ Печерьскомъ чюдеса? Что же ли божественѣйшихъ сихъ отцевъ, иже в конецъ вселенныя просиаша, подобно лучамъ солнечнымъ? О нихъ же достовѣрно повѣдаю ти настоящимъ писаниемъ к симъ же, иже

тебѣ реченнымъ. И се тебѣ, брате, скажу, что ради мое тѣхание и вѣра къ святому Антонию и Феодосию.

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЖДАЛЬСКАГО, О СВЯТЫХЪ ЧЕРНОРИЗЦЕХ ПЕЧЕРЬСКИХ И ЧТО РАДИ ИМѢТИ ТѢХАНИЕ И ЛЮБОВЬ КЪ ПРЕПОДОБНЫМ ОТЦЕМЪ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ ПЕЧЕРЬСКИМ.⁸⁸⁴ СЛОВО 15

Слышах вещь предивну от блаженныхъ техъ старецъ, яко рѣша слышавъше от самовидецъ *онѣхъ* такового чюдеси, бывшаго при игуменствѣ Пиминовѣ⁸⁸⁵ в Печерскомъ святѣмъ монастырѣ.

Бысть убо муж съвършенъ *въ всякой* добродѣтели в том же Печерскомъ монастырѣ, именем Ансифоръ, презвитеръ саном. И прозорлива дара сподобися от Бога, еже видити на всяком человекѣ съгрѣшника. И инаа того исправления повѣдают, но се едино скажу.

Бысть сему блаженному Ансифору сынъ духовный, черноризецъ нѣкто и другъ по любви, иже не истинною подражаше житие того святаго: постникъ ся являся лжею и цѣломудръ ся творя, втайнѣ же ядый и пиа и сквѣрно живой препровади лѣта своа. Се же утаися духовнаго того мужа, и ни единъ же от братиа сего разумѣвъ.

Въ единъ же день, здравъ сый, напрасно умре. Не можаше ни единъ же телеси его приблизитися смрада ради, бывшаго от него. И приать же страхъ вся, и нуждею сего изъвлекше, и не можаху пѣния над нимъ сътворити *смрада ради*. Положивше того особъ и ставъше издалеча, пѣние *обычное* сътворивше, нѣцѣи же заимше ноздри своа. И сего, внесше внутрь, в печерѣ положиша, и толми въсмердѣшася, якоже и безъсловесным бѣгати тоа печеры. Многажды же и вопль слышашеся горекъ, яко нѣции мучаще того.

И явися святой Антоний прозвиту *Онѣсифору*, съ прещениемъ глаголя: «Почто се сътворилъ еси? Такогого сквернаго, и нечистаго, и незаконнаго, и многогрѣшнаго здѣ положилъ еси, якоже таковъ не бысть положен никтоже, иже осквернилъ есть святое мѣсто сие». Възбнувъ же от видения и пад на лицѣ своемъ, *моляшеся* Богу, глаголя: «Господи, что

ради съкрылъ еси от менѣ дѣла чловѣка сего?» И приступль аггелъ, глаголя ему: «На показание всѣмъ съгрѣшающим и не кающимся бысть се, да видѣвше, покаются». И сие рекъ, невидимъ бысть. Тогда прозвитель, шед, възвести вся сиа игумену Пимину. И пакы в другую ночь тоже видѣ и рече: «*Изверзи его вѣнъ въскорѣ на снѣдение псомъ, недостоинъ бо есть пребывания здѣ*». Прозвитель же пакы на молитву обратися, и бысть к нему глас, глаголяй: «Аще хочещи, – *помози* ему».

Съвѣтъ же сътворше съ игуменомъ, да нуждею привести нѣкия, и извлекутъ и вонъ, и вѣврѣгут и в воду, волею бо никтоже можаше горе той приблизитися, идѣже бѣ печера. Пакы же явися имъ святой Антоний, глаголя: «Смили ми ся душа брата сего, понеже не могу преступити обѣта брата моего, иже к вамъ обѣщахся, яко всякъ, положенный здѣ, помилованъ будет, аще и грѣшенъ есть. Не суд бо худешии, иже со мною здѣ в печерѣ отци, бывших прежде закона и по законѣ, угодивших Господу Богу моему и пречистой его Матере, – да ни единъ от сего монастыря осужденъ будет въ муку. Господь же рече ми, яко слышати ми глас его: “Азъ есмь рекий Аврааму: двадесати ради праведникъ не погублю града сего”,⁸⁸⁶ – то колыми паче тебѣ ради и иже сущих с тобою помилую и спасу грѣшника; аще здѣ постигнет умрети, в покои будетъ». Сиа же слышавъ Анѣсифоръ от святаго, вся видѣннаа и слышаннаа възвѣсти игумену и всей братии. От них же азъ обретох единого, иже исповѣда ми вещь сию от тѣх прѣвыхъ черноризецъ.

Пиминъ же игумень, въ мнозѣ недоумѣнии бывъ от страшной сей вещи, съ слезами моляше Бога о спасении души братнѣй. И бысть ему явление от Бога нѣкое, тако глаголюще: «Понеже здѣ мнози грѣшнии положени быша, и вси прощени быша ради угодивших ми святыхъ, иже в печерѣ, и сего же окааннаго душу помиловахъ Антониа ради и Феодосиа, рабу моею, и сущихъ с нима святыхъ черноризецъ молитвою. И се ти знамение буди изменению: смрад бо на благовоние преложися». И сие слышавъ, игумень радости исполнився, и, съзва всю братию, сказа имъ явление, и иде с ними к печерѣ видѣти бывѣшаго; и обоняше вси благоухание от телеси его,

злосмрадие же и вопль никакоже слышашеся. И всй насладишася добровониа, прославиша Бога и святаа его угодники, Антониа и Феодосиа, о спасении братнѣ.

И сего ради азъ, грѣшный, епископъ Симонъ, тужу, скорблю, и плачу, и жалаю тамо ми скончати, да бых точию положенъ былъ въ божественой тоии прѣсти и малу отраду приаль бых многих ми грѣховъ, молитвъ ради святыхъ отецъ о Христѣ Иисусѣ, Господи нашемъ, ему же слава нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣком.

О БЛАЖЕННѢМЪ ЕУСТРАТИИ ПОСТНИЦИ. СЛОВО 16

Нѣкий чловѣкъ прииде ис Киева в пещеру, хотя быти черноризецъ. И повелѣ игуменъ его пострици, и нарече имя ему Еустратие. Онъ же, раздаа все свое имѣние убогимъ, мало нѣчто остави ближнимъ своимъ, да по немъ раздають. Бысть же сий черноризецъ Еустратий постникъ и послушникъ всѣмъ.

Той же блаженный, *крѣпя и моля вся християны*, наказоваше ихъ, глаголя: «Братие, елико вас крестися и въ Бога вѣроваше, не будемъ отмѣтници своего обѣта, еже въ святѣмъ крещении. Христосъ бо ны искупи от клятвы законныа и породил водою и духомъ, сыны и наслѣдники нас сътвори: то аще умремъ – Господеви умремъ; *аще ли* живемъ – бытию длѣжнаа послужимъ; аще за люди умремъ – смертию живот купимъ, той животъ вѣчный дасть намъ».

Бѣ бо сий Еустратие плененъ безбожными агаряны⁸⁸⁷ и проданъ жидовину. Не по мнозѣхъ же днехъ вси изомроша от глада и истаавша жаждю: овии по трехъ днехъ, инии же по седми, крѣпции же по 10 днехъ. И скончашася вси голодомъ и жаждю. Бѣ же ихъ числомъ 50: от монастырскихъ работниковъ 30, от Киева 20.

Минувшимъ же днемъ 14, оста мнихъ единъ живъ, бѣ бо постникъ от младыхъ ноготъ. Видѣвъ же жидовинъ, яко сий мнихъ вина бысть погыбели злата его, еже на плѣнныхъ вдасть, и съдѣла на немъ Пасху свою. Наставшу же дни Вѣскресения Христова, поругание сътвори святому Еустратию: по писанному въ Евангелии, иже сътвориша на Господа нашего Иисуса Христа и поругашеся ему, и тако и сего блаженнаго пригвоздиша къ кресту. И благодараше Бога на немъ, и живъ бысть 15 дней.

Жидове же рѣша ему: «Нынѣ насытисѣ законныѣ пища, безумнѣ, да живѣ будещи, ибо Моисий, закон приимѣ от Бога, намѣ дасть, и се во книгахъ речено бысть: “Проклят всякъ, висяй на древѣ”.⁸⁸⁸ Мних же рече: “Велики благодати сподобил мя естъ Богъ днѣсь пострадати. И речет ми, яко и разбойнику: “Днесъ съ мною будещи в раи”.⁸⁸⁹ Сам бо разори клятву законную и въведе благословение. О нем же рече Моисий: “Узрите живот вашъ, висящъ прямо очима вашима”,⁸⁹⁰ Давидъ же: “Пригвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои”, и пакы: “Разделиша ризы моѣ себѣ и о матизмѣ моеѣ меташа жребиа”.⁸⁹¹ О семъ же дни глаголетъ: “Сий день, иже сътвори Господь! Възрадуемъ и възвеселимъ и во нь!”⁸⁹² Ты же и иже с тобою жидовѣ днѣсь въсплачете и възрыдаете, яко прииде на вы отвѣтъ от Бога, и кровѣ ради моеѣ и всѣхъ христианъ, яко субот ваших *ненавидитъ* Господь и преложи празднигы ваша в сѣтование,⁸⁹³ яко убиенъ *бысть* начальник вашего безакониа».

Слышавъ же сѣѣ жидовинъ, яко распят сѣѣ и поносит ему, и, возьмѣ копие, прободѣ его, и тако предасть душу свою Господевѣ. И бѣ видѣти душу преподобнаго, носиму на колесници огнѣнѣ, и кони огняни, и глас бысть, глаголя греческыи: «Се добрый небеснаго града гражданинъ нареченный!» И сего *ради* протостраторъ⁸⁹⁴ зоветъся въ *поминаниѣ* вашем.

И ту абие вѣсть бысть от царя на жидаы том дни, да ижденуть вся жидаы, и имѣниѣ ихъ отъимше, а старѣйшины избѣють. Бысть убо сицева вѣщь. Нѣкто от жидовъ крестисѣ, богат сѣѣ и храборъ велми, и сего ради приатъ его царь, по малех же днѣхъ сътвори его епарха.⁸⁹⁵ Онъ же, получивъ санъ, втайнѣ бывает отмѣтникъ Христа и его вѣры и дасть дрѣзновение жидовомъ по всей области Греческаго царства, да купят христианы в работу себѣ. Обличенъ же бывъ нечестивый сѣѣ епархъ и убиенъ бысть, по словеси блаженнаго Евстратѣѣ, и ту сущѣѣ жидаы, иже озимоствашѣ в Корѣсуни;⁸⁹⁶ и имѣниѣ отъимше того жидовина, а съдѣлавшаго на блаженнаго повѣсиша. «Обрати бо сѣѣ болѣзнь того на главу его, на врѣхъ того неправда его снидет». ⁸⁹⁷

Тѣло же святаго в море ввержено бысть, идѣже множество чудесъ сътворяется. По искании же быша вѣрными свята его мощи не обретенныи, не въсхотѣ бо святой от челоуѣкъ славы, но от Бога. Окааннии же жидовѣ, видѣвше чудо страшно, и крестишася.

О СМиреннемъ и многотръпѣливемъ Никонѣ Черноризци. Слово 17

Другый же мних, имянемъ Никонъ, въ пленении сый, окованъ дръжимъ бѣаше. И прииде нѣкто от Киева, хотя искупити его. Сий же не рад о том, бѣ бо от великихъ града. Тожде христороубецъ искупи многы пленники, възвратися. Слышавши же, свои ему съ многымъ имѣниемъ идоша искупити его. Мних же рече к нимъ: «Никакоже всуе истощите имѣния вашего. Аще бы хотѣлъ Господь свободна мя имѣти, не бы мя предалъ в руцѣ незаконнымъ симъ и лукавнѣйшую паче всеа земля. Той бо рече: “Азъ есмь предааи священники въ плѣнъ”. Благаа ли въсприяхомъ от руки Господня, – злыхъ ли не трѣпимъ?» Сии, укоривъше его, отъидоша, носящи съ собою богатество много.

Половци же видѣвше *лишение* своего желанія и начаша мучити мниха велми немилостивно. За 3 лѣта по вся дни озлобляемъ и вяжемъ, на огни пометаемъ, ножи разрѣзаемъ, окованнѣ имый руцѣ и нозѣ на солнцѣ пребываа жгомъ, от глада и жажди скончаемъ, овогда бо чрезъ день, овогда чрес два дни или за три дни ничтоже вкушаа. И благодаряше Бога о всѣхъ сихъ и моляшеся. Зимѣ же на снѣгу и на студении пометаемъ. Се же все творяху ему окааннии половци, да дасть на *собѣ* искупъ многъ. Онъ же глаголаше к нимъ, яко: «Христосъ избавит мя туне от рукъ вашихъ; уже бо извѣщение приахъ: яви бо ми ся братъ мой, его же предасте жидовомъ на распятие. И тии бо осудятся с рекшими: “Възми, възми, распни его, кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!”⁸⁹⁸ – вы же, окааннии, съ Июдою мучими будете въ вѣки, яко предатели нечестивии, незаконници. Тако бо ми рече святой Герасимъ, яко: “Въ 3 день имаши въ монастырѣ быти, молитвъ ради святыхъ Анѣтоніа и Феодосіа и святыхъ черноризецъ, иже с ними”». Слышавъ же половчинъ, мнѣвъ, яко бежати хочетъ, и подрѣза ему лыста, да не убѣжитъ, и стрежаху его крѣпко. В 3-й день *всѣмъ* преседающимъ у него въ

оружии, въ 6 час невидимъ бысть, и слыша глас, глаголющъ: «Хвалите Господа!» – съ небесъ.

И тако въ церковь Печерскую пресвятыя Богородица принесенъ бысть невидимо въ врѣмя, егда начаше кенаникъ пѣти.⁸⁹⁹ Вся же братиа стекошася к нему и въпрошаху его, како сѣмо *прииди*? Онъ же исперва хотя утаити преславное то чудо. Видѣвши же на немъ желѣза тяжка, и раны неисцѣлныя, и все тѣло, съгнившеся ранами, и самага суца въ юзах, и еще крови каплющи от прерѣзаная лыстовъ, – и не аша вѣры.

Послѣди же яви имъ истинну и не дасть отняти желѣзъ от руку и ногу. Игуменъ же рече: «Брате, аще бы хотѣлъ Господь в нужи тя имѣти, не бы тя извелъ оттуду; нынѣ же повинися воли нашей». И снемше с него желѣза, и сковаша еже на потрѣбу олтареви.

По днехъ же мнозехъ прииде онъ половчинъ в Киевъ мира ради, иже дрѣжавый блаженнаго сего, и вниде в монастырь Печерський. Видѣвъ же старца, сказа игумену и всей братии, еже о немъ, и к тому не възвратився въспять, но крестися и бысть мних, и с родомъ своим; и ту живот свой скончаша въ покоании, работаше плѣннику своему, и суть положени въ своемъ притворѣ.

Многа же и ина исправления того блаженнаго Никона повѣдуеть, о нихже нѣсть нынѣ врѣмя писати, но се едино ти скажу. Егда бѣ въ пленении блаженный сей, разболѣвшися нѣкогда пленником от глада и жажди. Заповѣда имъ блаженный не вкусити ничтоже от поганых, самъ же, въ юзах, молитвою вся исцѣли и бѣжати сътвори невидимо.

Паки же тому половчину умрети хотящу, заповѣда женамъ своимъ, дѣтемъ, да сего мниха распнут над ним. Сий же помоливъся, блаженный, и исцели и: прозря того послѣднее покаание, себѣ же избави горкиа смерти. Сий же убо Никонъ «Сухий» именуется въ поминании вашем: истекъ кровию, и изъгнивъ от ранъ, и изхну.

К Поликарпу. Како възмогу, брате, исповѣдати тебѣ святыхъ муж, бывших въ честнѣмъ том и блаженнѣ монастырѣ Печерскомъ?! Ихъ же ради добродѣльнаго житиа и погании крестишася, и быша мниси, яко оного ради блаженнаго,

предреченнаго Христова мученика Герасима жидове крестишася, сего же ради страсотрѣпца Никона половци же быша черноризци. Многа же и паче сихъ слышалъ еси от мене, грѣшнаго епископа Симона, и худжьшаго въ епископѣхъ, недостойна суца тѣхъ святыхъ черноризецъ подножию; им же, мню, не весь миръ достоинъ, ни тому же самому писателю, исписати могущу тѣхъ чудес. Къ тѣмъ бо рече Господь: «Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ чловѣкъ, да видятъ ваша добраа дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ».⁹⁰⁰ Что же убо и бысть измѣнение нашего обѣщанія и претворение житія от таковыа высоты въ глубину житейскую впадшимъ? Началники и наставники имамъ, равны бесплотнымъ, прѣвья же молитвеники и ходатаа ко Творцю, подобни бо суть аггеломъ и мученичьскими увязени венци!

О СВЯТѢМЪ СВЯЩЕННОМУЧЕНИЦѢ КУКШѢ И О ПИМИНѢ ПОСТНИЦИ. СЛОВО 18

Волею како премену сего блаженнаго и священномученика, того же монастыря Печерскаго черноризца, Кукшу, егоже вси извѣдаютъ, како бѣси прогна, и вятичи крести, и дождь съ небеси сведе, и езеро изъсуши, и многа чудеса сътворивъ, и по многихъ мукахъ усеченъ бысть съ ученикомъ своимъ. С нима же и Пиминъ, блаженный постникъ, въ единъ день скончася, проувѣдевъ свое отхождение къ Господу прежде двою лѣту, и многа ина пророчествовавъ, недужныа исцеливъ. И посреди церкви велегласно рекъ: «Братъ нашъ Кукша противу свѣту убиенъ бысть». И то рекъ, преставися въ единъ часъ съ тѣма святыма.

Къ Поликарпу. *Оставлю* убо много еже глаголати о святыхъ. Аще ли не довлѣетъ ти моа бесѣда, иже слыша отъ устъ моихъ, то ни самое писание на увѣренье тя приведетъ; аще ли же симъ не вѣруеши, то аще кто отъ мертвыхъ въскреснетъ, – не имеши вѣры.

О СВЯТѢМЪ АФОНАСИИ ЗАТВОРНИЦИ, ИЖЕ УМЕРЪ И ПАКЫ ВЪ ДРУГОЙ ДЕНЬ ОЖИВЕ И ПРЕБЫСТЬ ЛѢТЪ 12. СЛОВО 19

Бысть убо и се в томъ же святѣ монастырѣ. Братъ единъ, живой свято и богоугодно житие, имянемъ Афонасие, болѣвъ

много, умре. Два же брата отрѣше тѣло мертво, отъидоста, увивше его, якоже подобает мертваго. По прилучаю же пришедше нѣции и, видѣвше того умерѣша, отъидоша. Пребысть же мертвый весь день непогребенъ: бѣ бо убог зѣло, не имѣа ничтоже мира сего, и сего ради небрегомъ бысть; богатым бо всякъ тщится послужити и в животѣ, и при смерти, да наслѣдит что.

В нощи же явился нѣкто игумену, глаголя: «Человѣкъ Божий сей два дни имат непогребенъ, ты же веселишися». Увѣдевъ же игуменъ о семъ, въ утрий день съ всею братіею приде къ умершему, и обретоша его сѣдяща и плачуща. Ужасошася, яко видѣвша того оживѣша, въпрошаху того, глаголюще: «Како оживѣ или что видѣ?» Сий же не отвѣщеваше ничтоже, точию: «Спаситесь!» Они же моляхуся ему слышати что от него, да и мы, рече, ползуемся. Онъ же рече к нимъ: «Аще вы реку, не вѣруете ми». Братіа же к нему съ клятвою рѣша, яко: «Съхранимъ все, еже аще речеши намъ». Онъ же рече имъ: «Имѣйте послушание въ всемъ къ игумену, и кайтесь на всякъ час, и молитесь Господу Иисусу Христу, и пречистей его Матере, и преподобнымъ отцемъ Антонию и Феодосію, да скончаєте живот здѣ и съ святыми отци погребении сподобитесь въ печерьѣ. Се бо боли всехъ вещей три сѣа вещи суть, аще ли кто постигнет сѣа вся исполнити по чину, точию не възносятся. И к тому не въпрошайте мене, но молю вы ся, простите мя».

Шедъ же в печеру, заградився о себѣ двѣри и пребысть, не глаголя никомуже ничтоже, 12 лѣтъ. Егда же хотяше преставитися, призвавъ всю братію, тожде ей глаголаше, ежи испрѣва, о послушании и о покоании, глаголя: «Блаженъ есть, иже здѣ сподобивыся положенъ быти». И сие рекъ, почи с миромъ о Господѣ.

И бѣ нѣкто брат единъ, боля лядвиами от лѣтъ много; и принесенъ бысть над него; обоимъ же тѣло блаженнаго и исцелѣ от того часа, и дажде до дѣне смерти своеа никакоже поболѣвъ лядвиами, ниже инымъ чим. И сему исцѣльвшему имя Вавила. И той сказа братіи сицѣ: «Лежащу ми, – рече, – и въпиюще от болѣзни, и абие вниди сий блаженный и глаголя ми: “Прииди, исцелю ти”. Азъ же хотя того въпрошати, когда и коли

сѣмо прииде, онъ же абие невидимъ бысть». И оттоле разумеша вси, яко угоди Господеви, никогдаже бо изыде и виде солнце въ 12 лѣтъ, и плачася не преста день и ночь, ядѣше бо мало хлѣба и воды *пооскуду* пиаше, и то чрес день. И се слышах от того Вавилы, исцеленнаго имъ.

Аще ли кому невѣрно мнится се написанное, да почтет житие *святыхъ* отецъ нашихъ Антониа и Феодосиа, начальника рускимъ мнихом, – и тако да вѣруютъ. Аще ли ни тако пременится, неповинни суть: подобаетъ бо збытися притчи, реченней Господѣмъ: «Изыде сѣати сѣмени своего, ово паде при пути, и другое паде в тернии»⁹⁰¹ – иже печалми житейскими подовляются, о них же пророкъ рече: «Одебелѣ сердце людей сих, ушима тяжело слышаше»; другой же: «Господи, кто вѣрова слуху нашему?»⁹⁰²

К Поликарпу. Ты же, брате и сыну, симъ не въслѣдуй; не тѣхъ бо ради пишу сие, но тебѣ приобрящу. Съвѣтъ же ти даю: благочестиемъ утвердися въ святѣмъ *томъ монастырѣ* Печерскомъ, не въсхощеши власти, ни игуменства, ни епископства; и довлѣетъ ти къ спасению, иже кончатъ жизнь свою в немъ. Вѣси сам, яко могу сказати всѣхъ книгъ подобнаа; уне ми, тебѣ полѣзнаа, еже от того божественнаго и святаго монастыря Печерскаго съдѣаннаа и слышаннаа от многих мало сказати.

О ПРЕПОДОБНЕМЪ КНЯЗИ СВЯТОШИ ЧЕРНИГОВСКОМЪ.⁹⁰³
СЛОВО 20

Се блаженный и благовѣрный князь Святоша, имянемъ Николае, сынъ Давидовъ, внукъ Святославль, помысли убо прелесть житиа сего суетнаго, и яко вся, яже здѣ, мимо текутъ и мимо ходятъ, и будущаа же благаа непроходима и вѣчна суть, и царство небесное *бесконечно* есть, иже уготова Богъ любящимъ его, – остави княжение, и честь, и *славу*, и власть, и вся та ни въ что же вменивъ, и пришедъ въ Печерский монастырь, и бысть мнихъ, в лѣто 6614, февраля 17.⁹⁰⁴

Его же вси исповѣдають ту сущи черноризци добродѣтельное его житие и послушания. Пребысть же в поварни 3 лѣта, работаа на братию; своима рукама дрова сѣкаше на потребу сочиву, многажды же и съ берега на свою раму ношаше

дрова; и едва остависта *брата* его Изяславъ и Владимиръ⁹⁰⁵ от такового дѣла. Сей же истинный послушник с молбою испроси, да едино лѣто еще въ поварни поработает на братию. И тако сий яко искусенъ и съврѣшен въ всѣмъ, и по сем приставиша его ко вратом *монастыря*, и ту пребысть 3 лѣта, не отходя никаможе, развѣ церкви. И оттуду убо повелѣнно бысть ему служити на трапезѣ. И тако, игуменею волею и всеа братиа, принуженъ бысть кѣлю себѣ имѣти, юже сътвори, яже и донинѣ зовома есть «Святошина», и *оград*, егоже своима рукама насади.

Глаголють же о немъ и се, яко вся лѣта чернечества его не видѣ его никтоже николиже праздна, но всегда имяше рукодѣлие в руках своихъ, и симъ доволне быти одежды его от такового рукодѣлия. Въ устѣх же всегда имяше молитву Иисусову беспрестани: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя!» Не вкуси же иного ничтоже, токмо от монастырскихъ яди питаешся; аще и много имяше, но та вся на потрѣбу странным и нищим подаваше и церковное строение. Суть же и книги его многы и донинѣ.

Имяше же сий блаженный князь Святоша, еще въ княжении сый, лѣнца хытра велми, именем Петра, родомъ *сирянина*, иже прииде с ним в монастырь. Видѣвъ же сего Петръ волную нищету, в поварници же и у врат присѣдяща, лишився его и живяше в Киевѣ, врачюа многы. Прихождаше часто къ блаженному и, виде его въ мнозѣ злострадании и безмѣрном пощении, увѣщеваше его, глаголя: «Княже, *достойт* ти смотрѣти о своемъ здравии, и тако погубити плоть свою многым трудомъ и въздержаниемъ, иже иногда изънемогъшу ти, не *моуци* имаши понести наложеннаго ти ярма, егоже еси изволилъ Бога ради. Не хочет бо Богъ чресъ силу поста или труда, но точию сердца чиста и съкрушена; ниже обыклъ еси той нужды, юже твориши, работаа яко нужный рабъ. Но и благочестиваа твоа братиа Изяславъ и Владимиръ великую убо *укоризну* имѣта себѣ нищетою твоею. Како от таковыа славы и чести въ послѣдне убожество прииде, еже уморяти тѣло свое и датися в недугъ подобныа пища. Дивлюся утробнѣй ти влазѣ, иже иногда отягчѣнѣ бывше от сладкиа пища, нынѣ же убо суровое зелие и

сухъ хлѣбъ приемлющъ трѣпит. Блюди, да нѣкогда недуг отвсюду събрався, и не имущю ти крѣпости, скоро живота гоньзнеша, мнѣ же не могущу ти помощи, оставиши плачь неутешим братома своима. Се бо и боаре твои, служивше тобѣ, мнящеися иногда велиции быти и славни тебѣ ради; нынѣ же, лишени твоеа любви, желѣтвѣ: дома великие сътворивше, и сѣдят в них въ мнозѣ унынии. Ты же не имаши гдѣ главы подклонити, на смѣтиищи сем сѣдя, и мнят тя яко изумѣвшася. Кий убо князь се сътвори? Или блаженный отецъ твой Давидъ, или дѣд твой Святославъ, или кто въ боарех се сътвори, или сего пути *въжделѣ*, развѣ Варлаама, игумена бывшаго здѣ?⁹⁰⁶ И аще мене преслушаеши, преже суда суд приимеши».

Се же и многажды глаголаше ему, овогда в поварни с нимъ сѣдя, иногда же у вратъ, наученъ братома его. И отвѣща блаженный: «Брате Петре! Многажды смотрѣх и разсудихъ не пощаждѣти плоти моеа, да не паки брани на ся въставляю: да съгнѣтаема многым трудомъ, смирится. Силѣ бо, – рече, – брате Петре, в немощи подобно съврѣшится.⁹⁰⁷ Не суть бо страсти *нынѣшняго* времени точнии будущей славѣ, *хотящей* явитися в нас.⁹⁰⁸ Благодарю же Господа, яко свободил мя есть от мирьския работы и сътворилъ мя есть слугу рабом своим, блаженным симъ черноризцем. Брата же моа да внимаета собѣ, кождо бо свое бремя понесет, и довлѣетъ има и моа власть. Сиа же вся Христа ради оставих: и жену, и дѣти, дом, и власть, и братию, другы, и рабы, и села – и того ради *чаю* жизни вѣчныа наслѣдникъ быти. Обнищахъ же Бога ради – да того приобретаю. И ты убо, егда уврачюеши, не гнушати ли ся велиши брашенъ? Мнѣ же умрети за Христа – приобрѣтенне есть, а еже на сметиищи седѣти – съ Иевомъ ся творя царствие.⁹⁰⁹ Аще же ни единъ князь сего не сътворилъ преже менѣ, предвождай да авлюся имъ: якоже ли поревнуеть сему, и да въслѣдуетъ сему и мнѣ. Прочие, еже внимай собѣ и научившим тебѣ».

И егда убо разболяшася сий блаженный, и, видѣвъ же его, лечець *приготавливаетъ* зѣлиа на потрѣбу врачевания, на кыйждо недугъ, когда бѣаше или огненное жжение, или теплота кручиннаа, и преже пришѣствиа его здравъ бываше князь, никакоже не дадый себѣ врачевати. И се многажды сотворися.

Нѣкогда же *тому* Петрови разболѣвъшуся, посла к нему Святоша, рече: «Аще не пиеши зѣлиа, – скоро исцѣлѣеши; аще *ли* менѣ преслушаешися, – много имаши пострадати». Онъ же, хитръ ся творя и болѣзни гонзнути хотя, мало живота не погрѣши, растворения вкусивъ. Молитвою же святаго исцелѣ.

Паки же сему разболѣвъшуся, наречие посылаетъ к тому святой, глаголя, яко: «Въ 3 день исцелѣеши, аще не врачюешися». Послушавше его сирианинъ, въ 3-й день исцѣлѣ, по словеси блаженнаго. Призвав же его, святой глагола ему, веля ему острищися. «По трѣх бо мѣсяцѣхъ, – рече, – отхождю свѣта сего». Се же рече, назнаменуа ему смерть. *Сирианинъ* же не разумѣвъ хотящаа ему быти, сий Петръ пад пред ногами ему, съ слезами глаголя: «Увы мнѣ, господине мой и добродѣтелю мой, и драгый мой животе! Кто призреть на странѣствие мое, и кто напичает многую чадъ трѣбующих, и кто заступит обидимых, кто помилуетъ нищих? Не рѣхъ ли ти, о княже, оставити имаши плачь неутѣшимый братома си? Не рѣхъ ли ти, о княже, не тако ли мя словом Божиимъ исцѣли и силою, якоже твоею молитвою? Гдѣ нынѣ отходиши, пастырю добрый? Повѣждь мнѣ, рабу своему, язву смертную, да аще азъ ты не изоврачюю, да будетъ глава моя за главу твою и душа моя за душу твою! Не млъча отъиди от менѣ, но яви ми, господине: откуда ти таковаа вѣсть, да дам живот свой за ты. Аще же извѣстил ти есть Господь о том, моли его, да азъ умру за ты. *Аще ли* же *оставляеши* мя, *то гдѣ* сяду и плачюся своего лишения: на сметищи ли семь, или въ вратех сихъ, идѣже пребываеши? Что ли имамъ наслѣдовати твоего имѣния? Самому ти нагу суцу, но и отходящу ти, в сѣх исплатенныхъ рубищах положенъ будеши. Даруй ми твою молитву, якоже древле Илиа Елисеѣви милоть,⁹¹⁰ да раздражу глубину сердечную и проиду мѣста райскаа крову дивна дому Божиа. Вѣсть же и звѣрь по возшествии солнца събратися, на ложих своихъ да лягутъ, и бо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положить птенца своа,⁹¹¹ – ты же 6 лѣт имаши в монастыри и мѣста твоего не познах».

Блаженный же рече к нему: «Добро есть уповати на Господа, нежели надѣятися на челоуѣка: вѣсть же Господь, како

препитати всю тварь, могый заступати и спасати бѣдныа. Брата же моа, не плачита менѣ, но плачита себѣ и чад своих. Врачеваниа же в животѣ не требовахъ, *мертви* бо живота не имут видѣти, ни врачеве могутъ воскресити». Исходя же с ним в пещеру, исыкопа гробъ себѣ и рече сирянину: «Кто наипаче възлюби гробъ сей?» И рече сирянинъ: «Видѣ, яко аще кто хошет, но ты живи еще, а мене здѣ положи». Блаженный же рече: «Буде тебѣ, якоже хоцещи». И тако остригся, пребысть плачася день и ноцъ не престаа за три мѣсяци. Блаженный же утѣшаше его, глаголаше: «Брате Петре! Хоцещи ли, поиму тя с собою?» Онъ же со плачем рече к нему: «Хоцу, да мене пустиши, и азъ за тя умру, ты же моли за мя». И рече к нему блаженный: «*Дръзай*, чадо, готовъ буди: въ 3-й бо день отъидеши к Господу». По проречению же святаго, по 3-хъ днехъ причастився божественыхъ животворящихъ тайнъ бесмертныхъ, и възлегъ на одрѣ, опрятався, и простеръ нозѣ, предасть душу в руцѣ Господеви.

Блаженный же князь Святоша потом пребысть лѣт 30, не исходя из монастыря, Дѣндеже преставися въ вѣчный живот. И въ день преставления его мало не весь град обретесе.

И се увѣдавъ брат его и пославъ с молбою къ игумену, глаголя, прося собѣ на благословение креста, иже у паремантии его,⁹¹² възглавница и кладкы его, на нейже кланяшесе. Игумень же дасть ему, рекъ: «По вѣре твоей буди тобѣ!» Сей же, приимъ, честно имяше и вдасть игумену 3 гривны злата, да не туне възметъ знамение братне. Сему же Изяславу нѣкогда разболѣвшуся, и уже в нечаании от всѣхъ бывша, и при смерти суца того видѣвше, приседяху ему жена его, и дети его, и вси боляре. *И сий* же, мало възклонився, проси воды печерьскаго кладязя и тако онемѣ. Пославше же, взяша воды; и, отрѣше гробъ святаго Феодосиа, дасть же игумень власяницу⁹¹³ Святошину, брата его, да облекуть его в ню. И прежде даже не вниде *носяй* воду и власяницу, и абие проглагола князь: «Изыдете скоро на срѣтение пред градъ преподобныма Феодосию и Николѣ». Вшедшу же посланному с водою и съ власяницею, и възопи князь: «Никола, Никола Святоша!» И давше ему пити, и облекоша его въ власяницу, и абие здравъ

бысть. И вси прославиша Бога и угодники его. Ту же власяницу взимаше на ся, егда разболяшася, и тако здравъ бываше. Самъ же къ брату ехати хотяше, и удръжанъ бысть от тогда сущих епископъ. Въ всякую же рать сию власяницу не себѣ имяше, и тако без вреда пребываше. Съгрѣшившу же ему нѣкогда, не смѣ взяти ея не себѣ, и тако убиенъ бысть в рати;⁹¹⁴ и заповѣда в той же положити ся.

Многа же и ина исправления о том мужи повѣдаютъ. Иже и донынѣ свѣдаютъ ту сущии черноризци о блаженнѣмъ князи Святоши.

К Поликарпу. И паки обращаю к тебѣ слово. Что таковое ты съдѣа? Богатство ли остави? – но не имѣ его. Славу ли? – но не постиже ея, от убожества въ славу прииде и въ все благое. Помысли сего князя, егоже ни единъ князь в Руси сътвори: волею бо никтоже вниде в чернечество. Въистину сий болѣ *всех* князей русскихъ! Како же сравнается твоя укоризна того власяници? Ты бо в наготу позванъ еси – и се ризами красными украшаеши, и сих ради обнаженъ имаши быти нетлѣнныа одѣжда и, яко не имѣа брачныа ризы, *сирѣчь* смирения, – осудишася. Но что пишет блаженный Иоанъ, иже в Лѣствици: «Жидовинъ жадаеть брашна, да празнуеть по закону».⁹¹⁵ Ты же, сим подобяся, попечение твориши о питии и о ядении, симъ славенъ ся творя. Послушай блаженнаго Евагрия:⁹¹⁶ «Мних, аще согрѣшитъ, праздника на земли не имать». Ни питай тѣла своего, да не супостат ти будетъ, ни выше мѣры начни высоких: егда не возмогъ, укоризну себѣ восприимеши. Буди подражатель святых отецъ, да не будеши лишен божественна славы тоа. Аще не постигнеши съ совершенными венчанъ быти, поне со угодившими похваленъ быти подѣиши. Вчера пришелъ еси в чернечество, и уже обещаеши, и прежде навыковения епископству хочещи, и законодавецъ крѣпокъ показуеши; и прежде своего покорения всѣхъ смирити хочещи; мудрствуеши высокаа, съ грѣдынею повелеваа, съпротивно отвещеваа. Сиа вся навыкох от устъ твоихъ, яже помышляеши о земныхъ, а не о небесныхъ; о плотскихъ, а не о духовныхъ; о похотехъ, а не о въздержании; о богатствѣ, а не о нищетѣ. Свѣта отступи, а въ тму дал ся еси; жизнь отврѣгъ и

муку вечную себѣ уготовалъ еси, приимъ оружие на врага, и то въ свое сердце възилъ еси. Въспряни, брате, и разумѣй опасно о своем житии, неподвижну мысль имѣа и умъ от святаго мѣста того.

Но и се ти, брате, исповем, подобно твоему тщанию.

О ЕРАЗМѢ ЧЕРНОРИЗЦИ, ИЖЕ *ИСТРОШИ* ИМѢНИЕ СВОЕ КЪ СВЯТЫМЪ ИКОНАМЪ И ТѢХ РАДИ СПАСЕНИЕ ОБРЕТЕ. СЛОВО 21

Бысть черноризецъ именемъ Еразмъ в том же *монастыре* Печерскомъ; имѣа богатство много, и все, иже имѣа, на церковную потрѣбу истроши, иконы многы окова, иже и *донынѣ* суть у васъ *над* олтарем. И сий обнища велми, и небрегомъ бысть никимже, в нечаание себѣ въврѣгъ, яко не имѣти ему мзды истощеннаго ради ему богатства, еже въ церковь, яко не въ милостыню сътвори. Сиа диаволу ему вложившу въ сердце, нача нерадениемъ жити и въ всяком небрежении и бесчинно дѣни своа препроводи.

И разболѣвся зѣло и наконецъ пребысть нем и *не* зряй 8 дѣний, и мало дыхание въ прѣсех имы. Въ 8-й же день приидоша к нему вся братиа, и видяще страшное издыхание его, чюдящеся, глаголаху: «Горе, горе души брата сего! Яко в лѣности и въ всякомъ гресе пожитъ, и нынѣ нѣчто видить, и мятеться, не могый изыти».

Сий же Еразмъ, яко николиже болѣвъ, въставъ, сѣде и рече имъ: «Братиа и отци, послушайте, вѣистинну тако есть. Якоже вси вѣсте, яко грѣшникъ есмь и не покаахся и донынѣ. И се днѣсь явиста ми ся святаа Антоний и Феодосий, глаголющи ми: “Молиховеса къ Господу, и дарова тебѣ Господь врѣмя покаанию”. И се видѣхъ святую Богородицу, имущу на руку Сына своего, Христа, Бога нашего, и вси святии с нею. И глагола ми: “Еразмѣ! Понеже ты украси церковь мою и иконами възвеличи, и азъ тя прославлю въ царствии Сына своего, убогыа бо всегда имате съ собою.⁹¹⁷ Но, въставъ, покайся и приими великий аггельский образъ,⁹¹⁸ и въ 3-й день поиму тя, чиста, к себѣ, и възлюблешаго благолѣпие дому моего”».

И сиа рекъ братии, и нача исповѣдати грѣхы своа, елико сътвори, предъ всеми не стыдяся, радуая о Господѣ. И тако

въставъ, иде въ церковь, и пострыженъ бысть въ схиму, и в 3-й день ко Господу отъиде въ добре исповѣданіи. Се слышах отъ тѣхъ свѣдѣтель святыхъ и самовидецъ, блаженныхъ старецъ.

К Поликарпу. Да се вѣдый, брате, не мни: «Въсуе истрошивъ, еже имѣ», яко все пред Богомъ изочтено есть и до мѣдници. Чай от Бога милости труда ради твоего. Двои двѣри доспѣлъ еси тои святѣй велицей церкви Святыя Богородица Печерьския, и та отврѣзетъ ти двѣри милости своеа, ибо ерѣи въпиють о таковыхъ всегда в той церьки: «Господи, освяти любящаа благолѣпіе дому твоего и *тыя* прослави божественою силою твоею!» Помяни же и оного патрикия, иже крестъ повелѣ сковати от злата чиста. Ему же възревнова юноша, и мало своего злата приложивъ, наслѣдникъ бысть всему имѣнію его.⁹¹⁹ Ты же, аще изнуриши сущее на славу Божию и пречистой его Матере, не погубиши мзды своеа, но рци съ Давидомъ: «Приложу на всяку похвалу твою»,⁹²⁰ – и тебѣ речеть Господь: «Прославляющаа мя прославлю».⁹²¹ Понеже самъ ми еси реклъ: «Уне ми, еже имѣю, то все на церковную потребу истрошу, да не *напрасно ратию*, или татми, или огнемъ взято будет». Азъ же похвалихъ доброе произволение твое. «Обещайтесь бо, – рече, – Господеви – въздатите».⁹²² Уне бо есть не обещатися, нежели обещавшуся, не въздати.⁹²³

Аще ли что таковому лучится, когда или ратию, или татми украдену быти, никакоже похули, ни смутися, но благохвали Бога о сем, и съ Иовомъ рци: «Господь дастъ, Господь възять».⁹²⁴

И еще ти к сему исповѣмъ о Арефѣ черноризци.

О АРЕФЕ ЧЕРНОРИЗЦИ, ЕМУЖЕ ТАТМИ УКРАДЕННОЕ ИМѢНИЕ ВЪ МИЛОСТЫНЮ ВМЕНИСЯ, И СЕГО РАДИ СПАСЕСЯ. СЛОВО 22

Бысть убо черноризецъ в том же Печерскомъ *монастырѣ*, имянемъ Арефа, родомъ полочанинъ. Много богатество имѣа въ кѣлии своей и никогдаже подаде ни единого цаты⁹²⁵ убогому, ниже хлѣба, и толми бѣ скупъ и *немилосердъ*, яко и самому ся голодомъ уморяти.

Въ едину же ночь пришедше татие, покрадоша все имѣние его. Сий же Арефа от многыя скорби, яже о златѣ, хотѣ самъ ся

погубити, и тяжу велику възложи на неповинныхъ, и многих мучивъ бес правды. Мы же вси моляхомся ему престати от възыскания, онъ же никакоже послушаше. Старци же блаженнии ти, утѣшающе его, глаголаху: «Брате! Възверзи на Господа печаль свою, и тѣй тя препитаеть».⁹²⁶ Сий же жестокыми словесы всѣмъ досаждаше.

По малех же днѣхъ впадъ в недугъ лють, и уже при конци бывъ, ни тако преста от роптания и хулы. Но иже всѣхъ Господь хотя спасти, показа ему аггельское пришествие и бесовъския полки, и начат и звати: «Господи, помилуй! Господи, съгрѣшихъ, – твое есть и не жалю си». Устрабивъ же ся от болѣзни и сказахъ нам явление. «Егда, – рече, – приидоша аггели, и внидоша бѣси, и начаша истязатися о украденномъ златѣ, и глаголаху бѣси: “Яко не похвали, но похули, и се нашъ есть и нам преданъ есть”. И аггелѣмъ же глаголющимъ ко мнѣ: “О окоанный человѣче! Аще бы еси благодарилъ Бога о сем, и се бы ти вменилося, якоже Иову.⁹²⁷ Аще бо кто милостыню творит, – велие пред Богомъ есть, но своею волею сътвори; а взятое насиліемъ, аще кто благодарит Бога, – боли милостыни есть: хотѣлъ убо диаволь в хулу въврещи человѣка, се сътворивъ, той же Богови все предасть, и сего ради паче милостыни есть съ благодарением”. Сиа аггелом рекшим ко мнѣ, и азъ възопих: “Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, съгрѣших! Господи, твое есть, не жалю си!” И ту абие бѣси изъчезоша, и аггели възрадовашася, и вписаше въ милостыню погыбшее сребро».

Мы же, сиа слышахом, прославихомъ Бога, извѣстившаго намъ си. Разсудивше блаженнии ти старци и рѣша: «Въистинну достойно и праведно при всемъ благодарити Бога». Мы же того по вся дѣни видяще славяще и хваляще Бога, удивихомся пременению того ума же и нрава: иже прежде никтоже можаше его отвратити от хулы, нынѣ же присно Иевѣвъ гласъ зоветъ: «Господь дасть, Господь взять, яко Господеви годѣ, тако и бысть. Буди имя Господне благословено вѣвѣкы!»⁹²⁸ И аще не бы видѣлъ аггельскаго авления и слышалъ тѣхъ словесъ, никакоже бы престалъ робща; и мы вѣровахомъ истиннѣй быти вещи. И аще бы се было мало, не бы онъ старецъ, иже въ

Патерицѣ молился Богови, да приидут на нь разбойници и вся его *възмут*: услышанъ же бывъ, и приидоша на нь разбойници, и вся сущаа в руцѣ их предасть.⁹²⁹

К Поликарпу. И се уже, брате, всяцеми наказании наказах тя. Проси у Бога, да ту жизнь свою скончаеши в покоании и в послушании игумена своего Анкидина. Сиа три *вещи* боле всѣх *добродѣтелей* суть, якоже Афонасей Затворникъ *сведѣтельствова*.⁹³⁰

И се ти еще ино дивно чудо скажу, еже сам видѣхъ. Сице убо сътворися в томъ же святѣмъ *монастырѣ* Печерскомъ.

О ДВОЮ БРАТУ, О ТИТЕ ПОПЪ И ЕВАГРИИ ДИАКОНЪ, ИМѢВШИМ МЕЖУ СОБОЮ ВРАЖДУ. СЛОВО 23

Два брата бѣста по духу: Евагрий-дияконъ, Титъ же попъ. Имяста же любовь велику и нелицемѣрну межи собою, яко всѣмъ дивитися единоумию их и безмѣрней *любви*. Ненавидяй добра диаволъ, иже всегда рыкаеть, яко левъ, ища кого поглотити,⁹³¹ и сътвори им вражду, и такую *ненависть* вложи има, яко и в лице не *хотяху* видѣти другъ друга, и уклоняхуся друг от друга. Многажды братиа моливше ею, еже смириться има съ собою, они же ни слышати хотяше.

Идущу же Титови с кадилом, отбѣгаше Евагрий фимиана; егда же ли не бѣгаше, то преименоваше его Титъ, не покадивъ. И пребысть много врѣмя въ мрацѣ грѣховнѣмъ: Титъ убо прощения не възмя, Евагрий же камъкаше гнѣваася. На се врагу въоружившу ихъ.

Нѣкогда же сему Титу разболѣвшуся велми и уже в *нечаании* лежащу, и нача плакаться своего лишения, и посла с молениемъ ко диякону, глаголя: «Прости мя, брате, Бога ради, яко без ума гнѣвахся на тя». Се же жестокыми словесы проклинаше его. Старци же ти, видевши Тита умирающа, влечаху Евагрия нуждею, да проститься съ братомъ. Болный же, видѣвъ брата, мало въсконься, паде ниць пред ногама его, глаголя: «Прости мя, отче, и благослови». Онъ же, немилостивый и лютый, отвержеся пред всѣми нами, глаголя: «Николиже хочу с нимъ прощения имѣти: ни в сий вѣкъ, ни в будущей», – и истрѣгъся от рукъ старецъ тѣхъ, и абие падесе. И хотѣвшим намъ въставити его, и обретохом его уже умеръша, и

не могохомъ ему ни руки протягнути, ни усть свѣсти, яко давно уже умерша. Болный же скоро въставъ, яко николиже болѣвъ.

Мы же ужасохомся о напрасней смерти и о скором *исцелѣнии* его, и много плакавше, погребохом Евагрия, отворѣвъ имъ уста и очи, и руцѣ растяженѣ.

Въпросихомъ же Тита: «Что сътворися?» Титъ же сказаше намъ, глаголя: «Видѣхъ, – рече, – аггелы отступльша от менѣ и плачущуся о души моей, бѣси же радующеся о гневѣ моемъ. И тогда начах молити брата, да простит мя. Егда же его *приведосте* ко мнѣ, и видѣхъ аггела немилостива, дрѣжаща пламенное копие, и егда же не прости мя, удари его, и падесе мертвъ, мнѣ же подасть руку и въстави мя». Мы же, сиа слышавше, убояхомся Бога, рѣкшаго: «Оставьте – оставятся вам».⁹³² Рече бо Господь: «Всякъ, гнѣваяся на брата своего без ума, повиненъ есть суду».⁹³³ Ефрѣм⁹³⁴ же: «Аще кому случится въ враждѣ умрети, и неизмолимъ суд обрящутъ таковии».

Аще ли же сий святыхъ ради Антониа и Феодосиа отрады не прииметь, люте чловеку тому, сицевою страстию побежену быти.

К Поликарпу. От неа же и ты, брате, блюди, да не дай же мѣста гнѣвному бѣсу, емуже бо кто повинется, тому и поработится, но, скоро пад, поклонися враждующему на тя, да не преданъ будеши аггелу немилостивому, да и тебѣ съхранит Господь от всякого гнѣва. Той бо рече: «Да не зайдет солнцѣ въ гневѣ вашем».⁹³⁵ Тому слава съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и в вѣки.

ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ, ЕЖЕ КО АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРЬСКОМУ АНКИДИНУ, О СВЯТЫХЪ БЛАЖЕННЫХЪ ЧЕРНОРИЗЕЦЪ ПЕЧЕРЬСКИХЪ, СПИСАНО ПОЛИКАРПОМЪ, ЧЕРНОРИЗЦЕМЪ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. СЛОВО 24

Господу поспешествующу и слову утверждающе, къ твоему благоумию, *пречестный* архимандрите всеа Руси, отче и господине мой Анкидине. Подай же ми благоприятнаа твоя слуха, да в ня възглаголю дивных и блаженныхъ муж житиа, дѣiania и знамениа, бывшихъ въ святемъ семъ монастырѣ Печерьскомъ, еже слышах о них от епископа Симона

Владимерьскаго и Суздальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго того же Печерьскаго монастыря, иже и сказа мнѣ, грѣшному, о святѣмъ и велицемъ Антонии, бывшаго начальника рускимъ мнихомъ, и о святѣмъ Феодосии, и иже по нихъ святыхъ и преподобныхъ отецъ житиа и подвигы, скончавшихся дому пречистыа Божиа Матере. Да слышитъ твое благоразумие моего младаумиа и несъвършена смысла.

Въспросилъ мя еси нѣкогда, веля ми сказати отъ тѣхъ *черноризецъ* съдѣанная; совѣдый мою грубость и *неизящное* нрава, иже всегда съ страхомъ въ всякой повести бесѣдную предъ тобою, – то како могу ясно изърещи сътвореннаа *ими* знамениа и чюдеса преславнаа? И мало нѣчто сказахъ ти отъ тѣхъ преславныхъ чюдехъ, а множайшаа забыхъ отъ страха, стыдяся твоего благочестиа, неразумно исповѣдахъ. Понудихся писаниемъ извѣстити тебѣ, еже о святыхъ и блаженныхъ отецъ печерьскихъ, да и сущи по насъ черноризци увѣдятъ благодать Божию, бывшу въ святѣмъ семъ мѣсте, и прославятъ Отца небеснаго, показавши *таковыа свѣтилники* въ Русѣй земли, въ Печерьскомъ *святѣмъ* монастырѣ.

О НИКИТѢ ЗАТВОРНИЦИ, ИЖЕ ПО СЕМЪ БЫСТЬ ЕПИСКОПЪ НОВУГРАДУ.⁹³⁶ СЛОВО 25

Бысть въ дѣни преподобнаго игумена Никона братъ единъ, Никита имянемъ. Сей, жалаа славимъ быти отъ чловѣкъ, дѣло велие не Бога ради замысливъ и нача просити у игумена, да въ затворъ внидетъ. Игумень же възбраняше ему, глаголя: «О чадо, нѣсть ти ползы праздну седѣти, понеже юнъ еси; уне ти есть, да пребудеши посреди братиа и, работаа темъ, не погресиши мзды своеа. Самъ видилъ еси брата нашего, святаго Исакиа Печерника, како прелщень бысть отъ бѣсовъ. Аще не бы велиа благодать Божиа спасла его и молитвъ ради преподобныхъ отецъ Анѣтониа и Феодосиа, иже и донынѣ чюдеса многа творятъ». Никита же глаголаше: «Никакоже прелщюся таковою вещию. Прошу у Господа Бога, да и мнѣ подастъ чюдотворения даръ». Отвѣщавъ же Никонъ, рече: «Выше чюдесъ силы прошение твое; блюди, брате, да не възнесѣся, ниспадеши. Велитъ ти наше смирение служити на святую братию, ихъже ради вѣнчанъ имаши быти за послушание твое». Никита же никакоже внять

глаголемым от игумена, но, еже въсхотѣ, то и *сътвори*, заздавъ о собѣ двѣри и пребысть не исходя.

Не по мнозехъ же дньехъ прелщен бысть от диавола. Въ время бо пѣнія своего слышаше глас молящся с нимъ и обоняше воня благоухания неизреченно, и симъ прельстися, глаголя в себѣ: «Аще не бы сый ангелъ былъ, не бы молился съ мною, ни Духа Святаго обоняние бы было». И нача прилѣжно молитися, глаголя: «Господи, яви ми ся сам разумно, да вижу тя». Тогда же глас бысть к нему: «Не явлюся тебѣ, зане юнъ еси, да не възнесься, низъпадеша». ⁹³⁷ Затворник же съ слезами рече: «Никакоже, Господи, прелщуся, наученъ бо бых от игумена моего не внимати прелести диаволи, тобою же вся велимаа сътворю». И тогда душепагубный змий приимъ область над ним и рече: «Невозможно челоуку, въ плоти сущу, видити мене, се посылаю ангелъ мой: да пребудет с тобою, и ты пребудеши, волю его творя». И абие ста пред нимъ бѣсъ въ образѣ ангела. Пад убо мнихъ, поклонися ему, аки ангелу. И глагола ему бѣсъ: «Ты убо не молися, но буди почитаа книги, и сими обрящешися съ Богомъ бесѣдуа, да от нихъ подаси слово полѣзно приходящимъ к тебѣ. Азъ же присно буду моля о спасении твоёмъ Творца своего». Прелстив же ся, мних никакоже помолився, но прилежаше чтению и поучению, бѣса же видяше беспрестани молящся о немъ, и радовашеся яко ангелу, творящу молитву за нь. Бесѣдоваше же о ползѣ души приходящимъ к нему, нача пророчествовати, и бысть о нем слава велика, яко всѣмъ дивитися събытию *словесъ* его.

Посылаетъ же Никита къ князю Изяславу, глаголя, яко: «Днѣсь убиенъ бысть Глѣбъ Святославичъ в Заволочии, ⁹³⁸ скоро послѣ сына своего Святоплѣка на столъ Новугороду». ⁹³⁹ И якоже рече, тако и бысть: по малехъ же дньехъ увѣдана бысть смерть Глѣбова. И от сего прослу затворник, яко пророкъ естъ; и велми послушаху его князи и боляре.

Бѣсъ убо приходящаго быти не вѣсть, но еже самъ съдѣа и научи злыа челоуки, – или убити, или украсти, – сиа възвѣщаетъ. Егда бо приходяху къ затворнику словеси утѣшна слышати от него, бѣсъ же, мнимый ангелъ, повѣдаше ему вся случившаася имъ, тѣмъ же пророчествоваше – и бываше тако.

Не можаше никтоже стязатися с нимъ книгами Ветхаго закона, всь бо изустъ умѣаше: Бытие, Исход, Левгиты, Числа, Судии, Царства и вся Пророчества по чину,⁹⁴⁰ и вся книги жидовьскыя свѣдѣше добре. Евангелиа же и Апостола, яже въ благодати преданныа нам свѣтыа книги на утверждение наше и на исправление, – сих николиже въсхотѣ видѣти, ни слышати, ни почитати, ни иному дасть бесѣдовати к себѣ. И бысть разумно всѣмъ от сего, яко прелщень есть от врага.

И сего не трѣпяще преподобнии ти отци: Никонъ-игумень, Пиминъ Постникъ, Исайа, иже бысть епископъ граду Ростову, Матфѣй Прозорливецъ, Исакей святой Печерникъ, Агапитель Лечець, Григорий Чюдотворецъ, Никола, иже бысть епископъ Тмутороканю, Несторъ, иже написа Лѣтописецъ, Григорий, творецъ канонемъ, Фектистъ, иже бысть епископъ Черниговъскый, Онсифоръ Прозорливецъ. Сии вси богоприятнии приидоша къ прельщенному, и моляшеся Богови, и отгнавше бѣса от него, и к тому не видѣ его. Изведоша же его вонъ и вопрошаху его о Вѣтсемъ законѣ, хотяще слышати от него что. Сий же кленяшеся, яко николиже не читавъ книгъ; иже прежде умѣаше изъустъ жидовския книги, нынѣ же ни единого слова не съвестъ, испроста рещи, ни единого слова знааше. Сии же преблаженнии отци едва научиша его грамотѣ.

И оттуду дасть себе на воздержание, и послушание, и чистое, смиренное житие, яко превзыти ему всѣхъ добродѣтелю; его же послѣжде поставиша епископомъ Новугороду за премногую его добродѣтель. Иже и многа чюдеса сътворивъ: нѣкогда бо бездождию бывшу, и помолився Богу, дождь съ небеси сведе, и пожаръ граду угаси. И нынѣ съ святыми чтут его, святаго и блаженнаго Никиту.⁹⁴¹

О ЛАВРѢНТИИ ЗАТВОРНИЦИ. СЛОВО 26

Посемъ инъ нѣкто брат, имянемъ Лаврѣнтѣй, сей въсхоте в затвор внити. Сему же свѣтии ти отци онудъ же не повелѣша сего сътворити.⁹⁴² Сий же Лаврентей шедъ къ Святому Дмитрию въ Изяславль монастырь и затвори себѣ. И крѣпкаго ради его житиа дарова ему Богъ благодать исцѣлениемъ.

И к сему приведенъ бысть нѣкий человекъ от Киева беснуая; его же не возможе затворникъ отгнати – бѣ бо лють

зѣло: яко дрѣво неудобъ носимо десятию мужь, онъ же, единъ, возьмъ, завръже. Пребывшу ему много врѣмя *неисцѣльвшу*, и повелѣ затворникъ вести в Печерський монастырь. Тогда бесный нача вопити: «К кому посылаеши мя? Азъ бо не смѣю приблизитися к печерѣ святыхъ ради, положенныхъ в ней, въ *монастырь* же тридесетыхъ единыхъ боюся, съ прочими же борюся». Влекущи же его вѣдяху, яко николиже бывалъ в Печерскомъ монастырь и никогоже знаетъ в немъ, въпросиша же его: «Котории суть, *ихъ*же ты боишися?» Бесный же нарече ихъ всѣхъ по имени. «Сии тридесять, – рече, – словомъ единымъ ижженуть мя». Бѣ бо тогда всѣхъ черноризецъ в Печерѣ 100 и 80.

И глаголаша бесному: «Мы хотимъ в печерѣ затворити тя». Бѣсный же рече: «Каа полза мнѣ с мертвыми бранитися? Тии бо нынѣ болшее дрѣзновение имуть къ Богу о своихъ черноризцехъ молитися и о приходящихъ к нимъ. Но аще хотите брань мою видити, ведите мя в монастырь». Нача глаголати жидовьскіи и потомъ латыньскіи, таже грѣческіи, испроста рещи, всѣми языки, *ихъ*же николиже слышавъ, яко боятися и водящимъ его, изменению языка его дивящеся и разногласію. И преже въшествіа в монастырь исцѣлѣ и добре нача смыслити. Вшедшимъ же имъ въ церковь, и прииде игумень съ всею братіею, и не знааше игумена исцѣливый и ни единого отъ тѣхъ 30, *ихъ*же нарече, бѣсуася. Тогда въпросиша же того приведшей: «Кто есть исцѣливый тя?» Сий же възираа на икону Богородичину чюдотворную и глаголаше: «Яко с сию усретоша нас, по имени святіи отци 30 числомъ, и тако *исцѣлѣхъ*». Имяна же всѣмъ убо съвѣдаше, самѣхъ же ни единого отъ тѣхъ старецъ знааше. И тако вси купно славу въздаша Богови и пречистей его Матере, и блаженнымъ угодникомъ его.

И сего ради вписахъ ти, господине Акиндине, – не покрую тмою невѣдѣнія дивнаа чюдеса блаженныхъ онѣхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ знаменіа, и чюдеса, и справленіа. Да и прочіи увѣдятъ святое житіе преподобныхъ отецъ печерьскихъ, еже быти тацѣмъ мужемъ въ едино врѣмя, яко до 30, могущимъ словомъ изгонити бѣсы. К печерѣ же, рече, не смѣти приблизитися беснующимся положенныхъ ради в ней

святыхъ отецъ Антониа и Феодосиа и прочихъ *святыхъ* черноризецъ, ихъже имена вписана суть въ книги животныа.

Блаженъ, иже с тѣми сподобивыйся положенъ быти, блаженъ и спасенъ с тѣми сподобивыйся написанъ быти, с ними же и мене Господь сподобить милости въ день Судный молитвами твоими. Аминь.

СЛОВО 27. И О СВЯТЕМЪ И БЛАЖЕННЕМЪ АГАПИТЪ, БЕЗМЪЗДНОМЪ ВРАЧИ

Бѣ нѣкто от Киева постригшеся, именемъ Агапитъ, при блаженнемъ отци нашемъ Антонии, иже послѣдъствоваше житию его аггельскому, самовидецъ бывъ исправлению его. Якоже онъ, великий, покрываа свою святость, болныа исцѣляше от своеа яди: мняся тѣмъ врачевное зѣлие подаваа, и тако здрави бываху молитвою его; тако и сий блаженный Агапит, ревнуа святому тому старцю, помогаше болнымъ. И егда кто от братиа разболяшеся, и тако остави кѣлию свою, приходяще ко болящему брату и служаще ему, – не бѣ бо ничтоже крадомаго в кѣлии его, – подоимаа же и полагаа же его, на своею руку износя, и подаваа ему от своеа яди, еже сваряше зѣлие, и тако здоровъ бываше болный молитвою его. Аще ли *продолъжашеся* недугъ его, сице Богу благоволящу, да вѣру и молитву раба своего умножить. Сий же блаженный Агапит пребываше неотступно, моля за нь Бога непрестанно, Дѣндеже Господь здравие подасть болящему молитвы его ради. И сего ради прозван бысть Лечець, сему бо дарова Господь даръ исцеления. И слышанно бысть о немъ въ градѣ, яко нѣкто в монастыри лечецъ, и мнози болящии приходяху к нѣму и здрави бываху.

Бысть же въ врѣмя сего блаженнаго челоуѣкъ нѣкий, армѣнинъ родом и вѣрою, хитръ бѣ врачеванию, яко таковъ не бѣ прежде его: еже толико видѣвъ болящаго, познаваше и повѣда ему смерть, нарекъ ему день и час, – и ниякоже изменяшеся слово его, – и сего никакоже врачуеъ. И от сихъ единъ болный принесенъ бысть в Печерський монастырь, иже прѣвый бысть у князя Всеволода,⁹⁴³ егоже арменинъ в нечаание въведе, прорекъ ему по осми дни смерть. Блаженный же Агапит, давъ тому зѣлиа, еже самъ ядыа, и здрава сътвори его. И промчеса о немъ слава по всей земли той.

Арменинъ же уязвенъ бысть завистною стрѣлою, и нача укоряти блаженного, и нѣкого осуждена на смерть посла в монастырь, повелѣвъ дати тому смертнаго зѣлья, да пред ними вкусивъ, пад, умереть. *Блаженный* же, сего видѣвъ умирающа, дасть ему монастырския яди, и здрава сътвори его молитвою своею, и от смерти избави повиннаго смерти. И оттоле въоружается на нь иновѣрный той арменинъ, и научи на святаго Агапита единовѣрники своа, дати ему испити смертоноснаго зѣлья, хотя его симъ зѣлиемъ уморити. Блаженный же пиаше бес пакости, ничтоже зла пострадавъ, вѣсть бо Господь благочестивыа от смерти избавляти: «Иже аще и смертно что испиють, ничтоже ихъ не вредить; на недужныа *руки* възложить – здрави будутъ». ⁹⁴⁴

В тии же дъни разболѣвся князь Владимиръ Всеволодовичъ Мономах, ⁹⁴⁵ и прилежаше ему арменинъ, врачуа его, и ничтоже успѣ, но паче недуг бываше болий. И уже при конци бывъ, посылаетъ молбу къ Ивану, игумену Печерьскому, ⁹⁴⁶ да поиудить Агапита *прийти* до него, – бѣ бо тогда князя в Черниговѣ. Игуменъ же, призвавъ Агапита, велить ити в Черниговѣ. И отвѣщавъ блаженный: «Аще ко князю иду, то и ко всѣмъ иду; не буди мнѣ славы ради челоуѣческаа пред *монастырския* врата изыти и преступнику быти обѣта своего, еже обещахся пред Богомъ быти ми в монастырѣ и до послѣдняго издыханія. Аще ли изгониши мя, иду въ ину страну и потомъ възвращуся, Дѣндеже вещь сию минеть». Не бѣ бо николиже исходилъ из монастыря. Видѣвъ же *посланный* от князя, яко не хочетъ ити, молить мниха, яко да поне зѣлья дасть. Принуженъ же бысть игуменомъ, дасть ему зѣлие от своеа яди, да дасть болящему. И егда же князь вкуси зѣлья, и ту абие здравъ бысть.

Прииде же Владимиръ в Киевъ и вниде в Печерский монастырь, хотя почтити мниха и видѣти, кто есть даровавы тому зѣлие и здравие съ Богомъ, – не бѣ бо николиже видѣлъ, – мя сего имѣниемъ подарити. Агапит же, не хотя славимъ быти, съкрыся. Князь же принесенно ему злато дасть игумену. Потомъ же посла Владимиръ къ блаженному Агапиту единого от боляръ своихъ съ многими дары. Его же посланный боляринъ обрете в кѣлии, и принеся, положи пред ним принесенныа

дары. И отвеща мних: «О чадо, николиже от кого что взяхъ, — нынѣ ли погублю мзду свою злата ради, егоже не трѣбую ни от кого же?» И отвеща боляринъ: «Отче, вѣсть пославый мя, яко не требуеши сего, но менѣ ради утѣши сына своего, емуже о Бозѣ дароваль еси здравие, се приими и даждь нищимъ». И отвеща старецъ: «С радостью прииму тебѣ ради, яко тебе ми суть. Ръци же пославшему тя: “Все, еже имѣлъ еси, чюжа бяху, тебѣ же отходящу, не могущу взяти ничтоже съ собою, нынѣ же раздай все трѣбующимъ, еже имаши, яко сего ради избавил тя Богъ от смерти, азъ бо ничтоже ти бых успѣлъ; и не мози послушати мене, да не тоже постражеши”». И вземь Агапит принесенное злато, изнесъ вне кѣлиа, повръже, сам же скрыся. И изшед боляринъ, видѣвъ повержено пред враты принесенное злато и дары, и вземъ все, дасть игумену Иоанну, и сказа все князю, еже о старци. И разумѣша вси, яко рабъ Божий есть. Князь же не смѣ преслушати старца, но все имѣние свое раздасть нищимъ, по словеси блаженнаго.

По сих же разболѣвся сий черноризецъ Агапитъ, и прииде к нему предъ реченный арменинъ посетити его. И нача стязатися с ним о врачевней хитрости, глаголя, киимъ зѣлиемъ цѣлится який недугъ. И отвѣща блаженный: «Имже Господь подасть здравие». Разумѣвъ же арменинъ, *отинуд* не въдуца его ничтоже, и глагола къ своимъ: «Не умѣть *сий* ничтоже». И емь его за руку, рече, яко въ 3-й день сий умереть. «Се же истинна есть, не изменится слово мое; аще ли не будетъ тако, и азъ буду мнихъ».

Блаженный же съ яростию глагола тому: «Сицева ли суть твоего врачевания образи: смерть ми повѣдаа, а помощи ми не можеши! Аще еси худогъ, то дай же ми животъ; аще ли симъ не владѣеши, то почто укоряеши мя, осуждаа въ 3-й день умрети ми? Мнѣ же извѣстилъ есть Господь въ 3-й мѣсяць умрети». Глаголетъ же ему арменинъ: «Яко се уже разумѣлъ ся еси, то уже никакоже преидеши трѣтиаго дъне», бѣ бо изболѣлъ велми, яко не мощи ему ни двинути собою.

Тогда принесоша болна нѣкоего от Киева, въставъ же Агапит, яко не болѣвъ, взя зѣлие, еже сам ядыше, показа лечьцу, глаголя: «Се есть зелие, разумѣй и виждь». Видѣвъ же,

лечець глагола мниху: «Нѣсть се от наших зѣлей, но мню, яко се от Александриа приносят». Посмеав же ся блаженный невѣжеству его, дасть зѣлие болящему, и *того* здрава сътвори. Глаголетъ же къ лечцю: «Чадѡ, не жали си, понеже убози есмы, не имамъ чимъ напитати тя». Армѣнинъ же рече к нему: «Нынѣ, отче, 4 дѣни постимся мы сего мѣсяца». Въпроси же блаженный: «Кто еси ты и коеа вѣры еси?» Лечець же рече к нему: «Не слышалъ ли еси менѣ, яко арменинъ есми?» Блаженный же рече к нему: «То како смѣлъ еси внити и осквернити кѣлию мою и дрѣжати за грѣшную мою руку? Изыди от мене, иновѣрне и *нечестиве!*» Осрамленъ же бывъ арменинъ, отъиде. Блаженный же Агапитъ пребывъ 3 мѣсяци и, мало поболѣвъ, къ Господу отъиде.

По смерти же его прииде арменинъ в монастырь и глагола игумену: «Отселе уже и азъ буду черноризецъ, и оставляю арменскую вѣру, и истинно вѣрую въ Господа Иисус Христа. Яви бо ми ся блаженный Агапитъ, глаголя: “Обещался еси въсприяти мнишеский образъ, аще сължеши, съ животомъ и душу погубиши”. И тако вѣрую. Но аще бы сий блаженный хотѣлъ на много врѣмя жити здѣ, не бы Богъ преставилъ от свѣта сего; аще же и приать его Господь, но вѣчный живот дарова ему, и мню, яко своею волею отъиде *от нас*, небеснаго царства жалаа, могый еще жити с нами. Якоже азъ разумѣхъ, 3 дѣни не бѣ приити ему, и сего ради приложи себѣ 3 мѣсяци, и аще бых реклъ 3 мѣсяци, но и 3 лѣта бых пребылъ. Но аще умре сий, но вселися въ обители, пребывающаа в животъ вѣчный, и тамо живъ есть». Таже сий арменинъ пострижесе в Печерьскомъ монастырѣ, и ту животъ свой сконча в добре исповѣдании.

Таковаа и болше сих съдѣшася от тѣхъ святыхъ черноризецъ, ихже въспоманувъ добродѣтельное житие, дивлюся, како премолчана быша великаа исправления *святыхъ отецъ нашихъ Антониа и Феодосиа*? То аще толико светило угасе *нашимъ* небрежениемъ, то како от него луча въсияють, – сих мню преподобныхъ отецъ нашихъ печерьскихъ. Но якоже рече Господь: «Никоторый же пророкъ приятенъ есть въ отечествии своемъ».⁹⁴⁷

Аще бых ти написалъ, честный архимандрите, господине Акинъдине, прежде назнаменаныхъ святыхъ преподобныхъ отецъ: овыхъ – чюдотвора, инѣхъ же – исправления, другихъ же – крѣпкое въздержание, овыхъ же – послушание, другихъ – прозорливѣство, – и сии вси послушествовании въроу, знамении и чюдесы от твоего черноризца, а от моего господина, епископа Симона. Другымъ убо неприятна мнятся *быти* глаголемаа величества ради дѣлъ, вина же есть невѣрованию – менѣ грѣшнаго суца съвѣдя Поликарпа. Но аще повелить твое *преподобѣство* написати, ихъ же ми умъ постигнуть и память принести. Аще ти и непотрѣбно будетъ, да сущимъ по насъ ползы ради оставимъ, якоже блаженный Нестеръ въ Лѣтописци написа о блаженныхъ отцехъ: о Дамиане, Иермии, и Матфѣи, и Исакии. В Житии же святаго Антониа вся житиа ихъ вписана суть, аще и въкратцѣ речена.

Но паче прежде реченнии черноризци ясно реку, а не втайне, якоже и прежде: аще бо азъ премолчу, от мене забвена будутъ, и к тому не помянутся имена ихъ, якоже было и до сего дъни. Се же речеса въ 15 лѣто твоего *изуменства*, еже не бысть помяновения 100 и 60 лѣтъ,⁹⁴⁸ нынѣ же, твоеа ради любве, утаеннаа слышана быша, и память *любящимъ* Бога присно чтома и хвалима, яко тому угожшеи, от него венчашася. Мнѣ же *таковыми* краситися *величье* есть, и симъ мною ся покрыти студа моего дѣла: еже токмо воспомяну слышаннаа, и *творю*, и мною, яко от мене *изыскану* быти чюдотворию тѣхъ.

Якоже бо рече Господь, «радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшници кающемся»,⁹⁴⁹ то колма паче о толицехъ праведницѣхъ аггеломъ веселитися, яко тѣхъ житиа на земли пожиша и тѣхъ славы достоить тѣмъ наслѣдникомъ быти. Аде бо здѣ о плоти не *радиша*, но яко бесплотнии земнаа приобидѣша и вся житѣйскаа аки уметы умениша, да единого Христа приобрящуть. Того бо единого възлюбиша и любви его привязашася, и тому всю *волю* свою предаша, да от него обожение приимут, и той дарова имъ на земли противу трудомъ ихъ чюдотвора дары възмѣздие, в будущемъ же *неизреченою* славою прославить. Безъ Святаго бо Духа ничтоже чловѣку дается на земли, аще не будетъ дано ему свыше.

Тѣмъже и азъ, грѣшный Поликарпъ, твоей воли работаю, дръжавный Акиндине, и сиа ти написах. Но и еще ти исповѣмъ мало нѣчто – о блажен-немъ и преподобнемъ отци нашемъ Григории Чюдотворци.

О СВЯТЕМЪ ГРИГОРИИ ЧЮДОТВОРЦИ. СЛОВО 28

Сей блаженный Григорий прииде ко отцю нашему Феодосию в Печерський монастырь и от него наученъ бысть житию чернеческому: нестяжанию, смирению, и послушанию, и прочимъ добродѣтелемъ. Молитве же паче прилежаше, и сего ради приать на бесы побѣду, еже и далече сущимъ имъ вопити: «О, Григорий, изгониши ны молитвою своею!» Имѣаше бо блаженный обычай по всякомъ пѣнии запрещалныа творити молитвы.

Не терѣпя же старый врагъ прогнания от него, не могый чимъ инемъ житию его спону сътворити, и научи злыа челоуѣкы, да покрадутъ его. Не бѣ бо иного ничтоже имѣа, развѣ книгъ. Въ едину же ночь приидоша татие и стрежаху старца, да егда изыдетъ на утреню, и шедше, възмутъ вся его. Ощутив же Григорий приход ихъ, – и всегда бо по вся нощи не спаше, но поаше и моляшеся беспрестани, посреди кѣлиа стоа. Помоли же ся и о сихъ, пришедших красти: «Боже, дай же сонъ рабом твоимъ, яко утрудишася *всуге*, врагу угажающе». И спаша 5 днѣй и 5 ноцей, Дѣндеже блаженный, призвавъ братию, възбуди ихъ, глаголя: «Доколе стражете *всуге*, покрасти мя хотяще? Уже отъидета в дома своа». Въставшю же, и не можаху ходити, бѣаше бо изнемогли от глада. Блаженный же давъ имъ ясти и отпусти ихъ.

Се увѣдавъ градъский властелинъ и повеле мучити татии. Стужив же сий Григорие, яко его ради *предани* суть, и шед, дасть книги властѣлину, татие же отпусти. Прочиа же книги продавъ, и раздасть убогим, рекъ тако: «Да не како в беду впадутъ хотящии покрасти а». Рече бо Господь: «Не съкрывайте себѣ съкровища на земли, идѣже татие подкоповають и крадутъ; съкрывайте же себѣ съкровища на небесехъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татие крадутъ. Идеже бо, – рече, – съкровище ваше, ту и сердца ваша».⁹⁵⁰ Татие же ти, покаашеся чюдеси ради бывшаго на них, и к тому не възвратишася на прѣваа дѣла

своа, но пришедше в Печерський монастирь, въдашася на работу братии.

Имѣаше же сей блаженный малъ оградаецъ, идѣже зѣлие сѣаша и древа плодovита. И на се пакы приидоша *татие*, и егда взяше на своа бремя, хотящеи отъити, и не възмогoша. И стоаша два дъни неподвижими и угнетаеми бремены, и нача въпити: «Господине Григорие, пусти ны, уже покаемся грѣховъ своих, и к тому не *сътворим* сицевыи вещи!» Слышавше же черно-ризци, и, пришедше, яша их, и не могаста съвести ихъ от мѣста того. И въпросиша ихъ: «Когда сѣмо приидоста?» Татие же рѣша: «Два дъни и две нощи стоимъ здѣ». Мниси же рѣша: «Мы всегда выходяще, не видехом васъ здѣ». Татие же рѣша: «Аще быхомъ видѣли вас, то убо молилися бы вамъ съ слезами, дабы нас пустилъ. Се, уже изнемогше, начахомъ въпити. Нынѣ же молитe старца, да пустить насъ».

Григорий же, пришед, глагола имъ: «Понеже праздни пребывасте всъ живот свой, крадуцаа чюжаа труды, а сами не хотяще тружатиcя, нынѣ же стойте ту праздни прочаа лѣта до кончины живота своего». Они же съ слезами моляху старца, к тому не сѣтворити имъ таковаа сѣгрѣшения. *Старець* же умилися о них и рече: «То аще хотите *дѣлати* и от труда своего инѣхъ питати, то уже пуцу вы». Татие же съ клятвою рѣша: «Никакоже преслушаемся тебѣ». Григорий же рече: «Благословенъ Богъ! Отселе будете работающе на святую братию, и от своего труда на потрѣбу ихъ приносите». И тако отпусти ихъ. Татие ти скончаше живот свой в Печерском монастирѣ, оградъ предрѣжаще; их же, мню, исчадиа и донынѣ суть.

Иногда же пакы приидоша трие нѣции, хотяще искусити сего блаженнаго. И два от них молиста старца, ложно глаголюще: «Сий другъ нашъ есть, и осуженъ есть на смерть. Молимъ же тя, подщися избавить его: дай же ему чимъ искупитися от смерти». Григорий же възплакався жалостию, провѣде бо о немъ, яко приспѣ конецъ житию его, и рече: «Люте челоvѣку сему, яко приспѣ день погыбели его!» Они же рѣша: «Ты же, отче, аще даси что, то сий не умреть». Се же глаголаху, хотяще у него взяти что, да разделять себѣ. Григорий же рече: «И азъ

дамъ, а сий умереть». И въпроси ихъ: «Коею смертию осужень есть?» Они же рѣша: «На дрѣвѣ повѣшенъ хощетъ быти». Блаженный же рече имъ: «Добре судисте ему, завтра бо сий повѣсится». И паки сниде въ погребъ, идѣже молитву творяше, да некако умъ ему *слышитъ* земнаго что, ниже очи его видѣта что суетных, и оттуду изнесе оставшаа книги, дасть имъ, рекъ: «Аще не угодно будетъ, възвратите ми». Они же, взявше книги, начаша смѣяться, глаголюще: «Продавше сиа, и разделимъ себѣ». Видѣвши же дрѣвеса плодовита, и рѣша к себѣ: «Приидемъ в сию ночь и объемлемъ плод его».

Наставши же нощи, приидоша сие трие и запроша мниха в погребѣ, идѣже бѣ моляся. Единъ же, рѣша его на дрѣвѣ повѣсити, възлѣзъ горѣ и нача торгати яблока, и яся за вѣтвь: оной же отломльшися, а сии два, устрашившися, отбегоша; сий же, летя, ятся ризою за другую вѣтвь и, не имѣя помощи, удавися ожерелиемъ.

Григорий же бо запрекъ бѣ и не обретесе приити к сущей братии въ церковь. Изъшедше же вонъ изъ церьки, и вси видѣвше челоука, висяща мертва, и ужасошася. Поискавши же Григориа и обретоша его в погребѣ затворена. Изъшедше же оттуду блаженный, и повелѣ сняти мертваго, и къ другомъ его глаголаше: «Како се убо збысться ваша мысль! “Богъ бо непоругаемъ бываетъ”.⁹⁵¹ Аще бысте мя не затворили, то азъ, пришед, снялъ быхъ его съ древа, и не бы сей умерлъ. Но понеже врагъ вы научилъ хранити суетнаа лжею, тѣм же милость свою оставили есте». Слышавше же ругателе та събытие словес его, и, пришедше же, *падоша* на ногу его, просяще прощения. Григорий же осуди ихъ в работу Печерьскому монастырю, да к тому тружajúщеся свой хлѣбъ ядятъ и доволни будут и инехъ напитати от своихъ трудовъ. И тако тии скончаша животъ свой, и с чады своими работающе в Печерьскомъ монастырѣ рабомъ пресвятыа Богородица и ученикомъ святаго отца нашего Феодосиа.

Подобно же и се сказати о немъ, юже претерпѣ блаженный страсть смертную. Нѣкаа убо вещь монастырскаяа приключися: от падения животнаго осквернену быти съсуду, – и сего ради сий преподобный Григорий сниде ко Днепру по воду. В той же час

приспѣ князь *Ростислав* Всеволодичъ, хотя ити в Печерський монастырь молитвы ради и благословения: бѣ бо идый противу ратнымъ половцемъ съ братомъ своимъ *Владимеромъ*.⁹⁵² Видѣвъши же отроци его старца сего, начаша ругатися ему, метающе словеса срамнаа. Разумѣвъ же мнихъ всѣхъ при смерти суща, и нача глаголати: «О чада, егда бѣ трѣбе умиление имѣти и многы молитвы искати отъ всѣхъ, тогда же вы паче злое творите, яже Богови негодна суть. Но плачьтеся своеа погыбели и кайтеся своихъ съгрѣшений, да поне отраду приимите въ страшный день, уже бо вы и постиже суд, яко вси вы в воде умрете, и съ княземъ вашимъ». Князь же, страха Божия не имѣа, ни на сердци себѣ положи сего преподобнаго словесъ, мнѣвъ его пустошь глаголюща, яже пророчествоваше о немъ, и рече: «Мнѣ ли повѣдаеши смерть отъ воды, умѣющему бродити посреди еа?» И тогда *разгнѣвався* князь, повелѣ связати ему руцѣ и нозѣ, и камень на выю его обѣсити, и въвреци въ воду. И тако потопленъ бысть. Искавше же его братиа 2 дѣни и не обретоша; въ 3-й день приидоша в кѣлию его, хотяще взяти оставшаа его, и ее мертвый обрется в кѣлии связанъ, и камень на выи его, ризы же его еще мокры, лице же его бѣаше свѣтло, самъ же аки живъ. И не обретесе кто принесый его, но и кѣлии заключеннѣ сущи. Но слава о семъ Господу Богу, творящему дивнаа чюдеса своихъ ради угодникъ! Братиа же изнесше тѣло его и положиша в печерѣ честнѣ, иже и за многа лѣта пребысть цело и нетлѣнно.

Ростиславъ же не общевавъ вины о грѣсѣ и не иде в монастырь от ярости. Не въсхотѣ благословения, и удалися от него; възлюби клятву, и прииде ему.⁹⁵³ *Владимеръ* же прииде в монастырь молитвы ради. И бывшимъ имъ у Треполя, и полкома снемъшимася, и побегоша князи наши от лица противныхъ. *Владимеръ* же прееха реку молитвъ ради святыхъ и благословения; *Ростиславъ* же утопе съ всеми своими вои по словеси святаго Григориа.⁹⁵⁴ «Имже бо, – рече, – судомъ судите – судиться вамъ, в нюже мѣру мѣрити – възмѣрится вамъ».⁹⁵⁵

Разумѣйте опасно, обидящии, притчу, реченную Господемъ въ святѣмъ Евангелии, судию немилостиваго и вдовицю обидимую, к нему же часто приходѣаше и стужаша ему,

глаголюще: «Мсти мене от суперника моего».⁹⁵⁶ Глаголю бо вамъ, яко сътворит Господь въскорѣ рабомъ своимъ отмщение,⁹⁵⁷ той бо рече: «Мнѣ мечь, и азъ отмщу».⁹⁵⁸ Глаголетъ Господь: «И не приобидите единого от сихъ малыхъ, яко аггели ихъ всегда видятъ лице Отца моего, иже есть на небесѣхъ».⁹⁵⁹ «Яко праведенъ Господь правду възлюби, и праваа видѣ лице его».⁹⁶⁰ Еже бо чловѣкъ всѣтъ, то и пожнетъ. Сицева бо гордымъ отмщениа, имже Господь противится, смиреннымъ же даетъ благодать.⁹⁶¹ Тому слава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ, *и присно, и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.*

О МНОГОТРЪПѢЛИВЕМЪ ИОАННѢ ЗАТВОРНИЦЕ. СЛОВО 29

Подобообразиа и равнострастие имѣти рожденнымъ на земли прѣваго чловѣка, ибо, видевъ красоту овоца, не удрѣжашеся и Бога послушася, и страстно житие приатъ. Ибо егда създанъ бысть, и не имѣ порока на собѣ, яко Божие създание есть: Господь бо Богъ нашъ, прѣстъ въсприимъ отъ земля, рукама пречистыма и непорочныма създавъ чловѣка, блага и удобрена, но онъ, акы калъ, земнаа любя, ко сластемъ попользеся, и сласти ему приложишася, и обладавъ бысть оттоле родъ чловѣчъ страстию, и во ины сласти уклонися, и боримы есмы всегда.⁹⁶²

И отъ тѣхъ единъ азъ побежаюся, имъ же и работаю, смущаемъ *помыслы* душа моя, и страстнѣ тѣмъ касаася и неослабно хотѣние имый къ сътворению грѣха, и тѣмъ иже нѣстъ мнѣ *подобна* на земли всѣхъ за многаа съгрѣшениа моя, в нихъже и до сего часа пребываю.

Но той единъ, иже отъ всѣхъ обрете истину, себе отлучивъ на Божию волю и того заповѣди непорочно съхранивъ, въ чистоте же съблюдоу тѣло свое и душу, кромѣ всякыя скверны плотскыя и душевныя. Сего меню Иоанна преподобнаго, затворившаго себѣ в теснѣмъ мѣсте единомъ отъ пещеры. И пребысть въ величѣмъ въздержании лѣтъ 30, многымъ же постомъ удручаа и томя тѣло свое и желѣза тяжкаа на всемъ тѣлѣ своемъ нося.

И к сему нѣкто от братии часто приходяше, томимъ бѣ от дѣйства диаволя на вожделение плотское, и сей моляше блаженнаго Иоанна молити Бога за нь, да подасть ему ослабу страстемъ и утолитъ похотѣние плотское. И се, многожды приходя, глаголаше. Блаженный же Иоанъ глаголаше тому: «Брате, мужайся и крѣпись, потрѣпи Господа, подщися съхранити пути его, и той не оставитъ *тя* в руку его и не предасть нас в ловитву зубомъ ихъ».⁹⁶³ И отвеща братъ къ затворнику: «Вѣру ими ми, отче, аще не подаси ми ослабы, то не почию, от мѣста на мѣсто преходя». Блаженный же Иоанъ рече к нему: «Почто хочещи себе предати на снѣдь врагу? И *уподобишися* мужу, стоащу близъ пропасти, и егда врагъ его пришедъ и внезапу съверъжетъ его долу, и бываетъ падение таковаго люто, яко не мощи ему въстати. Аще здѣ пребудеши, въ святемъ и блаженнемъ монастыре семъ, – подобенъ еси мужу, *стоащу* далече пропасти, да врагъ трудится, влекий *тя* в ню, и не возможетъ, Дѣндеже Господь изведетъ *тя* трѣпѣниемъ твоимъ от рова страстей, от брѣνια тименна и поставитъ на камени нозѣ твои. Но послушай менѣ, чадо, да ти исповемъ случившее ми ся от юности моеа.

Много бо пострадахъ, томимъ на блудъ, и не *вѣмъ*, что съдѣлахъ своего ради спасения: два дѣни или три *пребывахъ* не ядый, и тако три лѣто скончахъ, многожды же и всю недѣлю ничтоже вкусахъ, и без сна *пребывахъ* по вся нощи, и жажду многою уморяхся, и желѣза тяшка на себѣ нося, и *пребыхъ* в такомъ злострадании до трию лѣт, но ни тако покоа *обретохъ*. И идохъ убо в пещеру, идѣже лежитъ святой отецъ нашъ Антоний, и ту на молитву обратихся, и *пребыхъ* день и ночь у гроба его моляся. И слысахъ его, глаголюща ко мнѣ: “Иоаннѣ, Иоаннѣ! Подобаеть ти здѣ затворитися, и невидѣниемъ и млъчаниемъ брань упразднится, и Господь поможетъ ти молитвами преподобныхъ своихъ”. Аз же, брате, от того часа здѣ вселихся, в тесное и скорбное се мѣсто, и есть ми се 30-тое лѣто, и в мало лѣто покой *обретохъ*.

Весь животъ свой страстнѣ брався с помыслы телѣсными. И жестоко *пребывахъ*, проводя толико животъ своей пищею. И потомъ, не ведый, что сътворити, не могый трѣпѣти брани

плотьския, и умыслих нагъ жити и броня тяжкии възложити на тѣло свое, якоже оттоле и донынѣ на мнѣ, студенью и желѣзомъ истончеваемъ. И ину вещь сътворих, еаже ради ползу обретох. Ископавъ убо яму, до раму досяжущу, *приспѣвшимъ* же дньемъ святаго поста, и внидохъ въ яму и своима рукама осыпався прѣстию, яко толико имѣти свободнѣ руцѣ и главу, и тако, угнѣтаемъ злѣ, пребыхъ всѣ постѣ, не могый двигнутися ни единомъ съставомъ, – но ни тако стремление плоти и ражжение телеси преста. Но и к сему врагъ диаволъ страхованиа ми творя, хотя мя оттуду отгнати, и ошутихъ его злодѣйство. Нозѣ бо мои, иже въ ямѣ, *изодну* възгорѣшася, яко и жиламъ *скорчитися* и костемъ трескотати, уже пламени досягшу до утробы моеа, и удовѣ мои изгорѣша, – азъ же забыхъ лютую ту болѣзнь и порадовавъся душою, яко да та ми чиста съблюдена есть от таковыа скверны, и се изволихъ изгорѣти въ огни томъ зѣло Господа ради, нежели изыти ми изъ ямы тоа. И се видѣхъ змиа страшна и люта зѣло, всего мя пожрѣти хотяща и дышюща пламенемъ и искрами пожигаа мя. И се въ многы дньи творяше ми, хотя мя прогнати. Приспѣвшю же ноци Въскресения Христова, внезапно нападе на мя лютой той змий, и главу мою и руцѣ мои въ уста своа вложи, и опалѣша ми власы на главѣ и на брадѣ, якоже видиши мя нынѣ. Азъ же убо въ грѣтани быхъ змиа того, и възопихъ из глубины сердца моего: “Господи Боже, Спасе мой! Въскую мя еси оставилъ? Ущедри мя, Владыко, яко ты еси единъ человекѣколюбецъ. Спаси мя, грѣшнаго, едине безгрѣшне! Избави мя от сквернаго безакониа моего, да не увязну в сети неприазнены в вѣки вѣкомъ! Избави мя от устъ врага сего! Се бо, яко лев рикаа, ходитъ, хотя мя поглотити! *Въздвигни* силу твою и прииди, да мя спасеши! Блесни мѣлїя твоа и иждени, да исчезнетъ от лица твоего!” И яко скончахъ молитву, и абие бысть мѣлїя, и лютой той змий исчезе от мене, и к тому не видехъ его и донынѣ.

И оттоле свѣтъ божественый осиа мя, яко солнце, и слышахъ гласъ, глаголющъ ко мнѣ: “Иоаннѣ, Иоаннѣ! Помощь ти бысть, прочіе же внимай собѣ, и да не горѣе ти что будетъ, и *постражеши* что зло въ будущемъ вецѣ”. Азъ же поклонихся, рѣхъ: “Господи, почто мя остави злѣ мучиму быти?” И отвѣща

ми, глаголя: “Противу силе трѣпѣнія твоего наведох на тя, да иждеженъ будеши, яко злато. Не попускаетъ бо Богъ чрезъ силу труда напасть челоуѣку, егда како изнеможет, но, яко господинъ, рабомъ крѣпкимъ и могущимъ тяшкаа и великаа дѣла вручаетъ, немощнымъ же и слабымъ худаа и легкаа дѣла замышляетъ. Тако разумѣй: при бранѣ страснѣи, еаже ради ты молишися, ты же убо о себѣ существу мертвецу помолися, противу тебѣ лежащу, да ти облегчетъ от брани блудныа, сий бо боли Иосифа⁹⁶⁴ сътвори и можетъ помощи стражующимъ бѣднѣ такою страстию”. Аз же, не съведый таковому имени, и начахъ звати: “Господи, помилуй мя”» Последи же увѣдахъ, яко се бысть Моисей, угринъ родомъ.

И прииде на мя свѣтъ неизреченненъ, в немже и нынѣ есмь, и не трѣбую свѣщи *ни* в нощи, *ни* въ дѣни, но и вси достойнии насыщаются таковаго свѣта, приходящеи ко мнѣ, и зрятъ явѣ таковаго утешения, еже явѣ нощию освѣти, надѣжда ради оного свѣта. Мы же умъ погубили ко плотолюбию, и страсть попускаетъ на ны, сътворяя праведное, Христось, николиже намъ плода сътворшимъ. Но, брате, азъ ти се глаголю: “Помолився сему Моисиеви преподобному, и той поможетъ ти”».

И вземъ же едину кость отъ мощей его, и вдасть ему, рекъ: «Да приложиши к телеси своему.» Сему же *бывшу*. И ту абие преста страсть и удовѣ ему *омертвѣша*, и оттолѣ не бысть ему пакости. Купно же благодаривши Бога, прославляющаго святаа своа: еже в житии ему угодиша, сихъ и по смерти исцелений дары обогати и вѣнцы нетлѣнія украси, и царствию своему сподоби. Ему же слава съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомъ.

О ПРЕПОДОБНЕМЪ МОИСѢИ УГРИНѢ. СЛОВО 30

Увѣдано бысть о семъ блаженнемъ Моисии Угринѣ, яко любимъ бѣ святымъ Борисомъ. Сей бо бысть угринъ родомъ, братъ же Георгия, на негоже святой Борисъ възложи гривну злата, егоже убиша съ святымъ Борисомъ на Алтѣ и главу его *отрѣзаша* златаа ради гривны.⁹⁶⁵ Сей же Моисий единъ избывъ отъ грѣхиа смерти и грѣхаго заклѣния избежавъ, и прииде ко Предславѣ, сѣстры Ярославли,⁹⁶⁶ и бысть ту. И въ

дни тыи нелзе прѣходити никаможе, и бѣ моляся Богу крѣпкий той душою, Дѡндеже прииде благочестивый князь нашъ Ярославъ, не стерпѣвъ теплоты душевныа еже ко братома си, на незаконнаго, и победи безбожнаго, и гордаго, и окааннаго Святополка. Сему же бежавшу в Ляхы, *и прииде* паки со Болѣславомъ, и изгна Ярослава, а самъ сѣдъ въ Киевѣ.⁹⁶⁷ И възвращаяся Белеславъ в Ляхы, и поатъ съ собою обѣ сестрѣ Ярославли и изыма же и бояръ его; с ними же и сего блаженнаго Моисѣа вѣдяше, окованна по руцѣ и по нозѣ желѣзы тяжкими, его же твердо стрежаху: бѣ бо крѣпокъ тѣломъ и красенъ лицомъ.

Сего же видѣвши жена нѣкаа от великихъ, красна сущи и юна, имуще богатество многое и власть велию. И та убо приимъши въ умѣ видѣнія доброту и уязвися въ сердци *въждельниемъ*, еже въсхотѣти сему преподобному. И нача лестными словесы увещевати его, глаголюще: «О человекъ, всуе таковыа муки подъемлещи, имѣа разумъ, имже бы мощно избыти таковаго окования и страдания». Рече же к ней Моисий: «Богу тако изволю». Жена же рече к нему: «Аще ми ся покориши, азъ тя избавлю и велика сътворю въ всей Лятельской земли, и обладати имаши мною и всею областью моею».

Разумѣвъ же блаженный въжелѣние ея скверное, и рече к нѣй: «То кый мужъ, поимъ жену и покоровся ей, и исправился есть когда? Адамъ прѣвозданный, женѣ покоровся, из раа *изгнанъ* бысть.⁹⁶⁸ Самсонъ, силою паче всѣхъ *преспѣвъ* и ратнымъ одолѣвъ, послѣди же женою преданъ бысть иноплеменникомъ.⁹⁶⁹ И Соломонъ премудрости глубину *постигъ*, женѣ повинувся, идоломъ поклонися.⁹⁷⁰ И Ирод многы побѣды сътворивъ, послѣди же женѣ поработився, Предтечу Иоанна усекну.⁹⁷¹ То како азъ, свободъ сый, рабъ ся сътворю женѣ, еаже от рожения не познах?» Она же рече: «Азъ тя искуплю, и славна сътворю тя, и господина всему дому моему устрою, и мужа *ты* имѣти себѣ хочу, токмо ты *волю* мою сътвори: въждельние душа моя утѣши и подай же ми твоеа доброты насладитися. Доволна бо есмь твоеа похоти, не могу бо трѣпѣти красоты твоеа, без ума погубляемы, да и сердечный пламень престанеть, пожигаа мя. Азъ же отраду прииму

помыслу моему и почию от страсти, и ты убо насладися моеа доброты, и господинъ всему стяжанию моему будеши, и наслѣдник моеа власти, и старѣйшина боляромъ». Блаженный же Моисѣй рече к нѣй: «Добре вѣждь, яко не сътворю воля твоеа, ни власти же твоеа, ни богатества хочу, но всего се лучши есть душевна чистота, паче же и телеснаа. Не буди мнѣ труда погубити 5 лѣтъ, еже ми Господь дарова въ узах сихъ трѣпѣти. Не повиненъ сый сицевымъ мукам, ихже ради уповаю избавленъ быти вѣчныхъ мукъ».

Тогда жена, видѣвши себѣ лишену таковыа красоты, и на другой съвѣтъ диаволь приходитъ, помысливъ же сице, яко: «Аще искуплю его, всяко и неволю покорить ми ся». Посылаетъ же ко дрѣжащему того, да возмет у неа, елико хочетъ, Моисѣа же предасть ей. Онъ же, видѣвъ улучшение времени и богатства приобретение, взя у неа яко до тысящи *имѣния*, Моисѣа же предасть ей. И с нужею влечаху его безстуднѣ на дѣло неприподобно. Яко се власть приимши на немъ, и повелеваетъ ему причтатися себѣ, и разрѣшивши же его от узъ, и въ многоцѣнныа ризы оболкъши его, и сладкими брашны того кормящи, и нуждениемъ любовнымъ того объемлющи, и на свою похоть нудящи.

Сий же преподобный, видѣвъ неистовѣство жены, молитвѣ и посту прилежаше паче, *вкушая въ бдѣнїи, изволивъ паче* сухой хлѣбъ Бога ради и въду съ чистотою, нежели многоцѣнное брашно и вино съ скверною. И не токмо себѣ срачици единоа съвлече, якоже *Иосифъ*, но и всѣхъ ризъ себѣ съвлече, избѣжа от грѣха, и ничтоже вмени житїа мира сего; и на такую ярость подвиже-ну, яко и голодомъ уморити его.

Богъ же не оставляетъ рабъ своихъ, уповающихъ к нему. Нѣкотораго от рабъ жены тоа на милость преклони: втайнѣ подаваше ему пищу. Другии же, того увѣщающе, глаголаху: «Брате Моисѣю! Что възбраняеть ти женитися? Еще бо юнъ еси, и сїа вдова сущи, бывши с мужемъ лѣто едино, и есть красна паче инехъ жонъ, богатество имущи безъчислено и власть велию в Лясѣхъ, и аще бы сїа въсхотѣла нѣкому князю, то не бы еа гнушался; ты же, пленникъ сый и неволень *от жены сея, и господинъ ей* быти не хочещи! Аще ли же глаголеши: «Не могу

преступити заповѣди Христовы», то не глаголетъ ли Христосъ въ Евангелии: “Сего ради оставить чловѣкъ отца своего и мать и прилепится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину, уже бо *нѣста два*, но плоть едина”.⁹⁷² Апостолъ же: “Уне есть женитися, нежели раждизатися”; вдовицамъ же велить второму браку причитатися.⁹⁷³ Ты же, не имѣа обычаа мнишеска, но свободъ сый того, почто злымъ и горкимъ мукам вдаешися, или что ради стражеши? Аще ти ся лучить умрети въ бедѣ сей, то кою похвалу имаши? Кто же ли от прѣвыхъ и донынѣ възгнушася жены, развѣ чернецъ? Авраамъ, Исакъ, Ияковъ?⁹⁷⁴ Иосифъ же вмалѣ победивъ, и паки женою побеженъ бысть.⁹⁷⁵ Ты же аще нынѣ съ животомъ гонзнеши, женою же паки обладанъ будеши, и кто не посмеется твоему безумию? Уне ти есть покоритися жене сей и свободну быти, и господину быти всѣмъ».

Онъ же глагола им: «Ей, братие и добрии мои друзи, добре ми съвещеваете. Разумѣю, яко лучше змии нашептаниа, еже в раи Евзѣ,⁹⁷⁶ словеса предлагаете ми. Бѣдите мя покоритися женѣ сей, но никакоже съвѣта вашего прииму. Аще ми ся лучить умрети въ узах сихъ и горких мукахъ, всяко чаю от Бога милости *приати*. Аще и вси праведници спасошася съ женами, азъ единъ грѣшенъ есмь, не могу съ женою спастися. Но аще бы Иосифъ повинулся женѣ Петерфиинѣ, то не бы сый потомъ царьствовалъ: видѣвъ же Богъ трѣпѣние его и дарова ему царство, тѣмъ же и в роды хвалим есть, яко целомудръ, аще и чада прижить. Азъ же не Египетскаго царства желаю приати и обладати властью, и велику быти в Лясѣхъ, и честну явитися въ всей Руской земли, – но вышняго ради царства вся сиа приобидѣхъ. Аще же съ животомъ избуду от руки жены сеа, то чернецъ буду. Что же убо въ Евангелии Христос рече? “Всякъ, иже оставить отца своего, и мать, и жену, и дѣти, и домъ, той есть мой ученикъ”.⁹⁷⁷ Христа ли паче послушати или вас? Апостолъ же глаголетъ: “Оженивыйся печется, како угодити женѣ, а неженивыйся печется, како угодити Богу”.⁹⁷⁸ Въпрошу же убо васъ: кому паче подобаетъ работати – Христу ли или женѣ? “Раби, послушайте господий своихъ *на благое, а не на злое*”.⁹⁷⁹ Буди же разумно вамъ, дрѣжащим мя, яко николиже

прельстить мя красота жены сеа, ниже отлучить мене от любви Христовы».

Сии слышавши жена, помысль лукавъ въ сердци сий приимши, всаждаеть его на кони съ многымы слугами, и повеле водити его по градомъ и по селамъ, якоже доволѣеть ей, глаголющи ему: «Сиа вся твоа суть, яже угодна суть тебѣ; твори якоже хочещи о всѣмъ». Глагола же и к людемъ: «Се господинъ вашъ, а мой мужъ, да вси, срѣтающе, покланяйтесь ему». Бяху бо мнози служаще той рабы и рабыня. Посмѣявъ же ся блаженны безумию жены и рече ей: «Всуе тружаешься, не можеши мене прельстити тлѣнными вещьми мира сего, ни окраси ми духовнаго богатства. Разумѣй, не трудися всуе».

Жена же рече ему: «Не веси ли, како проданъ ми еси, и кто изметъ от руку мою тя? Жива тебѣ *никакоже* отпущу, но по многих мукахъ смерти тя предамъ». Онъ же бе-страха отвеща ей: «Не боюся еже ми рече, но предавый мя тебѣ болший грѣхъ имать. Азъ же отселе, Богу волящу, буду мнихъ».

В тии же дѣни прииде нѣкто мнихъ от Святыа Горы,⁹⁸⁰ саномъ сы-иерѣй; Богу наставлешу его, и прииде къ блаженному, и облече его въ мнишеский образъ, много поучивъ его о чистотѣ, еже не предати плещи свои врагу и тоа сквернавыа жены избавитися, и сиа рекъ, отъиде от него. Взысканъ же бысть таковой – не обретенъ.

Тогда же жена, отчаявъшися своеа надѣжда, раны тяжки възлагаеть на Моисѣа: растягши, повелѣ бити его жезлиемъ, яко и земли наполнитися крови. И биюще, глаголаху ему: «Покорися госпожи своей и сътвори волю еа. Аще ли преслушаешия, то на уды раздробимъ тѣло твое; не мни бо, яко избежи сихъ мукъ, но по многих мукахъ предаси душу свою горцѣ. Помилуй самъ себѣ, отложи измождальа сиа ризы и облечися въ многоцѣнныа ризы, и избуди ожидающихъ тебѣ мукъ, донележе не коснемся плоти твоей». И отвеща Моисѣй: «Брате, повеленное вамъ творити – творите, *никакоже* медляще. Мнѣ же *никакоже* мощно есть еже отрещися мнишескаго житиа и любве Божиа. *Никакоже* томление, ни огонь, ни мечъ, ни раны не могутъ мене разлучити от Бога и сего великаго аггельскаго образа. И сиа безстуднаа и помраченнаа жена показа свое безъстудие, не токѣмо убояшися

Бога, но и человеческий срам приобидѣвши, безъ срама нудящи и мя на осквернение и прелюбодѣание. Ни ей покорюся, ни тоа окаанна волю сътворю!»

Многу же печаль имущи жена, како бы себѣ мстити от срама, посылаетъ къ князю Болеславу, сице глаголющи: «Самъ вѣси, яко мужъ мой убиенъ бысть на брани с тобою, ты же ми далъ еси волю, да егоже въсхоу, поиму себѣ мужа. Аз же възлюбих единого юношу от твоихъ пленникъ, красна суца, и искупивши, поахъ его в домъ свой, давши на нем злата много, и все сущее в дому моемъ злато же и сребро и власть всю даровах ему. Онъ же сиа вся ни во что же вменивъ. *Многажды* же и ранами, и голодомъ томящи того, и недоволенъ бысть ему. 5 лѣтъ оковану бывшу и от пленившаго его, от негоже искупих его; и се шестое лѣто пребысть у мене, и много мученъ бысть от мене преслушания ради, еже сам на ся привлече по жестосердию своему; нынѣ постриженъ есть от нѣкоего черноризъца. Ты же что велиши о немъ сътворити, да сътворю».

Онъ же повеле ей приехати к себѣ и Моисѣа привести съ собою. Жена же прииде ко Болеславу и Моисѣа приведе съ собою. Видѣвъ же преподобнаго Болеславъ и много нудивъ его поати жену, не увеща и рече к нему: «Кто тако нечювьственъ, якоже ты, иже толиких благъ и чѣти лишаешися и вдал ся еси в горкиа муки! И отнынѣ буди вѣдаа, яко животъ и смерть предлежитъ ти: или волю госпожа своеа сътворити, от нас честну быти и велику власть имѣти, или, преслушавшися, по многих муках смерть приати». Глагола же и къ женѣ: «Никтоже от купленых тобою пленникъ буди свободъ, но, акы госпожа рабу, сътвори еже хоцещи, да и прочии не дрѣзнуть *преслушатися* господий своих».

И отвеща Моисѣй: «Что бо глаголетъ Богъ: “Каа убо полза чловеку, аще и весь миръ приобрящетъ, а душу свою отщетить, или что дасть измѣну на души своей?”⁹⁸¹ Ты же что ми обещаеши славу и честь, еаже ты самъ скоро отпадеши, и гробъ тя прииметь, ничтоже имуща! Сиа сквернаа жена злѣ убиена будетъ». Якоже и бысть по проречению преподобнаго.

Жена же, на немъ взявши власть болшую, безъстудно влечаше его на грѣхъ. Единою же повеле его положити нужею

на одрѣ своемъ съ собою, лобызающе и обоимающе, но не може ни сею прелестию на свое жалание привлещи его. Рече же к ней блаженный: «Въсуе труд твой, не мни бо мя яко безумна или не могуща сего дѣла сътворити, но страха ради Божия тебѣ гнушаюся, яко нечистый». И сиа слышавши, жена повелѣ ему по 100 ранъ даати на всякъ день, послѣди же повелѣ ему тайныя уды урѣзати и глаголющи: «Не пощажу сего доброты, да не насытятся инии сего красоты». Моисѣй же лежаше яко мертвъ от течения крови, мало дыхания в собѣ имый.

Болеславъ же, усрамися величества жены и любви прѣвья, потакнии ей творя, въздвиже гонение велие на черноризци и изгна вся от области своеа. Богъ же сътвори отмщение рабомъ своимъ въскорѣ. Въ едину убо ноцъ Болеслав напрасно умре, и бысть мятѣжъ великъ въ всей Лятельской земли, и въставше людие избиша епископы своа и боляры своа, якоже и в Лѣтописци повѣдаеть.⁹⁸² Тогда и сию жену убиша.

Преподобный же, възмогъ от ранъ, прииде ко святѣй Богородици в Печерский святы монастырь, нося на собѣ мученическыя раны и венецъ исповѣдания, яко победитель и храборъ Христовъ. Господь же дарова ему силу на страсти.

Нѣкий бо брат, боримъ бывъ на блуд, и пришед, моляше сего преподобнаго помощи ему. «И аще ми, – рече, – что речеши, имамъ съхранити и до смерти таковаго обѣта». Блаженный же рече тому: «Да николиже слова речеши никацѣй женѣ въ животъ своемъ». Онъ же обещаше с любовью. Святый же, имѣа жезлъ въ руцѣ своей, – бѣ бо не могый ходити от онѣхъ ранъ, – и сим удари его в лоно, и абие омерѣтвеша уды его, и оттоле не бысть пакости брату.

Се же вписано есть в Житии святаго отца нашего Антониа, еже о Моисѣи,⁹⁸³ – бѣ бо пришедъ блаженный въ дѣни святаго Антониа; и скончася о Господѣ в добре исповѣдании, пребывъ в монастырѣ лѣтъ 10, а въ пленении страда въ узах 5 лѣтъ, шестое лѣто – за чистоту.

Помянухъ же чернеческое изгнание в Лясѣхъ преподобнаго ради пострижения, еже вдатися Богу, егоже възлюби. Сие вписано есть в Житии святаго отца нашего Феодосиа. Егда изгнанъ бысть святый отецъ Антоние княземъ Изяславомъ

Варлаама ради и Ефрѣма, княгыни же его, ляховица сущи,⁹⁸⁴ възбрани ему, глаголющи: «Ни мысли, ни сътвори сего. Сице бо нѣкогда сътворися в земли нашей: и нѣкиа ради вины изгнани быша черноризци от предѣлъ земля наша, и велико зло съдѣся в Лясѣхъ». Сего ради Моисѣа сътворися, якоже и пред написахомъ о Моисѣи Угринѣ и о *Иоаннѣ* Затворницѣ, еже съдѣа ими Господь въ славу свою, прославляа их, трѣпѣния ихъ ради, и дары чюдотвориа обогати. Тому слава нынѣ, и присно, и в вѣки вѣкомъ.

О ПРОХОРЕ ЧЕРНОРИЗЦИ, ИЖЕ МОЛИТВОЮ В БЫЛИА, ГЛАГОЛЕМЪЙ ЛОБЕДА, ТВОРЯШЕ ХЛѢБЫ И ВЪ ПОПЕЛУ СОЛЬ. СЛОВО 31

Якоже изволися челоувѣколюбцю Богу о своей твари, на всяка времена и лѣта промышляа роду челоувѣческому и полѣзнаа даруа. Ожидаа нашего покаания, наводитъ на ны овогда гладъ, овогда же рати за неустроение сущаго властелина. Симъ бо приводитъ Владыка нашъ и челоувѣческое нерадение на добродѣтель, *на память* дѣлъ неподобных, ибо дѣлающе злаа дѣла неподобнаа предани будут злым и немилостивым властѣлиномъ, грѣхъ ради наших, но ни тии убѣжать суда: суд бо безъ милости не сътворшимъ милости.

Бысть убо въ дѣни княжения Святополча в Киевѣ. Много насилаа сътвори людемъ Святополкъ, дома силныхъ до основания без вины искоренивъ, имѣния многихъ отъем. И сего ради попустил Господь поганымъ силу имѣти над нимъ, и быша брани многы от половець. К сим же и усобица бысть в та времена, и глад крѣпокъ, и скудота велиа при всем Руской земли.

Бысть же въ дни тии прииде нѣкий челоувѣкъ от Смоленска къ игумену Иоанну, хотя быти мних; его же и постригъ, Прохора того имянова. Сий же убо Прохоръ-черноризецъ вдасть себѣ въ послушание и въздержание безмѣрное, яко *и* хлѣба себѣ лишивъ. Събираеть убо лобеду, и, своима рукама стираа, хлѣбъ себѣ творяше, и симъ питашеся. И сего приготавлиа до года, и въ преидущее лѣто тоже приготавлиа, яко доволну ему быти безъ хлѣба всь животъ свой.

И виде *Господь* трѣпѣние его и великое въздержание, положи ему горестъ ону на сладость, и по печали бысть ему радость, по реченному: «Вечерь въдворится плачь, и заутра радость».⁹⁸⁵ И сего ради прозванъ бысть Лобедникъ, ибо николиже хлѣба вкуси, развѣ просфуры, ни овоща никаковаже, ни питиа, но точию лобѣду, якоже и выше речеся. И сий не поскорбѣ николиже, но всегда работаше Господеви радуася. И ни устрашися николиже находящиа рати, зане бысть житие его, яко единому от птицъ, не стяжа бо селъ, ни житница, *идѣже съберет* благаа своа.⁹⁸⁶ Сий не рече, якоже богатый: «Душе, имаши многа благаа, лежаще на многа лѣта, яжъ и пий, веселися!»⁹⁸⁷ Иного бо не имяше, развѣ точию лобеду, но се приготавливаше токмо на приидушее лѣто, глаголаше к себѣ: «Человѣче, в сию нощь душу твою истяжутъ от тебѣ аггели, а яже приготованнаа лобеда кому будетъ?» Сий дѣломъ исполъни слово Господне реченное, еже рече: «Възрите на птица небесны, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни в житница събирають, но Отець вашъ *небесный* питаетъ их».⁹⁸⁸ Симъ ревнуа, и сий преподобный Прохоръ легко преходя путь, идѣже бо бываше лобеда, то оттуду на свою раму, яко на крилу, в монастырь приношаше, на свою кормлю готовляше: ненаоранне земли ненасеанна пища бываше ему.

Гладу же велику приспѣвшу, и смерти належащии глада ради бывающа на вся люди, блаженны же дѣло свое съдрѣжаше, събираа лобеду. И сего видѣвъ нѣкий человекъ, събирающа лобеду, начатъ и той събирати лобеду, себе же ради и домашних своихъ, да темъ препитаются въ гладнае время. Сему же тогда блаженному паче умножашеся лобеда на пищу, и болий труд творяше себѣ в тыи дѣни, собираа таковое зѣлие, якоже и прежде рѣхъ, и, своима рукама стираа, творяше хлѣбы и раздаваше неимущимъ и от глада *изнемогающимъ*. Мнози же бяху тогда к нему приходяще въ гладное врѣмя, онъ же всѣмъ раздаваше, и всемъ сладко являшеся, яко с медомъ суще; а не тако хотѣти кому хлѣба, якоже от руку сего блаженного сътворенное от дивиаго зѣлиа приати. Кому бо дааше съ благословениемъ, то свѣтель и чистъ являшеся и

сладокъ бываше хлѣбъ; аще ли кто взимаше отай, обреташеся хлѣбъ яко пелынь.

Нѣкто бо от братия втайнѣ украдѣ хлѣбъ и не можаше ясти, зане обреташеся в руку его яко *пелынь*, и горекъ паче мѣры являшеся. И се сътворися многажды. Стыдяша же ся, от срама не могый повѣдати блаженному своего съгрѣшения. Гладенъ же бывъ, не могый трѣпѣти нужда естественная, видя смерть пред очима своими, и приходитъ къ Иоанну-игумену, исповѣда ему събывшееся, прощения прося о своемъ съгрѣшении. Игуменъ же, не вѣровавъ реченнымъ, повелѣ иному брату се сътворити: втайнѣ хлѣбъ взяти, да разумѣють истинно, аще тако есть. И принесену бывшу хлѣбу, и обретесе тако же, якоже и крадый брат повѣда, и не можаше никтоже вкусити его от горести. Сему же сущу еще и в рукахъ его, посла игуменъ испросити хлѣбъ. «Да от руку, – рече, – възмете, отходяще же от него, и другой хлѣбъ украдите.» Сима же принесенома бывши, украденый же хлѣбъ пред *ними* пременися и бысть, яко прѣсть, горекъ, акы прѣвый, и взятый хлѣбъ от руку его – акы медъ, и светелъ явися. И сему чюдеси бывшу, прослу таковый муж всюду, и многы прекормивъ алчныя, и многимъ на ползу бывъ.

Егда же Святоплѣкъ съ Давидомъ Игоревичем рать зачаста про Василкову слепоту,⁹⁸⁹ егоже ослепи Святоплѣкъ, послушавъ Давида Игоревича, с Володимеромъ и съ самѣмъ Василкомъ, и не пустиша гостей из Галича, ни людей изъ Перемышля, и не бысть соли въ всей Руской земли. Сицеваа неуправления быша, к сему же и грабленія незаконнаа, якоже пророкъ рече: «Сънѣдающи люди моа въ хлѣба мѣсто, Господа не призваша».⁹⁹⁰ И бѣ видѣти тогда люди, сущаа в велицей печали и изнемогших от глада, от рати, не имяху бо ни *пшеница*, ниже соли, чимъ бы скудость препроводити.

Блаженный же тогда Прохоръ, имѣа кѣлию свою, и събра множество попела от всѣхъ кѣлий, и не ведуще сего никомуже, и се раздаваше приходящим, и всѣмъ бываше чиста соль, молитвами его. И елико раздаваше, толико паче множащесе. И ничтоже взимаа, но туне всѣмъ подаваше, елико кто хоцетъ, и не токмо монастырю доволно бысть, но и мирскаяа чада, к нему

приходяще, обилно възимаху на потрѣбу домоу своимъ. И бѣ видѣти торжище упражняемо, монастырь же полонъ приходящих на приятие соли. И оттого въздвижесе зависть от продающих соль, и сътворися им *неполучение* жаланиа. Мнѣвше собѣ в тыа дѣни богатство много приобрести в соли, бысть же имъ о том печаль велиа: юже бо прежде драго продаваху, по два головажне на куну, нынѣ же по 10, и никтоже възимаше.

И въставше вси, *продающе* соль, приидоша ко Святополку и навадиша на мниха, глаголюще, яко: «Прохоръ-чернецъ, иже есть в Печерскомъ монастырѣ, отъять от нас богатство много: даетъ соль *всѣм* к нему приходящимъ невѣзбранно, мы же обнищавомъ». Князь же, хотя имъ *удоволити*, двое же помысливъ в себѣ: да сущю молву в них упразднить, себѣ же *богатство* приобрящеть. Сию мысль имѣа въ умѣ своемъ, съвѣщавъ съ своими съвѣтниками цѣну многу соли, да емъ у мниха, продавца ей будетъ. Тогда крамолникомъ тѣмъ обещевается, глаголя: «Васъ ради пограблю черныца», крѣа в себѣ мысль приобретения богатства. Сим же хотя мало удоволити имъ, паче же многу спону имъ творя: зависть бо не вѣсть предпочитати еже полѣзно есть творити.

Посылаеть же князь, да возмуть соль всю у мниха. Привезѣне же бывши соли, и приидѣ князь, хотя видѣти ю, и с тѣми крамолники, иже навадиша на блаженнаго, и видѣвше вси, яко попелъ видѣти очима. Много же дивишася: что се будетъ? – и недоумѣахуся. Извѣстно же хотяху увѣдети, что се будетъ таковое дѣло, обаче же повелѣ ю съхранити до 3 дний, да разумѣють истинно. Нѣкоему же повелѣ вкусити, и обретесе попелъ въ устѣхъ его.

Приходяще же по обычаю множество народа, хотяще же взимати соль у блаженнаго, и увѣдѣвше пограбление старче, възвращающесе тѣама рукама, проклинаяще сътворшаго сие. Блаженный же тѣмъ рече: «Егда иссыпана будетъ, и тогда, шедше, разграбите ю». Князь же, дѣржавъ ю до трех днѣхъ, повелѣ нощю изсыпати ю. Изсыпану же бывшу попелу, и ту абие прѣложися в соль. И се увѣдавше, граждане, пришедше, разграбиша соль.

И сему дивному чюдеси бывшу ужасеся сътворивый насилие: не могый же съкрыти вещи, зане пред *всѣм* градом сътворися, нача испытовати, что естъ дѣло сие. Тогда сказала князю ину вещь, еже сътвори блаженный, кормя лобедою множество народа, и въ *устѣхъ* их хлѣбъ сладокъ бываше; нѣкоторые же взяша един хлѣбъ безъ его благословения – и обретеса яко прѣсть и горекъ, акы пелынь, въ устехъ ихъ. Си слышавъ, князь стыдѣвса о створеннемъ, и шедъ в монастырь къ игумену Иоанну, покаася к нему. Бѣ бо прежде вражду имѣа на нь, зане обличаше его несытъства ради, богатства и насилия ради. Его же емъ, Святоплѣкъ в Туров заточивъ,⁹⁹¹ аще бы Владимиръ Монамах на сего не восталъ, его же убояся Святоплѣкъ вѣстаниа на ся, скоро *възврати* с честию игумена в Печерський монастырь.

Сего же ради чюдеси велику любовь нача имѣти къ святѣ Богородици и къ святымъ отцемъ Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора оттоле вельми чтяше и блажаше, ведый его въистину раба Божиа суща. Дастъ же слово Богови к тому не сътворити насилия никомуже. Еще же и се слово утверди к нему князь, глаголя: «Аще бо азъ, по изволенію Божию, прежде тебѣ отъиду свѣта сего, и ты своима рукама въ гробъ положи мя, да симъ явится на мнѣ безлобие твое; аще ли ты прежде мене преставишися и поидеши к неумытному Судии, то азъ на раму своею в пещеру внесу тя, да того ради Господъ прощение подасть ми о многосъгрѣшеннѣмъ к тебѣ грѣсѣ». И сие рекъ, отъиде от него.

Блаженный же Прохоръ многа лѣта поживъ в добре исповѣданіи, богоугоднымъ, чистымъ и непорочнымъ житіемъ. Посемъ же разболѣвсѣ святой, князю тогда *на войнѣ* сущу. Тогда святой наричѣе посылаетъ к нему, глаголя, яко: «Приблизися часъ исхода моего отъ тѣла; да аще хоцещи, прииди, да прощение възмевъ и скончаеши обѣщаніе свое, да приимеши отданіе от Бога и своима рукама вложиши мя въ гробъ. Се бо ожидаю твоего прихода, да умѣдлиши, и азъ отхожу; да не тако исправитъ ти ся брань, яко пришедшу ти ко мнѣ». И сѣ слышавъ, Святоплѣкъ в той же часъ воа распустивъ и прииде къ блаженному. Преподобный же, много поучивъ князя о

милостинѣ, и о будущемъ судѣ, и о вечней жизни, и о бесконечнѣй муцѣ, давъ ему благословение и прощение, и *цѣловавъ* вся сущаа съ княземъ, и въздѣвъ руцѣ горѣ, *предасть* духъ. Князь же, вземъ святаго старца, несе и в пещеру, и своима рукама въ гробъ вложи.

И по погребении блаженнаго поиде на войну, и многу побѣду сътвори на противныа агаряны,⁹⁹² и взя всю землю ихъ. И се бо бысть Богомъ дарованнаа побѣда в Руской земли, по проречению преподобнаго.

И оттоле убо Святополкъ, егда исхождаше или на рать, или на ловы, и приходяше в монастырь съ благодарениемъ, поклоняся святѣй Богородици и гробу Феодосиеву, и вхождаше в пещеру къ святому Антонию и блаженному Прохору, и всѣмъ преподобнымъ отцемъ покланяся, и исхождаше в путь свой. И тако добре строашася Богомъ набдимое княжение его. Самъ бо свѣдѣтель бывъ, ясно исповѣдаа чюдеса бо и знамениа, яже быша преславнаа Прохора же и инехъ преподобныхъ, с нимиже буди всѣмъ намъ получитьи милость о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, ему же слава съ *Отцѣмъ и съ Святымъ Духомъ ныне и присно.*

О ПРЕПОДОБНЕМЪ МАРЦѢ ПЕЧЕРНИЦѢ, егоже ПОВЕЛѢНІА МЕРТВІИ ПОСЛУШАХУ. СЛОВО 32

Дрѣвнихъ убо святыхъ подражающе мы, грѣшнии, писанию, еже они изъясниша и многымъ трудомъ възыскаша въ пустыняхъ, и горахъ, и пропастьехъ земныхъ; инѣхъ убо *сами* видѣвше, инѣхъ же слышавше прежде ихъ бывшихъ житиа же и чюдеса, дѣаниа, еже есть Паторикъ Печерьскій, в томъ, сложьше, сказахъ о нихъ отци, еже мы, почитающе, наслаждаемся духовныхъ тѣхъ словесъ.

Аз же, недостойный, ни разума истинны не постигъ и ничтоже от тѣхъ таковаго видѣхъ, но слышанию послѣдуа, еже ми сказа преподобный епископъ Симон, сиа написахъ твоему отечеству. И нѣсмь николиже обѣходилъ святыхъ мѣстъ, ни Ерусалима видѣхъ, ни Синайския горы, да быхъ что приложилъ к повести, якоже обычай имуть хитрословесници сим краситися. Мнѣ же да не буди хвалитися, но токмо о святѣмъ семъ монастырѣ Печерскомъ и въ немъ бывшихъ святыхъ

черноризецъ, и тѣхъ житиємъ и чюдесы, иже поминаю радуяся, желяю бо и азъ, грѣшный, святыхъ тѣхъ отецъ молитвы. Отсюду убо начало положу повести, еже о преподобнемъ Марцѣ Печерницѣ.

Бѣаше убо сий святой Марко житие имѣа в печерѣ, и при семь изнесенъ бысть святой отецъ Феодосие от пещеры въ святую великую церковь.⁹⁹³ И сий же преподобный Марко многа мѣста ископа в печерѣ своима рукама, и на своею плещу прѣсть износя, и бѣ по вся дѣни и по вся нощи тружаася о дѣле Божии. Ископа же и мѣста многа на погребении братии; от сего ничтоже взимаше, но еже самъ кто *что* дааше ему, и се приимъ, убогымъ раздаяше.

Единою же ему копающе по обычаю, и, трудився, изнеможе, остави мѣсто уско и неразширено. Лучи же ся единому от братиа, болѣвъ, къ Господу отъити в той день, и не бѣ иного мѣста, развѣ того тѣснаго. Принесенъ же бысть мертвый в пещеру, и нудима сего вложиша тесноты ради. Роптание же бысть на Марка от братии, понеже не можаху мертвого опрятати, ни масла на нь възлиати, зане бѣ мѣсто уско. Печерникъ же, съ смирениемъ всѣмъ поклоняся, глаголаше: «Простите мя, отци, за немощь недоконцахъ». Они же болма укоряху его, досаждающе ему. Марко же глагола мертвому: «Ибо тѣсно есть мѣсто се, *самъ* бо, брате, покрепися и приими масло, възлей на ся». Мертвый же простеръ руку, мало восклонся, вземъ масло, възлей на ся крестообразно, на прѣси и на лицѣ, съсуд отдасть; самъ же, предъ всеми опрятавсѣ, възлежъ, успе. И сему чюдеси бывшу, приатъ всѣхъ страхъ и трепетъ о сътвореннемъ.

Паки же инъ братъ, много болѣвъ, умре. И нѣкто же отъ другъ ему и губою отре его, и иде в пещеру, хотя видѣти мѣсто, идѣже положитися хощетъ тѣло любимаго имъ, и въпроси блаженнаго сего. Къ нему же отвѣща преподобный Марко: «Брате, иди, рци брату: “Пожди до утриа, да ископаю ти мѣсто, и тако отъидеши на онъ житиа покой”. Пришедъ же братъ глагола ему: “Отче Марко, азъ и губою отрохъ его тѣло, мертво суще, кому ми велиши глаголати?” Марко же паки рече: «Се мѣсто, видиши, не докончано. Велю ти, иди, рци умершему: “Глаголетъ ти грѣшный

Марко, брате, пребуди еще сий день, и утро отъидеши ко желаемому Господу нашему. Донележе приготоваю ти мѣсто в положение, пришлю по тя”».

Пришедый же братъ, послуша преподобнаго, прииде в монастырь и обрете всю братию, обычное пѣние над ним съвършающу. И ставъ у мертваго, и рече: «Глаголетъ ти Марко, яко мѣсто нѣсть ти уготовано, брате, но пожди еще до *утриа*». И удивишася вси словеси сему. И егда сиа изрече братъ предъ *всѣми*, и ту абие прозрѣ мертвый, душа его възвратися во нь, и пребысть день той и всю ночь, отвръстѣ имы очи, и ничтоже глагола никомуже.

Заутра же братъ онъ, приходивый прежде, иде в пещеру, хотя увѣдѣти, аще мѣсто уготовано есть. К нему же рече блаженный: «Шед, рци умершему: “Глаголетъ ти Марко – остави животъ сий временный и прииди на вечный, се бо мѣсто уготованно ти есть на приятие тѣлу твоему, *отдай* же Богу духъ твой, тѣло твое съ святыми отци здѣ положено будет в пещерѣ”». Пришедъше же братиа вся, сиа изъглагола ожившему, и ту абие смежи очи свои и предасть духъ – прѣд всѣми, пришедшими посещения ради его. И тако честнѣ положенъ бысть въ преди реченнемъ мѣсте в пещерѣ. И сему чюдеси вси удивишася: како словомъ блаженнаго оживѣ мертвый, и паки повелениемъ его преставися.

Паки же ина два брата бѣста в томъ же велицѣмъ монастырѣ Печерьском, съпряженна любовию сердечною от юности, единоумие имѣа и едину волю, еже къ Богу. Сии умолиста блаженнаго Марка, да имъ устроить мѣсто обще, и ту абие положена будета, егда Господь повелить.

По времени же мнозѣ Фиофилъ, старий брат, отъиде нѣкамо потрѣбы ради; юный же разболѣвся, отъиде на онъ житиа покой, и положенъ бысть на уготованнемъ мѣсте. По дьнехъ же нѣколицех прииде Феофилъ. Увѣдѣвъ же о братѣ, съжалиси зѣло и, поимъ нѣкиа съ собою, иде в пещеру, хотя видѣти умершаго, гдѣ и на коемъ мѣсте положенъ бысть. Видѣвъ же его, положена на вышнемъ мѣсте, негодоваше и ропташе много на Марька, глаголя: «Почто еси здѣ положилъ его? Яко азъ старѣйши его есмь, ты же положилъ его на моемъ

мѣсте». Печерникъ же, муж смиренъ сый, кланяся тому, глаголаше: «Прости мя, брате, съгрѣших к тебѣ». И сиа рекъ, глагола умершему: «Брате, вѣстани и дай же мѣсто неумершему брату, сам же лязи на нижнемъ мѣсте». И ту абие, словомъ преподобнаго, вѣста мертвый и ляже на нижнемъ мѣстѣ предъ всеми приходящими. И бѣ видѣти чудо страшно *и ужаси полно*.

Тогда же брат, роптавый и *которавый* на блаженнаго положенна ради братня, припадъ к ногама *Марковыми*, глагола ему: «Отче Марко, съгрѣших, подвигнувъ брата с мѣста. Молю ти ся, повелѣ ему, да пакы ляжеть на своемъ мѣсте». Блаженный же рече ему: «Господь отъять вражду межу нами. Се же сътвори роптания твоего ради, да не въ вѣкы враждовавъ, съблюдеши злобу на мя. Но и тѣло безъдушное являетъ сущую любовь к тебѣ, подаваа тебѣ и по смерти старѣйшинство. Хотѣхъ, да не изыдеши отсюда, да свое старѣйшинство наслѣдиши, и в сий часъ здѣ положенъ бы былъ, но понеже неготовъ еси на исход, но иди, попечися о своей души, и по малехъ днѣхъ семо принесенъ будеши. Иже бо мертвыхъ вѣставляти Божи дѣло есть, аз же человекъ грѣшенъ есмь. Но и се мертвы, бояся твоего досаждения *и моего укорения*, еже от тебѣ не трѣпя, оставилъ ти есть полъ мѣста, обще вамъ *уготованнаго*. Богъ бо можетъ въздвигнути его, азъ бо не могу рещи умершему: “Вѣстани”, и пакы: “И лязи на вышнемъ мѣсте”. Вѣспрѣти ему ты и рци, егда тебѣ послушаетъ, якоже и нынѣ”. Сиа слышавъ, Феофилъ оскорбѣ зѣло отъ страшныхъ словесъ Марковыхъ и мнѣвъ, яко ту ему падъ умрети, не ведый, аще доидеть до монастыря.

И пришедъ въ свою кѣлию, приать его плачь неутешим. Раздаявъ же все свое, да иже и до срачици, токмо остави себѣ свиту едину, тако и мантию, и бѣ ожидаа часа смертнаго. И никтоже можаше его уставити отъ горкаго плача и никогдаже кто можаше сего принудити сладкихъ брашенъ вкусити. Дни убо наставшу, глаголаше в себѣ: «Не вѣмый, аще постигну до вечера»; нощи же пришедши, плачася, глаголаше: «Что сътворю, аще доиду до утрия? Мнози, вѣсставше, вечера не достигоша и, на ложихъ своихъ легше, не вѣсставше отъ ложей

своих; то како азъ, иже извещение *приимъ* от преподобнаго, яко помалѣ скончати ми ся?» И моляшеся Богови съ слезами даровати ему врѣмя покаянию.

И сице творяше на всякъ день, алча, и моляся, и плача, на всякъ час ожидаа отъинудъ дъни, часа смертанго. Чаа от тѣла разлучения, и толма плоть свою истнии, яко и съставом его всѣмъ изочтеномъ быти. Мнози же, хотѣвше утѣшити его, и на большее рыдание приведоша его. И от многоаго плача *изъгуби си* очи; и тако пребысть вся дъни живота своего и в велице въздержании, Богови угождаа добрымъ житиемъ.

Преподобный же Марко, увѣдавъ час, иже къ Господу отшествия сврего, призвавъ Феофила и рече ему: «Брате Феофиле, прости мя, понеже оскорбих тя на многа лѣта! Се бо убо отхожду свѣта сего, и моли о мнѣ; азъ же, аще прииму дрѣзновение, не забуду тебѣ, да сподобить ны Господь тамо видѣния обрестися в *мѣсте* отца Антония и Феодосиа». Феофилъ же съ плачемъ отвеща тому, глаголя: «Отче Марко, почто мя оставляеши? Или поими мя съ собою, или даруй ми прозрѣние». Марко же к нему рече: «Брате, не скорби, понеже Бога ради ослепися очима телесными, но духовными на разум того прозрѣлъ еси. Азъ бых, брате, вина твоему ослеплению: повѣдах ти смерть, хотя души твоей ползу сътворити и высокій твой разум на смирение привести, сердца бо съкрушенна и съмирена Богъ не уничижить».⁹⁹⁴ Феофилъ же рече ему: «Вѣдѣ, отче, яко грѣхъ ради моихъ падся пред тобою, умеръ бых в печерѣ, егда мертваго вѣстави, но Господь святыхъ ради *твоихъ* молитвъ дарова ми животъ, покаания моего ожидаа. Нынѣ же сего прошу у тебѣ, да с *тобою* отъиду к Господу или даруй ми прозрѣти». Марко же рече: «Нѣсть ти трѣбѣ видѣти маловременнаго свѣта сего, проси у Господа, да тамо узриши славу его; ниже смерти желаа, приидеть бо, аще и не хочеши. Но се буди знамение твоего отшествия: прежде бо триехъ дънехъ твоего преставления прозриши, и тако ко Господу отъидеши, и тамо узриши свѣтъ некончаемый и славу неизреченную». Сиа рекъ, блаженный Марко преставися о Господѣ, и положенъ бысть въ печерѣ, идѣже самъ себѣ иськопа.

Феофилъ же сугубо рыдание възприимъ, и язву въ сердци имѣа о отчи разлучении, и проливаше источникъ слезъ, емуже паче множашеся. Имѣаше же съсуд, и егда упражняшеся на молитву, прихожаху ему слезы, и поставляше съсуд и над темь плакаше, и того наполнивъ слезъ за многа лѣта, бѣ бо по вся дѣни ожидаа проречения преподобнаго.

Егда же разумѣ, еже о Бозѣ ему скончати, моляшеся Богови прилѣжно, приатнымъ быти слезамъ его предъ нимъ, и въздѣвъ руцѣ горѣ, начатъ молитися, сице глаголя: «Владыко Господи, человекѡлюбче Иисусѣ Христе, мой Царю пресвятыи, не хотяи смерти грѣшникомъ, но ожидаа обращения, съвѣдый неможение наше, утѣшителю благый, болящимъ здравие, грѣшникомъ спасение, изнемогающимъ укрѣпителю, падающимъ въстание! Молю ти ся, Господи, в часъ сий, удиви на мене, недостойнемъ, милость свою и излий благоутробіа твоего неизъчерпаемую пучину, еже не искусити ми ся отъ въздушныхъ князь мытарьствы и не обладану быти ми *ими*, молитвами угодникъ твоихъ, великихъ отецъ нашихъ Антоніа и Феодосіа, и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка угодившихъ ти. Аминъ».

Ту абие нѣкто красенъ ста предъ нимъ и рече къ нѣму: «Добре помолися, но что се хвалиши о тщете слезъ?» И взять съсуд, паче боли того, благоуханіа исполненъ, яко миро благовонно: «Сие, – рече, – отъ твоихъ слезъ, еже въ молитвѣ къ Богу изълиалъ еси отъ сердца, еже рукою, или убрусомъ, или ризою отрѣ, или на землю отпадъ отъ очию твоею. Сіа вся събрахъ въ сѣмъ съсудѣ и съкрыхъ, повелениемъ Творца нашего, и нынѣ посланъ есмь повѣдати тебѣ радость, и съ веселиемъ отъидеши къ нему, той бо рече: “Блажени плачущи, яко ти утѣшатся”». ⁹⁹⁵ И сие рекъ, невидимъ бысть.

Блаженный же Феофилъ призва игумена и сказа ему явѣние аггела и глаголаніе, и съсуда два показа ему: единъ исполненъ слезъ, другъ же бывъ, паче ароматы, благая воня, еже повеле възлиати на тѣло свое. Самъ же въ 3 день къ Господу отъиде. И сего достоѣпно въ пещерѣ положиша близъ Марка Печерника; помазавъше того отъ съсуда аггелова, яко и всей пещерѣ наплънитися благоуханіа, и слезный же съсудъ на нь възлиавше, да сѣавы слезами пожнеть въ радости рукояти

своа: плакаху бо ся, *рече*, вметающе сѣмяна своа, сии о Христѣ утешени будут,⁹⁹⁶ – ему же слава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ.

О СВЯТЫХЪ ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЦЕХЪ ФЕОДОРЕ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

Якоже реченно есть, мати всѣмъ благынямъ – нестяжание, такоже и корень есть и мати всѣмъ злымъ – сребролюбие.⁹⁹⁷ Яко *рече* Лествичникъ: «Любяй събирати *имѣние*, сицевый до смерти иглы ради тружается,⁹⁹⁸ а не любляй имѣнія, сей Господа възлюби и заповѣди его съхрани. Таковый блюсти имѣнія не может, но расточаетъ благолѣпно, всѣмъ трѣбующимъ *подаваа*, якоже Господь *рече* въ Евангелии: «Человѣкъ, аще не отречется всего сущаго, не можетъ быти мой ученикъ»».⁹⁹⁹

И сему словеси *послѣдова* Феодоръ, оставль убо мирскаяа и богатество разда нищимъ, и бысть мних и добръ *подвизася* на добродѣтель. Повелениемъ же игуменимъ бысть житель в пещерѣ, еже зовется Варяжескаяа, и в той многа лѣта сътвори въздержася.

И сему принесе врагъ стужение и печаль немалу имѣнія ради, разданнаго имъ нищимъ, яко помышляше долготу лѣт и изнеможание плоти, яко недоволену ему быти монастырьской ядию. Испытание бо то врагъ ему принесе, онъ же не разсудивъ в себѣ, ни помяну Господа, рекшаго: «Не печетесь о утренемъ, что ямы, или что пиемъ, или въ что облечемъся; възрите же *паче* на птици небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнут, и Отець *вашъ* небесный питаетъ ихъ».¹⁰⁰⁰ Многажды же *смущаше* того врагъ и къ отчаанию хотя его привести нищеты ради истощеннаго богатства, еже убогимъ вданное. И сие вх многы дни помышляа, помрачаемъ врагомъ недостатка ради, и къ своимъ другомъ свою скорбь ясно исповедаа.

Единъ же нѣкто от съвършенѣйшихъ, имянемъ Василие, того же монастыря мних, *рече* ему: «Брате Феодоре, молю ти ся, не погуби мзды своеа. Аще ли имѣнию хочещи, все еже имамъ, дамъ ти, токмо ты рци предъ Богомъ: “Вся, яже раздахъ, твоя буди милостини”, – и ты бес печали буди, приимъ имѣние свое, но блюди, аще стерпитъ ти Господь?» Сиа слышавъ Феодоръ и убояся страхомъ велиимъ гнѣва Божиа. Иже слышавъ от того

сътворишеса в Коньстянтинѣ-градѣ¹⁰⁰¹ раскаиания ради еже о златѣ, иже въ милостыню раздааннѣмъ: како пад срѣди церкви, умре, и обоего себѣ лиши, съ златомъ бо и животъ погуби. И сиа въ умѣ приимѣ, Феодоръ плакася своего съгрѣшения и брата ублажаше, въздвигшаго его от таковаго недуга. О таковых бо рече Господь: «Аще кто изведетъ достойнаа от недостойнаго, яко уста моа суть».¹⁰⁰² И оттоле възрасте велика любовь межи има. Сему же убо Феодору добрѣ спѣюще в заповѣдех Господнихъ и тому угоднаа съврѣшающе, *велика* язва бысть диаволу, яко не възможе того богатества имѣнием прельстити, и пакы въоружается противный и ину кознь своеа погыбели тому *въставляеть*.

Василий убо посланъ бываетъ игуменом на нѣкое дѣло, и врѣмя покосно врагъ обреть своего зломудриа, преобразився в того брата подобие и входитъ к печернику, преже полѣзнаа глаголя: «Феодоре, како нынѣ пребываеши? Или преста от тебѣ рать бесовъскаа, или еще пакости ти творять люблениемъ имѣниа, *память* приносящии ти разданнаго ради *имѣниа*?» Не разумѣвъ же Феодоръ бѣса его суща, мнѣвъ, яко братъ ему сиа глаголетъ, к нему же отвѣща блаженный: «Твоими, отче, молитвами нынѣ добрѣ есть ми ся; тобою бо утвержень бых и не имамъ послушати бесовъскихъ мыслей. И нынѣ, аще что велиши, с радостью сътворю, не преслушаюся тебѣ, зане велику ползу обретохъ души твоимъ наказаниемъ». Бѣсъ же, мнимый брат, приимѣ дръзновение – зане не помяну Господа Бога – и глагола ему бѣсъ: «Другы съвѣтъ даю ти, имже покой обрящеши и въскорѣ въздание приимеши; токмо ты проси у него, и дасть ти злата и сребра множество, и не дай же к себе входить никомуже, ни сам исходи ис пещеры своеа». Печерникъ же *яко* обѣщася. Тогда отъиде от него бѣсъ.

И се невидимо помышления приношаше ему пронырливый о съкровищи, яко подвигнути его на молитву, да просит у Бога злата, и аще получит, то въ милостыню раздасть. И се видѣ въ снѣ бѣса, свѣтла же и украшена же, акы аггела, являюща тому сокровища в пещерѣ, – и се многажды виде Феодоръ. Днем же многымъ минувшимъ, пришед на показанное мѣсто, и нача

копати, и обрете съкровище, злата же и сребра множество и съсуди многоцѣнныи.

И в то врѣмя паки приходит бѣсъ въ образѣ брата и глаголетъ печернику: «Где есть съкровище, данное тебѣ? Се бо, явивыйся тебѣ, той и мнѣ сказа, яко множество злата и сребра дасть ти ся по твоей молитве». Феодоръ же не хотя тому съкровища показати. Бѣсъ же явѣ убо печернику глаголаше, втайнѣ же помышления тому влагаше, яко, взявше злата, отъити на ину страну далече. И глаголетъ: «Брате Феодорѣ, не рѣхъ ли ти, яко въскорѣ оддание примеша? Той бо рече: “Аще кто оставит домъ, или села, или имѣнія мене ради, стократцею примет и живот вѣчный наслѣдит”.¹⁰⁰³ И се уже в руку твоею есть богатество, сътвори о немъ, якоже хочещи». Печерникъ же рече: «Сего ради просих у Бога, то аще ми дасть, сие все въ милостыню раздамъ, яко сего ради дарова ми». Супостат же глаголетъ ему: «Брате Феодоре, блюди, да не паки врагъ стужить ти раздаанія ради, якоже прежде, но дасть ти се въ оного место разданного тобою убогымъ. Велю ти, да вземъ сие, идеши на ину страну и тамо притяжеша села, еже на потрѣбу, можеша бо и тамо спастися и избыти бесовскихъ козней, и по своему отшествию дати сиа имаши, аможе хочещи, и сего ради память ти будетъ». Феодоръ же к нему рече: «То не стыжусь ли, яко оставивъ миръ и вся, яже в немъ, и общахся Богови здѣ живот свой скончати, в пещерѣ сей, и нынѣ бѣгунъ бываю и мирскій житель? Аще ли ти годе есть, да в монастырѣ живу и все, елико речеши ми, сътворю». Бѣсъ же, мнимый брат, рече: «Утаити не можеша съкровища, – увѣдано будетъ *взято*, но приими мой съвѣтъ, еже ти велю. Аще бы се не угодно было Богу, не бы тебѣ даровалъ, ни мнѣ извѣстилъ».

Тогда печерникъ вѣровавъ яко брату и готовить свое исхождение ис пещеры, пристроивъ возы и ларца, в няже съкровища съберет, да изыдет, аможе хочет, повелениемъ бесовскимъ, да створить ему что зло своимъ кознодѣйствомъ, еже от Бога отлучити и святаго мѣста, и от дому Пречистыа и преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Феодосія. Богъ же, не хотя ни единому погибнути от сего святаго мѣста, и сего спасе молитвами святыхъ своихъ.

И в то время прииде Василей от послания *изуменя*, иже преже спасы печерника от помышления злаго. И прииде сий в пещеру, хотя видѣти живущаго в ней брата, и глаголетъ ему: «Феодоре, брате, како о Бозѣ *пребываеши* нынѣ?» Удивися же Феодоръ въпрошению, что вѣщаетъ тако, яко долго врѣмя не видѣвся, и рече ему: «Вчера и ономъ дни всегда бѣ съ мною и поучаа мя, и се иду, а може велиши *ми*». Василий же рече ему: «Рци ми, Феодоре, что се есть глаголь, еже глаголеши: “Вчера и ономъ дни бѣ со мною и поучаа мя?” Егда что бѣсовское привидение есть? Не утаи мене Бога ради”. Феодоръ же съ гнѣвом рече ему: «Что мя искушаеши и почто смущаеши душу мою, овогда сице ми глаголя, *ово*гда инако, и коему словеси вѣровати?» И тако отгна его от себѣ, словеса жестокаа давъ ему.

Василий же, сиа вся примъ, иде в монастырь. Бѣсъ же пакы въ образѣ Василиевъ прииде к нему и рече ему: «Погубилъ ти, брате, окаанный умъ. Не въспоманух досады твоеа, еже от тебѣ в сию нощь приахъ, но се *ти глаголю*: изыди в сию нощь скоро, возьмъ обретенное». И сиа изъглагола, бѣсъ отъиде от него.

Дни же убо наставшу, пакы прииде Василей к нему и, поимъ нѣкия съ собою от старецъ, глагола печернику: «Сиа приведохъ в послушество, яко три мѣсяци суть, отнележе с тобою видѣхся, и се третий день имамъ в монастырь, – ты же глаголаше: “Вчера и ономъ дни”. Яко нѣчто бѣсовское есть действо. Но тому приходящу, не дай же ему бесѣдовати съ собою, преже дай же молитву сътворить, и тогда разумѣши, яко бѣсъ есть». И сътвори же молитву запрещенія, святыя призвавъ на помощь, и отъиде в свою келию, утврѣдив печерника.

Бѣсъ же к тому не смѣ явитися печернику, и разумѣся лествъ диаволя Феодору. И оттоле всякого приходящаго к нему преже помолитися нудяше, и тако бесѣдоваше с ним. И оттоле укрепися на врагы *и разумѣ прониръство их*, и Господь избави его от мысленныхъ звѣрий и работну не быти имъ, якоже многым случается, в пустыни пребывающим, или в пещерахъ, или в затворѣ живущим особѣ. Велико утврѣжение трѣбе есть, да не

погыбнет от бѣсовъ, якоже сего хотѣша погубити, но избави его Господь.

Обретенное же съкровище, ископавъ яму глубоку и тамо влож, засыпа, еже от *дѣний* тѣхъ и донынѣ никтоже съвѣсть, идѣже съкровенно есть.

Самъ же вдасть себѣ в работу велию, да не пакы, празденъ бывъ, мѣсто подасть лѣности, и от того родится *бестрастие*, и пакы таже дерзость бѣсомъ будет. Постави же в печерѣ жерновы и оттоле нача работати на святую братию: от сусѣка пшеницю взимаа и ту своими руками изъмилаше, и чрезъ всю ночь безъ сна пребываше, тружася в дѣлех и молитвѣ, заутра в сусѣкъ муку отсыпаше и пакы взимаше жито. И се в многа лѣта творяше, работаа на святую братию, и легота бываше рабомъ, и не стыдяшеся о таковѣй работѣ и моляше Бога беспрестани, дабы отнялъ от него память сребролюбиа. И Господь свободи его от такового недуга, яко ни помыслити ему к тому о богатествѣ. *Злато* и сребро яко калъ вменися ему.

Времени же многу минувшу, ему в тацей работѣ и злострадании тружашущся зело. *Видѣвъ* же сего келарь,¹⁰⁰⁴ тако тружашущся, нѣкогдаже привезену бывшую жити от селѣ, и посла к нему в пещеру 5 воз, да не всегда приходя взимати жито, стужить *си*. Сей же, ссыпавъ жито в сосуды, и нача молоти, поа Псалтырь изустъ; абие утружася, възлеже, мало хотя опочинути. И се внезапно громъ бысть, и начаша жерновы молоти. И разумѣвъ бесовское дѣйство сущее, вѣставъ же блаженный, нача молитися Богови прилѣжно, и рече великим гласом: «Запрещает ти Господь, вселукавый диаволе!» Бѣсъ же не престаняше меля в жорновы. Феодоръ же пакы рече: «Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, съвергошаго вас съ небесъ и давшаго в поправление своим угодникомъ, велит ти, мною грѣшным, не престани от работы, Дѣндеже измелеши все жито, да и ты поработаеши на святую братию. И сиа рекъ, ста на молитвѣ. Бѣсъ же не смѣ преслушатися, и изъмолот жито все до свѣта 5 возъ. Феодоръ възвести келареви, да пришлет по муку. Удивив же ся келарь дивному чюдеси, яко 5 воз единою ночью измолото, и вывезе ис пещеры 5 возъ муке, таже и другаа 5 възъ прибысть мукъ.

И се дивно чудо бысть тогда, и нынѣ слышащим, събысть бо ся реченное въ Евангелии, яко: «И бѣси повинуются вамъ о имени моемъ».¹⁰⁰⁵ Се бо рече: «Дах вамъ власть наступати на змиа, и скорпия, и на всю силу вражию».¹⁰⁰⁶ И прочіе хотѣвше убо бѣси пострашити блаженнаго и съюзу себѣ работную приискавше, еже вопити имъ к тому: «Здѣ не обрящемся!»

Феодоръ же и Василий съвѣтъ богоугоденъ положиша межю собою, иже николиже мысли своеа утаити от себѣ, но сию разрѣшити и разсудити еже *по* Божию съвѣту. Василей убо в пещеру входит, Феодоръ же старости ради ис пещеры исходитъ, кѣлику же собѣ поставити хотя на вѣтхомъ дворѣ.

Бѣ бо тогда пожженъ монастырь,¹⁰⁰⁷ и плотомъ привезеномъ на брегъ на строение церьки и всемъ кѣлиамъ, и извозникомъ наатымъ возити на гору. Феодоръ же, не хотя быти инѣмъ тяжекъ, самъ на собѣ нача носити *древа*; и еже что възношаше Феодоръ, строения ради кѣлии своеа, бѣси же, пакости ему дѣюще, сметаху съ горы: сим хотяще прогнати блаженнаго. Феодоръ же рече: «Во имя Господа Бога нашего, повелѣвшаго вамъ въ свинѣа ити,¹⁰⁰⁸ велить вы мною, рабомъ своимъ, да всяко дрѣво, иже на брезѣ, на гору възнести, да будутъ бес труда работающе Богови, и тѣмъ *устроятъ* домъ молитвенный святѣй владычици нашей Богородици и кѣлии себѣ уготовятъ. Да престанете имъ пакости творя и увѣсте, яко Господь есть на мѣсте семъ». В ту же ночь не престава бѣси носяще дрѣвеса отъ Днѣпра на гору, Дѣндеже не остана ни едино дрѣво долѣ, яко сим, възградиша церковь и кѣлиа, покровъ же и мость, и елико довольно всему монастырю на потребу.

Заутра же вѣставше извозници и ехавша на брегъ, хотяще взяти дрѣво, и ни единого же обрѣтше на брезѣ, но все суще на горе, то же все не въ единомъ мѣсте кладено, но все разное, с чимъ коему быти вмѣсте: покровъ, и особъ помость, и особъ великое дубіе, неудобъ носимо за долготу, — но все цѣло на горѣ обрѣтеша. Се же дивно бысть всемъ видѣвшимъ и слышащимъ, еже сътвориша выше чловѣчьскыа силы. Се же иновѣрнымъ мноземъ невѣрно мнится, величества ради чудеси, но сведѣтели симъ прославиша Бога, творящаго предивнаа чудеса своихъ ради угодникъ. Якоже рече Господь: «Не

радуйтеся, яко дуси вам повинуются, радуйте же ся паче, яко имена ваша написана *суть* на небесѣхъ». ¹⁰⁰⁹ Но се убо съдѣа Господь в славу свою молитвъ ради святых отець нашихъ Антониа и Феодосиа.

Бѣси же не трѣпяще укоризны ихъ, иже иногда от невѣрныхъ чтомы, и поклоняемы, и мнимы аки бози, нынѣ же от угодникъ Христовыхъ небрегомы, и уничижаемы, и бесчествуемы, и акы раби куплени работаютъ и древа носят на гору, и от человекъ отгоними бывають, боящеся прещения преподобных, – вся бо лъсти ихъ Василиемъ и Феодоромъ обличишася. Видѣша же бѣсъ себѣ человекъ укаряема и въпиаше: «О злаа и лютаа ми супостата, не престаю, ни почю, до смерти ваю борясь с вами!» Не вѣдый диаволь, яко болшу венцю исходатай будет има. И навади на ня злыа человекы погубити ею, иже на прягоша лукъ свой, вещь горку, и оружие их вниде въ сердца ихъ, еже *послѣди* скажемъ.

Наймита же и извозници въздвигоша крамолу на блаженнаго, просяще найма своего, глаголюще тако: «Не вѣмы, коею кознию сему древу повелѣлъ еси на горѣ быти». Неправедный же судиа мзду взят от тѣхъ и повелѣ имъ на преподобнемъ мзду взяти, тако рекъ: «Да помогут ти бѣси платити, иже тебѣ служат», – не поминаа на ся осуждения Божиа, еже неправедно судяй сам осужденъ будетъ. ¹⁰¹⁰

И паки ратникъ диаволь въздвизаетъ бурю на преподобныа: обрѣтает нѣкоего от княжих съвѣтник, люта, и свѣрепа, и неподобна нравом, и дѣлом, и всею злобою. Приходит к сему болярину бѣсъ въ образѣ Василиевѣ, понеже знаемъ бѣ ему Василий, глаголетъ болярину сицѣ: «Иже преже менѣ *бывый* въ печерѣ Феодоръ, сей обрете съкровище, – злата и сребра множество и съсуди многоцѣннии, – и съ всѣмъ с тѣмъ хотя бежати на ину страну, аз же удрѣжах его. И се нынѣ уродствуеъ: бѣсом велит молоти *и з берега* древа носити на гору, и бывает тако, а съкровища хранит до времени, да мене утаився, и с нимъ отъидет, аможе хошет. Вы же ничтоже обращете».

И то слыша боляринъ от бѣса, и мнѣвъ его Василиа суца, приведе его къ князю Мстиславу Святоплѣчицю. ¹⁰¹¹ Бѣсъ же

сие изъглаголавъ князю, и болша сих, и рече: «Скоро сего имете и съкровище *возмете*. Аще ли не дасть, то ранами попрѣтите ему и муками; аще ли еще не дасть, *предадите* его мукамъ многимъ; аще ли же и тако не дасть, то мене призовите, и азъ обличю его прѣдъ всѣми вами и мѣсто покажу, идѣже съкровенно есть съкровище». И сие изглаголавъ бѣсѣ к нимъ злое съвѣщание, и изыде от очию их.

Рано же князь, аки на лов или на нѣкоего воина крѣпка, сам еха съ множествомъ вои, и емь блаженнаго Феодора, приведе его в дом свой. И преже убо ласканиемъ въпрошаше того, глаголя: «Отче, повѣж ми, аще съкровище обрѣте? Се бо, – рече, – разделю с тобою, и будеши отецъ отцю моему и мнѣ». Бяше бо Святополкъ в Туровѣ. Феодоръ же рече: «*Ей*, обретох и нынѣ съкровено есть в печерѣ». Князь же рече: «Много ли, отче, злата, и сребра, и съсудовъ, и кым, слышится, то съкровено есть?» Феодоръ же рече: «В Житии святаго Антония повѣдается, Варяжский поклажяй есть, понеже съсуды латиньстии суть, и сего ради Варяжскаа пещера зовется и донынѣ. Злата же и сребра бесчислено множество». Князь же рече: «Что ради не даси мнѣ, сыну своему? Сѣбе же возми, елико хоцещи». Феодоръ же рече: «Азъ от сего не трѣбую ничтоже, или велиши взяти, еже ми не на ползу, не трѣбую бо сих, яко свободну ми от сего бывшу. Не помню бо, а все бы вам повѣдалъ, яко сему работаете, азъ же свободи сый от сего».

И тогда князь съ гнѣвомъ рече слугамъ: «Сего мниха, не хотѣвша милости моеа, велю оковати по руцѣ и по нозѣ и за три дѣни не дати хлѣба ни воды». И паки въпрошенъ бысть: «Повѣж ми съкровище». Феодоръ же рече: «Не свѣмъ, гдѣ скрых его». Князь же повелѣ его мучити крѣпко, яко омочитися и власяници от крови; и посемъ повелѣ его в дымѣ *велицѣ* повѣсити, и привязати его опаки, и огонь *възгнетити*. И тогда мнози удивишася трѣпѣнию мужа, яко в росѣ въ пламени пребываше, но ни власяници его огонь прикоснуса. И нѣкто от предстоящихъ сказа о Феодорѣ, еже сътвори чудо. Въ ужастии бывъ князь, и глагола старцю: «Почто погубляеши себѣ и не даси съкровища, еже намъ достойно?» Феодоръ же рече: «Истину ти глаголю, молитвою брата моего Василиа тогда спасень бых, егда

обретох, и нынѣ отъятъ Господь память сребролюбиа от менѣ, и не вѣм, гдѣ съкрых его».

Князь же скоро посла в пещеру по святого Василиа. Сему же не хотящу приити, нужею приведоша его ис пещеры. Князь же рече ему: «Все, еже велѣлъ ми еси сътворити сему злому, и сътворих, тебѣ же хочу въ отца мѣсто имѣти». Василий же рече: «*Что* ти повелѣх сътворити?» Князь же рече: «Еже еси ми повѣдалъ съкровище, сей же не повѣсть его, и мучих его». И отвѣща Василий: «Познахъ козни злаго бѣса, прельстившаго тя, а на мене сългавша и на сего преподобнаго: мене бо не видѣ никогдаже исходяща ис пещеры своеа 15 лѣтъ». Также вси предстоящеи рѣша: «При нас еси глаголалъ князю». Василий же рече: «Всѣх вас прельстил бес, нѣсми видѣлъ князя, ни вас».

Разгнѣвав же ся князь и повелѣ бити его безъ милости. Не стрѣпѣвъ бо обличения, и шуменъ бывъ от вина, и възъярився, и вземъ стрѣлу, уязви Василиа. И егда застрѣли его, Василий же иземъ стрѣлу от утробы своеа, верже ю къ князю и рече: «Сею стрѣлою сам уязвенъ *будеши*». Еже и збысться по проречению его.

И повелѣ князь затворити ея разно, да утрѣ мучить ея злѣ, и в ту ночь оба скончашася о Господѣ. И се увѣдавшѣ братиа, и пришедше, взяша телеса ея, и погребоша их честно в пещерѣ Варяжской. В ней же подвизастася, ту же и положена быста въ одѣжи кровавей и въ власяници, яже и донынѣ цѣла сущи: еажѣ бѣ постыдѣся огонь, како сиа тлѣнию причастится?

Не по мнозех же днехъ самъ Мстиславъ застреленъ бысть в Володимери на забралѣхъ, по проречению Василиеву, биася съ Давидомъ Игоревичемъ.¹⁰¹² И тогда позна стрѣлу свою, еуже застрѣли Василиа, и рече: «Се умираю днѣсь преподобных ради Василиа и Феодора».

Да збудется реченное Господомъ: «Всяк, взимаай нож, ножом умирает».¹⁰¹³ Понеже незаконно уби, и самъ незаконно убиенъ бысть. Сиа же мученичскій венецъ *приаша* о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашем, ему же слава съ Отцемъ и *Святымъ Духомъ*.

О ПРЕПОДОБНѢМЪ СПИРИДОНѢ ПРОСКУРНИЦѢ И О АЛИМПИИ ИКОННИЦѢ. СЛОВО 34

Всяка душа *проста* свята есть, не имѣа лукавѣства в себѣ, ни льсти въ сердци. Таковий истиненъ есть Богу и челоукомъ, сицевый не можетъ съгрѣшити Богу, паче же и не хочетъ, яко съсуд Божи есть и Святому Духу жилище бываетъ, от того бо освящается душа, и тѣло, и умъ, якоже рече Господь: «Азъ же и Отець к нему приидевъ и обитель у него сътворимъ.¹⁰¹⁴ Вселю бо ся, – рече, – в ня и похожду, и буду имъ Богъ, и тии будутъ мнѣ людие». ¹⁰¹⁵ Апостолъ же рече: «Братие, вы есте *церкви* Бога жива, и Духъ Святый живетъ въ васъ»¹⁰¹⁶ Таковии на земли аггельскыи пожиша, на небесѣхъ с тѣми въ вѣки радуются: якоже в жизни неразлучени быша *от тѣхъ*, сице и по смерти с ними веселятся, еже и на конци слова скажемъ о семъ.

Сий убо преподобный Спиридонъ бяше невѣжа словомъ, но не разумомъ; не от града прииде в чернечество, но от нѣкоего села. И възприать страхъ Божи въ сердци си, и нача учитися книгамъ, и извыче весь Псалтырь изустъ. Повелениемъ же игумена Пимина Постника¹⁰¹⁷ печаше проскуры, и с нимъ братъ нѣкто, Никодимъ именемъ, ему единоумень, *единонравенъ*. Иже добре послужа в пекарници за многа лѣта, *честно* и непорочно съврѣшивше свою службу. Блаженный же Спиридонъ, отнележе в пекарницу прииде, не измени своего подвига и труда духовнаго, но свою *работу* съврѣшаше съ всяцѣмъ говѣниемъ и съ страхомъ Божиимъ, жертву чисту от своего труда принося Богови. Плодъ же, иже от устъ его, – жива и словесна жрътва, – от того приношашеся о всѣхъ и за вся *всемогущему* Богу: беспрестани бо Псалтырь поаше, и ту на всякъ день скончаваа, или дрова секи, или тѣсто меса, и сие беспрестани въ устѣхъ имѣаше.

И сему нѣкогда обычную работу съвершающу съ всяцемъ говѣниемъ, прилучися нѣкогда сему блаженному вжещи печь, якоже и всегда, на испечение просфурамъ, и от пламени огненаго загорѣся покровъ храму. Онъ же вземъ мантию свою и закры устии печи, свите же своей завязавъ рукава и сию вземъ, течаше на кладязь, и ту наливъ воды, и скоро течаше, зовый братию, да угасятъ печь и храмъ. Братия же, притекше, видѣша дивну вещь, како не изгорѣ риза и не истече вода от свиты, еуже угасиша силу огненую.

Многа же тѣснѣния *требѣ*, еже въспомянѹти всѣхъ, и похвалити, и ублажити о Господѣ скончавшихся здѣ, въ блаженнемъ семъ монастырѣ Печерскомъ. Давидъскіи рекуще: «Радуйтеся, праведнии, о Господѣ, правымъ сердцемъ подобаетъ похвала! Добре пойте ему съ вѣсклицаниемъ въ десятиструннѣмъ псалтири».¹⁰¹⁸ Не отъ прѣваго на десять часа Господу помолѣвшесѹ и тому угоднаа творяще,¹⁰¹⁹ но отъ юности Богу себѣ предавше, и многа лѣта пожиша, и добре старости къ Господу отъидоша, и ни единого дѣни и часа правила своего измениша. Насаждени быша въ дому *Божіа Матери*, тѣи процвѣтѹтъ въ дворѣхъ Бога нашего и еще умножаться въ старости маститѣ, якоже сій блаженный.

Преподобный же Алимпіе преданъ бываетъ родительма своимъ на учение иконнаго писанія. Егда бо грѣчестіи писци изъ Цариграда Божіимъ зволениемъ и пречистыа его Матере приведени быша нуждею писати церьки Печерскіа, во дѣни благовѣрнаго князя Всеволода Ярославича, при прѣподобнѣмъ игумени Никонѣ, якоже о нихъ сказано есть въ Послании Симоновѣ,¹⁰²⁰ еже показа Богъ и сътвори чюдо страшно въ церьки своей.

Мастеромъ бо олтарь мусіею кладущимъ, и образъ пречистѣй святѣй владычици нашей Богородици и приснодевѣ Маріи самъ въобразися, всѣмъ же симъ внутрь сущимъ олтаря, покладываху мусіею, Алимпій же помогаа имъ и учаея, – и видѣвше вси дивное и страшное чюдо: зрящимъ имъ на образъ, и се внезапно просвѣтисѹ образъ владычица нашеа Богородица и приснодевы Маріа паче солнца, и не могуще зрѣти, падоша ницѹ ужасни. И мало возникше, хотяху видѣти бывше чюдо, и се изъ устъ пречистыа Богоматере излете голубъ бѣлъ, и летяше горѣ ко образу Спасову, и тамо скрыея. Сіи же вси сматряху, аще ис церьки излетѣлъ есть, и всѣмъ зрящимъ, и пакы голубъ излете отъ устъ Спасовъ и леташе по *всей* церьки. Къ коемуждо святому прилѣтаа, овому на руцѣ сѣдаа, иному же на главѣ; слетѣвъ же долу, сѣде за иконою чюдотворною Богородичиною намѣстною. Долу же стоащии хотѣша яти голубъ и приставиша лѣствицю, и се не обретесѹ за иконою, ни за завѣсою. Смотрѣвши же всюду, не вѣдаху, *гдѣ съкрыея голубъ, и стояху*

вси зряще ко иконѣ, и се паки пред ними излѣте голубѣ изъ устѣ Богородичинѣ и идя на высоту ко образу Спасову. И възопиша горѣ стоящим: «Имѣте и!» Они же простроша руки, хотяху яти его, голубѣ же паки влете въ уста Спасова, отнуду изыде. И се паки свѣт, паче солнца, осия тѣхъ, изимаа зраки челоуѣчьскіа. Сии же падши ницѣ и поклонишася Господеви. С ними же бѣ сий блаженный Алимпіе, видѣвъ дѣтель Святаго Духа, пребывающу в той святѣй честнѣй церьки Печерьской.

И егда же скончаше ю пишуще, тогда блаженный Алимпіе постриженъ бысть при игумени Никонѣ. Добре извыкъ хитрости иконнѣй, иконы писати хитръ бѣ зѣло. Сий же хитрости въсхотѣ научитися не богатства ради, но Бога ради се твѣряше. Работаше бо, елико довольно бысть всѣмъ, – игумену и всей братии писаше иконы, и от того ничтоже взимаа. Аще ли же когда не имаше дѣла себѣ сий преподобный, то взимаа взаимъ злато и сребро, еже иконамъ на потрѣбу, и дѣлаше имже бѣ долженъ, и отдаваше икону за таковъ долгъ. Многажды же моляше другы своа, да въ церкви гдѣ видѣвше обѣтшавшаа иконы, и тыа к нему принесуть, и сиа обновивъ, поставляше на своихъ мѣстѣхъ.

Все же се творяше, да не празденъ будетъ, понеже святіи отци рукодѣліа мнихомъ *повелѣша* имѣти и велико се пред Богомъ положиша, якоже рече апостолъ Павелъ: «Мнѣ же и сущимъ съ мною послужите руци мои, и ни у единого же туни хлѣба ядох».¹⁰²¹ Также и сий блаженный Алимпіе. На три части разделяше рукодѣліа своа: едину часть на святыа иконы, а вторую часть въ *милостиню* нищим, а трѣтнюю часть на потрѣбу тѣлу своему. И се творяше по вся лѣта, не дадыше себѣ покоа по вся дѣни: в ноци же на пѣние и на молитву упражняшеся, дѣни же приспѣвъшу, отлучаше себѣ на дѣло, праздна же николиже бѣше видѣти его, но и събора церковнаго вины ради дѣла не отлучашеся николиже. Игуменъ же за многую его добродѣтель и чистое житіе постави его священникомъ, и в таковѣмъ чину священства добре и богоугодно пребысть.

И нѣкто от Киева богатыхъ прокаженъ сый. И много от влѣховъ и от врачей врачюемъ бываше, и от иновѣрныхъ

человѣкъ искаше помощи, и не получи, но и грѣшее себѣ приобрѣте. И нѣкто от друг его понуди его ити в Печерський монастырь и молити нѣкиа от отецъ, да помолятся о немъ. Оному же приведену бывшу в монастырь, игумень же повелѣ его напоити *зубою* от кладязя святаго Феодосиа, главу же и лицѣ ему помазаше. И абие въскипѣ весь гноемъ за невѣръствие его, якоже бѣгати его всѣмъ смрада ради. Онъ же възвратися в домъ свой и, плачася и сѣтуа, не исходя оттуду по многы дѣни, смрада ради. И глагола ко другом своимъ: «Покры срамота лице мое. Чюжъ быхъ братии моей и страненъ сыновомъ матерѣ моеа,¹⁰²² понеже не съ вѣрою приидохъ къ святыма Антонию и Феодосию». И бѣ по вся дѣни ожидаа смерти.

И поздѣ нѣкогда прииде в себѣ, помысли своа съгрѣшения, прииде къ преподобному Алимпію и покайся к нему. Блаженный же рече к нему: «Чадѣ, добре сътворилъ еси, исповѣдавъ Богови грѣхи своа предъ моимъ недостойнствомъ, рече бо пророкъ Давидъ: “Исповѣмъ на ся безаконія Господеви, и тѣмъ отпустить нечестіе сердца моего”».¹⁰²³ И много поучивъ его еже о спасеніи души, и вземъ вапницю,¹⁰²⁴ и шаровными вапы, *имиже* иконы писаше, и симъ лице ему украси и струпы гнойныа замазавъ, и сего на *пръвое* подобіе, благообразіе претвори. И приведе-го въ божественую церковь Печерскую, дасть ему причастіе святыхъ тайнъ и веле ему умытися водою, еюже священники умываются, и ту абие спадоша ему струпии и исцелѣ.

Видѣ ми разумъ блаженнаго! Христу бо уподобися:¹⁰²⁵ якоже бо Господь прокаженнаго исцелѣвъ и повелѣ ему показатися священникомъ и принести даръ за очищеніе его, сице убо и сій святой бѣгаа величанія; якоже и Христосъ слѣпаго исцелѣвъ, и не ту абие прозрѣвъ, но повеле ему ити к Силуамли купѣли и измытися, такоже и сій блаженный преже вапы украшаетъ образъ смрѣдящій невѣриа ради, честь же творить и служителемъ Божиимъ, да и тии обещанія будутъ с нимъ чудеси. Водою же того омывъ, не токмо телесныхъ проказъ *очисти*, но и душевныхъ. Того же исцеленнаго правнукъ окова кивотъ златомъ надъ святою трапезою за очищеніе того. И сему скорому исцеленію вси удивишася. Рече же к нимъ

преподобный Алимпие: «Братие! Внимайте сему рекшему: “Не можетъ рабъ двема господинома работати”.¹⁰²⁶ Якоже и сий прежде поработися врагу, чарование грѣхом, послѣди же приде къ Богу, отчаався прежде же спасения своего, и болма проказа нападе на нь невѣрствия ради его. “Просите убо, – рече Господь, – и не просто просите, но с вѣрою просите, и приимите”.¹⁰²⁷ И егда же покайся къ Богу и мене послуха постави, и скорый на милость сего ущедръ и исцели». И отъиде исцелѣвый в дом свой, и славя Бога и того рождѣшую пречистую Матерь, и преподобных отецъ наших Антониа и Феодосиа, и блаженнаго Алимпиа. Се бо новый нам Елисей, иже Неомана Сирианина от проказы исцелѣ.¹⁰²⁸

И инъ нѣкто муж христолюбецъ от того же града Кіева церковь себѣ постави и въсхотѣ сътворити церьки на украшение и великих иконъ: 5 дѣисуса¹⁰²⁹ и двѣ намѣстнии. Сий же христолюбецъ вдасть сребро двѣма мнихома монастыря Печерьскаго и доски иконныя, да сътворять рядъ съ Алимпиемъ, и еже хошет, возметъ от иконъ. Сии же мниси ничтоже рекоша Алимпиеви, и *взяста* от мужа елико хотѣста. И паки христолюбецъ посла ко мнихом, аще иконы его съдѣланы суть. Они же рѣста, яко еще злата трѣбуеть, и паки взяша от христолюбца злато и истеряста. И паки нарѣчие въспустиста мужеви, глаголавша на святого сице, яко и еще просить толико же, елико взять. Онъ же христолюбецъ с радостю вдасть. И помалѣ паки черноризци рекоста: «И еще Алимпий толико же трѣбуеть». Христолюбецъ же рече: «Аще и до десятижды въпросить, то дам, токмо благословения его хошу, и молитвы, и дѣла руку его». Алимпиеви же ничтоже вѣдящу о сем, еже мниси тии сътвориста.

Присылаеть убо муж, хотя видѣти, аще иконы написаны суть, она же черноризица възвестиста ему, тако глаголюще, яко: «Алимпий *поимае* злато и сребро с лихвою и не хошетъ писати иконъ твоих». Христолюбецъ же той прииде въ монастырь съ многою дружиною и входитъ ко игумену Никону, хотя въздвигнути крамолу на преподобнаго Алимпиа. Игумень же призва Алимпиа и рече ему: «Брате, что се неправда сиа бысть от тебѣ сыновѣ нашему? Многажды бо молив тя, да возмеш,

что хочещи, иногда же туне пишеши». Блаженны же рече: «Отче честный, вѣсть твоа святыни, яко никогдаже лѣности имѣхъ о дѣле сем. Нынѣ же не свѣмъ, о чемъ глаголеши». Игуменъ же рече, яко: «Три цены взялъ еси от седми иконъ, а иконъ не пишешь». И се, яко на обличение тому, повелѣша принести доски иконныа, мниси же призвати, имавшаа цену, на обличение его, да прятся с нимъ.

Послании же видѣша тыа иконы, написаны зѣло хитры, и принесоша а пред игумена. Яже видѣвше, вси удивишася и ужасни быша, съ трепетом ниць на земли падоша и поклонишася *нерукотворенному* образу Господа нашего Иисус Христа, и пречистѣй его Матере, и святыхъ его. И промчеса *велика* слава о сем въ всем градѣ Киевѣ. Приидоша же и она мниха, глаголавшаа на блаженнаго, не вѣдуще о сем ничтоже, и начаша стязатися съ Алимпиемъ, тако глаголюще, яко: «Три цены взялъ еси, и иконъ не пишеши». Отвещаша же вси тѣмъ, рѣша: «И се нынѣ иконы *Богом написаны* суть». Сии же *видѣвше*, и ужасошася о бывшем чудеси.

Сиа же черноризца, крадшая монастырь, обличена бывша, и от всѣхъ вещей отпадша, и изгнана бывша от монастыря Печерьскаго. Но и тако своа злобы не остана, глаголюще хулу на блаженнаго, и свѣмъ глаголюще, яко: «Мы есми *написали* иконы, господинъ же тѣхъ не хотя дати нам мзды, и се замыслилъ есть, лишивъ наю найма, и сѣлгаста на иконы, яко Богомъ написаны суть, а не суть *нами* въображени». И тако устависта народ, притѣкающъ на позоръ тѣхъ инокъ, и хотящим имъ поклонитися, сии же възбраняста, и сего ради людие вѣроваша мнихомъ, облыгающе блаженнаго Алимпиа.

Но Богъ прославляетъ святыа своа, якоже рече Господь въ Евангелии: «Не может град укрытиса, врѣху горы стоа; ниже вжагаютъ свѣтилника, поставляютъ под спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ свѣмъ *приходящимъ*».¹⁰³⁰ Также и сего преподобнаго Алимпиа не утаися добродѣтельное житие. *Дойде* же и до князя Владимирера чудо, бывшее о иконах. Бысть же нѣкогда сиче. Волею Божиею от пожара изгорѣ Подолие всѣ,¹⁰³¹ и та церьки изгорѣ, в нейже бяху иконы тыи. И по пожарѣ обрѣтошася сѣдмь иконъ тѣх цѣлы, а церьки вся изгорѣ. И се

слышавъ, князь идѣ *видѣта* бывшаго тамо чюдеси еже о иконахъ, како не изгорѣ и како написашася Божиимъ мановениемъ, и прослави всѣхъ Творца, съдѣвающаго преславнаа чюдеса молитвами угодникъ своихъ Антониа и Феодосиа. Взем же Владимиръ едину *икону*, святую Богородицю, и посла въ град Ростовъ, в тамо сущую церковь, юже сам създа,¹⁰³² иже и донынѣ стоитъ, ейже азъ самовидецъ быхъ. Се же при мнѣ сътворися в Ростовѣ: церьки тои падшиися, и та икона без вреда пребысть, и внесена бысть въ древяну церковь, якоже изгорѣ от пожара, икона же та безъ вреда пребысть, ни знамени огненаго на себѣ имущи.

И приидем убо ко иному сказанию, еже о блаженѣмъ Алимпии. Инъ нѣкто христолюбецъ дасть сему *блаженному* икону намѣстную писати. По малех же днехъ разболѣся блаженный Алимпий, иконѣ же суще не писанѣ. Боголюбецъ же притужаше блаженному. Рече же к нѣму *блаженный*: «Чадѣ, не приходи ко мнѣ, ни стужай ми, но възверзи на Господа печаль свою, еже о иконѣ, и той сътворить, якоже хочеть; икона ти въ свой праздникъ на своемъ мѣстѣ станеть». И порадовася мужъ, понеже икона до праздника напищется, и вѣру емъ словеси блаженаго, и отъиде в домъ свой, радуяся. И прииде пакы боголюбецъ онъ на канунъ Успения, хотя взяти икону, и видѣ *икону* не писану, блаженнаго же Алимпиа велми болна суща. И досажаше ему, глаголя: «Почто не възвестил ми еси своеа немощи, и азъ быхъ далъ икону иному писати, дабы праздникъ свѣтель и честенъ бывъ, нынѣ же посрамил мя еси, удрѣжавъ икону». К нему же блаженный кротцѣ отвѣщавъ: «О чадѣ, егда лѣнностію се сътворихъ? Или невѣзможно Богу икону своеа Матере словомъ написати? Азъ бо отхожу свѣта сего, якоже яви ми Господь, и по моемъ отшествии всяко утѣшить тя Богъ». Мужъ же той *отъиде* от него, печалуа, в домъ свой.

По отшѣствии же его вниде нѣкто юноша свѣтель и, взявъ вапницу, нача писати икону. Алимпий же мнѣвъ, яко разгнѣвася на нь господинъ иконы и писца иного прислалъ есть, понеже исперва аки человекъ бѣша, но скоростъ дѣла сего бесплотна показася. Овогда убо златомъ покладываше икону, овогда же на камени вапы тряше, и всѣмъ писалъ, и въ 3 часы икону написа, и

рече: «О калугѣрь,¹⁰³³ егда что недостаточно, или чим грѣших?» Преподобный же рече: «Добре *сътвори*ль еси. Богъ поможетъ тебѣ зѣло хитро написати сию икону, се тобою съдѣлалъ ю есть». Вечеру же приспѣвшу, и се невидим бысть съ иконою.

Господинъ же иконы безъ сна пребысть всю ночь от печали, понеже не бысть иконы на праздникъ, недостойна себѣ и *грѣшна* нарицаа таковыа благодати. И въставъ убо, иде въ церковь, да тамо плачется своего съгрѣшения, и отврѣзъ двѣри церкви, и видѣ икону сияющу на мѣсте своемъ, и падѣ от страха, *мнѣвъ*, яко привидение нѣкое явися ему. *Възбнувъ* же мало от страха, разумѣвъ, яко икона есть, въ трепете и ужаси мнози бѣвъ, помянувъ глаголы преподобнаго, и текъ, възбуди домашняя своа. Они же с радостью текоша въ церковь съ свѣщами и с кандилы, и видѣша икону, сияющу паче солнца, и падши ницъ на земли, и поклонишася иконѣ, и лобызаше съ веселиемъ душа.

Боголюбецъ же той прииде ко игумену и нача повѣдати *сътворившееся* чудо, еже о иконѣ, и вси вкупѣ идоша ко преподобному Алимпию, и видѣша его уже отходяща свѣта сего. И въспроси его игумень: «Отче, како и кимъ написана бысть икона?» Онъ же повѣда имъ все, еже видѣ, яко: «Аггелъ есть, – рече, – написавъ ю, и се предстоитъ, поати мя хотя». И сиа рекъ, предасть духъ. И сего опрятавше, несоша въ церковь, обычное пѣние над нимъ сътворивше, положиша его в пещерѣ съ преподобными отци, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ.

О ПРЕПОДОБНЕМЪ И МНОГОСТРАДАЛНЕМЪ ОТЦИ ПИМИНЕ И О ХОТЯЩИХЪ ПРЕЖЕ СМЕРТИ ВЪ ИНОЧЕСКИЙ ОБРАЗЪ ОБЛЕЩИСЯ. СЛОВО 35

Начало слову еже о Пиминѣ взявше, на исповѣдание снидемъ того крѣпкаго страдания, еже съ благодарениемъ трѣпѣти болѣзни доблественѣ.

Сий бо блаженный Пиминъ боленъ родися и възрасте, и того ради недуга чистъ бысть от всякиа сквѣрны и от утробы матерня и не позна грѣха. И многажды моляше родителя своа, да пострижется въ иноческий образъ. Они же, яко чадолюбци,

надѣахуся, своему житию сего хотѣвша наслѣдника имѣти, и възбраняху ему.

Сему же убо изнемогшу и въ отчаании бывшу, и принесенъ бысть в Печерський монастырь, да исцелѣть тѣх святых отецъ молитвами или *от* тѣхъ руку прииметь святой аггельскый образъ. Родителя же его, имуща сердечную *любовь* к нему, и своего чада не остависта, но всѣхъ моляще *молитися* за сына ею, да исцелѣть от недуга. Много же преподобнии тии отци потрудившеся, и ничтоже пользова его, сего бо молитвами преодолеваше всѣх, ибо не прошаше здравия, но приложения болѣзней, да не како, здоровъ бывъ, и исторженъ будетъ родителяма *своима* от монастыря, и не получить мысли своеа. Отцю же и матери пресѣдящим ему и не дадущим его пострици, и стуживъ сий блаженный, нача Богови молитися прилѣжно, да исполнит жалание его.

И се въ едину ноцъ, всѣм спящим внѣ, и се внидоша к нему аки скопци свѣтлии съ свѣщами, идѣже лежаше Пиминъ, носяще съ собою Евангелие, и свиту, и мантию, и куколь, и все, еже на потрѣбу пострыганию, и глаголаше ему: «Хощеши ли, пострижем тя?» Онъ же с радостию обещася имъ, глаголя: «Господь вы посла, господиа моа, исполнити желание *сердца* моего». Они же ту *абие* начаша въспросы творити: «Что *прииде*, брате, припадаа къ святому жертovníку сему и ко святѣй дружине сѣй? *Желаеши* ли сподобитися мнишескому великому аггельскому образу?» И прочаа вся по ряду сътвориша, якоже есть писано, таже и в великий образъ постригоша его, и облѣкше его в мантию и в куколь, и все, еже трѣбѣ, пѣвше, великаго аггельскаго образа управивше и устроивше, и целовавше его, Пимина же того нарекше, и свѣщу въжегше, рѣша: «До 40 днь и ноций сиа свѣща да не угаснетъ». Сиа вся съдѣавше, отъидоша въ церковь, власи же взявше въ убрусъ,¹⁰³⁴ положиша на гробъ святаго Феодосиа.

Братиа же, сущии в кѣлиахъ, слышаще глас пѣнїа, и тии възбудивше сущих окрестъ себѣ, мнѣвше, яко игумень нѣ с которыми постригаеть и или уже преставилься есть, и вси купно приидоша в кѣлию, идѣже болний лежа, и обрѣтоша вся спяща: отца же, и мать его, и рабы. И с тѣми внидоша ко

блаженному, и вси исполнишася благоухания, и видѣша сего весела и радостна, и облечена въ одѣжу мнишескую. И въпросиша того: «Кымъ постриженъ бысть, и что слышахомъ гласъ пѣнія? Сии же родители твои, у тебѣ бывша, и *ничтоже* от сего слышавше». Рече к нимъ болный: «Азъ *мню*, яко игуменъ, пришедъ съ братіею, постриже мя и Пимина *мя* имя нарече. И тѣхъ пѣнія бываше, еже вы слышасте, и свѣщи, рекоста, до 40 днѣй и *нощѣй* горѣти, власи же мои взявше, идоша въ церковь».

Сиа же от него слышавше, идоша въ церковь, и видѣша церковь заключену, възбужше же пономаря¹⁰³⁵ и въпросиша ихъ, аще кто входилъ есть въ церковь после павечерная молитвы? Они же отвѣщавше, рекоша, яко *никтоже* входилъ есть въ ню, но и ключа у иконома суть. Взявше же *ключа*, идоша въ церковь и видѣша на гробѣ Феодосіевѣ въ убрѣсѣ власы его, възвѣстиша игумену, и поискавше тѣхъ, кто его есть постригль, и не обретоша. Разумно же бысть всѣмъ, яко се есть промыслъ, свыше от Бога бывающъ.

Разумѣимъ же добръ о бывшемъ чудеси, аще вменитъся, рече, сему въ уставное пострижение? Понеже послушество имяше: церкви заключенъ сущи, и власомъ ту обретшимся на гробѣ святаго Феодосіа, и свѣща, доволна единого днѣи горѣти, за 40 днѣи и нощи непрестанно горѣ и не изгорѣ, и к тому пострижения не сътвориша, глаголавше ему: «Довлѣеть ти, брате Пимине, от бога данный ти даръ и нареченное ти имя».

Въпросиша же его: «Каковии быше постригшии тя?» Показавше ему книги постригания, аще от сего не суть исправили. Пиминъ же рече: «Что мя искушаеши, отче! Ты самъ съ всею братіею пришедъ и сътворивъ еже о мнѣ по написанному книгъ сихъ, и рекъ ми, яко: “Подобаетъ *ти* пострадати въ болѣзни, и егда будетъ исходъ твой, тогда здравіе подасть ти ся и своиа рука понесеши одръ”. Но моли за мя, честный отче, да подасть ми Господь трѣпѣніе».

Пребысть же блаженный Пиминъ въ тяжцей той болѣзни многа лѣта, яко гнушати его и служащимъ тому, многажды бо

оставльше его гладна и жадна два дъни или три. Сий же вся с радостию тръпяше, Бога о всѣмъ благодаряше.

Инъ же нѣкто, такоже боленъ, принесенъ бысть в Печеру и постриженъ. Мниси же, на то *устроени*, болнымъ служити, взявше и сего, несъше ко Пимину, да обѣма купно равно послужат. Небрежение же имуще о таковѣй службѣ, сию в забытие поверьгоша, и изнемогаша болнии *безводием*. Пиминъ же рече къ болящему: «Брате, понеже гнушаются служащеи намъ, смрада ради бывающаго от нас, то еще въставит тя Господь, можеши ли пребыти въ службе сей?» Болный же обѣщася блаженному до смерти своеа съ усердиемъ послужити болнымъ. Пиминъ же рече к нему: «Се Господь отъемлет болѣзнь твою от тебѣ, и к тому здоровъ бывъ, исполни обѣтъ твой и служи ми и подобнымъ мнѣ. На нерадивыа же о службе сей наводит Господь болѣзнь лютую, яко да тѣмъ наказани бывше, спасутся». И ту абие вѣста болный и служа ему, на нерадивыа же и не хотѣвшаа служити болнымъ всѣхъ обиатъ недугъ, по словеси блаженнаго.

Исцѣлѣвый же брат от недуга мало нѣкогда съгнуси въ себѣ и уклонися от Пимина, и сего алчна и жадна остави, смрада ради утробнаго. И леже въ особой храмине, и внезапно огонь зажже его, и не могый вѣстати за три дъни, и не стрѣпѣ жажи водныа, и нача вопити: «Помяните тя, Господа ради, се бо умираю *безъводиемъ*!» Слышавъ же въ друзѣ кѣлии, приидоша к нему и видѣша его одръжима недугомъ, възвѣстиша о нем Пимину, яко: «Брат, служи ти, умираетъ». Рече же блаженный: «Еже человекъ всѣтъ, то и пожнетъ:¹⁰³⁶ понеже остави мя гладна и жадна, и самъ восприалъ еси, сългавъ Богови и мою худость презрѣвъ. Но обаче учимы есмы не въздаати зла за зло,¹⁰³⁷ шедше, рците ему: “Зоветь тя Пиминъ, вѣставъ, прииде *сѣмо*”».

И егда, пришедше, изъглаголаше ему, тогда болный здоровъ бысть, и въ той часъ прииде къ блаженному, никимже водим. Преподобный же поноси тому, рекъ: «Маловѣрѣ! Се здоровъ еси; к тому не съгрѣшай. Не веси ли, яко равну мзду имѣета боляй и служи? Но трѣпѣние убогихъ не погыбнетъ до конца: здѣ убо скорбь, и туга, и недугъ в малѣ, а тамо радость и веселие,

идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни въздыхания, но жизнь вѣчнаа. Того бо ради, брате, сиа трѣплю. Богъ же, иже тебѣ мною исцѣлѣвый от недуга твоего, той может и мене въставити от одра сего и немощь мою исцѣлити, но не хочу: “Претрѣпѣвый бо до конца, – рече Господь, – той спасется”.¹⁰³⁸ Уже ми есть в жизни сей всему изгнати, да тамо плоть моа будет безъ истлѣнія, и смрадное обоняние – таможе благоухание неизреченно. Добро убо, брате, церковное предстоание, въ свѣтле и чистѣ пресвятѣмъ мѣстѣ, и съ аггельскими силами невидимо пѣснь пресвятую всылати велми богоугодно и благоприятно: церкви бо небо земное нарицается, и стоащи в той на небеси стояще мнятся. Что же ли, брате, темнаа сии и смраднаа храмина: не преже ли суда суд и преже бесконечныа муки мука? Иже болѣзнуай *достойнѣ* глаголетъ: “Трѣпя, потерпѣх Господа, и внят ми”.¹⁰³⁹ Сих ради апостолъ глаголет въ плоти болящим: “Аще убо наказания трѣпите, яко сыновом вам обрѣтается Богъ, аще ли без наказания есте, рабичища есте, а не сыновѣ”.¹⁰⁴⁰ О сих бо рече Господь: “Въ трѣпѣнии вашем стяжете душа ваша”». ¹⁰⁴¹

И в такомъ страдании лежа преподобный Пиминъ лѣтъ 20. Въ время же преставления его явишася три столпы над трапезницею и оттуду на врѣхъ церьки приидоша. О них же речено бысть в Лѣтописци.¹⁰⁴² Съвѣсть же Господь, знамение сие показавый, или сего ради блаженнаго, или ино кое смотрѣние Божие *бысть*.

В той бо день, въ нѣ же хотяше преставитися, здоровъ бысть преподобный Пиминъ и обихожаше вся кѣлиа и, всѣмъ поклоняся до земля, прощениа просяше, повѣдаа исход свой от житиа сего. И глаголаше ѿ к болящим *братиамъ*: «*Друзи и братиа моа! Въставше, проводите мя*». И абие словом его отступаше *болѣзнь* от них, и здрави бывающе, *идоша* с ним. Сам же, въшедъ въ церковь, *причастися* животворящихъ Христовыхъ тайнъ, тако, возьмѣ одрѣ, несяше *к пещере*, в нейже николиже бывалъ и николиже видѣ еа от рожения своего, и, вшедъ, поклонися святому Антонию и мѣсто показа, в немже положитися хотяща.

«Здѣ, – рече, – два брата положисте в сие лѣто, и егоже брата бе-скимы положисте, сего въ скимѣ обрящете. Хотѣ убо многажды пострищися и небрегом бысть от братиа нищеты ради, им же вменися въ грѣх; сей же дѣла достойна *показа* образу, и сего ради дарова ему Господь скиму: имущему добраа дѣла – дасть ему, от неимущаго же и еже мнится имѣа – отъимется от него; имущему убо *везде* дано будет.¹⁰⁴³ Другаго же брата, егоже въ скимѣ положиша, взята бысть от него, понеже в животѣ не въсхотѣ еа, но, умираа, рече: “Аще видите мя, уже отходяща, и тако пострижете мя”. И сего ради отъятся от него благодать, не разумѣ бо рекшаго: “Не меръвии въсхвалять тя, Господи, но мы, живии, благословимъ Господь».¹⁰⁴⁴ “Въ адѣ бо, – рече, – кто *исповѣсть ти ся?*”¹⁰⁴⁵ Таковым бо пострижение скимное ничтоже ползуетъ, аще сего дѣла добраа от муки не збавить. Третий же здѣ от давных лѣт положен. Того же скима нетлѣнна есть и блюдется ему на обличение и на осуждение, яко недостойна образу дѣла стяжавша, в лѣности же и въ гресех житие свое проводиша, не вѣдый рекшаго: “Емуже дасться много, много истяжут от него”.¹⁰⁴⁶ И аще сего Антониева и Феодосиева молитва не предварит, повиненъ есть сицевый суду». И сиа изъглаголавъ, рече ко братии: «Се приидоша постригшеи мя, пояти мя хотяще». И сиа рекъ, възлегъ, успѣ о Господѣ. Его же великою честью в печерѣ положиша. Окопавша же преже реченное мѣсто, и обретоша тако, по словеси блаженнаго, три черноризци: единаго всего истлѣвша, куколь же единъ цѣлъ бяше; два же мниха, новъ умершаа, иже убо въ скимѣ положенный, с сего скима снята бысть и на другого положена, иже бѣ не постриженъ. И много дивишася *неизреченному* суду Божию, и рекоша, яко: «Ты, Господи, *въздаси* комуждо по дѣлом его».

Да отселе, братие, мнит ми ся разумѣти: иже въ болѣзни пострижется с вѣрою, просит у Бога живота, да в чернечествѣ поработаетъ ему; обладая же животом и смертью, Господь, аще сего отведеть, то въ 11 час съ пришедшими равна *праведнымъ* сотворить его Господь.¹⁰⁴⁷ А глаголай же сице: «Аще видите мя умирающа, тогда пострижете мя», – сего суетна вѣра и пострижение.

О ПРЕПОДОБНѢМЪ ИСАКИИ ПЕЧЕРНИЦѢ. СЛОВО 36

Яко въ огни искушается злато, и чловѣчи приатни в пеще смирения. И аще убо Господу въ пустыни приступити искуситель не постыдѣся,¹⁰⁴⁸ колико паче чловѣку искусы принести хочеть! Якоже и сему бысть блаженному.

Сий бо преподобный отецъ нашъ Исакий, еще ему сущу въ мирѣмъ житии, богат бѣ купецъ, родом торопчанинъ.¹⁰⁴⁹ Сей помысли быти мнихъ, и раздаа все имѣние свое трѣбующим и монастырем, прииде к великому Антонию в пещеру, и моляшеся ему, дабы былъ мнихъ. И приатъ его Антоние, възложи на нь мнишеский образ и нарече имя ему Исакие, бѣ бо ему мирское имя Чернь.

Сий же Исакие възприатъ житие крѣпко и облечеся въ власяницу, и повелѣ купити себѣ козлищъ, и одрати его *мѣхом*, и възвълече на власиницю, и осше около его кожа сыра. И затворися в пещерѣ, въ единой улици, в кѣлии малѣ, яко четьре лакоть сущи, и ту моляше Бога съ слезами. Снѣдъ же его бѣ просфура едина, и то же чрез день, и воды в мѣру пияше. Принося же ему великий Антоние и подаваше ему оконцемъ, елико рука вместится – и тако приимаше пищу. И в такомъ житии сътвори 7 лѣтъ, на свѣтъ не исходя, ни на ребрех възлежъ, но сѣдя мало сна приимаше.

Единою же, по обычаю, наставшу вечерю, нача поклонятися, поа псалмы, даже и до полунощи, и яко утрудися, и сѣде на седалѣ своемъ. Седящу же ему и по обычаю свѣщу погасившу, и се внезапу свѣту въсиавшу в пещерѣ, яко от солнца, яко и зрак чловѣку отѣимати. И поидоша к нему два уноши прекраснѣ, и блистастася лица ихъ, аки солнце, и рѣша: «Исакие, вѣ есвѣ аггелы, а се идет к тебѣ Христос съ аггелы». И *въставъ* Исакий, и видѣ тлѣпу бѣсовъ и лица их паче солнца, единъ же *посрѣди* их сияше паче *всѣх*, и *отъ лица его луча* *исхожааху*. И глаголаста ему: «Исакие, се есть Христос, пад, поклонися ему». Исакий же не разумѣ бесовскаго дѣйства, ни памяти имѣ прекреститися, и, изъшед ис кѣлии, поклонися, акы Христу, бесовскому дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: «Нашъ еси, Исакие!»

И введоша его в кѣлию, посадиша ѱ, и начаша садитися около его. И бысть плъна кѣлиа бесовъ и улица Печерськаа. И рече единъ от бесовъ, глаголемый Христос: «Възмѣте сопѣли, и бубны, и гусли и ударяйте, а Исакий *нам спляшет*». И удариша в сопѣли, и в гусли, и в бубны, и начаша им играти. И утомивше его, остави его елико жива суца, и отъидоша, поругавшесе ему.

Заутра же, бывшу дъни и приспѣвшу вкушению хлѣба, прииде Антоний по обычаю къ оконцю и глагола ему: «Благослови, отче Исакие!» И не бѣ гласа, ни послушания. И многажды глагола Антоние, и не бѣ гласа, и рече в себѣ: «Егда преставился есть?» И посла в монастырь по Феодосиа и по братию. И пришедше же *братиа*, и *откопаше*, идѣже бѣ загражено устие, и взяше его, мняще его мертва быти; и изнесше его, положиша пред печерою, и видѣша его, яко живъ есть. И рече игумен Феодосий, яко от бѣсовьскаго дѣйства сие бысть ему. И положиша его на одрѣ, и служаше ему святой Антоний.

Въ тыа же дъни приключися Изяславу приити из Ляховъ, и нача гнѣватися Изяславъ на Онтониа про князя Всеслава.¹⁰⁵⁰ И присла Святославъ ис Чернигова в нощи по святаго Антониа. Антоний же пришед ко *Чернигову* и възлюби мѣсто, *нарицаемое* Болдины горы, ископавъ печеру и вселися ту. И есть ту монастырь Святыа Богородица на Болдиныхъ горах¹⁰⁵¹ и донынѣ близъ Чернигова.

Феодосий же, увѣдавъ, яко Антоний отшелъ есть к Чернигову, и шед съ братиею, и взявъ Исакиа, и принесе его въ кѣлию свою, и служаше ему. Бѣ бо расслабленъ умомъ и тѣлом, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни въстати, ни седѣти, но лежаше на единой странѣ, *многы* же и червие вметахуся под бедра ему с мочения и с поливания. Феодосий же сам своима рукама мыаше и опряташе; и лежа за 2 лѣта, святой же служа ему.

Се же есть дивно чудо, яко за два лѣта не вкуси хлѣба и воды, ни от какого же брашна, ни от овоща, ни языкомъ проглагола, но немъ и глух лежа 2 лѣта.

Феодосий же моляше Бога за нь и молитву творяше над ним день и ночь, Дѣндеже на *трѣтие* лѣто проглагола и

прошаше на ногу вѣстати, акы младенецъ, и нача ходити. И небрежаше въ церковь ити, и нуждею едва привлекаху его въ церковь, и *такѡ помалу нача ходити въ церковь*. И посем нача ходити на трапезницу, и *посаждаху* его кромѣ братиа, полагаху пред нимъ хлѣбъ, и не хотяше взяти его, они же влагаху в руку его. Феодосий же рече: «Положите пред нимъ хлѣбъ и не влагайте в руку его, да сам ястъ». И не ядяше всю недѣлю, и помалу оглядався, вкушаше хлѣба – и тако научашеся ясти. И симъ образом избави его великий Феодосие от козни диаволя и прелести его. Исакий же въсприа паки житие жестоко.

Феодосию же преставившуся и Стефану игуменьство приимъшу,¹⁰⁵² Исакий же рече: «Се уже прельстил мя еси, диаволе, сѣдяща на едином мѣсте, отселе уже не имам в печерѣ затворитися, но имамъ тя *побѣдити* благодатью Божию, ходя в манастири». И паки облечеса въ власяницу и на власяницу свиту тесну, *и нача уродство творити*. И нача помогати поваромъ и работати на братию, и на заутреню преже всѣхъ входя и стоаше крѣпко и непоколебимо. И егда же приспѣваше зима и мрази лютии, стоаше же въ плесницах раздраных, яко многажды примерзаху нозѣ его к камени, и не подвизася ногама, Дѡндеже отпояху утреню. И по заутрени вхожаше в поварню и приготавливаше огонь, и дрова, и воду, и тогда прочии прихождаху от братиа поварове.

Единъ же поваръ, также бѣ имянемъ тѣмъ Исакъ, и рече, посмѣяся: «Исакіе, *оно сѣдитъ вранъ чернъ*, и иди, ими его». Онъ же поклонився до земля, и шед, ятъ врана, и принесе его пред всѣми *повары*. И ужасошася вси о бывшем, и повѣдаша игумену и братии, и начаша оттоле братиа чтити его. Онъ же, не хотя славы чловѣчьскіа, нача уродство творити и пакостити нача: ово игумену, ово же братии, ово мирьским чловѣкомъ, друзии же раны ему даяху. И нача по миру ходити, и тако уродся сѣтвори.

И паки вселися в печеру, в нейже преже был, – Антоней убо преставися,¹⁰⁵³ – и нача събирати к собѣ юных от мирьскіа чади, вѣскладываше на них порты чернеческіа. Да ово от игумена Никона раны приимаше, иногда же и от родитель детей

тѣх. Блаженный же то все трѣпаше и подѣмаше раны, и наготу, и студень день и ночь.

Въ едину же ночь вжегъ пещь в кѣлии, в печерѣ, яко разгорѣся пещь, – бѣ бо утла, – и нача пламень исходити горѣ *утлизнами*, оному же нѣчим скважнии покрыти, и вѣступи босыми ногами на пламень, Дѣндеже изгорѣ пещь, и сниде ничимъже вредимъ. И ина многа повѣдаху о нем, а *иное* сам видѣх.

И тако побѣду взя на бесы, яко и *мух* ни въ что же *имя* устрашения их и *мѣчтаниа*. Глаголаше бо к ним: «Аще бо мя бѣсте и прельстили первие, понеже не вѣдахъ козней ваших и лукавѣствиа, нынѣ имамъ Господа Иисуса Христа, Бога моего, и на молитвы и отца моего Феодосиа надѣяхся, имамъ побѣдити вас». Многажды бо ему пакости дѣяху бѣси и глаголаху: «Нашъ еси, Исакие, понеже старейшему нашему поклонился еси». Онъ же глаголаше: «Вашъ старейши Антихристъ есть, а вы есте бѣси»; и знаменаваше лице свое крестнымъ знаменiemъ – и тако исчезаху бѣси.

Иногда же паки приходяху к нему, страх творяще ему в мечтѣ, яко се многъ народъ с мотыками и лыскары, глаголюще: «Раскопаемъ печеру сию и сего загребемъ здѣ»; инии же глаголаху: «Изыди, Исакие: хотятъ тя загрести». Онъ же глаголаше к ним: «Аще бысте чловѣчи были, то во дѣне ходили бысте, а *вы есте тма* и въ тмѣ ходите»; и знаменався крестомъ, и исчезаху. Иногда же страшаху его въ образѣ медвѣжии, овѣгда же лютымъ звѣремъ, овогда *львомъ*, иногда же змиа полѣзаху, оволи жабы, и мыши, и всякъ гадъ – и не възмогаша ничтоже сътворити ему.

И рѣша: «О Исакие, побѣдилъ ны еси!» Онъ же отвѣщеваше: «Якоже бѣсте вы мене прелестили во обрзѣ Иисусъ Христовъ и въ аггельстѣмъ, недостойни суще такового сана, но се въистинну является въ образѣ звѣриномъ и скотиемъ, и змиами и всякимъ гадомъ, аци же и сами есте». И оттоле не бысть пакости ему никоеаже отъ бѣсовъ, якоже и самъ повѣдаше, яко: «Се бысть ми, – рече, – за 3 лѣта брань».

И потомъ нача крѣпчаѣ жити и въздержание имѣти, пощение и бдѣние. И тако живущу ему, и приспѣ конецъ житиа его.

Разболѣвся в пещерѣ, и несоша его в монастырь, болна суца, и тако поболѣ до осмий дний, и непреминушим путемъ къ Господу отъиде в добрѣ исповѣдании. Игумен же Иоаннъ и вся братиа, опряташа тѣло его, погребоша честно съ святыми отци в пещерѣ.

Тази бо быша мниси Феодосиева монастыря, иже сияют и по смерти, яко свѣтила, и молятъ Бога за вся православныя цари и князи, и за здѣ сущую братию, и за вся работающаа въ дому Божиа Матере, и за *мирьскую чадь*, и за приходящаа и подавающаа от имѣний своих в монастырь, в немже и донинѣ добродѣтельное житие живутъ обще, вси купно, в пѣннихъ, и молитвахъ, и в послушании, на славу всемогущему Богу и пречистѣй его Матере, и святыхъ отецъ Антониа и Феодосиа, и всѣхъ преподобныхъ отецъ пещерскихъ молитвами съблюдаеми.

Да и насъ сподобить Господь молитвами ихъ изыти отъ сѣти ловящаго насъ диавола и обрѣстися в мѣсте отца Антониа и Феодосиа. И призовемъ, братие, блаженныя тыа отца и чудотворца, помощники и молитвеники тыа обрѣсти ко Господу Богу, еже не отлученномъ намъ быти преподобныхъ тѣхъ черноризецъ, не отторженомъ отъ блаженнаго и святаго того мѣста, и пренепорочныя и пречистыя Дѣвы жилища не лишеномъ быти, еже сама обѣщася, но подшимся и прочаа дни своа въ покаании препроводити и угодити Богу. Буди же всѣмъ намъ милость получитьи и жизньъ вѣчную о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, ему же слава и дрѣжава съ Отцемъ.

ВЪПРОСЪ БЛАГОВѢРНОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА О ЛАТЫНѢХ.¹⁰⁵⁴ СЛОВО 37

Прииде нѣкогда благовѣрный и великий князь Изяславъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимировъ, къ святому отцю нашему Феодосию, игумену Печерьскому, и рече ему: «Исповѣжь ми, отче, вѣру варяжскую, какова есть».

Преподобный же отецъ нашъ Феодосие и рече: «Послушай, благочестивый княже, еже въспроси благородие твое нашего смирения.

Вѣра ихъ зла и законъ ихъ нечистъ есть: во Савелиеву вѣру¹⁰⁵⁵ и въ ины ереси многы вѣступили суть и всю землю осквернили. Ты же, благовѣрный, самодрѣжче, блюди себе отъ

нихъ. Ереси бо их сиа суть: *пръвое* – иконъ не целуют; *второе* – мощи святыхъ не целуют; *третье* – крестъ на земли написавши, цѣлуют и въставше, попирают ногами; 4-е – в пост мясо ядят; 5-е – опресноки служат; 6-е – попове их крѣщаютъ въ едино погружение, а мы въ три, мы же мажемъ миромъ крѣщающаго и маслом, а они крѣщающемуся сыплютъ соль во уста, въ имя же святыхъ не наричют, но како взовут родители их, в то имя крѣщают. Сего ради вѣры латыньския бѣгати лѣпо есть, ни обычаа их дрѣжати, и камканія их не приимати, и не послушати реченное ими, зане неправо вѣруют, и глаголютъ, и нечисто живут. Ядят бо съ псы и с кошьками, пють же свой сець – зло есть и проклято сие – и ядят жолвыи, и дикія кони, и ослы, и удавленину, и медвѣдину, и бобровину. Первыя же недѣли Великаго поста и въ вторник пущаются мяса, мнихы их ядят лой, в субботу же постятся. Христианом же своих дщерий недостойтъ даати за них, ни поимати у нихъ за себе, ни братитись с ними, ни кумитись, ни цѣлованія с ними имѣти, ни ясти с ними, ни пити изъ единого съсуда. Тѣм же просящимъ у вас, дайте им, Бога ради, ясти, но въ ихъ съсудѣх; аще ли не будетъ в нихъ съсуда, въ своемъ дати и потомъ, измывъше сосуд, молитва дати. А о съгрѣшениихъ своихъ не от Бога просятъ прощенья, но прощають ихъ попове по дару ихъ. Попове же ихъ не женятся законною женою, но съ рабынями блуд творят, и службу дѣють, а грѣха собѣ в томъ не творятъ. Бискупы же ихъ дрѣжатъ наложницы и на войну ходять, перьстень на руцѣ носятъ. Мертвецы кладутъ на западъ ногами, а главою на вѣстокъ, и руцѣ по длину полагають, очи, уши же и носъ вѣскомъ залѣплюють. И женящеися поимають сестреницы. И мертвымъ тѣломъ служатъ, яко мѣртва Господа мняще, мы же службу творимъ живымъ тѣломъ, самого Господа вѣдяще одесную Отца сѣдяща, и паки судити приидетъ живымъ и мертвымъ. Они бо, латина, мѣртваа, иже мѣртву службу сѣдѣвають; мы же, живу Богу жертву чисту и непорочну приносяще, животъ вѣчны обрѣсти имамы. Тако бо писано есть: “Въздасть комуждо по дѣломъ его”.¹⁰⁵⁶ Брашна ихъ не приимати, яко многа суть тѣхъ злаа и неправеднаа. Развращенна и погыбелна вѣра ихъ, яже и жидове не творятъ, то они творятъ. Множае же в Савелиеву ересь

вступили суть, яко всѣх языкѣ поганѣйши и злѣйши суть, зане не мощно блюстися ихъ, а поганых мощно. Латина бо и Евангелие, и Апостолъ имеют, и иконы святыя, и в церковь входят, но вѣра их и законъ нечистъ. Множествомъ ереси их всю землю онечествоваша, понеже по всей земли варязи суть. Велика нужда от них правовѣрнымъ христианомъ, иже мѣжи тѣх живущей въ единомъ мѣсте. А иже кто ублюдется от нихъ, чисту вѣрунося, и пред Богомъ станетъ одесную, радуясь; аще ли самоволиемъ приблизится к нимъ, той с ними станетъ ошуею, плачась грѣко. Нѣсть бо жизни вѣчныя живущимъ в вѣре латыньстѣй, или в срачиньстей, или во арѣменьстей, ни части имѣти съ святыми в будущий векъ. Не подобаетъ бо ихъ вѣры хвалити: аще ли кто хвалитъ ихъ вѣру, таковъ обрѣтается свою хуля; или начнетъ хвалити непрестанно чюждаа вѣры, отреченныя православнаго христианства, таковъ обрѣтается двоивѣрецъ и близъ ереси есть. Ты же, чадо, таковыхъ дѣяний блюди себѣ и не присвойся ихъ, но бѣгай тѣхъ, и свою вѣру непрестанно хвали и, якоже можеша, подвижайся в ней добрыми дѣлы. Милостивъ же буди, христіюбче, не токмо до своихъ домочадець, но и до чюжихъ, и аще види нага, одежды ѹ, или гладна, или бѣдою одрѣжима, помилуй ѹ. Аще ти отъ которыхъ вѣры еретикъ или латининъ, всякого помилуй и отъ бедъ избави, и мзды отъ Бога не погрѣшиши; Богъ бо и самъ *питаеть* всѣхъ, и поганыя якоже хрестианы. Поганымъ же и иновѣрнымъ всѣмъ попечение отъ Бога, въ будущий же вѣкъ чюжды будутъ въздана блага; мы же, живуще въ православнои вѣрѣ, и здѣ есмы набдимы Господомъ, въ будущемъ же вѣцѣ спасаемы Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Аще ли кому по вѣре сей святѣй Бога ради умерети, то дрѣзновениемъ да не остается правыя вѣры, но умереть за Христа, святѣи бо, рече, за вѣру умроша, да оживутъ о Христѣ. Ты же, сыну, аще обрящеши иновѣрники съ вѣрными прѣю дѣюща и прелестию хотяща свѣсти отъ православныя вѣры правовѣрныхъ, ты же, истинно вѣдый православие, не скрывай въ себѣ, но помози правовѣрнымъ на зловѣрныя. И аще поможеши, яко добрый пастырь, овца имаша избавити отъ устъ лвовыхъ; аще ли умлѣчиши, то яко отъемъ у Христа и предаеши Сатанѣ, слово о нихъ въздаси въ день

Судный. И аще ти речет кто: “Сию вѣру и ону Богъ далъ”, ты же рци ему: “Ты кто еси, *кривовѣрне*? Мниши Бога двовѣрна? Не слышиши ли, окаанне и развращенне злою вѣрою, писано бо есть: “Тако глаголетъ Господь: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещение”.¹⁰⁵⁷ И Господь рече тако: “Лѣпо есть намъ исплѣнити всяку правду”,¹⁰⁵⁸ да сиа вся исплѣнивъ, и пакы възиде на небеса и ученикы своа пославъ на проповѣдание *въ конца* вселенныа. Тѣм же ты, *зловѣрне*, толико лѣт дръжавъ православную вѣру, и нынѣ съвратил ся еси на *зловѣрие* и поучение сатанино. То не слышалъ ли еси апостола Павла, глаголюща, яко аще и нѣции *суть* смущающе вы и хотяще *превратити* благовѣствованіе Христово, аще и ангелъ, съшед съ небесе, благовѣстит вамъ паче, не якоже мы благовѣстихом вамъ, да будет проклят.¹⁰⁵⁹ Вы же отринувше проповѣданіе апостольское и святыхъ отецъ исправленіе, приасте неправую вѣру и учение развращенно, исполнено погыбели. Того ради от нас отврѣжени бысте и отлучении, да того ради намъ с вами недостойтъ житіа приимати и *пресвятыхъ* тайнъ обще с вами причастіе имѣти или приступити ни вамъ к нашей божественей службе: зане многы ереси в вас».

О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ПОЛИКАРПА, АРХІМАДРИТА ПЕЧЕРСКАГО,¹⁰⁶⁰ И О ВАСИЛИИ ПОПѢ. СЛОВО 38

Преставися блаженный и преподобный отецъ нашъ Поликарпъ, архимандритъ Печерскій, в лѣто 6690, мѣсяца июля в 24, въ день святы мученикъ Бориса и Глѣба. И спрятавшѣ тѣло его, погребоша честно с конечными пѣсньми, якоже самъ заповѣда. По смерти же его бысть мятежъ великъ в монастырѣ. По старци оном не могоша себѣ избрати игумена, и бысть скорбь велиа въ братіи, туга и печаль – не подобаше бо таковому великому стаду ни единого часа бес пастыря быти.

Въ вторникъ же убо братіа удариша в било, и снисдошася вси въ церковь, и начаша мльбы творити къ святей Богородици. И се дивное бысть дѣло, яко единѣми усты *мнози рекоша*: «Послемся к Василию попу на Щековицю,¹⁰⁶¹ дабы был нам игумень и правитель иноческому стаду Феодосіева монастыря Печерскаго». И пришедше, вси поклонишася Василию-

презвите-ру и рекоша: «Мы, вся *братиа*, иноци, кланяемся тебѣ и хощем тя имѣти отца, игумена себѣ».

Попѣ же Василий в велице изумлении бывѣ, пад, поклонися противу имѣ и рече имѣ: «Отци и братиа, азѣ чернечество въ сердѣци *только* имѣлъ есмь, игуменьства же ради что помыслисте о моей худости?» Много же прѣвсѣ, и обещаѣ *им*. *Они* же, *поимше* его, идоша с ним в монастырь, въ день пяток. И *приеха* митрополит Никифорѣ на *пострижение* его, и Лаврѣнтий, туровскій епископѣ, и Никола, полоцкій епископѣ,¹⁰⁶² и вси игумени. Постриже же его Никифор своею рукою, и бысть игумень, *пастырь* иноком Феодосиева монастыря.

Написана бысть книга сѣа, *нарицаемая* Паторикѣ Печерскій, житѣа и чюдеса святыхъ и преподобныхъ отецъ печерскихъ Антонѣа и Феодосѣа и всѣхъ преподобныхъ отецъ печерскихъ, а повелениемъ смиренно инока Касѣяна, уставника печерскаго,¹⁰⁶³ в лѣто 6970, индикта¹⁰⁶⁴ 10, мѣсяца апрѣля 10, в субботу свѣаго и праведнаго Лазоря, друга Христова,¹⁰⁶⁵ на память святыхъ мученикѣ Терентеа и Помпиа и иже с ними,¹⁰⁶⁶ въ богоспасаемемъ градѣ Киевѣ, въ обители царстей пречистыа Богоматере и преподобныхъ отецъ *нашихъ* Антонѣа и Феодосѣа, в *Печерском* монастырѣ, свѣаго и великаго святителя и чюдотворца Христова Николы Мирь Ликийскихъ в пустынцѣ, *при княжени*и благовѣрнаго и христоролюбиваго князя Семена Александровича, при архимандрите Печерскомъ кир Николѣ,¹⁰⁶⁷ тѣхъ святыхъ молитвами преподобныхъ отецъ печерскихъ Антонѣа и Феодосѣа и святыхъ всѣхъ чюдотворецъ печерскихъ. Богу нашему слава в вѣкы. *Аминь*.

Русская правда (краткая редакция)

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова

Краткая редакция Русской Правды (далее – КП) является одним из наиболее древних сохранившихся памятников письменности Киевской Руси, а содержащаяся в ее составе так называемая Правда Ярослава, видимо, – древнейший памятник светского литературного языка древнерусского периода.

КП – свод законов первой половины XI в., разных по времени издания (здесь и далее излагаются выводы книги: Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988).

На Руси IX–X вв. создание писаного права значительно отставало от процесса развития государственности. В результате походов князей Олега, Игоря, Святослава, Владимира в Восточной Европе сложилось огромное государство – от Ладоги до Среднего Поднепровья, от Галиции и Волыни до Волго-Окского междуречья. Русь вела в это время активную внешнюю политику и заключала межгосударственные договоры (Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 21–142; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980; Он же. Дипломатия Святослава. М., 1982). Древнерусская государственность развивалась. Существовала публичная власть в виде великокняжеской династии Рюриковичей. Племенные князья находились в первой половине X в. в вассальной зависимости («под рукой») киевских великих князей, а в середине этого столетия племенное деление было заменено территориальным – по погостам и городам с волостями. Существовал и Закон Русский, которым руководствовались в судебной практике великие киевские князья. Его нормы были учтены при составлении русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Закон Русский по составу своих норм и по их содержанию восходил к племенному периоду, возможно, к племенам Среднего Поднепровья VIII – первой половины IX в. Он развился в X в. в сложный по составу

источник права. Но существовал Закон Русский, вероятно, в устной форме (аналогичным был путь развития Правд у германских и скандинавских племен). С принятием на Руси христианства как государственной религии и с распространением кириллицы появилась возможность записи сложившейся системы законодательных норм – Правды.

Поводом для такой записи стал конкретный случай – конфликт между новгородцами и варягами и правовое урегулирование их отношений Ярославом Святославичем в 1015–1016 гг. При составлении так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды (ст. 1–17 КП) из уже существовавшей правовой системы были избраны те нормы (об убийстве, ударах, увечьях, нарушении права собственности, бегстве зависимых людей), которые были необходимы для осуществления цели издания этого первого писаного судебника. Отсюда ограниченный нормативный состав статей так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды и их частичное редактирование в применении к варягам и колбягам.

Следующим этапом в развитии древнерусского светского права стало издание так называемой Правды Ярославичей, или Домениального устава (ст. 19–41 КП). Большая часть его норм была заимствована из продолжавшей использоваться устной системы права, но в составе Домениального устава эти нормы меняли и ограничивали свою функцию применительно к правовой защите княжеского господского хозяйства. Абсолютное большинство исследователей считает, что так называемая Правда Ярославичей, или Домениальный устав издана, как следует из содержания ст. 19 КП, Изяславом, Святославом и Всеволодом Ярославичами после смерти отца. Однако, как следует из текстологического анализа КП и Пространной редакции Русской Правды (далее – ПП), законодательная деятельность братьев имела место еще при жизни отца (Стратонов И. А. К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920. Отд. отт.; Зимин А. А. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. – Труды Московского гос. историко-архивного института, т. 7, М., 1954) или Домениальный устав был издан

при Ярославе Мудром, существующий ныне заголовок (ст. 19 КП) появился в тексте ошибочно, а совместная законодательная деятельность Ярославичей ограничилась запрещением кровной мести (Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде, с. 21–30).

КП включает в свой состав также «покон вирный» – изданный Ярославом Мудрым закон, регламентирующий время и корм вирника во время сбора виры – штрафа за убийство свободного человека. Особую статью составил «урок» (постановление) для мостников – оплату за ремонт моста или мостовой.

Объединение в едином своде разных по назначению и времени происхождения законов, последующее включение этого свода древнерусскими юристами в ПП и его название «Суд Ярославль Володимѣричь» позволяет предположить, что КП являлась первой кодификацией светского писаного права и проведена она была до кончины Ярослава Мудрого.

Еще в XVIII в. В. Н. Татищев и И. Н. Болтин предполагали происхождение норм КП в древнейший период, до X–XI вв. В литературе XIX в. этот вопрос конкретизировался в установлении генезиса Русской Правды из правового обычая или государственного закона. В 50–70-е годы нашего столетия связи Русской Правды с предшествующими нормами в обычном праве и Законе Русском обстоятельно изучались Л. В. Черепниным и А. А. Зиминим. Противоположный подход – утверждение государственных правовых новаций – разрабатывал С. В. Юшков, который абсолютизировал государственное нормотворчество.

В исследованиях XVIII – начала XX в. установилось традиционное и верное деление КП на Правду Ярослава, или Древнейшую Правду и Правду Ярославичей, или Домениальный устав (большой вклад в позитивную разработку истории текста КП внес в начале XX в. немецкий ученый Л. К. Гетц). Это деление, но с еще большими различиями в датировке и в определении места издания ее составных частей, сохранилось в литературе 20–80-х годов нашего столетия: Правда Ярослава, или Древнейшая Правда и Правда Ярославичей, или

Домениальный устав – соответственно – 30-е годы XI в. и 1072 г. (М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков) или 1015–1016 годы, 70-е годы XI в. (Б. Д. Греков, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин, Б. А. Рыбаков и другие) (мнения И. А. Стратонова, А. А. Зимины, М. Б. Свердлова об издании норм так называемой Правды Ярославичей, или Устава Ярославичей еще при жизни Ярослава Мудрого см. выше). Впрочем, существенным недостатком изучения Русской Правды в 40–80-е годы явилось мнение о прямых и жестких связях общественных отношений с содержанием Русской Правды (С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин) без учета относительной самостоятельности темпов и содержания развития права и в то же время без учета традиционности юридического и литературного его выражения как следствия особого значения традиции в средневековом менталитете.

КП сохранилась в двух списках середины XV в. в составе Новгородской первой летописи младшего извода: Академический список и Археографический (Комиссионный) список. В. П. Любимов отметил при их описании, что Академический список является более исправным, хотя в нем отмечается порча некоторых слов. Археографический список имеет значительное число испорченных мест (Правда Русская. Подготовили к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. М.–Л., 1940, т. I. Тексты, с. 32). Поэтому в основу издания берется Академический список с указаниями разночтений по Археографическому списку.

Лучшее научное издание КП: Правда Русская. Т. I. С. 67–81. Оно стало основой последующих научных изданий. Мы также публикуем КП по этому изданию. Тексты сверены с их факсимильным воспроизведением: Правда Русская. Под общей редакцией Б. Д. Грекова, т. III. М., 1963, с. 12–20, 24–29.

* * *

РУССКАЯ ПРАВДА

1. Если убьет человек человека, то мстить брату за брата, или сыну за отца, или отцу за сына, или сыну брата, или сыну сестры; если кто не будет мстить, то князю 40 гривен за убитого;

если это будет русин, или гридин, или купец, или ябетник, или мечник, или изгой, или словении, то назначить за него 40 гривен.

2. Или кто будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку свидетеля; если на нем не будет никакого признака ударов, то пусть придет на суд свидетель; если же не сможет прийти, то тому делу конец; если кто за себя не может мстить, то взять за него князю за обиду 3 гривны и оплату врачу.

3. Если кто ударит кого палкой, или жердью, или кулаком, или чашей, или рогом, или обухом, то платить 12 гривен; если этого виновного не настигнут для немедленного отмщения, то ему платить, а тому делу конец.

4. Если кто ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью, то 12 гривен за обиду.

5. Если же ударит мечом по руке и рука отвалится или усохнет, то 40 гривен.

6. Если после удара по ноге будет нога цела или ударенный начнет хромать, тогда детей удерживать от мщения.

7. Если же по пальцу ударит какому-либо, то 3 гривны за обиду.

8. А за ус 12 гривен и за бороду 12 гривен.

9. Если кто вынет меч, а не ударит, то тот платит гривну.

10. Если человек толкнет человека от себя или к себе, то 3 гривны, и пусть пострадавший приведет на суд двух свидетелей; если пострадавший варяг или колбяг, то пусть сам клянется.

11. Если челядин скроется или у варяга, или у колбяга, и его в течение трех дней не выведут, но обнаружат его хотя бы на третий день, то взять ему господину своего челядина, а 3 гривны за обиду.

12. Если кто поедет на чужом коне без спроса, то платить 3 гривны штрафа.

13. Если кто возьмет чужого коня, или оружие, или одежду, а хозяин опознает в своем миру, то взять ему свое, а 3 гривны за обиду.

14. Если опознает кто похищенное, то не берет его, и пусть не скажет тому, у кого находится опознанное: «Мое», но скажет

ему так: «Пойди на свод, где взял». Если же не пойдет, то пусть предъявит поручителя, что пойдет на свод в течение пяти дней.

15. Если где-нибудь взыскивают на другом долг, а он начнет отказываться, то идти ему на извод перед 12 человеками; и если окажется, что он несправедливо не отдал ему, то истец должен получить свои деньги, а за обиду 3 гривны штрафа.

16. Если кто хочет забрать челядина, опознав его как своего, то при своде вести к тому, у кого этот последний по времени господин купил, а тот отведется к следующему, пока не дойдут до третьего; тогда пусть скажет третьему: «Отдай мне своего челядина, а свои деньги ты взыщи при свидетеле».

17. Если холоп ударит свободного человека и убежит в господский дом, а господин его не будет выдавать, то холопа господину взять, и пусть уплатит господин за него 12 гривен, а после того, где тот ударенный человек встретит его, пусть убьет его.

18. А если кто ломает копье, или щит, или повредит одежду и захочет, чтобы он хозяин оставил у себя, то взять с него виновного деньги; но если тот, кто сломал, захочет приобрести, то пусть заплатит деньгами столько, сколько господин заплатил за это.

Правда, установленная Русской земле, когда собрались Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Никифор Киевлянин, Чюдин, Микула.

19. Если убьют огнищанина за обиду, то убийца платит за него 80 гривен, а людям не надо; и за княжеского подъездного 80 гривен.

20. А если убьют огнищанина в разбое, а убийцу люди не ищут, то виру платить той верви, где лежит убитый.

21. Если убьют огнищанина у клети, или у коня, или у быка, или во время кражи коровы, то убить убийцу как собаку. И тот же закон в отношении тиуна.

22. А за княжеского тиуна 80 гривен.

23. А за старшего конюха при стаде 80 гривен, как постановил Изяслав за своего конюха, когда его убили дорогобужцы.

24. А за княжеского сельского старосту и за старосту, который руководит пахотными работами, 12 гривен.

25. А за княжеского рядовича 5 гривен.

26. А за смерда и за холопа 5 гривен.

27. Если роба-кормилица или кормилец, 12 гривен.

28. А за княжеского коня, если тот с тавром, 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны, за кобылу 60 резан, а за вола гривну, а за корову 40 резан, а за трехлетку 15 кун, а за годовалую полгривны, а за теленка 5 резан, за ягненка ногата, за барана ногата.

29. А если кто уведет чужого холопа или робу, то платить ему за обиду 12 гривен.

30. Если придет человек окровавленный или с синяками, то не искать ему свидетелей.

31. А если кто крадет или коня, или волов, или обкрадывает клеть, то, если один крал, то заплатить ему гривну и тридцать резан; если их будет 18, то платить каждому человеку по три гривны и 30 резан.

32. А за княжескую борть 3 гривны, если ее сожгут или выдерут пчел и соты.

33. Если смерда будут истязать, но без княжеского повеления, то 3 гривны за обиду; а за истязание огнищанина, тиуна или мечника 12 гривен.

34. А если кто запашет межу или затешет межевой знак, то 12 гривен за обиду.

35. А если украдет ладью, то за ладью хозяину платить 30 резан, а штрафа князю 60 резан.

36. А за голубя и за курицу 9 кун, а за утку, гуся, журавля, лебедя 30 резан, а штрафа князю 60 резан.

37. А если украдут чужого пса, или ястреба, или сокола, то 3 гривны за обиду.

38. Если убьют вора на своем дворе, или у клетки, или у хлева, то так тому и быть; если продержат до рассвета, то вести его на княжеский двор; а если его убьют, но люди видели, что он был связан, то платить за него.

39. Если сено украдут, то 9 кун; и за дрова 9 кун.

40. Если украдут овцу, или козу, или свинью, а 10 человек украли одну овцу, то пусть платят по 60 резан штрафа князю, а кто поймал воров, тому 10 резан.

41. А из гривны мечнику куна, а в десятину 15 кун, а князю 3 гривны; а из 12 гривен ему 70 кун, а в десятину 2 гривны, а князю 10 гривен.

42. А это закон при сборе виры: вирнику взять 7 ведер солода на неделю, а также барана или полтуши говядины, или две ногаты; а в среду резану или сыры, в пятницу то же, а хлеба и пшена сколько смогут съесть; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 вирниц, а при въезде гривна, а если приходится на говение кормить рыбами, то считать за рыбы 7 резан; таким образом всех кун 15 на неделю, а хлеба сколько смогут съесть; пусть вирники собирают виру не более недели. Таково постановление Ярослава.

43. А это постановление для мостников: если настелят мост, то взять за работу ногату, а за городню ногата; если же у старого моста надо будет починить несколько досок, 3, 4 или 5, то взять столько же.

* * *

ПРАВДА РОСЬКАЯ

1. Убьетъ муж мужа,¹⁰⁶⁸ то мьститъ брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братучаду, либо сестрину сынови; аще не будетъ кто мьстя, то 40 гривенъ за голову;¹⁰⁶⁹ аще будетъ русинъ,¹⁰⁷⁰ либо гридинъ,¹⁰⁷¹ либо купчина, либо ябетникъ,¹⁰⁷² либо мечникъ,¹⁰⁷³ аще изъгои¹⁰⁷⁴ будетъ, либо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь.

2. Или будетъ кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока челоуѣку тому; аще не будетъ на немъ знамениа никоторагоже, то ли приидеть видокъ; аще ли не можетъ, ту тому конецъ; оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мѣзда.¹⁰⁷⁵

3. Аще ли кто кого ударить батогомъ, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию,¹⁰⁷⁶ то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конецъ.

4. Аще утнеть мечемъ, а не вынемъ его, либо рукоятью, то 12 гривнѣ за обиду.

5. Оже ли утнеть руку, и отпадетъ рука любо усохнеть, то 40 гривень.

6. Аще будетъ нога цѣла или начьнеть храмати, тогда чада смирать.¹⁰⁷⁷

7. Аще ли персть утнеть которыи любо, 3 гривны за обиду.

8. А во усь 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ.

9. Оже ли кто вынезь мечъ, а не тнеть, то тѣи гривну положить.

10. Аще ли ринеть мужъ мужа любо от себе любо к собѣ, 3 гривнѣ, а видока два выведеть; или будетъ варягъ¹⁰⁷⁸ или колбягъ,¹⁰⁷⁹ то на роту.¹⁰⁸⁰

11. Аще ли челядинъ¹⁰⁸¹ съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга,¹⁰⁸² а его за три дни не выведутъ, а познають и въ третий день, то изымати ему свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обиду.

12. Аще кто поѣдетъ на чужемъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ.

13. Аще поиметь кто чужъ конь, любо оружие, любо портъ, а познаеть въ своемъ миру,¹⁰⁸³ то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду.

14. Аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци ему: «Мое», нъ рци ему тако:¹⁰⁸⁴ «Поиди на сводъ,¹⁰⁸⁵ гдѣ еси взялъ»; или не поидеть, то поручника за пять днии.

15. Аже гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ¹⁰⁸⁶ пред 12 человекъ; да аще будетъ обидя не вдалъ будетъ, достоино ему свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ.

16. Аще кто челядинъ пояти хоцеть, познавъ свои, то къ оному вести, у кого то будетъ купилъ, а тои ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

17. Или холопъ ударить свободна мужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его, то холопа пояти, да платитъ господинъ за нь 12 гривнѣ;¹⁰⁸⁷ а за тымъ, где его налѣзутъ удареныи тои мужъ, да бьютъ его.

18. А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его деръжати у себе, то приати скота у него; а

иже естъ изломилъ, аще ли начнетъ примѣтати, то скотомъ ему заплатити, колько далъ будетъ на немъ.¹⁰⁸⁸

Правда уставлена руськои земли,¹⁰⁸⁹ егда ся съвокупилъ Изяславъ,¹⁰⁹⁰ Всеволодъ,¹⁰⁹¹ Святославъ,¹⁰⁹² Коснячко,¹⁰⁹³ Перенѣгъ,¹⁰⁹⁴ Микыфоръ Кыянинъ,¹⁰⁹⁵ Чюдинъ,¹⁰⁹⁶ Микула.¹⁰⁹⁷

19. Аще убьютъ огнищанина¹⁰⁹⁸ въ обиду, то платити за нь 80 гривенъ убици, а людемъ не надобѣ; а въ подѣздномъ¹⁰⁹⁹ княжи 80 гривенъ.

20. А иже убьютъ огнищанина в разбои, или убица не ищутъ, то вирное платити, в неже *вири*¹¹⁰⁰ голова начнетъ лежати.

21. Аже убьютъ огнищанина у клѣти,¹¹⁰¹ или у коня, или у говяда, или у коровѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто.¹¹⁰² А то же поконъ и тивуницу.

22. А въ княжи тивунъ 80 гривенъ.

23. А конюхъ старыи у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ¹¹⁰³ въ своем конюсѣ, егоже убилъ дорогобудьци.¹¹⁰⁴

24. А въ сельскомъ старостѣ княжи и в ратаинѣмъ 12 гривнѣ.

25. А в рядовници¹¹⁰⁵ княжѣ 5 гривенъ.

26. А въ смердѣ¹¹⁰⁶ и въ холопѣ¹¹⁰⁷ 5 гривенъ.

27. Аще роба¹¹⁰⁸ кормилица любо кормиличицѣ,¹¹⁰⁹ 12.

28. А за княжъ конь, иже тои с пятномъ, 3 гривнѣ, а за смердѣи 2 гривнѣ, за кобылу 60 рѣзанъ, а за волъ гривну, а за корову 40 рѣзанъ, а третьякъ 15 кунъ, а за лоньщину полъ гривнѣ, а за теля 5 рѣзанъ, за яря ногата, за боранъ ногата.

29. А оже уведеть чюжъ холопъ любо робу, платити ему за обиду 12 гривнѣ.

30. Аще же приидеть кровавъ мужъ любо синь, то не искати ему послуха.

31. А иже крадетъ любо конь, любо волы, или клѣтъ, да аще будетъ единъ кралъ, то гривну и тридесять рѣзанъ платити ему; или ихъ будетъ 18,¹¹¹⁰ то по три гривнѣ и по 30 рѣзанъ платити мужеви.

32. А въ княжѣ борти¹¹¹¹ 3 гривнѣ, любо пожгутъ, любо изудрутъ.

33. Или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны; а въ огнищанинѣ, и в тивуницѣ, и въ мечниці 12 гривнѣ.

34. А иже между переореть любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ.

35. А оже лодью украдетъ, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ.

36. А въ голубѣ и въ куряти 9 кунъ, а въ уткѣ, и въ гусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанъ; а продажи 60 рѣзанъ.

37. А оже украдутъ чюжь песъ, любо ястребѣ, любо соколѣ, то за обиду 3 гривны.

38. Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то тои убить; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжъ дворъ; а оже ли убьютъ, а люди будутъ видѣли связанъ, то платити в немъ.

39. Оже сѣно крадутъ, то 9 кунъ; а въ дровехъ 9 кунъ.

40. Аже украдутъ овъцу, или козу, или свинью, а ихъ будетъ 10 одну овъцу укралѣ, да положить по 60 рѣзанъ продажи; а хто изималъ, тому 10 рѣзанъ.

41. А от *гривне* мечнику куна, а в десятину 15 кунъ, а князю 3 гривны, а от 12 гривну емъцю¹¹¹² 70 кунъ, а в десятину 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ.

42. А се *поконъ* вирнии: вирнику взяти 7 вѣдоръ солоду на недѣлю, тѣже овенъ любо полоть, или двѣ ногатѣ; а въ среду рѣзану вѣже сыры, в пятницу тако же; а хлѣба по кольку могутъ ясти, и пшена; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити и сути имъ на ротъ, колько могутъ зобати; а вирнику 60 гривенъ¹¹¹³ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици, а передѣ гривна; или ся пригоди в говѣние рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ; тѣ всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю; а борошна колько могутъ изъести; до недѣли же виру *сберуть* вирници. То ти урокъ Ярославль.

43. А се урокъ мостъниковъ:¹¹¹⁴ аще помостивше мостъ, взяти от дѣла ногата, а от городници¹¹¹⁵ ногата; аще же будетъ ветхаго моста подтвердить нѣколико доскъ, или 3, или 4, или 5, то тое же.

Русская правда (пространная редакция)

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова

Традиционное название – Пространная редакция Русской Правды (далее – ПП) – вводит в заблуждение. В сочетании с другим традиционным названием – Краткая редакция Русской Правды (далее – КП) – оно приводит к мнению, что существовал некий юридический памятник – Русская Правда, которая имела две редакции, краткую и пространную. Но это не так. ПП являлась сводом законов и представляла собой вторую кодификацию писаного русского права. Древнерусские юристы включали в ее состав законы, разные по времени и по происхождению. В их числе находилась и КП (Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988, с. 106–170). Таким образом, КП и ПП являются двумя различными памятниками юридической мысли и древнерусской письменности.

Создание ПП исследователи датировали по-разному и с существенными различиями в толкованиях, от первой трети XII в. (большинство исследователей) до начала XIII в. (Н. Л. Дювернуа, С. В. Ведров, В. О. Ключевский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Я. Н. Щапов и другие). Верным представляется первое мнение. ПП была издана, вероятно, в киевское великое княжение Владимира Всеволодовича Мономаха (1113–1125) или Мстислава Владимировича Великого (1125–1132). Позднее, в период политического распада Киевской Руси на множество самостоятельных княжеств такая общерусская кодификация писаного права была невозможна. Выполнен был этот свод так удачно, что до конца XV в. он использовался в качестве источника светского права (Зимин А. А. Традиции Правды Русской в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. – Исследования по истории и историографии феодализма: к 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982).

ПП написана прекрасным литературным древнерусским языком без диалектизмов. Вместе с тем она является

замечательным и еще не оцененным литературным произведением. Со свойственным средневековому реализму лаконизмом излагает ПП самые различные жизненные ситуации в связи с правонарушениями, в связи с отношениями господства и подчинения, в связи с долгом и наследованием, судебно-следственной процедурой и так далее. Литературно формулировки юридических норм изложены по-разному, от лапидарных клише до обстоятельного изложения. В текст включена прямая речь, что также придает ПП стилистическое разнообразие.

В течение долгого периода практического использования ПП в XII–XV вв. ее текст развивался. В. П. Любимов доказал, что списки ПП делятся на три группы: Синодально-Троицкую, Пушкинскую и Карамзинскую, которые подразделяются на виды. Синодально-Троицкая группа наиболее близка к архетипу, тогда как другие группы являются более поздними по происхождению и содержат дополнительные статьи (Правда Русская, т. I. М.–Л., 1940, с. 34–54). Поэтому текст издается по наиболее исправному Троицкому I списку (XIV в.), относящемуся к Синодально-Троицкой группе списков.

Лучшее издание ПП: Правда Русская, т. I, с. 89–457. Издаваемый текст Троицкого I списка сверен с его факсимильным воспроизведением: Правда Русская, т. III, М. 1963, с. 43–67.

* * *

СУД ЯРОСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА. РУССКАЯ ПРАВДА.

1. Если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата; если никто из них не будет за него мстить, то назначить 80 гривен за убитого, если он княжий муж или княжеский тиун; если он будет русин, или гридин, или купец, или боярский тиун, или мечник, или изгой, или Словении, то назначить за него 40 гривен.

2. По смерти Ярослава, снова собравшись, сыновья его, Изяслав, Святослав, Всеволод, и мужи их, Коснячко, Перенег, Никифор, отменили месть за убитого, заменив ее выкупом

деньгами; а все остальное – как Ярослав судил, так и сыновья его установили.

3. Об убийстве. Если кто убьет княжего мужа в разбое, а убийцу не ищут, то виру в 80 гривен платить верви, где лежит убитый, если же простой свободный человек, то 40 гривен.

4. Если которая-либо вервь будет платить дикую виру, пусть выплачивает ту виру столько времени, сколько будет платить, потому что они платят без преступника.

5. Если преступник является членом их верви, то в этом случае помогать общинникам преступнику, поскольку ранее он им помогал выплачивать виру; если же выплачивать дикую виру, то платить им всем вместе 40 гривен, а за преступление платить самому преступнику, а из совместной платы 40 гривен ему заплатить свою часть.

6. Но если кто убил открыто, во время ссоры или на пиру, то теперь ему так платить вместе с вервью, поскольку и он вкладывается в виру.

7. Если кто свершит убийство без причины. Если кто свершил убийство без всякой ссоры, то люди за убийцу не платят, но пусть выдадут его самого с женою и детьми на изгнание и на разграбление.

8. Если кто не вкладывается в дикую виру, тому люди не помогают, но он платит сам.

9. А это вирные постановления, которые были при Ярославе: вирнику взять 7 ведер солода на неделю, а также барана или полтуши говядины, или 2 ногаты; а в среду куна или сыр, в пятницу столько же, две куры ему на день, а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков, а гороха 7 уборков, а соли 7 голважень; все это – вирнику с отроком, а коней содержат четырех, на каждого коня давать овес: вирнику – 8 гривен, а 10 кун – перекладная подать, а метельнику – 12 векш, и еще ссадная гривна.

10. О вирах. Если вира 80 гривен, то вирнику 16 гривен и 10 кун и 12 векш, а ранее – ссадная гривна, а за убитого – 3 гривны.

11. О княжеском отроке. Если за княжеского отрока, или за конюха, или за повара, то вира 40 гривен.

- 12.** А за тиуна огнищного и за конюшего – 80 гривен.
- 13.** А за тиуна княжеского сельского или руководящего пахотными работами – 12 гривен.
- 14.** А за рядовича – 5 гривен. Столько же и за боярского рядовича.
- 15.** О ремесленнике и ремесленнице. А за ремесленника и за ремесленницу – 12 гривен.
- 16.** А за смерда и холопа 5 гривен, а за робу – 6 гривен.
- 17.** А за кормильца 12 гривен, столько же и за кормилицу, хотя это будет холоп или роба.
- 18.** О недоказанном обвинении в убийстве. Если на кого будет недоказанное обвинение в убийстве, то выставить 7 свидетелей, чтобы они отвели обвинение; если же обвиняемый варяг или какой иной иноземец, то выставить двух свидетелей.
- 19.** А за останки и за мертвеца, если не ведомо его имя и он неизвестен, то вервь не платит.
- 20.** Если отведет обвинение в убийстве. А если кто отведет обвинение в убийстве, то дает отроку гривну кун за оправдание; а кто его недоказанно обвинил, то тому дать другую гривну, а за помощь в отведении обвинения в убийстве 9 кун.
- 21.** Если ищут свидетеля и не найдут, а истец обвиняет в убийстве, то рассудить их испытанием железом.
- 22.** Так же и во всех судебных делах, о воровстве и о клевете, если не будет поличного, а иск не менее полугривны золота, то тогда принудительно привести ответчика к испытанию железом; если же менее значительный иск, то к испытанию водой; если до двух гривен или менее, то идти ему на судебную клятву в отношении своих кун.
- 23.** Если кто ударит мечом. Если кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью, то 12 гривен штрафа в пользу князя за обиду.
- 24.** Если же, вынув меч, не ударит, то гривна кун.
- 25.** Если кто кого ударит батоном, или чашей, или рогом, или тыльной стороной оружия, то 12 гривен.
- 26.** Если кто, не утерпев, ударит мечом того, кто нанес удар, то вины ему в этом нет.

27. Если посечет руку, и упадет рука или усохнет, или нога, или глаз или нос повредит, то полувиры 20 гривен, а пострадавшему за увечье 10 гривен.

28. Если повредит какой-либо палец – 3 гривны штрафа князю, а пострадавшему гривна кун.

29. Если придет окровавленный человек. Если придет на княжеский двор человек окровавленный или избитый до синяков, то не искать ему свидетелей, а платить ему виновному штраф князю 3 гривны; если следов побоев нет, то привести ему свидетеля в соответствии со словами его показания; а кто начал драку, тому платить 60 кун, если даже и придет окровавленный человек, но он сам начал, и придут свидетели, то за это ему платить, хотя его же и били.

30. Если кто ударит мечом, но не зарубит насмерть, то 3 гривны, а самому пострадавшему гривна за рану на лечение, если зарубит насмерть, то платить виру.

31. Если человек толкнет человека к себе или от себя, или по лицу ударит, или жердью ударит, и представят двух свидетелей, то 3 гривны штрафа князю; если будет варяг или колбяг, то вывести на суд свидетелей сполна тоже двух и пусть они идут на судебную клятву.

32. О челяди. Если челядин скроется, и объявят о нем на торгу, а в течение 3 дней его не вернут, то, если опознают его на третий день, господину забрать своего челядина, а тому укрывателю заплатить 3 гривны штрафа князю.

33. Если кто сядет на чужого коня. Если кто сядет на чужого коня без спросу, то 3 гривны.

34. Если у кого пропадет конь, оружие или одежда и он объявит о том на торгу, а после опознает пропажу в своем городе, то взять ему свое наличием, а за ущерб платить ему 3 гривны.

35. Если кто познает свое, что у него пропало или было украдено, или конь, или одежда, или скотина, то не говори тому у кого пропажа обнаружена: «Это мое», но пойдти на свод, где он взял, пусть сойдутся участники сделки и выяснят, кто виноват, на того и падет обвинение в краже; тогда истец возьмет свое, а что пропало вместе с этим, то ему виновный выплатит; если

будет конокрад, то выдать его князю на изгнание; если вор, обокравший клеть, то ему платить 3 гривны.

36. О своде. Если будет свод в одном городе, то идти истцу до конца этого свода; если будет свод по разным землям, то идти ему до третьего свода; а в отношении наличной краденой вещи, то третьему ответчику деньгами платить за наличную вещь, а с наличной вещью идти до конца свода, а истец пусть ждет остального из пропавшего, а где обнаружат последнего по своду, то тому платить за все и штраф князю.

37. О воровстве. Если кто купил что-либо ворованное на торгу, или коня, или одежду, или скотину, то пусть он выведет свидетелями двух свободных человек или сборщика торговых пошлин; если же он не знает, у кого купил, то пусть те свидетели идут на судебную клятву в его пользу, а истцу взять свое украденное; а что вместе с этим пропало, то о том ему лишь сожалеть, а ответчику сожалеть о своих деньгах, поскольку не знает, у кого купил краденое; если позднее ответчик опознает, у кого это купил, то пусть возьмет у него свои деньги, а тому платить за все, что у него ответчика пропало, а князю штраф.

38. Если кто опознает свою челядь. Если кто опознает своего украденного челядина и вернет его, то он должен вести его по денежным сделкам до третьего свода и взять у третьего ответчика челядина вместо своего, а тому дать опознанного: пусть идет до последнего свода, потому что он не скот, нельзя ему говорить: «Не знаю, у кого я куплен», но идти по показаниям челядина до конца; а когда будет выявлен истинный вор, то опять вернуть господину украденного челядина, а третьему ответчику взять своего, и за ущерб истцу тому же вору платить, а князю 12 гривен штрафа за кражу челядина.

39. О своде же. А из своего города в чужую землю свода нет, но также представить ответчику свидетелей или сборщика пошлин, перед которым была совершена покупка, а истцу взять наличное, а об остальном, что с ним пропало, только сожалеть, а тому, кто купил краденое, сожалеть о своих деньгах.

40. О воровстве. Если убьют кого-либо у клетки или во время какого иного воровства, то его можно убить как собаку; если продержат его до рассвета, то вести на княжеский двор;

если же убьют его, а люди видели его уже связанным, то платить за него 12 гривен.

41. Если кто крадет скот в хлеве или клеть, то если один крал, то платить ему 3 гривны и 30 кун; если же их много крало, то всем платить по 3 гривны и по 30 кун.

42. О воровстве же. Если крадет скот в поле, или овец, или коз, или свиней, то 60 кун; если воров будет много, то всем по 60 кун.

43. Если крадет на гумне или зерно в яме, то сколько их крало, всем по 3 гривны и по 30 кун.

44. А у кого что пропало, но будет обнаружено в наличии, пусть наличное возьмет, а за каждый год пусть возьмет по полугривне.

45. Если же наличного не будет, а это был княжеский конь, то платить за него 3 гривны, а за других по 2 гривны.

А это постановление о скоте. За кобылу – 60 кун, а за вола – гривна, а за корову – 40 кун, а за трехлетку – 30 кун, за годовалого – полгривны, за теленка – 5 кун, за свинью – 5 кун, а за поросенка – ногата, за овцу – 5 кун, за барана – ногата, а за жеребца, если он необъезжен – гривна кун, за жеребенка – 6 ногат, за коровье молоко – 6 ногат; это постановление для смердов, если платят князю штраф.

46. Если окажутся воры холопами, то суд княжеский. Если окажутся воры холопами, или княжескими, или боярскими, или принадлежащими монахам, то их князь штрафом не наказывает, потому что они несвободны, но пусть вдвойне платит их господин истцу за ущерб.

47. Если кто денег взыщет на ком-либо. Если кто взыщет на другом денег, а тот станет отказываться, то если истец выставит против него свидетелей, а те пойдут на судебную клятву, то пусть он возьмет свои деньги; а поскольку ответчик не отдавал ему деньги в течение многих лет, то заплатить ему за ущерб 3 гривны.

48. Если какой-либо купец даст другому купцу денег для местных торговых сделок или для дальней торговли, то купцу не нужно предъявлять деньги перед свидетелями, свидетели ему

на суде не нужны, но идти ему самому на судебную клятву, если ответчик станет запереться.

49. О товаре, данном на хранение. Если кто кладет товар на хранение у кого-либо, то здесь свидетель не нужен, но если положивший товар на хранение станет необоснованно требовать большего, то идти на судебную клятву тому, у кого товар лежал, и пусть скажет: «Ты у меня положил именно столько, но не более», ведь он его благодетель и хранил товар его.

50. О проценте. Если кто дает деньги под проценты, или мед с возвратом в увеличенном количестве, или зерно с возвратом с надбавкой, то следует ему представить свидетелей: как договаривались, так ему и получить.

51. О месячном проценте. А месячный процент брать ему кредитору, если договорились о малом сроке; если же деньги не будут выплачены в срок, то дают ему деньги в треть, а от месячного процента отказаться.

52. Если свидетелей не будет, а долг составит 3 гривны кун, то идти ему на судебную клятву с иском на свои деньги; если же долг составил большую сумму, то сказать ему так: «Сам виноват, что давал в долг без свидетелей».

53. Устав Владимира Всеволодовича. А это постановил Владимир Всеволодович после смерти Святополка, создав свою дружину в Берестове: Ратибора, киевского тысяцкого, Прокопия, белгородского тысяцкого, Станислава, переяславского тысяцкого, Нажира, Мирослава, Иванко Чудиновича, мужа Олега, и постановили, что долг взимают из процента на два третий, если должник берет деньги в треть; если кто возьмет проценты дважды, то тогда ему взять сам долг; если он возьмет проценты трижды, то самого долга ему не брать.

Если кто взимает по 10 кун на гривну за год, то этого не запрещать.

54. Если какой-нибудь купец потерпит кораблекрушение. Если какой-нибудь купец, отправившись куда-либо с чужими деньгами, потерпит кораблекрушение, или нападут на него, или от огня пострадает, то не творить над ним насилия, не

продавать его; но если он станет погодно выплачивать долг, то пусть так и платит, ибо эта погуба от Бога, а он не виноват; если же он пропьется или пробьется об заклад проспорит, или по неразумению повредит чужой товар, то пусть будет так, как захотят те, чей это товар: будут ли ждать, пока он выплатит, это их право, продадут ли его, это их право.

55. О долге. Если кто-нибудь будет многим должен, а приехавший из другого города купец или чужеземец, не зная того, доверит ему свой товар, а тот станет не возвращать гостю денег, и первые заимодавцы станут ему препятствовать, не давая ему денег, то вести его на торг, продать его вместе с имуществом, и в первую очередь отдать деньги чужому купцу, а своим – те деньги, что останутся, пусть они разделят; если будут княжеские деньги, то княжеские деньги отдать в первую очередь, а остальное в раздел; если кто взимал уже много процентов, то тому свою часть долга не брать.

56. Если закуп бежит. Если закуп бежит от господина, то становится полным холопом ; уйдет ли в поисках денег, но уходит открыто, или бежит к князю или к судьям из-за оскорблений своего господина, то за это его не превращают в холопы, но дать ему княжеское правосудие.

57. О закупе же. Если у господина пашенный закуп, а он погубит своего коня, то господину не надо платить ему, но если господин дал ему плуг и борону и от него же взимает купу, то, погубив их, он платит; если же господин отошлет его по своему делу, а что-либо господское погибнет в его отсутствие, то за это ему платить не надо.

58. О закупе же. Если из запертого хлева скот выведут, то закупу за это не платить; но если он погубит скот на поле, не загонит его во двор или не затворит, где ему велит господин, или во время работы на себя, и погубит его, то за это ему платить.

59. Если господин нанесет ущерб закупу, причинит вред его купе или личной собственности, то это все ему возместить, а за ущерб ему платить 60 кун.

60. Если господин возьмет на нем больше денег, то вернуть ему деньги, которые взял сверх меры, а за ущерб ему платить 3

гривны штрафа князю.

61. Если господин продаст закупа в полные холопы, то должнику под проценты свобода во всех взятых в долг деньгах, а господину за обиду платить 12 гривен штрафа князю.

62. Если господин бьет закупа за дело, то он не виновен; если он бьет не соображая, пьяным и без вины, то следует платить штраф князю как и за свободного, так и за закупа.

63. О холопе. Если полный холоп украдет чьего-либо коня, то платить за него 2 гривны.

64. О закупе. Если закуп украдет что-либо, то господин волен в нем; но если где-нибудь его найдут, то господин должен прежде всего заплатить за его коня или иное, что он взял, а его закупа делает полным холопом; а если господин не захочет платить за него и продаст его, то прежде всего пусть отдаст за коня, или за вола, или за товар, что взял чужого, а остальное взять ему самому себе.

65. А это, если холоп ударит. Если холоп ударит свободного человека и убежит в дом, а господин его не выдаст, то платить за него господину 12 гривен; а затем, если где найдет тот ударенный своего ответчика, который его ударил, то Ярослав постановил его убить, но сыновья после смерти отца постановили выкуп деньгами, либо бить его, развязав, либо взять гривну кун за оскорбление.

66. О свидетельстве. А свидетельства на холопа не возлагают; но если не будет свободного, то по необходимости возложить на боярского тиуна, а на других холопов не возлагать.

А в малом иске по необходимости возложить свидетельство на закупа.

67. О бороде. А кто повредит бороду и останутся следы этого и будут свидетели, то 12 гривен штрафа князю; если же свидетелей нет и обвинение не доказано, то штрафа князю нет.

68. О зубе. Если выбьют зуб и кровь видят у него пострадавшего во рту, и будут свидетели, то 12 гривен штрафа князю, а за зуб гривна.

69. Если кто украдет бобра, то 12 гривен.

70. Если будет разрыта земля или обнаружен признак снасти, которой производился отлов, или сеть, то по верви искать у себя вора или платить верви княжеский штраф.

71. Если кто уничтожит знак собственности на борти. Если кто уничтожит знак собственности на борти, то 12 гривен.

72. Если межу порубит бортную или пашенную распашет или забором перегородит дворовую межу, то 12 гривен штрафа князю.

73. Если подрубит дуб со знаком собственности или межевой, то 12 гривен штрафа князю.

74. А это дополнительные пошлины. А это дополнительные пошлины к штрафу в 12 гривен: отроку – 2 гривны и 20 кун, а самому судебному исполнителю ехать с отроком на двух конях, и давать им на каждого овса, а мяса дать – барана или полтуши говядины, а остального корма – сколько эти двое съедят, а писцу – 10 кун, перекладного – 5 кун, за мех две ногаты.

75. А это о борти. Если борть подрубит, то 3 гривны штрафа князю, а за дерево – полгривны.

76. Если украдет рой пчел, то 3 гривны штрафа князю; а за мед, если пчелы не приготовлены на зимовку, то 10 кун, если подготовлены, то 5 кун.

77. Если вор не будет обнаружен, то пусть ищут по следу; если след будет к селу или к торговому стану, а люди не отведут от себя следа, не поедут вести расследование или силой откажутся, то им платить украденное и штраф князю; а вести расследование с другими людьми и со свидетелями; если след потеряется на большой торговой дороге, а рядом не будет села или будет незаселенная местность, где нет ни села, ни людей, то не оплачивать ни штрафа князю, ни украденного.

78. О смерде. Если смерд мучает смерда без княжеского повеления, то 3 гривны штрафа князю, а за муку пострадавшему гривна кун; если кто будет мучить огнищанина, то 12 гривен штрафа князю, а за муку пострадавшему гривна.

79. Если кто украдет ладью, то 60 кун штрафа князю, а саму эту ладью вернуть; а за морскую ладью – 3 гривны, а за набойную ладью – 2 гривны, за челн – 20 кун, а за струг – гривна.

80. О сетях для ловли птиц. Если кто подрежет веревку в сети для ловли птиц, то 3 гривны штрафа князю, а владельцу за веревку гривна кун.

81. Если кто украдет в чьей-нибудь сети для ловли птиц ястреба или сокола, то штрафа князю – 3 гривны, а господину – гривна, а за голубя – 9 кун, а за куропатку (?) – 9 кун, а за утку – 30 кун, а за гуся – 30 кун, а за лебедя – 30 кун, а за журавля – 30 кун.

82. А за сено и за дрова – 9 кун, а сколько возов украдено, то владельцу получить за каждый воз по 2 ногаты.

83. О гумне. Если кто подожжет гумно, то на изгнание и разграбление весь его дом, но сначала он должен выплатить за погубленное, а остальное его хозяйство князь конфискует. Такое же наказание, если кто подожжет двор.

84. Если кто злонамеренно зарежет коня или скотину, то князю штраф 12 гривен, а за ущерб господину платить назначенное возмещение.

85. Эти все тяжбы судят при свободных свидетелях; если будет свидетель холопом, то холопу на суд не являться; но если хочет истец использовать его свидетелем, то пусть скажет так: «Я привлекаю тебя по показаниям этого холопа, но привлекаю тебя я, а не холоп», и может взять его ответчика на испытание железом; если тот будет осужден, то он возьмет свое по суду, если же тот не будет осужден, то истцу заплатить ему гривну за муку, ибо брали его по показаниям холопа.

86. А при испытании железом платить в суд 40 кун, а мечнику 5 кун, а детскому полгривны; это плата за испытание железом, кто за что получает.

87. А если привлекают на испытание железом по показаниям свободных людей, или подозрение на нем будет, либо ночью проходил у места преступления, то если обвиняемый каким-либо образом не обожжется, то за муки ему не платят, но только судебную пошлину за испытание железом платит тот, кто вызывал на суд.

88. О женщине. Если кто убьет женщину, то судить, таким же судом, что и за убийство мужчины; если же убитый будет виноват, то платить полвиры 20 гривен.

89. А за убийство холопа или рабы виру не платят; но если кто-нибудь из них будет убит без вины, то за холопа или за рабу платят назначенные судом деньги, а князю 12 гривен штрафа.

90. Если умрет смерд. Если смерд умрет, то наследство князю; если будут у него дома дочери, то выделить им часть наследства; если они будут замужем, то части им не давать.

91. О наследстве боярина и дружинника. Если умрет боярин или дружинник, то наследство князю не отходит; а если не будет сыновей, то возьмут дочери.

92. Если кто, умирая, разделит хозяйство свое между детьми, то так тому и быть; если же умрет без завещания, то разделить на всех детей, а на самого покойного отдать часть на помин души.

93. Если после смерти мужа жена останется вдовой, то детям на нее выделить часть, а что ей завещал муж, тому она госпожа, а наследство мужа ей не следует.

94. Если будут дети от первой жены, то дети возьмут наследство своей матери; если же муж завещал это второй жене, все равно они получают наследство своей матери.

95. Если в доме будет сестра, то ей отцовского наследства не брать, но братьям следует отдать ее замуж, как они смогут.

96. А это пошлины при закладке городских укреплений. А это пошлины строителю городских укреплений: при закладке городни взять куну, а при окончании – ногату; а на корм, и питье, и мясо, и рыбу – 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборков пшена, 7 луков овса на 4 коней; брать же ему столько, пока не будут построены городские укрепления; солода пусть дают 10 луков один раз на все время работы.

97. О строителях мостов. А это пошлины строителю мостов: когда он построит мост, пусть возьмет по ногате за 10 локтей моста; если будет чинить старый мост, то сколько починит пролетов, взять ему от пролета по куне; а ехать строителю мостов самому с отроком на двух конях, брать 4 лука овса на неделю, а есть – сколько хочет.

98. А это о наследстве. Если были у человека дети от рабы, то наследства им не иметь, но предоставить свободу им с матерью.

99. Если будут в доме дети малые, и не смогут они сами о себе позаботиться, а мать их пойдет замуж, то тому, кто им будет близкий родственник, дать их на руки с приобретениями и с основным хозяйством, пока не смогут сами заботиться о себе; а товар передать перед людьми, а что этим товаром он наживет передачей его под проценты или торговлей, то это ему опекуну, а первоначальный товар воротить им детям, а доход ему себе, поскольку кормил и заботился о них; если же будет от челяди приплод или от скота, то все это детям получить наличием; если что растратит, то за все это тем детям заплатить; если же и отчим при женитьбе возьмет детей с наследством, то такое же условие.

100. А отчий двор без раздела всегда младшему сыну.

101. О жене, если она собралась остаться вдовой. Если жена собралась остаться вдовой, но растратит имущество и выйдет замуж, то она должна оплатить все утраты детям.

102. Если дети не захотят ее проживания на дворе, а она поступит по своей воле и останется, то любым образом исполнить ее волю, а детям воли не давать; а что ей дал муж, с тем ей и остаться на дворе невыделенно или, взяв свою часть, остаться на дворе выделение.

103. А на выделенную часть материнского имущества дети прав не имеют, но кому мать отдаст, тому взять; если отдаст всем, то пусть все разделят; если умрет без завещания, то у кого на дворе она находилась и кто ее кормил, то тому взять ее имущество.

104. Если у одной матери будут дети от двух мужей, то одним идет наследство своего отца, а другим – своего.

105. Если отчим растратит что из имущества отца пасынков и умрет, то вернуть утраченное брату сводному, на это и люди свидетелями станут, что отец его растратил, будучи отчимом; а что касается имущества его отца, то пусть он им владеет.

106: А мать пусть даст свое имущество тому сыну, который был к ней добр, от первого ли мужа или от второго; если же все сыновья будут к ней плохи, то она может отдать имущество дочери, которая ее кормит.

107. А это пошлины судебные. А это пошлины судебные: от виры – 9 кун, а метельнику – 9 векш, а от тяжбы о бортном участке – 30 кун, а от всех иных тяжб, кому помогут судебные исполнители – по 4 куны, а метельнику – 6 векш.

108. О наследстве. Если братья будут судиться перед князем о наследстве, то детскому, который идет их делить, взять гривну кун.

109. Пошлины за исполнение судебной клятвы. А это пошлины за исполнение судебной присяги: от тяжбы по убийству – 30 кун, а от тяжбы о бортном участке – 30 кун без трех кун; столько же и в тяжбе о пахотной земле. А от тяжбы о свободе – 9 кун.

110. О холопстве. Полное холопство трех видов: если кто купит хотя бы до полугривны, представит свидетелей и ногату даст перед самим холопом; второй вид холопства: женитьба на робе без договора, если с договором, то как договорились, так на том и стоять; а это третий вид холопства: служба тиуном без договора или если кто привяжет себе ключ без договора, если же с договором, то как договорятся, на том и стоять.

111. А за дачу не холоп, ни за хлеб не превращают в холопы, ни за то, что дается сверх того дачи или хлеба; но если кто не отработает установленный срок, то вернуть ему, что получено; если отработает, то ничем более не обязан.

112. Если холоп бежит, а господин объявит об этом, если кто, услышав об этом или зная о том, что он холоп, даст ему хлеба или укажет ему путь, то платить ему за холопа 5 гривен, а за робу 6 гривен.

113. Если кто поймает чужого холопа и даст знать его господину, то получить ему за поимку гривну; если не устережет его, то платить ему 4 гривны, а пятая за поимку засчитывается ему, а если будет роба, то платить 5 гривен, а шестая за поимку засчитывается ему.

114. Если кто сам разыщет своего холопа в каком-либо городе, а посадник о том холопе не знал, то, когда господин расскажет ему, тому господину следует взять у посадника отрока, пойти и связать этого холопа и дать отроку вязебную пошлину в 10 кун, а вознаграждения за поимку холопа нет; если

же упустит господин, преследуя холопа, то ему самому утрата, а за это никто не платит, и вознаграждения за поимку тоже нет.

115. Если кто, не ведая, что некто является чужим холопом, спрячет его, или сообщает ему вести, или содержит его у себя, а тот от него уходит, то идти ему на судебную клятву, утверждая, что не знал того, что он холоп, а платежа в этом нет.

116. Если холоп где-либо получил обманом деньги, а тот человек дал деньги, не ведая того, то господину либо выкупать, либо лишиться этого холопа; если же тот человек дал деньги, зная, что тот являлся холопом, то денег ему лишиться.

117. Если кто пустит своего холопа в торговые дела, а тот одолжает, то господину следует выкупить его и не лишаться его.

118. Если кто купит чужого холопа, не ведая того, то первому господину взять холопа, а тому, кто купил, взять деньги обратно, поклясться, что купил по неведению, если же он купил, зная это, то деньги его пропадут.

119. Если холоп, убежав от господина, приобретет товар, то господину платить долг, господину же принадлежит и товар, но холопа не лишаться.

120. Если кто бежал от господина, а украдет у соседей что-либо или товар, то господину следует платить за него то, что полагается за то, что взял.

121. Если холоп обкрадет кого-либо, то господину его выкупать или выдать с тем, с кем он крал, а жене и детям отвечать не надо; но если они с ним крали и прятали, то всех их выдать или снова их выкупает господин; если же с ним свободные крали и прятали, то они платят князю судебный штраф.

* * *

СУД ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМЪРИЧЬ.

ПРАВДА РУСЬСКАЯ¹¹¹⁶

1. Аже убить мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови;¹¹¹⁷ аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривень, аще будеть княжь мужь или тиуна княжа; аще ли будеть русинъ, или гридь, любо купець, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгои, ли словѣнинъ, то 40 гривень положити за нь.

2. По Ярославъ же паки совкупившеся сынове его, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и мужи ихъ, Коснячко, Перенъгъ, Никифоръ, и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша.

3. О убииствѣ. Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ, паки ли людинъ, то 40 гривенъ.

4. Которая ли вервь начнеть платити дикую виру,¹¹¹⁸ колико лѣтъ заплатитъ ту виру, зане же безъ головника имъ платити.

5. Будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зане к нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помагати головнику; любо си дикую виру, но сплатити имъ во обчи 40 гривенъ, а головничество самому головнику, а въ 40 гривенъ ему заплатити ис дружины свою часть.

6. Но оже будетъ убилъ или въ свадѣ или в пиру явлено, то тако ему платити по верви нынѣ, иже ся прикладываетъ вирую.

7. Оже станеть без вины на разбои. Будеть ли сталь на разбои безъ всякой свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою и с дѣтми на потокъ и на разграбление.

8. Аже кто не вложить в дикую виру, тому людье не помагаютъ, но самъ платитъ.

9. А се покони вирнии были при Ярославѣ: вирнику взяти 7 вѣдеръ солоду на недѣлю, же овенъ любо полоть, любо 2 ногатъ; а в среду куна оже сыръ, а в пятницу тако же, а куръ по двою ему на день, а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена 7 уборковъ,¹¹¹⁹ а гороху 7 уборковъ, а соли 7 голважень;¹¹²⁰ то то вирнику со отрокомъ; а кони 4, конемъ на ротъ сути овесъ; вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная,¹¹²¹ а метелнику 12 вѣкшии, а съсадная гривна.¹¹²²

10. О *вирах*. Аже будетъ вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

11. О княжи *отроци*. Аже въ княжи отроци или в конюсѣ, или в поварѣ, то 40 гривенъ.

12. А за тивунъ за огнищныи и за конюшии, то 80 гривенъ.

13. А в сельскомъ тивунѣ княжѣ или в ратаинѣмъ, то 12 гривенъ.

14. А за рядовича 5 гривенъ. Тако же и за боярескъ.

15. О ремесвеницѣ и о ремесвеницѣ. А за ремесвеника и за ремесвеницю, то 12 гривенъ.

16. А за смердии холопъ¹¹²³ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ.

17. А за кормилця 12 *гривень*, тако же и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба.

18. О поклепнѣи вирѣ. Аще будетъ на кого поклепная вира, то же будетъ послуховъ 7, то ти выведутъ виру, паки ли варягъ или кто инъ, то *два*.

19. А по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знаютъ его.

20. Аже свержетъ виру. А иже свержетъ виру, то гривна кунъ сметная отроку; а кто и клепаль, а тому дати другую гривну; а от виры помочьнаго 9¹¹²⁴ *кунъ*.

21. Искавше ли послуха и не налѣзуть истьця начнетъ головою клепати, то ти имъ правду желѣзо.¹¹²⁵

22. Тако же и во всѣхъ тяжахъ, в татбѣ и в поклепѣ; оже не будетъ лица, то тогда дати ему желѣзо из неволи до полугривны золота;¹¹²⁶ аже ли менѣ, то на воду,¹¹²⁷ оли то до дву гривенъ, аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ куны.

23. *Оже кто ударить мечемъ.* Аже кто ударить мечемъ, не вынезъ его, или рукоятю, то 12 гривенъ продажи за обиду.

24. Аже ли вынезъ мечъ, а не утнеть, то гривна кунъ.

25. Аже кто кого ударить батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылѣснию, то 12 гривенъ.

26. Не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему в томъ нѣтуть.

27. Аче ли утнеть руку, и отпадетъ рука или усохнетъ *или* нога, или око, или *нос* утнеть,¹¹²⁸ то полувирые 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ.

28. Аже перстъ утнеть кии любо, 3 гривны продажѣ, а самому гривна кунъ.

29. А придетъ кровавъ мужъ. Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажу 3 гривны; аще ли не будетъ на немъ знаменія, то

привести ему видокъ слово противу слова; а кто будетъ почаль, тому платити 60 кунъ; аче же и кровавъ придетъ или будетъ самъ почаль, а вылъзуть послуши, то то ему за платежь, оже и били.

30. Аже ударить мечемъ, а не утнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану же лѣчебное, потнеть или на смерть, а вира.

31. Аче попѣхнеть мужъ мужа любо к собѣ ли от собе, любо по лицу ударить, ли жердью ударить, а видока два вывести, то 3 гривны продажи; аже будетъ варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на роту.

32. О челяди. А челядинъ скрывается, а закличють и на торгу, а за 3 дни не вывести его, а познають и третии день, то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи.

33. Аже кто всядетъ на чюжь конь. Аже кто всядетъ на чюжь конь не прашавъ, то 3 гривны.

34. Аче кто конь погубить, или оружие, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаеть въ своемъ городѣ, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

35. Аже кто познаеть свое, что будетъ погубилъ или украдено у него что, или конь, или портъ, или скотина, то не рци и: «Се мое», но поиди на сводъ, кдѣ есть взялъ, сведитесь, кто будетъ виновать, на того татба снидетъ; тогда онъ свое возметь, а что погибло будетъ с нимъ, то же ему начнетъ платити; аще будетъ коневыи тать, выдати князю на потокъ; паки ли будетъ клѣтныи тать, то 3 гривны платити ему.

36. О сводѣ. Аже будетъ во единомъ городѣ, то ити истыцю до конца того свода; будетъ ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода; а что будетъ лице, то тому платити третьему кунами за лице, а с лицемъ ити до конца своду, а истыцю ждати прока, а кдѣ снидетъ на конечняго, то тому все платити и продаю.

37. О татбѣ. Паки ли будетъ что татечно купилъ в торгу, или конь, или портъ, или скотину, то вывести свободна мужа два или мытника; аже начнетъ не знати, у кого купилъ, то ити по немъ тѣмъ видокомъ на роту, а истыцю свое лице взяти; а что с нимъ погибло, а того ему желѣти, а оному желѣти своихъ кунъ,

зане не знаетъ у кого купивъ; познаетъ ли на долзѣ, у кого то купилъ, то своѣ куны возметь, и сему платити, что у него будетъ погибло, а князю продажу.

38. Аже познаетъ кто челядь. Аще познаетъ кто челядинъ свои украденъ, а поиметъ и, то оному вести и по кунамъ до 3-го свода; пояти же челядинъ в челядина мѣсто, а оному дати лице, ать идеть до конечняго свода, а то есть не скоть, нѣ лзѣ рчи: «*Не веде, у кого есмь купилъ*», но по языку ити до конца; а кдѣ будетъ конечнии тать, то опять воротитъ челядина, а свои поиметъ, и проторъ тому же платити, а князю продажѣ 12 гривенъ в челядинѣ или украдше.

39. О сводѣ же. А ис своего города в чуюю землю свода нѣтутъ, но тако же вывести ему послухи любо мытника, передъ кимъ же купивше, то истыцю лице взяти, а прока ему желѣти, что с нимъ погибло, а оному своихъ кунъ желѣти.

40. О татбѣ. Аже убюють кого у клѣти или у котороѣ татбы, то убюють во пса мѣсто; аже ли и додержатъ свѣта, то вести на княжъ дворъ; оже ли убюють и, а уже будутъ людие связана видѣли, то платити в томъ 12 гривенъ.

41. Аже крадетъ кто скоть въ хлѣвѣ или клѣть, то же будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будетъ ли ихъ много, всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ платити.

42. О татбѣ же. Аже крадетъ скоть на поли, или овцѣ, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ.

43. Аже крадетъ гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ.

44. А у него же погибло, то оже будетъ лице, лице поиметъ, а за лѣто возметь по полугривнѣ.

45. Паки ли лица не будетъ, а будетъ былъ княжъ конь, то платити за нь 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны.

А се уроци скоту. Аже за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ, за лоньщину пол гривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за поросю ногата, за овцю 5 кунъ, за боранъ ногата, а за жеребець, аже не всѣдано на нь, гривна кунъ, за жеребя 6 ногатъ, а за коровие

молоко 6 ногать;¹¹²⁹ то ти уроци смердомъ, оже платятъ князю продаю.

46. Аже будутъ холопи татѣе, судъ княжь. Аже будутъ холопи татѣе любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истьцю за обиду.

47. Оже кто кунъ взищеть. Аже кто взищеть кунъ на друзѣ, а онъ ся начнеть заирати, то оже на нь выведеть послуси, то ти поидутъ на роту, а онъ возметь своѣ куны; зане же не даль ему кунъ за много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны.

48. Аже кто купецъ купцю дасть в куплю куны или в гостьбу, то купцю пред послухи кунъ не имати, послуси ему не надобѣ, но ити ему самому ротѣ, аже ся почнеть заирати.

49. О поклажаи. Аже кто поклажаи кладеть у кого любо, то ту послуха нѣтутъ, но оже начнеть болшимъ клепати, тому ити ротѣ, у кого то лежал товаръ: «А толко еси у мене положиль», зане же ему въ бологодѣль и хорониль товаръ того.

50. О рѣзѣ. Аже кто даетъ куны в рѣзѣ, или наставъ в медѣ, или жито во просопѣ, то послухи ему ставити: како ся будетъ рядиль, тако же ему имати.

51. О мѣсячнѣмъ рѣзѣ. А мѣсячнии рѣзѣ, оже за мало, то имати ему; заидутъ ли ся куны до того же года, то дадять ему куны въ треть,¹¹³⁰ а мѣсячнии рѣзѣ погренути.

52. Послуховъ ли не будетъ, а будетъ кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ куны ротѣ; будетъ ли боле кунъ, то речи ему тако: «Проміловался еси, оже еси не ставил послуховъ».

53. Уставъ Володимѣрь Всеволодича.¹¹³¹ А се уставиль Володимѣрь Всеволодичъ по Святополцѣ,¹¹³² созва дружину свою на Берестовѣмъ:¹¹³³ Ратибора¹¹³⁴ Киевского тысячьского, Прокопью¹¹³⁵ Бѣлогородьского тысячьского, Станислава¹¹³⁶ Переяславьского тысячьского, Нажира,¹¹³⁷ Мирослава,¹¹³⁸ Иванка Чюдиновича,¹¹³⁹ Олгова¹¹⁴⁰ мужа, и уставили до третьяго рѣза,¹¹⁴¹ оже емлетъ въ треть куны; аже кто возметь два рѣза, то то ему взяти исто; паки ли возметь три рѣзы, то иста ему не взяти.

Аже кто емлетъ по 10 кунъ от лѣта на гривну, то того не отмѣтати.

54. Аже который купецъ истопиться. Аже который купецъ, кдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться, любо рать возьметъ, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнетъ от лѣта платити, тако же платить, зане же пагуба от Бога есть, а не виноватъ есть; аже ли пропиеться или пробиеть, а в безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо тѣмъ, чии то товаръ: ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля.

55. О долзѣ. Аже кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ *гость* из иного города или чюжеземець, а не вѣдая запустить за нь товаръ, а опять начнетъ не дати гости кунъ, а первии должебити начнутъ ему запинати, не дадуче ему кунъ, то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашнимъ, что ся останеть кунъ, тѣм же ся подѣлять; паки ли будутъ княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прокъ в дѣль; аже кто много рѣза ималь, *то тому* не имати.

56. Аже закупъ¹¹⁴² бѣжить. Аже закупъ бѣжить от господы, то обель; идеть ли искать кунъ, а явлено ходитъ, или ко князю или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина, то про то не роботять его, но дати ему правду.

57. О закупѣ же. Аже у господина ролеинныи закупъ, а погубить воискии конь,¹¹⁴³ то не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, от него же купу емлетъ, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отслетъ на свое орудье, а погибнетъ без него, то того ему не платити.

58. О закупѣ же. Аже изъ хлѣва вывести, то закупу того не платити; но же погубить на поли и въ дворъ не вженеть и не затворить, кдѣ ему господинъ велить, или орудья своя дѣя, а того погубить, то то ему платити.

59. Аже господинъ переобидить закупа, а увидеть купу его или отарицю,¹¹⁴⁴ то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ.

60. Паки ли прииметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи.

61. Продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту¹¹⁴⁵ свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12

гривень продажъ.

62. Аже господинъ бьеть закупа про дѣло, то без вины есть; биеть ли не смысля, пьянъ, а без вины, то яко же въ свободнѣмъ платежъ, тако же и в закупѣ.

63. О холопѣ. Аже холопъ обелный выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны.

64. О закупѣ. Аже закупъ выведеть что, то господинъ в немъ; но оже кдѣ и налѣзуть, то преди заплатитъ господинъ его конь или что будетъ ино взялъ, ему холопъ обелный; и паки ли господинъ не хотѣти начнеть платити за нь, а продасть и, отдасть же преди или за конь или за волъ, или за товаръ, что будетъ чюжего взялъ, и прокъ ему самому взяти собѣ.

65. А се, аже холопъ ударить. Аже холопъ ударить свободна мужа, а убѣжить в хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривень; а затѣмъ аче и кдѣ налѣзеть удареный тѣ своего истыця, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ убити и, но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ.

66. О послушствѣ. А послушства на холопа не складають; но оже не будетъ свободного, *то* по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати.

А в малѣ тяжѣ по нужи възложить на закупа.

67. О бородѣ. А кто порветъ бороду, а вѣньметъ знамение, а вылѣзуть людие, то 12 гривень продажъ; аже безъ людии, а в поклепѣ, то нѣту продажъ.

68. О зубѣ. Аже выбьютъ зубъ, а кровь видять у него во ртѣ, а людье вылѣзуть, то 12 гривень продажъ, а за зубъ гривна.

69. Аже украдетъ кто бобръ, то 12 гривень.

70. Аже будетъ роѣчена земля или знамение, им же ловлено, или сѣтъ, то по верви искати *в себе* татя *любо* платити продаю.

71. Аже кто борть разнаменаеть. Аже разнаменаеть борть, то 12 гривень.

72. Аже межю перетнеть бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыномъ перегородить межю, то 12 гривень продажи.

73. Аже дубъ подотнеть знаменьный или межъный, то 12 гривенъ продажѣ.

74. А се накладѣ.¹¹⁴⁶ А се накладѣ 12 гривенъ: отроку¹¹⁴⁷ 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати со отрокомъ на дву коню, сути же на ротъ овесъ, а мясо дати овенъ любо полоть, а инѣмъ кормомъ, что има черево возметь, писцю 10 кунъ, перекладнаго¹¹⁴⁸ 5 кунъ, за мѣхъ¹¹⁴⁹ двѣ ногатѣ.

75. А се о борти. Аже борть подѣтнеть, то 3 гривны продажѣ, а за дерево пол гривны.

76. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи; а за медъ, аже будетъ пчелы не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли олѣкъ, то 5 кунъ.¹¹⁵⁰

77. Не будетъ ли татя, то по слѣду женуть; аже будетъ слѣдъ ли к селу или к товару, а не отсочать от себе слѣда, ни ѣдутъ на слѣдъ или отбѣють, то тѣмъ платити татбу и продажу; а слѣдъ гнати с чюжими людьми а с послухи; аже погубять слѣдъ на гостиныцѣ на велицѣ, а села не будетъ, или на пустѣ, кдѣ же не будетъ ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы.¹¹⁵¹

78. О смердѣ. Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ; аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна.

79. Аже лодью украдетъ, то 60 кунъ продажѣ, а лодию лицемъ воротити; а за морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную лодью¹¹⁵² 2 гривны, за челнъ 20 кунъ, а за стругъ гривна.

80. О перевѣсѣхъ. Аже кто подотнеть вервь в перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кунъ.

81. Аже кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястрябъ или соколъ, то продажѣ 3 гривны, а господину гривна; а за голубъ 9 кунъ, а за куря 9 кунъ, а за утовъ 30 кунъ, а за густъ 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ.

82. А в сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико будетъ возъ украдено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ.

83. О гумнѣ. Аже зажъжетъ гумно, то на потокъ и на грабежъ домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити и. Тако же аже кто дворъ зажъжетъ.

84. А кто пакощами конь порѣжетъ или скотину, *то* продажѣ 12 гривенъ, а за пагубу господину урокъ платити.

85. Ты тяжѣ всѣ судять послухи свободыми; будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хочеть истецъ, или иметь и, а река тако: «По сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ», и емѣти и на желѣзо; аже обинити и, то емлетъ на немъ свое; не обинить ли его, а платити ему гривна за муку, зане по холопыи рѣчи яли.

86. А желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а пол гривны дѣтскому;¹¹⁵³ то ти желѣзныи урокъ, кто си в чемъ емлетъ.

87. Аже иметь на желѣзо по свободныхъ людии рѣчи, либо ли запа на нь будетъ, либо прохождение нощное, или кимъ либо образомъ аже не ожъжетъ, то про муки не платити ему, но одино желѣзное, кто и будетъ ялъ.

88. О женѣ. Аже кто убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, яко же и мужа; аже будетъ виноватъ, то пол виры 20 гривенъ.

89. А в холопѣ и в робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ без вины убиенъ, то за холопѣ урокъ платити или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ.

90. Аже умереть смердъ. Аже смердъ умереть, то задница князю;¹¹⁵⁴ аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ за мужемъ, то не даяти части имъ.

91. О задницѣ боярьстѣи и о дружиннѣи. Аже в боярехъ либо въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ; но оже не будетъ сыновъ, а дщери возмутъ.

92. Аже кто умирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на том же стояти; паки ли безъ ряду умереть, то всѣмъ дѣтѣмъ, а на самого часть дати души.

93. Аже жена сядетъ по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужъ възложить, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобѣ.

94. Будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмутъ дѣти матерѣ своей; либо си на жену будетъ възложилъ, обаче матери своей возмутъ.

95. Аже будетъ сестра в дому, то тои задницѣ не имати, но отдадять ю за мужъ братия, како си могутъ.

96. А се закладаюче городъ. А се уроци городнику: закладаюче городню,¹¹⁵⁵ куну взяти, а кончавше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 луконовъ овса на 4 кони; имати же ему, донелѣ городъ срубятъ; а солоду одну дадять 10 луконовъ.

97. О мостницѣхъ. А се мостнику уроци: помостивше мостъ, взяти от 10 локотъ по ногатѣ; аже починить моста ветхаго, то колико городнѣ починить, то взяти ему по кунѣ от городнѣ; а мостнику самому ѣхати со отрокомъ на дву коню, 4 лука овса на недѣлю, а ѣсть, что можетъ.

98. А се о задницѣ. Аже будутъ робыи дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ с матерью.

99. Аже будутъ в дому дѣти мали, а не джи ся будутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужъ, то кто имъ ближии будетъ, тому же дати на руцѣ и с добыткомъ и с домомъ, донелѣ же возмогутъ; а товаръ дати перед людьми; а что срѣзить товаромъ тѣмъ ли пригостить, то то ему собѣ, а истыи товаръ воротить имъ, а прикупъ ему собѣ, зане кормилъ и печаловалъся ими; яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемъ; что ли будетъ ростерялъ, то то все ему платити дѣтемъ тѣм; аче же и отчимъ прииметь дѣти съ задницею, то тако же есть рядъ.

100. А дворъ без дѣла отень всякъ меншему сынови.

101. О женѣ, аже ворчетъ сѣдѣти. Аже жена ворчетъ сѣдѣти по мужи, а ростеряетъ добытокъ и поидеть за мужъ, то платити ей все дѣтемъ.

102. Не хотѣти ли начнуть дѣти ей ни на дворѣ, а она начнетъ всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю, а дѣтемъ не дати воли; но что ей далъ мужъ, с тѣм же ей сѣдѣти или, свою часть взѣмше, сѣдѣти же.

103. А матерня часть не надобѣ дѣтемъ, но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всѣмъ, а вси роздѣлятъ; безъ языка ли умереть, то у кого будетъ на дворѣ была и кто ю кормилъ, то тому взяти.

104. Аже будутъ двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего.

105. Будеть ли потерялъ своего иночима что, а онѣхъ отца, а умреть, то възворотитъ брату, на не же и людье выльзуть, что будетъ отецъ его истерялъ иночимля; а что ему своего отца, то держать.

106. А матери, которыи сын добръ, перваго ли мужа, другаго ли, тому же дать свое; аче и вси сынове еи будутъ лиси, а дчери можетъ дати, кто ю кормить.

107. А се уроци судебнии. А се уроци судебнии: от виры 9 кунъ, а метелнику 9 вѣкошь, а от бортноѣ земли 30 кунъ, а *от* инѣхъ *от* всѣхъ тяжь, кому помогутъ, по 4 куны, а метелнику 6 вѣкошь.

108. О задницѣ. Аже братья ростяжутъ перед княземъ о задницю, *то* которыи дѣтський идѣтъ ихъ дѣлить, то тому взяти гривна кунъ.

109. Уроци ротнии. А се уроци ротнии: от головы 30 кунъ, а от бортноѣ земли 30 кунъ бес трии кунъ; тако же и от ролеиноѣ земли. А от свободы 9 кунъ.

110. О холопствѣ. Холопство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дать перед самѣмъ холопомъ; а второе холопство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядомъ, то како ся будетъ рядилъ, на том же стоять; а се третье холопство: тивунство без ряду или привяжетъ ключъ к собѣ без ряду,¹¹⁵⁶ с рядомъ ли, то како ся будетъ рядилъ, на том же стоять.

111. А въ дачѣ¹¹⁵⁷ не холопъ, ни по хлѣбѣ роботять, ни по придатьцѣ; но оже не доходятъ года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виновать есть.

112. Аже холопъ бѣжитъ, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дать ему хлѣба или укажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ.

113. Аже кто переиметь чужь холопъ и дать вѣсть господину его, то имати ему переемъ гривна; не ублюдетъ ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему, а будетъ роба, то 5 гривенъ, а шестая на переемъ отходить.

114. Аже кто своего холопа самъ досочиться въ чьемъ любо городѣ, а будетъ посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавши ему,

пояти же ему отрокъ от него, и шедше увязати и, и дати ему вязебную 10 кунъ, а переима нетуть; аче упустить и гоня, а собѣ ему пагуба, а не платить в то никто же, тѣм же и переима нѣтуть.

115. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ усрячетъ и, или повѣсти дѣеть, любо держить и у собе, а идеть от него, то ити ему ротѣ, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ, а платежа в томъ нѣтуть.

116. Аче же холопъ кдѣ куны *вылжетъ*, а онъ будетъ не вѣдая вдаль, то господину выкупати али лишитися его; вѣдая ли будетъ далъ, а кунъ ему лишитися.

117. Аже *кто* пустить холопа в торгъ, а одолжаетъ, то выкупати его господину и не лишитися его.

118. Аже кто кренеть чюжь холопъ, не вѣдая, то первому господину холопъ поняти, а оному куны имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь купил, *ведая ли будетъ купилъ, то кунъ ему лиху быти.*

119. Аже холопъ бѣгая будетъ добудеть товара, то господину долгъ, господину же и товаръ, а не лишатися его.

120. Аже кто бѣжа, а поиметь сусѣдне что или товаръ, то господину платити за нь урокъ, что будетъ взялъ.

121. Аже холопъ крадетъ кого любо, то господину выкупати и любо выдати и, с кимъ будетъ кралъ, а женѣ и дѣтемъ не надобѣ; но оже будутъ с нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати, паки ли а выкупаеть господинъ; аже будутъ свободнии с нимъ крали или хоронили, то князю въ продажѣ.

Берестяные грамоты

Подготовка текста А. А. Зализняка и Т. В. Рождественнской, перевод и комментарии А. А. Зализняка

Берестяные грамоты – сравнительно недавно открытый новый тип древнерусских письменных источников. Первая берестяная грамота была найдена в Новгороде в 1951 г., в ходе археологических раскопок под руководством А. В. Арциховского. К концу 1992 г. при раскопках древнерусских городов было найдено уже более 800 берестяных грамот, в том числе в Новгороде 745, в Старой Руссе 26, в Смоленске 16, в Пскове 8, в Звенигороде Галицком (под Львовом) 3, в Твери 2, в Москве, Витебске и Мстиславле по одной. Каждый год этот фонд пополняется.

На бересте писали не пером, а специальным металлическим или костяным инструментом – писалом, таким образом, буквы здесь выдавлены или выцарапаны.

подавляющее большинство берестяных грамот – это частные письма. Они посвящены самым различным делам повседневной жизни – семейным, бытовым, хозяйственным, торговым, денежным, судебным, нередко также поездкам, военным походам, экспедициям за данью и т. п. Жизнь средневекового человека и его заботы предстают перед нами в этих письмах чрезвычайно непосредственно, в конкретных деталях.

Помимо писем, встречаются также различные реестры, ярлычки, черновики документов, ученические упражнения, азбуки; иногда заговоры; изредка тексты церковного характера.

Берестяные грамоты существенно изменили традиционные представления о степени распространения грамотности в древней Руси. Авторы и адресаты берестяных грамот – отнюдь не только попы, монахи и высшие сановники; среди них представлены также, наряду с домовладельцами и купцами, старосты, ключники, ремесленники, воины и т. д. Особенно неожиданным оказалось то, что в переписке на бересте принимали участие женщины. В заметной части писем они

выступают в качестве адресатов или авторов; имеется даже пять писем от женщины к женщине.

Письма на бересте (за исключением, может быть, одного-двух) не являются, конечно, литературными произведениями. Они писались с чисто практическими целями и не предназначались для последующего сохранения. Это не значит, однако, что они написаны небрежно или коряво. В большинстве случаев берестяное письмо писалось достаточно тщательно. Описок и ошибок здесь обычно не больше, чем в пергаменных рукописях. Часто видны поправки, сделанные самим автором – иногда даже стилистические; это свидетельствует о стремлении писать правильно (т. е. в соответствии с некоторыми представлениями о правильности).

Существовали также определенные эпистолярные нормы, которые усваивались вместе с обучением грамоте. Ими регламентировались, в частности, адресные и этикетные формулы, используемые в письмах. Показательно, что по крайней мере часть таких формул (или их элементов) имеет книжное происхождение (например, добръ створя – пожалуйста, покланяние – поклон). Можно говорить также о стиле древнерусских писем: в большинстве случаев он очень лаконичен, причем этот лаконизм нередко оказывается чрезвычайно выразительным.

Основное издание берестяных грамот – это продолжающаяся серия под общим названием «Новгородские грамоты на бересте» (ниже – НГБ). Изданы тома: *Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н.* НГБ (из раскопок 1951 г.). М., 1953; *Арциховский А. В.* НГБ (из раскопок 1952 г.). М., 1954; *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* НГБ (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958; *Они же.* НГБ (из раскопок 1955 г.). М., 1958; *Они же.* НГБ (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963; *Арциховский А. В.* НГБ (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963; *Арциховский А. В. и Янин В. Л.* НГБ (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978; *Янин В. Л. и Зализняк А. А.* НГБ (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

В настоящем томе приводятся берестяные грамоты древнейшего периода (XI–XII вв.: № 246–109, стр. 518–520, – XI и рубеж XI–XII вв.; № 605 – № 2, стр. 520–522 – первая

половина XII в.; № 723 – № 10, стр. 522–528, – вторая половина XII и рубеж XII–XIII вв.). В ряде случаев грамоты приводятся в исправленном (по сравнению с первоначальным изданием) чтении, основанном на дополнительном изучении оригиналов.

№ 246. Грамота пришла в Новгород из какого-то города, не подчинявшегося Новгороду (иначе не могло быть речи о конфискации имущества у знатного новгородца). Судя по тому, что в грамоте смешиваются *ц* и *ч* (*хоцу, луцьшаго*), это был город из «цокающей» зоны (которая охватывала, помимо новгородской земли, также смоленскую и полоцкую). Наиболее вероятны: Смоленск, Витебск. Полоцк.

Автор письма Жировит, которому новгородец Стоян не возвращает долга, угрожает Стояну тем, что он добьется конфискации имущества у самого знатного из новгородских купцов, находящихся в городе. В дальнейшем этот купец взыщет в Новгороде со Стояна, но при этом, конечно, по меньшей мере купеческая репутация Стояна пострадает. Такого рода наказание за вину соотечественника (так наз. *рубеж*) нередко практиковалось в древней Руси (как и в других странах средневековой Европы).

№ 247. Это фрагмент письма о локальном юридическом конфликте, посланного какому-то достаточно высокому представителю новгородской администрации. Речь идет об ущербе в 40 резан (резана – 1/50 гривны). При этом, однако, сообщение о взломе, поступившее от некоего обвинителя, оказалось ложным, и автор грамоты требует наказания для обвинителя.

Грамота написана на чистом древненовгородском диалекте. Особый интерес для истории русского языка представляют здесь архаичные формы *кѣле* – цел и *кѣль* – целы, с сохранением исконного *к* без перехода в *ц*.

№ 527. Автор письма – по-видимому, воевода, возглавляющий пограничный отряд или гарнизон. Он обращается к своим домочадцам.

№ 590. Грамота представляет собой военное донесение. Ни автор, ни адресат не названы – очевидно, в целях конспирации.

№ 607/562. Это административное донесение, подобное, в частности, грамоте № 247.

№ 238. Грамота чрезвычайно интересна тем, что содержит угрозу вызова на Божий суд, а именно, на испытание водой. Согласно Русской Правде (ст. 22), если иск был не менее полугривны золота, полагалось испытание раскаленным железом, если от полугривны золота до двух гривен серебра – испытание водой, при еще меньшем иске – клятва (так наз. *рота*). В грамоте речь идет о гривне и восьми кунах, т. е. по нормам Русской Правды здесь достаточно роты. Автор мог неточно знать нормы закона или, что более вероятно, просто допустил довольно естественное для угрозы преувеличение.

Испытание водой в одних случаях состояло в том, что испытуемый должен был достать голый рукой кольцо со дна сосуда с кипящей водой, в других – в том, что испытуемого, связанного веревкой, бросали в воду (в последнем случае испытуемый признавался невиновным, если шел ко дну, и виновным, если оставался на поверхности).

№ 109. Суть конфликта состоит в том, что рабыня, купленная Микулой для Жизномира, оказалась краденой (или беглой). Предстоит предусмотренный для таких случаев Русской Правдой розыск вора с помощью последовательных очных ставок («сводов»): последний владелец раба указывает продавца, тот – предыдущего продавца и т. д. до «конечного татя», т. е. истинного вора.

Не вполне ясно, о какой рабыне Микула должен послать грамоту «тому мужу» – о той, что была куплена, или об еще одной. Вторая возможность определяется тем, что по Русской Правде в деле об украденном рабе нормальный розыск продолжался не до «конечного татя», а лишь до третьего свода. Третий (по счету от конца) владелец раба должен был отдать истцу своего раба взамен украденного, а сам продолжать розыск уже самостоятельно.

Указание Микуле не брать денегу продавца, возможно, означает, что не следует соглашаться на возврат денег за рабыню, если продавец захочет таким способом аннулировать сделку.

№ 605. Это послание от одного монаха к другому, выдержанное в жанре литературной эпистолы. Упоминание церковного звона – самое раннее в древнерусской письменности.

№ 424. Письмо послано в Новгород из Смоленска, но автор его, судя по языку – новгородец. Он советует родителям переселиться из Новгорода, где был неурожайный год и грозил голод, в Смоленск или в Киев.

№ 487. Это фрагмент увещательного письма к строптивой женщине; автором его, возможно, был священник.

№ 421. По-видимому, Нежил совершил преступление и скрылся; штраф за него пришлось заплатить его отцу. Согласно Русской Правде, штраф в 20 гривен («полувирье») взыскивался за отсечение у кого-либо руки или ноги, за ослепление человека, за убийство жены. Сомневаясь в том, что сын захочет вернуться, Братята грозится послать за ним судебного исполнителя.

№ 422. Судя по тому, что Местята назван в грамоте в третьем лице, вероятно, он писал ее не сам.

№ 745. Редкий случай, когда указаны не только автор и адресат, но и место, откуда отправлено письмо – в данном случае Ростов Великий.

№ 2 из Звенигорода Галицкого.

№ 724. Упоминание песцов показывает, что речь идет о сборе дани в Заволочье, т. е. на северо-восточной периферии новгородских владений. Захарья, дезавуировавший полномочия Саввы на сбор дани с местного населения, – несомненно, важное лицо новгородской администрации. Вероятнее всего, это посадник. В XII–XIII вв. в Новгороде известен лишь один посадник Захария: он занимал эту должность с 1161 г. до своей гибели в 1167 г. Постоянными соперниками Новгорода в сборе дани с северо-восточных земель были суздальцы. Посадничество Захария приходится на время княжения во Владимиро-Суздальской земле Андрея Юрьевича Боголюбского (1157–1174 гг.). Андрей Боголюбский неоднократно упоминается в новгородских летописях как организатор вооруженного соперничества с Новгородом в Заволочье. Андрей,

упоминаемый в грамоте, – безусловно лицо, обладающее большой властью: от его имени приходит в Заволочье «муж» с вооруженным отрядом; после того, как обнаружилось внутреннее разногласия среди новгородцев, заволочане «принимают» мужа от Андрея, т. е. признают право Андрея собирать с них дань. Таким образом, Захария и Андрей, фигурирующие в грамоте, с высокой вероятностью отождествляются с новгородским посадником 1161–1167 гг. и Андреем Боголюбским. Тем самым грамота получает дату 1161–1167 гг.

№ 235. Брат Судиши не выплатил свой долг Жадку, и за это Жадко добился от властей конфискации имущества у Судиши. Судиша называет это грабежом, поскольку он не был поручителем за брата, и обращается к Нажиру за защитой.

№ 676. В этой грамоте, как и в предыдущей, речь шла о мерах воздействия на злостного должника.

№ 624. Имя адресата могло быть как *Чернь*, так и *Черень*.

№ 717. Автором грамоты, вероятно, является игуменья Варварина монастыря, который находился в непосредственной близости к месту нынешних раскопок.

№ 682. Как и предыдущая, эта грамота связана с жизнью Варварина монастыря. И Харитания и Софья – явно монахини.

№ 657. В этой грамоте, сходной по тематике с двумя предыдущими, Варварин монастырь уже непосредственно назван. Очевидно, в деревне, где находится Олфимья, под ее присмотр была оставлена телка, принадлежащая Варварину монастырю.

№ 731. По предположению А. А. Гиппиуса, *Ярина* – сваха. Письмо представляет собой ответ родителей жениха (фактически – матери) на предложение свахи, с которым она обратилась несколькими днями раньше к самому жениху. Образная формула, завершающая письмо, – обещание вознаграждения.

№ 9. Эта грамота получила широкую известность. Большую дискуссию в свое время вызвал вопрос о том, кем она написана – мужчиной или женщиной. Предложенный перевод основан на представлении о том, что Гостята – женщина. Василь, к

которому она обращается за помощью, – ее брат (или, может быть, дядя). Письмо, вероятно, пришло в Новгород из другого города (куда Гостята была выдана замуж); об этом говорит, в частности, слово «приезжай».

№ 603. Эта и три последующие грамоты связаны с фигурой Олисея Гречина. Ее содержание и содержание двух следующих грамот (№ 549 и 558), а также обнаружение на той же усадьбе следов живописной мастерской позволили В. Л. Янину отождествить Олисея Гречина с художником Гречином Петровичем, который, согласно летописному рассказу, в 1196 г. расписал фресками не сохранившуюся до наших дней Пречистенскую надвратную церковь в новгородском кремле. В то же время обстановка усадьбы характеризует Олисея Гречина как богатого священнослужителя, а грамоты № 502 и 603 указывают на его причастность к так называемому смесному суду князя и посадника, в котором заседали авторитетные светские и духовные лица. Отсюда возможность отождествления Олисея Гречина также с летописным Гречином, который в 1193 г. был одним из претендентов на пост новгородского архиепископа.

Мирослав (или Мирслав), фигурирующий в грамотах № 603 и 502, отождествлен В. Л. Яниным с новгородским посадником Мирошкой Нездиничем (посадничал с 1187 г. до своей смерти в 1203 г.).

Упоминаемый в грамоте № 603 князь Давыд – это смоленский князь Давыд Ростиславич (умер в 1198 г.); в 1184–1187 гг. в Новгороде княжил его сын Мстислав Давыдович.

В грамоте № 603 слово от и конец слова князю восстановлены по смыслу.

№ 502. Согласно В. Л. Янину, грамота представляет собой записку от одного члена смесного суда другому. Речь идет о предстоящем допросе полочанина Гавка.

№ 549. Это заказ на икону.

№ 558. Это просьба заказчика доставить изготовленные иконы. Слово семо по ошибке выписано дважды.

№ 531. Это самая большая из всех ныне опубликованных берестяных грамот. Согласно В. Л. Янину, сущность

отразившегося в ней конфликта состоит в следующем. Некий Коснятин доверил свои деньги зятю Анны, поручив ему давать их в долг под проценты. Затем Коснятин заподозрил, что в отсутствие своего мужа дочь Анны распоряжается этими деньгами в свою пользу, отдавая их в долг без свидетелей и не требуя залога. Ссылаясь на то, что Анна якобы поручилась за зятя, он пригрозил оштрафовать ее и ее дочь как реальных ответчиков, каковыми по закону были поручители. Анна отрицает как факт поручительства, так и наличие каких-либо злоупотреблений со стороны дочери и обращается к своему брату Климяте с просьбой помочь ей в этом судебном деле. Как видно из упоминания погоста, семья Анны живет в сельской местности.

Письмо написано ярким эмоциональным языком. Заметим, что уже одно это делает невероятной выдвигавшуюся нередко гипотезу о том, что это и другие подобные письма писались за плату площадными писцами. Площадный писец несомненно сделал бы текст гораздо более стандартным по форме и бесцветным. Вдобавок, слова «я поручилась», «вина на мне», написанные по ошибке вместо «она поручилась», «вина на ней», легко объясняются только в том случае, если это писала сама Анна; у писца для таких ошибок не было психологических оснований.

Возможно, эмоциональным состоянием автора объясняется также наличие в тексте многочисленных описок, состоящих в основном в пропуске буквы или слога. Так, вместо поклоно, сестру, Воеславомо, слово возвело, съребра написано покло, сетру (несколько раз), Воелавомо, слово звело, събра; также такоко, лза, емо вместо тако, за, ему. Вероятно, опиской является также коровою (вместо куровою). Кроме того, имеются описки, которые Анна сама исправила.

№ 725. Климята, один из двух адресатов письма, – вероятно, тот же, что в предыдущей грамоте. В обоих случаях к нему обращаются за помощью в юридическом конфликте.

№ 705. Речь идет о сестре Домажира; следует предполагать, что Яков – ее муж.

Что именно означает слово *знатьба* в этом тексте, пока надежно не установлено. Основное значение слова *знатьба* – знак; возможно, так обозначался какой-то ритуально значимый предмет, принадлежавший покойнику. По предположению В. Л. Янина, речь идет о некотором имущественном документе, касающемся сестры Домажира. В. Н. Топоров высказал другую гипотезу – «*знатьбой*» могла называться новая родня женщины в доме ее мужа, т. е. свойственники и свойственницы.

№ 439. Это письмо купца к своему компаньону.

№ 1 из Твери. Станимир, поручившийся за Иванка, предлагает кредитору временно удовлетвориться половиной Иванкова долга.

№ 10 из Старой Руссы. Ярила, выступающий от имени рушан (т. е. жителей Русы), – по-видимому, сановник из администрации Русы.

Над началом слова *абыша* надписано маленькое *о*; возможно, это попытка исправить *абыша* на *обыша*. В слове пакостили конечное и восстановлено по смыслу (но не исключено все же, что это было *пакостиль*, и тогда в последней фразе речь идет об одном дворянине, а не о многих).

ГРАМОТЫ XI – РУБЕЖА XII–XIII вв.

Грамота № 246

От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте и не присылаешь мне денег, идет девятый год. Если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца. Пошли же добром.

Грамота № 247

...обвиняет этого человека в ущербе на 40 резан. А замок цел и двери целы, и хозяин по этому поводу иска не предъявляет. Так что накажи штрафом того обвинителя. А у этого смерда епископу надлежит взять такую-то сумму. Могут ведь смерды избить обвинителя...

Грамота № 527

...Если будет война и на меня нападут, то проситесь через Гостяту к князю.

Грамота № 590

Литва пошла войной на карел.

Грамота №607/562

Жизнобуд, новгородский смерд, убит Сычевичами. А в их руках и наследство.

Грамота № 238

...Ты дал Несдичу четыре с половиной резаны, а мне ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город – могу вызваться с тобой на испытание водой.

Грамота № 109

Грамота от Жизномира к Микуле. Ты купил рабыню во Пскове, а теперь меня за это схватила княгиня. Но за меня поручилась дружина. А ты теперь пошли к тому мужу грамоту: есть ли у него рабыня? А я вот хочу, коня купив и посадив княжеского мужа, идти на очные ставки. А ты, если не взял тех денег, не бери у него ничего.

Грамота № 605

Поклон от Ефрема брату моему Исухии. Ты разгневался, не расспросив: меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал меня с Асафом к посаднику за медом. А пришли мы двое, когда звонили. Зачем же ты гневаешься? Ведь я всегда у тебя. А зазорно мне, что ты злое мне говорил. И все же кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говори. Ты мой, а я твой.

Грамота № 424

Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда – в Смоленск или в Киев: дешев хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы.

Грамота № 644

От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате. Если я что-нибудь должна, то посылай судебного исполнителя. Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь, то извести меня. А тогда я вам не сестра, если вы так поступаете, не исполняете для меня ничего! Так вкуй же в три колтка; его четыре золотника в тех двух кольцах.

Грамота № 487

...такой-то вот как тебе велел поступать, а ты действовала сверх своих возможностей. Если бы ты добром жила с братом* ...Поживи же с Гургием и с Лукой. А ведь я называл тебя сестрою, невесткою.

Грамота № 421

От Братяты к Нежилу. Иди, сын, домой – ты свободен. Если же не пойдешь, я пошлю за тобой судебного исполнителя. Я заплатил 20 гривен, и ты свободен.

Грамота № 422

От Местяты к Гавше и Сдиле. Поищите для меня коня. А Местята вам кланяется. Если вам что нужно, то шлите ко мне, а посланному дайте грамоту. А денег попросите у Павла. А Местята...

Грамота № 745

От Павла из Ростова к Братонежку. Если ладья киевлянина прислана, извести об этом князя, чтобы не было дурной славы ни тебе, ни Павлу.

Грамота № 2 из Звенигорода Галицкого

От Говеновой вдовы к Неженцу. Дай шестьдесят кун за ладью. Так сказал Говен, идя на суд Божий, а поп записывал. Дай их Луке. Если же не дашь, то я возьму у князя отрока и приеду – это тебе дороже обойдется.

Грамота № 723

Поклон от Душилы Нясте. Я пошел в Кучков. Хотят ли ждать или не хотят, а я у Федки, отдав ей браслет, свое возьму.

Грамота № 724

От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав человека, через него клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. Сам за это отвечаю». А со мною по этому поводу сразу не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь, поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и его люди отняли дань. А восемь человек, что под началом Тудора, вырвались. Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его.

А сельчанам своим князь сам от Волока и от Меты участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту.

Грамота № 105

От Семка к Кулотке. Что касается тех денег, про которые ты говорил Несде, то когда ты приходил в Русь с Лазовком, тогда взял их у меня Лазовко в Переяславле.

Грамота № 235

От Судиши к Нажиру. Вот Жадко послал двух судебных исполнителей, и они ограбили меня за братний долг. А я не поручитель перед Жадком. Запрети же ему, пусть не посылает на меня стражу. ...Еду в...

Грамота № 676

...три гривны не прощай. Если же не отдаст, то води его к старосте Якуну.

Грамота № 735

От Якима и Семьюна к Дмитру. Дай этому слуге коня дурковатого сивого и, пожалуйста, помоги ему доставить груз – даже и до Коростомля.

Грамота № 624

От Кузьмы к Черню. Выдай слуге моему семнадцать гривен, не откажи, и пошли сюда. Да с берковец соли пошли сюда. А если тебе что-нибудь нужно из товара, то я пришлю.

Грамота № 717

Поклон от игуменьи к Офросении. Пришли привитку и повой. Если у тебя повоев много, то пришли их штук до пяти. А я сильно озабочена черницами: скоро постригать. Поэтому давай-ка разузнай, в монастыре ли Матфей.

Грамота № 682

Поклон от Хритании Софье. Я послала Михалю три резаны на повой, так пусть он отдаст. Да еще прошу тебя, госпожа моя: пусть он поскорее выдаст соленье и свежих рыбок. Приветствую тебя.

Грамота № 657

Поклон от Пелаги Олфимье. Вот деньги твои от Домачка, для монастыря святой Варвары, в городе; а лежат у

Жирослава. Поспеши же в город. А телка святой Варвары здорова ли?

Грамота № 731

Поклон от Янки с Селятой Ярине. Хочет-таки детище твоего. К празднику ее хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему свое согласие на то, чтобы было, как ты сказала ему давеча: «Придешь – в тот же день сосватаю». А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе.

Грамота № 9

От Гостяты к Василию. Что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним. А теперь, женясь на новой жене, он мне не дает ничего. Ударив по рукам, он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость.

Грамота № 603

От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы знаете, что я тяжбы не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые вы посулили князю Давыду.

Грамота № 502

От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавкополочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, то поставь его перед свидетелями: как он ответит.

Грамота № 549

Поклон от попа к Гречину. Напиши для меня двух шестокрылых ангелов на двух иконках сверху деисуса. Приветствую тебя. А относительно платы – порукой Бог или же договоримся.

Грамота № 558

От попа Мины к Гречину. Будь здесь к Петрову дню с иконами.

Грамота № 531

От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Кос-нятином в моем деле. Заяви ему теперь при свидетелях о его неправоте: «После того, как ты обвинил в поручительстве мою сестру и дочь ее, назвал сестру мою курвою, а дочь блядью, теперь Федор, приехавши и услышав об

этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить». А теперь, господин брат, посоветовавшись с Воиславом, скажи Коснятину: «Раз ты возвел это обвинение, так докажи». Если же скажет Коснятин: «Она поручилась за зятя»,— то ты, господин братец, скажи ему так: «Если будут свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком она поручилась за зятя, то вина на ней». Когда же ты, брат, проверишь, в каких словах и в каком поручительстве Коснятин меня обвинил, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это,— я тебе не сестра, а мужу не жена! Ты же меня и убей, не глядя на Федора! А давала моя дочь деньги при людях, с объявлением и требовала залога. А Коснятин вызвал меня в погост, и я приехала, потому что он уехал со словами: «А шлю четырех дворян взять с каждого из обвиняемых (?) по гривне серебра».

Грамота № 725

От Ремши поклон Климяте и Павлу. Ради Бога, пусть кто-нибудь из вас двоих доберется до архиепископа; скажите архиепископу о моей обиде — о том, как я был бит и закован в кандалы. А я ему обидчику ничего не должен. Прошу же вас.

Грамота № 705

Поклон от Домажира Якову. До моего слуха доходит то, что ты говоришь. Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году наделил, а теперь я бы послал. А теперь я слышу, что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее «знатьбой», пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю его обратно в город. Если же не исполнишь этого, то я тебя предам святой Богородице, перед которой ты приносил клятву.

Грамота № 439

От... к Спирку. Если Матей не взял у тебя капь воска, то отправь ее с Прусом ко мне. А я олово распродал и свинец и все клепанье. Уже мне не нужно ехать в Суздаль. Воску куплено три капи. А тебе нужно прибыть сюда. Возьми с собой олова примерно четыре безмена и примерно два красных полотенца. А деньги плати сразу же.

Грамота № 1 из Твери

От Станимира поклон Михалу Домажировичу. Если хочешь взять половину денег, – я поручитель перед твоим отцом за Иванка. Если же не хочешь, так я больше дать не могу.

Грамота № 10 из Старой Руссы

Это грамота от Ярилы к Онании. В Городище, твоём владении, только воду пить. А рушане скорбят о городищанах. Пожалуйста, припугни дворян, чтобы не пакостили.

От Жировита къ Стоянови. Како ты у мене и чьстьное дрѣво възъмъ и вевериць ми не присълещи, то девятое лето. А не присълещи ми полу пяты гривны, а хоцу ти вырути въ тя луцьшаго новѣгорожянина. Посъли же добръмъ.

...поклѣпаетъ¹¹⁵⁸ сего 40-ми рѣзанами. А замъке кѣле, а двѣри кѣлѣ, а господарь въ не тяжѣ не дѣе. А продаи клеветьника того. А у сего смърѣда възяти епископу ... смърѣди побити клеветьника ...

...Ати буде воина, а на мя почъну, а молитесь Гостятою къ кѣнязю.

Литва възстала на корѣлу.

Жизнобуде погублене у Сычевиць новѣгородѣске смърде. А за ними и задѣница.

... Несѣдицеви полъ пятѣ рѣзанѣ, а мѣнѣ еси въдале дѣвѣ кунѣ. Цѣто же за мѣною твориши за мѣною осмѣ кунѣ и гривна? Поиди же въ городъ – могу¹¹⁵⁹ ся съ тобою яти на воду.

Грамота отъ Жизномира къ Микуле. Купилъ еси робу Плѣскове, а ныне мя въ томъ яла кѣнягыни. А ныне ся дружина по мя поручила. А ныне ка посъли къ тому мужеву грамоту: е ли у него роба?¹¹⁶⁰ А се ти хочу, коне купивъ¹¹⁶¹ и кѣняжѣ мужѣ възсадивѣ, та на съводы. А ты атче еси не възалъ кунѣ техѣ, а не емли ничѣто же у него.

Покланяние от Ефрѣма къ брату моему Исухиѣ. Не распрашавъ розгнѣвася: мене игумене не пустиле. А я прашалъся, нѣ посълалъ съ Асафѣмъ къ посаднику меду дѣля. А пришѣла есѣвѣ, оли звонили. А чему ся гнѣваеши? А я вѣсьгда у тебе. А соромъ ми, оже ми лихо мѣлвляше. И покланяю ти ся, братьче мои, то си хотя мѣлви. Ты еси мои, а я твои.

Грамота отъ Гюрьга къ отъчеви и къ матери. Продавъше дворъ, идите же сѣмо – Смольнску ли Кыеву ли: дешевети хлебе. Али не идете, а присълите¹¹⁶² ми грамотичу, сторови ли есте.

От Нѣжеке ко Завиду. Чему не восолеси, чето ти есемо вода ковати? Я дала тобѣ, а Нѣжятѣ не дала. Али чимо есемо виновата, а восоли отроко.¹¹⁶³ А вода ле ми еси хамече; а чи за то не даси, а восоли ми вѣсть. А не сестра я вамо,¹¹⁶⁴ оже тако дѣлаете, не исправити ми ничето же! А во три колотока воуе; то ти 4 золотникѣ во кольцо тию.¹¹⁶⁵

... вляшь дѣяти, а ты чрьсо силу дѣяшь. Ажъ бы ты добромъ¹¹⁶⁶ жила братомъ...¹¹⁶⁷ Поживи жъ съ Гурьгъмъ жъ со Лукою. А возывахо тя състрою нѣвѣстокою.¹¹⁶⁸

От Братятѣ къ Нежилу. Поиди, сыну,¹¹⁶⁹ домовъ – свободне еси. Паки ли не идеши, а послу на тя ябѣтникѣ. Я заплатилъ 20 гривнѣ, а ты свободнѣ.

От Мѣстятѣ ко Гавошѣ и ко Содиль. Попытаита ми коня. А Мѣстятѣ ся вама покланя. Аже ва цѣто надобѣ, а солита ко монѣ, а грамоту водаита. А у Павла скота попросита. А Мѣстятѣ...

От Павѣла из Ростова къ Братонѣжъку. Аже то лодия присълана кыянина, обѣсти ю князю, дати не буде присловѣя ни тобѣ, ни Павѣлови.

От Говѣнное ко Нѣжнѣцю. Дае 6 десято¹¹⁷⁰ куно лодиеную. Повѣдало Говѣно, ида на судо,¹¹⁷¹ а попѣ пѣсалѣ. А дае Луцѣ. Оли не водаси, то я у конязя, поема отроко, прижѣ¹¹⁷² приедю¹¹⁷³ – а во боле ти вонидѣ.

Покланяние ото¹¹⁷⁴ Душилѣ ко Нястѣ. Шѣль ти есѣмѣ Кучѣкѣву.¹¹⁷⁵ Ажѣ ти хѣтя жѣдати али¹¹⁷⁶ ти нѣ хѣтя жѣдати,¹¹⁷⁷ а у Фѣдокѣ, обруцѣ еѣ водадѣ, а свое вѣзѣму.

От Савѣ покланянее къ братѣи и дружинѣ. Оставили мя были людѣе; да оstatt дани исправити было имѣ досени, а по первому пути послати и отѣбыти проче. И заславѣ, Захарѣя вѣ вѣре уроклѣ: «Не даите Савѣ ни одиногo пѣсцѣ хотя на нихѣ емати. Самѣ вѣ томѣ». А вѣ томѣ ми ся не исправилѣ вѣ борзѣ, ни къ вамѣ, ни ту ти былѣ. А вѣ томѣ есѣмѣ оstatt. По томѣ пришли смерди, от Анѣдрѣя мужѣ прияли, и дане отѣяли людѣе.

И осьмь высягла, что о Тудоре. Порозумѣите, братъе, ему, даче что въ *то* ему състане тягота тамъ и съ дружиною егъ.

А селечяномъ своимъ¹¹⁷⁸ кѣнязь самъ отъ Волоку и отъ Мѣстѣ учястокѣ водале. Аче ли ти, братъе, вины людѣе на мя не ищутъ, а довѣдока буде, то же нынеца радъ быхъ послале грамоту.

От Сѣмѣка къ Кулотѣкъ. Оже то еси казале Несѣдѣ вѣверичѣ тихѣ дѣля, коли то еси приходиле въ Русь¹¹⁷⁹ съ Лазѣвкъмъ, тѣгдѣ възяле у мене Лазѣвке Переяславѣлъ.

Отъ Судише къ Нажиру. Се Жядѣке пославѣ ябетника дова, и пограбила мя въ братни долгъ. А я не поруцене Жядку. А възборони ему, оти не после на мя опаса... Еду в...

... три гривнѣ нѣ отопусти.¹¹⁸⁰ Или нѣ вода, а вѣди ко старость ко Якуну.

От Якима и от Сѣмѣюна къ Дѣмитру. Вѣдаи паробѣку сему конѣ полубуивѣ¹¹⁸¹ же шизии и, сѣтворя добрѣ,¹¹⁸² помощи ему поправити – любо и до Коростомля.

От Куземе ко Цереню. Водае паробоку моему 7 надесяте гривено, а не удережи, посоли семо. А со берековеско¹¹⁸³ соли посоли семо. А ци цето ти товара надобе, а то восолю.

Покланяние от игуменіе къ Офросеніе. Присли привитѣку и повои. Ци ти многи повои, а присли и до 5-ти повои. А я нугене пецалуюся¹¹⁸⁴ цереницами: постригати въ борозе. Тому даи попытай, есте ли Матфѣй у монастыри.

Покланяние от Хаританіе ко Сѣфии. Ежѣ то ти есѣмъ посѣлала¹¹⁸⁵ 3 резане Михальви на повои, да же ти вѣдалѣ. Да молю ти ся, госѣпоже ка моя, да посѣлъ¹¹⁸⁶ во борожѣ и рыбицѣ выдалѣ ти. И целую тя.

Покланяние¹¹⁸⁷ от Пелаге ка Алфиміе. Съ святее дѣля Варѣваре вѣверице твое въ городѣ от Домацка; а у Жирослава суть. А потоснися въ городѣ. А святѣе Варѣварѣ тѣлиця сторова ли?

Покланяние от Янокѣ со Сѣлятою ко Яринѣ. Хоцѣтъ ти твоего дѣтятицѣ. О свято жѣ ти еѣ хоцѣ.¹¹⁸⁸ Ажѣ хоцѣши, во брозѣ жѣ седѣ буди. И яла есмо ся ему по руку, яко ты си мловила ему ты дни: «Придѣши – томо дни поиму». И нѣ ли ти

тамо повоица, а кръвоши¹¹⁸⁹ присоли. А кодъ ти мнѣ хльбъ, ту и тобѣ.

От Гостяты къ Васильви. Еже ми отьць даялъ и роди съдаяли, а то за нимъ. А нынѣ вода новую жену, а мнѣ не въдасть ничьто же. Избивъ руки,¹¹⁹⁰ пустилъ же мя, а иную поялъ. Доеди, добрѣ сътворя.¹¹⁹¹

От Смолигу къ Грецинови и к Мирославу. Вы ведаета, оже я тяже не добыле. Тяжя ваша. Нынеча жена моя заплатила 20 гривнѣ, оже есть посулили Давыдѣви князю.

От Мирслава к Олисьеви ко Грицину. А ту ти вънидѣте Гавѣко полоцанино. Прашаи его, кодъ ти на господѣ витаеть. Ать ти видѣло, како ти было я Ивана ялъ, постави ѥ прѣдѣ людьми, како ти взмоловить.

Покланяние от попа къ Грьцину. Напиши ми шестокриленая аньгела 2 на дову икуноку на верьхо деисусу. И цѣлую тя. А Богъ за мѣздою или ладивься.

От попа от Минѣ ко Грьцину. А буди семо ко Петрову дени съ икунами семо.

От Ане поклоно ко Климяте. Брате господине, попецалуи о моемо орудѣе Коснятину. А ныне извета ему людьми: «Како еси возложило поруку на мою сестру и на доцерь еи, назовало еси състру мою коровою и доцере блядею, а нынеца Федо, прѣхаво, услышаво то слово, и выгонало сестру мою и хотело потяти». А нынеца, господине брате, согадаво со Воеславомо, молови ему: «Тако еси возложило то слово, тако доведи». Аже ти возомолови Коснятино: «Дала руку за зяте», ты же, браце господине, молови ему тако: «Оже буду люди на мою състру, оже буду люди, при комо буду дала руку за зяте, то те я во вине». Ты пако, брате, испытаво, которое слово возвело на мя и поруку, а буду люди на томо, – тебе не сестра, а мужеви не жена!¹¹⁹² Ты же мя и потени, не зеря на Федора! И даяла моя доци куны людьми¹¹⁹³ с ызветомо, а заклада просила. И позовало мене во погосто, и язo прехала, оже оно поехало проце, а река тако: «Язо солю 4 дворяно по гривене сѣребра».

От Рьмьшѣ покланянье къ Климятѣ и къ Павѣлу. Бога дѣля, котореи любо потрудися до владычѣ; съкажита владычѣ мою

оби́ду и мои бои желѣза. А я ему не дѣлѣжне ничимъ же. И молю ва ся.

Покланяние от Домажира ко Якову. Я у тебе слышу, цето ты молвише. Оце е тебе не годена, а попроведи ко мене сестру. Азъ быле лони наделиле, а ныне быхо посолале.¹¹⁹⁴ А ныне слышу болену сестру. Оце ю Бого поемете, а присоли сыно¹¹⁹⁵ ко мене со ее знатебою, оте побуде сыно у мене, а я ся имо потешу, и посолю ю¹¹⁹⁶ опяте во городо. Паки ли не управише того, а я тя передамо святее Богородице, ко нее же еси заходили роте.

От ... ко Спироку. Оже ти не возяло Матее капи, воложи ю со Прусомо ко мне. Язо ти олово попродаде и свинеце и клепание вохо. Уже мне не ехати во Сужедале. Воску куплены 3 капи.¹¹⁹⁷ А тебе поити суда. Воложи олова со цетыри безмене,¹¹⁹⁸ полотенеца со дова цереленая.¹¹⁹⁹ А куны прави со проста.

От Станимира поклоно ко Михалу ко Домажировицу. Хоцеси возяти половину куно – я поруцене отецеве твоему по Иванока. Не хоцеси ли, да я боле не могу водати.¹²⁰⁰

Съ грамота от Яриль ко Онание. Въ волости твоеи толико вода пити¹²⁰¹ в городищяных. А рушань скорбу про городищяне. Аже хоцьши, ополош дворян, абыша нь пакостили.

В. А. Жуковский. «Слово о полку Игореве»

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых времен.
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал – того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей
пускал!
Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился,
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дань в полон.

Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона!»
Вспала князю на ум охота,
А знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, – он рек, – преломить копье
На конце поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или выпить шеломом из Дона».
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропюю Трояновой чрез поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, оного Олега внуку:
Не буря соколов занесла чрез поля широкие –
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов:
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода!
И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь,
Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском!
Метки в стрельбе мои куряне,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,

Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».
Тогда вступил князь Игорь в златое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозою шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных!
Див кличет на верху древа:
Велит прислушать земле незнакомой,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан тьмотороканский.
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону
великому.
Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди;
Игорь ратных к Дону ведет!
Уже беда его птиц скликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червлёные щиты...
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлёнными щитами прегородили,
Ища себе чести, а князю славы.
В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки
половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев
половецких,
А с ними и злато, и паволоки, и драгие аксамиты!

Ортмами, епанчицами, и кожухами, и разными узорочьями
половецкими

По болотам и грязным местам начали мосты мостить.

А стяг червлёный с белою хоругвию,

А челка червлёная с древком серебряным

Храбромому Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо –

Далеко залетело!

Не родилось оно на обиду

Ни соколу, ни кречету,

Ни тебе, чёрный ворон, неверный половчанин!

Гзак бежит серым волком,

А Кончак ему след прокладывает к Дону великому!

И рано на другой день кровавые зори свет поведуют;

Чёрные тучи с моря идут,

Хотят прикрыть четыре солнца,

И в них трепещут синие молнии.

Быть грому великому!

Идти дождю стрелами с Дону великого!

Тут-то копьям поломаться,

Тут-то саблям притупиться

О шеломах половецкие,

На реке на Каяле, у Дона великого!

О Русская земля, далеко уж ты за горами!

И ветры, Стрибоговы внуки.

Веют с моря стрелами

На храбрые полки Игоревы.

Земля гремит,

Реки текут мутно,

Прахи поля покрывают,

Стяги глаголют!

Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.

Русские полки отступили.

Бесовы дети кликом поля прегородили,

А храбрые русские щитами червлёными.

Ярый тур Всеволод!

Стоишь на обороне,

Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным;
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие,
Порубленные калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братие,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О свычае и обычае милой супруги своей, Глебовны
красная.

Были веки Трояновы,
Миновались лета Ярославовы;
Были битвы Олега,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тьмуторокане!
Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын
Всеволодов;
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
И на конскую зеленую попону положили его
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца своего
Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и вырастало
междоусобие.

Погибала жизнь Дажьбожиих внуков,
Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто граяли враны,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили:
Хотим полететь на добычу!
То было в тех сечах и в тех битвах,
Но битвы такой и не слыхано!

От утра до вечера,
От вечера до́ света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костями была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле возшло бедой!
Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает!
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир dokonчили бесстрашные русские,
Сватов попили,
А сами легли за Русскую землю!
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле преклонилось.
Уже невеселое, братья, время настало;
Уже пустыня силу прикрыла!
И встала обида в силах Дажьбожиих внуков,
Девой вступя на Троянову землю,
Крыльями всплеснула лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена, благоденствием обильные,
Миновалися брани князей на неверных.
Брат сказал брату: «То мое, а это мое же!»

И стали князья говорить про малое, как про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех сторон приходили с победами на
Русскую землю!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А храброму полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле
поскакали,
Мча разорение в пламенном роге!
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много утрачено!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилась по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русския.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами набегали на Русскую землю,
Дань собирая по белке с двора.
Так-то сии два храбрые Святославичи,
Игорь и Всеволод, раздор пробудили,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь киевский.
Гроза был Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными битвами
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки, болота;
А Кобяка неверного из луки моря,
От железных великих полков половецких
Вывал, как вихорь!
И Кобяк очутился в городе Киеве,

В гриднице Святославовой.
Немцы и венецы,
Греки и Моравы
Славу поют Святославу,
Кают Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпая ее золотом русским.
Там Игорь-князь из золотого седла пересел на седло отрока;
Уныли в градах забрады,
И веселие поникло.
И Святославу смутный сон привиделся:
«В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, – рек он, – черным покровом на кровати
тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?»
И бояре князю в ответ рекли:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
Поискать города Тьмотороканя
Или выпить шеломом из Дона.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах.
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле
И в море ее погрузили,

И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя грянула на волю,
Вергнулся Див на землю!
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают месть Шураканову.
А наши дружины гладны веселием!»
Тогда изронил Святослав великий слово златое, со слезами
смешанное:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честью вы победили,
С нечестием пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего сильного, богатого,
многовойного брата Ярослава
С его черниговскими племенами,
С монгутами, татранами и шелбирами,
С топчаками, ревугами и олберами!
Они без щитов с кинжалами засапожными
Кликом полки побеждали,
Звения славою прадедов.
Вы же рекли: «Мы одни постоим за себя,
Славу переднюю сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!»
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего!
Но горе, горе! Князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!

Вот и у Роменя кричат под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где ж ты, великий князь Всеволод!
Иль не помыслишь прилететь издалеча, отцовский златой
престол защитить?

Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с нами, и была бы дева по ногате,
А отрок по резане.
Ты же по суху можешь
Стрелять живыми шереширами с чадами Глеба удалыми;
А вы, бесстрашные Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле
незнаемом?

Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осьмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом,
Подпер Угрские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
И угроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь к Киеву,
Стреляешь в султанов с златого престола отцовского через
дальние земли.

Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея, за Русскую
землю,

За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и ты, смелый Роман!
Храбрая мысль носит вас на подвиги,
Высоко возлетаете вы на дело отважное,

Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогнули от них земля и многие области хановы,
Литва, деремела, ятвяги,
И половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило,
И дерево свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу!
Ольговичи, храбрые князи, dospели на бой.
Вы же, Ингвар и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам золотые шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!
Не течет уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
Под червлеными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
“Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!”
Не было тут брата Брячислава, ни другого – Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу

Из храброго тела
Через золотое ожерелье!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава,
Пришлось поклонить вам стяги свои,
Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславову!
О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли
Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до золотого престола киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешенный,
К утру ж, вонзивши стрикозы, раздвинул врата Новугороду,
Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немизе.
На Немизе стелют снопы головами,
Молотят цепями булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые брега Немизы не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тьмутарокани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
В колокола у святых Софии,
А он в Киеве звон слышал!

Пусть и вещая душа была в крепком теле,
Но часто страдал он от беды.
Ему первому и вещий Боян мудрым припевом предрек:
“Будь хитер, будь смышлен.
Будь по птице горазд,
Но Божьего суда не минуешь!”
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам
киевским!
Стяги его стали ныне Рюриковы,
А другие Давыдовы;
Нося на рогах их, волы ныне землю пашут,
И копья славят на Дунае».
Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой чечеткою
кличет:
«Полечу, – говорит, – чечеткою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
приговаривая:
«О ветер ты, ветер!
К чему же так сильно веешь?
Начто же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов лады моей?
Мало ль подоблачных гор твоему веянью?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянью?
Начто ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?»
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, припеваючи:
«О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
Ты пробил горы каменные
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой:
Прилелей же ко мне ты ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам, по зорям слез я на море!»

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене городской,
припеваючи:

«Ты, светлое, ты, пресветлое солнышко!

Ты для всех тепло, ты для всех красно!

Что ж так простерло ты свой горячий луч на воинов лады
моей,

Что в безводной степи луки им сжало жаждой

И заточило им тулы печалию?»

Прыснуло море ко полуночи;

Идут мглою туманы;

Игорю-князю Бог путь указывает

Из земли Половецкой в Русскую землю,

К златому престолу отцовскому.

Приугасла заря вечерняя.

Игорь-князь спит – не спит:

Игорь мыслию поле меряет

От великого Дона

До малого Донца.

Конь к полуночи;

Овлур свистнул за рекою,

Чтоб князь догадался.

Не быть князю Игорю!

Кликнула, стукнула земля;

Зашумела трава:

Половецкие вежи подвигнулись.

Прянул князь Игорь горностаем в тростник,

Белым гоголем на воду;

Взвергнулся князь на быстра коня,

Соскочил с него босым волком,

И помчался он к лугу Донца;

Полетел он, как сокол под мглами,

Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду, и ужину.

Когда Игорь-князь соколом полетел,

Тогда Овлур волком потек за ним,

Сбивая с травы студеную росу:

Притомили они своих борзых коней!

Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!

Не мало тебе величия,
Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Тебе, лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зеленú траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого древа,
Охранявшему его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернедами на ветрах.
Не такова, – примолвил он, – Стugna-река:
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов расторгает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега зеленые.
Плачет мать Ростислава
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле преклонило».
Не сороки защекотали –
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злаченными!»
Гзак в ответ Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка опутаем красной девицей!»

И сказал опять Гзак Кончаку:
«Если опутаем красной девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красной девицы
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!»
Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дочери
когановой.

«Тяжко, – сказал он, – быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»
Худо Русской земле без Игоря.
Солнце светит на небе –
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
Ко святой Богородице Пирогощей.
Радостны земли,
Веселы грады! –
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!
Между 1817 и 1819

Н. А. Заболоцкий. Слово о полку Игореве

Вступление

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его –
В похвалу трудам его и ранам –
По былинам времени сего,
Не гоняясь мыслью за Бонном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десятков.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славил старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной.
Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.
Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, –
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.
О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулою кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»
Часть первая
1
Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй-тур Всеволод: «Единый

Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят».

2

А куряне славные –
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю – славы, почестей – себе!

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонену!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум –
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:

«Копие хочу я преломить
В Половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремя вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван Тмутороканский!

5

И бегут, слышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы –
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
На щиты червлёные лисица
Дико брешет в сумраке ночном...
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем за клубился,
Говор галок в роще пробудился,

Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю – славы, почестей – себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Грудю аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Епанчами красными врагов.
А червлёный стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега, –
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин:
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон – половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровавые зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,

Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки –
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря, с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем –
Щит к щиту – и степь загородил.

11

Славный яр-тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганных,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле

Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремя вступал в Тмуторокани.
В злат стремя вступал, готовясь к сече,
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина берега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Протянув носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь, как враг,
Внук Дажьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова –
С вечера до самого утра –
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день, рубились день, другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой на Каяле.
Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили –
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви преклонили.

16

И настала тяжкая година:
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.

Крыльями лебязжими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел за сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром и златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный –
Святослава храбрые сыны, –
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозою
Усыпил отец их Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил –
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил течение быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до Лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал, – и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и Морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного кланут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.
Часть вторая

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое, отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделия.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали,
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым —
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.

И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово,
Со слезами смешанно, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честью в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время – без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,

Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы прадедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
“Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую”.
Диво ль старцу, мне, помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, –
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, –
Продавали б девок по ногате,
А рабов – по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломя?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки

Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремя
За обиду в этот черный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны –
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом – за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В киевские входишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь –
За Русскую землю,
За Игоревы раны –
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая.
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,

Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Сулѣ, по Рóси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингв́арь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честнóм
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны –
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганных в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками

Всеславу-деду славы прирубил.
А сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обогранный,
Упал на щит червлёный, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел
И примчался к древнему престолу,
И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем,
И Всеслав, повиснув в синей мгле,

Выскочил из Белгорода зверем –
Не жилец на Киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают –
День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом – мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав:
Не добром засеял их оратай,
Но костями русскими – Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер – в Киеве, до зорь – в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересечь.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Всё ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:

«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние години вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти – Рюрик носит, те – Давид,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.
Часть третья

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,

Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»
На заре в Путивле, причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»
2
И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь помчался к северу родному –
Сам Господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит.
Дремлет Игорь, но не засыпает.

Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздрагнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.
В горностаю-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь.
И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.
Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.
Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.
Без дорог летит он, без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.
Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит.
Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке.
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!

Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратясь».
– «О река! – ответил князь. – Немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла».

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Преклонилось дерево к земле.

6

Не сороки во́ поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца –
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак –
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак –
Мы его опутаем девицей».
– «Коль его опутаем девицей, –
Отвечал Кончаку старый Гзак, –

Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В Половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси –
Игорь-князь явился на Руси.
Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.
По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей Богородице святой.
И страны рады,
И веселы грады.
Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:
Слава князю Игорю,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!
Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князям, и дружине слава!

1946, 1958

Д.С. Лихачев. Повесть о походе Игоревои, Игоря, сына Святославова, внука Олегова

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревои,
Игоря Святославича?
Да начнем же песнь эту
по былинам нашего времени,
а не по замыслению Бояна.
Боян же вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.
Вспоминал он, как говорил,
первых времен усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редёдю пред полками касожскими,
красному Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.
Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужествои;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую

за землю Русскую.
Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих
тьмою прикрытых.
И сказал Игорь-князь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть;
сядем же, братья,
на борзых коней
да посмотрим
на синий Дон».
Ум князя уступил
желанию,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.
«Хочу, – сказал, – копье преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».
О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.
Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть песнь Игорю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие –
стаи галок бегут
к Дону великому».
Или так бы начать тебе петь,
вещий Боян,

Велесов внук:
«Кони ржут за Сулой –
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде –
стоят стяги в Путивле!»
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый –
ты, Игорь!
Оба мы – Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзых коней,
а мои-то готовы,
оседланы у Курска еще раньше.
А мои-то куряне – опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли избóстры;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».
Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
встребенул див –
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться – земле неизвестной,
Волге,
и Поморью,
и Посулью,

и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол!
И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги в полночи,
словно лебеди распуганные.
А Игорь к Дону воинов ведет!
Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;
волки грозу поднимают
по оврагам;
орлы клетотом на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.
О Русская земля! уже ты за холмом!
Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами перегородили,
ища себе чести, а князю – славы.
Спозаранок в пятницу
потоптали они поганные полки половецкие
и, разлетевшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими узорочьями половецкими.
Червлен стяг,
белая хоругвь,

червлена чёлка,
серебряно древко –
храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!
Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половчине!
Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.
На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!
О Русская земля! уже ты за холмом!
Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.
Ярый тур Всеволод!

Бьёшься ты в бою,
прищешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим златым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Рассечены саблями калеными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь, и
богатство,
и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой желанной прекрасной Глебовны
свычаи и обычаи?
Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступал в золотое стремя в городе Тмуторокане,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела
и на Канину зеленое погребальное покрывало постлала
за обиду Олега,
храброго и молодого князя.
С той же Каялы Святополк повелел отца своего привезти
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Дажьбожа внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны гра́яли,
трупы между собой деля,

а галки свою речь говорили,
собираясь полететь на добычу.
То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копья булатные
в поле неизвестном,
среди земли Половецкой.
Черная земля под копытами костью была засеяна
и кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.
Что мне шумит,
что мне звенит –
издалека рано до зари?
Игорь полки заворачивает,
ибо жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина не достало;
тут пир закончили храбрые русичи:
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а дерево с горем к земле приклонилось.
Уже ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
восплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона;
плеща, прогнала времена изобилия.
Борьба князей против поганых прекратилась,

ибо сказал брат брату:
«Это мое, и то мое же».
И стали князья про малое
«это великое» говорить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.
О, далеко залетел сокол, птиц побивая, – к морю!
Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Кáрна, и Жéля
поскакала по Русской земле,
огонь мыкая в пламенном роге.
Жены русские восплакались, приговаривая:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а золота и серебра совсем не потрогать».
И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора.
Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их –
Святослав грозный великий киевский –
грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,

иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и чехи
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы – реки половецкой, –
просыпав русского золота.
Тут Игорь-князь пересел из седла золотого
в седло рабское.
Приуныли у городов забралы,
а веселие поникло.
Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера одевали меня, – говорит, –
черным покрывалом
на кровати тисовой;
черпали мне синее вино,
с горем смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганных иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.
Уже доски без князька
в моем тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесеньска,
в предградье стоял лес Кияни,
и понесли меня вороны к синему морю».
И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели
с отчего престола золотого
добыть города Тмутороканя

или испить шлемом Дона.
Уже соколам крыльца подсекли
сабли поганных,
а самих опутали
в путы железные».
Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столба погасли,
и с ними два молодых месяца –
Олег и Святослав –
тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла –
по Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы уже, дружина, без веселья!
Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешанное,
и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.
Но не с честью вы одолели,
не с честью кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы

и в смелости закалены.
Что же сотворили вы моей серебряной седине?
Не вижу уже власти
сильного,
и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татра́нами,
и с шельби́рами,
и с топача́ками,
и с реву́гами,
и с ольбе́рами.
Те ведь без щитов, с засапожными ножами
кликком полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.
Но сказали вы: “Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!”
А разве дивно, братья, старому помолодеть?
Когда сокол линяет,
высоко птиц взбивает:
не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло – князья мне не помогают;
худо времена обернулись.
Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
а Владимир под ранами.
Горе и тоска сыну Глебову!»
Великий князь Всеволод!
Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека
отчий золотой стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вылить!
Если бы ты был здесь,
то была бы раба по ногáте,
а раб по рэзани.

Ты ведь можешь посуху
живыми копьями стрелять –
удальными сыновьями Глебовыми.
Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
золочеными шлемами по крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, как туры,
раненные саблями калеными
на поле незнаемом?
Вступите же, господа, в золотые стремяна
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!
Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
на своем златокованом престоле,
подпер горы Венгерские
своими железными полками,
заступив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча тяжести через облака,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отчего золотого престола
салтанов за землями.
Стреляй же, господин, в Кончака,
поганого раба,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!
А ты, буйный Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг.
Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
точно сокол на ветрах паря,

стремясь птицу храбро одолеть.
Есть ведь у вас железные по́двязы
под шлемами латинскими.
От них дрогнула земля,
и многие страны –
Хінова,
Литва,
Ятвя́ги,
Деремéла,
и половцы копья свои повергли,
а головы свои подклонили
под те мечи булатные.
Но уже, о князь Игорь,
померк солнца свет,
а дерево не к добру листву обронило:
по Рóси и по Сулé города поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань...
Ингварь и Всеволод,
и все три Мстиславича,
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
расхитили вы себе владения!
Где же ваши золотые шлемы
и копья польские
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!
Уже Сула не течет серебряными струями
для города Переяславля,
и Двина болотом течет
для тех грозных полочан

под кликом поганных.
Один только Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под червлеными щитами
на кровавой траве
был прибит литовскими мечами
на кровь со своим любимцем,
а тот и сказал:
«Дружину твою, князь,
крылья птиц приодели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава,
ни другого – Всеволода.
Так в одиночестве изронил он жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье.
Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!
Ярослава все внуки и Всеслава!
Склоните стяги свои,
вложите в ножны свои мечи поврежденные,
ибо лишились вы славы дедов.
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганных
на землю Русскую,
на богатство Всеслава.
Из-за усьобицы ведь настало насилие
от земли Половецкой.
На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.
Он хитростями оперся на коней
и скакнул к городу Киеву
и коснулся древком

золотого престола киевского.
Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл он счастье,
с трех попыток отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,
скакнул волком
до Немиги с Дудуток.
На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны –
посеяны костями русских сынов.
Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал:
из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и вещая душа у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.
Ему вещий Боян
давно припевку, разумный, сказал:
«Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда Божьего не миновать».
О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить к горам киевским:
теперь же встали стяги Рюриковы,

а другие – Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.
Копья поют!
На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою безвестною рано кукует.
«Полечу, – говорит, – кукушкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».
Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?
Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?
Разве мало тебе было высоко под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье
по ковылю ты развеял?»
Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале, приговаривая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слезы
на море рано».
Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,

горем им колчаны заткнуло?»
Прыснуло море в полночи,
идут смерчи тучами.
Игорю-князю Бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу.
Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуместь:
князю Игорю не быть в плену!
Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.
А Игорь-князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излуине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.
Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студеную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.
Донец говорит:
«О князь Игорь!
Немало тебе величия,

а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия».
Игорь говорит:
«О Донец!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чёрнядами на ветрах».
Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.
То не сороки застрекотали –
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозьи ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.
Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
своими золочеными стрелами».
Говорит Кончак Гзаку:

«Если сокол к гнезду летит,
То опутаем мы соколенка
красною девицей».
И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком».
Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
старого времени Ярослава,
Олега-князя любимцы:
«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы» –
так и Русской земле без Игоря.
Солнце светится на небе, –
а Игорь-князь в Русской земле;
девицы поют на Дунае, –
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
ко святой Богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.
Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:
Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»
Здравы будьте, князь и дружина,
борясь за христиан
против нашествий поганных!
Князьям слава и дружине!
Аминь.
1950, 1986.

Примечания

¹ - Сперанский М. Н. История древней русской литературы. Пособие к лекциям в университете. Введение. Киевский период. Изд. 3-е. М., 1920, с. 282.

² - Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. – Труды Отдела древнерусской литературы, т. IV. М.–Л., 1940.

³ - О культе Земли см. подробнее в работе: Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. – Труды Отдела древнерусской литературы, т. XVI. М.–Л., 1960.

⁴ - Хотя между Дунаем и Киевом лежит суша, но автор «Слова», согласно представлениям своего времени, видит пространство по путям передвижения. Путь же от Дуная до Киева шел по морю, а затем по Днепру.

⁵ - Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М.–Л., 1946, с. 48.

⁶ - Мнение о делении литературы по областям возникло под влиянием ложного представления о том, что литература должна непременно пассивно следовать за действительностью. На самом деле литература определяется действительностью, но в иные исторические периоды идет впереди действительности, выражая ее скрытые тенденции.

⁷ - ...раба лениваго... не створившаго прикупа...– Ср, Мф. 25, 14–30.

⁸ - ...до Великаго моря.– Средиземное море.

⁹ - До Петалы острова...– По-видимому, о. Мармара в Мраморном море.

¹⁰ - ...на узыцѣм мори...– Мраморное море.

¹¹ - ...град Ираклия Великаа.– Гераклея или Ираклия во Фракии.

¹² - ...святїи мученици погружени суть мнози от мучителейъ.– Имеются в виду, по-видимому, какие-то жертвы гонений на христиан либо при языческих римских императорах (I–III вв.), либо при византийских императорах-иконоборцах (VIII–IX вв.).

- ¹³ - ...до Калиполя...— Город Галлиполи при входе в Дарданеллы на европейском берегу.
- ¹⁴ - ...до Авида града...— Древний Вбидос, в Дарданеллах.
- ¹⁵ - ...Еуфимие Новый.— Византийский святой (время жизни неизвестно, память 4 января).
- ¹⁶ - ...к Святѣй Горѣ...— Полуостров Афон, где находится множество монастырей.
- ¹⁷ - ...к Селуню...— Город Фессалоники, Солунь.
- ¹⁸ - ...до Тенеда острова...— Остров Тенедос в Эгейском море.
- ¹⁹ - ...святой Навгудимос мученикъ.— Византийский святой-мученик Авгудим (III в.).
- ²⁰ - ...град великъ... Трояда, и ту есть Павелъ апостолъ приходиль...— Город в районе древней Трои, в который, как следует из Деяний апостолов и апостольских Посланий, несколько раз приходил апостол Павел.
- ²¹ - ...святой митрополит Мелетиньскы.— Георгий Исповедник, митрополит Митилинский, пострадавший в первой половине IX в. при византийском императоре-иконоборце Льве V Армянине.
- ²² - ...до Метании... А от Мелетинии...— Остров Митилин в Эгейском море.
- ²³ - ...до Ахия острова...— Остров Хиос.
- ²⁴ - ...святой мученикъ Исидоръ...— Святой-мученик, пострадавший в 252 г. при римском императоре Декии.
- ²⁵ - ...до Ефеса града...— Город Эфес в Малой Азии.
- ²⁶ - ...Иоанна Богословца...— Иоанн Богослов, или Евангелист, предполагаемый автор нескольких книг Нового завета: Евангелия от Иоанна, трех Соборных посланий и Апокалипсиса.
- ²⁷ - ...тѣлеса 7-ми отрок, иже спали 300 и 60 лѣт...— Эфесские святые отроки-мученики Максимилиан, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан-Константин и Антонин.

²⁸ - ...при Декии цари...– Римский император Декий (249–251 гг.), гонитель христиан.

²⁹ - ...при Феодосии цари...– Византийский император Феодосий II Младший (408–450 гг.).

³⁰ - ...святой Александръ...– Какой именно, неизвестно.

³¹ - ...святити препръша Нестория еретика.– Несторий, патриарх Константинополя в 428–431 гг., говорил о раздельном существовании в Иисусе Христе божественной и человеческой природы и называл Богоматерь не Богородицей – ибо Бога, считал он, человек родить не может,– а Христородицей; усилиями александрийского епископа Кирилла и его сторонников учение Нестория было осуждено на 3-м вселенском соборе, состоявшемся в 431 г. в г. Эфесе. Свои дни Несторий окончил монахом в Египте; его последователей называют несторианами.

³² - ...баня Диоскорадова, идеже работал Иоаннъ Богослов с Прохором у Романы... Иоанна Богословца море изверже...– Имеются в виду события, описанные в «Житии Иоанна Богослова»: спасение его после кораблекрушения и работа в принадлежавшей городскому старейшине Диоскороду бане под началом крутой нравом женщины по имени Романа, заведовавшей баней. У Диоскорида погиб в бане сын Домн; Иоанн Богослов воскресил его, чем обратил Диоскорида и Роману к христианству.

³³ - ...до Сама острова...– Остров Самос.

³⁴ - ...до Кария острова... Таже Род островъ...– Острова Икария, Патмос, Лерос, Калимнос, Низиро (Нисера), Истанкой (Кос), Телос (Тилос) и Родос в Эгейском море.

³⁵ - И в томъ островъ был Олегъ князь русский 2 лѣтъ и 2 зимъ.– Михаил-Олег Святославич, черниговский князь; о его ссылке половцами «за море Царюграду» в 1079 г. и о возвращении его «из грек Тматороканю» в 1083 г. сообщает Лаврентьевская летопись; о пребывании его на о. Родос говорит только Даниил.

³⁶ - ...до Макрии...– Город Макрин на берегу Ликии.

- 37 - ...темьянъ черный игоифит.— Фимиам, ладан, древесная ароматическая смола (γομφύτις).
- 38 - Имя древу тому зигия...— Граб (ζυγία).
- 39 - ...рака...— В других списках: стурика, стюряка, турика; имеется в виду дерево стиракс, или сторакс (στούραξ).
- 40 - ...поноровъ...— Гусеница.
- 41 - ...до Патера града...— Город Патара, приморский город в юго-западной Ликий.
- 42 - ...до Миръ...— Город Миры на побережье Ликии.
- 43 - ...до Хилидония...— Мыс Хелидони на Средиземноморском побережье Ликии.
- 44 - ...святой Епифание...— Епифаний, архиепископ Кипрский, проповедник и писатель (ум. 403).
- 45 - ...апостоль Варнава...— Один из 70 апостолов, кипрянин родом.
- 46 - ...святой Зион...— Либо Зион пресвитер, замученный в начале IV в., либо мученик Зион, ученик Иасона и Сосипатра, один из 70 апостолов.
- 47 - ...святой Трифолие епископъ...— Трифиллий, епископ г. Левкосия на о.Кипр в IV в.; в числе первых совершил вместе с матерью паломничество в Святую землю.
- 48 - ...и святой Филагриос епископ...— Епископ Кипра, ученик апостола Павла. Эти слова пропущены в нашем списке; восстановлены по списку РГБ, Рум., № 335.
- 49 - ...святаа Елена крестъ поставила...— Елена — мать византийского императора Константина I; поставленный ею на Кипре крест — по преданиям, тот, на котором был распят один из двух одновременно с Христом казненных разбойников, признавший в Иисусе Сына Божия и потому называемый благоразумным разбойником.
- 50 - ...до святого Георгия.— Византийский святой-великомученик, обезглавленный в 303 г. при императоре Диоклетиане.
- 51 - ...и близъ есть Асколонъ град...— Город Асколон на берегу Средиземного моря; в то время принадлежал

мусульманам и служил им главным опорным пунктом для нападений на христиан; крестоносцы овладели им только в 1154 г. при короле Балдуине III.

⁵² - ...гробъ святого пророка Самоиля, и отца Елъкана, и Марьи Египтяныни...— Пророк Самуил; о нем говорится в Первой книге Царств; жил в XI в. до н. э.; Елкана – его отец. Мария Египетская – византийская святая, первоначально – блудница в Египте; случайно попав в Иерусалим, она там раскаялась, ушла в пустыню, где и прожила до конца своих дней (ум. 521).

⁵³ - ...столпъ Давидовъ...— башня, примыкающая к дому, или замку царя Давида, цитадель Иерусалима.

⁵⁴ - ...Елеонскую гору...— Гора, отделенная от Иерусалима потоком Едрон, место ряда новозаветных событий, связанных с Иисусом Христом.

⁵⁵ - ...Святаа Святых...— Мечеть, построенная халифом Омаром I (634–644 гг.) на месте древнего иерусалимского храма и обращенная крестоносцами в церковь.

⁵⁶ - ...Стефана Первомученика...— Стефан Первомученик, один из семи первых дьяконов, поставленных в Иерусалиме апостолами; в Деяниях апостолов (6, 8–15; 7) рассказывается, что Стефан за проповедь учения Иисуса Христа был побит камнями, став таким образом первым христианским святым-мучеником; отсюда и его прозвище «Первомученик».

⁵⁷ - ...от Вифлеома...— Город Вифлеем в Иудее; согласно Евангелиям – место рождения Иисуса Христа.

⁵⁸ - ...врата Вениаминова.— Вениаминовы, или Давыдовы – западные ворота Иерусалима.

⁵⁹ - ...къ Святому Въскресению...— Храм Воскресения Господня, сооруженный на месте разрушенного в 1010 г.; в 1130 г. был перестроен крестоносцами.

⁶⁰ - ...Гроб Господень.— Пещера посреди храма Воскресения, в которой, по преданию, был похоронен Иисус Христос.

⁶¹ - ...Адамово воздвижение...— Изображение сошествия Христа в ад: Христос за руки «воздвигает» – выводит из ада – Адама и Еву.

⁶² - ...възнесение Господне...– Изображение вознесения воскресшего Иисуса Христа на небо.

⁶³ - ...Благовѣщение.– Событие, о котором говорится в Евангелии от Луки (1, 26–38): ангел Гавриил, посланный к деве Марии, обрученной Иосифу из рода Давида, сообщил ей, что ее осенит сила Всевышнего и у нее родится сын, которого она назовет Иисусом.

⁶⁴ - ...Пупъ земли...– «Пуп земной», «середина» или «средоточие» земли – место за алтарем храма Воскресения Господня; основанием для такого названия служат слова 73-го псалма (12): «спасение посреди земли», и фраза библейской Книги Иезекииля (5:5): «Это – Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него – земли».

⁶⁵ - ...до Распятия Господня...– Место распятия Иисуса Христа, Голгофа.

⁶⁶ - ...до Края...– То же, что «Крайниевое мѣсто, еже есть Лобное мѣсто» (Κρανί ου τόπος), о котором дальше идет речь; по Даниилу – нижняя часть Голгофы.

⁶⁷ - ...пръвозданого Адама глава...– Кровью распятого Иисуса Христа, согласно легенде, отразившейся в ряде апокрифических произведений, был омыт череп Адама.

⁶⁸ - ...раздѣлиша ризы его.– В соответствии с пророческими словами Псалтыри «разделиша ризы моя себе и о одежды моей меташа жребий»(Пс. 21:19), одежды распятого Иисуса Христа, по рассказам Евангелий (Мф. 27, 35; Мр, 15, 24; Лк. 23:34), были разделены распявшими его римскими солдатами.

⁶⁹ - ...вѣнецъ трьновъ... и в багряницу поругания облекоша.– Согласно Евангелиям (Мф. 27–31; Мр. 15, 16–19), Иисуса Христа, осужденного римским прокуратором Пилатом на распятие, римские солдаты, чтобы надругаться над ним, облекли в одежду багряного цвета, а на голову одели венок из колючего растения и глумливо воздавали ему почести как царю: багряница изображала царскую мантию, терновый венец – корону.

⁷⁰ - ...жрътвенник Авраамовъ... въ Исаака мѣсто.– Имеется в виду рассказ библейской Книги Бытие (22, 1–13) о том, что

Авраам, повинаясь Богу, собрался принести в жертву сына своего Исаака; но, когда он уже взял в руку нож, его остановил голос ангела с неба; тогда Авраам принес в жертву барана, запутавшегося в чаще рогами.

⁷¹ - На то же бо мѣсто... нас ради грѣшных.— Согласно апокрифической легенде, жертвоприношение Авраама происходило на Голгофе.

⁷² - ...бракъ в Кана Галилеи...— Свадебный пир в Кане Галилейской, на который, по Евангелию от Иоанна (2, 1–11), были приглашены мать Иисуса Христа и он сам со своими учениками; там не достало вина, тогда Иисус велел наполнить водой шесть каменных водоносных сосудов и обратил эту воду в вино.

⁷³ - ...«Камо идеши... рабѣ своей».— Слова церковного песнопения, икоса, исполняемого на заутрени в Великую пятницу, то есть в пятницу Страстной седмицы – недели, предшествующей празднику Пасхи.

⁷⁴ - ...пророчество Симеоне...сына своего зачалаема.— Пророчество Симеона Богоприимца, о котором говорится в Евангелии от Луки (2, 25–35); Симеону было предсказано, что он не умрет, доколе не увидит помазанника («Христа») Господня; взяв на руки младенца Иисуса, принесенного матерью по обычаю в храм для обрезания, он пророчествовал о его будущем.

⁷⁵ - ...Мария Магдалыни и Мария Ияковля и Саломии... издалече мене сташа.— Говоря о свидетелях распятия, Даниил основывается на Евангелии от Матфея, где говорится, что там «были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых» (27:56), и на Евангелии от Марка, где сказано, что «между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова-меньшого и Иосии, и Саломия» (15:40); цитата из 37-го псалма (12).

⁷⁶ - ...Спудий...— Σπουδί от σπεύδω – спешить.

⁷⁷ - ...единого Издеслава.— Один из спутников Даниила, вероятно, – упоминаемый далее Изяслав Иванович.

⁷⁸ - ...дом Уриевъ ...мыющуюся в бани.— Согласно рассказу Второй книги Царств (11) царь Давид, прогуливаясь по кровле своего дома, увидел красивую женщину, купающуюся в бассейне, послал за ней своих слуг и спал с нею; женщина эта была Вирсавией, женой Урии Хеттеянина; самого Урию царь Давид отправил на войну, написав полководцу письмо с просьбой поставить Урию в самое опасное место, чтобы он был убит; Урия погиб при осаде города аммонитян Раввы.

⁷⁹ - ...метохия Святаго Савы...— подворье монастыря Св. Саввы, расположенного к юго-востоку от Иерусалима.

⁸⁰ - ...прииде святая Мария Египтяныня... и цѣловати честный крестъ.— Мария Египетская, святая V в.

⁸¹ - ...искуси святаа Елена... вста мертваа дѣвица.— Речь идет об императрице Елене (ум. 327), матери византийского императора Константина I, предпринимавшей разыскания и бывшей инициатором церковного строительства в Святой земле. Предание рассказывает, что Елена нашла крест, на котором был распят Иисус Христос и, прикоснувшись им к мертвой девице, воскресила ее, убедившись, таким образом, в его подлинности («Житие Константина и Елены»).

⁸² - ...Притории, идѣже воины приведоша Христа... и предасть иудеомъ.— Претория – резиденция прокуратора Понтия Пилата, римского правителя Иудеи, наделенного правом выносить смертный приговор и отдавать приказ о его исполнении; согласно Евангелию (Мф. 27, 2–27; Мр. 15, 1–16; Лк. 23, 1–25), туда был приведен Иисус Христос из дома Каиафы-первосвященника наутро после того, как он был схвачен в Гефсиманском саду; Пилат, первоначально склонный оправдать Иисуса или отпустить его по обычаю даровать свободу одному из узников перед праздником Пасхи, под давлением возбужденного первосвященниками и старейшинами народа согласился выдать его на казнь и, умыв руки перед народом со словами: «Неповинен я в крови праведника сего; смотрите вы» – на что иудеи ответили: «Кровь его на нас и на детях наших» – предал его солдатам на бичевание и распятие.

⁸³ - ...темница иудейска... апостола Петра в нощи.— Имеется в виду рассказ Деяний апостолов (12, 1–11) о том, как ангел ночью вывел из темницы заключенного туда царем Иродом Агриппой апостола Петра.

⁸⁴ - ...Христось кровоточивую исцѣли.— Согласно Евангелию, женщина, много лет страдавшая кровотечением, исцелилась, подойдя сзади к Христу и прикоснувшись с верой к его одежде.

⁸⁵ - ...ровъ близъ, идѣже вверженъ бысть Еремиа пророкъ...— Речь идет о рве, куда, согласно библейской Книге пророка Иеремии (38:6), был посажен Иеремиа царем Седекией по требованию князей за пророчество о взятии Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором.

⁸⁶ - ...домъ был святаго Иоакима и Анны.— Родителей Марии, матери Иисуса Христа.

⁸⁷ - ...Овча купѣль, идѣже Христось разслабленнаго исцѣли.— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна (5, 1–9) о том, как Иисус Христос исцелил одного из множества больных, лежавших в крытых галереях у бассейна «Овечья купель» и ожидавших возмущения ангелом воды; по поверью, кто успевал, когда вода забурлит, первым сойти в воду, получал исцеление; а этот исцеленный Христом больной, очевидно, парализованный,— он страдал уже тридцать восемь лет,— и сам не мог опередить других, и помощника не имел.

⁸⁸ - ...къ Гепсимании.— Гефсимания, сад на склоне горы Елеонской, где, согласно сведениям синоптических Евангелий (Мф. 26, 30; Мр. 14, 32; Лк. 22:39), Иисус Христос молился ночью с четверга на пятницу после тайной вечери и где был схвачен.

⁸⁹ - ...убиенъ есть Захария пророкъ...— Имеется в виду отождествляемый с отцом Иоанна Предтечи Захария, о котором в Евангелиях от Матфея (23:35) и от Луки (11:51) говорится, что он был убит между храмом и жертвенником.

⁹⁰ - ...камень внѣ пещеры...врата небеснаа суть.— Имеется в виду рассказ библейской книги Бытие (28, 12–21) о том, что Иаков на пути из Вирсавии в Месопотамию увидел во сне лестницу, ведущую на небо, и услышал пророчество о распространении потомства его и благословении в нем всех

племен земных; проснувшись, Иаков поставил памятником камень, который служил ему изголовьем, возлил на него елей и обещал, что если он благополучно возвратится в дом отца своего, камень этот будет домом Божиим. Библейским сюжетом (Бытие, 32, 24–28) является также рассказ о борьбе Иакова с Богом ночью около потока.

⁹¹ - И на том же камени... азъ согрѣших.— Речь идет о наказании, которое, согласно Второй книге Царств (24, 1–17), постигло страну за проведенную царем Давидом перепись населения Израиля и Иудеи.

⁹² - ...старѣшины страциньскаго именемъ Аморъ.— Халиф Омар I (634–644 гг.), сподвижник и второй преемник Мухаммеда.

⁹³ - ...врата зовутся Красная... исцѣлиста хромца одного...— Имеется в виду рассказ Деяний апостолов (3, 1–10) о том, как Петр и Иоанн, идя в храм, исцелили сидевшего при входе нищего, хромого от рождения.

⁹⁴ - И тѣми враты вшелъ есть Христос... егда възкресиль Лазаря Христос.— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна (11; 12. 1–13) о том, что Христос пришел в селение Вифания и воскресил там любимого им Лазаря, брата Марии и Марфы, со дня смерти которого прошло уже четыре дня, а после этого, торжественно встреченный народом, вошел в Иерусалим для празднования Пасхи.

⁹⁵ - ...Охония жидовинъ хотѣ сврещи... и положи я на нем.— Даниил опирается на распространенное византийское предание, получившее отражение в литературе и в иконографии (в сюжете Успения Богородицы).

⁹⁶ - ...до пещеры, идеже преданъ бысть... на 30 сребреницѣх.— Согласно Евангелиям (Мф. 26, 14–15; Мр. 14, 10–11; Лк. 22, 3–5; Иоан. 13:2), Иуда Искариот, один из ближайших учеников Иисуса Христа, предал своего учителя первосвященникам за тридцать сребреников; пещера – имеется в виду та, где Христос был схвачен.

⁹⁷ - ...помолися Христос Отцу своему... чаша си от мене.— Имеется в виду рассказ синоптических Евангелий (Мф. 26, 39;

Мр. 14, 36; Лк. 22:42): Иисус Христос пред тем, как был схвачен, молился в Гефсиманском саду на Елеонской горе о том, чтобы, если возможно, миновала его «чаша сия».

⁹⁸ - ...до гроба Асафатова... дебрь Асафатова.— Иосафат, библейский царь Иудеи, о котором говорит Третья книга Царств, сын царя Асы; дебрь Асафатова – Иосафатова долина, где протекает Кедронский поток, отделяющий Иерусалим от расположенной с востока от него Елеонской горы.

⁹⁹ - ...святого Иакова, брата Господня.— Кроме Иакова, Евангелия от Матфея (13, 55–56) и от Марка (6:3) упоминают как братьев Иисуса Христа Иосию, Симона и Иуду, а также сестер; согласно преданиям, получившим отражение в византийской учительной литературе, это были дети Иосифа, которых родила ему Мария Клеопова – вдова его бездетного брата Клеопы, взятая им в жены согласно еврейскому закону, чтобы восстановить покойному семья; всего братьев и сестер Иисуса Христа было шесть.

¹⁰⁰ - ...научи ученики своя пѣти. «Отче нашъ».— Имеется в виду сообщение Евангелий от Матфея (6, 9–13) и от Луки (11, 2–4) о том, что Иисус Христос научил своих учеников молитве «Отче наш».

¹⁰¹ - ...и на той трапезѣ литургисають нынѣ.— Используют для совершения церковной службы литургии.

¹⁰² - ...до Содомскаго моря...— Содомское – Мертвое море.

¹⁰³ - ...кадь...— Старинная мера сыпучих тел.

¹⁰⁴ - ...святые Пелагии блудницы.— Византийская святая (ум. в 461 г.).

¹⁰⁵ - И ту есть столпникъ близъ, муж духовенъ велми.— Отшельник, живший на «столпе», колонне разрушенного здания; речь идет, возможно, о том пустынноике, с которым крестоносцы совещались перед приступом во время осады Иерусалима в 1099 г.

¹⁰⁶ - ...постился святой Иоакимъ неплодства ради своего...— О посте бездетного дотоле Иоакима, у которого затем родилась Мария, будущая Богородица, говорится в апокрифическом Евангелии от Иакова.

¹⁰⁷ - «Что ти есть, море... възвратися вспять?» – Пс. 113, 5.

¹⁰⁸ - ...Иордан раступися древле... людие по суху.– Имеется в виду рассказ библейской Книги Иисуса Навина (3, 14–17) о переходе евреями р. Иордан, расступившейся перед ними при их вступлении после бегства из Египта в землю обетованную.

¹⁰⁹ - Ту же и Елѣсѣй... Иордан по суху.– Пророк Елисей, согласно Четвертой книге Царств (2:14). подобрал упавшую с уносимого в огненной колеснице на небо пророка Илии милость (овчину), ударил ею по воде Иордана, река расступилась перед ним, и он перешел по суху на другой берег.

¹¹⁰ - ..и Мария Египтяныни преиде... в пустыню.– Об этом говорится в «Житии Марии Египетской»: отец Зосима, монах, уйдя на Великий пост из монастыря св. Саввы в пустыню, встретил жившую там уже много лет Марию Египетскую.

¹¹¹ - ...якоже Сновъ рѣка.– Имеется в виду река Сновъ (название – от глагола сновать) Черниговской области, берущая начало в окрестностях г. Стародуба и впадающая в Десну.

¹¹² - ...земля Заулоня и Неффалимья...– Завулон и Неффалим – библейские персонажи (Бытие. 30. 8:20), двое из двенадцати детей Иакова-Израиля, чьими именами названы колена Израилевы, каждое из которых получило определенную землю для обитания; земли Завулона и Неффалима – к западу от Галилейского моря.

¹¹³ - ...Илиа пророкъ всхищенъ бысть на колесници огньнѣй.– Имеется в виду библейский рассказ (4Цар. 2:11) о вознесении пророка Илии в огненной колеснице на небо.

¹¹⁴ - ...водокрещеный праздник...– Праздник Крещения Господня в честь крещения Иисуса Христа в р. Иордан Иоанном Крестителем (Мф. 3, 13–16; Мр. 1. 9–11; Лк. 3, 21–22; Иоан. 1:32); празднуется 6/19 января; в этот день совершается церковная служба освящения воды.

¹¹⁵ - ...пророкъ Моисий преставился есть, видѣвъ Землю обѣтованую.– Пророк Моисей, согласно библейскому рассказу (Второзак.), видел Землю обетованную, в которую отвел свой народ из Египта, но не вошел в нее, так как все евреи,

вышедшие из Египта, кроме Халева и Иисуса Навина, за ропот на Бога были обречены умереть, не войдя в нее.

¹¹⁶ - ...святая Богородица съ Иисусом Христомъ... егда бѣжаху въ Египетъ...— Имеется в виду рассказ Евангелия от Матфея (2, 13–16) о бегстве Богородицы с младенцем Христом и обручником ее Иосифом, которому явился ангел во сне и предупредил об опасности, в Египет – чтобы спасти младенца от царя Ирода, узнавшего от волхвов, что в Вифлееме родился царь Иудейский, и старавшегося его убить; с этой целью царь Ирод повелел истребить всех младенцев мужского пола в возрасте до двух лет в городе Вифлееме и его окрестностях. О Иакове как спутнике беглецов в Египет и об остановке беглецов на ночь в «Добром обителище» Евангелие не говорит; это почерпнуто из апокрифических преданий.

¹¹⁷ - ...до Иерихона... взял и разорил до конца...— Город Иерихон, который евреи, согласно рассказу библейской Книги Иисуса Навина (6), взяли первым после перехода Иордана при вступлении в Землю обетованную; Иисус Навин – библейский персонаж, возглавивший евреев после смерти Моисея.

¹¹⁸ - ...дом Затхѣвъ... хотя видѣти Христоса.— Имеется в виду рассказ Евангелия от Луки (19, 2–9): Закхей, человек маленького роста, в то время, как Христос проходил через Иерихон, влез на смоковницу, чтобы его увидеть; и Христос посетил его дом.

¹¹⁹ - ...домъ оная сумантяныни, идѣже Иелѣсѣй отрочища възкресилъ.— Имеется в виду рассказ Четвертой книги Царств (4) о воскрешении пророком Елисеем сына сонамитянки (жительницы города Сонам, а не Иерихона), которая заботилась о нем, когда он бывал в ее городе; детей у нее не было, муж был стар; пророк Елисей в благодарность за заботу обещал ей, что у нее родится сын; сын родился, но еще ребенком умер; мать привела в дом пророка Елисея, тот обнял ребенка, согрел его и воскресил.

¹²⁰ - ...воды Иелисѣвы, ихже ослади Иелисѣй пророкъ.— Согласно Библии (4 Цар., 2, 19–22), жители Иерихона

пожаловались пророку Елисею на плохую воду и бесплодную землю; тот бросил в источник соли и сделал воду здоровой.

¹²¹ - ..явился святой Михаил архистратиг... на лица своемъ, и поклонися.— Имеется в виду библейский рассказ (Иис. Нав., 5, 13–15) о видении Иисусу Навину во время осады Иерихона человека с обнаженным мечом в руке, который назвал себя вождем воинства Господня и велел Иисусу Навину снять обувь с ног, «ибо место, на котором ты стоишь, – сказал он, – свято».

¹²² - Имя мѣсту тому Галганий... прешедше Иордан.— Галгал – место первой остановки израильтян после того, как они во главе с Иисусом Навином перешли Иордан при вступлении в Землю обетованную (Иис. Нав., 4:19).

¹²³ - ...имя горѣ той Гаваонъ... и тогда солнце заиде.— Имеется в виду рассказ Книги Иисуса Навина (10, 12–13) о том, как во время битвы евреев с царями Amorрейскими Иисус Навин остановил солнце и луну, доколе его народ мстил врагам своим; но Ог, царь Васанский, согласно библейским Книгам – Книге Числа (32:33) и Книге Второзаконие (31:4), где о нем идет речь, – был побежден не Иисусом Навином, как пишет Даниил, а Моисеем.

¹²⁴ - ...постился есть Христос... камене се хлѣби будут.— В Евангелии от Матфея (4, 1–11) рассказывается о сорокадневном посте Иисуса Христа в пустыне и искушениях его дьяволом; предложение сделать камни хлебами – первое из трех искушений.

¹²⁵ - ...святой Феодосие...— Феодосий Великий (ум. в 529 г.), глава монашеского общежития в Палестине.

¹²⁶ - ...святого Савы...— Савва, монах, основатель в конце V – начале VI вв. знаменитой палестинской лавры, получившей его имя.

¹²⁷ - ...святой Иоаннъ епископъ Исихастъ...— Иоанн Исихаст («Молчалник»), епископ г. Колонии (Аскална) в V в., затем – отшельник (ум. 558).

¹²⁸ - ...святой Иоаннъ Дамаскинъ...— Иоанн Дамаскин (между сер. VII и сер. VIII в.), богослов-систематизатор, философ и поэт-гимнограф, идейный вождь иконопочитателей,

противников иконоборчества; по рождению араб, приближенный дамасского халифа, затем монах.

¹²⁹ - ...святой Феодоръ Едесский... Михаилъ сыновець его...— Феодор, епископ г. Эдессы, и его племянник Михаил (IX в.).

¹³⁰ - ...Афродитианъ святой...— Афродисий Палестинский (VI в.), монах, ученик основателя лавры Саввы.

¹³¹ - ...смола чермная...— В других списках «черная»; имеется в виду асфальт, извергаемый Мертвым морем, особенно после землетрясений.

¹³² - ...мука под морем тѣмъ.— Очевидно, сернистый запах, исходивший из Мертвого моря с извержениями, побуждал думать, что под морем находится место мучений грешников.

¹³³ - ...монастырь святаго Еуфимья...— Монастырь, выросший вокруг пещеры аскета – Евфимия Великого (376–477), прославившегося своей строгой жизнью.

¹³⁴ - ...монастырь святаго Феоктиста...— Монастырь, основанный в V в. монахом Феоктистом, другом и последователем Евфимия Великого.

¹³⁵ - ...и того града ветхаго разорил Навходоносор, царь Вавилонескъ, при Еремѣи пророцѣ.— Вавилонский царь Навуходоносор (605–562 гг. до н. э.) взял Иерусалим в 586 г. до н. э.: пророк Иеремия был тому свидетелем.

¹³⁶ - ...Христос умы ноги учеником своим.— В Евангелии от Иоанна (13, 3–10) говорится, что во время последнего ужина с учениками, тайной вечера, Христос сам умыл ноги своим ученикам.

¹³⁷ - ...Христос вечерял со ученики своими... кто ест предай ты? — Имеется в виду тайная вечеря, последняя вечерняя трапеза Иисуса Христа с учениками, о которой речь идет во всех четырех Евангелиях (Мф. 26, 20–29; Мр. 14, 17–25; Лк. 22, 14–38; Иоан. 13–17); согласно Евангелию от Иоанна (13, 21–25), после слов Христа, что один из присутствующих предаст его, Иоанн, бывший любимым учеником Христа, по знаку другого ученика, Симона-Петра, припал к груди Иисуса, и спросил, кто его предаст.

¹³⁸ - ...сшествие Святаго Духа бысть на апостолы в Пентикостию.— Пентикостия – Пятидесятница, пятидесятый день после Пасхи; согласно Деяниям апостолов (2, 1–14), в этот день было сошествие на апостолов Святого Духа; по сведениям Даниила, это произошло в принадлежащем Иоанну Богослову доме.

¹³⁹ - ...и в ту храмину прииде Христос... увѣрил есть въ 8-й день.— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна о явлении Христа ученикам по воскресении (20, 19–29); сомневавшегося в реальности Христова воскресения апостола Фому Христос уверил, дав ему вложить пальцы в свои раны.

¹⁴⁰ - ...святой камень... с Синайския горы.— Даниил имеет в виду предание о том, что изъявившей желание посетить гору Синай Богородице ангел принес камень с Синайской горы, и этот камень сохранялся в доме Иоанна Богослова.

¹⁴¹ - ...домъ Каиафинъ... Дѡндеже куръ възгласит.— Согласно евангельским рассказам (Мф. 26, 57–75; Мр. 14, 53–72; Лк. 22, 54–61; Иоан. 18, 13–27), схваченного на Елеонской горе Иисуса Христа привели в дом первосвященника Каиафы; апостол Петр, вошедший следом во двор, был опознан как ученик Иисуса, но трижды отрекся от своего учителя; в это время запел петух, и Петр вспомнил предсказание Христа, что он, Петр, трижды отречется от него еще до того, как пропоет петух.

¹⁴² - ...купѣль Силоамля, идеже Христос слѣпцю очи отверзе.— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна (9, 6–7) о том, как Христос исцелил в субботу слепорожденного, плюнув на землю, помазав этим его глаза и велев ему пойти умыться в купальне Силоам.

¹⁴³ - ...село Скудельниче... на погребание странным...— На деньги, заплаченные Иуде первосвященниками за предательство Иисуса Христа и после осуждения Иисуса брошенные Иудой на землю, первосвященники, как говорит Евангелие от Матфея (27:7), купили у горшечника землю для погребения странников. Это место, село Скудельниче (т. е.

Горшечниково), было местом погребения паломников в течение многих веков.

¹⁴⁴ - ...Святаа Богородица видѣ двои люди: едины смѣющаяся, а друга плачущая.— Об этом видении Богородицы говорится в апокрифическом Первоевангелии Иакова и в «Сказании о рождестве Богородицы».

¹⁴⁵ - ...до гроба Рахилиина, матери Иосифовы...— Рахиль — жена библейского Иакова, сына Исаака; в Библии (Бытие, 35:19) рассказывается о погребении ее Иаковом на дороге в Ефрафу, то есть в Вифлеем, и о том, что Иаков установил там надгробный памятник.

¹⁴⁶ - И ту есть камень великъ... и от того камени, вставши...— Сюжет этого рассказа Даниила восходит к апокрифическому «Сказанию о рождестве Богородицы».

¹⁴⁷ - ...мощи святых младенец...— Имеются в виду останки младенцев, избитых по приказу царя Ирода.

¹⁴⁸ - «И ты, Вифлееме... люди моя Израиля».— Мих. 5, 2; Мф. 2, 6. Вифлеем называется здесь «землей Иудовой», потому что расположен на территории колена Иудина; «тысящи» — административное деление, восходящее, согласно Книге Чисел (1:16), ко временам завоевания израильтянами Святой земли.

¹⁴⁹ - ...прииде Самоиль пророкъ и ту помаза... в Саула мѣсто.— Согласно рассказу библейской Первой книги Царств (16, 4–13), пророк Самуил в правление царя Саула, повинаясь Божьему повелению, пошел в Вифлеем и помазал там елеем (маслом) пастуха Давида, младшего сына Иессея; Давид в дальнейшем — псалмопевец и царь, преемник Саула.

¹⁵⁰ - ...разорено есть от поганных....— Иерусалим завоевывался в 614 г.— персами, в 638 г. — арабами, в 1070 г.— турками-сельджуками.

¹⁵¹ - ...дубъ Мамбрийский.— У дуба Мамврийского, по Книге Бытие (18), стоял шатер Авраама, когда к нему явился Бог в виде трех ангелов (сюжет икон «Троица ветхозаветная»).

¹⁵² - ...пророкъ глаголетъ Давыдъ въ Псалтири...— Имеется в виду царь израильско-иудейского государства Давид (конец 11

в. – ок. 950 г. до н. э.), чьи поэтические произведения составили основу библейской книги Псалтырь; свое название книга получила от струнного музыкального инструмента, аккомпанируя на котором Давид пел свои песни.

¹⁵³ - «Ты исуши рѣки... твоя есть ночь».— Пс. 73, 15–16.

¹⁵⁴ - ...убиенъ бысть Авесаломъ... умре на древѣ томъ.— Авессалом, один из сыновей царя Давида, согласно Второй книге Царств (13–18), восстал на своего отца; во время преследования его сторонниками отца в так называемом Ефремовом лесу мул, на котором он ехал, занес его под развесистый дуб; он запутался волосами в ветвях дуба, мул из-под него убежал, Авессалом повис на волосах, и так, висящий, был убит стрелами.

¹⁵⁵ - ...до клятвеннаго кладязя Авраамова...— Имеется в виду колодец, у которого заблудилась изгнанная Авраамом в пустыню Агарь (Бытие, 21:14).

¹⁵⁶ - ...сын Хамовъ, Ханаонъ... земля та зоветься Хананѣя.— Имеется в виду сообщение Книги Бытие (10:19) о том, что потомки Ханаана, сына Хама, так называемые хананеи, расселились «от Сидона к Герару до Газы, отсюда к Содому, Гоморре, Адме и Севоиму вплоть до Даса»; но гора Хевронская там не указана.

¹⁵⁷ - И ту землю обща Богъ... и азъ буду с тобою.— Согласно библейскому рассказу (Бытие, 12, 1–7), после смерти Фарры, отца Авраама, Бог явился Аврааму и велел ему покинуть дом отца его, находившийся в Харране, в Междуречье, и идти в землю, какую он ему укажет; когда Авраам проходил землю Ханаанскую, Бог явился ему и сказал, что отдаст эту землю его потомству.

¹⁵⁸ - И ту есть быи домъ Давыдовъ... егда бяше выгнал сынъ его Авесалом.— Речь идет о доме царя Давида в Хевроне, где он, согласно Библии (2Цар. 2:11), прожил первые семь с половиной лет своего царствования – до того как начал царствовать в Иерусалиме. Даниил ошибается, связывая пребывание Давида в Хевроне с восстанием против него сына Авессалома.

¹⁵⁹ - Ту бо пещеру Сугубую Авраамъ купил у Ефронъ Хетфѣянина... всему роду своему.— Согласно библейскому рассказу (Бытие, 23), Авраам, после смерти жены Сарры, купил в земле Ханаанской у Ефрона Хеттеянина поле с пещерой для погребения.

¹⁶⁰ - Иосифа Прекраснаго гробъ...— Иосиф, библейский персонаж, сын Иакова, был продан братьями купцам, шедшим в Египет; там он и умер; Моисей, согласно библейской Книге Исход(13:19), покидая Египет, вынес оттуда кости Иосифа.

¹⁶¹ - ...и на ту гору взиде... да изведутъ Лота сыновьца Авраамова.— Даниил пересказывает рассказ Книги Бытие (18–19) о том, как, отобедав под Мамврийским дубом у Авраама, три ангела отправились в Содом; молитву Авраама он цитирует почти дословно.

¹⁶² - А оттуда до Сигора... до Содома есть двѣ верстѣ.— Сигор – город, в который, согласно библейскому рассказу (Бытие, 19, 22–26), бежал из Содома Лот с дочерьми; жена Лота, вопреки запрету ангелов обернувшись, чтобы в последний раз взглянуть на обреченный город, обратилась в соляной столб.

¹⁶³ - ...святаго Харитона.— Харитон Исповедник (ум. ок. 350), основатель трех общежительных пещерных монастырей в Палестине.

¹⁶⁴ - ...святой Кириякъ Исповѣдник...— Кириак Исповедник (V в.), палестинский монах.

¹⁶⁵ - ...Ксенофонта сына, Иоаннь и Аркадие...— Сенатор Ксенофонт (VI в.) послал сыновей в Бейрут изучать философию. Не имея от них вестей, он отправился их разыскивать и нашел в Иерусалиме монахами. После этого и он оставил свет и поселился с женой поблизости от сыновей.

¹⁶⁶ - ...всхищен бысть пророкъ Аввакум... и дасть им обѣд.— Даниил передает библейское сказание (Дан. 19, 33–39) о том, как шедшего на поле с обедом для жнецов пророка Аввакума ангел перенес из Палестины в Вавилон к заточенному в ров пророку Даниилу; когда Аввакум Даниила накормил, ангел перенес его обратно на то поле, откуда поднял.

¹⁶⁷ - ...12 пророка... Амос и Осий.— Аввакум, Наум, Михей, Авдий, Захария, Иезекииль, Амос и Осия – авторы ветхозаветных книг; Варух – пи́сец пророка Иеремии; Измаил – может иметься в виду сын Авраама от служанки-египтянки по имени Агарь (от которых пошли «агаряне» и «измаилтяне»); Иезекий и Савеиль неизвестны.

¹⁶⁸ - ...уби Давы́д Го́лияда.— Имеется в виду библейский рассказ (1 Цар., 17, 4–51) о том, как юноша Давид камнем из пращи победил в единоборстве тяжеловооруженного гиганта из войска филистимлян по имени Голиаф.

¹⁶⁹ - ...мо́щи... свя́тых му́ченик...Ага́иа Ма́мила.— Даниил имеет в виду жертвы персидского царя Хосроя, взявшего Иерусалим в 614 г.; их останки, по преданию, похоронила женщина по имени Мамиллия; отсюда – название места погребения.— «А́гиа Ма́мила», то есть «Свя́тая Ма́мила»; византийский император Ираклий (610–641 гг.) отвоевал Иерусалим у персов в 630 г.

¹⁷⁰ - В тот до́мъ Заха́риинъ... пло́д утробы твоея.— Захарий и Елизавета – родители Иоанна Предтечи; в Евангелии от Луки (1, 39–56) рассказывается о посещении их Богородицей.

¹⁷¹ - ...въ ню́же го́ру прибу́же Иели́савефь... и́мя мѣ́сту тому – Орани.— О бегстве Елизаветы с младенцем Иоанном Предтечей от слуг царя Ирода говорится в апокрифическом Первоевангелии Иакова.

¹⁷² - В ту же го́ру вбу́гль Давы́дъ... от Саула ца́ря.— В Библии (1 Цар., 22:1) говорится, что преследуемый Саулом Давид убежал в пещеру Одолламскую.

¹⁷³ - ...о той Ра́мѣ... я́ко не су́ть.— Даниил мог взять эти слова как из Книги Пророка Иеремии (31:15), так и из Евангелия от Матфея (2:18), где они процитированы.

¹⁷⁴ - И ту Иро́д ца́рь... избу́ть свя́тых младе́нецъ.— Имеется в виду рассказ Евангелия от Матфея (2, 13–16) о бегстве Богородицы с младенцем Христом и обручником ее Иосифом, которому явился ангел во сне и предупредил об опасности, в Египет – чтобы спасти младенца от царя Ирода, узнавшего от волхвов, что в Вифлееме родился царь Иудейский, и

старавшегося его убить; с этой целью царь Ирод повелел истребить всех младенцев мужского пола в возрасте до двух лет в городе Вифлееме и его окрестностях.

¹⁷⁵ - ...до Елъмауса... в преломлении хлѣба.— Согласно Евангелию от Луки (24, 13–31; ср. Мр. 16:12), воскресший Христос явился апостолам Луке и Клеопе, когда они шли из Иерусалима в село Еммаус, но они его узнали не сразу; лишь в селе они поняли, кто их спутник, по тому, как он благословил, разломил и подал им хлеб; после этого он стал невидим.

¹⁷⁶ - ...в той Лиддѣ Петръ исцѣлилъ есть Ению, на одрѣ лежаща.— Имеется в виду рассказ Деяний апостолов (9, 32–34) об исцелении апостолом Петром в Лидде некоего Енея, восемь лет не встававшего с постели.

¹⁷⁷ - В том градѣ во Опии святыи Петръ апостолъ Тавифу въскресилъ.— Даниил имеет в виду рассказ Деяний апостолов (9, 36–41) о том, как апостол Петр, за которым послали из Иоппии в соседнюю Лидду по причине смерти одной из его учениц по имени Тавифа, пришел туда и воскресил ее.

¹⁷⁸ - В том же градѣ постившю Петру... ты не оскверняй.— Даниил пересказывает рассказ Деяний апостолов (10, 11–15) о видении апостолу Петру спускающегося с неба полотна, наполненного всяческими животными, каковое видение предшествовало появлению посланцев сотника Корнилия, о котором см. след. коммент.

¹⁷⁹ - ...святыи Петръ апостолъ крестилъ Корнилия.— Корнилий, римлянин, центурион Италийской когорты, набиравшейся из уроженцев Италии; когорта стояла в Кесарии (Палестинской; Даниил ошибочно называет ее Филипповой); согласно Деяниям апостолов (10), сотнику Корнилию, человеку благочестивому, богобоязненному и милостивому, явился ангел и посоветовал ему пригласить из соседней Иоппии апостола Петра; Петр, явившись, крестил Корнилия, его родственников и близких друзей; это были первые крещенные Петром неиудеи, язычники.

¹⁸⁰ - ...отецъ Маркианъ...— Византийский святой Мартиниан (V в.), подвизавшийся в Палестине около г. Кесарии.

¹⁸¹ - ...о том Капернаумъ глаголет пророкъ... и до ада снидеши.— Даниил цитирует здесь – как пророческие – слова Иисуса Христа, приведенные в Евангелиях от Матфея (11:23) и от Луки (10:15); но относятся они там к Капернауму Тиввериадскому, у Даниила же применены к одноименному городу на средиземноморском побережье.

¹⁸² - Ис того бо града изити хотяшеть антихристь.— Источник этого поверья неизвестен.

¹⁸³ - ...святый пророкъ Илия жилъ есть в пещерѣ... по Господи Бозѣ моем.— Пророк Илия, согласно Библии (3 Цар., 17, 3–6), скрывался от царя Ахава у потока Хорафа близ Иордана, куда вороны приносили ему хлеб и мясо. Жрецов же Вааловых, которым покровительствовала Иезавель, дочь царя Сидонского, жена царя Ахава, Илия собрал на горе Кармил, а заколол у потока Киссон.

¹⁸⁴ - ...Илия пророкъ въскресилъ сына вдовича.— По Библии (3 Цар., 17, 7–22), когда поток Хорафа, где скрывался пророк Илия, высох, он пошел в Сарепту Сидонскую и жил там во время голода у вдовы; у этой вдовы умер сын, и пророк Илия его воскресил.

¹⁸⁵ - ...до Вирита града...— город Бейрут.

¹⁸⁶ - ...Ксенофонта сына... учить философии.— Сенатор Ксенофонт (VI в.) послал сыновей в Бейрут изучать философию. Не имея от них вестей, он отправился их разыскивать и нашел в Иерусалиме монахами. После этого и он оставил свет и поселился с женой поблизости от сыновей.

¹⁸⁷ - ..Адекия...— Древняя Лаодикия, служившая морской гаванью для Антиохии.

¹⁸⁸ - ...князь Иерусалимский Балдвинъ...— Балдуин I (1100–1118 гг.), первый король Иерусалимского королевства крестоносцев.

¹⁸⁹ - ...до Гельвунских горъ... и сынъ его Анафанъ ту же убиен бысть.— Согласно Библии (1 Цар., 31, 1–2), царь израильтян Саул и трое его сыновей, в том числе Ионафан, погибли, воюя с филистимлянами, на горе Гелвуйской.

¹⁹⁰ - ...нѣсть бо росы на них никогдаже.— Слова Даниила, возможно, обусловлены словами Второй книги Царств (1:21): «Горы Гелвуйские! Да не снидет роса, ни же дождь на вас...».

¹⁹¹ - В той пещерѣ дал бѣше Богъ Саула царя в руцѣ Давидови... и покровѣ ручный.— Даниил, очевидно, объединяет – и при этом несколько изменяет – два библейских эпизода: как Давид, скрывавшийся со своими сторонниками в пещере, отрезал у преследовавшего его царя Саула край верхней одежды, когда тот зашел испражниться в эту пещеру (1Цар. 24:5), и как Давид вынес из шатра, где спал Саул, его копье и сосуд с водой (там же, 26:12).

¹⁹² - ...и до рова Иосифова... и ввергоша ѱ в ровъ...— Даниил передает библейский рассказ (Бытие. 37, 23–28) о том, как поступили с Иосифом Прекрасным из ревности к отцу его старшие братья: посадив его в ров, они затем продали его проходившим мимо купцам, направлявшимся в Египет.

¹⁹³ - ...у того кладязя... с женою самарянынею.— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна (4, 5–26) о том, как Иисус Христос, когда ученики его ушли в город за пищей, беседовал у колодца с женщиной из племени самарян, с которыми иудеи не общались.

¹⁹⁴ - ...темница святаго Иоанна Крестителя... от Ирода царя.— Согласно евангельским рассказам (Мф. 14, 3–12; Мр. 6, 20–29), Иоанн Креститель был посажен в темницу за то, что говорил царю Ироду, что ему не следует жить с Иродиадой, женой его брата Филиппа; во время празднования для рождения Ирода дочь Иродиады Саломея танцевала перед собравшимися и в награду попросила у царя голову Иоанна Крестителя. По приказу царя Иоанну в темнице отрубили голову и принесли ее на блюде дочери Иродиады; тело Иоанна похоронили его ученики.

¹⁹⁵ - ...святаго Малелеиля.— Библейский персонаж (Лк. 3, 37–38), сын Каинана, внук Еноса, праправнук Адама.

¹⁹⁶ - ...Огъ, царь Васаньский... у Иерихона.— Имеется в виду рассказ Книги Иисуса Навина (10, 12–13) о том, как во время битвы евреев с царями Amorрейскими Иисус Навин остановил

солнце и луну, доколе его народ мстил врагам своим; но Ог, царь Васанский, согласно библейским Книгам – Книге Числа (32:33) и Книге Второзаконие (31:4), где о нем идет речь, – был побежден не Иисусом Навином, как пишет Даниил, а Моисеем.

¹⁹⁷ - Въ том же градѣ Васаньстѣмъ... за мя и за ся. – Даниил объединяет и переносит в Васан, Бейсан, древний Скифополь, два евангельских эпизода; разговор с фарисеями о динарии в Иерусалиме, когда Христа спросили, позволительно ли давать подать кесарю, а он указал им на изображение кесаря на динарии и сказал, что следует отдавать кесарево кесарю, а Богово – Богу (Мф. 22, 17–21; Мр. 12, 14–17), и чудо со статиром во рту у рыбы, бывшее в Капернауме, когда Христос велел Петру забросить удочку и у первой попавшейся рыбы вынуть из рта статир, чтобы заплатить дань на храм (Мф. 17:27). «Кинись» – вероятно, Даниилом слиты два употребленных в Евангелиях слова: кинсон – подушная подать, и пенязь – динарий (драхма), серебряная римская монета, которой подушную подать платили; статир – монета стоимостью в 4 драхмы.

¹⁹⁸ - У того же града Васана Христос ицѣли... въслѣд его идуща. – Даниил опять путает место: согласно Евангелию от Матфея (Мф. 20, 29–34), Христос исцелил двух слепцов при выходе из Иерихона.

¹⁹⁹ - ...до Мытници Матфѣевы... – Имеется в виду место, где евангелист Матфей, служивший, согласно рассказам синоптических Евангелий (Мф. 9, 9; Мр. 2, 14; Лк. 5:27), мытарем, сборщиком налогов, впервые последовал за Иисусом Христом.

²⁰⁰ - ...из моря Тивериадскаго... – Море Киннерет, или Галилейское.

²⁰¹ - ...рыбу по въскресении Христос ялъ... одесную страну мрежа. – О третьем явлении воскресшего Иисуса Христа ученикам – когда они ловили рыбу – сообщает Евангелие от Иоанна (21).

²⁰² - ...до бани Христовы... и до бани Апостольския... – Имеются в виду горячие Аммаусские источники в районе Тивериады.

²⁰³ - ...Христос прокаженного очисти...– Даниил имеет в виду евангельский рассказ об исцелении Христом прокаженного в Галилее (Мф. 8, 2–3; Мр. 1, 40–42; Лк. 5, 12–13).

²⁰⁴ - ...домъ тещи Петровы, апостола... от болѣзни огньныя тещю Петрову.– Согласно синоптическим Евангелиям (Мф. 8, 14–15; Мр. 1, 30–31; Лк. 4, 38–39), это было в Капернауме.

²⁰⁵ - ...домъ Симона прокаженного... отпущение бе-щисленных грѣх.– Дом Симона прокаженного, где, по Евангелиям (Мф. 26, 6–7; Мр. 14, 3; Лк. 7, 37–38; Иоан. 11, 2; 12:3), блудница возлила на голову Христу драгоценное миро, омыла ноги его слезами и отерла волосами, находился в Вифании.

²⁰⁶ - ...слукую жену ицѣли...– Об исцелении Иисусом Христом согбенной женщины, бывшем, однако же, кажется, не в Тивериаде, но в Заиорданье, говорится в Евангелии от Луки (13, 11–13).

²⁰⁷ - ...одръ сеѣсиша с больным отроком, покровъ прокопавше.– Имеется в виду случай в Капернауме, о котором говорится в Евангелиях (Мр. 2, 4; Лк. 5:19): не будучи в состоянии пронести больного к Христу через дверь из-за множества народа, его опустили к нему через крышу, проделав в ней дыру.

²⁰⁸ - ...Ханаоныню помилова.– Согласно евангельскому рассказу (Мф. 15, 21–28), Христос исцелил дочь хананеянки в пределах Тирских и Сидонских, а не в Тивериаде.

²⁰⁹ - ...пещера, и вода в ней сладка зѣло, и студена... царя поставить в Галилеи.– В Евангелии от Иоанна (6:15) говорится, что Иисус Христос, узнав, что его хотят сделать царем, удалился один на гору.

²¹⁰ - ...Елисѣя пророка, сына Асафатова.– Имеется в виду ветхозаветный пророк Елисей, сын Сафатов, ученик пророка Илии.

²¹¹ - ...Исуса Навгина.– Иисус Навин, предводитель израильтян при завоевании ими земли обетованной, см. коммент. к с. 56–58, к словам: «...до Иерихона... взял и разорил до конца...»

²¹² - ...на том камени стоялъ Христос... а от чловѣкъ невозможна.— Даниил вольно перелагает евангельские рассказы о хождении Иисуса Христа по воде; цитируемые им слова Христа были сказаны по другому случаю – в ответ на вопрос, может ли вообще кто-нибудь спастись (см. Мф. 19, 25–26).

²¹³ - ...Христос питал народы 5 тысящъ... укроховъ 12 коша.— Имеется в виду евангельский рассказ (Мф. 14, 17–21; Мр. 6, 38–42; Лк. 9, 13–17; Иоан. 6, 9–12) о том, как Христос накормил пятью хлебами примерно пять тысяч человек, оказавшихся с ним в пустынном месте вечером.

²¹⁴ - ...МарииМагдалини, ту ицѣли... зоветъ Магдалия.— Согласно евангельским сказаниям (Мр. 16, 9; Лк. 8:2), из Марии Магдалины Иисус Христос изгнал семь бесов; Магдалия – ее родина, город на берегу Тивериадского моря.

²¹⁵ - ...приведе Нафанаила к Петрови и къАндрѣю.— Подразумевается, что Филипп привел Нафанаила к Христу, за которым уже следовали, согласно Евангелию от Иоанна (1, 37–51), братья Андрей и Петр.

²¹⁶ - ...прииде Христос к Зеведѣви... идоста вслѣд Христа.— Даниил имеет в виду сообщение синоптических Евангелий (Мф. 4, 18–22; Мр. 1, 16–20; Лк. 5, 2–10) о том, как Христос позвал к себе в ученики рыболовов Симона-Петра, его брата Андрея и сыновей Зеведеевых Иакова и Иоанна.

²¹⁷ - ...Христось изгна... истопаша свиния в мори.— Имеется в виду рассказ Евангелий от Марка (5, 8–13) и от Луки (8, 29–33) о том, как Христос изгнал из бесноватого легион бесов, позволил им войти в свиней, и стадо свиней бросилось с обрыва в море и погибло.

²¹⁸ - ...ливанъ и темианъ былый.— Благовония.

²¹⁹ - ...Харъранъ, отнюдуже изиде Авраамъ.— Харран в Месопотамии, откуда, по библейской Книге Бытие (12, 4–6), Авраам вышел в Ханаанскую землю; см. коммент. к 72 с., к словам; «И ту землю обѣща Богъ... и азъ буду с тобою».

²²⁰ - ...преобразилсѣ естъ Христос...— Имеется в виду сообщение синоптических Евангелий (Мф. 17, 1–2; Мр. 9, 2–3; Лк. 9, 28–29) о том, как Христос с учениками Петром, Иаковом и

Иоанном взошел на высокую гору помолиться и во время молитвы преобразился – лицо его и одежда стали ярко блистающими.

221 - ...а другаа, во имя святых пророк Моисия и Илии...– По евангельским рассказам (Мф. 17, 3; Мр. 9, 4; Лк. 9:30), во время преображения ученики Христа увидели беседующих с ними пророков Моисея и Илию.

222 - ...в той пещерици жилъ святой Мелхиседекъ... то бысть начатокъ литургиам хлѣбом и вином...– Сюжет ряда апокрифов, базирующийся на библейском известии о том, что царь Салима и «священник Бога всевышнего» Мелхиседек, когда Авраам возвращался после поражения царей, напавших на Содом и Гоморру и пленивших его племянника Лота, вынес ему хлеб и вино и благословил его (Быт. 14, 18–20).

223 - ...а не опрѣсноком.– Полемическое замечание, имеющее в виду богослужебную практику католиков, использующих для литургических целей, в отличие от православных, пресный, а не кислый хлеб.

224 - О том пророкъ глаголетъ... по чину Мелхиседекову.– Слова из Псалтыри (109:4), которые в новозаветном Послании к евреям (5, 6; 7, 17:21) применяются к Христу.

225 - ...святое благовѣщение... от аггела Гавриила.– Событие, о котором говорится в Евангелии от Луки (1, 26–38): ангел Гавриил, посланный к деве Марии, обрученной Иосифу из рода Давида, сообщил ей, что ее осенит сила Всевышнего и у нее родится сын, которого она назовет Иисусом.

226 - Ту есть мѣсто в той же пещерѣ... идеже стояше Гавриилъ...– Здесь и далее Даниил следует апокрифическим рассказам о двух явлениях Богородице архангела Гавриила – у колодца и в пещере.

227 - Акра же град...– Город на берегу Средиземного моря, древняя Птолемаида; до 1104 г. им владели мусульмане.

228 - ...фрязи...– Франки, крестоносцы.

229 - ...Корнилие, егоже Петръ апостолъ крестилъ.– См. коммент. к с. 82, к словам: «...святой Петръ апостолъ крестилъ Корнилия».

²³⁰ - ...Сила бо моя... апостоль глаголетъ Павел.— Это, как пишет Павел, был ответ ему на молитву об исцелении больной плоти.

²³¹ - ..въ метохию Святаго Савы...— подворье монастыря Св. Саввы, расположенного к юго-востоку от Иерусалима.

²³² - ...паремии тоя субботы великиа...— Чтение определенных для этого дня отрывков из ветхозаветных книг.

²³³ - ...вся дружина, русьстии сынове... и инии мнози, еже то свѣдають о мне худомъ и о сказании семъ.— По-видимому, спутники Даниила; Изяслав Иванович, возможно, то же лицо, что упомянутый выше Издеслав.

²³⁴ - ...кондакъ...— Песнопение в честь праздника или святого; здесь – в честь Христова воскресения; исполняется обычно после 6-й песни Пасхального канона.

²³⁵ - ...Михаил Святополкъ... Глѣбъ Менский.— Михаил-Святополк Изяславич, великий князь киевский (1093–1113 гг.); Василий-Владимир Всеволодович Мономах, князь переяславский, затем киевский (1113–1125 гг.); Давыд Святославич, князь черниговский (ум. 1123); Михаил-Олег Святославич, князь новгород-северский и курский (ум. 1115); Панкратий-Ярослав Святославич, князь муромский и рязанский (ум. 1127); Глеб Всеславич, князь минский (ум. 1119). Судя по всему, Даниил перечисляет князей в порядке старшинства.

²³⁶ - ...всуе приводиши на мя учителя своего Григоря. — Кто таков был Григорий, учитель пресвитера Фомы, неизвестно.

²³⁷ - ...«Аще утвердиши к нему око свое, никакоже сравнить ти ся». — Притч. 23, 5.

²³⁸ - ...«Премудрость созда себѣ храм и утверди семдѣ столпов». — Притч. 9, 1.

²³⁹ - ...премудрость есть Божество, а храм – человечество... «утвердивъ 7 столпов» – сирѣчь 7 соборов святых и богоносных наших отецъ.— Такое толкование текста Книги притч Соломониных было чрезвычайно распространено в Древней Руси, оно известно по различным литературным и иконографическим памятникам вплоть до XVII в., а также и в более поздние времена. Семь соборов, о которых здесь идет речь,— это семь

Вселенских соборов христианской церкви, на которых были выработаны и утверждены основы православного вероучения.

²⁴⁰ - ...«яко благоволиша раби твои камение и персть его ущедрят». – Пс. 101, 15.

²⁴¹ - ...«Се бысть Адам яко и мы... возмет от дрѣва жизни». – Быт. 3, 22.

²⁴² - Глаголет бо к ней: «Аще снѣста от дрѣва, будета, яко Богъ, разумѣюща злу и добру». – См. Быт. 3, 5.

²⁴³ - Жена же ...вкуси скоро и мужеви дасть. – См. Быт. 3, 6.

²⁴⁴ - ...и нага быста! – См. Быт. 3, 7.

²⁴⁵ - ...«Се Адам бысть яко единъ от нас».. – Быт. 3, 22.

²⁴⁶ - ...лукавый уже отскочи... и прочие. – В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

²⁴⁷ - ...Иаковъ и двѣ женѣ его, Лия и Рахаль... – См. Быт. 29, 16–35; 30, 1–24.

²⁴⁸ - ...отча идолы окраде. – См. Быт. 31, 19.

²⁴⁹ - Иаков бояшеся Исава... Дерза убо творя Богъ Иакова, брася с ним... Сего ради и стегну ему утерпѣ... – См. Быт. 32, 24–32.

²⁵⁰ - ...Зара прежде выложи руку... оному руку въвлекшую... изыде Фаресъ. – См. Быт. 38, 28–30.

²⁵¹ - ...«Бѣ мужъ вазнив?» – Быт. 39, 2.

²⁵² - Почти подлежащее речение и обрящеши истинну, рече бо: «и бѣ Господь с нимъ». – Здесь митрополит Климент ссылается на Иосифа Прекрасного (который был «вазнив», то есть удачлив) и развивает таким образом мысль о том, что и до того, как был дан через Моисея закон народу израильскому, на земле жили отдельные люди, отличавшиеся благочестием и потому приятные Богу, ибо если бы это было не так, то не было бы об Иосифе сказано: «и бѣ Господь с нимъ».

²⁵³ - Поятъ убо Иуда... жену от хананѣй... «Очистися Фамара, зане не дах ея Силому, сыну моему, и не приложи по томъ прилѣпится ей». – См. Быт. 38, 1–28.

²⁵⁴ - Грѣху бо и осуждению послѣдуетъ смерть... – Ср. Иаков. 1, 15.

²⁵⁵ - Ждющаа исхождения ея повяза тому червлену вервь на руку... изыде Фаресь... – См. Быт. 38, 27–30.

²⁵⁶ - ...«Иуда роди Фареса и Зару от Фамары... Иессеа роди Давыда царя». – Мф. 1, 3–6.

²⁵⁷ - Матфѣй убо от Давыда Соломоном сводить Иосифа, обручника Мариина, Лука же – Нафою.– Здесь и далее речь идет о церковном учении, объясняющем различия между родословиями Иисуса Христа у евангелистов Марка (1, 2–16) и Луки (3, 23–38). Это различие проистекало из правовых последствий так называемого левирата, Моисеева установления, в силу которого брат израильянина, умершего бездетным, обязан был жениться на его вдове, причем дети от этого брака считались детьми покойного. Илий, отец Иосифа Обручника по родословной Луки, и Иаков, отец Иосифа по Матфею, были единоутробными братьями, оба из рода Давыдова: Илий – по линии Нафана, Иаков – по линии Соломона. Отсюда различия обоих евангельских родословий в эпоху после царя Давыда. Матфей перечисляет поколения в нисходящем, а Лука – в восходящем до Адама порядке.

²⁵⁸ - Аполинариево безумство... Имеется в виду учение Аполинария Лаодикийского (IV в.), осужденное церковью как еретическое. Аполинарий не признавал того, что в Иисусе Христе сочетались совершенное Божество и совершенное человечество, и учил, что человечество Христа ограничивалось телом и животной душой, в которой обитал божественный Логос.

²⁵⁹ - ...сему без грѣха на се пришедшу... – Ср. 1Иоан. 3, 5.

²⁶⁰ - ...приимьшу рабий образ... – Ср. Филип. 2, 7.

²⁶¹ - ...Богъ бо – огонь, поядая... – Ср. Вт. 4, 24; Евр. 12, 29.

²⁶² - ...и очищаа грѣхы. – Ср. Сирах. 47, 13.

²⁶³ - ...«Господь оправдая, то кто осуждаа». – Римл. 8, 34.

²⁶⁴ - ...«се вся ветхаа низпадоша, и быша вся нова». – 2 Коринф. 5, 17.

²⁶⁵ - ...о блаженнѣй Руфѣ ...яко не прежде законнаго брака сочется съ Вузом... породы Овида, дѣда славьному царю Давыду. – См. Руфь. 4, 5–22.

266 - ...«яко на от възхода, ни от запада ...Богъ судии есть и сего смѣряет, а сего възносит. Чаша... в руцѣ Господни вина неразтворена исполнена есть растворения». – Пс. 74, 7–9.

267 - «И кто ...бысть съвѣтникъ ему». – Римл. 11, 34.

268 - «Тъ бо взят грѣхи наша... сего раною мы вси ицѣлѣхом». – Ис. 53, 5.

269 - Испытает сердца и утробы... – Ср. Апок. 2, 23.

270 - ...от неяже родися истинный Христос Богъ наш ...яко Богъ есть праведень. – В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

271 - Коли того увидѣти хочещи, почто груди взимают попове. – В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

272 - Почто груди повелѣно възимати попомъ... Святителю бо даемо бяше во участие собѣ ему груди и рама ...да и дѣанень и вѣдѣнень бысть святитель. – См. Лев. 7, 31–34.

273 - ...въ Леугитскихъ книгахъ о отрыгании ѣчь... Птица же ради учить нас лихоимства воздержатися, еже не во тмѣ ходити... се – еже в правдѣ. – См. Лев. 11, 1–20; Вт. 14, 3–20.

274 - ...на пятое лѣто от дрѣва ясти плод... – См. Лев. 19, 25.

275 - ... «Уже, треременноплете, не скоро ся преторгнет». – Ек. 4, 12.

276 - ...«Человекъ схожааше от Иеросалима на Ерихонъ и в расбойники впаде... язвы возложиша на нь». – Лк. 10, 30.

277 - ...«Вамъ есть дано... а прочимъ въ притчахъ». – Мф. 13, 11; Мр. 4, 10; Лк. 8, 10.

278 - ...дщерию Аира князя... – См. Мф. 9, 18–19, 22–25; Мр. 5, 22–24, 35–43; Лк. 8, 41–42, 49–56.

279 - ...дщерию ханаоныня... – См. Мф. 15, 22–28.

280 - ...кровоточивою... – См. Мф. 9, 20–21; Мр. 5, 25–34; Лк. 8, 43–48.

281 - ...пятью хлѣбъ и двѣма рыбама... – См. Мф. 14, 13–23; Мр. 6, 30–45; Лк. 9, 10–17; Иоан. 6, 1–15.

282 - ...усшей смокви... – См. Мф. 21, 19–21; Мр. 11, 20–21.

283 - ...старицею оною, въвергъшею двѣ мѣдници въ святилище! – См. Мр. 12, 41–44; Лк. 21, 1–4.

284 - ...о ловитвѣ рыб... – См. Мф. 4, 18–22; Мр. 1, 16–20; Лк. 5, 1–11.

285 - ...воднотрудоватым ицѣлѣвшим... – См. Лк. 14, 2–4.

286 - Что ми самарянынею... или 5-ю мужи ея ...или кладязем Иаковлим ...и скоты их! – См. Иоан. 4, 1–42.

287 - ...Ираклѣйскый епископъ, авва...– Имеется в виду известный толкователь Священного писания, митрополит Ираклийскый Никита (XI в.), толкования которого на 16 Слов Григория Богослова были известны на Руси с древнейших времен.

288 - ...запинатель... – Запинать – мучить, бить ногами.

289 - Ицѣляетъ Исус расслабленаго, имуща 30 и 8 лѣтъ, на Овчии купѣли, яже имать пять притворъ. – См. Иоан. 5, 2–5.

290 - ...«Да же часть седми, таче и осмому». – Ек. 11, 2.

291 - ...у мене мужи... иже может единъ рещи алфу... на сто, или двѣстѣ, или триста, или 4-ста, а виту – також. – Это место в Послании митрополита Климента свидетельствует о том, что в его окружении были люди, образованные по-гречески. Умение сказать нечто более чем стократно на альфу, виту и все 24 буквы греческого алфавита означает не что иное, как владение таким разделом курса византийской грамотности, который именовался схедографией и состоял из особого рода орфографических и словарно-грамматических упражнений на каждую букву алфавита.

292 - ...«вся... елика восхотѣ, и сътвори на небеси... и въ всѣхъ безднахъ...» – Пс. 134, 6.

293 - Рассмотрѣти ны есть лѣпо, возлюблении... на службу умну и смыслену и словесну человеку. – В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

294 - И виждь како ти силу пламене. – В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

295 - Человекъ же, почтен Богомъ, вещью вещь очищает...Аминъ. – В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

²⁹⁶ - А ехионъ...учитель бывает многажды плавающимъ. – Рассказ об «ехионе» – «учителе» мореплавателей митрополит Климент заимствовал из Шестоднева Иоанна, экзарха Болгарского.

²⁹⁷ - Егда же послан бысть Иона пророк въ Ниневгии... и от лица Божия в Тарсъ бѣжати восхотѣ... – См. Ион. 1, 1–16; 2, 1–11; 3, 1–10.

²⁹⁸ - Ибо ни время алкионитскаго рождания... съ нимъ плывущему. – В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

²⁹⁹ - Алкионъ есть морскаа птица... яйца ражаетъ на пѣсцѣ средѣ зимы и егда... вѣтри земли прираждаются. – Рассказ о птице алкионе восходит у митрополита Климента к Шестодневу Иоанна, экзарха Болгарского.

³⁰⁰ - Егда великий Григорий Богословецъ плываше во Афины... всѣмъ сущим в корабли человекомъ... – В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

³⁰¹ - Егда великий Григорий Богословецъ плываше во Афины ... абие суровства Посидонска свободишяся, рекше, морьскаго, и тако во кроткое земли, Димитры, обитати сотвори, рекше, въ кроткое и тихое земли. – О застигшей Григория Богослова по пути в Афины морской буре рассказывается в Житии Григория Богослова, написанном учеником его Григорием.

³⁰² - ...написал есть 16 словесъ... – Сборник из шестнадцати избранных Слов Григория Богослова в действительности был составлен уже после смерти Григория Богослова и является делом позднейшей рукописной традиции; на Руси он был известен с древнейших времен и неизменно сопровождался толкованиями Никиты Ираклийского.

³⁰³ - ...яко и абие суровства Посидонска свободишяся... Иже въ глубоку старость глубокаа извѣща... за величество разума и глубину съкровенных ради и дивных словесъ. – В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

³⁰⁴ - ...саламандръ прованьскый... – О легендарном зверьке саламандре на Руси было известно по Физиологу; прованским

он назван здесь потому, что, по легенде, местом его обитания являлась внутренняя часть Индии, называвшаяся в легендах Прованом.

³⁰⁵ - ...раждеженую на 49... – То есть Вавилонскую печь, «седмь седмицею разжженную» (см. Дан. 3:19), которая, по церковному учению, является одним из прообразов Богородицы.

³⁰⁶ - ...всемирный ликъ составльшим... – То есть тем, кто составил всемирный хор (лик); здесь имеются в виду вавилонские три отрока, Анания, Азария и Мисаил, брошенные нечестивым царем Навуходоносором в разожженую печь за отказ поклониться золотому идолу и воспевавшие в огне единого Бога «яко едиными усты» (см. Дан. 3, 51–90).

³⁰⁷ - ...«Не 3 ли бяхом мужа въвергли в пещь ... четвертаго же образ бяше подобень Сыну Божию?». – Дан. 3, 91–92.

³⁰⁸ - Прежде бо своему боговидцю Моисиови в купинѣ явил еси девичьскую тайну... – См. Исх. 3, 2. В христианской традиции ветхозаветное событие – явление Моисею Бога в образе несгорающего куста – расценивается как прообразование о Богородице, утробу которой не опалило Божество воплотившегося в ней Иисуса Христа. Прообразованием рождества Христова от девы Марии является и ветхозаветная история трех отроков: как огонь печи не опалил отроков, «прохладив их смотрением Божиим», так и Христос, вселившись в Богородицу, не опалил ее естества.

³⁰⁹ - Данилу сушу въ рвѣ... въвержену... – См. Дан. 14, 31.

³¹⁰ - ...гриппъ Александрова въздухоходения... – Здесь имеется в виду эпизод из мифа об Александре Македонском: полет его на поднебесную высоту с помощью птицы грифона.

³¹¹ - ...иже Александрова въздухоходения елиньскаа писаниа сказаютъ. – Имеется в виду греческое повествование об Александре Македонском, так называемая Александрия Псевдокалисфена (литературный памятник, сложившийся около III в. н. э., переводившийся в том числе и на славянский язык).

³¹² - Аввакуму же от Египта къ жателемъ грядущу, брашно тѣмъ несшу... Ангелъ бо скоростью принесе пророка... послав ему до обилия съ тезоименитцемъ. – См. Дан. 14, 33–38.

³¹³ - ...Пентефриемъ скопцемъ, иже купи Иосифа! – См. Быт. 39, 1 и след.

³¹⁴ - ...о крастелѣх согнивающих до утрия... – См. Исх. 14, 13 (ср. Числ. 11:31).

³¹⁵ - ...«не свариши агняте въ молоцѣ матере его»... – Исх, 23, 19; Вт. 14, 21.

³¹⁶ - ...буестью крыя господню мнасу – то есть мину, серебряную монету; согласно притче Христа (Лука, XIX, 12–26), господин дал трем рабам десять мин с тем, чтобы в его отсутствие они пустили их в торговый оборот; оказалось, что один из рабов приумножил капитал в десять раз, другой в пять, третий же раб сохранил полученную монету, завернув ее в платок.

³¹⁷ - ...возметь свой от него талантъ... – Талант – вес и монета; согласно другой евангельской притче, как и в предыдущем случае, господин дал восемь талантов трем рабам, и только один из них не пустил свою долю в оборот, закопав талант в землю. Именно этого раба ожидало суровое наказание (Мф. 25, 14–30).

³¹⁸ - ...Господню притчу сказующе...– В эпической основе этой повести лежит притча о слепце и хромце, восходящая к древней восточной версии (как считают ученые, талмудической: «Беседа императора Антонина с раввином») и представленная во многих памятниках мировой литературы (ср. сборник «Тысяча и одна ночь», «Gesta Romanorum» и т. д.). Славянская версия появилась в Восточной Болгарии в X в. и широко распространилась в Древней Руси. В изложении Кирилла, в соответствии с его замыслом и системой доказательств, наблюдается стилизация под евангельские притчи, имеются и частные текстуальные заимствования из Матфея, 21, 33 и Марка, 12, 1–2, из евангельских текстов, только внешне похожих на притчу о слепце и хромце.

³¹⁹ - ...внутрених... внѣшних...– Это противопоставление пронизывает весь текст повести; автор, развертывая тему, постоянно обогащает антитезу, используя многозначность этих слов в древнерусском языке: внешнее – форма, наружное,

неизвестное, чужое, церковь, эдем, светское, иноверное, тьма и т. д.; внутреннее – соответственно содержание, вмещаемое, познанное, свое, алтарь, рай, церковное, христианское, свет. В переводе каждый раз приводится буквальное значение слова в соответствующем контексте.

³²⁰ - «Твоя суть небеса... ты основа». – Пс. 88, 12. Здесь, как и во многих других местах повести, Кирилл цитирует неточно, возможно, по памяти, и всегда принаравливает текст к цели своего повествования.

³²¹ - Вижь, яко... – Обращение к оппоненту, употребляется в тексте повести при переходе к полемическим частям повествования.

³²² - Се помышления суть ищущихъ не о Бозѣ свѣта сего санов... – Первый определенный выпад автора против епископа Феодора (см. ниже).

³²³ - ...чрес закон священъскаго ищеть взяти сана... – Обличение честолубивого епископа Феодора Ростовского (по летописи – «Федорца, еретика епископа»), при поддержке князя Андрея Боголюбского добившегося независимости ростовской епархии от киевской митрополии, что соответствовало сепаратистским устремлениям самого князя, деятельность которого с 1160 г. была направлена на отделение ростово-суздальских земель от киевской верховной власти. Попытка разъединения Руси в это тревожное время встретила осуждение со стороны общественного мнения, отраженного, в частности, в данном произведении Кирилла. Самозванный узурпатор «святительского сана» Феодор был выдан киевскому митрополиту и в 1169 г. подвергнут суровой казни как еретик. Повесть Кирилла насыщена выпадами против Феодора, ср.: «Се церковник недостойнъ ерѣйства...», «Ничто же богови тако любо...», и другие места повести.

³²⁴ - Того древа вкуси Каин... – Земледелец Каин убил своего брата, пастуха Авеля, когда Бог принял жертву не от него, а от Авеля (Быт. 4, 4–8); в соответствии со своей темой, Кирилл отмечает не факт убийства (первого, совершенного человеком), а зависть Каина к посвященному Авелю. Здесь

следует развернутый ряд отрицательных примеров, сопоставляемых с поступками Феодора: левит Корей с прочими восстал против Моисея, утверждая, что все люди святы, а не только святители вроде Моисея; чтобы проверить это, Моисей предложил им совершить службу вместо него, но по слову разгневанного Бога земля поглотила не только отступников, но и их семьи, дома и имущество (Чис. 16); сыновья жреца Илии на глазах молящихся поедали жертвенное мясо и творили другие бесчинства, оскорблявшие чувства верующих (1Цар. 2) и т. д.

³²⁵ - «Утрудихся вопия, измолчеми гортань». – Как обычно, неточная цитата из Псалтири, 68, 4: «...я изнемог от вопля, засохла гортань моя». Стилистически Кирилл приближает цитируемые тексты к общему строю повести.

³²⁶ - Разумѣите же нынѣ, безумнии в людех сановници, буии во иерѣехъ! – обращение к Андрею Боголюбскому (светский сановник) и к Феодору Ростовскому (сановник церковный). Андрей Боголюбский в год казни Феодора при поддержке одиннадцати князей пошел войной на Киев, с бою взял его, разорил и ограбил, однако на киевском престоле не остался, по-прежнему желая самостоятельности Ростово-Суздальского княжества. Особенно болезненное отношение представителя Туровского княжества к проискам суздальского князя объясняется двойной зависимостью Турова и от суздальских, и от киевских князей (Андрей некоторое время номинально был туровским князем). Упрекая суздальские власти за попытки раскола Русской земли, Кирилл отражает общерусские интересы того времени; он писал и личные послания князю Андрею, которые не сохранились.

³²⁷ - Сице и Павел изринулъ от святаго жертвеника Уменѣя и Филита... – Кирилл перечисляет нераскаявшихся новозаветных лиц: Именея и Филита, которые утверждали, что воскресение уже было и поэтому не следует ждать конца света (2 Тим.), блудных священников в Коринфе (1 Кор.), медника Александра, нанесшего апостолу Павлу какую-то личную обиду (2 Тим.). Слова апостола Павла Кирилл немного распространяет в соответствии со своей темой: Павел не говорил о «Судном дне», и т. д.

³²⁸ - Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае... – В некоторых неканонических текстах рассказывается о христианах, отрекшихся от Христа и потому лишивших себя пребывания в раю: Трефисе из Эфеса, об одном из семи дьяконов-отступников Николае.

³²⁹ - Точию не отчаим себе, яко Июда... – Иуда, предавший Христа, получил тридцать сребреников, которые хотел положить в храме во искупление крови; жрецы не приняли этих денег, и тогда, в отчаянии их бросив, Иуда ушел и удавился. В Евангелии рассказывается также о саддукеях, религиозной секте в Израиле, которые не верили в воскресение после смерти и потому, в частности, требовали женитьбы на жене умершего брата.

³³⁰ - Пишить бо Моисий... «Постави... ангел Божии». – Даются выдержки из речей Моисея, пророка Иеремии и апостола Павла о «пределах народам» и общности всех народов перед лицом Бога.

³³¹ - В Иезекили бо нам въскресения надежю показал есть. – В Книге пророка Иезекииля говорится о видениях и словах пророка, который повелением Бога дал надежду на восстановление Израиля, несмотря на разрушения, болезни и гонения, которые претерпел народ за свои страшные грехи. Здесь Кирилл упоминает слова Иезекииля, который оживил поле, полное сухих костей: «И когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них». Когда же по слову Бога под действием четырех ветров «вошел в них дух,— и они ожили, и стали на ноги свои...» (Иез. 37, 7–8:10).

³³² - Се же все самъ Творецъ дѣйствуетъ... – Согласно христианскому учению, жизнь движется по модели, обозначенной Богом: сначала появляется материя, затем ее оплодотворяет дух – смысл соотношения этих субстанций постоянен, но применительно к каждому конкретному случаю он является новым; антитеза души и тела – основное содержание символической части повести – на это указывает и заглавие ее.

³³³ - ...в кромѣшной мученья темницѣ. – Обычная для Кирилла игра слов: кромешный – это внешний, в данном случае внешним является мир по отношению к небесам, тело по отношению к душе, княжеская власть по отношению к Божеской и т. д., а также и хромец – вне сада.

³³⁴ - Праздникъ от праздника чествѣй приспѣлъ есть... – Четвертое Слово Кирилла входит в его цикл торжественных декламаций по поводу пасхальных праздников, для восточных славян совпавших с языческим праздником весны; в начале «Слова...» перечисляются предшествующие события, изложенные в трех других словах: на Вербницу, на Пасху и на Новую неделю.

³³⁵ - ...таче Фоминомъ испытаниемъ... – Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна о явлении Христа ученикам по воскресении (20, 19–29); сомневавшемуся в реальности Христова воскресения апостола Фому Христос уверил, дав ему вложить пальцы в свои раны.

³³⁶ - Ныня же Иосифа благообразнааго с мюроносицами похвалим... – Эпическая основа «Слова...» такова: Иосиф из Аримафеи, член иерусалимского совета и тайный приверженец Христа, просил Пилата отдать ему тело казненного Иисуса и получил разрешение. Вместе с другим тайным сторонником Христа, Никодимом, Иосиф похоронил тело учителя в своем семейном склепе, вырубленном в скале. Склеп помещался в саду Иосифа, недалеко от места казни, что позволило быстро совершить погребение, и притом на глазах стражников, еще до наступления праздника Пасхи, когда запрещено прикасаться к мертвому телу. Жены, приносившие благовония, чтобы почтить умершего, и некоторые из учеников Христа видели после воскресения Христа двух ангелов, чудесного юношу, истолковавшего им суть происходящих событий. Поэтический плач Богородицы, обличительная речь Иосифа перед Пилатом, его же надгробное слово, сказание юноши при гробе Христа, похвала Иосифу полностью принадлежат Кириллу, причем только речь Иосифа перед Пилатом и похвала Кирилла насыщены библейскими и евангельскими цитатами, несколько

измененными или сокращенными Кириллом в соответствии с содержанием текста.

³³⁷ - Ныня же зрю тебе, акы злодѣя... – По требованию жрецов, Иисус был распят между двумя разбойниками, взамен третьего, Вараввы, которого, по обычаю, помиловали в честь наступающего праздника Пасхи.

³³⁸ - О страннѣм ти рожествѣ тако не болѣх... – Согласно древней легенде, отраженной и в Евангелии, Бог на земле рождается у девственницы, не знавшей мужчины (см. далее в тексте).

³³⁹ - Днесь, Симеоне, постиже мя проречение... – Благочестивому жителю Иерусалима Симеону было предсказано, что он не увидит смерти, пока не повстречается со Спасителем; когда он увидел в храме младенца Христа с Иосифом и Марией, то, вдохновенно признав в младенце Спасителя, произнес знаменитую речь, начинающуюся словами: «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, по слову твоему». В числе проречений, связанных с искупительной жизнью Христа, Симеон дал Марии и следующее: «И тебе самой оружие пройдет душу,— да откроются помышления многих сердец». Эти слова Симеона и обыгрываются в плаче Богородицы, получая новый смысл.

³⁴⁰ - Все бо ты оставиша... – Напуганные возможными карами, ученики и друзья Иисуса покинули его, предали (как Иуда) или отреклись (как Петр). Похвала Иосифу, которой кончается Слово, отмечает мужество Иосифа, не устранившегося возможного наказания за свои действия: во всей античной литературе подобные действия считались героическими.

³⁴¹ - ...его же Сыномъ Божиємъ нарицахуть книжьници... – Намек на споры о божественном или царском ранге Спасителя.

³⁴² - ...о нем же, провидя, Захария тако написа... – В Книге Пророка Захарии говорится о «высокой цене, в какую они оценили меня» – тридцать сребреников, которые Захария по велению Бога бросил в храм для горшечника. В этих монетах видят прообраз тех тридцати сребреников, которые получил

Иуда за предательство Христа, хотя сребреники Иуды в храме не приняли: на них купили землю горшечника (скудельника), чтобы хоронить там нищих.

³⁴³ - ...о нем же прорече Каиафа... – Иерусалимский первосвященник Каиафа во время разбирательства дела Христа сказал: «Лучше для нас, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб», и предсказал, «что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божьих собрать воедино» – «с этого дня положили убить его», – добавляет евангелист. Тема неотвратимой жертвенности, основная в этом «Слове...» Кирилла, обосновывается всесторонне и тщательно.

³⁴⁴ - ...о них же рече Иеремия... – В Книге Пророка Иеремии говорится о том, что пастухи (т. е. скотоводы) растоптали и разрушили сады (творение рук земледельцев): «Истоптали ногами участок мой, любимый участок мой, сделали пустой степью, сделали его пустынею, и в запустении он плачет, передо мною вся земля опустошена, потому что ни один человек не прилагает этого к сердцу... они сеяли пшеницу, а пожали терны; измучились и не получили никакой пользы...» (Иер. 12, 10–13). Кирилл относит эту характеристику к первосвященнику Каиафе, «пастуху», истребившему «ниву Божью».

³⁴⁵ - И паки псалом глаголетъ о них... – В начале Псалтыри говорится о царях земных, которые сговариваются против Бога и Христа, чтобы свергнуть гнет духовной власти, «свергнуть с себя оковы их». В Псалтыри этот мотив повторяется неоднократно.

³⁴⁶ - Си бо рече Соломон... – Многомудрый царь Соломон, предполагаемый автор некоторых текстов Библии.

³⁴⁷ - «Аз есмь Живот и Истина». – Здесь и ниже речь идет о словах Иисуса, заявившего, что Пилат не имеет власти судить его.

³⁴⁸ - ...моляше своя жена, глаголющи... – Во время суда над Иисусом Пилат получил известие от жены, что во сне она

видела дурное предзнаменование на случай, если он осудит Христа.

³⁴⁹ - ...ему же въходящую въ Иерусалим... – Когда Иисус прибыл в Иерусалим на молодом осле, народ восторженно встретил его; поэтическая картина этого события дана Кириллом Туровским в его «Слове на антипасху».

³⁵⁰ - ...ад отпусти душу Лазоря... – Речь идет о Лазаре из Вифании, которого Иисус воскресил из мертвых; об этом рассказывается в Евангелиях от Луки и от Иоанна (12:1).

³⁵¹ - ...писа в законъ Моиси... – В Пятой книге Моисея (Второзаконии) говорится о возможном проклятии Израиля Богом за непослушание: «Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей. От трепета сердца твоего, которым ты будешь объят, и от того, что ты будешь видеть глазами твоими, утром ты скажешь: “О, если бы пришел вечер!”, а вечером скажешь: “О, если бы наступило утро!”» Позднее символом жизни, висящим перед глазами, церковь сделала Христа на кресте – на это и намекает Кирилл.

³⁵² - ...о немъ же Исаия къ Ахазу глаголаше... ему имя: С нами Бог... – Бог устами пророка Исайи предрек иудейскому царю Ахазу рождение Христа непорочной девой: «И нарекут имя ему: Еммануил», что значит: «С нами Бог» (Ис. 7:14).

³⁵³ - ...о немъ же Давыд прорече... – В Псалтыри царь Давид говорит: «Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои, а они смотрят и делают из меня зрелище...» (21, 17–18) – как и в прочих ссылках этой речи Иосифа, Кирилл относит эти слова к распятому Христу.

³⁵⁴ - ...о немъ же глаголетъ пророк... – Приводятся слова пророка Исайи, но в оригинальном словесном оформлении самого Кирилла, а не в древнерусском переводе.

³⁵⁵ - ...избѣгающе въпияху бѣси... – Слова, приводимые в тексте, согласно Евангелию произносили бесы, изгоняемые из бесноватых повелением Христа.

³⁵⁶ - ...на Иерданѣ крестящюся ему... – Приводимые слова сказаны Богом в момент крещения Христа в реке Иордан.

³⁵⁷ - «Яко овча на заклание веденъ бысть»... – Слова сказаны пророком Исайей; оттуда же взята и следующая цитата о страданиях, понесенных Спасителем за людей (Исайя. 53, 4, 5:12).

³⁵⁸ - «И ты въ кръви завѣта своего испустил еси ужники своя от рова, не имуща воды». – Цитата из Книги Пророка Захарии – намек на бесполезность тела распятого Христа для Пилата.

³⁵⁹ - ...пърсьтии принесъше цесари... – После рождения Христа убедиться в его появлении пришли восточные цари (волхвы), наведенные на ясли младенца светом вифлеемской звезды.

³⁶⁰ - И положиша и въ гробѣ, и привалиша камень великъ къ дверем гробу. – По приказанию Пилата у склепа на три дня была поставлена стража, а вход в нее – запечатан, чтобы тело не могли выкрасть и потом фальсифицировать воскресение из мертвых. Кирилл не останавливается на этом факте, но замечает, что две Марии наблюдали за погребением издали, что камнемъ с печатями утврженъ бысть, что стражъми стрѣгомъ былъ Иисус, но вышел, не тронув печатей, к омыртвѣвъшимъ воиномъ. Считая известной слушателями читателей эпическую основу этих событий, Кирилл касается их только намеками, оценкой различных действующих лиц. Монологическая форма изложения и символический подтекст композиции требовали устранения или редукции фактической основы повествования.

³⁶¹ - Мария же Магдалыни и Мария Ияковля зряста, кде ѿ полагаху. – У разных евангелистов содержатся различные сведения о личности второй Марии; стилистическое предпочтение Кирилла символике числа три ведет его к необходимости избрать вариант с тремя Мариями, одна из которых – Богородица (в Евангелии от Иоанна речь идет только об одной Марии, пришедшей к гробу Христа).

³⁶² - ...вся въкупѣ жены с мюромъ... – Среди женщин, приходивших к гробнице, перечисляются Мария Магдалина,

Мария, мать Иакова и Иосии, а также Саломия и Иоанна.

³⁶³ - ...яко же глаголетъ Матфѣи... ...о техъ бо Лука написа тако... Марко же о всѣхъ повѣдаеть... – Кирилл перечисляет евангелистов, которые различным образом повествуют об описываемых событиях.

³⁶⁴ - ...тѣмъ же Иоан Фелогъ рече... – Речь идет об Иоанне Богослове, почитаемом на Руси отцом церкви.

³⁶⁵ - ...яже за Адама въ тѣлю падша пострада... – Согласно христианскому учению, Христос пришел на землю, чтобы искупить своей смертью грехи первого человека – Адама.

³⁶⁶ - На трѣсти губою оцѣта съ золчию въкуси... – Через несколько часов после распятия Иисус воскликнул, что жаждет. Вкусив уксуса, поднесенного к его устам в губке на копье, он умер. Солдаты пронзили ему копьем ребра, и из ран потекла лимфа (вода) с кровью. На конкретной картине казни Кирилл еще раз строит развернутый символический образ искупления.

³⁶⁷ - Блажен еси, Иосифе, паче патриарха Авраама, Исака и Якова! – Перечисляются наиболее чтимые иудейские патриархи, упомянутые в Библии.

³⁶⁸ - ...его же образа не тѣрпя зрѣти въ Хоривѣ Моиси... – В молодости Моисей, пася овец у горы Хорив, впервые услышал голос Бога из неопалимой купины; Моисей закрыл лицо руками, боясь увидеть Бога.

³⁶⁹ - ...тѣма и на Фаворѣ съ Илиею видѣвъ Христа... – В Евангелии от Матфея рассказывается, как Христос повел на высокую гору Фавор трех апостолов и те увидели рядом с ним патриархов Илью и Моисея; это преображение Иисуса убедило апостолов, что Христос – сын Божий.

³⁷⁰ - Давыд бо от Силома кивот съ Божиємъ словом принесе... – Не Давид, а Самуил перенес ковчег с заветом из Силома на место сражения иудеев с филистимлянами (1Цар. 4); смешенно имен возникло от того, что в исходе этой войны именно благодаря Давиду была достигнута победа иудеев над врагами.

³⁷¹ - Подаждь, святе, всѣмъ нам твою помощь... –
Заключительная молитва святому за город, князя и народ, –

факт, необычный для торжественных Слов Кирилла и известный только в этом Слове.

³⁷² - ...к Василию, игумену Печерьскому... – Игумен Киево-Печерского монастыря (с 1182 г.) Василий был постоянным корреспондентом Кирилла Туровского, к нему обращено и Послание Кирилла о схиме (см. на с. 198). Как сообщают летописи, Василий был поставлен в игумены из попов-бельцов: до пострижения и возведения в игуменский сан (что произошло одновременно) он был настоятелем храма в одном из районов Киева – «на Щекавице», стал игуменом по выбору Киево-Печерской братии.

³⁷³ - ...«Блажены, иже обрѣте мудрость... разум житѣя сего». – Притч. 3, 13.

³⁷⁴ - ...«Да не будетъ бѣгство ваше зимѣ, ни в субботу»... – Мф. 24, 20.

³⁷⁵ - ...«Възмѣте бо... вся оружия Божия... в день лют»... – Еф. 6, 13.

³⁷⁶ - Петра бо от церкви за нь... молитва от темницы и вериг избави. – Здесь автор имеет в виду событие, описанное в Деяниях апостольских: когда апостол Петр был посажен под стражу, «церковь прилежно молилась о нем Богу»; и тогда ангел Господен явился к нему в темницу и чудесным образом, незримо для стражи, вывел его на свободу (см. Деян. 12, 3–10).

³⁷⁷ - ...«Паче силы оскорбѣша ны в Асии... но Бог избави ны вашими молитвами». – Ср. 2 Коринф. 1, 8–11.

³⁷⁸ - ...Исаия... смерть Иезекии от Бога подав... сдравие тому же Иезекии принесе... и граду избавление... Давыда ради отрока твоего». – Здесь автор имеет в виду событие, описанное в Четвертой книге Царств: к тяжело заболевшему царю Иудейскому Езекии явился пророк Исаия и возвестил слова Господа Бога о том, что царь умрет; но после того, как Езекия горячо помолился, Господь велел пророку возвратиться к царю и сказать ему, что он исцелит его и спасет от ассирийского царя Иерусалим «ради Давыда, раба его» (См. 4Цар. 20, 1–6).

³⁷⁹ - ...трие отроки моляхуся, глаголюще: «Авраама ради възлюбленаго... и Израиля святаго твоего»... и в пламени не

изгорѣвше изидоша. – Речь идет о трех вавилонских отроках, Анании, Азарии и Мисаиле, брошенных нечестивым царем Навуходоносором в разожженную печь за то, что они не пожелали поклоняться золотому идолу, воздвигнутому царем; в печи отроки славил единого Бога и молили его о спасении «Авраама ради, возлюбленного тобою, ради Исаака, раба твоего, и Израиля, святого твоего»; и явившийся им в печи ангел Божий сделал для них огонь прохладным, и они невредимыми вышли из огня (см. Дан. 3, 1–93).

³⁸⁰ - ...«Благо мнѣ...да научюся оправданием твоим»... – Ср. Пс. 118, 12, 26, 64, 68, 124, 135.

³⁸¹ - ...«Обѣщайте бо ся... и въздадите»... – Пс. 75, 12.

³⁸² - ...«Въздам тобѣ обѣты моя, иже изрекосте устнѣ мои и глаголаша уста моя в печали моей».– Пс. 65, 13–14.

³⁸³ - ...«Сказание бо словес твоих просвѣщает и разум даеть младенцем». – Пс. 118, 130.

³⁸⁴ - ...«Възведохъ очи мои в горы твоя, отнуду же приде помощь мнѣ». – Пс. 120, 1.

³⁸⁵ - ...«Господь съхранить вхождение мое и исхождение отселѣ и до вѣка». – Пс. 120, 8.

³⁸⁶ - ...«В нощех бо въздежете руки ваша в святая и благословите Господа»... – Пс. 133, 1–2.

³⁸⁷ - ...«Полунощи въстах исповѣдатися тебѣ». – Пс. 118, 62.

³⁸⁸ - ...«Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣкы, яко да узрятъ дѣла добрая ваша и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесех». – Мф. 5, 16.

³⁸⁹ - ...«Рѣх бо,– рече,– схраню пути моя, да не съгрѣшу языком моим, онемѣх и смирихся, и умолчах отъ благ». – Пс. 38, 2.

³⁹⁰ - «Аз же яко глух, и не слышах, и акы нѣм, не отверзох уст своих»... – Пс. 37, 14.

³⁹¹ - ...«Бог ны апостолы послѣдняя яви акы насмертныи, яко позору быхомъ всему миру»... – 1Кор. 4, 9.

³⁹² - ...«Уроди мы Христа ради, вы же мудри о Христѣ». – 1Кор. 4, 10.

393 - ...«Иже бо мякъкая носять, си в домѣх царьскихъ суть»...— Мф. 11, 8.

394 - ...«Глас радости и веселиа в селѣх праведник»...— Пс. 117, 15.

395 - ...«Праведници в вѣкы живут, и мзда им от Господа»...— Ср. Пс. 36, 29.

396 - ...«Богатство иже мимотечеть, не прилагайте сердца»... — Пс. 61, 11.

397 - ...«Не помилую бо всѣх творящих беззаконие»... — Ср. Иез. 24, 14.

398 - ...«Того ради забыхъ снѣсти хлѣб мой от гласа въздыхания моего». — Пс. 101, 5–6.

399 - ...«близъ бо Господь всѣхъ боящихся его... молитву ихъ услышитъ»... — Ср. Пс. 144, 18–19.

400 - ...«се красенъ добротою паче сынъ челоувѣчскъ»... — Пс. 44, 3.

401 - ...«щедр... и милостивъ Господь»... — Пс. 102, 8.

402 - ...«не придохъ, да ми послужать, но да послужи и положу душу свою избавление за многы». — Мф. 20, 28; Мф. 10, 45.

403 - ...«И се челоувѣкъ высокъ стояше на твердѣмъ камени, призывая страны и питаа своя»... — Источникъ этой цитаты нами не обнаружен.

404 - ...«Иже кто ястъ хлѣбъ ось и пьетъ чашю Господню, недостойнъ сый, грѣхъ собѣ ястъ и пьетъ, повиненъ есть тѣлу и крови Господни». — 1Кор. 11, 27.

405 - ...«Блажени, имже отпущена суть беззакония, имже прикрываша грѣси, имже не вѣмнѣть Господь грѣха»... — Пс. 31, 1–2.

406 - ...«Веселитесь о Господѣ и радуйтесь, праведники!» — Пс. 31, 11.

407 - ...«радость бо бываетъ на небеси о единомъ грѣшници кающемся»...— Лк. 15, 7.

408 - ...«радуите бо ся со мною, яко обрѣтохъ погыбшую драхму». — Лк. 15, 9.

- 409 - ...«О, суетие, суетою буди!» – Ср. Ек. 1, 2.
- 410 - «Не спасется... царь многою силою»... – Пс. 32, 16.
- 411 - ...«Оженившийся печется женою, како угодити женѣ, а неоженившийся печется, како угодити Богови»... – 1Кор. 7, 32–33.
- 412 - ...Феодоса игумена Печерьскаго, иже в Киевѣ... –
Имеется в виду основатель русского монашества, игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий (ум. 1074 г.) См. Житие и его Поучения в наст. изд., т. 1.
- 413 - ...«Приемляй праведника во имя праведниче мзду праведничу приемлеть»... – Мф. 10, 41.
- 414 - ...«Приемляй... вас мене приемлеть»... – Мф. 10, 40.
- 415 - ...«Не бойся, малое стадо, яко благоволи Отецъ мой дати вамъ царствие небесное»... – Лк. 12, 32.
- 416 - ...«иже бо оставить отца и мать и имѣние имени моего ради, стократцею приимет и жизнь наследитъ». – Мф. 19, 29.
- 417 - ...«Творяй ангелы своя духы и слугы своя огнь полящъ». – Пс. 103, 4.
- 418 - «Иже бо душу свою погубит моих ради словес, обрящет бо ю в вѣчном животѣ». – Лк. 17, 33.
- 419 - ...«взискающии его не лишатся от всякого блага». – Пс. 33, 11.
- 420 - ...«и приведутся царю дѣвы по ней». – Пс. 44, 15.
- 421 - ...«Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди тоя, и дом отца твоего, и възхощетъ царь добротѣ твоей, аще и черна еси». – Пс. 44, 11–12.
- 422 - «Смагла есмь, но добра». – Песнь. 1, 4.
- 423 - ...«Вся слава дщерѣ царевѣ внутрьуду». – Пс. 44, 14.
- 424 - ...остави вы... на горахъ 90 и 9 и снидохъ погыбшии сдеища... – Ср. Мф. 18, 12; Лк. 15, 4.
- 425 - ...«лицу твоему помолятся богатии людстии». – Пс. 44, 13.
- 426 - ...«не остави мене, ни отступи от мене»... – Ср. Пс. 37, 22.

⁴²⁷ - ...«И тѣ яко пастух, упасеть стадо свое и в руцѣ свои сбереть агньца и в утробѣ имущая утѣшить». – Ис. 40, 11.

⁴²⁸ - «Бес подвига никтоже вѣнчается». – Ср. 2Тим. 2, 5.

⁴²⁹ - ...«Отче святыи, не о мирѣ молю, но о сих, яже дал еси мнѣ, съблуди аво имя твое; да идеже буду и аз, ту и си будутъ съ мною, никто же от них погибнетъ, токмо сын погыбелный!» – Ср. Иоан. 17, 9. 10. 12. 24.

⁴³⁰ - ...яко Божия слугы, въ трѣпѣнии мнозѣ свое сдевающе спасение. – См.: 2Кор. 6, 4.

⁴³¹ - ...и расыплются кости наша при адѣ. – Ср. Пс. 140, 7.

⁴³² - ...«Коль сладка... словеса твоя... устомъ моим». – Пс. 118, 103.

⁴³³ - Недѣля Цвѣтная. – Цветной, или Цветоносной, неделей (то есть воскресеньем) называется последнее воскресенье Великого поста перед Страстной седмицей – двенадесятый праздник в честь входа Господнего в Иерусалим, когда дети еврейские встречали Христа, пришедшего в город с учениками из Вифании (селения близ Иерусалима), где жил со своими сестрами воскрешенный Лазарь, цветущими пальмовыми ветками – ваиями (отсюда название этого праздника – «неделя цветоносная», или «неделя ваий»). На Руси с древнейших времен принят обычай приносить в этот день в храм вместо пальмовых веток вербу и освящать ее (потому – «вербное воскресенье»). Вербному воскресенью предшествует Лазарева суббота, день, когда празднуется воспоминание о воскрешении Христом четверодневного Лазаря.

⁴³⁴ - Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, всѣд на жребя осля... – См. Мф. 21, 1–9; Мр. 11, 1–10; Лк. 19, 29–38; Иоан. 12, 12–19.

⁴³⁵ - ...«Радуйся зѣло, дщи Сионова: се бо цесарь твой грядетъ кроток, всѣд на жеребецъ ун!» – Зах. 9, 9. Ср. Мф. 21, 5; Иоан. 12, 15.

⁴³⁶ - ...«Лазоря из гроба возва и от мертвых въскреси и». – Иоан. 12, 17. См. Иоан. 11, 1–46.

⁴³⁷ - ...апостоли на жребя своя ризы възложиша.... – См. Мф. 21, 7; Мр. 11, 7; Лк. 19, 35.

438 - ...«Вселю бо ся в ня и похожю, и буду им Бог, и ти будутъ мнѣ люди». – 2Кор. 6, 16.

439 - ...народи постилають по пути ризы своя, друзии же... вѣтвѣ постилаша.– См. Мф. 21, 8; Мр. 11, 8; Лк. 19, 36.

440 - ...«Аз бо есмь путь, истина и живот». – Иоан. 14, 6.

441 - ...«Осана сыну Давыдову! Благословен грядый во имя Господне!» – Мф. 21, 9.

442 - ...Бог Господь и явился нам! – Пс. 117, 27.

443 - Аньна и Каияфа – первосвященники иудейские. Когда Иисуса Христа взяли в саду Гефсиманском, его привели к ним (см. Иоан. 18, 13–24).

444 - ...о немже заповѣда Ияков сыном своим, глаголя: «От племени твоего, Иудо, изидеть владыка небеси и земли, и тѣ упование языком, привязая лозѣ жребя свое»... – Ср. Быт. 49, 10–11.

445 - ...«Из уст младенецъ съсущихъ свершил еси хвалу»... – Пс. 8, 3; Мф. 21, 16.

446 - ...«Веселися, Еросалиме, и уравни путь Богу твоему, яко придетъ в церковь свою, творя чюдеса и дая знаменія»... – Ср. Соф. 3, 14–15.

447 - ...«Уже бо,– рече,– нѣсть ми хотѣнья в сынѣхъ Израилевыхъ, явѣ быхъ не ищущимъ мене и рку не людемъ моимъ: «Людье мои вы есте».– Ср. Ис. 65, 1.

448 - ...яко блудница... того пречистѣи лобызающе нозѣ... – См. Мф. 26, 7; Лк. 7, 37–38.

449 - ...«На руку своею написахъ стѣны твоя, Иеросалиме, и вселюся посреде тебе». – Ис. 49, 16.

450 - ...егоже днесъ сам Богъ въспомянул... – Четвертая неделя по Пасхе посвящена в годичномъ богослужебномъ цикле воспоминанию о чуде исцеления Иисусомъ Христомъ расслабленнаго у Овчей купели. См. об этомъ: Иоан. 5, 1–15.

451 - Глаголетъ бо евангелистъ: възиде Иисусъ в Иеросалимъ в преполовление жидовска праздника... – См. Иоан. 5, 1; 7, 10, 14.

⁴⁵² - ...лестьца его и блазнителя нарицающе. – См. Иоан. 7, 12.

⁴⁵³ - ...к Силуамстей вододържи, иже нарицается Вифезда, сиречь Овча купѣль... – См. Иоан. 5, 2; 9, 6, 11.

⁴⁵⁴ - Над сим бѣ храм, пять притвор имѣя, и ту лежаше множество болящих, хромых же и слѣпых, и инѣми недуги болящеи, чающе движения водѣ; ангел бо Господень приходя възмущаше воду, и по възмущении первое вѣлѣзый цѣл бываше. – См. Иоан. 5, 2–4.

⁴⁵⁵ - ...приде к Овчи купѣли и видѣ чловѣка раслаблена... и въпроси его, глаголя: «Хощеши ли сдрав быти?» «Ей,– рече,– Господи! Хотѣл бых, нѣ не имѣю чловѣка, да бы по възмущении ангеловѣ въвергл мя бы в купель».– См. Иоан. 5, 5–7.

⁴⁵⁶ - ...превъзидоша безакония моя главу мою. – Пс. 37, 5.

⁴⁵⁷ - ...и не тако пси Лазоревы облизаху струпы... – Имеется в виду евангельская притча о богаче и Лазаре. См. Лк. 16, 21.

⁴⁵⁸ - ...яко злѣ расточих даное ми в раи богатство, и змѣемъ в Едемѣ украдена ми бысть чистоты одежда... – Расслабленный здесь олицетворяет, по Кириллу Туровскому, все человечество, несущее бремя первородного греха, унаследованное от прародителей Адама и Евы.

⁴⁵⁹ - ...Енох и Илия... възята... быста на колесници огньнѣ и прѣбываеа идеже Бог вѣсть... – О благочестивом патриархе допотопного мира Енохе и о пророке Илье Библия сообщает, что они чудесным образом были переселены на небо, не познав смерти. См. Быт. 5, 24; 4Цар. 2, 11.

⁴⁶⁰ - ...Моиси... послѣ же съгрѣши к Богу и не въниде в землю обѣтованную...– Автор имеет здесь в виду то, что Моисей не удостоен был от Бога войти в землю обетованную и умер прежде, чем народ израильский вступил в нее. См. Быт. 34, 4–6.

⁴⁶¹ - ...Соломон премудрый... женами прѣльстивъся, погыбе. – В последние годы своего царствования Соломон уклонился от веры в единого Бога и стал служить языческим богам; в его

гареме содержалось до семисот жен и трехсот наложниц, большей частью из языческих народов. См. 3 Цар. 11, 1–43.

⁴⁶² - ...яко отроча родиться, сын Вышняго, и дан бысть нам, и тѣ болѣзни и недугы наша понесет. – Ср. Ис. 9, 6.

⁴⁶³ - ...не придох бо, да ми послужать, нѣ да послужю. – Ср. Мф. 20, 28.

⁴⁶⁴ - ...«Бози будутъ и сынове Вышняго вси». – Пс. 81, 6.

⁴⁶⁵ - ...кляхъся Аврамови, глаголя: «Осѣмени твоємъ благословятъся языци, в Исацѣ же будетъ ти племя, и в томъ въплътивъся, отложю обрѣзание, створю же брѣжю воду, многа чада поражающую крещениемъ»... – Ср. Быт. 21, 12; 22, 16–18.

⁴⁶⁶ - ...«яко протѣржесе вода в пустыни». – Ис. 35, 6,

⁴⁶⁷ - Лазоря, уже раскысѣвъша в гробѣ... словомъ жива створи... – См. Иоан. 11, 1–44.

⁴⁶⁸ - ...«Въстани, и възми одр свой, и иди в дом свой!» – Ср. Иоан. 5, 8.

⁴⁶⁹ - ...«Субота есть, и недостойтъ ти взяти одра!» – Иоан. 5, 10.

⁴⁷⁰ - ...нѣ иже мя есть створил цѣла, тѣ мнѣ рече: «Въстани... и ходи!» – Иоан. 5, 11.

⁴⁷¹ - Обрѣте же его пакы Исус в церкви и глагола ему: «Се цѣл еси... да не горе ти что будетъ!» – Иоан. 5, 14.

⁴⁷² - ...обрѣтох шьдѣшаго в пути неблагы... обязах раны уязвѣнаго бѣсовскими разбойники... възъм на тѣла моего скот, вънесох в гостиньницу... дах два срѣбрьника гостиньнику... – Здесь Кирилл Туровский использует евангельскую притчу о милосердном самарянине (См. Лк. 10, 30–35), трактуя ее как иносказание о спасительном промысле вочеловечения Иисуса Христа.

⁴⁷³ - ...повѣдая, яко «Исус... мя створи цѣла». – Ср. Иоан. 5, 15.

⁴⁷⁴ - ...он бо, наченъ церковъ, позван бысть Богомъ и к нему отъидеть... – Закладка каменной церкви Успения Богородицы в Киево-Печерском монастыре произошла на последнем году жизни Феодосия Печерского (в 1073 г.), достраивался же храм

уже после его смерти; об этом рассказано в Житии Феодосия Печерского (см.: наст. изд., т. 1), в Повести временных лет (см.: там же) и в Киево-Печерском патерике (см.: наст. изд. т. 4).

⁴⁷⁵ - ...но и стѣны каменья около свята лавры созда... – Настоящее Послание является единственным историческим источником, донесшим до нас свидетельство о том, что вокруг Киево-Печерского монастыря в XII в. была возведена каменная ограда. Во времена Феодосия Печерского монастырь имел деревянную ограду: в Повести временных лет сказано: «и монастырь огородиша столпеемъ». При татарском нашествии каменная стена была разрушена и монастырь был снова обнесен деревянной оградой. Последняя каменная стена вокруг Киево-Печерского монастыря была построена в 1698 г. (см.: Евгений. Описание Киево-Печерской лавры. Киев, 1847. С. 35.).

⁴⁷⁶ - ...отъ самага Христа притчу извѣщую о... создавшем на камени... свою хлевину. – Имеется в виду евангельская притча о доме, построенном на камне (см.: Мф. 7, 24–25; Лк. 6, 47–48).

⁴⁷⁷ - ...«разсчести си имѣние»... – Лк. 14, 28.

⁴⁷⁸ - ...аналаву и куколь... – Речь идет об одеждах, составляющих монашеское облачение: аналаве – четвероугольном плате с изображением орудий страданий Иисуса Христа, носимом иноками на груди и плечах, и куколе – головном покрове.

⁴⁷⁹ - И Лоть бо не соблазнися въ Содомѣх со безаконники, а в Сигорѣ съ дщерми осквернися – См. Быт. 19, 1–36.

⁴⁸⁰ - ...вся задняя забуди, а на предняя простирайся.– Ср. Фил. 3, 13.

⁴⁸¹ - ...а бы не при пути, ни на камяни, ни в тернии сѣялъ.– См. Мф. 13, 4, 6, 7.

⁴⁸² - ...«Преж убо слухом слышахом, нынѣ же око мое видить тя»... – Иов. 42, 5.

⁴⁸³ - ...«Въ свѣте лица твоего, Господи, пойдем и о имени твоємъ възрадуемся в вѣкы». – Пс. 88, 16–17.

⁴⁸⁴ - ...«Обещайте и воздадите». – Ср. Пс. 75, 12.

⁴⁸⁵ - ...«Луче не обѣщатися, нежели, обѣщавшися, не воздати». – Ек. 5, 4.

⁴⁸⁶ - ...«Почто единаче не до кровѣ противистесе, къ грѣху подвижающихся». – Евр. 12, 4.

⁴⁸⁷ - ...дом святѣя Богородица... – Кирилл Туровский называет Киево-Печерский монастырь домом Богородицы по монастырскому храму во имя Успения Богородицы.

⁴⁸⁸ - ...якоже Вышегородъ от Києва, тако же и Боголюбѣи от Володимѣря. – Вышгород, резиденция киевских князей, находился в семи верстах от Києва, Боголюбово – в одиннадцати верстах от Владимира; в 1149 г., после взятия Києва, Андрей получил от отца во владение Вышгород, но предпочел удалиться на север и заложил Боголюбово.

⁴⁸⁹ - ...и церковь преславу святѣя Богородица Рождества... – Покидая Вышгород, Андрей взял с собою и древнюю икону Богородицы, написанную, по преданию, евангелистом Лукой (теперь известна как Владимирская Богоматерь) и считавшуюся чудотворной. Согласно легенде, повозка, в которой везли реликвию, остановилась за несколько верст от Владимира, и ее не могли сдвинуть с места. Здесь Андрей и основал Боголюбово, поставив церковь Рождества Богородицы (разрушена в начале XVIII в.); во Владимире Андрей построил храм Успения Богородицы (1158–1160 гг., сохранился до настоящего времени); об этих церквях и говорится в похвальной части повести. В Боголюбове сохранились также «сени» – лестничная башня, в которой был добит князь Андрей.

⁴⁹⁰ - ...отвѣрха и до Дѣсиса... – от вершины купола до Деисуса; здесь Деисус – вероятно, иконостас.

⁴⁹¹ - ...«Аще створите братѣи меньшии моѣи, то мнѣ створисте»... (то же повторяется ниже). – Пересказ евангельских слов: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф., 10:42).

⁴⁹² - ...мужьству тѣзоимените братама благоумныма, святѣма страсотерпцема... – Здесь и ниже мучение Андрея сопоставляется с убийством младших сыновей князя Владимира – Бориса и Глеба в 1015 г.; ниже говорится о мече Бориса, который мог бы спасти Андрея.

⁴⁹³ - «Аще кто положить душу свою за другъ свои.. ученикъ быти». – Ср.: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15:13).

⁴⁹⁴ - ...Анбалъ, ясинъ ключникъ... – Ясы – русское название алан (ныне осетины), живших на Северном Кавказе. Из других заговорщиков упомянуты: Яким из дома богатых бояр Кучковичей (сестра Якима была первой женой Андрея Боголюбского) и его зять Петр.

⁴⁹⁵ - «...что уподобистесь Горясѣру?» – Горясер – убийца младшего из сыновей Владимира – Глеба.

⁴⁹⁶ - ...и помяну вся Иовова... –Иов – библейский персонаж, являющийся примером терпения и преданности Богу в постигших его несчастиях, в конечном счете был возвышен и вознагражден за все свои страдания. Пораженный проказой, «взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел» (см. Иов. 2, 4–8).

⁴⁹⁷ - побѣжая полкы поганыхъ болгаръ? – Речь идет о победоносном походе Андрея Боголюбского на камских болгар в 1164 г.

⁴⁹⁸ - ...Арьсѣнии, игумень... – Здесь и далее игуменом называется не настоятель монастыря, а священник.

⁴⁹⁹ - «Идеже законъ, ту и обидѣ много». – Как обычно у автора, перефразировка хорошо известных текстов Нового завета, ср. в Послании Павла римлянам: «Где нет закона, нет и преступления» (Рим. 4:15).

⁵⁰⁰ - «Всяка душа влаstemъ повинуется». – Свободное изложение мысли того же апостола Павла в Послании Титу: «Повиноваться и покоряться начальсгву и властямъ» (Тит. 3:1).

⁵⁰¹ - «...Князь же не туне носить мечъ Божи, ибо слуга есть». – Ср. Рим. 13, 3–4.

⁵⁰² - Серебрѣная ворота – белокаменные ворота в восточной части Владимира.

⁵⁰³ - «Его же любить Господъ, того же и казнить, и бьеть же всякого сына, егоже приемлетъ; аще бо наказанья терпите, яко сыномъ вамъ обрѣтается Богъ». – Евр. 12, 6–7.

⁵⁰⁴ - ...со братама своима с Романомъ и съ Давидомъ... – Христианские имена Бориса и Глеба, убитых братом их Святополком.

⁵⁰⁵ - Князю же Андрѣю хотящу княжити на Ростовскую землю... – Князь Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1110–1174 гг.) без согласия своего отца Юрия Долгорукого в 1155 г. покинул свой удел в Вышгороде и переехал в Ростово-Суздальскую землю.

⁵⁰⁶ - Повѣдоша ему икону Вышѣгорода въ женском монастыри Пресвятыя Владычица нашеа Богородица...– Вышгород – центр удельного княжества на правом берегу Днепра в 18 км от Киева. Князь Андрей получил его во владение от своего деда в 1149 г., но вскоре вместе с отцом Юрием Долгоруким был изгнан из Киевской земли, а в 1154 г. снова занял княжеский стол в Вышгороде. Икона Богоматери была принесена из Византии вместе с иконой Богоматери Пирогощей, вероятно, во второй четверти XII в.

⁵⁰⁷ - Поставиша ю за трапезою. – Трапеза – престол, алтарный жертвенник.

⁵⁰⁸ - ...приѣха к рѣцѣ Возузѣ... – Вазуза – правый приток Волги.

⁵⁰⁹ - ...члѣк онъ... – Добавлено по Собранию Егорова, в рукописи нет.

⁵¹⁰ - Князю же сущу на Рогожских полех... – Древнее село и волость Рогож, затем город Богородск, ныне Ногинск Московской обл.

⁵¹¹ - ...в корѣтлѣ – верхней женской одежде типа халата с длинными, широкими рукавами, в зимнее время подбивалась мехом.

⁵¹² - ...жал ми увисла же отлогъ. – Отлог (видимо, от южнорусского видлога)– название пришивного к верхней дополнительной одежде типа откидного колпака или башлыка. Увисла – вероятно, кожаная бахромчатая оторочка «видлоги». Эти объяснения, высказанные Н. Н. Ворониным (Воронин Н. Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. М., 1965. Т. XXVI. С. 180–218),

подтверждают миниатюры Лицевого свода, посвященные «Сказанию об иконе Владимирской Богоматери» XVI в., на которых изображена попадьа Микулина со снохою, в их одеждах различимы корьтль, увисла, отлог.

⁵¹³ - ...и созда церковь во имя Пресвятыя Богородица... – Успенский собор строился с 1158 по 1160 г.

⁵¹⁴ - ...бѣ бо близъ ту святыи Никола церковь. – Во Владимире за Золотыми воротами находилась деревянная церковь Николы Галейского.

⁵¹⁵ - ...извлекоша и въ притвор... – Сказание упоминает действительно существовавшую часть храма – притвор Успенского собора, который исчез при реконструкции собора в 1185–1189 гг., что еще раз подтверждает раннее время возникновения Сказания (Воронин Н. Н. Из истории... с. 197).

⁵¹⁶ - ...празднику Госпожину дъни... – Успенье пресвятой Богородицы.

⁵¹⁷ - ...омывше водою икону Пресвятыя Богородица... – Омовение водою чудотворных икон, которые таким образом передавали свою чудотворную силу, было известно на Руси и в Византии. При написании списка чудотворной Иверской иконы Богоматери на Афоне для растворения красок использовали омовенную воду с чудотворной иконы – святыни Иверского монастыря. Известен специальный чин «омыти мощи святых потребы ради», перевод его приписывается митрополиту Киприану. Об освящении воды посредством омовения мощей и икон и употреблении ее для исцеления от болезней повествуют Стоглав и Домострой. В народной традиции был распространен обычай употребления при недугах воды, слитой с благословенной родительской иконы (Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, М., 1868, с. 189). В Сказании об Ахтырской иконе Богоматери говорится, что сама Богоматерь, явившись во сне священнику, поведала ему, что водою, омовенною с Ее иконы, получают исцеление страдающие лихорадкой.

⁵¹⁸ - В Руском Переяславль въ Славятинѣ монастыри Жидяславля дщи именемъ Мариа...– Переяславль Русский –

столица Переяславльского княжества, ныне г. Переяслав-Хмельницкий в Киевской области. Воевода Андрея Боголюбского Борис Жидислав упоминается в рассказе летописи о походе Мстислава Андреевича на болгар в 1172 г., после убийства Андрея Боголюбского служил у Глеба Рязанского.

⁵¹⁹ - ...воду ту святую влив в вощаницу...– Вощаница – небольшой сосуд, сделанный из воска.

⁵²⁰ - ...и посла усирязи же и рясы златыя къ святѣй Богородици въ Володимиръ... – Усѣрязи – древняя форма названия серег. Рясы златыя – подвески «рясна» с коническим полым верхом и длинными свисяющими цепочками.

⁵²¹ - ...И приѣха поп Лазарь и навита у них. Она же въспроси попа о здравьи.– Употребление двойственного числа: «навита», «она» и множественного: «И рече попом: идите отсюда» указывает на то, что поп Лазарь приехал вместе с другим попом. Приехавшие осведомились у местного священника о здоровье, на что он ответил: «здоровы, да не очень – боярыня наша при смерти».

⁵²² - И посла златыа косы... – Златыа косы – женский наголовник наподобие шапочки с обручем впереди, либо косник – украшение девичьей косы в виде бисерной подушечки на пряжке.

⁵²³ - ...сзда Златая врата къ празднику Святыя Богородица... – Золотые ворота Владимира были построены к празднику Успения пресвятой Богородицы 15 августа 1163 г.

⁵²⁴ - ...княжаше в Черниговѣ въ большемъ княженьи, понеже бо старии братъи своеи.– Черниговская земля делилась на несколько княжеств; в системе этих княжеств Черниговское занимало центральное место; княжил в Чернигове обычно старший в роде из князей черниговской династии – потомков Святослава Ярославича. После смерти своих братьев – Глеба (ум. в 1078 г.) и Романа (ум. в 1079 г.) – Давыд Святославич был старшим в роде. Под словом «братъи» имеются в виду не только братья Давыда Святославича – Олег (ум. в 1115 г.) и Ярослав (ум. в 1129 г.), но и его племянники.

525 - ...епископъ Феоктисть – игумен Печерского монастыря, занявший епископскую кафедру в Чернигове в 1112 г. (ум. в 1123 г.).

526 - Канун – церковная похвальная песнь.

527 - ...Спасъ святыи – Спасо-Преображенский собор в Чернигове, главный храм Черниговской земли.

528 - ...церковь Бориса и Глѣба...– Борисоглебская церковь. построенная Давыдом Святославичем в первой четверти XII в. (около 1115 г.), служила усыпальницей черниговских князей.

529 - Преподобнии Никола Святоша – Святослав Давыдович (ум. в 1143 г.); причислен к лику печерских святых; при пострижении получил имя Николай. О нем см. Киево-Печерский патерик (наст. т.).

530 - ...и ина два сына.– Всего сыновей у Давыда Святославича было пять или шесть; здесь речь идет, видимо, о Владимире (ум. в 1151 г.) и Изяславе (ум. в 1161 г.), надолго переживших своего отца.

531 - ...измалтяне... – В Древней Руси кочевников Востока называли «агарянами» или «измаилтянами»; считалось, что они происходят от библейского персонажа – Измаила, сына Авраама и его наложницы-египтянки Агари.

532 - ...ко Дмитрову – к городу в Переяславском княжестве, южнее Путивля.

533 - ...Кончакомъ... – Кончак – сын Отрока, внук Шарукана, один из влиятельнейших половецких ханов.

534 - ...Святославъ Всеволодичъ, сгадавъ со сватомъ своимъ Рюриком... – Святослав (ум. в 1194 г.) и Рюрик Ростиславич (ум. в 1212(?) г.) с 1180 г. были князьями-соправителями Киевской земли; однако «Слово о полку Игореве» называет именно Святослава великим князем Киевским.

535 - ...у Олжичъ – селения, расположенного у места впадения Десны в Днепр.

536 - ...ожидающе Ярослава – Ярослава Всеволодовича, князя черниговского (ум. в 1198 г.), брата Святослава Киевского.

537 - ...Володимѣра Глѣбовича – князя переяславского (ум. в 1187 г.) Переяславское княжество располагалось на левом берегу Днепра, юго-восточнее Киевской земли; центром княжества был город Переяславль-Южный (ныне Переяслав-Хмельницкий).

538 - ...ко Игореву – к Игорю Святославичу, князю Новгорода-Северского (ум. в 1202 г.), герою «Слова о полку Игореве».

539 - ...на севѣрьскиѣ города – города Северной земли (ныне это территория Черниговской и Сумской областей), удела Игоря Святославича.

540 - ...Олга, сыновца своего Святослава... – Олега Святославича, сына Святослава Киевского (ум. в 1204 г.), и Святослава Ольговича Рыльского, племянника Игоря.

541 - ...брата своего Всеволода – Всеволода Святославича, князя трубчевского и курского (ум. в 1196 г.); «Слово» называет его Буй Тур Всеволод.

542 - ...от черного клобука... – Черные клобуки – собирательное наименование племенного объединения (торков, берендеев и других тюркских племен); являясь вассалами русских князей, черные клобуки участвовали в их войнах с половцами.

543 - ...к Хырии – к Хоролу, правому притоку реки Псел.

544 - ...переехати вежами... – то есть с шатрами, повозками, имуществом.

545 - ...бѣгающе передъ русью. – Далее в летописи рассказывается о смерти полоцкого епископа Дионисия и о пожаре во Владимире-Суздальском; этот фрагмент мы опускаем.

546 - ...из Галича от Ярослава... – От Ярослава Владимировича, князя галицкого (ум. в 1187 г.), тестя Игоря Святославича («Ярослава Осмомысла»).

547 - ...своя братья... – Имеются в виду, вероятно, братья Святослава – Ярослав Черниговский и двоюродные братья Святослава – Игорь и Всеволод.

548 - ...на Сулѣ – левом притоке Днепра.

549 - ...Инжирь бродъ – брод на Днестре близ впадения в него Сулы.

550 - ...берендѣвъ... – Берендеи – кочевое племя тюркского происхождения, союзники русских князей.

551 - ...на мѣстѣ, нарѣцаемемь Ерель, егоже русь зоветь Уголь.– Вероятно, это район при впадении в Днепр его левого притока – реки Орель.

552 - Кобякъ – хан лукоморских половцев, кочевавших в низовьях Днепра и по берегам Черного и Азовского морей. О пленении Кобяка Святославом в 1184 г. вспоминает и «Слово о полку Игореве».

553 - ...ко братьи... – Здесь, как и в «Слове о полку Игореве», «братья»– это и собственно братья и шире – соратники.

554 - ...за Мѣрломь – за Мерлой, притоком Воркслы.

555 - ...Володимерь Ярославичъ Галичкий, шюринь Игоревъ... – Игорь был женат на его сестре, дочери Ярослава Осмомысла.

556 - ...ко Володимѣру к Романови... ко Всеволоду, уеви своему.– Изгнанник посещает Владимир-Волынский, Дорогобуж (на реке Горыни, юго-восточнее города Ровно), Туров (на Припяти), Смоленск и, наконец, Суздаль, где княжил Всеволод, брат его матери Ольги.

557 - ...сына своего, зятя Рюрикова, Святослава. – Святослав Игоревич в 1187 г. женился на Ярославе, дочери Рюрика Ростиславича.

558 - Въ лѣто 6692. – Перед этими словами в летописи повествуется о пожаре в городе Гродно и об освящении в Киеве церкви Василия. Этот фрагмент мы опускаем.

559 - ...бесурменина, иже стрѣляше живымъ огньмь. – «Бесурменин»– мусульманин. «Живым огнем» летописец называет какое-то военное приспособление (катапульту?) для метания сосудов с зажигательной смесью.

560 - ...върядшиа в наворопъ...– Наворопом называли отряды, высылавшиеся впереди основных сил для разведки и внезапного нападения на противника.

⁵⁶¹ - ...ватагы. – Ватага – место расположения войска и само войско или его отряд.

⁵⁶² - Въ лѣто 6693. – В Древней Руси год начинался 1 марта; следовательно, события февраля 6692 г. и марта 6693 г. происходят, в переводе на наше летосчисление, весной 1185 г.

⁵⁶³ - И бяшетъ серенъ великъ, якоже вои не можахуть зрѣма переити днемъ до вечера... – «Серен» – наст, подтаявший снег; по словам В. И. Даля, «коню он подрезывает и кровянит щетки, коннице нет ходу»; «зрѣма переити» – пройти то расстояние, которое можно окинуть взором.

⁵⁶⁴ - Великъ день – Пасха.

⁵⁶⁵ - ...въ вятичѣ хъ Корачеву... – Ныне город Карачев, к востоку от Брянска.

⁵⁶⁶ - ...из Новагорода – Новгорода-Северского, стольного города Игоря Святославича (на крайнем востоке современной Черниговской области).

⁵⁶⁷ - ...ис Трубечка – Трубчевска, города на Десне, в южной части Брянской области.

⁵⁶⁸ - ...изъ Рыльска – города на западе Курской области.

⁵⁶⁹ - ...коуи... – Ковуи – кочевое племя тюркского происхождения; ковуи были вассалами черниговских князей.

⁵⁷⁰ - Игорь жь възрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць. – Лаврентьевская летопись указывает и на день затмения – 1 мая. Затмение 1185 г. Подтверждается и расчетами современных астрономов.

⁵⁷¹ - ...приида ко Осколу... – левому притоку Северского Донца.

⁵⁷² - ...к Салницѣ. – Сальница – небольшая речка, левый приток Северского Донца, протекавшая по территории, где ныне расположен город Изюм.

⁵⁷³ - ...на оной сторонѣ рѣкы Сюрлия. – По мнению Н. В. Сибилева, М. Ф. Гетманца и др., Сюрлий – это река Голая Долина, протекающая в районе города Славянска (Донецкой области).

⁵⁷⁴ - ...а кто поѣдѣтъ заутра... какны Богѣдасть. – Фраза недостаточно ясна; в переводе отражено одно из возможных ее толкований: только «лучшие конники» из половецкого (а не русского) войска смогут догнать ушедшие за ночь русские полки и переправиться вслед за ними (через Донец?).

⁵⁷⁵ - ...Кончака, и Козу Бурновича... и Терьтробича. – Помимо Кончака и Гзака (Гзы) перечисляются другие половецкие рода (орды) или их вожди.

⁵⁷⁶ - ...на рѣцѣ Каялы. – Существует большая литература о местонахождении этой реки. Некоторые исследователи полагают, что «Каяла» – метафорическое название реки «печали», от глагола «каяти» (см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Л. 1967, с. 179–180). Присоединяемся к тем исследователям, которые считают название Каяла (Каялы) тюркским гидронимом и ищут ее в районе города Славянска, отождествляя, например, с рекой Макатихой, притоком реки Голая Долина, впадающей в реку Сухой Торец.

⁵⁷⁷ - ...взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля. – О разгроме Глебова упоминается только в покаянной речи Игоря; можно предполагать, что это явилось мстью за разорение Владимиром Переяславским городов Северной земли. Что это за город Глебов – неясно: в летописи упоминается город Глебов в верховьях Сулы, но он далеко отстоит от Переяславля.

⁵⁷⁸ - ...по свата Игоря... – Не обязательно думать, что дочь Кончака и сын Игоря были к этому времени уже помолвлены: возможно, что летописец просто опережает события; в то время, когда составлялась летопись, князь и хан действительно стали сватами – Владимир был обвенчан с дочерью Кончака после возвращения из плена в 1187 г.

⁵⁷⁹ - ...а прочии в морѣ истопоша. – Едва ли имеется в виду Азовское море, как полагают некоторые исследователи; скорее всего речь идет о каком-то большом озере в районе битвы (см. выше: «И бяху бо ся, идуще в кругъ при езерѣ»).

⁵⁸⁰ - ...от Вѣрхъних земель... – Верхние земли – район верховий Днепра; здесь имеется в виду Брянщина.

581 - Посемье – земли по берегам Сейма, левого притока Десны.

582 - ...у Треполя – города на Днепре, южнее Киева (ныне Триполье).

583 - ...Бонякъ... – Половецких ханов Боняка и Шарукана разгромили в 1107 г. объединенные силы русских князей – Святополк Изяславич Киевский, Владимир Мономах, Олег Святославич и другие.

584 - ...к Римови – городу Римову в Переяславском княжестве.

585 - ...возлѣзъше на заборолѣ... летѣста двѣ городници... – По верху земляного оборонительного вала (или крепостной стены), окружавшего древнерусские города, сооружались крытые галереи, защищенные с внешней стороны деревянным бруствером – заборолы; с них отстреливались от осаждающих защитники крепости. Городница – башня или часть городской стены.

586 - ...князи же возворишася... плененыхъ от поганыхъ. – Фраза испорчена, быть может, в результате неудачного слияния двух источников. Перевод ее условен.

587 - Попа же бяшетъ привелъ... со святою службою... – Перевод предположителен: быть может, с предметами, необходимыми для богослужения.

588 - Лаворъ. – В «Слове о полку Игореве» он назван Овлур; эта форма более соответствует этимологии тюркского имени, но возможно, что «Овлур» – это измененное в половецком произношении имя «Лавр».

589 - ...мышляшеть бо, емше мужь, и бѣжати в Русь... (ср. также далее: «ты ищещи няти мужа и бѣжати с нимъ...»). – Текст неясен: Игорь «мышляшеть» бежать, но не хочет «неславнымъ путемъ... поити»; перевод исходит из предположительного понимания текста (так же толкует его и В. И. Стеллецкий в своем издании «Слова о полку Игореве», 1965 г.): Игорь хотел бежать не один, а с другими пленниками, но эта надежда была нереальной («...мысль высока... уности»).

⁵⁹⁰ - ...на ону сторону Тора... – Тор – приток Северского Донца (Казенный Торец, или нижнее течение этой реки от впадения в нее Сухого Торца и до устья); на берегах Тора находились вежи Кончака.

⁵⁹¹ - ...города Донця – пограничного русского города на реке Уды; городище Донца расположено вблизи Харькова.

⁵⁹² - В то же лѣто...– Цитируется статья 1185 (фактически – 1184) г.

⁵⁹³ - ...Святославъ Всеволодичъ, Рюрикъ Ростиславичъ... – Святослав (ум. в 1194 г.) и Рюрик Ростиславич (ум. в 1212(?) г.) с 1180 г. были князьями-соправителями Киевской земли; однако «Слово о полку Игореве» называет именно Святослава великим князем Киевским.

⁵⁹⁴ - Володимерь Глѣбовичъ. – князь переяславский (ум. в 1187 г.). Переяславское княжество располагалось на левом берегу Днепра, юго-восточнее Киевской земли; центром княжества был город Переяславль-Южный (ныне Переяслав-Хмельницкий).

⁵⁹⁵ - ...помочь и володимерьская и лучьская. – Вспомогательные отряды из Владимира-Волынского и Лучьска (ныне – Луцк).

⁵⁹⁶ - ...Уголъ рѣку...– Угол (или Угла) – река Орель, левый приток Днепра. Ипатьевская летопись именует «Углом» район при впадении в Днепр Орели.

⁵⁹⁷ - ...внукъ Юргевъ – внук Юрия Владимировича (Юрия Долгорукого), князя владими́ро-суздальского.

⁵⁹⁸ - ...бы знаменьє въ солнци... – Лаврентьевская летопись указывает и на день затмения – 1 мая. Затмение 1185 г. Подтверждается и расчетами современных астрономов.

⁵⁹⁹ - ...у великаго князя Всеволода – у владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо.

⁶⁰⁰ - ...Игорь съ двѣма сынома... – Ипатьевская летопись в рассказе о походе называет и неоднократно упоминает лишь одного сына Игоря – Владимира. «Слово о полку Игореве» в символической картине («Два солнца померкоста... с нима молодая мѣсяца...») говорит о двух князьях и двух княжичах,

однако называя при этом Святослава и Олега, а не Владимира, бесспорно в походе участвовавшего. Мало вероятно, чтобы Игорь взял с собой в дальний и опасный поход мальчика Олега (он родился в 1174 г.). Поэтому скорее можно допустить, что источник рассказа Лаврентьевской летописи располагал неточными данными, а в тексте «Слова» мы имеем дело с ошибочной глоссой (припиской на поле), впоследствии вставленной в текст, и речь в «Слове» идет о Владимире Игоревиче и Святославе Ольговиче Рыльском.

⁶⁰¹ - ...ис Трубѣча... из Рыльска... – Трубчевск – город на Десне, в южной части Брянской области. Рыльск – город на западе Курской области.

⁶⁰² - ...зря на Переяславль... – Вероятно, это насмешливый намек на то, что русские князья не рисковали углубляться в половецкую степь, а сражались на границах Переяславского княжества.

⁶⁰³ - ...поидемъ по них за Донъ... – Дон, как цель похода Игоря, называется в «Слове о полку Игореве», но путь русских войск, описанный в Ипатьевской летописи, убеждает, что события происходили вблизи реки Северский Донец. Однако летописец, видимо, приписывает Игорю намерение дойти до нижнего течения Дона и побережья Азовского моря (Лукоморья).

⁶⁰⁴ - ...г Каневу – городу на Днепре, ниже по его течению от Киева.

⁶⁰⁵ - ...якоже и Саулъ гони Давыда... – Вспоминается эпизод из Библии (1 Цар. гл. 18–31) о преследовании царем Саулом юноши Давида.

⁶⁰⁶ - ...Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. – Игорь Святославич (1151–1202) был сыном черниговского князя Святослава Ольговича и внуком Олега Святославича (в «Слове» он назван Гориславичем).

⁶⁰⁷ - Боянъ. – Как полагают, он был певцом у князя Святослава Ярославича и творил в традициях норманнских поэтов – скальдов.

⁶⁰⁸ - ...старому Ярославу... – Ярославу Владимировичу – великому князю киевскому в 1016–1018 и 1019–1054 гг.

⁶⁰⁹ - ...храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю... – О поединке тмутараканского князя Мстислава Владимировича с Редедей, князем касогов (предков черкесов), рассказывается в Повести временных лет под 1022 г.

⁶¹⁰ - ...красному Романови Святъславличю – князю тмутараканскому, брату Олега.

⁶¹¹ - ...отъ стараго Владимирера... – Вероятнее всего речь идет о Владимире Святославиче (ум. в 1015 г.), а не о Владимире Мономахе: в XII в. между его потомками и Ольговичами – потомками Олега Святославича шла ожесточенная борьба, и едва ли автор «Слова» поставил бы Мономаха в ряд с Игорем, представителем Ольговичей.

⁶¹² - О Бояне, соловию стараго времени!.. а князю славѣ. – Этот фрагмент в П и Е читается ниже, после слов: «...а любо испити шеломомъ Дону». А. И. Соболевский, Н. К. Гудзий, В. Н. Перетц, И. П. Еремин, В. П. Адрианова-Перетц и другие исследователи полагают, что фрагмент этот при переписке «Слова» ошибочно попал не на свое место. За правомерность предлагаемой перестановки фрагмента говорит несколько фактов. Прежде всего, первая фраза переставленного фрагмента продолжает предшествующий текст («...наведе... плъкы... А бы ты сиа плъкы ущекоталъ...»); во-вторых, о затмении солнца при перестановке будет говориться в одном месте: Игорь видит затмение («Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...»), решает пренебречь им, пускается в путь, но грозное предзнаменование как бы преследует его («Солнце ему тъмою путь заступаше...»). Если произвести перестановку, то оба соседствующих фрагмента начинаются одинаково: «Тогда Игорь възрѣ...», «Тогда въступи Игорь...» В-третьих, в начале подражающей «Слову» «Задонщины» последовательность параллельных со «Словом» чтений соответствует тексту «Слова» с предложенной перестановкой.

⁶¹³ - ...по мыслену древу... – Метафора в стиле песен Бояна. Образ «мирового древа», соединяющего небо и землю, знаком скандинавскому эпосу.

⁶¹⁴ - ...рища въ тропу Трояню... – Троян четырежды упомянут в «Слове» (см. также: «вѣчи Трояни», «на землю Трояню», «на седьмомъ вѣцѣ Трояни»). Видимо, Троян – языческое божество; он упомянут в числе других языческих богов в «Хождении Богородицы по мукам» (см. наст. изд., т. 3).

⁶¹⁵ - ...Игореви, того внуку... – В П и Е после слова «того» в скобках написано «Ольга». По свидетельству Н. М. Карамзина, этого слова не было в рукописи, и, как можно его понять, оно добавлено издателями «для большей ясности речи»; однако, может быть, это была глосса (разъясняющая помета писца) на полях рукописи, и издатели лишь внесли ее в текст.

⁶¹⁶ - ...Велесовъ внуце... – По вероятной догадке И. М. Кудрявцева (высказанной им Д. С. Лихачеву) речь идет о Бояне – внуке Велеса. Следовательно, языческое божество Велес, по представлениям автора «Слова», было также покровителем музыки или поэзии.

⁶¹⁷ - ...за Сулюю... – За Сулой (левым притоком Днепра) начиналась половецкая степь.

⁶¹⁸ - ...въ Новѣградѣ... въ Путивлѣ... – Из Новгорода-Северского отправился в поход Игорь, в Путивле к нему присоединился сын его Владимир.

⁶¹⁹ - ...мила брата Всеволода. – Всеволода Святославича, князя трубчевского и курского (ум. в 1196 г.); «Слово» называет его Буй Тур Всеволод.

⁶²⁰ - ...Буй Туръ... – Тур – дикий бык, зубр; тур выступает здесь как олицетворение мужества и силы.

⁶²¹ - ...възрѣ на свѣтлое солнце... воя прикрыты. – Речь идет о затмении 1 мая 1185 г.

⁶²² - ...копие приломити... – всгупить в битву; здесь, как и во многих других местах «Слова», мы встречаемся с традиционными воинскими метафорами или символами, такими, как «главу приложити» – погибнуть в бою, «испити шеломомъ» из реки на вражеской земле – одолеть, победить врага.

⁶²³ - ...збися Дивъ... – В П «въ стазби дивъ»; чтение «збися» предложено В. Н. Перетцем. Див – видимо, фантастическое

существо (вещая птица?).

⁶²⁴ - ...Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню... – Автор как бы указывает крайние пункты огромной территории, которая разбужена предостережением Дива, и откуда спешат навстречу Игорю половецкие войска. Поморие – побережье Азовского моря, Посулие – левобережье Днепра, Сурож (ныне Судак) и Корсунь (Херсонес, окраине нынешнего Севастополя) – города в Крыму.

⁶²⁵ - ...Тьмутороканьский блъванъ – вероятно, античная статуя или языческий идол, вблизи города Тмутаракани, на Таманском полуострове.

⁶²⁶ - ...чрълєныя щиты. – Археологические раскопки и миниатюры древнерусских рукописей подтверждают, что щиты русских воинов окрашивались в красный цвет.

⁶²⁷ - ...паволокы, и драгыя оксамиты. – Шелковые ткани.

⁶²⁸ - Орьтъмами, и япончицами, и кожухы... – Орьтмаи епанча – разновидности покрывал, плащей; кожух – разновидность тулупа.

⁶²⁹ - Гзакъ... Кончакъ – половецкие ханы.

⁶³⁰ - ...на рѣцѣ на Каялѣ... – Существует большая литература о местонахождении этой реки. Некоторые исследователи полагают, что «Каяла» – метафорическое название реки «печали», от глагола «каяти» (см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Л. 1967, с. 179–180). Присоединяемся к тем исследователям, которые считают название Каяла (Каялы) тюркским гидронимом и ищут ее в районе города Славянска, отождествляя, например, с рекой Макатихой, притоком реки Голая Долина, впадающей в реку Сухой Торец.

⁶³¹ - ...Стрибожи внуци... – Стрибог – языческое божество древних славян.

⁶³² - ...мечи харалужными. – Харалуг – сталь особой выделки (булат?).

⁶³³ - ...своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая... – Дорогой княжеский шлем мог быть позолоченным, но характерно, что в «Слове» «золотыми» именуются многие предметы,

относящиеся к быту русских князей (шлем, седло, стремя, княжеский престол).

⁶³⁴ - ...поскепаны саблями калеными шеломи оварьския... – Половецкие шлемы состояли из деревянных лубков, скрепленных металлическим навершием, поэтому ударом сабли их можно было «поскепать» – «расщепить»; шлемы названы аварскими, возможно, потому, что были сделаны по типу шлемов аварцев, обитавших на территории современного Дагестана.

⁶³⁵ - ...града Чрънигова отня злата стола... – Отец Игоря и Всеволода – Святослав Ольгович был черниговским князем.

⁶³⁶ - ...красныя Глѣбовны... – Всеволод был женат на сестре Владимира Глебовича Переяславского, внучке Юрия Долгорукого, дочери Глеба Юрьевича.

⁶³⁷ - Были вѣчи Трояни... плъци Олговы, Ольга Святъславличя. – Сопоставляются древние времена язычества, времена Ярослава Мудрого и годы, когда зачинщиком бесконечных междоусобиц выступал князь тмутараканский и черниговский Олег Святославич – дед Игоря (ум. в 1115 г.).

⁶³⁸ - Ступаетъ въ златъ стремянь... въ Черниговѣ. – Некоторые комментаторы «Слова» предлагают читать «Ярослав(ъ), а сынъ Всеволожь Владимиръ...» и видят здесь упоминание Ярослава Мудрого, который будто бы еще за два десятилетия до походов Олега (Ярослав умер в 1054 г.) предугадывал раздоры, которые возбудит этот князь. Такому пониманию текста, на наш взгляд, противоречит смысл всего пассажа, где рассказывается об одном эпизоде – войне 1078 г. Тогда Олег явился на Русь из Тмутаракани («Ступаетъ въ златъ стремянь въ градѣ Тьмутароканѣ...») и вместе с Борисом Вячеславичем напал на Всеволода Ярославича. На Нежатиной ниве, под Черниговом, против Олега и Бориса выступили Всеволод, его сын Владимир Мономах, Изяслав Ярославич и сын последнего Ярополк. Речь идет, видимо, не о Ярославе, а о Всеволоде Ярославиче (форму «Всеволожь» исправляем на «Всеволодѣ») и о сыне его Владимире. Смысл слов «по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ» остается неясным;

вероятно, здесь имеются в виду какие-то военные мероприятия Мономаха: во время описываемых событий, по сообщению летописи, он овладел оборонительными укреплениями Чернигова. В следующей фразе продолжено описание того же военного столкновения, во время которого погибли Борис Вячеславич и Изяслав Ярославич.

⁶³⁹ - ...на Канину... Съ тоя же Каялы... – Неясно, встречаем мы здесь осмысленное упоминание Каялы (параллелизм с событиями 1185 г.) или опisku вместо «съ... Канины». Канин – ручей или река близ Чернигова, упоминаемый в Лаврентьевской летописи.

⁶⁴⁰ - ...Святоплѣкъ полелѣя отца... ко святѣй Софии къ Киеву. – Святополк назван здесь, вероятно, ошибочно: в летописи говорится, что тело убитого Изяслава сопровождал в Киев его сын Ярополк. Указание «Слова» на погребение Изяслава в соборе святой Софии подтверждают Софийская первая, Новгородская четвертая и другие летописи. Угорские иноходцы – венгерские лошади, обученные особой ходьбе, при которой делается шаг попеременно то обеими правыми, то обеими левыми ногами. На носилках, укрепленных между двумя лошадьми, перевозили раненых.

⁶⁴¹ - Игорь плѣкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. – Этот текст перекликается с рассказом Ипатьевской летописи: Игорь поскакал к обратившимся в бегство отрядам ковуев, пытаясь вернуть их назад («плѣкы заворочаетъ»), на обратном пути он был пленен, в этот момент увидел отчаянно сражавшегося Всеволода и «проси души своей смерти, яко дабы не видилъ падения брата своего» («жаль бо ему мила брата Всеволода»).

⁶⁴² - ...падоша стязи... – Выражение «падоша стязи» означает, что войско потерпело поражение.

⁶⁴³ - ...кроваваго вина не доста... сваты попоиша... – Автор «Слова» использует эпический образ «битвы-пира».

⁶⁴⁴ - Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука... въсплескала лебедиными крылы... – Обида (оскорбление, нанесенный Руси ущерб) здесь персонифицируется;

изображение девы – олицетворения беды, встречается в миниатюре Радзивилловской летописи XV в.

⁶⁴⁵ - Карна, и Жля... – олицетворение скорби, горя; «карити», видимо, не просто оплакивать, но именно «оплакивать умерших» (см. в статье 1262 г. Ипатьевской летописи); слово «желя», в значении «плач по умершему, скорбь», также известно древнерусским памятникам.

⁶⁴⁶ - ...смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. – Этот метафорический образ не совсем ясен; выражение «смагу мыкать» – «терпеть лишения», «испытывать невзгоды» до сих пор сохранилось в народных говорах Брянщины.

⁶⁴⁷ - ...емляху дань по бѣлѣ отъ двора. – Половцы, разумеется, не собирали податей, они расхищали имущество, уводили пленных; здесь выражение «по беле со двора» – поэтический символ унижений, притеснений от иноплеменников.

⁶⁴⁸ - ...отецъ ихъ Святъславъ... – Святослав был двоюродным братом Игоря и Всеволода, «отцом» он назван как старший по положению – киевский князь.

⁶⁴⁹ - ...наступи на землю Половецкую... – Имеется в виду поход Святослава на половцев в 1184 г.

⁶⁵⁰ - А поганого Кобяка изъ луку моря... – Возможно, что Кобяк был ханом лукоморских половцев, обитавших в низовьях Днепра и далее на восток до побережья Азовского моря.

⁶⁵¹ - ...градомъ забрали... – По верху земляного оборонительного вала (или крепостной стены), окружавшего древнерусские города, сооружались крытые галереи, защищенные с внешней стороны деревянным бруствером – заборолы; с них отстреливались от осаждающих защитники крепости. Городница – башня или часть городской стены.

⁶⁵² - ...великий женчюгъ... дьскы безъ кнѣса... – По народным повериям, видеть во сне крупный жемчуг предвещает слезы, а перерубленный или утраченный конек или кнес (матица, балка, скрепляющая доски крыши) – смерть. Паполома – погребальное покрывало, саван.

⁶⁵³ - Всю ночь... бусови врани... къ синему морю. – Одно из наиболее трудных для понимания мест «Слова». Плесеньск, как

полагают, селение под Киевом, болонье – низкий берег Днепра, где располагался киевский Подол; «дебрь Кисаня», по догадке Н. В. Шарлеманя, ошибочно вместо «дебрь Кияня» – овраг в окрестностях Киева, конец фразы часто исправляют: «и несошася к синему морю», но и в этом случае и грамматическая конструкция и смысл фразы остается неясным.

⁶⁵⁴ - ...два солнца помѣркости... прострошася половци... – Символическая картина рисует поражение князей Игоря и Всеволода (два солнца) и двух княжичей – видимо, Владимира Игоревича и Святослава Рыльского (два молодых месяца). Однако текст испорчен и, по мнению большинства комментаторов, требует перестановки нескольких слов. В П это место читается так: «Два солнца помѣркости, оба багряная стѣла погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олег и Святославъ, тѣмоу ся поволокости. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть хинови». Ясно, что в море погрузились не одолевшие в битве половци, а побежденные князья. В Ипатьевской летописи тоже говорится, что русские воины «в море истопоша». Едва ли имена Олега и Святослава присутствовали в первоначальном тексте «Слова»: странно упоминание имен княжичей в символической картине, где имена старших князей правомерно заменены символами («два солнца»). Кроме того, едва ли автор «Слова» имел здесь в виду Олега, участие которого в походе предположительно, а не Владимира Игоревича. Поэтому в переводе эти имена опускаем.

⁶⁵⁵ - ...пардуже гнѣздо... – Половцы сравниваются с выводком гепардов, хищников, отличающихся быстротой бега. Гепардов знали на Руси; прирученных гепардов князья держали для охоты.

⁶⁵⁶ - ...великое буйство подасть Хинови. – Хинова упоминается также в числе народов, «подклонивших главы под мечи» русских; «хиновские стрелы» летят на воинов Игоря. Однако какой именно народ имеется в виду – неясно; одни исследователи полагают, что речь идет о каком-то восточном народе, другие видят в хинове венгров.

⁶⁵⁷ - ...готския красныя дѣвы... – Существует мнение, что имеются в виду готы, жившие на Таманском полуострове и в Крыму.

⁶⁵⁸ - ...поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю. – Согласно общепринятой точке зрения, здесь говорится об антском короле Бозе (IV в.), казненном готским королем Винитаром; но эта гипотеза представляется весьма спорной; более допустимо, что здесь имеется в виду какой-то половецкий хан, тем более что далее назван Шарукан, дед Кончака, разбитый русскими князьями в 1106 г.

⁶⁵⁹ - ...Ярослава, съ черниговскими былями... ольберы. – Здесь перечисляются, видимо, роды ковуев, кочевников тюркского происхождения, находившихся на службе у черниговских князей; ср. подобные перечисления родов и орд половцев в Ипатьевской летописи.

⁶⁶⁰ - Коли соколъ въ мытехъ бываетъ... – Имеется в виду не период линьки (когда сокол «мытится»), а сокол в зрелом возрасте. Характерно, что в поздней редакции «Повести об Акире», отразившей этот образ «Слова», говорится о соколе «трех мытей» – то есть в расцвете сил.

⁶⁶¹ - Се у Римъ кричатъ подѣ саблями половецкими... – О захвате половцами Римова и истреблении его жителей говорится в Ипатьевской летописи.

⁶⁶² - ...Володимиръ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову! – Владимир Глебович был тяжело ранен, когда оборонял свой Переяславль от половцев. См. об этом в Ипатьевской летописи.

⁶⁶³ - Великий княже Всеволоде! – Обращение к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, князю суздальскому.

⁶⁶⁴ - Ты бо можеша Волгу веслы раскропити... – Намек на походы Всеволода против волжских болгар.

⁶⁶⁵ - ...чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. – Ногата и резана – мелкие монеты; имеется в виду, что в случае победы над половцами пленники (кощей) и пленницы (чаги) были бы очень дешевы.

666 - ...живыми шереширѣ стрѣляти – удалыми сыны Глѣбовы. – Как полагают, имеются в виду рязанские князья, сыновья Глеба Ростиславича, зависимые от Всеволода Юрьевича; значение слова «шерешир» неизвестно.

667 - ...Рюриче, и Давыде! – Рюрик и Давыд Ростиславичи. Рюрик был соправителем Святослава Киевского, Давыд – княжил в Смоленске.

668 - Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ! – Обращение к Ярославу Галицкому, на дочери которого был женат Игорь. Смысл прозвища Ярослава неясен.

669 - ...горы Угорскыи – Карпаты.

670 - ...меча бремены... – Как понимать этот поэтический образ – неясно; речь идет, видимо, о могуществе Ярослава Осмомысла.

671 - ...стрѣляеши... салтани за землями. – Во времена «Слова» европейские страны готовились к походу против султана Саладина, но крестовый поход 1193 г. произошел уже после смерти Ярослава (в 1187 г.), и летописец, упоминая о самом походе, не сообщает об участии в нем галичан. Смысл намёка автора «Слова» нам до конца не ясен.

672 - ...Романѣ, и Мстиславѣ! – Роман – князь Владимира Волынского; какой именно Мстислав (Мстислав Ярославич Пересопницкий или Мстислав Всеволодович Городенский) имеется в виду – неясно.

673 - ...желѣзныи паворзи подѣ шеломи латынскими. – «Паворзи» – ремешки, удерживающие шлемы; у шлемов европейского образца («латинских») они покрывались металлическими пластинками. Упоминание о «латинских шлемах» – намек на связи волынских князей с Польшей.

674 - ...Ятвязи – литовское племя.

675 - ...Деремела – возможно, также литовское племя.

676 - ...сулицы – короткие метательные копья.

677 - ...по Роси и по Сули... – Рось – правый, а Сула – левый приток Днепра, впадающие в него южнее Киева.

678 - Инѣгварь и Всеволодѣ, и вси три Мстиславичи... – волынские князья.

679 - ...шестокрилци – эпитет соколов (крыло сокола состоит как бы из трех частей), с соколами в «Слове» часто сравниваются воины.

680 - Загородите Полю ворота... – Здесь имеется в виду вся степь, земли, населенные половцами.

681 - ...Изяславъ, сынъ Васильковъ – один из полоцких князей.

682 - Исхыти юна кров, а тыи рекъ... – одно из возможных прочтений этого испорченного места в «Слове» (в П и Е: «и схоти ю на кровать, и рекъ»); смысл текста остается неясным, и перевод его не дается.

683 - ...Брячяслава... Всеволода... – Брячислав и Всеволод – сыновья Василька Володаревича, полоцкого князя.

684 - Трубы трубятъ городеньскийи. – Имеется в виду, возможно, город Городец (недалеко от Минска). Неизвестно, какое событие имеется здесь в виду; возможно, что фраза оборвана.

685 - Ярославe и вси внуце Всеславлѣ! – Эта конъектура, по мнению Д. С. Лихачева, соответствует содержанию «Слова»: автор призывает к примирению всех русских князей – потомков Ярослава Владимировича и Всеслава Брячиславича (внука Владимира Святославича); в этом случае следовало бы читать: «Ярославѣи вси внуци и Всеславлѣи!»

686 - Всеславъ – Всеслав Брячиславич, полоцкий князь (ум. в 1101 г.). Далее упоминаются различные эпизоды его бурной жизни: кратковременное правление в Киеве в 1068 г., когда он лишь «дотчеся» («дотронулся») копьем до великокняжеского стола, тайный побег князя от своего войска из Белгорода перед битвой с Изяславом, овладение Новгородом, битва на Немиге (под Минском).

687 - Тъй клюками подпръся о кони... – Чтение неясное, в переводе его опускаем.

688 - ...Хръсови... – Хорс – древнерусское языческое божество; видимо, Хорс считался богом солнца.

689 - ...въ Полотскѣ... у святыя Софеи – в Софийском соборе в Полоцке.

⁶⁹⁰ - Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ... – Летопись сообщает, что Всеслав родился «от волхвования»; возможно, что ему приписывались какие-то сверхъестественные способности.

⁶⁹¹ - ...ни птицю горазду... – Эти слова не понятны, предлагали читать «птицегоразду» – то есть умеющему гадать по полету птиц.

⁶⁹² - ...старого Владимира... – Вероятнее всего речь идет о Владимире Святославиче (ум. в 1015 г.), а не о Владимире Мономахе: в XII в. между его потомками и Ольговичами – потомками Олега Святославича шла ожесточенная борьба, и едва ли автор «Слова» поставил бы Мономаха в ряд с Игорем, представителем Ольговичей.

⁶⁹³ - ...стязи Рюриковы... имѣ хоботы пашуть. – Развевающиеся порознь бунчуки («хоботы») стягов Рюрика Ростиславича и Давыда Ростиславича Смоленского – символ княжеского «непособия»: Давыд отказался помочь брату в борьбе против половцев (см. Ипатьевскую летопись).

⁶⁹⁴ - Копиа поють. – Слова эти непонятны, возможно, что фраза оборвана.

⁶⁹⁵ - На Дунаи... – Здесь и далее («полечю... по Дунаеви», «девицы поють на Дунаи») название Дунай употреблено как поэтическое наименование реки вообще.

⁶⁹⁶ - ...Ярославнынѣ гласѣ... – Ярославна, дочь Ярослава Осмомысла, жена Игоря Святославича.

⁶⁹⁷ - ...зегзицею... кычеть... – У исследователей нет единого мнения о том, с какой птицей сравнивается Ярославна: с кукушкой или с чайкой. Слово «зегзица» в древнерусском языке действительно обозначает кукушку, но в народных говорах на территории бывшей Северной земли оно применимо именно к чайке; контекст «Слова» скорее указывает на чайку, птицу, живущую у воды, а эпитет «незнаемь», думается, указывает на то, что Ярославна причитает наедине.

⁶⁹⁸ - ...бебрянѣ рукавъ... – Н. А. Мещерский показал, что «бебрян» означало не «бобровый», а изготовленный из «бебра» – особого вида шелковой ткани.

⁶⁹⁹ - Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плъку Кобякова. – Ярославна вспоминает победоносный поход Святослава на лукоморских половцев (Кобяк – хан лукоморских половцев, кочевавших в низовьях Днепра и по берегам Черного и Азовского морей. О пленении Кобяка Святославом в 1184 г. вспоминает и «Слово о полку Игореве»). Носады – речные суда с высокой носовой частью; на них перевозили воинов.

⁷⁰⁰ - ...отъ Великаго Дону до Малаго Донца. – Игорь находился в плену в вежах Кончака на реке Тор (правом притоке Северского Донца), поэтому Малым Донцом здесь названа, видимо, река Уды, а Великим Доном – среднее течение реки Донец.

⁷⁰¹ - Овлуръ – половец, помогший Игорю бежать из плена; в летописи он назван Лавром.

⁷⁰² - ...рѣка Стugna: худу струю имѣя... днѣ при темнѣ березѣ. – В П и Е иначе: «...и стругы ростре на кусту... затвори Днѣпръ темнѣ березѣ». Принятая конъектура отвечает и грамматической конструкции фразы, и ее смыслу. Здесь вспоминается эпизод, рассказанный в Повести временных лет под 1093 г.: при переправе через реку Стугну (правый приток Днепра), которая в то время неожиданно разлилась («наводнилася велми» – говорит летописец, «рострена к усту» – скажет автор «Слова»), утонул молодой князь Ростислав Всеволодович. Слово «стругы» значит здесь не «лодки», как думали некоторые комментаторы, а «потoki».

⁷⁰³ - ...полозие... – В П «по лозию», с переводом – «по сучьям»; полагают, что здесь упомянуты полозы – крупные змеи.

⁷⁰⁴ - ...соколца опутаевѣ красною дивицею. – Речь идет о сыне Игоря – Владимире. Будучи в плену, он женился на дочери Кончака. Ипатьевская летопись под 1187 г. сообщает: «...приде Володимѣрь ис Половѣць с Коньчаковною, и створи свадьбу Игорьъ сынови своему и вѣнча его и с дѣтятемъ».

⁷⁰⁵ - Рекъ Боянъ и Ходына... Ольгова коганя хоти... – Это место одно из труднейших для толкования. В П читается: «Рекъ Боянъ и ходы на Святѣславля пѣстворца стараго времени

Ярославля Ольгова коганя хоти». Видеть здесь рядом с Бояном второго певца – Ходыну предложил еще И. Забелин. Принято толкование, согласно которому «хоть» не «любимец», а «жена» (князя-кагана Олега). Если считать Бояна певцом скальдического типа, то для скальдов исполнение произведения двумя певцами прием традиционный (см. Шарыпкин Д. М. «Рек Боян и Ходына...». – В кн.: Скандинавский сборник, XVIII. Таллин, 1973).

⁷⁰⁶ - ...къ святѣй Богородици Пирогощей. – Церковь Богородицы Пирогощей находилась в Киеве, на дороге, по которой князь Игорь должен был проезжать, возвращаясь из Киева домой.

⁷⁰⁷ - Арганы. – Здесь, вероятно, бубны, судя по выражению «бити в... арганы». Ср. в «Александрии»: «Ударьте в бубны, иже зовутца арганы, сии же таково три разных писков имѣють».

⁷⁰⁸ - Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех! / / Востану рано, исповѣмъ ти ся. – Словами Давида Псалмопевца (ср. Пс. 56, 9; 107, 3–4) Даниил говорит о своем желании возродить былую славу песнетворца, исполняющего песни под аккомпанемент музыкальных инструментов (псалтири и гуслей), и о своем решении обратиться с этой целью к князю с исповедальным посланием.

⁷⁰⁹ - Да разверзу въ притчах гадания моя / / И провѣщаю въ языцѣх славу мою. – Ср. Пс. 77, 2; 95, 3.

⁷¹⁰ - Бысть языкъ мой – трость книжника-скорописца....– Ср. Пс. 44, 2. Трость (отточенный кусок тростника) – один из инструментов для письма в древности.

⁷¹¹ - ...и разбих злѣ, аки древняя – младенца о камень.– Ср. Пс. 136, 9. Используя библейский образ младенцев, безжалостно разбиваемых врагами о камень, Даниил, вероятно, подчеркивает свое страстное желание освободиться раз и навсегда от того, что тяготит и гнетет его.

⁷¹² - ...аки она смоковница проклятая... – Даниил сравнивает себя со смоковницей (фиговое дерево, инжир), которую, согласно Евангелию (Мр. 11, 13–14, 20–21), Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял за то, что она не

плодоносила, будучи плодовым деревом, после чего эта смоковница засохла.

⁷¹³ - ...не имѣю плода покаюню. – Ср.: «Сотворите убо плоды достойны покаяния» (Лк. 3:8).

⁷¹⁴ - Имѣю бо сердце – аки лице безъ очю, / / И бысть умъ мой – аки ночный вранъ на нырищи. – Этим выражением Даниил объясняет, почему он не имеет «плода покаяния». Вероятно, смысл его таков: «имел я бесстрастное сердце и настороженный, бодрствующий, как филин в ночи, ум», то есть руководствовался в своих поступках не сердцем, а разумом. Образ бодрствующего филина на развалинах заимствован из Псалтири. Ср. Пс. 101, 7–8.

⁷¹⁵ - Забдѣх – и расыпая животъ мой, аки ханаонский царь, буестью. – Смысл данного выражения, вероятно, таков: пребывая в бдении (бдительно, ревностно служа князю), Даниил своей «буестью» (дерзостью, излишней прямоотой) погубил, расстроил свою жизнь, подобно хананейским царям. Говоря о буести хананейских царей, Даниил, очевидно, имел в виду библейский рассказ о том, как они, проявив непокорность, гордыню, встретили войной израильтян, отказались сдать им свои города, предназначенные израильтянам самим Богом, за что все хананейские города были преданы заклятью и полностью истреблены (См. Нав. 11, 19–20; Пс. 134, 10–12).

⁷¹⁶ - ...аки Чермное море фараона. – Согласно Библии, когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними и позволило им перейти его. Фараон с египтянами, преследовавшие израильтян, вступили за ними на морское дно, но море сомкнулось и поглотило фараона со всем войском (См. Исход, 14).

⁷¹⁷ - ...аки Агарь рабыни от Сарры...– Согласно Библии, Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму «войти» к служанке своей Агари. Агарь, видя, что скоро станет матерью, стала презирать Сарру. Сарра с позволения Авраама «смирjala» Агарь, и та убежала. (См. Бытие, 16.)

⁷¹⁸ - Просящему у тебе дай, толкущему отверзи. – Ср. Мф. 5, 42.

⁷¹⁹ - Возверзи на Господа печаль свою, / / И той тя препитаеть въ вѣки. – Ср. Пс. 54, 23.

⁷²⁰ - Застѣние. – Здесь – пространство между двумя смежными городскими (крепостными) стенами, застенков.

⁷²¹ - Возри на птица небесныя, / / Яко тии не орють, ни сѣють... – Ср. Мф. 6, 26.

⁷²² - Боголюбиво. – Боголюбово, город невядалеке от Владимира. Вероятно, Даниил сознательно написал название города через «и», обыгрывая первоначальное значение имени: Богом любимое.

⁷²³ - Лаче озеро – озеро Лаче на севере Новгородской области, куда, судя по всему, был сослан Даниил.

⁷²⁴ - Новѣгород. – Новгород Великий. Автор обыгрывает семантику этого топонима: Новый город для Даниила настолько старый, что и углы домов в нем разрушились, поскольку не сложилась счастливо его жизнь в Новгороде: он был изгнан из него князем.

⁷²⁵ - Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: / / «Лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение». – Приводимые слова были сказаны, согласно летописи, переяславским князем Андреем Владимировичем Добрым, когда великий князь Всеволод Ольгович изгонял его с Переяславского престола, отдавая взамен Курское княжество (см. Лаврентьевскую летопись под 1139 г.). Выражение «Не лгалъ бо ми...» не означает, что приведенные слова были сказаны Ростиславом автору послания, Даниилу, поскольку «ми» является здесь не личным местоимением, а усилительной частицей.

⁷²⁶ - Якоже бо Соломонъ рече: / / Ни богатства... помышляю на татбу и на разбой. – Ср. Притч. 30, 8–9.

⁷²⁷ - ...сыне великаго царя Владимира – Под Владимиром Даниил мог разумеать как Владимира Мономаха, «сыном» (потомком) которого был Ярослав Владимирович, так и отца адресата – Владимира Мстиславича, который, пусть недолго, но сидел на Киевском столе, и потому мог быть назван «великим царем (князем)».

⁷²⁸ - Богат възглаголетъ – вси молчат... // А убогий възглаголетъ – вси на нь кликнуть. – Ср. Сирах 13, 28–29.

⁷²⁹ - ...яко серну от тенета, / / Аки птенца от кляпци... – Ср. Притч. 6, 5.

⁷³⁰ - ...зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа. – В данном случае при глаголе «ограженъ» требуется по смыслу частица «не», отсутствующая во всех списках «Слова». С палеографической точки зрения пропуск «не» после «зане» вполне объясним, такие случаи постоянно встречаются, как указал академик В. М. Истрин.

⁷³¹ - Молеве, княже, ризы ѣдятъ, а печаль – человѣка; / / печалну бо мужу засышють кости. – Ср. Притч. 25, 21 и 17, 22.

⁷³² - Яви ми зракъ лица своего,... // Мед истачають устнѣ твои... – Ср. Песнь 2, 14 и 4, 11.

⁷³³ - Или пиеши сладкое питие... от мѣста незавѣтрена... – Ср. Изборник Святослава 1076 г.: «Насыштяся многосластьнааго пития, помяни пиюштааго теплу воду, отъ слѣньца вѣстопѣвъшу, и ту же пороха нападѣшу отъ мѣста не завѣтрѣна».

⁷³⁴ - Да не будет... рука твоя согбена на подание убогих. – Ср. Сирах 4, 35.

⁷³⁵ - Паволока – шелковая или иная дорогая ткань.

⁷³⁶ - Якоже бо похвалися Езекий царь посломъ царя Вавилонскаго... – Езекия (Иезекииль) – еврейский царь. Согласно библейской легенде, вместо того чтобы прославить Бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исайя и предрек, что все это взято будет вавилонянами, и даже дети его будут отведены в Вавилон (см. Ис. 39, 1–6).

⁷³⁷ - Якоже рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ... – Имеется в виду Святослав Игоревич, сын Ольги, князь X в., совершавший походы на Царьград.

⁷³⁸ - Поженет бо единъ сто, а от ста двинется тма. – Ср. Вт. 32, 30.

⁷³⁹ - Надѣяся на Господа яко гора Сионъ: не подвижится въ вѣки. – Ср. Пс. 124, 1. Сион – гора близ Иерусалима.

⁷⁴⁰ - Дивиа за буяном кони паствити... – Слово «буян» словари дают только со значением «дерзкий, наглый человек». Однако исходя из того, что прилагательные «буявый» и «буий» означали не только «дерзкий, наглый», но и «отважный, смелый», можно думать, что и слово «буян» имело значение «отважный, смелый». Смысл сравнения в таком случае в следующем: так же, как опытный и храбрый табунщик справляется с табуном коней, так и доблестный, мудрый князь умело организует многочисленные полки на поле боя.

⁷⁴¹ - ...тивунъ бо его – аки огонь, трепетицею накладенъ, / / И рядовичи его – аки искры. – Тиун – княжеский управляющий. Рядовичи. – закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином и работающие у него по этому «ряду». Тиун сравнивается с огнем костра, разложенным на осине, горящей ровным, спокойным пламенем, без искр, а рядовичи – с искрами от искрящего огня. Смысл сравнения в том, что от неискрящего огня можно уберечься, но от множества искр уберечься нельзя: от одной из них обязательно пострадаешь.

⁷⁴² - ...сосуд скуделничъ... – Даниил, используя цитату из Изборника Святослава 1076 г. («Простѣри сердечный съсудъ, да накаплють ти словеса слажьша меду»), заменяет «сердечный» на «скудельничъ».

⁷⁴³ - Сладка суть словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. – Ср. Пс. 118, 103.

⁷⁴⁴ - Ибо Соломонъ рече: ...сердце безумному. – Искраженная цитата из Притч Соломона. Ср. Притч. 16, 24.

⁷⁴⁵ - Очи бо мудрых желают благых, / / А безумнаго – дому пира. – Ср. Ек. 7, 3–5.

⁷⁴⁶ - Лѣпше слышати прѣние умных, нижели наказания безумных.– Ср. Ек. 7, 6. У Екклизиаста не «прѣние», а «прѣщение» (угроза).

⁷⁴⁷ - Дай бо премудрому вину – премудрие будетъ. – Ср. Притч. 9, 9.

⁷⁴⁸ - Не сей бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. – Вероятно, наставление не сеять рожь на бороздах следует понимать как совет не сеять хлеб на незабороненном поле, то есть на бороздах, образовавшихся в результате вспашки. Смысл сравнения в том, что сердце глупого – плохо подготовленная к восприятию зерен мудрости почва. Выражение это встречается в «Поучении Кирилла Философа».

⁷⁴⁹ - Мѣх – мешок, в данном случае кожаный, для хранения воды, – бурдюк.

⁷⁵⁰ - ...под жонками повозъ возити. – Повоз возити – фразеологизм, означающий «обязанность доставлять дань или оброк в назначенное место». Поскольку извоз был сугубо мужским делом, выполнять его «под женками», то есть под руководством женщин, справедливо считалось «не работой в работах».

⁷⁵¹ - Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: / / «Крестъ есть глава церкви, а мужъ – женѣ своей».— Ср. Еф. 5, 23.

⁷⁵² - ...жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворень бысть... – Иосифа Прекрасного (персонаж Библии) пыталась соблазнить жена его господина Пентефрия. Когда ей это не удалось, она оклеветала Иосифа, и Пентефрий заключил Иосифа в темницу. См. Быт., 39.

⁷⁵³ - ...жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша... – Согласно Библии, пророк Даниил был ввергнут в ров со львами, однако причиной этого была не женщина. См. Дан. 6, 10–24; 14, 23–40.

⁷⁵⁴ - ...и съвокупих, аки в мѣх воды морския. – Ср. Пс. 32, 7.

⁷⁵⁵ - Не отмѣтай безумному прямо безумию его, да не подобень ему будеши. – Ср. Притч. 26, 4.

⁷⁵⁶ - ...храбрость Александрову... – Александр Македонский (356–326 гг. до н. э.), царь и полководец, прославившийся своим мужеством и храбростью.

⁷⁵⁷ - ...Иосифль разумъ... – Согласно Библии, Иосиф Прекрасный отличался мудростью, за что египетский фараон сделал его своим соправителем. См. Быт., 41, 42–43.

⁷⁵⁸ - ...хитрость Давидову... – Речь идет об иудейском царе Давиде, который благодаря своей хитрости удачно спасся в молодости от преследований Саула. См. 1Цар. 18, 10–29.

⁷⁵⁹ - ...милости воздасть ...и архистратигъ Михаилъ... – поскольку опорная стена укрепляла храм, посвященный святому архангелу Михаилу – патрону князя, строившего его.

⁷⁶⁰ - ...со преподобнымъ Мефедьемъ... – Речь идет о почитаемом за свои пророческие писания Мефодии Патарском (выписки из его сочинений содержатся и в Повести временных лет).

⁷⁶¹ - «Дѣла ваша добрая прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ» – Ср. Мф. 5. 16.

⁷⁶² - ..яко Моисѣа... – В библейской книге Исход рассказывается об уходе евреев из египетского плена под водительством Моисея.

⁷⁶³ - ...аки Мариамъ древле. – В библейской книге Исход рассказывается о благодарственной песне пророчицы Мариам и других женщин в честь Бога, утопившего войско фараона, когда оно преследовало уходивших из египетского плена евреев.

⁷⁶⁴ - ...по Исаи... – В Книге Пророка Исаии Бог говорит о своей власти реки превратить в острова, а озера – иссушить.

⁷⁶⁵ - Яко и при Зороавели... – Правитель Иудеи Зоровавель по голосу Бога приступил к обновлению Иерусалимского храма после вавилонского плена.

⁷⁶⁶ - «Похваляему правѣдному веселиться людѣе». – В Псалтыри, 63, 11, сказано: «А праведник возвеселится о Господе и будет уповать на него; и похвалятся все правые сердцем».

⁷⁶⁷ - Патерик... – Патериками (греч. paterik от pater – отец, отсюда русское название «Отечник») назывались сборники нравоучительных изречений и рассказов о жизни христианских монахов, совершавших свои аскетические подвиги обычно в одной местности (Египетский, Синайский, Римский патерики). Занимательность и беллетристичность повествования, простота и афористичность стиля привели к популярности этого жанра, сделали патерики «народной книгой» средневековья.

⁷⁶⁸ - ...церьки Богородицина Печерськаа... – Церковь Успения Богородицы, строительство и роспись которой велись с 1073 по 1089 год, – главный собор Печерского монастыря – имела суровый, аскетичный вид. Это был шестистолпный крестовокупольный храм, лишенный башен и галерей, увенчанный лишь одним куполом. По преданию, отраженному в Патерике, собор строили греческие мастера в меру, данную варягом Шимоном; результаты археологических раскопок 1972 года позволяют говорить об участии в строительстве болгар; вместе с греческими мастерами, украшавшими собор мозаикой, фресками и иконами, работал древнерусский художник Алимпий (см. 34-е «слово» Патерика). О перестройках храма дают представление гравюры в книгах лаврской типографии. В Патерике, изданном в 1661 году, он изображен пятиглавым, а его древнее ядро окружено приделами, часть из которых объединена под одной кровлей. После пожара 1718 года Успенский собор был восстановлен, надстроен и украшен в стиле барокко; в конце XIX века он был расписан заново в сухой академической манере. В период оккупации Киева взорван фашистскими захватчиками.

⁷⁶⁹ - Архимандрития – монастырь с архимандритом во главе. Архимандритией Печерский монастырь стал при игумене Поликарпе между 1169 и 1171 годами. По мнению историка Я. Н. Шапова, на Руси архимандрития – институт, противопоставленный митрополиту и связанный с княжеской властью. Печерский игумен первым получил титул архимандрита, который стал присваиваться настоятелю важнейшего монастыря в городе, обладавшему определенными правами и вне своего монастыря (см. Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989, с. 159–160).

⁷⁷⁰ - Лавра – название крупных и важных по своему положению православных общежительных мужских монастырей.

⁷⁷¹ - Феодосий – церковный деятель и писатель Древней Руси, один из основателей Киево-Печерского монастыря, игуменом которого был с 1062 по 1074 год. См. Житие Феодосия Печерского и его Поучения (наст. изд., т. 1). Феодосию Печерскому посвящен цикл статей в Повести временных лет,

среди них 1074 года – о смерти Феодосия, 1091 года – о перенесении его мощей, 1108 года – о вписании имени святого в Синодик (см. наст. изд., т. 1). Последние две статьи, а также Житие Феодосия Печерского и Похвала святому, сначала существовали в Патернке на правах литературного «конвоя», а затем постепенно, по мере редакторской работы над памятником, вошли в его состав.

⁷⁷² - ...Африканъ, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златы луды... бяху два сына – Фриадъ и Шимон. – Имена Африкан, Фрианд и Шимон известны только по Киево-Печерскому патерику, причем одно из них – Фрианд, возможно, ошибочно принятое за имя собственное древне-исландское «friandi-friaendi», что значит «родственник», «родич». В данном эпизоде имеется в виду битва Ярослава с Мстиславом 1024 года. Якун (Гакон) – предводитель отряда варягов, участвовавших в этом сражении на стороне Ярослава. В Повести временных лет сказано: «...и бѣ Акунъ съ лѣпъ, луда у него златомъ истъкана» (и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан). Симон, автор этого рассказа Патерики, неверно понял текст своего летописного источника, объединив в одно слово словосочетание «съ лѣпъ». Луда – плащ, верхняя одежда; есть и другие толкования этого слова – маска, шлем, латы.

⁷⁷³ - Ярослав – Ярослав Мудрый, сын Владимира I Святославича. Победив Святополка в битве на реке Альте в 1019 году, занял киевский стол и княжил до 1054 года. Его правление ознаменовалось укреплением государственного и политического положения Киевской Руси, расцветом культуры.

⁷⁷⁴ - ...изыдоша сие трие Ярославичи... Изяславъ, Святославъ и Всеволод... – Еще при жизни Ярослав Мудрый дал «ряд» на княжение своим сыновьям: старший, Изяслав, получал Киев, Святослав – Чернигов, Всеволод – Переяславль-Южный, Ростов, Суздаль и Белоозеро. После смерти отца эти три князя заключили союз и совместно вели военные действия против внешних врагов, согласовывали свою внутреннюю политику. В 1068 году они выступили против половцев и в битве на реке Альте (приток реки Трубеж на юго-восток от Киева) потерпели поражение. Это вызвало восстание киевлян,

потребовавших дать им оружие, чтобы продолжить борьбу с половцами. Изяслав на это не решился и был изгнан киевлянами, посадившими на княжеский стол Всеслава Полоцкого, который находился в это время в заточении в Киеве, плененный в междоусобной расправе Ярославичами. Изяслав бежал в Польшу, откуда вернулся в 1069 году и снова занял киевский стол. В 1073 году триумvirат Ярославичей распался. Святослав в союзе с Всеволодом изгнал из Киева Изяслава, который бежал в Польшу. На киевский стол сел Святослав Ярославич. После смерти Святослава (1077) киевский стол получил Всеволод Ярославич, но он добровольно уступил его Изяславу, а сам сел в Чернигове. После гибели Изяслава в междоусобной войне (1078) Всеволод Ярославич занял киевский стол и княжил до 1093 года.

⁷⁷⁵ - Антоний – основатель Киево-Печерского монастыря. Родился около 983 года в г. Любече. Совершил хождение в Константинополь, а затем на Афон, где жил в пещере близ монастыря Есфигмен. Здесь он был пострижен в монахи игуменом Феоктистом и в качестве миссионера направлен на Русь, где поселился в Варяжской пещере в Берестове около Киева. После смерти князя Владимира Святославича, в период междоусобной борьбы его сыновей за киевский стол, Антоний удалился на Афон, откуда по приказу игумена Феоктиста в 1028 году вернулся в Киев и поселился в Иларионовой пещере на берегу Днепра. Вокруг Антония, прославившегося монашескими подвигами, собрались ученики и последователи, среди них – Никон Великий, Феодосий Печерский, Моисей Угрин и др. Они выкопали пещерную церковь, трапезную, общий подземный ход, поставили над пещерами деревянную Успенскую церковь. Так возник Киево-Печерский монастырь, сказание об основании которого читается в Повести временных лет под 1051 годом (см. 7-е «слово» Патерика). Известность и авторитет Антония были так велики, что вступивший в 1054 год на киевский стол князь Изяслав Ярославич вместе с дружиной приходил к нему для благословения. В 1061 году отношения Антония с киевским князем осложнились из-за пострижения в монастыре приближенных Изяслава, боярина Варлаама и евнуха Ефрема.

Предпочитая отшельничество, Антоний поставил в игумены Варлаама, а сам удалился в Ближнюю, так называемую Антониеву, пещеру. В 1062 году князь Изяслав назначил Варлаама игуменом основанного им монастыря Святого Дмитрия, и Антоний по просьбе братии сделал новым игуменом Феодосия Печерского. В 1067 году князья Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи, отправляясь в поход на половцев, просили благословения у Антония, и он предсказал им поражение, что произошло в битве на реке Альте. В конце 60-х годов Антоний был обвинен киевским князем в помощи Всеславу Полоцкому и удалился в Чернигов к Святославу Ярославичу, где жил в пещере на Болдиных горах. Позднее по просьбе князя Изяслава вернулся в Киев, в 1073 году участвовал в закладке каменного Успенского собора. Антоний умер на девяностом году жизни и похоронен в Ближней пещере Киево-Печерского монастыря. Канонизацию святого Антония Печерского историки церкви относят к домакарьевскому периоду: ко второй четверти XII – первой четверти XIII века (Е. Голубинский), к концу XIV – началу XV века (В. Васильев). Житие Антония Печерского, не дошедшее до нас, – один из основных источников сведений по истории монастыря для авторов Киево-Печерского патерика.

⁷⁷⁶ - ...яко 10 локот. – «Локоть» – мера длины, приблизительно равная расстоянию от локтя до конца вытянутого среднего пальца. Сопоставляя метрические величины с их определением в «локтях», можно считать его равным 46 см.

⁷⁷⁷ - ...имуць вѣса 50 гривень... – В данном случае «гривна» – единица денежного счета, равная определенному весу драгоценного металла.

⁷⁷⁸ - «Приидѣте... наслѣдуйте уготованное вам царство искони мира». – Мф. 25, 34.

⁷⁷⁹ - «Да благословить тя Господь от Сиона... и до послѣдних рода вашего!» – Ср. Пс. 127, 5.

⁷⁸⁰ - ...сѣдѣ Георгий Владимирович в Киевѣ... – Юрий Владимирович Долгорукий, сын Владимира Мономаха. Ростово-

Суздальская земля была закреплена за ним еще при жизни отца. В 1146 году умер Всеволод Ольгович, владевший Киевом. Киевский стол занял его брат Игорь Ольгович, который вскоре был смещен Изяславом Мстиславичем, внуком Владимира Мономаха. За Киев началась междоусобная распря, в результате которой в 1149 году киевский стол захватил Юрий Владимирович, но в 1151 году Изяслав Мстиславич вернул себе Киевское княжение. В 1154 году Юрий Долгорукий снова захватил Киев и был киевским князем до 1157 года.

⁷⁸¹ - Зовет вы царица Влахерну. – Влахерна – район Константинополя, расположенный около гавани, где находилась церковь Богородицы с «чудотворной» иконой Богоматери. Отсюда название церкви и иконы.

⁷⁸² - Вда же намъ и мощи святыхъ мученикъ... рекши нам: «Сиа положите во основании». – По решению V Карфагенского собора, в основании каждого храма должны лежать мощи мучеников за христианскую веру. Среди мощей святых, положенных в основание Успенского собора Киево-Печерского монастыря, мощи святого Полиевкта – патриарха Константинопольского, за красноречие прозванного вторым Златоустом, который, по преданию, крестил княгиню Ольгу (память 5 февраля); Арефы Эфиопского – одного из мучеников, скончавшихся в Аравии в 523 году (память 24 октября); святого Артемия, который перенес в Рим мощи апостолов Андрея и Луки и за распространение христианства в Египте принял в 363 году мученическую смерть (память 20 октября).

⁷⁸³ - Та намѣстнаа... будет. – Местными («наместными») называются иконы, имеющие постоянное место в нижнем ярусе иконостаса, находящиеся по обеим сторонам царских врат в церкви.

⁷⁸⁴ - В дни благовѣрного князя Святослава, сына Ярославля... – Святослав Ярославич был великим киевским князем с 1073 по 1077 год (см. подробнее коммент. к словам «изыдоша сие триє Ярославичи» (сноска 8)).

⁷⁸⁵ - Въ Житии бо святого Антониа... – Житие Антония Печерского, по предположению С. П. Розанова, было создано не

позднее 90-х годов XI века в Чернигове или Тмутаракани, ибо история возникновения Киево-Печерского монастыря в нем изложена иначе, чем в памятниках киевской литературной традиции (см. Розанов С. П. К вопросу о Житии преподобного Антония Печерского. – ИОРЯС за 1914 г., т. 19, кн. 1, 1915, с. 34–46). Житие Антония Печерского послужило источником сведений для авторов Повести временных лет и Киево-Печерского патерика (см. «слова» о Евстратии, Агапите, Моисее Угрине, Феодоре и Василии и др.). Уже в XIII веке для составителей Патерика Житие Антония Печерского – редкий, забытый памятник, к XVI веку его не находят в русских рукописных собраниях. В первой половине XVII века на Украине на основе летописных и агиографических источников было создано новое Житие Антония Печерского, которое вошло в Патерик издания 1661 года.

⁷⁸⁶ - В Феодосиевѣ Житии... – В Житии Феодосия Печерского есть «чудеса», знаменующие место основания Успенского собора: явление «некоему христолюбцу» огненной дуги, один конец которой исходил из купола старой, деревянной церкви, другой указывал на место, где позднее был возведен каменный собор Успения Богородицы; видение людям, живущим близ монастыря, яркого света в ночи и процессии монахов во главе с Феодосием, направлявшейся с иконой Богородицы из старой церкви на место возникновения новой, и др. (см. наст. изд., т. 1). Житие Феодосия Печерского послужило историческим и литературным источником для авторов и редакторов Киево-Печерского патерика, в состав которого оно вошло не позднее XV века.

⁷⁸⁷ - «Радуйтесь... имена ваша суть написана на небесѣх...» – Ср. Мф. 5, 12.

⁷⁸⁸ - ...животныя книги... – В данном случае речь идет о синодиках, поминальных книгах.

⁷⁸⁹ - ...и на семь камени съгради Господь церковь сию, и врата адова не удолѣют ей. – Эта фраза об утверждении Печерской церкви является реминисценцией из Евангелия (Мф. 16:18). Христос, обращаясь к Петру, говорит: «Ты – Петр, и на

сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее» (Петр, по-гречески, – камень).

⁷⁹⁰ - Никон – игумен Киево-Печерского монастыря после Стефана, с 1078 по 1088 год. Был сподвижником Антония и Феодосия, о высоком авторитете Никона свидетельствует то, что Нестор называет его Великим. В 50-е годы XI века вместе с Антонием жил в пещере на берегу Днепра, где позднее был основан Киево-Печерский монастырь. По предположению М. Д. Приселкова, печерский монах Никон и бывший митрополит Руси Иларион – одно историческое лицо. Никон играл большую роль в политической жизни Киевской Руси 60–70-х годов XI века. Дважды ему пришлось бежать из Киева в Тмутаракань, спасаясь от гнева князей: в 1061 году, после пострижения в монахи приближенных Изяслава; во время междоусобной войны Ярославичей, когда он выступил в поддержку изгнанного из Киева Изяслава. В Тмутаракани Никон основал монастырь, оттуда он приезжал в 1067 году в Киев с целью поставления в Тмутаракань нового князя вместо умершего Ростислава. По гипотезе А. А. Шахматова, Никон – автор летописного свода, составленного около 1073 года, где исторический материал впервые обрел подобную форму изложения. Возможно, именно Никон ввел в летопись рассказ об основании Киево-Печерского монастыря, легенды о призвании варягов на Русь, о крещении княгини Ольги в Царьграде и др., он активно использовал фольклор Причерноморья и придал летописанию светский характер. Сведения о Никоне содержат Повесть временных лет, Житие Феодосия Печерского и рассказы Киево-Печерского патерика.

⁷⁹¹ - Канев – город на Днепре, южнее Киева.

⁷⁹² - Треполь – город на Днепре, расположенный между Киевом и Каневом.

⁷⁹³ - ...Стефанъ-игумень, демественикъ... Влахерньскую церковь на Кловѣ създа – Стефан был постриженником Киево-Печерского монастыря, учеником Феодосия. В 60–70-е годы XI века исполнял обязанности доместика (руководителя церковного хора) и еклесиарха (проповедника) монастыря. Перед смертью Феодосий Печерский советовал братии избрать

игуменом Иакова-пресвитера, но монахи настояли на кандидатуре Стефана, поддержанной и киевским князем Святославом Ярославичем. В игуменство Стефана шло строительство каменного Успенского собора, был возведен новый деревянный монастырь. В 1078 году в результате конфликта с «некими от братии» Стефан был изгнан из монастыря. Видимо, столкновение произошло между ним и Никоном, который в 1077 году вернулся в Печерский монастырь и через год стал его игуменом. Как полагают исследователи, Никон был сторонником нестяжательной политики монастыря, строгой аскетической жизни монахов. Стефан, напротив, занимался приумножением монастырских богатств, активной строительной и торгово-хозяйственной деятельностью. В 1077 году на киевский стол вернулся Изяслав Ярославич, поддерживавший Никона, что предрешило изгнание Стефана. Когда в следующем году киевским князем после смерти брата стал Всеволод Ярославич, бывший печерский игумен, получив «на потребу от бояр и велмож» большие средства, построил на Клове (урочище на ручье Клове между Киевом и Печерским монастырем) каменную церковь во имя Влахернской Богоматери. Он собрал вокруг себя братию и основал монастырь, где игуменствовал до 1090 года, когда стал первым епископом новоутвержденной кафедры во Владимире Волынском. В сане епископа он принимал участие в перенесении мощей Феодосия Печерского из пещеры в Успенский собор (1091). Умер в 1094 году, похоронен в Киеве. В XVII веке на основе летописных и агиографических источников было создано Житие Стефана, включенное в состав печатных редакций Патерика.

⁷⁹⁴ - ...князь Владимиръ Всеволодичъ Монамах... – Владимир Мономах (1053–1125) – сын Всеволода Ярославича, внук Ярослава Мудрого, Мономахом прозван по имени матери, дочери византийского императора Константина IX Мономаха. При крещении получил христианское имя Василий. Выдающийся государственный деятель и полководец. См. Поучение Владимира Мономаха в т. 1 наст. изд. На время правления Владимира Мономаха приходится расцвет литературы Киевской

Руси. Для Симона, автора Слова о создании церкви Печерской, Владимир Мономах – символ былого могущества и единства страны.

⁷⁹⁵ - ...Владимеръ... създа церковь въ градѣ Ростовѣ... Георгий-князь... създа церковь в градѣ Суздалѣ в ту же мѣру, яже по лѣтех вся та распадошася... – Сообщение о постройке Владимиром Мономахом и его сыном Георгием соборных храмов Ростова и Суздаля входило в систему доказательств об огромном значении киевского наследия в развитии культуры и искусства русских княжеств периода феодальной раздробленности. Успенский собор в Суздале был возведен на рубеже XI–XII веков и стал оплотом церкви в недавно христианизированном крае. По распоряжению князя Георгия Всеволодовича обветшавший храм был разобран и в 1222–1225 годах на его месте была построена новая церковь «краснейшу первыя», к основанию которой был причастен владимиросуздальский епископ Симон, один из авторов Патерики. Успенский собор в Суздале выдержал несколько перестроек и реставраций, о его первоначальном виде можно судить по сохранившемуся нижнему ярусу XIII века. Ссылаясь на результаты раскопок А. Д. Варганова и А. Ф. Дубынина, Н. Н. Воронин считал, что если суздальский собор, бывший по своим размерам значительно меньше печерского, внешне напоминал его, то рассказ Симона о строительстве Мономахом каменного собора в Ростове является вымышленным (см. подробнее: Воронин Н. Н. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. – ТОДРЛ, т. 11. М.–Л., 1955, с. 102).

⁷⁹⁶ - ...игумену Иоану... – Иоанн был игуменом Киево-Печерского монастыря после Никона, с 1088/89 года. До какого года он игуменствовал – точно неизвестно, но в 1108 году печерским игуменом был уже Феоктист. Из рассказов Повести временных лет и Патерики известно, что он участвовал в освящении Успенского собора, в погребении печерского монаха Исакия, был инициатором перенесения мощей Феодосия Печерского, присутствовал при «изгнании беса» из печерского затворника Никиты, во время правления в Киеве Святополка Изяславича был сослан в Туров за обличение князя в насилии

над людьми и жажде богатства. Возвращение Иоанна в Киево-Печерский монастырь было связано с междоусобной борьбой князей после ослепления Василька Теребовльского в 1097 году. По свидетельству Поликарпа, одного из авторов Патерика, Святополк «убоався... вѣстаниа на ся» Владимира Мономаха и «скоро възврати съ честию игумена в Печерський монастырь» (см. 31-е «слово» Патерика). По предположению М. Д. Приселкова и Б. А. Рыбакова, Иоанн был составителем Начального летописного свода (см.: Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940, с. 34–36; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания; Былины; Летописи. М., 1963, с. 245–259).

⁷⁹⁷ - Трапеза – жертвенник, престол – сооружение в виде стола, стоящее в левой стороне алтаря, на котором готовится «бескровная жертва»– хлеб и вино, для совершения евхаристии – причащения.

⁷⁹⁸ - Иоан же митрополит... – Иоанн II, митрополит Киевский с 1080 по 1089 год, участвовал в поставлении ростовского епископа Исаяи, основал две новые епископии: во Владимире Волынском (около 1085) и в Турове (1088), присутствовал на похоронах князя Ярополка Изяславича (1086), освящал церковь Святого Михаила в Выдубицком монастыре (1088) и Успенский собор в Киево-Печерской лавре (1089). В некрологической статье Повести временных лет он характеризовался как «мужь хытръ книгамъ и учению». Иоанну приписываются сочинения нравственно-дидактического (Ответы на вопросы Иакова-черноризца) и религиозно-полемиического характера (Послание к папе римскому Клименту III).

⁷⁹⁹ - епископи: Иоань Черниговський и Исаяа Ростовської, Лука Белоградський, Антоний Юрьевський... – О епископах, участвовавших в освящении Успенского собора, известно мало. Антоний как епископ Юрьевский упоминается в летописных статьях под 1089–1091 годами. Лука Белгородский принимал участие и в освящении церкви Святого Михаила в киевском Андреевском монастыре (1088), умер в 1089/90 году. Иоанн стал епископом Черниговским до 1087 года, в 1091 году присутствовал при перенесении мощей Феодосия Печерского,

умер в 1110 году. Самый известный из епископов – Исая Ростовский. Родом из Киевской земли, он в юности принял постриг в Киево-Печерском монастыре при игумене Феодосии (1062–1074). По просьбе киевского князя Изяслава Ярославича был поставлен Феодосием Печерским на игуменство в Дмитровский монастырь, сменив на этом посту Варлаама, умершего 1073–1074 году. Около 1088 года Исая был назначен киевским митрополитом Иоанном II на ростовскую епископию, где язычники убили его предшественника – епископа Леонтия. Скончался в 1090/91 году и похоронен в ростовском Успенском соборе. Причислен к местночтимым святым Ростова с 1474 года, Киева – с 1643 года; в 1762 году по указу Синода имя Исая было внесено в Святцы для общерусского почитания.

⁸⁰⁰ - «Изчезоша испытующей испытаниа!» – Ср. Пс. 63, 7.

⁸⁰¹ - Пресвятаа Богородице... апостолы от конец вселенныа собравши въ честь своему погрѣбению... – По церковному преданию, в день успения Богородицы апостолы из разных стран земли были чудесным образом перенесены в Иерусалим, в Гефсиманию, и поставлены между гробами родителей Богородицы и Иосифа Обручника.

⁸⁰² - «Възмѣте, врата, князи ваша»... – Пс. 23, 7 и 9.

⁸⁰³ - «Кто есть царь славы»... – Пс. 23, 8 и 10.

⁸⁰⁴ - «О глубина богатства и сило разума! Кто ислѣдит умъ Господень или кто съвѣтникъ бысть ему?» – Ср. Рим. 11, 33–34.

⁸⁰⁵ - Нестера, мниха обители монастыря Печерьскаго... – Нестор был пострижен в Киево-Печерском монастыре при игумене Стефане (1074–1078 гг.), который позднее возвел его в «диаконский сан», хотя, возможно, пришел в монастырь еще в игуменство Феодосия Печерского, «лет сущу 17 от рождения» (см. приписку к 7-ому «слову» Патерики). Является составителем Повести временных лет и автором Чтения о житии Бориса и Глеба, Жития Феодосия Печерского. С именем Нестора, кроме Жития Феодосия Печерского, в Патерике связываются «сказание, что ради прозвася Печерьский монастырь», рассказы о первых черноризцах печерских (Дамиане, Иеремии, Матфее, Исакии), «слово» о перенесении

мощей Феодосия из пещеры в Успенскую церковь. В старопечатном Патерике издания 1661 года читается «Житие Нестора», причисленного к местночтимым киевским святым митрополитом Петром Могилей в 1643 году; общерусское почитание установлено в 1762 году.

⁸⁰⁶ - Владимир Святославич – киевский князь (980–1015). Княжение Владимира I ознаменовалось усилением Киевской Руси как в международном плане, так и во внутренней жизни страны. При Владимире I в 988 году на Руси было принято христианство как единая официальная религия.

⁸⁰⁷ - Любеч – город на Днепре, недалеко от Чернигова.

⁸⁰⁸ - И въ Святую Гору доиде... – Святая Гора – Афон. Своеобразная монашеская республика из православных монастырей. Находится на восточном выступе Халкидонского полуострова в Эгейском море. Первый монастырь был основан в 962 году греком Афанасием. В 1172 году на Афоне возник первый русский (Пантелеймонов) монастырь. Связь русской церкви с Афоном играла большую роль в церковно-религиозной жизни Древней Руси.

⁸⁰⁹ - ...прозря... хотящаа быти добродѣтели ...нарече имя ему Антоние.. – Возможно, мирское имя Антония – Антипа (в переводе с греческого – «вместо отца»). При пострижении назван Антонием в честь Антония Великого (христианский подвижник III–IV веков, основатель и идеолог отшельнической монашеской жизни. Прославился аскетическими подвигами, живя в гробнице, в пещере на берегу Нила, где общался с приходящими к нему через узкое отверстие в стене; в борьбе с искушениями дьявола изнемог так, что его приняли за мертвого. Известен как непримиримый противник арианства, еретического учения, по которому Христос – творение Бога, но не Бог. Культ Антония широко распространен в западной церкви, где в XI веке возник орден святого Антония. Житие Антония Великого, созданное около 365 года знаменитым греческим духовным писателем Афанасием Александрийским, – один из ранних переводных памятников агиографии, известный на Руси с XI века).

⁸¹⁰ - Берестово – вотчина и загородная резиденция великих киевских князей, находившаяся недалеко от Киево-Печерского монастыря. Название «Берестово», видимо, происходит от берестового (березового) леса, окружавшего тогда село. Здесь находились рубленный из дерева двухэтажный княжеский дворец и службы, монастырь и церковь Спаса, возникшие около 1072 года. Еще при Ярославе Мудром в Берестове существовала церковь Святых Апостолов, в которой начал свою церковно-политическую деятельность будущий первый русский митрополит Иларион. Архитектурный комплекс в Берестове отличался богатым декором и противостоял суровому облику построек Киево-Печерского монастыря.

⁸¹¹ - ...безбожный и оканный Святополкъ... уби святого Бориса и Глѣба. – После смерти Владимира I Святославича его сын Святополк, убив братьев Бориса, Глеба и Святослава, захватил киевский престол. После длительной борьбы за киевское княжение Ярослава Святославича со Святополком, последний потерпел в 1019 году окончательное поражение, бежал и погиб. Об убийстве Святополком Бориса и Глеба, перипетиях борьбы с ним Ярослава подробно рассказывается в Повести временных лет и в Сказании о Борисе и Глебе (см. наст. изд., т. 1).

⁸¹² - ...презвитерь, именемъ Ларионъ... – Иларион был священником в церкви Святых Апостолов в княжеском селе Берестове. По словам летописца, «муж благ, книжен и постник», он «ископа печерку малу» для уединенной молитвы, где позднее возник Киево-Печерский монастырь. Был первым киевским митрополитом из русских. Однако константинопольская патриархия не утвердила Илариона на митрополичьей кафедре. Видимо, сразу после смерти Ярослава (1054) Иларнон был смещен с поста главы русской церкви и заменен митрополитом-греком Ефремом. Существует гипотеза, что после низложения Иларион удалился в Киево-Печерский монастырь. Иларион – автор Слова о законе и благодати – раннего памятника русского ораторского красноречия, в котором провозглашалось равноправие русской церкви и русского народа с остальным христианским миром (см. наст. изд., т. 1).

⁸¹³ - Сажень – русская мера длины, равная 2,13 м.

⁸¹⁴ - Святая София – Софийский собор в Киеве, памятник древнерусского зодчества, главное церковное и общественное здание Киевской Руси. Заложен при князе Ярославе Мудром и митрополите Феопемпте в 1037 году как митрополичья церковь. В Софийском кафедральном соборе осуществлялось посвящение в митрополиты.

⁸¹⁵ - Великий Антоний – христианский подвижник III–IV веков, основатель и идеолог отшельнической монашеской жизни. Прославился аскетическими подвигами, живя в гробнице, в пещере на берегу Нила, где общался с приходящими к нему через узкое отверстие в стене; в борьбе с искушениями дьявола изнемог так, что его приняли за мертвого. Известен как непримиримый противник арианства, еретического учения, по которому Христос – творение Бога, но не Бог. Культ Антония широко распространен в западной церкви, где в XI веке возник орден святого Антония. Житие Антония Великого, созданное около 365 года знаменитым греческим духовным писателем Афанасием Александрийским, – один из ранних переводных памятников агиографии, известный на Руси с XI века.

⁸¹⁶ - И постави им игумена именем Варлаама... – В Житии Феодосия Печерского Нестора говорится, что Варлаам был поставлен игуменом монастыря при Изяславе Ярославиче, то есть после 1054 года. Варлаам был сыном боярина Иоанка. В одно время с Варлаамом в монастыре был пострижен «каженик» (скопец) Ефрем, также знатного происхождения, близкий к князю Изяславу Ярославичу человек. Эти пострижения вызвали такое недовольство Изяслава, что Антоний с частью монахов был вынужден на время покинуть монастырь, а Никон, постригавший Варлаама и Ефрема, – бежать в Тмутаракань. При игумене Варлаама произошло примирение монастыря с князем Изяславом, который подарил землю для монастырского строительства, был возведен деревянный Успенский собор, построены хозяйственные службы и монастырская «ограда». В 1062 году Изяслав Ярославич основал Дмитровский монастырь и сделал его игуменом Варлаама (надеясь, что в делах религиозно-политического и

культурного развития Руси княжеский монастырь станет авторитетнее Киево-Печерского). В конце 60-х – начале 70-х годов Варлаам совершил два путешествия в Иерусалим и Константинополь. Возможно, что в первом «хождении по святым местам» его сопровождал «каженик» Ефрем, о котором известно как об ушедшем в Царьград после основания Никоном монастыря в Тмутаракани (1061–1068). Одна из главных задач путешествия Варлаама – изучение греческих монастырских уставов. Как игумен Дмитровского монастыря, где постригались богатые и знатные люди, он, видимо, был недоволен строгим Студийским уставом, предполагавшим общежительство, обязательный физический труд, отказ от личной собственности. На обратном пути из Константинополя в Святогорском монастыре близ Владимира Волынского Варлаам «впаде в недуг лют» и скончался. Это произошло после смерти Антония Печерского (1073 г.) и до кончины Феодосия Печерского (1074 г.): в завещании он не упоминает Антония, а привезенные из Константинополя церковную утварь, книги и иконы просит передать Феодосию. В XVII веке Варлаам был причислен к местночтимым киевским святым (1643), было создано его Житие, входящее в состав печатных редакций Киево-Печерского патерика.

⁸¹⁷ - ...монастырь Святого Дмитрея... – Дмитровский монастырь был основан князем Изяславом Ярославичем около 1062 года на Михайловой горе (см. выше). Видимо, в это же время Изяслав построил большой шестистолпный каменный храм Дмитрия Солунского, богато украшенный мозаиками, фресками, барельефами. Монастырь оставался в семье князя и после смерти Изяслава. В нем его старший сын Ярополк построил церковь Святого Петра (около 1087 года), а младший сын Святополк – Михайловский Златоверхий собор (заложен в 1108 году), который стал родовым у его потомков.

⁸¹⁸ - ...монастыря Студийского... – Имеется в виду Студийский монастырь в Константинополе. С 798 по 826 год настоятелем монастыря был Феодор Студит, идеолог монашества. Он составил монастырский устав (обязательный труд, отказ от личной собственности, общежительство),

принятый Киево-Печерским монастырем и ставший образцом для всех русских монастырей.

⁸¹⁹ - ...пришелъ из Грѣкъ с митрополитом Георгиемъ. – Георгий – грек по происхождению, киевский митрополит. По мнению историка церкви Макария Булгакова, занимал митрополичью кафедру в 1062–1077 годах; по предположению Филарета Гумилевского, – в 1065–1073 годах. Георгий был членом императорского сената и носил придворный титул синкелла. В 1073 году он был в Византии и при заложении Успенского собора Киево-Печерского монастыря его замещал юрьевский епископ Михаил.

⁸²⁰ - Се же написахъ и положих, иже в кое лѣто началъ быти монастырь... А о Феодосиевѣ житии паки скажем.– 7-е «слово» Патерика восходит к рассказу Повести временных лет под 1051 годом. 8-е «слово» – «Житие Феодосия Печерского» Нестора (т. 1 наст. изд.).

⁸²¹ - «С похвалами бывающиа памяти праведных възвеселятся людие»... – Ср. Пс. 67, 4; Притч. 29, 2.

⁸²² - «Праведник, аще умереть, – живъ будет, и душа праведных в руцѣ Божии суть».– Ср. Прем. 3, 1.

⁸²³ - «Се коль добро и что красно, еже быти братии вкупѣ».
– Ср. Пс. 132, 1.

⁸²⁴ - ...услыша било церковное заутрении... – Било – металлическая или деревянная доска, в которую ударяли для созыва братии.

⁸²⁵ - ...поимъ съ собою Климента, егоже постави игуменом в себѣ мѣсто. – Климент был игуменом Кловского Богородичного монастыря. Поставлен в игумены Стефаном в 1090 году, после того как он стал епископом во Владимире Волынском.

⁸²⁶ - ...епископи вси вкупѣ... Ефрѣмъ Переаславський, Стефанъ Владимерьський, Маринъ Юрьевський, Иоанъ Черниговський, Антоней Порьський. – Ефрем Переяславский – приближенный киевского князя Изяслава Ярославича, его домоправитель. В 1060/61 году постригся в Киево-Печерском монастыре и вызвал этим поступком гнев князя. По благословению Антония Печерского в начале 60-х годов Ефрем

отправился в Константинополь, где жил в одном из монастырей. Здесь он списал и, видимо, перевел Устав Студийского монастыря, который послал Феодосию Печерскому в Киев. На Русь вернулся, скорее всего, в начале 80-х годов и был рукоположен в митрополиты Переяславля (между 1073 и 1077 годами). При князе Всеволоде Ярославиче Переяславская митрополия была упразднена: в 1091 году Ефрем упоминается как епископ. По свидетельству В. Н. Татищева, в 1095 году Ефрем ездил в Константинополь; в 1096 году участвовал в поставлении новгородского епископа Никиты и в этом же году скончался. Владимиро-суздальский епископ Симон, один из авторов Патерика, называл Ефрема в числе самых знаменитых постриженников Киево-Печерского монастыря. При митрополите Петре Могиле Ефрем был причислен к местночтимым киевским святым, было создано Житие Ефрема, которое с XVII века входит в состав печатных редакций Патерика. Марин Юрьевский, другой участник перенесения мощей Феодосия Печерского, был поставлен в епископы в 1091 году киевским митрополитом Иоанном III. В 1093 году встречал в Киеве вступавшего на великокняжеский престол Святополка Изяславича. В 1095 году этот князь построил около Киева город Святополч (Витичев) и переселил туда юрьевского епископа вместе с другими юрьевцами. Антоний «Порьский» возглавлял юрьевскую епископскую кафедру в 1089 году, в 1090 году был перемещен в Белгородскую епархию. Носил титул Поросского, так как в его ведении находилась территория по реке Рось и ее притокам южнее Киева. О Стефане Владимирском см. коммент. (сноска 27). Об Иоанне Черниговском см. коммент. (сноска 33).

⁸²⁷ - ...Фектисть-игумень...— Феоктист был игуменом Киево-Печерского монастыря после Иоанна, по одним источникам с 1103 года, по другим с 1108 по 1112/1113 годы. По инициативе Феоктиста и при поддержке князя Святополка Изяславича имя Феодосия было внесено в Синодик и стало поминаться в службе по всем епархиям, что послужило началом церковного почитания святого. В 1108 году при игумене Феоктисте было завершено строительство монастырской трапезной. В 1113 году

он был рукоположен митрополитом Никифором I в епископы Черниговские. Умер Феоктист в 1123 году.

⁸²⁸ - ...нача понужати... князя Святоплѣка... – Святополк II Изяславич, сын Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, князь полоцкий (1069–1071), новгородский (1078–1088), туровский (1088–1093), великий киевский князь (1093–1113).

⁸²⁹ - Синодик – книга с перечнем имен умерших, поминаемых на литургиях и вселенских панихидах.

⁸³⁰ - ...в цѣломудрии живуща, по божественному Павлу, бракъ честенъ храняще. – В Послании к ефесянам апостола Павла (см. Еф. 5, 22–33).

⁸³¹ - «Сътворите себѣ другы от мамоны... примут вы в вѣчныя кровы». – Лк. 16,9.

⁸³² - «Приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу примить». – Мф. 10, 41.

⁸³³ - ...прииде к нѣму Георгий-князь... – Юрий Долгорукий.

⁸³⁴ - ...вдасть и гривну, юже ношаше сий... – Гривной называлась не только денежная единица, но и украшение, надевавшееся на шею, знак отличия.

⁸³⁵ - Егда бо приидохом на Изяслава Мстиславича с половци... – Имеется в виду поход на Киев Юрия Долгорукого в 1149 году. Изяслав Мстиславич, сын Мстислава Владимировича, внук Владимира Мономаха, занимал киевский великокняжеский стол с 1146 по 1149 год и с 1151 по 1154 год.

⁸³⁶ - ...правнуци его любовь имѣють къ Святому Дмитрею... – Предполагают, что под «святым Дмитрием» подразумевается церковь Святого Дмитрия, построенная в Суздале епископом Ефремом, постриженником Киево-Печерского монастыря. Дмитровская церковь и монастырь, возникшие в конце XI века, стали крупным культурным центром, где велось летописание. Историки называют Дмитровский монастырь в Суздале «северной Киево-Печерской лаврой». Из этого монастыря вышел ряд ростовских епископов.

⁸³⁷ - Похваляему праведнику възвеселятся людие. – Ср. Пс. 67, 4; Притч. 29, 2.

⁸³⁸ - ...видѣхомъ свѣтъ вѣры апостоломъ нашимъ... княземъ Владимиромъ... – Князь Владимир I Святославич, внук княгини Ольги, за введение христианства на Руси как государственной религии (988) был причислен русской православной церковью к лику святых и наречен «равноапостольным».

⁸³⁹ - «Аще кто остави отца и мать... примет мзду и въ будущий вѣкъ царство небесно». – Ср. Мф. 10, 37; Лк. 18, 29–30; Мр. 10, 29–30.

⁸⁴⁰ - «Аще зерно пшенично впадет в землю... умереть, то много плод сотворит». – Ср. Мр. 4, 20; Мф. 13, 23; Лк. 8, 15.

⁸⁴¹ - ...умножи талантъ, данный ему от Бога... – Ср. Мф. 25, 20, 22, 29.

⁸⁴² - «Благый рабе, вѣрный, в мале бѣвѣренъ, над многими ты поставлю». – Мф. 25, 21.

⁸⁴³ - «Мнози будут послѣднии прѣвии и прѣвии послѣднии». – Мф. 19, 30; 20, 16.

⁸⁴⁴ - ...по апостолу, – «задняя забывает, на прѣдняя простирается». – Фил. 3, 13.

⁸⁴⁵ - ...и бысть, по Иеву рещи – «око слепым и нога хромым». – Иов 29, 15.

⁸⁴⁶ - «Друг другу тяготы носите, и тако скончаете закон Христовъ». – Гал. 6, 2.

⁸⁴⁷ - ...яко Моисий съ горы Синайския, душею сияа паче лица Моисиееа... – В библейских рассказах сообщается, что когда Моисей после беседы с Богом на Синайской горе сошел вниз, лицо его было озарено сиянием (см. Исход. 34, 29–30).

⁸⁴⁸ - ...иже десять талантъ примъ и тысящу ими приобрѣте! – Феодосий Печерский сравнивается с «добрым и верным рабом» евангельской притчи, который, получив от господина серебро, не зарыл его в землю, а приумножил богатство, употребив таланты (денежная единица у древних евреев) в дело. Ср. Мф. 25, 14–30; Лк. 19, 11–27.

⁸⁴⁹ - Радуйся, столпе огненный, свѣтлѣе паче при Моисии бывшаго... и амалика мысленаго лучами духа устраши... – В библейском рассказе об «исходе» евреев из Египта говорится, что идущим по пустыне в «обетованную землю» евреям путь

указывал сам Бог, который шел впереди их «днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном». Во время шествия по пустыне произошло сражение евреев с племенами амалекитян, окончившееся, благодаря божественной помощи, поражением последних (см. Исход 17, 8–16).

⁸⁵⁰ - «Въруай в мя – реки истекуть исъ чрева его воды живы». – Иоан. 7, 38.

⁸⁵¹ - Егда умножишася грѣси наша... – Вероятнее всего, имеется в виду монголо-татарское нашествие на Русь. Киев был захвачен и разрушен монголо-татарами в 1240 году.

⁸⁵² - Слово 12. – См. летописную статью 1074 года в Повести временных лет.

⁸⁵³ - ...Нифонтъ, бывшу епископу Новагорода... – Известно, что Нифонт принял постриг в Киево-Печерском монастыре при игумене Тимофее (1124–1131). В 1130 году он был посвящен в новгородские епископы киевским митрополитом Михаилом. Выполнял миссию посредника в примирении киевлян с черниговцами (1135), новгородцев с суздальцами (1148). Когда в 1136 году из Новгорода был изгнан князь Всеволод Мстиславич, епископ стал главой исполнительной власти в республике. В 1140 году ездил «по князи» в Киев; в 1154 году ему удалось «ввести» на новгородское княжение сына Юрия Долгорукого Мстислава. Нифонт отказался признать законными выборы на соборе русских епископов митрополита Климента (1147), за что был заточен в Печерском монастыре князем Изяславом Мстиславичем (1149). За провизантийскую политику Нифонт заслужил благодарственную грамоту константинопольского патриарха Николая IV Музалона, а также титул архиепископа, что освобождало от прямого подчинения киевской митрополии. Во время епископства Нифонта в Новгороде были построены церкви Успения на Торговище (1135/36), Климента на Ладоге (1153), Саввы Освященного на Савиной улице и Спасский собор в Пскове (1154). Ему приписывается основание Спасо-Мирожского монастыря. Как новгородский епископ Нифонт был связан с Антонием Римлянином и летописцем Германом Воятой. В 1155–1156 годах Нифонт находился в Киеве, куда прибыл для встречи возвращавшегося из Константинополя

нового митрополита Константина, здесь он заболел и умер. В Ипатьевской летописи дана высокая оценка религиозно-политической деятельности Нифонта, он назван «поборником всей Русской земли». Летописная заметка о видении и смерти новгородского архиепископа Нифонта, читающаяся в Ипатьевской летописи под 1156 годом, была включена в Киево-Печерский патерик редактором Кассианом в 1460 году, так как, по монастырскому преданию, Нифонт был собирателем сведений по истории лавры, а возможно, и составителем рассказов о печерских святых. В Кассиановской второй редакции патерика (1462 г.) «слово» о Нифонте Новгородском помещено не в конце памятника, а между летописным сказанием о печерских первоподвижниках и посланием Симона; в нем изменен порядок следования частей: сначала сообщается о прибытии Нифонта в Киев для встречи нового митрополита и о вражде его с Климентом (Климом), затем о видении и смерти. По мнению А. А. Шахматова, «слово» о Нифонте в его древнейшей редакции было взято Кассианом из Печерской летописи, однако эту перестановку можно объяснить и действием хронологического принципа расположения материала в Патерике 1462 года. Похороненный в Киево-Печерской лавре, Нифонт был канонизирован как общерусский святой на церковном соборе 1549 года. В печатных редакциях Патерика XVII века есть Житие Нифонта Новгородского, составленное на основе летописных известий; оно помещено среди произведений, написанных владимиристо-суздальским епископом Симоном.

⁸⁵⁴ - ...в Русию идет Константин-митрополит...— Константин I был рукоположен в киевские митрополиты в 1155 году в Константинополе как опытный богослов, знакомый с положением дел в русской церкви. Патриархия была обеспокоена возможностью раскола русской церкви, где часть епископов признала законность поставления митрополита из русских без санкции Константинополя, часть выступила против решения собора 1147 года. Прибыв в Киев в 1156 году, Константин начал борьбу со сторонниками Климента Смолятича, его предшественника на митрополии, однако ему не

удалось подчинить своей власти все русские епископии. Когда Киев захватил сын князя Изяслава Мстиславича, покровителя Климента, Константину пришлось бежать в Чернигов (1158). Чтобы не допустить раскола церкви, русские князья заключили соглашение, по которому ни Климент, ни Константин не признавались митрополитами, и просили Константинополь о назначении нового главы русской церкви. Вскоре после этого решения Константин умер в Чернигове(1159).

⁸⁵⁵ - ...любовъ же имаѣста съ княземъ Святославомъ съ Олговичем... – Святослав Ольгович был новгородским князем с 1135 по 1138 и с 1139 по 1141 годы, принимал активное участие в борьбе с Изяславом Мстиславичем на стороне Юрия Долгорукого, с 1154 по 1164 год – князь Черниговский.

⁸⁵⁶ - ...Свѣтлыа недѣли. – Пасхальная неделя.

⁸⁵⁷ - Послание... епископа Симона Владимерьскаго и Суздальскаго к Поликарпу, черноризцю печерьскому. – Симон (около 1166–1226) был монахом Киево-Печерского монастыря, позднее игуменом Рождественского монастыря во Владимире и духовником великой княгини, супруги Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо). В 1214 году он стал владими́ро-суздальским епископом. Во время княжеских усобиц, когда после поражения в Липицкой битве (1216) князь Юрий Всеволодович был вынужден уступить владимирский стол старшему брату Константину, Симон последовал за княжеской семьей в городец Радилов, оставив епископию. В 1217 году он сопровождал Юрия Всеволодовича в его поездке во Владимир для примирения с Константином, а затем переехал вместе с княжеским двором в Суздаль, доставшийся Юрию в удел. Симон возвратился на епископию только после смерти Константина (1218) и утверждения на владимирском столе Юрия Всеволодовича. Церковно-политическая и литературная деятельность Симона была направлена на укрепление позиций Владимиро-Суздальского княжества в государственной и культурной жизни страны, на «освящение» власти представителей рода Мономаховичей. Симон был человеком «учительным», книжным. Он создал ряд произведений, легших в основу Киево-Печерского патерика: Слово о создании церкви Печерской,

Послание Симона к Поликарпу и рассказы о печерских подвижниках Онисифоре, Евстратии, Никоне, Кукше и Пимене, Афанасии, Святоше, Еразме, Арефе, Тите и Евагрии. Анализ исторических реалий позволяет определить время создания этих произведений – 1222–1226 годы, что делает несостоятельную попытку отождествить автора Патерика с Симоном, получившим сан епископа в 1160 году и умершим в 1172 году. Поводом для создания Послания Симона к Поликарпу послужило не дошедшее до нас письмо печерского монаха с жалобами на жизнь в монастыре. Известно, что Поликарп одно время игуменствовал в Козмодемьянском монастыре, скорее всего, не в Киеве, а в Суздале, хотел «игуменити у Святаго Дмитриа» и мечтал о епископской кафедре, поддерживаемый княгиней Верхуславой, вдовой князя Ростислава Рюриковича, и ее братом – князем Юрием Всеволодовичем. Видимо, с просьбой о содействии в поставлении на епископию Поликарп обратился и к Симону. Имея власть над Поликарпом как старший в роде, или духовный учитель, или церковный иерарх, Симон в послании к Поликарпу осуждает его желание чести и славы, призывает к смирению. Из текста послания известно, что Поликарп встречался с Симоном и от него слышал рассказы о святых Киево-Печерского монастыря. Он продолжил труд Симона по созданию Патерика, написав послание к печерскому архимандриту Акиндину и рассказы о Никите, Лаврентии, Агапите, Григории, Иоанне, Моисее Угрине, Прохоре, Марке, Феодоре и Василии, Спиридоне и Алимпии, Пимене. Вопрос о датировке сочинений Поликарпа относится к числу дискуссионных: они могли быть написаны либо в период с 1214 по 1226 год, во время епископства Симона, либо в конце первой трети XIII века. В связи с канонизацией святых Киево-Печерского монастыря в XVII веке создаются жития Симона и Поликарпа, которые читаются в издании Патерика 1661 года; здесь Поликарп назван родственником Симона и отождествлен с печерским архимандритом Поликарпом (1164/65–1182/83).

⁸⁵⁸ - ...Псалтырь чтеши или обанадесять псалма поеши... – Псалтирь – одна из книг Ветхого завета, относящаяся к разряду

учительных. Состоит из 150 (151 – в греческой и славянской Библии) псалмов, песен, восхваляющих Бога, авторство которых приписывается израильско-иудейскому царю Давиду (конец XI века – около 950 года до н. э.). Свое название книга получила от струнного музыкального инструмента, аккомпанируя на котором, Давид пел свои песни.

⁸⁵⁹ - ...апостоль Петръ... не от церъки ли бывающиа молитвы избавиша его от руку Иродову? – См. коммент. к словам «и на семь камени съгради Господь церковь сию» (сноска 23). В Деяниях апостолов рассказывается, что Ирод заключил Петра в темницу под крепкую стражу. «Церковь, – говорится здесь, – прилежно молилась о нем Богу». Ночью к Петру явился ангел и вывел его из темницы. Ср. Деян. 12, 3–11.

⁸⁶⁰ - «Единою прошу у Господа... да зру красоту Господню и пощщаю церковь святу его». – Пс. 26, 4.

⁸⁶¹ - «Дом мой – дом молитвы наречется». – Мф. 21, 13.

⁸⁶² - «Идѣже бо... два или трие събрании въ имя мое, ту есмь посреди ихъ». – Мф. 18, 20.

⁸⁶³ - ...якоже въ Отечъницѣ писано. – В данном случае имеется в виду эпизод, сюжет которого изложен Симоном, из так называемого Скитского патерика (сборника изречений и повестей из жизни восточных монахов IV–V веков), известного на Руси с XI века.

⁸⁶⁴ - «Аще убо ясте и пиете – все въ славу Божию творите». – Ср. 1Кор. 10, 31.

⁸⁶⁵ - Ты ли еси болши Давида-царя, емуже Семей досаждаше в лице? – Имеется в виду эпизод из Второй Книги Царств (16, 9–12) Библии. Когда Давид с народом и воинами уходил из Иерусалима, захваченного его сыном Авессаломом, то Семей из рода Саула насмеялся над Давидом и его спутниками. Один из слуг Давида, Авесса, сын Саруин, хотел убить Семей, но Давид остановил его, сказав: «Пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида».

⁸⁶⁶ - ...како Господь нашъ смири себѣ... и о распинающих. его моляшеся. – Ср. Фил. 2, 8; 1Петр 2, 23; Иоан. 10, 20.

⁸⁶⁷ - «Молите бо... за врагы ваша... и благословите кленущаа вы». – Ср. Мф. 5, 44.

⁸⁶⁸ - ...низверъже тя, якоже прежде Сатану съ отступными силами... – Ср. Апок. 12, 9.

⁸⁶⁹ - ...архимандриту Акиндину Печерьскому. – Современником Симона и Поликарпа, авторов Патерика, был архимандрит Киево-Печерского монастыря Акиндин (1224–1231). Его, начиная с печатных редакций Патерика XVII века, часто отождествляют с другим Акиндином, который с 1156 года был игуменом Печерского монастыря, в 1159 году возведен в сан архимандрита и скончался в 1164 году.

⁸⁷⁰ - ...море есть и не дрѣжит в собѣ гнилого ничегоже, но измѣщеть вонь. – Ср. Ис. 57, 20; Мф. 13, 48.

⁸⁷¹ - «Благо мнѣ, яко смирил мя еси, да научюся оправданиемъ твоимъ». – Пс. 118, 71.

⁸⁷² - «Никтоже възметъ чести о собѣ, но званный от Бога». – Евр. 5, 4.

⁸⁷³ - ...хуждыши есмъ иконома... – Эконом – монах, ведающий хозяйством монастыря.

⁸⁷⁴ - ...княгини Ростиславляя, Врѣхуславля... – Верхуслава-Анастасия, дочь князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо), жена князя Ростислава Рюриковича (сын великого князя киевского Рюрика Ростиславича), умершего в 1218 году.

⁸⁷⁵ - ...епискупом или Новугороду, на Онтониево мѣсто, или Смоленьску, на Лазарево мѣсто, или Юрьеву, на Олексѣево мѣсто. – В перечне возможных для Поликарпа поставлений на епископию упоминается Алексей Юрьевский, известный как епископ до 1225 года, а также Лазарь Смоленский, который был поставлен в епископы после 1205 года и умер до 1226. Самый известный в перечне – Антоний Новгородский (в миру Добрыня Ядрейкович). По мнению В. О. Ключевского, он был сыном новгородского воеводы Ядрея, погибшего в 1193 году. Между 1200 и 1204 годами Добрыня совершил путешествие в Константинополь и в Книге Паломник описал достопримечательности этого города до его разгрома крестоносцами. После возвращения из путешествия Добрыня

принял постриг в Хутынском монастыре. Был сторонником анτισуздальской боярской партии, которая в 1210 году пригласила на княжение в Новгород черниговского князя Мстислава Мстиславича Удалого и, отправив «на поточение» в Торопец новгородского архиепископа Митрофана, поставила на его место Антония. Около 1220 года, в связи с победой суздальской партии в Новгороде, он был вынужден оставить архиепископскую кафедру и до 1225 года был епископом в Перемышле. Когда на новгородское княжение был приглашен черниговский князь Михаил Всеволодович, Антоний возвращается на кафедру в Новгород, но вскоре заболевает, теряет дар речи и уходит в Хутынский монастырь, где умирает в 1232 году. В XVII веке причислен к лику святых.

⁸⁷⁶ - ...послушай Павла, глаголюща к Тимофѣю... – Имеется в виду Первое Послание апостола Павла к Тимофею (3-я глава Послания, в которой говорится о том, каким должен быть епископ).

⁸⁷⁷ - ...якоже князь Георгий хотѣлъ... – Юрий Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо), великий князь владимирский с 1212 по 1238 год (погиб в битве с монголо-татарами на реке Сити).

⁸⁷⁸ - ...Леонтий, епископъ Ростовъскый... – Леонтий был епископом Ростова с середины до 70-х годов XI века. О том, что он был мучеником за веру, сообщается только в послании Симона. В Житии Леонтия Ростовского, древнем (60-е годы XII века) и популярном памятнике древнерусской агиографии, известном в 12 редакциях и более 200 списках, говорится, что он, крестив ростовцев, «с миром к Господу отиде».

⁸⁷⁹ - ...съ онема варягома вѣнчася от Христа... – Имеется в виду рассказ Повести временных лет под 983 годом: киевляне, еще язычники, по выпавшему жребию собирались принести своим богам в жертву юношу-варяга, исповедовавшего с отцом христианство. Отец отказался выдать сына, обличая языческих богов и проповедуя христианство. Оба были убиты.

⁸⁸⁰ - ...Николае и Ефреъмъ – Переяславлю, Исайа – Ростову... Лука – Белуграду, Ефрѣмъ – Суждалю. – Среди

знаменитых постриженников Киево-Печерского монастыря Симон называет Николая Переяславского (1070-е – 1080-е годы), Германа Новгородского (1078–1096), Мину Полоцкого (1105–1116), Лаврентия Туровского (1182). О Исае Ростовском и Луке Белгородском см. сноску 33. О Стефане Владимирском см. сноску 27. О Ефреме Переяславском, Марине Юрьевском см. сноску 60. О Феоктисте Черниговском см. сноску 61.

⁸⁸¹ - ...почти Лѣтописца старого Ростовскаго... – По предположению И. П. Еремина, Симон имеет в виду один из не дошедших до нас изводов Повести временных лет, составленный в Ростове и дополненный местными известиями (см. Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., 1957, с. 322).

⁸⁸² - ...сия съборныа церьки... юже сам създахъ? – Речь идет о соборе Рождества Богородицы в Суздале, построенном в 1222–1225 годах князем Юрием Всеволодовичем и освященном Симоном. О «соборной церкви, красе Владимира», участие в создании которой принимал епископ Симон, не существует единого мнения. Это может быть Успенский собор, построенный князем Андреем Боголюбским в 1158–1161 годах и перестраивавшийся после пожара в 1185–1189 годах, но, скорее всего, Симон имел в виду центральный собор Рождественского монастыря, который он освящал. Эта фраза в Патерике позволяет датировать послание Симона: оно могло быть написано в период с 1225 по 1226 год, когда умер епископ.

⁸⁸³ - Десятина – сбор в пользу церкви в Древней Руси, составлявший десятую часть княжеских доходов.

⁸⁸⁴ - Сказание Симона... что ради имѣти тѣшение и любовь къ... Антонию и Феодосию Печерским. – Заглавие имеет общий характер и, скорее всего, относится ко всему циклу рассказов Симона о печерских святых. В редакциях Патерика до 1460–1462 годов это «слово» называлось иначе, например, «О лживом мнихе», «Об Онисифоре».

⁸⁸⁵ - ...при игуменьствѣ Пиминовѣ... – Пимен был игуменом Киево-Печерского монастыря после Тимофея, предположительно с 1132 по 1141 год.

⁸⁸⁶ - «Азъ есмь рекий Аврааму: двадесяти ради праведникъ не погублю града сего...» – Имеется в виду библейский эпизод (см. Быт. 18, 23–33). Бог говорит Аврааму, что хочет уничтожить за грехи людей город Содом. Авраам спрашивает у Бога, неужели он погубит с грешниками и праведных людей, если их будет пятьдесят? Бог отвечает, что если в Содоме окажется пятьдесят праведников, то он пощадит весь город. Тогда Авраам начинает называть все меньшие и меньшие цифры праведников: сорок пять, сорок, тридцать, двадцать, десять. Сказав, что он пощадит город, если в нем будет хотя бы десять праведников, Бог замолчал и ушел.

⁸⁸⁷ - Бѣ бо сий Еустратіе плененъ безбожными агаряны... – «Агарянами» в Древней Руси называли кочевников Востока, считая, что они происходят от Авраама и его наложницы-египтянки Агари.

⁸⁸⁸ - «Проклят всякъ, висяй на древѣ». – Ср. Вт. 21, 23.

⁸⁸⁹ - И речет ми, яко и разбойнику: «Днесъ съ мною будеши в раи». – В Евангелии от Луки рассказывается, что один из разбойников, рядом с которыми был распят Христос, издевался над Христом и говорил ему: «Если ты Христос, спаси себя и нас». Другой же укорял первого разбойника за эти слова и просил у Христа благословения. Второму разбойнику Христос предсказал: «Ныне же будешь со мною в раю» (см. Лк. 23:43).

⁸⁹⁰ - «Узрите живот вашъ, висящъ прямо очима вашима...» – Ср. Вт. 28, 66.

⁸⁹¹ - «Пригвоздиша руцѣ мои... и о матизмѣ моей меташа жребиа». – Ср. Пс. 21, 17 и 19.

⁸⁹² - «Сий день, иже сътвори Господь! Възрадуемся и възвеселимся и во ны!» – Пс. 117, 24.

⁸⁹³ - ...яко субот ваших ненавидеть Господь и преложи праздники ваша в сѣтование... – Ср. Ис. 1, 14; Ам. 8, 10.

⁸⁹⁴ - ...протостраторъ... – первоподвижник.

⁸⁹⁵ - ...сътвори его епарха. – Епарх – правитель области, города, наместник.

⁸⁹⁶ - Корсунъ – древнерусское название греческой колонии в Крыму Херсонеса (в настоящее время западная окраина

Севастополя).

⁸⁹⁷ - «Обрати бо ся болѣзнь того на главу его, на врѣхъ того неправда его снидет». – Пс. 7, 17.

⁸⁹⁸ - «Възми, възми, распни его, кровь его на нас и на чадѣх нашихъ!» – Ср. Лк. 23, 21; Мф. 27, 25.

⁸⁹⁹ - ...егда начаше кенаникъ пѣти. – Кенаник (причастен) – стих, который поется на литургии во время причащения священнослужителей.

⁹⁰⁰ - «Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ... и прославят Отца вашего, иже есть на небесѣхъ». – Мф. 5, 16.

⁹⁰¹ - «Изыди съати сѣмени своего, ово паде при пути, и другое паде в тернии»... – Имеется в виду евангельская притча о сеятеле. Ср. Лк. 8, 5 и 7.

⁹⁰² - «Одебелѣ сердце людей сих, ушима тяжело слышаше... Господи, кто вѣрова слуху нашему?» – Ис. 6, 10 и 53, 1.

⁹⁰³ - О преподобнем князи Святоши Черниговском. – Святослав Давыдович Черниговский (ок. 1080–1142) – сын черниговского князя Давыда Святославича, внук Святослава Ярославича, правнук Ярослава Мудрого. В 1098 году, после разрыва Любечского мирного договора, принимал участие в битве на Рожне поле в составе дружин Святополка Изяславича Киевского против войск Владимира Мономаха и Василька Теребовльского. После поражения бежал вместе со Святополком во Владимир Волынский, а оттуда – в Луцк, куда прибыли послы князя Давыда Игоревича, осадившего Владимир, с просьбой не принимать участия в междоусобице. Святослав дал княжеское слово, целовал крест, но нарушил договор, напал на Давыда и разгромил его войска под Владимиром. Давыд, используя военную помощь половецкого хана Боняка, осадил Святослава в Луцке и принудил к сдаче города, после чего Святослав был помилован и отпущен к отцу в Чернигов. 17 февраля 1106 года, оставив черниговское княжение, дом и семью, Святослав постригся в Киево-Печерском монастыре под именем Николая. Стал одним из самых авторитетных печерских монахов. Известно, что в 1141 году Святоша участвовал в переговорах между Ольговичами и

Мономаховичами по поводу спорных владений. Канонизация его как местночтимого святого относится к 1643 году, как общерусского – к 1762 году.

⁹⁰⁴ - ...и пришедъ въ Печерський монастырь, и бысть мних, в лѣто 6614, февраля 17. – В одном из сборников кирилло-белозерского книгописца Ефросина, где Святослав ошибочно назван «сыном Мстислава, внуком Юрия Черниговского», содержится неизвестная редакция сцены отречения князя от мирской жизни. Святослав Давыдович обращается к боярам с речью о «суете света», его невидимо постригают в монахи «Спас со ангелы». См. Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. – ТОДРЛ, т. 35, Л., 1980, с. 125.

⁹⁰⁵ - ...брата его Изяславъ и Владимиръ... – Владимир Давыдович княжил в Чернигове с 1139 по 1151 год. Был убит в битве на реке Руте, выступая на стороне Юрия Долгорукого, когда произошло столкновение Юрия с Изяславом Мстиславичем за киевское княжение. Изяслав Давыдович занял черниговский стол в 1151 году, после смерти Владимира. В 1154 году сел на киевский стол, в 1155 году уступил его Юрию Долгорукому. В 1157 году, после смерти Юрия Долгорукого, вновь стал киевским князем. В 1161/62 году был убит в междоусобной войне за Киев с Ростиславом Мстиславичем (сын Мстислава Владимировича, князь смоленский, затем киевский, до 1169 года). По свидетельству Симона, братья были недовольны пострижением Святослава в Киево-Печерском монастыре, тем, что, став монахом, он выполнял тяжелую и грязную работу: служил истопником в монастырской поварне, был привратником, работал в трапезной, строил келью и сажал сад. После смерти Святоши его вещи, обладавшие, по монастырскому преданию, чудотворной силой, были переданы Изяславу Давыдовичу.

⁹⁰⁶ - ...сего пути въждельъ, развѣ Варлаама, игумена бывшаго здѣ? – См. сноску 50.

⁹⁰⁷ - Силѣ бо... в немощи подобно съврѣшится. – Ср. 2Кор. 12, 9.

⁹⁰⁸ - Не суть бо страсти нынѣшнего времени точнии будущей славы, хотящей явитися в нас. – Ср. Рим. 8, 18.

⁹⁰⁹ - ...на сметищи седѣти – съ Иевомъ ся творя царствие. – Иов – библейский персонаж, являющийся примером терпения и преданности Богу в постигших его несчастиях, в конечном счете был возвышен и вознагражден за все свои страдания. Пораженный проказой, «взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел» (см. Иов. 2, 4–8).

⁹¹⁰ - ...якоже древле Илиа Елисеѡви милоть... – Милоть – плащ из овечьей шкуры, овчина. Елисей – пророк, сподвижник пророка Илии. Когда Илиа был вознесен в огненной колеснице на небо, его милоть упала к ногам Елисея как знак духовной преемственности Елисеем земной миссии Илии (см. 4Цар. 2, 1 – 15).

⁹¹¹ - Въсть же и звѣрь по возшествии солнца събратися, на ложих своихъ да лягутъ... и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положить птенца своа... – Ср. Пс. 103, 22 и 83, 4.

⁹¹² - ...прося собѣ на благословение креста, иже у паремантии его... – Парамандия (параманд) – четырехугольный плат с изображением креста и других знаков страдания Христа, носимый монахами на груди и плечах.

⁹¹³ - ...дать же игумень власяницу... – Власяница – одежда из грубой шерстяной ткани или необработанного волоса, надеваемая на тело для «усмирения плоти».

⁹¹⁴ - ...и тако убиень бысть в рати... – См. сноску 139.

⁹¹⁵ - ...что пишет блаженный Иоанъ, иже в Лѣствици: «Жидовинъ жадаеть брашна, да празнуеть по закону». – Иоанн Лествичник, синайский подвижник VI века, автора книги, в которой представлено тридцать ступеней (отсюда ее название «Лествица», т. е. лестница) духовного восхождения к совершенству (см. Лествица 14:7).

⁹¹⁶ - ...блаженного Евагрия... – Евагрий Понтийский (конец IV – начало V века), сын священника в Иборе, был посвящен в диаконы Григорием Богословом в Константинополе и стал его учеником. Жил в Иерусалиме и Нитрийской пустыне. Известен как автор ряда сочинений о монашестве.

⁹¹⁷ - ...азъ тя прославию въ царствии Сына своего, убогъа бо всегда имате съ собою. – Мф. 26, 11.

⁹¹⁸ - ...великий аггельский образъ... – высшая ступень монашества, великая схима.

⁹¹⁹ - Ему же възревнова юноша, и мало своего злата приложивъ, наслѣдникъ бысть всему имѣнию его. – Имеется в виду 281-е «слово» Синайского патерика: юноша, подмастерье золотых дел мастера, делая по заказу богача-вельможи золотой крест для церкви, добавил из благочестивых побуждений к данному заказчиком золоту немного собственного золота, скрыв это. Когда открылась истина, вельможа усыновил юношу и сделал его своим наследником.

⁹²⁰ - «Приложу на всяку похвалу твою»... – Пс. 70, 14.

⁹²¹ - «Прославляющаа мя прославию». – 1Цар. 2, 30.

⁹²² - «Обещайтесь бо... Господеви – въздатите». – Ср. Пс. 75, 12.

⁹²³ - «Уне бо есть не обещатися, нежели обещавшуся, не въздати». – Ек. 5, 4.

⁹²⁴ - ...и съ Иовомъ рци: «Господь дасть, Господь взять». – Иов. 1, 21.

⁹²⁵ - ...никогдаже подаде ни единого цаты... – Цата – мелкая монета.

⁹²⁶ - «Възверзи на Господа печаль свою, и тъй ты препитаешь». – Пс. 54, 23.

⁹²⁷ - «Аще бы еси благодарилъ Бога о сем, и се бы ти вменилося, якоже Иову». – В Книге Иова, входящей в состав учительной части Ветхого завета, рассказывается, как Бог, испытывая веру и терпение Иова, насылал на него и его семью беды и болезни. За все выпавшие на его долю страдания Иов благодарил Господа, за что Бог вернул ему благосостояние, даровал многочисленное семейство, покой и здоровье (см. Иов 42, 10–17).

⁹²⁸ - «Господь дасть, Господь взять... Буди имя Господне благословено въвѣки!» – Ср. Иов. 1, 21.

⁹²⁹ - ...старецъ, иже въ Патерицѣ молился Богови, да приидут на нь разбойници... и вся суцаа в руцѣ их предасть. –

Имеется в виду 294-е «слово» Синайского патерика: старец, к которому в келью пришли разбойники и все забрали, отдал им и не замеченную ими вещь. Другой старец, услышав об этом, стал молить Бога, чтобы и к нему пришли разбойники. Его молитва была услышана, и он с радостью отдал все имеющееся у него пришедшим грабителям.

⁹³⁰ - ...якоже Афонасей Затворникъ сведѣтельствова. – См. 19-е «слово» Киево-Печерского патерика.

⁹³¹ - ...диаволъ, иже всегда рыкаетъ, яко левъ, ища кого поглотити... – Ср. 1Петр 5, 8.

⁹³² - ...убояхомся Бога, рѣкшаго: «Оставьте – оставятся вам». – Ср. Лк. 6, 37–38; Мф. 7, 1.

⁹³³ - «Всякъ, гнѣваяся на брата своего без ума, повинень есть суду». – Мф. 5, 22.

⁹³⁴ - Ефрѣм – Ефрем Сирин – церковный писатель IV века, автор толкований Священного писания, песнопений и статей, обличающих ереси.

⁹³⁵ - «Да не зайдет солнцѣ въ гневѣ вашем». – Ср. Еф. 4, 26.

⁹³⁶ - О Никитѣ затворници, иже по семъ бысть епископъ Новуграду. – Никита был монахом Киево-Печерского монастыря. В 1096 году он был возведен киевским митрополитом Николаем в сан епископа Новгородского. Никите приписывается чудесное спасение Новгорода от засухи и пожара в 1098 году. Он благословил Антония Римлянина на создание в Новгороде Антониева монастыря. Скончался в 1108 году, причислен к лику местночтимых новгородских святых.

⁹³⁷ - «...да не възнесься, низъпадеша». – Ср. Сирах. 1, 30.

⁹³⁸ - «Днѣсь убиень бысть Глѣбъ Святославичъ в Заволочии...» – Глеб Святославич, сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, княжил сначала в Тмутаракани, а потом в Новгороде. Убит в 1078 году. Заволочье – новгородская область (Двинская земля).

⁹³⁹ - «...посли сына своего Святоплѣка на столъ Новугороду». – Святополк II Изяславич, сын Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, князь полоцкий (1069–

1071), новгородский (1078–1088), туровский (1088–1093), великий киевский князь (1093–1113).

⁹⁴⁰ - ...Бытие, Исход, Левгиты, Числа, Судии, Царства и вся Пророчества по чину... – Ветхозаветные книги Бытие, Исход, Левит, Числа приписываются пророку Моисею. В них рассказывается о сотворении мира и излагается библейская история от Адама до основания Израильского царства и вавилонского плена. Под «Пророчествами» подразумеваются книги больших пророков – Исайи, Иеремии, Иезекииля, Даниила, и малых – Осии, Иоиля, Амоса, Аввакума, Софония, Аггея, Захарии, Малахии.

⁹⁴¹ - ...съ святыми чтут его, святого и блаженнаго Никиту. – Точное время канонизации Никиты Новгородского неизвестно. Существует предположение, что это произошло до макарьевских соборов 1547 и 1549 годов. Мощи Никиты были открыты в 1558 году и положены в новгородском Софийском соборе.

⁹⁴² - ...Лаврѣнтѣй... въсхоте в затвор внити. Сему же святити отци отнудъ же не повелѣша сего сътворити. – Из рассказа Патерика о Лаврентии, а также из «слов» об Исакии и Никите, видно, что в игуменство Феодосия и Никона затворничество и юродство в монастыре не поощрялись. Лаврентий «вошел в затвор» в княжеском Дмитровском монастыре, который соперничал с Киево-Печерским.

⁹⁴³ - ...иже прѣвый бысть у князя Всеволода... – Имеется в виду Всеволод Ярославич. Еще при жизни Ярослав Мудрый дал «ряд» на княжение своим сыновьям: старший, Изяслав, получал Киев, Святослав – Чернигов, Всеволод – Переяславль-Южный, Ростов, Суздаль и Белоозеро. После смерти отца эти три князя заключили союз и совместно вели военные действия против внешних врагов, согласовывали свою внутреннюю политику. В 1068 году они выступили против половцев и в битве на реке Альте (приток реки Трубеж на юго-восток от Киева) потерпели поражение. Это вызвало восстание киевлян, потребовавших дать им оружие, чтобы продолжить борьбу с половцами. Изяслав на это не решился и был изгнан киевлянами, посадившими на княжеский стол Всеслава Полоцкого, который

находился в это время в заточении в Киеве, плененный в междоусобной распре Ярославичами. Изяслав бежал в Польшу, откуда вернулся в 1069 году и снова занял киевский стол. В 1073 году триумвират Ярославичей распался. Святослав в союзе с Всеволодом изгнал из Киева Изяслава, который бежал в Польшу. На киевский стол сел Святослав Ярославич. После смерти Святослава (1077) киевский стол получил Всеволод Ярославич, но он добровольно уступил его Изяславу, а сам сел в Чернигове. После гибели Изяслава в междоусобной войне (1078) Всеволод Ярославич занял киевский стол и княжил до 1093 года.

⁹⁴⁴ - «Иже аще и смертно что испиють... здрави будутъ». – Мр. 16, 18.

⁹⁴⁵ - ...разболѣвся князь Владимиръ Всеволодовичъ Мономах... – В описываемый Поликарпом период Владимир Мономах княжил в Чернигове (1076–1077, 1078–1094).

⁹⁴⁶ - ...посылаетъ молбу къ Ивану, игумену Печерьскому... – Иоанн был игуменом Киево-Печерского монастыря с 1088/89 года, после смерти Никона. Подробнее см. сноску 30.

⁹⁴⁷ - «Никоторый же пророкъ приятень есть въ отечествии своемъ». – Лк. 4, 24.

⁹⁴⁸ - Се же речеся въ 15 лѣто твоего игуменства, еже не бысть помяновения 100 и 60 лѣт... – На основании этого свидетельства (в сопоставлении с предшествующим сообщением, в Повести временных лет под 1074 годом, что жития первоподвижников Печерского монастыря «Нестеръ въ Лѣтописци написа», – и началом игуменства Акиндина – 1224 год) ряд исследователей Патерика датирует сочинения Поликарпа 1234–1239 годами.

⁹⁴⁹ - ...«радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшници кающемся»... – Ср. Лк. 15, 10.

⁹⁵⁰ - «Не съкрывайте себѣ съкровища на земли, идѣже татие подкопываютъ и крадутъ... Идеже бо... съкровище ваше, ту и сердца ваша». – Ср. Мф. 6, 19–21; Лк. 12, 34.

⁹⁵¹ - «Богъ бо непоругаемъ бываетъ...» – Гал. 6, 7.

⁹⁵² - ...князь Ростислав Всеволодичь... идый противу ратнымъ половцемъ съ братомъ своимъ Владимиромъ. – Во время нашествия половцев в 1093 году (воспользовавшихся смертью Всеволода Ярославича) в союзе против них выступили Святополк Изяславич, занявший киевский стол, Владимир Мономах, княживший в это время в Чернигове, и младший брат Владимира Ростислав Всеволодович, княживший в Переяславле.

⁹⁵³ - Не въсхотѣ благословения... възлюби клятву, и прииде ему. – Ср. Пс. 108, 17.

⁹⁵⁴ - ...Ростиславъ же утопе съ всеми своими вои по словеси святаго Григориа. – Решающая битва в войне русских с половцами 1093 года произошла у города Треполя (недалеко на юг от Киева), на реке Стугне. Потерпев поражение, русские, отступая, должны были переправляться через Стугну. Во время переправы погибло много русских воинов. О гибели Ростислава Всеволодовича (1070–1093), утонувшего на глазах у старшего брата, Владимира Мономаха, поэтически-сочувственно рассказано в Слове о полку Игореве. Автор летописной статьи 1093 года в Повести временных лет разделяет печаль с матерью князя и всеми людьми, оплакивающими Ростислава «юности его ради». В «слове» Поликарпа гибель Ростислава в водах Стугны – «божественное наказание» за мученическую смерть печерского монаха Григория.

⁹⁵⁵ - «Имже бо... судомъ судите – судиться вамъ, в нюже мѣру мѣрити – възмѣрится вамъ». – Мф. 7, 2.

⁹⁵⁶ - ...стужаша ему, глаголюще: «Мсти мене от суперника моего». – Имеется в виду евангельская притча «о судье неправедном», который решил защитить вдову, чтобы она не приходила больше докучать ему своими просьбами (см. Лк. 18, 1–8).

⁹⁵⁷ - ...яко сътворит Господь въскорѣ рабомъ своимъ отмщение... – Ср. Лк. 18, 8.

⁹⁵⁸ - «Мнѣ мечь, и азъ отмщу». – Рим. 12, 19.

⁹⁵⁹ - «И не приобидите единого от сих малыхъ... Отца моего, иже есть на небесѣхъ». – Ср. Мф. 18, 10.

⁹⁶⁰ - «Яко праведенъ Господь правду възлюби, и праваа видѣ лице его». – Пс. 10, 7.

⁹⁶¹ - Сицева бо гордымъ отмщениа, имже Господь противится, смиренным же даетъ благодать. – Ср. 1Петр 5, 5.

⁹⁶² - ...и обладанъ бысть оттоле родъ чловѣчь страстию... и боримы есмы всегда. – Имеется в виду библейский рассказ о сотворении человека и грехопадении Адама.

⁹⁶³ - «...и не предасть нас в ловитву зубомъ ихъ». – Пс. 123, 6.

⁹⁶⁴ - ...сий бо боли Иосифа... – По библейскому преданию, Иосиф – любимый сын патриарха Иакова от его жены Рахили. Был продан братьями купцам, направлявшимся с торговым караваном в Египет. Здесь он стал рабом начальника стражи фараона Потифара, жена которого сначала пыталась соблазнить Иосифа, а затем оклеветала его перед мужем. Иосиф был заточен в темницу, но за проявленную мудрость в истолковании снов освобожден и приближен к фараону. Ему удалось спасти население Египта от голода и помочь хлебом своим родным в земле Ханаанской, которые позднее переселились на плодородные земли Египта. Перед смертью завещал похоронить его в земле предков, что выполнил Моисей во время исхода евреев из Египта. За красоту, телесную и духовную, Иосиф прозван «Прекрасным». См. Быт. 30; 37–50.

⁹⁶⁵ - ...егоже убиша съ святым Борисом на Алтѣ и главу его отрѣзаша златыа ради гривны. – Венгр по происхождению, Моисей был братом Георгия, убитого вместе со своим князем Борисом по приказанию Святополка в 1015 году.

⁹⁶⁶ - ...и прииде ко Предславѣ, сѣстры Ярославли... – Речь идет об одной из сестер Ярослава Мудрого, которая в 1018 году попала в плен к польскому королю Болеславу I и была сделана им наложницей.

⁹⁶⁷ - ...и прииде паки со Болѣславомъ, и изгна Ярослава, а самъ сѣдъ въ Киевѣ. – В 1016 году произошло первое столкновение Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным, окончившееся победой Ярослава и бегством Святополка в Польшу. В 1018 году Святополк при помощи польского короля

Болеслава I Храброго (Святополк был женат на его сестре) снова захватил киевский стол. Польские войска, пришедшие с Болеславом и Святополком, были размещены «на покорм» по киевским городам. Против поляков начались народные выступления, и в том же 1018 году Болеслав с остатками своего войска и русскими пленниками вернулся в Польшу.

⁹⁶⁸ - Адам пръвозданный, женѣ покорився, из раа изгнанъ бысть. – См. Быт. 1–3.

⁹⁶⁹ - Самсонъ, силою паче всѣх преспѣвъ... женою преданъ бысть иноплеменникомъ. – Самсон – сын Маноя из колена Данова, из города Цора, по ветхозаветному преданию, был наделен громадной физичеекой силой, тайна которой заключалась в его длинных волосах. Возлюбленная Самсона филистимлянка Далила остригла у спящего богатыря волосы и выдала его врагам. Самсона ослепили и заковали в цепи. Когда волосы у пленного Самсона выросли, он разрушил храм, под развалинами которого погибли филистимляне. Обстоятельства его жизни и подвиги описаны в Книге Судей (13–16).

⁹⁷⁰ - ...Соломонъ премудрости глубину постигъ, женѣ повинувся, идоломъ поклонися. – Соломон – сын царя Давида от Вирсавии, преемник его власти в израильско-иудейском царстве, создатель Храма Богу. Обладал огромными познаниями, достиг вершин земной мудрости. Ему приписывается составление следующих библейских книг: Песнь Песней Соломона, Екклезиаст, или Проповедник, Притчи Соломона. С увеличением богатства посредством торговли и дани от подвластных народов в нем проявилась страсть к роскоши и чувственным удовольствиям, особенно к вину и женщинам. В гареме Соломона содержалось до 700 жен и 300 наложниц, которые большею частью были язычницами. Предоставив женам свободу вероисповедания, он позволил устроить капища языческим божествам и сам стал служить Астарте, Хамосу и Молоху. Подробнее см. Вт. 17, 17;3 Цар. 4, 20–34 и 11, 1–8.

⁹⁷¹ - ...Ирод многы побѣды сътворивъ, послѣди же женѣ поработився, Предтечу Иоанна усекну. – Имеется в виду Антипа Ирод, сын Ирода Великого, управлявший Галилеею и Переею

(4–39 гг.), четвертою частью Иудейского царства, поэтому его называли «Четверовластником». Влюбившись в жену своего брата, Иродиаду, Антипа всецело попал под влияние этой жестокой женщины: развелся со своей женой и вступил в связь с Иродиадой, за что был обличен Иоанном Крестителем. На пиру за пляску дочери Иродиады Саломии, выполняя обещание, велел обезглавить Иоанна Предтечу, а его голову на блюде принести в награду девушке. Вскоре после этого Антипа Ирод потерпел поражение от Ареты и был выслан из Рима на юг Франции, где кончил жизнь в уединении, бедности и неизвестности (см. Мф. 14, 1–11; Мр. 6, 17–28).

⁹⁷² - «Сего ради оставить человекъ отца своего и мать... нѣста два, но плоть едина». – Мф. 19, 5–6.

⁹⁷³ - Апостолъ же... велить второму браку причитаться. – Ср. 1Кор. 7, 8–9.

⁹⁷⁴ - Кто же ли от прѣвыхъ и донынѣ възгнушася жены... Авраамъ, Исакъ, Иаковъ? – Речь идет о ветхозаветных патриархах: Аврааме – родоначальнике еврейского народа, его сыне от жены Сарры Исааке и внуке Иакове (Израиле), сыне Исаака от жены Ревекки. Сарра, Ревекка и Рахиль, вторая жена Иакова, долгое время были бесплодными, их сыновья – «моленные», «богоданные». Потомство Авраама и Иакова многочисленно: у первого от жен и рабыни было 8 сыновей, у последнего – 12, любимый из которых Иосиф, сын Рахили. См. Быт. 11–30.

⁹⁷⁵ - Иосифъ же вмалѣ победивъ, и паки женою побеженъ бысть. – После того как заключенный в темницу Иосиф истолковал сны фараона, тот возвысил его и женил на дочери илиопольского жреца Асенефе. См. Быт. 42, 45–52.

⁹⁷⁶ - ...лучше змии нашептания, еже в раи Евзѣ... – Ева – прародительница всех живущих на земле людей, жена первого человека, созданная Богом из ребра Адама во время его сна. Прельщенная дьяволом в образе змея, она нарушила заповедь Бога и вкусила от запрещенного плода, склонив к этому и Адама (см. Быт. 2, 21–25; 3, 1–16:20).

⁹⁷⁷ - «Всякъ, иже оставить отца своего, и мать, и жену... естъмойченикъ». – Ср. Лк. 14, 26.

⁹⁷⁸ - «Оженавыйся печется, како угодити женѣ, а неоженивыйся печется, како угодити Богу». – Ср. 1Кор. 7, 32–33.

⁹⁷⁹ - «Раби, послушайте господий своихъ на благое, а не на злое». – Ср. Еф. 6, 5; 1Петр. 2, 18; Кол. 3, 22; Тит. 2, 9.

⁹⁸⁰ - ...прииде нѣкто мнихъ от Святыя Горы... – Святая Гора – Афон. Своеобразная монашеская республика из православных монастырей. Находится на восточном выступе Халкидонского полуострова в Эгейском море. Первый монастырь был основан в 962 году греком Афанасием. В 1172 году на Афоне возник первый русский (Пантелеймонов) монастырь. Связь русской церкви с Афоном играла большую роль в церковно-религиозной жизни Древней Руси.

⁹⁸¹ - «Каа убо полза челоуѣку, аще и весь миръ приобрящеть... что дасть измѣну на души своей?» – Мр. 8, 36–37.

⁹⁸² - ...якоже и в Лѣтописци повѣдаеть. – Имеется в виду запись под 1030 годом в Повести временных лет, где в одном ряду стоят события разного времени: смерть польского короля Болеслава I (1025) и восстание «в Лядской земле» (1031 или 1037–1038).

⁹⁸³ - Се же вписано есть в Житии святаго отца нашего Антониа, еже о Моисѣи... – Рассказ Поликарпа о Моисее Угрине восходит к Житию Антония Печерского, в котором сообщалось больше подробностей исторического характера, чем дошло до нас в Патерике. Подробнее см. сноску 19.

⁹⁸⁴ - ...княгыни же его, ляховица сущи... – Изяслав Ярославич был женат на тетке польского короля Болеслава II Гертруде. С помощью польских войск князь Изяслав вернул себе киевский стол в 1069 году.

⁹⁸⁵ - «Вечерь въдворится плачь, и заутра радость». – Пс. 29, 6.

⁹⁸⁶ - ...бысть житие его, яко единому от птицъ, не стяжа бо селъ, ни житница, идѣже съберет благаа своа. – Ср. Мф. 6, 26.

⁹⁸⁷ - «Душе, имаши многа благаа, лежаще на многа лѣта, яжъ и пий, веселися!» – Ср. Лк. 12, 19.

⁹⁸⁸ - «Възрите на птица небесны... Отець вашъ небесный питаеть их». – Мф. 6, 26.

⁹⁸⁹ - Егда же Святоплѣкъ съ Давидомъ Игоревичем рать зачаста про Василкову слепоту... – После Любечского съезда князей в 1097 году, на котором была сделана попытка урегулировать междукняжеские отношения и был заключен договор, закреплявший за князьями их владения, сразу произошло нарушение этого договора: Святополк Изяславич, князь киевский, и Давыд Игоревич, князь Владимира Волынского, хитростью захватили Василька Тербовльского и ослепили его, обвинив в притязаниях на их земли. Это событие вызвало ряд столкновений между князьями. Об ослеплении Василька и о последовавших за этим событиях подробно рассказано в Повести временных лет под 1097 годом. В Патерике имеется в виду один из эпизодов межкняжеских распръ после ослепления Василька: выступление Святополка Изяславича в союзе с ослепленным им Васильком и его братом Володарем против своего бывшего союзника Давыда Игоревича в 1099 году. Главным виновником ослепления Василька считался Давыд Игоревич, уговоривший Святополка ослепить Василька.

⁹⁹⁰ - «Сънѣдаючи люди моа въ хлѣба мѣсто, Господа не призваша». – Ср. Пс. 13, 4.

⁹⁹¹ - Его же ем, Святоплѣкъ в Туровъ заточивъ... – В начале княжения Святополка Изяславича в Киеве отношения монастыря с князем резко обострились. Игуменствовавший в это время Иоанн обличал князя в насилиях над населением Киева и в недостаточной борьбе с половцами. Святополк сослал Иоанна в Туров. Разрыв Святополка с монастырем продолжался до 1098 года. Заинтересованный в духовной помощи монастыря, Святополк возвращает Иоанна из ссылки, примиряется с монастырем и начинает покровительствовать ему.

⁹⁹² - И по погребении блаженного поиде на войну, и многу побѣду сътвори на противныа агаряны... – Вероятнее всего, в виду имеется поход на половцев 1103 года, после Долобского съезда князей, на котором, по предложению Владимира Мономаха, было принято решение об этом походе. На территории половецких земель, на реке Сутень, объединенные силы русских князей нанесли сокрушительное поражение половцам.

⁹⁹³ - ...при семь изнесенъ бысть святыи отецъ Феодосие от пещеры въ святую великую церковь. – Перенесение мощей Феодосия из пещеры в Успенский собор монастыря произошло в 1091 году. Об этом событии подробно повествует 9-е «слово» Патерика.

⁹⁹⁴ - «...сердца бо съкрушенна и съмирена Богъ не уничижитъ». – Ср. Пс. 50, 19.

⁹⁹⁵ - «Блажени плачущии, яко ти утѣшатся». – Мф. 5, 4.

⁹⁹⁶ - ...сѣавы слезами пожнетъ в радостирукояти своа: плакаху бося... вметающе сѣмяна своа... утешени будут... – Ср. Пс. 125, 5–6.

⁹⁹⁷ - ...мати всѣмъ благыням – нестяжание, такоже и корень есть и мати всѣмъ злымъ – сребролюбие. – Ср. 1Тим. 6, 10.

⁹⁹⁸ - «Любаяи събирати имѣние, сицевый до смерти иглы ради тружается...» – Лествица. 17, 2.

⁹⁹⁹ - «Человѣкъ, аще не отречется всего сущаго, не можетъ быти мой ученикъ». – Лк. 14, 33.

¹⁰⁰⁰ - «Не печетесь о утренемъ, что ямы, или что приемъ... възрите... на птици небесныа... Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ». – Ср. Мф. 6, 31 и 26.

¹⁰⁰¹ - Иже слышавъ от того сътворьшеся в Коньстянтинѣ-градѣ... – Передаваемый сюжет восходит к «слову» Пролога под 19 января: «О спасшемся от болезни милостыни ради, и паки раскаявся умре».

¹⁰⁰² - «Аще кто изведеть достойнаа от недостойнаго, яко уста моа суть». – Ср. Иерем. 15, 19.

¹⁰⁰³ - «Аще кто оставит домъ... мене ради, стократницею приимет и живот вѣчный наслѣдитъ». – Ср. Мф. 19, 29.

¹⁰⁰⁴ - Келарь – в древнерусском монашестве монах, ведающий монастырскими вотчинами и светскими делами монастыря.

¹⁰⁰⁵ - «И бѣси повинуются вамъ о имени моемъ». – Ср. Лк. 10, 17.

¹⁰⁰⁶ - «Дах вам власть наступати на змиа, и скорпиа, и на всю силу вражию». – Лк. 10, 19.

¹⁰⁰⁷ - Бѣ бо тогда пожженъ монастырь... – Имеется в виду нападение на Киево-Печерский монастырь половцев 20 июля 1096 года. Монастырь был выжжен и разграблен. Это событие подробно описано его очевидцем Нестором в Повести временных лет под 1096 годом.

¹⁰⁰⁸ - «Во имя Господа Бога нашего, повелѣвшаго вамъ въ свинѣа ити...» – Речь идет о чуде Иисуса Христа, по слову которого бесы вышли из бесноватых и вселились в стадо свиней, бросившееся с обрыва в море, о чем сообщают Евангелия от Матфея (8, 28–34), Марка (5, 1–20) и Луки (8, 26–39).

¹⁰⁰⁹ - «Не радуйтесь, яко дуси вам повинуются, радуйте же ся паче, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ». – Лк. 10, 20.

¹⁰¹⁰ - ...еже неправедно судяй сам осужденъ будетъ. – Ср. Мф. 7, 1–2; Рим. 2, 1.

¹⁰¹¹ - Мстислав Святополчич – сын князя Святополка Изяславича от наложницы, князь Владимира Волынского.

¹⁰¹² - Не по мнозех же днехъ самъ Мстиславъ застреленъ бысть... биася съ Давидомъ Игоревичемъ. – Мстислав Святополчич был убит стрелой при осаде Владимира в 1099 году Давыдом Игоревичем (во время княжеских распръ после ослепления Василька Тербовльского).

¹⁰¹³ - «Всяк, взимаай нож, ножом умирает». – Мф. 26, 52.

¹⁰¹⁴ - «Азъ же и Отець к нему приидевъ и обитель у него сътворимъ». – Ср. Иоан. 14, 23.

¹⁰¹⁵ - «...Вселю бо ся...в ня и похожду, и буду имъ Богъ, и тии будутъ мнѣ людие». – 2Кор. 6, 16.

¹⁰¹⁶ - «Братие, вы есте церкви Бога жива, и Духъ Святый живет въ вас». – 1Кор. 3, 16.

¹⁰¹⁷ - Повелениемъ же игумена Пимина Постника... – Пимен был игуменом Киево-Печерского монастыря с 1132 по 1141 год.

¹⁰¹⁸ - «Радуйтесь, праведнии, о Господѣ... пойте ему съ възклищаниемъ в десятиструннѣмъ псалтири». – Ср. Пс. 32, 1–3. Здесь «псалтирь» – десятиструнный древнееврейский музыкальный инструмент.

¹⁰¹⁹ - Не от прѣваго на десять часа Господу помолившеся и тому угоднаа творяще... – В евангельской притче о работниках в винограднике рассказывается, что все, независимо от часа найма на работу, получили равную плату за труд. Ропщущим на несправедливость решения хозяин виноградника заявил, что волен поступать, как хочет, что они завистливы, а он добр. «Так будут последние первыми, и первые последними». – Мф. 20, 1–16.

¹⁰²⁰ - Егда бо грѣчестии писци из Цариграда... приведени быша нуждею писати церьки Печерьския... якоже о них сказано есть въ Послании Симоновѣ... – Имеется в виду Слово о церкви Печерской Симона, которое или составляло особое послание, или входило в послание к Поликарпу вместе с рассказами Симона о печерских святых (точки зрения исследователей по этому вопросу расходятся). Поликарп дает отсылку к 4-му «слову» Патерика: «О пришествии писцевъ церковныхъ ко игумену Никону от Царяграда».

¹⁰²¹ - «Мнѣ же и сущим съ мною послужисте руци. мои, и ни у единого же туни хлѣба ядох». – Деян. 20, 34.

¹⁰²² - «Покры срамота лице мое. Чюжъ бых братии моей и страненъ сыновомъ матере моеа...» – Пс. 68, 8–9.

¹⁰²³ - «Исповѣмъ на ся безакони Господеви, и тѣй отпустить нечестие сердца моего». – Пс. 31, 5.

¹⁰²⁴ - ...и взем вапницю... – Вапница – сосуд или ящик для хранения красок.

¹⁰²⁵ - Христу бо уподобися... – Имеются в виду евангельские чудеса исцеления Христом прокаженного (Мф. 8, 2–4; Мр. 1, 40–44; Лк. 5, 12–14) и слепорожденного (Иоан. 9, 1–41).

¹⁰²⁶ - «Не можетъ рабъ двема господинома работати». – Ср. Мф. 6, 24; Лк. 16, 13.

¹⁰²⁷ - «Просите убо... и не просто просите, но с вѣрою просите, и примите». – Ср. Мф. 21, 22; Иак. 1, 6.

¹⁰²⁸ - Се бо новый нам Елисѣй, иже Неомана Сирианина от проказы исцелѣ. – Пророк Елисей излечил от проказы Неемана, военачальника сирийского царя. По слову Елисея, Нееман семь раз омылся в водах Иордана, «и обновилось тело его», «и очистился» (см. 4Цар. 5, 1–19).

¹⁰²⁹ - Деисус – от греческого слова, означающего «моление». Деисус – композиция, состоящая из трех икон. На центральной изображен Христос, судящий людей после конца мира. По сторонам от иконы Христа – икона Богоматери и икона Иоанна Крестителя, которые изображены заступниками за грешников, молящими Христа о милости. В деисусе по сторонам от этих икон могут быть изображены и другие святые. Деисусом иногда называют основной ряд иконостаса или весь иконостас вообще.

¹⁰³⁰ - «Не может град укрытися, врѣху горы стоа... да свѣтитъ всѣмъ приходящимъ». – Ср. Мф. 5, 14–15.

¹⁰³¹ - ...изгорѣ Подолие всѣ... – Подол – район Киева. Здесь имеется в виду большой пожар 1124 года.

¹⁰³² - ...и посла въ град Ростовъ, в тамо сущую церковь, юже сам създа... – Ростовский храм, возведенный Владимиром Мономахом, был дубовым и сгорел в 1160 году; первый каменный собор в Ростове был построен в 1161 году при Андрее Боголюбском. Икона работы Алимпия, о которой пишет Поликарп, скорее всего, икона «Богоматерь Великая Панагея (Оранта)», входящая в собрание древнерусского искусства Третьяковской галереи. Она была найдена в ярославском Спасском монастыре, где до 1788 года находилась резиденция ярославских митрополитов (сюда икона была привезена после ликвидации ростовской митрополии). Искусствоведческий анализ произведения свидетельствует о том, что икона по своим стилистическим особенностям близка к мозаикам Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, выполненным

в 1108–1113 годах, как предполагают исследователи, не без участия греческих мастеров и Алимпия. На основании сообщения Поликарпа, что он был «самовидцем» чуда спасения иконы работы Алимпия Печерского в ростовских церквах, считают Ростов его родиной.

¹⁰³³ - Калугер – почтенный старец, монах.

¹⁰³⁴ - ...власи же вземше въ убрूसъ... – При посвящении в монахи остригались волосы, отсюда и термин – «пострижение».

¹⁰³⁵ - Пономарь – обычно низший церковнослужитель, главной обязанностью которого было звонить в колокола, участвовать в клиросном пении, прислуживать при богослужении. Здесь имеется в виду привратник храма, его хранитель.

¹⁰³⁶ - «Еже чловѣкъ всѣтъ, то и пожнетъ...» – Гал. 6, 7.

¹⁰³⁷ - ...учимы есмы не въздаати зла за зло... – Ср. 1Фес. 5, 15; 1Петр. 3, 9; Рим. 12, 17.

¹⁰³⁸ - «Претръпѣвый бо до конца... той спасеться». – Мф. 10, 22 и 24, 13.

¹⁰³⁹ - «Тръпя, потерпѣх Господа, и внят ми». – Ср. Пс. 39, 2.

¹⁰⁴⁰ - «Аще убо наказания тръпите... аще ли без наказания есте, рабичища есте, а не сыновѣ». – Ср. Евр. 12, 7–8.

¹⁰⁴¹ - «Въ тръпѣнии вашем стяжете душа ваша». – Лк. 21, 19.

¹⁰⁴² - ...явишася три столпы над трапезницею... О них жеречено бысть в Лѣтописци. – Это известие Поликарпа о явлении трех столпов над церковью во время смерти Пимена расходится с сообщением Повести временных лет (1110 г.) об одном столпе надгробом Феодосия Печерского. Видимо, Поликарп пользовался или другим летописным источником, или опирался на монастырское предание, где «три столпа» должны были подчеркнуть особую святость подвижника.

¹⁰⁴³ - ...имущему убо везде дано будет. – Ср. Мф. 13, 12; Мр. 4, 25.

¹⁰⁴⁴ - «Немерѣтвиивъсхвалять...номы,живии, благословимъГоспода». – Ср. Пс. 113, 25–26.

1045 - «Въ адѣ бо... кто исповѣсть ти ся?» – Пс. 6, 6.

1046 - «Ему же дасться много, много истяжут от него». – Ср. Мф. 25, 29; Лк. 8, 18, 19, 26.

1047 - ...то въ 11 час съ пришедшими равна праведным сътворить его Господь. – Имеется в виду притча из Евангелия от Матфея (20, 1–16), где «царствие небесное» уподобляется «хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой». Работники нанимались хозяином несколько раз в течение дня, последние – в 11 часов, но получили равную со всеми плату. См. подробнее сноску 253.

1048 - ...аще убо Господу въ пустыни приступити искусителъ не постыдѣся... – Речь идет об искушении Иисуса Христа дьяволом. К исходу сорокового дня поста он явился Христу в пустыне и искушал его возможностью превратить камни в хлеб, чтобы насытиться. Затем предложил Христу прыгнуть вниз с крыши иерусалимского храма и проверить завет Бога, что он будет храним ангелами. В третий раз за поклонение дьяволу он обещал Христу власть над всеми царствами мира и вечную славу. Об этом рассказано в Евангелиях от Матфея (4, 1–11), Марка (1, 12–13) и Луки (4, 1–13).

1049 - ...родом торопчанинъ – из города Торопца.

1050 - ...и нача гнѣватися Изяславъ на Онтониа про князя Всеслава. – См. сноску 9.

1051 - ...монастырь Святыя Богородица на Болдиныхъ горах... – Болдины горы – гористая местность в западной части Чернигова, где во время правления сына Ярослава Мудрого Святослава (ум. 1073) был основан Ильинский пещерный монастырь (1069), а на горе – Елецкий, главная церковь которого своим архитектурным обликом напоминала Успенский собор Киево-Печерского монастыря.

1052 - Феодосию же преставившуся и Стефану игуменьство приимъшу... – Описываемые события относятся к 1074 году.

1053 - ...Антоней убо преставися... – Антоний Печерский умер в 1073 году.

1054 - Въпрос благовѣрного князя Изяслава о латынѣх. – Это произведение Феодосия Печерского, вошедшее в состав

Патерика в 60-е годы XV века, было адресовано киевскому князю Изяславу Ярославичу. Оно было написано, скорее всего, в 1069 году, когда Изяслав вернул себе киевское княжение с помощью военной силы поляков. В связи с этим «вопрос о латинской вере», актуальный после разделения церквей в 1054 году, обрел особую остроту. В послании к Изяславу Ярославичу Феодосий обличает «латинские ереси» и призывает князя сохранить верность православию, опасаясь католического влияния на Русь. «Однако Изяслав не оправдал надежд Феодосия: изгнанный в 1073 году из Киева, он снова обратился за помощью к польскому королю Болеславу, а затем к германскому императору и даже к самому римскому папе Григорию VII» (Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Изд. 2-е. Л., 1987, с. 69).

¹⁰⁵⁵ - ...во Савелиеву вѣру... – Савелиева ересь. Названа так по имени некоего Савелия (середина III века), толкование которым сущности Троицы (Бог в состоянии покоя и молчании есть единое существо, а в творении и помышлении является в трех различных формах – Отца, Сына и Духа) было признано еретическим.

¹⁰⁵⁶ - «Въздасть комуждо по дѣлом его». – Мф. 16, 27.

¹⁰⁵⁷ - «Единъ Богъ, едина вѣра, едино крещение». – Ср. Еф. 4, 5.

¹⁰⁵⁸ - «Лѣпо есть намъ исполънити всяку правду»... – Мф. 3, 15.

¹⁰⁵⁹ - ...аще и нѣции суть смущающе вы и хотяще превратити благовѣствование Христова... да будет проклят. – Ср. Гал. 1, 7–8.

¹⁰⁶⁰ - О преставлении преподобнаго отца нашего Поликарпа, архимандрита Печерскаго... – Поликарп, скончавшийся в 1182/83 году, был первым игуменом Киево-Печерского монастыря, который получил титул архимандрита. В 1460 году Кассиан, редактор Патерика, поместил после рассказов Поликарпа о печерских святых сообщение о смерти архимандрита Поликарпа, взятое из Киевского летописного свода, который явился продолжением Повести временных лет и

был доведен до 1200 года. Это сближение двух Поликарпов привело позднее к их отождествлению у редакторов Патерика XVII века.

¹⁰⁶¹ - ...к Василию попу на Щековицю... – Щековица – урочище в Киеве. Василий был игуменом Киево-Печерского монастыря после смерти Поликарпа (1182/83) до игуменства Акиндина (1224–1231 гг.), последнее упоминание о нем относится к 1197 году.

¹⁰⁶² - приеха митрополит Никифоръ ка пострижение его, и Лаврѣнтій, туровський епископъ, и Никола, полоцкий епископъ... – Никифор II, киевский митрополит (поставлен до 1183 года, умер после 1201 года), участвовал в пострижении священника Василия в монахи и в поставлении его на игуменство в Печерском монастыре. Известно, что Никифор оказывал большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Руси: сумел организовать русских князей на отпор венгерского вмешательства в галицкие дела (1189); руководил церемонией возведения на киевский стол князя Рюрика Ростиславича (1194); будучи греком, побуждал русских князей к походу на половцев, угрожавших Византии (1201–1202). Второй участник пострижения Василия – Лаврентий, как епископ Турова упоминается в 1182 году. Третий – Николай Гречин, сначала был поставлен епископом во Владимир (по другим источникам – в Ростов), но встретил противодействие князя Всеволода Большое Гнездо и был переведен в Полоцк (1184).

¹⁰⁶³ - ...а повелениемъ смиренно инока Касияна, уставника печерьскаго... – Кассиан – монах Киево-Печерского монастыря, создатель двух редакций Патерика. Первую редакцию он, клирошанин монастыря, составил в 1460 году и посвятил Акакию, «наместнику киевскому», поэтому она иногда называется Акакиевскою. По мнению А. А. Шахматова, первая редакция Патерика, выполненная Кассианом, не отличалась творческой самостоятельностью и в основном повторяла состав Иоанновской редакции памятника (первая половина XV века). Кассиан дополнил Патерик рядом летописных статей: о вписании имени Феодосия Печерского в Синодик; о пострижении Святоши, князя Черниговского; о видении и смерти Нифонта

Новгородского; о преставлении архимандрита Поликарпа и избрании Василия-попа. В редакторской работе Кассиана уже на этом этапе видно исследовательское начало. Благодаря летописным источникам ему удалось закрепить за определенными датами отдельные вехи монастырской истории, дополнить ее новым материалом, атрибутировать тексты, вошедшие в состав Патерика. Введение в патериковый свод летописного материала нарушило принцип тематической группировки текстов, возможно, поэтому количество списков Патерика редакции 1460 года невелико. Через два года Кассиан, уже «уставник печерский», создал новую, более полную и в художественном отношении более стройную редакцию памятника. В этой редакции читается текст Послания Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу о латинской вере, а основным принципом организации материала является хронологический. Автором вставок и разночтений, встречающихся в редакции 1462 года, Д. И. Абрамович считал самого Кассиана, А. А. Шахматов указывал на возможные источники заимствования – Печерскую летопись и Житие Антония Печерского. О популярности, быстром и широком распространении Кассиановских редакций Патерика свидетельствуют следующие факты: они были положены в основу всех позднейших рукописных и печатных редакций памятника; ими пользовались составители миней четий на май (митрополит Макарий, Герман Тулупов, Иоанн Милютин, Дмитрий Ростовский); к настоящему времени выявлено более 80 списков Патерика редакций Кассиана, самые ранние из которых датируются концом XV – началом XVI века.

¹⁰⁶⁴ - Индикт – одна из единиц церковного летоисчисления, равная 15 годам.

¹⁰⁶⁵ - ...в субботу святого и праведнаго Лазаря, друга Христова... – Лазарь, брат Марфы и Марии, которого, по евангельскому преданию, Христос воскресил из мертвых. Воспоминание об этом чуде празднуется в Лазареву субботу перед Вербным воскресением.

¹⁰⁶⁶ - ...на память святыхъ мученикъ Терентеа и Помпия и иже с ними... – Память святых мучеников Терентия, убитого в

Сирии при императоре Деции Кае Траяне, и Помпия, казненного в Африке в 250 году за отказ принести жертвы идолам и исповедание христианства, празднуется православной церковью 10 апреля.

¹⁰⁶⁷ - ...при княжении благовѣрнаго и христолюбиваго князя Семена Александровича, при архимандрите Печерском кир Николѣ... – Имеется в виду сын князя Александра Владимировича, внук Ольгерда, последний киевский князь Семен Александрович (Олелькович), умерший в 1471 году. Николай упоминается как архимандрит Киево-Печерского монастыря в 1446, 1455–1462 годах.

¹⁰⁶⁸ - Муж – в родоплеменном обществе полноправный участник народного собрания, воин, глава семьи; в период становления и развития феодального строя полноправный, лично свободный человек, находящийся под княжеской юрисдикцией, воин, глава семьи, знатный и незнатный.

¹⁰⁶⁹ - Убъеть... то 40 гривень за голову... – Данная норма содержит древнейшее право кровной мести и возможность денежного выкупа за преступление. В ней указан перечень лиц, имеющих право мстить. Однако это регламентировано ограниченный круг мстителей, в чем отразилось ограничение кровной мести, которое существовало еще в родоплеменном обществе. Виру, судебный штраф за убийство, преступник платил князю.

¹⁰⁷⁰ - ...аще будеть русинъ... любо словенинь, то 40 гривень положити за нь. – Содержание второй части статьи раскрывается при предположении, что она является дополнением к предшествующему тексту в условиях новгородских событий 1015–1016 годов: в ней указывается равная вира за убийство людей, относящихся к категориям населения, различных по географическому происхождению и социальному статусу. Русин – здесь: житель среднего Поднепровья. Словенин – здесь, житель Приильменя, политическим центром которого является Новгород.

¹⁰⁷¹ - Гридин – член младшей княжеской дружины, воин-профессионал, наемник; древнерусское слово, производное от

древнескандинавского gridi – товарищ, телохранитель.

¹⁰⁷² - Ябетник – человек, находящийся на княжеской службе. Но в отличие от военных слуг – гриди и судейского чиновника мечника (см. далее) ябетник находился на государственной должности или в составе управления княжеского господского хозяйства.

¹⁰⁷³ - Мечник – член княжеского административно-судебного аппарата.

¹⁰⁷⁴ - Изгой – особое социальное понятие, означавшее выходцев из разных сословий.

¹⁰⁷⁵ - Или будеть кровавъ... а лѣтъцю мѣзда. – Композиционно статья составлена сложно, вследствие чего, несмотря на кажущуюся простоту содержания, ее интерпретировали самым различным образом.

¹⁰⁷⁶ - Тылеснь. – В литературе широко распространено понимание этого слова как тупая сторона меча, плашмя или тыльная сторона ладони. Однако меч был обоюдоострым и потому не имел тыльной стороны. В семантике понятия тылесня не содержится значения плашмя. Наконец, понятие пясть – кисть руки включает в себя также кулак и тыльная часть руки. Наиболее близко к раскрытию содержания слова тылеснь предположение И. И. Срезневского – обух. Он отметил и близкий по форме синоним – тыльць. М. Н. Тихомиров дополнил эти наблюдения более поздними лексическими материалами: задняя часть кисти руки (?), тылье, тупая сторона острого орудия. На Руси X – первой половины XI в. оружием, которое имело обратную сторону тупой, являлись сабля и боевой топор (или топор-орудие). Видимо, обратная сторона именно этих видов оружия или орудия прежде всего имелась в виду под словом тылеснь. Разные виды ударов мечом перечисляются в ст. 4, 9 КП.

¹⁰⁷⁷ - ...тогда чада смирять. – Чада винительный падеж множественного числа от чадо – ребенок. Отсюда обоснованным является мнение, что чада смирять – удерживать детей от мщения, примирять.

¹⁰⁷⁸ - Варяг – название на Руси IX–XI вв. преимущественно скандинавских воинов и купцов. Наемные отряды варягов являлись частью княжеской дружины и русского войска.

¹⁰⁷⁹ - Колбяг – вероятно, название человека, относящегося к финно-угорскому населению северо-запада Руси и южнофинским народам, видимо, член купеческого союза, но по общественному положению колбяг находился ниже варяга.

¹⁰⁸⁰ - Рота – клятва, в данном случае – судебная.

¹⁰⁸¹ - Челядин – зависимый человек, относящийся к челяди, широкой по социальному значению общественной категории, куда входили люди разных форм зависимости, включая рабов. Именно таким широким значением понятия челядь объясняется отсутствие в Русской Правде указания штрафа за убийство челядина.

¹⁰⁸² - ...любо у варяга, любо у кольбяга... – Указание именно этих этнических групп свидетельствует о целенаправленном отборе и редактировании норм так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды как следствие новгородских событий 1015–1016 годов. Отсюда становится понятным, почему не названы в качестве укрывателей русин и словенин.

¹⁰⁸³ - ...въ своемъ миру... – Среди многочисленных мнений о содержании этих слов предпочтительно мнение Г. Е. Кочина, который исходил из первоначально широкого значения выражения свой мир как своя община, противопоставляемая другим городским и сельским общинам (Правда Русская. Учебное пособие. М.–Л., 1940, с. 42). Видимо, во второй половине XI – начале XII в. понятие мир стало относиться лишь к сельским общинам, в связи с чем при редактировании текста КП во время подготовки ПП оно было заменено словом город.

¹⁰⁸⁴ - ...не рци ему: «Мое», нъ рци ему тако... – В раннесредневековый период, когда письменность отсутствовала или была распространена ограниченно, особое значение имели словесно-обрядовые процедуры. В юридической функции они представляли собой легко запоминаемые правовые клише, словесно-обрядовое исполнение которых при свидетелях и без

них обеспечивало исполнение устной сделки и ее подтверждение в случае необходимости судебными решениями.

¹⁰⁸⁵ - Свод – судебно-следственная процедура по выявлению участников сделок в связи с краденой вещью или зависимым человеком для установления первоначального правонарушителя-похитителя.

¹⁰⁸⁶ - Извод – судебное расследование, включавшее показания свидетелей.

¹⁰⁸⁷ - ...то холопа пояти, да платить господинъ за нь 12 гривнѣ... – Возможен разный перевод этой фразы со значительно различающимся юридическим содержанием. 1) «то холопа арестовать и господин должен заплатить за него 12 гривен», 2) «то холопа (господину) взять и пусть уплатит господин за него 12 гривен». Эта двойственность в понимании текста была снята древнерусскими юристами при подготовке Пространной редакции Русской Правды, где юридическая норма была отредактирована в ст. 65 во втором значении без возможных иных толкований: «а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен».

¹⁰⁸⁸ - А иже изломить копье... колко дальъ будетъ на немъ. – Давно было отмечено, что эта норма была заимствована из Закона Судного людем. Она была отредактирована и добавлена к тексту так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды, видимо, небольшое время спустя после ее издания.

¹⁰⁸⁹ - Правда уставлена руськои земли... – В литературе преобладает мнение, что данный заголовок начинает так называемую Правду Ярославичей, или Домениальный устав, который был издан братьями после смерти Ярослава Мудрого. Однако текстологический анализ И. А. Стратонова и А. А. Зимина показал, что текст статей 19–41 КП относится ко времени Ярослава (но связан с законодательной деятельностью Ярославичей). Развивая эти наблюдения, М. Б. Свердлов предположил, что 1) текст статей 19–41 КП имел заголовок «Правда уставлена руськой земли», 2) он был издан при Ярославе Мудром и представлял собой Домениальный устав, 3) имена Ярославичей и их мужей появились в заголовке в

результате неудачного более позднего редактирования (Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988, с. 84–101).

¹⁰⁹⁰ - Изяслав – Изяслав Ярославич (1024–1078), третий сын Ярослава Мудрого, ко времени смерти отца в 1054 г. старший из сыновей, оставшихся в живых, туровский князь (до 1054), киевский князь в 1054–1068, 1069–1073, 1077–1078 гг.

¹⁰⁹¹ - Всеволод – Всеволод Ярославич (1033–1093), пятый сын Ярослава Мудрого, в 1054–1073 гг. переяславский князь, правил также Ростово-Суздальской и Белозерской землями, в 1073–1077 гг. князь черниговский и других земель, в 1077, 1078–1093 гг. – киевский князь.

¹⁰⁹² - Святослав – Святослав Ярославич (1027–1076), четвертый сын Ярослава Мудрого, до 1054 г. правил во Владимиро-Волынской земле, в 1054–1073 гг. – князь черниговский и других земель, в 1073–1076 гг. – киевский князь.

¹⁰⁹³ - Коснячко – в киевское княжение Изяслава Ярославича упоминается в 1068 г. как воевода, владел в Киеве двором в верхней части города, где находились наиболее важные церкви, дворы князей и знати.

¹⁰⁹⁴ - Перенег – как отметил М. Н. Тихомиров, имя Перенег неизвестно, но в Ипатьевской летописи под 6721 (1213) годом упоминается уменьшительная форма имени – Перенѣжко. Поэтому он с полным основанием, как ранее в Академическом издании Русской Правды и в подготовленном на его основе Учебном пособии, разделяет имена Коснячко и Перенег (Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 80).

¹⁰⁹⁵ - Никифор (Микифор) Киевлянин – о его деятельности в источниках не сообщается, но упоминается двор Никифора в Киеве. Этот двор находился на Старокиевской горе и был, видимо, значительным по размерам. Он служил ориентиром в рассказе Повести временных лет при изложении топографии Киева середины X в. Таким образом, подтверждается знатное положение Никифора Киевлянина.

¹⁰⁹⁶ - Чюдин – занимал видное общественное положение, имел в Киеве двор на месте прежнего княжеского двора времен княгини Ольги. В 1072 г. в великое княжение Изяслава Ярославича он «держал» Вышгород, то есть был княжеским посадником или тиуном (во времена княгини Ольги и, видимо, позднее Вышгород входил в состав княжеского господского хозяйства – домена). В 1068 г. упоминается брат Чудина Туки среди приближенных мужей Изяслава Ярославича. Известен сын Чудина Иванко. Таким образом, имя Чудин хорошо известно и понимание его как указание прозвища при последующем имени Микула ошибочно.

¹⁰⁹⁷ - Микула – лицо, достоверно не идентифицируемое.

¹⁰⁹⁸ - Огнищанин – управляющий хозяйством княжеского двора.

¹⁰⁹⁹ - Подъездной – наиболее убедительно мнение Б. Д. Грекова, производившего этот социальный термин от слова подъезд – право приезда для получения податей, подати (на примере права епископа на подати в XV–XVI вв.); отсюда подъездной – сборщик податей.

¹¹⁰⁰ - ...вири...– Сохранившиеся два списка КП содержат здесь ошибочные чтения; при составлении ПП кодификаторы пользовались исправным списком КП, поэтому там содержится ясная по литературному выражению норма: «то виревную платити, в чьей же верви голова лежить» (ст. 3 ПП, Троицкий I список). Вervь – соседская община (об общине в Древней Руси, источники и литературу см.: Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 90–105).

¹¹⁰¹ - Клеть – амбар или часть дома, где хранились продукты.

¹¹⁰² - Аже убьють огнищанина... то убити въ пса мѣсто. – В литературе широко распространено мнение, согласно которому огнищанин убит во время воровства. Лишь немногие исследователи, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский, Б. А. Романов, еще в начале XX столетия отметили противоположное содержание статьи: огнищанин убит во время

защиты княжеского хозяйства. Такое понимание статьи представляется верным.

¹¹⁰³ - Изяслав – Изяслав Ярославич.

¹¹⁰⁴ - ...Изяславъ... въ своем конюсѣ... убилѣ дорогобудьци.
– Дорогобужцы – жители города Дорогобужа на реке Горыни, притоке реки Припять на Волыни. Какой имеется в виду исторический факт – неизвестно.

¹¹⁰⁵ - Рядович – зависимый человек по ряду-договору, сохраняющий частично права лично свободного. Есть мнения о содержании понятия рядович как рядовой или холоп, но они не представляются доказанными.

¹¹⁰⁶ - Смерд – в данной статье имеется в виду человек, относящийся к феодально зависимому сельскому населению, частично сохраняющему права лично свободного. В социальную категорию смердов входило также лично свободное сельское население. Широкое по содержанию понятие смерды было заменено на Руси XIV–XV вв. новым – крестьяне. Среди многочисленных других мнений преобладают гипотезы о смердах как только о свободном или только зависимом населении, но эти мнения представляются менее обоснованными.

¹¹⁰⁷ - Холоп – лично зависимый человек, социально-экономический и правовой статус которого определялся холопством, особой формой личной крепости при феодальном строе. В литературе широко распространено мнение, что холопы – это рабы.

¹¹⁰⁸ - Роба – лексический атавизм, относящийся лишь к лично зависимым женского пола. К мужчинам такой формы зависимости относилось лишь слово холоп. Термин раб использовался в Древней Руси лишь в церковно-славянской лексике. Такое изживание основного понятия, относящегося к патриархальному рабству, подчеркиваемое словом роба, свидетельствует об отражении в социальной лексике смены древних отношений патриархального рабства новыми – феодальными.

¹¹⁰⁹ - Кормилец – дядька-воспитатель.

¹¹¹⁰ - ...или ихъ будетъ 18... – В ст. 40 КП количество соучастников названо 10. На этом основании еще И. Ф. Г. Эверс обоснованно предположил, что вместо буквенного обозначения числительного «и і», то есть 18, надо читать «и і» – то есть «и 10». Ошибка появилась в результате подведения буквы И под титло, вследствие чего она стала читаться как цифра 8. Число 10 является общим обозначением множественности. Позднее в ст. 41 ПП эта цифра была заменена соответствующим описательным выражением: «будетъ ли ихъ много».

¹¹¹¹ - Борть – улей в дупле или колоде.

¹¹¹² - Емец – вероятно, название административно-судебной должности, исполнение которой заключалось во взимании податей и судебных штрафов. Текст статьи, видимо, испорчен, поскольку из гривны выплатить князю штраф в три гривны невозможно. Наиболее обоснован расчет В. Л. Янина, который исходит из симметричности конструкции обеих частей ст. 41 КП. Продажа состояла в обоих случаях из штрафа в пользу князя и десятины. Десятина была равна $\frac{1}{5}$ княжеской доли и $\frac{1}{6}$ продажи. Штрафы в пользу мечника и емца выплачивались сверх продажи. По мнению В. Л. Янина, расчет штрафов, взимаемых мечником, исходил не из одной гривны, а из 90 кун, тогда как указание одной куны мечнику тоже ошибочно – первоначальной цифрой в протографе была 21 гривна (Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде. – Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 144–145).

¹¹¹³ - ...вирнику 60 гривенъ... – В тексте, вероятно, описка; в аналогичной ст. 9 ПП вирнику указана выплата в 8 гривен. Вирник – сборщик виры.

¹¹¹⁴ - Мостник – строитель мостов и мостовых.

¹¹¹⁵ - ...от городници... – Городня – секция настила моста, мостовой, секция конструкции вала, городской стены.

¹¹¹⁶ - Суд Ярославль Володимѣричь. Правда Русьская. – Содержание заголовка раскрывает отношение древнерусских правоведов к Краткой редакции Русской Правды при составлении Пространной редакции в первой четверти или

первой трети XII в. Они воспринимали текст Домениального устава, или так называемой Правды Ярославичей относящимся к законодательной деятельности Ярослава Мудрого в той же мере, что и Правду Ярослава, или Древнейшую Правду. Об этом свидетельствует содержание ст. 1 ПП, где сведены нормы ст. 1 КП и ст. 19 КП, относящейся в сохранившемся тексте КП к так называемой Правде Ярославичей. Ст. 2 ПП подтверждает такое понимание заголовка. В ней конкретно указывается содержание совместного законодательства Ярославичей – отмена кровной мести. Все остальное законодательство отнесено к Ярославу, более того – Ярославичи его подтвердили: «...а ино все, яко же Ярославъ судиль, такоже и сынове его уставиша». Эта же ограниченная по содержанию правовая реформа Ярославичей названа и в ст. 65 ПП, где к их закону отнесено запрещение убивать холопа, ударившего свободного человека, в отличие от законодательства Ярослава, разрешавшего убийство за это преступление.

¹¹¹⁷ - ...любо братучадо, ли братню сынови... – Указание в перечне лиц, имеющих право на кровную месть, сына брата, который заменил сына сестры, указанного в ст. 1 КП, свидетельствует о реформе по ограничению кровной мести в великое княжение Ярослава Мудрого (в самостоятельное княжение Ярославичей кровная месть была полностью заменена денежным выкупом). Сын сестры находился в чужом кровно-родственном коллективе. Поэтому его исключение из числа мстителей еще более ограничивало круг кровных родственников, имевших право мстить. Но указание в ст. 1 ПП сына брата привело к ограничению значения ранее использованного в ст. 1 широкого понятия братучадо, сузив его значение до двоюродный брат, или к появлению частичной тавтологии при сохранении прежнего значения (см. коммент. к ст. 1 ПП).

¹¹¹⁸ - Дикая вира – коллективная выплата виры за чужую вину.

¹¹¹⁹ - Уборок – мера сыпучих тел.

¹¹²⁰ - Голважня – единица измерения соли, возможно, в виде слитка, «головы».

¹¹²¹ - Перекладная – возможно, подать вирнику до окончания дела, в некоторых списках XIV в. эта пошлина осмысливается как прикладная, то есть добавленная к 8 гривнам.

¹¹²² - Ссадная гривна – подать вирнику при его въезде в общину (за сход с коня) (в комментариях к ст. 9 ПП использованы наблюдения А. А. Зимина, М. Н. Тихомирова, Я. Н. Щапова).

¹¹²³ - А за смердии холопъ... – В списках ПП «А за смердии холопъ», поэтому в литературе широко распространено буквальное понимание этих слов – холоп смерда, сельский (холоп, работающий на земле) или пашенный холоп. Однако мнение о существовании холопов у смердов, а также о подобных значениях слова смердий, источниками не подтверждается. Между тем, на основании текстуального анализа В. П. Любимов показал в ст. 26 КП и ст. 16 ПП первоначальное равное указание смердов и холопов как двух социальных категорий (Любимов В. П. Смерд и холоп. – Исторические записки, 1941, т. 10). Поэтому в полной мере обосновано предположение Б. А. Романова о появлении чтения «А за смердии холоп» как «давно укоренившейся описке» (Русская Правда: Учебное пособие. М.–Л., 1940, с. 59), а в новейшей литературе правомерно раздельное чтение смерд и холоп в ст. 16 ПП (работы И. И. Смирнова, Б. А. Рыбакова, Я. Н. Щапова и других).

¹¹²⁴ - ...от виры помочьнаго 9. – Интерпретация этих слов существенно различается в результате разночтения помечнаго в Троицком I списке. Отсюда их толкование как указание пошлины мечнику. Однако в рукописях более широко распространено чтение помочного и производные от него варианты. В отличие от единичного чтения помечнаго пошлина помочное упоминается вторично ст. 107 ПП. Поэтому данное понимание текста широко распространено в литературе.

¹¹²⁵ - Железо – судебное испытание раскаленным железом, ордалия, «Божий суд».

¹¹²⁶ - Полгривны золота – приблизительно, 5 гривен серебра, 20 гривен кун.

¹¹²⁷ - Вода – судебное испытание посредством погружения в воду, ордалия, «Божий суд».

¹¹²⁸ - ...или нос утнеть... – Данное чтение в Пушкинской и Карамзинской группах списков было, видимо, древнейшим и составляло часть нормы, тогда как чтение не утнеть в Синодально-Троицкой группе лишено смысла (такое толкование продолжает наблюдения Б. А. Романова, А. А. Зимина, М. Н. Тихомирова).

¹¹²⁹ - ...а за коровиемолоко 6 ногать... – В. Г. Гейман отметил, что здесь имеется в виду наказание за многократный тайный надой коров, а не разовый удой и не дойная корова, как считали предшественники, что было бы слишком большим наказанием в первом случае и слишком малым во втором (Правда Русская, т. II, М.–Л., 1947, с. 401).

¹¹³⁰ - ...въ треть... – Как показал В. О. Ключевский, третнй рез представлял собой 50% – из двух частей (50%–50%) – третья часть (Ключевский В. О. Сочинения, т. I, М., 1956, с. 248).

¹¹³¹ - Уставъ Владимѣрь Всеволодича. – Владимир Всеволодович Мономах, сын Всеволода Ярославича, во время восстания 1113 г. в Киеве после смерти Святополка Изяславича, который недостаточно сдерживал ростовщичество, был приглашен на киевское княжение. Чтобы погасить восстание, Владимир Мономах сразу же ограничил ростовщические проценты. Решение это было принято совместно с узким кругом представителей южнорусской знати.

¹¹³² - Святополк – Святополк Изяславич (1050–1113), сын Изяслава Ярославича, князь полоцкий, новгородский, туровский, великий князь киевский с 1093 г.

¹¹³³ - Берестово – пригородное великокняжеское село под Киевом (ныне находится в пределах городской черты Киева), где в XI–XII вв., возможно, и ранее находился великокняжеский дворец.

¹¹³⁴ - Ратибор – княжий муж Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. В 1079–1081 гг. являлся посадником в Тмутаракани, в 1095 г. находился в Переяславле, где княжил Владимир Мономах, в 1100 г. участвовал в съезде в Уветичах

как доверенное лицо Владимира Мономаха. Видимо, сразу при вокняжении в Киеве Владимир Всеволодович назначил его киевским тысяцким.

¹¹³⁵ - Прокопий – сведений о нем нет.

¹¹³⁶ - Станислав – Станислав Добрый Тудкович (Тукович), в 1136 г. находился в числе киевских бояр, которые были убиты в результате княжеских распрей. Тогда он служил великому киевскому князю Ярополку Владимировичу, сыну Владимира Мономаха. В 1113 г. Станислав являлся переяславским тысяцким. Он был сыном Туки, княжого мужа Изяслава, а позднее Всеволода Ярославичей, брата Чудина, который участвовал в законодательной деятельности Ярославичей.

¹¹³⁷ - Нажир – сведений о нем нет.

¹¹³⁸ - Мирослав – сведений о нем нет. Это имя было широко распространено на Руси. Поэтому его идентификация с одним из бояр Мирославов, упоминаемых в 30–40-е годы XII в., была бы мало обоснованной.

¹¹³⁹ - Иванко Чудинович – сын Чудина, киевского боярина и княжого мужа Изяслава Ярославича (см. коммент. к с. 492), двоюродный брат переяславского тысяцкого Станислава Доброго Тудковича. Поскольку в ПП он назван княжим мужем Олега Святославича, можно предположить, что его отец Чудин остался в Киеве после изгнания Изяслава и стал служить Святославу Ярославичу в его великое княжение, а его сын Иван продолжал эту службу у Олега Святославича.

¹¹⁴⁰ - Олег – Олег Святославич (?–1115), сын Святослава Ярославича, князь владимири-волынский, черниговский, тмутараканский, муромский.

¹¹⁴¹ - Устав... до третьяго рѣза... – Существенное значение для понимания нормативного состава и литературного содержания имеет определение статей Устава Владимира Мономаха о резах. Объективный критерий в определении его нормативного состава заключается в композиции текста ПП. Устав Мономаха завершает предшествующий по времени комплекс норм о резах-процентах, ст. 50–52, в качестве нового закона. Но весь этот комплекс норм при кодификации ПП

неудачно расчленил целостный комплекс норм о долговых операциях (ст. 47–49, 54:55). Поэтому верными представляются мнения о принадлежности к Уставу, изданному в 1113 г., только ст. 53 и сомнение в принадлежности к нему ст. 54, 55. (Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 128–136).

¹¹⁴² - Закуп – лично свободный сельский житель, владелец собственного хозяйства, который попадал в зависимость через купу (прежде всего деньги, видимо, под проценты). Купу он отработывал в хозяйстве господина при определенных формах внеэкономического принуждения.

¹¹⁴³ - ...воискии конь... – В Археографическом II списке воиньский, в двух списках Карамзинской группы – своиisky. Учитывая эти разночтения, мнения исследователей значительно различаются в понимании значения этих слов. Но каждое из толкований остается уязвимым для критики. При понимании воинский неясна возможность употребления кавалерийских лошадей на пашне, да и само разделение лошадей на кавалерийских и пристяжных, как отмечал В. И. Сергеевич, для этого времени сомнительно. Своиски в значении свой, господина также сомнительно, поскольку неясно, почему при его гибели закуп не платит, тогда как за гибель значительно более дешевых плуга и бороны он платит. Если своиisky – конь закупа, то при его утрате закуп со всей очевидностью платить не должен. Однако понимание текста как указания на то, что за купу платить господину не надо, если он погубит своего коня во время работы на господина, также лишено смысла. Поэтому реальное содержание нормы раскрывается, как представляется, только в том случае, если допустить, что пашенный закуп губит своего коня, а господин ему не платит, и в этом выражается неправомерное, зависимое положение закупа.

¹¹⁴⁴ - Отарица – личная собственность закупа, включая землю.

¹¹⁴⁵ - Наймит – в данном случае применение этого термина по отношению к за купу раскрывает содержание купы как денежного долга под проценты. Слово найм (новгородская диалектная форма намы) означал в XI–XII вв. проценты.

Понятие наймит использовалось также для обозначения людей, работающих по свободному найму.

¹¹⁴⁶ - Наклады – дополнительные к 12 гривнам натуральные и денежные пошлины. При взимании 12-гривенной продажи отрок получал еще пошлину в 2 гривны и 20 кун. Это – одна пятая часть от продажи. В таком размере проявилась регламентация данной пошлины: равно как и в соответствии со ст. 9 ПП вирник получал дополнительную пошлину в 1 /5 часть виры.

¹¹⁴⁷ - Отрок – в данном случае это слово относится к административным лицам на разных социальных уровнях: отрок – член княжеской дружины, княжеского судебного аппарата, княжеский слуга, помощник судебного исполнителя, слуга княжеского служилого человека.

¹¹⁴⁸ - Перекладное – возможно, по мнению М. Н. Тихомирова, подать судебному чиннику за окончание дела.

¹¹⁴⁹ - Мех – находки в Новгороде пломбирующих устройств – цилиндров – позволили В. Л. Янину высказать убедительное предположение, согласно которому в ст. 74 ПП речь идет о мешке, где складывались денежные доходы (Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде. – Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 142–146). Поэтому основанием для дополнительного податного обложения могла быть транспортировка взимаемых денег.

¹¹⁵⁰ - Аже пчелы выдереть... то 5 кунъ. – Содержание ст. 76 недостаточно ясно. А. А. Зимин приводит мнение научного сотрудника Института пчеловодства П. М. Комарова, согласно которому выражение пчелы не лажены означает, что пчелы не подготовлены на зимовку и вор похитил кормовой и «товарный» мед, Олекъ.– Хозяин взял «товарный» мед, а вор очистил борть до потолка (олек), похитив лишь кормовой мед. М. Н. Тихомиров привел известие (1533 г.) из Литовской метрики, откуда следует, что пчелы не лажены – ульи, за которыми не лазили, чтобы вынуть соты, тогда как олек – улей, в котором сидят молодые пчелы, еще не наносившие меду (Памятники

русского права, вып. I, М., 1952, с. 103; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды, М., 1953, с. 103).

¹¹⁵¹ - Не будет ли татя... ни татбы. – До классификации В. П. Любимовым списков Русской Правды исследователи предпочитали ясное по содержанию чтение поздних списков, Мусин-Пушкинского, Рогожского (Лаптевского) и Карамзинского, «аже будет слѣдъ», поскольку текст оказывался легким для понимания: если след приведет к селу или торговому стану, а их жители или хозяева не отведут от себя следа, то... Если признать достоверность чтения Троицкого и других списков, то анализ текста значительно усложнится (Г. Е. Кочин, А. А. Зимин), но более ясным он не становится. Учитывая, что в Троицком I списке (как и в других) имеются явно ошибочные чтения, можно считать и данное чтение аже не будет слѣда ошибочным. Недоумения и искусственные толкования при этом отпадут, а текст приобретет целостный и ясный смысл.

¹¹⁵² - Набойная ладьа – ладьа с набоями, досками, прибитыми для возвышения бортов.

¹¹⁵³ - Детский – в данном случае младший дружинник, исполняющий судебные функции.

¹¹⁵⁴ - Аже смердъ умереть, то задница князю... – Норма статьи исходит из того, что смерд умирает, не имея прямого наследника сына.

¹¹⁵⁵ - Городня – звено городской ограды венчатой конструкции. Лукно, уборок – меры сыпучих тел, ныне точно не устанавливаемые.

¹¹⁵⁶ - ...привяжеть ключь к собѣ без ряду...– Обрядовая процедура, имеющая юридическое значение: привязывание (к поясу?) ключа при поступлении в тиуны без особого договора о сохранении свободы превращала человека в холопы. Такая форма похолопления была добровольной, но социально-экономически детерминированной. Взамен утраченной свободы она предоставляла права управления и более стабильное общественное положение в господском хозяйстве.

¹¹⁵⁷ - Дача – то, что дается господином на определенных условиях.

¹¹⁵⁸ - ...поклѣпаеть – Буквы, выделенные курсивом, восстановлены по смыслу.

¹¹⁵⁹ - ...мъною... городъ... могу... – Слова за мъною повторены автором по ошибке.

¹¹⁶⁰ - ...е ли у него роба? – Возможен перевод: у него ли рабыня?

¹¹⁶¹ - ...коне купивъ... – Возможен перевод: коней купив.

¹¹⁶² - Грамота... Присълите... – Выделенные в тексте курсивом буквы восстановлены по смыслу.

¹¹⁶³ - ...восоли отроко (посылай судебного исполнителя). – Следует понимать как сарказм.

¹¹⁶⁴ - А не сестра я вамо... – Формула клятвы или угрозы, восходящая, по-видимому, к языческой формуле отречения от своего рода.

¹¹⁶⁵ - ...во три колотокъ вокуе; то ти 4 золотъникъ во кольцо тию. – Колтки – женские украшения (часто из золота) в виде полых подвесок, прикреплявшихся к головному убору; их внутренность обычно заполнялась благовониями. Золотник – мера веса (ок. 4,25 г). Нежка заказала своему брату Завиду выковать для нее три колтка из двух колец.

¹¹⁶⁶ - Добромъ – в ориг. дбромъ (описка).

¹¹⁶⁷ - ...братом... – Возможен перевод: с обоими братьями.

¹¹⁶⁸ - ...возывахо тя състрою нвъѣстокою. – Возможен перевод: вызывал я тебя через сестру-молодицу.

¹¹⁶⁹ - Сыну, на тя, свободнъ – в ориг. суну, н тя, свбонъ, исправлено по смыслу.

¹¹⁷⁰ - 6 десято – Выделенные курсивом буквы восстановлены по смыслу.

¹¹⁷¹ - ...ида на судо... – перед смертью. Суд как одно из обозначений смерти неоднократно встречается в древнерусской литературе.

¹¹⁷² - Прижь – значение слова пока не установлено.

¹¹⁷³ - ...приедю... – вероятно, описка; следует: приеду.

¹¹⁷⁴ - Ото... али – в ориг. отто, ааи – описки. Не исключенатакже описка в имени адресата.

¹¹⁷⁵ - Кучъкъву.– Кучков – первоначальное название Москвы. Таким образом, данная грамота является самым древним дошедшим до нас письменным документом, где упоминается Москва.

¹¹⁷⁶ - Ото... али – в ориг. отто, ааи – описки. Не исключена также описка в имени адресата.

¹¹⁷⁷ - ...хътя жьдати али ти нь хътя жьдати... – В принципе возможен также другой вариант: захочу ли я ждать или нет.

¹¹⁷⁸ - Своимъ – в ориг. свомъ (описка).

¹¹⁷⁹ - Русь... – Слово означает здесь Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли. Судя по слову «приходил» (а не «ходил»), грамота пришла в Новгород из «Руси».

¹¹⁸⁰ - отопусти – буква восстановлена по смыслу.

¹¹⁸¹ - ...полубуивъ... – Значение слова пока не установлено. Перевод «дурковатый» основан на существовании слова буивъ (глупый, буйный); но возможно также, что полубуивъ было каким-то техническим термином коневодства.

¹¹⁸² - Сътворя добръ – этикетная формула книжного происхождения, восходящая, как показал Н. А. Мещерский, к греческой эпистолярной традиции.

¹¹⁸³ - Берковец – мера веса (10 пудов).

¹¹⁸⁴ - Пецалуюся – в оригинале пцалуся, исправлено по смыслу.

¹¹⁸⁵ - Посълала – в оригинале послаяля, исправлено по смыслу.

¹¹⁸⁶ - ...посълъ... – вероятно, соленую рыбу.

¹¹⁸⁷ - Покланяние, Варъваре – в оригинале покланяние, Варъвре, исправлено по смыслу.

¹¹⁸⁸ - Хоць – в оригинале хоцьъ, исправлено по смыслу.

¹¹⁸⁹ - ...крьвоши (ь вместо ожидаемого и) – возникло так: Янка сперва написала крьни (купи), а затем решила исправить это на кривоши (купивши) и заменила ни на воши; но ь в крь остался.

¹¹⁹⁰ - Избивъ руки... – в знак новой помолвки.

¹¹⁹¹ - ...добрѣ сътворя – этикетная формула книжного происхождения, восходящая, как показал Н. А. Мещерский, к греческой эпистолярной традиции.

¹¹⁹² - ...тобе не сестра, а мужеве не жена! – Клятва, восходящая к языческой формуле отречения от своего рода, ср. аналогичную формулу в грамоте № 644.

¹¹⁹³ - ...людьми... – Возможен перевод: через людей.

¹¹⁹⁴ - ...наделиле, а нынебыхо посолале. – То есть: выделил ей в «надел» какое-то имущество и готов ей «наделок» выслать.

¹¹⁹⁵ - ...присоли сыно... – В оригинале присоли соно, исправлено по смыслу.

¹¹⁹⁶ - ...посолю ю... – Вероятно, описка (вместо посолю и).

¹¹⁹⁷ - 3 капи – в оригинале 3 пи, исправлено по смыслу. Капь – мера веса (около 2 1/2 пудов).

¹¹⁹⁸ - безмен – мера веса (около 2 1/2 фунтов).

¹¹⁹⁹ - ...полотенца... цереленая – по-видимому, листы красной меди.

¹²⁰⁰ - ...водати – и восстановлено по смыслу.

¹²⁰¹ - ...толико вода пити... – .